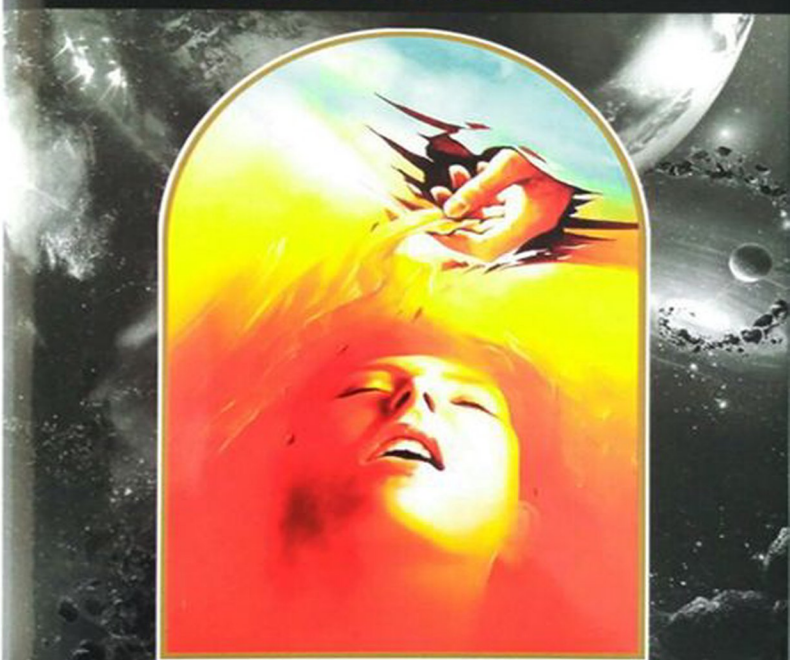
Майкл

МУРКОК



Край Времени

Край Времени (сборник)
Майкл Муркок

Аннотация
Майкл Муркок. Край Времени
Танцоры на краю времени
  Пролог
  Чуждое тепло
    Глава первая. Беседа с Железной Орхидеей
    Глава вторая. Журфикс герцога Квинского
    Глава третья. Гость, не сумевший развлечь
    Глава четвертая. Джерек задумывает новое жеманство
    Глава пятая. Питомник времени и пространства
    Глава шестая. Приятная встреча: Железная Орхидея придумывает план
    Глава седьмая. Украсть пришельца
    Глава восьмая. Обещание миссис Амелии Ундервуд
    Глава девятая. Немного идиллии, немного трагедии
    Глава десятая. Выполнение сокровенного желания
    Глава одиннадцатая. Поиски Бромли

Глава двенадцатая. Удивительные появления и исчезновения нюхальщика Вайна
Глава тринадцатая. Дорога на виселицу: старые друзья в новом обличьи
Глава четырнадцатая. Последующая беседа с Железной Орхидеей
Пустые земли
Глава первая,. в которой Джерек Карнелиан продолжает любить
Глава вторая. Игра в кораблики
Глава третья. Проситель при дворе Времени
Глава четвертая. К теплым снежным горам
Глава пятая. На охоте
Глава шестая. Музыканты-разбойники
Глава седьмая. Конфликт иллюзий
Глава восьмая. Дети Ямы
Глава девятая. Нянино чувство долга
Глава десятая. Снова на дороге в Бромли
Глава одиннадцатая. Беседы о машинах времени и на другие темы
Глава двенадцатая. Ужасная дилемма миссис Амелии Ундервуд
Глава тринадцатая. Странные события в Бромли одной ночью в лето 1896 года
Глава четырнадцатая. Нехватка машин времени

Глава пятнадцатая. Путь в столицу
Глава шестнадцатая. Загадочный мистер Джексон
Глава семнадцатая. Особенно памятная ночь в кафе «Роял»
Глава восемнадцатая. Наконец, к машине времени
Глава девятнадцатая. в которой Джерек Карнелиан и миссис Амелия Ундервуд обсуждают определенные моральные проблемы
Конец всех песен
Глава первая. в которой Джерек Карнелиан и миссис Амелия Ундервуд общаются в некоторой степени с природой
Глава вторая. в которой инспектор Спрингер вкушает прелести простой жизни
Глава третья. Чай в позднем девонском периоде
Глава четвертая. Новый поиск — по следу корзины
Глава пятая. В центре времени
Глава шестая. Беседы и решения
Глава седьмая. На пути к концу времени
Глава восьмая. Все путешественники вернулись. Праздник
Глава девятая. Прошлому отдано предпочте-

ние, будущее подтверждено

Глава десятая,. в которой Железная Орхидея не совсем в себе

Глава одиннадцатая. Несколько спокойных моментов в питомнике

Глава двенадцатая,. в которой Лорд Монгров напоминает нам о неизбежной катастрофе

Глава тринадцатая. Честь Ундервуда

Глава четырнадцатая. Различные страхи, много сутолоки, поспешная экскурсия

Глава пятнадцатая,. в которой Джерек Карнелиан и миссис Ундервуд находят убежище, а мистер Ундервуд — нового друга

Глава шестнадцатая. Череп под краской

Глава семнадцатая. Некоторая путаница, касающаяся природы катастрофы

Глава восемнадцатая,. в которой открывается правда и намечаются определенные отношения

Глава девятнадцатая,. в которой излагаются различные мнения, и отношения развиваются дальше

Глава двадцатая,. в которой Лорд Джеггед Канари выказывает правдивость, которой избегал раньше

Глава двадцать первая. Вопрос позиции

Глава двадцать вторая. Изобретения и вос-

крешения
Глава двадцать третья. Амелия Ундервуд преображается
Глава двадцать четвертая. Видения в городе
Глава двадцать пятая. Призыв долга
Глава двадцать шестая. Свадебные колокола в конце времени
Глава двадцать седьмая. Беседы и результаты
Комментарии
Сказания Края Времени
Бледные розы
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Вертер пребывает в безутешной печали
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой автор пускается в пояснения
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Вертер встречает родственную душу
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Вертер познает грех
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Вертер искупает свой грех
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Вертер находит утешение
Белые звезды
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Пояснения автора
ГЛАВА ВТОРАЯ. Прогулка по черному конти-

ненту
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Несколько слов о Лорде Кархародоне
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой на краю времени появляются нежелательные пришельцы
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой герцог Квинский ищет инструктора
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Развлечения на старинный манер
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Условия дуэли
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Вопрос чести
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Переговоры
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Дуэль
Древние тени
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА КРАЮ ВРЕМЕНИ
ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЫЛАЗКА
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛАНЧ НА КРАЮ ВРЕМЕНИ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОЯСНЕНИЯ АВТОРА
ГЛАВА ПЯТАЯ,. В КОТОРОЙ СНАФЛЗ ОБРЕТАЕТ ПОДРУГУ
ГЛАВА ШЕСТАЯ,. В КОТОРОЙ ДАФНИШ АРМАТЬЮС НАСЛАЖДАЕТСЯ НЕДОЛГОЙ СВОБОДОЙ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ,. В КОТОРОЙ СНАФЛЗ СТАНОВИТСЯ МАРКГРАФОМ ВУЛВЕРГЕМПТОНОМ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМАТЬЮС
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,. В КОТОРОЙ МИСС МИНГ ПОЖИНАЕТ ПЛОДЫ
Вечный огонь
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой автор выражает признательность своим информаторам
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой мисс Минг, как обычно, чувствует себя не в своей тарелке
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой мисс Минг так и не обретает желанного утешения
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мисс Минг испытывает новое разочарование
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой разворачивается настоящая драма
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Иммануил Блюм объявляет себя мессией
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой доктор Волоспион предлагает мистеру Блюму гостеприимство
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой мисс Минг проявляет прежнюю неприступность
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Огненный Шут приступает к спасению человечества
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Огненный Шут продолжает бесчинствовать
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой доктор

Волоспион и Огненный Шут вступают в переговоры
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион знакомит Огненного Шута со своими коллекциями
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион просит мисс Минг о помощи
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Мэвис Минг предоставляется возможность загладить свою вину
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой мисс Минг отправляется на поиски чудодейственной чаши
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион принимает поздравления по случаю приобретения чудодейственной чаши
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой мисс Минг обретает второе рождение
Элрик на Краю Времени
Глава первая,. в которой миссис Уна Персон отправляется на Край Времени
Глава вторая,. в которой Элрик Мелнибонэйский оказывается на Краю Времени
Глава третья,. в которой Уна Персон спасает от гибели незнакомца
Глава четвертая,. в которой Элрик Мелнибонэйский попадает в таинственную пещеру

Глава пятая,. в которой Вертер де Гете знакомится с собратом по духу

Глава шестая,. в которой Элрик Мелнибонэйский рассуждает о происках владык хаоса

Глава седьмая,. в которой Уна Персон разыскивает лорда Джеггеда Канари

Глава восьмая,. в которой Элрик Мелнибонэйский обретает товарищей по оружию

Глава девятая,. в которой Уна Персон наконец встречается с лордом Джеггедом Канари

Глава десятая,. в которой Элрик Мелнибонэйский сражается с демонами и вампирами

Глава одиннадцатая,. в которой Уна Персон наблюдает за возмущениями в структурах времени и пространства

Глава двенадцатая,. в которой появляется Ариох

Глава тринадцатая,. в которой Уна Персон обретает спокойствие

Глава четырнадцатая,. в которой Элрик отправляется в Мелнибонэ

Глава пятнадцатая,. в которой сержант Альварес подводит итоги

Аннотация

Цикл «Край Времени» в одном томе.

Майкл Муркок
Край Времени

Танцоры на краю времени

Пролог

Дни Вселенной были сочтены, и род человеческий, оказавшись на Краю Времени, принялся беспечно транжирить наследство, завещанное заботливыми праотцами. Обладатели колоссального капитала превратились в лицедеев на подмостках угасающей планеты. Пленники причудливых фантазий и нелепых прихотей, люди жаждали творить прекрасные уродства. Да и что им оставалось делать!

Накопленные миллиардами лет ресурсы пускались на ветер с шокирующей экстравагантностью, способной привести в смятение умы рачительных пращуров. В прежние века чудовищная расточительность беззаботных потомков создала бы им недобрую славу растленных декадентов. Но даже если обитатели закатного будущего не сознавали, что живут в Конце Времени, некая интуиция лишала их интереса ко всякого рода идеалам и убеждениям, предотвращая конфликты, из подобных вещей произрастающие. Они предавались эстетике парадокса, исповедуя и воспевая лишь одну философию — философию чувственности. Каноны

суровой морали давно канули в Лету, предоставив человеку полную свободу. Неискушенные, они любили, не ведая страсти, соперничали, не ведая ревности, враждовали, не ведая ярости. Замыслы, часто грандиозные и неподражаемые, воплощались без одержимости и забывались без сожаления людьми не ведавшими страха смерти, потому что смерть была редка и жизнь могла оборваться только тогда, когда умрет сама Земля.

Эта история о всепоглощающей высокой страсти, овладевшей одним из лицедеев к его собственному удивлению. Именно поэтому мы решили поведать ее, вероятно, последнюю в анналах рода человеческого, ненамного отличающуюся от той, что принято считать первой.

Что дальше? История Джерека Карнелиана, несведущего в тонкостях морали, и миссис Амелии Ундервуд, неукоснительно следующей ей.

Чуждое тепло

Нику Тернеру, Дэйву Бруку, Бобу Волверту Ликмину, Долу Хиттмеру, Терри Оллису, Саймону Кингу, и Лемми из рок-группы «Хоквинд»
Пускай вокруг сугробы намело
Но не поблекнет свежесть пышных роз
Им не страшны метели и мороз:
В оранжерее толстое стекло
И лучше солнца чуждое тепло.

Теодор Братислав «Оранжерейные цветы», 1896 г.

Глава первая
Беседа с Железной Орхидеей

Разузоренные в тончайшие оттенки светло-кофейного, Железная Орхидея и ее сын возлежали на кремовом пляже из размолотой кости. Поодаль мерцало и шелестело молочное море. Был полдень.

Между Железной Орхидеей и ее сыном, Джереком Карнелианом, покоились остатки ленча.

Блюда из слоновой кости были наполнены бледной рыбой, картофелем пастельных тонов, меренгами[1] и ванильным мороженым. В самом центре этого натюрморта в светлых тонах ярким мазком желтел лимон.

Железная Орхидея улыбнулась янтарными губами и, потянувшись за устрицей, поинтересовалась:

— Любовь моя, что значит «добродетельный»?

Ее совершенной формы рука, чуть припудренная золотом, на секунду замерла над устрицей, а затем отстранилась. Вместо этого она прикрыла ладонью легкий зевок.

Джерек вытянулся на мягких подушках. Его клонило ко сну от обильной трапезы, но он послушно ответил, поддерживая беседу:

— Я не совсем постиг значение этого слова. Ты ведь знаешь, самый экстазный из минералов, я изучал язык тех времен довольно прилежно и отыскал все уцелевшие рукописи. Мне нравится этот древний язык, хотя я до сих пор не улавливаю всех его тонкостей. В словаре я нашел, что «добродетельный» — это «поступающий по законам морали», «с нравственной прямотой»,

---

[1] notes: 1
Меренга — сухое белковое пирожное, напоминающее безе.

«добрый, справедливый, праведный». Но это ничего не объясняет.

Он взял устрицу. Позволил ей соскользнуть в рот. Устрицы были открытием Железной Орхидеи, и Джерек с восторгом принял ее предложение встретиться на пляже, дабы их отведать. Она сотворила немного шампанского, но оба решили, что шампанское им не по вкусу, и беззаботно вернули шипучий напиток в атомы, его составляющие.

— Во всяком случае, — продолжил Джерек, — мне хотелось бы испробовать чуть-чуть «добродетели». Судя по всему, сюда входит и «самоотречение», — заметив в ее глазах вопрос, он тут же добавил, — это означает «не делать ничего, доставляющее удовольствие».

— Но ведь абсолютно все, о мое бархатное тело, скрывающее кости из стали, способно доставлять удовольствие?

— Верно, в этом-то и заключается парадокс. Видишь ли, мама, древние делили свои ощущения на различные категории, некоторые из которых, похоже, приятными не находили. Или, напротив, считали их чересчур приятными, и оттого были недовольны. О, дражайшая Железная Орхидея, я вижу, что ты готова забыть все это. А я часто

прихожу в отчаяние, пытаясь разгадать загадку. Почему одна вещь считается достойной, а другая — нет? Но… — его красивые губы сложились в улыбку. — Рано или поздно, я решу проблему, — И он опустил отяжелевшие веки.

— О, Карнелиан!

Железная Орхидея тихо засмеялась и потянулась к нему через скатерть. Изящные руки скользнули под его свободные одежды, лаская молодое тело.

— О, мой дорогой! Какой ты сладкий! Как ты зрел и полон жизни! Джерек встал, перешагнул через скатерть, и подарил своей матери медленный поцелуй. А море вздохнуло.

* * *

Когда, все еще в объятиях друг друга, они очнулись от дремы, было утро, хотя ночь не наступала. Видно кто-то, удовольствия ради, менял ход времени.

Джерек заметил, что море стало рдяным, затем почти вишневым, и ужасно дисгармонировало с пляжем, а на горизонте скала и две пальмы исчезли. На их месте стояла серебряная пагода высотой этажей в двенадцать и сверкала в лучах утреннего солнца.

Джерек посмотрел налево и удовлетворенно отметил про себя, что его воздушная машина, выглядевшая как паровоз начала двадцатого века, но вполовину меньше, сделанная из золота, черного дерева, рубинов, все еще находится там, где они ее оставили. Он снова посмотрел на пагоду, и как раз в этот момент крылатая фигура поднялась с ее изогнутой крыши, и беспорядочно запорхала на восток.

— О, это Герцог Квинский со своими крыльями, — зевнула только что проснувшаяся Железная Орхидея.

Она поднялась.

— Он полагает, что эти крылья ему удались?

Железная Орхидея махнула рукой в сторону исчезнувшего Герцога.

— Прощай, играющий в старые игры!

Она бросила взгляд на остатки ленча и поморщилась.

— Нужно это убрать!

Легким движением Кольца на левой руке Орхидея испарила объедки и проводила взглядом облачко пыли, которое унес прочь легкий ветерок.

— Ты собираешься посетить журфикс Герцога?

Она подняла изящную руку, отяжеленную

коричневой парчой, и потрогала кончиками пальцев чело сына.

— Наверное, — Джерек распылил подушки. — Герцог Квинский мне симпатичен.

Слегка надув губы, Джерек оценивающе посмотрел на рдяное море.

— Хотя ему и недостает чувства цвета.

Он повернулся и направился по измельченной кости к своему воздушному ландо. Подойдя к локомотиву, Джерек забрался в кабину.

— Начинается посадка, моя сладкая Железная Орхидея!

Она засмеялась и протянула ему руки. Джерек с подножки схватил ее за талию и поднял в кабину.

— Отправление в Пасадену!

Он потянул паровозный свисток.

— Пересадка в Буффало!

Послушный звуковому сигналу, маленький локомотив величаво поднялся в воздух и, попыхивая белым паром из трубы, поплыл над землей.

— В Расине, штат Вирджиния, ему забили баки! — пел Джерек Карнелиан, надевая фуражку машиниста из золотой и алой ткани, — поддайка, парень, пару, забудь свои ты враки! С таким

старьем как это, и с веком ты не в ногу. Тебе, приятель, место на Нептукской дороге!

Орхидея расположилась на сидении из бархата и меха горностая и развлекалась, наблюдая как ее за сын, открывает дверцу топки и кидает туда лопатой огромные черные алмазы, сделанные им специально для паровоза. Воздушная машина не нуждалась в топливе, но алмазы добавляли эстетизма к атмосфере забавы.

— И где ты находишь эти древние песенки о, Карнелиан, сын мой?

— Мне попался тайник с «пластинками», — ответил он ей, вытирая с лица пот честного труда шелковой ветошкой.

Внизу быстро промелькнуло море и горный хребет.

— Способ «звукозаписи» относится к тому же периоду, что и мой локомотив. По меньшей мере, им миллион лет, хотя кое-что наводит на мысль о том, что они сами являются копиями других оригиналов. Хорошо, что поколение их владельцев сохранили эти черные диски в безупречном состоянии.

Захлопнув дверцу топки и отбросив платиновую лопату, Джерек присоединился к матери на сидении и принялся рассматривать проплыва-

ющую внизу причудливую местность, которую Миссис Кристия, Неистощимая Наложница, начала строить давным-давно, да так и не закончила.

Пейзаж и впрямь не отличался элегантностью. А, точнее говоря, был изрядно подпорчен. На две трети построенный холм в манере арийских ландшафтов 91 столетия, был увенчан змеедревом Сатурийского фасона.

Рядом с полоской реки периода Бенгальской империи высились готические руины 11 века. Можно было понять, почему она решила не заканчивать это творение, но Джереку казалось, что ей не мешало бы побеспокоиться рассеять эту нелепицу. Кто-нибудь, конечно, сделает это, рано или поздно. И он снова запел:

Котел раскочегарив,
Вином его залив,
Наш Кэрри Джон направил
Свой паровоз в Сент-Клиф.
И ветру не угнаться,
И пуле не догнать,
Без четверти двенадцать
Его там будут ждать.

Он повернулся к Железной Орхидее.

— Нравится? Качество записей оставляет желать лучшего, за подлинность текста я ручаюсь.

— Этим ты и занимался последний год? — она подняла красивые брови, — я слышала какие-то звуки, доносившиеся из твоих владений, — она засмеялась, — но признаться подумала, что этот шум связан с сексом, — она нахмурила брови, — или с животными, — и добавила с улыбкой, — или с тем и другим вместе.

Ландо, непрерывно гудя, стало снижаться по спирали по направлению к ранчо Джерека. Это было типичное строение девятнадцатого столетия, выполненное из пенопласта и соломы. Черепичная крыша веранды опиралась углами на фигуры деревянных индейцев высотой в сорок футов. В тюрбане каждого индейца имелась великолепная жемчужина двенадцати дюймов в поперечнике. Они были единственной экстравагантной деталью этого в остальном простого здания.

Локомотив приземлился на лужайке, и Джерек, чей интерес к древнему миру продолжался уже почти два года, подал руку Железной Орхидее, чтобы помочь выйти. Мгновение она колебалась, словно пыталась вспомнить, что должна делать. Затем, схватив его за руку, она спрыгнула на

землю с криком:

— Брависсимо!

Они вместе направились к дому. Окружающий ландшафт был сконструирован так, чтобы гармонировать с ранчо. Закат освещал пурпурным светом силуэты холмов, с черными соснами на вершинах. Невдалеке было пастбище со стадом бизонов. С промежутками в несколько дней из искусно скрытого отверстия в земле появлялась группа механических кавалеристов седьмого полка, которые орали, гикали и скакали кругами вокруг бизонов, пуская в воздух стрелы, а затем ловили животных и клеймили их. Бизоны были настоящие, а кавалеристы — механические, потому что Джереку не нравилось выращивать людей, ведь когда-никогда, придется распылять их.

— Закат очень мил, — похвалила Железная Орхидея, которая не была в гостях у сына довольно долго, — ты уверен, что солнце в древности действительно было таким огромным?

— Оно было еще больше, — уточнил Джерек. — Я скорее уменьшил его.

Она погладила его руку.

— Ты всегда знал чувство меры. И это прекрасно!

— Благодарю тебя.

* * *

Они поднялись по белой винтовой лестнице на веранду, вдыхая восхитительный запах магнолий, которые росли неподалеку. Подойдя к двери, Джерек нажал на рычаг, створки ее распахнулись, и они прошли в гостиную, занимавшую весь этаж. Другие восемь этажей были отданы кухням, спальням и кладовым. Орхидея остановилась около сложной кружевной безделушки, которую Джерек скопировал со старой голограммы и воспроизвел в стали и хроме. Вещица походила на огромное яйцо, стоявшее на одном конце, и касалась потолка.

— Что это, о, источник моей жизни? — спросила мать у сына.

— Космический корабль, — пояснил он. — Древние любили летать к Луне или отражать нашествия с Марса. Правда, в те дни марсиан там уже не было. Некоторые из писателей были склонны приукрасить свои творения, видимо для того, чтобы развлечь современников.

— Что заставляло их летать в космос! — поежилась Железная Орхидея.

Ее недоумение легко было понять, ведь человечество потеряло желание покидать Землю

столетия назад. Конечно, время от времени, эту старую планету посещали космические пришельцы, но чаще всего они оказывались скучными ребятами, которых обычно не задерживали долго, если только кому-то не приходила в голову идея оставить их в своей коллекции.

Вошел механический слуга и поклонился. Железная Орхидея протянула ему свою одежду (этому ее научил Джерек, объяснив, что таков обычай старого времени) и пошла к фикусовому дереву, чтобы отдохнуть под ним.

Джерек с удовольствием отмстил, что его мать снова сотворила себе груди, чтобы не выделяться из окружающей обстановки и соответствовать данному временному периоду. Слуга был одет в духе того же времени и носил длинное свободное пальто, кожаные ковбойские штаны и грубые башмаки. На голове его красовался котелок, а в зубах из нержавейки он держал несколько пеньковых трубок. По сигналу хозяина он укатил прочь.

Джерек сел рядом с Железной Орхидей и прислонился спиной к дереву.

— А теперь, милая Орхидея, поведай мне о своих увлечениях.

Глаза ее заблестели:

— Я делаю детей, дорогой. Сотнями! Тысячами! — она хихикнула, — и не могу остановиться. В основном ангелочков. Я соорудила им трубы, арфы, и составила самую сладчайшую музыку, какую ты когда-либо слышал. И они играют, надо отдать им должное…

— О, я хотел бы послушать!

— Какая жалость, что я не сообразила пригласить тебя на мой хор ангелов, — она искренне расстроилась, что не подумала о нем, ее единственном, любимом, сыне, — понимаешь, я сейчас делаю микроскопы. И сады, конечно, ведь нужно что-то рассматривать сквозь окуляры. А еще крошечных зверей. Возможно, я снова как-нибудь сделаю херувимов, и ты тогда их услышишь.

— Если я буду «добродетельным»… — начал он высокопарно.

— А, теперь я начинаю понимать значение этого слова. Это если ты имеешь желание сделать что-нибудь, но делаешь наоборот. Ты хочешь быть мужчиной, а становишься женщиной. Ты желаешь полететь куда-нибудь, и отправляешься под землю и тому подобное… Да, это великолепно! Пожалуй, ты создашь моду и через месяц — другой, кровь от крови моей, все станут добро-

детельными. И что мы тогда будем делать?

— Тогда можем стать «злыми» или «скромными», «ленивыми» или «бедными», или… я не знаю… «достойными». Имеются сотни таких слов.

— И ты научишь нас, как стать такими?

— Ну… — он нахмурился. — Мне потребуется немного времени, чтобы уточнить значение этих понятий.

— Мы все будем благодарны тебе. Вспомни, как ты научил нас Лунному Каннибализму. И Плаванию… И, как это… Флагам.

— Да, Флаги удались на славу, — расцвел Джерек, — особенно, когда Миледи Шарлотина сделала тот знаменитый флаг, который накрыл все западное полушарие. Помнишь? Металлическая ткань толщиной с крыло муравья. О, как мы смеялись, когда он упал на нас?

— Да, да! — она захлопала в ладоши от восторга, — потом Лорд Джеггед построил флаг и мачту, чтобы повесить его, а ты согнал облака и намочил всех дождем. Всех — всех, даже Монгрова. А Монгров закопался в подземный Ад, напичканный дьяволами и всем, чем положено. Адово пламя подожгло «Бункер-2» Хулио Гимидера, а Хулио так рассердился, что стал закидывать атомными

бомбами Ад Монгрова, не зная, что обеспечивает Монгрова как раз тем самым теплом, в котором тот нуждался.

Вспоминая, они смеялись от всей души.

— Неужели это было триста лет назад? — ностальгически сказал Джерек. Он сорвал лист с фикуса и задумчиво сунул в рот. На загорелый подбородок закапал голубой сок.

— Я иногда сожалею, — продолжил он, — что не в нашей власти менять ход вещей. И жизнь, поэтому, продолжается сама собой: одно событие приводит к другому без нашего ведома. Ад Монгрова, если ты помнишь, уничтожил весь мой зверинец, за исключением одного существа, которое сбежало и поломало добрую половину его дьяволов. А весь мой питомник погиб! По сути дела, из-за Гимидера. Или из-за Миледи Шарлотины. Ведь неизвестно, как все в мире связано между собой…

Он отбросил в сторону лист.

— Странно. С тех пор я не завожу питомника. А ведь все остальные имеют каких-нибудь зверюшек, даже ты, Железная Орхидея.

— Мой питомник скуден по сравнению с коллекцией Неистощимой Наложницы.

— У тебя есть три Наполеона[2], а у нее — ни одного.

— Верно, но, если честно, я совсем не уверена, что хотя бы один из них настоящий.

— Кто их разберет, — пожал плечами Джерек.

— А она имеет абсолютно подлинного Атиллу-Хана[3]. Но он такой скучный.

— Я думаю, что именно поэтому перестал собирать коллекцию, — сказал Джерек. — Подлинные образцы зачастую менее интересны, чем подделки.

— Обычно так и бывает, о плод моего лона, — она снова опустилась на траву под фикусом.

Последние слова были некоторым преувеличением. На самом-то деле в момент рождения Джерека мать его была мужчиной и совсем забыла про «плод своего лона», пока случайно, шесть месяцев спустя, не обнаружила младенца в инкубаторе. Естественное рождение почти не встречалось в те дни.

Возможно поэтому, Джерек чувствовал такой

---

[2] notes: 2

Наполеон Бонапарт (1769–1821) — французский император, правивший Францией с 1804 по 1815 год.

[3] notes: 3

Аттила (?—453) — предводитель Гуннов, при котором гуннские племена достигли наивысшего могущества. Возглавил несколько походов на Рим.

интерес к прошлому. Он знал, что многие из скитальцев во времени, и даже некоторые из космических путешественников, тоже когда-то были детьми. И вот почему он и ладил со всеми странными существами, жившими в разбросанных по планете питомниках.

Перег Трало, например, правил миром в 30-м столетии лишь оттого, что являлся последним человеком, рожденным из чрева женщины! А Клер Цирато, певица из 500-го столетия, появилась на свет, благодаря какому-то эксперименту, проведенному над ее матерью.

Джерек не жалел, что был ребенком. Его любили и баловали все друзья матери, которые с восхищением наблюдали, как он растет! Каждый завидовал ему, каждый завидовал Орхидее, хотя через некоторое время она явно устала от своей материнской роли и удалилась жить в горы.

Да, каждый завидовал ему, кроме Монгрова, который был лишен чувства зависти и Вертера де Гете, который тоже родился естественным путем, хотя и в результате эксперимента, отчего первоначально имел шесть рук. Лишние руки ему удалили, но Вертер с тех пор стал испытывать отвращение к изменению своего тела, хотя и не отказывал себе в новых членах или модной

голове.

Джерек заметил, что его мать снова задремала. Она засыпала всякий раз, стоило только прилечь на минуту. Это была привычка, которую она сама в себе воспитывала, ведь только во сне к ней приходили самые лучшие идеи. Джереку же почти не снились сны. По крайней мере, он так думал, иначе ему не пришлось бы искать древние документы, чтобы читать, смотреть или слушать их.

Несмотря на это, он был творцом творцом прошлого, даже если оригиналы, им сотворенные, не могли сравниться с шедеврами его матери или Герцога Квинского. Хотя Герцог Квинский, по мнению Джерека, не мог служить примером для подражания.

Джерек вспомнил, что они с Железной Орхидеей приглашены к Герцогу сегодня вечером. Он не бывал на приемах довольно давно и решил подумать о своем наряде.

Джерек не знал, что выбрать. Конечно, что-то из 19-го столетия, чтобы сохранять постоянство стиля. И никаких изысков!

«Все должно быть в меру прекрасным, — рассуждал он про себя, — и душа, и одежда и мысли. Стоит подумать и о чистых руках, горячем сердце, холодном разуме. Держи ноги в тепле, а голову

в холоде», — вспомнил он древний афоризм и остановил свой выбор на фраке и цилиндре.

С довольной улыбкой он решил, что выдержит весь костюм в уверенной комбинации светло-оранжевого и темно-голубого. С алой гвоздикой на горле.

Глава вторая
Журфикс[4] герцога Квинского

Несколько миллионов лет назад, а может и меньше (ведь время так трудно отсчитывать правильно) в легендарном Нью-Йорке процветал удивительный район под названием Квинский[5]. Именно там супруга Нью-Йорского короля основала свою летнюю резиденцию. Построив обширный дворец с садами, она пригласила со всего мира самых талантливых и удивительных людей разделить с ней летние месяцы. Ко дво-

---

[4] notes: 4

Журфикс — званый вечер или прием, назначаемый в определенные дни недели.

[5] notes: 5

«*… процветал удивительный район под названием Квинский…*»
Один из районов Нью-Йорка носит название Квинз. Этот район менее популярен в нашей стране, чем Бронкс, Бруклин или Манхэттен, поэтому мы решили сделать ссылку и подтвердить, что такой район существует в действительности.

ру королевы съезжались великие дизайнеры, трубадуры, ваятели, шансонье и прочие мастера-искусники, чтобы показать свежие полотна, разыграть представления, исполнить пляски, спеть ариозы, а также обменяться сплетнями и развлечь свою королеву-покровительницу, которая, вероятно, и была мифической королевой Элеонорой из Красного Вельдта.

Хотя за прошедшие века часть континентов затонула, а на их месте возникли новые, некоторые участки суши соединились вместе, а другие раздробились на архипелаги, в уме Лиана Ти Пака, Цезаря Ллойда Джорджа, Затопеда Микеланджело[6] 4573-Соединенных не было сомнений, что он установил свою резиденцию в подлинном месте, что, конечно, давало ему право величаться с тех пор Герцогом Квинским. Уходящая в небо статуя Королевы Красного Вельдта занимала площадь без малого в шесть миль и изображала доблестную владычицу в кадиллаке-колеснице, запряженной шестеркой драконов, с необычайно

[6] notes: 6

«… Цезаря Ллойд Джорджа… Микеланджело…»

Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.) — римский диктатор и полководец. Убит в результате заговора республиканцев. Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 годах. Микеланджело Буонарроти (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, поэт и архитектор эпохи Возрождения.

изогнутым копьем в одной длани и квадратным щитом в другой, в причудливом шлеме на голове, и была едва ли не единственной неприкасаемой и неизменяемой реликвией.

Когда Джерек и Орхидея приблизились к владениям Герцога, первое, что они увидели, была, естественно, — статуя, но почти сразу же их внимание приковал дворец, который хозяин, должно быть, специально воздвиг только для этого вечера.

— О! — выдохнула Железная Орхидея, выглядывая из кабины локомотива, и заслонила глаза от света, — какой он умный! Как это восхитительно!

Джерек с напускным безразличием в своем развевающемся плаще присоединился к ней на подножке лестницы.

— Красиво, — хмыкнул он, — и впечатляюще, как всегда у Герцога Квинского.

Лепестки ее платья, сплетенного из маков, вьюнков и васильков, затрепетали, когда Железная Орхидея повернулась к Джереку и, улыбнувшись, погрозила пальцем.

— Перестань иронизировать, мой дорогой. Согласись — это великолепно!

— Я уже сказал, что это впечатляет.

Она топнула ножкой.

— Не «впечатляет», а великолепно!

Неудовольствие сына растаяло при виде ее восторга, и Джерек рассмеялся.

— Хорошо, желаннейший из цветков, — великолепно! Несравненно! Превосходно! Захватывает дух! Творение гения!

— И ты скажешь это ему, мой призрак, — ее глаза иронически сузились. — Обещай мне это?

Он поклонился.

— Пожалуй.

— И тогда ты сам увидишь, вечер принесет больше радости и удовольствия.

Никто не сомневался в изобретательности Герцога, но здесь он явно перегнул палку: в пурпурно-коричневом небе тяжело вращались все тридцать оставшихся планет Солнечной системы: Марс в виде огромного рубина, Венера — изумруда, Герод — бриллианта и так далее.

Резиденция Герцога являла собой репродукцию Великого Пожара Африки. Она состояла из ряда отдельных зданий, в форме какого-нибудь знаменитого города того времени, весело полыхающего

огнем. Дурбан, Килва-Кивинье, Иола, Тимбукту[7] — все они горели, хотя каждое отдельное строение, воспроизведенное в точном масштабе, было сделано из воды, которая была ярко (излишне ярко, по мнению Джерека) окрашена в цвета невообразимых оттенков, в тон языкам пламени. Среди воды и огня уже бродили прибывшие гости. Естественно, пожар не давал тепла — или почти не давал — Герцог Квинский, пока не намеревался опалить до смерти своих гостей. Может быть поэтому резиденция казалась Джереку движимой какой-то реальной разумной силой. Хотя многие считали, что он грешит излишней серьезностью по отношению к подобным вещам.

Локомотив приземлился около Смитсмитсона, чьи башни и террасы сгорали дотла, а затем восставали из пепла, прежде чем вода могла на кого-нибудь попасть. Гости кричали от восхищения и удивления. Смитсмитсон был сейчас самым популярным зрелищем в резиденции. Выпивка и закуска, в основном из 28-го столетия Африки, были разложены повсюду; и люди прохаживались

---

[7] notes: 7

«*… Дурбан, Килва-Кивинье, Иола, Тимбукту…*»
Дурбан (Порт-Натал) — город в ЮАР. Килва (Килва-Кисивани) — архитектурный заповедник на территории современной Танзании. Йола — город в Нигерии. Тимбукту (Томбукту) — город в Мали на левом берегу реки Ниле.

от стола к столу, вкушая и смакуя угощение.

Сойдя с подножки и машинально предложив руку матери, чье «брависсимо» пошло на убыль — видимо ей стал уже надоедать этот ритуал, Джерек заметил толпу своих знакомых, в которой было несколько неизвестных ему лиц. Некоторые из тех, кого он не знал, были явно выпущены из питомников и, вероятно, были бродягами во времени. Он мог догадаться об этом по их нелепому поведению, отчужденному, вялому разговору, по несчастному виду. Одного из них, одетого в свой неизменный сатиновый голубой комбинезон, он знал — его звали Ли Пао. Когда Джерек и Железная Орхидея подошли к нему, тот бросал неодобрительные взгляды на Смитсмитсон.

— Добрый вечер, Ли Пао, — нежно сказала Железная Орхидея. Она поцеловала его приятное круглое желтое лицо. — Тебе есть, что сказать об этом? Тебе ведь не нравится Смитсмитсон? Как всегда из-за отсутствия подлинности? Ты из 28-го столетия, не так ли?

— Из 27-го, — уточнил Ли Пао, — но не думаю, чтобы все так сильно изменилось. Вы все делаете плохо, потому что вы буржуазные индивидуалисты! Я в этом убедился!

— Ты смог бы стать настоящим «буржуазным

индивидуалистом», если бы захотел, да? — обратился к нему еще один из питомника. Он был одет в длинную серебряного цвета рубаху палача 32-го столетия. — Ты всегда придираешься к мелочам, Ли Пао.

— Я знаю, я скучен, но таков я есть.

— Поэтому мы любим тебя, — сказала Железная Орхидея, снова целуя его, а затем помахала рукой своему другу Гэфу Лошади в Слезах, который повернул голову, отвлекшись от беседы с Сладким Мускатным Оком (которого некоторые считали его отцом Джерека), и улыбнулся Железной Орхидее, приглашая ее присоединиться к ним.

— И поэтому мы не слушаем вас, нудных странников, — сказал Джерек. — Вы умеете быть ужасно педантичными: эта деталь неверна, та — не соответствует периоду… и так далее. Вы способны испортить любое удовольствие. Ты должен признать, Ли Пао, что представляешь все слишком буквально.

— В этом заключалась сила нашей Республики, — ответил Ли Пао, делая глоток вина из бокала. — Вот почему она существовала пятьдесят тысячелетий.

— Все шире и дальше, — сказал палач из 32-го столетия.

— Более дальше, чем шире, — сказал Ли Пао.

— Ну, это зависит от того, что вы понимаете под термином «республика», — возразил палач.

Они возобновили свой давний, бессмысленный спор. Джерек Карнелиан стал прихорашиваться и вдруг заметил Монгрова, мрачного гиганта, чрезмерного во всех проявлениях и оттого не любимого многими. Монгров стоял в самом центре пылающего Смитсмитсона в надежде, что здания на самом деле рухнут и сокрушат его. Все в Монгрове было преувеличено, и это продолжалось столь долго, что Монгров похоже действительно стал таким, каким он казался. Не то, чтобы Монгрова не любили на самом деле, им пренебрегали скорее понарошку. Он был желанным гостем на вечеринках, хотя редко снисходил до их посещения. Эта, должно быть, была первая за последние двадцать лет.

— Как поживаете, лорд Монгров? — спросил Джерек, всматриваясь в скорбное лицо гиганта.

— Хуже, когда вижу тебя, Джерек. Знай, я не забыл все твои проделки.

— Вы не были бы Монгровом, если бы забыли.

— Превращение моих ног в крыс. Ты был тогда мальчишкой.

— Правильно, первая проделка, — кивнул го-

ловой Джерек.

— Кража моих записей личного характера.

— Точно… я еще опубликовал их.

— Именно так, — Монгров кивнул, продолжая. — Перемещение моего жилища с Северного на Южный полюс.

— Вы были сбиты с толку.

— Сбит столку и рассержен на тебя, Джерек Карнелиан. Список бесконечен. Я знаю, что ты считаешь меня глупцом, твоей игрушкой. Я знаю, что ты думаешь обо мне.

— Я хорошо думаю о Вас, лорд Монгров.

— Ты считаешь меня тем, кто я есть. Чудовище, монстр. Вещь, не заслуживающая права жить. И я ненавижу тебя за это, Джерек Карнелиан.

— Вы любите меня за это, Монгров! Признавайтесь!

Глубокий вздох, почти всхлип, вырвался из груди гиганта, и слезы закапали из его глаз, когда он отвернулся от Джерека.

— Делай со мной все, на что ты способен, Джерек Карнелиан. Делай, что хочешь.

— Если Вы настаиваете, мой дорогой Монгров.

Джерек улыбнулся, наблюдая, как Монгров, тяжеловесно ступая, уходит дальше в адское пламя. Широкие его плечи были ссутулены, огромные

руки повисли по бокам, Монгров весь был в черном, и даже кожа его, волосы и глаза чернели в зареве Смитсмитсона. Джерек подумал, что их любовь друг к другу еще не исчерпала себя. Может быть, гигант намеренно лишает себя того, о чем мечтает. Джерек почувствовал, что он начинает понимать Монгрова. Раньше у Джерека была мысль превратиться в другого Монгрова, но останавливало его то, что это была бы единственная вещь, которой Монгров мог воспротивиться по-настоящему. Однако, думал Джерек, шагая через пламя и воду, если он станет Монгровом, не появится ли тогда у Монгрова причина стать кем-нибудь еще? Но будет ли этот новый Монгров таким же очаровательным, как старый? Вряд ли.

— Джерек, мой прелестный любимец! Ты здесь?!

Джерек повернулся и увидел Лорда Джеггеда Канари — массу золотисто-желтого цвета с головой, едва различимой в пышном воротнике. Лорд жестом пригласил его присоединиться к компании у стола, уставленного вазами с десертом, Джерек подошел и крепко обнял друга:

— Лорд Джеггед, ну, как, ваши битвы кончились?

— Кончились, наконец. Целых пять лет! Но

все-таки они кончились, и я боюсь, что каждый человечек мертв.

— Лорд Джеггед построил совершеннейшее факсимиле Солнечной системы и разыграл все войны, о каких когда-либо слышал. Каждый солдат микроскопических размеров был выполнен с изрядной дотошностью, а сама Солнечная система занимала куб размером не больше двух футов в объеме.

Лорд Джеггед зевнул, и на мгновение лицо его скрылось в ворохе воротника.

— Да, они мне изрядно наскучили под конец. Глупые твари. А ты, прекрасный Джерек, что делаешь?

— Ничего особенного. Я занимаюсь репродукцией древнего мира. Вы видели мой локомотив?

— Я даже не знаю, что это такое! — воскликнул лорд Джеггед. — Могу я увидеть его сейчас?

— Он где-то там, — сказал Джерек, показывая сквозь рушащийся небоскреб. — Посмотрите, когда окажетесь поблизости.

— Твой костюм восхитителен, — отметил Лорд, потрогав его наряд. — Я всегда завидовал твоему вкусу. Это тоже носили древние, Джерек?

— Да, одежда точно копирует подлинник.

— О, какая точность! Какое терпение! Какое

старание! Какой глазомер!

Джерек развел руками и огляделся, надеясь, что кто-то услышит комплимент.

— У меня хороший глазомер, — согласился он.

— Но где же наш хозяин, величественный Герцог, изобретатель всей этой эксцессэрии!

Джерек знал, что Лорд Джеггед разделяет его взгляды на вкус Герцога, и покачал головой.

— Я не видел его. Возможно, в одном из своих городов. Здесь есть Главный город?

— Думаю, нет. Возможно, конечно, что Герцог еще не прибыл, или уже отбыл. Ты знаешь, как он любит исчезать. Такое сильное чувство драматургии.

— И скуки, — улыбнулся Джерек, встречаясь взглядом с другом.

— Не стоит преувеличивать, мой милый, — укоризненно сказал Лорд Джеггед. — Давай немного прогуляемся. Может быть, тогда мы найдем хозяина и лично выразим ему наше восхищение.

Они под руку двинулись через пылающий город, пересекли лужайку и вышли в Тимбукту, где пляшущие, вытянутые вверх, увенчанные минаретами здания рушились, почти что ударяясь о землю, а затем вырастали вновь и опять поглощались языками пламени.

— Хром, — услышал Джерек голос Ли Пао, — они были из хрома, а не из серебра, кварца или золота. Боюсь, что для меня этого достаточно, чтобы испортить все впечатление.

Джерек хихикнул.

— Вы знаете, Лорд; я подозреваю, что Ли Пао не по своей воле проделал путешествие сквозь время. Мне кажется, его «послали» товарищи! Кстати, вы знаете — я изучаю «добродетель»!

— И что такое «добродетель»?

— Я думаю, что это предполагает такой же образ жизни, как у Монгрова.

— О! — Лорд Джеггед округлил губы в ироническом выражении неодобрения.

— Пусть, не Монгрова! Но вы знаете, как я стремлюсь к совершенству.

— В твоем случае мне оно очень нравится.

— Я думаю, что этому научили меня вы, когда я был ребенком.

— Помню, помню. — Лорд Джеггед растроганно вздохнул.

— И я благодарен Вам за это!

— Вздор! Любому ребенку нужен отец. — Его пышный рукав раскрылся, и из него появилась бледная рука, которая легонько прикоснувшись к гвоздике Джерека, сорвала с нее крошечный

лепесток и элегантно поднесла к бледным губам.

— Я заметил его, мое сердце.

— Как-нибудь, — с чувством сказал Джерек, — мы должны заняться с вами любовью, Лорд Джеггед!

— Да, да! Когда у нас с тобой в одно и то же время появится настроение.

Лорд Джеггед тонко улыбнулся.

— Я буду ждать этого. А как поживает твоя мать?

— Она стала много спать.

— Значит скоро Железная Орхидея опять удивит нас чем-нибудь необычным?

— Я тоже так думаю.

— Она здесь? — Лорд отошел от Джерека.

— Я поищу ее. Пока!

— До свидания, золотой лорд!

* * *

Джерек смотрел, как его друг исчез под аркой из огня, которая через мгновение стала башней.

Лорд Джеггед действительно помог воспитанию его вкуса и являлся, по мнению Джерека, самым добрым и приятным человеком во всем мире. Но вместе с тем была в нем какая-то грусть, и Джерек не мог никак понять, почему так. Хо-

дили слухи, что Джеггед — странник во времени. Джерек однажды выложил это Лорду, чем весьма обескуражил последнего, что, правда, не убедило Джерека до конца. Он недоумевал только, зачем Джеггед делает из этого тайну.

Джерек согнал озабоченность со своего лица и, придав ему больше жизнерадостности, зашагал через Тимбукту. Каким скучным было, наверное, 28-е столетие. Странно, что мир мог так сильно измениться в течение каких-то нескольких сотен лет. Ведь век девятнадцатый был полон чудес, а столетие вроде 28-го могло предложить только Великий Пожар Африки. «Но скорее дело во мне самом», — подумал Джерек и обещал себе постараться быть снисходительней к Герцогу Квинскому.

Появился Прайд Львов и угрожающе закружил вокруг Джерека, нюхая воздух и рыча. Львы были настоящими. У Джерека мелькнула мысль, неужели Герцог Квинский зашел так далеко, что позволил львам сохранить все свои инстинкты. Но львы скоро потеряли к нему интерес и двинулись прочь. Их цвета, в основном голубой и зеленый, не сочетались между собой. Повсюду раздавались нервные испуганные смешки — это львы подходили к гостям, но большинству нра-

вились острые ощущения. Джерек подумал о том, что не испортит ли погоня за добродетелью его характер, и не станет ли он скучным. Если так, то ему лучше оставить этот замысел. Затем он увидел госпожу Кристию, Неистощимую Наложницу, погруженную в любовные утехи с Алым о'Кэла, обернувшимся гориллой. Кристия заметила Джерека и помахала рукой.

— Джерек… — выдохнула она. — о'Кэла, любовь моя, довольно. Не сердись, но сейчас я хочу поговорить с Джереком.

Горилла повернула голову, заметила Джерека и осклабился.

— Я не возражаю! Привет, Джерек.

Он встал, поглаживая свой мех.

— Спасибо, Кристия.

— Благодарю тебя, о'Кэла. Это было приятно.

— Она принялась поправлять свои юбки. — Как поживаешь, Джерек? Ты хочешь меня?

— Ты знаешь, я всегда желаю тебя. Но сейчас предпочел бы поболтать.

— И я тоже, если честно о'Кэла — горилла уже несколько недель. Я постоянно сталкиваюсь с ним и подозреваю, что эти встречи неслучайны. Конечно, я не возражаю. Но, признаться, я сама не прочь снова стать мужчиной. Или, может

быть — гориллой. Твоя мать тоже была гориллой какое-то время, не так ли? Это ей понравилось?

— Я был слишком молодым, чтобы помнить, Кристия.

— О, конечно, — она оглядела его с головы до ног. — Ребенок! Я помню!

— Ты должна помнить, мое лакомство!

— Ничто не мешает любому стать ребенком хотя бы на время. Поразительно почему люди не делают этого?!

— Потому что не модно.

— Джерек, обнял ее и поцеловал шею и плечи Кристии. Она ответила тотчас же. Неистощимая Наложница действительно была самым совершенным созданием в этом мире. И ни один мужчина не мог устоять перед ней, каждый, хотел он того или нет, хоть раз в жизни целовал ее или занимался с ней любовью. Даже Монгров! Даже Вертер де Гете!

— Ты встречала сегодня Вертера де Гете? — спросил Джерек.

— Да, он был здесь, — ответила миссис Кристия, оглядываясь вокруг, — они прогуливались вместе с Монгровом. Им нравится компания друг друга, правда?

— Я думаю, Монгров учится у Вертера, — сказал

Джерек. — А Вертер утверждает, что Монгров — единственная разумная личность в целом мире.

— Возможно, он прав. Что значит «разумный»!?

— Позволь мне не отвечать. Сегодня я уже достаточно объяснял трудные слова и понятия.

— О, Джерек. Что ты задумал?

— Немногое. Я всегда тяготел к абстракциям, но это делало меня скучным. Я намерен исправиться.

— Ты очарователен, Джерек. Все тебя любят.

— Я знаю. И намерен оставаться таковым. Но, знаешь, я стал бы хуже Ли Пао, если бы ничего не делал, а только говорил и чуть-чуть выдумывал.

— Все любят Ли Пао.

— Конечно. Но мне не нужна любовь, подобная той, что получает Ли Пао.

Кристия усмехнулась.

— Ты имеешь в виду, что я и впрямь похож на Ли Пао! — воскликнул он в ужасе.

— Не совсем. Но ты был ребенком, Джерек. Вспомни вопросы, которые ты задавал!

— Я удручен, — нахмурился Джерек, хотя, по правде говоря, удручен он не был. Он засмеялся оттого, что понял — ему все равно!

— Ты прав, — сказала она. — Ли Пао скучен,

и даже я нахожу его иногда утомительным. Ты слышал, что Герцог Квинский готовит для нас сюрприз?

— Еще один?

— Джерек, ты не справедлив по отношению к Герцогу — он очень гостеприимный хозяин.

— Что да, то да. Так в чем же заключается новый сюрприз?

— А это тоже сюрприз.

Высоко в небе маленькие африканские орнитоптеры[8] начали бомбить город. Яркие огни брызнули во все стороны, раздались вопли.

— Это «на бис»! — воскликнула миссис Кристия, — Герцог повторяет для тех, кто пропустил в первый раз.

Пожалуй, госпожа Кристия была единственной свидетельницей первоначального действа. Она всегда прибывала первой.

— Пойдем, Джерек. Все идут к Волверхэмптону. Там и будет показан обещанный сюрприз.

— Очень хорошо.

Джерек позволил взять себя за руку и повести к Волверхэмптону, находившемуся на дальнем

---

[8] notes: 8

«... маленькие африканские орнитоптеры...»

Орнитоптер — устаревшее название летательной машины типа вертолета.

конце коллекции городов.

Вдруг пламя исчезло — наступила темнота и тишина.

— Восхитительно! — прошептала миссис Кристия, сжимая его руку. Джерек закрыл глаза.

Глава третья
Гость, не сумевший развлечь

Когда Джерек уже стал подумывать о несовершенстве паузы, которую хозяин так удлинил, из мрака донесся голос Герцога:

— Милые друзья! Без сомнений, вы прониклись темой нашего вечера. Имя ее «Бедствие»!

— Занимательно сравнить это представление с тем, что давал Пэр Карболик пару лет назад, — произнес нежный спокойный голос, и Джерек улыбнулся, узнав Лорда Джеггеда.

— Подождем, когда зажжется свет, — ответил он.

И тотчас появился свет. Он сфокусировался на странном, асимметричной формы, холме, возвышающемся на постаменте из прозрачной стали. Холм казался облитым зелено-желтой слизью, которая пульсировала и издавала тихие хлюпающие звуки. Все это выглядело весьма

непривлекательно.

— Да-а, — прошептал Лорд Джеггед из темноты, — это в духе темы. Хотел бы я знать, что за бедствие могло довести до такого?

Госпожа Кристия крепче прижалась к руке Джерека и, невпопад хихикнув, съязвила:

— Увы, и этот опус Герцога с треском провалился.

— Вы столь проницательны, о повелительница, — галантно заметил Лорд Джеггед, — сколь и вожделенны!

Герцог все еще невидимый вещал:

— Друзья мои! Это — космический корабль. Он приземлился на этом месте день или два назад.

Джерек был разочарован. По недоуменному молчанию, которое хранили другие гости, он догадывался, что все испытывают похожие чувства. Хотя Джерек и не мог припомнить ни одного подобного случая за последние годы, само по себе приземление космических кораблей не считалось чем-то достойным внимания.

— Этот корабль проделал самый долгий путь из всех, посетивших нашу древнюю планету, — сообщил голос Герцога Квинского. — Чтобы оказаться здесь, ему пришлось преодолеть световые миллионолетья. О, как это поразительно!

«И все-таки это не повод поднимать такую шумиху», — подумал Джерек.

— Странно, — опять послышался бесстрастный голос Лорда Джеггеда. — Научная нотация. Можно подумать, Герцог позаимствовал страничку из трудов Ли Пао, слегка изменив ее, а это так не похоже на нашего Герцога.

— Возможно, сенсуализм ради сенсуализма[9] утомителен даже для Герцога, — сказал Джерек. — Но, несмотря на это, — согласитесь, — эта сцена впечатляет!

— Ох уж, эти проблемы вкуса! Боюсь, они так и останутся предметом дискуссий вплоть до нашего решения завершить свое бренное существование, — вздохнул Лорд Джеггед.

— Вы все полагаете, что это не повод для суеты, — сказал Герцог, как бы отвечая им обоим, — вы правы! Обитатель этого самобытного корабля, волею судеб оказавшийся здесь, добавил пикантности теме этого вечера. Я надеюсь, он развлечет вас. Итак, вот он! Его зовут, насколько в моих силах выговорить — Юшарисп. Он об-

---

[9] notes: 9

«... сенсуализм ради сенсуализма...»

Сенсуализм (от лат. sensus — восприятие, чувство) — направление в теории познания, согласно которому чувственность (ощущения, восприятия) — основа и главная форма достоверного познания.

ратится к вам через собственную переводящую систему, которая во многом уступает нашим, и я уверен, вы, подобно мне, найдете его забавным. Друзья! Я дарю вам космического путешественника Юшариспа!

Луч потускнел, а затем высветил существо нескольких футов роста без головы и рук, которое стояло на другой стороне постамента на четырех кривых конечностях. Верхняя часть его круглого туловища была заполнена пунктирной линией светлых, отливающих фарфоровой голубизной, глаз. Чуть ниже находилось небольшое отверстие, которое Джерек принял за рот. Все туловище темного мутно-коричневого цвета было испещрено крошечными зелеными крапинками. В целом, несчастный имел довольно неприятный вид.

— Приветствую вас, жители этой планеты, — начал Юшарисп. — Я прибыл от имени цивилизации Пвили, — механический переводчик скрежетал несколько секунд, и Юшариспу пришлось покашлять, чтобы отрегулировать его, — … отдаленной на много галактик отсюда. Я вызвался добровольно лететь по Вселенной, разнося сообщение. Я считаю своим долгом рассказать всем разумным жизненным формам, что нам известно. Я… — снова пауза и кашель, пока

Юшарисп настраивал свой переводчик, который скорее был механическим, нежели органическим устройством, и, вероятно, был вживлен в его горло посредством грубой хирургии.

Устройство привлекло внимание Джерека, он уже слышал, что похожие аппараты существовали то ли в 19-м веке, то ли чуть позже.

— … извиняюсь за плохую работу моего оборудования, — продолжал Юшарисп. — Им пришлось много пользоваться за последние две или три тысячи лет, пока я странствовал по вселенной, оглашая весть. Покинув вас, я продолжу свою миссию, пока, в конце концов, не умру. Наверное, это случится через несколько тысячелетий, жаль только, до того, как удастся предупредить все разумные существа.

Неожиданно раздался рев, и Джерек вспомнил о львах, так как не мог предположить, что столь громкий звук испускался из такого маленького рта. Но из-за смущенных телодвижений чужака и его кашля стало ясно, что опять барахлит переводчик. Джерек заерзал.

— По всей вероятности, это и есть мастерство. Однако, какая бестактность, удерживать нас здесь против воли. В конце концов, не все наслаждаются скукой.

— О, Вы несправедливы, Лорд Джеггед, — возразила госпожа Кристия. — Я начинаю испытывать небольшую симпатию к этому зверьку.

— Сухой слог, — сказал инопланетянин. — Извините, сухой слог, — он снова прочистил горло. — Лучше я буду краток, насколько возможно.

Гости начали довольно громко обмениваться впечатлениями.

— Короче говоря, — сказал инопланетянин, стараясь быть услышанным в поднявшемся гуле голосов, — мой народ пришел к неизбежному заключению, что мы живем на Краю Времени. Вселенная вскоре вывернется наизнанку, и ни один атом не уцелеет. Вся жизнь погибнет. Все солнца сгорят, все планеты разрушатся, тогда цикл Вселенной закончится и начнется другой. Мы обречены, братья по разуму, мы обречены!

Джерек зевнул и стал ласкать грудь миссис Кристии. Подумалось, что инопланетянину пора закругляться.

— Я вижу, вы шокированы (хрим, хрям, хрум), — завопил инопланетянин. — Вероятно, я мог бы (р-р-р) сказать это тактичнее, но у меня (хрим, хрям, хрум) мало времени. Мы, конечно, ничего не сможем сделать, чтобы избежать этой участи.

Но остается только мудро (хрим, хрям, хрум) встретить смерть.

Миссис Кристия хихикнула. Они опустились на землю, и Джерек силился припомнить, как расстегивается нижняя часть ее одеяния. Миссис Кристия уже раскрыла объятья.

— Кнопки! — воскликнул Джерек, не забывший даже такой незначительной детали.

— И все-таки, это поразительно! — воскликнул Герцог Квинский. Голос его был напряженным после, хоть и неудачной, но страстной попытки заразить гостей своей увлеченностью. — Конец Вселенной! Восхитительно!

— Даже если это и так, — произнес Лорд Джеггед, нащупывая ритмично двигающийся зад Джерека и прощально похлопывая его, — то сама по себе идея не нова.

— Мы все обречены! — довольно деланно рассмеялся Герцог. — О, как это мило!

— Мое почтение, Джерек. Прощайте, прекрасная госпожа Кристия, — откланялся Лорд Джеггед и с оскорбленным видом покинул вечеринку, окончательно разочаровавшись в Герцоге.

— До встречи, Лорд Джеггед, — одновременно попрощались Джерек и госпожа Кристия. — И в самом деле, такой унылой вечеринки не было

уже тысячу лет.

Немного погодя они разомкнули объятья и уселись рядом на лужайке. Судя по звукам, многие стремились уйти, натыкаясь в темноте друг на друга и принося извинения. Это было самое настоящее бедствие. Джерек, пытаясь быть великодушным, подумал, а не нарочно ли все это подстроил Герцог. Если так, сюжет можно было признать вполне пристойным — «Вечер обманутых надежд».

Города Африки снова вспыхнули огнем, и Джерек смог разглядеть Герцога Квинского, толкующего о чем-то с инопланетянином, который все еще стоял на постаменте.

Мимо прошествовала Миледи Шарлотина, не замечая Джерека и миссис Кристии.

— Герцог, — окликнула Миледи Шарлотина, — Этот зверек из вашего питомника?

Хозяин вечеринки повернулся, и по его красивому бородатому лицу, выражающему полное уныние, стало ясно, что неудача не была задумана заранее.

— Герцог, должно быть, устал, бедняжка, — посочувствовала миссис Кристия.

— Это можно было предвидеть, если сваливать сенсации в кучу, да еще без малейшей авторской

задумки, — саркастически сказал Джерек. — Впрочем, я уже говорил это.

— О, Джерек! Не будь таким жестоким.

— Хорошо…

— Карнелиан устыдился того, что стал наслаждаться неудачей Герцога.

— Прекрасно, госпожа Кристия. Мы сейчас же пойдем и утешим его. Даже поздравим, если пожелаете, хотя, боюсь он не поверит в мою искренность.

Они поднялись. Вопрос Миледи Шарлотины застал Герцога врасплох. Он ответил туманно:

— Питомника? Почему бы нет…

— Тогда, я могу взять его?

— Конечно, конечно, берите!

— Благодарю, — Миледи Шарлотина пальцем поманила инопланетянина. — Пойдем со мной, любезный!

Инопланетянин повернул к ней несколько глаз.

— Но я должен оставить вас. Благодарю за приглашение— (хрим, хрюм, хрям), но, тем не менее, (р-р-р) я вынужден (хрим, хрюм, хрям) отказаться.

— Он двинулся к своему кораблю.

Миледи Шарлотина небрежным жестом одной

руки сковала движение пришельца, а другой рассеяла его звездолет.

— Какое безобразие!

Джерек услышал голос за спиной и обернулся, чтобы увидеть, кто это там говорит на языке 19-го века.

Это была женщина. На ней был плотно облегающий жакет, а пышная серая юбка закрывала ноги до кончиков черных сапожек. Под жакетом виднелась белая блузка с маленькими кружевами. На уложенных косами каштановых волосах — широкополая шляпка. Ее хорошенькое худощавое лицо выражало негодование. Без сомнения, это была странница во времени. Джерек радостно заулыбался.

— О! — воскликнул он. — Вы из древности!

Она не обратила на него ни малейшего внимания, обращаясь исключительно к Миледи Шарлотине, которая, увы, абсолютно не знала этого языка.

— Сейчас же отпустите бедное создание! Хотя оно не человек и уж, конечно, не христианин, но все же творение Божье, и имеет право на свободу!

Джерек от восхищения потерял дар речи, наблюдая, как странница во времени шагнула

вперед, махнув тяжелыми юбками. Кристия подняла брови.

— Что она говорит, Джерек!

— Она, должно быть, новенькая, — ответил он. — Ей надо принять Переводильную Пилюлю. По-моему, она хочет маленького инопланетянина. Откровенно говоря, я понимаю отнюдь не все слова.

— Джерек восторженно покачал головой.

Тем временем барышня положила свою маленькую ладонь на плечо миледи Шарлотины. Та с удивлением обернулась.

Джерек и Кристия приблизились к паре. Герцог Квинский взирал с возвышения на неподвижного пришельца, не понимая ничего.

— То, что вы сделали, можно поправить, заблудшая душа, — кротко молвила девушка недоумевающей Миледи Шарлотине.

— Она говорит на языке 19 столетия, на одном из его многочисленных диалектов, — объяснил Джерек, гордясь своими познаниями.

Миледи Шарлотина осмотрела облаченную в серое особу.

— Она хочет заняться со мною любовью? Я могла бы, если…

Джерек покачал головой.

— Нет, я думаю, она желает вашего пришельца, а может ей не нравится, что вы его забираете. Самое время поговорить с ней, — он повернулся и улыбнулся женщине.

— Добрый вечер, фрау, я парле ивак. Иди спи па, — сказал Джерек.

Женщина не стала спокойней, напротив, она смотрела на него с непреходящим изумлением.

— Эта фрау, — сказал Джерек, указывая на Миледи Шарлотину, слушавшую с терпеливым интересом, — думать, что вы с она хотите заняться любовь, — он хотел было объяснить, что понимает, дело совсем не в этом, но пришелица с размаху дала ему пощечину. Это обескуражило Джерека, потому что он не знал этого обычая и понятия не имел, как должно ответствовать.

— Я думаю, — сказал он с досадой Миледи Шарлотине, — что нам необходимо предложить ей Пилюлю, чтобы продвинуться дальше.

— Какое безобразие! — снова повторила странница во времени. — Я начинаю верить, что несчастье настигло меня в этой колонии для душевнобольных. Этому нужно положить конец. Я отправляюсь на поиски властей!.. — и с этими словами она стала удаляться.

Все посмотрели ей вслед.

— Ну разве она не изящна, — сказал Джерек. — Не удивлюсь, если кто-нибудь заявил права на нее. Я почти захотел основать свой собственный питомник.

Герцог Квинский снизошел с возвышения и очутился рядом с ними. На нем был плащ из перьев и коническая шляпа из сушеных человеческих голов.

— Я должен принести свои извинения, — начал он.

— Все было превосходно, — перебил его Джерек. Все претензии к Герцогу утонули в восхищении от встречи с прелестной незнакомкой. — Как вам все это пришло в голову?

— Ну, — начал Герцог Квинский, касаясь своей бороды. — Э-э-э…

— Чудесная шутка, лучший из Герцогов, — сказала госпожа Кристия. — Мы будем долго вспоминать ее!

— Правда? — просветлел Герцог Квинский.

— И вы еще раз проявили свою безграничную душевную щедрость, — шепнула леди Шарлотина, прижимая голубые губы и нос к его щеке, — отдав мне этого мрачного вселенского инородца в мой питомник, который пока еще так невелик.

— Всегда рад услужить вам, — ответил Герцог Квинский с возвращающимся к нему обычным самодовольством, хотя Джереку почудилось, что Герцог уже сожалеет о своей душевной щедрости.

Миледи Шарлотина повернула одно из Колец: парализованное тело маленького инопланетянина всплыло с возвышения и замерло у нее над головой, слегка покачиваясь, словно воздушный шар.

— А эта странница во времени. Она тоже ваша, Герцог? — спросил Джерек.

— Женщина в сером, которая шлепнула тебя? Нет. Я никогда не видел ее прежде. Возможно, это чей-то фантом.

— Возможно, — Джерек приподнял свою театральную шляпу и поклонился компании. — Если позволите, я поищу ее. Она послужит тем штрихом, который приблизит мою коллекцию к совершенству.

— До свидания, Джерек, — сказал Герцог почти благодарно.

Миледи Шарлотина и миссис Кристия сочувственно взяли его за руки и повели прочь. Джерек еще раз поклонился и кинулся на поиски незнакомки.

Глава четвертая
Джерек задумывает новое жеманство

После часа поисков, которые нельзя было назвать затруднительными, поскольку многие гости уже исчезли, Джерек осознал, что серой странницы во времени больше нет здесь. Печальный, он вернулся в свой локомотив и бросился на плюш и горностай длинного сидения. Он так хотел вознаградить себя за это разочарование, что немного помедлил в ожидании какого-то чуда, прежде чем потянулся к свистку и привел экипаж в движение.

Карнелиан подумал, что путница во времени вернулась в питомник того, кому она принадлежала, или отправилась куда-нибудь по своей воле. Джерек надеялся, что у нее нет машины времени, способной перенести ее в собственный век, иначе она была бы потеряна навсегда. Он припомнил, что какие-то авторы предполагали, что люди конца 19-го века обладали примитивными устройствами для путешествий во времени.

— А, ладно, — вздохнул он, — пропала, так пропала.

Будучи общительным по натуре Джерек чувствовал себя всеми покинутым. Железная Орхидея, его мать, в обществе Безголосой Леди, вспоминала былые годы, когда Джерека еще не было на свете. Едва ли здесь остался хоть один хорошо знакомый Джереку человек, который мог бы вернуться с ним на ранчо. Сердце его забилось при воспоминании о путешественнице. Джерек улыбнулся, прикасаясь к раскрасневшейся щеке. Он желал эту странницу. Она была прекрасна.

Через одно из окон он увидел, что Монгров и Вертер де Гете приближаются к локомотиву, и встал, чтобы окликнуть их. Но те намеренно проигнорировали его и усилили этим чувство одиночества, хотя в другой раз его позабавило бы та нарочитость, с которой оба играли свои роли. Карнелиан снова уселся на диван: возвращаться домой расхотелось, но и здесь заняться было нечем. Госпожа Кристия, всегда верная спутница пропала с Герцогом Квинским и Миледи Шарлотиной. Даже Ли Пао нигде не было видно. Джерек зевнул и закрыл глаза.

— Спишь, мой дорогой? — раздался голос снизу.

Это был Лорд Джеггед.

— Это и есть машина, о которой ты мне расска-

зывал, а? Она называется…

— …локомотив. О, Лорд Джеггед, мне так приятно видеть вас. Я думал, вы давно уехали.

— Меня отвлекли от дела, — из желтого воротника была видна бледная голова с привычной задумчивой улыбкой. — Могу я присоединиться к тебе?

— Конечно.

Джеггед воспарил в воздух облаком лимонного цвета и опустился рядом с Джереком.

— Оказывается, эксцсссэрия Герцога не являлась намеренной неудачей? — сказал Лорд Джеггед. — Но мы все притворились, что не заметили этого.

Джерек Карнелиан снял шляпу и выкинул ее из локомотива. Она превратилась в оранжевый дым, растаявший в воздухе. Джерек ослабил завязки своего плаща.

— Да, — сказал он. — Я даже ухитрился польстить ему. Он выглядел таким жалким. Но почему ему взбрело в голову, что кто-то заинтересуется ординарным маленьким пришельцем? Причем безумным, прорицающим бедствия, помешанным на предсказаниях.

— Ты, значит, не считаешь его слова правдой?

— Почему? Я уверен, он не лгал! — Но что такого

интересного в правде? Очень мало, — и это знаем мы все. Поглядите на Ли Пао. Он тоже все время говорит правду. А, кстати, что такое правда? Существует так много ее видов.

— И его пылкая речь не встревожила тебя?

— А что он сказал нового? То, что срок отпущенный Вселенной конечен?

— Что мы находимся слишком близко к концу этого срока, живем на Краю Времени!

— Лорд Джеггед сделал движение рукой — одежды его спали, обнажив тонкое бледное тело; и он вытянулся на диване.

— Почему вы придаете этому сообщению такое значение, Лорд Джеггед?

Лорд Джеггед рассмеялся.

— Нет, не придаю. Просто беседую. И чуть любопытствую… Твой ум намного свежее моего… и почти любого другого в этом мире. Вот почему я задаю вопросы. Если тема наскучила тебе, я готов оставить ее.

— Отнюдь. Но бедный космический путешественник был так невыразителен, не правда ли? Или вы нашли в нем нечто заслуживающее внимания?

— Пожалуй нет. Когда-то люди боялись смерти, и я полагаю, что он, как там его, тоже боится. И

думаю, его раса привыкла делится своим страхом с другими, что каким-то образом успокаивает их самих. Наверное, на этом и зиждется его уверенность в своей правоте. Ну да бог с ним, он найдет достаточно утешения в питомнике Миледи Шарлотины.

— Кстати, о питомниках. Вы не видели девушку, путешественницу во времени, в довольно тяжелом сером одеянии и в широкополой шляпе соломенного цвета.

— Если мне не изменяет память, видел.

— Не обратили внимание, куда она делась? Не заметили, как она уходила?

— Сдается мне она понравилась Монгрову, и он, прежде чем уйти с Вертером де Гете, отослал ее в свой питомник.

— Монгров! Какая неудача!

— Ты хотел ее для себя?

— Да, ведь она из интересующего меня периода.

— Но у тебя нет питомника.

— Зато у меня есть коллекция 19-го столетия. Она превосходно подошла бы к ней.

— Значит, она из 19-го столетия?

— Да.

— Возможно, Монгров отдаст ее тебе.

— Лучше, чтобы Монгров не знал, что я хочу ее. Иначе, назло мне он скорее распылит ее на атомы или отошлет назад в ее собственный век, а может отдаст кому-нибудь другому. Вы должны знать это, Лорд Джеггед.

— Ты мог бы выменять ее на что-нибудь. Как насчет того экземпляра, который так хотел Монгров? Кажется, это был писатель девятнадцатого века, или нет?

— Да, это было еще до того, как я увлекся этим периодом. Насколько я понимаю, Амбруаз Бирс[10].

— Он самый.

— Он погиб вместе с остальными. В огне. Я поленился тогда воскресить его, а сейчас, конечно, слишком поздно.

— Ты никогда не отличался благоразумием, милый Джерек.

Брови Джерека сошлись вместе.

— *Я* должен иметь ее, Лорд Джеггед. Я полагаю, что влюбился в нее. Точно — влюбился!

— О! Изощреннейшее притворство! Оно даст

---

[10] notes: 10

«… насколько я понимаю, Амбруаз Бирс…»
Бирс Амброаз (1842–1914?) — американский писатель. Известен своими сатирическими и мистическими произведениями. Творчество Бирса напоминает по стилистике рассказы его предшественника в этой области — Эдгара Аллана По.

силы уму, сделает тебя изобретательным! Ты добьешься успеха! Ты отнимешь ее у Монгрова, даже если для этого придется перевернуть весь мир. Ты будешь питать наше любопытство. Заставишь трепетать. Ты завладеешь нашим вниманием на месяцы. На годы. Мы будем обсуждать твою победу или поражение. Будем гадать, как далеко ты зашел в своей игре. Будем наблюдать, ответит тебе взаимностью твоя серая странница или оттолкнет, отвергнет твою любовь? Или предпочтет Монгрова, чем усложнит твою задачу, — Лорд Джеггед приблизился и сердечно поцеловал Джерека в губы.

— Да, это должно быть разыграно до мельчайших подробностей. Твои друзья помогут тебе советами. Они перевернут литературу всех времен и выберут лучшие любовные истории для твоей игры, Джерек! Горгона и королева Элизабет, Ромео и Юлий Цезарь, Виндемир и леди Оскар, Гитлер и Муссолини, Фред и Луэла, Одлиба и Обика, Серо и Фидзилак. Список можно продолжить и… в нем — ты, дорогой Джерек!

Зараженный энтузиазмом друга, Джерек встал и громко засмеялся.

— Я буду возлюбленным!

— Возлюбленным!

— Ничто не помешает мне!

— Ничто!

— Я завоюю мою любовь и буду счастлив, пока Вселенная не состарится, не остынет!

— И что бы там не пророчил наш друг — пришелец, сейчас это лишь придаст игре особую остроту!

— Лорд Джеггед потер свой белый, словно полотно, нос.

— О, Джерек! Ты познаешь искушение, исступление, изнеможение, искупление, избавление!

— Джеггед, казалось, увлекся «иканьем» в этот вечер. — Избранный, истовый, истинный, исконный, искомый!

— Он был близок к опасным преувеличениям.

— Ты станешь идолом, мой дорогой. Твоя история прогремит в веках, или во всяком случае, в том, что от них останется! — и с этим возгласом он заключил в объятия своего друга, в то время как Джерек Карнелиан схватил веревку гудка и с силой дернул ее, заставив локомотив закричать, застонать и кинуться, пульсируя клубами пара, в теплую черную ночь.

— Любовь! — кричал Джерек.

— Любовь, — шептал Лорд Джеггед, снова целуя его.

— О, Джеггед! — Джерек отдался сладострастным объятиям Лорда.

* * *

— У нее должно быть имя! — воскликнул Джеггед, переворачиваясь на спину в широкой постели и делая глоток пива из бронзовой кружки, которую держал между указательным и большим пальцами левой руки. — Мы должны узнать его.

Он встал, прошел по гофрированному полу к окну и, откинув в сторону занавески, посмотрел наружу.

— Это закат или рассвет? Похоже на закат.

— Извините, — Джерек открыл глаза и дотронулся до Кольца на правой руке, чтобы слегка подправить пейзаж.

— Намного лучше, — сказал Лорд Джеггед Канари, восхищаясь золотой зарей. — А это что за птицы? — он показал на черные силуэты, кружащиеся высоко в небе.

— Попугаи, — ответил Джерек. — Им положено питаться мясом бизонов.

— И что?

— Они не хотят. Я где-то допустил ошибку в репродукции. Придется вернуть их в генобанк и

начать все с нуля.

— Что, если мы навестим сейчас Монгрова? — предложил Лорд Джеггед, возвращаясь к изначальной теме.

— Он не примет меня.

— Но зато он примет меня. А ты будешь моим спутником. Я сделаю вид, что меня заинтересовал его питомник, и ты сможешь снова встретить предмет своей страсти.

— Я не уверен сейчас, что это была хорошая мысль, любимый Джеггед, — сказал Джерек. — Я слишком увлекся прошлой ночью.

— Конечно, моя любовь. Но почему нет? Это случается не так часто. Джерек Карнелиан, ты не должен отступать. Это доставит удовольствие слишком многим.

Джерек засмеялся.

— Лорд Джеггед, мне кажется, в этом есть какой-то иной мотив — Ваш собственный. Может быть Вы метите на мое место!

— Я? Что ты право… Меня совсем не занимает этот период.

— И вы незаинтересованы в любви?

— Я заинтересован в твоей любви. Ты должен полюбить. Это сделает тебя совершенным, Джерек. Ты же родился из материнского лона!

Остальные пришли в мир взрослыми, созданными или друзьями, или собой, не считая, конечно, бедного Вертера, но это совсем другая история. Но ты, Джерек, был рожден младенцем. И потому ты обязан полюбить. О, да! Это несомненно. С любым другим из нас это было бы нелепицей.

— Мне кажется, вы уже говорили, что это будет нелепо и для меня, — сказал Джерек тихо.

— Любовь всегда нелепа, Джерек, — но это другое.

— Хорошо, — улыбнулся Джерек. — Я постараюсь сделать все возможное для вашего удовольствия, мой повелитель.

— Для нашего удовольствия, Джерек!

— Я должен обдумать…

Лорд Джеггед вдруг запел.

Вибрирующая трель лилась из его горла. Это была мелодии изумительной гармонии, настолько сложная и неповторимая, что Карнелиан даже не смог уследить за ее переливами.

Джерек взглянул на своего друга с некоторой иронией. В какой-то миг ему показалось, что Лорд Джеггед намеренно прервал его. Но почему?

Он подумал: «Лорд Канари обладает таким умом и воображением, что мне следовало бы полюбить именно его, а не какую-то бродяжку во

времени, которую я толком и не знаю.»

Карнелиан стал подозревать, что Лорд Джеггед догадывается о его мыслях. Возможно, они не отличались безупречным вкусом. Не было ничего странного в том, чтобы полюбить серую странницу. В его веке все любили или, по крайней мере, могли убедить себя в подобном чувстве, что в сущности было тем же самым. Да, Лорд Джеггед проявил великодушие, не дав ему поставить себя в неловкое положение. Было бы пошло объявить о своей любви к Лорду Джеггеду, но, напротив, остроумно полюбить серую странницу во времени. «Хотя и в намеренной пошлости нет ничего особенного, как, впрочем, и в ненамеренной», — подумал Джерек, — «взять хотя бы Герцога Квинского».

Он содрогнулся, вспомнив вечеринку.

— Бедный Герцог!

— Его журфикс был совершенно необходим. Лучше и не могло быть.

Лорд Джеггед отошел от окна и зашагал по гулкому полу.

— Могу я использовать это для костюма? — он жестом показал на чучело мамонта, занимающее целый угол комнаты.

— Конечно, — ответил Джерек. — Я никогда

не был уверен, что оно соответствует периоду. Хорошо, что вы выбрали его.

— Он с интересом наблюдал, как Лорд Джеггед разложил мамонта на составляющие его атомы, а затем из облака частиц состряпал себе свободное лилового цвета одеяние с высоким жестким воротником, какой он предпочитал, с огромными пышными рукавами, из которых выглядывали кончики его пальцев. Ноги его украшали серебряные туфли с длинными изогнутыми носами, а на платинового цвета волосах лежал обруч в виде живой сверкающей Урановой ящерицы 54-го столетия.

— Как вы величественны! — воскликнул Джерек. — Принц Пятидесяти Планет!

Лорд Джеггед наклонил голову в благодарность за комплимент.

— Мы — сумма всех предыдущих столетий, не так ли? А в результате нет ничего, что бы отмечало наш собственный век. Кроме того, что мы — это сумма.

— Я никогда не думал об этом. — Джерек спустил длинные ноги с постели и встал.

— Признаться, я тоже. Но это правда. Я не могу вспомнить ничего характерного. Наша технология, наши фокусы, наши иллюзии — все это

подражание прошлому. Мы пользуемся тем, что наработали наши предки, и ничего не изобретаем сами. Мы просто дополняем то, что уже существует.

— Нет простора для открытий, мой Лиловый Лорд. Долгая история человечества, если она вообще имеет смысл, обрела свое завершение в нас. Мы можем позволить себе все, что пожелаем. Что же нужно для счастья? Даже Монгров счастлив в своих страданиях — ведь это его выбор. Никто не станет ничего менять. Поэтому мне сложно понять ваши доводы, — Джерек отхлебнул из своей пивной кружки.

— Это не доводы, мой славный Джерек. Это только наблюдение. Не больше!

— Но оно точное? — Джерек не мог прибавить ничего больше.

— Точное.

Лорд Джеггед шагнул назад, восхищаясь обнаженным Джереком:

— Что ты наденешь? — Я как раз размышляю об этом, — Джерек поднес палец к подбородку, — костюм должен подходить к обстоятельствам, ведь я собираюсь навестить леди из 19 века, но он не должен повторять вчерашний!

— Не должен, — согласился Лорд Джеггед.

И тут Джерека осенило. Он был в восторге от собственной изобретательности.

— Я придумал! Я надену такой же костюм, какой был на ней вчера. Это будет комплиментом, который она не сможет не оценить.

— Джерек! — проворковал Лорд Джеггед, обнимая его. — Достойнейший…

Глава пятая
Питомник времени и пространства

— …достойнейший, — зевнул Лорд Джеггед Канари, утопая в плюше и горностаях кушетки, в то время, как Джерек, закутанный в пепельный наряд, тянул свисток локомотива, направляя его к мрачным владениям Монгрова.

Локомотив взял курс на тропики, пролетая сквозь дюжину различных небес. Некоторые были полностью завершены, другие были полуразобраны, оттого что уже поднадоели своим создателям. Они пролетали над Руинными Городами, которые не были уничтожены потому, что в них были сосредоточены источники многих форм энергии — и в их числе та, что питала Кольца Власти. Некогда, во время маниакального Технического Тысячелетия, целая звездная си-

стема была преобразована, чтобы эти источники пополнить.

По пути к Монгрову они миновали несколько рассветов и закатов, и прошло больше часа, прежде чем их взорам открылись серые облака, которые всегда висели над его владениями, располагающимися там, где в былые времена лежал континент, называемый «Индия». В зависимости от настроения хозяина эти облака изливали то снег, то град, то дождь, но никогда не пропускали свет солнца, которое владелец этого поместья ненавидел от всей души.

Лорд Джеггед притворно поежился, хотя его одеяние было чувствительно к малейшим изменениям температуры.

— Смотри, показались скорбные Скалы Монгрова, — сказал он, не отрываясь от окна.

Джерек увидел утесы высотой в милю, которые сливались с серыми облаками. Они были черные, блестящие и печальные, без единого яркого пятнышка. Даже падающий на них дождь, и тот, казалось, становился черным, касаясь камня, и сбегая черными реками по горным склонам. Джерека тоже пробрала дрожь. Прошло немало лет с момента его последнего визита к Монгрову, и он успел забыть, с каким бескомпромиссным

отвращением к жизни гигант проектировал свою твердыню.

По команде Джерска локомотив взмыл над облаками. Дождь и холод не могли повредить воздушной машине, но зрелище внизу было чересчур угнетающим. Но вот скалы остались позади, и Джерек сумел разглядеть в разрыве облаков долину Монгрова. Осталось преодолеть сами облака.

Локомотив начал спускаться, прокалывая толстый клубящий туман слой за слоем, пока, наконец, завис над долиной Монгрова. Джерек и Лорд Джеггед поглядели вниз на бесплодный ландшафт из гниющих болот, безжизненных чахлых деревьев и серых валунов, в самом центре которого приютился навевающий уныние черный замок Монгрова. В зубчатых башнях замка светилось несколько тускло-желтых огоньков.

И вдруг над замком возник силовой купол, превращающий падающий снег в пар. Затем голос Монгрова, усиленный раз в пятьдесят, громыхнул из почти скрытого строения.

— Что за враг приближается, угрожая несчастному Монгрову?

Догадываясь, что детекторы Монгрова, наверняка, уже опознали их Джеггед доброжелательно

ответил:

— Это я, дорогой Монгров, твой друг, Лорд Джеггед Канари.

— А кто рядом с тобой, Лорд Канари?

— Хорошо знакомый тебе Джерек Карнелиан.

— Хорошо знакомый и ненавистный. Он не нужен здесь, Лорд Джеггед.

— А я? Ты пустишь меня?

— Никто не нужен в замке Монгрова, но ты, если хочешь, можешь войти.

— А мой друг Джерек?

— Если ты настаиваешь, чтобы он сопровождал тебя, и если он дает слово, Лорд Джеггед, что не будет жестоко шутить надо мной…

— Я даю слово, Монгров, — сказал Джерек.

— Тогда, — с неохотой произнес Монгров, — заходите.

Силовой купол исчез, снег, не встречая препятствий, снова стал падать на базальт и обсидиан. Из вежливости Джерек не стал перелетать через городскую стену, а посадил локомотив на болотистую землю и подождал, пока массивные железные ворота не откроются широко, чтобы впустить локомотив, который бодро пропыхтел через них, выпуская разноцветный дым из трубы. Дым явно не соответствовал окружающей обста-

новке, но Джерек не смог удержаться, чтобы не позлить Монгрова, так как чувствовал, что тому, несмотря на все его сетования, очень нравится, когда его дразнят. Лорд Джеггед положил руку на плечо Джерека.

— Веселый Джерек, если мы перестанем пускать дым, то это поможет Делу, и наша задача облегчится.

— Хорошо, — засмеялся Джерек и убрал дым. — Возможно, следовало бы спроектировать экипаж более похоронного вида как раз для таких случаев. Скажем, один из черных кораблей Четырехлетней Минтрии, для жителей которой смерть значила так много. Черт возьми, может быть, мы что-то упускаем в этом вопросе?

— Я думал над этим. И все же мы все умирали и воскресали столько раз, что перестали испытывать удовольствие от этих процессов. Другое дело — примитивные народы Империи, которые могли испытать это не более трех — четырех раз прежде, чем откажут их системы реанимации…

Они приближались к входу в замок, минуя узкие улицы с темными стенами и железными заборами, за которыми иногда мелькали смутные тени. Большая часть окружающего относилась к питомнику Монгрова.

— Он немало поработал над ним с тех пор, как я в последний раз был здесь, — отмстил Джерек.

— Предоставь действовать мне, — сказал Лорд Джеггед. — Я оценю настроение Монгрова и испрошу, как бы ненароком, его позволения осмотреть питомник. Возможно, после ленча, если он предложит нам ленч.

— Я помню последний ленч здесь, — содрогнулся Джерек. — Турьянский навозный кит, приготовленный в стиле ганельских дикарей-охотников 89-го столетия.

— У тебя превосходная память.

— Такое не забудешь вовеки! Я всегда отдавал должное мастерству Монгрова. Он, как и я, дотошен в каждой мелочи.

— Вот почему между вами соперничество. Ведь, по сути дела, в вас больше сходства, чем различий!

Джерек засмеялся.

— Возможно, хотя, в отличие от Монгрова, я иду по пути самовыражения.

Они проехали под аркой и оказались в мощенном булыжником дворе. Локомотив остановился.

Дождь капал на камни. Вдалеке панихидно звенел колокол.

Лорд Монгров, одетый в темно-зеленую накидку, уже ждал их, опустив на грудь огромный подбородок и не меняя мрачного взгляда на лице, кажущемся вырезанным из камня. Его чудовищная десятифутовая фигура не шелохнулась, пока они высаживались из воздушной машины под холодный дождь.

— Доброе утро, Монгров, — Лорд Джеггед Канари сделал один из своих знаменитых глубоких поклонов, а затем встал на цыпочки, чтобы сжать массивные руки гиганта, сложенные у того на животе.

— Джеггед, — сказал Монгров, — тут что-то неладно. Почему вы и этот негодник Джерек Карнелиан здесь? Какой заговор зреет? Какую дьявольскую уловку вы задумали, чтобы нарушить мой покой?

— О, перестаньте, Монгров… ваш покой — это последнее, что вы цените? — не смог удержаться от замечания Джерек.

Он стоял перед старым соперником в своем новом сером платье с соломенной шляпкой на каштановых кудрях, подбоченясь и ухмыляясь гиганту.

— Вы ищете отчаяния… восхитительного отчаяния. Это агония души, которую знали древние.

Вы хотите открыть тайну того, что они называли «человеческим фактором», и воссоздать его во всей боли и ужасе. И все же вы никогда не открыли бы эту тайну, Монгров. Не потому ли вы держите этот огромный питомник с созданиями, собранными со всех мыслимых времен и пространств? Не надеетесь ли вы, что в своем несчастье они покажут вам путь от отчаяния к крайнему отчаянию, от меланхолии к глубокой меланхолии, от печали к невыразимой печали?

— Замолчи, — простонал Монгров. — Ты явился мучить меня! Ты не можешь здесь остаться! Уходи!

Он прикрыл свои чудовищные уши ладонями и закрыл большие печальные глаза.

— Я извиняюсь за Джерека, Монгров, — сказал Лорд Джеггед, — он надеялся доставить вам удовольствие.

Ответом Монгрова был продолжительный стон. Он повернулся, чтобы уйти в замок.

— Пожалуйста, Монгров, — сказал Джерек, — извините меня за бестактность. Я только хочу, чтобы у вас была передышка от этого ужаса, этого мрака, этой непереносимой депрессии.

Монгров снова повернулся к ним, чуточку просветлев.

— Ты понимаешь меня?

— Конечно. Я ощущаю лишь малую толику того, что чувствуете вы. — Джерек положил руку на грудь гиганта. — Я ощущаю гнетущую скорбь всего, что вас окружает.

— Да, — прошептал Монгров. Из его огромного правого глаза упала слеза:

— Ты прав, Джерек, — слеза упала из левого глаза, — никто не понимает меня. Я — предмет насмешек. Они знают, что в этом огромном теле находится крошечное испуганное существо, неприспособленное и бездарное, умеющее только рыдать, стонать, вздыхать и созерцать трагедию жизни человеческой плоти до ее ужасного конца.

— Да, — сказал Джерек. — Да, Монгров.

Лорд Джеггед, стоявший теперь позади Монгрова, укрывшись в дверном проеме от дождя, кинул на Джерека взгляд, полный восхищения, присовокупив к нему еще один взгляд одобрения. Он кивнул бледной головой и улыбнулся, подмигнув Джереку белым веком бесцветного глаза.

Джерек восхищался усердием, с которым Монгров играл свою роль. «Когда я стану любовником, я буду играть свою роль столь же рьяно», — подумал он.

— Вот видите, — вставил Лорд Джеггед, — видите, Монгров, Джерек понимает вас лучше, чем кто бы то ни было. В прошлом он сыграл с вами пару шуток, это правда, но он сделал это, лишь желая развеселить вас.

Тогда он еще не понимал — ничто не облегчит страдания вашей измученной души.

— Да, — сказал Монгров. — Вы правы, Лорд Джеггед. — С этими словами он обнял Джерека своими огромными руками, от чего тот чуть не опрокинулся навзничь на брусчатку.

Джерек испугался за свой костюм, который уже изрядно намок, но этикет запрещал использовать в таких случаях любую форму силовой защиты. Он почувствовал, как осела его соломенная шляпа, а поглядев на блузку, обнаружил, что кружева ее потеряли свой безупречный вид.

— Прошу вас, — пригласил их Монгров. — Вы должны отобедать со мной. Я никогда не догадывался, Джерек, что ты такой чувствительный. Ведь ты прятал свою ранимую душу под грубым юмором, резкими насмешками и неуклюжими шутками.

Джерек находил свои шутки довольно тонкими, но в данный момент вспоминать об этом было неуместно. Поэтому он кивнул и улыбнулся.

Наконец, они зашли внутрь. Несмотря на сквозняки, дующие в коридорах, и завывания ветра на лестничных площадках; несмотря на тусклый свет и серые стены; несмотря на крыс, шныряющих под ногами, на бескровные лица живых мертвецов, заменяющих слуг; несмотря на паутину, запахи и мерзкие звуки, Джереку нравилось тут, и он бодро шагал рядом с Монгровом. Они преодолели несколько пролетов каменной лестницы и миновали лабиринт коридоров, пока, наконец, не прибыли в банкетный зал.

— А где Вертер де Гете? — спросил Лорд Джеггед, — я был уверен, что он уехал с вами прошлым вечером от Герцога Квинского.

— От Герцога Квинского? — массивные брови Монгрова нахмурились. — Да, да, Герцог Квинский. Вертер побыл здесь немного, но потом уехал. Он обещал мне показать какой-то новый кошмар, когда его закончит.

— Кошмар?

— Пьеса. Что-то вроде этого, я не знаю. Он сказал, что мне понравится.

— Великолепно!

— О, — вздохнул Монгров. — Тот космический путешественник. Как бы мне хотелось подольше поговорить с ним. Вы слышали его? «Конец»,

сказал он. Мы обречены!

— Конец, конец, — эхом отозвался Лорд Джеггед, делая знаки Джереку присоединиться к нему.

— Конец, — сказал Джерек, несколько неопределенно. — Конец, конец.

— Да, роковое проклятье. Катастрофа, конец, конец. — Монгров уставился в пространство.

— Вам, значит, приглянулся инопланетянин? — спросил Джерек.

— Приглянулся?

— Хотите ли вы его для своего питомника? — уточнил Лорд.

— Конечно, я бы не отказался. Он ведь очень болезненный, не правда ли? Он стал бы украшением любого вольера.

— Несомненно, — сказал Лорд Джеггед, многозначительно посмотрев на Джерека, чем весьма его озадачил.

— Какая жалость, что он находится в коллекции Миледи Шарлотины.

— Вот значит где! А я то гадал!

— Я уверен, Миледи Шарлотина не уступит вам свою новую игрушку, — продолжил Лорд Джеггед. — И только потому, что этот маленький монстр вам необходим.

— Миледи Шарлотина ненавидит меня, — бес-

хитростно сказал Монгров.

— Вы ошибаетесь.

— Я постоянно ощущаю ее ненависть. Она ничего не уступит мне. Скорее всего она завидует моей коллекции, — продолжал Монгров с мрачной гордостью. Моя коллекция огромна — ей нет равных!

— Многие говорят, что она великолепна, — вставил Джерек.

— Благодарю, — ответил с чувством гигант.

Отношение Монгрова преображалось на глазах. Видимо, все, в чем он нуждался — это чтобы кто-то принимал всерьез его страдания. Тогда он мгновенно забывал все былые насмешки и глумления. За несколько минут в глазах Монгрова Джерек превратился из заклятого врага в близкого друга.

Карнелиан убедился, что Лорд Джеггед понимает Монгрова не хуже его самого. «Не зря многие находят его проницательность удивительной» — подумал он.

— Вас не затруднит показать нам питомник, мой несчастный Монгров? — спросил Лорд Джеггед.

— Нисколько, — пробормотал тот. — Но если честно — там нет ничего особенного. Он не так

великолепен, как Питомник Миледи Шарлотины, и не так примечателен, как коллекция Герцога Квинского, у него нет даже разнообразия зверинца твоей матери, Джерек, — Железной Орхидеи.

— Я уверен, что вы скромничаете, — сказал Карнелиан дипломатично.

— Разве ты тоже хочешь взглянуть на него? — удивился Монгров.

— Еще как! — воскликнул Джерек. — Это моя мечта. Я слышал, что у вас содержится…

— Эти трещины, — выпалил Лорд, намеренно прерывая своего друга, — они новые, не правда ли, дорогой Монгров? Он показал на несколько больших расселин на дальней стене зала.

— Да, трещины сравнительно недавнего происхождения, — согласился Монгров. — Они нравятся вам?

— Они превосходны!

— Не слишком глубокие? — осведомился Монгров с волнением в голосе.

— Ничуть. Как раз нужной величины. Признак настоящего мастерства художника.

— Я счастлив, Лорд Джеггед, что меня посетили люди с таким тонким чувством прекрасного! Вы должны простить меня, если раньше я позволил себе быть нелюбезным с вами.

— Нелюбезным? Что вы? Осмотрительным — пожалуй! Но не нелюбезным.

— Прошу к столу, — сказал Монгров и сердце Джерека тревожно сжалось. — Ленч, а затем прогулка по питомнику.

Монгров хлопнул в ладоши, и на столе появились явства.

— Божественно! — воскликнул Лорд Джеггед, оглядывая бесцветное мясо, водянистые овощи, увядшие салаты и комковидные приправы. — Что это за деликатесы?

— Это банкет времен Чумного Столетия — гордо ответил Монгров. — Вы слышали о чуме, которая вспыхнула в Солнечной системе, кажется, в 1000-го столетии, заразив всех и вся.

— Чудно!

Лорд Джеггед сумел изобразить такой правдоподобный энтузиазм, что Джерек, сражаясь с приступами тошноты, был потрясен самообладанием друга.

— А это что такое? — вопрошал Лорд Джеггед, выбирая блюдо с трепещущей кровавой плотью.

— Где? А! Это моя собственная репродукция, хотя я уверен, что она соответствует подлиннику. — Монгров привстал, всматриваясь в очертания жуткого месива поверх голов Лорда

Джеггеда и Джерека. — Это, кажется, Роза! Или нет. Возможно, это Рожа![11] Проклятье, я запутался, хотя так досконально изучал все материалы, которые сумел раздобыть. Ведь это одна из моих любимых эпох. Да, забыл. Если это Рожа, то вы можете испытать интересное ощущение «смерть от пищевого отравления». Вы ведь не умирали ни разу от отравления, а Лорд?

— Увы, ни разу, — с сожалением ответил Лорд Джеггед, — однако на это потребуется время, а я жажду увидеть ваш питомник.

— Что ж, отведаете это в другой раз, — разочарованно сказал Монгров. — Жаль, но мне придется тоже воздержаться от соблазна. А как ты, Джерек?

Джерек судорожно потянулся к ближайшему блюду.

— Я лучше попробую вот это, оно выглядит аппетитно.

— Аппетитно? Я бы предпочел иное определение. Вкус не являлся критерием кулинарии Чумного Столетия, я, к примеру, исхожу из иных

---

[11] notes: 11

«… это, кажется, Роза! Или нет. Возможно, это Рожа..»

Рожа (от польск. roza — букв. — роза) — инфекционное заболевание, характеризующееся воспалением кожи на лице, голове или конечностях.

соображений, творя мои трапезы…

— Нет, нет, — согласился Джерек. — Я имел в виду, что оно выглядит э…

— Нездоровым, — подсказал Лорд Джеггед, уплетая уже новое блюдо очень похожее на только что отвергнутую Розу или Рожу.

Джерек поглядел на Монгрова, которому пришлось по душе замечание Лорда.

— Да, — согласился Джерек чужим голосом.

— Нездоровым или болезнетворным. Это правильно. Но блюдо не особенно повредит Вам. Оно обладает иным метаболизмом, нежели рисует Ваше воображение.

— Монгров подвинул блюдо ближе к Джереку. В мутно-коричневом соусе Джерек увидел несколько видов зеленовато-отталкивающих растений.

— Накладывай себе сам.

Джерек зачерпнул крохотную порцию сомнительного лакомства.

— Не стесняйся, — сказал Монгров с набитым ртом. — Клади больше. Здесь изобилие.

— Да, — пролепетал Джерек и положил еще пару ложек вещества себе на тарелку.

Это была наиболее отвратительная пища, какую он когда-либо видел. Джерек предпочитал невидимые средства для поддержания своего

существования, не испытывая интереса, а тем более, пристрастия, к грубой еде.

На мгновение он пожелал, что лучше бы им предложили Турьянского навозного кита. С трудом проглатывая деликатесы Монгрова, Джерек сквозь приступы спазмов с удивлением заметил, что, несмотря на явный аппетит Лорда Джеггеда, у того на тарелке еда совсем не убавлялась. Он пообещал себе непременно научиться подобному фокусу.

— А теперь, — сказал Монгров, — прошу в мой питомник.

— Он посмотрел с печальной добротой на Джерека, который все еще не мог подняться со стула:

— Тебе нехорошо? Возможно угощение оказалось более болезнетворным, чем полагается.

— Возможно, — выдавил Джерек, опираясь ладонями на стол и прилагая невероятные усилия, чтобы выпрямиться.

— Ты не чувствуешь головокружения? — участливо спросил Монгров, с силой сжимая локоть Джерека, чтобы его поддержать.

— Самую малость.

— Нет боли в желудке? У тебя есть желудок?

— Думаю, есть. Да, я чувствую некоторую боль.

— Хм-м, — нахмурился Монгров. — Может

быть, лучше перенести осмотр на другой день или повременить с этой экскурсией?

— Нет, нет, — вмешался Джеггед. — В состоянии подавленности, Джерек проникнется увиденным, прочувствует, оценит. Он наслаждается ощущением недомогания. Это подводит его к подлинному пониманию болезненной сущности человеческого бытия. Не правда ли, Джерек?

Джерек молча кивнул. Он не смог выдавить в ответ ни слова.

— Это хорошо, — сказал Монгров, подталкивая Джерека вперед. — Очень хорошо. Жаль, что мы не поняли друг друга немного раньше, милый Джерек. И вижу теперь, как я ошибался в тебе.

Пользуясь тем, что Монгров отвлекся, Джерек метнул полный ненависти взгляд на своего друга, Лорда Джеггеда.

К тому времени, когда они покинули внутренний двор и под дождем направились к первому зданию зверинца, Джерек пришел в себя. Как выяснилось, лорд Монгров имел пристрастие к эпидемиям. В этом здании он лелеял коллекцию бактерий и вирусов рака. Экспонаты хранились под увеличительными экранами и достигали до четверти мили в разрезе.

— Некоторым из этих болезней больше мил-

лиона лет — сказал Монгров с гордостью. — В основном принесены странниками во времени. Другие собраны со всех концов вселенной, когда смотришь на это великолепие, начинаешь понимать, как много мы теряем, друзья, не имея собственных болезней. Он остановился перед большим экраном, на котором демонстрировались примеры заражения бактериями. Медведеподобный инопланетянин извивался в агонии, а его плоть пузырилась, отваливаясь кусками от костей.

Другой космический путешественник, но уже рептилиеподобный, наблюдал со страданием в немигающих глазах, как из его собственных перепончатых рук и ног вырастали маленькие щупальца, постепенно опутывающие все тело и удушающие его.

— Я иногда удивляюсь, не отсутствует ли у нас, несмотря на всю нашу фантазию, определенный вид воображения, — пробормотал Лорд Джеггед Джереку, когда они остановились перед бедной рептилией.

Они подошли к месту, где растительный разум был атакован плесенью, которая постепенно съедала его прекрасные цветы и превращала стебли в сухие ветки.

Там были сотни видов. Все они были настолько интересны, что Джерек стал забывать о своем собственном недомогании и оставил Джеггеда позади, шагая рядом с Монгровом, задавая вопросы и внимательно слушая ответы.

Лорд Джеггед не торопился, рассматривая один за другим образцы и восхищаясь ими. Он с опозданием последовал за Джереком в Дом Флуктуантов[12].

Там находилось большое разнообразие существ, которые могли изменять форму или цвет по собственному желанию. Каждому существу был отведен вольер с воспроизведенной в мельчайших деталях средой обитания. Эти миры были отделены друг от друга невидимыми силовыми полями, плавно переходящими друг в друга. Большинство флуктуантов никогда не жили на Земле, ни в какой период ее истории (кроме нескольких примитивных хамелеонов и ящериц). Они были привезены из многих отдаленных планет Галактики. В сущности, все они были разумны и одарены способностью подражания.

---

[12] notes: 12

«... последовал за Джереком в Дом Флуктуантов...»

Флуктуации (от лат. fluctuatio — колебание) — случайные отклонения от средних физических величин. В данном контексте — «изменяющие форму».

Когда трое людей, защищенных от возможности нападения, проходили через различные миры, их встречали существа, имитирующие то Джерека, то Джеггеда, то Монгрова. Некоторые изменялись настолько быстро от Джеггеда, скажем, к Монгрову или Джереку, что Джерек сам начал чувствовать себя странно.

Следующим был Человеческий Дом, где Джерек надеялся отыскать свою избранницу. Этот дом был самым просторным, и если, все прочие были собраны из самых разных областей пространства, то этот состоял из различных периодов истории Земли. Он тянулся на несколько миль и, подобно Дому Флуктуантов, был разбит на отдельные сферы обитания, расположенные в хронологическом порядке, и воспроизводящие картины жизни многих периодов. В коллекции Монгрова были и Неандертальский, и Пинтедаунский, и Религиозный, и Научный Человек самых разных размеров и мастей.

— Здесь, — проникновенно сказал Монгров, — мужчины и женщины практически всех периодов нашей истории, — он сделал паузу, — что вам больше по душе, друзья мои? Может быть Фрадрасианская тирания? — он обвел жестом участок, в котором они сейчас находились. На

постаменте песочного цвета возвышались строения из квадратных блоков песчаника. Одежда экспонируемых, если это была она, состояла из материала неотличимого от песка. Человечек комического вида с головой и конечностями, забавно торчавшими из одеяния, размахивал кулаками и кричал на троицу посетителей. Однако он держался на безопасном расстоянии.

— Кажется злится, — отметил Лорд Джеггед, с любопытством наблюдая за ним.

— Это был злой век, — согласился Монгров. — Впрочем, как и многие другие.

Они миновали этот участок и прошли еще немного, когда Монгров снова остановился.

— Это славная Ирландская Империя, — сказал он. — Пять столетий чудесных Кельтских Сумерек, покрывших сорок планет. А вот и правитель, собственной персоной.

На участке, заросшем пышной зеленой травой и залитом мягким светом, на скамейке рядом с двухэтажным строением из дерева и камня сидел забавный краснолицый индивидуум, одетый в довольно странную темно-коричневую одежду, плотно перетянутую поясом, с высоко поднятым воротником, затемняющим лицо. Коричневая шляпа с полями была надвинута на глаза. В од-

ной руке он держал кружку с темной жидкостью, покрытой белой пеной. Человек часто поднимал этот сосуд к губам и периодически осушал его, после чего тот мгновенно наполнялся вновь к постоянному восхищению его обладателя. Он все время пел бодрую мелодию, что, казалось, доставляло ему удовольствие, хотя временами он склонял голову в рыданиях.

— Он может быть таким печальным, с восхищением сказал Монгров. — Он смеется, он поет — но печаль переполняет его. Я очень ценю его, моего Пивного Короля.

Они двинулись дальше сквозь образцы доисторического Греческого Золотого века, Британского Ренессанса, Коринфской Республики, Императорской Американской Конфедерации, Мексиканского Владычества, Юлианских Империй, Союза Двенадцати планет, Союза Тридцати Планет, Анархических Государств, Кулианской Теокра-

тии[13], Темно-зеленого Совета, Переджинтского военного Периода, Геродианской Империи, Гиеникской Империи, Сахарной диктатуры, периода Звукоубийства, времени Невидимого Знака (наиболее интересного из множества подобных периодов) эпохи Канатоходца, Первого Второго и Третьего покровителей, Культуры Кораблей, Технического Тысячелетия, эпохи Строителей Планет и сотни других.

Джерек без устали искал вокруг себя следы странницы во времени. Машинально похваливая коллекцию Монгрова, он оставлял большую часть аллилуйщины Лорду Джеггеду, который, как мог, отвлекал внимание хозяина от Джерека.

Когда они вошли вереду обитания, более скудную, чем другие, именно Монгров первым указал

---

[13] notes: 13

«... они двинулись дальше сквозь образцы... Британского Ренессанса, Коринфской Республики.... Американской Конфедерации.... Кулианский Теократии...»

Ренессанс (от франц. Renaissance) — один из периодов Эпохи Возрождения — XIV–XVI вв. Коринф — древнегреческий полис. Соперничал с Афинами и славился своими изделиями из бронзы и керамики! Наиболее вычурный из капителей (навершия) колонн называется — коринфский. Конфедерация (от лат. confoederatio — союз, объединение) — форма государственного устройства при которой государства, образующие конфедерацию полностью сохраняют свою независимость. Теоретически СНГ как раз и является конфедерацией. Теократия (от лат. theos — бог и krathos— власть) — форма государственного правления, при котором глава государства одновременно является его государственной главой.

на нее.

— Мое последнее приобретение. Я горжусь этой находкой. Правда, сия особа все еще не ответствовала, какая среда обитания для нее предпочтительней.

Джерек повернулся и поглядел в глаза путешественницы во времени.

Ее глаза сверкали. Лицо раскраснелось от гнева. Джерек понял, виновником этого гнева является он, а надеялся, что узнав его и увидев костюм, странница смягчится. Но все вышло наоборот.

— Она еще не приняла Переводильную Пилюлю? — спросил он Монгрова. Но Монгров уставился на него с подозрительным видом.

— Ваши костюмы очень похожи, Джерек.

— Ха, — ответил Джерек. — Я уже встречался с ней прошлым вечером у Герцога Квинского. И был так впечатлен костюмом, что не поленился сотворить похожий.

— Вижу, — брови Монгрова несколько разгладились.

— Какое совпадение, — оживился Лорд Джеггед. — Мы не имели представления, что она именно в вашей коллекции, Лорд Монгров. Как это неожиданно.

— Да, — подтвердил Монгров спокойным го-

лосом.

Джерек прочистил горло.

— Удивительно… — начал Монгров.

Джерек повернулся к леди и произнес в учтивом поклоне:

— Надеюсь, с вами все в порядке, и вы можете понять меня лучше.

— Понять! Понять! — в голосе барышни послышались истерические нотки. Оказывается, она нисколько не была польщена:

— О! Я понимаю, что вы безнравственное, отвратительное и развратное существо, сэр!

Джерек не понимал смысла некоторых ее слов и вежливо улыбнулся.

— Возможно, другая Переводильная Пилюля…

— Вы самый грязный гаер, которого я встречала в своей жизни! — крикнула она. — И теперь я убедилась, что умерла и нахожусь в самом мерзком Аду, какой только может вообразить человек. О, мои грехи, должно быть, были ужасны!

— Ад? — спросил Монгров с проснувшимся интересом, — Вы из Ада?

— Это другое название 19-го столетия? — спросил Лорд Джеггед. Он заметно повеселел.

— Я многое смогу узнать от вас, — страстно начал Монгров, — я рад, что Вы попали в мою

коллекцию!

— Как Вас зовут? — спросил Джерек, оторопев от ее реакции. Женщина смерила его уничижающим взглядом и ответила с презрительно-негодующей усмешкой:

— Сэр, меня зовут миссис Амелия Ундервуд, и, если это не Ад, то какая-то ужасная зарубежная страна. Я требую, чтобы мне позволили сейчас же переговорить с британским консулом!

Джерек поднял глаза на Монгрова, а тот поглядел вниз на Джерека.

— Самое странное из моих приобретений, — задумчиво произнес Монгров.

— Я могу избавить Вас от нее, — предложил Джерек.

— Нет, нет, — ответил Монгров. — Хотя, благодарю за участие. Нет, мне будет интересно изучить ее, — с этими словами он повернулся к миссис Ундервуд и галантно осведомился:

— Вы любите пламя пожарче?

Глава шестая

Приятная встреча: Железная Орхидея придумывает план

Убедив меланхоличного Монгрова, что пламя отнюдь не лучшая среда для странницы во времени, и сделав пару альтернативных предложений, основанных на его собственном представлении об этом периоде, Джерек решил, что пора откланяться. Монгров бросал на него странные подозрительные взгляды, миссис Ундервуд явно была не в том настроении, чтобы принять его декларацию любви, и даже Лорд Джеггед, казалось, заскучал и был не прочь уехать.

Монгров проводил их из Дома Человека к ожидавшему золоченному локомотиву, неуместному среди темно-зеленых и грязно-коричневых цветов логова Монгрова.

— Ну, — сказал Монгров, — благодарю Вас за советы, Джерек. Я думаю, эта особь скоро обживется. Конечно, некоторые существа хандрят, несмотря на любую заботу о них. Некоторые умирают, и их приходится воскрешать и посылать туда, откуда они явились.

— Если я смогу быть чем-то полезен… — пробормотал Джерек, ужаснувшись словам Монгрова.

— Непременно посоветуюсь с Вами, — в голосе

Монгрова появились холодные нотки.

— О, если бы я мог провести некоторое время с…

— Вы были, — перебил Лорд Канари, стоя на подножке локомотива —… самым гостеприимным хозяином, Монгров. Я помню о Вашем желании пополнить коллекцию этим мрачным пришельцем. Я найду способ приобрести его для Вас. Может быть Вы заинтересованы в обмене?

— Обмен? — Монгров пожал плечами. — Да, почему и нет? Но на что? У меня нет ничего ценного!

— О, я думаю, что смог бы избавить вас от образца 19-го столетия, — сказал Джеггед небрежно. — Честно говоря, не думаю, что она доставит Вам бездну удовольствия. С другой стороны, я знаю одного человека, кому этот подарок пришелся бы по душе.

— Джерек? — насторожился Монгров, — не о нем ли речь?

Он повернул свою огромную голову, внимательно взглянув на Джерека, который притворился, что не слышит, о чем они говорят.

— О, не сейчас, — ответил Лорд. — Бестактно, Монгров, говорить об этом заранее.

— Конечно, — согласился Монгров, громко

чихая. Дождь бежал по его лицу, пропитывая некрасивую бесформенную одежду.

— Но вы никогда не заставите расстаться Миледи Шарлотину с ее инопланетянином. Это пустой разговор.

— Не думаю, — возразил Лорд Джеггед. Капли дождя попали на обруч, и ящерица зашипела, выражая свое неудовольствие так, что ее хозяин поспешил скрыться в кабинет локомотива. — Ты идешь, Джерек?

Джерек поклонился Монгрову:

— Вы были очень добры, Монгров. Я рад, что мы поняли друг друга.

Монгров наблюдал, как Джерек поднимается в кабину. Глаза его сузились.

— Да, — ответил он, — я тоже рад этому, Джерек.

— И вы согласитесь на обмен? — спросил Джеггед. — Если я привезу вам инопланетянина.

Огромные губы Монгрова задрожали.

— Если вы сумеете добыть мне этого бедолагу, у вас будет серая странница.

— Договорились, — весело воскликнул Лорд, — Я скоро привезу его вам.

И тут, наконец, Монгров решился высказать все начистоту.

— Лорд Джеггед, вы прибыли сюда с целью приобрести мой новый экземпляр?

Лорд Джеггед засмеялся.

— Вот почему вы так насторожились! Я уже было подумал, что обидел вас чем-то.

— Но именно в этом причина? — продолжал настаивать Монгров. Он повернулся к Джереку:

— Вы обманывали меня, притворяясь моим другом все это время, думая лишь о том, как выманить мой экземпляр? Я потрясен!

Разузоренный и закудрявленный Лорд Джеггед высунулся из кабины.

— Потрясены, Монгров?

Джерек не мог сдержать улыбки, наблюдая за артистическим поведением Джеггеда. Но тут Лорд Джеггед обратился к нему хмуря брови:

— Чему Вы улыбаетесь, Джерек? Вы верите тому, что сказал Монгров? Вы тоже считаете, что я пригласил Вас составить мне компанию под ложным предлогом, что у меня не было намерения исправить отношения между вами?

— Нет, — опустил глаза Джерек, пытаясь освободиться от предательской улыбки. — Простите, Лорд Джеггед.

— О, я тоже прошу прощения, — губы Монгрова вновь задрожали. — Я ошибся в вас обоих. Про-

стите меня!

— Конечно, несчастный Монгров, — добродушно ответил Лорд. — Конечно! Конечно! Вы вправе быть подозрительным. Вашей коллекции завидует вся планета. Каждый из ваших экземпляров — драгоценность. Оставайтесь осторожным! Кто-то другой, не такой щепетильный, как мы с Джереком Карнелианом, может обмануть вас.

— Какой я невеликодушный! Какой невежливый, с безобразными манерами. Слишком бездушный! — стонал Монгров. — Какой я гадкий, Лорд Джеггед. Сейчас я ненавижу себя. Теперь вы видите, каков я есть, и вы будете вечно презирать меня!

— Презирать? Никогда! Ваша скромность восхитительна. Я изумляюсь ей. Я изумляюсь вами. А теперь, дорогой Монгров, мы должны отправляться. Возможно, через пару дней я вернусь с экземпляром, который вы желаете.

— О, вы более чем великодушны. Прощайте, Лорд Канари. Прощайте, добрый Карнелиан. Приезжайте ко мне, когда захотите. Хотя я понимаю, что я — плохая компания, и, следовательно, Вы вряд ли…

— Прощайте, безутешный Монгров, — Джерек потянул за свисток, и локомотив издал скор-

бящий звук — вроде стона отчаяния — прежде чем начал медленно подниматься в струящееся дождевое небо.

Лорд Джеггед вновь устроился на диване. Лицо его ничего не выражало, глаза были прикрыты. Джерек отвернулся от окна.

— Лорд Джеггед, Вы эталон хитрости.

— Ладно, ладно, милый, — пробормотал Лорд Джеггед со все еще закрытыми глазами. — Тебя тоже нельзя упрекнуть в отсутствии подобных талантов.

— Бедный Монгров. Как изящно вы отвели его подозрение. — Джерек сел рядом с другом. — Но как мы раздобудем миссис Амелию Ундервуд? Леди Шарлотина, может быть, и не презирает Монгрова, но ревнует к его сокровищам. Она не отдаст нам этого зверька.

— Тогда мы должны украсть его, так? Джеггед открыл свои блеклые глаза, и в них заблестел озорной огонек.

— Мы станем похитителями, Джерек, ты и я!

Предложение было настолько ошеломляющим, что потребовалось некоторое время, чтобы Джерек понял о чем идет речь. А поняв это — он рассмеялся от восхищения.

— Как Вы изобретательны, Лорд Джеггед! Это

отличная идея!

— Да! Обезумев от любви, ты идешь на все, чтобы овладеть предметом своей страсти! Все другие обстоятельства — дружба, престиж, достоинства — отметены прочь! Я вижу, тебе нравится это.

Лорд Джеггед прислонил изящный палец к губам, на которых сейчас можно было различить улыбку.

— Мы приступаем к творению такой пышной драмы. О, Джерек, мой дорогой, ты был рожден для любви!

— Хм, — сказал Джерек задумчиво, — я начинаю подозревать, что был рожден для того, чтобы стать подопытным материалом для управлений вашего незаурядного литературного дара, милорд.

— Ты льстишь, льстишь, ты льстишь мне!

* * *

Чуть позже Джерек услышал нежный голос:

— Мой сын, мой алмаз! Это твоя воздушная машина?

Джерек узнал голос Железной Орхидеи.

— Да, мама. А где ты?

— Ниже тебя, дорогой.

Джерек встал и взглянул вниз. Он различил

две фигуры, разместившиеся на шахматном поле из голубых, пурпурных и желтых квадратов, которое украшали хрустальные деревья, и Джерек поинтересовался у Джеггеда:

— Вы не возражаете, если мы ненадолго остановимся?

— Конечно нет. Джерек приземлил свой локомотив на оранжевый ворс крошечных трилистниковых цветов. В соседнем лазурном квадрате сидела Железная Орхидея с Ли Пао на коленях. Когда Джерек вышел из машины на поле, цвет квадратов снова изменился.

— Не могу определиться сегодня, — объяснила Орхидея. — Ты не можешь помочь мне, Джерек?

Она всегда имела склонность к мехам, и сейчас ее тело покрывал золотистое манто-палантин. Лицо она окрасила в цвета Ли Пао, одетого, как обычно, в тот же сине-голубой сатиновый комбинезон. Ли Пао был смущен. Он пытался слезть с колен Железной Орхидеи, однако та не отпускала его, сидя в красивом мерцающем силовом кресле. Над ее головой кружились маленькие синие птички.

Шахматная равнина простиралась на милю в обе стороны. Джерек задумчиво рассматривал ее. Его занимали иные проблемы, поэтому он

затруднялся с ответом. Наконец, Джерек сказал:

— Я считаю, что все, сделанное тобой, превосходно, самая изысканная из Орхидей. Добрый день, Ли Пао.

— Добрый день, — довольно холодно ответил Ли Пао.

Он предпочитал одиночество, хотя и был собственностью Герцога Квинского. Джереку казалось, что Ли Пао не очень нравится аскетическое окружение, которое Герцог Королев создал для него, хотя китаец утверждал, что это все, в чем он нуждается. Ли Пао перевел взгляд на Джеггеда.

— Я вижу с вами ваш друг-декадент Лорд Джеггед.

Лорд Джеггед приветствовал Ли Пао поклоном, заставившим затрепетать все лилии на его костюме, а ящерицу — приподнять голову и щелкнуть зубами. Затем он коснулся укутанной мехом руки Железной Орхидеи и поднес ее к своим губам.

— Нежнейшая из зверей, — пробормотал он, гладя ее плечо — Самая красивая из кошек.

Ли Пао встал, помрачнев. Он сделал вид, что заинтересовался хрустальным деревом. Железная Орхидея рассмеялась и обняла Лорда Джеггеда, притянув его голову к себе, чтобы поцеловать

ящерицу в чешуйчатую морду.

Не вдаваясь в тонкости ритуала, Джерек подошел к Ли Пао.

— Мы только что покинули Монгрова. Вы его друг?

Ли Пао кивнул — Что-то, вроде этого. У нас совпадают одна или две идеи. Но я подозреваю, что взгляды Монгрова не всегда его собственные, не всегда искренние.

— Монгров? Нет никого, более искреннего…

— В этом мире? Возможно, нет. Но факт остается, — Ли Пао поддел серебристый хрустальный фрукт, и тот мелодично звенел секунды две, прежде чем снова замолчать. — Я имел в виду, не стоит много говорить о выходцах из Вашего общества.

— Да! — начал Джерек торжественно, почти не слушая собеседника. — Я, Ли Пао, столкнулся с любовью! Я отчаянно влюблен, безумно влюблен в девушку.

— Вы не понимаете, что значит любить! — негодующе ответил Ли Пао. — Любовь предполагает посвящение, преданность, самоотверженность, величие души. Это свойства, которыми Вы больше не обладаете. На сей раз это ваша очередная безобразная пародия. Почему Вы так одеты? Вы

что, привидение? Что за душераздирающие фантазии? Вы играете в бессмысленные игры! Вы играете, а у вас на глазах погибает Вселенная!

— Возможно, Вы правы, — ответил Джерек вежливо, — но тогда почему вы не вернетесь в свое собственное время? Это трудно, но вполне возможно.

— Нет! Это не так! Вы наверняка слышали об эффекте Морфейла. Человек может вернуться назад во времени, от силы на пару минут. Ни один ученый за долгую историю Земли не смог решить эту проблему. Но даже если бы был шанс остаться там, что я могу сказать людям, когда вернусь? Что весь их труд, все самопожертвования, идеализм, борьба за справедливость приведут, в конце концов, к вашему прогнившему миру? Я стану чудовищем, если попытаюсь сказать это. Могу ли я описать вашу выродившуюся технологию, вашу разнузданную сексуальную практику, ваше дегенеративное буржуазное времяпрепровождение, на которое вы тратите столетия? Нет!

Глаза Ли Пао сверкали. Разгоряченный этой темой, он чувствовал себя настоящим героем.

— Нет! Моя участь — остаться здесь. И я делаю это, добровольно принося себя в жертву. Мой долг — предупредить вас о последствиях вашего

декадентского поведения. Мой долг — направить вас на путь истинный, задумайтесь над более серьезными вещами, пока не поздно.

Он тяжело дышал, гордясь своей речью.

— А между тем, — раздался расслабленный голос Железной Орхидеи, которая приближалась под руку с Лордом Джеггедом, одобрительно кивающим Ли Пао, — ваша участь, Ли Пао, — развлекать Железную Орхидею яркой игрой эмоций, доставлять ей удовольствие, обожать ее (ведь это именно так, я знаю) и жесточайшей критикой услаждать ее дни.

— О, испорченная женщина! Вы — империалистка! Вы порочны!

Ли Пао зашагал прочь.

— Вы еще вспомните мои слова, — бросил он через плечо. — Апокалипсис уже недалеко. Вы будете сожалеть, Железная Орхидея, что сделали из меня посмешище.

— Какие темные, темные намеки! Ли Пао любит вас? — спросил Лорд Джеггед. На его белоснежном лице появилась задумчивость. Он сардонически предположил. — Возможно, он может научить вас каким-нибудь новым чувствам, мой подмастерье.

— Возможно, — Джерек зевнул. Напряжение,

испытанное во время визита к Монгрову, немного утомило его.

— Почему? — Железная Орхидея с интересом посмотрела на своего сына. — Ты теперь изучаешь «ревность», кровь от крови моей? Вместо «добродетели»? Ли Пао сейчас демонстрировал ревность?

Джерек уже забыл о вчерашнем своем увлечении.

— Наверное, — ответил он, — я должен порасспросить Ли Пао об этом. Разве ревность не является одним из компонентов настоящей любви, Лорд Джеггед?

— Ты знаешь больше меня о подробностях этого периода, жизнерадостный Джерек. Все, чем я могу помочь тебе — это поместить их в контекст нашей драмы.

— В превосходный контекст, — добавил Джерек. Он смотрел вслед уходящему Ли Пао.

— Расскажи мне, Джерек, — попросила его мать, укладывая свои изящные формы на мягкую кушетку и распыляя шахматное поле, которое, откровенно говоря, показалось Джереку ужасным. Поле превратилось в пустыню. Певчие птички стали орлами. Неподалеку возникла пальмовая рощица рядом с источником воды. Оазис появил-

ся в том месте, где находился Ли Пао. Железная Орхидея притворилась, что не заметила этого. Над поверхностью воды осталась только голова китайца, злобно сверкающая глазами.

— Что за игру изобрели вы с Лордом Джеггедом? — с живостью спросила она.

— Мама, я полюбил чудесную девушку, — начал Джерек.

— О! — она вздохнула с восхищением.

— Мое сердце пост, когда я вижу ее. Мой пульс сбивается, когда я думаю о ней. Моя жизнь теряет смысл, когда ее нет рядом!

— Очаровательно!

— И, дорогая мама, она воплощает в себе все, что должна иметь девушка. Она прекрасна, умна, понятлива, жестока! О, мама, я хочу жениться на ней!

Утомленный своим выступлением, Джерек рухнул на песок. Железная Орхидея с энтузиазмом захлопала в ладоши.

Звук утонул в мехах.

— Восхитительно, — она послала ему воздушный поцелуй. — Джерек, мой пупсик, ты гений! Никакое другое описание не подходит. Орхидея наклонилась вперед.

— Ну, а теперь — я жду подробности.

И Джерек рассказал обо всем, что случилось с того момента, когда он в последний раз виделся с матерью и посвятил Орхидею в их планы — включая и Похищение.

— Неотразимо, — сказала она. — Итак, мы должны каким-то образом похитить мрачного инопланетянина у Миледи Шарлотины. Она никогда не простит этого. Я знаю ее. Ты прав — это трудная задача, — она поглядела на оазис и капризно закричала:

— Ли Пао, выйди оттуда!

Ли Пао хмуро смотрел из воды.

— Вот почему я привязана к нему, — объяснила Железная Орхидея. — Ли Пао так прелестно сердится, — она коснулась подбородка и задумалась над ждущей решения проблемой.

Джерек оглядывался по сторонам, заново обдумывая предстоящее действие и начиная сомневаться, не будет ли оно слишком сложным, а хуже того — скучным. Может быть, ему Следовало изобрести предмет страсти попроще? Любовь отнимала слишком много времени.

Наконец, Железная Орхидея подняла голову.

— Первое, что мы должны сделать — это посетить Миледи Шарлотину большой компанией. Столько, сколько возможно. Устроим веселье.

Вечеринка будет суматошной. В самый разгар мы украдем инопланетянина. Каким образом — решим на месте. Я не помню, как устроен ее питомник, да это, в принципе, все равно он, вероятно, изменился с тех пор, как я посещала его в последний раз. Что ты думаешь, Джеггед?

— Я думаю, что ты — гений, мой цветок, — ухмыльнулся Лорд Джеггед и обнял плечи Железной Орхидеи. — Самый душистый из цветов, это превосходная идея. Никто не догадается об истинном намерении. Мы одни спланируем ограбление. Остальные, ничего не ведан, прикроют нашу попытку. Ты согласен, Джерек?

— Я согласен. Что за пару вы составляете? Вы хвалите меня за свою собственную изобретательность, приписываете мне свои идеи… я просто игрушка в ваших руках.

— Чепуха. — Лорд Джеггед прикрыл глаза, словно из скромности. — Ты создал грандиозный проект. Мы — просто твои подмастерья, мы вычерчиваем фон на твоем холсте.

Железная Орхидея протянула руку, чтобы погладить почти задремавшую ящерицу на голове Лорда Джеггеда.

— Наших друзей воодушевляет мысль посетить Миледи Шарлотину. Сначала мы будем наде-

яться, что она дома. И что она пригласит нас. А потом, — Железная Орхидея засмеялась своим изысканным смехом, — мы опять будем надеяться, на этот раз — что она не обнаружит наш обман. По крайней мере, во время похищения. А последствия! Вы можете вообразить последствия, которые возникнут? Ты помнишь, Джерек, наши надежды на нечто, что могло бы заменить прошлые события с Флагами?

— Ну куда каким-то Флагам до похищения, — сказал Лорд Джеггед. — Я снова почувствовал себя молодым.

— Выбыли молодым, Лорд Джеггед? — подняла брови Железная Орхидея с удивлением.

— Ну, вы понимаете, что я имею в виду, — ответил он.

Глава седьмая
Украсть пришельца

Миледи Шарлотина всегда предпочитала подземное существование. Ее территория Под Озером была не только подземной, но и подводной — в истинном смысле этого слова. Мили обширных грязных пещер были соединены туннелями, в которые можно было упрятать множество городов

без малейших трудностей. Миледи Шарлотина сама создала все эти пещеры много лет назад, следуя контурам одного из настоящих озер, оставшихся на планете.

Озеро называлось Козленок Билли, по имени легендарного американского исследователя, астронавта и гурмана, распятого на кресте примерно в 2000 году за то, что он имел несчастье обладать козлиной нижней частью тела. Во времена Козленка Билли такие превращения, очевидно, были не в моде.

Озеро Билли Козленок являлось, вероятно, наиболее древней частью ландшафта планеты. Оно передвигалось только дважды за последние пятьдесят тысяч лет.

Пиршество под озером было в полном разгаре. Около сотни ближайших друзей Миледи Шарлотины прибыли, чтобы повеселить восхищенную и порядком удивленную хозяйку, а заодно и самих себя. Было шумно и сумбурно.

Джереку Карнелиану не составило труда в этой атмосфере тихонько проскользнуть в питомник и отыскать там последнее приобретение миледи в одной из тысячи или двух тысяч маленьких пещер, где она обычно держала свои экземпляры.

Пещера, оборудованная для Юшариспа, нахо-

дилась между одним вольером с шипящим и мерцающе-огненным существом, которое, хотя и было обнаружено на Солнце, но прибыло туда, скорее всего, откуда-нибудь еще, и другим, где содержался крохотный собакоподобный инопланетянин из окрестностей Бельтельгейзе. Юшарисп был поселен в холодной пурпурно-черной башне, покрытой отвратительной слизью. В подобной пульсирующей башне Юшарисп жил на своей родной планете. Башню окружали мерцающие растения и острые темно-желтые скалы. Дом его напоминал космический корабль, который распылила Миледи Шарлотина.

Юшарисп сидел на скале около башни, поджав свои маленькие ножки под сферическим телом. Почти все глаза его были закрыты, кроме одного впереди и одного сзади. Омраченный мыслями, Юшарисп сначала не заметил Джерека, который, прикоснувшись к одному из своих Колец, на мгновение сделал брешь в силовом поле и вошел внутрь.

— Как поживаете, Юшарисп? — поинтересовался Джерек. — Я пришел сказать, что Ваша речь на ужине у Герцога задела меня за живое.

Все глаза Юшариспа, наполненные беспросветной тоской, округлились. Туловище его дрогнуло,

и Джерек испугался, что оно может скатиться вниз, подпрыгивая, словно мячик.

— Вы, хрим, хрям, услышали меня? — похрустел он с тихим отчаянием в голосе.

— О, да! Все, что Вы сказали было очень приятно слышать, — невнятно пробормотал Джерек, думая что, возможно, он начал не с того. — Очень приятная речь.

— Приятная? Я совсем запутался, — Юшарисп начал приподниматься на своих убогих конечностях. — Вы, вы считаете, что я сказал нечто «приятное»?

Джерек подумал, что допустил досадный промах.

— Я хотел сказать, — путался он в собственных словах, — что было приятно слышать выражение подобных чувств, — он ломал голову, пытаясь вспомнить, о чем вещал этот пришелец. Он помнил общее направление речи, однако, все это говорилось уже много раз. Предрекали конец Вселенной, или конец Галактики, или что-то вроде этого. Очень похоже на тот бред, который обычно несет Ли Пао. Может быть, все из-за того, что люди Земли не соблюдают традиции и обычаи, которые в моде на родине Юшариспа? Обычно содержание сообщения гласило: «Вы живете не

так, как мы. Следовательно, вы скоро умрете. Это неизбежно. И в этом вы будете виноваты сами».

— Освежающее, имел в виду… — выкручивался Джерек.

— Я понял, хрум, что вы хотите сказать, — успокоенный чужак спрыгнул со скалы и оказался рядом с Джереком, уставившись на него передними глазами.

— Я рад встретить здесь хоть одного думающего человека, — продолжал Юшарисп. — За все мое путешествие меня впервые принимают так странно. Моя весть всегда находила отклик. Кто-то принимал с достоинством, хрим, и хладнокровием. Кто-то агрессивно, иногда мне не верили, было и такое, что на меня даже нападали. Однажды просто не обратили внимание, потому что не боялись смерти, хрим, хрум. У вас на Земле меня взяли, р-р-р, в плен, а мой космический корабль безжалостно разрушили. И никто не выразил ни сожаления, ни гнева — будто бы ничего не произошло. Мои слова приняли за шутку, а меня — за паяца и заперли в этой конуре. Ведь я, хрим, не совершал никакого преступления. Почему я здесь? Что происходит?

— Наверное, — сказал Джерек, — Вы приглянулись леди Шарлотине и она захотела взять вас в

свою коллекцию. Дело в том, что у нее никогда не было модели, подобной вам: вашей формы, габаритов.

— Это что — зоопарк?

— В некотором роде. Разве она не объяснила? Иногда она бывает уклончива, эта миледи Шарлотина. Но она постаралась соблюсти все мелочи Вашего бытия, чтоб Вы чувствовали себя как дома.

Джерек еще раз взглянул на мерцающие растения и темно-желтые скалы, склизкую башню, торчащую в холодном воздухе. Нетрудно было догадаться, почему пришелец предпочел стать глашатаем во Вселенной.

Юшарисп повернулся и заковылял к своему убежищу.

— Это бесполезно. Мой переводчик работает хуже, чем я думал. Я не могу передать мое сообщение правильно. Это моя вина, а не ваша. Я заслужил это.

— В чем точно заключалось сообщение? — оживился Джерек. Он увидел шанс выяснить это, не показавшись забывчивым. — Возможно, если вы повторите сообщение, я смогу сказать вам, понял ли его.

Инопланетянин, казалось, просветлел и заспе-

шил обратно. Единственным различием между его физиономией и затылком, насколько видел Джерек, было только то, что спереди находился рот. Глаза всюду выглядели одинаково. Пришелец развернулся так, что его ротовое отверстие оказалось направленным на Джерека.

— Ну, — начал Юшарисп, — случилось то, что Вселенная, перестав расширяться, начала сокращаться. Наши исследования показали, что такое происходит все время — расширение — сокращение — Вселенная постоянно меняет форму. Возможно, каждый цикл повторяет предыдущий. Я не знаю. Как бы там ни было, это уводит нас в область Времени, а не Пространства, а я совсем ничего не знаю о Времени.

— Занимательная версия, — сказал Джерек, предчувствуя скуку.

— Это не версия.

— Понятно.

— Вселенная начала сокращаться. Как результат, хрям, все, что уже находится в газообразном состоянии, будет уничтожаться, попав в центральный вихрь Вселенной. Наверное, моя планета уже не существует, — глубоко вздохнул незадачливый гость, — и ваша галактика тоже обречена. Вопрос лишь во времени.

— Ну, ну, — Джерек похлопал пришельца по верхней части тела. Юшарисп обиженно поднял на него проницательные глаза.

— Сейчас не время, хрум, секса, мой друг.

Джерек одернул руку. — Приношу извинения, Вы меня неправильно поняли. — В другое время, быть может… — механический переводчик Юшариспа рычал и стонал, пока тот пытался прочистить свое горло. — Я подавлен происходящим, — оправдывался он. — Я на грани срыва.

План Джерека, или, по меньшей мере, важнейшая его часть, прояснился именно в этот момент. Он сказал:

— Я хочу помочь Вам бежать из плена Миледи Шарлотины.

— Вы? Но силовое поле и тому подобное? Охрана, хрим, хрям, должно быть, очень надежная.

Джерек не сказал несчастному, что тот мог свободно разгуливать по всей планете, если бы только захотел. Разумные существа оставались в питомниках по своей доброй воле. Джерек рассудил, что для его целей лучше всего оставлять Юшариспа в неведении.

— Мне нетрудно справиться со всем этим, — небрежно заявил он.

— Я признателен Вам, — одна из коричневых

кривых лап пришельца коснулась бедра Джерека. — Я верил, что не все на этой планете такие, хрим, хрум, бессердечные. Но мой космический корабль? Как я покину ваш мир? Я должен продолжить мое путешествие, нести свой крест!

— Мы справимся с этой проблемой позже, — заверил его Джерек.

— Очень, хрим, хорошо. Я понимаю, как вы рискуете! — Юшарисп возбужденно подпрыгнул на всех четырех ногах. — Мы можем уйти сейчас или нужны тайные приготовления, хрум?

— Главное, чтобы ваш уход не заметила леди Шарлотина, — ответил Джерек. — Лучше всего временно изменить форму, если Вы не возражаете. Это не очень сложное изменение, ведь у нас нет времени. Не беспокойтесь, я верну вам прежний вид до того, как мы приедем к Монгрову.

— Кто такой Монгров?

— Наше тайное укрытие! Друг, сочувствующий вам!

— А что такое, хрум, изменение формы? — насторожился Юшарисп.

— Маскировка, — сказал Джерек. — Я должен изменить ваше тело.

— Хрим…хрям…хрум… Трюк! Опять жестокий трюк, р-р-р. — Бродячий пророк в волнении попы-

тался скрыться в башне. Теперь Джерек понимал, почему Монгров разглядел родственную душу в Юшариспе. Они превосходно поладят друг с другом.

— Никакого трюка с вами, наоборот, с женщиной, которая заточила вас здесь.

Юшарисп несколько успокоился, но его глаза метались из стороны в сторону, выражая тревогу.

— А что, р-р-р, потом? Куда вы отправите, хрум, меня?

— К Монгрову. Он сочувствует и симпатизирует Вашей миссии и жаждет выслушать все, что вы хотите сказать. Он, вероятно, единственная личность на планете, не считая, конечно, меня, кто действительно понимает важность вашего визита.

Возможно, подумал Джерек, он не обманывает пришельца. Вполне вероятно, что Монгров захочет помочь Юшариспу, когда услышит всю историю маленького существа.

— Теперь… — Джерек повозился с одним из Колец, — если вы позволите мне…

— Хорошо, — сказал инопланетянин, казалось, примирившийся с судьбой. — В конце концов, хрум, мне нечего больше, р-р-р, терять.

* * *

— Джерек, Милый ребенок, Дитя природы! Сын Земли! Иди сюда.

Миледи Шарлотина, в окружении гостей, среди которых были Железная Орхидея и Лорд Джеггед, упорно отвлекающие внимание хозяйки махала рукой Джереку.

Джерек и Юшарисп (его тело слегка изменилось) двигались через толпу радостных гостей в одной из основных пещер рядом с Водными Воротами, через которые Джерек надеялся устроить побег.

Золотые стены пещеры сверкали, потолок и пол были из полированного до зеркального блеска серебра. Поэтому казалось, что каждый находился одновременно в сотне мест на полу и потолке пещеры. Леди Шарлотина плавала в силовом гамаке, в то время, как низкорослый Браннарт Морфейл пыхтел между ее коленей. Морфейл, вероятно, был последним настоящим ученым на Земле. Он ставил опыты в единственно возможной области для подобных занятий — в области манипулирования временем. Когда Его Миледи Шарлотина окликнула Джерека, Морфейл поднял голову и сквозь космы серо-буро-малиновой

гривы стал всматриваться в юношу. Он облизнул губы, окруженные бородкой красно-черного цвета. Его темные глаза засверкали, обвиняя Джерека в прерванном удовольствии.

Джерек был вынужден ответить на призыв Миледи Шарлотины. Он улыбнулся в почтительном поклоне и попытался придумать какую-нибудь вежливую фразу, после которой можно было бы удалиться.

Миледи Шарлотина была обнажена. Все четыре ее золоченные груди с серебряными сосками в тон оформлению пещеры красовались на розовом теле, излучающем спокойствие и комфорт. Ее удлиненное худощавое лицо с острым носиком и заостренным подбородком украшали постоянно меняющие цвет световые нити. Порой казалось, что очертания ее лица меняются тоже.

Джерек с Юшариспом, нервно цепляющимся за него нижними лапками, хотел двинуться дальше, но был вынужден остановиться, чтобы шепотом посоветовать пришельцу взяться за него одной из верхних конечностей, если уж тому непременно надо держаться. Джерек боялся, что Миледи Шарлотина уже обнаружила пропажу.

Юшарисп был готов удариться в бега. Джерек сдержал его порыв, положив руку на неузнавае-

мое туловище.

— Что с вами?

Лицо Миледи Шарлотины в этот момент было малиновым.

— Это странник во времени?

Ее силовой гамак стал двигаться к Джереку и Юшариспу.

Неожиданное движение сбросило Браннарта Морфейла на пол пещеры. Он неподвижно лежал на месте приземления, мрачно разглядывая свое отражение в зеркале пола, и отталкивал протянутые к нему руки Лорда Джеггеда Канари и Железной Орхидеи. Они стояли рядом с ним, стараясь не замечать Джерека, который платил им той же монетой. Ведь неосторожные взгляды могли легко вызвать подозрения Миледи Шарлотины.

— Да, — выпалил Джерек, — путешественник!

При этих словах Браннарт Морфейл снова поднял голову.

— Он здесь недавно. Вероятно, он станет основой моей новой коллекции.

— О, значит, вы собираетесь соперничать со мной? Тогда мне придется следить за вами, Джерек. Ведь вы такой коварный.

— Ну так следите, если есть желание. Хотя моя

коллекция вряд ли когда-нибудь сравнится с вашей, очаровательная Шарлотина.

— Кстати, Вы знаете о моем приобретении? — Шарлотина мельком оглядела пришельца.

— Да, я видел вчера или позавчера. Забавная вещичка.

— Я тронута. Однако ваша находка уж слишком своеобразна. Вы уверены, что это не подделка, дорогой?

— Абсолютно. Это подлинник. Джерек придал беженцу форму Пилт-дауна из 10 столетия. Юшарисп стал похож на косматую, с проплешинами, сутулую обезьяну, которая опиралась на четыре конечности. На нем была накинута потрепанная шкурка какого-то животного, а в руке он держал дубинку с металлической рукояткой и тупым деревянным наконечником.

— Неужели это убожество могло прибыть сюда на собственной машине времени, — не могла поверить Миледи Шарлотина.

Джерек посмотрел в сторону Орхидеи и Джеггеда, но те уже спали мирным сном. Лишь покинутый всеми Морфейл медленно поднимался с пола.

— Нет, его доставила машина из другого времени. Без сомнения, это был несчастный случай. По

всей вероятности, несколько странников погрузились в его период на своей машине. Там они задержались, оставив машину без присмотра, а это примитивное существо, любопытства ради забравшись в машину, нажало на кнопку… или две — и гей-гоп — вот он перед Вами.

— Это он Вам поведал, неистощимый Джерек?

— Что вы? Это лишь предположение. Я не сомневаюсь, мы имеем дело с существом слабоумным, малоразвитым. По всей вероятности, это гибрид человека с тварью.

— А сам он умеет говорить? — полюбопытствовала Леди Шарлотина.

— Только хрюкать, — просветил ее Джерек, неистово кивая головой. — Он общается только хрюками.

Предостерегая Юшариспа от излишних звуков, Джерек остановил на нем тяжелый взгляд. Этот болван мог с легкостью превратить в прах великое дело Джерека. Однако Юшарисп промолчал.

— Жаль, что он только хрюкает. Хотя не стоит расстраиваться. Он лишь первый в твоей коллекции. Все еще впереди, — благословила псевдоначинание Джерека Шарлотина.

Браннарт Морфейл был уже на ногах. Он заковылял чуть быстрее, чтобы присоединиться к

ним. Будучи от природы человеком здоровым, Браннарт пользовался горбом и культей, придерживаясь традиционной точки зрения, что настоящий ученый не может выглядеть иначе. Его устраивала такая внешность, и Морфейл веками оставался неизменным горбуном. Добравшись до собеседников, он спросил:

— Как выглядит машина, на которой он прибыл? Я спрашиваю, потому что у нас нет подобной. Я знаю четыре или пять видов машин, но о такой даже не слышал. И в учебниках истории ничего не сказано о подобных аппаратах. Скорей всего, такой машины просто нет, потому что ее не может быть.

— Почему не может быть?!

Джерек был на грани умопомрачения. Морфейл прекрасно знал обо всем, что касалось машин времени. Он должен был предвидеть это и мог состряпать более правдоподобную байку. Теперь было поздно.

— Приборы в моей лаборатории фиксируют все хроностранствия. Ничто не может появиться у нас незамеченным — особенно машины времени.

— О! Э… — Джерек окончательно запутался.

— Я должен посмотреть на машину, в которой

прибыл этот примитив. Скорее всего это новый тип для нас.

— Завтра, — сказал Джерек в отчаянии, подталкивая своего подопечного к выходу, подальше от Миледи Шарлотины и Браннарта Морфейла, — Вы посетите меня завтра утром…

— Я приду.

— Джерек, вы покидаете мою вечеринку? — Миледи Шарлотина казалась обиженной — Но ведь это ты ее придумал. Ты должен задержаться, мой цветок.

— Сожалею, но мне пора.

Джерек чувствовал себя в западне. Он поправил шкурку, надетую на Юшариспа. У него не хватило времени изменить цвет его кожи, и он остался почти без изменений грязно-коричневым с зелеными пятнами.

— Видите ли, мой экземпляр хочет есть.

— Есть? Мы можем покормить его здесь.

— Специальной пищей? Только я знаю рецепт, — сказал Джерек.

— Но кухня моего зверинца безукоризненна, — возразила Миледи Шарлотина. — Только скажи мне, что он ест, и все будет приготовлено.

— О… — простонал Джерек. Миледи Шарлотина засмеялась. Ее лицо запульсировало световыми

волнами.

— Ты явно не в себе, Джерек. Что ты задумал?

— Задумал? Ничего, — он дал себе слово никогда не ввязываться в подобные истории.

— Ты действительно приобрел это существо так, как рассказал, или здесь кроется тайна? Может, ты сам путешествовал во времени?

— Нет, нет, — его губы пересохли. Он постарался отрегулировать влажность своего тела, но разницы не почувствовал.

— Может, ты сделал этого пришельца сам? Все же он очень похож на жалкую подделку.

Она подбиралась все ближе. Джерек нашел взглядом выход и прошептал Юшариспу:

— Там путь к свободе. Мы должны…

Миледи Шарлотина сделала шаг к пришельцу, наклонившись вперед, чтобы лучше рассмотреть его. Запах ее духов был настолько сильным, что Джереку стало дурно. Сузив глаза Шарлотина спросила Юшариспа:

— Как тебя зовут?

— Он не говорит… — голос Джерека дрогнул.

— Хрум, — вырвалось у Юшариспа.

— Его зовут Хрум, — нашелся Джерек, толкая незадачливого беглеца вперед.

Космический путешественник упал на четве-

реньки и посеменил в сторону туннеля, ведущего из пещеры. Его дубинка осталась лежать на полу.

Брови Миледи Шарлотины сошлись над переносицей, на ее многоцветном лице постепенно проявилась подозрительность.

— Мы увидимся завтра, — сказал Браннарт Морфейл, пропустивший всю остальную часть беседы. — Насчет машины времени…

Он повернулся к Миледи Шарлотине, которая приподнялась на одном локте в своем силовом гамаке и смотрела с открытым ртом вслед Джереку.

— Интересно, — задумчиво сказал Браннарт Морфейл. — Скорее всего новая форма хроностранствий.

— Скорее новая форма надувательства, — мрачно предположила миледи Шарлотина. Голос ее звучал скорее мелодраматически, нежели искренне, когда она воскликнула:

— Джерек! Джерек!

Джерек обернулся на бегу, крича:

— Мой пришелец… Я имею в виду, мой скиталец во времени… Он убегает! Я должен поймать его! Чудесная вечеринка! Прощайте, ослепительная Шарлотина!

— О, Джерек!

Но Джерек пустился вслед за Юшариспом через туннели к Водяным Воротам — энергетической трубе, проложенной сквозь воду, на берег — туда, где их ждал маленький локомотив.

Джерек взмыл в небо, таща за собой Юшариспа.

— В машину! — тяжело выдохнул Джерек, подплывая к локомотиву. Вместе они ввалились в кабину и рухнули на диван.

— К Монгрову! — крикнул он, наблюдая за озером — нет ли признаков преследования, — и побыстрее!

Оглянувшись, Джерек увидел, как Миледи Шарлотина вынырнула из мерцающего озера на своем силовом гамаке, все еще опираясь на один локоть, испуская гневные вопли вслед тающему в синеве локомотиву.

Джерек напрягся, стараясь различить слова, но не услышал их. Он надеялся также, что она проявит достаточно спортивный характер и не станет использовать следящее устройство за его воздушной машиной, или не протянет силовой луч, дабы вернуть назад. Возможно, Миледи еще не поняла, что он сделал.

Но тут до его ушей донесся театральный крик

Шарлотины:

— Держите! Держите вора!

Джерек почувствовал дрожь в коленках и понял, что переживает самое восхитительное волнение в своей жизни. Ничего подобного он не испытывал даже в детстве.

— Держите, — бормотал он про себя, а локомотив тем временем быстро двигался к владениям Монгрова. — Держите вора! О, вор, вор, вор! — его дыхание стало тяжелым. Голова кружилась — Держите вора!

Юшарисп, после долгих и неудачных попыток залезть на диван, сдался и уселся на пол.

— Будут неприятности? — спросил он.

— Думаю, да, — овладел собой Джерек. — Да! Неприятности, — его глаза остекленели, он стал смотреть сквозь Юшариспа.

Юшарисп был тронут благородством Джерека.

— Почему вы так рискуете из-за незнакомца, вроде меня?

— Из-за любви, — прошептал неудачный похититель и поежился от удовольствия — Из-за любви!

— Вы — великодушное, хрим, существо, — нежно произнес Юшарисп и поглядел сияющими глазами на Джерека. — Сильнее, хрим, хрям,

любви, как мы говорим, р-р-р, на нашей планете, не имеет никто, хрум, что дар соф, — он остановился в смущении. — Это должно быть, хрим, непереводимо…

— Давайте-ка я изменю вас обратно. Ведь скоро мы прибудем к Монгрову, — деловито сказал Джерек.

Глава восьмая
Обещание миссис Амелии Ундервуд

Монгров был восхищен, получив Юшариспа. Чуть не задушив тщедушного пророка в железных объятьях, он мгновенно начал расспрашивать обо всех нюансах его рокового сообщения.

Юшарисп не ожидал такого приема и был весьма польщен, все еще заблуждаясь относительно своей дальнейшей судьбы. Поэтому Джерек Карнелиан совершил сделку без промедления и исчез со своим новым сокровищем, оставив Монгрова с Юшариспом одних, глубоко погруженных в беседу.

Миссис Амелия Ундервуд была обездвижена для облегчения транспортировки и перенесена на борт локомотива. Ее не стали просвещать, что с нынешнего момента она — собственность

Джерека.

Джерек, не теряя времени, вернулся на свое ранчо и поместил миссис Ундервуд там, где в древние времена, по его сведениям, находилась самая важная часть дома — подвал. Подвал, в котором стояли резервуары с вином, располагался над спальней и был самым красивым помещением в доме, и Карнелиану показалось, что миссис Ундервуд понравится проснуться в такой приятной обстановке.

Уложив ее на софу в центре комнаты, Джерек отрегулировал силовые поля так, чтобы она проснулась только на следующее утро.

Затем он отправился в свою спальню, горя нетерпением подготовиться к встрече с любимой и полный решимости произвести на сей раз достойное впечатление.

До утра было много времени, и Джерек, не спеша, стал обдумывать все детали своего одеяния. Разочаровавшись в попытках доставить ей удовольствие, подражая в нарядах, он решил на сей раз одеться просто. Он сотворил свое голографическое изображение и стал примерять на него костюмы разных эпох.

После долгих часов поиска Джерек остановился на одежде в белых тонах, соответственно окра-

сив волосы, брови и губы. Он решил, что теперь полностью вписывается в интерьер подвала, особенно, если наденет только одно Кольцо с крупным красным рубином, который будет напоминать каплю свежей крови.

Джерек подумал, не захочет ли миссис Ундервуд переодеться, ведь ее серый костюм, белая блузка и соломенная шляпа приняли довольно помятый и блеклый вид. Он решил смоделировать для нее несколько нарядов и преподнести ей, как дар влюбленного. Будучи начитанным в литературе этого периода, он знал, что дары являются неотъемлемой частью ритуала ухаживания и должны встретить теплый прием.

Но нужен и другой подарок простой, но изящный. И музыка. Должна играть музыка…

После всех приготовлений осталось время, и Джерек решил поразмыслить о недавних событиях. Миледи Шарлотина, конечно, захочет отомстить ему за этот трюк с кражей ее экспоната. Досадно, если она решит действовать немедленно, и это помешает его ухаживаниям. Джерек надеялся сохранить обман в тайне и не ожидал, что Шарлотина так быстро раскусит его. Увы, но теперь изменить что-либо было не в его силах. Оставалось надеяться, что ее месть не

будет чересчур изощренной.

Джерек возлежал на белых перинах и нетерпеливо ждал утра, намеренно не ускоряя ход времени, так как знал, что подобная вещь могла быть опасной для девушки.

Он обдумывал сложившуюся ситуацию. Ему понравилась миссис Ундервуд, и он с нежностью стал вспоминать ее красивую кожу и миловидное личико. Она казалась неглупой, и это тоже было приятно. Если она полюбит его завтра (что несомненно), то можно будет начать много новых игр—«ссоры», «самоубийство», «прогулки под луной», «неизбежные прощания» и так далее. Все зависело от того, насколько воображение Амелии сможет подыгрывать ему.

И будущий возлюбленный уснул с умиротворенной улыбкой на красивых губах.

Утром Джерек Карнелиан отправился ухаживать.

В полупрозрачном белом костюме, с курчавыми белоснежными волосами, с улыбающимися белыми губами, с длинными лиственными растениями в одной руке и с серебряным «чемоданом», полным одежды, в другой, он остановился перед дверью из натурального шелка, натянутого на золоченую раму, и дважды топнул об пол вместо

стука (механизм стука в дверь остался для него одной из непознанных тайн).

Заиграла музыка. Это было сочинение композитора по имени Чарлз Ив, близкого по времени к 19 столетию, чьи бесхитростные сельские мелодии, должны, по разумению Джерека, порадовать миссис Ундервуд.

Для начала он сделал музыку тихой, почти неслышной.

— Миссис Амелия Ундервуд, — сказал он. — Вы слышали мой стук? Или топанье?

— Вы заблуждаетесь, любезный, если думаете, что сможете довести меня до сумасшествия! Я покончу с собой! О, чудовище!

— Вы попробовали завтрак? Я надеюсь, он пришелся Вам по вкусу? — миролюбиво поинтересовался Джерек.

Тон ее стал насмешливым, хотя напряжение и оставалось.

— Я никогда не злоупотребляла сырым мясом, сэр. Чистое виски также не соответствует моим представлениям о напитке, приличествующем леди. В другой тюрьме я получу, — по меньшей мере, ту пищу, о которой попрошу.

— Тогда просите! Просите, миссис Амелия Ундервуд! Мне казалось, что я сделал все правильно.

Возможно, в вашем районе мира в то время обычаи были другими… Все же, вы должны сказать мне…

— Если мне суждено оставаться здесь пленницей, сэр, — сказала она твердо, — я прошу на завтрак два ломтика чуть обжаренного хлеба, несоленое масло, чеширский сыр, мармелад, кофе и, пожалуй, два вареных яйца.

Он сделал движение Красным Кольцом.

— Готово. Запрограммировано.

Ее голос продолжал:

— На ленч… ну, это будет по-разному. Но так как климат здесь довольно теплый, уместно употреблять в пищу различные салаты. Но никаких томатов. Они дурно влияют на цвет лица. По воскресеньям — жареная говядина, баранина или свинина. Оленина в охотничий сезон, хотя, говорят, она горячит кровь, и временами — дичь. Бараньи котлеты. Вареные телячьи щечки и прочее. Я составлю вам список. И йоркширский мясной пудинг приправленный соусом из редьки. С бараниной лучше пряный соус. А со свининой — яблочный. Лук желательно подавать к телятине, хотя я предпочитаю определенные специи к телятине, которые я позже внесу в список. На обед…

— Миссис Амелия Ундервуд! — закричал в смятении Джерек Карнелиан. — У вас будет любая пища, какую вы пожелаете. Вы будете есть черепах и индюков, сердца и ляжки, подливы и соусы, рыбу и дичь. Любые звери будут созданы и умрут, чтобы усладить ваш вкус! Клянусь вам, что вы больше никогда не будете завтракать сырым мясом и виски. Миссис Ундервуд, можно мне войти сейчас!

В ее голосе прозвучала нотка удивления.

— Вы же тюремщик, сэр. В вашей воле делать все, что вам угодно. Музыка Чарлза Ива стала громче, и Джерек, преодолевая шелк двери, споткнулся и подпрыгнул не в том стиле, какой допустим при ухаживании. Сквозь грохот ударника он услышал причитания Амелии:

— Кошмар! Кошмар!

— Вам не нравится музыка? Она из вашего времени.

— Это какофония.

— Понятно, — он щелкнул пальцами, и музыка стихла. Джерек повернулся и поправил шелк на раме. Затем, с низким поклоном, который смело мог конкурировать с поклонами Лорда Джеггеда, он явил себя во всей снежной белизне.

На девушке был все тот же наряд, разве что

шляпка не красовалась на ее прелестной головке, а лежала на аккуратно прибранной софе. Миссис Ундервуд стояла рядом с резервуаром, полным искрящегося шампанского, сложив на груди руки и неодобрительно поджав губы. Она действительно была самым красивым представителем Homo sapiens, какое когда-либо мог лицезреть Джерек, за исключением, конечно, самого себя. Маленькие пряди каштановых волос ниспадали на ее личико. Серо-зеленые глаза излучали спокойствие. Плечи были расправлены, спина прямая, маленькие сапожки сдвинуты вместе. Он не смог бы вообразить и создать ничего подобного.

— Ну, сэр? — произнесла она резким, холодным тоном. — Я предполагаю, что вы похитили меня. Вы в силах справиться с моим телом, но никогда не получите мою душу.

Он почти не услышал слов, упиваясь ее красотой. Но потом, спохватившись, Джерек предложил ей пучок шоколадок. Она отказалась.

— Наркотики, — отрезала она, — никогда не попадут в мой рот по доброй воле!

— Это шоколад, — объяснил Джерек.

— Шоколад, — она пригляделась более внимательно, казалось, заколебавшись на мгновение, но затем ее лицо снова приняло решительное

выражение.

— Я не приму их!

Наконец, он был вынужден положить шоколад на кушетку и сесть рядом с ее шляпой. Он распылил чемодан, содержимое которого посыпалось на пол.

— А что это?

— Одежда, — ответил Джерек, — для вас. Красивая?

Она поглядела вниз на обилие цвета и разнообразие материала. Ткани мерцали. Их красоту нельзя было отрицать, и все цвета шли ей. Губы миссис Ундервуд раскрылись, щеки покраснели. Но она поддела платье сапожком.

— Это неподходящая одежда для хорошо воспитанной леди, — сказала она. — Вы должны убрать ее.

Он был разочарован, он был обижен.

— Но?... Убрать?

— Мое платье вполне меня устраивает. Правда, ему требуется небольшая чистка, но в этой... в этой клетке я нигде не могла обнаружить даже кусочка мыла?

— Вам не надоела, миссис Амелия Ундервуд, та одежда, что вы носите?

— Нет! Вот если бы я имела кусочек мыла...

— Хорошо, — он сделал жест Кольцом. Одежда у ее ног поднялась в воздух, изменила форму и цвет и поплыла к кушетке. Теперь рядом с шоколадом и шляпой лежали в ряд шесть одинаковых наборов, укомплектованных даже соломенными шляпами, каждый в точности повторял ее одеяние.

— Благодарю вас, — она стала чуть снисходительней, — это намного лучше, — она нахмурилась. — Может быть, в конце концов, вы и не такой.

Обрадованный, что сделал нечто, заслуживающее ее одобрение, Джерек решил объявить о своих чувствах. Он аккуратно встал на одно колено, приложил обе руки к сердцу и поднял глаза к небесам с видом обожания.

— Миссис Амелия Ундервуд!

Она испуганно отшатнулась назад и натолкнулась на резервуар с вином, в котором что-то булькнуло.

— Я Джерек Карнелиан, — продолжал он. — Рожденный женщиной. Я люблю вас!

— О, боже!

— Я люблю вас больше, чем люблю жизнь, достоинство или богов! — продолжал Джерек. — Я буду любить вас, пока коровы не вернутся домой,

пока свиньи не перестанут летать! Я, Джерек…

— Мистер Карнелиан, — она была ошеломлена столь оригинальным проявлением его страсти.

Он спросил себя: «Почему»? В конце концов, в ее времени все только и делали, что заявляли о своей любви к кому-либо!

— Встаньте, сэр, пожалуйста. Я порядочная женщина. Мне кажется, вы что-то недопонимаете, не учитываете мое положение в обществе. Мистер Карнелиан, я замужем. Домашняя хозяйка из Бромли, графство Кент, близ Лондона. Кстати, сэр я хотела бы кое-что посетить…

— Домашняя хозяйка! — он умоляюще посмотрел на нее, ожидая объяснения.

— Сэр, подчеркиваю… я хотела бы кое-что посетить…

Он был озадачен.

— Я не понимаю!

— Мистер Карнелиан, я уже намекала, старалась коснуться довольно деликатно вопроса, касающегося… э… некоторых пустяков. Я не смогла их обнаружить.

— Пустяков?

Все еще стоя на одном колене, Джерек обвел глазами подвал, огромные емкости с вином, саркофаги, чучела аллигаторов и медведей.

— Боюсь, я все равно не понимаю…

— Мистер Карнелиан, — она кашлянула и опустила глаза к полу — Ванная…

— Но миссис Амелия Ундервуд, если вы хотите принять ванну, здесь есть емкость с вином. Или, может быть, вы предпочитаете молоко.

Она произнесла более настойчиво, хотя смущение еще не до конца покинуло ее:

— Я не хочу принимать ванну, мистер Карнелиан. Я имею в виду, — она набрала в грудь воздуха, — ватерклозет.

Осененный догадкой, Джерек счастливо улыбнулся.

— Мне кажется я понял, о чем идет речь! Я наполню клозет водой, и мы займемся там любовью. О, в воде! В жидкости!

Ее губы задрожали, и она чуть не расплакалась. Неужели он снова попал впросак? Джерек беспомощно посмотрел на нее.

— Я люблю вас, — сказал он.

Она закрыла лицо руками, ее плечи дрогнули.

— Вы, должно быть, меня ужасно ненавидите, — приглушенным голосом сказала она. — Если делаете вид, что не понимаете моих слов… О, как вы ненавидите меня!

— Нет! — вскричал он. — Нет! Я люблю вас! Я

исполню любое ваше желание! Сделаю все, что в моих силах! Просто вы, миссис Амелия Ундервуд, непонятно выражаетесь, — он развел руками. — Посмотрите, я старался создать это жилище в соответствии с вашим периодом времени, и я буду счастлив сделать то, о чем вы просите, если только вы объясните подробнее, — он выдержал паузу.

Она опустила руки и внимательно взглянула на него.

— Лучше нарисуйте! — предложил Джерек.

Она снова закрыла лицо руками, и плечи ее задрожали опять. Потребовалось некоторое время, прежде чем он выяснил, что же она хочет. Сильно покраснев, миссис Ундервуд объяснила ему срывающимся нервным голосом, Джерек засмеялся от удовольствия, когда, наконец, понял.

— Подобные функции давно упразднены у нас. Я могу слегка переделать ваше тело, и вам не понадобится…

— Я не позволю вмешиваться!

— Как вам будет угодно!

* * *

Наконец, он изготовил ей «ванную», в соответствии с ее инструкциями, и поместил ее в одном

из углов подвала. Затем, по ее дальнейшим требованиям, он отгородил ее стенками, добавив от себя красный мрамор и зеленый малахит. Как только он закончил, миссис Ундервуд вбежала внутрь и захлопнула дверь, напомнив ему маленькое нервное животное. Джерек подумал, что стенки дают ей ощущение безопасности, которое не может обеспечить подвал. Сколько она будет оставаться в ванной за мраморной дверью, отказываясь видеть его? Может быть, вечность! Как те экземпляры питомника, которые могут существовать только в своей среде обитания? Джерек ждал, как ему показалось, очень долго. Затем он сдался и позвал ее:

— Миссис Амелия?

Ее голос резко прозвучал с другой стороны двери:

— Мистер Карнелиан, у вас нет такта! Я могла ошибиться в ваших намерениях, но не могу игнорировать тот факт, что ваши манеры оставляют желать лучшего.

— О! — обиделся Джерек — Миссис Амелия. Я известен своим тактом. Я знаменит этим. Я был рожден!

— Также, как и я, мистер Карнелиан. Я не могу понять, почему вы так подчеркиваете это. Мне

вспоминаются дикари, которых мы, по несчастью, встретили, когда мой отец, мать и я сама находились в Южной Америке. У них имелась похожая фраза…

— Они были бестактны?

— Это не имеет значения. Скажем так, что ваш такт очень отличается от такта настоящего английского джентльмена. Секунду…

Раздался клокочущий шум воды, и она, наконец, появилась. Миссис Ундервуд выглядела немного свежее, но бросила на Джерека взгляд загадочного неудовольствия.

Джерек Карнелиан никогда не испытывал прежде ничего похожего на подавленность, но он начал понимать значение этого слова, когда вздохнул в расстройстве по поводу своей неспособности общаться с миссис Ундервуд. Она все время неправильно истолковывала его намерения. Сообразно его первоначальным расчетам, они должны были в этот момент находиться на кушетке, обмениваясь поцелуями и заверяя друг друга в вечной любви. Все происходящее крайне обескуражило его. Он решил повторить попытку.

— Я хочу заняться любовью с вами, — сказал он, рассудительно. — Разве это плохо? Я уверен, что

люди только этим и занимались в ваше время. Я знаю это. Все, что я изучал, доказывает, что это было главной приметой века!

— Мы говорим не об этом, мистер Карнелиан. Есть такая вещь, мистер Карнелиан, как институт христианского брака, — ее тон, смягчаясь, приобрел наставническую нотку. — Та любовь, с которой вы говорите, освящена обществом, только если двое, участвующих в ней людей, женаты. Я верю, что вы не чудовище, как я, признаюсь подумала поначалу. Вы, в своем роде, вели себя почти по-джентльменски. Значит, я должна сделать вывод, что вы введены в заблуждение. Если вы хотите научиться соответствующему поведению, я не буду мешать вам. Я сделаю все, что смогу, чтобы научить вас цивилизованным манерам.

— Да, — он просветлел. — Христианский брак? Значит, мы должны сделать это.

— Вы хотите жениться на мне? — она холодно рассмеялась.

— Да, — он снова начал опускаться на колени.

— Я уже замужем, — объяснила она, — за мистером Ундервудом.

— Я тоже замужем, — повторил он, не в состоянии вникнуть в смысл ее последнего заявления.

— Тогда мы не можем пожениться, мистер Карнелиан, — она снова засмеялась. — Люди, уже женатые, должны оставаться женатыми на тех людях, с которыми они… э… уже женаты. На ком вы женаты?

— О, он улыбнулся и пожал плечами. — Я был женат на многих людях. На моей матери, конечно, Железной Орхидее. Она была первой, потому что была ближе всех. Затем вторая, если не первая, миссис Кристия, Неистощимая Наложница. И Миледи Шарлотина. И Вертер де Гете, нос ним, насколько помню, я бывал очень мало. И чаще всего на Лорде Джеггеде, моем старом друге. И, возможно, сотне других людей.

— На… сотне других? — она обмякла и присела на кушетку. — Сотне? — она бросила на него странный взгляд. — Вы меня правильно поняли, мистер Карнелиан, когда я говорила о замужестве? Ваша мать? И еще — мужчина? О, боже!

— Я уверен, что правильно понял вас. Жениться — означает занятие любовью, не так ли? — он сделал паузу, пытаясь вспомнить более прямую фразу, наконец, вспомнив ее, выпалил — Сексуальная любовь!

Она откинулась назад на кушетку, закрыв глаза изящной ручкой и прошептала:

— Пожалуйста, мистер Карнелиан! Прекратите сейчас же! Я не хочу больше слышать! Оставьте меня, прошу вас!

— Вы не хотите выйти за меня замуж сейчас?

— Убирайтесь! — она показала дрожащим пальцем на дверь. — Немедленно убирайтесь!..

Он терпеливо повторил:

— Я люблю вас, миссис Амелия Ундервуд. Я принес шоколад, одежду. Я сделал… э… ванную для вас, обманывал и лгал из-за вас, — он замолк, затем продолжил извиняющимся тоном. — Я признаю, что еще не потерял уважения своих друзей, но постараюсь добиться этого каким-то образом. Что еще я должен сделать, миссис Амелия Ундервуд?

Она немного успокоилась и, глубоко вздохнув, сказала, уставившись в пространство:

— В конце концов, это не ваша вина. И мой долг помочь вам. Вы ведь просили о помощи. Это будет титанический труд, но я жила в Индии, посещала Америку. Мало осталось уголков Империи, о которых я не имею представления. Мой отец был миссионером. Он посвятил свою жизнь обучению дикарей христианской добродетели.

— Добродетель? — он на коленях подполз вперед. — Добродетель! Вот оно! Вы научите меня

добродетели, миссис Амелия Ундервуд.

Она вздохнула, ее взгляд стал рассеянным, и, казалось, она была на грани обморока.

— Как может истинный христианин отвергнуть такую просьбу? Но сейчас вы должны оставить меня, мистер Карнелиан, а я обдумаю, как следует, эту ситуацию.

Он снова поднялся на ноги.

— Как вам будет угодно. Скажите, когда я научусь добродетели… я смогу стать вашим возлюбленным?

Она устало махнула рукой.

— Если бы у вас нашелся флакон с нюхательной солью, сейчас он мне не помешал бы.

— Он будет у вас! Только объясните, что это такое!

— Хорошо, позже я объясню вам и это. А сейчас оставьте меня одну. Будем считать, что вы пытались всего лишь подшутить над моим положением, и пока у меня нет доказательств противоположного… — она упала на кушетку, сохранив достаточно сил, чтобы прикрыть лодыжку краем платья.

— Я вернусь позже, — пообещал Джерек. — И мы начнем занятия!

— Позже, — выдохнула она, — … да… позже…

Он шагнул сквозь шуршащий шелк двери, затем повернулся и поклонился низким галантным поклоном. Миссис Ундервуд посмотрела на него отсутствующим взглядом и покачала головой.

— Мое милое сердце, — пробормотал Джерек. Она нащупала часы на цепочке, висевшие у нее на поясе, открыла крышку и посмотрела.

— Я жду ленч, — сказала она, — ровно в час.

Почти с радостью Джерек вернулся в свою спальню и бросился на перину. Ухаживания, надо признать, оказались более трудным и сложным делом, чем он сперва представлял. Хотя, по крайней мере, он скоро узнает тайну загадочной Добродетели и хоть что-то приобретет с появлением миссис Ундервуд.

Его раздумья были прерваны голосом Лорда Джеггеда Канари, звучащим прямо в ухе:

— Могу я поговорить с тобой, мой славный Джерек. Ты не занят чем-нибудь другим? Я вижу, ты у себя.

— Конечно, — Джерек встал. — Я сейчас присоединюсь к вам.

Джереку было приятно появление Джеггеда. Ему хотелось поделиться с другом всем, что произошло между ним и его возлюбленной. Он хотел спросить совета у Лорда Канари о том, что следу-

ет предпринять дальше. В конце концов, все это было идеей Лорда…

Джерек скользнул вниз, в гостиную, и обнаружил там своего друга, который прислонился к стволу фикуса с фруктом в руке, который ел почти механически. Одет он был в голубой туман, обволакивающий его тело и поднимающийся над головой в виде своеобразного капюшона.

— Доброе утро, Джерек, — сказал он, распыляя фрукт. — Как твоя новая гостья?

— Сначала она никак не реагировала на меня, — пожаловался Джерек, — она, похоже, посчитала меня несимпатичным. Но, кажется, я сломал ее сопротивление. Недолго осталось ждать того, когда занавес поднимется для основного действия.

— Она отвечает тебе взаимностью?

— Я думаю, она начинает любить меня. Во всяком случае, начинает проявлять интерес к моей персоне.

— Так ты еще не занимался с ней любовью?

— Пока нет. Оказывается, существует больше ритуалов, чем вы или я могли вообразить. И все совершенно различные. Как это интересно!

— Ты все еще любишь ее?

— О, конечно! Отчаянно! Я не из тех, кто отступает, Лорд Джеггед! Надеюсь, вы это знаете?

— Прости. Если я чем-то задел тебя, — улыбнулся Лорд Канари, показав острые золотые зубы.

— Если она не полюбит меня, то история из драмы или трагедии превратится в фарс, дурную комедию, не стоящую стараний!

— Да, да! — согласился Джеггед. Но улыбка его оставалась странной.

— Она научит меня обычаям своей расы, подготовит к основному ритуалу, который называется «женитьба». Потом, без сомнения, она признается мне в своей любви.

— И сколько на все это потребуется времени?

— О, по меньшей мере день или два, — беспечно ответил Джерек. — Может быть, неделя, — он вспомнил о недавних событиях. — А как Миледи Шарлотина восприняла мое, гм, преступление?

— Исключительно хорошо, — Лорд Джеггед зашагал по комнате, оставляя после себя маленькие облачка голубого тумана. — Она поклялась в как же это..., «вендетте».[14] Сейчас она обдумывает самую лучшую форму мести. Какие возможности! Ты никогда даже не сможешь представить некоторые из них. Возмездие, мой дорогой друг,

---

[14] notes: 14

«... она поклялась в вендетте...»

Вендетта (от итал. vendetta — мщение) — название кровной мести на островах Сицилия и Корсика.

настигнет тебя в самый неподходящий момент! И оно будет жестоким! Оно будет соответствовать твоей вине!

Но Джерек почти не слушал.

— Шарлотина весьма изобретательна, — рассеянно сказал он.

— Весьма.

— Но она ведь не станет мстить немедленно?

— Думаю, нет.

— Хорошо. Мне хотелось бы располагать временем, чтобы завершить ритуал с миссис Амелией Ундервуд прежде, чем я начну думать о мести Миледи Шарлотины.

— Я понимаю, — Лорд поднял свою изящную голову и посмотрел сквозь стену. — Ты немного пренебрегаешь декорациями. Твои стада бизонов давно не перемещались, а попугаи совсем исчезли. И это, насколько я понимаю, соответствует поведению человека, охваченного страстью.

— Пора убрать этот закат, он мне наскучил, — Джерек повернул Кольцо, и ландшафт внезапно наполнился обычным светом от тусклого старого Солнца. Это не совсем отвечало вкусу Джерека, но он больше не обращал внимание на такие мелочи.

— Почему бы и нет? А кто это явился к тебе в

гости?

Неуклюжий и тяжелый орнитоптер хлопал невпопад огромными металлическими крыльями. Машина бухнулась на лужайку рядом с локомотивом Джерека. Из нее выбралась маленькая фигура.

— Неужели, — воскликнул Лорд Канари — это сам Браннарт Морфейл. Вероятно, по распоряжению Миледи Шарлотины. Открывать военные действия?

— Надеюсь, нет. Джерек смотрел, как горбатый ученый проковылял вверх по ступенькам веранды: Браннарт Морфейл любил подчеркивать свою хромоту. Он доплелся до двери и поприветствовал друзей.

— Здравствуйте, Браннарт, — сказал Лорд Джеггед, шагнув навстречу и хлопая ученого по горбу. — Что заставило вас покинуть лабораторию?

— Надеюсь, ты помнишь, Джерек, — осведомился хронолог, — что обещал продемонстрировать мне сегодня машину времени. Новую машину.

Джерек совершенно забыл свой поспешный и беглый разговор с Морфейлом предыдущим вечером.

— Машину времени? — повторил он, пытаясь

вспомнить то, что говорил. — О да. — Джерек решил признаться во всем. — Сожалею, но это была шутка, мой дорогой Морфейл. Шутка с миледи Шарлотиной. Вы разве не слышали об этом?

— Нет. Она казалась раздраженной, когда вернулась, но я вскоре уехал, потому что она потеряла интерес ко мне. Какая жалость! — Браннарт пригладил пальцами разноцветную бороду, приняв известие достаточно философски. — Я надеялся…

— Конечно, вы надеялись, моя скрюченнная потрепанная любовь, — вступил в разговор Лорд Джеггед. — Но у Джерека здесь есть хроностранник.

— Пилтдаунский человек?

— Не совсем. Чуть более поздний экземпляр. 19-й век, не так ли, Джерек? — сказал Лорд Джеггед — Леди.

— Англия 19-го века, — сказал Джерек чуточку педантично, кичась своим знанием периода.

Но Браннарт был разочарован.

— Прибыла в обычной машине, да? 19-го, 20-го или 21 века. Модель с большими колесами, не так ли?

— Полагаю, да, — Джерек не подумал спросить ее. — Я не видел машину. Вы видели, Лорд

Джеггед?

Лорд Джеггед пожал плечами и покачал головой.

— Когда она прибыла? — спросил старый Морфейл.

— Два или три дня назад.

— Никакой машины не было зарегистрировано в это время, — решительно заявил Морфейл. — Ни одной, уже довольно много времени. Ты должен узнать у своей странницы, Джерек, какого рода аппарат она использовала. Может статься — это важно. В конце концов, ты можешь помочь мне. Новый вид машины времени, а может даже и не машины. Загадка, а?

Его глаза блестели.

— Буду рад, если смогу чем-нибудь помочь. Я уже и так зря заставил вас приехать сюда, Браннарт. Все что вас интересует, я выясню как можно скорее.

— Ты очень добр, Джерек, — Браннарт Морфейл сделал паузу. — Я позволю себе откланяться…

— Вы останетесь на ленч?

— Э, нет. И меня ждут эксперименты. Еду, — он помахал худосочной рукой. — До свидания, мои дорогие!

Они проводили его до орнитоптера. Агрегат с

лязганьем, после нескольких неудачных попыток, поднялся в небо. Джерек помахал ему вслед, а Лорд Джеггед в это время оглянулся на дом с задумчивым видом.

— Загадка… пробормотал Джеггед.

— Загадка? — Джерек повернулся к нему.

— Тоже загадка, — сказал Лорд Джеггед и подмигнул Джереку.

Джерек подмигнул в ответ, слегка недоумевая.

Глава девятая
Немного идиллии, немного трагедии

Шли дни. Миледи Шарлотина не мстила.

Лорд Джеггед Канари куда-то исчез по своим делам и больше не посещал Джерека.

Монгров и Юшарисп стали хорошими друзьями, и Монгров был полон решимости помочь Юшариспу построить новый космический корабль.

Железная Орхидея увлеклась Вертером де Гете и предпочитала теперь черные тона. Даже свою кровь она превратила в черную жидкость. А спала она в большом черном гробу, который стоял в огромной усыпальнице из черного мрамора и эбонита. Казалось, наступил сезон мрака, траге-

дии и отчаяния. Все уже знали о безнадежной страсти Джерека к миссис Амелии Ундервуд. Он положил начало новой моде, которой мир следовал с большим рвением, нежели моде на Флаги.

По иронии судьбы эта мода не коснулась только Джерека Карнелиана и миссис Амелии Ундервуд. Они довольно приятно проводили время вместе с того момента, как Джерек смирился с тем, что ему пока не суждено достичь вершины своей любви, а миссис Амелия Ундервуд утвердилась во мнении, что он, по ее выражению, больше похож на заблудшего набоба, чем на коварного кесаря.[15] Джерек точно не знал, о чем идет речь, но был доволен положением дел, раз это означало, что Амелия не возражала сносить его общество в часы своего бодрствования.

Они катались по окрестностям на локомотиве, в конной упряжке и даже на лодке по реке, сделанной Джереком для нее. Она научила его искусству езды на велосипеде, и они колесили по лиственному лесу, сотворенному точно по ее инструкциям, взяв с собой упакованный завтрак

---

[15] notes: 15

«... больше похож на заблудшего набоба, чем на коварного кесаря...» Набоб (искаженное от «наваб») — первоначально — человек нажившийся в колониях. Впоследствии это слово стало применяться как нарицательное имя легко и быстро разбогатевшего человека.

и термос с чаем. Амелия пообвыклась и согласилась время от времени менять наряды, все же оставаясь приверженной моде своего времени. Джерек после нескольких неудачных попыток сделал фисгармонию и Амелия пела гимны, а иногда патриотические песни, вроде «Барабана Дрейка» или «Англия, славься в веках». Иногда она исполняла сентиментальные песенки, такие, как «Приходи в сад», «Если бы только эти губы могли сказать». Один раз Джерек взял в руки банджо и попытался аккомпанировать ей, но миссис Амелии Ундервуд не понравился этот инструмент, и он прекратил это занятие.

Солнце освещало плечи, широкополую шляпку на каштановых волосах и летнее платье из белого хлопка, украшенное зелеными кружевами, когда они поднимались на лодке в воздух и парили над миром, глядя на горы Монгрова или гейзеры Герцога Квинского, мрачную гробницу Вертера де Гете, душистый океан госпожи Кристии. Они держались подальше от озера Козленок Билли — владений Миледи Шарлотины. Не было смысла испытывать судьбу.

Джерек построил шлюзы и озера по описаниям английских озер, но, казалось, ничто не могло обрадовать ее.

— Вы склонны к излишеству, мистер Карнелиан, — заметила Амелия, изучая копию озера Тилмери, расстилающуюся на пятьдесят миль во всех направлениях, — хотя мерцающие отблески на воде получились совсем недурно, — добавила она примирительно и вздохнула. — Нет, это не годится. Простите.

И он уничтожил озеро.

Это было одно из многих разочарований. Она продолжала учить Джерека пониманию смысла Добродетели, надеясь, что он познает оную на примерах ее собственного мира. Однажды, вспомнив просьбу Браннарта Морфейла, он улучил момент и поинтересовался, как она попала в его мир.

— Я была похищена, — потупилась она.

— Похищена? Кем? Каким-нибудь путешественником во времени?

— Я спала в собственной постели, когда однажды ночью фигура в плаще с поднятым капюшоном появилась в комнате. Я пыталась закричать, но не смогла, мой голос отказался повиноваться. Незнакомец приказал мне одеться. Я и не подумала послушаться! Он настаивал, особенно упирая на то, чтобы я надела одежду, «типичную для моего периода». Я отказалась, но неожиданно

одежда оказалась на мне, а я против воли встала на ноги. Он схватил меня, и я потеряла сознание. Все закружилось, а затем я очутилась в вашем мире, блуждая и пытаясь найти, наконец, какого-нибудь представителя власти, предпочтительно британского консула. Я понимаю сейчас, конечно, что у вас нет британского консула. Вот почему я, естественно, не верю, что когда-нибудь вернусь на Коллинз-стрит 23, Бромли.

— «Бромли» звучит очень романтично, — сказал Джерек. Я понимаю причину вашей грусти.

— Романтично? Бромли?... — она умолкла, съежившись на бархатном сидении локомотива, нарочито разглядывая проплывающий внизу ландшафт.

— И все-таки, я очень хотела бы вернуться домой, мистер Карнелиан.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил он.

— По техническим причинам? — она никогда прежде не настаивала на подробностях, Джерек всегда умудрялся внушить ей впечатление, что это, скорее, «совершенно невозможно», чем просто «очень трудно», передвигаться в обратном направлении во Времени.

— Да, — сказал он. — По техническим причинам.

— А мы не можем нанести визит тому ученому, про которого вы говорили? Браннарт Морфейл, кажется? И порасспросить его как следует?

Джерек не хотел потерять ее. Он прирос к ней «душой и телом», или, по крайней мере, он думал так, не будучи уверен, что означает «душой и телом». Он покачал головой, подчеркивая сказанное. К тому же, налицо были все признаки более теплого отношения к нему. Вполне возможно, что она скоро станет его возлюбленной, поэтому Джерек не желал, чтобы она отвлекалась на посторонние вещи.

— Это бессмысленно, — сказал он. — Особенно потому, что вы, насколько я могу судить, прибыли сюда не в машине времени. Я никогда не слыхал о подобном раньше. Я считал, что всегда требуется машина времени. Ах, если бы узнать, кто ваш похититель? Этот человек, конечно, был не из моего времени?

— Я припоминаю, что он был в капюшоне.

— Неужели?

— Все его тело было скрыто плащом. Может быть, это даже был не мужчина. Этим человеком могла быть женщина. Или зверь с какой-нибудь планеты, подобный тем, что содержатся в ваших питомниках.

— Все это очень странно. Может быть, — мечтательно протянул Джерек, — это был посланец Судьбы, соединивший сквозь столетия Двух Бессмертных Влюбленных, — он наклонился к ней и взял за руку. — Наконец мы вместе…

Она отдернула руку.

— Мистер Карнелиан! Я думала, мы согласились прекратить подобную чепуху!

Он вздохнул.

— Я могу скрывать свои чувства, миссис Амелия Ундервуд, но я не могу изгнать их. Они во мне и днем, и ночью.

Она одарила его мягкой улыбкой.

— Я уверена, это только слепое увлечение, мистер Карнелиан. Я должна признать, что нахожу вас довольно привлекательным, в общем смысле, конечно, но не забывайте я замужем за мистером Ундервудом.

— Но мистер Ундервуд находится за миллионы лет отсюда.

— Это не имеет значения.

— Нет, имеет. Мистер Ундервуд мертв, Вы вдова, — он успел подробно расспросить ее об этих обычаях. — А вдова может снова выйти замуж! — находчиво добавил он.

— Я только условно вдова, мистер Карнелиан,

вы это хорошо знаете, — она строго смотрела на него, пока он мрачно топтался на подножке и чуть не выпал из локомотива от возбуждения. — Мой долг всегда помнить о возможности найти средство вернуться в собственный век.

— Эффект Морфейла, — сказал он. — Вы не сможете остаться в прошлом, посетив хоть раз будущее. Во всяком случае, надолго. Я не знаю, почему. Не знает и Морфейл. Примиритесь с тем, миссис Амелия Ундервуд, что вам придется провести здесь вечность. Поэтому проведите ее со мной!

— Мистер Карнелиан, ни слова больше!

Он пригорюнился, стоя на дальнем конце подножки.

— Я согласилась коротать время в вашем обществе потому, что считала своим долгом просветить вас в какой-то мере в вопросах морали. И я продолжу эти попытки. Тем не менее, если через какое-то время я удостоверюсь, что вы безнадежны, я махну на вас рукой и откажусь встречаться с вами. Неважно, буду ли я вашей пленницей или нет.

Джерек вздохнул.

— Хорошо, миссис Амелия Ундервуд. Но месяц назад вы обещали объяснить, что такое Добро-

детель, и как я могу постичь ее. И до сих пор не сделали этого.

— Вы заблуждаетесь, я все объяснила, — ответила она. Ее спина стала чуть прямее. — Но если вы настаиваете…

И она рассказывала ему историю сэра Персифаля,[16] пока золотой, украшенный драгоценными камнями локомотив пыхтел в небе, оставляя позади величественные облака серебристо-голубого дыма.

И так шло время, пока миссис Амелия Ундервуд и Джерек Карнелиан глубоко не привязались друг к другу так, словно они были женаты (Джерек, с его чрезвычайными способностями к адаптации, не придавал этой условности значения), к тому же они были равны. Даже миссис Амелия Ундервуд вынуждена была признать некоторые преимущества такой ситуации.

У нее не было никаких обязанностей, кроме воспитания Джерека и ведения домашнего хозяйства. И ей не нужно было сдерживаться, когда хотелось сделать остроумное замечание, ведь

---

[16] notes: 16

«… и она рассказала ему историю сэра Персиваля…»

Персиваль (Парцифаль) — герой одноименного мистическо-религиозного романа немецкого писателя XII века Вольфрама фон Эшенбаха. Персифаль — символ рыцарства и преданности идеалам.

Джерек не требовал того внимания и уважения, которые были необходимы мистеру Ундервуду в их бытность в Бромли. И миссис Амелия Ундервуд в этом несносном декадентском веке впервые ощутила, что такое свобода. Свобода от страха, от обязанностей, от неприятных эмоций. А Джерек был любезным и проявлял огромное желание доставить ей удовольствие, искренне ценя ее характер и красоту. Ей иногда хотелось, чтобы все было по-другому, чтобы она и в самом деле была вдовой. Или незамужней девицей в своем собственном времени, где она и Джерек могли бы обвенчаться в настоящей церкви с настоящим священником. Когда появлялись такие мысли, она решительно гнала их от себя. Ее долгом было помнить, что однажды она может вернуться на Коллинз Стрит— 23, Бромли, причем желательно весной 1896 года, ночью 4 апреля в три часа утра (именно тогда, когда ее похитили), дабы никто не смог узнать, что произошло. Она хорошо понимала, что никто не поверит правде, и что догадки будут гораздо более обыденными, не сулящими ничего хорошего, нежели та действительность, в которой она находилась. Оттого момент ее возвращения выглядел не слишком многообещающим. Но как бы то ни было — долг есть долг.

Порой она затруднялась вспомнить, в чем состоял ее долг в том мире или в этом… этом загнившем рае. Действительно, трудно цепляться за все моральные идеалы, когда все говорило об отсутствии Сатаны, ибо здесь не существовало войн, болезней, печалей (разве только по заказу) и даже самой смерти. И все же Сатана должен был присутствовать и здесь. Конечно, вспомнила она, он обитает в сексуальном поведении этих людей. Но, каким-то образом, оно уже не шокировало ее так сильно, как раньше, хотя именно это было доказательством морального падения. Но, все-таки, эти люди были не хуже тех невинных дикарей, дикарей острова Пау-тау в Южных Морях, где она провела два года, помогая отцу после смерти матери. Эти дикари тоже проживали дни, не ведая о грехе.

Миссис Амелия Ундервуд, будучи рассудительной женщиной, иногда спрашивала себя, правильно ли она делает, обучая Джерека Карнелиана смыслу Добродетели.

Не то, чтобы он выказывал какую-то особую леность в усвоении ее уроков. Были случаи, когда она едва подавляла соблазн махнуть рукой на все это и просто наслаждаться жизнью, будто находясь на каникулах. Это была приятная мысль.

И мистер Карнелиан был прав в одном — все ее друзья, все родственники и, естественно, мистер Ундервуд, все ее общество в целом, сама Британская Империя, что само по себе было невероятно, мертвы уже миллион лет, превратились в прах и забыты.

Даже мистер Карнелиан был вынужден собирать по кусочкам сведения о ее мире из нескольких сохранившихся записей и ссылок на другие, более поздние по отношению к 19-му веку, столетия. А ведь мистер Карнелиан считался крупнейшим специалистом планеты по данному периоду. Это удручало ее.

Подавленность сделала ее отчаянной. Отчаяние привело к вызову. Вызов заставил ее отвергнуть определенные ценности, когда-то казавшиеся незыблемыми и прочно укоренившимися в ее натуре. Подобные чувства, к счастью, появлялись, как правило ночью, когда она находилась в своей постели, далеко от мистера Карнелиана.

Джерек Карнелиан часто слышал, что миссис Амелия Ундервуд поет, готовясь ко сну, и, стараясь подражать предмету своей любви, сам просыпался в некоторой тревоге. Тревога переходила в размышления. Ему хотелось бы верить, что миссис Ундервуд зовет его — подобно древним

любовным песням Фабричных Сирен, которые когда-то заманивали мужчин в рабство,[17] на пластмассовые шахты. К счастью, мелодии и слова были ему знакомы, и, по его разумению, полностью отличались от брачных песен. Он вздыхал и ворочался, пытаясь заснуть снова, в то время, как ее высокий сладкий голос снова и снова повторял: «Иисус осеняет нас чистым ясным светом»…

Мало-помалу, ранчо Джерека видоизменялось. Миссис Ундервуд делала предложения: что-то подправить здесь, кое-что изменить там — и так до тех пор, пока дом не стал похож на старый добрый Викторианский особняк. Джереку комнаты казались чересчур маленькими и загроможденными, и ему было неуютно в них. Он находил пищу, которую они оба ели по ее настоянию, скудной и тяжелой. Маленькие готические башенки, разные деревянные балкончики и фронтончики красного кирпича ранили его эстетические чув-

[17] notes: 17

«… подобно… любовным песням Фабричных Сирен… которые заманивали мужчин в рабство…»

Здесь Муркок намеренно использует игру слов: «сирена» — как гудок, извещающий о начале смены на фабрике или заводе и «сирена» в древнегреческой мифологии прекрасная полуженщина-полурыба заманивающая мореходов своими прекрасными песнями. В славянской мифологии ей соответствует «русалка»

ства больше, чем грандиозные творения Герцога Квинского. Однажды, когда они вкушали ленч из холодной говядины, чеснока, огурцов и вареного картофеля, он отложил неудобный нож и вилку, которыми по ее настоянию пользовался и сказал:

— Миссис Амелия Ундервуд, я люблю вас, я знаю, что сделаю все для вас…

— Мистер Карнелиан, мы же договорились…

Он поднял руку.

— Но я признаюсь вам, моя прекрасная леди, что этот интерьер, который вы заставили меня создать, становится чуточку скучным, если не сказать больше. Вам не хочется перемен?

— Перемен? Но, сэр, это *хороший* дом. Вы сами говорили мне, что хотите, чтобы я жила, как раньше. Этот дом очень походит на наш особняк в Бромли. Он несколько больше и, пожалуй, обставлен получше, но я не могла противится этому. Я не вижу смысла не использовать возможность приобрести пару вещей, которые я не могла иметь в моей… моей прошлой жизни.

С глубоким вздохом он уставился на камин, загроможденный маленькими фарфоровыми безделушками, пальмы в горшках, столы, буфет, толстые ковры, темные обои, газовые фонари,

тусклые занавески и окна, картины и кружевное украшение с письменами эпохи миссис Ундервуд, читаемое как: «Добродетель — сама себе награда».

— Мало цвета, — сказал он, — мало света, мало пространства.

— Дом очень уютный, он совсем как настоящий, — настаивала она.

— Угу, — он вернул свое внимание плоти животного и неаппетитным овощам, напоминающим угощения Монгрова.

— Вы говорили раньше, что восхищаетесь им, — продолжала она рассудительно. Ее озадачило его недовольство.

— Я и восхищался, — пробормотал Джерек.

— А потом?

— Потом это прошло, — сказал он, — уже давно прошло. Я думал, что это просто одно из многих жилищ, которые вы будете выбирать.

— О, — она нахмурилась. — Гм… Видите ли, мистер Карнелиан, мы верим в устойчивость, в постоянство. В прочные неизменные вещи, — она добавила извиняющимся тоном. — Мы убеждены, что наш образ жизни должен быть всегда неизменным. Улучшающимся, конечно же, но, по сути дела, все равно неизменным. Нам мнилось,

что настало время, когда все люди будут жить так, как живем мы, и мы верили, что каждый человек хочет жить, как мы, — она отложила нож и вилку и дотронулась до его плеча. — Теперь я понимаю, что мы заблуждались. Но я полагала, что вы хотели бы иметь старую добрую английскую усадьбу, которая поможет вам обрести себя, — она сняла свою руку с его плеча и выпрямилась в кресле. — Должна сказать, что чувствую себя немного виноватой. Забыла про непостоянство вашего века ко всему незабываемому… — она обвела рукой, показывая комнату и обстановку.

Джерек улыбнулся и встал.

— Нет, нет. Если это то, чего вы хотите, тогда, конечно, и я хочу этого. Потребуется время, чтобы привыкнуть, но… — он замялся, не зная, что еще добавить.

— Вы несчастливы, мистер Карнелиан, — сказала она мягко. — Я прежде не думала, что когда-нибудь увижу вас таким.

— Я никогда прежде не был несчастным, — сказал он. — Это новый опыт. Хотя несчастья Монгрова кажутся более впечатляющими, чем мои. Ладно, это то, чего я хотел. Все это, несомненно, входит в понятие любви… вероятно, и добродетели тоже.

— Если вы хотите вернуть меня назад к Монгрову… — начала она с достоинством в голосе.

— Нет. О нет! Я слишком сильно люблю вас!

На этот раз она не выказала решительного возражения его словам.

— Хорошо, — заявила она, — попробуем развеселить вас. Идемте, — она протянула руку. Джерек взял ее ладонь, взволнованно гадая, что будет дальше.

Она провела его в гостиную, где стояла фисгармония.

— Может быть, какой-нибудь жизнерадостный гимн? — предложила она — Как насчет «Все вокруг прекрасно и сияет»?

Она пригладила юбку прежде, чем сесть на стул.

— Вы уже знаете слова?

Джерек не мог не вспомнить слов. Он слышал их слишком часто, как ночью, так и днем. Он покорно кивнул.

Миссис Ундервуд извлекла несколько вступительных аккордов и начала петь. Он попытался присоединиться к ней, но слова застревали в горле. Удивленный, Джерек приложил ладонь к шее. Голос миссис Ундервуд умолк, она прекратила играть и повернулась кругом на стуле, и

посмотрела на своего печального покровителя..

— Как насчет прогулки? — спросила она.

Джерек прочистил горло, пытаясь улыбнуться.

— Прогулка?

— Короткая энергичная ходьба, мистер Карнелиан, часто оказывает успокаивающее воздействие.

— Хорошо.

— Я принесу свою шляпку.

Спустя несколько мгновений она присоединилась к нему. Прилегающий к дому участок земли теперь стал немного меньше. Прерию, бизонов, кавалеристов и попугаев заменили аккуратные ряды кустиков, некоторые из них были подстрижены в орнаментальные фигуры и цветочные куртины, где росли розы разных сортов, включая и тот, сине-зеленого цвета, который она позволила ему изобрести для нее.

Она закрыла последнюю калитку и взяла его под руку.

— Куда мы пойдем? — спросила она.

Снова прикосновение ее руки взволновало его, и что, удивительно, перешло в чувство крайнего отчаяния.

— Куда хотите, — ответил Джерек.

Они пошли по мощеной дорожке к воротам, вы-

шли из них и пошли по тропинке, пролегающей между двумя невысокими зелеными холмами, вдоль которой стояло несколько газовых фонарей.

Он чувствовал ее запах, теплоту ее руки. Джерек печально взглянул на ее умиротворенное лицо, ее пышные волосы, красивое летнее платье, приятную фигурку и отвернулся со сдавленным рыданием.

— О, перестаньте, мистер Карнелиан. Вы скоро почувствуете себя лучше, подышав этим свежим сельским воздухом.

Он позволил ей вести себя по дороге, пока они не очутились между рядами высоких кипарисов, обрамляющих поля, на которых паслись коровы и овцы под присмотром механических пастухов, неотличимых даже вблизи от настоящих людей.

— Я должна сказать, — прощебетала Амелия, — что этот ландшафт — такое же произведение искусства, как и любое полотно кисти Рейнольдса.[18] Я почти верю, что нахожусь в моей любимой деревушке, в графстве Кент.

---

[18] notes: 18

«… как и любое полотно кисти Рейнольдса…»

Рейнолдс Джошуа (1723–1792) — английский живописец и теоретик искусства. Известен своими придворными портретами и идиллическими сельскими пейзажами.

Комплимент не утишил его печаль. Они пересекли маленький горбатый мостик над журчащим потоком и вошли в прохладную зеленую рощицу из дубов и вязов. Там были даже грачи, гнездящиеся на деревьях, и рыжие белки, скачущие по ветвям.

Но Джерек с трудом волочил ноги. Его шаги становились все медленнее и медленнее, и, в конце концов, он совсем остановился. Амелия нежно посмотрела на него. Сам не зная почему, Джерек неловко обнял ее и не ощутил сопротивления. По мере того, как их лица приближались друг к другу, уныние стало исчезать, а присутствие духа постепенно возвращаться. В тот самый момент, когда их губы соприкоснулись, он испытал экстаз, доселе ему неведомый.

— Мой дорогой, — сказала миссис Амелия Ундервуд. Она дрожала, прижимаясь к нему своим совершенным телом и обнимая его.-… Мой дорогой Джерек…

Вдруг она исчезла. Джерек остался один.

На секунду он опешил, затем оглянулся вокруг и закричал:

— Миссис Амелия Ундервуд. Миссис Амелия!

Но все, что осталось от нее — это лес с дубами и вязами, грачами и белками.

Он поднялся в воздух и устремился к маленькому домику. Полы его пальто развевались. Шляпа слетела с головы.

Джерек пробежал сквозь тесно обставленные мебелью комнаты. Он звал ее, но она не отвечала. Он знал, что она не ответит. Все, что он создал для нее: столы, диваны, кресла, кровати, буфеты — казалось, дразнило его горе и усиливало страдания.

И, в конце концов, он рухнул на траву в садике и зарыдал, так как понял, что произошло.

Лорд Джеггед! Лорд Джеггед говорил Джереку, что все произойдет именно так.

Но Джерек изменился. Он больше не мог оценить утонченность шутки. Хотя любой, кроме Джерека, рассматривал бы это, как шутку, и вдобавок, весьма неглупую.

Свершилась месть Миледи Шарлотины!

Глава десятая
Выполнение сокровенного желания

Немного оправившись от потрясения, Джерек понял, что миледи Шарлотина надежно спрятала Амелию, и начал раздумывать, как ему спасти свою возлюбленную. Его первым побуждением

было отправиться к Миледи Шарлотине и потребовать возвращения миссис Ундервуд, но он понял, что это лишено всякого смысла. Миледи Шарлотина лишь посмеялась бы над ним. Нет, лучше навестить Лорда Джеггеда и посоветоваться как вести себя дальше. Джерек задумался, почему хозяин замка Канари не навещал его с той поры, как в доме поселилась миссис Ундервуд. Возможно, Лорд Джеггед оставался в стороне из-за своей щепетильности.

С тяжелым сердцем Джерек Карнелиан побрел к строению, где по настоянию миссис Ундервуд держал свой локомотив.

Дверь здания открывалась ключом, который всегда хранила миссис Ундервуд, и он не мог найти его.

Ему не хотелось распылять здание: ведь она болезненно относилась к соблюдению правил частной собственности своего времени, и ключи и замки были главными атрибутами, несмотря на свое очевидное уродство. К тому же, теперь, с исчезновением миссис Ундервуд, все, относящееся к ней, стало для Джерека святым. Если он никогда не обретет ее вновь, этот маленький домик будет вечно стоять на этом самом месте.

Все же дверь ему пришлось распылить, но по-

сле того, как локомотив был выведен наружу, он скрупулезно ее восстановил.

Во время полета к Лорду Джеггеду его мучила мысль, что Миледи Шарлотина может не увидеть ничего особенного в том, чтобы уничтожить миссис Амелию Ундервуд окончательно и бесповоротно. Вряд ли она зайдет так далеко, но, кто знает. В таком случае миссис Ундервуд исчезнет навечно. Ее нельзя будет воскресить, если каждый атом ее тела будет расщеплен и развеян по поверхности Земли. Джерек старался гнать от себя такие мысли, чувствуя, что если он будет так казнить себя, то впадет в транс безысходного отчаяния, где и останется навсегда.

Локомотив, наконец, достиг замка Лорда Джеггеда в форме причудливой птичьей клетки ярко-желтого цвета высотой в скромные семьдесят пять футов — и начал делать круги над ним, пока Джерек посылал сообщение своему другу:

— Лорд Джеггед? Вы примете посетителя? Это я, Джерек Карнелиан, у меня дело неотложной важности.

Ответа не последовало. Локомотив опустился по спирали ниже. Птичья клетка содержала множество различных «ящиков», поддерживаемых антигравитационными лучами. Каждый ящик

был комнатой, используемой Лордом Джеггедом. Он мог находиться в любой из них. Но какую бы комнату он не занимал, он должен был услышать голос гостя.

— Лорд Джеггед?

Стало ясно, что хозяина нет дома.

Возникло ощущение заброшенности, словно замком не пользовались несколько месяцев. Может, с Лордом Канари что-нибудь случилось, скажем, Миледи Шарлотина отомстила ему за участие в краже Юшариспа?

О, это было бы дикостью! Джерек развернул локомотив на север, к гробнице Вертера де Гете, боясь, что его мать, Железная Орхидея, тоже исчезла.

Но гробница Вертера — огромная статуя его самого, спящая мертвым сном вместе с гигантским Ангелом смерти, парящим над ней, и несколько оплакивающих женщин на коленях рядом — все еще была занята черной парой. Фактически, они находились на крыше, у ног склонившейся статуи, но сперва Джерек не заметил их, любовники почти сливались с черным мрамором гробницы.

— Джерек, печаль моя! — голос матери звучал почти оживленно.

Вертер злобно засверкал глазами и стал грызть

ногти на пальцах, пока локомотив причаливал к плоскому парапету, внося ослепительный контраст цвета в окружающий ландшафт.

— Джерек, какая плохая новость привела тебя сюда?

Мать вытащила черный носовой платок и вытерла черные слезы с черных щек.

— Новости и в самом деле плохие, — ответил Джерек. Он чувствовал себя уязвленным. То, что происходило в данный момент, казалось ему насмешкой над его истинным горем. — Миссис Амелию Ундервуд похитили, может быть, уничтожили, и почти определенно причиной этого явилась Миледи Шарлотина.

— Это месть! — выдохнула Железная Орхидея. — Ее черные глаза расширились, и в них заблестел интерес. — О! О! Горе мне! Великий Джерек наказан! Дом Карнелиана разорен! О! О! — И она добавила спокойным тоном — Как тебе нравятся мои стенания?

— Это серьезно, мама, подарившая мне драгоценную жизнь…

— Только для того, чтобы ты страдал от мучений! Я знаю! Увы!

— Что мне делать, мама?

— Что ты можешь сделать? — вмешался Вертер

де Гете. — Ты обречен, Карнелиан. Ты проклят. Судьба избрала тебя, как и меня, для вечных страданий, — он издал горький смешок. — Примирись с этим мрачным фактом. Выхода нет. Тебе было дано несколько мгновений блаженства, чтобы ты страдал более глубоко, когда предмет твоей страсти у тебя отняли?

— Откуда вы знаете о том, что произошло? — насторожился Джерек.

Вертер смутился.

— Ну, Миледи Шарлотина недели две назад кое-что доверила мне…

— Дьявол! — зарычал Джерек — И вы не предупредили меня?

— О неизбежном? Что хорошего могло из этого получиться? — ответил Вертер язвительно. — Мы все знаем, что случается с пророками! Никто не любит слушать правду!

— Болтун! — Джерек повернулся к Железной Орхидее. — И ты, мама, знала, что замышляла Миледи Шарлотина?

— Не полностью, мое несчастье. Она просто сказала что-то о выполнении сокровенного желания миссис Ундервуд.

— И что же это, как не жизнь рядом со мной?

— Она не объяснила, — Железная Орхидея

приложила платочек к глазам. — Она боялась, несомненно, что я выдам ее план тебе. Ведь мы одной крови, мой плод.

Джерек мрачно сказал:

— Я вижу, мне ничего не остается, как обратиться к самой Миледи Шарлотине!

— Разве ты не хотел этого? — сказал Вертер, сидя на выступе над их головами, прислонившись черной спиной к мраморному колену статуи и меланхолически покачивая ногами. — Разве ты не навлекал катастрофу, ухаживая за миссис Ундервуд. Я, кажется, припоминаю некий план…

— Молчите… Я люблю миссис Ундервуд больше, чем люблю себя!

— Джерек, — сказала рассудительно его мать, — ты слишком далеко заходишь в этих вещах.

— Так и есть! Я глубоко люблю. Я всецело поглощен любовью. Моя страсть управляет мною. Это больше не игра!

— Больше не игра?! — Даже Вертер де Гете был шокирован.

— Прощайте, черные предатели… Будьте вы прокляты!

И Джерек кинулся назад к своему локомотиву, потянул свисток и устремился на воздушной машине высоко в темное безрадостное небо.

— Не борись со своей участью, Джерек! — услышал он крик Вертера. — Не грози кулаком неумолимой Судьбе! Не проси милости у богов, ибо они глухи и слепы!

Джерек не ответил. Вместо этого он горько всхлипнул и пробормотал Ее имя. И звук этого имени снова зажег болезненный гнев в его душе.

Он прибыл к озеру Козленок Билли, сверкающему в солнечном свете, с мыслью уничтожить озеро и Миледи Шарлотину, и ее Питомник, и ее пещеры — уничтожить весь земной шар, если будет необходимо. Но он сдерживал свою ярость, так как миссис Амелия Ундервуд могла сейчас находиться пленницей в одной из этих пещер. Джерек оставил локомотив парящим в нескольких дюймах над поверхностью воды и прошел через Водные Ворота в пещеру со стенами из золота, а потолком и полом из полированного серебра. Миледи Шарлотина ждала его, зная, что он придет.

— Я знала, что ты придешь, моя жертва, — промурлыкала она.

На ней было одето платье лилового цвета, сквозь которое просвечивало ее мягкое розовое тело. Кучу светлых волос на голове поддерживал обруч из платины и жемчуга. Лицо было спокой-

ным, даже суровым и гордым. Глаза сузились от удовольствия, когда она улыбнулась Джереку.

Миледи Шарлотина лежала на кушетке, покрытой белой тканью и усыпанной белыми розами. Все розы были белыми кроме одной в ее руке. Это была роза сине-зеленого цвета. Пока Джерек приближался к ней, она открыла рот, белыми зубками отщипнула лепесток от розы и разорвала этот лепесток на крошечные кусочки, упавшие на ее подбородок и грудь.

— Я знала, что ты придешь.

Джерек вытянул руки, его пальцы стали когтями, и он шел на негнущихся ногах не отрывая от нее взгляда, и схватил бы ее за шею, если бы его не остановил наспех изготовленный ею силовой барьер, который он, однако, мог без труда разрушить. Джерек остановился.

— Вы должны быть лишены ума, очарования, красоты и грации, — сказа он резко.

Она опешила.

— Джерек, не слишком ли это сильно!

— Я сказал то, что думаю!

— Джерек! Твой юмор! Где он? Где? Я считала, тебя позабавит такой поворот событий. Я все подготовила так тщательно!

У нее был вид разочарованной хозяйки, устро-

ившей такую же вечеринку, как и Герцог Квинский, которую никто, конечно, не забыл, и не забудет, пока Герцог Квинский не умудрится придумать нечто еще более нелепое.

— Да. И все знали этот план, все, кроме меня и миссис Амелии Ундервуд.

— Но так и было задумано!

— Миледи Шарлотина, вы зашли слишком далеко! Где миссис Амелия Ундервуд? Верните мне ее сейчас же!

— Нет!

— А что еще вы сделали с Лордом Джеггедом? Его нет в замке.

— Я ничего не знаю о Лорде Джеггеде. Я не видела его несколько месяцев. Джерек, что с тобой? Я ожидала какой-нибудь контратаки. Это она и есть? В таком случае, это — жалко…

— Железная Орхидея сказала, что вы удовлетворили сокровенное желание миссис Ундервуд. Что вы имели в виду?

— Джерек! Ты становишься скучным. Это необычно. Давай лучше займемся любовью!

— Вы неприятны мне!

— Неприятна? Как интересно! Давай…

— Что вы имели в виду?

— То, что сказала. Я выполнила ее самое сокро-

венное желание.

— Откуда вы знаете ее самое сокровенное желание.

— Ну, я позволила себе маленького соглядатая, механическую блоху, чтобы подслушивать ваши беседы. Скоро стало очевидным, чего она хочет больше всего. И поэтому, я стала ждать подходящего момента… и сделала это!

— Сделала что? Что сделала?

— Джерек, ты потерял рассудок! Не можешь догадаться?

Он нахмурился.

— Смерть. Она однажды сказала, что предпочтет смерть…

— Нет, нет.

— Тогда что?

— О, каким ты стал скучным! Давай займемся любовью, а потом…

— Ревность. Теперь я понял. Вы сами любите меня. Вы уничтожили миссис Ундервуд потому, что думаете, что тогда я полюблю вас. Что же, мадам, позвольте сказать вам…

— Ревность? Уничтожила? Любовь? Джерек, ты здорово вошел в роль, как я вижу. Ты очень убедителен. Но, боюсь, чего-то не хватает — какого-то намека на иронию, которая придает роли

немного больше выразительности.

— Вы должны сказать мне, Миледи Шарлотина, что вы сделали с миссис Амелией Ундервуд.

Она зевнула.

— Скажите мне!

— Безумный дорогой Джерек, я удовлетворила…

— Что вы с ней сделали?

— Ну, хорошо! Браннарт!

Из одного из туннелей показался горбатый ученый и захромал по зеркальному полу, с удовольствием глядя вниз на свое отражение.

— Какое отношение к этому имеет Браннарт Морфейл? — насторожился Джерек.

— Я использовала его помощь. А ему нужно было поставить свой опыт.

— Опыт? — в ужасе прошептал Карнелиан.

— Привет, Джерек. Ну, она сейчас уже там. Надеюсь, все прошло успешно. Если так, передо мной открываются новые пути исследований. Меня все еще интересует, как она появилась здесь без машины времени.

— Что вы сделали, Браннарт?

— Что? Конечно. Я отправил ее назад в ее собственное время. В одной из машин из моей коллекции. Если все идет хорошо, она сейчас уже

должна быть там. 4 апреля 1896 год, 3 часа утра, Бромли. Англия. Темпоральные координаты не доставляют хлопот, но возможны незначительные пространственные отклонения. Поэтому, если ничего не произойдет на обратном пути — вы знаете, хроношторм или что-нибудь еще — она…

— Вы имеете в виду… вы послали ее назад… О! — Джерек в отчаянии опустился на колени.

— Ее сокровенное желание, — сказала Миледи Шарлотина. — Теперь ты оценил мрачную иронию этого, мой трагический Джерек? Видишь, как я отплатила тебе? Не правда ли, очаровательная вендетта? И какая интересная!

Джерек с трудом собрался с силами. Он поднялся, содрогаясь, на ноги и посмотрел мимо улыбающейся Миледи Шарлотины на Браннарта Морфейла, который, как обычно, не обращал внимания на подобные мелочи.

— Браннарт, вы должны послать меня туда же! Я должен последовать за ней! Она любит меня! Она уже почти призналась в этой любви!..

— Я знала… Я знала, — Миледи Шарлотина захлопала в ладоши.

— …когда была отнята у меня! Я должен, должен найти ее, через миллион лет, если потребуется,

и перенести ее назад! Вы должны помочь мне, Браннарт!

— О, — Миледи Шарлотина хихикнула от восхищения, — теперь я понимаю тебя, Джерек. Конечно, так и должно быть! Браннарт, вы должны помочь ему!

— Но эффект Морфейла, — Браннарт Морфейл умоляюще протянул к ней руки. — Маловероятно, что прошлое примет миссис Ундервуд обратно. Оно может вытолкнуть ее в ближайшее будущее; да так скорее всего и будет. Но Джерека оно пошлет назад в будущее. Может быть — в никуда. Гости из будущего не могут существовать в прошлом. Движение открыто только в одну сторону. В этом суть эффекта Морфейла.

— Вы сделаете, как я прошу, Браннарт, — сказал Джерек. — Вы пошлете меня назад, в 1896-й год.

— Ты сможешь пробыть только несколько секунд в прошлом, прежде чем оно выплюнет тебя, — медленно сказал Браннарт Морфейл, — Джерек, послушай добрый совет…

— Вы сделаете, что он просит, Браннарт, — сказала Миледи Шарлотина, отбрасывая в сторону сине-зеленую розу. — Разве вы не можете оценить драму, когда она предстает перед вами? Что еще делать Джереку? Это неизбежно!

Браннарт снова начал возражать, ворча про себя. Но миледи Шарлотина подплыла к нему и что-то прошептала на ухо. Ворчание прекратилось, и он кивнул.

— Я сделаю, что ты хочешь, Джерек, хотя это, судя по всему, пустая трата времени.

Глава одиннадцатая
Поиски Бромли

Машина времени представляла собой сферу, заполненную молочного цвета жидкостью,[19] в которой — по замыслу — авторов должен плавать путешественник, защищенный прорезиненным костюмом, и дышать через маску, прикрепленную к шлангу, ведущему внутрь стенки машины.

Джерек Карнелиан смотрел на нее с нескрываемым отвращением. Машина была довольно маленькая и весьма потертая. На металлических

---

[19] notes: 19

«… машина времени представляла собой сферу, заполненную молочного цвета жидкостью…»

Это автоцитата из повести «Се — человек» (1967). Там описывается машина времени, на которой герой этого произведения Карл Глогер отправляется в древнюю Иудею. Описание всех переживаний и физических ощущений Джерека полностью повторяют описание переживаний и ощущений Глогера.

боках виднелись пятна, похожие на ожоги.

— Откуда она взялась, Браннарт? — он потянулся в своем резиновом скафандре.

— О, она может быть почти отовсюду. При расшифровке внутренней отсчетной системы я пришел к заключению, что эта машина появилась за два тысячелетия до того периода, который ты хочешь посетить. Вот почему я выбрал ее для тебя. Я полагаю, это может слегка увеличить шансы.

Браннарт Морфейл праздно расхаживал по лаборатории, загроможденной приборами и техникой из различных эпох времени, большая часть приспособлений находилась в различных стадиях обветшалости. Самые немудреные из них были изобретениями самого Браннарта Морфейла.

— Она надежна? — Джерек осторожно дотронулся до шершавого металла сферы. Некоторые трещины казались сваренными заною. Эта машина отслужила свое.

— Надежна? Какая машина времени надежна? — Браннарт решительно махнул рукой. — Только ты, Джерек, хочешь путешествовать в ней. Я пытался отговорить тебя от этой глупой затеи.

— Браннарт, у вас нет воображения. Нет чув-

ства драмы, — сверкнув глазами, упрекнула его Миледи Шарлотина, сидящая на диване в углу лаборатории.

Глубоко вздохнув, Джерек вскарабкался в машину и проверил дыхательный аппарат, перед погружением в жидкость.

— Ты мученик, Джерек Карнелиан! — вздохнула Миледи Шарлотина. — Ты можешь погибнуть во славу исследований времени. Тебя запомнят, как Героя, если ты погибнешь — о, потрясающий странник во времени, Казанова хрононавтов,[20] распятый на Кресте Времени!

Ее кушетка устремилась вперед, и она, протянув руку, втиснула в его правую ладонь Переводильную Пилюлю, а в левую смятую сине-зеленую розу.

— Я намерен спасти ее, Миледи Шарлотина, привезти ее обратно, — его голос немного дрожал.

— Конечно, ты сделаешь это! Ты — великолеп-

---

[20] notes: 20

«*… Казанова хрононавтов…*»

Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский авантюрист и искатель приключений. Автор популярных «Мемуаров», в которых описаны его бесчисленные авантюрные и любовные приключения. Хрононавт — неологизм Муркока построенный по тому же принципу, что «астронавт» или «космонавт». От греч. chronos — время и nautes — мореплаватель. В данном контексте — путешественник во времени.

ный спаситель, Джерек!

— Благодарю, — несмотря на то, что он держался с ней довольно натянуто, она, казалось, забыла, что из-за нее он вынужден отправиться в это опасное путешествие.

Ее кушетка отплыла в сторону. Шарлотина замахала зеленым носовым платочком.

— Вперед, сквозь Время, мой Герой! Сквозь дни и месяцы, Века и тысячелетия. Вы самый преданный из любовников — так Гитлер спешил к Еве, Оскар к Боши! О, о! О, как я тронута. Это так экстазно!

Джерек хмуро посмотрел на нее, но взял ее подарки с собой, втискиваясь глубже в сферу. Люк закрылся над его головой. Он плавал, в неуютной невесомости, готовясь к прыжку в поток времени.

Сквозь жидкость он видел приборы загадочных, непривычных очертаний, плавающие, казалось, как и он, в жидкости. Приборы были безмолвны, циферблаты на них — неподвижны.

Вдруг одна из шкал замерцала. Появилось и исчезло несколько зеленых и красных цифр. Внутри Джерека все сжалось.

Он почувствовал, как напряглось его тело. Затем все снова успокоилось. Казалось, машина

перевернулась. Джерек слышал свое дыхание, шумящее в трубке. Машина была такой неудобной, резиновый костюм — настолько тесным, что он почти пожалел, что отказался от другой машины.

Затем та же самая шкала замерцала снова. Зеленый и красный. Потом ожили еще две шкалы. Голубой и желтый. Быстро замигал белый свет. Скорость мигания все увеличивалась и увеличивалась.

Он услышал клокочущий звук. Толчок. Жидкость, в которой он плавал, все темнела и темнела.

Джерек почувствовал боль. Раньше он никогда не испытывал физической боли. Он закричал, но голос звучал глухо.

Он был в пути. Джерек потерял сознание. Он очнулся. Его ужасно трясло. Жидкость вытекала из трещины в сфере. Его тело швыряло из стороны в сторону, а сфера в это время катилась по земле, Джерек открыл глаза, потом закрыл и застонал.

Зашипел воздух, когда трубку выдернуло из его рта. Пластиковая обивка машины стала оседать, Джерек лежал на груде металла. Он застонал. Его тело было покрыто ушибами. Итак, он страдал сейчас. В этом не было сомнений. Несмотря ни на

что он обрадовался, что познал «страдание».

Новоиспеченный хроностранник посмотрел на зазубренную трещину в сфере и подумал, что придется искать другую машину времени, которая выдержит трудности пути при возвращении обратно. Если он находится в 1896 году и сможет найти миссис Амелию (Джерек полагал, что она сама прибыла благополучно), он пойдет к изобретателю и возьмет машину взаймы. Ему думалось, что это наименьшая из трудностей, с которыми ему придется столкнуться.

Джерек, попытался шевельнуться и вскрикнул, так как то, что было относительно тупой болью, превратилось в пульсирующую агонию. Боль медленно утихала. Он задрожал, почувствовав холодный воздух, ворвавшийся через расколотую стенку машины времени. За трещиной была темнота.

Джерек поморщившись встал и стащил костюм. Под костюмом были помятые пиджак и брюки розового цвета. Он убедился, что Кольца Власти по-прежнему находятся на пальцах. Это были Кольца с рубином, изумрудом и бриллиантом.

Воздух пах очень странно и был плотным. Джерек закашлялся. Он протиснулся ближе к

трещине и шагнул сквозь нее в темноту. Вокруг клубилась белая мгла. Машина, казалось, приземлилась на какую-то сделанную человеком поверхность и находилась на самом краю рядом с водным пространством. Ряд каменных ступенек вел вверх сквозь туман, И, вероятно, машина скатилась вниз по ступенькам, прежде чем расколоться.

Высоко над головой он различил тусклый свет, желтый и мерцающий. Джерек дрожал от холода. Он не ожидал этого. Если Он находится в Лондоне эпохи Рассвета, тогда почему весь город покинут? Джерек представлял его набитым людьми — миллионами людей, так как это был период Множественных культур. Он решил пойти на свет и поковылял по ступенькам. Лицо его покрыла влага. Он коснулся лица и понял, что это такое, издав непроизвольный вздох облегчения.

Туман… Это был туман. Ободренный, он стал подниматься по ступенькам, и, в конце концов, ударился плечом о металлическую колонну. На верхушке колонны горела газовая лампа, очень похожая на те, что миссис Амелия Ундервуд попросила сделать для нее. По крайней мере, он находился в правильном периоде времени. Браннарт Морфейл был излишне пессимистичен.

Но было ли это правильное место? Был ли это Бромли? Джерек посмотрел назад сквозь туман и широкую гладь темной воды. Миссис Ундервуд много рассказывала о Бромли, но она никогда не упоминала большую реку. Все же, это мог быть Лондон, находящийся рядом с Бромли, и если так, то река была Темзой. Что-то прогудело из глубины тумана. Он услышал тонкий крик вдалеке. Затем снова наступило молчание.

Затем Джерек вступил в узкий переулок с неровной, покрытой булыжником поверхностью. По обеим стенам переулка виднелись наклеенные на темные кирпичные стены листы бумаги. Джерек заметил, что листы покрывали письмена, но, конечно, он не мог прочитать ничего. Даже Переводильные Пилюли, действующие хитрым способом на мозговые клетки, не могли научить его понимать написанное.

Он понял, что все еще держит в руке ту Пилюлю, которую дала ему миледи Шарлотина. Он должен подождать, пока не встретит кого-нибудь, прежде чем проглотить ее. В другой руке все еще была зажата смятая роза — все, что пока оставалось у него от миссис Амелии.

Переулок вывел на улицу, и здесь туман был прозрачнее. Джерек мог видеть на несколько

ярдов в обеих направлениях, так как там было несколько ламп, чей желтый свет силился разогнать туман.

Но, все-таки, место казалось покинутым, когда он шел по улице, завороженно разглядывая дом за домом. В некоторых из домов светились огоньки, проглядывающие из-за штор окон. Пару раз он слышал приглушенный голос. По каким-то причинам, значит, население было внутри домов. Несомненно, в свое время он найдет ответ на эту тайну.

Следующая улица, до которой он дошел, была еще шире, и дома здесь были выше, хотя и в том же ветхом состоянии. В их окнах на первых этажах были выставлены на обозрение разнообразные предметы искусства: швейные машины, откидные катки для белья, сковородки, кровати и кресла, инструменты и одежда. Джерек останавливался каждую минуту, чтобы заглянуть в эти окна. Владельцы вправе были так гордо демонстрировать эти вещи. Какое изобилие! Правда, некоторые из предметов были меньше и немного тусклее, чем он себе представлял, а многие, конечно, он не мог узнать совсем. Тем не менее, когда он и миссис Ундервуд вернутся, он сможет сделать ей гораздо больше вещей, чтобы

доставить удовольствие и напомнить о доме.

Свет впереди стал ярче. Он увидел фигуры людей, услышал голоса. Джерек кинулся через улицу, и в этот момент в его ушах зазвучал странный клацающий шум пополам с дребезжанием. Он услышал крик и поглядев влево, увидел черного зверя, появившегося из тумана. Глаза зверя вращались, ноздри раздувались.

— Лошадь! — воскликнул Джерек. — Это лошадь!

Он сам частенько изготавливал лошадей, но теперь он видел, что они отличались от оригинала.

Снова крик.

Джерек закричал в ответ, приветствуя и размахивая руками. Лошадь тащила что-то за собой похожее на высокую черную повозку, на вершине которой сидел мужчина с кнутом. Он что-то кричал Джереку. Лошадь встала на задние ноги, и Джереку показалось, что она машет ему в ответ передними ногами. Странно быть приветствуемым животным в первый день своего прибытия в эпоху.

Затем Джерек почувствовал, как что-то ударило его по голове, он упал на мостовую и откатился в сторону. Лошадь с повозкой прогрохотала мимо

и исчезла в тумане.

Джерек попытался встать, но не смог, почувствовав слабость… Он застонал. К нему бежали люди, оттуда где был яркий свет. Ему, наконец, удалось встать на четвереньки, он увидел стоящих вокруг него мужчин и женщин, одетых в одежду данного периода, хмурых и серьезных. Они угрюмо молчали.

— Э-э-э — Джерек понял, что они не поймут его. — Извините. Если вы подождете секундочку…

Они загомонили все разом. Джерек проглотил Переводильную Пилюлю.

— Иностранец какой-то. Наверное, русский. С одного из их кораблей… — услышал он слова одного мужчины.

— Вы можете сказать, что со мной произошло? — растерянно спросил его Джерек.

Мужчина удивленно сдвинул свой помятый котелок на затылок.

— Я мог бы поклясться, что вы иностранец!

— Вас сбил этот чертов кэб, — вот что случилось с вами, — сказал другой мужчина, не скрывая своего удовлетворения. Он поправил большую кепку, нависающую над его глазами, сунул руки в карман брюк и веско продолжил:

— Потому что вы махали руками на лошадь и заставили ее встать на дыбы, не так ли?

— Ага? И копыто ударило мне в голову, да?

— Да! — ответил первый мужчина тоном поздравления, словно Джерек прошел трудное испытание.

Одна из женщин помогла Джереку встать на ноги. Она была очень сморщенной лицо ее было покрыто множеством красок, и от нее чем-то сильно пахло, но Джерек не узнавал запах.

Она сладострастно улыбнулась ему. Джерек из вежливости столь же сладострастно улыбнулся в ответ.

— Благодарю, — сказал он.

— Все в порядке, милый, — сказала леди. — Мне кажется, я сама хватила лишку, — она засмеялась резким прерывистым смехом и, обращаясь ко всем собравшимся, продолжала — Мы все, наверное, такие в два часа утра. Я могу сказать, что ты неплохо погулял, — она оглядела Джерека с головы до ног. — Был на вечеринке, а? Или, может, ты артист, а? — она дернула бедрами, заставив качнуться свою длинную юбку.

— Простите, — сказал Джерек. — Я не…

— Ладно, ладно, — перебила она, влепив мокрый поцелуй в его влажную и напачканную

щеку. — Хочешь теплую постельку на ночь? — она прижалась к нему всем телом, пробормотав ему на ухо. — Я с тебя много не возьму. Ты мне нравишься.

— Вы хотите заняться любовью со мной? — удивился Джерек. — Я польщен. Вы очень сморщены, поэтому мне было бы интересно… но, к несчастью… тем не менее… я…

— Сопляк, — она отодвинулась от него. — Сосунок. Противный пьяница, — она пошла прочь под улюлюканье толпы.

— Кажется, я обидел ее, — сказал Джерек. — Я не хотел…

— Неплохое достижение, — хмыкнул один из зевак в желтом пиджаке, грязно-коричневых брюках и такой же грязно-коричневой, шляпе с узенькими полями. У него было тонкое живое лицо. Он подмигнул Джереку. — Эта Элен далеко не первой свежести.

Мысли о возрасте никогда реально не приходили в голову Джереку, хотя он знал, что это была своего рода примета данного периода. Сейчас, увидев этих людей, он понял, что все они находятся в различных стадиях увядания. Вдруг его осенило, что они не намеренно портили свои черты подобным образом, а просто у них не было

выбора.

— Ладно уж, — промолвил другой мужчина. — Будете моим гостем. Поняв, что он чуть не обидел еще одного человека, Джерек быстро извинился, и, решив сменить тему кивнул в сторону источника света.

— Что это такое?

— Это кофейня Чарли, — ответил тот же хват в желтом пиджаке. Она для нашего района Центр, навроде Пикадилли для Лондона. Вы лучше выпейте чашку, пока рядом. Кофе Чарли или убьет, или вылечит вас, это уж как пить дать.

Он подвел Джерека к большому фургону, открытому с одного бока, над которым был натянут навес, где уже толпились посетители. Внутри фургона стояло несколько больших металлических резервуаров (явно горячих), множество фарфоровых посудин, а также разнообразные предметы, которые, вероятно, являлись какого-то рода пищей. Большой усатый багроволицый мужчина в полосатом переднике на груди стоял в фургоне с закатанными по локоть рукавами и раздавал людям емкости с жидкостью, которую он наливал из металлического контейнера.

— Я заплачу, — великодушно предложил молодой мужчина.

— Заплатите? — повторил Джерек, наблюдая, как его новый приятель протянул какие-то маленькие коричневые диски усатому, и в обмен получил две фарфоровые штучки с ручками. Он протянул одну Джереку, который чуть не уронил ее, так обожгло пальцы. Он осторожно глотнул жидкость. Она была горькой и сладкой в одно и то же время. Это ему понравилось.

Мужчина толкнул локтем Джерека в бок:

— Вы хорошо говорите по-английски!

— Благодарю, — ответил Джерек, — хотя это не проявление моего таланта, а действие Переводильных Пилюль.

— Чего-чего? — переспросил его покровитель без особого интереса. Его мысли, казалось, были где-то в другом месте, пока он пил кофе и рассеянно поглядывал вокруг.

— Очень хорошо. Я бы принял вас за английского джентльмена, если бы не одежда, конечно, и тот язык, на котором вы говорили сразу после того, как вас сбила лошадь. Сошли с корабля, не так ли? — его глаза сузились.

— В некотором смысле, — ответил Джерек. Не было смысла упоминать машину времени, ведь мужчина захочет повести его к изобретателю прямо сейчас, чтобы помочь достать новую. А

главной целью Джерека в настоящий момент было найти миссис Амелию.

— Это 1896-й год? — спросил Джерек.

— Что? Год? Да, конечно. 4 апреля 1896 года. А что, у вас другой календарь там, откуда вы приехали?

Джерек улыбнулся.

— Более или менее.

Люди начали расходиться, прощаясь друг с другом.

— Доброй ночи, Нюхальщик, — сказала одна из женщин молодому мужчине.

— Пока, Мэги.

— Вас зовут Нюхальщик? — спросил Джерек.

— Точно, прозвище, — мужчина поднял указательный палец правой руки и приложил его поперек к носу. Он подмигнул. — А как тебя кличут, приятель?

— Мое имя Джерек Карнелиан.

— Я буду звать тебя Джерри, а? Хорошо?

— Конечно. Я буду звать вас Нюхальщик.

— Ну, насчет этого… — мужчина поставил пустую чашку на прилавок. — Может быть, ты будешь звать меня мистер Вайн… — что, между прочим, является моим настоящим именем. Я согласился бы на Нюхальщика при нормальных

обстоятельствах, но там, куда мы собираемся пойти, «мистер Вайн» будет звучать более респектабельно.

— Хорошо, мистер Вайн. Скажите мне, мистер Вайн, Бромли далеко отсюда?

— Бромли в Кенте, — мужчина засмеялся. — Ты можешь добраться туда достаточно быстро на поезде. Меньше, чем полчаса с вокзала Виктория… или Ватерлоо? Что? У тебя там какой-нибудь родственник?

— М-м… невеста.

— Молодая леди? Англичанка?

— Думаю, да.

— Вот повезло! Ладно, я могу помочь тебе добраться до Бромли, Джерри. Но не сегодня. Сегодня тебе нужна комфортабельная постель в роскошном отеле. За твой счет, конечно.

— Вы очень добры, мистер Вайн.

— «Действительно», — подумал Джерек, — «люди этой эпохи исключительно дружелюбны».

— Я уже замерз и помят немного, — он засмеялся.

— Да, твоя одежда нуждается в чистке, — Вайн пощупал подбородок. — Ладно, думаю, я смогу помочь тебе в этом тоже. Обеспечу новый костюм и все остальное. И нужен какой-нибудь багаж. У

тебя есть багаж?

— Гм, нет. Я…

— Не надо больше слов. Багаж будет обеспечен. Джерри, друг мой. Как твое второе имя?

— Карнелиан.

— Карнел. Я буду звать тебя Карнел, если ты не возражаешь.

— Совсем нет, мистер Вайн.

Тот издал жизнерадостный смешок.

— Я вижу, мы станем хорошими друзьями, лорд Карнел.

— Лорд?

— Это мое прозвище для тебя. Согласен?

— Если вам будет угодно.

— Отлично, отлично, что за карта ты, Джерри! Я думаю, наш союз будет очень прибыльным.

— Прибыльным?

Он хлопнул дружески Джерека по спине.

— В духовном смысле, я имею в виду. Дружба. Пошли, мы быстро заберемся в мое логово и обрядим тебя, как красавчика!

И Джерек Карнелиан, удивленный, но постепенно обретающий былую уверенность, последовал за своим новым другом через лабиринт темных улочек. Наконец, они пришли к высокому черному зданию, которое стояло особняком

в конце аллеи. Из нескольких освещенных окон доносились звуки: смеха, крики, как Джереку показалось, гневные.

— Это ваш замок, мистер Вайн? — спросил он.

— Ну… — Вайн ухмыльнулся Джереку. — И да, и нет. Я разделяю его, можно сказать, с одним или двумя приятелями, товарищами по профессии, сэр, — он низко поклонился и преувеличенным жестом пригласил Джерека подняться первым по сломанным ступенькам к главной двери из рассохшегося дерева и ржавого металла, покрытой облупившейся коричневой краской, и с грязным бронзовым молотком в форме львиной головы в ее центре.

Они достигли верхней ступеньки.

— Это здесь мы должны провести ночь, мистер Вайн? — Джерек с интересом поглядел на дверь. Она была приятно уродливой.

— Нет, нет. Мы только переоденемся здесь наверху, а потом отправимся дальше. В кэбе.

— В Бромли?

— Бромли позже.

— Но я должен попасть в Бромли как можно быстрее. Видите ли, я…

— Я знаю. Призыв любви. Бромли манит. Будь уверен, ты увидишь свою леди. Завтра.

— Вы очень добры, мистер Вайн.

Джерек был доволен, что счастье наконец улыбнулось ему.

— Конечно. Если Нюхальщик дает обещание, ваше величество, оно что-то значит.

— Итак, это место…

— Ты можешь назвать его своего рода необычной гостиницей… для джентльмена с независимыми средствами, сэр. Для профессиональных леди. И для детей желающих изучить ремесло. Добро пожаловать, ваше величество, в Кухню Джонса.

И Нюхальщик Вайн стукнул несколько раз молотком по двери. Но дверь уже открывалась. В тени прохода стоял маленький мальчик. Он был одет в явные лохмотья, волосы засалены, лицо покрыто грязью и струпьями.

— А еще ее называют Задницей Дьявола. Привет, Нюхальщик, кто это там с тобой?

Глава двенадцатая
Удивительные появления и исчезновения нюхальщика Вайна

В Кухне Джонса было жарко. Она была полна запахов, не все из которых Джереку понравились.

К тому же, она была набита людьми. В длинной основной комнате на первом этаже и в галерее, огибающей ее сверху, было тесно от пестрой коллекции скамеек, кресел и столов (все далеко не в лучшем состоянии). Под галереей во всю длину одной стены размещался большой бар. Напротив бара, в огромном очаге ревел огонь, над которым жарился труп какого-то животного. В лужах разной консистенции валялись солома и объедки, тряпки и бумаги. Сквозь постоянное жужжание голосов доносились взрывы смеха, обрывки песен, вопли обвинений и потоки клятв.

Грязная одежда явно была в моде сегодня. Напудренные роскошные леди в изощренных тряпичных шляпках носили платья из зеленого, красного и голубого шелка, украшенные кружевами и вышивкой, а когда они поднимали юбки (что случалось часто), взору являлись слои грязных нижних рубашек. У некоторых верх платья был расстегнут. Мужчины носили усы, бороды или щетину и помятые котелки или шляпы на головах; желтые в клеточку пиджаки, желтые, голубые или коричневые брюки. У многих были часы на цепочке или цветы в дырочках на воротнике… Девочки и мальчики носили укороченные варианты такой же одежды, а некоторые из детей

в подражание взрослым особям раскрашивали свои лица румянами и углем. Стаканы, бутылки, кружки были в каждой руке, даже самой маленькой; на столах и на полу была россыпь тарелок, ножей, вилок и остатков пищи.

Нюхальщик Вайн повел Джерека Карнелиана сквозь эту толчею. Все здесь знали его.

— Ого, Нюхальщик! — кричали они.

— Как дела, Нюхальщик?

— Поцелуй нас, Нюхальщик!

Нюхальщик ухмылялся, кивая, и рукой с засаленным манжетом направлял Джерека через толпу эпохи Рассвета: эти семена, из которых произрастет обилие разнообразных растений, они будут расти и увядать, расти и увядать миллион или два лет истории Земли. Они были предками Джерека, и он любил их всех, а потому улыбался и махал рукой, получая к своему удовольствию, много широких улыбок в ответ.

Вопрос маленького мальчика часто повторялся:

— Кто твой друг? Нюхальщик?

— Что у него там под странной одеждой?

— Что ты задумал, Нюхальщик?

Пару раз они останавливались, чтобы мистер Вайн мог потрепать по щеке очередную девицу

и ответить:

— Иностранный джентльмен. Деловое знакомство. Легче, легче, не трогайте его! Он не знаком с нашими обычаями, — затем он подмигивал девице и шел дальше.

А один раз кто-то подмигнул в ответ Нюхальщику.

— Новая жертва, а? Ха-ха. Ты покупаешь их круглый градусник, а?

— Может быть, — ответил он, потрогав пальцем нос, как делал это прежде.

Джереку казалось, что Переводильная Пилюля не сработала, потому что он почти ничего не понимал. К несчастью, пилюля больше переводила его язык на английский 19-го века, чем снабжала его лексикой этих людей. Все же, он мог объясняться вполне прилично.

— Привет, парни, — загоготала какая-то старая леди, похлопав Нюхательщика по заду, предложила им что-то в стакане, запах чего напомнил Джереку тот, каким пахла другая леди на улице.

— Хотите джина? Хочешь повеселиться, красавчик?

— Убирайся, Нелли, — сказал Нюхальщик добродушно. — Он мой.

Джерек заметил, что голос Нюхальщика изме-

нился с того момента, как он вошел на Кухню Джонса! Казалось, он говорит на двух различных языках.

Несколько других женщин, мужчин и детей выразили свою готовность заняться любовью с Джереком, и он признался, что при других обстоятельствах с удовольствием удовлетворил бы предложения. Но Нюхальщик тащил его дальше.

Джерека очень озадачило, что ни один из этих людей даже приблизительно не напоминает миссис Амелию Ундервуд. Ужасная мысль пришла ему в голову: вдруг существует несколько дат «год 1896». Или различные временные потоки. Возможно, в разных районах имелись отличающиеся друг от друга племенные обычаи. Миссис Ундервуд принадлежала к племени, где в моде была скука и смирение, тогда как здесь люди верили и в веселье, и разнообразие.

Теперь Нюхальщик вел Джерека вверх по ветхой лестнице дальше в галерею. От галереи отходил коридор, и Нюхальщик вошел в него, подталкивая Джерека впереди себя, пока они не подошли к одной из нескольких дверей. Нюхальщик остановился, достал ключ из кармана жилета, и открыл дверь.

Войдя внутрь, Джерек оказался в полной тем-

ноте.

— Минутку, — сказал Нюхальщик, шаря вокруг.

Раздался скрежет, сопровождаемый вспышкой света. Лицо Нюхальщика осветилось маленьким огоньком, горящим на кончиках его пальцев. Он приложил этот предмет к предмету из стекла и металла, который стоял на столе. Предмет сам начал светиться и постепенно залил тусклым светом всю маленькую комнату.

В комнате стояла кровать с мятыми серыми простынями, шкаф, стол и два кресла, большое зеркало и около пятидесяти или шестидесяти сундуков и чемоданов различных размеров. Они были свалены повсюду, достигая до потолка, высовываясь из-под кровати, балансируя на вершине шкафа, частично закрывая зеркало.

— Вы собираете ящики, мистер Вайн? — Джерек восхитился сундуками. Некоторые были обтянуты кожей, некоторые обиты металлом, некоторые деревянные — все они имели превосходный вид. На многих были надписи, которые Джерек, конечно, не мог прочитать, но надписи казались очень разнообразными.

Вайн фыркнул и засмеялся.

— Да, — сказал он. — Именно так, ваше вели-

чество. Это мое маленькое хобби. Теперь давай подумаем о твоей одежде.

С выражением хмурой сосредоточенности на лице он начал рыться в чемоданах. Видимо не отыскав ничего достойного, он вытащил два дорожных баула и поставил их около лампы на столе. Баулы были одинаковые, и письмена на них тоже были одинаковые.

— Отлично, — сказал Вайн, потирая свой острый подбородок. — Великолепно. Д.К. — твои инициалы, а?

— Боюсь, что не умею читать…

— Не беспокойся об этом. Я буду читать за тебя. Теперь нам нужна какая-нибудь одежда.

— Ага, — сказал Джерек, обрадовавшись, что может помочь своему другу. — Скажите, что вам хочется надеть, мистер Вайн, и я сделаю это одним из моих Колец Власти.

— Сделаешь что?

— У вас, вероятно, нет здесь таких. — сказал Джерек, показывая свои Кольца. — Но с их помощью я могу произвести все, что пожелаю… от носового платка до… гм., дома…

— Ты, значит, фокусник? — глаза Нюхальщика Вайна расширились и стали настороженными.

— Я могу сделать все, что вы хотите. Скажите

мне.

Нюхальщик издал странный смешок.

— Хорошо. Мне нужна куча золота… на этом столе.

— Сейчас, — Джерек с улыбкой представил в уме просьбу Нюхальщика и направил нервный сигнал в соответствующий палец, управляющий рубиновым Кольцом власти. — Готово!

И ничего не появилось.

— Ты решил посмеяться надо мной? — Нюхальщик искоса посмотрел на Джерека.

Джерек пожал плечами.

— Как странно!

— Да, странно, — согласился Нюхальщик.

Неожиданно лицо Джерека просветлело.

— Все понятно. Здесь нет банков энергии. Они находятся за миллионы лет в будущем.

— Будущем? — Нюхальщик, казалось, застыл на месте.

— Я из будущего, — сказал Джерек. — Я собирался сказать вам позже. Я прибыл на корабле… ну, это машина времени. Сейчас она повреждена.

— Заткнись! — Нюхальщик прочистил горло. — Ты русский. Или кто-то еще.

— Уверяю вас, это чистая правда.

— Ты хочешь сказать, что можешь узнать по-

бедителя завтрашних скачек, если я дам тебе список сегодня?

— Извините, я не понимаю…

— Ты можешь сделать предсказание, как гадалка. А может ты, цыган?

— Мои предсказания имеют мало отношения к вашему времени. Мои знания о ближайшем будущем, мягко говоря, схематичны.

— Ты чертов псих, — сказал Нюхальщик Вайн с некоторым облегчением, поборов удивление, — сбежавший псих. О, вот мое счастье!

— Боюсь, что я не вполне…

— Не имеет значения. Ты все еще хочешь попасть в Бромли?

— Да, конечно.

— А ты хочешь ночевать сегодня в роскошном отеле?

— Если вы считаете, что так лучше.

— Тогда пошли, — сказал Вайн, — подберем тебе одежду, он подошел к шкафу. — Господи! Ты почти заставил меня поверить в свои россказни…

Джерек подошел к зеркалу и посмотрел на себя с видимым удовольствием. Он был одет в белую рубашку с высоким крахмальным воротником, пурпурный галстук с жемчужной булавкой,

черный жилет, черные брюки, лакированные черные ботинки, черный фрак и высокую черную шляпу из шелка.

— Английский аристократ, как с картинки, — сказал Нюхальщик Вайн, выбиравший всю одежду. — Сойдешь, Ваша светлость.

— Благодарю, — ответил Джерек, посчитав эту фразу комплиментом. Он улыбнулся и пощупал одежду. Она напоминала ту, что предлагала ему носить миссис Амелия Ундервуд. Это значительно подбодрило Джерека. Казалось, одежда приблизила его к ней.

— Мистер Вайн, мой дорогой, моя одежда очаровательна!

— Эй, держись! — сказал Нюхальщик, с тревогой рассматривая Карнелиана. Он также был одет в черное, хотя его костюм не был столь роскошен, как у Джерека. Вайн поднял два дорожных баула, которые наполнил другими баульчиками — маленькими.

— Торопись, кэб сейчас будет здесь. Они не любят долго ждать подле Джонса.

Джерек и мистер Вайн прошли обратно через толпу, вызывая оживление, удивление, разного сорта шуточки, пока не очутились снаружи в холодной ночи. Туман немного рассеялся, и Джерек

разглядел кэб, ожидавший на улице. Он был той же конструкции, как и тот, что сбил его.

— Вокзал Виктория — бросил Нюхальщик кучеру, сидевшему над кабиной на квадратном ящике.

Они сели в кэб, и кучер дернул поводья. Коляска задребезжала по узеньким мощеным улицам.

— Так лучше, — объяснил Вайн Джереку, который был очарован кэбом и тем немногим, что он мог разглядеть сквозь окошко. — Потом пересядем. Не хочу давать кэбмену повод для подозрений.

Джерек не понял, с какой стати «кэбмен» должен что-то подозревать, но не стал переспрашивать. Постепенно улицы расширились, и газовые фонари стали встречаться чаще. Движение на дороге стало оживленнее.

— Приближаемся к центру города, — пояснил Нюхальщик. — Впереди Трафальгарская площадь. Это Стрэнд. Мы проедем Уайтхолл, затем двинемся по улице Виктории к вокзалу.

Эти имена ничего не значили для Джерека, но имели чудесное экзотическое звучание. Он улыбнулся и кивнул, повторяя их про себя.

Они остановили кэб около красивого большого здания с несколькими высокими входными две-

рями, близ которых тянулись полосы асфальта, к железным воротам. За воротами стояла пара машин, в которых он немедленно узнал варианты его собственного локомотива, но несколько больших размеров и радостно воскликнул—«Музей!»

— Обыкновенная железнодорожная станция, — уточнил Вайн. — Отсюда ходят поезда. В твоей стране есть поезда?

— Только один, который я сделал сам.

— О, господи! — простонал Нюхальщик и потащил Джерека через один из входов и далее через асфальт, так что пара локомотивов оказались рядом с ними.

— А что это за штуки позади? — удивленно спросил Джерек.

— Вагоны, — фыркнул Нюхальщик.

— Обязательно сделаю такой же, как только вернусь в свое собственное время.

— Теперь, — сказал Нюхальщик, не обращая внимание на его болтовню, — ты должен предоставить мне обо всем договориться. Держись спокойно, хорошо… или ты нас обоих втравишь в неприятности.

— Хорошо, Нюхальщик.

— Вайн! Если тебе нужно обратиться ко мне. Но лучше не надо, понял?

Джерек кивнул. Они прошли через выход, где ожидало несколько кэбов. Нюхальщик выбрал ближайший, и они забрались внутрь.

— Отель «Империал», — бросил кэбмену мистер Вайн и повернулся к Джереку, который снова залюбовался видом из оконца. — И не забудь, что я говорил тебе!

— Вы мой проводник! — заверил его Джерек. — Я в ваших руках… Вайн.

— Отлично.

Вскоре кэб остановился около большого здания, нижние окна которого сияли огнями. Внушительный подъезд из мрамора и гранита под каменным навесом обрамляли мраморные колонны. Когда кэб подъехал, средних лет мужчина в темно-зеленом пиджаке и зеленой высокой шляпе выскочил из подъезда и открыл дверь. Мальчик, также в зеленом, но с квадратной зеленой кепкой на голове, последовал за мужчиной и взял два баула, которые кучер опустил вниз.

— Добрый вечер, сэр, — сказал мужчина Джереку.

— Это лорд Карнел, — сказал Нюхальщик Вайн. — Я его камердинер. Мы телеграфировали из Довера о том, что прибываем сегодня.

Мужчина поднял брови.

— Я не помню телеграммы, сэр. Но, может быть, о ней знают в приемной отеля?

Нюхальщик расплатился с кучером, и они последовали за мальчиком в теплоту просторного холла, в дальнем конце которого находится полированный стол. За столом стоял старик, одетый в черный фрак с синим жилетом. Он выглядел немного удивленным и листал большую книгу, лежавшую на столе перед ним. В холле стояло множество пальм в горшках, и они тоже ностальгически напомнили Джереку о миссис Ундервуд, которую он надеялся увидеть рано утром в Бромли.

— Лорд Карнел, сэр? — бормотал старик во фраке. — Я боюсь, никакой телеграммы нет!..

— Это крайне неприятно, — нахмурился Вайн. — Я отправил телеграмму лично, как только причалил пароход.

— Не беспокойтесь, сэр, — утешил его старик. — У нас множество свободных комнат. Что бы вы хотели?

— Апартаменты для его светлости с прилегающей комнатой для меня, — отчеканил Вайн.

— Конечно, сэр, — старик снова нырнул в книгу, — номер 26 с видом на реку, сэр!

— Это подходит, — высокомерно согласился

Вайн.

— Будьте любезны, подписать регистр, сэр. Джерек чуть не проговорился, что он не умеет писать, когда Вайн взял ручку, окунул ее в чернила и поставил знаки на бумаге. Вероятно, им обоим не помешали бы пара уроков чистописания.

Новоиспеченный лорд и его «верный слуга» прошли по мягким, малинового цвета коврам к клетке, украшенной завитушками из бронзы и железа, и мальчик открыл створки, чтобы они могли зайти внутрь, где стоял другой старик, который сказал.

— Номер 26.

Джерек огляделся вокруг.

— Странная комната, — пробормотал он, но Вайн сделал вид, что не расслышал.

Старик потянул веревку, и вдруг они стали подниматься в воздух. Джерек хихикнул от удовольствия, а затем вскрикнул, когда клетка внезапно остановилась, и он был вынужден опереться о стену, чтобы не упасть. Старик распахнул створки.

— Ага, — понимающе кивнул Джерек, — Это была грубая форма левитации.

Перед ними уходил вдаль покрытый ковром коридор. Интерьер выглядел роскошным и напо-

минал Джереку его дом.

К тут появился мужчина в черном пиджаке и мальчик с багажом. Знатных постояльцев провели вдоль коридора к номеру, состоящему из больших комнат. Из окон была видна водяная гладь, похожая на ту, что уже видел Джерек.

— Вы будете заказывать ужин, сэр? — спросил Джерека мужчина во фраке.

Джерек понял, что он зверски проголодался и открыл было рот, чтобы согласиться с предложением, но тут вмешался Нюхальщик Вайн:

— Нет, спасибо. Мы поужинали… в поезде из Довера.

— Тогда желаю вам спокойной ночи, ваша светлость, — мужчина во фраке, казалось был недоволен тем, что Нюхальщик говорил за Джерека. Его последняя фраза была подчеркнуто обращена к Джереку.

— Спокойной ночи, — расслабился Джерек. — Я благодарю вас, что вы разместили реку именно здесь. Я…

— Его светлость благодарит вас за вид из окна. Мы уезжали на долгое время, и Лорд Карнел не видели старой доброй Темзы целый год, — поспешно вмешался Нюхальщик, подталкивая старика и мальчика к выходу из комнаты.

Наконец двери закрылись. Вайн посмотрел на Джерека странным взглядом и покачал головой.

— Ладно, я не должен жаловаться. В конце концов, мы уже здесь. Ты лучше поспи, пока есть время. Я подремлю в своей собственной комнате. Спокойной ночи… ваша светлость, — хмыкнул, Нюхальщик покидая гостиную и закрывая за собой дверь.

Джерек почти ничего не понял из последних слов Вайна, поэтому пожал плечами и пошел к окну, чтобы повнимательнее рассмотреть реку. Он представил себя на лодке вместе с миссис Амелией и вздохнул. Если он столкнется с трудностями, связанными с возвращением в свое собственное время, можно пожить и здесь, где все были так добры к нему. Может быть, и миссис Ундервуд будет добрее в своем собственном времени. Что ж, скоро они снова будут вместе.

Напевая мелодию «Все вокруг прекрасно и смеется», он походил по номеру, исследуя спальню, гостиную, гардероб и ванную. Джерек уже знал о водопроводе, но все равно был очарован кранами, цепочками и пробками, нужными для наливания и выливания воды из различных фарфоровых сосудов. Он поиграл с ними, пока не надоело, и вернулся назад, в освещенную газом спальню.

«Наверное, лучше поспать», — подумал он. И, все же, несмотря на все приключения, небольшие ушибы, возбуждение, он совсем не чувствовал усталости. Интересно, устал ли Нюхальщик?

Джерек открыл дверь, чтобы посмотреть, спит ли его друг, и был весьма удивлен, обнаружив, что Вайн исчез. Постель была пуста. Два баула лежали открытыми, но маленькие сумочки пропали вместе с Вайном.

Джерек не мог понять исчезновения Нюхальщика, как, впрочем, и того, куда он мог подевать баульчики. Он вернулся в свою комнату и снова принялся рассматривать Темзу, наблюдая за черным судном, исчезавшим под аркой одного из ближайших мостов. Туман сейчас был настолько прозрачным, что Джерек мог разглядеть другой берег реки, очертания зданий и свечение газовых фонарей.

«Может, Бромли находится там?» — подумал он.

Вдруг в соседней комнате послышался шорох.

Джерек обернулся.

Его благодетель вернулся назад, тихо закрывая за собой наружную дверь. В одной руке он держал оба маленьких баула, и они буквально раздувались от содержимого. Вайн заметно удивился,

когда увидел, что Джерек не спит, но быстро совладал с собой и улыбнулся.

— Привет, ваша светлость.

— Привет, Нюхальщик, — улыбнулся в ответ Джерек.

Вайн, кажется, неправильно истолковал улыбку. Подойдя к постели, вложил оба маленьких баула в один большой, буркнув:

— Ты догадался, да?

— Насчет баулов?

— Именно. Ну, в них есть кое-что и для тебя тоже. — Нюхальщик засмеялся. — Этого хватит на проезд в Бромли!

— А, да, — сказал Джерек.

— Конечно, ты заработал свою долю. Четверть тебя устроит? Не забывай, что я взял на себя весь риск. Заметь, это лучший улов, который у меня был. Я мечтал попасть сюда много лет. Мне нужен был кто-нибудь, вроде тебя, кто мог бы сойти за джентльмена.

— О, — сказал Джерек, — не до конца понимая смысл сказанного. Он снова улыбнулся.

— Ты умнее, чем я думал. Наверное, много ловких парней, там, откуда ты приехал, а? Ладно, не беспокойся. Держи язык за зубами. Мы уедем отсюда рано утром, прежде чем кто-ни-

будь проснется… и будем намного богаче, чем раньше, — Нюхальщик засмеялся, подмигнул и быстро удалился, тщательно закрыв замок.

Джерек подошел к баулам. С трудом разобравшись в их запорах, он, наконец, открыл один и заглянул внутрь. Оказалось, мистер Вайн коллекционировал часы, кольца и золотые диски. Там же были и другие предметы, такие как: бриллиантовые булавки для галстука, очень похожие на ту, что была на Джереке; какие-то маленькие цепочки для застегивания рукавов рубашек; коробочки с бумажными трубочками, набитыми ароматической травой. А еще бутылочки, обрамленные серебром и золотом, пуговицы, цепочки, кулоны, ожерелья, пара диадем, веер с рамкой из золота и украшения с изумрудом. Все вещи были очень красивыми, но Джерек так и не смог понять, зачем Нюхальщику они понадобились. Он пожал плечами и закрыл баул.

Немного позже его компаньон вернулся с новой добычей. Он был доволен, глаза его сияли.

— Самый большой улов в моей жизни. Ты не поверишь, какие тузы собрались здесь сегодня. Я не мог бы выбрать лучшую ночь за сотню лет. Где-то в Бельгравии был большой бал: собралась вся знать страны во всем своем великолепии.

В их комнатах лежит ценностей, наверное, на миллион фунтов. Мне остается только брать.

Нюхальщик вытащил большую связку ключей из своего кармана и потряс ими перед лицом Джерека. А из другого кармана извлек небольшой предмет, напоминавший Джереку дубинку, которую таскал с собой замаскированный Юшарисп.

— Посмотри на это. Нашел на крышке ящика с жемчугом. Подумать только, даже он украшен жемчужинами! Я оставлю его себе, — Нюхальщик довольно засмеялся, — на случай ограбления.

Джереку было приятно видеть своего друга таким радостным.

— На случай ограбления! — повторил в восхищении Нюхальщик.

Он открыл один из баулов и вытащил на свет пригоршню ниток жемчуга.

— Мы все упакуем и уберемся отсюда, пока они не проснулись после гулянки. Ха-ха.

Джерек, вдруг почувствовав усталость, зевнул и потянулся.

— Прекрасно, сказал он. — Вы не возражаете, если я посплю час или два, прежде чем мы уйдем.

— Спи сном праведным, мой друг. Ты принес мне счастье, и это как пить дать. Я могу выйти в отставку. Могу завести конюшню, купить лоша-

дей и стать Владельцем! Нюхальщик-владелец победителя скачек! Как звучит, а? Я вижу его перед собой, — он сделал жест руками, — и я могу купить бар где-нибудь в сельской местности. По Хайлшимской дороге или в Эпсом, рядом с ипподромом, — он закрыл глаза, — или поехать за границу. В Париж! О-ля-ля! — он засмеялся, засунул еще один баульчик под пиджак и ушел.

Джерек снял свой фрак, шелковую шляпу и лег на постель. Он ждал рассвета, надеясь, что Нюхальщик укажет ему дорогу в Бромли, дом 23 по Коллинз-авеню.

— О, миссис Ундервуд, — прошептал он. — не бойтесь. Даже сейчас я думаю о том, как избавить вас от неволи.

* * *

Джерека разбудил Нюхальщик, который тряс его за плечо. Он был взмылен, глаза лихорадочно блестели.

— Мы теряем время, Джерри, мой мальчик. Нам нужно назад, на Кухню Джонса. Там мы спрячем вещи, и мне придется исчезнуть на некоторое время.

— А Бромли? — спросил Джерек, поднимаясь с постели.

— Поедешь, когда захочешь. Я оставлю тебя на станции и куплю билет. Если бы у меня было время, я нанял бы специальный поезд после того, что ты для меня сделал.

Нюхальщик протянул Джереку фрак и шляпу.

— Быстро одевайся. Я сказал им, что мы уезжаем рано… в твое поместье. Они ничего не подозревают. Смешно подумать, какими они становятся доверчивыми, когда слышат твой титул.

Когда Джерек Карнелиан надевал фрак, в дверь постучали. Вайн насторожился, но спустя мгновение расслабился и ухмыльнулся.

— Наверняка, это пришел мальчишка за нашими саквояжами. Мы позволим им нести улов за нас, а?

Джерек кивнул с отсутствующим видом. Он снова думал о предстоящем свидании с миссис Ундервуд.

Вошел бой. Он поднял их баулы и нахмурился, обнаружив, что немного раньше они были не такие тяжелые.

— Что же, сэр, — громко сказал Нюхальщик Вайн Джереку Карнелиану. — Вы рады возвращению в Дорсет?

— Дорсет? — следуя за мальчиком по коридору, Джерек наморщил лоб — не Дорсет, а Бромли…

— Конечно, сэр, — Нюхальщик приложил палец к губам.

Они вошли в клетку и спустились на первый этаж. У Вайна на лице еще оставалось выражение восторга, которое он старался спрятать, придав лицу более строгое выражение.

Снаружи был рассвет, серый дождливый рассвет, Джерек ждал около двери, пока другой бой отправился искать кэб, потому что в этот ранний час поблизости никого не было. За столом стоял тот же самый старик, что и ночью. Он немного нахмурился, принимая золотые диски, которые Нюхальщик протянул ему.

— Его светлость спешит в свое поместье, — объяснил Вайн. — Его светлость нездоровы. Поэтому-то нам и пришлось так спешно вернуться из Франции.

— Понимаю, сэр, — старик что-то нацарапал на листочке бумаги и протянул листок Вайну.

Вдруг Джерек почувствовал странную напряженную атмосферу в этом красивом отеле. Все, казалось, смотрели на него с каким-то особенным выражением. С улицы донесся шум кэба, и вскоре показался он сам. Мальчик в зеленом костюме прицепился сзади.

Старик в цилиндре открыл стеклянную дверь.

Бой поднял баулы.

— До свидания, ваше сиятельство, — сказал мужчина за столом.

— До свидания, — ответил приветливо Джерек. — Благодарю вас.

— Эти баулы такие тяжелые, сэр, — пожаловался бой.

— Не хнычь, Герберт, — пожурил его швейцар.

— Да, — похвалился Джерек, — они сейчас полны добычей Нюхальщика.

Нюхальщик вздрогнул, у швейцара отвисла челюсть.

В этот момент по лестнице, запыхавшись, бежал краснолицый постоялец в ночной рубашке, натягивая на ходу бархатный халат, от которого сам Джерек не отказался бы.

— Меня ограбили, — кричал краснолицый мужчина. — Драгоценности моей жены! Мой портсигар. Все исчезло!

— Держите воров! — закричал старик за столом.

Швейцар бросился на Джерека.

Бой уронил баулы.

Джерек упал. Он не испытывал физического нападения прежде.

Он засмеялся.

На тонком лице Нюхальщика отчаянно пытавшегося протащить баулы через дверь в кеб, появилось выражение, близкое к агонии. Когда швейцар подбежал и схватил его, он уронил их.

— Назад! — завопил Вайн. Он вырвался из рук старика, вытаскивая что-то из кармана. — Отойди назад!

— Ворюга! — зарычал швейцар — И как я сразу не понял! Ты меня не напугаешь! Меня, бывшего майора войск его Величества, — и он снова кинулся на Нюхальщика.

Раздался довольно громкий хлопок.

Швейцар упал. Нюхальщик с удивлением уставился на него. Такое же удивление появилось на лице швейцара, когда он увидел большое красное пятно, расплывшееся на его униформе. Цилиндр свалился у него с головы. Нюхальщик показал что-то мужчине в халате и старику во фраке.

— Подними баулы, Джерри, — приказал он.

Джерек, весьма озадаченный, нагнулся и поднял два тяжелых баула. Бой широко раскрытыми глазами смотрел за сценой из-за пальмы в кадке.

Вайн ринулся к двери, но Джерек заметил, что кэбмен слез с коляски и побежал по улице, размахивая руками. Затем он услышал звук свистка.

— На улицу, — произнес Нюхальщик ледяным

голосом.

Джерек прошел через дверь на улицу под дождь.

— В кэб, быстро! — сказал Нюхальщик. — Теперь он махал предметом черного цвета с серебром на кэбмена и другого мужчину, одетого в темно-голубой костюм и шляпу без полей с круглым значком, которые бежали по улице к ним.

— Назад, или я стреляю!

Джереку все происходящее показалось крайне интересным. Он не имел понятия, что происходит, но радовался драме, предвкушая, как будет рассказывать миссис Амелии Ундервуд через несколько часов, что произошло с ним. Он удивился, почему Нюхальщик Вайн забрался на верх коляски и хлестнул кнутом лошадь.

Кэб рванулся по улице.

Джерек услышал еще один громкий хлопок, а затем коляска повернула за угол и помчалась по другой улице, заполненной множеством людей, одетых, в основном, в серые пальто и кепки. Люди оборачивались, глядя вслед кэбу, проносящемуся мимо. Джерек весело махал рукой некоторым из них.

Полный ликования в предчувствии скорого прибытия в Бромли, Джерек запел, качаясь из

стороны в сторону в мчащемся кэбе — «Иисус освещает нас ясным чистым светом».

Вскоре они достигли Кухни Джонса, бросив кэб за добрую милю до нее. Джерек нес баулы и порядком устал, когда они, наконец, добрались до своего убежища. Он очень удивился, почему манеры Нюхальщика значительно изменились. Тот продолжал рычать на него и говорить вещи вроде:

— Ты определенно превратил счастье в беду. Надеюсь, Бог не даст умереть этому парню. Если он умрет, в этом будет столько же твоей вины, как и моей.

— Умрет? — наивно спросил Джерек. Но почему его нельзя воскресить? Или слишком рано?

— Заткнись, — рявкнул Нюхальщик — Ладно, раз уж я связался с тобой придется терпеть. Если я тебя брошу, ты разболтаешь все в две минуты. Поэтому возьму тебя с собой, — он громко засмеялся. — Не забывай, что ты только подмастерье.

— Вы сказали, что доставите меня в Бромли, — напомнил ему мягко Джерек, когда они поднялись по ступенькам Кухни Джонса.

— Бромли? — фыркнул Нюхальщик Вайн. — Ха! Тебе крупно повезет, парень, если ты не окажешься в аду!

* * *

В течении нескольких дней Джерек осознал всю тяжесть страдания. У него начала расти борода, и кожа в этом месте ужасно чесалась. Его одолевали крошечные насекомые трех или четырех различных разновидностей, кусающие все его тело. Одежду, которую Нюхальщик первоначально ему дал, он сам же и отобрал, и Джерек был прикрыт какими-то лохмотьями. Нюхальщик иногда покидал их комнату и спускался этажом ниже. Оттуда он всегда возвращался с мрачным лицом, пропахший той самой жидкостью, которую предлагала Джереку женщина первой ночью на Кухне Джонса. Нюхальщик не позволял Джереку спускаться вниз, чтобы погреться у огня, поэтому Карнелиан скоро узнал, что такое холод, а вслед за этим открытием понял природу голода и жажды. Сначала он смаковал новые ощущения, но постепенно они начали угнетать. И, в конце концов, он обнаружил, что больше неспособен откликаться на новизну происходящего. Медленно он познавал, что такое страх. Нюхальщик учил его этому, отпуская порой оплеуху и бормоча при этом непонятные угрозы. Сама мысль о защите была чужда Джереку, и все те люди,

которые были так дружелюбны, когда он пришел в первый раз, теперь или не обращали на него внимания, или огрызались, когда он высовывался из комнаты. Джерек похудел и стал грязным. Он потерял вкус к жизни и стал забывать Бромли и миссис Ундервуд. Другая жизнь, за пределами этой тесной и забитой сундуками каморки над Кухней Джонса, казалась ему невозможной.

Однажды утром внизу началась большая суматоха. Нюхальщик еще храпел на постели, а Джерек дремал на своем обычном месте под столом. Хотя он проснулся первым, его чувства были настолько притуплены голодом, усталостью и страданиями, что он никак не отреагировал на шум: удары, вопли, звуки столкновения. Вдруг Нюхальщик пошевелился и открыл глаза.

— Что это? — спросил он хрипло. — Ах, если бы только этот чертов швейцар не подвернулся под руку. Столько добра, и нельзя трогать, потому что этот парень может отдать Богу душу, — он скинул ноги с постели и по привычке пнул Джерека. — Господи, как жаль, что проклятый кэбмен не убил тебя той проклятой ночью, недоумок.

В этом состоял почти неизменный ритуал его пробуждения. Но сегодня он склонил голову, осознавая, что внизу что-то происходит, засунув

руку под подушку, вытащил пистолет и подошел к двери. Осторожно приоткрыв ее, он начал прислушиваться.

Громкие голоса мужчин.

Проклятья. Выкрикивание угроз.

Женский визг.

Плач ребенка.

Нюхальщик Вайн, выглядевший чуть здоровей, чем Джерек, двинулся вдоль коридора. Джерек встал и наблюдал за ним из дверного прохода. Он увидел, как Нюхальщик достиг галереи, и в этот момент два человека в голубой одежде, которую он уже видел на мужчине, когда они покидали отель, кинулись на его мучителя с двух сторон, словно поджидали его.

Раздался громкий хлопок.

Один из мужчин в голубом отшатнулся назад. Нюхальщик вырвался из рук второго, шмыгнул к перилам галереи. Мгновение он колебался, а затем перепрыгнул через них и исчез из вида.

Джерек поплелся по коридору туда, где один из мужчин в голубом помогал другому встать на ноги.

— Назад! — закричал тот, кто не был ранен.

Но Джерек почти не слышал его. Он подошел к перилам и, посмотрев вниз, увидел Нюхальщика

на грязных плитах пола. Тот лежал, раскинув руки, голова кровоточила, все лицо казалось покрытым кровью. Пытаясь подняться на четвереньки, он снова падал на пол. Его медленно окружали другие люди, все одетые в ту же самую голубую форму с теми же голубыми шляпами на головах. Они стояли и смотрели, не пытаясь помочь ему. Вайн подергался немного и перестал шевелиться.

Толстый мужчина, один из обслуживающих бар в Кухне Джонса, появился около группы мужчин в голубом. Он поглядел на Нюхальщика, потом поднял глаза на галерею и увидел Джерека. Он показал на него.

— Этот, — сказал он. — Этот — второй.

Джерек почувствовал сильную руку на своем грязном плече.

Плечо было чувствительно к боли, потому что Нюхальщик поставил ему синяк на этом месте предыдущей ночью. Но боль казалось, пробудила его память. Он взглянул в мрачное лицо человека, державшего его.

— Миссис Амелия, — произнес Джерек тонким умоляющим голосом, — Коллинз-авеню 23. Бромли. Кент. Англия.

Он повторял эту фразу снова и снова, пока его

вели по ступенькам лестницы, через опустевший зал, через дверь на утреннюю улицу, где ждал его фургон с четырьмя черными лошадьми. Освобожденный от Нюхальщика, свободный от Кухни Джонса, Джерек почувствовал безотчетный прилив радости:

— Благодарю вас, — улыбаясь, повторял он мужчинам, забравшимся в фургон вместе с ним. — Благодарю вас.

Один из них криво усмехнулся.

— Не благодари меня за это, парень. Как пить дать они повесят тебя.

Глава тринадцатая
Дорога на виселицу: старые друзья в новом обличьи

В тюрьме, где лучше кормили, одевали и сносно к нему относились, Джерек Карнелиан начал понемногу приходить в себя. Больше всего ему приглянулся серый мешковатый костюм с широкими, нашитыми на него, стрелами, и Джерек решил, что если он когда-нибудь попадет в свой собственный век, то обязательно сделает себе такой же (хотя, возможно, стрелы окрасит в оранжевый цвет). Мир тюрьмы был небогат цветами,

в ней преобладали бледно-зеленые, серые или черные тона. Даже тела других заключенных и те были серые. Звуки тоже обладали определенной монотонностью — стуки, крики и проклятья. Но ежедневный ритуал подъема, кормления, прогулки, сна имели исцеляющий эффект для духа Джерека. Сначала ему предъявили обвинение в различных преступлениях, а затем оставили в покое. Никто не навещал его, кроме случайного посетителя, который показался сочувствующим. И Джерек снова стал грезить о Бромли и миссис Амелии Ундервуд. Он надеялся, что его скоро выпустят или закончат ритуал каким-нибудь, подходящим для него, способом. Тогда он продолжит свой путь.

Каждые несколько дней мужчина, в черном костюме с белым воротником и черной книгой в руках, посещал бело-кафельную камеру Джерека и разговаривал с ним о своем друге, который умер, и еще об одном друге, который был невинен. Джерек обнаружил, что проповеди этого мужчины, которого звали преподобный Лоуденс, имели приятный успокаивающий эффект и, слушая их, он улыбался и согласно кивал, стараясь тем самым приободрить преподобного Лоуденса, или качал головой, когда казалось, что согла-

шаться не надо. Это вызывало у преподобного Лоуденса большое удовольствие и множество улыбок, и еще больше — слов, произносимых довольно высоким и монотонным голосом, о своем невидимом друге, который, как выяснилось, был отцом мертвого друга.

Однажды, перед уходом, преподобный похлопал Джерека по плечу и сказал ему:

— Я не сомневаюсь, что ваше Спасение уже ждет вас!

Это обрадовало Джерека, и он с нетерпением ожидал своего освобождения. К большому удовольствию Джерека, воздух за стенами тюрьмы становился теплее.

Другой посетитель Джерека был одет в черный костюм с черным галстуком и цилиндр. На нем был черный жилет и брюки в яркую полоску. Он представился мистером Гриффитсом из Гильдии Адвокатов. У него была большая голова с темными волосами и огромные мохнатые брови, которые почти срослись у переносицы. Его руки тоже были большими и неуклюже обращались с документами, которые он доставал из своего маленького кожаного чемоданчика. Он садился на край жесткой койки Джерека и листал бумаги, часто раздувая щеки, и время от времени

громко вздыхал. Затем, наконец, он поворачивался к Джереку и поджимал губы, прежде чем заговорить.

— Мы собираемся заявить о вашем безумии, мой друг.

— Что? — спросил Джерек, непонимающе.

— Да, в самом деле. Вы все подтвердили полиции. Несколько свидетелей определенно узнали вас. И вы опознали свидетелей перед лицом понятых. Вы утверждали, что не имели понятия, что происходит. Это само по себе вряд ли правдоподобно, исходя из остальных ваших заявлений. Вы видели, как покойный Вайн приносил свой «улов». Вы помогали ему унести награбленное, убежав вместе с ним после того, как он застрелил швейцара. На вопрос о вашем имени и происхождении вы сочинили дикую историю о появлении из будущего в какой-то машине и дали явно вымышленное имя. Отсюда я намерен начать свое расследование… и оно может спасти вашу жизнь. Сейчас вы лучше расскажите, что произошло, по вашему мнению, с той ночи, когда вы встретили Альфреда Вайна, до утра, когда полиция проследила вас обоих до Кухни Джонса, и Вайн был убит при попытке к бегству.

Джерек с готовностью рассказывал свою исто-

рию мистеру Гриффитсу, так как это помогало провести время. Но мистер Гриффитс раздувал щеки и закатывал глаза под черными бровями, а один раз хлопнул ладонью по лбу и чертыхнулся.

— Передо мной труднейшая задача, — сказал мистер Гриффитс, уходя в первый раз, — мне предстоит убедить судью, что человек, явно разумный, с одной стороны, является безусловно законченным безумцем с другой, что ж, по крайней мере, я сам убедился в правдивости моих предположений. До свидания, мистер… хм… до свидания.

— Надеюсь на скорую встречу, — вежливо сказал Джерек, когда охранник выпускал мистера Гриффитса из камеры.

— Да, да, — поспешно отвечал мистер Гриффитс, — да, да.

Мистер Гриффитс нанес ряд других визитов, так же, как и преподобный Лоуденс. Но тогда, как преподобный Лоуденс всегда казался уходящим в еще более счастливом настроении, мистер Гриффитс обычно уходил с отчаянием на лице. Его поведение выдавало крайнее возбуждение.

* * *

Суд над Джереком Карнелианом за соучастие в убийстве Эдварда Фрэнка Морриса, швейцара отеля «Империал», совершенном 5 апреля 1896 года примерно в 6 часов утра, состоялся в центральном уголовном Суде Лондона. Никто, включая защитников, не знал и не ждал, что суд затянется. Единственное, в чем можно было сомневаться, сочтет ли суд достаточными обстоятельства для смягчения приговора. Все это совсем не трогало Джерека Карнелиана, настаивающего на сохранении вымышленного имени, несмотря на все предупреждения о том, что сокрытие имени подлинного влечет за собой наказание. Перед началом суда Джерека под конвоем доставили в деревянную ложу, где он должен был стоять во время процесса. Ему нравилась ложа, позволяющая хорошо видеть остальную часть довольно большой комнаты.

Мистер Гриффитс подошел к ложе и торопливо спросил Джерека:

— Эта миссис Ундервуд, вы давно ее знаете?

— Очень давно, — сказал Джерек, — строго говоря… я буду знать ее долгое время, — он засмеялся. — Мне нравятся эти парадоксы.

— А мне — нет, — сказал с чувством мистер Гриффитс. — Она респектабельная женщина? Я имею в виду она… ну… в своем уме, например?

— В высшей степени.

— Гм — м… что ж, я намерен вызвать ее, если возможно. Чтобы она засвидетельствовала вашу особенность… ваши заблуждения и тому подобное.

— Вызвать ее? Привести ее сюда?

— Именно это.

— Это было бы превосходно, мистер Гриффитс. — Джерек захлопал в ладоши. — Вы очень добры, сэр.

— Гм — мгм, — промычал Гриффитс, поворачиваясь и уходя к столу, где сидел вместе с другими мужчинами, одетыми, как и он, в черные накидки и странно выглядевшие волосы — белые и туго закрученные. За ними располагался ряд скамеек, где было множество людей в разнообразных одеждах, но без фальшивых волос на голове. А позади Джерека, над ним, находилась галерея, содержащая еще больше людей в обычной одежде. Слева от него был еще один ряд скамеек, на которых, как заметил Джерек, расположились двенадцать человек, проявлявших заметный интерес к нему. Джереку льстило его положе-

ние. Ему нравилось быть в центре внимания. Он улыбнулся и помахал рукой. Его жест остался без ответа.

Затем кто-то прокричал какие-то слова, которые Джерек не уловил, и все начали вставать — из комнаты вышла группа людей в длинных накидках и с фальшивыми волосами и расположилась за столами прямо напротив Джерека на дальней стороне комнаты. Именно тогда Джерек и разинул от удивления рот. Он узнал человека, который, казалось, как и он сам, занимал почетное место в суде.

— Лорд Джеггед Канари, — воскликнул Джерек. — Вы проследовали за мной сквозь время? Оказывается, вы настоящий друг.

Один из мужчин в голубом, стоявший позади Джерека, наклонился вперед и похлопал его по плечу.

— Спокойнее, парень. Ты должен говорить, когда к тебе обратятся.

Но Джерек был слишком взволнован, чтобы слышать его.

— Лорд Джеггед, вы узнали меня?

Все снова начали усаживаться, и Лорд Джеггед, казалось, не услышал Джерека. Он достал бумаги, которые кто-то положил перед ним.

— Тише! — снова сказал мужчина позади Джерека.

Джерек повернулся к нему с улыбкой.

— Это мой друг, — объяснил он, показывая рукой.

— Молись, чтоб это было так на самом деле, — мрачно ответил мужчина, — это лорд Главный Судья, вот кто. И он будет судить тебя, парень.

— Его имя Лорд Джеггер. Не серди его, иначе у тебя не будет ни одного шанса.

— Лорд Джеггед, — поправил Джерек.

— Тишина! — закричал кто-то. — Тишина в зале суда!

Лорд Джеггед Канари поднял голову. На его лице было странное суровое выражение. Когда он взглянул на Джерека, то не показал ничем, что узнал его. Джерек был озадачен, но предположил, что это какая-то новая игра Лорда Джеггеда. Он решил поучаствовать в ней какое-то время, поэтому перестал делать дальнейшие замечания и привлекать всеобщее внимание к тому неоспоримому факту, что человек, восседающий напротив, был его старым другом.

Начался суд, и интерес Джерека не иссякал все то время, когда группа людей, большую часть которых он видел в отеле, выходила рассказы-

вать, что случилось той ночью, когда Джерек и Нюхальщик Вайн прибыли в «Империал», и что потом произошло на следующее утро. Этих людей опрашивал сэр Джордж Брен, обвинитель, а затем мистер Гриффитс снова задавал им вопросы. В основном эти люди помнили события так же, как и Джерек, но мистер Гриффитс, казалось, не верил им. Также мистер Гриффитс интересовался их мнением о Джереке. Вел ли он себя странно? Что он говорил? Некоторые из присутствующих вспоминали, что Джерек говорил какие-то странные вещи или, во всяком случае, то, что они не понимали, но сейчас они были убеждены, что это воровской жаргон. Мужчины в голубой форме были также опрошены, включая того, кого Джерек видел на улице, когда покинул Отель, и несколько других, которые пришли в Кухню Джонса позднее. Их снова тщательно переспрашивал мистер Гриффитс. Потом появился преподобный Лауденс и заявил, что считает Джерека раскаявшимся. Затем был перерыв для ленча, и Джерека повели в маленькую чистую камеру и дали какую-то неаппетитную пищу. Пока он ел, его в очередной раз посетил мистер Гриффитс.

— Думаю — есть шанс, что судья сочтет вас виновным, но невменяемым… — начал мистер

Гриффитс.

Джерек рассеянно кивнул. Он все еще думал о неожиданной встрече с Лордом Джеггедом в суде. Как его друг умудрился найти его? Как он смог для этого вернуться назад во времени? Джерек надеялся, что теперь все дальнейшее окажется простым. Как только все кончится, он заберет миссис Амелию Ундервуд в новой машине времени Лорда. И он был бы рад вернуться в свой собственный век, так как век девятнадцатый порядком ему надоел.

— … особенно, — продолжал мистер Гриффитс, — потому, что вы не стреляли в этого человека. С другой стороны, суд, кажется, жаждет крови, и лорд Джеггер не выглядит слишком сочувствующим. Но все же лорд Джеггер имеет репутацию снисходительного человека, я слышал…

— Лорд Джеггед, — поправил Джерек мистера Гриффитса, — таково его настоящее имя, во всяком случае. Он мой друг.

— Вот в чем дело, — мистер Гриффитс покачал головой, — как бы там ни было, вы помогаете мне в защите.

— Он из моего собственного периода времени, — сказал Джерек, — мой ближайший друг в

моем веке.

— Он довольно хорошо известен и в нашем веке, — сказал мистер Гриффитс с кривой улыбкой. — Самый известный судья в Империи, самый молодой, из когда-либо заседавших в суде.

— Вот значит, где он пропадал во время своих длительных отлучек, — засмеялся Джерек, — интересно, почему он никогда не говорил мне об этом?

— Интересно, — фыркнул мистер Гриффитс и встал. — Между прочим, ваша знакомая леди здесь. Она прочитала о суде в газетах этим утром и сама нашла меня.

— Миссис Ундервуд! Это чудесно! Два старых друга! Лорд Джеггед и миссис Ундервуд! О, благодарю вас, мистер Гриффитс, — Джерек вскочил на ноги, и тут дверь открылась, и на пороге показалась женщина, которую он любил.

Как она была прекрасна в своем простом темном бархатном платье. На ней была незамысловатая шляпка с вуалью, сквозь которую Джерек разглядел ее милое лицо.

— Миссис Амелия Ундервуд! — Джерек шагнул вперед, чтобы обнять ее, но она отстранилась.

— Сэр? Охранник шевельнулся, словно желая помочь ей.

— Все в порядке, — сказала миссис Ундервуд охраннику. — Да, это он, мистер Гриффитс.

Она говорила очень печально и рассеянно, словно припоминая сон, в котором Джерек принимал участие.

— Мы скоро уедем отсюда, — заверил ее Джерек. — Здесь Лорд Джеггед. У него должна быть машина времени. Мы все сможем вернуться в ней назад!

— Я не могу вернуться, мистер Карнелиан, — ответила тихим голосом миссис Ундервуд, сохраняя отчужденный тон. — Пока я не увидела вас, я не до конца верила, что когда либо была там. Как вы попали сюда?

— Я последовал за вами. В машине времени, предоставленной Бранна ртом Морфейлом. Я знал, что вы полюбите меня.

— Любовь? А-а, — она вздохнула.

— И вы все еще любите меня, я вижу это.

— Нет, — она была шокирована, — я замужем! И… — она взяла себя в руки. — Я приехала не для этого, мистер Карнелиан, я пришла убедиться, действительно ли это вы, и если это так, просить о помиловании вашей жизни. Я знаю, что вы не могли совершить ничего плохого, вроде соучастия в убийстве… или даже ограблении. Я

уверена, что вас обманули. Вы всегда были таким наивным в некоторых отношениях. Мистер Гриффитс хочет, чтобы я солгала суду, потому что он думает, что может спасти вашу жизнь.

— Ложь?

— Он хочет, чтобы я сказала, что знаю вас довольно давно, и вы всегда проявляли тенденции к слабоумию.

— Вы должны сказать это? Почему бы не сказать им правду?

— Они не поверят правде. Никто не поверит.

— Я заметил, что они слушали меня только тогда, когда я повторял их версии. Все мои попытки сказать правду канули в пустоту.

Мистер Гриффитс переводил взгляд с Джерека на миссис Амелию и обратно, и на его лице было несчастное затравленное выражение.

— Вы, значит, оба верите в эту дикую чушь насчет будущего?

— Это не чушь, мистер Гриффитс, — сказала миссис Амелия твердо. — Но, с другой стороны, я не прошу вас поверить в это. Сейчас самое важное спасти жизнь мистера Карнелиана, даже если придется пойти против всех моих принципов и лжесвидетельствовать перед судом. Кажется, в данном случае это единственный способ остано-

вить несправедливость.

— Да, да, — сказал отчаянно мистер Гриффитс. — Итак, вы пойдете в ложу свидетелей и скажете судье, что этот мистер… Карнелиан… сумасшедший. Это все, что я прошу.

— Да, — прошептала она.

— Вы любите меня, — также тихо сказал Джерек. — Я вижу это в ваших глазах, миссис Ундервуд.

Она пристально посмотрела на него мучительным, страждущим взглядом.

Потом миссис Ундервуд повернулась и покинула камеру.

— Она любит меня! — Джерек взволнованно зашагал по камере. Мистер Гриффитс устало наблюдал за ним, и его лицо постепенно принимало выражение фатализма. Когда он уходил, Джерек начал петь во весь голос. — «Все вокруг прекрасно сияет, все вещи мудрые и полные чудес»…

* * *

После ленча все снова заняли свои места, и первым свидетелем защиты оказалась миссис Амелия, более скованная и напряженная, чем когда-либо.

Мистер Гриффитс спросил, давно ли она знает

Джерека. Амелия ответила, что встретила его во время миссионерского путешествия в Южную Америку. Карнелиан причинил ей некоторые неудобства, но по сути своей он безвреден.

— Можно сказать, что он слабоумный, а, миссис Ундервуд?

— Да, — прошептала она, — можно…

— Что-то вроде… — не отдающего отчет в своих поступках, да?

— Да, — согласилась она тем же тоном.

— Он выказывал какие-нибудь агрессивные намерения?

— Нет. Я думаю, он не знает, что такое насилие.

— Очень хорошо. А преступление? Как вы думаете, он имеет представление об уголовном преступлении?

— Никакого.

— Превосходно, — мистер Гриффитс повернулся к двенадцати мужчинам, которые внимательно слушали диалог.

— Я думаю, господа присяжные заседатели, это леди, дочь миссионера, успешно доказала вам, что мой подзащитный не только не знал, что был вовлечен в преступление умершим Альфредом Вайном, но и что он неспособен понять, что со-

вершает какое-либо преступление. Он приехал в Англию, чтобы найти женщину, которая была добра к нему в его собственной стране — в Аргентине, как миссис Ундервуд рассказала вам. Он был обманом втянут бессовестным мошенником в воровство, ничего не зная о наших нравах.

Лорд Джеггер наклонился вперед.

— Я считаю, мы можем поберечь все это для заключительной части, мистер Гриффитс.

Мистер Гриффитс наклонил голову.

— Хорошо, милорд, простите.

Теперь наступила очередь сэра обвинителя расспрашивать миссис Ундервуд. Он имел маленькие, похожие на бусинки глаза, красный нос и вызывающие манеры. Его интересовали подробности, например, где и когда она встретилась с мистером Карнелианом. Он представил свидетельство, что ни один корабль из Аргентины не прибывал в Лондон в упомянутую дату. Он предположил, что миссис Ундервуд безрассудно почувствовала жалость к мистеру Карнелиану и дала свидетельские показания, не отвечающие истине, чтобы спасти его. Может быть, она из тех людей, которые против смертной казни как многие истинные христиане? Еще обвинитель уведомил присутствующих, что не допускает

мысли о том, что эта леди появилась в ложе свидетелей из каких-либо иных побуждений, кроме самых лучших. И так далее, и так далее, пока миссис Ундервуд не зарыдала, а Джерек не попытался вылезти из-за своей загородки и подойти к ней.

— Миссис Ундервуд, — закричал он. — Скажите им, что произошло в действительности, Лорд Джеггед поймет. Он подтвердит, что вы говорите правду.

Казалось, все в зале вскочили на ноги одновременно, и раздался стук молотка, перекрывающий шум голосов, и громкий голос мужчины:

— Тишина в зале суда! Тишина в зале суда!

— Я попрошу очистить помещение в случае продолжения подобной демонстрации, — сказал сухим тоном лорд Джеггер.

— Но она лжет только потому, что эти люди не верят правде, — кричал Джерек.

— Тише.

Джерек огляделся с безумием во взоре.

— Мы встретились через миллион лет в будущем, я последовал за ней сюда, потому что люблю ее… все еще люблю.

Лорд Джеггер, игнорируя Джерека, нагнулся вперед к мужчине с фальшивыми волосами, сидевшему пониже его.

— Свидетельница может удалиться, — сказал он. — Она, кажется, в расстройстве чувств. У вас еще есть вопросы, джентльмены?

Мистер Гриффитс покачал головой в полном отчаянии. Обвинитель казался вполне удовлетворенным и тоже покачал головой.

Джерек смотрел, как миссис Ундервуд выпроводили из свидетельской ложи. Он видел ее отчаяние и боялся, что никогда больше не увидит ее. Он умоляюще взглянул на лорда Джеггера.

— Почему вы позволили им довести ее до слез, Джеггед?

— Тише!

— Я считаю, что успешно доказал, милорд, что единственная свидетельница защиты лжет, — сказал сэр Джордж Брен.

— Что вы скажете на это, мистер Гриффитс? — спросил лорд Джеггер.

Мистер Гриффитс опустил голову.

— Ничего, сэр, — он повернулся и посмотрел на все еще возбужденного Джерека. — Хотя я считаю, что у нас есть достаточное свидетельство неустойчивого умственного состояния подзащитного.

— Мы решим это позже, — сказал Лорд Джеггер. — И мне хотелось бы напомнить суду, что в

нашу задачу не входит исследование умственного состояния подзащитного. Мы всего-навсего хотим выяснить, был ли он невменяем в утро убийства.

— Лорд Джеггед, — воскликнул Джерек. — Прошу вас. Закончите всю процедуру сейчас. Представление было забавным в начале, но оно принесло миссис Ундервуд подлинное огорчение. Возможно, вы не понимаете, что чувствуют эти люди… но я понимаю… я сам испытал довольно ужасные эмоции с тех пор, как нахожусь здесь!

— Тише!

— Лорд Джеггед?!

— Молчать. Обвиняемый! Вам дадут возможность высказаться в свою защиту позднее, если вы захотите, — сказал лорд Джеггер без тени юмора, без единого намека на то, что узнал Джерека.

И Джерек, в конце концов, начал сомневаться, не ошибся ли он. Хотя лицо, манеры, голос были теми же самыми… и имя почти такое же. Это не могло быть случайным совпадением.

А затем ему пришло в голову, что Лорд Джеггед получает какое-нибудь злорадное удовольствие от происходящего, что он совсем не является другом Джерека и что он задумал все происходящее от начала до конца.

Заседание Суда, казалось, завершилось в одно мгновение. И когда лорд Джеггер спросил Джерека, хочет ли тот что-нибудь сказать, он просто покачал головой. Он был слишком подавлен, чтобы попытаться убедить их в своей правоте. Он начал верить, что и в самом деле обезумел с горя.

Эта мысль привела Джерека в смятение. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда.

А затем Лорд Джеггер произнес короткую речь перед присяжными, и они удалились. Джерека увели назад в камеру, где к нему присоединился мистер Гриффитс.

— Все обстоит хуже некуда, — взволнованно затараторил мистер Гриффитс. — Вы должны были сидеть спокойно, а не болтать невесть что. Теперь они думают, что это хитрый трюк, чтобы выручить вас. Это может погубить мою репутацию.

Он что-то достал из своего чемоданчика и протянул Джереку.

— Это просила передать вам миссис Ундервуд.

Джерек взял бумагу, непонимающе посмотрел на иероглифы, начертанные любимой рукой, и протянул бумагу обратно.

— Лучше прочтите ее мне.

Мистер Гриффитс прищурился, вглядываясь в письмена, и неожиданно покраснел и прокашлялся.

— Это довольно личное..

— Пожалуйста, прочитайте, — сказал Джерек.

— Ладно, здесь сказано — ага… «Я обвиняю себя за то, что произошло. Я знаю, они посадят вас в тюрьму на долгое время, если не лишат вас жизни. Я боюсь, что у вас мало надежд на оправдание, и поэтому я должна сказать вам, Джерек, что люблю вас, что мне не хватает вас, что я всегда буду вас помнить…»Гм-м… Без подписи, что очень умно. Хотя с другой стороны вообще неосторожно писать подобные вещи.

Джерек снова улыбался.

— Я знал, что она любит меня. Я придумаю, как спасти ее, даже если лорд Джеггед не поможет мне.

— Мой дорогой мальчик, — весомо произнес мистер Гриффитс, — вы должны помнить серьезность вашего положения. Очень много шансов за то, что они приговорят вас к виселице.

— Да, — сказал Джерек. — Между прочим, мистер Гриффитс, что из себя представляет этот ритуал «вешания», можете объяснить мне?

Мистер Гриффитс вздохнул, встал и молча по-

кинул камеру.

* * *

Джерека в третий раз привели в его ложу. Поднявшись по ступенькам, он увидел лорда Джеггеда и других, занимавших своих кресла. Вошли двенадцать мужчин и сели на свои места.

Один из мужчин с фальшивыми волосами стал читать список имен, и каждый раз, когда он называл имя, один из двенадцати человек отвечал «да», пока не были названы имена всех двенадцати.

Затем встал другой человек и обратился к двенадцати:

— Джентльмены присяжные, вы пришли к согласию о вашем заключении?

Один из двенадцати ответил:

— Да.

— Считаете ли вы заключенного под стражей виновным или невиновным?

На мгновение глаза всех двенадцати обратились на Джерека, который уже почти не проявлял интереса к опостылевшему ритуалу.

— Виновен.

Джерек вздрогнул, когда руки двух охранников упали на его плечи. Он с удивление посмотрел на

каждого из них.

Лорд Джеггер спокойно посмотрел на Джерека.

— У вас есть, что сказать, пока приговор не оглашен?

Джерек ответил устало:

— Джеггед, прекратите этот фарс. Давайте заберем миссис Ундервуд и отправимся домой.

— Обвиняемому нечего сказать в свое оправдание.

— Я понял, что Вам нечего сказать, — отчеканил лорд Джеггер, полностью игнорируя слова Джерека.

Один из мужчин рядом с лордом Джереком протянул ему квадратный предмет из черной ткани, который тот осторожно поместил поверх своих белых фальшивых волос. Около лорда Джеггера появился преподобный Лоуденс, одетый в черную мантию. Он выглядел еще печальнее, чем обычно.

— Вас признали виновным в соучастии в жестоком убийстве невинного служащего отеля, который вы хотели ограбить, — монотонным голосом произнес лорд Джеггер, и в первый раз Джереку показалось, что он заметил блеск юмора в глазах друга. Значит, это была шутка, в конце концов. Джерек улыбнулся в ответ.

— ...следовательно, я должен приговорить Вас...

— Ха, ха! — закричал Джерек. — Это Вы, Джеггед!

— Тише! — воскликнул кто-то.

Звук голоса лорда Джеггера продолжался сквозь слабое бормотание голосов в суде, пока он не закончил словами:

— Господи, помилуй Вашу душу!

Преподобный Лоуденс сказал:

— Аминь!

Охранники потянули Джерека к выходу.

— Увидимся позже, Джеггер, — закричал Джерек.

Но Джеггед снова игнорировал его, повернувшись спиной и что-то тихо говоря Преподобному Лоуденсу, скорбно качающему головой.

— Никаких угроз. Они не приведут ни к чему хорошему, — сказал один из охранников. — Пойдем, сынок!

Джерек смеялся, пока его вели снова в камеру.

— Действительно, я потерял свое чувство юмора, чувство драмы. В этом виновато, наверное, то ужасное время на Кухне Джонса. Я извинюсь перед Джеггедом, как только встречу его снова.

— Ты не встретишь его, — сказал охранник. —

Пока он не присоединится к тебе там, — и он показал на потолок.

— Вы считаете, там находится будущее? — спросил Джерек с подлинным любопытством.

Но они больше ничего не сказали ему, и через несколько секунд он оказался один в камере, вертя в руках записку, которую послала ему миссис Амелия Ундервуд, он помнил каждое слово из нее. Она любит его.

Она сказала это. Джерек никогда прежде не испытывал подобного счастья.

* * *

После того, как его перевезли в другую тюрьму в черном экипаже, Джерек обнаружил, что с ним обращаются еще более заботливо, чем прежде. Охранники, разговаривающие обычно с особо мрачным юмором, теперь говорили с симпатией и часто похлопывали его по плечу. Только на вопрос о его освобождении они хранили молчание. Некоторые из них говорили ему, что, по их мнению, он «должен был выкрутиться», и что «это не справедливо», но Джерек не мог понять смысл их замечаний. Он часто встречался с преподобным Лоуденсом и опять подыгрывал ему. Когда они декламировали псалмы, Джерек вспоминал, что

скоро увидится с миссис Амелией Ундервуд и снова будет петь эти песенки вместе с ней. Он спросил у преподобного Лоуденса, не слышал ли он что-нибудь о миссис Ундервуд, но святой отец ничего не знал о ее дальнейшей судьбе.

— Она многим рисковала, выступив в вашу защиту, — сказал однажды преподобный Лоуденс, — ведь материал о вас был напечатан во всех газетах. Возможно, она скомпрометировала себя. Она ведь замужняя женщина.

— Да, — согласился Джерек. — Полагаю, она ждет меня, чтобы устроить наше возвращение в будущее.

— Да, да, — сказал печально святой отец.

— Я считаю, что Лорду Джеггеду пора появиться здесь. Хотя не исключено, что его собственная машина времени нуждается в ремонте, — рассудил Джерек.

— Да, да, — его преподобие открыл черную книгу и начал читать.

Потом он закрыл книгу и поднял голову.

— Вы знаете, что это произойдет завтра утром?

— О! Вам сказал Лорд Джеггед?

— Лорд Джеггер вынес приговор, если вы это имеете ввиду. Он назначил завтрашний день. Я рад, что вы так хорошо держитесь.

— Почему нет? Это превосходная новость.

— Я уверен, что господь знает, как судить вас, — преподобный Лоуденс поднял серые глаза к потолку. — Вам нечего бояться.

— Конечно, нечего. Хотя дорога может оказаться трудной.

— Да, действительно, я понимаю вас.

— О! — Джерек откинулся спиной на койку. — Я с нетерпением жду встречи со всеми друзьями.

— Я уверен, что они все будут там, — священник встал. — Я приду завтра пораньше. Если вам будет трудно заснуть, охранник побудет с вами в камере.

— Я уверен, что буду спать очень хорошо. Итак, мое освобождение назначено на завтра?

— В восемь часов утра.

— Благодарю вас за новость.

Глаза преподобного Лоуденса, казалось, увлажнились, но это не могли быть слезы, потому что на его лице была улыбка.

— Вы не представляете, что это значит для меня, мистер Карнелиан.

— Я только рад доставить вам удовольствие, преподобный Лоуденс.

— Благодарю вас, — с этими словами святой отец удалился.

На следующее утро Джерек с трудом съел довольно плотный завтрак, только чтобы не обидеть охранников, которые явно считали, что принесли ему особое угощение. Все они выглядели печальными и продолжали покачивать головами. Преподобный Лоуденс пришел рано, как и обещал.

— Вы готовы? — спросил он Джерека.

— Более, чем готов, — ответил тот жизнерадостно.

— Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам в молитве?

— Если вы хотите этого, конечно.

Джерек встал на колени рядом со святым отцом и стал повторять слова, которые тот произносил. В этот раз молитва продолжалась дольше, чем обычно, голос преподобного Лоуденса частенько прерывался. Джерек терпеливо ждал каждый раз, когда это случалось. В конце концов, что значили несколько минут, когда он скоро вновь увидится с женщиной, которую любит, и со своим лучшим другом?

А затем они покинули камеру в обществе охранников и прошли в незнакомый дворик, окруженный со всех сторон высокими стенами. Там находилось какое-то деревянное сооруже-

ние, состоящее из помоста и высокого столба, поддерживающего горизонтальную балку.

С балки свешивалась толстая веревка с петлей на конце. На помосте стоял мужчина в черном одеянии. С одной стороны помоста имелись ступеньки. Около мужчины в черном торчал рычаг. Во дворе был еще несколько людей. Они тоже выглядели печальными. Без сомнения, они привыкли к Джереку, (хотя он и не мог вспомнить, видел ли некоторых из них прежде), и не хотели, чтобы он покинул их время.

— Это машина? — спросил Джерек преподобного Лоуденса.

Он не ожидал увидеть машину времени из дерева, но полагал, что они использовали дерево для множества вещей в эпоху Рассвета.

Тот молча кивнул в ответ.

— Да.

Святой отец помог Джереку подняться по ступенькам, а мужчина в черном завел за спину руки Джерека и крепко связал их.

— Наверное, это необходимо? — заметил Джерек мужчине в черном, который до сих пор не произнес ни слова. — В последний раз на мне был резиновый костюм.

Черный человек не ответил, заметив священ-

ника.

— Спокойный человек. Обычно иностранцы кричат и лягаются.

Преподобный Лоуденс не ответил. Он смотрел, как мужчина в черном связывает Джереку ноги. Джерек засмеялся, когда мужчина в черном накинул ему на голову грубую веревочную петлю и затянул ее вокруг шеи. Волосинки петли щекотали.

— Что ж, — сказал он, — я готов. Когда прибудут Лорд Джеггед и миссис Ундервуд?

Никто не ответил. Священник что-то тихо бормотал. Кое-кто из людей в толпе, внизу, монотонно произнес несколько слов.

Джерек зевнул и поглядел вверх на голубое небо и на поднимающееся солнце. Это было прекрасное утро. Ему так не доставало свежего воздуха в последнее время.

Преподобный Лоуденс достал свою черную книгу и начал читать. Джерек повернулся, чтобы спросить: не задерживаются ли Лорд Джеггед и, миссис Ундервуд, но тут мужчина в черном надел ему мешок на голову, ион больше никого не мог видеть. Джерек пожал плечами. Он был уверен, что друзья скоро появятся.

Джерек услышал, как его друг священник кон-

чил читать. Раздался щелчок, и пол провалился под его ногами. Ощущение почти не отличалось от того, когда он путешествовал в машине времени.

Ему казалось, что он падает, падает, падает, и мгла сомкнулась над ним.

Глава четырнадцатая
Последующая беседа с Железной Орхидеей

Первое, что почувствовал Джерек, когда пришел в сознание — что у него очень болит голова и горло.

Он хотел коснуться шеи, но его руки все еще были связаны за спиной. Джерек распылил веревки и освободил руки и ноги. Его шея была натерта, а в некоторых местах содрана кожа. Он открыл глаза и посмотрел в помятое многоцветное лицо Браннарта Морфейла.

Браннарт зло усмехнулся.

— Я говорил тебе, Джерек, я говорил тебе это! И машина времени не вернулась вместе с тобой, это означает, что ты потерял ценное оборудование.

Джерек огляделся.

Лаборатория была точно такой же, какой он

оставил ее.

— Может быть, она сломалась, — предположил он. — Вы знаете, она была сделана из дерева.

— Дерево? Дерево? Чепуха. Почему ты так охрип?

— Там была веревка. В принципе, очень примитивная машина. Все же я вернулся. Лорд Джеггед не навещал вас, когда я отправился в прошлое. Он не брал взаймы другую машину времени?

— Лорд Джеггед?

В комнату вплыла Миледи Шарлотина. На ней была та же самая липовая накидка, которую она надела раньше.

— Лорд Джеггед не был здесь, мой милый Джерек. В конце концов, вы исчезли совсем ненадолго.

— Это подтверждает эффект Морфейла, — сказал Браннарт с удовольствием, — если кто-нибудь отправляется в эпоху, которой не принадлежит, создается столько парадоксов, что время просто выплевывает пришельца, как человек выплевывает гранатовое зернышко, застрявшее у него в горле.

Джерек снова потрогал свою шею.

— Тем не менее, ему потребовалось некоторое время, чтобы выплюнуть меня, — сказал он с чув-

ством. — Я пробыл там около шестидесяти дней.

— О, перестаньте, — Браннарт злобно сверкнул на него глазками.

— Лорд Джеггед Канари был там тоже. И миссис Амелия. У них, кажется, не было никаких трудностей с пребыванием в том времени, — упорствовал Джерек.

На нем все еще был надет серый костюм с широкими черными стрелами.

— И посмотрите на это! Они дали мне этот костюм.

— Прекрасный костюм, Джерек, — сказала Миледи Шарлотина. — Но вы же знаете, что могли сделать его сами.

— Кольца Власти не действуют в Прошлом. Энергия не передается назад во времени, — объяснил ей Джерек.

Браннарт нахмурился.

— А что Джеггед делает в прошлом?

— Какие-то его собственные дела, я думаю, вряд ли связанные со мной. Я считал, что он уже здесь.

Джерек осмотрел лабораторию, заглядывая в каждый уголок.

— Они сказали, что миссис Ундервуд присоединится ко мне.

— Пока ее здесь нет, — кушетка Миледи Шарлотины подплыла ближе. — Вам понравилось в Эпохе Рассвета?

— Довольно интересно, — признался Джерек, — хотя были моменты изрядно скучные. И даже такие… он в третий раз потрогал пальцем свое горло. — Вы знаете, Миледи Шарлотина, что многое в их жизни делается отнюдь не по их желанию?

— Что вы имеете в виду? — она наклонилась вперед, рассматривая его шею.

— Ну, мне это трудно объяснить, а вам представить. Я сам не сразу понял. Они становятся старыми, разрушаются. У них нет контроля над телом и над мышлением. Словно они вечно грезят, движимые импульсом, о котором не имеют объективного понятия. Конечно, это может быть ложным впечатлением от их культуры, но так мне кажется.

Миледи Шарлотина рассмеялась.

— Вам никогда не удастся объяснить это мне, Джерек. У меня нет ума. Есть лишь капелька воображения. И, к тому же, хорошее чувство драмы.

— Да… — Джерек забыл об участии, которое она принимала в недавних событиях его жизни. Но для него прошло так много времени, что он не

мог чувствовать какой-либо обиды к ней.

— Интересно, когда появится миссис Амелия Ундервуд?

— Она сказала, что вернется?

— Я понял так, что Лорд Джеггед привезет ее обратно.

— Ты уверен, что Лорд Джеггед там? — настойчиво спросил Браннарт. — Приборы не показывают ни прибытия ни ухода машины времени.

— Должна быть запись об одном прибытии, — рассудительно сказал Джерек — Ведь я вернулся, не правда ли?

— Тебе не нужно было использовать машину, эффект Морфейла сделал эту работу за нее.

— Но я был уверен, что послан в машине, — Джерек нахмурился.

Он начал перебирать в уме все последние события своего недавнего пребывания в прошлом.

— По крайней мере, я думаю, что это была машина времени. Может быть, я неправильно понял то, что они пытались объяснить мне?

— Вполне возможно, — вставила Миледи Шарлотина, — ведь ты сам сказал, как трудно усвоить их концепцию даже в элементарных вопросах.

Лицо Джерека приобрело задумчивый вид.

— Но одно несомненно, — он достал из кармана

письмо миссис Амелии Ундервуд, вспоминая слова, прочитанные ему мистером Гриффитсом. — Я люблю вас, мне не хватает вас, я всегда буду помнить о вас, — он приложил смятую бумагу к губам. — Она хочет вернуться ко мне.

— Все говорит в пользу ее возвращения, — сказал Браннарт Морфэйл, — хочет она этого или нет. Эффект Морфейла, он не делает исключения, — Браннарт засмеялся, — Но она не обязательно снова попадет в наше время. Тебе придется искать ее во всех прошедших миллионолетьях. Я, конечно, не советую этого делать. Ты погибнешь. Помни, что тебе очень повезло на сей раз.

— Она найдет меня, — сказал с надеждой Джерек. — Я знаю, она найдет меня. И когда она придет, я построю ей красивую копию ее собственного века, чтобы она никогда не грустила о доме, — Джерек продолжал доверительно излагать свои планы Браннарту Морфейлу. — Вы видите, я провел значительное время в Эпохе Рассвета, близко познакомился с их архитектурой и многими обычаями. Наш мир никогда не видел того, что я создам. Мои творения увидят все, все!

— О, Джерек, — воскликнула с восхищением Миледи Шарлотина. — Ты начинаешь говорить как раньше. Ура!

* * *

Через несколько дней Джерек почти завершил свой обширный замысел. Сооружение простиралось на несколько миль через неглубокую долину, по которой бежала сверкающая река, названная им Темзой. Светящиеся белые мосты нависали над водой через равные интервалы. Вода была глубокого синего цвета, одинакового с цветом роз, украшающих колонны мостов.

По обеим сторонам реки стояли копии кухни Джонса, кофейни, тюрем, уголовного суда и отеля. Ряд за рядом они заполняли улицы из сияющего мрамора, золота и хрусталя. На каждом перекрестке стояла высокая статуя, обычно лошадь или кэб. Действительно, все было очень красиво. Джерек решил немного увеличить здания для разнообразия.

Таким образом, кофейня в тысячу футов высотой нависала над пятисотфутовым отелем. Чуть поодаль приютился небольшой Центральный Уголовный Суд.

Джерек добавлял последние штрихи к своему творению, которое он назвал просто «Лондон: 1896 год», когда его окликнул знакомый апатичный голос:

— Джерек, ты гений, и это — твое лучшее произведение.

Сидя верхом на огромном парящем лебеде, укутанный в одежды голубого и синего цвета, с высоким воротником, обрамляющим длинное бледное лицо, Лорд Джеггед Канари улыбался одной из своих самых умнейших, самых загадочных улыбок.

Джерек стоял на крыше одной из тюрем. Он переместился по воздуху на статую кэба рядом с парящим лебедем Джеггеда.

— Красивый лебедь, — сказал Джерек. — Вы привезли с собой миссис Ундервуд?

— Ты, значит, знаешь, как я назвал ее?

Джерек недоуменно нахмурился.

— Что?

— Лебедь! Я думал, милый Джерек, что ты имеешь в виду лебедя. Я назвал лебедя «миссис Амелия Ундервуд». В честь твоего друга.

— Лорд Джеггед, — сказал Джерек с усмешкой, — вы обманываете меня. Я знаю вашу склонность к мистификациям. Помните мир, который вы построили и заселили микроскопическими воинами? В этот раз вы играете с любовью, с судьбой… с людьми, которых знаете. Вы поощрили меня к ухаживанию за миссис

Амелией Ундервуд. И все детали этой авантюры исходили от вас, хотя вы заставили меня поверить, что это были мои собственные идеи. Я уверен, что это вы помогли Миледи Шарлотине осуществить ее месть. Вы, должно быть, как-то связаны и с моим благополучным прибытием в 1896 год. Далее, вполне возможно, что именно вы похитили миссис Ундервуд и принесли ее в наш век в самом начале.

Лорд Джеггед рассмеялся. Он послал лебедя кружить вокруг самых высоких зданий. Тот парил по небу, и все время Джеггед смеялся.

— Джерек, ты умен. Ты — достойнейший из нас.

— Но где сейчас миссис Амелия Ундервуд? — окликнул его Джерек Карнелиан, следуя за своим другом: его серый костюм с оранжевыми стрелами трепетал во время движения по воздуху. — Я думал, вы сообщите мне, что привезете ее с собой!

— Я? Сообщу? Нет.

— Тогда где она?

— В Бромли, я полагаю. Англия. Кент. 1896 год.

— О, Лорд Джеггед, вы безжалостны!

— В некоторой степени, — Лорд Джеггед направил лебедя к голове статуи, на которой восседал

Джерек. Это была странная статуя — с повязкой на глазах, с мечом в одной руке и золочеными весами — в другой.

— Ты чему-нибудь научился во время своего короткого пребывания в прошлом, Джерек?

— Я многое испытал и кое-чему научился, Лорд Джеггед.

— Что же, я думаю, это лучший способ учебы, — снова улыбнулся Лорд Джеггед.

— Это были вы… лорд Главный Судья… не так ли? — спросил Джерек.

Улыбка стала шире.

— Вы должны доставить миссис Амелию Ундервуд обратно ко мне, Лорд Джеггед, — требовал Джерек. — Хотя бы только для того, чтобы она смогла увидеть это.

— Эффект Морфейла, — сказал Лорд Джеггед, — это неоспоримый факт. Браннарт утверждает это.

— Вы знаете больше.

— Польщен. Ты слышал, между прочим, что случилось с Монгровом и инопланетянином Юшариспом?

— Я был занят и не слышал сплетен.

— Они построили космический корабль и улетели вместе распространять сообщение по

Вселенной.

— Итак, Монгров покинул нас, — услышав эту новость, Джерек почувствовал печаль.

— Он устанет от миссии и вернется.

— Надеюсь.

— А твоя мать, Железная Орхидея. Ей надоело увлечение Вертером де Гете. Я слышал, они теперь с Герцогом Квинским удалились от мира и вместе планируют вечеринку. Орхидея будет направляющим ангелом, поэтому вечеринка обещает быть небезынтересной.

— Я рад, — сказал Джерек. — Думаю, что скоро отправлюсь повидаться с ней.

— Поезжай, она любит тебя. Мы все желаем тебе счастья.

— А я люблю миссис Амелию, — многозначительно сказал Джерек. — Увижу ли я ее снова, Лорд Джеггед?

Лорд Джеггед похлопал по шее своего грациозного лебедя. Птица взмахнула крыльями, удаляясь от Джерека.

— Увижу ли я ее? — закричал Джерек.

И Лорд Джеггед бросил через плечо:

— Несомненно, ты увидишь ее. Хотя многое еще должно произойти. Во всяком случае, до Конца Времени еще, по крайней мере, тысяча лет!

Белый лебедь поднимался все выше и выше в голубое небо. Лорд Джеггед помахал рукой с его пушистой спины.

— Прощай, мой преданный друг! Ариведерчи, влекомый ветром времени, листик! Мой воришка! Моя печаль! Моя игрушка! Моя радость! До свидания, милый!

И Джерек увидел, как белый лебедь повернул голову на длинной шее, чтобы взглянуть на него загадочными глазами, прежде чем исчезнуть за единственным облачком, плывущим по пустому слепому небу.

* * *

Разузоренные в тончайшие оттенки зеленого, Железная Орхидея и ее сын возлежали на зеленой лужайке, плавно спускающейся к лазурному озеру. Был вечер.

Между Железной Орхидеей и ее сыном покоилась золотисто-зеленая скатерть, уставленная нефритовыми блюдами с остатками ужина. Здесь были зеленые яблоки, зеленый виноград, сердечки артишоков, имелись чеснок, корнишоны и незрелые дыни, сельдерей и авокадо, виноградные листья и груши, в самом центре этого натюрморта в зеленых тонах ярким мазком

краснела редиска.

Железная Орхидея слегка приоткрыла свои изумрудные губы, когда она потянулась за неочищенным миндалем. Джерек рассказал ей о своих приключениях в Эпохе Рассвета. Ее зачаровал рассказ, хотя она не все понимала в нем.

— И ты нашел смысл «добродетели», моя плоть? — она покончила с миндалем и теперь раздумывала, не отведать ли корнишонов.

Джерек вздохнул.

— Должен признать, что до конца не уверен в этом. Но, полагаю, «добродетель» имеет какую-то связь с «развращенностью», — он засмеялся и вытянулся на прохладной траве. — Одно порождает другое, мама.

— Что такое «развращенность», любовь моя?

— Я думаю, это что-то, связанное с неспособностью контролировать свои поступки. Что, в свою очередь, имеет какую-то связь с окружением, в котором предпочитаешь жить… если у тебя вообще есть выбор. Возможно, когда миссис Амелия Ундервуд вернется, она сможет объяснить точнее.

— А она вернется? — безотчетным жестом пальцы Железной Орхидеи опустились на редиску и отправили ее в рот.

— Я уверен в этом, — сказал Джерек.
— И тогда ты будешь счастлив?
Он посмотрел на нее с некоторым удивлением.
— Что такое «счастлив», мама?

Пустые земли

Ночные страхи, уходите прочь!
Нахлынул день и слышен птичий грай
Мы жнем опять печальный урожай:
Тоску и смерть. И видим только ночь
Мы — дети сов! Нам не дано постичь
Всю радость жизни, наш удел иной—
Знать суету и длить любой ценой
Миг боли, что несет страданий бич.

Ступайте прочь, могильный мрак и хлад
В Пустые Земли, там где Высший Суд.
Прожить остаток жизни каждый рад
Познав любовь и обретя приют.
Но мы — в оковах! Молим Рай и Ад,
Чтоб нас спасли… Хоть знаем — не спасут!..

Эрнест Доусон «Остатки», 1899

Глава первая,

в которой Джерек Карнелиан продолжает любить

— Ты положил начало новой моде, милый, — сказала Железная Орхидея, столкнув своей изящной ножкой соболье покрывало с ложа, — и я горжусь тобой, как гордилась бы любая мать. О, мой гениальный и эстетный!

На другом конце алькова бледный и задумчивый Джерек, почти закрытый огромной мягкой грудой подушек, тихо произнес:

— Благодарю тебя, о чаруйный из цветов, о изысканнейший из металлов.

— Но ты все еще в плену сплина, — молвила сочувственно Железная Орхидея, — ты все еще тоскуешь по своей миссис Ундервуд!

— Да, это так.

— Немногие смогли бы длить страсть так долго. Весь мир напряженно следит за вашими страданиями и нетерпеливо гадает: ты ли отправишься к ней, она ли явится к тебе?

— Насколько я понял, она обещала вернуться, — пробормотал Джерек Карнелиан. — Ты же знаешь, как трудно порой осмыслить речи странника во времени, тем более живущего в 1896-м, — он улыбнулся. — Но там чудесно, ма-

ма! Как я желаю, чтобы ты насладилась видами Кофейных палаток, Дворцами Джина, Тюрьмами и прочими памятниками. Там так много людей! Непонятно, как им хватает воздуха на всех!

— Конечно, дорогой, — ответ ее прозвучал не столь живо, как можно было бы ожидать, ведь она уже не раз слышала все это. — Но здесь мы все экстазно наслаждаемся твоей Репродукцией Лондона. И каждый пытается подражать тебе.

Догадываясь, что он начинает надоедать ей, Джерек сел на подушки и стал задумчиво разглядывать Кольца Власти, мерцающие на его перстах. Поджав свои губы совершенной формы, он повернул то, которое украшало указательный палец правой руки. Мгновенно на дальней стене залы сотворилось окно, через которое хлынули легковейные лучи померанцевого солнца.

— Какое живописное утро! — воскликнула Железная Орхидея, желая воздать хвалу его вкусу. — Как ты намерен его провести?

Джерек пожал плечами.

— Признаться, я еще не думал об атом. А что предложишь ты?

— Ах, Джерек, я думаю, тебе — основавшему Фасон Ностальгии, придется по вкусу прогулка в один из древних Руинных Городов.

— О, мечтательная Королева Матерей, ты совершенна в своем Ностальгическом настроении! — он нежно поцеловал ее в веки цвета черного дерева. Мы были там в последний раз, когда я был совсем ребенком. Ты подумала о Шаналорне,[21] не правда ли?

— Шаналорн, или нечто другое… Мы отправимся туда, куда ты пожелаешь. К тому же, если мне не изменяет память, тебя зачали именно в Шаналорне, — она зевнула. — Руинные Города — единственное, что неизменно в нашем зыбком мире.

— Некоторые бы сказали — они были миром, — Джерек улыбнулся. — Но им недостает шарма метрополий Эпохи Рассвета,[22] несмотря на всю их древность.

---

[21] notes: 21

«… ты подумала о Шаналорне…»

Шаналорн (Танелорн) — один из центральных образов в сериале Муркока «Вечный герой». Танелорн — это Город, существующий всегда и везде, вне времени и пространства, Центр Гармонии и оплот борьбы против сил Хаоса. В Танелорне, подобно греческому Элизиуму, отдыхают Герои после битв с чудовищами Хаоса. В романе «Серебряные воины», из цикла о Джоне Дэйкере-Эрикезе, Муркок говорит так устами своих героев: «… город Танелорн — вечный… Герою необходимо, чтобы такой город существовал, несмотря на все видоизменения Земли. Говорят, что даже самые обездоленные народы там обретают покой. А еще говорят, что люди сами должны пожелать мира и покоя — лишь тогда они найдут Танелорн». Упоминание о Танелорне есть во всех произведениях этого цикла. В романе «Пустые земли» речь идет о Конце Времени, где Танелорн уже утерял свою былую мощь и превратился

в скопище руин. Отсюда и название «Руинные Города». Муркок хочет подчеркнуть, что за тысячелетия изменилось само звучание этого слова, поэтому жители Края Времени называют его «Шаналорн».

[22] notes: 22

«… им недостает шарма метрополий Эпохи Рассвета…»
Метрополия (от греч. metropolis) — государство, имеющее колонии.

— А для меня они полны романтики, — воскликнула Железная Орхидея, захваченная воспоминаниями. Она обвила Джерека своими янтарно-черными руками и прикоснулась губами цвета полночной сини к его челу. Платье ее, сплетенное из живых пурпурных маков вздымалось и опадало в такт дыханию.

— О, мой искатель приключений, в какой наряд ты облачишься? Неужели ты все еще придерживаешься Стиля Стрелоносных Костюмов?[23]

— Я полагаю, нет, мама! — Джерек Карнелиан с трудом скрыл разочарование по поводу ее пристрастия к черным и синим туалетам, оставшегося со времен ее романа с гибельно-мрачным Вертером де Гете. Мгновение он помедлил, а затем, поворотом Кольца Власти соткал струящуюся мантию бело-вуального меха.

— Превосходно, — промурлыкала Железная Орхидея, оценив по достоинству намерение сына подобрать наряд по контрасту себе собственным. — Пойдем к твоему экипажу!

---

[23] notes: 23

«... ты до сих пор придерживаешься Стиля Стрелоносных Костюмов...»

Стрелоносные Костюмы — Железная Орхидея имеет в виду одежду арестантов в 19-ом веке на которую нашивались стрелы. Позже эта символика сменилась разноцветными кругами. Эти «Стрелоносные Костюмы» Джерек скопировал в своей реконструкции Лондона.

Они покинули ранчо, которое умышленно сохранялось в том же виде, каким было во времена потерянной возлюбленной Джерека, миссис Амелии Ундервуд, перед тем, как она отправилась назад в свой 19-й век, и пересекли хорошо ухоженную лужайку с подстриженной травой, где уже не бродили средь кустов его олень и бизон, а о милой Амелии напоминали только беседки из роз и японские садики.

Они подошли к его молочно-белому нефритовому ландо, изукрашенному зеленым золотом, которое было обито изнутри шкурами давно исчезнувших зверей — винилов абрикосовой масти.[24]

Железная Орхидея непринужденно расположилась на сиденье, Джерек устроился напротив и побарабанил пальцами по перилам ограждения, дав тем самым экипажу сигнал для подъема.

Кто-то создал приятное круглое желтое солнце и роскошные голубые облака, под которыми

---

[24] notes: 24

«... обито изнутри шкурами давно исчезнувших зверей — винилов абрикосовой масти...»

Винил (сокр. от винилацетат) — химическое вещество, используемое в производстве различного рода покрытий для полов. Муркок нарочито подчеркивает обрывочность знаний о прежней культуре у обитателей Края Времени. Поэтому обивку из винила они считают мехом экзотического животного.

уходили вдаль невысокие, поросшие травой холмы, шелестели леса из сосен и гвоздичных деревьев, струились янтарные и серебряные реки. Ландшафт радовал глаз, простираясь вокруг на мили. Ландо двигалось в южном направлении, к Шаналорну.

Они пересекли тягучее белопенное море, гадая, кто создал тех тварей, напоминающих гигантских дождевых червей, что высовывали из воды то ли головы, то ли хвосты, а, может, и то и другое одновременно.

— Вероятно, это дело рук Вертера, — предположила Железная Орхидея. — Это его протест против банальности в творчестве! Или самовыражение, как ты думаешь? Но, на мой вкус, все это слишком примитивно.

Они вздохнули с облегчением, когда белое море осталось позади. Сейчас они плыли над высокими соляными столпами, отражающими свет красноватого шара, который, вероятно, и был настоящим солнцем. В этом ландшафте таилось молчание, влиянию которого они поддались и не разговаривали, пока не миновали его.

— Уже недалеко, — нарушила молчание Железная Орхидея, выглядывая через борт ландо, хотя на самом деле она не имела ни малейшего

представления о том, где они находились, да ей и не было нужды знать это, ведь Джерек отдал экипажу четкие распоряжения. Джерек улыбнулся, радуясь воодушевлению матери, которой доставляли удовольствие их совместные вылазки.

Вдруг порыв ветра вздел его бело-вуальную мантию, и она, поднявшись, закрыла ему обзор. Он одернул ее столь лихо, что ткань окутала все сидение, и в этот момент, по какой-то неясной причине, Джерек вспомнил о госпоже Ундервуд, и сердце его зальдилось. Прошло уже немало времени, но она все не возвращалась. Он подумал, что по прибытии из Шаналорна нелишне будет навестить капризного ученого старика Браннарта Морфейла, и упросить его дать еще одну машину времени. Несмотря на то, что Морфейл и заявил, что миссис Ундервуд, подверженная, как и все, эффекту Морфейла, скоро будет вытолкнута из 1896 года и может оказаться в любом периоде времени последнего миллионолетья, Джерек был убежден, что она вернется именно сюда, в его век, где они и заживут в любви и согласии. Иной раз Джерек подумывал о том, что сам Браннарт, исполненный решимости доказать безупречность своей теории, препятствует попыткам миссис Ундервуд вернуться. В душе он осознавал, что это

маловероятно, но, с другой стороны, ни для кого не было секретом, что миледи Шарлотина и Лорд Джеггед Канари вели какую-то свою игру с его судьбой и судьбой Амелии. Доселе он добродушно относился к этому, хотя уже начинал подумывать о том, не зашла ли их шутка слишком далеко.

Железная Орхидея, заметив, что он погрустнел, наклонилась вперед и погладила его лоб.

— Снова меланхолия, любовь моя?

— Прости меня, прекраснейший из цветов, — Джерек придал лицу нарочито беспечное выражение и улыбнулся. Вдруг на горизонте появилось пульсирующее фиолетовое свечение, и он вскрикнул.

— Посмотри! Шаналорн! Она повернулась, и лицо ее, словно черное зеркало, отразило нежное сияние.

— О, наконец-то! Они вплыли в ландшафт, который никто не хотел изменять: не только потому, что он уже итак был прекрасен, но и потому, что легкомысленные эксперименты с источниками его энергии могли дорого обойтись. Города, подобные Шаналорну, были очень старыми: ведь строили их в течение многих столетий. Говорили, что они способны преобразовывать энергию целого космоса, и, что их загадочные механизмы

способны воссоздать Вселенную заново, но никто так и не потрудился проверить эти домыслы, а посему мало кто беспокоил себя такими усилиями, по меньшей мере, последнюю пару тысячелетий. Кроме того, подобные занятия считались вульгарными, да и куда легче было заняться созиданием новых звезд и планет. Города, подобные Шаналорну, были вечны, как само Время, хотя, если верить Юшариспу — маленькому чужаку, отправившемуся в космическое путешествие вместе с Лордом Монгровом, именно Время-то и не является вечным.

Шаналорн дремал в зареве фиолетового света, который, казалось, не мог проникнуть в Город. Некоторые из его причудливых зданий, некогда расплавившись, так и оставались в полужидком состоянии; другие строения постепенно разлагались от действия машинной плесени и энергомха, которые волнообразно перемещались по их остовам. Желто-зеленые, желчно-голубые и красно-бурые, с шелестом и глухим шуршанием, они искали свежие утечки из резервуаров энергии, а странные маленькие зверьки, шныряли взад и вперед из отверстий, бывших когда-то дверями и окнами; сновали сквозь тени бледно-голубых, малиновых и розовато-лиловых

оттенков, отбрасываемых чем-то невидимым, переплывали лужи мерцающего золота и бирюзы и лакомились полуметаллическими растениями, которые, в свою очередь, питались радиацией и кристаллами со странной структурой. А все это время Шаналорн сам себе пел тысячи переплетающихся друг с другом песен, с какой-то завораживающей гармонией. Говорили, что когда-то Город был разумен настолько, что считался самым мудрым существом во всей Вселенной, но ныне он одряхлел, и все было в нем расплывчато — даже воспоминания. Там и тут, среди гниющих металло-драгоценностей и причудливых зданий зыбились миражные сцены истории Шаналорна, отражающие величавые судьбы славных обитателей его. Он имел много Названий, прежде чем был именован Шаналорном.

— Как он мил, Джерек? — воскликнула Железная Орхидея. — Так где же мы устроим наш пикник?

Джерек провел рукой по перилам ландо, и экипаж стал медленно снижаться по спирали, паря над крышами блоков, куполами и шарами, мерцающими тысячами неопределенных оттенков, пока не повис между двумя башнями.

— Может быть там? — он показал на заводь

рубинового цвета, окруженную старыми деревьями с длинными ржавыми ветвями, которые почти касались поверхности жидкости. Мягкий красно-золотистый мох покрывал берег, а крошечные насекомые, порхая с металлическим звоном, оставляли в воздухе искрящиеся следы янтарно-аметистового цвета.

— О, да! Превосходно!

Едва экипаж коснулся земли, Железная Орхидея царственной походкой вышла из него и поднесла палец к своим губам, оглядываясь вокруг и как-будто что-то припоминая.

— Не здесь ли? Очень может быть… Знаешь, Джерек, мне кажется что именно в этом месте ты и был зачат, о плод моего лона. Твой отец и я прогуливались вон там, — она показала на группу приземистых строений виднеющихся на другом берегу, но едва различимых сквозь дрейфующий желтый туман, — и беседовали о древних обрядах — такие места навевают подобные темы. Мне кажется, мы спорили о Мертвых Науках. Как оказалось, мой спутник интересовался некоторыми старинными рукописями по биологическому реконструированию, и это натолкнуло нас на мысль, попытаться создать ребенка теми способами, которые практикова-

ли в Эпоху Рассвета, — она рассмеялась. — О, сколько мы наделали ошибок! Но постепенно мы разобрались, что к чему, и в результате появился ты — великолепное создание, продукт искусного мастерства. Вероятно, поэтому я так дорожу и горжусь тобой.

Джерек взял ее мерцающую нефритовую руку и поцеловал кончики пальцев, а затем нежно погладил ее по спине: он ничего не ответил, да и зачем — его ласковые прикосновения и так выражали все чувства. Джерек знал свою мать достаточно хорошо, чтобы понять, что она взволнована воспоминаниями.

И они возлегли на уютный мох, чтобы насладиться музыкой Города, и созерцать металлическую мошкару, порхающую в фиолетовом сиянии.

— Именно покой я ценю больше всего, — пробормотала Железная Орхидея, томно положив головку на его плечо, — тот первозданный покой, который сохранился только здесь. Я часто думаю, а не утеряли мы то, чем обладали наши предки — умение осмысливать опыт, который давался им жизнью. Хотя Вертер верит, что оно не совсем исчезло в наших душах.

Джерек улыбнулся.

— По моему разумению, о достославный первоцвет, в былые времена каждый сам накапливал опыт за прожитые годы. Мы же не зависим от прошлого и можем сделать из него все, что нам вздумается.

— А из будущего? — поинтересовалась Железная Орхидея сонно и невнятно.

— Если верить прорицанию Юшариспа, то будущее весьма туманно. И его почти уже не осталось.

Но Железная Орхидея уже потеряла интерес к этой теме. Она встала и подошла к берегу заводи. В глубине, просвечивая сквозь жидкость, переливался теплый свет, и, очарованная, она засмотрелась на эту картину.

— Я сожалею… — начала она, но вдруг замолчала, встряхнув темными волосами. — О, эти ароматы, Джерек! Ты чувствуешь, как они великолепны!

Джерек встал и подошел к ней, подобный взмывшему облаку пара, и глубоко вдохнул химическую атмосферу, отчего тело его засветилось. Он посмотрел на изломанный силуэт Города и подумал о том, как изменился он с того времени, когда был обитаем. Некогда люди вдыхали жизнь в его машины и заводы, а затем Город перестал

нуждаться и в этом. Страдал ли он когда-нибудь от одиночества, размышлял Джерек, скучал ли по неуклюжей заботе своих мастеровых, подаривших ему Жизнь? И куда исчезли обитатели Шаналорна: покинули Город, или Город отринул их? Джерек обнял мать за плечи, чтобы согреть ее, но вдруг понял, что и сам дрожит от невесть откуда взявшегося холода.

— Как он грандиозен, — промолвил Джерек.

— Но, я полагаю, он мало чем отличается от Лондона, в котором ты побывал?..

— Да, они похожи, — согласился он, — все Города похожи друг на друга тем, что они — Города. — Вспомнив о Лондоне, он почувствовал еще один укол боли, но превозмог его и засмеялся, игриво спросив — Какого цвета будет наша трапеза сегодня?

— Льдисто-белого и ежевичного, — засмеялась в ответ Железная Орхидея. — Ну, скажем, те крохотные моллюски с ажурными раковинами — не помнишь, откуда они? С приправой из слизи! И, пожалуй, — аспирин в желе?

— Не сегодня. Я нахожу его несколько пресным. Может, лучше снежная форель?

— Пусть будет форель, — скинув платье, она встряхнула его над мхом, обернув в серебристую

скатерть.

И они приступили к еде, расположившись на противоположных сторонах стола.

Но откусив кусочек, Джерек понял, что не голоден. Однако, чтобы доставить удовольствие матери, он отведал немного рыбы, чуть пригубил минеральную воду и лизнул кусочек героина. Наконец, к большой радости Джерека, Железной Орхидее наскучила еда, и она предложила рассеять остатки. Как Джерек ни пытался заразиться ее воодушевлением, у него ничего не получалось — смутное чувство беспокойства тревожило его душу. Его тянуло куда-то в другое место, но он знал, что в мире нет таких уголков, где он мог забыть о своей печали. Вдруг он заметил улыбку на лице Железной Орхидеи.

— Джерек! Ты печален, мой дорогой! Ты в унынии! Возможно, пришло время закончить играть эту роль, заменить ее на другую, более жизнерадостную?

— Увы, я не в силах забыть миссис Ундервуд.

— Я восхищаюсь твоей непреклонностью. Впрочем, кажется, я это уже говорила тебе. Знаешь, дорогой, насколько мне известно, старые классики считают, что страсть должна постепенно увядать, как увядает цветенье розы алой. Может

быть уже пора начать увядать?

— Никогда!

Она пожала плечами.

— В конце концов, это твоя драматическая пьеса и ты должен доиграть ее до конца. Я первая, кто сомневается в разумности уклонения от намеченного сюжета. Я думаю, мы можем положиться на твой вкус, который безупречен так же, как твой дом и твой стиль жизни. Я больше не буду надоедать тебе своими советами.

— Кажется, это нечто большее, чем «стиль жизни», — задумчиво произнес Джерек, оттягивая кусок коры и заставляя ее мелодично звенеть о металлический ствол дерева. — Мне трудно объяснить это словами.

— Как трудно объяснить любое подлинное творение искусства.

Он кивнул.

— Ты как всегда права, Железная Орхидея.

— Все разрешится само собой, о плод моего семени, — она взяла его под руку. — Пойдем пройдемся немного по этим спокойным улицам. Вдруг это поможет тебе обрести вдохновение.

Он позволил провести себя через заводь, рассеянно слушая рассказ матери о любви его отца к этому Городу, и том глубоком знании истории

Шаналорна, которым он обладал.

— Ты так и не узнала, кто мой отец?

— Нет. Это нарушило бы все очарование — ведь мы любили друг друга несколько недель, а он так и оставался с измененной внешностью.

— И ни разу не намекнул, кто он на самом деле?

— О, видишь ли… — она беспечно рассмеялась, — слишком настойчивая попытка отгадать загадку могла все испортить.

Прямо под их ногами какой-то захороненный трансформатор вздохнул и заставил задрожать землю.

Глава вторая
Игра в кораблики

— Порой я недоумеваю, — сказала Железная Орхидея, когда ландо Джерека уносило их прочь от Шаналорна, — куда могут нас завести все эти модные поветрия во всем следовать Эпохе Рассвета?

— Что значит «завести», моя жизнь?

— Я говорю о художественных сторонах этого явления. Ведь в недалеком будущем, в основном из-за той моды, которую, кстати, именно ты

предложил, мы рискуем воссоздать ту эпоху до мельчайших подробностей. И наша жизнь будет неотличима от жизни в 19 столетии.

— Неужели, мое металлическое совершенство? — ее сын был учтив, но все еще не понимал, куда она клонит.

— Я имею в виду опасность увлечения реализмом, Джерек, который вряд ли приведет к чему-нибудь хорошему. В конце концов, наша фантазия оскудеет. Ты же сам говорил, что странствие в прошлое всегда отражается на восприятии: делает его расплывчатым, сулит безгрезье.

— Возможно, — согласился он, — но я отнюдь не уверен, что мой «Лондон» стал хуже оттого, что основывался на реальных впечатлениях, а не на фантазиях. Напротив, наши причуды могут завести чересчур далеко. Вспомни Герцога Квинского!

— Я знаю, тебе редко нравятся его работы. Конечно, они порой настолько экстравагантны, что кажутся бессмысленными, но…

— Герцог часто впадает в вульгарность, нагромождая эффекты друг на друга. Я полагаю, что непривычная для него сдержанность в «Нью-Йорке—1930» как раз обязана влиянию моего

собственного творчества. Что, откровенно говоря, пошло ему на пользу.

— Об этом-то я и веду речь, — сказала она, — сам Герцог Квинский впадает в реализм, и это ужасно! — Орхидея пожала плечами. — А когда ты создашь очередную моду, Джерек, и они опять последуют за ней, — тогда, наконец, ты отучишь их от излишеств в творчестве, — последние слова она произнесла почти мечтательно.

— О, как ты добра ко мне.

— Больше того, — ее лицо цвета вороньего крыла осветила лукавая улыбка. — Я необъективна, мой дорогой! Ведь ты — мой сын!

— Я слышал, что Герцог Квинский закончил свой очередной «Нью-Йорк». Не отправиться ли нам взглянуть на него?

— Почему бы и нет? И, будем надеяться, что застанем самого Герцога. Я буду рада его повидать.

— Я тоже, хотя и не разделяю его пристрастий.

— Зато он разделяет твои. Ты должен быть более снисходительным, сын мой!

Они рассмеялись.

* * *

Они заметили Герцога Квинского издалека. Он стоял в некотором отдалении от своего творения,

любуясь им с откровенным восхищением. Он был одет в стиле восьмисотого столетия — сплошные кристаллические спирали и причудливые завитушки, глаза зверей, кисейные шишечки и, наконец, — перчатки, которые делали его руки невидимыми.

Заметить ландо, Герцог Квинский задрал голову вверх, и его чувственное лицо, украшенное роскошной черной бородой, озарилось улыбкой.

— Да это сама Железная Орхидея, во всей своей темной красе! И Джерек тоже с ней! Я благодарю, мой дорогой, за то, что ты вдохновил меня на создание этого шедевра. Прошу, расценивай эту композицию, как символ своего триумфа!

У Джерека потеплело на душе при виде Герцога Квинского, что, впрочем, случалось каждый раз. Пусть Герцог не отличался гонким вкусом, зато добродушия ему было не занимать. И Джерек решил похвалить создание, плод трудов Герцога, несмотря на свое истинное мнение об этой работе, которая, честно говоря, была весьма заурядна.

— Насколько ты можешь заметить, мой «Нью-Йорк» из того же самого периода, что и твой «Лондон». Мне кажется, получилось очень близко к оригиналу.

Когда они выходили из ландо, Железная Ор-

хидея на мгновение сжала свою ладошку в руке Джерека, напоминая о недавней беседе.

— Видите ту высокую башню в центре — это Эмпайр Стейт Аппартаментс, вся в ляпис-лазури[25] и золоте. Ее возвели для величайшего короля Нью-Йорка — Конга Могущественного[26], который, как вы знаете, правил городом весь Золотой Век. Кстати, та бронзовая скульптура, которую вы видите на вершине здания — это и есть сам Конг…

— Он выглядит впечатляюще, — одобрила Железная Орхидея, — но как-то нечеловечески.

— На то она и эпоха Рассвета, — вздохнул Герцог. — Впрочем, продолжим осмотр. Высота следующего здания больше мили с четвертью, — размеры я взял из учебника истории. Согласитесь, мои друзья, это великолепный образчик простоты варварской архитектуры Урановых Столетий

---

[25] notes: 25

«… это Эмпайр Стейт Аппартаментс все в ляпис-лазури…»

Эмпайр Стейт Аппартаментс — искаженное название Эмпайр Стейт Билдинг — самого высокого небоскреба в Нью-Йорке. Ляпис-лазурь (лазурит) — минерал подкласса каркасных силикатов, природная синяя краска (ультрамарин).

[26] notes: 26

«…короля… Конга Могущественного…»

Муркок обыгрывает английское написание имени King Kong (Кинг-Конг), которое дословно переводится как Король Конг. Кинг Конг — чудовищная обезьяна, герой одноименного голливудского кинофильма.

— как некоторые утверждают — один из самых ранних.

Джереку показалось, что Герцог Квинский цитирует учебник истории целыми главами: уж больно слова его напоминал, знакомый текст.

— На мой вкус, здания расположены слишком близко друг к другу, — поджала губы Железная Орхидея.

— Это сделано умышленно, — ответил Герцог, ничуть не обидевшись на критику. — В эпосе тех времен прямо сказано об узости улиц, которые вынуждали людей передвигаться по-крабьи. Отсюда, между прочим, в Нью-Йорке и пошел термин «Тротуар».

— А что это? — поинтересовался Джерек, показывая на коллекцию живописных домиков с черепичными кровлями. — По-моему, они не характерны для этой эпохи.

— Это селение Гринвич, своего рода музей, часто посещаемый моряками.[27] Их знаменитый корабль причален в устье реки. Видите его? — он показал на нечто, привязанное к пирсу, и броса-

---

[27] notes: 27

«...это селение Гринвич... часто посещаемое моряками...»

Гринвич — город в Великобритании. Известен своей астрономической обсерваторией, через которую условно «проведен» нулевой (Гринвичский) меридиан.

ющее отблески на темную воду лагуны.

— Он напоминает огромную стеклянную бутылку,[28] — удивилась Железная Орхидея.

— Вот именно, но они каким-то образом умудрялись на ней плавать. Без сомнения, секрет движения утерян, но я воссоздал корабль, основываясь на рисунке, который отыскал в старинных рукописях. Они именовали его «Катти Сарк», — Герцог Квинский самодовольно усмехнулся. — Теперь мне тоже подражают, мой дорогой Джерек, Миледи Шарлотина была так потрясена этим зрелищем, что занялась репродукциями других знаменитых кораблей той эпохи.

— Да, ваша тщательность достойна подражания, — согласился Джерек. — А кем вы населили город? — он прищурил глаза, чтобы лучше видеть. — Там вроде бы что-то двигается?

— Да, каких-то восемь миллионов человек.

— А что означают те крошечные вспышки? — спросила Железная Орхидея.

— Это Щелкунчики, — ответил Герцог Квинский, — в те времена Нью-Йорк привлекал очень

---

[28] notes: 28

«... он напоминает огромную стеклянную бутылку...»

Муркок намекает, что Герцог Квинский, в качестве образца для строительства корабля, взял популярный сувенир — макет судна, заключенный в стеклянную бутылку.

много артистов, преимущественно, фотографов. В народе их называли «Щелкунчики». Обратите внимание, как они щелкают своими камерами.

— У вас несомненно есть талант к доскональному исследованию, — признал Джерек.

— Допускаю, что я многим обязан первоисточникам, — согласился Герцог Квинский, — к тому же в своем питомнике я отыскал странника во времени и хорошенько порасспросил его. Правда, он не совсем из того периода, который меня интересует, но довольно близкого, по крайней мере, для того, чтобы иметь представление о том времени. Но не будем отвлекаться. Итак, большинство зданий выполнено из люрекса и разноцветного плексигласа, любимых материалов мастеров Эпохи Рассвета.[29] Защитные талисманы, как водится — из неона, чтобы отогнать силы тьмы.

— О да, — оживленно воскликнула Железная Орхидея. — У Гэфа Лошади в Слезах было что-то подобное в его «Граде Проказы —2215».

— Неужели? — тон Герцога стал прохладнее.

---

[29] notes: 29

«...большинство зданий выполнено из люрекса... любимого материала мастеров Эпохи Рассвета...»

Люрекс — нить в виде узкой полоски блестящей пленки (покрытой фольгой или металлизированной). Обычно используется в специальных тканях «с блестками». Автор обыгрывает омонимичность слов «материал» как ткань и «материал» как сырье для строительства.

Ни для кого не секрет, что он недолюбливал творения Гэфа, считая их чересчур ремесленными. — Мне непременно стоит взглянуть.

— Он близок по настроению к «Вневременному Съедобному Бирмингему» Эдгаросердного По, — вставил Джерек, чтобы увести разговор от щекотливой темы. — Я вкусил его пару дней назад. Признаться, он был вполне съедобен.

— То, чего не достает По в зрелищности, он наверстывает в кулинарном отношении.

— Несомненно, «Бирмингем» сделан со вкусом, — согласилась Железная Орхидея. — Но некоторые его здания — всего лишь скверная копия «Рима—1945» Миледи Шарлотины.

— Помню, там нелепо вышло со львами, — пробормотал сочувственно Герцог Квинский.

— Да, они вышли из-под контроля, — заметила Железная Орхидея — Я ведь не раз предостерегала ее. А все потому, что не хватило христианских мучеников.[30] Но, все равно не стоило распылять город только потому, что львы сожрали все его население. Зато летающие слоны были хоть куда!

---

[30] notes: 30

«...а все потому, что не хватило христианских мучеников...»

В Древнем Риме — члены секты христиан, преследуемой официальными властями. Часто «использовались» для сражения с хищниками на аренах Колизея.

— Мне трудно судить, ведь я никогда не видел цирка, — сказал Джерек.

— Друзья мои, я как раз собирался наведаться на Озеро Козленок Билли — поглядеть на корабли. Ходят слухи, что они уже спущены на воду. — Герцог Квинский кивнул в сторону своего нового аэромобиля, вместительной копии одного из Марсианских летательных аппаратов, одного из тех, что пытались уничтожить Нью-Йорк во времена, занимающие Герцога. — Не желаете ли присоединиться ко мне?

— С удовольствием, — ответили Железная Орхидея и Джерек, полагая, что данный способ времяпровождения ничуть не хуже любого другого.

— Мы последуем за вами в моем ландо, — сказал Джерек.

Герцог Квинский взмахнул своей невидимой рукой. — В моем воздушном экипаже достаточно места, но, как вам будет угодно, — он пошарил в складках своей кристаллической одежды и вытащил летный шлем с очками-консервами. Надев его, он подошел к своей летательной машине, взобрался с некоторым усилием по гладкой поверхности и плюхнулся на сидение пилота.

Джерек с интересом наблюдал за тем, как

агрегат оглушительно взревел, выплюнул раскаленный дождь красных искр и дохнул голубым дымом. Наконец, сооружение, пошатываясь, грузно двинулось вверх. Он лишний раз утвердился в своем наблюдении, что Герцог предпочитал не слишком надежные виды транспорта.

* * *

Для предстоящей регаты Озеро Козленок Билли специально расширили, отодвинув берега почти до самых гор, чтобы налить побольше воды. По берегу, там и здесь, фланировали небольшие группки зрителей и глазели на корабли, уже спущенные на воду. И правда, там было на что посмотреть.

Джерек и Железная Орхидея приземлились на белый пепел пляжа и направились к Герцогу; тот о чем-то уже беседовал с устроительницей зрелища Миледи Шарлотиной, которая по-прежнему предпочитала иметь несколько грудей и лишнюю пару рук. Ее сиреневую кожу оттеняло ожерелье из нескольких длинных полупрозрачных матерчатых крючков разных оттенков. Большие глаза засветились от удовольствия, когда она увидела новых гостей.

— О, Железная Орхидея, как я вижу, ты все еще

носишь траур. Я уж не чаяла увидеть тебя! О, Джерек Карнелиан, самый знаменитый из исследователей метавремени!

Слегка уязвленная ее репликой, Железная Орхидея попыталась незаметно придать своей коже более естественный оттенок. Но она чуть не рассчитала, и ее платье неожиданно так вспыхнуло белизной, что все прищурились. Бормоча извинения, она убавила его яркость и задиристо спросила:

— Дорогая, какая же из этих лодок ваша?

— Миледи Шарлотина поджала губы в шуточном неодобрении. — Кораблей, о самое привлекательное из растений. Вон тот корабль принадлежит мне, — она кивнула в направлении огромной статуи женщины, лежавшей животом на воде, с раскинутыми симметрично руками и ногами, деревянную голову которой венчала корона из золота, щедро усыпанная бриллиантами.

— Ее зовут «Королева Элизабет». — Едва они взглянули на корабль, как из ушей макета повалили огромные клубы черного дыма, а изо рта, который почти что касался воды, раздался леденящий душу гудок.

— А судно неподалеку — это, кажется, «Монитор», который перевозил девственниц или что-то

еще похуже?

Это была посудина поменьше «Королевы Элизабет», и являла взору тело мужчины с огромной бычьей головой на плечах, спина которого была прогнута вниз.

— Алый О'Кэла не в силах отринуть свою одержимость зверями. Однако, корабль весьма мил.

— Неужели они все из одного и того же периода? — изумился Герцог Квинский. — И даже вон тот? — он показал в сторону нелепого ковчега, бултыхающегося поблизости. — Он больше напоминает остров.

— Это пароход «Франция», — пояснила Миледи Шарлотина. — Принадлежит Гриволю Весеннему Локону. А тот, что под парами спешит к нему, именуется «Водяная Лилия», хотя я уверена, что никогда такого растения не было, — она так и сыпала именами судов. — «Мэри Роуз» «Гандебург» «Пэтиа». Скажите, разве не великолепен вон тот, величавый «Ленинград».

— Они куртуазны, — уклончиво молвила Железная Орхидея. — Что же они будут делать, когда соберутся все?

— Сражаться! Сражаться и еще раз сражаться! — распаленно вскричала Миледи Шарлотина. — Именно для этого их и созидали в Эпоху

Рассвета. Вы только представьте: два корабля маневрируют в тяжелом тумане, который стелется по воде. Ищут друг друга и не могут найти! Скажем, моя «Королева Элизабет» и «Наутилус» Эдгаросердного По. Хотя «Наутилус» рискует растаять задолго до конца зрелища. И вот—«Наутилус», наконец, замечает «Королеву Элизабет», его сирены разгоняют туман, он нацеливает свои дымовые трубы, и — у-у-у-х — на «Королеву Элизабет» обрушиваются тысячи маленьких острых гвоздиков. Она содрогается, но наносит ответный удар из своих передних бортовых отверстий, что скрыты в ее грудях, мне помнится, именно там я их поместила — четырьмя смертоносными смокингами![31] Они обворачиваются вокруг «Наутилуса» и тянут его на дно. Но «Наутилус» не сдается… Ладно, вы сможете легко домыслить остальное, а я не буду портить вам рассказами предстоящее зрелище. Почти все корабли уже собрались. Я думаю, подождем еще парочку и начнем!

— Я не могу ждать, — сказал Джерек рассе-

---

[31] notes: 31

«…но наносит ответный удар… четырьмя смертоносными смокингами…»

Игра слов: в английском языке «smoke» — дым (в данном случае дым от корабельных орудий) и «smoking» — строгий вечерний костюм, упрощенная разновидность фрака.

янно, — кстати, Миледи Шарлотина, Браннарт Морфейл все еще обитает подле вас?

— Да, его жилище у Нижнего озера. Полагаю, он и сейчас там. Я просила его помочь построить «Королеву Элизабет», но он был слишком занят.

— Он все еще сердит на меня?

— Еще бы, ведь ты потерял одну из его любимых машин времени!

— Значит, она не вернулась?

— Нет. А что, ты ждешь ее?

— Я надеюсь, что миссис Ундервуд воспользуется ей, чтобы возвратиться сюда. Вы сообщите мне, если она все же вернется?

— Конечно, конечно! Ты знаешь, твоя связь с этой зверюшкой — весьма любопытна для меня.

— Благодарю вас. Вы случайно не встречали Лорда Джеггеда Канари?.

— Он обещал быть. Лорд намеревался сотворить свой корабль, но, скорее всего поленился или забыл. Вполне возможно, у него очередная стадия ухода в себя? Как ты знаешь, время от времени он избегает общества. О, Госпожа Кристия, что это?

Неистощимая Наложница захлопала длинными ресницами. Она нарядилась в дымно-розовое платье, а на золотистые волосы приколола розовую шляпку. На ее руках были розовые перчатки,

и она прятала что-то в ладонях.

— Строго говоря, это не совсем по теме, — сказала она, — но я подумала, что он понравится вам.

— Еще бы! Как называется это чудо?

— «Приятный Парусник Венеры», — Госпожа Кристия улыбнулась Джереку. — Привет, мой дорогой. Пылает пламя твоей страсти столь же пылко, как и прежде?

— Без чувства моего я не провел ни дня!

— Ты достоин награды.

— Я верю, что дождусь, — Джерек поцеловал ее изящный носик. В ответ она погладила его ухо.

— Где ты раскопал все эти старинные чудесные чувства? — спросила она. — Ты обязательно должен поговорить с Вертером, ведь у него похожие страдания, хотя он и не щеголяет ими, как некоторые. Он рассказывал тебе о своем «грехопадении»?

— Я не встречал его со времен моего возвращения из 1896-го.

Миледи Шарлотина прервала их, приобняв бедро миссис Кристии.

— Вертер превзошел сам себя, как и ты, Неистощимая Наложница. Но ты не осуждаешь его?

— О, что ты, право! Джерек, я просто обязана

поведать тебе о «преступлении» Вертера.[32] Все началось в тот день, когда я случайно сломала его радугу… — И она принялась рассказывать историю, которая показалась Джереку занимательной не только потому, что действительно являлась таковой, но и потому, что она имела касательство к некоторым размышлениям самого Джерека. Он не раз пытался найти общий язык с Вертером, но каждый раз этот мрачный одиночка начинал обвинять его в легкомыслии и бесчувственности. Поэтому весь разговор сводился к нескольким неуместным вопросам Джерека и постоянным упрекам со стороны Вертера.

Пока Госпожа Кристия и Джерек Карнелиан, взявшись за руки, шли вдоль берега, на озере Козленок Билли корабли занимали свои позиции.

Солнце сияло над голубой спокойной водой, то там, то тут слышалось чье-то оживленное бормотание, и Джерек почувствовал, как возвращается к нему прежний юмор. Госпожа Кристия как раз достигла конца истории.

— Я надеюсь, Вертер оценил по достоинству эту

---

[32] notes: 32

«… я… обязана поведать тебе о „преступлении“ Вертера…»

Речь идет об эпизоде, описанном в повести «Бледные розы» цикла «Легенды Края Времени». Этот цикл войдет в девятый том настоящей серии.

шутку, — спросил Карнелиан.

— Да. Он ведь такой искренний, правда, по-своему.

— Я это знаю! Скажи, он… — Джерек осекся, узнав высокого человека, стоящего у самой воды и поглощенного беседой с Эдгаросердным По, на котором, как обычно, была надета высокая варварская шапчонка.

— Прошу прощения, Кристия. Вы не сочтете невежливым с моей стороны, если я скажу пару слов Лорду Джеггеду?

— О чем ты говоришь? Ты сама изысканность!

— Лорд Джеггед! — закричал Джерек. — Как я рад нашей встрече!

Лорд Канари, облаченный в шелковый камзол малинового цвета повернулся на крик. Он был по прежнему красив, но тень усталости стерла улыбку с его удлиненного благородного лица, а седины в висках как-будто прибавилось.

— О, Джерек, пряность моей жизни, это ты? Эдгаросердный По как раз записывал мне рецепт своего корабля. Он уверяет, что, вопреки сплетням, тот не растает, по меньшей мере, еще четыре часа. Я полагаю, тебе будет интересно послушать, как нашему другу удалось совершить этот подвиг.

— Приветствую тебя, Эдгаросердный По, — кивнул Джерек толстому и жизнерадостному творцу благоухающего вулкана. — Лорд Джеггед, откровенно говоря, я хотел бы побеседовать с вами…

Но Эдгаросердный По уже удалялся, влекомый под руку щепетильной Кристией.

— …о миссис Ундервуд, — закончил фразу Джерек.

— Она вернулась? — Точеное лицо повелителя Канари осталось бесстрастным.

— Вы же знаете, что нет.

Лорд Джеггед чуть-чуть улыбнулся.

— Ты начинаешь приписывать мне способность предугадывать события. Я польщен, но боюсь, что не заслуживаю такой чести.

Встревоженный неуловимыми изменениями, омрачившими их старую дружбу, Джерек склонил голову.

— Простите меня, неунывающий Джеггед. Я полон предчувствий. Я, выражаясь словами древних, «задыхаюсь от возбуждения».

— Возможно, ты подхватил одно из тех древних заболеваний, мое дыхание, которые вызываются словом, попадающим в наш мозги заставляющим оный атаковать тело…

— Наука Эпохи Рассвета скорее ваша специ-

альность, чем моя, Лорд Джеггед. Я полагаю, вы обдуманно ставите диагноз.

Лорд Джеггед искренне расхохотался, что бывало с ним довольно редко, и обнял Джерека за плечи:

— Нет, мой обворожительный, отравленный обожанием озорник, мой золотой гусь, моя печаль, моя молитва. Я уверен, только ты и здоров из всех нас.

И, верный своей обычной загадочной манере, он не стал утруждать себя объяснением сказанного, а вместо этого обратил внимание Джерека на начало регаты. Над мерцающим морем навис скверный желтый туман, солнце потускнело, и оттого все стало вокруг мрачным и сырым. Огромные смутные тени в тумане поползли, беспрерывно гудя.

Джеггед поправил воротничок, не снимая руку с плеча Джерека.

— Мне обещали, что они будут сражаться до победного конца.

Глава третья

Проситель при дворе Времени

— Все ваше прозябание в подражании прошлому не более, чем упадничество, — нудел Ли Пао. Миледи Шарлотина откровенно скучала. — Китаец, как и большинство странников во времени, был крайне утомителен. — Вы бы хоть имитировали добродетели прошлого, — он раздраженно одернул свой потертый костюм из дешевого материала, снял хлопчатобумажную фуражку и оттер пот со лба.

— Добродетели? — негодующе повторила Железная Орхидея. Ей показалось, что она где-то уже слышала это слово.

— Все лучшее, чем обладало прошлое. Обычаи, мораль, принципы, стандарты…

— Штандарты — это флаги? — спросил Гэф Лошадь в Слезах, на мгновение оторвавшись от созерцания своего нового пениса.

— Слова Ли Пао всегда трудны для понимания, — пояснила миледи Шарлотина, которая была хозяйкой этого вечера. После потопления судов все собрались на ужин в ее обширном палаццо под озером, где она потчевала гостей ромом и корабельными сухарями.

— Вы в самом деле имеете в виду флаги, лю-

безный?

— До известной степени, да, — ответил Ли Пао, стараясь не потерять внимание аудитории. — Если под флагами мы будем подразумевать верность идеалам, сплоченность, борьбу за светлое будущее.

Никто не понимал слов луноликого брата, даже Джерек Карнелиан, знаток философии Эпохи Рассвета. Когда Железная Орхидея повернулась к нему за объяснением, Джерек только пожал плечами и улыбнулся.

— Я считаю, — немного повысил голос Ли Пао, — вы должны использовать все, что нажили на благо какой-нибудь великой цели. Чужак Юшарисп…

Герцог Квинский смущенно кашлянул.

— …принес информацию о неизбежном катаклизме. Надо проверить, насколько достоверна эта информация и не упустить шанс спасти вселенную, всемерно использовав ваши научные ресурсы.

— Я уже ничего не понимаю, — жеманно пожаловалась Госпожа Кристия. Она подошла к Гэфу Лошади в Слезах, и внимательно рассмотрела его мужское достоинство. — Он чудесного цвета, — одобрила она.

— Здесь немало пленников ваших прихотей, таких, как я, которые, если дать им возможность, могут изучать базис вашего могущества, — продолжал Ли Пао. — Джерек Карнелиан, вы единственный, кто наделен склонностью к воссозданию ранее существовавших добродетелей. Вы наверняка разделяете мою точку зрения?

— Не совсем, — возразил Джерек. — Почему вы настаиваете на спасении Вселенной? Не лучше ли предоставить всему идти своим чередом?

— В мои дни были мистики, — ответил Ли Пао, — которые считали ненужным, как они говорили, «вмешиваться в природу». Но если бы к ним прислушались, вы бы не обладали такой властью.

— Мы все равно были бы счастливы, — проблеял недавно превратившийся в овцу Алый О'Кэла, терпеливо разгрызая твердые сухари. — Чтобы быть счастливым, человеку не нужна власть.

— Это не совсем то, что я пытаюсь доказать, — желтоватая кожа Ли Пао порозовела. — Сегодня вы бессмертны, но погибнете, когда планета разрушится. Лет через двести вы, вероятно, умрете. Вы этого добиваетесь?

Миледи Шарлотина зевнула.

— Многие из нас умирали на какое-то время.

Недавно вот, Вертер де Гете бросился вниз со скалы. Да, Вертер?

Мрачный Вертер вздохнул, подтвердив тем самым ее слова, продолжая угрюмо прихлебывать ром.

— Но я говорю о постоянной смерти, смерти без воскрешения, — в голосе Ли Пао зазвенела патетика. — Вы должны понять. Вы умные…

— Я не умна, — оскорбленно фыркнула Госпожа Кристия.

— Как скажете, — не задерживаясь на этом пункте, продолжал Ли Пао. — Вы хотите умереть навсегда, Госпожа Кристия?

— Я никогда серьезно не задумывалась над этим. Полагаю, нет. Но это не составит никакой разницы, не так ли?

— Для кого?

— Для меня. Если я буду мертва.

Ли Пао нахмурился.

— Будет лучше, если мы умрем Мы — бесполезные пожиратели логоса! — раздался дребезжащий монотонный голос Вертера де Гете из дальнего угла залы. Он с отвращением уставился на свое отражение в зеркальном полу.

— Ваши слова всего лишь поза, Вертер, — пожурил его бывший член правящего комитета

Народной Республики 27 столетия, — желание потрафить своей безумной музе. Я же говорю о реальности.

— Разве не реальна приверженность музе? — Лорд Джеггед Канари прогуливался по комнате, восторгаясь цветами, растущими прямо из потолка. — Не была ли ваша роль поэтической, возвышенной, Ли Пао, когда вы жили в своем собственном времени?

— Поэтической? Никогда! Идеалистической, может быть. Но мы имели дело с суровой реальностью.

— Насколько мне известно, имеется много форм поэзии.

— Вы просто хотите сбить меня с толку, Лорд Джеггед. Я давно вас знаю.

— О, что вы, я просто хотел уточнить. Возможно, чересчур метафорически, — согласился он. — Увы, метафора иногда страдает неточностью, зато всегда обладает образностью.

— Я думаю, вы стараетесь опровергнуть мои аргументы лишь потому, что во многом согласны с ними. — Ли Пао явно чувствовал, свое превосходство в споре.

— Я во многом согласен с любыми аргументами, — в улыбке Лорда Джеггеда появилась

усталость. — Все реально. Или может стать реальностью.

— Да уж, с такими ресурсами, какие имеются в вашем распоряжении, — протянул Ли Пао.

— Я не совсем это имел в виду. Скажите, вы в своей республике сделали мечту реальностью?

— Она и была основана на реальности.

— Мое слабое знакомство с периодом вашего обитания не позволяет мне сколь-нибудь уверенно судить об этом. Чья же мечта, хотел бы я знать, легла в основу вашей реальности.

— Ну, скорее, мечты…

— Поэтическое вдохновение?

— Вроде того… — Лорд Джеггед поправил мантию. — Простите, Ли Пао, я отвлек вас от вашей проповеди. Пожалуйста, продолжайте, я умоляю!

Но с Ли Пао уже сошел раж, и он погрузился в угрюмое молчание.

— Говорят, величественный Лорд Джеггед, что вы путешествовали во времени. Ваши слова о периоде Ли Пао основаны на прямых впечатлениях? — бросила Госпожа Кристия, отвлекшись от созерцания фаллоса Гэфа.

— Я расцениваю слухи, как особый род искусства, — мягко ответил Лорд Джеггед, — и посему мне пристало подтверждать или отрицать любую

сплетню, сладкая Госпожа Кристия.

Неистощимая Наложница кивнула и углубилась в изучение анатомии Гэфа.

Джерек с трудом поборол в себе желание подробнее порасспросить Лорда Джеггеда по этому поводу. Тем временем Лорд Джеггед продолжил:

— Кое-кто считает, что время не существует в действительности. По их мнению, это наш примитивный ум навязывает событиям определенный порядок. Другие идут дальше, и утверждают, что все события в Настоящем и Прошлом происходят одновременно.

Джерек силился не выказать интерес к этой теме и налил себе еще рюмку рома, но все же не удержался и вставил:

— Как вы считаете, возможно ли сотворить новую машину времени Шаналорна или другого Города…

— Пустое! — раздался ворчливый голос Бранарта Морфейла. С тех пор, как Джерек в последний раз встречался с ним, он добавил дюйм или два к своему горбу. Ученый усиленно хромал, пересекая зал в своем халате в пятнах от лабораторных химикалий. — Бывал я в этих Городах. Они дали нам власть, но утеряли мудрость. Я послушал, что вы тут говорили, Лорд Джеггед, и

скажу вам, что эта теория придумана невеждами. Уверяю вас, что никто ничего не сделает со временем, если не будет рассматривать его, как некую линейную величину.

— Браннарт, это вы! — обрадовался Джерек. — Рад нашей встрече!

— Это опять ты, Джерек? Я не забыл, что из-за тебя потерял одну из своих лучших машин времени.

— Значит, вы ее так и не обнаружили?

— Нет! Мои инструменты слишком грубы, чтобы засечь ее. Я подозреваю, что она попала далеко назад, в какой-нибудь пред-Рассветный период.

— А как насчет циклической теории? — спросил Лорд Джеггед. — Как вы к ней относитесь?

— Ровно настолько, насколько она того заслуживает!

— А та информация, которую принес Юшарисп? Она помогла вам чем-нибудь?

— Я надеялся задать Юшариспу несколько вопросов и сделал бы это, но вмешался Джерек.

— Я сожалею, — сказал Джерек, — но…

— Ты — живое доказательство неизменности времени, — сказал Браннарт Морфейл. — Если бы ты мог отправиться назад и исправить то, что сам накуролесил… Но ты этого не можешь, так

что лучше помолчи!

Браннарт Морфейл демонстративно отвернулся от Джерека и, криво улыбаясь, обратился к Лорду Джеггеду:

— Так что вы там говорили о циклической Природе времени?

— Я полагаю, вы несправедливы к Джереку, — ответил повелитель Канари. — Ведь все это затеяла миледи Шарлотина.

— Не будем больше говорить об этом. Вы хотели знать, имеет ли касательство к циклической теории сообщение Юшариспа о смерти космоса, о Вселенной, заканчивающей один цикл и начинающей другой.

— Пустое, — в тон ему сказал Лорд Джеггед и, оглянувшись назад, подмигнул Джереку. — Вы, Браннарт, должны быть добрее к мальчику. Он может принести вам сведения, так сказать, из первых рук. Потом, мне кажется, что вы сердитесь на него потому, что его приключения опровергают ваши теории!

— Чепуха! То, что он говорит, очень наивно. Никому не дано прохаживаться по времени, как по лужайке.

— Нет, Морфейл, — сказал Джерек тихим голосом. — Миссис Ундервуд обещала мне, что

вернется, вы это знаете. Я уверен, она выполнит свое обещание.

— Невозможно, или, по крайней мере, маловероятно. Время не разрешает парадоксы. Теория Морфейла гласит: раз путешественник во времени посетил Будущее, он не сможет вернуться в Прошлое. И далее: любое пребывание в Прошлом ограничено, так как может изменить ход Будущего и вызывать хаос. Эффект Морфейла — мой термин для обозначения этого феномена. И то, что твое пребывание в Эпохе Рассвета было необычайно долгим, не дает тебе права критиковать мою теорию. Шансы твоей подружки из 19 века вернуться в эту точку времени ничтожны — миллион к одному. Ты можешь поискать ее и, если повезет, привезти сюда. Учти, у нее нет своей машины времени, и перенестись в будущее она не может.

— У них в те времена были примитивные машины времени, — возразил Джерек. — В литературе имеется много ссылок на них.

— Возможно, но мы никогда не встречали ни одной из того периода. Непонятно, как вообще она сюда попала.

— Вероятно, ее привез какой-нибудь странник из другого времени? — предположил Джерек,

обрадовавшись, что, наконец, привлек внимание Браннарта. — Она однажды упомянула фигуру в капюшоне, которая появилась в ее комнате, незадолго перед тем, как она очнулась в нашем веке.

— Опять ты за свое, — вспылил Морфейл, — я сто раз говорил тебе, что у меня нет данных о машине времени, прибывшей в то время. После разговора с тобой, Джерек, я еще раз все проверил. Или ты ошибаешься, или она солгала тебе…

— Она не могла солгать мне так же, как я ей, — сказал просто Джерек. — Ведь мы любим друг друга.

— Да! Да! Играй в любые игры, которые забавляют тебя, Джерек Карнелиан, но не за счет Браннарта Морфейла.

— О, мой почтенный создатель чудес, не можете ли вы заставить себя проявить немного больше великодушия к нашему отважному Джереку? Кто еще среди нас посмеет погрузиться в эмоции Эпохи Рассвета? — проворковал Лорд Джеггед.

— Я посмею, — сказал Вертер де Гете, приблизившись к ним, — и весьма осмысленно, смею вас уверить!

— Но твой характер, мрачный Вертер, — улыбнулся Лорд Канари, — не веселит других так, как характер Джерека!

— Мне дела нет до мнения толпы, — отрезал Вертер. — Элита поддерживает меня. А Джерек почти не коснулся концепции «греха»!

— Я не смог понять его, тщеславный Вертер, даже после твоего объяснения, — извиняющимся тоном произнес Джерек. — Я старался, особенно потому, что миссис Ундервуд разделяла твое мнение.

— Старался, — презрительно передразнил Вертер. — Если старался бы, то не потерпел неудачу. Толи дело — я. Спроси Госпожу Кристию.

— Она рассказала мне. Я был восхищен…

— Ты позавидовал мне? — свет надежды мелькнул в мрачных глазах Вертера.

— Конечно, — Вертер улыбнулся и вздохнул с удовлетворением.

Он великодушно похлопал Джерека по плечу.

— Приходи как-нибудь в мою Башню. Я постараюсь помочь тебе понять природу греха.

— Ты добрый, Вертер.

— Надо же сеять разумное, доброе, вечное!

— Это нелегкая задача, — сказал злорадно Браннарт Морфейл. — Исправь его манеры, и я буду вечно благодарен тебе.

Джерек рассмеялся.

— Браннарт, вы не боитесь, что ваш «гнев»

зайдет слишком далеко? — он сделал движение по направлению к ученому, который поднял шестипалую руку.

— Пожалуйста, избавь меня от просьб. Делай свою собственную машину времени. Думай себе на здоровье, что твоя женщина из Эпохи Рассвета вернется. Делай, что хочешь, только меня не трогай! Твое невежество раздражает, и, раз ты не веришь прогрессивным теориям, я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. У меня есть своя работа. — Он помолчал немного и продолжил:

— Если, конечно, ты вернешь мне назад машину времени, которую ты потерял, я смогу уделить тебе немного времени! — с этими словами, ухмыляясь, он заковылял в свою лабораторию.

— Он упорствует в своем заблуждении, — пробормотал Джерек Лорду Канари, — ведь наши предки имели машину времени уже в 1846 году, и вы знаете это! Именно по вашим инструкциям меня поместили в одну из них и вернули сюда.

— Да-да, — рассеянно промолвил Лорд Джеггед, стряхивая пылинку с рукава. — Ты уже говорил это прежде.

— Я неутешен! — сказал вдруг Джерек, — Вы не дали мне прямого ответа. Браннарт отказывает в помощи. Что мне делать, Джеггед?

— Развлекаться, мой юный друг!

— В эти дни я очень быстро устаю от развлечений. Мой мозг устал, воображение утеряно навеки!

— А твои приключения в Прошлом разве не принесли тебе утешение?

— Я уверен, что в 1896 году были вы, Джеггед. Непонятно, почему вы это отрицаете!

— О, Джерек, мой дерзкий ребенок, какие интересные намеки! Как мы близки с тобой по темпераменту! Ты должен развить свою теорию! Подумать только, бессознательные похождения во времени! — Лорд Джеггед взял Джерека за руку и повел его обратно к гостям.

— Я полагаю, — не унимался Джерек, — что мы хорошие друзья, и вы не станете намеренно…

— Позже! Я выслушаю тебя позже, моя любовь, когда наш долг по отношению к гостям будет выполнен!

И Джереку показалось, что под беззаботным видом Лорда Джеггеда Канари скрывалось смущение, впрочем не меньшее, чем у него самого.

Глава четвертая

К теплым снежным горам

Епископ Тауэр прибыл поздно. Он выглядел величественно в своем огромном головном уборе в три человеческих роста, в форме каменной башни Эпохи Рассвета. Длинные красивые волосы недурно сочетались с большими кустистыми красными бровями на лице с медвежьими чертами. Он был одет в платье из золота и серебра и держал в руках огромный резной магический жезл забытого религиозного ордена 21 века. Приблизившись к Миледи Шарлотине, он поклонился:

— Я оставил свой сюрприз наверху, самая прекрасная из хозяек. Там никого нет, только какой-то мусор плавает на поверхности воды. Наверное, я пропустил регату?

— Боюсь, что пропустили, — Миледи Шарлотина подошла к нему и взяла за руку. — Но вы должны разделить с нами наш морской паек, — она потянула его к бочонкам с ромом.

— Вы предпочитаете горячий или холодный? — спросила она.

Пока Епископ Тауэр смаковал ром, Миледи Шарлотина описывала ему битву на озере Козленок Билли.

— … способ, которым «Бисмарк» Леди Безголосой потопил мою «Королеву Элизабет» был, по меньшей мере, гениальным…

— Нашпиговали до нижней палубы! — отчеканила Сладкое Мускатное Око, произнося со вкусом бессмысленные для нее слова. — Загружены все трюмы. Закрепить снасть на носу! Вздернуть на рею! — ее малахитовое мохнатое лицо заметно оживилось. — Пробоина, — добавила она, — ниже ватерлинии.

— Да, дорогая. Твое знание морских тонкостей восхитительно.

— Адмирал! — хохотнула Сладкое Мускатное Око.

— Постарайся меньше налегать на ром и больше — на сухари, дорогая, — посоветовала Миледи Шарлотина, подводя Епископа Тауэра к своему диванчику. Он с трудом уселся рядом, не давая своему головному убору опрокинуть его вверх ногами, и, заметив Джерека, махнул жезлом в дружеском приветствии.

— По-прежнему ищешь свою любовь, Джерек?

— Делаю все, что в моих силах, могущественный из Епископов, — Джерек отошел от Лорда Джеггеда. — Как поживают ваши гигантские совы?

— С глубоким прискорбием сообщаю — распылены! Я намеревался создать город Ватикан того же времени, что и твой Лондон — я раб моды, как ты знаешь — но единственные источники, которые мне удалось отыскать помещали его на Марсе около тысячи лет позднее. Совесть художника заставила меня признать, что он не существовал в 19 веке. Кстати, из Голливуда, который я начал строить, тоже ничего не получилось. Но, когда ты будешь уходить, взгляни на мой корабль. Я надеюсь, ты одобришь мои тщательные исследования.

— Как он называется?

— «Спасжилет»! — ответил Епископ Тауэр. — Я полагаю, ты знаешь, что это такое.

— Нет. И это усиливает интерес.

К ним присоединилась Железная Орхидея. Ее черты были почти неразличимы в сияющей белизне.

— Мы обсуждали пикник в Теплых Снежных Горах, Шарлотина. Ты хочешь присоединиться?

— Великолепная идея! Конечно, я приду. Я думаю, что мы уже исчерпали сегодняшние развлечения. А ты, Джерек, пойдешь?

— Я думаю, да! Если только Лорд Джеггед… — он повернулся к своему другу, но Джеггед исчез.

Джерек смиренно пожал плечами. — С удовольствием. Прошли сотни лет с тех пор, как я посещал эти горы. Я не знал, что они все еще существуют.

— Это не Монгров ли сделал их, находясь в более легкомысленном состоянии, чем обычно? — спросил Епископ Тауэр. — Между прочим, что с ним стало?

— Никто не видел его с тех пор, как он исчез в космосе вместе с Юшариспом, — сообщила Железная Орхидея, оглядывая зал. — Где Герцог Квинский? Я думала, он пожелает отправиться с нами.

— Один из его путешественников во времени, он называет их «вассалами», пришел к нему с сообщением, которое взволновало его. Когда он покинул зал, глаза его блестели. Может, еще один странник во времени забрел в наш век?

Джерек постарался не подать виду, что заинтересован новостью.

— Лорд Джеггед ушел вместе с ним?

— А разве он ушел, — подняла изящные брови Миледи Шарлотина. — Странно, что он не попрощался. Вся эта торопливость и загадочность возбуждает мое любопытство.

— И мое, — сказал с чувством Джерек, с трудом пытаясь казаться безразличным. Он восхищался

собственным самообладанием.

— Разве этот пейзаж не пикантен? — сказала Железная Орхидея, по-хозяйски оглядывая окрестность. Со склона, где они расположились на пикник, открывался великолепный вид. Перед ними раскинулись равнины, озера и реки в пастельных тонах. — Какой первозданный ландшафт! Ничья рука не касалась его с тех пор, как Монгров создал это чудо.

— Я должен отметить, что предпочитаю более раннего Монгрова, — сказал Епископ Тауэр, проводя чувственным пальцем по сверкающему снегу, который покрывал склоны огромных возвышенностей. Снег был почти белый, с изящной бледно-голубой нотой. Несколько маленьких цветков высунули деликатные головки из-под снежного покрова. В основном это были уроженцы подобной же альпийской местности — оранжевые маки и желтые мальвы.

Джерек узнал еще одно растение — разновидность рододендрона. Сладкое Мускатное Око, которая увязалась с ними, катилась вниз по склону в лавине теплого снега, смехом и криками нарушая спокойствие пейзажа. Снег прилипал к ее меху, и она, вместо того чтобы подняться катилась дальше, непрестанно хохоча, пока не

повисла над пропастью, по меньшей мере, в тысячу футов глубиной. Мгновение она балансировала на краю, а затем с испуганным воплем рухнула вниз.

— Что побудило Монгрова отправиться в космос? — полюбопытствовала Миледи Шарлотина, глядя с деланой улыбкой в сторону исчезнувшей Сладкого Мускатного Ока. — Я не могу поверить, что это существо было твоим отцом, Джерек. Как ни маскируйся, а сущность не изменишь.

— Одно время ходили слухи, — согласилась Железная Орхидея, гладя сына по голове. — Ты права, Шарлотина, это было не совсем в стиле Сладкого Мускатного Ока. Как ты думаешь, с ней все в порядке?

— О, конечно! Надеюсь, она позабыла использовать свой гравитатор и мы воскресим ее чуть позже. Лично я рада тишине.

— Насколько я понял Монгрова, он считает своим предназначением сопровождать Юшариспа, — спросил Епископ Тауэр, — и вещать о грозящей опасности?

— Я никогда не могла оценить по достоинству его склонности к подобным развлечениям, — поморщилась Миледи Шарлотина, — это может посеять панику, не так ли? Вспомните-ка тех

робких существ, которые посещали нас. Многие из них так пугались вида людей, что улетали обратно, так и не погостив в наших питомниках. Я подозреваю, что Монгрову сильно поднадоела его мрачная роль, но он слишком горд, чтобы поменять ее на более жизнерадостную.

— О, как вы проницательны, сирена с шестью конечностями, — сказал Джерек. Он улыбнулся, вспоминая как провел гиганта, когда миссис Амелия Ундервуд обитала в питомнике Монгрова.

— Тебе не нравится наша прогулка, Джерек? — озабоченно спросила Миледи Шарлотина.

— Здесь лучше, чем в любом другом месте, — ответил он тактично.

Железная Орхидея прошептала сыну:

— Я склонна сожалеть об одновременном появлении Юшариспа из космоса и твоей миссис Ундервуд. Может быть, я заблуждаюсь, но мне сдается, что они добавили определенной пикантности нашему обществу, которое порядком мне надоело. Только ты был радостью для всех, Джерек, из-за энтузиазма, который пылал в тебе.

— Уверяю тебя, самая заботливая из матерей, что мой энтузиазм все еще пылает во мне. Просто пока нет объекта для его применения, — он погладил ее руку. — Я обещаю быть забавным, как

только вернется мое вдохновение.

Железная Орхидея легла на снег и вдруг, заметив что-то в небе, воскликнула:

— Смотрите, смотрите, это Герцог Квинский! Любой мог узнать аэромобиль, настоящий орнитоптер в форме гигантской курицы, который бряцая и кудахтая в небе, то падал вниз, а то взмывал ввысь так, что становился почти невидимым. Его широкие крылья мощно били по воздуху, механическая голова сверкала глазами то в одном, то в другом направлении. Клюв открывался и закрывался, производя странный клацающий шум. Из летающей машины виднелась голова Герцога в огромной широкополой шляпе с плюмажем. В руке он держал серебряное копье, на плечах развевался малиновый плащ. Герцог, заметив своих друзей, резко спикировал. С трудом приземлившись, он вылез из агрегата и подбежал к ним.

Борода его буквально встала дыбом от возбуждения.

— Охота, мои дорогие! Мои егеря уже недалеко отсюда. Вы должны присоединиться ко мне!

— Охота, дорогой Герцог… на кого? — спросил Епископ Тауэр, поправляя свой головной убор.

— Приземлился еще один космический ко-

рабль. Мы нашли его, но инопланетянин куда-то ушел. Ничего, мы скоро найдем его! Должны! Где ваш аэромобиль? А… Джерек? Едем! Скорее, погоня близится к концу!

Все переглянулись.

— Поедем? — спросила Миледи Шарлотина.

— А почему бы и нет! Это может оказаться забавным, — ответила Железная Орхидея. — Не так ли, Джерек?

— Несомненно! — Джерек побежал к своему ландо, остальные последовали за ним.

— Веди нас, упорнейший из охотников. Скорее! В воздух!

Герцог Квинский постучал серебряным копьем о металлический гребешок своей курицы. Орнитоптер закудахтал хриплым голосом, и его крылья снова начали бить по воздуху.

— Хо, хо! Вот это спорт!

Гигантская птица поднялась на несколько футов и рухнула на землю. Снег облаками вздымался вокруг орнитоптера, из другой метели доносился раздраженный голос Герцога и обескураженное кудахтанье. Ландо Джерека уже кружилась в воздухе, когда Герцог, наконец, управился со взлетом.

— Он всегда жалел, что позволил мне забрать

Юшариспа, — сказала Миледи Шарлотина. — Можно понять его удовольствие от открытия еще одного. Надеюсь, ему повезет. Мы должны отнестись к охоте серьезно.

— Конечно! — согласился Джерек. Он волновался больше остальных.

— Интересно, этот тоже станет нас пугать Концом Света? — сострила Железная Орхидея, которая явно относилась к предстоящему действу весьма скептично.

Глава пятая
На охоте

Герцог на своей птице упорхал вперед, но когда раздался зов охот-ничей арфы, неунывающие романтики услышали его тонкий голос.

— К западу! Я сказал, поворачивай на запад! — Размахивая копьем, он самоотверженно боролся со стальной курицей, которая не хотела отклоняться от полюбившегося маршрута.

Слово Джерека, и ландо прыгнуло вперед, заставив Епископа Тауэра ликующе свистнуть и крепче вцепиться в свою шляпу. Радости обеих леди не было предела, они перегнулись далеко через край, чуть не выпав в азарте поисков неуло-

вимого инопланетянина.

— Осторожно, мои дорогие! — крикнул Епископ Тауэр сквозь вой ветра. — Помните, что эти инопланетяне вооружены до зубов, и очень опасны, — он предупреждающе поднял руку. — Вы можете лишиться массы удовольствий, если окажетесь в списках убитых или искалеченных, потому что никто не станет воскрешать вас, пока не закончится Охота!

— Мы будем осторожны, Епископ, — хихикнула Железная Орхидея, чуть не потеряв равновесие. — Джерек захватил с собой пистолет, чтобы защищать нас, не так ли, о плод моей страсти? — Железная Орхидея показала на довольно большой предмет на полу ландо. — Мы играли с ним пару дней назад.

— Пистолет-имитатор не такое надежное оружие, как вам кажется, — сказал Епископ Тауэр, подняв предмет и заглядывая в его широкий колоколообразный ствол. — Все, что он может сделать — это иллюзии.

— Но он похож на настоящий, Епископ.

Епископа заинтересовала антикварная вещь.

— Пожалуй, самый старинный образчик из всех, что попадались мне на глаза. У него свой собственный независимый источник энергии

— вот, сбоку.

Не разделяя милитаристских замашек Епископа, остальные притворились, что не слышали его.

— Исчез! — донесся издалека голос Герцога. — Исчез!

— О чем это он? — удивилась Миледи Шарлотина. — Ты не догадываешься, Джерек?

— Наверное, он потерял нас из виду, — предположил Джерек. — Я специально отстал, чтобы доставить ему удовольствие увидеть инопланетянина первым. В конце концов, это его дичь.

— Да еще какая! — поддакнула Шарлотина. Они миновали холмы, нагоняя Герцога Квинского.

— Его орнитоптер, кажется, на последнем издыхании, — заметил Епископ, — может, предложим подвезти его?

— Я не думаю, что он поблагодарит нас за это, — ответил Джерек. — Лучше подождем, когда он сам грохнется.

Они летели над незнакомым ландшафтом, напоминающим что-то съедобное, и Джерек подумал, что это творение Эдгаросердного По.

— Гм — м, — Железная Орхидея чмокнула губами. — Я что-то снова проголодалась. Не отведать ли кусочек?

— Не сейчас, — напомнил ей Джерек. — Кажется, я снова слышу арфу.

Небо вдруг потемнело, и какое-то мгновение они летели сквозь абсолютную черноту под шум бушующего моря.

— Наверное, мы недалеко от башни Вертера, — предположила Миледи Шарлотина, поглаживая свои многочисленные груди.

И верно, когда небо осветила молния, открыв взору кипящие черные облака, там виднелся вертерский, в милю высотой, монумент его мрачному «эго».

— Вот те скалы, — показала на основание башни Миледи Шарлотина, — где мы нашли его тело, разбитое вдребезги. Веками мы собирали кусочки, чтобы Лорд Джеггед воскресил его.

Джерек вспомнил Сладкое Мускатное Око. Если она действительно упала в пропасть, нужно поспешить с ее оживлением.

Снова засияло солнце, и земля зазеленела внизу.

— Это «Токио 1901 год» графа Карболика, — закричала Железная Орхидея. — Какие красивые краски.

— Репродукция подлинных морских раковин, — пробормотал знающе Епископ Тауэр.

Ландо, не упускавшее из поля зрения орнитоптер Герцога, внезапно повернуло в сторону и направилось к земле.

— Он внизу, — указал Епископ Тауэр. — Около того леса, вон там!

— Он жив, Епископ? — Железная Орхидея сидела у дальней стенки машины.

— Да, еще шевелится. Кажется, у него неважное настроение, потому что он дубасит свою курицу.

— Бедная птица! — Миледи Шарлотина разинула было рот, когда ландо неожиданно стукнулось о землю.

Джерек вылез из машины и направился к Герцогу Квинскому. Шляпа Герцога была сдвинута набекрень, одна из штанин разорвана, но ему удалось взять себя в руки. Вояжер отбросил копье в сторону, сдвинул назад шляпу и, положив руки на бедра, улыбнулся Джереку.

— Ну, это была неплохая погоня, а?

— Очень стимулирующая… Ваш орнитоптер сломался?

— Напрочь! Герцог считал делом чести летать на подлинных репродукциях древних машин, не поддаваясь уговорам друзей оставить рискованные полеты.

— Может, подбросить вас в замок? — спросила

Миледи Шарлотина.

— Нет, я не сдамся без сопротивления. Пойду на охоту пешком. — Герцог кивнул головой и направился к ближайшим вязам, кедрам и лиственницам. — Мои загонщики выгонят добычу из этого леса, если нам повезет. Пойдете со мной?

Джерек пожал плечами.

— С охотой.

Они забрались в глубину леса, когда Епископ Тауэр поднял пистолет-имитатор, который все еще держал в руках.

— Твое древнее сокровище все еще у меня. Отнести его назад, Джерек?

— Оставьте при себе, — разрешил Джерек. — Он может пригодится, когда мы увидим инопланетянина.

— Разумно, — одобрил Герцог Квинский. В лесу было тихо и таинственно. Деревья благоухали густым сладким ароматом.

— Какая чудесная жуть? — восхитилась Миледи Шарлотина. — Подлинный старомодный волшебный лес. Интересно, кто его придумал?

Свет померк, и охотники погрузились во тьму, во мрак позднего летнего вечера. Лес простирался гораздо дальше, чем он сперва предполагал.

— Это, должно быть, работа Лорда Джегге-

да, — Епископ Тауэр снял свою шляпу и стоял в задумчивости. — Только он мог уложить это особенное качество.

— Да, чувствуется вкус Джеггеда, — согласилась Железная Орхидея и взяла под руку своего сына.

— Тогда мы должны остерегаться мифических зверей, — предостерег Герцог Квинский. — Кенгуру и тому подобное, насколько я помню фантазию Джеггеда.

Железная Орхидея сжала руку Джерека.

— Мне кажется, становится тише, прошептала она. — И темнее.

Глава шестая
Музыканты-разбойники

Листва над их головой становилась все гуще и гуще и уже не пропускала свет. В зловещей тишине они пробирались по мху, осторожно раздвигая ветки, которые все чаще преграждали им путь. Миледи Шарлотина взяла Джерека за руку, возбужденно бормоча:

— Мы заблудились, словно дети в лесу, Джерек!

— Это было бы здорово, — воскликнула Железная Орхидея, но Джерек промолчал.

Загадочный лес действовал на него исцеляюще. Все волнения улеглись, былое спокойствие вернулось к нему, и Джерек, после долгих дней напряжения, расслабился. Его не покидало ощущение, что в этом лесу он уже бывал раньше, вместе с миссис Ундервуд. Джерек всматривался в тенистый сумрак, ожидая увидеть знакомую фигурку в сером платье и соломенной шляпке, стоящую около ствола кедра или сосны, улыбающуюся и готовую продолжить его «моральное образование».

Только Герцог Квинский не поддавался общему настроению. Он остановился, подергивая себя за черную бороду, и нахмурился:

— Загонщики должны были найти что-нибудь. Почему мы их не слышим?

— Лес кажется намного больше, чем мы сперва предполагали. — Епископ Тауэр постучал пальцами о дуло пистолета-имитатора, — может, мы действительно заблудились?

Остальные тоже остановились. Джерек находился в состоянии, близком к трансу. Это был лес, похожий на тот, в котором миссис Ундервуд поцеловала его, признавшись, наконец, в своей любви. Из леса, подобного этому, она была коварно похищена и возвращена в свое время. Джерек

глубоко вздохнул. Запах земли преобладал над всеми остальными.

— Что это? — Герцог приложил руку к уху. — Кажется, Арфа?

Епископ Тауэр, сняв шляпу, теребил рыжие локоны, поворачиваясь из стороны в сторону.

— Я думаю, вы правы, мой Герцог. Прекрасная музыка, хотя это может статься просто щебетание птиц.

— Или весенняя трель кролика, — выдохнула Миледи Шарлотина, романтически сжимая свои многочисленные руки над скопищем грудей. — Как приятно испытать те же эмоции, что и наши предки миллионы лет назад.

— Вы сегодня в лирическом настроении, Миледи, — лениво предположил Епископ Тауэр, но было очевидно, что он тоже поддался очарованию леса. Он поднял руку, в которой держал пистолет-имитатор. — Мне кажется, звук раздался оттуда.

— Мы должны соблюдать осторожность, — предупредила Железная Орхидея, — чтобы не потревожить ни инопланетянина, ни какую-нибудь другую живность.

Джерек догадывался, что ее не беспокоила судьба ни тех, ни других, — просто она хотела

продлить удовольствие. Поэтому он согласно кивнул. Немного погодя они обнаружили впереди дымку танцующего рубинового света и, крадучись, последовали дальше, пока не услышали завораживающую музыку.

Спустя несколько мгновений Джерек осознал, что это была самая прекрасная мелодия, которую он когда-либо слышал. Глубокая и трогательная, она намекала на гармонию физической вселенной, говорила об идеалах и эмоциях, величественных в своем здравомыслии, интенсивности в человечности. Она провела его через отчаяние — и он больше не отчаивался, через боль — ион больше не чувствовал боли, через цинизм — и он познал волнение надежды: она показала ему, что было безобразным — и оно больше не было таким; его протащило через самые глубокие бездны убогости, только чтобы поднять все выше и выше, пока его тело, ум и чувства не слились воедино, и он не познал неизмеримое наслаждение.

Завороженный Джерек вместе с остальными вошел в дымку темно-красного света. Их лица купались в нем, их одежда окрасилась им, и они увидели, что свет и музыка исходили от поляны в лесу. Источником света служила кривобоко стоявшая на поляне машина с несимметричным

грушеобразным корпусом в маленьких стеклянных выступах, подобных щербинам и трещинам на обломке керамики. Из восьмиугольного предмета наверху изливался красный свет. Около покалеченного агрегата стояли и сидели семь гуманоидных существ, о которых безошибочно можно было сказать, что они — космические путешественники: маленькие, едва в половину роста Джерека, и коренастые, с головами, сходными по форме с их кораблем; с одним длинным глазом, содержащим три зрачка, которые метались в разные стороны, иногда сливаясь, иногда расходясь; с большими, как у слона, ушами и пуговицеобразными носами. Они были усатые, неопрятные, и одеты в разнообразные одежды, ни одна из которых, казалось, не походила на другую. Музыка исходила именно от этих маленьких существ, так как они держали в руках инструменты странной формы, в которые дули, щипали струны или пиликали своими короткими и толстыми пальцами. На поясах у них висели ножи и мечи, на широких косолапых ногах были тяжелые сапоги, головы украшали шапки, шарфы или металлические шлемы. Джерек с трудом мог поверить, что эти головорезы производили музыку исключительной красоты.

Все попали под влияние музыки, слушая с благоговением, пока симфонии медленно не достигли разрешения явно столкнувшихся тем, слившихся в гармонии, которая была одновременно невообразимо сложной и предельно простой. На мгновение воцарилась тишина. Джерек почувствовал, что его глаза полны слез, и, взглянув на других, увидел, что все были тронуты не меньше, чем он. Сделав несколько глубоких вдохов, подобно утопающему, вынырнувшему на поверхность, Джерек попытался заговорить, но язык не слушался.

Что же касается музыкантов, то они отшвырнули в стороны инструменты и повалились на землю, хохоча во все горло. Они гоготали и визжали, хватаясь за животы, и были почти беспомощны от смеха — хриплого, и грубого, будто они развлекались незатейливой мелодией похотливой песенки, а не исполняли самую прекрасную музыку во Вселенной.

Бормоча невнятно на резком скрежещущем языке, они высвистывали части симфонии, толкая локтями друг друга, подмигивая и взрываясь новыми приступами веселья, держась за бока и постанывая, трясясь всем телом.

Немного озадаченный этим неожиданным про-

должением, Герцог Квинский вывел группу на поляну. При его появлении ближайший инопланетянин поднял глаза, показал на него, фыркнул и впал в новую серию конвульсий.

Герцог имел при себе громадный, украшенный орнаментом транслятор (первоначально предназначенный для общения с соратниками Юшариспа). Когда вспышка веселья инопланетян утихла, они уселись прямо на земле, все еще переговариваясь и хихикая. Герцог поклонился, представляя себя и своих товарищей.

— Добро пожаловать на нашу планету, джентльмены. Разрешите поздравить вас с представлением, которое превзошло любое наслаждение.

Подвинувшись ближе, Джерек почувствовал знакомый по путешествию в 19 столетие запах — это был запах застарелого пота. Когда один из инопланетян, наконец, встал и подошел к ним, переваливаясь с ноги на ногу, запах стал сногсшибательным.

Ухмыляясь и почесываясь, злодей скопировал поклон Герцога, чем вызвал новый приступ восторга у своих компаньонов.

— Мы только немножко позабавились, — сказал инопланетянин, — чтобы скоротать время. — На вашем старом замшелом шарике

больше нечего делать.

— О, я знаю много способов развлечь вас, — кокетливо облизнула губы Миледи Шарлотина. — Вы здесь давно?

Инопланетянин поднял кривую ногу и почесал икру.

— Да. Рано или поздно нам придется подумать о ремонте нашей развалюхи, — он изобразил что-то вроде подмигивания.

Миледи Шарлотина поджала нижнюю губу и вздохнула. В это время Железная Орхидея прошептала Джереку:

— Они могли бы стать жемчужиной любого питомника. Герцог тоже понял это. Жаль, что он имеет право выбора.

— И откуда вы явились? — деликатно поинтересовался Епископ Тауэр.

— Вы все равно не знаете, где это. Я и мои молодцы — последние обитатели погибшей планеты. Мы называем себя Латы. Я капитан Мабберс.

— И почему вы путешествуете по космосу между звездами? — Железная Орхидея обменялась незаметно взглядами с Миледи Шарлотиной. Их глаза сверкнули.

— Вам, должно быть, известно, что эта Вселенная почти покрыта траурным крепом. Поэтому

мы слоняемся, надеясь найти секрет бессмертия и немного развлечься по пути. Когда мы достигнем своей цели, если нам вообще повезет — мы попробуем убежать в другую вселенную, не подверженную таким изменениям.

— Другая Вселенная? — сказал Джерек. — Явное противоречие.

— Пошел к черту, — капитан Мабберс пожал плечами и зевнул.

— Тайны бессмертия и чуточку веселья! — воскликнул Герцог Квинский. — У нас есть и то, и другое. Вы должны остаться у нас!

Джерек понял, что хитрый Герцог собирается добавить целый оркестр к своей коллекции. Обладание такими превосходными музыкантами означает настоящее перо в его шляпе и более, чем компенсирует его неудачу с Юшариспом. Тем не менее, реакция капитана Мабберса оказалась не совсем той, на которую надеялся Герцог. Выражение подозрительной хитрости мелькнуло в его чертах, и он повернулся к своему экипажу.

— Что вы думаете, парни? Этот джентльмен говорит, что мы можем остаться у него в гостях.

— Ну, — сказал один, — если он в самом деле разгадал тайну бессмертия…

— Он не собирается отдать ее просто так, — ска-

зал другой. — Что он будет иметь от этого?

— Уверяем вас, наши мотивы бескорыстны, — настаивал Епископ Тауэр. — Став нашими гостями, вы испытаете наслаждение. Мы в восторге от вашей музыки. Если вы сыграете нам еще раз, мы подарим вам бессмертие. Мы все бессмертны, не правда ли? — он повернулся к своим компаньонам, которые хором подтвердили его слова.

— В самом деле? — удивился капитан Мабберс, почесав свою челюсть.

— Это правда, — выдохнула Железная Орхидея. — Ведь мне самой, — она кашлянула, вдруг осознав нарочитое отсутствие интереса со стороны Миледи Шарлотины к ее замечанию, — …ну, несколько сотен Лет, — закончила она упавшим голосом.

— А мне две или три тысячи лет, не помню, — сказал Герцог Квинский.

— И вам не скучно? — спросил один из сидевших инопланетян. — Именно это и беспокоит нас.

— О, нет. Нет, нет, нет. У нас есть масса развлечений. Мы создаем вещи, разговариваем, занимаемся любовью, изобретаем игры, иногда засыпаем на несколько лет, может быть и дольше, если устаем от того, что делаем, но вы удивитесь,

как быстро идет время, когда ты бессмертен.

— Я никогда не думал об этом, — сказал Епископ Тауэр. — Скорее всего потому, что бессмертие вошло в привычку на этой планете.

— У меня есть другая идея, — криво усмехнулся капитан Мабберс. — Лучше, если вы станете нашими гостями, когда мы продолжим полет во Вселенной. По пути вы сможете рассказать о секрете бессмертия.

Поставленный в тупик Герцог содрогнулся.

— В космос! Наши нервы не выдержат этого! К сожалению! — он повернулся со слабой улыбкой к Джереку, все еще обращаясь к инопланетянам. — Спасибо за приглашение, капитан Мабберс, но мы не можем его принять. Только Монгров мог бы пойти на такой риск, но его нет среди нас.

— И все-таки, — сладким голосом произнесла Миледи Шарлотина, — наш долг пригласить вас в гости. Мы все отправимся назад к Нижнему озеру и устроим, о, вечеринку.

— Мы развлекались, до вашего появления, — напомнил капитан Мабберс, — он чихнул и потер свой луковицеобразный нос. — Постойте, я кажется понял, что вы имеете в виду. А? — он бочком подскочил и похлопал ее по бедру. — Мы были в космосе очень долго, леди.

— О, бедные мои, — промурлыкала Шарлотина, прикладывая обе руки к его щекам и покручивая за усы. — Там не осталось ни одной женщины вашей расы?

— Ни одной, даже старой карги, — он жалобно поднял свой глаз к деревьям. — Это было тяжелое испытание; за три или четыре года скитаний я не ущипнул ни одного локотка, — он метнул укоризненный взгляд на своих компаньонов, которые с вожделением посматривали на женщин.

Затем, грязно ухмыляясь, он протянул руку и положил на нее бедро.

— Почему бы нам вместе не поболтать об этом у меня в корабле?

— Там не так уютно, как у нас, — настаивал Герцог. — Вы сможете перекусить, отдохнуть, принять ванну…

— Ванну? — вздрогнул и с тревогой проговорил капитан Мабберс. — Сделать что? Перестаньте, Герцог. У нас впереди еще долгий путь. Что вы пытаетесь предложить?

— Я имею в виду, что мы можем обеспечить вас всем, что вы желаете. Мы можем даже создать женщин вашего собственного вида для вас, точно воспроизвести вашу собственную окружающую среду. Это вполне в нашей власти.

— Ха! — сказал капитан Мабберс подозрительно. — Вы так думаете?

— Хотелось бы знать, в чем заключается их игра, — один из арфистов встал, ковыряясь в зубах (которые оказались острыми и желтыми). Три зрачка метнулись в разные стороны, рассматривая пятерых обитателей Земли. — Вы слишком рветесь доставить нам удовольствие, это подозрительно.

Герцог растерянно взмахнул руками.

— Наш долг — быть радушными хозяевами. Не вижу в этом ничего странного и подозрительного.

— Это первая компания, которая думает так, — сказал Лат, запуская пятерню под рубашку и потирая свою грудь. — Но я согласен со шкипером. Полетите с нами.

Другие кивнули в знак одобрения.

— Но, — начала уговаривать их Железная Орхидея, — мои великолепные маленькие космические флибустьеры, нам чужды и отвратительны эти пустынные пространства. Ведь сейчас вряд ли кто путешествует на ближайшие планеты нашей собственной системы, не говоря уже о выходе в эту холодную пустыню между звездами! — выражение ее лица смягчилось, она сняла

шапочку с одного инопланетянина, который как раз приблизился к ней, и погладила его лысину. — Не в нашей природе покидать планету, мы привыкли к такой жизни. Мы старая, старая раса. Космос скучен нам, другие планеты раздражают и расстраивают, потому что хорошие манеры требуют, чтобы мы не переделывали их по своему вкусу. Что там для нас, в вашей бесконечности? Пусть даже — в нашей бесконечности? Все звезды так похожи.

Инопланетянин выхватил свою шапку из ее руки и натянул себе на голову.

— Волнения! — гаркнул он. — Приключения! Опасность! Новые ощущения!

— Какие там новые ощущения! — сказал Епископ Тауэр, желая услышать хотя бы об одном, которое существует. — Жалкие варианты старых!

— Ладно, — решительно сказал капитан Мабберс, нагибаясь, чтобы поднять свой инструмент. — Вы отправляетесь с нами, и баста. Меня не проведешь, я чую ловушку.

Герцог Квинский поджал губы.

— Что ж, если наши переговоры зашли в тупик, придется вас покинуть…

— Что, сдрейфил, приятель, — сказал склонный

к полемике коротышка, указывая своим инструментом в направлении Герцога. — Вали их на землю и грузи на корабль!

К этому времени остальные Латы подняли свои трубы и смычки с земли.

— Я не понял, — спросил Герцог у капитана Мабберса, — что валить на землю? И что грузить на корабль?

— Ноги и руки по порядку, — сказал капитан Мабберс и сделал движение своим инструментом.

Епископ Тауэр засмеялся.

— Не знаю точно, но, по-моему, они угрожают нам!

Миледи Шарлотина взвизгнула от восхищения. Железная Орхидея приложила палец к губам, и глаза ее расширились.

— Это одновременно оружие и музыкальные инструменты? — спросил Джерек с любопытством — Не может быть!

— Спорим! — загорелся капитан Мабберс. — Смотри, — он повернулся в сторону, направляя устройство странной формы на ближайшие деревья. — Огонь!

Воющий сжигающий ветер вырвался из устройства в его руках. Он пронесся сквозь деревья,

превратив их в дымящийся пепел, и провел тоннель света через мрак леса, открыв равнину за ним и гору за равниной. Ветер не остановился, пока не достиг далекой горы, которая взорвалась. Все услышали слабый грохот.

— Все в порядке? — сказал капитан Мабберс, вопросительно поворачиваясь к ним. Его воины злобно усмехались. Один из них, в металлическом шлеме, предупредил:

— Вы не уйдете далеко, если попытаетесь убежать от этого.

— Кто воскресит нас? — задумался Епископ Тауэр. — Как удивительно. Я никогда прежде не видел настоящего оружия.

— Значит, вы решили похитить нас? — спросила миледи Шарлотина.

— Мибикс анвью ре? — спросил капитан Мабберс — Круфруди! Лью о тай, хью хотквалс!

В отчаянии Герцог Квинский выключил свой транслятор.

Глава седьмая
Конфликт иллюзий

— Да, кто знал, что из этого получится, — сказал с несчастным видом Герцог Квинский. Все

сгрудились около космического корабля. Рядом присел Лат-конвоир, поглощенный азартной игрой, где ставкой были Железная Орхидея и миледи Шарлотина.

Миледи Шарлотина становилась все нетерпеливее. Она вздохнула.

— Я хочу, чтобы они поторопились. Они милые, но не очень решительные кавалеры.

— Напрасно вы так думаете? — сказал Епископ Тауэр, выдергивая мох. — Нас они похитили довольно быстро и решительно.

Джерек упал духом.

— Если они возьмут нас в космос, я никогда не увижу миссис Амелию Ундервуд.

— Попробуйте еще раз рассеять Кольцом их оружие, — предложила Железная Орхидея, — мое не работает. Епископ, может, ваше действует.

Епископ сосредоточился, возясь со своим Кольцом, но ничего не произошло.

— Они эффективны только на вещах, созданных нами. Единственное, что мы можем сделать — это избавиться от остальных деревьев.

— В этом, кажется, мало смысла, — сказал Джерек, вздохнув.

— Ладно, — смирился Герцог Квинский, — мы можем увидеть что-нибудь интересное в кос-

мосе.

— Наши предки не нашли там ничего интересного, — напомнила ему Железная Орхидея. — Кроме того, как мы попадем назад?

— Построим космический корабль. — Герцог был озадачен ее очевидной тупостью. — С помощью Кольца Власти.

— Если они действуют в глубине космической бездны. Вы помните какую-либо запись о Кольцах, используемых вдали от Земли? — Епископ Тауэр пожал плечами, не ожидая ответа.

— Интересно, у них были Кольца Власти все эти тысячи и тысячи лет назад? О, дорогой, я усну, — миледи Шарлотине было очень скучно. Она целиком оставила идею заняться любовью с Латом, одним или всеми вместе. — Давайте создадим воздушную машину и улетим.

Епископ Тауэр усмехнулся.

— У меня есть более забавное предложение, — он помахал пистолетом-имитатором. — Это развеселит нас и послужит возбуждающим завершением приключения. Наверное, пистолет заряжен как обычно, Джерек?

— О, да, — кивнул Джерек с отсутствующим видом.

— Значит, он будет выстреливать случайные

иллюзии наугад. Я помню моду на эти игрушки. Два игрока стреляют, не зная, какая появится иллюзия, но надеясь, что одна парирует другую.

— Правильно, — сказал Джерек. — Однако, я долго не мог найти желающего поиграть.

Капитан Мабберс оставил своих людей и с важным видом направился к пленникам.

— Хьюдаю, ри ферт глеко мин глеко внев! — рявкнул он, угрожая им концом музыкального инструмента.

Они притворились, что не имеют ни малейшего понятия, о чем толкует их поработитель (хотя было явно, что он приказывает войти в космический корабль).

— Круфруди, — прошипел капитан Мабберс. — Глен мин глекс впел!

Миледи Шарлотина изобразила милые ямочки на щеках.

— Мой дорогой капитан, мы просто не понимаем вас. А вы нас?

— Хрунт! — переложив инструмент в другую руку, капитан Мабберс улыбнулся похотливо и положил руку на ее локоть. — Хрунт глекс, мибикс?

— Скотина, — сказала миледи Шарлотина, покраснела и невинно похлопала ресницами. — Я

думаю, вы должны попробовать пистолет сейчас, Епископ.

Раздался негромкий хлопок, и все вокруг стало голубым и белым. Голубые и белые птицы и насекомые, изящные и неторопливые, замелькали между ровными и изящными желтыми деревьями.

Капитан Мабберс немного удивился, затем тряхнул головой и потянул миледи Шарлотину к кораблю.

— Может, позволить ему совсем коротенькое изнасилование.

— Нужно было думать раньше, — сказал Епископ Тауэр и выстрелил снова. — Кто заряжал пистолет, Джерек? Неужели там нет чего-нибудь поинтересней?

Вторая иллюзия наложилась на первую. В деликатную бело-голубую сцену вломился чудовищный десятиногий зверь, который напоминал рептилию, с огромными глазами, сверкающими пламенем, когда он поворачивал свою свирепую голову то в одну, то в другую сторону. Капитан Мабберс завопил и схватился за оружие. Он умудрился уничтожить большую часть леса за бело-голубым ландшафтом и огненноглазым чудовищем, но все остальное осталось без из-

менения.

— Ну, теперь нам пора ускользнуть прочь, — сказал Епископ, нажимая на курок еще раз и производя яркий абстрактный узор, который со свистом заметался в воздухе, чудовищно сливаясь с белым и голубым цветом и раздражая рептилеподобного зверя. Лат непрерывно стрелял по чудовищу, отступая от него по мере того, как оно двигалось, (какое удачное совпадение), навстречу ему.

— О, — разочарованно протянула Железная Орхидея, когда Джерек взял ее за руку и потянул в лес, — мы не сможем досмотреть это?

— Ты помнишь, где мы оставили твою воздушную машину, Джерек? — Герцог запыхался и был возбужден. — Хорошее развлечение, не правда ли?

— Я думаю, там, — ответил Джерек, указав направление. — Хотя лучше сделать другую.

— Разве это по-спортивному? — спросила Железная Орхидея.

— Тут уж не до спорта, мама…

— Ну почему же, — она побежала сквозь деревья и скоро исчезла в сумраке леса. Джерек последовал за ней, Епископ — по пятам.

— Мама, я думаю, нам не стоит разделяться.

Ее голос донесся уже издалека:

— О, Джерек, ты становишься безрадостным, мое сердце!

Вскоре он совсем потерял ее и остановился в изнеможении у огромного старого дерева. Епископ Тауэр не отставал от него ни на шаг и теперь протянул ему пистолет — имитатор.

— Мне тяжело нести его, Джерек, пусть он побудет у тебя!

Джерек взял пистолет и засунул его в карман. Он услышал звук чего-то большого, с грохотом несшегося сквозь лес. Деревья падали, сучья трещали, загораясь огнем.

— Оно так похоже на настоящее, правда? — Епископ, казалось, почти ощущал себя создателем чудовища. Он поморщился, когда что-то провыло мимо и уничтожило несколько деревьев. — Лат, кажется, догоняет нас, — он нырнул в кусты, оставив Джерека в нерешительности.

Паника охватила его при мысли, что он может быть убит прежде, чем увидит Амелию Ундервуд. Это была новая эмоция, и часть его ума испытывала объективное любопытство. Он побежал, не обращая внимания на ветки, бьющие по лицу и бежал дальше и дальше, сквозь темноту, прочь от шума и разрушения. Опасности были стеной,

которая, казалось, окружала его: избегая одну, он сталкивался с другой. Один раз он наткнулся на кого-то в темноте и почти заговорил с ним, но, услышав: «Феркит!», рванулся прочь. Раздался чей-то замораживающий кровь крик. Он бежал, падал, карабкался, вставал и бежал снова. Грудь болела, а мозг отказывался повиноваться. Джереку показалось, что он всхлипывает, и он понял, что, когда упадет в следующий раз, то не сможет подняться с земли.

Он споткнулся, потерял равновесие и заскользил по склону старой ямы. Кусочки земли и камней падали вместе с ним. Джерек был уже почти готов поздравить себя, что находится, может быть, в конце концов, в относительной безопасности, когда дно ямы раскрывалось, и он стал проваливаться вниз по чему-то гладкому и изготовленному явно для этой цели. Он скользил и скользил по металлическому желобу, чувствуя тошноту от скорости спуска, и не мог дотянуться до своих Колец Власти, чтобы замедлить падение, пока не оказался глубоко под землей. Затем, наконец, желоб окончился, и он приземлился, ошеломленный и помятый, на кучу заплесневелых одеял.

Свет был тусклый и искусственный. Спустя

некоторое время Джерек сел, ощупывая осторожно свое тело в поисках сломанных костей, но таковых не оказалось.

Необычайное чувство удовлетворенности наполнило его, и он лег с зевком обратно на одеяла, надеясь, что его друзья смогли добраться до ландо. Он отдохнет, а затем обдумает, как лучше всего присоединиться к ним. Кольцо Власти, без сомнения, просверлит туннель для него вверх, и он сумеет подняться на поверхность с помощью антигравитации. Джерек почувствовал необычайную сонливость и почти заснул, когда негромкий шепелявый голосок произнес:

— Добро пожаловать, сэр, в страну Чудес!

Он оглянулся и увидел маленькую девочку с большими голубыми глазами. Выражение ее лица было деланно скромным.

— Ты очень хорошо скроена, — сказал Джерек с восхищением. — Что ты такое на самом деле?

На лице маленькой девочки теперь появилось выражение недовольства.

— Я — маленькая девочка!

Глава восьмая

Джерек встал, и, отряхнув пыль со своей одежды, ласково сказал:

— Маленькие девочки исчезли тысячи лет назад. Ты, вероятно, робот или игрушка. Что ты делаешь здесь, внизу!

— Играю, — ответил робот или игрушка, лягнув Джерека в щиколотку. — Я знаю, что я такое. И я знаю, что ты такое. Няня говорила, чтобы мы остерегались взрослых, — они опасны.

— Как и маленькие девочки, — с чувством сказал Джерек, потирая и так уже побитую ногу. — Где твоя няня, дитя мое?

Он был удивлен, насколько жизненно достоверным было это создание, но оно не могло быть ребенком, иначе бы он слышал об этом раньше. Кроме него и Вертера де Гете на Земле уже тысячу лет не рождались дети. Люди создавались таким же образом, как, например, Герцог Квинский создал Сладкое Мускатное Око, и переделывали себя, как Король Шулер, ставший Епископом Тауэром. Иметь детей было чрезвычайно ответственно и хлопотно.

— Пойдем, — сказало существо, взяв его за руку. Оно повело Джерека по туннелю из розового мра-

мора, который, на его взгляд, имел что-то общее по стилю и материалу с древними городами, хотя туннель казался построенным относительно недавно.

Туннель выходил в большую комнату, забитую прекрасными репродукциями античных вещей, среди которых Джерек узнал управляемые игрушечные машинки, лошадки-качалки, пушистых куропаток, головоломки и детские настольные конструкции.

— Это одна из наших игротек, — объяснила ему девочка. — Учебный класс находится за ней. Няня скоро выйдет с остальными. А я прогуливаю, — похвасталась она.

Джерек с восхищением рассматривал все вокруг. Кто-то здорово потрудился, чтобы воссоздать старинную детскую комнату. Он подумал, не заслуга ли в этом, как и лес наверху, Лорда Джеггеда? Во всем определенно проглядывало его изящество.

Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату ворвалась группа мальчиков и девочек — ровесников. Мальчики были в рубашках и шортах, девочки — в разукрашенных платьях и передниках. Они кричали и смеялись, но замолчали, когда увидели Джерека. Глаза их расширились,

рты открылись.

— Это взрослый, — сказало мнимое дитя. — Я поймала его в коридоре. Он свалился с неба.

— Ты думаешь, это Продюсер? — спросил один из мальчиков, шагнув ближе к Джереку и оглядывая его сверху донизу.

— Он не такой толстый, — оценила гостя другая девочка. — Вот идет Няня. Она знает.

Позади детей показалась высокая фигура мрачного вида, укутанная в серую шаль, человекообразная и суровая. Робот, намного больше Джерека, построенный в виде пожилой женщины в костюме Поздних Массовых Культур. Когда она заговорила, голос ее был чуточку ржавым, суставы скрипели при движении. Холодные голубые глаза свирепо сверкали на стальном лице.

— Что такое, Мэри Уиллди, ты опять прогуливаешь? — стала упрекать Няня. — А кто этот маленький мальчик? По виду не мой.

— Мы думаем, это взрослый, Няня, — доложила Мэри.

— Чепуха, Мэри. Твое воображение снова подводит тебя. Таких вещей, как взрослые люди, больше не существует.

— Именно это он сказал о детях, — Мэри прикрыла ладошкой рот, чтобы подавить смешок.

— Успокойся, Мэри, — сказала Няня. — Я могу только сделать вывод, что этот молодой человек тоже прогуливал. Вы оба будете наказаны ужином только из хлеба и молока.

— Уверяю вас, что я взрослый, мадам, — настаивал Джерек. — Хотя я был ребенком в свое время. Мое имя — Джерек.

— Ну, во всяком случае, ты довольно вежлив, — сказала Няня, лязгнув зубами. — Лучше познакомься с детьми. Не могу понять, зачем они прислали мне еще одного ребенка. У меня уже двое сверх нормы, — робот казался подверженным старческим маразмам. У Джерека сложилось впечатление, что эта няня выполняет свои функции так долго, что ее электронный мозг изрядно проржавел. И он решил не злить дородную металлическую женщину.

— Это Фредди Бесстрашный, — представила Няня, положив нежную стальную ладонь на коричневые кудри ближайшего мальчика. — Это Дженни Отважный, Мик Стойкий и Виктор Приключение, Гарри Скрипун, Питер Щипок и Бен Смелый. Вон там — Кит Мужество, Дик Древность, Гэвин Галантный. Скажите «Хэлло» вашему новому другу, крошки.

— Хелло, — послушно ответили они хором.

— Какое, ты сказал, у тебя имя, мальчик? — спросила Няня.

— Джерек Карнелиан, Няня.

— Странное, непривычное имя.

— Имена ваших детей кажутся довольно однообразными…

— Чепуха, как бы то ни было, мы будем звать тебя Джерри — Джерри Шутник. Всегда корчишь из себя дурачка?

Джерек пожал плечами.

— А это девочки. Мэри, ты уже знаешь. Бетти Смелая, сестра Бена, Молли Сорванец, Нора Ябеда.

— Я доношу на всех, — наябедничала Нора с нескрываемым удовольствием.

— Да, дорогая, и у тебя это очень хорошо получается. Это Глория Великолепная, Флора Дружелюбная, Кэти Добрая, Хэрриет Высокомерная, Дженни Общительная.

— Для меня большая честь встретить вас всех, — расшаркался Джерек, немного копируя манеры Лорда Джеггеда. — Но, может быть, вы скажете мне, что делаете под землей?

— Мы прячемся, — прошептала Молли Сорванец. — Наши родители послали нас сюда, чтобы избежать участия в постановке фильма.

— Фильма?

— «Великая Резня Перворожденного Пекинского Па Восьмого» — во всяком случае таково было рабочее название, — отчеканил Бен Смелый.

— Это воспроизведение рождения Христа, — сказала Флора Дружелюбная. — Пекинский Па собирается сам играть Ирода.

Это имя что-то напомнило Джереку. Он встречал однажды путешественника во времени, который бежал от этого самого Пекинского Па, последнего из Тиранов Продюсеров, когда тот был в процессе создания еще одной драмы об извержении Кракатау.

— Но это было тысячи лет назад, — сказал Джерек. — Не могли же вы быть здесь все это время? Неужели такое возможно?

— Мы живем здесь по недельному циклу, — объяснила Няня. Она повернула глаза к хронометру на стене. — Если мы не поторопимся, я опоздаю с повторением цикла. Ох уж эти родители! Они не думают обо мне — прислали еще одного ребенка, даже не вспомнив о моем графике. А потом удивляются, почему нарушен порядок.

— Вы имеете в виду, что замыкаете время в петлю? — удивился Джерек.

— Разве родители тебе не сказали? Мы должны

снять с тебя эти глупые наряды. В самом деле, у некоторых матерей странные представления о детской одежде. Ты уже большой мальчик и сам должен понимать, что лучше надеть шорты и рубашечку.

— Я не хочу носить рубашку и шорты, Няня! Я не люблю этот стиль!

— О, моя доброта! Тебя испортили, Джерри!

— Послушай меня, Няня — сказал Джерек, с отчаянием пятясь назад. — Век Тиранов-Продюсеров давно прошел. Опасность миновала. Мы сейчас стоим на Краю Времени.

— Успокойся, малыш! Нас это не касается. Теперь мы под защитой продуманной замкнутой системы. Какая разница, что случится с остальной Вселенной, если мы живем снова и снова через один и тот же период.

— Вы порядком закоснели в своих привычках, Няня, и разучились думать!

— На первый раз я прощаю грубость, Джерек, но если я еще раз услышу от тебя подобные вещи, ты будешь наказан. Я сурова, но справедлива.

Огромный робот с громыханием продвинулся вперед на гусеницах и протянул к нему большие металлические руки.

— Теперь мы разденем тебя.

Джерек поклонился.

— Ну, мне пора идти, Няня, но я вернусь, как только смогу. После этого дети смогут по-человечески развиваться. Все самое страшное позади, и им будет интересно увидеть внешний мир.

— Придержи язык, пострел! — яростно взревела Няня.

— Я не хотел… — Джерек повернулся и кинулся бежать.

— Солдаты Гвардии! — рявкнула Няня.

Путь Джереку преградили огромные механические игрушки-солдаты. На их лицах не было никакого выражения. Они не выглядели такими угрожающими, как Няня, но их металлические тела эффективно помешали его побегу. Джерек завопил, почувствовав на себе сильные руки Няни. Затем его взметнули в воздух и бросили на холодное стальное колено. Металлическая ладонь поднялась и опустилась шесть раз на мягкое место. Затем его поставили на ноги и Няня приласкала своевольника.

— Мне не нравится наказывать детишек, Джерри, — успокаивала она. — Но они не должны покидать убежище для собственного же блага. Когда ты станешь старше, ты поймешь это.

— Но я уже старше, — робко возразил Джерек.

— Это невозможно. — Няня начала сдирать с него одежду и спустя мгновение он стоял перед ней, одетый в такие же шорты и рубашку, как Кит Мужественный, Фредди Бесстрашный и другие.

— Вот видишь, — сказала Няня довольно, — теперь ты больше не белая ворона. Дети не любят тех, кто отличается от них.

Джерек, который был вдвое выше своих новых товарищей, понял, что находится во власти робота-самодура.

Глава девятая
Нянино чувство долга

Джерек Карнелиан сидел в дальнем конце общей комнаты с чашкой молока и ломтем хлеба на коленях и выражением безнадежного отчаяния на лице, в то время, как Няня, стоя в дверях, прощалась с ними на ночь.

— Вы должны понять, Няня, что раз в ваше закрытое окружение вошел посторонний, возможны различные временные парадоксы. Они наверняка нарушают и ваш образ жизни, и мой, намного больше, чем нам этого хотелось бы, — пытался воззвать к ее искусственному разуму Джерек.

— Сейчас пора спать, — твердо сказала Няня в шестой раз со времени прибытия Джерека. — Выключайте свет, мои малютки!

Джерек знал, что бесполезно вставать после того, как он ляжет в постель. Няня немедленно засечет его и уложит снова. Во всяком случае, было легко следить, сколько времени он провел здесь. Каждый день состоял только из двадцати четырех часов, каждый час — из шестидесяти минут — один из старых несгибаемых методов отсчета времени. Век Тиранов-Продюсеров одним из последних использовал такие меры отсчета времени, и Няня была на это запрограммирована. Ему оставалось одно: доказывать истину, не требующую доказательств, но на это могли уйти месяцы. Он беспокоился за судьбу Железной Орхидеи и остальных. Если все сложится удачно, и ему удастся сбежать, он нейтрализует оружие Латов, если они еще не покинули планету.

— Ты должна подумать о перепрограммировании, Няня! — выкрикнул Джерек в темноту.

— Ну, ну, Джерри, ты же знаешь, что я не люблю дерзких детей, — дверь закрылась, и Няня покатилась прочь по коридору.

Джерек некоторое время недоумевал, действительно ли ему почудилась некоторая неуверен-

ность в голосе Няни.

Фредди Бесстрашный с восхищением проговорил из соседней постели:

— Ты так настойчив, Джерек. Странно, почему старушка прощает тебе это.

— Она прекрасно понимает, что я взрослый человек, но не хочет признавать это, — предположил Джерек.

Его слова вызвали смех у мальчиков.

— Молодчага Джерри Шутник, — воскликнул Дик Дредноут, — всегда разыгрываешь из себя дурачка? Жизнь была бы скучной без тебя, Джерри, — подобно остальным, он сразу же принял Джерека за своего и, казалось, забыл, что тот совсем недавно появился в убежище.

Джерек со вздохом отвернулся и попытался привести в действие свои Кольца Власти, как делал это каждую ночь, но, очевидно, какие-то защитные устройства в убежище экранировали источник их энергии. У него все еще оставался пистолет-имитатор, но он не мог придумать для него какого-либо применения в данной ситуации. Джерек пошарил под подушкой, пистолет все еще лежал там. Тогда он со вздохом попытался заснуть. Ему казалось, что он находится в еще более неприятной ситуации, чем во времена пленения

Вайна-Нюхателя на Кухне Джонса в 1896 году. Он вспомнил, Что там его тоже звали Джерри. Будто все тюремщики предпочитали для него это имя.

Джерек проснулся и заметил, что лампы, против обычного, погашены и в воздухе не витает запах завтрака. В дверях не было Няни с колокольчиком в руках, и она не кричала свое привычное: «Просыпайтесь, сони».

Вместо этого издалека доносились разнообразные звуки: вопли, удары, крики и шум. Вдруг дверь распахнулась, впустив свет из коридора.

— Верчузек, — сказал знакомый голос. — Худи?

И капитан Мабберс с торчащими в стороны усами, со своим огнедышащим тромбоном появился в проходе. Он засверкал глазами на Джерека.

— Круфруди! — узнал он старого знакомца и неприятная усмешка появилась на его лице.

Джерек застонал. Лат нашел его, и теперь дети были в опасности.

— Феркит! Джиллир гоф лар кегго хег, мибикс?

— Я все равно не понимаю вас, капитан Мабберс, — сказал Джерек музыканту-разбойнику. — Конечно, я составлю вам компанию, если вы так настаиваете. Но вы должны оставить в покое детей, они ни в чем не виноваты..

Сохраняя достоинство, попранное Няней,

одевшей на него эту тесную пижаму из яркой полосатой фланели, Джерек встал с постели, поднял руки вверх и подошел к капитану Лагов.

Капитан Мабберс радостно фыркнул.

— Яшаг ак фриг док пист кикл хрунт! — завопил он. Вся шайка собралась вокруг вожака, разделяя его веселье. Один даже уронил оружие, но быстро поднял его снова. Это навело Джерека на мысль, что источник энергии для их инструментов находится на корабле, хотя не исключено существование независимых батарей. Увы, это невозможно было проверить.

Джерек мужественно стерпел их смех. Луковицеобразный нос капитана Мабберса почти засветился.

— У-у-у-у-у-у, — кру ф-ру! у-у-у-ух к-круфруди!

— Это что еще такое? Сразу несколько сорванцов снаружи? — раздался зычный голос Няни из коридора. — Да еще во время сна! Это им не пройдет даром!

Капитан Мабберс со своими напарниками с тупым удивлением смотрели, как Няня ровно катилась к ним.

— Ах вы шалопаи! И что вам не сидится дома! Ну-ка отстаньте от моих малышей.

— Круфруди, — обругал ее капитан Мабберс.

— Феркит, — крепко выразился его коллега.

— Что? Безобразие! — рассердилась Няня — Где вы набрались таких гадостей?

Капитан Мабберс шагнул вперед и пригрозил Няне своим тромбоном. Няня, не обращая внимания на этот жест, продолжала отчитывать:

— Я видела на своем веку много проказников, но таких грязных, немытых, отъявленных нерях встречаю впервые! Убери немедленно рогатку!

Капитан Мабберс направил свой инструмент на Няню и нажал курок. Воющее пламя вырвалось из дула и ударило Няню прямо в грудь. Она на секунду замерла, и, придя в себя, выхватила инструмент у капитана Мабберса.

— Ах ты, маленький гаденыш, ты, оказывается, с выкрутасами! Ну погоди, сейчас ты узнаешь, как ведут себя приличные дети.

— Олго глекс мибикс? — цинично успокоил ее капитан Мабберс. Однако, как только огромная металлическая голова склонилась над ним, глаза его остекленели и улыбка застыла на губах. — Фрадс колек года сако!

— Мне надоели твои гадкие выражения. Я знаю, как научить тебя хорошим манерам, чертов привередник.

Джерек давно не испытывал удовольствия,

подобного тому, что ему пришлось наблюдать. Капитана Мабберса бросили поперек стального колена и смачно отшлепали по голой противной заднице. Экипаж бросился на помощь к попавшему в беду командиру, лягая Няню ногами, толкая ее и сквернословя, но все усилия были тщетны. Покончив с воспитательной процедурой Мабберса, Няня одному за другим дала такое же угощение всем его компаньонам, конфискуя одновременно их инструменты.

Наказанные, они стояли, держась руками за ягодицы, покрасневшие и с полными слез глазами, в то время, как Джерек и остальные малыши восхищенно смеялись.

Няня покатила по коридору с охапкой инструментов инопланетян.

— Вы получите их назад только когда покинете убежище, — сказала она. — Но вы не покинете его, пока не усвоите некоторые манеры.

— Круфруди, — огрызнулся Капитан, злобно сверкая глазами вслед исчезнувшему роботу. Но он произнес это тихо, испуганно, больше из бравады. — Хрунт!

Джереку стало немного жалко коротышку Лата, хотя он от души радовался за спасенных детей.

— Я все слышала, — сурово откликнулась Ня-

ня. — И припомню тебе!

Капитан Мабберс с полуслова понял намек, и больше не рискнул открыть рот. Вид униженного и отшлепанного Лата доставил ему больше удовольствия, чем он мог ожидать.

— Что ж, — сказал он, — теперь мы все в одной тарелке, а?

— Мибикс? — скорбным шепотом спросил Капитан Мабберс.

— Одна только мысль, что в этой дружной компании Латов, детей и одряхлевшего робота придется провести вечность, приводит в дрожь, — Джерек вновь поддался упаднническим настроениям. — Нужно взять себя в руки и серьезно подумать о побеге. Я должен найти Амелию!

Капитан Мабберс кивнул.

— Гриф, человек, — сказал он подтверждающим тоном.

Няня вернулась в комнату.

— Я убрала прочь ваши игрушки, — строго сказала она. — А теперь быстро в постель, без всякого ужина. Вы знаете, что сейчас ночь, и дети должны спать!

Латы непонимающе уставились на нее.

— Моя доброта! Они издеваются надо мной. Сначала прислали переростка, а теперь этих

кретинов. Таких спокойно можно было оставить наверху, — она указала на ряд пустых постелей у стены комнаты. — Туда, — сказала она по слогам. — Марш в постель!

Латы прошаркали к койкам и стали тупо глядеть на них.

Няня вздохнула, подняла ближайшего инопланетянина, сняла с него одежду и запихала его в постель, натянув одеяло поверх дрожащего тельца.

Остальные трясущимися руками сами стали срывать одежду и забираться в постели.

— Уже лучше, — сказала Няня. — Со временем научитесь, — она перевела взгляд на Джерека. — Джерри, я думаю, тебе лучше пойти в мою комнату. Мне необходимо поговорить с тобой.

Джерек робко последовал за ней по коридору в комнату, оклеенную цветными обоями с приятными пейзажами и небольшими орнаментами. Всюду было обилие ситца и кисеи. Комната чем-то напомнила Джереку дом, который он с такой любовью создавал для миссис Амелии Ундервуд.

Няня проехала в один из углов комнаты.

— Чашечку чая, Джерри?

— Нет, благодарю вас, Няня.

— Тебя не удивляет, зачем я пригласила тебя

сюда, когда всем детям давно пора спать?

— Немного удивляет.

— Тогда слушай, — объявила она. — Мои творческо-думающие цепи начинают снова включаться. Я думаю. Я настолько привыкла к своему образу жизни, так случается со старыми роботами, особенно когда они вовлечены во временные петли. Ты понимаешь меня?

— Конечно, Няня.

— Ты старше, чем другие дети, поэтому ничего страшного не случится, если я поговорю с тобой. И даже… — Няня произвела смущенный громыхающий звук где-то внутри своей стальной груди, — … даже спрошу твоего совета. Ты считаешь, что я вроде как заржавела?

— Ну что вы, Няня! — ответил ей мягко Джерек. — У нас в течение тысячелетий возникают привычки, которые мы сами перестаем замечать.

— Я много думала над тем, что ты сказал мне на прошлой неделе. И поняла, что ты был на поверхности.

— М-м…

— Давай, парень, выкладывай правду. Я не накажу тебя.

— Да, я был там, Няня.

— И Пекинский Па мертв?

— И забыт, — Джерек поежился в слишком тесной пижаме. — Прошло несколько тысяч лет со времени Тиранов-Продюсеров. В эти дни все гораздо спокойнее.

— А эти пришельцы — они из наружной временной фазы?

— Да, они из космоса.

— Значит, нужно быть осторожней, чтобы избежать парадоксов.

— Да, судя по тому, что мне рассказывали о природе Времени.

— Тебя правильно информировали, и я должна теперь думать очень осторожно, чтобы не подвергнуть детей опасности. На мне лежит забота о них. Запомни, дети — все, что у меня есть. Они — Будущее.

— Не только, Няня, они еще и Прошлое, — возразил Джерек.

Няня строго посмотрела на него.

— Простите, Няня, — сказал он. — Я хотел пошутить.

— Мой долг — доставить их в такой век, где они будут в безопасности, — продолжала Няня. — И, кажется, этот момент наступил.

— Им пойдет на пользу жизнь в моем обще-

стве, — убеждал ее Джерек. — Я и еще один — единственные люди, которые были детьми. Мой народ любит детей, и я — доказательство этого.

— Ваши люди порядочные, Джерри?

— Думаю, вполне, хотя мне не совсем понятен смысл этого слова — ты используешь архаичные для меня слова я думаю, что «порядочные» — правильное описание.

— В вашем обществе нет насилия?

— Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь, Няня?

— Ты не знаешь, что такое «насилие»?

— Понятия не имею.

— Ладно, пока достаточно, — сказала Няня, — я должна быть благодарна тебе, Джерри Шутник. Несмотря на то, что ты всегда строишь из себя дурачка, внутри ты сделан из приличного материала. Ты пробудил во мне с новой силой чувство ответственности, — Няня жеманно улыбнулась (насколько робот может быть жеманным). — Я была Спящей Красавицей и вот пришел ты — мой Очарованный Принц. Теперь мы должны побеспокоиться о развитии детей. Что там за условия сейчас? Найдут ли дети хорошие дома?

— Любые дома, какие пожелают, — с гордостью

ответил Джерек.

— А климат? Он хороший?

— Такой, какой хочет каждый.

— Образовательные средства?

— Видите ли, — замялся Джерек, — можно сказать, что мы верим в самообразование. Но средства есть превосходные. К их услугам богатейшие библиотеки городов.

— Те, другие дети. Они, кажется, знают тебя. Они из твоего времени? — Няня умнела на глазах.

— Это «инопланетяне» из другой части галактики, — объяснил Джерек, — они преследуют меня и моих друзей.

Он рассказал о лесном происшествии.

— Ладно, их можно прогнать, конечно, — сказала Няня, мрачно выслушав его рассказ. — Желательно в такой период времени, где они не смогут наделать много вреда. А тут нормальное время должно прийти на смену замкнутому циклу. — Няня погрузилась в задумчивое молчание.

Джерек начал испытывать надежду.

— Няня, — спросил он, — простите, что прервал вас, но я правильно понял, что у вас есть возможность посылать людей назад и вперед во Времени?

— Назад очень трудно, они не хотят там оста-

ваться, судя по-моему опыту. Вперед намного легче. Замыкание Времени, — металлический смешок прозвучал из ее горла, — детская игра, не больше.

— Вы можете отослать меня назад, скажем, в 19 столетие?

— Могу. Но у тебя нет шансов оставаться там долго.

— Я знаю теории. В наш век это называется эффектом Морфейла. Но вы можете отослать меня назад.

— Конечно, могу. Я специально запрограммирована для манипуляций со Временем и знаю об этом больше, чем любое другой существо.

— Вам понадобится машина времени?

— Не обязательно. Мы отказались как от таких устройств, так и от путешествий во времени, потому что они непредсказуемы и опасны. Мы построили этот Приют только для того, чтобы защитить детей.

— Вы отправите меня назад, Няня?

Няня, казалось, колебалась.

— Это очень опасно, Джерек, но я должна тебя отблагодарить за то, что ты напомнил мне о долге перед детьми. Но это очень опасное путешествие…

— Я знаю, Няня. Мне очень нужно попасть туда.

— Верю, юный Джерри Шутник. Ты всегда был шалунишкой, хотя я никогда не наказывала тебя за проделки, смеясь над ними вместе с тобой в этой маленькой комнате…

— Няня! Ты опять заговариваешься, — предупредил ее Джерек.

— А? Подкинь еще угля в камин, мой мальчик.

Джерек оглянулся, но не увидел никакого камина.

— Няня?

— Да, — продолжала Няня. — Послать тебя в 19 век? В далекое прошлое. Далеко, далеко, далеко назад. Прежде, чем я была рождена, прежде, чем ты был рожден. В те дни там были океаны света города в небе, где летали бронзовые птицы. На лугах паслись стада красных зверей, каждый из которых был величиной с замок и громко

ревел.[33] Там были…

— В 1896 год, если точнее. Няня. Вы сделаете это для меня? Это было бы замечательно.

— Магия, — вошла в раж Няня, — фантомы, нестабильная природа, невозможные события, безумные парадоксы, осуществленные мечты, неудавшиеся мечты, кошмары, оказывающиеся реальностью. Это было богатое время, темное время…

— 1896 год, Няня.

— Ах, иногда, в романтические моменты, я хотела бы быть какой-нибудь купеческой правительницей, великой леди Гонконга, торговой столицы мира, где собирались бы поэты, ученые и искатели приключений. Сотни кораблей бросают якоря в гавани. Корабли с Земли с грузом медвежьих шкур и экзотического мыла; корабли с Юга с экипажами темнокожих андроидов, привезших велосипеды и мешки муки; корабли с Востока…

---

[33] notes: 33

«… в те дни там были океаны света, города в небе, где летали бронзовые птицы. На лугах паслись стада красных зверей, каждый из которых был величиной с замок и громко ревел…»

Это автоцитата из пролога цикла романов Муркока «Повелитель мечей» (1971–1972). На русском языке эти романы выходили в издательстве «Северо-Запад» (С.-Пб.) в 1992 году. Автор, желая показать, что Няня перепутала все эпохи и времена, дает эту цитату, из повествования о самой заре зарождения человечества, хотя Джерек спрашивает о 1896-м годе.

— Очевидно, мы разделяем интерес к одному и тому же столетию, — сказал в отчаянии Джерек. — Не откажите мне в шансе отправиться туда, дорогая Няня.

— Как я могу? — ее голос стал почти неслышным, очень мягким от охватившей ее ностальгии. В этот момент Джерек почувствовал глубокую симпатию к старой машине. Редко кому удавалось стать свидетелем мечтаний робота. — Разве я могу отказать моему Джереку Шутнику? Он опять вернул меня к жизни.

— О, Няня, — Джерек чуть не заплакал от радости. Он подбежал к ней и обнял жесткое тело. — С твоей помощью я тоже начну жить снова!

Глава десятая
Снова на дороге в Бромли

— Произвести временной прыжок относительно легко, — сказала Няня, изучая ряд приборов в своей лаборатории, когда туда примчался Джерек (он возвращался на ранчо, чтобы взять Пилюли, изучить записи и сделать себе комплект одежды, которая не покажется странной гражданам 1896 года). — Вот это я нашла под подушкой, когда прибирала твою постель.

Старый робот показал на пистолет-имитатор на одной из полок. Бормоча слова благодарности, Джерек взял пистолет и сунул в карман своего черного плаща.

— Проблема заключается, — продолжала Няня, — в правильном фиксировании пространственных координат. Город, именуемый Лондоном, (я никогда не слышала о нем, пока ты не упомянул), находится на острове Англия. Мне пришлось консультироваться с некоторыми очень древними банками данных, смею тебе доложить, но это все уже позади.

— И можно отправляться?

— Ты всегда был нетерпелив, Джерри, — добродушно засмеялась Няня. Она все еще верила, что воспитывала Джерека с пеленок. — Если ты готов и помнишь об опасности, можно попробовать.

— Да, Няня.

— Во что ты обрядился, мой мальчик? Это похоже на костюм Дэвида Копперфильда[34] из классической трагедии Пекинского Па. Я и тогда считала ее надуманной. Но Пекинский Па всегда больше стремился к эмоциональной

---

[34] notes: 34

«... это больше похоже на костюм Дэвида Копперфилда...»

«Дэвид Копперфилд» — герой одноименного романа английского писателя Чарльза Диккенса.

достоверности, чем к исторической точности периода, как мне говорили. По крайней мере, он сам так говорил. Мне приходилось встречаться с ним несколько лет назад, когда еще был жив его отец. Ты бы ни за что не догадался, что они родственники. Отец был таким джентльменом. Он ставил чудесные спектакли, в которых принимало участие все общество. Ты очень молод, и не представляешь, какое это было счастье иметь даже маленькую роль в «Юном Адольфе Гитлере», или в «Любви капитана Марвелла». Когда к власти пришел Пекинский Па VIII, весь романтизм исчез. Стал совершенствоваться реализм. И каждый раз кто-нибудь страдал во время расцвета Реализма.

В глубине души Джерек был благодарен Пекинскому Па VIII за его излишества во времена Реализма. Без них Няня не оказалась бы здесь сейчас.

— История, конечно, та же самая, — говорила Няня, возясь с управлением и превращая экран в жидкое золото, — только больше крови. Вот так, годится. Я надеюсь, Лондон находится только в одном месте на этом твоем острове. Он очень мал, Джерри, — она повернула свою большую металлическую голову, чтобы посмотреть на

него. — Я бы назвала его кусочком страны с низким бюджетом.

Джерек, как обычно, не вполне понимал, о чем она говорит, но улыбнулся и кивнул головой.

— Все-таки, неразвитая промышленность довольно часто производит интересные фильмы, — сказала Няня с оттенком снисходительности. — Прыгай в ящик, Джерри, вот так, хорошо, мальчик. Мне жалко видеть, как ты уходишь, но, думаю, что привыкну к этому. Интересно, сколько детей вспомнит свою старую Няню через несколько лет? Все же, такова жизнь. Молодые актеры со временем становятся звездами.

Джерек осторожно вошел в цилиндрическую камеру посреди лаборатории.

— До свидания, Джерри, — донесся голос снаружи, прежде чем гудение стало слишком громким. — Постарайся помнить все, чему я тебя учила. Будь вежлив. Жди своей реплики. Держись подальше от логова режиссеров. Камера! Пуск!

И цилиндр, казалось, начал вращаться (хотя, может быть, вращался Джерек). Он зажал уши руками, чтобы заглушить шум. Это был трудный путь. Джерек стонал и терял сознание, двигаясь через пространство, состоящее из мягких мелькающих цветных лоскутов, населенное

бестелесными людьми, добрыми, со сладкими голосами. Он падал через ткань времени, вниз, к самому началу долгой истории человечества.

Он чувствовал боль, как чувствовал ее прежде, но он не возражал против боли. Он испытывал депрессию, какой никогда не испытывал прежде, но это не беспокоило его. Даже радость, которая пришла к нему, была радостью, к которой он остался равнодушным. Ветер Времени нес его навстречу утерянной любви, для того, чтобы навсегда соединить с прекрасной миссис Амелией. И достигнув 1896 года, он не позволит отвлечь себя от великой цели — городка Бромли — как он уже был отвлечен однажды бездельником Вайном. Джерек услышал свой собственный голос, зовущий в экстазе:

— Миссис Ундервуд! Миссис Ундервуд! Я иду! Иду! Иду!

Наконец падение прекратилось, и он открыл глаза, ожидая обнаружить себя все еще в цилиндре, однако увидел, что лежит на мягкой траве под большим теплым солнцем. Неподалеку виднелись деревья и блестела вода. Мимо проходили люди, одетые в костюмы конца 19 столетия. Рядом прогромыхал извозчик. Один из обитателей этого мира стал медленно целенаправленно идти к

нему и Джерек узнал костюм мужчины. Он видел много таких во время своего пребывания в 1896 году. Джерек быстро сунул руку в карман, достал Переводильную Пилюлю, спешно проглотил ее, а затем медленно поднялся с земли.

— Извините, сэр, — начал мужчина грозно, — вы что, не умеете читать?

— Само собой, умею, — услужливо ответил Джерек, но мужчина перебил его.

— Тогда взгляните вон на ту надпись, не более чем в четырех ярдах от вас, из которой ясно следует, что не стоит ступать ногами на этот участок газона, сэр. Следовательно, если вы соизволите вернуться на пешеходную дорожку, я с радостью сообщу вам, что вы вернулись на путь истинный и больше не нарушаете ни одно из постановлений властей Кенсингтона. Более того, я должен указать, сэр, что если я еще раз поймаю вас за подобным занятием в этом парке, я буду вынужден записать ваше имя и адрес и послать вам повестку явиться в суд в установленное время.

Мужчина рассмеялся.

— Простите, сэр, — продолжал он более естественным тоном, — но вы действительно должны сойти с травы.

— Ага, — сказал Джерек, — я понял, Благодарю

вас, э… офицер, не так ли? Я не хотел нарушать закон.

— Я уверен, в этом, сэр. Вы — француз, судя по вашему акценту, а значит, не понимаете наших обычаев, у вас ведь там посвободней и попроще.

Джерек быстро сошел на дорожку и направился к большим мраморным воротам, которые заметил вдали. Полицейский увязался с ним, непринужденно болтая о Франции и других государствах, о которых он читал. В конце концов, он распрощался и зашагал по другой дорожке, оставив Джерека, жалевшего о том, что он не догадался спросить, как попасть в Бромли.

Джерек радовался, что не привлекал к себе сколь-нибудь значительное внимание, как во время первого паломничества в эпоху Рассвета. Люди все же поглядывали на него время от времени и он чувствовал себя немного стесненно, но мог идти по улице и радоваться окружающему без всяких помех. Конные экипажи, двухколесные кэбы, телеги молочников, фургоны торговцев — все, что ехало мимо, наполняло воздух скрипом осей, цоканьем лошадиных копыт, дребезгом колес. Солнце было ярким и теплым, запахи улицы заметно отличались от тех, которыми Джерек пресытился во время предыдущего визита. Он

догадался, что сейчас, должно быть, лето. Даже остановился, чтобы вдохнуть аромат роз, которые росли вдоль ограды парка. Розы были прекрасны в своем благоухании, и Джерек впервые оценил прелесть сотворенного Природой. Он потрогал листья кипариса — и тоже обнаружил, что в его собственной работе не хватает определенной тонкости в деталях, которые было трудно описать. Он с удивлением отметил, что восхищается даже больше, чем прежде, красотами 1896 года. Джерек остановился посмотреть на двухэтажный омнибус, который тащили огромные мускулистые кони. На открытой верхней площадке качались соломенные шляпки с ленточками, вертелись солнечные зонтики, блестели яркие спортивные куртки, в то время, как внизу, за пыльными окнами и путаницей объявлений, сидели более серьезные путешественники, глаза которых были прикованы к газетам и дешевым журналам. Пару раз мимо пронесся моторный экипаж, и выхлопной дым смешался с уличной пылью. Водители были одеты в длинные пальто и белые шарфы, несмотря на жару, на что Джерек отреагировал с насмешливым удивлением.

Он снял свой цилиндр, удивляясь, откуда столько влаги на лице, и вдруг, к своему восхищению

понял, что вспотел. Джерек наблюдал этот феномен и раньше на обитателях этого периода, но никогда и не мечтал испытать его лично. Глядя на лица людей, снующих мимо, Джерек заметил, что многие из них тоже потеют, независимо от степени увядания или расцвета. Это усилило его чувство тождества с ними, Джерек улыбался им, как бы говоря: «Смотрите, я такой же, как вы», — но чопорным гражданам Англии сложно было разделять радость незнакомца, поэтому чаще всего они недоуменно хмурились, а две леди даже покрылись пунцовым румянцем.

Джерек продолжал свой путь, пока не заметил, что с левой стороны парк кончился, зато новый парк появился с правой. Мальчишки с пачками газет и плакатов шустро забегали с криками вокруг, мужчины с длинными шестами стали тыкать в фонари, которые стояли на тонких высоких подпорках, через регулярные интервалы вдоль боковых пешеходных дорожек, и воздух стал немного холоднее, а небо потемнело.

Приближалась ночь, и Джерек, очарованный атмосферой 19 века, побоялся сбиться с намеченного пути и решил, что пора отправляться в Бромли. Он вспомнил, как Вайн-Нюхальщик рассказывал ему, что необходимо сесть на поезд,

в месте, называемом «Виктория», или, возможно, «Ватерлоо».

Джерек подошел к прохожему, солидному джентльмену, одетому почти, как он сам, который покупал газеты у маленького мальчика.

— Простите, сэр, — сказал Джерек, приподняв свою шляпу. — Не будете ли вы любезны помочь мне?

— Конечно, сэр, если я смогу, — сердечно ответил полный мужчина, пряча деньги в карман жилета.

— Я пытаюсь добраться до города Бромли, который находится в Кенте, и хочу спросить, какая железнодорожная станция мне нужна?

— Ну, — сказал солидный джентльмен, нахмурившись. — Это будет или «Виктория» или «Ватерло», как я думаю. Или, возможно, «Лондонский мост». Возможно, все три. Я предложил бы вам купить железнодорожный справочник, сэр. Я вижу по вашей внешности, что вы незнакомец на наших берегах — и капиталовложение, вложенное в железнодорожный справочник, окупится прекрасными дивидендами, в конечном счете, если вы намерены путешествовать по этому прекрасному острову. Всего хорошего, сэр, — и солидный джентльмен помчался прочь

с криком. — Кэб!

Джерек вздохнул и продолжил путь пешком по деловой улице, которая, казалось, становилась все более населенной с каждым последующим моментом. Ему хотелось овладеть логикой чтения, и он жалел, что не сделал этого, когда была возможность.

Миссис Амелия Ундервуд пыталась научить его, но, к его недоумению, никогда не объясняла принцип. Если полностью понять логику, Переводная Пилюля сделает за него остальное, произведя особенный перегруппировочный эффект в клетках мозга.

Он пытался остановить нескольких прохожих, но все оказались слишком занятыми, чтобы поговорить с ним, и, в конце концов, он достиг перекрестка, забитого транспортом всевозможных видов. Джерек снова остановился в нерешительности, глядя поверх двухколесных и четырехколесных экипажей на статую обнаженного лучника с крылышками на ногах. Без сомнения, какой-то герой-авиатор, принимавший участие в спасении Лондона во время одной из периодических войн с другими островными городами-государствами. Оглушительный шум перекрестка и спустившаяся на город темнота

усилили смятение Джерека. Некоторые строения показались ему знакомыми по последнему путешествию в Прошлое, но он не был уверен в этом. Они походили друг на друга, словно близнецы. Через улицу он заметил малиновое с золотым фронтоном здание, которое казалось по каким-то причинам более похожим на то, какими, он воображал первоначально, должны быть дома 19 столетия. В нем были большие окна с кружевными шторами, из-за которых лился теплый свет газовых светильников. Другие шторы, из красного бархата на шнурах из тканого золота, были раздвинуты, и изнутри доносились вкусные запахи. Джерек решил больше не приставать с расспросами к прохожим, а попросить помощи в одном из домов. Он боязливо нырнул в поток уличного транспорта, и, увернувшись сперва от омнибуса, затем от повозки был осыпан бранью и проклятьями, пока, наконец, не прибыл, тяжело дыша, на другую сторону.

Стряхивая с себя дорожную пыль около красно-золотого здания, Джерек понял, что не знает, с чего начать расспросы. Он увидел, как много людей прошло через двери за то время, пока он наблюдал, и сделал вывод, что там происходит какого-то рода вечеринка. Джерек подошел к

одному из окон и всмотрелся, как мог, сквозь кружевные шторы. Мужчины в черных костюмах, очень похожих на его собственный, но с большими белыми передниками вокруг пояса, торопливо расхаживали с подносами, полными яств, в то время, как за столами, большими и маленькими, сидели группы мужчин и женщин, которые ели, пили и разговаривали. Да, это была вечеринка. Здесь, конечно, должен найтись человек, который не откажется помочь ему.

Джерек заметил, что за столом и дальнем углу сидела компания мужчин, одетых несколько иначе, нежели большинство. Они смеялись, наливали пенящееся вино из больших зеленых бутылок и оживленно болтали. С неожиданным шоком Джерек увидел, что один из мужчин одетый в светло-желтый бархатный пиджак с малиновым галстуком, закрывающим почти всю грудь, имеет пугающее сходство с его старым другом, Лордом Джеггедом Канари. Он, казалось, находился в приятельских отношениях с остальными мужчинами. Сперва Джерек решил, что это может быть Лорд Джеггед, судья, и что он различает черточки на красивом, спокойном лице, которых нет на лице Джеггеда, но понимал, что обманывает себя. Очевидно, совпадение могло

быть причиной сходства и в имени, и в чертах лица, но сейчас, когда ему представился случай узнать правду, Джерек отошел от окна и открыл дверь здания.

К нему подошел невысокий смуглый человек.

— Добрый вечер, сэр. У вас имеется стол?

— С собой нет, — ответил Джерек с некоторым удивлением.

Улыбка маленького мужчины не была широкой, и Джерек знал достаточно, чтобы понять, что была не особо дружелюбной. Он поспешно добавил:

— Мои друзья вон там!

— А, — объяснение оказалось исчерпывающим. Маленький мужчина успокоился. — Вашу шляпу и пальто, сэр.

Джерек понял, что от него требуется отдать эти предметы одежды мужчине, в качестве некоторой формы залога. Он с готовностью расстался с ними, и как можно быстрее прошел к столу, где видел Джеггеда.

Но каким-то образом Джеггед снова умудрился исчезнуть.

Мужчина с крупным добродушным лицом, украшенным черными усами, вопросительно взглянул на Джерека.

— Как поживаете? — спросил он сердечно. — Вы, должно быть, мистер Фроненталь из Парижа? Я — Гаррис, а это — мистер Уэллс,[35] о котором вы писали мне, — он указал на узколицего мужчину с маленькими усиками и очень блестящими бледно-голубыми глазами. — Уэллс, это агент, про которого упоминал Линкер. Он хочет иметь дело с вашими произведениями там, у себя.

— Боюсь, я… — начал Джерек.

— Садитесь, дорогой приятель, и выпейте вина, — мистер Гаррис встал и, тепло пожав руку Джерека, усадил его в кресло.

— Как поживают все мои друзья в Париже? Золя? Я очень расстроился, услышав о бедном Гонкуре. А как Доде?[36] С мадам Ретези все хорошо, надеюсь, — он подмигнул. — И не забудьте,

---

[35] notes: 35

«…а это — мистер Уэллс…»

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) — английский писатель, один из основателей европейской научной фантастики. У Муркока герои постоянно намекают на его роман «Машина времени», поэтому в тексте Уэллс представлен как ее автор. Джерек не понимает игры слов и действительно думает, что Уэллс изобрел машину времени.

[36] notes: 36

«…как поживают все мои друзья в Париже? Золя? Я очень расстроился, услышав о бедном Гонкуре. А как Доде…»

Золя Эмиль (1840–1902) — французский писатель. Известен своими социальными романами «Чрево Парижа» (1873), «Жерминаль» (1885). Для творчества Золя характерен излишний натурализм. Гонкур Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) — французские писатели, братья. В их романах «Жермини Ласерте» (1865) и «Рене Монпрен» (1864) сочетаются

принципы реализма и натурализма. Эдмон Гонкур умер в 1896 году, когда и разворачивается действие романа. Отсюда и фраза «…бедный Гонкур…». Доде Альфонс (1840–1897) — французский писатель. Отечественному читателю известен по своей Юмористической трилогии «Тартарен из Тараскона» (1872–1890)

когда вернетесь, засвидетельствовать почтение моей старинной знакомой, графине де Лойоме…

— Тот джентльмен, — сказал Джерек, — который сидел напротив вас. Вы знаете его, мистер Гаррис?

— Он публикуется в «Обозрении» время от времени, как и все мы. Его имя Джексон. Делает для нас небольшие обзоры по искусству.

— Джексон?

— Вы читали его статьи? Если хотите встретиться с ним, буду рад представить вас. Однако, признайтесь, что ваш визит в кафе «Роял» связан с Гербертом Уэллсом. Он довольно крупная дичь в эти дни, а, мистер Уэллс? — Гаррис громко рассмеялся, похлопав польщенного мистера Уэллса по плечу. Тот слабо улыбнулся в ответ, ожидая продолжения разговора. — Жаль, но сегодня здесь немного литераторов из нашего журнала, — сплетничал Гаррис. — Киплинг обещал появиться,[37] но не кажет носа, старый пес. И Ричардс пропадает неделями. Ждали Питт Риди, да, видно, напрасно. Все, что мы можем предложить

---

[37] notes: 37

«…Киплинг обещал появиться…»

Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936) — английский писатель. Отечественному читателю известен по ряду стихотворений, циклу «Книга Джунглей» (куда относится знаменитая повесть «Маугли») и сказкам (напр. «Рики-Тики-Тави»).

— это Грегори, один из наших редакторов. — Долговязый молодой мужчина ухмыльнулся, налил себе нетвердой рукой еще один бокал шампанского. — А это — наш театральный критик Шоу.[38] — Мужчина с рыжей бородой и язвительным выражением лица, одетый в костюм из твида, который казался слишком тяжелым для погоды, ответил на представление мрачным кивком с дальнего конца стола, где он сидел, проглядывая пачку печатных листов и иногда делая на них пометки ручкой.

— Рад познакомиться, джентльмены, — с отчаянием ответил Джерек Карнелиан. — Но ваш приятель… мистер Джексон… как мне необходимо поговорить с ним.

— Вы слышите, Уэллс? — воскликнул мистер Гаррис. Он совсем не интересуется вашими фантастическими полетами. Он хочет Джексона. Джексон… — мистер Гаррис недоумевающе огляделся вокруг. — Куда исчез Джексон? Я уверен, он будет в восторге, узнав, что его читают в Париже.

---

[38] notes: 38

«…а это наш театральный критик Шоу…»

Шоу Джордж Бернард (1856–1950) — английский писатель, лауреат Нобелевской премии (1925). Широко известны его пьесы «Пигмалион» (1913), «Тележка с яблоками» (1929), «Цезарь и Клеопатра» (1901). Начинал как театральный критик.

Придется поднять его гонорар до гинеи[39] за статью, если к нему придет популярность.

Мистер Уэллс нахмурился, в упор глядя на Джерека. Когда он заговорил, голос его оказался удивительно высоким. — У вас болезненный вид, мистер Фроненталь. Недавно приехали?

— Только что, — ответил Джерек. — Я не Фроненталь, меня зовут Карнелиан.

— Где же, наконец, Джексон? — сердился мистер Гаррис.

— Мы все немного подшофе, — объяснил мистер Уэллс Джереку, — Последний тираж распродан, и Френк любит ходить сюда праздновать это событие, — он повернулся к Гаррису. — Джексон мог вернуться в оффис.

— Да, я не подумал об этом, — сразу успокоился мистер Гаррис.

— Угомонись, Гаррис! Неужели нельзя потише! — сделал замечание рыжебородый мужчина за дальним концом стола. — *Я* обещал вернуть эти гранки сегодня. И где наш обед, между прочим?

Мистер Уэллс наклонился вперед и коснулся руки мистера Гарриса.

---

[39] notes: 39

«...придется поднять его гонорар до гинеи...»

Гинея — золотая английская монета, равнялась 21 шиллингу. Впоследствии заменена золотым совереном.

— Вы уверены, что этот Фроненталь появится сегодня, Гаррис? Мне пора идти по своим делам.

— Появится? Разве он еще не появился?

— Это какой-то мистер Карнелиан, — сухо отрезал Герберт Уэллс.

— Правда? Уверяю вас, Фроненталь надежный человек, он обязательно придет.

— Я думал, вы с ним знакомы лично.

— Я много слышал о нем, — ответил, не смущаясь, мистер Гаррис. — Он как раз тот человек, который поможет вам, мистер Уэллс.

Мистер Уэллс поглядел на него скептически.

— Мне пора идти. Разрешите откланяться.

— Как? Вы не останетесь на ужин? — мистер Гаррис был разочарован, — есть парочка идеек, которые я хотел обсудить с вами.

— Я загляну в оффис на неделе, если не возражаете, — ответил мистер Уэллс, поднимаясь. Он вынул часы из кармана жилета. — Если поймаю кэб, то поспею в Чаринг-Кросс вовремя к девятичасововму поезду.

— Вы собираетесь назад в Уэлинг?

— В Бромли, — уточнил мистер Уэллс. — Я обещал родителям уладить кое-какие дела.

— В Бромли? — вскочил с кресла Джерек. — В Бромли, мистер Уэллс?

Мистер Уэллс удивился.

— Ну, да. Вы бывали там?

— Вы отправляетесь сейчас?

— Да.

— Я пытаюсь попасть в Бромли… ну, очень давно. Не возьмете меня в попутчики?

— Пожалуй, — мистер Уэллс засмеялся. — Я никогда не слышал о ком-нибудь, кто так хотел бы посетить Бромли. Большинство людей скорее хотели бы убраться из него. Мы должны поторопиться, мистер Карнелиан, время не терпит.

Глава одиннадцатая
Беседы о машинах времени и на другие темы

Хотя настроение мистера Уэллса, казалось, значительно улучшилось после того, как он покинул кафе «Роял», они ни словом не обмолвились в кэбе. Джерек пришел в замешательство, когда у кассы с него потребовали плату за проезд, но Уэллс великодушно заплатил за обоих, предположив, что у мистера Карнелиана нет английских денег. И сейчас они сидели в купе прокуренного вагона второго класса, ожидая, когда поезд тронется.

Джерек с любопытством изучал меблировку вагона, которая оказалась совсем не такой, как он представлял. На обивке виднелись пятна, трещины, потеки, и Джерек решил тщательно воспроизвести их при первом же удобном случае.

— Спасибо вам, мистер Уэллс. Я уже потерял надежду, что когда-нибудь найду Бромли.

— У вас там друзья?

— Да, один друг. Леди. Возможно, вы знаете ее.

— Я еще помню кое-кого в Бромли.

— Миссис Амелия Ундервуд.

Мистер Уэллс нахмурился, покачал головой и стал набивать табаком свою трубку.

— Нет, боюсь, нет. Где она живет?

— Коллинз-авеню, 23.

— О, да. Одна из новых улиц. Бромли здорово вырос с тех пор, как я был молодым.

— Вы знаете, как найти эту улицу?

— Конечно. Не беспокойтесь, я покажу вам дорогу, — мистер Уэллс прислонился к спинке сидения, глаза его весело блеснули. — Как это похоже на старину Гарриса: спутать вас с кем-то другим, кого он в глаза не видывал. Почему-то он любит хвастать, что знаком со всеми; люди обижаются и не хотят иметь с ним никаких

дел, — голос мистера Уэллса был звонким и оживленным. — Я все-таки слегка благоговею перед ним. Он разорил полдюжины газет, но все же публикует лучший материал в Лондоне.

И даст шанс, за что я ему очень благодарен. Вы пишете для французских газет, мистер Карнелиан?

— Гм, нет… — ответил Джерек, не желая повторять свой предыдущий эксперимент, когда он рассказал абсолютную правду, и ему не поверили. — Я немного путешествую.

— По Англии?

— О, да.

— И где вы уже побывали?

— Только в 19 столетии — сказал Джерек.

Сначала Мистеру Уэллсу показалось, что он не расслышал ответ Джерека, но потом лицо его озарила добродушная улыбка.

— Вы читали мою книгу, — воскликнул он с энтузиазмом. — Вы путешествуете во времени, не так ли, сэр?

— Да, — сказал Джерек, обрадовавшись, что его хоть раз приняли всерьез.

— И у вас есть машина времени? — в глазах мистера Уэллса появился лукавый блеск.

— Пока нет, — ответил Джерек. — Но испы-

тываю в ней острую необходимость, не могу вернуться тем способом, с помощью которого оказался здесь. Я не из прошлого, видите ли, а из будущего.

— Вижу, — помрачнел мистер Уэллс.

Поезд тронулся. Джерек посмотрел на одинаковые, закопченные дымом крыши, освещенные газовыми лампами.

— Все дома кажутся очень похожими и перенаселенными, — сказал он. — Они отличаются от тех, что я видел раньше.

— Около кафе «Роял»? Вы не знаете, что такое трущобы, потому что их, наверное, нет в вашем времени?

— Трущобы? — переспросил Джерек. — Нет, — ему нравилось покачиваться в такт движению поезда. — Интересные ощущения.

— Не похоже на ваши монорельсовые дороги? — полюбопытствовал мистер Уэллс.

— Абсолютно, — весело ответил Джерек. — Вы знакомы с тем джентльменом, который исчез при моем появлении?

— С Джексоном? Мы встречались несколько раз и даже разговаривали на общие темы. Насколько я знаю, он появляется в редакции крайне редко, когда Гаррис на этом настаивает. Он делает

это время от времени, чтобы удостовериться в реальности своих сотрудников, — мистер Уэллс улыбнулся в предвидении своего замечания, — или, в своей собственной.

— А где он живет в Лондоне?

— Я не знаю. Вы можете спросить у Гарриса.

— Вряд ли у меня будет такая возможность. Лишь только я встречусь с миссис Ундервуд, мы займемся поисками машины времени. Вы не знаете, где ее можно найти?

Ответ мистера Уэллса был загадочным:

— Вот здесь, — сказал он, постучав себя полбу курительной трубкой. — Там, где я нашел мою.

— Вы построили машину?

— Можно сказать и так.

— Значит, их не так много в Эпохе Рассвета?

— Их очень мало. Некоторые злопыхатели считают, что мое изобретение — плод больного воображения, настолько оно, по их мнению, оторвано от реальности.

— Значит, машины времени появились совсем недавно?

— Да, но их внедрение вызывает грандиозный успех. Никто не ожидал столь ошеломляющих результатов.

— Вы не могли бы построить для меня машину

времени, мистер Уэллс?

— Я больше теоретик, чем ученый-практик, — объяснил ему фантаст. — Но если вам удастся построить ее, дайте мне знать.

— Та машина, на которой я путешествовал, была изобретена за два тысячелетия до вашей эпохи. К сожалению, она сломалась. Так что вы заново открываете странствия во времени, словно пионер.

— Великолепно сказано, мистер Карнелиан! Если вы разовьете эту идею для парижских читателей, мистеру Верну придется потесниться на своем литературном пьедестале. С вашей необузданной фантазией можно писать прекрасные истории.

Джерек не совсем понял его.

— Я не умею писать, — поделился он, — и читать.

— Ни один настоящий Элой не способен читать или писать, — мистер Уэллс пыхнул своей трубкой, всматриваясь в окно.

Поезд мчался мимо более просторных домов на более широких улицах, будто некая сила в центре города была способна сжимать здания, как глина сжимается центробежной силой, когда вращается на гончарном кругу. Джерек напрягался в

поисках объяснения, но в конце концов, оставил эту проблему. Нельзя же освоить эстетику Эпохи Рассвета за один вечер!

— Вы могли бы стать прекрасным переводчиком моих книг, мистер Карнелиан. Скажу больше, вы могли бы сделать их лучше!

Джерек согласно кивнул головой, хотя опять не уловил смысла в похвалах писателя.

— Иногда не стоит заходить слишком далеко, — стал кокетничать мистер Уэллс. — Люди часто спрашивают, откуда я черпаю столь неправдоподобные замыслы, думая, что я намеренно гонюсь за сенсацией. Они не понимают, что для меня это самые обыкновенные, самые рядовые идеи.

— Для меня тоже, — с готовностью согласился Джерек.

— Вот как? — охладел к нему писатель.

* * *

— Мы прибыли, мистер Карнелиан. Это и есть ваш сказочный Бромли. Кажется, мы единственные приезжие в это время, — мистер Уэллс отворил дверь вагона и вышел на платформу.

Станция была освещена лампами, мерцавшими на слабом ветру. В конце поезда мужчина в форме поднес свисток к губам и пронзительно

свистнул, махая зеленым флажком. Мистер Уэллс закрыл за собой дверь, и поезд начал медленно отходить от станции. Они прошли мимо ящиков, полных цветов, мимо окрашенного в белый цвет забора, и оказались у выхода. Здесь пожилой мужчина взял билеты, которые мистер Уэллс протянул ему. Путники пересекли территорию станции и вышли на улицу, полную двухэтажных домов, залитую светом газовых ламп, под одной из которых играло двое ребятишек. Где-то поблизости процокала лошадка.

— Это Верхняя улица, — информировал его мистер Уэллс, свернув за угол. — Она почти не изменилась с тех пор, как я родился, хотя Бромли разросся и стал пригородом Лондона.

— А, — протянул Джерек.

— Этот Медхерста, — мистер Уэллс показал на темные витрины магазина, — там был Атлас-хауз. Он никогда не пользовался успехом, магазин фарфора моего отца. Там находится старый «Колокол», где тратилась большая часть прибыли. Портные Куперы, кажется, уже не занимаются бизнесом. Рыбный магазин Вудала… — он хихикнул. — Знаете ли, некоторое время Бромли был для меня Раем. Затем стал Адом, а теперь это просто Чистилище.

— Почему вы приехали сюда, мистер Уэллс?

— Уладить дела моего отца. Я остановлюсь в «Розе и Короне» и вернусь в Лондон утром. Писателю иногда полезно окунуться в город детства. Со времени жизни в Бромли я прошел Долгий путь, и, на мой взгляд, счастливый.

— А мне посчастливилось встретить вас, мистер Уэллс, — Джерек был почти в экстазе. — Бромли! — выдохнул он.

— Вы, должно быть, первый турист в этом захолустье, мистер Карнелиан.

— Благодарю вас за комплимент, — неуверенно ответил Джерек.

— До Коллинз-авеню осталось совсем немного. Я провожу вас и поспешу в «Розу и Корону», прежде чем они начнут гадать, что со мной случилось.

Мистер Уэллс проводил его через несколько улочек с чрезвычайно высокими заборами и новенькими добротными домами, пока они не остановились на углу засаженной деревьями и освещенной неоном улицы.

— Мы прибыли на сумрачную, наполовину обособленную землю, — с шутливой торжественностью объявил мистер Уэллс. — Коллинз-авеню, сэр.

Он показал на табличку, которую Джерек не мог прочитать.

— Это номер двадцать три?

— Пока нет. Он на противоположной стороне — прямо около той лампы! Видите?

— Вы так добры, мистер Уэллс. Через несколько мгновений я снова соединюсь с моей потерянной любовью. Я опроверг теорему Морфейла! Я осмелился переплыть опасные бурные моря Времени! Наконец-то я в конце моего трудного пути в Бромли! — Джерек обнял литератора за плечи и нежно поцеловал в лоб. — А это вам, мистер Уэллс, мой дорогой.

Мистер Уэллс с беспокойством отступил назад.

— Рад был… э… помочь вам, мистер Карнелиан. Извините, но я тороплюсь, — он повернулся и быстро зашагал в обратном направлении.

Джерек был слишком счастлив, чтобы заметить резкие перемены в поведении мистера Уэллса. Он стремительно достиг ворот затейливого чугунного литья и перепрыгнул через них, прошел по мощеной дорожке к двери готического вида виллы из красного кирпича, немного похожей на ту, что миссис Ундервуд просила построить для нее в Конце Времени.

Не забыв ее уроков, Джерек нашел звонок и

дернул за него. Ожидая, когда откроют, он снял шляпу и пожалел, что не догадался принести цветы, о которых ему напоминали красивые стеклянные лилии на верхней половине двери.

Внутри дома послышалось движение, и, наконец, дверь открыли, но не миссис Ундервуд. Перед ним стояла хорошенькая девушка в черном платье с белым передником и в белой шапочке. Она посмотрела на Джерека со смесью удивления, любопытства и презрения.

— Что вам угодно??

— Это Коллинз-авеню, 23, Бромли, Кент, Англия, 1896 год?

— Совершенно верно..

— Место жительства прекрасной миссис Амелии Ундервуд?

— Вы не ошиблись — это дом Ундервудов.

— Я хочу видеть миссис Амелию Ундервуд. Она дома?

— Как о вас доложить?

— Карнелиан. Скажите, что Джерек здесь, чтобы забрать ее назад в наше любовное гнездышко.

— Чтоб мне провалиться, — сказало юное создание, — если ты не чокнутый!

— Извините, я не совсем вас понял?

— Лучше убирайся отсюда, пока не поздно! Лю-

бовное гнездышко! Да миссис Ундервуд заявит в полицию за такие разговоры! — она попыталась закрыть дверь, но Джерек уже проник в дом.

— Миссис Ундервуд… уважаемая леди! Убирайся вон!

— Я не могу позволить себе, — мягко возразил Джерек. — Почему вы так переполошились? — ошеломленный таким приемом, он сопротивлялся служанке. — Пожалуйста, скажите, миссис Ундервуд, что я здесь.

— О, Боже! О, Боже! — уговаривала девушка. — Имей хоть немного здравого смысла! Ты добьешься того, что тебя арестуют. Будь паинькой, иди своей дорогой, и я никому ничего не скажу о тебе.

— Я пришел к миссис Ундервуд, — настаивал Джерек, — Я не знаю, почему вы не хотите пустить меня! Мне казалось, я выполнил все ваши обычаи. Но, если я ошибся или забыл какое-нибудь правило, простите великодушно и скажите, что я должен делать. Я не хотел вас обидеть и не испытываю желания быть грубым!

— Грубым! Грубым, о господи! — и, повернув голову, она закричала в прихожую — Мэм! Мэм! Здесь какой-то маньяк, я не могу удержать его!

Дверь открылась. В коридоре стало светлее,

появилась фигура в платье из коричневого бархата.

— Миссис Ундервуд! — обрадовался Джерек — Миссис Амелия Ундервуд! Это я, Джерек, вернулся за вами!

Миссис Ундервуд была такой же прекрасной, но, по мере того, как он смотрел на нее, она становилась все бледнее и бледнее. Прислонившись к стене, она подняла руки к лицу и беззвучно шевелила губами.

— Помогите мне, мэм! — просила служанка, отступив в прихожую. — Я не могу справиться с ним сама. Вы знаете, какими сильными могут быть эти психи!

— Я вернулся, миссис Ундервуд! Я вернулся!

— Вы… — он едва мог расслышать слова. — Вы… были повешены, мистер Карнелиан. За шею, пока не умерли.

— Повешен? В машине времени, вы имеете в виду? Я думал, вы сказали, что отправляетесь со мной. Я ждал. Вы, очевидно, не успели присоединиться ко мне. Поэтому я вернулся.

— Вернулись?!

Он протиснулся мимо дрожащей служанки и вытянул руки, чтобы обнять женщину, которую любил. Она приложила бледную руку к бледному

лбу. В ее глазах было какое-то безумное рассеянное выражение; она, казалось, говорила сама с собой:

— Мои переживания… слишком много… знала… я не полностью оправилась… мозговая лихорадка…

И прежде, чем он смог обнять ее, Амелия рухнула на красный ковер.

Глава двенадцатая
Ужасная дилемма миссис Амелии Ундервуд

— Теперь смотри, чего ты добился! — перешла в наступление маленькая служанка. — Как не стыдно!

— Что с ней происходит?

— Это обморок. Ты испугал ее так же, как испугал меня! Весь этот грязный разговор!

Джерек встал на колени около миссис Амелии Ундервуд, похлопывая ее по безжизненным ладоням.

— Обещай, что не сделаешь ничего гадкого, и я пойду за водой и нюхательной солью, — сказала девушка, с тревогой глядя на него.

— Гадкое? Я?

— Безумец! — в голосе девушки слышалось восхищение. Она покинула прихожую, не особенно опасаясь Джерека, и вернулась очень быстро со стаканом воды и зеленой бутылочкой.

— Отойди, — приказала она, и, встав на колени рядом с Джереком, подсунула под голову миссис Ундервуд руку и поднесла бутылочку к ее носу. Миссис Ундервуд застонала.

— Тебе просто повезло, — сказала служанка, — что мистер Ундервуд сейчас на собрании, но он скоро вернется, и у тебя будут неприятности.

Миссис Ундервуд открыла глаза и, увидев Джерека, снова закрыла их со стоном отчаяния.

— Не бойтесь, — ласково прошептал Джерек. — Я заберу вас, как только вы поправитесь.

Вскоре она смогла заговорить:

— Куда же вы исчезли, если вас не повесили?

— Я был в Конце времени, которое вы так полюбили, там, где мы были счастливы вместе?

— Я счастлива здесь, с моим мужем, мистером Ундервудом.

— Конечно. Но не так, как со мной.

Она сделала глоток воды из стакана, отвела в сторону нюхательную соль и с помощью Джерека и служанки поднялась с пола. Неуверенной походкой она прошла в гостиную, довольно

невзрачное подобие той, которую Джерек создал для нее. Фисгармония не имела столько клавиш, как та, что сделал он, и аспидистра не была такой красивой, да и салфеточки на мебели были какими-то непривлекательными. Зато запах, устоявшийся и разнообразный, был лучше.

Она осторожно присела в одно из больших кресел около камина. Джерек остался стоять. Амелия обратилась к девушке:

— Вы можете идти, Мауди.

— Идти, мэм?

— Да, дорогая. Мистер Карнелиан, хотя и незнаком с нашими обычаями, не опасен. Он недавно приехал в Англию.

— А-а! — протянула Мауди Эмили, успокоенная тем, что ситуация прояснилась. — Ладно, сожалею об ошибке, сэр, — она сделала что-то вроде реверанса и ушла.

— Она добрая девушка, хотя не очень воспитанная, — извинилась миссис Ундервуд. — Вы знаете, как трудно найти… но, конечно, вы не знаете. Она у нас только две недели и разбила почти весь фарфор, но она очень старается. Мы взяли ее из Дома, вы знаете?

— Дома?

— Дом. Дом для девочек. Что-то вроде исправи-

тельного заведения для малолетних преступников. Идея заключается в том, чтобы не наказывать их, а обучать какому-нибудь полезному занятию. Обычно, конечно, они идут на службу.

Слово имело знакомое значение для Джерека.

— Пушечное мясо! — выдал он. — Шиллинге день! — сын Орхидеи почувствовал что-то вроде потери.

— Я забыла, — спохватилась она. — Простите меня. Вы так мало знаете о нашем обществе.

— Напротив, — возразил Джерек. — Я знаю больше, чем прежде. Когда мы вернемся, миссис Ундервуд, вы будете удивлены моими познаниями.

— Я не собираюсь возвращаться в ваш упадочный век, мистер Карнелиан.

В ее голосе появились ледяные нотки, что встревожило настойчивого кавалера.

— Я была счастлива бежать оттуда, — заявила женщина, добавив более мягко. — Хотя никогда не забуду вашего любезного гостеприимства, сэр. Мне уже стало казаться, что все это приснилось.

— Приснилось, что вы полюбили меня?

— Я не говорила, что люблю вас, мистер Карнелиан.

— Вы намекали…

— Нет, просто вы неправильно истолковали…

— Я не умею читать, Амелия. Вам придется научить меня этому.

— Я говорю не о письме. Тогда, в саду, я была не в себе и могла наговорить всякую чепуху. Счастье, что вихрь унес меня прочь прежде, чем вы… Прежде, чем вы могли совершить поступок, о котором потом пришлось бы пожалеть.

Джерек не поверил ее словам.

— Вы любите меня. Я знаю это. В вашем письме…

— Я люблю мистера Ундервуда. Он — мой муж.

— Я тоже буду вашем мужем.

— Это невозможно.

— Нет ничего невозможного. Когда я вернусь, мои Кольца Власти…

— Вы неправильно поняли, мистер Карнелиан.

— У нас будут дети, — пообещал Джерек.

— Мистер Карнелиан! — к ней, наконец, вернулся цвет лица.

— Вы прекрасны! — воскликнул влюбленный.

— Прошу вас, мистер Карнелиан!

Он вздохнул от удовольствия.

— Вы просто восхитительны!

— Послушайте, мистер Карнелиан. Скоро вернется мой муж, и мне придется объяснять ему,

что вы — старый друг моего отца, что он познакомился с вашей семьей, когда был миссионером в Южных морях. Это неправда, и я ненавижу ложь, но не вижу другого выхода спасти свою честь. Постарайтесь не болтать лишнего!

— Вы знаете, что любите меня, — упрямствовал он. — Скажите своему супругу, и мы оставим этот дом.

— Никогда! У меня и так неприятности с мужем… мое появление в суде… потенциальный скандал. Мистер Ундервуд не обладает излишним воображением, но он стал довольно подозрительным.

— Подозрительным?

— К истории, которую я была вынуждена состряпать, пытаясь спасти вас от петли.

— Петли чего?

Нотка отчаяния прозвучала в ее голосе:

— Вы до сих пор не рассказали, как избежали смерти и пришли сюда?

— Мне не угрожала смерть, это было путешествие во времени, несколько более рискованное, чем обычно. Все это время я пытался найти машину времени, чтобы снова соединиться с вами. Мне помогла Няня, чудесный старый робот. А потом Счастливый Случай привел меня на Кол-

линз-авеню. Вы знакомы с мистером Уэллсом?

— Нет. Он заявляет, что знает меня?

— Нет-нет, он приехал уладить дела отца в «Розе и Короне». По пути он сказал, что изобретает машины времени. Это хобби, как я понял. Я хочу узнать у него, кто изготовитель его машин. Это облегчит наше возвращение.

— Мистер Карнелиан, я уже вернулась в свой дом! Навсегда!

Джерек критически огляделся.

— На что вам эта жалкая лачуга? Пусть в ней больше достоверности, но в этом убожестве так безрадостно! Может, это неприлично, говорить о просчетах мистера Ундервуда, но мне кажется, он мог бы дать вам намного больше.

Джерек потерял интерес к предмету своего разговора и пошарил в карманах, чтобы посмотреть, нет ли в них чего-нибудь, что можно было бы подарить ей, но все, что у него оказалось, был пистолет-имитатор, который Няня вернула накануне путешествия.

— Я знаю, что вы любите пучки цветов и ватерклозеты, (вы видите, я помню каждую мелочь из ваших рассказов, так вы мне дороги), но я забыл создать цветы перед отправлением, а ватерклозет — слишком громоздкий груз для перевозки

сквозь время. — Вдруг его осенило. Он начал снимать свое самое красивое Кольцо Власти с рубином, — я буду счастлив, если вы примете этот скромный подарок.

— Это невозможно, мистер Карнелиан! Как я объясню своему мужу, откуда этот перстень?

— Разве в этом есть необходимость?

— Прошу вас, уходите! — стала умолять Амелия, услышав движение на улице. — Это он! — бедная женщина безумно огляделась. — Помните, — требовательный шепот срывался с ее губ, — что я сказала вам.

— Хорошо, я постараюсь, хотя не понимаю…

Дверь открылась, и в гостиную вошел мужчина неопределенного возраста с пенсне на носу. Соломенного цвета волосы были причесаны на пробор. Высокий белый воротник безжалостно врезался в его розовую шею, а узел галстука был очень тугим и маленьким, почти микроскопическим. Мистер Ундервуд расстегивал пуговицы своего пиджака с видом человека, снимающего защитный скафандр в среде, которая могла оказаться не совсем безопасной. Положив на стол черную книгу, которую принес с собой, он пригладил волосок, выбившийся из симметричного уса.

— Добрый вечер, — в голосе послышался намек

на вопрос. Он признал присутствие жены. — Моя дорогая!

— Добрый вечер, Гарольд. Познакомься, пожалуйста с мистером Карнелианом. Он только что приехал от Антиподов, где мой и его отцы были миссионерами.

— Карнелиан? Какое необычное имя. Я припоминаю что-то вроде этого… Так звали мошенника, который…

— Его брат, — пояснила миссис Ундервуд. — Я выражала соболезнование, когда ты вошел.

— Ужасное дело, — мистер Ундервуд бросил взгляд на газету на буфете с видом охотника, который видит ускользающую от выстрела добычу. Он вздохнул, на лице его застыло подобие улыбки. — Вы знаете, моя жена очень хитрая, когда нужно выступать в защиту. Огромный риск скандала. Я только сегодня говорил мистеру Григгсу на церковном собрании, что, если бы все имели такое мужество следовать велению нашей совести, мы смогли бы подойти значительно ближе к воротам Царства Небесного.

— Кхе, кхе, — поперхнулась миссис Ундервуд, — ты слишком добр, Гарольд. Я только выполнила свой долг.

— Не все имеют твою силу духа, моя дорогая.

Она удивительная женщина, мистер Карнелиан!

— Согласен с вами, — с чувством произнес Джерек, который разглядывал соперника с беззастенчивым любопытством. — Самая чудесная женщина в вашем мире, в любом мире, мистер Ундервуд.

— Гм, да, — продолжил мистер Ундервуд. — Вы, конечно, благодарны за те жертвы, которые она принесла. Что ж, мне понятен ваш энтузиазм…

— Жертвы? — Джерек повернулся к миссис Ундервуд. — Я не знал, что в этом обществе практикуются подобные обряды. Кому вы?…

— Вы долго не были в Англии, сэр? — спросил мистер Ундервуд.

— Это мой второй визит, — ответил Джерек.

— Ага, — мистер Ундервуд, казалось, наслаждался общением. — В самых темных глубоких джунглях, а? Неся свет дикарскому уму?

— Я был в лесу… — начал Джерек.

— Он недавно услышал о печальной судьбе своего брата, — вмешалась в разговор миссис Ундервуд.

Джерек не мог понять, почему она все время прерывала их беседу, которая становилась все интересней. Он сам не ожидал, что так поладит с мистером Ундервудом.

— Ты предложила мистеру Карнелиану что-нибудь освежающее, моя дорогая? — пенсне мистера Ундервуда блеснуло, когда он оглядел комнату. — Мы, нет нужды говорить, трезвенники, мистер Карнелиан. Но если вы хотите чаю…

— Какая хорошая идея, — воскликнула миссис Ундервуд и с энтузиазмом дернула за шнурок звонка.

Перед ними появилась Мауди Эмили и получила указания принести чай и бисквиты на троих. Она перевела многозначительный взгляд с мистера Ундервуда на Джерека, чем вызвала панику миссис Ундервуд.

— Чай? — переспросил Джерек, когда Мауди Эмили ушла. — Я еще ни разу не пробовал его. Или мы…

На этот раз, невольно, мистер Ундервуд пришел на выручку жене:

— Никогда не пили чай? О, тогда вы не должны пропустить это угощение. Вы, наверное, провели большую часть жизни вдали от цивилизации, мистер Карнелиан?

— От этой — да.

Мистер Ундервуд снял свое пенсне и, достав из кармана большой белый платок, отполировал стекла.

— Я понял, что вы имеете в виду, сэр, — сказал он мрачно.

— Кто мы такие, чтобы обвинять бедного дикаря в отсутствии культуры, когда мы сами живем в такие безбожные времена?

— Безбожные? Я думал, что это Религиозный Век. Вы сейчас упоминали Царствие Безбесное.

— Мистер Карнелиан, боюсь, вас неправильно информировали. Вашей вере повезло расцвести без препятствий, без сомнения, когда вы жили в отдаленной туземной хижине в компании Всевышнего и Библии. Но соблазны, с которыми человек вынужден бороться в этой нашей Англии, могут заставить его махнуть рукой и искать утешения у Высшей Церкви, — его голос понизился. — Я знал человека, жителя Бромли, который чуть не свернул с дороги на Рим.

— Он не мог найти Бромли? — засмеялся Джерек, обрадовавшись, что он и мистер Ундервуд нашли общий язык. — У меня самого из-за этого была куча хлопот. Если бы я не встретил мистера Уэллса в кафе «Роял», я до сих пор искал бы Бромли!

— Кафе «Роял»?! — прошипел мистер Ундервуд почти тем же тоном, которым он сказал «Рим». Он вернул на место пенсне и в упор посмотрел на

Джерека Карнелиана.

— Я заблудился… — стал объяснять Джерек.

— Кафе «Роял» — врата в Преисподнюю!

— … и встретил человека, который жил в Бромли.

— Надеюсь, он здесь больше не живет?

— Нет.

Мистер Ундервуд вздохнул с облегчением.

— Мистер Карнелиан, — наставлял он. — Вы должны помнить о судьбе вашего бедного брата. Без сомнения, он был таким же невинным, как вы, когда впервые оказался в Лондоне. Помните, что он не зря получил название Города Сатаны.

— Кто этот мистер Сатана? — небрежно спросил Джерек. — Видите ли, я воссоздал город, и полезно иметь совет человека, который…

— Мауди Эмили! — зазвенел голос миссис Ундервуд, будто приветствуя вид земли после многих дней в открытом море. — Чай! — она повернулась к ним. — Чай, пожалуйста!

— А, чай, — сказал мистер Ундервуд, но нахмурился, раздумывая над последними словами Джерека, который уже почувствовал, что сказал что-то лишнее, несмотря на то, что был так осторожен, хотя и не видел большого смысла обманывать мистера Ундервуда. Нужно было

объяснить мистеру Ундервуду, (который явно не питал особой страсти к миссис Ундервуд), что Джерек будет намного счастливей с его супругой. Поэтому мистер Ундервуд должен отпустить миссис Ундервуд с Джереком, а сам может остаться здесь, с Мауди Эмили.

Когда Мауди разливала чай, а миссис Ундервуд стояла около камина, нервно теребя в руках маленький кружевной платочек, и мистер Ундервуд выглядывал сквозь пенсне, будто проверял, чтобы Мауди Эмили налила равные порции в каждую чашку, Джерек сказал:

— Вы счастливы с мистером Ундервудом, Мауди?

— Да, сэр, — пропищала она тоненьким голоском.

— А вы счастливы с Мауди Эмили, мистер Ундервуд?

Мистер Ундервуд махнул рукой и пошевелил губами, должно быть, демонстрируя свое счастье.

— Превосходно, — сказал Джерек.

Последовало молчание. Ему протянули чашку с чаем.

— Как вы находите чай? — Мистер Ундервуд оживился, наблюдая, как Джерек отпивает

чай. — Есть такие люди, которые страшатся чая, утверждая, что это возбуждающий напиток. — Он печально улыбнулся — Но, я боюсь, мы перестанем быть людьми, если у нас не останется наших маленьких грехов, а? Вам нравится, мистер Карнелиан?

— Очень приятный на вкус, — сказал Джерек. — Кажется, я пил его раньше, но название было более длинное. Вы не помните, миссис Ундервуд?

— Откуда я знаю, мистер Карнелиан — вспыхнула она, сверкая глазами на Джерека.

— «Лап» что-то, — сказал Джерек. — «Су» что-то.

— Лап-сан-су-чонг! Да, твой самый любимый чай, моя дорогая. Китайский чай.

— Вот — вот, — подтвердил Джерек.

— Вы встречали мою жену раньше, мистер Карнелиан?

— Когда мы были детьми, — ответила за него миссис Ундервуд. — Я же объяснила тебе, Гарольд.

— Вам не давали чай, потому что вы были маленькие?

— Да, — раздраженно ответила она.

— Дети? — ум Джерека был занят другими ве-

щами, но сейчас он заинтересовался. — Дети? Вы собираетесь иметь детей, миссис Ундервуд?

— К несчастью, — мистер Ундервуд прокашлялся, — нас до сих пор не благословило…

— Что-нибудь не получается?

— Э…, нет.

— Возможно, вы не умеете делать их прямым старомодным методом? Должен признаться, мне самому пришлось потратить много времени, чтобы разобраться в нем. Вы знаете… — Джерек обернулся, чтобы убедиться, что миссис Ундервуд тоже включилась в беседу, — надо было определить, что куда входит, и так далее.

— Н-н-н… — задохнулась миссис Ундервуд.

— Великие небеса, — чашка с чаем прилипла к губам мистера Ундервуда. В первый раз с тех пор, как он вошел в комнату, его глаза, казалось, ожили.

Тело Джерека затряслось от смеха.

— Потребовались долгие исследования. Моя мать, Железная Орхидея, объяснила все, что знала, и в конце, когда мы собрали всю информацию, помогла мне получить массу практического опыта, так как всегда интересовалась новыми способами любви. Она рассказала, что хотя при моем зачатии и была использована настоящая

сперма, в остальном старые методы не соблюдались. Как только она разобралась, что к чему (а это потребовало некоторых незначительных биологических изменений), она призналась мне, что редко так наслаждалась общепринятыми способами любви. Что с вами, миссис Ундервуд? Миссис Ундервуд?

— Сэр, — отчеканил мистер Ундервуд, обращаясь к Джереку с холодной брезгливостью. — Вы полоумный. Готов допустить, из жалости к вам, что вы, так же, как и ваш казненный братец поражены одним и тем же заболеванием мозга.

— Мой брат? — Джерек нахмурился. Затем он подмигнул миссис Ундервуд. — О, да, мой брат…

Миссис Ундервуд, тяжело дыша, неожиданно опустилась прямо на ковер, в то время, как Мауди, с поджатыми губами и очень красным лицом, издавала странные приглушенные звуки.

— Зачем вы пришли сюда? О, зачем вы пришли сюда? — миссис Ундервуд была в отчаянии.

— Я люблю вас, — объяснил Джерек терпеливо. — Видите ли, мистер Ундервуд, — начал он доверительно, — я хочу взять миссис Ундервуд в спутницы жизни.

— В самом деле? — мистер Ундервуд подарил Джереку безжизненную кривую усмешку. — А

что, могу я спросить, вы намерены предложить моей жене, мистер Карнелиан?

— Предложить? Подарки? Да, хорошо, — он снова пошарил в карманах, но не нашел ничего, кроме пистолета-имитатора, который тут же извлек наружу. — Это?

Мистер Ундервуд вскинул руки вверх.

Глава тринадцатая
Странные события в Бромли одной ночью в лето 1896 года

— Пощадите их, — взмолился мистер Ундервуд. — Возьмите меня, если надо.

— На что вы мне, мистер Ундервуд, — сказал рассудительно Джерек, поигрывая пистолетом. — Хотя это благородно с вашей стороны, но я хочу миссис Ундервуд. Мы любим друг друга.

— Это правда, Амелия?

Не произнося ни слова, она покачала головой.

— У тебя роман с этим человеком?

— Вот слово, которое я пытался вспомнить! — обрадовался Джерек.

— Я не верю, что вы — брат этого убийцы, — мистер Ундервуд не забывал держать свои руки над головой. — Просто вам удалось избежать висели-

цы. И ты, Амелия, кажется, сыграла печальную роль, препятствуя торжеству правосудия. Я чувствую, в то время…

— Нет, Гарольд, мне нечего стыдиться… о, во всяком случае, очень немногого… Если бы ты выслушал, что случилось со мной той ночью, когда…

— Той ночью, да? Когда?

— Я была похищена.

— Этим человеком.

— Нет, этот появился позднее. О, дорогой! Я скрыла от тебя правду из страха, что ты не поверишь. Ты мог не вынести этого.

— Бремя лжи — тяжкая ноша, Амелия? Я жду объяснений.

— Сама не знаю, как я оказалась в Конце Времени. Это далекое будущее, дорогой, где я встретила мистера Карнелиана, который был очень добр ко мне… Я уже не надеялась, что увижу тебя снова, но вернулась в тот же самый момент, когда исчезла, и подумала, что мне приснился очень яркий сон. Потом я прочитала о появлении мистера Карнелиана в нашем времени — его осудили за убийство.

— Итак, он тот же самый человек!

— Чтобы спасти его жизнь, я вынуждена бы-

ла солгать, что он умалишенный. Мои усилия ни к чему не привели, да и мистер Карнелиан настаивал на своем, убеждая присяжных в том, что говорит правду и только правду. Но никто не поверил, и суд приговорил его к смертной казни через повешение. Чуть позже я узнала, что приговор приведен в исполнение.

— Это какой-то бред, — не мог оправиться от потрясения мистер Ундервуд. — Боже, каким я был глупцом, слепо доверяя этой падшей женщине. Ты коварно обманула меня, богоотступница, — мистера Ундервуда бил озноб. Он провел рукой по голове, растрепав волосы, затем ослабил галстук. К счастью, Библия подсказывает мне, что ты должна покинуть мой дом навсегда. И благодари Господа Бога за Новый Завет и его наставления. Во времена Ветхого Завета ты не смогла бы избежать суровой кары.

— Гарольд, опомнись! Ты не в себе! Сделай милость, выслушай историю мистера Карнелиана…

— Ха! На что мне его бредни, если он собирается убить меня?

— Убить вас? — сочувственно спросил Джерек. — Для вас, Мистер Ундервуд, я с охотой сделаю все, что вы хотите…

— О!

Джерек заметил, что Мауди Эмили вышла из гостиной и подумал, что ей наскучил разговор. Что-то разладилось в их прежней оживленной беседе, и Джерек силился понять мистера Ундервуда, голос которого дрожал и вибрировал так, что искажал слова.

— Я не стану чинить вам препятствия, — тараторил мистер Ундервуд, выпучив глаза. — Забирайте ее и уходите, если вы этого так хотите. Она сказала, что любит вас?

— О, да. В письме.

— Письмо? Амелия?

— Я написала письмо, но…

— Какое вероломное предательство! Какой коварный обман! Подумать только, я пригрел змею на своей груди! Я преклонялся перед добродетельной христианкой, не подозревая, что это всего лишь маска лицемерия.

— О, Гарольд, как ты мог подумать обо мне так плохо! Я не запятнала свою честь, потому что дорожу ей…

— Честь? Ты что, милочка, считаешь меня законченным идиотом! Хватит морочить мне голову, я не верю ни одному твоему слову!

— Отлично, — с энтузиазмом вставил Джерек, не вдаваясь в смысл тирады оскорбленного

супруга после того, как понял, что основная проблема благополучно разрешилась. — Нам пора, Амелия!

— Угомонитесь, мистер Карнелиан! Ваше появление в этом доме сильно потрясло Гарольда! Я верю, что вы не хотели причинить ему ничего дурного, но, похоже, от горя и страха он лишился рассудка. Прошу вас, Мистер Карнелиан, положите оружие обратно в карман!

Он сунул пистолет на старое место.

— Я собирался предложить его в обмен. Насколько я понял…

— Вы ничего не поняли, мистер Карнелиан. Будет лучше, если вы уйдете…

— Вместе с тобой, Амелия. Я требую, — мистер Ундервуд опустил руки, достал из кармана платок и точными обдуманными движениями, поглядывая временами на белую ткань, отер пот со лба. — Вы оба мечтаете об этом? О твоей свободе! Ты свободна! Мой дом, наконец, очистится от скверны.

— Гарольд, откуда такая горячность? Ты всегда проповедовал смирение и прощение! Где твоя рассудительность?

— Ты считаешь, я могу быть спокойным после того, что узнал.

— Нет, дорогой, но…

— Всю сознательную жизнь я жил по принципам, которые, казалось, разделяла и ты. Теперь, когда ты их попрала, я не желаю оставаться с тобой! Твой отец однажды предупредил меня, что ты любишь витать в облаках. Когда мы поженились, я не обнаружил этой черты, поверив, что необходимость быть хорошей женой изгнала ее. Но оказалось, ты скрывала ее от меня всю нашу супружескую жизнь вплоть до грехопадения.

— Гарольд, ты сошел с ума!

Он отвернулся.

— Убирайтесь из моего дома!

— Ты пожалеешь об этом, Гарольд. Ты знаешь, что пожалеешь.

— Пожалею о жене-прелюбодейке, которая разводит Амуры под крышей моего дома с осужденным убийцей? Да? — он издал мрачный смешок.

— Да, есть о чем пожалеть.

Джерек взял миссис Ундервуд за руку.

— Нам пора.

Она умоляюще смотрела на мужа, но позволила Джереку повести ее к двери. А затем они оказались в тишине Коллинз-авеню. Джерек понял, что миссис Ундервуд была расстроена прощани-

ем с мужем.

— Кажется, мистер Ундервуд вошел в наше положение и прекрасно понял ситуацию. Вот видите, все ваши страхи оказались беспочвенными. Никогда не стоит лгать. И мистер Ундервуд говорит то же самое. Он, конечно, был не столь великодушен, но и на том спасибо.

— Мистер Карнелиан, я знаю своего мужа. Он явно не в себе, и вы тому причиной. Из-за вас он пережил страшные минуты. В этом есть и моя вина, не спорю.

— Почему вы говорите шепотом, миссис Ундервуд?

— Соседи, — она покачала головой. — Пройдемся немного пешком. У Гарольда будет время обдумать все заново. Библейское Собрание отнимает у него много душевных сил. Он из семьи потомственных миссионеров и всегда мечтал последовать по стопам отца, но его здоровью, в целом не такому уж плохому, противопоказан жаркий климат. Его мать рассказывала мне, что это у него с детства, — она замолчала. — Боюсь, я разболталась.

— Болтайте дальше, прекрасная миссис Ундервуд, — Джерек легко ступал по дорожке. — Скорей бы вернуться в Конец Времени! Я помню

каждое слово письма, которое мистер Гриффитс прочел мне. Особенно последнюю часть: «... поэтому должна признаться, Джерек, что люблю вас, что мне не хватает вас, что я никогда не забуду вас». О, как я счастлив! Теперь я знаю, что такое счастье!

— Мистер Карнелиан, я написала это письмо в спешке, — и, помолчав, добавила нехотя. — Я думала, что вы умрете.

— Но почему, я не понимаю?

Женщина глубоко вздохнула и ничего не ответила. Они прошли еще несколько улиц, очень похожих на Коллинз-авеню (Джерек удивился, как люди ориентируются в этом сером однообразии домов. На улице похолодало, и продрогшая Амелия не стала возражать, когда Джерек накинул свой плащ на ее хрупкие плечи.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Не будь я разумной женщиной, мистер Карнелиан, я могла бы в этот момент считать, что вся жизнь разбита. Но Господь вселяет в меня надежду, что Гарольд опомнится и исправит свою ошибку. Мы должны помириться!

— Его утешит Мауди Эмили, — сказал ей Джерек. — И они прекрасно заживут вдвоем.

— О, дорогой! О, дорогой! — миссис Ундервуд

покачала головой.

Дорога переходила в тропинку, которая бежала сначала между заборами, а затем между кустами, за которыми простирались бескрайние поля. Лунный свет струился с беззвездного неба.

— Эта дорога едва ли приведет нас к «Розе и Короне»?.

— Что вы забыли в публичном доме?

— Публичный дом?

— Почему вы хотите пойти в «Розу и Корону», мистер Карнелиан?

— Там сейчас мистер Уэллс. Он может порекомендовать нам хорошего мастера по изготовлению машин времени.

— Ваш знакомый подшутил над вами, потому что в 19 веке ничего неизвестно о средствах передвижения во времени.

— Что вы, наша беседа носила самый серьезный характер. Пожалуй, это единственный человек в вашем мире, который точно знает, о чем говорит.

— Да он просто смеялся над вами! Где вы успели побеседовать?

— В поезде. Это была незабываемая поездка! Я сделаю массу улучшений, как только вернусь.

— Значит, вам не на чем вернуться в Конец

времени?

— Пока не на чем, но что вас так беспокоит?

— Если Мауди вызовет полицию, и Гарольд расскажет, что скрывшийся от правосудия убийца и его сообщница находятся в окрестностях Бромли, и, что этот преступник вооружен, мы с вами не оберемся неприятностей. Кстати, что это за штука, которой вы размахивали у Гарольда перед носом?

— Пистолет-имитатор. Хотите покажу?

В ночной тишине раздался резкий звук полицейского свистка.

— Полиция! — задохнулась миссис Ундервуд. — Этого я боялась больше всего, — она схватила его за руку, затем отдернула ладонь. — Если они найдут вас, вы обречены.

— Почему? Вы имеете в виду джентльменов в шлемах, которые помогали мне прежде? У них есть доступ к машине времени. В конце концов, благодаря им я смог вернуться в свой собственный век во время предыдущего визита.

Не обращая внимания на его слова, Амелия потащила его через ворота в поле, от которого исходило одурманивающее Джерека благоухание. Ее наивный спутник остановился, чтобы вобрать в легкие побольше воздуха.

— Куда вы так торопитесь, Амелия? Я хочу запомнить все оттенки запаха. Мне это пригодится при создании репродукций, которым аромат прибавит шарма, тонкости. Жаль, что нет никакой возможности записать…

— Замолчите! — прошипела она настойчиво. — Видите, они идут сюда? — она показала назад, на дорогу. Там появилось несколько пляшущих маленьких огоньков. — Это их «бычьи глаза». Вся полиция Бромли, должно быть, идет по нашим следам.

Опять прозвучал свисток. Беглецы притаились за кустами, слушая шелест велосипедных шин по грунтовой дороге.

— Не занимайтесь ерундой! Надо быть набитыми дураками, чтобы бежать в открытое поле, — послышался хриплый голос. — Лучше искать их на станции.

— Сумасшедшие непредсказуемы, — возразил другой голос. — Я участвовал в поисках Левишамского убийцы три года назад. Его нашли свеженького, как огурчик, на складе, ближе чем за пять улиц от места преступления. Он отсиживался там в течение двух недель, пока мы денно и нощно прочесывали окрестности Кента, не поймав ничего, кроме насморка.

— Что-то подсказывает мне, что они отправились к поезду. Тот парень сказал, что он приехал на поезде.

— А вы уверены, что это тот, кого мы ищем? Кроме того, он сказал, что с поезда сошли двое мужчин, очевидно, приятели. Где же тогда другой?

— Я не верю, что он приехал на поезде.

— Между прочим, что он делает в Бромли? — спросил третий голос недовольно.

— Вернулся за лакомым кусочком. Бывают женщины, что голова идет кругом. Я не раз уже видел, как совершенно приличная женщина опускается из-за негодяя с хорошо подвешенным языком. Если она неосторожна, то становится его очередной жертвой.

— Такое часто бывает, — согласился другой.

Они удалились за пределы слышимости. Лицо миссис Ундервуд потемнело.

— В самом деле! — сказала она — Итак, я уже имею репутацию сожительницы преступника. Любительница грязи, как он сказал. Ну, мистер Карнелиан, вы никогда не осознаете того вреда, который причинили, но сейчас я очень сожалею, что позволила своей добродетельной натуре встать на вашу защиту в Центральном Уголов-

ном Суде! Я дала повод для слухов. А теперь… Ладно, мне придется покинуть страну. Но бедный Гарольд — почему он должен страдать?

— Покинуть? Хорошо, — Джерек встал, стряхнув кусочки соломы с брюк. — Мы должны разыскать мистера Уэллса.

— Мистер Карнелиан, вы что, не понимаете, что нам грозит опасность. Полицейские сказали, что за станцией ведется наблюдение. Они прочесывают Бромли и могут найти нас.

Джерек все еще был озадачен.

— Почему бы не поговорить с ними? Разве эти славные солдаты порядка могут причинить нам вред?

— Поверьте мне на слово, мистер Карнелиан, но эта встреча чревата опасностью.

Он недоуменно пожал плечами.

— Я верю, миссис Ундервуд. Но мы должны попасть к мистеру Уэллсу во что бы то ни стало.

— Ваш Уэллс — обыкновенный шарлатан со своими небылицами о машине времени.

— Он написал книгу.

Она нахмурилась, смутно припоминая.

— Я читала эту книгу в прошлом году. Игра воображения. Сплошная фикция.

— Что такое «фикция»?

— Придуманная история — о том, чего нет.

— Но ведь все реально.

— О вещах, которые не существуют… — она напряглась в поисках правильного ответа.

— Но машины времени существуют. Вы знаете это не хуже меня, миссис Ундервуд.

— Нет, нет и еще раз нет, — с жаром возразила Амелия. — Их нет в 1896 году.

— А мистер Уэллс утверждает обратное. Кому я должен верить?

— Вы любите меня?

— Конечно, люблю.

— Тогда вы должны верить мне, — убежденно сказала она, и, взяв его за руку, повела через поле.

Немного погодя они притаились в овраге, разглядывая очертания здания, которое миссис Ундервуд назвала фермой. Несколько раз мелькнули огни полицейских фонарей в некотором отдалении, но сейчас казалось, что преследователи потеряли их след. Джерек до сих пор считал, что миссис Ундервуд не разобралась в ситуации.

— Я отчетливо слышал, что они ищут гусей, — докладывал раб любви. Бедная женщина утомилась, силы ее были на исходе, и она радовалась передышке. — Гусей, а нелюдей.

— Нас может вызволить только какое-нибудь влиятельное лицо. Если бы ему удалось убедить власти поверить нам, — с тех пор, как они покинули дом Ундервудов, Амелия оставляла без внимания реплики Джерека. — Мистеру Уэллсу не составит труда опубликовать статью в «Субботнем Обозрении», я, правда, давно не брала его в руки, но раньше это был довольно уважаемый журнал. Если мы продержимся до утра в этом амбаре, полиция решит, что упустила нас и прекратит преследование. Тогда легче будет найти мистера Уэллса. Идемте, мистер Карнелиан, — устало поднялась Амелия и пустилась в тяжкий путь к амбару.

Когда они пересекали скотный двор, раздался громкий лай сторожевых собак. На втором этаже распахнулось окно, и хриплый мужской голос спросил:

— Кто здесь? Что вам нужно?

— Добрый вечер, — поприветствовал его Джерек, опередив попытку миссис Ундервуд зажать ему рот своей маленькой ладошкой. — Мы здесь гуляем, радуемся вашей сельской природе. Должен признаться, здесь чудесно…

— Черт возьми, это помешанный, о котором нас предупреждали! — громко предположил

хозяин. — Схожу-ка я за ружьем.

— Я не вынесу этого, — заплакала миссис Ундервуд. — Смотрите!

Три или четыре огонька мерцали невдалеке.

— Полиция?

— А кто же еще?

В доме послышался шум, грохот, крики, засветились окна первого этажа. Миссис Ундервуд схватила Джерека за рукав и втолкнула в первое попавшееся строение. В темноте что-то фыркнуло и переступило с ноги на ногу.

— Лошадь! — обрадовался Джерек. — Я всегда любил четвероногих.

Миссис Ундервуд ласково погладила лошадиную морду, успокаивая животное.

Неожиданно раздался выстрел, и, секундой позже, душераздирающей вопль:

— Черт! Я застрелил свинью!

— Мы должны воспользоваться этим шансом, — воспряла духом Амелия, поспешно накидывая одеяло на спину лошади, — давайте сюда седло, Мистер Карнелиан. Живей!

Он не знал, что такое «седло», но догадался, что это, должно быть, странная тяжелая конструкция из кожи, которая висела на стене над его головой. Джерек напрягся и помог ей поднять седло на

спину лошади. Джерек с восхищением наблюдал, как она ловкими движениями продела ремешки и затянула кожаную петлю на шее животного.

— Садитесь быстро, — прошипела она, — не мешкайте!

— Вы хотите покататься?

— Быстро забирайтесь на лошадь, и помогите мне.

— Я еще ни разу не пробовал…

Амелия скороговоркой учила его.

— Ставьте вашу ногу сюда. Придерживайте лошадь! Перекиньте другую ногу через седло, найдите другое стремя — вот оно, — и возьмите вожжи. У нас нет выбора.

— Отлично! Ваши уроки так занимательны. Я счастлив видеть, что любовь к развлечениям возвращается к вам.

Забраться на лошадь оказалось немного труднее, чем он думал, но, в конце концов, в тот момент, когда грянул еще один выстрел, он оседал животное, и его ноги находились в соответствующих металлических петлях. Подоткнув свои юбки, миссис Ундервуд умудрилась аккуратно усесться в седло. Она взяла вожжи, приказав:

— Держитесь за меня, — а затем лошадь рысцой выбежала из стойла во двор.

— Ей-богу, они забрали мою лошадь! — закричал фермер. Он поднял ружье, но не смог выстрелить. Ясно было, что он не собирался рисковать лошадью так же, как уже рискнул свиньей, ради каких-то сумасшедших.

В этот момент около полудюжины коренастых полицейских ворвались в ворота и стали хватать за поводья лошадь, в то время, как Джерек заливался веселым смехом, а миссис Ундервуд нервно натягивала вожжи с жутким криком.

— Ваши пятки, мистер Карнелиан! Не жалейте ваши пятки!

— Всегда рад услужить, дорогая, но я не понимаю, что вы от меня хотите! — Джерек был почти беспомощен от смеха.

Испуганная смельчаками в полицейских мундирах, лошадь встала на дыбы, заржала, закатила глаза, перепрыгнула через забор и пустилась галопом.

Последнее, что Джерек услышал, было восклицание:

— И такое происходит в Бромли! Кто бы мог подумать!

Прогремел третий выстрел. Скорее всего, у фермера сдали нервы, и он перепутал в темноте стражей порядка с беглыми преступниками.

Миссис Ундервуд вскрикнула:

— Помогите! Я теряю контроль!

Подпрыгивая вверх и вниз, чуть не теряя под собой сидение, одной рукой держась за седло, а другой — за ее талию, Джерек расплылся в блаженной улыбке.

— Наконец-то! Как я счастлив слышать это, дорогая!

Глава четырнадцатая
Нехватка машин времени

Прохлада рассвета коснулась Бромли. Рано встав, чтобы завершить свои дела и как можно быстрее отправиться в путь, мистер Уэллс покинул «Розу и Корону», и вышел на Верхнюю улицу с видом человека, который всю ночь боролся с дьяволом и полностью одолел его. Этот визит в Бромли был неприятен ему по двум причинам: во-первых, Герберт искренне считал, что во всей Англии не сыскать места более захудалого, скучного и никчемного; во-вторых, его угнетала роль просителя, в которой он появился здесь, чтобы спасти отца от вызова в Суд Графства, по поводу незначительного финансового вопроса, который, очевидно, его отец много месяцев не удостаивал

вниманием. Несмотря на то, что здесь были его корни, мистер Уэллс не мог снисходительно отнестись к родному Бромли. Отец, если смотреть с точки зрения Бромли, был закоренелым неудачником, но сын добился успеха, опубликовав несколько книг. В другое время он предпочел бы, чтобы его визит приветствовали с большей публичностью, например, короткими интервью в «Новостях Бромли» — и он прибыл бы с большей пышностью, но природа его бизнеса делала это невозможным. На самом деле, он надеялся, что никто не узнает его, поэтому поднялся так рано. Причиной его настроения послужило внутреннее ощущение, что он преодолел Бромли. Город больше не пугал его. Вопросы ничтожных долгов, пустяковых скандалов больше не погружали его в бездну отчаяния, как это было когда-то. Он убежал из Бромли, и теперь, вернувшись, избавился от призраков, которые преследовали его.

Мистер Уэллс крутанул свою трость, пригладил маленький ус (который никак не вырастал таким густым, как хотелось) и сложил губы трубочкой в молчаливом свисте. Ощущение благополучия переполнило его, и он высокомерно посмотрел на Бромли: на телегу молочника с медленно тащившей ее древней лошадью; на мальчишку-

разносчика газет, объезжающего на велосипеде дверь за дверью, чтобы одарить тусклых жителей этого тусклого городка новостями скучных происшествий; на ставни окон еще закрытых знакомых магазинов, включая окно Атлас-хауз, где мать и отец по очереди воспитывали его, и, где мать изо всех сил старалась навязать ему постулаты, следуя которым ее сын мог стать в Бромли порядочным человеком.

Он усмехнулся. В те дни плевать он хотел на уважение, следуя своим собственным правилам, выбрав собственный путь и свои идеалы. Вчерашняя встреча с тем чудаковатым иностранцем лишний раз высветила, насколько отличались его жизненные принципы от родительских. Писатель вспомнил разговор в поезде, и с улыбкой подумал, что «машина времени» была принята незнакомцем за буквальную правду. Это был знак Успеха, ничто иное!

Пели птицы, звякали молочные бидоны, небо над крышами Бромли было чистым и голубым. Мистер Уэллс глубоко вдохнул, наслаждаясь свежестью воздуха.

Дыхательные упражнения были прерваны звуком выстрела где-то в отдалении. Писатель помедлил выжидающе, а затем с удивлением уви-

дел, как из-за поворота Верхней улицы появилась галопирующая большая лошадь, обливающаяся потом и бешено вращающая глазами. На лошади было два всадника, ни один из которых, казалось, уверенно не держался в седле. Впереди сидела красивая молодая женщина в коричневом бархатном платье, испачканном кусочками соломы, грязи и листьями; ее темные кудри были в беспорядке. За ней, одной рукой держась за ее талию, другой — за поводья, в одной рубашке, (его плащ, кажется, скользнул между ними и болтался, подобно лишней ноге, сбоку лошади), сидел вчерашний знакомец, мистер Карнелиан, гикая и смеясь, ни дать, ни взять — биржевой клерк, радующийся катанию верхом на Бранкорской Воскресной Ярмарке.

Лошадь приостановилась на миг перед телегой молочника, и Джерек увидел мистера Уэллса. Он радостно замахал руками, покачнулся назад, с трудом восстановив равновесие.

— Мистер Уэллс! Приветствуем вас! Мы вас искали!

Ответ мистера Уэллса был несколько равнодушным, даже для его собственного уха:

— Ну, я здесь!

— Вы не подскажете, кто может сделать мне

машину времени?

Мистер Уэллс, подыгрывая веселому иностранцу, со смехом показал своей тростью на велосипед в руках стоявшего с разинутым ртом мальчика-посыльного.

— Боюсь, что ближайшая к машине времени вещь, которую вы сможете найти, — это скобяное изделие, подобное вот тому.

Мистер Карнелиан переключил внимание на велосипед и, казалось, был готов слезть с лошади, когда она поскакала дальше.

Молодая женщина причитала при этом:

— Увы! Увы! — или, возможно — Уа! Уа!

А ее спутник прокричал через плечо:

— Премного благодарен, мистер Уэллс! Благодарю вас!

Тут пять забрызганных грязью полицейских, на таких же грязных «машинах времени», появились из-за угла, и офицер, возглавлявший погоню, закричал, указывая на исчезающую пару:

— Хватайте их! Это Ярмарочный убийца!

Мистер Уэллс наблюдал в молчании, как эскадрон промчался мимо, затем пересек дорогу к месту, где стоял мальчик-рассыльный, челюсть которого грозила отделиться от остальной части лица. Пошарив в кармане жилета, мистер Уэллс

вынул монетку.

— Ты не продашь мне одну газетку?

Его посетила шальная, почти фантастическая мысль. Быть может, подумал он, Бромли перестал быть таким скучным, каким запомнился с детства.

* * *

Джерек Карнелиан мечтательно наблюдал за веслом, уплывающим по пронизанной водорослями реке. Миссис Ундервуд лежала на другом конце лодки, которую они реквизировали после того, как лошадь, при попытке перепрыгнуть через забор в десяти милях от Бромли; избавилась от всадников недалеко от реки. Она еще спала.

Как бы то ни было, Джерек не находил большого удовольствия в гребле и не испытывал угрызений совести по поводу исчезающего на глазах последнего весла. Он откинулся на скамейку, держа руку на руле, и зевнул. День выдался теплый и ясный, солнце стояло высоко в небе. До его слуха доносилось мирное жужжание пчел в траве на ближайшем берегу, а на другой стороне леди в белых платьях играли в крикет на зеленой аккуратной лужайке. Их мелодичный смех, стук молоточков о шары негромко звучали в ушах

Джерека. Этот мир такой богатый, думал он, снимая пару листьев со своего пиджака и тщательно изучая их. Текстура, детали были восхитительными, и он раздумывал над возможностью их воспроизвести, когда вернется вместе с миссис Ундервуд домой.

Миссис Ундервуд зашевелилась, потирая глаза.

— Теперь мне стало немного лучше, — она осмотрелась. — О, дорогой, нас уносит течение.

— Я потерял весла, — с легкостью объяснил Джерек. — Одно еще виднеется вон там. Не стоит отчаиваться, ведь течение такое сильное, и мы плывем.

Амелия ничего не ответила, но ее губы сложились в улыбку, больше философскую, чем ликующую.

— Вот видите, эти машины времени не такая уж редкость, как вы рассказывали, — оживленно произнес Джерек. — Я видел уже несколько с лодки. Люди ехали на них по тропинкам вдоль реки. И у тех полицейских они тоже были. Наверное, они собрались последовать за нами сквозь Время.

— Это обыкновеннее велосипеды, — терпеливо объяснила миссис Ундервуд. — На мой взгляд, они совсем не отличаются друг от друга. — Ве-ло-

си-пе-ды, — по слогам повторила она.

— Бог с ними, — сказал Джерек, — главное, все складывается удачно. Ваши страхи беспочвенны, и мы скоро будем дома.

— Боюсь, нам придется воспользоваться другим способом, — она огляделась. — Сейчас движемся в западном направлении. Скорее всего, это Суссекс. А, ладно, в конце концов, полиция все равно найдет нас. Я смирилась с судьбой.

— В мире, где Временем так дорожат, — наставительно размышлял Джерек, — людям следовало бы иметь больше машин в своем распоряжении.

— В этом мире люди — во власти Времени, мистер Карнелиан.

— Так и должно быть, согласно Морфейлу. Мою поспешность легко объяснить, потому что рано или поздно мы все равно окажемся в будущем, с той лишь разницей, что, лишенные возможности контролировать полет, мы можем потерять друг друга *и* оказаться в разных местах.

— Ничего не понимаю, — она мечтательно опустила руку в воду.

— Если вы хоть раз побывали в Будущем, то ваше возвращение в Прошлое порождает парадокс, и время само избавляется от тех, чье путешествие

в определенный век приводит к путанице, изменению истории, или чему-нибудь вроде этого. Мне до сих пор непонятно, почему мы застряли в эпохе Рассвета. Судя по всему, возник уже не один опасный парадокс. Как только они проявятся, мы окажемся на пути в Будущее.

— Вы утверждаете, что у нас нет выбора?

— Да. Поэтому мы должны поторопиться с возвращением в Конец Времени, где вы будете счастливы. Если мы попадем в будущее, где машины времени не такая уж редкость, нам не составит особого труда добраться до цели в несколько прыжков. Однако, есть опасность попасть в один из исключительно негостеприимных периодов между 1896 годом и Концом Времени.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выхода?

— Совершенно верно.

— Вы никогда не лгали, мистер Карнелиан, — задумчиво улыбнулась Амелия. — Я часто молилась, чтобы вы сделали это хоть раз. Скажу вам откровенно, я смогла бы остаться здесь вечно, если бы не стала опрометчиво болтать о том, что со мной произошло в Будущем, и смогла забыть об этом.

— Наверное, так оно и есть. Многие паломни-

ки во времени предпочитают умалчивать, что видели в Будущем. Я слышал о таких, и, похоже, Время великодушно «позволяет» им оставаться там, где они желают. Как бы там ни было, мало кто может устоять перед соблазном поделиться с ближним. Мы так мало знаем о тех, кто ничего не рассказал. Это может объяснить трещину в Теореме Морфейла.

— Значит так… я не буду распускать язык и останусь в 1896 году, — решила она. — Гарольд уже мог прийти в себя, и, если он подтвердит, что вы похитили меня, с меня снимут подозрения в соучастии. Вы все равно исчезнете, и они никогда не докопаются до истины. Но сейчас нам крайне необходима помощь. — Амелия нахмурилась, когда из-под лодки раздался скрежещущий звук.

— Ага! — воскликнула она. — Какое везение, что нас прибило к берегу.

За узкой песчаной полоской, на которой они высадились, поднимался крутой берег, усыпанный многоцветьем луговых растений.

Пока миссис Ундервуд поправляла прическу, глядя на свое отражение в зеркальной глади реки, Джерек увлекся собиранием букета для нее. Желание сорвать самые красивые цветы привело к белому забору, и Джерек не удержался

от соблазна заглянуть через него.

В глаза ему бросилась безжизненная равнина, на которой находилось несколько кирпичных строений, украшенных камнем и металлом в стиле рококо. Вдоль зданий струился бурлящий поток, чуть дальше виднелись работающие машины, состоящие из тяжелого центрального цилиндра с десятью очень длинными стержнями. Цилиндры вращались, и вместе с ними вращались и стержни, равно распределяя жидкость над ярко-зеленой равниной. Ясно было, что это сельскохозяйственные роботы. Джерек смутно помнил, что слышал о них в одной из записей, найденной в Руинных Городах. Он вспомнил, что эти роботы существовали во времена Массовой культуры. Поскольку разумные машины были нехарактерны для этой эпохи, Джерек предположил, что нашел экспериментальный полигон для испытания роботов. В зданиях скорее всего находилось оборудование для экспериментов. Значит, там были и ученые, сведущие в изготовлении машин времени.

Джерек был взволнован, но, торопясь с радостной новостью к своей любимой, ни на минуту не забывал о самом главном. Помедлив с минуту и ожидании, когда она закончит свой туалет и

повернется к нему, он протянул ей букет.

— Лучше поздно, чем никогда, — молвил он. — Эти цветы я собирал для нас.

Амелия колебалась мгновение, потом приняла букет.

— О, мистер Карнелиан! — ее губы дрожали.

Джерек внимательно посмотрел на свою любимую.

— Ваши глаза, — спросил он, — что с ними?. Вы плеснули водой себе на лицо?

Она кашлянула и приложила пальцы сначала к одному глазу, а затем к другому.

— Да.

— Мне не терпится обрадовать вас, — он показал на берег. — Скоро мы вернемся в Конец Времени, и вы сможете продолжить мое «моральное образование», я соскучился по этим милым «урокам нравственности».

На ее губах заиграла улыбка.

— Иногда мне не дает покоя ваша странная наивность. Сколько раз я говорила, что должна вернуться к Гарольду и переубедить его. Подумайте о нем. Он… он негибкий человек, и, должно быть, находится в этот момент в отчаянии.

— Ладно, если вы хотите вернуться, мы пойдем вместе, и я постараюсь объяснить ему…

— Нет, это невозможно. Для начала мы должны позаботиться о вашей безопасности, а потом я пойду к нему сама…

— Но вы вернетесь?

— Ни за что.

— Даже несмотря на то, что любите меня.

— Да, мистер Карнелиан. Я могу повторить вам то, в чем боялась признаться самой себе. Да, я люблю вас, но что из того? Я видела ваш мир: ваши люди играют в жизнь, ваши эмоции — эмоции актеров, искренние лишь в тот момент, когда они разыгрываются на сцене перед публикой. На какие страдания я обрекла бы себя, оставшись с вами. Мысль о том, что ваша любовь ко мне — не что иное, как сентиментальный самообман, поддерживаемый с настойчивостью — не давала бы мне покоя.

— О, нет, нет, нет! — его большие глаза затуманились. — Как вы можете так думать?

Они стояли в молчании на берегу тихой речки. Амелия с печалью смотрела на букет, осторожно и трепетно поглаживая лепестки. Джерек сделал к ней шаг и остановился, немного подумав, прежде, чем заговорить.

— Миссис Ундервуд?

— Да?

— Что такое «обман»?

Она взглянула на него, с удивлением, затем рассмеялась:

— О, дорогой мой Карнелиан! О, дорогой! Что с вами делать?

Они взялись за руки, и Джерек повел любимую к обнаруженному им полигону.

— Мы должны поговорить с учеными из лаборатории. Они помогут нам.

— Какие лаборатории? С чего вы взяли, что это лаборатории?

— Я собственными глазами видел роботов. У вас в 1896 году их не так уж много, да?

— У нас их нет совсем.

— Тогда я прав. Это экспериментальные роботы. Я так надеюсь на ученых. Они не только поймут меня, но будут рады помочь.

— Что-то я сомневаюсь, — она дошла до забора и поглядела на сцену за ним. Сперва Амелия покраснела, а затем затряслась в приступе смеха.

— О, мистер Карнелиан, я боюсь, ваши надежды не оправдались. Интересно, какой запах может быть там…

— Запах? Он необычен?

— Немного. О, моя доброта…

— Разве это не экспериментальная ферма? —

впервые оптимизм угрожал покинуть его.

— Нет, это канализационная ферма, — она прислонилась к забору и смеялась, пока слезы не показались у нее на глазах.

— Что такое «канализация»? — спросил он.

— Боюсь, это не то слово, которое леди может объяснить вам!

Джерек рухнул на землю у ее ног и обхватил голову руками, испытывая что-то, очень похожее на отчаяние.

— Что нам делать? — причитал он. — Я согласен на старую, потрепанную машину времени, даже на ту, что оставил здесь в прошлый раз — это было бы хоть что-то. Как я раскаиваюсь теперь, что предпринял этот непродуманный вояж.

— Именно поэтому я начинаю радоваться ему, — бодро возразила Амелия. — Не падайте духом, Джерек. Мой отец говаривал, что нет ничего лучше добротной, солидной, неразрешимой, на первый взгляд, проблемы, чтобы отвлечь человека от обычных глупых неприятностей, которые портят жизнь. Наши трудности так велики, что делают любые иные, какие у меня могли бы быть, совсем тривиальными! Еще минуту назад я так жалела себя, но сейчас, слава Богу, все позади!

— Кажется, я понимаю, о чем вы говорите, —

сказал Джерек с чувством. — Сюда входит вера в человекоподобное и злобное существо по имени Судьба?

— Боюсь, что да.

Он медленно поднялся с земли и надел плащ. Джерек просветлел, когда следующая мысль пришла ему в голову.

— Как бы то ни было, это приключение, возможно, продолжает мое «моральное образование»?

Они стали спускаться с берега назад на песчаную отмель. В этот раз она сама взяла его за руку.

— Скорее, это побочный эффект, хотя я знаю, что не должна говорить так цинично. Мистер Ундервуд часто говорил мне, что нет ничего хуже, для взора Господа, чем циничная женщина. Я боюсь, их очень много вокруг в такие неспокойные времена, как наше. Пойдемте, просмотрим, куда ведет та тропинка вдоль берега.

— Надеюсь, — пробормотал он, — что не в Бромли.

Глава пятнадцатая

Путь в столицу

Невзрачный ювелир с бесцветными волосами вытащил стеклянный предмет из правого глаза и шумно пососал что-то в зубах.

— Смешно, — заговорил он. — Я даю вам больше обычной цены, но ваш «рубин» немногим отличается от тех, что идут по шиллингу на рынке. Оправа сделана мастерски, хотя не знаю, что это за металл. Ладно, сколько вы хотите? — он держал на ладони Кольцо Власти, которое Джерек принес в дар своей возлюбленной.

Миссис Ундервуд нервничала, стоя рядом с Джереком у прилавка.

— Соверен?

Он снова посмотрел на Кольцо.

— Согласен, вещица красивая, диковинная. Но зачем мне рисковать? Пятнадцать шиллингов? По рукам?

— По рукам, — удрученно согласилась миссис Ундервуд и взяла деньги вместо Джерека, который не совсем понимал суть происходящих событий.

Он не жалел об этом перстне, потому что легко было возместить потерю по возвращении, и потому, что Кольца Власти были бесполезны здесь,

но странный обмен, который затеяла миссис Ундервуд, совершенно сбил с толку наивного гостя из будущего. Взяв какие-то бумажки из рук состоятельного замухрышки, Амелия положила их в карман Джереку.

Покинув магазин, они очутились на шумной улице.

— К счастью, сегодня базарный день, и мы не бросаемся в глаза в толпе, — сказала миссис Ундервуд. — Здесь будут цыгане, бродяги, нищие, убогие.

Телеги и экипажи забили узкую мостовую. Пара автомобилей дополняла дорожное столпотворение, вызывая со стороны пешеходов подчеркнутый кашель и нарочито громкие жалобы.

— Можно перекусить в станционном буфете, пока ждем поезда. В Лондоне сразу же отправимся в кафе «Роял», может быть, мы встретим кого-нибудь из ваших друзей. Это наш единственный шанс, — она стремительно преодолевала неровности деревенского тротуара, пока не достигла небольшой аллейки, которая переходила в серию каменных ступенек.

Беглецы взошли по ним и очутились на более спокойной дороге.

— Эта дорога приведет нас к станции, — предположила она довольно уверенно. — Нам повезло, это счастье — оказаться так близко к Орпингтону.

Амелия не ошиблась, потому, что вскоре они подошли к красному зданию с надписью «Орпингтон». Вчерашняя домохозяйка из Бромли решительно направилась к кассе и купила два билета второго класса до Чаринг Кросс.

— В нашем распоряжении двадцать минут, — сказала она, взглянув на часы над кассой. — Вполне достаточно, чтобы подкрепиться. Вы заметили, — добавила она тише, — здесь нет полиции. Кажется, побег удался.

* * *

В станционном буфете Джерек впервые в жизни отведал сандвич с сыром, и даже заставил себя доесть черствое лакомство. Зато чай показался намного вкуснее, чем тот, которым его радушно потчевали в доме Ундервудов. Когда, наконец, пришел поезд, наполняя станцию паром, Джерек восхищенно воскликнул:

— Амелия, он так похож на мой домашний локомотив!

Миссис Ундервуд смутилась. Люди смотрели на

Джерека и шептались друг с другом. Но Джерек ничего не замечал; он энергично потащил миссис Ундервуд через двери на платформу.

— Орпингтон! — выкрикнул тонкий человек в темной форме. — Орпингтон!

Джерек еле дождался, когда пассажиры выйдут из вагона, и, взобравшись внутрь, приветливо кивал и улыбался всем, кто уже сидел там.

— Я наслаждаюсь его великолепием, — не мог угомониться наивный путешественник, когда они уселись. — Древний транспорт всегда был моей слабостью.

— Прошу вас, не болтайте лишнего, — взывала она умоляющим шепотом.

Ей было досадно, что беспечный Джерек забыл все предупреждения о грозящей им газетной шумихе.

Он извинился и замолчал, переключив внимание на мелькающие за окном пейзажи.

В Чаринг Кросс миссис Ундервуд приехала в расстроенных чувствах. Прежде, чем покинуть вагон, она выглянула из открытого окна и, дождавшись, когда выйдут все пассажиры, сказала Джереку:

— Полиции пока не видно, но мы должны поторопиться.

Они слились с толпой, направлявшейся к барьеру на конце платформы, и тут даже Джерек понял, что они выделяются своим живописным видом. Разорванное, помятое и запачканное платье миссис Ундервуд привлекало недоброе внимание прохожих, на ней, к тому же, не было шляпки, тогда как все другие леди имели шляпы, вуали, зонтики от солнца и плащи. Черный плащ Джерека смотрелся не лучше одеяния миссис Ундервуд, а на левой штанине красовалась большая дыра. Нелестные комментарии и возмущенные возгласы усилились, когда злосчастные путники подошли к воротам и протянули контролеру свои билеты. Везение покинуло их в тот миг, когда Джерек увидел чинно вышагивающего полицейского и пронзительно закричал миссис Ундервуд:

— Спасайтесь, полиция!

Возглас привлек внимание стража порядка, который присмотревшись к ним, вынул свисток с восклицанием:

— Черт возьми! Это же они! — и кинулся в погоню.

Амелия была бессильна предотвратить случившееся, и ей ничего не оставалось, как пуститься наутек вместе с Джереком. По дороге они на-

летели на тучную даму с маленькой шавкой на поводке. Дама, едва удержавшись на ногах, завопила:

— Осторожнее! Смотреть надо!

Затем пришел черед двух старых дев, которые закудахтали, как испуганные курицы, о возмутительных манерах молодежи, и, наконец, под ноги им попался коренастый биржевик в шляпе чрезмерной высоты, который буркнул:

— Благослови мою душу, — и сел на прилавок торговца фруктами, отчего прилавок сломался, и яблоки, грейпфруты, апельсины и ананасы покатились во все стороны, заставив полицейского прервать попытки дунуть в свисток, пока он пробирался через фруктовые барьеры, с грозным предупреждением:

— Стой! Именем Закона…

Снаружи станции Джерек вдруг заметил знакомый предмет, оставленный кем-то у забора.

— Смотрите, миссис Ундервуд! Мы спасены, машина времени!

— Увы, это всего лишь велосипед — тандем.

Однако его руки крепко схватили руль, и он пытался оседлать «машину времени», как это делали другие люди.

— Лучше вызвать кэб, — предложила она.

— Садитесь быстрее. Где управление?

Со вздохом Амелия села на оставшееся свободное сидение.

— Поедем на Регент-стрит, она, к счастью, недалеко, на другой стороне Пиккадили. По крайней мере, это докажет вам раз и навсегда, что…

Ее голос стал неслышен, как только они очутились в гуще уличного движения, находя путь между трамваями и омнибусами, между лошадьми и автомобилями, заставляя и тех и других внезапно останавливаться посреди дороги, тяжело дыша или сотрясаясь при этом. Джерек ожидал, что вся окружающая сцена может исчезнуть в любой момент и не обращал внимания на столпотворение вокруг. Он с большим трудом сохранял равновесие на странной машине времени.

— Это произойдет вот-вот! — кричал он ей на ухо. — С минуты на минуту, — и сильнее жал на педали.

Все, что произошло затем — это то, что машина с бешеной скоростью пересекла Трафальгарскую площадь, пролетела мимо Самого рынка и очутилась на Лейцерстерской площади, где Джерек потерял управление и свалился с тандема, к изрядному удовольствию толпы уличных маль-

чишек, слоняющихся у дверей Императорского Театра Варьете.

— Машина, кажется, неисправна, — истолковал он неудачу.

Миссис Ундервуд напомнила, что предупреждала об этом.

После увлекательной прогулки на велосипеде ее платье порвалось в том месте, где попало в цепь. И все-таки, на время им удалось ускользнуть от полиции.

— Быстрее, — приказала она, — и молите Господа Бога, чтобы в кафе «Роял» оказался хоть кто-нибудь из ваших знакомых.

Наконец, они подбежали к кафе, в котором Джерек был почти сутки назад. Миссис Ундервуд толкнула дверь, но та не поддалась.

— О, Господи! — сказала она с отчаянием. — Кафе закрыто.

— Разве? — спросил Джерек и, прижав лицо к стеклу, разглядел людей внутри. На все его знаки они лишь качали головами и показывали на часы.

— Закрыто, — вздохнула миссис Ундервуд и рассмеялась каким-то жутким безжизненным смехом. — Ну что же! С нами покончено!

— Эй! — окликнул кто-то.

Они повернулись, готовые бежать, но это была не полиция. В потоке уличного движения они различили двухколесный кэб, позади кабины сидел извозчик с бесстрастным лицом.

— Привет, — раздался голос из кэба.

— Мистер Гаррис, — воскликнул Джерек, узнав человека. — Мы надеялись, что вы будете в кафе «Роял».

— Забирайтесь, — прошипел Гаррис. — Быстрее.

Миссис Ундервуд, не теряя времени, приняла его предложение, и вскоре все трое были втиснуты в кэб и тряслись мимо Цирка к Лейцерстерской площади.

— Вы тот самый молодой человек. Мы с вами встречались вчера, — узнал Джерека Гаррис. — Я так и думал. Какая неудача.

— Удача для нас, мистер Гаррис, — поправила миссис Ундервуд. — Но неприятности для вас, если узнают о вашем участии.

— О, я находил выход из худших ситуаций, — сказал он, легко рассмеявшись. — Кроме того, я прежде всего журналист, и нам, охотникам за новостями, дозволены определенные отклонения от правил при добыче по-настоящему хороших историй. Я помогаю вам не только из альтруизма,

как вы можете догадаться. Я читал сегодняшние газеты. Они сообщают, что вы — Ярмарочный убийца, воскресли из мертвых, чтобы соединиться с вашей… гм… любовницей! — глаза мистера Гарриса заблестели. — Что вы на это скажете? Вы определенно похожи на Убийцу, я видел рисунок в одной из газет, когда проходил суд. А вы, юная леди, были свидетельницей защиты на суде, не так ли?

Она с подозрением посмотрела на мистера Гарриса. Джереку показалось, что ей не понравился грубоватый тон добродушного редактора «Субботнего Обозрения». Гаррис тоже увидел, что она колеблется, и поднял Руку.

— Вы можете ничего не отвечать!! У вас нет, в конце концов, оснований доверять мне, — тростью он открыл крышку люка в кэбе. — Я передумал, кэбмен. Отвези нас на площадь Блумсбери! — крышка захлопнулась, когда Гаррис убрал трость. Повернувшись к беглецам, он продолжил. — Я отвезу вас в безопасное место.

— Почему вы помогаете нам, мистер Гаррис?

— Во-первых, я хочу получить права на вашу историю, мадам. Во-вторых, мне хотелось бы прояснить некоторые загадочные обстоятельства «Ярмарочного дела». Я хотел бы получить эту

информацию из первых Рук.

— Вы сможете привлечь Закон на нашу сторону? — надежда пересилила ее осторожность.

— У меня много друзей, — пообещал мистер Гаррис, поглаживая тростью свой подбородок, — в этой сфере. Я в близких отношениях с несколькими судьями Верховного Суда, членами Королевского Совета, маститыми юристами. Думаю, меня можно назвать влиятельным человеком, мадам.

— Тогда у нас есть шанс, — сказала миссис Ундервуд.

Глава шестнадцатая
Загадочный мистер Джексон

Поместив миссис Ундервуд и Джерека Карнелиана в свои апартаменты на Блумсбери, мистер Гаррис ушел, сказав, что скоро вернется, и что они могут располагаться поудобнее. Миссис Ундервуд нашла комнаты мистера Гарриса излишне фривольными, но Джерек был покорен портретами привлекательных молодых людей, толстыми бархатными шторами, и пушистыми турецкими коврами. В глаза бросалась масса фарфоровых статуэток, нефритовых и янтарных побрякушек.

Просмотрев книги, Джерек нашел много элегантных рисунков в манере, которую он раньше не встречал, и показал их миссис Ундервуд, надеясь, что они развлекут ее, но вместо этого она резко захлопнула книгу, отказавшись объяснить, почему не хочет смотреть на картинки. Надежды на то, что она поможет провести время, читая надписи в книге, рухнули, и он нашел другие книги с желтыми бумажными обложками, без картинок. Протянув одну из них Амелии, он спросил:

— Может, почитаете эту?

Взглянув на книгу, женщина недовольно фыркнула:

— Она на французском.

— Книга вам тоже не нравится?

— Книга на французском языке, — она заглянула в спальню и увидела широкую постель с дорогими покрывалами. — Все эти комнаты — вертеп разврата. Хотя мистер Гаррис помог нам, я не одобряю его образ жизни. У меня не возникает ни малейших сомнений в отношении его развлечений.

— Чем вам не нравится дом, где живет мистер Гаррис?

— Живет? О, да. Без сомнения, полной жизнью. Но я подозреваю, что это не то место, где он

принимает респектабельных друзей. — Амелия подошла к окну и раскрыла его. — Если они у него есть, — с сомнением добавила она. — Интересно, сколько нам придется сидеть здесь?

— Пока мистер Гаррис не поговорит с теми людьми, которых он знает и не запишет нашу историю, — ответил Джерек, повторяя то, что мистер Гаррис говорил им. — Я чувствую себя в полной безопасности в этой квартире, а вы?

— Так и было задумано, чтобы избежать внимания любопытствующей публики, — ответила Амелия и снова фыркнула.

Затем она уставилась в одно из высоких зеркал с позолоченной рамой и попыталась, как делала раньше, поправить свои волосы.

— Вы не устали? — Джерек прошел в спальню. — Мы можем немного полежать.

— Конечно, можем, — раздался резкий ответ. — Подозреваю, что здесь чаще лежат, чем стоят. Всюду модное искусство, лиловые плюмажи и благовония. Здесь мистер Гаррис принимает своих актрис.

— А, — ничего не понял Джерек, уловив, однако, что с комнатами не все в порядке. Он хотел бы, чтобы миссис Ундервуд побыстрее закончила его «моральное образование», тогда он тоже смог

бы наслаждаться фырканьем и поджиманием губ, так как не было сомнений, что она получала определенное удовольствие от такого рода деятельности.

На щеках Амелии играл румянец, глаза блестели.

— Актрисы? — переспросил Джерек.

— Так называемые.

— Еды здесь нет, — заметил он, — но зато много бутылок. Не хотите что-нибудь выпить?

— Нет, благодарю вас, мистер Карнелиан. Разве что минеральной воды.

— Вы лучше посмотрите сами. Я не смогу выбрать то, что нужно.

Она, поколебавшись, вошла в спальню и осмотрела обширную коллекцию в маленьком буфете около стены.

— Мистер Гаррис, кажется, питает отвращение к минеральной воде. — В это время раздался стук во входную дверь, и Амелия насторожилась. — Кто это может быть?

— Наверное, вернулся Гаррис?

— Возможно. Откройте дверь, мистер Карнелиан, но будьте осторожны. Ваш мистер Гаррис не вызывает у меня доверия.

Джерек довольно долго возился с замком, и

легкий стук прозвучал снова, прежде, чем он открыл дверь. Увидев гостя, Джерек вздохнул с облегчением и удовольствием.

— О, Джеггед, дорогой Джеггед! Наконец-то это вы!

Приятной наружности мужчина в дверях снял шляпу.

— Разрешите представиться, — отрекомендовался он, — Джексон! Мне кажется, я видел вас в кафе «Роял». Вы, должно быть, мистер Карнелиан?

— Входите, хитрый Джеггед. Галантно поклонившись миссис Ундервуд, застывшей в центре гостиной, Лорд Джеггед Канари вошел в дверь.

Джерек пожал плечами.

— Если вы не Джеггед, а Джеггед не был Джеггером, то я должен допустить, что имеется ряд Джеггедов, играющих свою роль, возможно, через все историю…

Мистер Джексон улыбнулся и вытащил записную книжку и карандаш.

— Вот это материал, — сказал он. — У нашего друга мистера Уэллса появился опасный конкурент, а, миссис Ундервуд!

— Мистер Уэллс — не мой друг, — отрезала она.

— А вы с ним хорошо знакомы? — спросил Джерек.

— Не очень. Нас связывает несколько случайных бесед в прошлом. Хотя я читал почти все его книги. Если ваша история не хуже «Чудесного посещения», и может быть представлена подходящим образом, тогда наше издание гарантировано!

Он вальяжно развалился в глубоком кресле, а Джерек и миссис Ундервуд робко присели на краешек оттоманки напротив него.

— Насколько я понял, вы утверждаете, что являетесь Ярмарочным убийцем, воскресшим из мертвых.

— Совсем нет, — воскликнула миссис Ундервуд. — Мистер Карнелиан никого не убивал.

— Вы, наверное, миссис Ундервуд? Меня зовут Джексон! Я работаю для «Субботнего Обозрения». Мистер Гаррис прислал меня сделать некоторые записи. Он присоединится к нам позже.

— Вы — судья! — воскликнула она. — Это вы, Лорд Джеггед, обрекли мистера Карнелиана на гибель.

Мужчина, который представился мистером Джексоном, удивленно приподнял брови, деликатным движением снял плащ и положил его

вместе с шляпой, перчатками и тростью на стол.

— Мистер Гаррис предупредил меня, что вы, вероятно, еще немного возбуждены. И это понятно, мадам. Я уверяю вас, что не являюсь ни одним из двух упомянутых вами людей. Я просто Джексон, журналист. Моя работа заключается в том, чтобы задать вам несколько вопросов. Мистер Гаррис передает свое почтение и говорит, что он делает все, что в его власти, чтобы связаться с кем-нибудь из высокопоставленных лиц, которых пока не будем упоминать, в надежде, что они смогут помочь вам.

— Вы очень похожи на Лорда Главного Судью, — сказала она.

— Не вы первая говорите мне это. Увы, но я не обладаю известностью и талантом этого джентльмена.

Джерек засмеялся.

— Вы только послушайте его! Джеггед, вы как всегда великолепны!

— Мистер Карнелиан, — упрекнула его Амелия. — Я думаю, вы ошиблись. Мы смущаем мистера Джексона.

— Нет-нет, — мистер Джексон отмахнулся от подозрений жестом своей изящной руки. — Мы, журналисты, очень стойкие ребята, если вы

знаете.

— Значит, несправедливо обвинен? Вернулся, чтобы оправдать себя? О, это превосходный материал.

— Я не умирал, — ответил Джерек. — В последнее время, во всяком случае. Мне сложно понять то состояние, о котором вы сказали.

— Боюсь, вы заблуждаетесь, мистер Джерек, — прямолинейно возразила миссис Ундервуд.

— Тогда, где вы были, мистер Карнелиан?

— В моем собственном времени, во времени Джеггеда, в отдаленном будущем, конечно. Я — путешественник во времени, так же, как и миссис Ундервуд, — Джерек коснулся ее руки, но благовоспитанная леди быстро одернула ее. — Таким образом, мы встретились.

— Вы всерьез верите, что путешествовали сквозь время, мистер Карнелиан?

— Конечно. О, Джеггед, есть ли какой-нибудь смысл в этом? Вы уже однажды играли в эту игру!

Мистер Джексон переключил внимание на миссис Ундервуд.

— Вы утверждаете, что посетили будущее. И встретили там мистера Карнелиана? Вы полюбили друг друга?

— Мистер Карнелиан был добр ко мне и он спас меня от заключения.

— Ага! И вы хотели сделать то же самое для него здесь?

— Нет. Я до сих пор не могу понять, как ему удалось избежать смерти на виселице. Но он остался жив, отправился назад в свое время, а потом вернулся. Неужели это было только вчера? В Бромли?

— Ваш муж вызвал полицию?

— Непреднамеренно, но, да, полиция была вызвана. Мой муж перенервничал. Между прочим, вы не знаете, как он сейчас?

— Я только читал, что написано в газетах. В бульварных листках его цитируют, как заявившего, что вы вели двойную жизнь: днем — как богобоязненная домохозяйка, ночью — как сообщница воров…

— О, нет! Значит, моя репутация погублена.

Мистер Джексон поправил манжет на своей рубашке.

— Похоже, потребуется много труда, миссис Ундервуд, чтобы восстановить ваше доброе имя. Вы знаете, как прилипчив запах скандала, он остается надолго после того, как выяснилось, что сам скандал оказался необоснованным.

Она распрямила плечи.

— Я должна убедить Гарольда, что он заблуждается. Я не распутное существо, как он думает обо мне.

— Без сомнения, — пробормотал мистер Джексон, и его перо быстро забегало по странице блокнота. — Теперь вы можете описать будущее? — он повернулся к Джереку. — Анархическая утопия, вероятно? Вы анархист, не так ли, сэр?

— Я не знаю, что это такое, — сказал Джерек.

— Он, конечно, не знает, — воскликнула миссис Ундервуд. — Некоторая анархия, может быть, и является результатом его действий.

— Тогда, социалистическая утопия?

— А, теперь я понимаю, куда вы клоните, мистер Джексон, — выпалила миссис Ундервуд. — Вы считаете, что мистер Карнелиан, в некотором роде, сумасшедший политический убийца, утверждающий, что он из идеального будущего в надежде пропагандировать свои убеждения?

— Нет, я интересовался…

— У вас вначале была такая идея?

— Мистер Гаррис предположил…

— Я так и подозревала. Он не поверил ни слову из нашей истории!

— Он считает ее чуть приукрашенной, миссис

Ундервуд. Если бы вы услышали ее из моих уст, тоже могли бы так подумать.

— Я — нет, — улыбнулся Джерек, — потому что я знаю, кто вы.

— Успокойтесь, пожалуйста, мистер Карнелиан, — сказала миссис Ундервуд. — Вы можете все запутать.

— Боюсь, вы начинаете сбивать меня с толку, — проговорил мистер Джексон уравновешенным тоном.

— Тогда мы только в расчете, веселый Джеггед за путаницу, которую вы вызвали у нас в головах. — Джерек Карнелиан встал и зашагал по комнате. — Вы знаете, что эффект Морфейла приложим ко всем случаям путешествия в прошлое, как к путешественникам, возвращающимся в свое собственное время, так и к тем, кто просто посещает прошлое из какого-нибудь будущего века?

— Боюсь, что не слышал об этом «эффекте Морфейла». Какая-нибудь новая теория?

Не обращая внимания, Джерек продолжал:

— Я сейчас подозреваю, что эффект Морфейла действует только на тех путешественников, кто произвел достаточное число парадоксов, влияющих на ткань Времени. Тем же, кто осторожен

в маскировке своего происхождения, не использует никакую информацию, которую они имеют о будущем, позволено существовать в прошлом столько, сколько они пожелают!

— Я не уверен, что полностью понимаю вас, мистер Карнелиан. Продолжайте, пожалуйста, — мистер Джексон не отрывался от блокнота.

— Если вы расскажете многим, что я рассказал вам, то это вернет нас, вероятно, снова в будущее. — Джерек вперил в мистера Джексона немигающий взгляд. — Не так ли, Джеггед?

Мистер Джексон сказал извиняющимся тоном:

— Я все еще не вполне с вами согласен, но, тем не менее, продолжайте говорить, а я буду записывать.

— Нет, пока я воздержусь от разговоров, — ответил Джерек. — Я должен все обдумать.

— Мистер Джексон может помочь, если поверит нам, — предположила миссис Ундервуд. — Но если он того же мнения, что и мистер Гаррис…

— Я — репортер, — сказал мистер Джексон. — И держу все свои теории при себе, миссис Ундервуд. Единственное, чего я хочу, это сделать мою работу. Если у вас есть какие-нибудь доказательства, например…

— Покажите ему этот странный пистолет, кото-

рый у вас есть, мистер Карнелиан.

Джерек пошарил в кармане своего плаща и вытащил пистолет-имитатор.

— Вряд ли это доказательство, — усомнился он.

— Это, определенно, очень причудливая конструкция, — пробормотал мистер Джексон, осматривая пистолет.

Он держал оружие в своих руках, когда раздался стук, и голос за дверью проревел:

— Откройте! Именем Закона!

— Полиция! — миссис Ундервуд в ужасе схватилась за голову. — Мистер Гаррис предал нас!

* * *

Дверь задрожала под тяжестью ударов. Мистер Джексон медленно встал, протягивая пистолет обратно Джереку.

— Я думаю, нам лучше впустить их, — сказал он.

— Вы знали, что они придут, — закричала миссис Ундервуд, обвиняя. — О, мы обмануты всеми!

— Я сомневаюсь, что Гаррис знает об этом. С другой стороны, вы приехали сюда в обычном кэбе. Полиция могла узнать адрес от кэбмена. Типично для Гарриса — забыть такую важную деталь.

Мистер Джексон крикнул в сторону двери.

— Подождите секунду, пожалуйста. Сейчас открою.

Он улыбнулся ободряюще миссис Ундервуд, открывая щеколду и широко распахивая дверь.

— Добрый день, инспектор!

Мужчина в тяжелом пальто и маленькой шляпе котелком, твердо сидящей на макушке глыбоподобной головы, прошел с тяжеловатым достоинством быка в комнату. Он огляделся, презрительно фыркая, как фыркала миссис Ундервуд, намеренно не замечая ни Джерека Карнелиана, ни миссис Ундервуд. Затем он сказал:

— Грм-м…

И развернулся, как злобный носорог, выставив палец вперед, подобно угрожающему рогу, пока тот не уперся в нос Джерека.

— Это ты?

— Кто?

— Ярмарочный убийца?

— Нет, — Джерек чуточку отодвинулся назад.

— Думаешь, нет, — он потрогал пальцем тщательно приглаженный ус. — Я — инспектор Спрингер, — он сдвинул брови над глубоко посаженными мрачными глазами. — Из Скотланд-Ярда, — добавил он. — Слышал обо мне?

— Боюсь, что нет, — ответил Джерек.

— Я имею дело с политиками, чужаками, беспокойными иностранными элементами и расследую эти дела исключительно твердо.

— Итак, вы тоже в это верите! — встала миссис Ундервуд. — Вы ошибаетесь в своих подозрениях, инспектор.

— Увидим, — ответил загадочно инспектор Спрингер. Он поднял палец и согнул его, приказывая четырем или шести людям в форме войти в комнату. — Я знаю анархистов, леди. Вы все производите особенное впечатление. Несомненно, мы собираемся провести самое тщательное расследование, очень тщательное.

— Вы напали на ложный след, — сказал мистер Джексон. — Я журналист и брал интервью у этих людей, и…

— Как вы говорите, сэр, ложный след? Ладно, мы скоро выйдем на правильный, не бойтесь, — он посмотрел на пистолет-имитатор и протянул руку, чтобы взять его. — Отдайте мне это оружие, — сказал он. — Это не английский образец.

— Я думаю, тебе лучше выстрелить. Джерек, — вполголоса посоветовал мистер Джексон. — Больше, кажется, нет выбора.

— Вы хотите, чтоб я выстрелил, Джеггед?

Мистер Джексон пожал плечами.

— У нас нет выхода.

Джерек нажал на курок.

— В нем остался только один выстрел…

В комнате на площади Блумсбери вдруг появилось пятнадцать обнаженных воинов с зелеными треугольными лицами и голубыми телами. Запястья пришельцев из каннибальской империи были украшены браслетами, на шеях позвякивали ожерелья из костей и черепов. В руках древние воины, вернее, воительницы, держали длинные копья с заточенными остриями и дубинки с шипами. Когда чудовища ухмылялись, появлялись желтые, заостренные напильником, зубы.

— Я знал, что ты красный анархист, — сказал с триумфом инспектор Спрингер.

Полицейские попятились к двери, но инспектор Спрингер не уступал своих позиций.

— Арестуйте их, — приказал он сурово.

Зелено-голубые леди что-то протараторили и, казалось, стали наступать. При этом они облизывали шершавые губы.

— Сюда, — прошептал мистер Джексон, проводя Джерека и миссис Ундервуд в спальню.

Он открыл окно и вылез на маленький балкон. Затравленные влюбленные присоединились к

нему, пока он балансировал мгновение на балюстраде, затем грациозно прыгнул на соседний бал кон, к которому была пристроена лестница, с помощью которой не составляло труда спуститься на землю. Мистер Джексон прошел через маленький двор к стене и открыл ворота, выходившие на уединенную тенистую улочку.

— Джеггед, только вы знали, что может сделать пистолет-имитатор! Это вы!

— Милостивый государь, — оскорбился мистер Джексон. — Я просто понял, что ваше оружие может пригодиться в столь затруднительном положении.

— Куда мы идем? — жалобно спросила миссис Ундервуд.

— О, Джеггед поможет нам вернуться в будущее! — доверительно сообщил ей Джерек. — Правда, Джеггед?

Мистер Джексон казался озадаченным.

— Даже если бы я и был вашим другом, нет никаких оснований думать, что я всесилен и могу бездумно скакать во времени, когда душе угодно.

— Я не подумал об этом, — согласился Джерек. — Значит вы обыкновенный экспериментатор, продвинувшийся в своих исследованиях дальше, чем я?

Мистер Джексон ничего не ответил.

— А мы — ваши подопытные, Лорд Джеггед? — продолжил Джерек. — Ну и как, вы почерпнули для себя что-то полезное из наших скитаний?

Мистер Джексон пожал плечами.

— Наша беседа доставила бы мне больше удовольствия, — сменил он тему, — если бы мы оказались в более безопасном месте. Теперь я, как и вы, «в бегах». Давайте отправимся в мои комнаты в Сохо, и там обдумаем ситуацию. Я свяжусь с мистером Гаррисом и получу новые инструкции. Конечно, мы ставим его в неловкое положение, — они пробирались по боковым улочкам. Солнце начало садиться, и вечер вступал в свои права.

Миссис Ундервуд отстала на пару шагов и схватила Джерека за руку.

— Он водит нас за нос, — прошептала она. — Мы нужны ему или пресловутому мистеру Гаррису для их корыстных целей. Мы должны надеяться только на себя, тем более, что полиция, не верит больше, что вы — беглый убийца.

— Зато они думают, что я анархист. Разве это не хуже?

— К счастью нет, в глазах Закона.

— Куда мы пойдем?

— Вы знаете, где живет мистер Уэллс?

— Да, в кафе «Роял». Я видел его там.

— Тогда мы попытаемся добраться до кафе «Роял». Он не живет там в буквальном смысле, мистер Карнелиан, но, будем надеяться, что он проводит там достаточно много времени.

— Вы должны объяснить мне разницу, — попросил он.

Мистер Джексон махнул рукой кэбмену, но когда он повернулся, чтобы пригласить своих спутников войти в кэб, они были уже на другой улице и бежали так быстро, как могли позволить их уставшие ноги.

Глава семнадцатая
Особенно памятная ночь в кафе «Роял»

На улице стемнело, когда изнуренные путники узкими проулками прокрались к кафе «Роял». После того, как миссис Ундервуд приобрела в небольшом магазинчике подержанной одежды около Британского музея старую потрепанную шаль для себя и побитый молью реглан, чтобы прикрыть вызывающе обшарпанный костюм Джерека, они не привлекали к себе особого внимания, подобно любой другой парочке, принадлежавшей лондонской голытьбе. Но стоило

им подойти к дверям кафе «Роял», как на их пути возникло очередное препятствие, в лице официанта, который, преградив им дорогу, решительно и спокойно потребовал:

— Проваливайте отсюда! Клянусь, я никогда не думал, что доживу до того дня, когда эти голодранцы настолько обнаглеют.

В ресторане было немного посетителей, но происшествие не оставило равнодушных, и со всех сторон посыпались реплики.

— Проваливайте, говорю! — стал терять терпение официант. — Я вызову полицию…

Лицо его стало пунцовым от гнева.

Джереку было недосуг общаться с бдительным официантом, потому что он увидел Гарриса в компании леди экзотичной наружности, одетой в кричащий пурпур, украшенный черными кружевами; черную мантилью. На черных, как смоль, волосах было несколько серебряных заколок. Мистер Гаррис беспечно шутил, вызывая визгливый искусственный смех своей дамы.

— Мистер Гаррис! — окликнул Джерек Карнелиан.

— Мистер Гаррис! — свирепо выпалила миссис Ундервуд, оставив за спиной взбудораженного официанта, и надвигаясь на столик редактора. —

Мне необходимо поговорить с вами, сэр.

— О, мой Бог! — простонал мистер Гаррис. — Я думал, что вы еще… Как? О, мой Бог!

Леди в красном повернулась, чтобы посмотреть, что случилось. Губы ее сливались с пурпуром платья. Довольно холодным тоном она спросила:

— Эта леди — ваш друг, мистер Гаррис?

Он схватил за руку свою подругу.

— Донна Изабелла, поверьте — это люди, которым я оказываю покровительство…

— Ваше покровительство, оказывается, ничего не стоит, — миссис Ундервуд смерила оценивающим взглядом Донну Изабеллу с головы до ног. — Значит, это и есть та высокопоставленная особа, с которой, как я поняла, вы должны были встретиться?

Раздался хор жалоб с соседних столиков. Официант схватил Джерека Карнелиана за руку, и тот, наконец, удостоил удивленным взглядом рьяного служителя ресторана.

— Что вы хотите?

— Вы должны уйти, сэр. Я вижу теперь, что вы джентльмен, но вы одеты несоответственно.

— Это все, что у меня осталось — ответил Джерек. — Мои Кольца Власти бессильны в эпохе Рассвета.

— Извините, я не понимаю.

Джерек доброжелательно показал официанту уцелевшие Кольца.

— У каждого из них свои функции. Это предназначено для биологических реконструкций. Это…

— О, мой Бог? — заметался мистер Гаррис.

Новый голос прервал его, возбужденный и громкий:

— Вот они! Я говорил вам, что мы найдем их в этой помойной яме.

Мистер Ундервуд выглядел, как будто он не спал долгое время. На нем все еще был костюм, в котором Джерек видел его прошлой ночью. Соломенные волосы растрепались, пенсне криво сидело на носу.

Позади мистера Ундервуда стоял инспектор Спрингер и ошеломленные предыдущими событиями подчиненные.

Несколько посетителей встали, потребовав свои пальто и шляпы. Только мистер Гаррис и донна Изабелла остались на месте. Мистер Гаррис подпирал голову руками, Донна Изабелла оживленно осматривалась, улыбаясь теперь каждому, кого встречал ее взгляд. Блестело серебро, шуршало платье. Она, казалось, была довольна

вмешательством полиции.

— Схватить их, — потребовал мистер Ундервуд.

— Гарольд! — начала миссис Ундервуд, — произошла ужасная ошибка! Я не та женщина, какой ты меня считаешь.

— Конечно, мадам! Конечно!

— Я имею в виду, что неповинна в грехах, в которых ты обвиняешь меня, дорогой!

— Ха!

Инспектор Спрингер и его люди, соблюдая осторожность начали пробираться, несколько настороженно, к маленькой группке в другом конце ресторана; суровый Гарольд Ундервуд замыкал их шествие с тыла. Мистер Гаррис пытался вернуть расположение Донны Изабеллы.

— У меня нет ничего общего с этими людьми, Изабелла!

— Ну и что, я хочу познакомиться с ними поближе, — манерно сказала она. — Представь их, пожалуйста, Френк.

В тот момент, когда материализовался оркестр Латов, многие из официантов уже покинули зал вместе с последними посетителями.

Капитан Мабберс с инструментом наготове, ошеломленно огляделся. Зрачки его единствен-

ного глаза начали медленно фокусироваться.

— Феркит! — рявкнул он воинственно, но ни к кому конкретно не обращаясь. — Круфруди!

Инспектор Спрингер застыл посреди зала и задумчиво уставился на семерых маленьких пришельцев. С видом человека, находящегося на пороге открытия глубочайшей истины, он пробормотал:

— Ха!

— Смаркфруб, глекс мибикс нью! — доложил один из членов экипажа капитану Мабберсу и угрожающе нацелил свой инструмент на ноги инспектора Спрингера. Очевидно, они столкнулись с той же проблемой, что и Джерек, обнаружив, что их оружие не могло работать в таких условиях.

Три зрачка Лата тревожно сошлись, а затем разбежались в разные стороны. Он пробормотал что-то себе под нос, повернувшись спиной к инспектору Спрингеру. Уши его повисли.

— Остатки твоей анархической банды, да? — язвительно спросил инспектор Спрингер. — У этих еще более отчаянный вид, чем у предыдущих. Что за линго? Какой-то диалект русского?

— Это Латы, — дружелюбно объяснил Джерек. — Их, должно быть, захватило полем, которое установила Няня. Обыкновенный парадокс. Они

— космические путешественники, — повернулся он к миссис Ундервуд, — из моего собственного времени.

— Кто из вас говорит по-английски? — строго спросил инспектор Спрингер капитана Мабберса.

— Хавтьярд! — хорохорился капитан.

— Не бузи, бандюга, — предупредил полицейский, — знаю я вашего брата.

Один из его людей показал на полосатые фланелевые костюмы Латов и предположил, что они, должно быть, убежали из тюрьмы (несмотря на то, что костюмы больше напоминали пижамы).

— Это не повседневная одежда, — сказал Джерек. — Няня дала им такие, когда…

— А вас никто не спрашивает, сэр, если хотите знать, — перебил его инспектор Спрингер высокомерно. — Мы запишем ваши показания позже.

— Офицер, вы должны арестовать этих распутников, — настаивал обманутый Гарольд Ундервуд, все еще трясясь от ярости. Он показывал на свою жену и Джерека.

— Удивительно, — размышляла вслух миссис Ундервуд, — как можно прожить с человеком столь долгое время, не предполагая высоты страсти, до которой он способен подняться.

Инспектор Спрингер протянул руку к капитану Мабберсу. Луковицеобразный нос Лата, казалось, запульсировал от ярости. Капитан Мабберс поднял голову вверх и засверкал глазами на инспектора Спрингера. Полицейский попытался положить руку на плечо отважного космического флибустьера, но резко одернул ее назад.

— У-У! — завыл он, баюкая поврежденную конечность. — Маленький мерзавец укусил меня.

Он в отчаянии повернулся к Джереку. — Ты можешь говорить на их линго?

— Боюсь, что нет, — ответил Джерек, — Переводильные Пилюли эффективны лишь для одного языка, а в настоящее время я говорю на вашем…

Инспектор Спрингер, казалось, отвлекся от Джерека на какой-то момент.

— Другие просто исчезли, — огорчился он, убежденный, что кто-то намеренно обманывает его.

— Они были иллюзией, — успокоил его Джерек. Это — настоящие космические путешественники.

Инспектор Спрингер сделал очередное движение по направлению к капитану Мабберсу.

— Джиллинп гофф, — предостерег его дерзкий Мабберс и сильно лягнул сотрудника Скотланд-Ярда своей копытообразной ногой.

— У-У! — завопил снова инспектор Спрингер. — Хорошо. Ты просил этого, — он стал похож на разъяренного быка.

Капитан Мабберс оттолкнул стол. Серебряные приборы рассыпались со звоном по полу. Двое бойцов из его экипажа, увидев ножи и вилки, упали на коленки и стали подбирать холодное оружие, возбужденно тараторя, будто нашли закопанное сокровище.

— Не трогайте кухонную утварь, — заорал инспектор Спрингер. — Ладно, ребята. Хватайте их!

Констебли достали дубинки и кинулись на Латов, которые отбивались столовыми приборами и музыкальными инструментами.

В ресторан вошел мистер Джексон. Он сам повесил пальто и шляпу, поскольку все служащие покинули свои посты. Мало интересуясь столпотворением в центре зала, он прошел к месту, где тихо сидел стонущий Френк Гаррис. Донна Изабелла хлопала в ладоши и хихикала, а Джерек Карнелиан и миссис Ундервуд, потрясая кулаками, прыгали по полю сражения, с требованием арестовать Латов (инспектор Спрингер, казалось, не верил, что долгом инспектора может быть такая мелочь, как поимка карликов-музыкантов из отдаленной галактики).

— Добрый вечер, — приветливо поздоровался Джексон и, открыв изящный золотой портсигар, достал египетскую сигарету. Вставив ее в мундштук, он прикурил от спички и прислонился к колонне, продолжая наблюдать за битвой…

— Я так и думал, что найду вас здесь, — добавил он.

Джерек с удовольствием лицезрел побоище.

— Я догадывался, что вы придете, Джеггед. Как можно пропустить такое?

Оказалось, никто из его друзей не желал пропустить такое зрелище, так как в этот момент появились в своих костюмах, сверкающих и затмевающих пышность кафе, Железная Орхидея, Герцог Квинский, Епископ Тауэр и миледи Шарлотина.

Железная Орхидея пришла в восторг, обнаружив своего сына, но когда она заговорила, Джерек не понял ни единого слова. Пошарив в кармане, он извлек остатки Переводильных Пилюль и протянул четыре вновь прибывшим. Они тотчас же поняли ситуацию и каждый проглотил по пилюле.

— Я думала сперва, что это еще одна иллюзия из твоего пистолета-имитатора, — сказала ему Железная Орхидея, — но мы находимся в Эпохе

Рассвета, вместе с тобой?

— О, да, нежнейший из цветов. Видишь, я нашел свою миссис Ундервуд.

— Добрый вечер, — холодно поздоровалась чопорная леди с родительницей Джерека.

— Добрый вечер, моя дорогая. На вас прекрасный костюм, — Железная Орхидея повернулась в вихре сверкающей материи, — И Джеггед здесь тоже. Приветствую вас, ленивый Лорд Канари!

Мистер Джексон вяло улыбнулся в ответ. Епископ Тауэр подобрал свой голубой халат и уселся рядом с мистером Гаррисом и Донной Изабеллой.

— Это лучше, чем тот дремучий лес, в котором мы чуть не застряли, — начал он. — Вы жительница этого века, или гость, как я?

Донна Изабелла кокетливо улыбнулась ему.

— Я из Испании, — ответила она. — Танцую экзотические танцы.

— Как восхитительно! Латы не очень побеспокоили вас?

— Маленькие люди-чудовища? О, нет. Они так весело развлекаются с полицией.

Мистер Гаррис трясущейся рукой налил в свой фужер шампанского и залпом выпил, не предложив никому составить компанию.

Миледи Шарлотина поцеловала миссис Ундервуд в щеку.

— О, вы не представляете, сколько волнений причинили нам всем, хорошенький предок. Я убедилась, что в вашем веке тоже масса развлечений, — она присоединилась к Епископу Тауэру.

Герцог Квинский восторгался по поводу плюмажа золоченых украшений ресторана.

— Сделаю такой же, как только вернусь, — объявил он. — Как он называется?

— Кафе «Роял».

— Он заиграет красками в пятикратной величине, затмив оригинал. Дай мне добраться до Конца Времени, — провозгласил Герцог.

В середине зала раздавались приглушенные крики «Феркит» и «У-у». В битве неустрашимых Латов и отважных полицейских не было победителей. Несколько столов с грохотом упали на пол.

Герцог Квинский тщательно изучал форму полицейских.

— Такое случается каждый вечер? Я завидую их фантазии. Включить в программу выступление Латов. Какой размах.

— Это обычная пьяная драка, — возразил мистер Джексон.

— Кафе широко известно, — объяснила Донна Изабелла любопытному Епископу Тауэру, — своей богемной клиентурой. Оно не такое чопорное, как рестораны того же класса.

Раздался странный воющий звук и вспышка света, ослепившая всех; затем под потолком повис Браннарт Морфейл в упряжке пульсирующего желтого цвета, с двумя, быстро вращающимися дисками на горбу, рискуя столкнуться с большой хрустальной люстрой. Его уродливая ступня болталась, а он сам дергал за часть упряжи около плеча, очевидно испытывая трудности в управлении машиной.

— Я предупреждал вас! Я предупреждал вас! — вещал он с высоты срывающимся визгливым голосом, будто использовал собственный транслятор.

Голос то повышался, то затихал.

— Все эти махинации со Временем создадут хаос. Ничего хорошего из этого не получится. Остерегайтесь! Остерегайтесь!

Даже полиция и Латы прервали свою битву, чтобы посмотреть вверх на привидение. Браннарт Морфейл с воплем перевернулся на спину, болтая руками и ногами.

— Эти проклятые пространственные коорди-

наты, — пожаловался он, дернул за упряжь еще раз, и перевернулся так, что теперь плавал лицом вниз.

Громкий жужжащий звук его дисков становился все выше.

— Единственная машина, которую я заставил работать, чтобы попасть сюда. Глупая идея 95 столетия об экономии… О-о-о… — и он снова оказался на спине.

Мистер Ундервуд внезапно утихомирился, переключив внимание на Браннарта Морфейла, пенсне застыло на его бледном лице, с губ слетали бессвязные слова.

— Это все твоя работа, Джерек Карнелиан! — Один из дисков вышел из строя, и Браннарт Морфейл заскользил боком вдоль потолка, вызывая мелодичный звон хрустальных люстр каждым прикосновением руки, ноги или горба. — Твои бездумные прыжки сквозь время породили ужасающие вихри в мегапотоке. Посмотри, что ты наделал, остановись, пока не поздно. А-аа-а, — ученый яростно засучил ногами, запутавшись в бархатном ламбрекене над окном.

Тихим дрожащим голосом мистер Гаррис изливал душу пресвятой Шарлотине.

— Всю жизнь, — жаловался он, — меня обвиня-

ли в сочинительстве неправдоподобных историй. Кто теперь поверит этой!

— Браннарт, конечно, прав, — рассудительно сказал мистер Джексон, прислонившись к облюбованной им колонне. — Только стоило ли рисковать из-за этого?

— Рисковать? — переспросил Джерек, наблюдая, как миссис Ундервуд подошла к своему мужу. — Я не могу понять, почему эффект Морфейла до сих пор не срабатывает?

Браннарт Морфейл снова парил в свободном пространстве, тщетно пытаясь наладить второй диск. Заметив мистера Джексона, он встрепенулся.

— И вы здесь, Лорд Джеггед? В какой роли выступаете, капризный эгоист? Теперь я понял, кто затеял этот хаос!

— Мой дорогой Браннарт, уверяю вас…

— Ба! Уф, — диск стал набирать обороты, и ученый забавно задергался в разные стороны. — Ни Джерек, ни эта женщина не должны находиться здесь, так же, как и вы, Джеггед! Кто осмелится пойти против Времени, навлечет рок на всех!

— Рок! — шепотом вторил мистер Ундервуд, не замечая, как заблудшая жена энергично трясет его за плечи.

— Гарольд! Гарольд! Ответь хоть что-нибудь!

Он повернул голову и нежно улыбнулся.

— Рок! — сказал он. — Я должен был понять, это — Апокалипсис! Не тревожься, моя дорогая, потому, что мы будем спасены, — он похлопал ее по руке.

Амелия разразилась слезами.

Мистер Джексон подошел к Джереку, наблюдавшему эту сцену с тревожным интересом.

— Нам нужно уходить, пока не поздно, — предупредил он.

— Только с миссис Ундервуд! — отчеканил Джерек.

Мистер Джексон вздохнул и пожал плечами.

— Было бы неплохо, если б вы остались вместе. Вы такая редкая пара…

— Редкая?

— Просто такое выражение.

Мистер Ундервуд, равнодушный к мольбам жены, запел удивительно звучным тенором.

Иисус, любимец моей души!
Позволь мне к твоей груди припасть,
Пока катятся воды,
Пока соблазны еще велики,
Спрячь меня, о, мой Спаситель, спрячь!

Пока не пройдут бури жизни,
Направь в безопасную гавань,
О, прими, наконец, мою душу!

— Какой изыск! — захлопала в ладоши Железная Орхидея. — Такой примитивный ритуал помнят только руинные Города!

— Это больше похоже на колдовское заклинание, — возразил ей Епископ Тауэр, известный пристрастием к древним обрядам, — Мы можем даже сказать, что это своего рода вызов священного призрака, — объяснил он благодушно потрясенной Донне Изабелле. — Они потому называются так, что их практически невозможно увидеть. Вы знаете, они почти прозрачны.

— Как и мы в таких случаях, — поддержала разговор Донна Изабелла, обворожительно улыбнувшись Епископу Тауэру, который наклонился вперед и поцеловал ее в губы.

— Берегитесь! — каркал с потолка Браннарт Морфейл, но все уже потеряли интерес к нему.

Латы и констебли возобновили битву.

— Я без ума от вашего маленького столетия! — признался Герцог Квинский Джереку. — Теперь я понимаю, почему вы здесь.

Джерек был польщен, несмотря на свой обыч-

ный скепсис относительно вкуса Герцога.

— Благодарю вас, дорогой Герцог. Хотя, строго говоря, оно не мое.

— Как бы там ни было, вы открыли его. Я должен побывать здесь еще раз, если все остальное похоже на это место.

— Что вы, этот мир гораздо разнообразней! — рассеянно отвечал Джерек, не отрывая взгляда от богомольной четы Ундервудов.

Миссис Ундервуд, все еще плача, держала руку мужа и подпевала ему:

Прикрой мою беззащитную голову
Тенью своего крыла…

Ее дискант гармонировал с тенором обманутого супруга. Джерек нахмурился, в нем шевельнулось незнакомое доселе чувство.

— Здесь есть листья, лошади и канализационные фермы.

— Как им удается выращивать канализационные отходы?

— Долго объяснять, — Джереку не хотелось признавать свое невежество перед старым соперником.

— Джерек, если у тебя будет время, покажи мне канализационную ферму, пожалуйста, — уни-

женно просил Герцог Квинский, и Джерек понял, что Герцог сложил оружие, признав изысканность его вкуса.

Он снисходительно улыбнулся.

— Как только появится время, мы обязательно отправимся туда, — благосклонно ответил он поверженному современнику.

Мистер Гаррис уронил голову на скатерть стола и заливисто захрапел.

Джерек шагнул было к дуэту Ундервудов, но почему-то остановился в нерешительности. Епископ Тауэр поднял голову.

— Присоединяйся к нам, бойкий Джерек! В конце концов, ты — наш хозяин.

— Не совсем, — скромно ответил Джерек, занимая стул рядом с Донной Изабеллой.

Латов загнали в дальний угол кафе «Роял», но они продолжали мужественно отбиваться… Ни один полицейский не вышел из этой потасовки без синяка или укуса.

Джерек обнаружил, что совсем не обращает внимания на застольную беседу. Он удивлялся, почему миссис Ундервуд так плачет, когда поет. Мистера Ундервуда, напротив, переполняло блаженство.

Донна Изабелла подвинулась к Джереку, и он

уловил смешанный запах фиалок и египетских сигарет. Епископ Тауэр прикоснулся губами к ее нежной холеной руке с пурпурными ногтями.

Над их головами зажужжал пропеллер Бранарта Морфейла, и они услышали страстные призывы горбуна:

— Возвращайтесь в свое собственное время, пока можете. Иначе вы останетесь здесь навсегда, вы будете покинуты! Слышите! Вы слыши-и-ите!

С этими словами он исчез к радости Джерека. Донна Изабелла повернула голову, адресовав Джереку обворожительную улыбку и внимательно слушая красноречивого Епископа Тауэра.

— Любовь, любовь, моя любовь, — пропела она, — остерегайтесь полюбить сами. Тогда вы испытаете все прелести любви и избежите горечи предательства. Лучше, если полюбят вас, нежели, если полюбите вы!

Джерек улыбнулся.

— Вы говорите, как Лорд Джеггед. Боюсь, я уже попал в ловушку.

— Кроме того, — произнес Епископ Тауэр, настойчиво удерживая руку Донны, — кто скажет, что слаще — меланхолия или безумный экстаз?

Оба посмотрели на Епископа с некоторым удивлением.

— Каждый выбирает по себе, — загадочно изрекла она и обратилась к Джереку хрипловатым голосом.

Но… вы… намного моложе, чем я.

— Разве? — заинтересовался Джерек. Он понял, что жизнь этих людей была коротка, вопреки их воле. — Тогда вам, должно быть, лет пятьсот?

В глазах Донны Изабеллы появился недобрый огонек, губы сжались, и она с гримасой на лице повернулась спиной к Джереку, засмеявшись довольно деланно на что-то сказанное Епископом Тауэром.

Джерек заметил у дальней стены зала расплывчатую фигуру, которую не мог узнать. Фигура была одета в какие-то доспехи и озиралась вокруг в недоумении.

Лорд Джеггед тоже заметил ее. Он сдвинул красивые брови и задумчиво пыхнул сигаретой.

Фигура исчезла почти немедленно.

— Кто бы это мог быть, Джеггед? — спросил Джерек.

— Воин из двенадцатого столетия, — ответил Лорд Джеггед. — Я не мог ошибиться! А вот еще!

Маленькое дитя, с немного мерцающими контурами тела, озиралось по сторонам в недоумении, но исчезло через несколько секунд.

— Семнадцатый век, — установил Джеггед. — Я начинаю принимать всерьез предупреждения Браннарта Морфейла. Вся ткань Времени под угрозой полной диффузии. Я должен был проявить осторожность. А, ладно…

— Вы чем-то встревожены, Джеггед?

— У меня есть на это причина, — ответил Лорд Джеггед. — Немедленно уводи отсюда миссис Ундервуд.

— Но она так увлеченно поет.

— Я вижу.

С улицы донеслась трель свистков, и в ресторан ворвался отряд полицейских с дубинками наготове. Их начальник представился инспектору Спрингеру:

— Сержант Шервуд, сэр!

— Почти вовремя, сержант, — инспектор поправил пальто и водрузил помятую шляпу на голову. — Мы расчищаем берлогу иностранных анархистов. Фургоны снаружи?

— Фургонов достаточно для всей этой шайки, инспектор, — сержант Шервуд бросил презрительный взгляд на разношерстную компанию. — Я всегда знал: все, что говорят про этот вертеп — правда.

— И даже хуже. Взгляните на них, — инспектор

Спрингер показал на Латов, которые уже махнули рукой на борьбу и сидели мрачно в углу, зализывая раны. — Вы вряд ли поверите, что они — наши сородичи!

— Безобразные клиенты, это правда. Конечно, не англичане.

— Нет! Литовцы. Типичные восточно-европейские смутьяны. Они там таких выращивают.

— Как? Специально?

— Да, по какой-то там диете, — уверенно ответил инспектор, — творог и тому подобное.

— Я не хотел бы оказаться на вашем месте ни за какие деньги.

— Да, моя работа бывает противной, — согласился Спрингер. — Ладно, пора брать под стражу эту братию.

— Гм… крашенных женщин тоже?

— Конечно, сержант. Всех до единого. Мы разберемся с ними в Скотланд-Ярде.

Мистер Джексон слышал этот разговор и повернулся к Джереку, пожимая плечами.

— Боюсь, что теперь нам ничто не поможет, — сказал он философски. — Сейчас нас заберут в тюрьму.

— Правда? — оживился Джерек. — Я так соскучился по камере, — мечтательно произнес он,

отождествляя темницу с одним из самых счастливых моментов в жизни, когда адвокат, мистер Гриффитс, прочитал ему признание миссис Ундервуд. — Там могут быть машины времени.

Лорд Джеггед не разделял радости своего друга.

— Нам очень бы пригодилась одна, — сказал он, — если наши проблемы еще больше не усложнятся. Я сказал бы, что наше время истекает, и во многих смыслах.

Раздался неожиданный щелчок, и Джерек Карнелиан посмотрел на свои запястья. Вновь прибывший констебль защелкнул пару наручников на них.

— Надеюсь, вам нравятся браслеты, сэр, — сказал он с ироничной усмешкой.

Джерек засмеялся и поднял руки.

— Да, они прекрасны! — оценил злостный правонарушитель.

В общем шуме возбужденного веселья вся компания вывалилась из кафе «Роял» и погрузилась в ожидающие полицейские фургоны. Мистер Гаррис остался храпеть в полном одиночестве.

Железная Орхидея хихикнула.

— И часто это с вами случается? — спросила она Донну Изабеллу и, не ожидая ответа, продолжила, — для меня это пикантное угощение.

Мистер Ундервуд с просветленным взором повернулся к полицейскому, когда миссис Ундервуд вывела его из дверей.

— Не падайте духом, — ободрил он инспектора Спрингера, — Господь с нами.

Инспектор покачал головой и вздохнул.

— Говорите за себя, — сказал он, зная, что впереди его ждет нелегкая ночь.

Глава восемнадцатая
Наконец, к машине времени

— Премьер поставлен в известность, — внушительно объявил он, уперев руки в бока, в центре большой камеры, глядя на заключенных с самодовольным выражением фермера, купившего хорошую скотину. — Я не удивлюсь, — вошел он в раж, — если окажется, что мы раскрыли самую крупную шайку бунтовщиков против Короны со времен Порохового Заговора. Думаю, за пару дней мы выкурим их всех из потайных нор, — он уделил особое внимание капитану Мабберсу и его экипажу. — Мы еще узнаем, как подобные вам ублюдки проникают в наше государство.

— Грунек вертедас, — задабривающе пробормотал капитан Мабберс, надеясь уладить

конфликт.. — Фрег нашер, тьюнайтли, мибикс?

— Это я уже слышал, парень. Скажешь это английскому суду! Пусть он решает вашу участь.

Капитан Мабберс оставил свои попытки договориться с инспектором, чертыхаясь, вернулся к соумышленникам.

— Нам нужен переводчик, инспектор, — сказал сержант Шервуд, составлявший протокол. — Я не могу понять их имена. Эти проклятые иностранцы.

— У меня осталась пилюля, — услужливо предложил Джерек. — Вы можете принять ее и побеседовать с ними, как на своем родном языке.

— Пилюля? Вы стоите здесь и предлагаете мне, офицеру полиции, наркотики? — Спрингер повернулся к сержанту Шервуду. — Наркотики!

— Это многое объясняет, — кивнул сурово сержант Шервуд.

— Интересно, что случилось с теми, на летающей машине?

— Их местонахождение будет выяснено со временем, — пообещал инспектор Спрингер.

— Надеюсь, они уже в Конце Времени, — сказал Джерек. — Искажения, кажется, прекратились, Джеггед?

— Джексон, — поправил Джеггед без настойчивости. — Да, но они начнутся снова, если мы не поторопимся.

Мистер Ундервуд перестал петь и теперь качал головой из стороны в сторону.

— Напряжение, — говорил он, — перегрузка, как ты говоришь, моя дорогая.

Миссис Ундервуд успокаивала его.

— Прости за резкость, за все, это было не по-христиански. Я должен был выслушать тебя… если ты любишь этого мужчину.

— О, Гарольд!

— Нет-нет. Лучше, если ты останешься с ним. Мне нужен отдых… в деревне. Возможно, я поживу у моей сестры, в доме Милосердия в Уайтхевене. Развод…

— О, Гарольд! — Амелия сжала его руку. — Никогда! Все давно решено, я остаюсь с тобой!

— Что!? — возмутился Джерек, в котором проснулся собственник. — Не слушайте ее, мистер Ундервуд. Хотя, нет… — он тут же раскаялся в своих словах, — вы должны ее выслушать.

Мистер Ундервуд сказал более твердо:

— Это не только ради тебя, Амелия. Скандал…

— О, Гарольд! Прости…

— Ты не виновата, я уверен.

— Ты подашь в суд на меня?

— Конечно, это естественно. Ты не сможешь…

— Гарольд! — на этот раз ее слезы, казалось, были другими. — Куда я пойду.

— К мистеру Карнелиану.

— Разве ты не понимаешь, что это значит, Гарольд!

— Тебе не привыкать к зарубежному климату, и ты, покинув Англию, совьешь теплое гнездышко в другом месте.

Она вытерла глаза и бросила на Джерека испепеляющий взгляд.

— Во всем виноваты вы, мистер Карнелиан. Видите, что случилось?

— Не совсем, — начал он, но махнул рукой, потому что она снова переключилась на мистера Ундервуда.

В камеру вошел еще один полицейский.

— Ага, — сказал инспектор. — Простите, что поднял вас с постели, констебль. Я только хотел кое-что прояснить. Вы, кажется, присутствовали при казни Ярмарочного убийцы?

— Да, сэр.

— Это тот парень, которого повесили? — он показал на Джерека.

— Похож, сэр. Но я видел, как Убийца умер. С

определенным достоинством, что отмечалось в свое время. Нет, этот парень не может быть Убийцей.

— Вы видели тело… после?

— Нет, сэр? В самом деле, сэр, был слух… ну… Нет, сэр, он выглядел несколько иначе… волосы другого цвета и цвет лица…

— Я изменил их с того времени, как… — начал Джерек, желая помочь следствию добровольным признанием, но инспектор Спрингер гаркнул:

— Молчать, ты! — он был доволен показаниями констебля. — Благодарю вас!

— Рад служить, сэр, — констебль покинул комнату.

Инспектор Спрингер подошел к мистеру Ундервуду.

— Вам получше?

— Да, — с осторожностью согласился мистер Ундервуд. — Я надеюсь, я имею в виду, вы не думаете, что я…

— Я думаю, что вы ошиблись, вот и все. Имея шанс, э… увидеть вас в других обстоятельствах, я сказал бы, что… э… вы были немного перенапряжены… не совсем в себе… хм, — он начал снова почти добродушно, — … с вашей сбежавшей миссис и все такое. Кроме того, я благодарен

вам, мистер Ундервуд. Вы невольно помогли нам разоблачить эту злодейскую шайку. Мы знали, что на Ее Величество готовилось покушение, но не располагали уликами. Теперь их больше, чем достаточно, чтобы раскрыть Заговор.

— Вы имеете в виду… эти люди?… Амелия, ты знала?

— Гарольд, — она умоляюще взглянула на Джерека. — Мы рассказали тебе правду. Я уверена, что никто из присутствующих здесь ничего не знает о таком ужасном заговоре. Это люди из будущего!

Инспектор Спрингер недоверчиво покачал головой и повернулся к сержанту Шервуду.

— Как мы будем отделять психов от рецидивистов?

Железная Орхидея зевнула.

— Слушай, сынок, — пробормотала она Джереку, — я не ожидала, что в эпохе Рассвета могут быть такие скучные места.

— Не везде, мама, — извиняющимся тоном сказал он.

— Следовательно, сэр, — продолжал беседу с мистером Ундервудом энергичный инспектор. — вы можете идти. Конечно, вы понадобитесь нам, как свидетель, но я не вижу необходимости за-

держивать вас.

— А моя жена?

— Боюсь, она должна остаться.

Мистер Ундервуд вышел вслед за сержантом Шервудом.

— Прощай, моя дорогая, — сказал он.

— Прощай, Гарольд. — теперь она не казалась очень расстроенной.

Герцог снял свою роскошную охотничью шляпу и начал стряхивать грязь с ее плюмажа.

— Что это за вещество, — полюбопытствовал он у Джексона.

— Пыль, — ответил Джексон, — мусор.

— Как интересно. Из чего вы делаете ее?

— В Эпохе Рассвета много способов производить ее, — сообщил мистер Джексон.

— Ты должен показать мне какой-нибудь, Джерек. — Герцог Квинский снова надел шляпу. Его голос упал до шепота. — Чего мы ждем?

— Не знаю, — ответил Джерек, — но вам следует наслаждаться этим. Мне лично нравится здесь все.

— И нам тоже, о, изгонитель скуки! — Герцог Квинский посмотрел благосклонно на инспектора Спрингера. — Мне нравится твой характер, Джерек. В нем столько подлинного.

Сержант Шервуд вернулся с величественным человеком средних лет, в черном сюртуке и высокой черной шляпе. Узнав его, инспектор Спрингер с рвением доложил.

— Они все здесь, сэр. Хочу отметить, что мы поймали их, несмотря на все трудности!

Сановый гость скользнул безразличным взглядом по колоритным ликам жизнерадостных потомков, среди которых оказались Донна Изабелла и миссис Ундервуд, и тяжело вздохнул при виде Джерека и капитана Мабберса. Однако, когда он перевел глаза на мистера Джексона, из груди его вырвалось сдавленное.

— О, великие небеса!

— Добрый вечер, Мунрой, или, может, уже утро? — Джеггед, казалось, забавлялся. — Как поживает Премьер?

— Глазам своим не верю. Это вы, Джеггед?

— Боюсь, что да, сэр.

— Но как вы попали сюда?…

— Спросите инспектора, старина.

— Инспектора?

— Вы знакомы, сэр?

— Разве вы не узнали лорда Чарльза Джеггеда?

— Но… — начал оправдываться Спрингер.

— Я же говорил вам, что это он, — с триумфом

сказал Джерек миссис Ундервуд, но она жестом приказала ему замолчать.

— Вы говорили инспектору кто вы, Джеггед?

— Он был занят поимкой анархистов, и я не хотел мешать своими объяснениями. Мне казалось, что лучше подождать.

Мунрой кисло улыбнулся.

— И поднять меня с постели.

— Здесь есть эстонцы, сэр, — сказал инспектор Спрингер нетерпеливо, — по крайней мере, мы поймали их.

Мунрой с достоинством повернулся и сурово посмотрел на Латов.

— А, да. Это не ваши, друзья, Джеггед?

— Отнюдь. Инспектор Спрингер отлично справился с захватом этих злоумышленников. Остальные — мои гости. Мы обедали в кафе «Роял». Вы знаете о моем пристрастии к искусству…

— Конечно, я думаю инцидент исчерпан.

— Подумать только, вы даже не чертов анархист? — сокрушался инспектор Спрингер, буравя Джерека непримиримым взглядом. — Всего-навсего псих с хорошими связями, — и он горько вздохнул.

— Инспектор, — пожурил его величавый Мунрой.

— Простите, сэр.

— Феркит, — воззвал капитан Мабберс из своего угла. Он, казалось, обращался к Мунрою. — Глу, мибикс?

— Гм, — сказал Мунрой.

Латы плохо переносили тяготы тюремного заключения. Маленькой сплоченной кучкой они сидели на полу камеры, ковыряясь в своих сопливых носах и почесывая шелудивые головы.

— У вас есть какие-нибудь основания подозревать лорда Джеггеда и его друзей, инспектор? — спросил сухо Мунрой.

— Нет, сэр, кроме… Нет, даже эти зеленые и грубые женщины, сэр… — инспектор Спрингер покорился неизбежности. — Нет, сэр.

— Им предъявлено обвинение?

— Нет еще… э, нет, сэр.

— Они могут быть свободны?

— Да, сэр.

— Слышите, Джеггед? Другие дела, — сказал Мунрой, махнув тростью на неутешных инопланетян, — подождут до утра. Надеюсь, у вас есть улики, инспектор?

— О, да, сэр, — ответил инспектор Спрингер, хотя в его глазах и голосе пропала уверенность в будущем. Он беспомощно уставился на Латов. —

Ну, во-первых, это чужеземцы, сэр.

Когда они вышли на широкий бульвар Уайтхолла, друг лорда Джеггеда Мунрой приподнял свою шляпу, обращаясь к леди:

— Примите мои поздравления по поводу ваших костюмов, — сказал он. — Получился бы чудесный бал-маскарад, если бы все костюмы были такими прекрасными. До встречи в клубе, Джеггед?

— Возможно, завтра, — ответил Джеггед.

Мунрой степенно удалился в направлении Уайтхолла.

Утренние лучи коснулись высотных зданий.

— Какое чудо! — воскликнула миледи Шарлотина. — Старомодный рассвет. Настоящий!

Герцог Квинский хлопнул Джерека по плечу.

— Великолепно!

Джерек все же чувствовал, что заработал уважение Герцога несколько дешево, учитывая, что он совсем ничего не делал, чтобы вызвать восход солнца, но не смог отказать себе в глубоком удовольствии быть приобщенным к творцам чудес 19-го столетия, поэтому он снова скромно покачал головой и позволил Герцогу лить бальзам на душевные раны.

— Что за воздух! — воскликнул Герцог Квин-

ский. — Что за благоухание! Ах! — Он обогнал всех и повернул на набережную, восхищаясь мусором, не тонущим в реке, баржами и пленкой нефти. — Все серого цвета при раннем рассвете!

Джерек донимал миссис Ундервуд:

— Ну хоть теперь вы скажете, что отвечаете мне взаимностью, Амелия? Ваша связь с мистером Ундервудом завершилась.

— Он того же мнения, что и вы, — вздохнула она. — Я сделала все, что могла.

— Я знал, что он настоящий джентльмен. Недаром мы нашли общий язык.

— Он потерял рассудок, — сказала она. — Я виновата в том, что случилось.

Она, казалось, не желала продолжать разговор, и Джерек тактично разделил ее молчание. На реке прогудел буксир. Несколько чаек поднялись в небо, залитое мягким сверкающим золотом, деревья вдоль набережной шелестели, как бы пробуждаясь к новому дню. Все, кроме выясняющих отношения влюбленных, увлеклись обсуждением городского пейзажа.

— Нам будет, что вспомнить об этом пикнике, — поделилась Железная Орхидея с Лордом Джеггедом. — Когда мы отправляемся назад?

— Скоро, — просто ответил он.

В конце концов, они покинули набережную и свернули на улицу, которую Джерек узнал. Он коснулся руки миссис Ундервуд.

— Вы узнаете здание?

— Ха, — пробормотала она, хотя ее мысли были заняты другим. — Это Центральный уголовный суд, где вас приговорили к смертной казни.

— Смотрите, Джеггед! — окликнул Джерек. — Помните?

Лорд Джеггед тоже, казалось, думал о чем-то другом. Он кивнул головой.

Смеясь и болтая, дружная компания прошла Центральный уголовный суд и остановилась перед объектом, который привлек их внимание.

— Собор Святого Павла, — сказала Донна Изабелла, цепляясь за руку Епископа Тауэра. — Вы не видели его раньше?

— О, мы должны зайти внутрь!

Именно в этот момент Лорд Джеггед, вскинув свою благородную голову, остановился, словно лиса, уловившая запах своих преследователей. Он поднял руку, и Джерек с миссис Ундервуд заколебались, наблюдая, как остальные взбежали вверх по ступенькам.

Весельчак Епископ исчез первым, за ним последовали Железная Орхидея и миледи Шарлотина.

Последним рассеялся Герцог Квинский с удивлением на лице.

Донна Изабелла села на ступеньки и закричала. Крики не стихали еще какое-то время, пока Джеггед вел их по лабиринту маленьких мощеных улиц.

— Мы были бы следующими, если бы нам не повезло, — объяснил он. — Эффект Морфейла должен был сработать. Моя вина… Целиком моя вина… Быстрее…

— Куда мы идем, Джеггед?

— К машине времени, той, в которой ты прибыл сюда впервые. Ее привели в порядок и мы можем отправляться. Но флуктуации, вызванные последними приходами и уходами, могли привести к серьезным последствиям. Браннарт знал, о чем говорил. Торопитесь!

— Я не уверена, что хочу сопровождать кого-нибудь из вас, — упиралась миссис Ундервуд. — Вы разбили мне жизнь!

— Миссис Ундервуд, — мягко напомнил Лорд Джеггед, — у вас нет выбора. Альтернатива ужасна, уверяю вас.

Убежденная его тоном, Амелия не стала возражать.

В конце улочки, застроенной выцветшими

облупившимися зданиями, несколько человек загружали телегу.

— Я устала, — пожаловалась миссис Ундервуд, — и не могу идти так быстро, мистер Джексон. Я не спала почти две ночи.

— Мы уже на месте, — ответил он и, вынув из кармана ключ, вставил его в замок двери из потемневшего дуба. Дверь скрипнула, когда он толкнул ее. Лорд Джеггед закрыл дверь и протянул руку за керосиновой лампой. Чиркнув спичкой, он зажег лампу.

Когда свет стал ярче, Джерек увидел, что они стояли на каменном полу огромной комнаты, пропитанной запахом плесени. Он заметил крыс, быстро бегающих по стропилам крыши.

Джеггед подошел к большой куче всякого хлама и начал растаскивать ее в стороны, потеряв в спешке часть своего хладнокровия.

— Кто вы, зловещий мистер Джексон? — с упреком спросила Амелия. — Вы играли нашими судьбами, превратив нас в кукол для своих забав! Я знаю, что не ошибаюсь!

— Может быть, мадам, — ответил Джеггед, все еще растаскивая кучу. — У меня нет времени, чтобы объясниться с вами сейчас, мы обязательно вернемся к этой теме. Я должен был соблюдать

осторожность, поэтому у меня два основных псевдонима в этом мире. Моя жизнь — прошлое и будущее. Мне было известно о «Конце Света» еще до того, как Юшарисп принес эту весть на нашу планету. Я совершил открытие, узнав о существовании людей с особенным подбором генов, препятствующих эффекту Морфейла, и решил предотвратить катастрофу, хотя бы для некоторых из нас…

— Катастрофу, Джеггед?

— Конец для всех нас, дорогой Джерек. Я не могу вынести мысли, что, достигнув такого совершенства, мы должны погибнуть. Ты видишь, мы узнали, как жить. И все зря. Такая ирония была невыносима для меня, любителя иронии. Я прошел много-много лет в этом столетии — в самом дальнем прошлом, в которое я мог попасть в моей собственной машине, произведя сложные проверки, посылая различных людей и будущее и, наблюдая, как их «принимало» Время, когда они возвращались в свой собственный век. Никто не выжил, я скорблю об их судьбе. Только миссис Ундервуд осталась, очевидно, не подверженной эффекту Морфейла.

— Значит, это вы похитили меня! — воскликнула Амелия.

— У вы! — он стащил последнюю тряпку, открывая сферическую машину времени, которую Браннарт Морфейл дал взаймы Джереку для его первого путешествия в Эпоху Рассвета. — Я надеюсь, — продолжал он, — что некоторые из нас переживут Конец Времени. И вы можете помочь мне. Эту машину времени можно контролировать. Она перенесет вас в Конец Времени, Джерек, где мы сможем продолжать наши эксперименты. По крайней мере, — добавил он, — она должна. Нестабильность мегапотока в настоящий момент тревожит меня, но мы будем надеяться на лучшее. Теперь вы, двое, входите в машину. Вот дыхательные маски для вас.

— Мистер Джексон, — вспылила миссис Ундервуд. — Я больше не позволю помыкать мной, — она сложила руки на груди. — Я не поддамся гипнозу ваших псевдонаучных лекций!

— Я думаю, он прав, миссис Ундервуд, — сказал Джерек неуверенно. — И причина, по которой я пришел к вам, была той, что вы не подвержены эффекту Морфейла. По крайней мере, в машине времени у нас есть шанс попасть в любой век по нашему выбору.

— Вспомните, как Джерек избежал повешения, — убеждал ее Лорд Джеггед. Он уже открыл

круглую дверь машины времени. — Это был эффект Морфейла. Его смерть могла вызвать парадокс. Я знал об этом и способствовал тому, что казалось вам, миссис Ундервуд, его уничтожением. Вот доказательство моей доброжелательности — он жив!

С неохотой она пошла к машине времени.

— Я смогу вернуться?

— Почти наверняка. Но, я надеюсь, что вы не захотите, когда выслушаете меня.

— Вы едете с нами?

— Моя собственная машина времени в четверти мили отсюда. Я не могу оставить ее в вашем веке. Это очень усовершенствованная модель. Она не регистрируется даже приборами Браннарта. Я последую за вами. Обещаю, миссис Ундервуд, что не обману вас и открою все, что знаю, когда мы вернемся в Конец Времени.

— Прекрасно.

— Здесь не очень удобно, — предупредил Джерек, помогая войти в люк. — Вы должны задержать дыхание на мгновение, — они втиснулись в камеру. Он протянул даже дыхательную маску. — Наденьте ее на голову, вот так… — он улыбнулся, уловив ее приглушенные жалобы. — Не бойтесь, миссис Ундервуд. Наши великие странствия при-

ближаются к концу. Скоро мы вернемся на нашу милую виллу с розами, обвивающими дверь, тапочками и ватерклозетами, — остальная часть его излияний утонула в дыхательной маске, которую он натянул на голову. Цилиндр стал заполняться молочно-белым газом, и Джереку захотелось облачиться в резиновый костюм, чтобы одежда не пропиталась этим веществом. В глазах миссис Ундервуд появилось выражение негодующего отвращения.

Шлюз быстро наполнился, и их понесло течением в основную камеру. Здесь некоторые приборы попеременно мигали зеленым и красным светом. Они плыли, неспособные контролировать свои движения, в густой жидкости. Когда его тело медленно повернулось, Джерек увидел, что глаза миссис Ундервуд закрыты. Начали мигать зеленые и желтые огоньки. Жидкость становилась все темнее.

Цифры, которые он не мог прочитать, начали мелькать на экране. Запульсировал белый свет, и Джерек понял, что машина сейчас стартует в будущее. Он расслабился, предчувствие скорого возвращения захлестнуло его.

Желтый свет обжигал глаза, кружилась голова, боль пронзила его члены, но он удержался от кри-

ка, боясь испугать миссис Ундервуд. Жидкость приобрела кровавый оттенок. Джерек лишился чувств.

Когда он очнулся, первым ощущением его была радость, что путешествие закончилось. Джерек повернулся, чтобы посмотреть, пришла ли в себя его любимая.

Но вдруг все началось сначала. Зеленые огоньки уступили место красным, голубым и желтым. Запульсировал белый свет, боль усилилась, жидкость опять стала кровавой.

И снова он потерял сознание.

Он очнулся и увидел бледное лицо миссис Ундервуд. Он попытался дотронуться до нее рукой, и, как будто этого действия оказалось достаточно, чтобы процесс начался снова. Зеленые и красные цвета уступили место голубым и желтым. Ослепляющая белизна, боль, потеря сознания. Он снова очнулся. Машина содрогалась, и откуда-то доносился скрежещущий вой.

На этот раз он закричал помимо своей воли и подумал, что миссис Ундервуд тоже кричит. Белый свет пульсировал. Вдруг стало совершенно темно. Затем мигнул зеленый огонек и пропал. Мигнул красный огонек и пропал. Вспыхнули голубой и желтый.

И тогда Джерек Карнелиан понял, что страхи Лорда Джеггеда оправдались. Время воспротивилось столь откровенному вмешательству людей и сейчас беспощадно карало злосчастных мучеников, швыряя их в Прошлое и Будущее. Они стали жертвами эффекта Морфейла, будто и не входили никогда в машину времени. Время метило тех, кто пытался завоевать его.

Прежде, чем потерять сознание в очередной раз, Джерек утешил себя тем, что они вместе.

Глава девятнадцатая в которой Джерек Карнелиан и миссис Амелия Ундервуд обсуждают определенные моральные проблемы

— Мистер Карнелиан! Проснитесь, пожалуйста! Я вас умоляю!

— Я не сплю, — простонал Джерек, не открывая глаз.

Его кожа была приятно теплой. Ноздри улавливали восхитительный аромат. Стояла тишина.

— Тогда откройте глаза, — потребовала она. — Мне нужен ваш совет.

Он подчинился и открыл глаза.

— Какая глубокая голубизна. Мы вернулись, в конце концов. Должен признать, я почти отчаялся, когда машина забарахлила. Как мы выбрались наружу?

— Я вытащила вас, и правильно сделала, — она показала жестом на машину времени, которая совсем развалилась.

Миссис Ундервуд стряхивала песок со своего потрепанного бархатного платья.

— Какая-то дрянь, — ворчала Амелия. — Когда она высыхает, одежда становится жесткой.

Он сел, улыбаясь.

— Не стоит волноваться по пустякам. Кольца Власти при мне, и сейчас у вас будет новая одежда. Интересно, кто придумал этот потрясающий пейзаж?

Ландшафт простирался на мили: заросли папортниковых растений разных размеров, от маленьких, покрывающих землю ковром, до очень больших, вышиной с тополь. Недалеко от пляжа, на котором они оказались, раскинулось спокойное море.

— Замечательная репродукция, — согласилась она. — Правдоподобней, чем все, что обычно делают ваши современники.

— Вы знаете оригинал?

— Я изучала такие вещи прежде. Мой отец принадлежал к современной школе. Он не отвергал Дарвина.

— Дарвин любил его? — мысли Джерека вернулись к излюбленной теме.

— Дарвин был ученым, мистер Карнелиан, — в голосе ее слышалось раздражение.

— Так это он придумал все это?

— Нет, нет, тот мир не имеет ничего общего с ним. Фактически, просто риторическое выражение.

— Что такое «риторическое выражение»?

— Я объясню это позже. Просто этот ландшафт напоминает землю в очень ранней стадии ее геологического развития. Тропический климат, наличие типичных папортников и растений. Это, вероятно, Ордовикский период Палеозоя, возможно, и Силурийский. Если это полная репродукция, то море, которое вы видите, должно кишеть съедобными моллюсками. В этом периоде нет больших зверей. Все возможное для поддержания жизни, и ничего, что бы угрожало ей.

— Не могу представить, кто создал это, — гадал Джерек, — если только не Леди Безголосая. Она в свое время строила серию ранних миров, Египет ей особенно удался.

— Этот мир процветал за миллионы лет до Египта, — впала в лирическое настроение миссис Ундервуд. — До появления человека и даже динозавров оставались миллионы лет. О, это рай! Вы видите, здесь ничего не напоминает о той жизни, которую мы знаем.

— Да, такой жизни не было очень долго, — подтвердил Джерек. — Только та, которую мы создали для себя сами.

— Вы не понимаете меня, мистер Карнелиан.

— Простите, я постараюсь. Мечтаю продолжить мое моральное образование как можно скорее. Есть много вещей, которым вы можете обучить меня.

— Да, это мой долг, — с упоением сказала Амелия. — Иначе нет оправдания моему появлению в этих краях, — она улыбнулась себе. — В конце концов, я вышла из семьи миссионеров.

— Новое платье? — спросил он.

— Если вас не затруднит.

Он коснулся Кольца с изумрудом. Ничего не произошло.

Он прикоснулся к алмазу, потом к аметисту. Ничего не случилось. Джерек был озадачен.

— Кольца Власти никогда не подводили меня прежде, — сказал он.

Миссис Ундервуд кашлянула.

— Становится жарко. Давайте скроемся в тени папортников.

Он согласился. По дороге Джерек испробовал все свои Кольца Власти снова, с удивлением качая головой.

— Странно, возможно, когда машина времени забарахлила…

— Машина времени работала с перебоями?

— Да, она двигалась хаотично взад и вперед во Времени. Я совершенно отчаялся вернуться сюда.

— Куда сюда?

— О, дорогая.

— Итак, — рассуждала она, усаживаясь на рыжий камень и рассматривая мили и мили силурийских папортников, — мы могли попасть в Прошлое, не так ли, мистер Карнелиан?

— Да, есть такая вероятность?

— Несмотря на заверения вашего друга Лорда Джеггеда, не упустила возможность уколоть Лорда Канари язвительная женщина.

— Да, — Джерек прикусил губу. — Но он боялся, что мы отправляемся слишком поздно, вы помните?

— И был прав.

— Если это тот век, про который вы думаете, то здесь совсем нет людей?

— Ни одного. Даже примитивных.

— Мы в Начале Времени?

— За неимением лучшего определения — да, — ее изящные пальцы барабанили по камню. Амелию не вдохновляла подобная ситуация.

— О, дорогая, — расстроился он. — Неужели мы никогда не увидим Железную Орхидею?

Она немного приободрилась при этих словах.

— Мы попытаемся не падать духом и будем ждать спасения.

— Наши шансы невелики. Никто еще не забирался так далеко назад. Даже Лорд Джеггед не проникал в Прошлое дальше вашего века.

Миссис Ундервуд взяла себя в руки и стала обдумывать дальнейшее житье.

— Сначала нужно построить хижину. Желательно две. Мы должны отыскать съедобных моллюсков. Да, не забудьте взять из машины времени все, что может пригодиться. Хотя, там не так уж много полезного.

— Вы уверены, что этот период?

— Мистер Карнелиан! Единственное доказательство того, что мы в силурийском периоде, — полное бессилие ваших Колец Власти.

— Эффект Морфейла должен был послать нас в Будущее, — упрямствовал Джерек, — а не в Прошлое.

— Уверяю вас, что после 1896 года невозможно подобное Будущее. Вы можете понять это?

— Нет, — осенило вдруг Джерека. — Я обсуждал возможность циклической природы времени с Браннартом Морфейлом и Лордом Джеггедом совсем недавно. А мы не могли забраться в Будущее так далеко, что оказались снова на старте?

— Все это пустословие, — отмахнулась она, — при теперешних обстоятельствах.

— Согласен, но это поможет понять, почему мы оказались в этой ситуации.

Амелия сорвала лист папортника у себя над головой и стала обмахиваться, выказывая полное пренебрежение к его словам. Джерек удобно улегся на земле и наслаждался прелестями Силурийского (или Ордовикского) климата.

— Вы приняли этот мир за рай, миссис Ундервуд. Где, как не в Раю, можно предаваться любви?

— Надеюсь, вы говорите не о присутствующих, мистер Карнелиан?

— Я говорю о нас, Амелия! — произнес он мечтательно. — Мы сможем дать жизнь новой

человеческой расе! Новому циклу времени! Мы можем расцвести до эпохи Динозавров. Это Рай, а мы Адольф и Ева! Или, я имею в виду, Алана и Эдну?

— Вы хотели сказать — Адам и Ева, мистер Карнелиан. Если это так, то вы богохульствуете, и я не могу, не желаю слышать ничего больше.

— Бого… что?

— хульствуете.

— Это относится к Морали?

— Полагаю, что да.

— Тогда объясните подробнее, — попросил он возбужденно.

— Вы совершаете проступок против Божества. Это богохульство — отождествлять себя с Адамом подобным образом.

— А вас с Евой?

— С Евой тоже.

— Простите.

— Вы не знали, — она продолжала обмахивать себя веткой. — Нам лучше приступить к поискам пищи. Вы не голодны?

— Я голоден по вашим поцелуям, — ответил он романтически и поднялся на ноги.

— Мистер Карнелиан!

— Ведь мы, — сказал он, — можем «поженить-

ся» теперь, не так ли? Мистер Ундервуд сказал то же самое.

— Мы не разведены с ним. Кроме того, даже если бы я была разведена с мистером Ундервудом, нет причины полагать, что я желаю выйти замуж за вас. Более того, здесь, в Силурийском периоде, нет никого, чтобы поженить нас, — казалось, она выложила неопровержимые и исчерпывающие аргументы, но Джерек не внял ее словам.

— Если я получу моральное образование, — спросил он, — вы выйдете за меня замуж?

— Возможно… если все остальное будет разрешено должным образом… что сейчас маловероятно…

Джерек вернулся на пляж и глубоко задумался, глядя на бескрайнее море. У ног зашевелился маленький моллюск. Джерек наблюдал за ним некоторое время, а затем, услышав движение позади себя, обернулся.

В шляпке из папоротников, которая придавала ее личику еще большую привлекательность, стояла миссис Ундервуд.

— Простите, если расстроила вас, мистер Карнелиан, — примирительным тоном молвила она. — Видите ли, вы несколько более прямолинейны, чем я привыкла. Я знаю о вашей невинности и

неискушенности. Но вы наделены способностью переворачивать все с ног на голову.

Он пожал плечами.

— Поэтому я должен получить моральное образование. Я люблю вас, миссис Амелия Ундервуд. Вполне возможно, что Лорд Джеггед подтолкнул меня к этим чувствам вначале, но с тех пор они овладели мной. Я — раб любви! Конечно, я могу утешать себя, но не в силах разлюбить вас.

— Спасибо, я польщена.

— Вы тоже говорили, что любите меня, но сейчас пытаетесь отрицать свои же слова, свои чувства.

— Я все еще госпожа Ундервуд, — мягко напомнила она.

Маленький моллюск начал осторожно взбираться по его ноге.

— А я все еще Джерек Карнелиан, — парировал наивный кавалер.

Миссис Ундервуд заметила моллюска.

— Ага! Он может быть съедобным.

— Пускай себе ползет.

Она выпрямилась, ласково улыбаясь Джереку.

— Не время быть сентиментальными, мистер Карнелиан, если вы хотите выжить.

Его рука задержалась на мгновение на ее плече.

Потрепанный бархат снова становился мягким.

— Влюбленные должны быть сентиментальными.

Ее глаза на миг посерьезнели, затем женщина рассмеялась.

— Ну что ж, хорошо. Тогда подождем, пока не проголодаемся.

Веселой походкой, взметая чистый песок первозданного пляжа черными сапожками на кнопках, она зашагала вдоль соленого моря.

— Все кругом сверкает и прекрасно, — запела Амелия, — все создания большие и маленькие, все вещи мудрые и чудесные. Господь создал их все!

В ее поведении чувствовался определенный вызов, какое-то сопротивление неизбежности, которое заставило сердце Джерека сжаться от обожания.

— Самоотречение, в конце концов, — бросила она через плечо, — полезно для души.

— Ах! — он побежал следом, затем замер на мгновение.

Джерек проникся спокойствием силурийского мира, неожиданно пораженный его свежестью! Они были единственными млекопитающими на целой планете. Огромное золотое солнце щедро

рассыпало сияние лучей. Мир был полон чудес.

Немного погодя, задыхаясь, потея и смеясь, он догнал Амелию и увидел нежность и умиление на ее лице. Джерек предложил ей свою руку.

После секундного колебания, она взяла ее. Влюбленные шли под горячим полуденным силурийским солнцем.

— А теперь, миссис Ундервуд, — приступил он к урокам морали, — что такое «самоотречение»?

Конец всех песен

Потух огонь, растрачено тепло.
(Таков конец всех песен на земле.)
Вино златое выпито. На дне
Лишь капли, что полыни горше мне.
Здоровье и надежду унесло—
Вслед за любовью канули во мгле.
Лишь призраки со мною до конца—
Из тех, что без души и без лица.
И скучно и тоскливо ждать нам всем,
Когда опустят занавес совсем…
Таков конец всех песен на Земле.

Эрнест Доусон, «Остатки», 1899 г.

Глава первая
в которой Джерек Карнелиан и миссис Амелия Ундервуд общаются в некоторой степени с природой

— Не знаю, как вы, а я не испытываю ни малейшего желания умереть голодной смертью, мистер Карнелиан. Будем есть их сырыми.

Нервным движением левой руки миссис Аме-

лия Ундервуд поправила прядь прекрасных золотисто-каштановых волос, в то же время другой рукой судорожно одергивая лохмотья того, что еще недавно смело можно было назвать юбкой. В жесте ее было столько отчаяния, сколько и ожесточения. Чопорно расположившись на глыбе девственного известняка, она исподлобья наблюдала за тщетными усилиями влюбленного в нее Джерека Карнелиана. Скорчившись на четвереньках под беспощадными лучами силурийского (или, если угодно, девонского солнца)[40], он трудился не покладая рук.

Вероятно, уже в тысячный раз он пытался трением своих Колец Власти высечь искру, чтобы зажечь кучу высохшего мха, которую он в порыве энтузиазма, давно рассеявшегося, собрал несколькими часами раньше.

— Как сырыми? — пробормотал Джерек. — Вы же говорили мне, что даже подумать не можете… Вот! Это была искра? Или только отблеск?

— Только отблеск, — взгляд ее не уступал волчьему.

---

[40] notes: 40

«…под беспощадными лучами силурийского (или, если угодно, девонского солнца)…»

Силурийский период — третий период палеозойской эры. Девонский период — четвертый период палеозойской эры. В Силуре и Девоне появились первые членистоногие и рыбы.

— Мы не должны отчаиваться, миссис Ундервуд.

Но оптимизм его уже иссяк. Джерек сидел среди груды истертых друг о друга веток папоротника, из которых он упорно, но тщетно пытался извлечь огонь, прибегнув к ее совету. Оставив напрасные попытки, он переключил внимание на Кольца Власти и каждый удар, раздававшийся подобно грому среди ясного и безмятежного силурийского дня, оказывал на ее нервы поразительный эффект, о котором она раньше не подозревала, считая себя женщиной крепкой и чрезвычайно здоровой, а не какой-нибудь там малокровной героиней сентиментального романа.

Миссис Ундервуд тяжело вздохнула. Скука сыграла свою роль в ее теперешнем состоянии.

Джерек вздохнул в ответ.

— Вероятно, для этого нужно умение, — признался он. — Где трилобиты? — он рассеянно оглядел землю вокруг себя.

— Уже в море, где им еще быть, — холодно ответила она ему. — Два брахиопода заползли на ваш сюртук.

— Ага! — он чуть ли не с нежностью снял моллюсков с запачканной темной ткани и с сомнением уставился внутрь раковины.

Миссис Ундервуд облизнула губы.

— Дайте мне их, — приказала она, вынимая шляпную заколку.

Опустив голову — Пилат перед фарисеями[41] — он уступил ей.

— В конце концов, — уговаривала она не столько его, сколько себя, — нам не хватает только чеснока и масла для блюда, достойного французской кухни, — но эти слова, казалось, не приободрили ее. Она заколебалась.

— Миссис Ундервуд?

— Пожалуй нам осталось уповать только на божью милость, — она нахмурилась. — Это может помочь. Этот цвет…

— Слишком красивый, — услужливо подхватил он. — Я понимаю ваши сомнения. Уничтожить такую прелесть?

— Вам нравится этот зеленовато-пурпурный цвет?

— А вам нет?

— Не за обеденным столом, мистер Карнелиан.

— Тогда в чем?

---

[41] notes: 41

«…Пилат перед фарисеями…»

Согласно Евангелию римский прокуратор Понтий Пилат вынужден был пойти на казнь Иисуса Христа по настоянию общины фарисеев. После чего он демонстративно умыл руки, желая подчеркнуть тем самым, что он остается в стороне и кровь распятого не обагрит его руки.

— Ну… — протянула она неопределенно, — нет, даже в картинках. Он вызывает в памяти излишества прерафаэлитов.[42] Зловещий цвет.

— А-а…

— Это, возможно, объясняет ваши склонности… — она оставила тему, — если бы я смогла преодолеть…

— А как вам этот желтый? — он попытался соблазнить ее существом в мягком панцире, которое только что обнаружил в своем заднем кармане.

Оно прицепилось к его пальцу, и ощущение напоминало поцелуй. Уронив моллюсков и шляпную заколку, миссис Ундервуд закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Миссис Ундервуд! — растерялся Джерек. Он оттолкнул ногой кучу веток. — Ради бога, не плачьте! Я попробую еще один вариант. Должен сработать эффект призмы и мы сможем…

Раздался громкий скрипучий звук, и Джерек сперва подумал, что это протестует одно из созданий в панцире. Затем — еще один скрип позади

---

[42] notes: 42

«…излишества прерафаэлитов…»

Прерафаэлиты (от лат. prae — перед и Рафаэль) — группа английских художников, подражавших стилистике полотен раннего Возрождения. Их творчество характеризуется вычурной символикой и излишней тщательностью проработки деталей.

него.

Миссис Ундервуд отняла от лица руки, открыв красные от слез глаза, которые сейчас расширились в удивлении.

— Эй! Я говорю — эй, вы, там!

Джерек обернулся. Шлепая по мелководью, к ним навстречу шел мужчина, одетый в тельняшку, твидовый пиджак и брюки гольф, толстые шерстяные чулки и прочные башмаки. Какой-то причудливо изогнутый стержень был у него в руке. В остальном он выглядел современником миссис Ундервуд. Он улыбался.

— Я спрашиваю, вы говорите по-английски?

Сияя улыбкой, загорелый незнакомец с пышными усами и пробивающейся бородой остановился в ожидании ответа.

— Ну? — подбодрил он.

Миссис Ундервуд растерянно ответила:

— Да, сэр. Мы и в самом деле, по крайней мере я, англичане. Как, должно быть, и вы.

— Прекрасный денек! — незнакомец кивнул на море. — Тихий и приятный. По всей вероятности, ранний девонский период, а? Вы уже давно здесь?

— Достаточно давно, сэр.

— Мы потерпели аварию, — пояснил Джерек. —

Парадоксы оказались не по силам нашей машине времени.

Незнакомец мрачно кивнул.

— Мне приходилось сталкиваться с подобными затруднениями. Слава Богу, все кончилось благополучно. Если я правильно понял, вы из 19 столетия?

— Только миссис Ундервуд. Я — из Конца Времени.

— О! — радостно улыбнулся незнакомец. — Я только что оттуда. Мне посчастливилось стать свидетелем полного распада Вселенной. Сам я родом из 19 века, а здесь привык делать остановку, когда путешествую в Прошлое. Удивительно, однако мои приборы показывали, что я проник вперед — далеко за Конец Времени. Но почему-то я оказался здесь, — он поправил выгоревшие волосы и добавил с неуверенностью — Надеюсь, я смогу выяснить, почему!

— Значит, вы возвращаетесь в будущее? — спросила мисс Ундервуд. — В девятнадцатое столетие?

— Кажется, так оно и есть. Когда вы отправились в путешествие во времени?

— В 1896 году, — ответила ему мисс Ундервуд.

— Я из 1894 года. Не знал, что кто-то еще на-

ткнется на мое открытие в этом веке…

— Вот! — воскликнул Джерек. — Мистер Уэллс был прав.

— Наша машина из эпохи мистера Карнелиана, — сказала она. — Все началось с того, что меня похитили и перенесли в Конец Времени при весьма загадочных обстоятельствах. Мне до сих пор непонятно, зачем это понадобилось моему похитителю. Я… Впрочем вам это не интересно, — смутившись, она облизнула губы. — У вас не найдется спичек, сэр?

Незнакомец похлопал по оттопыривающимся карманам своего пиджака.

— Где-то есть. Я привык иметь при себе как можно больше нужных вещей. На случай аварии… Вот они, — он вытащил большой коробок восковых спичек. — Я бы дал вам весь коробок, но…

— Нам хватит несколько штук. Вы сказали, что знакомы с ранним девоном…

— Насколько это возможно.

— Тогда не откажите в совете. Какие моллюски съедобны?

— Миалина Субквадрата покажется вам не столь отвратительной. Они практически безвредны, хотя несварения желудка вам не избежать. Я

и сам подвержен таким расстройствам.

— А как эти миалины выглядят? — спросил Джерек.

— Они похожи на мидии.[43] Их нужно выкапывать.

Мисс Ундервуд взяла пять спичек из коробки и протянула ее назад.

— Ваш экипаж в порядке, сэр? — спросил Джерек.

— В полном порядке!

— И вы возвращаетесь в девятнадцатое столетие?

— В 1895 год, я надеюсь.

— Значит вы можете взять нас с собой?

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Увы! Это одноместная машина. Сидение едва вмещает меня с тех пор, как я стал прибавлять в весе. Идемте, я покажу вам, — он повернулся и потопал по песку в направлении, откуда пришел. Джерек и Амелия поплелись за ним.

— К тому же, — добавил незнакомец, — было бы неразумно пытаться перенести людей из 1896 года в 1895 год. Вы встретились бы сами с собой,

---

[43] notes: 43

«…они похожи на мидии…»

Мидии — род моллюсков класса двустворчатых. Распространены в прибрежных районах морей Северного полушария.

что привело бы к значительной путанице. Я допускаю незначительное вмешательство в Логику Времени, но страшно представить, что может случится, если кто-нибудь решится на столь вопиющий парадокс. Не подумайте, что я читаю вам мораль, но вы оказались в столь плачевном положении из-за бесцеремонного обращения с Логикой Времени.

— Значит вы подтверждаете теорию Морфейла, — сказал Джерек, с трудом тащившийся рядом с путешественником во времени. — Время сопротивляться парадоксу, отказываясь принять чужеродное тело в период, которому оно не принадлежит.

— Если есть вероятность парадокса — да. Я подозреваю, что все это связано с тем, как мы, люди, понимаем Прошлое, Настоящее и Будущее. То есть, Время, как таковое не существует…

— У мисс Ундервуд вырвалось негромкое восклицание при виде экипажа незнакомца. Это было сооружение из латунных и эбеновых трубок, с едва заметными вкраплениями слоновой кости и серебра. Сверху, непосредственно над самым обыкновенным велосипедным сидением, была укреплена медная спираль. Перед сидением находилась маленькая панель с приборами и

бронзовый полукруг с отверстием для рычагов. Все это было заключено в никель и стекло. Потертости, вмятины и трещины свидетельствовали об изрядной изношенности машины времени. Незнакомец решительно направился к огромному сундуку, укрепленному позади сидения. Он расстегнул бронзовые пряжки и откинул крышку. Вслед за двустволкой, он извлек из сундука ключ муслина, тропический шлем от солнца и внушительных размеров плетеную корзину, которую поставил на песок к ногам неудачников.

— Это может вам пригодиться, — сказал он, убрав остальные предметы назад в сундук и вновь закрепив застежки. — Пожалуй это все, что в состоянии сделать для вас. Мы не можем вернуться вместе. Вы же не хотите встретиться с собой посреди площади Ватерлоо? — засмеялся он.

— Вы имеете в виду площадь Пикадилли, сэр? — нахмурившись спросила мисс Ундервуд.

— Никогда не слышал о ней, — ответил путешественник во времени.

— А я никогда не слышала о площади Ватерлоо, — сказала она.

— Вы уверены, что вы из 1894 года? — незнакомец обеспокоенно почесал щетину на подбо-

родке. — Я думал, что прошел полный круг, — пробормотал он. — Хм, вероятно, эта вселенная отличается от той, что я покинул. Может быть для каждого нового путешественника во времени возникает новая хронология? А может число вселенных бесконечно? — его лицо оживилось. — Должен сказать, это было прекрасное приключение. Вы проголодались?

Мисс Амелия Ундервуд удивленно подняла прекрасные брови. Незнакомец показал на корзину.

— Моя провизия, — сказал он, — в вашем полном распоряжении. Я рискну отправиться без еды до следующей остановки — надеюсь, в 1895 году. Ну, мне пора.

Он поклонился, прощально помахав кварцевым стержнем. С трудом уместившись в седле, путешественник вставил стержень в желобок и отрегулировал другие приборы. Мисс Ундервуд в это время поднимала крышку корзины. Ее лица не было видно, но Джереку показалось, что она еле слышно напевает себе под нос.

— Желаю удачи вам обоим, — бодро попрощался незнакомец, — уверен, что вы не застрянете здесь навечно. Это маловероятно, не так ли? Я имею в виду, какая бы была находка для археологов, ха, ха! Ваши кости…

Раздался резкий щелчок, когда незнакомец сдвинул свой рычаг, медь заблестела, стекло замерцало, что-то, казалось, быстро начало вращаться над головой незнакомца, он и его машина стали полупрозрачными. В лицо Джерека ударил неожиданный порыв ветра, возникшего ниоткуда, а затем путешественник во времени исчез.

— О, смотрите, мистер Карнелиан! — воскликнула мисс Амелия Ундервуд, извлекая свой трофей. — Цыпленок!

Глава вторая
в которой инспектор Спрингер вкушает прелести простой жизни

Исчезнувшая было перед появлением незнакомца напряженность, возникла вновь и все еще существовала между влюбленными (ведь они стали бы влюбленными, если бы не воспитание миссис Ундервуд), когда они провели две беспокойные ночи на ложе из папоротника и ничто, кроме любознательного внимания маленьких моллюсков и трилобитов не угрожало им, а тем, в свою очередь, нечего было бояться, благодаря корзине, набитой консервами, бутылками в количестве, достаточном для поддержания сил

целой экспедиции в течение месяца. Ни крупные звери, ни неожиданные перемены погоды не страшили наших Адама и Еву. Ева в гордом одиночестве не могла разрешить внутренний конфликт, а Адам пребывал в недоумении, впрочем, уже привычном, поскольку неожиданные перемены и капризы судьбы составляли самую суть его существования до недавнего времени. Он почти забыл о своих прежних настроениях, пока однажды на заре силурийского утра, утонченная красота которого превосходила любое произведение искусства, эти настроения не пробудились с новой силой. Огромная половинка солнца так заполняла линию горизонта, что окружающее небо сверкало тысячами оттенков цвета меди, и каждый солнечный луч, распростертый над морем, имел свой неповторимый цвет — голубой, желтый, серый, розовый — сливаясь в сплошную гамму в вышине над пляжем и заставляя желтый песок сверкать белым светом, превращая известняк в мерцающее серебро. Каждый листик папоротников казался живым и разумным. И среди всего этого великолепия природы в центре малинового полукруга вырисовывалась хрупкая изящная фигурка в темно-янтарном бархатном платье, с роскошными золотисто-каштановыми

волосами, обжигающими, словно пламя. Нежность шеи и тонких рук сравнима была разве что с бледным маком. Но это было не все. Прекрасная и неповторимая мелодия лилась из ее уст. Ее, только ее звонкий и чистый голосок декламировал стихотворение, никак не ассоциировавшееся с окружающим пейзажем:

Где красная самка-червь взывала о яростной мести,

А прибой мрачно шумел под серебряно-лунным небом,

Где звучал ее хриплый, но когда-то нежный голос,

Сейчас стою я.

Не ее ли призрак этим серым, холодным утром.

Не ее ли это призрак скользнул мимо?

Энергично выпрямившись, Джерек скинул сюртук, который укрывал его ночью. Он не ожидал увидеть свою любимую во всем ее совершенстве, во всей прелести. Это видение затмило все мысли. Джерек с нетерпением ждал продолжения, но она умолкла, откинув локоны и поджав самые милые из губ.

— Ну и что же? — сказал он.

Медленно, сквозь радужную мглу, из тени в свет, показалось ее лицо. На губах застыл вопрос.

— Амелия? — он осмелился произнести ее имя.

Веки ее опустились.

— Что это? — пробормотала она.

— Что это было? Призрак? Я жажду услышать ответ.

Ее губы искривились чуть капризно, глаза продолжали изучать песок, который она шевелила острым концом своего полурасстегнутого ботинка.

— Ответа нет. Уэлдрэйк не говорит. Это риторический вопрос. — Такая рассудительность, столько здравого смысла… Чувство превосходства, смешанного со скромностью заставило ее ресницы подняться на миг и быстро опуститься. — Все хорошие поэмы — кладезь рассудительности и здравого смысла, да будет вам известно, мистер Карнелиан. Эта поэма о смерти. Уэлдрейк вообще много писал о смерти[44] — да и сам умер преждевременно. Моя кузина подарила мне

---

[44] notes: 44

«…Уэлдрейк вообще много писал о смерти…»

Уэлдрейк Эрнест — английский поэт XIX века. Известен своими «Посмертными поэмами», которые вышли в 1881 году и с тех пор ни разу не переиздавались.

«Посмертные поэмы» на двадцатилетие. Вскоре она умерла от чахотки.

— Значит, вся хорошая литература о смерти?

— Да, серьезная литература.

— Разве смерть серьезна?

— Во всяком случае, это конец, — Амелия тут же поспешила исправить оплошность, посчитав свои слова циничными. — Хотя, по-настоящему, это начало… нашей реальной жизни, вечной жизни… — миссис Ундервуд повернулась к солнцу, которое уже поднялось выше и потеряло былое великолепие. — Вы, Джерек, имеете в виду, в Конце Времени? В нашем собственном домике? Не обращайте внимания, — она запнулась, продолжив затем неестественно высокопарным тоном. — Бог покарал меня, лишив в последние часы общества собрата-христианина, — каждое слово ее было пронизано фальшью и неискренностью.

Провизия, оказавшаяся в корзине, настолько расслабила ее, что сейчас она почти приветствовала немудреные ужасы голода, предпочитая их реальной опасности отдаться этому шуту, этому невинному младенцу, неискушенному жизнью (отважность и великодушие Джерека не вызывали никаких сомнений, Амелия признавала в нем

мужественную и благородную личность). Она безуспешно пыталась реанимировать прежнее состояние безысходности, которое сейчас казалось ей как нельзя более подходящим.

— Я перебил вас, — Джерек прислонился спиной к скале. — Простите великодушно. Это счастье — проснуться под звуки вашего голоса. Неужели я не услышу продолжения? — Миссис Ундервуд прокашлялась и снова повернулась к морю:

Что скажешь мне, дитя Луны,
Когда мы встанем у светлой реки?
Когда лесные листья дышат
Гармонично напеву южного ветра.
Ты подашь мне свою руку, дитя Луны?
Ты подашь мне свою руку?

Однако, прежний шарм бесследно пропал даже для ее собственного слуха и следующий фрагмент ей совсем не удался:

Ты подаришь мне этот погребальный костер,
Порождение Солнца,
Когда небо целиком в пламени?

Когда дневная жара усыпляет мозг,

И жужжат опоенные пчелы.

Ты откроешь мне свое имя, отражение Солнца?

Ты откроешь мне свое имя?

Джерек моргнул.

— Боюсь, я ничего не понял… — солнце взошло, разрушив причудливое роскошество сцены, хотя бледный золотой свет все еще касался неба и моря, и день был спокойным и знойным. — О, какие вещи я мог бы создать при таком вдохновении, действуй хотя бы одно Кольцо Власти! Все плоды моей фантазии я сложил бы у ваших ног, Амелия!

— Разве в Конце Времени нет литературы? — недоуменно спросила она. — Ваше искусство только визуально?[45]

— Мы беседуем, — сказал он. — Вы слушали нас.

— Беседу называют искусством, и все же…

— Мы не записываем их, — сказал Джерек. — Если вы это имеете в виду. Зачем? Одинаковые беседы возникают часто — одни и те же наблю-

---

[45] notes: 45

«…ваше искусство только визуально…»
Визуальный (от лат. visualis — зрительный) — видимый.

дения делаются заново. Разве есть какая-нибудь польза от этих ваших значков, при помощи которых вы э-э-э — пишите? Если это так, возможно, я должен…

— Мы займем время, — сказала она, — если я буду учить вас писать и читать.

— Конечно, — согласился Джерек.

Всякий раз, когда Джерек высказывал свои суждения и задавал вопросы, Амелия поражалась заново, хотя знала, что они невинны. Ей было весело. Подождав, пока Джерек остановится, она сказала:

— О, дорогой мистер Карнелиан, милый…

Джерек старался не вникать в ее настроения, а разделять их. Он смеялся вместе с ней, затем вскочил на ноги и подошел. Она ждала его. Он остановился в нескольких шагах, улыбаясь, но уже серьезный. Она подняла руку к своей шее.

— И тем не менее, литература больше, чем беседа. У нас есть история!

— Мы превращаем в истории свои собственные жизни в Конце Времени. Мы располагаем возможностями для этого. Разве вы не сделали то же самое, если бы могли?

— Общество требует, чтобы мы не делали этого.

— Но почему?

— Возможно, потому что истории будут противоречить одна другой.

— Нас так много… там…

— А здесь, — сказал он, — только мы двое.

— Наше пребывание в этом… этом Раю неопределенно. Кто знает, когда…

— Разве на Краю Времени нас не ждет Рай? Нужно только чуть потерпеть.

— Я бы не хотела называть это Раем.

Они смотрели друг другу в глаза. Море шептало громче их слов. Он не мог пошевельнуться, хотя очень хотел сесть ближе к ней, потому что ее поза удерживала его: положение подбородка, незначительный подъем одного плеча.

— Мы сможем быть одни, если вы захотите этого.

— В Раю не должно быть выбора.

— Тогда, по крайней мере, здесь… — его взгляд был напряженным, он требовал, он умолял.

— И унести с собой наш грех из рая?

— Не грех, если только под этим вы подразумеваете то, что причиняет вашим друзьям боль. Подумайте обо мне.

— Мы страдаем. Оба, — море казалось очень громким, а ее голос еле слышным, как ветерок в

папоротниках. — Любовь жестока!

— Нет! — его крик нарушил тишину. Он засмеялся. — Это чушь! Жесток страх! Один страх!

— О, я не вынесу этого, — вспыхнула она, поднимая лицо к небу, и засмеялась, когда он схватил ее за руки и наклонился, чтобы поцеловать в щеку. На ее глазах выступили слезы, она вытерла их рукавом и помешала поцелую. Потом она начала напевать, положила одну руку ему на плечо, оставив другую в его руке, сделала танцевальное па, проведя Джерека шаг или два.

— Возможно, моя судьба предопределена, — сказала она и улыбнулась ему улыбкой любви, боли и жалости к себе. — О, идемте, мистер Карнелиан, я научу вас танцевать. Если это Рай, давайте наслаждаться им, пока можем!

Облегченно вздохнув, Джерек позволил ей закружить себя в танце. Вскоре он смеялся, дитя любви, и на миг перестал быть зрелым человеком, мужчиной, воле которого надо подчиняться. Катастрофа была отодвинута (если это считалось катастрофой), они прыгали на берегу палеозойского моря и импровизировали польку. Но катастрофа была только отсрочена. Обоих угнетало предчувствие неизбежного. Джерек запел беззвучную песню о том, что она сейчас станет

его невестой, его гордостью, его праздником. Но песне было суждено умереть на его губах. Не успели они обогнуть чахлый кустик какой-то хрупкой растительности и пройти несколько шагов по крутой желтой гальке, как оба замерли от неожиданности. В них одновременно закипала ярость, вытесняя только что еще бившие ключом источники жизненных сил.

Миссис Ундервуд, вздохнув, вновь замкнулась в жестком бархате своего платья.

— Это судьба! — пробормотала она. — Мы обречены.

Они продолжали смотреть на спину человека, не подозревавшего об их гневе за прерванную идиллию. В рубашке с закатанными по локти рукавами, в плотно сидящем на массивной голове котелке, с вересковой трубкой в зубах, пришелец довольный шлепал босыми ногами по воде первобытного океана. Пока они наблюдали за ним, он вытащил большой белый платок из кармана темных брюк (сложенные аккуратной стопкой жилет, пиджак, ботинки и носки не вписывались в пляжный пейзаж), встряхнул его, завязал по маленькому узелку на каждом углу, и сняв громоздкий шлем, натянул платок поверх плешивой головы. Завершив эту операцию, он затянул

нехитрый мотивчик: «Пом-те пом, пом-пом-пом, те-пом-пом!», заходя немного дальше в мелкую воду, где ему пришлось остановиться, чтобы смахнуть с покрытой гусиной кожей красной ноги нескольких зарвавшихся трилобитов[46], отважно карабкавшихся все выше и выше.

— Смешные маленькие попрошайки, — ласково произнес он себе под нос, не возражая, кажется, против их любопытства. Лицо миссис Ундервуд вытянулась.

— Это невероятно! — негодующе зашептала она и протянула свою руку к Джереку. — Он преследует нас сквозь время! Мне кажется, что уважение к Скотланд-Ярду возрастает… С трудом преодолев чувство собственности к Палеозою, Джерек отдал дань общественным обязанностям, выдавив из себя:

— Добрый день, инспектор Спрингер! Миссис Ундервуд спохватилась слишком поздно, чтобы остановить его. Непривычно ангельское выражение лица инспектора сменилось профессиональной суровостью и подозрительностью. Обернувшись, он пристально всмотрелся в го-

---

[46] notes: 46

«…несколько зарвавшихся трилобитов…» Трилобиты — класс вымерших морских членистоногих, внешне близких к современным мокрицам.

ворящего, вздохнув так тяжело, как недавно вздыхали они. Счастье ускользало прочь с появлением этих двух людей. Он не верил своим глазам!

— Великие небеса!

— Пусть будут небеса, если вы хотите, — приветствовал поправку Джерек, все еще не до конца изучивший нравы девятнадцатого столетия.

— Я думал, что это было Небо, — инспектор шлепнул любопытного трилобита без прежней нежности и терпимости. — Но ваше появление заставило меня усомниться в этом. Это больше похоже на Ад… — он вспомнил о присутствии миссис Ундервуд и печально поправил штанину.

— Я имел в виду другое место.

В ее тоне послышалось злорадство:

— А вы вообразили, что отдали Богу душу, инспектор?

— У меня были все основания для этого, уважаемая!

Не без достоинства он поместил котелок поверх платка с узелками, заглянул в трубку и, довольствуясь тем, что она не гасла, сунул в карман. Не оценив по достоинству тонкой иронии миссис Ундервуд, инспектор начал доверительно рассказывать.

— Честно говоря, я думал, что подвело сердце из-за всех этих треволнений. Я как раз допрашивал этих иноземцев, я имею в виду маленьких анархистов с одним глазом или, если посмотреть на них с другой стороны, тремя, — он прокашлялся и заговорил тише. — Ну я повернулся позвать сержанта, но почувствовал головокружение, и следующее что я увидел — был этот пейзаж. Ясное дело, я подумал, что очутился на Небе, — затем он, казалось, вспомнил свои прежние отношения к этой парочке и распрямил плечи в негодовании. — Или я считал так, пока не увидел вас минуту назад, — он пошлепал по воде вперед, затем встал на сверкающий песок, начал скатывать вниз брюки и вдруг резко потребовал:

— Изложите мне кратко суть событий. Попрошу без фантазий и измышлений. Помните, что это преследуется…

— Это достаточно просто, — рад был объяснить Джерек. — Нас перенесло сквозь время, только и всего. В первобытную эпоху, в период за миллион лет до появления человека. Ранний или поздний?… — он повернулся к миссис Ундервуд за помощью.

— Вероятно поздний девон, — сказала она небрежно.

Незнакомец подтвердил это.

— Обычное искажение времени, — продолжал Джерек, — в которое вы угодили, как и мы. Опасаясь глобальных парадоксов, время вытолкнуло нас из вашего периода, как и Латов. Вам не повезло, что вы оказались рядом…

Инспектор Спрингер заткнул уши, направляясь к ботинкам, как к якорю спасения.

— О, боже! Все сначала. Это ад! Так и есть!

— Я начинаю разделять вашу точку зрения, инспектор, — холодно произнесла миссис Ундервуд.

Она резко развернулась на каблуках и устремилась к зарослям папоротника на краю пляжа. В других условиях совесть не позволила бы ей сделать это, но Амелия была на грани отчаяния.

Она считала, что это Джерек виноват в появлении инспектора Спрингера, это было сродни тому, если бы он вызвал Сатану в Рай.

Джерек был ошеломлен этим маневром, как и всякий другой влюбленный викторианской эпохи.

— Амелия, — это было все что он мог пролепетать. Она, конечно, не ответила. Инспектор Спрингер дошел до своих ботинок и сел рядом с ними. Он вытащил из одного серый шерстяной

носок. Пытаясь натянуть его на мокрую ногу, он задумчиво рассуждал сам с собой:

— Чего я не могу понять, так это нахожусь ли я сам при исполнении обязанностей, или нет.

Миссис Ундервуд направилась в заросли папоротника, решительно исчезая в шелестящих на ветру глубинах. Джерек пустился в неуклюжую погоню. Хозяин в нем колебался только секунду:

— Возможно, мы увидимся, инспектор.

— Нет, только через мой…

Но пронзительный вопль нарушил их беседу. Они обменялись взглядами. Инспектор Спрингер забыл все, что разделяло их и, подчиняясь инстинкту, вскочил на ноги, заковыляв вслед за Джереком к месту предполагаемого преступления. Этого можно было и не делать, потому что миссис Ундервуд собственной персоной с искаженными от негодования и ужаса лицом мчалась им навстречу. Увидев своих спасителей, она остановилась, судорожно хватая ртом воздух. Не в силах что-либо произнести, она лишь показала назад в качающиеся заросли.

Папоротники раздвинулись. На них уставился единственный глаз с тремя зрачками, устойчиво и вожделенно направленными на задыхающуюся от бега миссис Ундервуд.

— Мибикс, — сказал хриплый вкрадчивый голос.

— Феркит, — ответил другой.

Глава третья
Чай в позднем девонском периоде

Переваливаясь с ноги на ногу, в разодранных полосатых пижамах гуманоиды в три фута ростом, с пуговицеобразными носами, грушевидной головой, большими ушами, длинными усами появились из кустов с обеденной вилкой из серебра и серебряным ножом в руках. Джерек однажды носил пижаму в Детском Убежище, страдая от режима робота, выжившего со времен поздних Множественных Культур. Он узнал капитана Мабберса, предводителя Латов, музыкантов-разбойников. Он видел его дважды со времени Убежища — в кафе «Пале Роял», в Скотланд-Ярде, где им пришлось разделить тяготы совместного заключения.

При виде Джерека капитан Мабберс что-то недовольно хрюкнул, соблюдая все же интонационный нейтралитет, но когда все три его зрачка остановились на инспекторе Спрингере, он издал неприятный смешок. На инспектора это

не произвело никакого впечатления, даже когда шесть Латов присоединились к своему вожаку, разделяя их.

— Именем Ее Величества Королевы, — начал он, но заколебался, не зная, что делать дальше.

— Олд джа шет ок гонгонг пши? — презрительным тоном сказал капитан Мабберс. — Клишкешат ифанг!

Инспектор Спрингер, привычный к таким вещам, оставался внешне невозмутимым, внушительно говоря:

— Это оскорбительное поведение по отношению к офицеру полиции. Ты зарабатываешь себе неприятности, парень. Чем скорее ты поймешь, что английский закон… — внезапно он замолк в смятении. — Это все еще Англия, не правда ли? — спросил он, обращаясь к Джереку и миссис Ундервуд.

— Я не уверена, инспектор, — без тени симпатии и сочувствия позлорадствовала она. — Я вообще больше ни в чем не уверена.

— Возможно я нахожусь вне своих полномочий, — инспектор Спрингер почувствовал себя не в своей тарелке. Записная книжка, которую он в растерянности стал доставать из кармана, выскользнула из его дрожавших рук на свое

место. Инспектор надеялся скрыть неловкость и напряжение в улыбке под некогда пышными, но сейчас жалкими и растрепанными усами. Это была слабость, он проиграл Латам. Инспектор предпринял неуклюжую попытку спасти репутацию британского стража правопорядка.

— Тебе крупно повезло, парень, потому что, если ты еще когда-нибудь ступишь на землю Метрополии…

— Хрунг! — капитан Мабберс махнул рукой своему отставшему подчиненному. Тот осторожно вышел из кустов, его зрачки метались, оценивая силы Спрингера. Джерек немного расслабился, поняв, что Латы воздержатся от активных действий, пока не убедятся в безоговорочном превосходстве своих сил.

Инспектор Спрингер все еще не знал, что делать с его самозванным дипломатическим статусом.

— Видимо, — советовался он с Латом, — мы все в одной лодке. Не время растравливать старые болячки, ребята. Вы должны это понимать.

Капитан Мабберс вопросительно взглянул на Джерека и миссис Ундервуд.

— Каприм ул шим мибикс клом? — спросил он, кивая головой в сторону полицейского. Джерек пожал плечами.

— На этот раз инспектор прав, Мабберс.

— Феркит! — воскликнул один из Латов. — Поткап меф рим чоккам! Шет Угга!? — он двинулся вперед, выставив вилку наперевес.

— Серк! — скомандовал капитан Мабберс. Он с масляным выражением единственного глаза уставился на миссис Ундервуд, затем коротко поклонившись, шагнул ближе, бормоча — Двар кер пикнур, фаззи?

— Да что же это такое! — вышла из себя миссис Ундервуд. — Мистер Карнелиан! Инспектор Спрингер! Как можно… такие предложения… О!

— Круфруди, — капитан Мабберс гнул свою линию. Он со значением похлопал по своему локтю. — Квот! Квот? — показал он взглядом на заросли папоротника. — Низза ук?

Мужское достоинство инспектора Спрингера было почти попрано. Он было двинулся вперед с ботинком в одной руке.

— Я заставлю вас считаться с законом…

— Фвик, хрунг! — рявкнул капитан Мабберс. Остальные Латы засмеялись, повторяя шутку друг другу, но возражение полицейского ослабило напряжение.

Миссис Ундервуд сказала твердо:

— Вполне возможно, это голодная агрессия.

Если мы отведем их в наш лагерь и угостим бисквитами…

— Вперед, — сказал Джерек, взяв курс на их пристанище.

Амелия оперлась на его руку, смутив не только Джерека, но и капитана Мабберса со всей его честной компанией. Забыв о гордости полицейского, инспектор Спрингер кинулся вслед за ними:

— Я бы тоже не отказался от чашечки чаю!

— Не знаю, есть ли он у нас, — с сомнением сказал Джерек. — Зато у нас есть целый ящик галет.

— Хо, хо! — инспектор Спрингер загадочно подмигнул. — Мы отдадим галеты им, а?

Озадаченные, внезапным поворотом событий, Латы послушно поплелись сзади. Наслаждаясь деликатным прикосновением ее руки, Джерек раздумывал: «Составляют ли инспектор и семь инопланетян „Общество“, которое, как заявила миссис Ундервуд, оказывает влияние на „мораль“ и „совесть“, препятствующее полному выражению любви к ней». Всем своим сердцем он вдруг ощутил, что Амелия считает их обществом. Покорность Судьбе снова вернулась на место, только что покинутое предчувствием исполнения его желаний.

Наконец, они пришли к своему очагу, где их

дожидалась корзина. Взяв чайник, Джерек отправился к ручью, а миссис Ундервуд стала разжигать примус. Оставшись на момент в одиночестве, Джерек подумал, что с появлением восьми ртов содержимого корзины хватит ненадолго. Он предположил, что Латовцы захотят вступить в права владения пищей. Джерек порадовался грядущему разнообразию. Война или мелкая заварушка были обеспечены с появлением Латов. Немного позднее, когда примус был накачан и растоплен, а чайник поставлен на огонь, он присмотрелся к Латам. Ему показалось, что их отношение к миссис Ундервуд немного изменилось с того времени, как они в первый раз встретили ее в зарослях папоротника. Они сидели полукругом на песке рядом со скалой, в тени которой разместились три человека. В их поведении появилась несвойственная им осторожность и боязливость, отношение к миссис Ундервуд, взявшей так лихо власть в руки, граничило с почтительным уважением. Скорее всего она напомнила им неуязвимого старого робота Няню. Они научились бояться Няню! Держа руки на коленях скрещенных ног, как их учила Няня, они послушно дожидались своей порции бисквита. Чайник закипел. Инспектор Спрингер из

вежливости по отношению к миссис Ундервуд потянулся к ручке и, приняв чайник от хозяйки, налил всем воды. Церемония продолжалась с официальной торжественностью, поскольку дуэт инспектора Спрингера и миссис Ундервуд напоминал священника и жрицу. Джерек даже стал разделять чувства Латов, мрачных и осторожных, которые всерьез считали происходящее ничем иным, как религиозным ритуалом.

На крышку корзины водрузили три жестяные кружки и жестяную миску. Рядом стояла банка молока и пачка сахара с маленькой ложечкой.

— Минута или две, чтобы дать ему заварить-ся, — приговаривал инспектор Спрингер, обращаясь к Джереку. — Это то, чего мне не хватало больше всего.

Джерек не понял: имел ли он в виду сам чай или связанный с ним ритуал. Из ящичка находящегося рядом с ней, миссис Ундервуд достала набор бисквитов и разложила их на жестяном подносе. Наконец, чай был разлит по кружкам и сдобрен молоком и сахаром. Инспектор Спрингер первым отпил.

— О! Превосходно, не так ли? Миссис Ундервуд протянула большую чашу капитану Мабберсу. Он понюхал ее, затем всосал половину содержимого

на одном дыхании.

— Гурп? — спросил он.

— Чай, — ответила она ему. — Надеюсь, вам это придется по вкусу. Других крепких напитков у нас нет.

— Ч-а-а-ай! — пренебрежительно скопировал капитан Мабберс, глядя на своих компаньонов. Они фыркнули от смеха. — Круфруди, — протянул он чашку за добавкой.

— Это на всех вас, — строго сказала миссис Ундервуд, махнув рукой на его подчиненных. — Для всех.

— Фрит хрунти? — он казался сбитым с толку. Она забрала у него чашку и отдала гуманоиду рядом с ним. — Трочит шарт, — фыркнул капитан Мабберс и подтолкнул локтем своего товарища. — Нуутчу? — Латов это развеселило. Чай расплескался, когда они взорвались смехом. Инспектор Спрингер прокашлялся. Миссис Ундервуд отвела глаза в сторону. Джерек, чувствуя необходимость завязать своего рода дружбу с Латами, засмеялся вместе с ними, пустив пузыри в чай.

— Не надо, мистер Карнелиан, — сказала она. — Их примитивные замашки вряд ли могут служить хорошим примером для вас. Помните, что вы не дикарь.

— Они оскорбили вашу мораль?

— Нет, мораль здесь ни при чем.

— Вас покоробило отсутствие эстетики в их поведении?

— Совершенно верно.

Она снова отдалилась от него. Он допил чай, который показался ему невкусным. Но ради ее одобрения он готов был принять любые ее пристрастия. Бисквиты один за другим исчезли. Инспектор Спрингер закончил первым, он вытащил из кармана большой платок и промокнул им усы. Затем, подумав некоторое время, он выразил опасения Джерека вслух.

— Конечно, — сказал он. — Этого запаса теперь хватит ненадолго, да?

— Он кончится очень быстро, — сказала миссис Ундервуд.

— И Латы постараются украсть его, — добавил Джерек.

— Им придется очень постараться, — сказал инспектор Спрингер с уверенностью профессионального защитника собственности. — Будучи англичанами, мы справедливы и не дадим им умереть от голода, но не допустим преступления. Сейчас нам нужно подумать, как научиться кормиться от земли. Я имею в виду рыбу и все

такое…

— Рыбу? — неуверенно протянула миссис Ундервуд. — Разве здесь есть рыба?

— Я имею в виду чудовищ! — уточнил инспектор. — Разве вы их не видели? Они похожи на акул, но немного поменьше. Поймать бы одну из этих тварей, и нам хватит еды на несколько дней. Я займусь этим. — Он снова просветлел и, казалось, радовался вызову, брошенному судьбой. — Мне показалось, что я видел кусок бечевки в корзине. Улитки послужат неплохой приманкой.

Капитан Мабберс показал на свою пустую чашку.

— Гротчнук, — сказал он с чувством.

— Больше нет, — категорично заявила Ундервуд. — Чаепитие закончилось, капитан Мабберс.

— Гротчнук мибикс?

— Все кончилось, — сказала она, словно ребенку. Сняв крышку с чайника, она показала ему мокрые листья. — Видите?

Он быстро взял чайник и, запустив руку в отверстие, схватил их и запихал в рот.

— Глоп-бип! — одобрительно прочавкал он. — Дрекси глоп-бип!

Смирившись с судьбой, миссис Ундервуд не стала мешать его пиршеству.

Глава четвертая
Новый поиск — по следу корзины

— И мы поверили, вашим россказням, что корзина в полной безопасности! — возбужденно говорила Амелия, чуть не толкнув спящего инспектора ножкой. Джерек уловил в ее голосе знакомые нотки.

Инспектор Спрингер тоже уловил их. Он густо покраснел, глядя на свое запястье, к которому был прикреплен разрезанный ремешок.

— Я п-привязал его к к-корзине, — начал заикаясь оправдываться он. — Они должно быть о-обрезали его.

— И давно вы почиваете, инспектор? — поинтересовался Джерек.

— Что вы? Я совсем не спал. Только п-прикрыл глаза. Сущий п-пу-стяк!

— Вы прикрыли глаза очень крепко! — тяжело вздохнула Амелия, пристально всматриваясь в серое предрассветье. — Судя по вашему храпу, который я слышала всю ночь.

— Ну что вы, мэм…

— Они могут быть уже в нескольких милях, — перебил его Джерек.

— Они хорошо бегают, когда захотят. Вы тоже плохо спали, миссис Ундервуд?

— Только инспектор, кажется, основательно отдохнул, — сверкнула она глазами на инспектора.

— Если вы хотите, чтобы ваш дом ограбили, скажите полиции, что вы уезжаете на выходной. Так всегда говорил мой брат.

— Это вряд ли справедливо, мадам… — начал он, но понял, что находится на зыбкой почве. — Я принял все меры предосторожности. Но эти иностранцы с их ножами, — он снова показал на обрезанные ремешки. — Этого нельзя было предвидеть.

Бросив взгляд на песок, Амелия сказала упавшим голосом:

— Все испорчено! Еще вчера мы встречали рассвет у моря и вокруг не было ни единой души! Вы только посмотрите на эти следы! — она показала под ноги.

Почва определенно хранила неизгладимые отпечатки конечностей скрывшихся Латов.

— Они несут корзину, — предположил инспектор Спрингер. — Поэтому не могут идти очень быстро, — он прижал руки к груди. — О-о, я нена-

вижу начинать день на пустой желудок.

— В этом вам некого винить кроме себя, инспектор, — ехидно заметила Амелия.

Она устремилась вперед, и ее спутникам ничего не оставалось делать, как натянув пиджаки, последовать за ней.

Путники вошли в огромную папоротниковую рощу. По сломанным веткам и разбросанным листьям миссис Ундервуд цепким взглядом определяла маршрут похитителей. Солнце, золотое и роскошное, было в зените. Жара вступила в свои права, и инспектор теперь безуспешно прикладывал платок то к вспотевшему лбу, то к шее, надеясь на скорую передышку, однако миссис Ундервуд не позволяла им остановиться.

Холм становился все круче и круче, но Амелия не замедляла шаг. Оба джентльмена тяжело дышали: Джерек с удовольствием, а инспектор с шумным негодованием. Дважды он отчаянно выдохнул: «женщины» как проклятье из проклятий, невнятно добавив еще какие-то слова. Джерек, напротив, приветствовал испытания в предчувствии приключений, хотя и не верил, что они настигнут капитана Мабберса и его сородичей.

Она все еще опережала их.

— До вершины осталось совсем немного, — объ-

явила она.

Инспектора Спрингера это не приободрило. Пятнадцатифунтовый папоротник — гигант жалобно зашелестел, когда инспектор прислонился всей своей избыточной массой к его стволу.

— Нам нужно держаться как можно ближе, — сказал Джерек, проходя мимо. — Иначе мы можем потерять друг друга из виду.

— Она законченная сумасбродка! — пробрюзжал инспектор. — Я давно знаю это, — он все же последовал за Джереком и даже догнал его, когда тот на четвереньках перебирался через упавший ствол, оставивший на брюках Джерека два ярко-зеленых пятна.

Джерек втянул воздух.

— Ваш аромат! Удивительно… я не встречал подобного благоухания прежде. Это ваш дух. Очень резкий, но, определенно, приятный.

— Гр-р! — выдавил инспектор Спрингер.

Джерек вдохнул снова, продолжив подъем и рассуждения.

— Определенно, едкий…

— Слушай, ты, сукин ты сын…

— Изумительно! — послышался голос миссис Ундервуд, хотя ее саму не было видно.

— Это великолепно!

Инспектор Спрингер вцепился в лодыжку Джерека.

— Советую оставить ваши замечания при себе.

— Извините, инспектор, — нахмурился Джерек, пытаясь освободить свою ногу. — Я не хотел вас обидеть. Просто этот дух — пот, не так ли? — необычен в Конце Времени. Я действительно наслаждаюсь им..

— Г-м, — инспектор Спрингер отпустил ногу Джерека. — Я давно раскусил тебя… Ты слишком важничаешь.

— Я вижу их! — раздался снова голос миссис Ундервуд. — Они близко!

Джерек обогнул низко висевшую ветку и увидел Амелию через просвет в папоротниках.

— Уф! — пропыхтел за его спиной инспектор Спрингер. — Проклятье! Если я вернусь в Лондон — и если ты попадешь мне в руки, я…

Воинственность, казалось, придала ему энергии, чтобы еще раз догнать Джерека. Плечом к плечу они покорили вершины, где их ждала раскрасневшаяся счастливая миссис Ундервуд. Склоны отвесного утеса, на котором оказались путешественники, были устланы экзотическим растительным ковром. В нескольких сотнях футов под ними утес плавно переходил в широкий

каменистый пляж, обрамленный нежно-голубой бескрайностью залива, слившегося с небесами. Открывшийся пейзаж был прекрасен гармонией контраста прозрачно-голубого с щедрыми мазками янтарно-изумрудных скал.

— Боже, как просто и как величественно, — Амелия была потрясена. — Смотрите, мистер Карнелиан! Он уходит в бесконечность, этот огромный мир! Все так девственно. Здесь не ступала нога живого существа. Представляю, что сказал бы об этом мистер Раскин.[47] Швейцария не идет ни в какое сравнение… — она улыбнулась Джереку. — О, мистер Карнелиан, это Эдем! Эдем!

— Хм, — отозвался инспектор Спрингер, — довольно симпатичный вид. Но где наши маленькие друзья? Вы сказали…

— Там! На пляже копошились маленькие юркие фигурки.

— Судя по их виду, они что-то мастерят, — пробормотал инспектор. — Интересно, что?

— Скорее всего лодку, — она показала рукой

---

[47] notes: 47

«…представляю, что сказал бы об этом мистер Раскин…»
Раскин (Рескин) Джон (1819–1900) — английский писатель, теоретик искусства, идеолог прерафаэлитов (см. комментарии к Главе 1 настоящего романа). Его творчество отличалось особой изысканностью слога.

вниз. — Видите, из этой бухточки можно выбраться только по воде. У них нет выбора. Они не повернут назад, потому что боятся погони.

— Ага! — потирая руками, начал инспектор Спрингер. — Итак, мы застукаем их готовенькими. Мы схватим их прежде, чем они смогут…

— Они всемером, — напомнила Амелия. — А нас только трое, и одна из нас — женщина.

— Да, — озадаченно сказал он. — Это правда. — Он поднял котелок двумя пальцами и почесал голову мизинцем. — Но мы крупнее их, и у нас есть преимущество внезапности. А эффект внезапности, понимаете, чаще превзойдет любой удар тяжелой артиллерии…

— Я читала об этом в «Boy's Own Paper», — она не скрывала недовольства, — но лично я много дала бы в этот момент за единственный револьвер.

— Ношение оружия без веской причины запрещено, — заявил он внушительно, — если бы мы получили информацию…

— Да перестаньте вы, инспектор! — воскликнула она раздраженно. — Мистер Карнелиан! У вас есть предложение?

— Я думаю, мы можем отпугнуть их на какое-то время и забрать корзину.

— А потом они догонят нас снова? Нет. Пока

преимущество на их стороне, мы должны взять капитана Мабберса в плен. С заложником у нас больше шансов на возвращение в наш лагерь и переговоры с неприятелем. Я сторонник цивилизованного поведения. Тем не менее…

Она осмотрела край утеса.

— Так. Они спустились здесь. Мы сделаем тоже самое.

— Я всегда плохо переносил высоту, — инспектор Спрингер с сомнением наблюдал, как она, цепляясь за пучки листвы и выступы скал, начала спускаться вниз.

Джерек обеспокоенный ее безопасностью внимательно следил за этим головокружительным спуском, а затем последовал за ней, признавая ее власть. Инспектор Спрингер, ворча, неуклюже спускался последним. Град мелких камней и земли падал из-под ног на голову Джерека.

Утес оказался не таким крутым, как показалось Джереку, и спуск стал заметно легче после первых тридцати футов, так что временами они могли вставать и идти.

Латы заметили своих преследователей и развили бурную деятельность. Они строили большой плот, связывая стволы прибрежного папоротника полосками своих разорванных пижам.

Джерек был несведущим в таких вопросах, но плот показался ему ненадежным сооружением. Он с интересом подумал, могут ли Латы плавать. Он знал, что сам он этого делать не умеет.

— Боюсь, мы опоздали! — миссис Ундервуд заскользила вниз по склону, разрывая свое уже и так истерзанное в путешествии платье, и забывая о скромности, когда увидела, как капитан Мабберс приказал установить их корзину посередине плота. Шесть Латов под руководством своего капитана подняли плот и понесли его к воде.

Джерек старался не отставать от миссис Ундервуд и вскоре бесконтрольно скользил вслед за ней.

— Стойте! — кричала она, забыв о своем платье, одержимая желанием схватить капитана Мабберса. — Мы можем мирно договориться!

Испуганные безумным спуском, Латы побежали быстрее вместе с плотом, пока не оказались по пояс в воде. Капитан Мабберс вскарабкался на плот, который тут же накренился, и он кинулся на корзину, чтобы спасти ее. Плот поплыл, и Латы забарахтались в воде, пытаясь залезть на него. Двоим не повезло и они остались в воде. Джерек и Амелия слышали их пронзительные крики.

— Феркит!

— Круфруди!

— Никгиурм!

В спешке капитан Мабберс и его собратья оставили весла на пляже и теперь предпринимали жалкие попытки повернуть плот к берегу, помогая себе руками.

— Немедленно задержите их! — приказала миссис Ундервуд. — Они наши заложники!

Плот уносило все дальше от суши, хотя капитан Мабберс не оставлял намерения вызволить своих людей.

Джерек и инспектор Спрингер схватили на отмели двух крошечных Латов, которые барахтались в воде. Отчаянно сопротивлявшиеся противники были доставлены к воинственно настроенной миссис Ундервуд, которая внушала им куда больший страх, чем ее рыцари.

— Книксфелп! — закричал капитан Мабберс своим людям. — Груу хрунг Буукра!.. — слабо доносился его голос.

Два Лата выбрались из воды и, проскочив мимо миссис Ундервуд, кинулись к утесу. Они были в состоянии паники.

— Блет мибикс гурп! — истерически завопил один из Латов, споткнувшись о камень. Его сподвижник помогал несчастному встать,

оглядываясь на плывущий по воде плот, как вдруг застыл в оцепенении — все три зрачка его сосредоточились на плоту. Лат не обратил ни малейшего внимания на подоспевших Джерека и инспектора Спрингера. Джерек первым догадался оглянуться назад.

На плот стремительно надвигалось нечто мерцающе-зеленое с насекомоподобным телом.

— О, господи! — выдохнул инспектор Спрингер. — Оно, должно быть, больше шести футов длиной.

Из глубины еще недавно безмятежных вод вынырнуло и обрушилось на плот существо с серо-белыми колючими клешнями, мощным извивающимся хвостом, усеянным шипами, и веслообразными задними конечностями.

Одновременно раздалось два громких щелчка — в каждой клешне чудовища оказалось по Лату. Удар шипастого хвоста лишил их сознания и положил конец бесполезной борьбе и истошным воплям. После этого гигантский скорпион вернулся на глубину со своей добычей, оставив на поверхности воды месиво. Среди обломков плота, за которые цеплялись уцелевшие Латы подобно поплавку, покачивалась плетеная корзина. Вдали, почти в середине залива, Джерек заметил еще

одного скорпиона. Он кинулся вперед и, протягивая руки обезумевшим Латам, воскликнул:

— Боже! Какое замечательное приключение! Герцог Квинский не смог бы придумать более потрясающего зрелища! Задумайтесь Амелия — все произошло само собой, естественно, без всяких измышлений. О! Скорпионы! Они не слишком зловещи, эти милые сестрицы Сфинкса?

— Мистер Карнелиан, — с нескрываемой тревогой предупредила она. — Остерегайтесь! Они появились со всех сторон!

Это было правдой. Воды залива кишели гигантскими скорпионами, устремившимися к путешественникам.

Джерек помог капитану Мабберсу и еще одному Лату выбраться на берег. Третий Лат, ставший жертвой собственной медлительности, успел лишь вскрикнуть последнее: «Феркит!» — оказавшись затем в клешнях скорпиона. Злосчастному Лату было суждено стать яблоком раздора между добывшим его скорпионом и менее удачливыми товарищами этого скорпиона.

Взволнованная миссис Ундервуд подошла к Джереку:

— Боже, как вы меня напугали, мистер Карнелиан. Но ваша доблесть…

Брови Джерека поползли вверх.

— … неподражаема! — голос ее смягчился, но лишь на мгновение.

Амелия вспомнила о корзине, которая осталась на плаву. Очевидно она не представляла интереса для скорпионов, продолжающих свой кровавый диспут за право обладания истерзанным в клочья трупом, который время от времени всплывал в багровой пене залива. Корзина покачивалась, минуя водовороты, сотворенные непримиримыми скорпионами, она уже почти достигла середины залива.

— Мы должны проследить, куда ее уносит течение, — сказала миссис Ундервуд, — я надеюсь вернуть корзину. Узнайте направление внешнего и подводного течения, определите, где море.

— Вы правы, — согласился Джерек. — Главное — не терять ее из виду.

В этот момент что-то похожее на рыбу появилось на поверхности воды около корзины. Коричневая блестящая спина с плавниками исчезла почти мгновенно.

— Акулы, — предположил инспектор Спрингер. — Я вас предупреждал.

Корзина, которая делала этот мир настоящим раем, поднялась на спине существа с плавниками

и перевернулась вверх дном.

— О! — вскрикнула миссис Ундервуд. Корзина скрылась под водой, затем всплыла. Крышка ее была распахнута, но корзина все еще держалась на воде. Неожиданно миссис Ундервуд села на камни и заплакала. Горе любимой, ее беззвучный плач заглушили для Джерека все дикие вопли жестокого залива позднего Девона. Он присел рядом и нежно обнял ее хрупкие плечи. В это мгновение они увидели катерок, который завывая мотором, огибал мыс. Две облаченные в черное фигуры: одна из которых сидела за рулем, а другая стояла с багром в руках — направляли суденышко к заветной корзине.

Глава пятая
В центре времени

Не веря глазам своим, Амелия смахнула слезы и присмотрелась.

— Это начинает смахивать на чертов Брайтон, — сказал неодобрительно инспектор Спрингер. — Сначала все казалось таким нетронутым. Что за шум создает этот катер?

— Они спасли корзину, — сказала она. Две фигуры поднимали корзину на борт. Катер раска-

чивался под мощными ударами акулы. Несколько предметов остались в воде. Оба спасателя были одержимы своим занятием, стараясь вернуть все, что было в корзине. Не жалея усилий, они догнали и подхватили жестяную кружку. Наконец, суденышко направилось к берегу.

Джерек никогда не видел ничего похожего на костюмы вновь прибывших, хотя они напоминали одежду космических путешественников, всю из одного куска ткани, блестящую и черную, подпоясанную широким ремнем, сплошь унизанным всевозможными инструментами. На спасателях были плотно обтягивающие шлемы из того же материала с очками и наушниками и черные перчатки.

— Мне не нравится их вид, — пробормотал инспектор. — Может, они диверсанты?

Он с беспокойством оглянулся на холмы.

— Они здесь не к добру. Почему они не показывались раньше?

— Возможно они не знали, что мы здесь, — ответил Джерек рассудительно. — У них необычный интерес к нашей старой корзине. Может, мы видим ее в последний раз.

— Они подъехали, — сказала спокойно миссис Ундервуд. — Не стройте пустых предположений

раньше времени. Будем надеяться, они знают английский, или на худой конец французский.

Дно лодки заскрипело по гальке, мотор Заглох, два пассажира вытащили маленькое судно на берег из воды, взяли корзину и понесли ее к застывшим в ожидании, миссис Ундервуд, Джереку Карнелиану, инспектору Спрингеру, капитану Мабберсу и трем уцелевших Латам. Джерек различил двух особей мужского и женского пола одинакового роста. Высокие воротники и темные защитные очки скрывали их лица. Приблизившись на пару ярдов, они остановились и опустили корзину. Женщина сняла очки, и путники увидели на красивом овале лица огромные серо-голубые глаза, спокойные и чистые, как у миссис Ундервуд.

Миссис Ундервуд приняла ее за француженку.

— Бон жур… — начала она.

— Эй, — прервала ее женщина без оттенка иронии, — вы же англичане.

— Не все, — внушительно возразил инспектор Спрингер. — Те, маленькие, латвийцы.

— Меня зовут миссис Персон. Разрешите пред-

ставить капитана Бастейбла,[48] — мужчина поприветствовал их, тоже подняв очки. Красивое лицо его было смуглым от загара. Амелия продолжила знакомство.

— Миссис Ундервуд, мистер Карнелиан, инспектор Спрингер, капитан Мабберс. Боюсь, что не смогу представить остальных. Я не знаю их языка. Они похожи на космических путешественников из далекого будущего. Правда, мистер Карнелиан?

— Латы, — уточнил Джерек. — У нас всегда были сомнения по поводу их происхождения. Но они прибыли в Конец Времени на космическом корабле.

— Вы из Конца Времени, сэр? — Джерек уловил в голосе капитана Бастейбла легкие знакомые интонации девятнадцатого столетия.

— Да.

— Вы — Джерек Карнелиан, — предположила

---

[48] notes: 48

«...меня зовут миссис Персон. Разрешите представить капитана Бастейбла...»

Уна Персон — героиня романов Муркока «Повелитель воздушных пространств» и «Приключения Уны Персон и Катерины Корнелиус в XX веке» (1976). В «Танцорах на Краю Времени» Муркок сводит воедино всех основных персонажей сериала «Вечный герой». Освальд Бастейбл — главный герой трилогии «Прыгуны во времени», состоящей из романов «Повелитель воздушных пространств» (1971), «Сухопутный Левиафан» (1974) и «Стальной царь» (1981). Этот цикл войдет в десятый том настоящего издания.

миссис Персон, — друг Герцога Квинского и Лорда Джеггеда, правда?

— Вы знакомы с ними? — пришел в восторг Джерек.

— Я знаю немного Лорда Джеггеда. О, так это вы влюблены в эту леди, это и есть ваша — Амелия?

— Моя Амелия!

— Я не «ваша Амелия», мистер Карнелиан, — отрезала миссис Ундервуд и с подозрением посмотрела на миссис Персон.

Миссис Персон смутилась:

— Я забыла, что вы из 1896 года. Тысяча извинений, но я так много слышала о вас, миссис Ундервуд. Ваша история — одна из самых великих легенд нашего времени. Это огромная честь для нас — лицезреть вас во плоти.

Миссис Ундервуд нахмурилась, подозревая сарказм, но не находя его.

— И что вы слышали?…

— Нас очень немного, и мы иногда сплетничаем. В минуты редких встреч мы делимся своим опытом и рассказываем друг другу истории. Обычно мы собираемся в Центре времени.

Молодой мужчина засмеялся.

— Не думаю, что они понимают тебя, Уна.

— Я заболталась. Вы будете нашими гостями?

— У вас есть здесь машина? — в миссис Ундервуд зародилась надежда.

— Здесь база. Разве вы не слышали о ней? Значит, вы не члены Гильдии?

— Какой Гильдии? — сдвинула брови миссис Ундервуд.

— Гильдия вечных искателей приключений, — пояснил капитан Бастейбл. — ГВИП?

— Никогда не слышала ничего подобного.

— И я тоже, — сказал Джерек. — Почему вы объединились?

Миссис Персон пожала плечами.

— Наша задача — обмен информацией. Это избавляет профессиональных путешественников от многих трудностей и опасностей, — она улыбнулась застенчиво. — Это очень рискованное занятие.

— Действительно, — согласился он. — Спасибо за приглашение.

— Благодарю вас, миссис Персон, — ответила миссис Ундервуд, все еще настороженная.

— Мы вернемся в два этапа. Сначала Освальд отвезет инспектора Спрингера и Латов, а потом приедет за нами.

Капитан Бастейбл кивнул головой.

— А вы пока проверьте корзину. Все ли на

месте?

— Разумеется. Посмотрите миссис Ундервуд, может что-нибудь пропало?

— Пустяки. Я думаю…

— Это крайне важно. Если что-нибудь потеряно, мы будем искать до тех пор, пока не найдем. Наши приборы могут обнаружить любую мелочь.

Миссис Ундервуд заглянула в корзину и рассортировала ее содержимое.

— Все здесь.

— Ну и прекрасно. Время все еще терпимо к нам, однако мы не должны злоупотреблять его лояльностью.

Капитан Бастейбл, Латы и инспектор Спрингер были готовы к отплытию. Взревел мотор, вода закипела, и они скрылись из виду. Миссис Персон повернулась к Джереку и миссис Ундервуд.

— Прекрасный день. Вы давно здесь?

— Наверное, с неделю, — миссис Ундервуд оправила свое изорванное платье.

— Все прекрасно, если не заходить в воду. Многие забираются в поздний Девон просто отдохнуть. Он был бы самым совершенным, если бы не эти эриптиды — водяные скорпионы. Это самый миролюбивый период Палеозоя, в нем так много всевозможных приятных анахронизмов.

Впервые интонация миссис Ундервуд выдавала надежду, что ей не придется увидеть все это еще раз.

— Может вам скучно, — по-своему истолковала намек миссис Персон. — Но если кто-нибудь хочет расслабиться, обдумать заново свою жизнь, лучшего периода не сыскать, — она зевнула. — Как только закончится наше дежурство, мы с Бастейблом будем рады снова отправиться в путь, в какое-нибудь из двадцатых столетий.

— Вы не оговорились? Разве их несколько?

— Сколько путешественников — столько версий истории, — улыбнулась миссис Персон. — Вся сложность в том, чтобы оставаться в постоянном цикле. Если путешественнику это не удается, его приспособление к окружающей среде обречено на провал. Надломанный потрясением, человек, в конце концов, сходит с ума. Как вы думаете, среди помешанных много искателей приключений во Времени? Мы никогда не узнаем, — она рассмеялась. — Капитан Бастейбл, например, оказался на грани сумасшествия из-за своей собственной небрежности (и такое иногда случается). Мы едва спасли его. Первое, что он обнаружил — это то, что будущее не соответствовало прошлому, а это согласитесь — страшно.

Джерек с трудом улавливал смысл ее слов, а миссис Ундервуд и вовсе была сбита с толку, однако робко подхватила диалог.

— Вы хотите сказать, что тот странник с площади Ватерлоо и я совсем из разных времен. Но это невозможно. Неужели моего времени больше не существует, потому что?…

— Ваше время существует. Оно нетленно, миссис Ундервуд. Простите мне мои слова, но вы кажетесь особенно неподходящей для подобных путешествий. Как случилось, что ваш выбор пал на Поздний Девон?

— Мы ничего не выбирали, — ответил Джерек. — Мы были уверены, что вскоре окажемся в Конце Времени, но машина забарахлила и высадила нас здесь.

— Возможно, так оно и было.

— Что было?

— По всей вероятности, вы прошли полный цикл, прибыли к его концу и продолжили свой путь к началу.

— Вы считаете, что Время циклично?

— Допускаю, — улыбнулась она. — Известно о его спиралеобразности. Никто из нас не понимает этого достаточно глубоко, мистер Карнелиан. Пока мы просто собираем всю информацию. Нам

удалось разработать основные принципы самозащиты. Но вряд ли кому-нибудь удастся разгадать тайну природы Времени, слишком она подвижна и изменчива. Теория Хроноса, столь популярная в некоторых цивилизациях, оказалась несостоятельной, хотя до сих пор не все отказались от нее. В вашей собственной Теории Морфейла масса достоинств, однако она не в состоянии разрешить все сложности и противоречия. Главное же ее заблуждение — в утверждении, что Время имеет лишь одно измерение, как если бы и Пространство имело только одно. Вы понимаете, мистер Карнелиан?

— В какой-то степени, — она улыбнулась. — Я сама понимаю все ото лишь в «какой-то степени». Нет экспертов в вопросах времени — это единственная аксиома, которой учит Гилвдия новых членов. Все мы пытаемся с помощью случайных открытий и исследований отыскать возможность выживания. Некоторые теории предполагают, что с каждым новым открытием о Времени мы создаем две новые загадки. Для Времени никогда не может быть составлен свод законов как и для пространства, потому что с каждой крупинкой информации, наши размышления и действия, основанные на ней, вносят свой вклад в рас-

ширение границы возможного, дополняет и обогащает теорию Времени. Мои слова достаточно пространны потому, что я затронула область непознаваемого, возможно, метафизического. Время — это сон или кошмар, от которого никогда нельзя очнуться. По сути, путешественники во времени — мечтатели, случайно разделяющие общие переживания… Гилвдия была создана для того, чтобы помочь нам сохранить себя, не потерять ощущения смысла жизни — это очень важно для путешественников. Вам повезло, что вы не дрейфуете по полипространству, как пришлось капитану Бастейблу, иначе бы вы стали похожи на тонущего человека, который отказывается плыть, но барахтается — ведь каждая волна, которую вы создаете в Море Времени, имеет привычку становиться целым Океаном со своими собственными законами.

Миссис Ундервуд выслушала ее с явным беспокойством. Она подняла крышку корзины и, открыв фляжку, предложила миссис Персон глоток бренди.

— Восхитительно, — сказала миссис Персон, отпив глоток. — После двадцатого века, больше всего мне нравится девятнадцатый.

— А вы сами из какого? — полюбопытствовал

Джерек.

— Из середины двадцатого. Я немного знакома с вашим предком, его сестра — моя лучшая подруга, — миссис Персон заметила, что это озадачило его. — Разве Вы не знаете его? Странно. Хотя Джеггед… ваши гены, — она пожала плечами.

Джерек был заинтригован. Возможно, в ее словах таился ответ, который он искал у Джеггеда.

— Джеггед не был откровенен со мной, — объяснил Джерек. — Он отложил разговор до моего возвращения. Если вы прольете свет на эту тайну, я буду вам очень признателен.

Но она прикусила губу, поняв, что только что была на грани нечаянного предательства.

— Увы, — с сочувствием сказала она. — Я не могу говорить без его согласия. Наверное, у него были какие-то причины…

— Интересно, какие, — резко перебила миссис Ундервуд. — Кажется, это он подстроил нашу встречу. Теперь мы почти уверены, что он — причина наших бед…

— И наших удач, — мягко добавил Джерек, чтобы быть справедливым. — Он утверждает, что не замешан в этом, но я уверен…

— Я не в силах помочь вам, — извинилась миссис Персон. — А вот и капитан Бастейбл.

Катерок подпрыгивал на волнах, быстро приближаясь к ним и оставляя за собой белопенную дорожку в нескольких шагах от берега. Бастейбл развернул лодку и заглушил мотор.

— Вам не повредит небольшая водная процедура для ног? Скорпионов нет поблизости, вы в безопасности..

Они по воде подошли к лодке и влезли на борт, поставив корзину на дно. Миссис Ундервуд посмотрела на воду.

— Я не представляла, что могут быть насекомые таких габаритов. Динозавры — да, но скорпионы…

— Они обречены, — сказал капитан Бастейбл, вновь заводя мотор. — В конце концов, эти гигантские рыбы вытеснят их. Через миллион лет в этой реке будет много перемен, — он улыбнулся. — Мы должны предотвращать любое самовольное вмешательство во Время, — он показал назад на воду. — Мы не оставляем после себя ни малейшего следа нашего присутствия.

— Вам удалось преодолеть эффект Морфейла, — восхитился Джерек.

— У нас другая терминология, — прервала его миссис Персон. — Спокойствие времени зависит от спокойствия анахронизмов. Вот почему мы

так старались спасти вашу кружку — это чужеродный след. Все наше оборудование из очень нестойких материалов. Оно служит нам, но не выстоит больше столетия. Наше существование ненадежно — нас может вышвырнуть из этого века в любой момент, и мы можем оказаться не только разделенными, возможно навечно, но и в среде, неспособной поддерживать человеческую жизнь даже в самом элементарном.

— Вы играете с огнем, — заметила миссис Ундервуд. — Но зачем вам нужно подвергать себя опасности?

Миссис Персон засмеялась.

— Привычка. Постепенно входишь во вкус, вам, наверное, это тоже знакомо.

Залив начал сужаться между покрытыми мхом берегами, и вдали показалась деревянная пристань с двумя лодками у причала. За пристанью, в тени густой листвы, угадывалась какая-то темная масса.

Светловолосый юноша помог им стать на причал. На нем был такой же костюм, как у миссис Персон и капитана Бастейбла. Он приветливо кивнул Джереку и миссис Ундервуд, когда те выпрыгнули на пристань.

— Ваши друзья уже внутри, — сказал он.

Все четверо прошли по заросшей мхом скале к черным ровным стенам с запахом теплой резины. Миссис Персон сняла свою шляпку, распушив короткие темные волосы, придающие ей мальчишеский вид. Грациозным движением она коснулась стены в двух местах, заставив дверь скользнуть в сторону, чтобы впустить их. Они прошли внутрь.

Перед ними находились несколько похожих на коробки зданий. Миссис Персон повела их к самому большому. Внутрь проникало немного света, но по всей окружности стены бежала постоянная полоска искусственного освещения. Земля была покрыта тем же, слепка прогибающимся, темным материалом, и у Джерека сложилось впечатление, что весь лагерь может быть сложен за несколько секунд и транспортирован как единый груз. Он представил себе Центр, как большой корабль времени, так как тот имел определенное сходство с машиной, в которой Джерек путешествовал в девятнадцатое столетие.

Капитан Бастейбл встал сбоку от входа, пропустив поочередно миссис Персон и миссис Ундервуд, Джерек был последним. В помещении находились панели с приборами, экранами, мигающими индикаторами — все примитивно-

очаровывающего вида, который Джерек сравнил с далеким прошлым.

— Великолепная работа, — похвалил он, — все так искусно сливается с ландшафтом.

— Спасибо, — улыбнувшись себе, сказала миссис Персон. — Здесь Гильдия хранит всю информацию. Эти приборы обнаруживают движение спутников вдоль Мегапотока, как его иногда называют. Между прочим, мы не засекли вашу машину времени. Разве вы были не в машине?

— Наверное, она осталась где-то на пляже.

— Мы не нашли ее.

Капитан Бастейбл расстегнул молнию своего костюма. Под ним была надета простая военная форма серого цвета.

— Машина могла быть настроена на автоматическое возвращение, — предположил он. — А если это была неисправность, ваша машина сейчас может находиться где угодно, движение ее хаотично.

— Машина работала ужасно, — информировала его миссис Ундервуд. — В наши планы не входил Поздний Девон. О, капитан, моя признательность будет безгранична, если вы поможете нам по крайней мере вернуться в девятнадцатое столетие.

— Это, в принципе, не сложно, — ответил он. — Другое дело, сможете ли вы там остаться? Если человек однажды путешествовал во времени, он навсегда становится странником, неужели вы не слышали об этом? Это наша судьба.

— Я понятия не имела…

Миссис Персон положила руку на плечо миссис Ундервуд.

— Среди нас есть те, кто предпочитает какое-то одно столетие множеству иных. Но есть и эпохи, близкие к Началу или Концу Времени, которые редко отвергают желающих остаться там. Гены, я считаю, играют не последнюю роль в этом. Никто лучше Джерека не знает этого, это его любимый конек. Он и вам, наверное, уже ох как наскучил своим разглагольствованием.

— Неправда! — горячо возразил Джерек.

Миссис Персон поджала Губы.

— Может, чашку кофе? — спросила она.

Джерек повернулся к миссис Ундервуд. Он знал, что она не откажется.

— Все прекрасно, миссис Ундервуд. У них есть ларек. Вы чувствуйте себя как дома!

Глава шестая
Беседы и решения

Капитан Мабберс и его соплеменники плотным рядком сидели на скамейке, прикрывая локти и коленки, выставленные напоказ с тех пор, как Латы уничтожили свои пижамы. Когда миссис Персон и миссис Ундервуд вместе с остальными вошли в комнату, лица пигмеев покрылись сливово-пурпурными пятнами, они не знали куда деть глаза. Инспектор Спрингер сидел сам по себе в шарообразном кресле, в котором его колени почти касались лица. Его попытка встать при появлении двух леди, закончилась тем, что он расплескал кофе на свои брюки. Пробурчав слова полупротеста-полуизвинения, он снова плюхнулся в кресло.

Капитан Бастейбл подошел к черной машине с какой-то надписью.

— С молоком и сахаром? — спросил он миссис Ундервуд.

— Благодарю вас, капитан.

— Мистер Карнелиан? — капитан Бастейбл нажал какие-то кнопки. — Что будете вы?

— Тоже самое, пожалуйста, — Джерек оглядел маленькую комнату отдыха. — Он совсем не похож на Лондонские ларьки, правда, капитан Бастейбл?

— Какие ларьки?

— Мистер Карнелиан имеет в виду кофейные ларьки, — объяснила миссис Ундервуд. — Пожалуй, это его первый опыт в отношении кофе.

— Разве его пьют везде?

— Как и чай, — сказала она.

— Сколько недоступного моему пониманию в вашем утонченном веке! — Джерек принял бумажную чашку от капитана Бастейбла. Он отхлебнул с любопытством.

Вероятно, они заметили его разочарование.

— Может лучше чай, мистер Карнелиан? — спросила миссис Персон. — Или лимонад? Или бульон?

Он покачал головой, но улыбка его была натянутой.

— Не будем торопиться с новыми экспериментами. Так много свежих впечатлений… Конечно, я знаю, все это кажется знакомым и наскучившим — но для меня это так необычно. Погоня! Скорпионы! А теперь эти бараки! — он мельком посмотрел на Латов. — Остальные трое до сих пор

не вернулись?

— Остальные? — озадаченно спросил капитан Бастейбл.

— Он имеет в виду тех, кого сожрали скорпионы, — начала миссис Ундервуд. — Он верит…

— Что они будут восстановлены! — просветлела миссис Персон. — Конечно. В Конце Времени нет смерти как таковой, — сказала она Джереку извиняющимся тоном. — Боюсь, у нас нет ни необходимой технологии, чтобы вернуть Латов к жизни, мистер Карнелиан, ни мастерства. Вот если бы мисс Браннер или один из ее людей были на дежурстве — но нет, даже тогда это было бы невозможно. Вы должны смириться с потерей этих несчастных. Единственное, чем вы можете себя утешить — мыслью о том, что они отравили нескольких скорпионов. К счастью, их так много, что это не нарушит равновесия природы, и мы сможем сохранить свои корни в Позднем Девоне.

— Бедный капитан Мабберс, — посочувствовал Джерек. — Он так старается, но неудачи преследуют его. Может мы как-то поможем ему, создадим условия, чтоб поднять его моральный дух, заставим поверить в успех. Нет ли здесь чего-нибудь под рукой, что можно украсть, капитан Бастейбл?

Или кого-нибудь, чтобы изнасиловать?

— Боюсь, здесь такого нет, — покраснел капитан Бастейбл, пытаясь сладить с интонацией. Миссис Персон улыбнулась и сказала:

— Мы не очень хорошо экипированы для развлечения космических путешественников, мистер Карнелиан. Но мы сделаем все, чтобы отправить их туда, откуда они пришли в ваш век, — как можно ближе к их кораблю. Скоро у них появится возможность вернуться к любимым занятиям. Они смогут грабить и насиловать сколько душе угодно.

Капитан Бастейбл поперхнулся, миссис Ундервуд буравила взглядом кушетку. Миссис Персон сказала, опомнившись:

— Я забылась. Кстати, капитан, вы и миссис Ундервуд почти современники. Освальд, кажется, из 1901 года?

Он кивнул.

— Приблизительно.

— Что озадачивает меня больше всего, — продолжала миссис Персон, — так это то, как много людей прибыло сюда в одно и то же время. Самое плотное движение во времени на моей памяти. И две партии без всяких машин. Жалко, что мы не можем поговорить с Латами.

— Почему не можем? Стоит вам только пожелать, — сказал Джерек.

— Вы говорите по-латовски?

— Проще. У меня остались Переводительные Пилюли. Я говорил о них прежде, но никто не заинтересовался. В кафе «Роял», помните, инспектор?

Инспектор Спрингер пребывал в таком же помрачении духа, как и капитан Мабберс. Он, казалось, потерял всякий интерес к беседе. Временами он издавал скорбный, полный жалости к себе, вздох.

— Я слышала об этих пилюлях, — сказала миссис Персон. — Их можно применять не только в ваших городах?

— О, вполне. Я пользовался ими всюду. Биологические ингредиенты, которые она содержит в себе, влияют на часть мозга, связанную с речью. Вы заметили, как я владею вашим языком?

Миссис Персон еще раз оценивающе посмотрела на Латов.

— Они могут рассказать нам больше, чем инспектор Спрингер?

— Вряд ли, — ответил Джерек. — Они все попали сюда в одно и то же время.

— Тогда не стоит тратить пилюли. Придержим

на крайний случай.

— Прошу прощения, — сказала миссис Ундервуд, — если кажусь назойливой, но мне хотелось бы знать наши шансы на возвращение в нашу собственную эпоху.

— В вашем случае — очень незначительные, миссис Ундервуд, — посочувствовал капитан Бастейбл. — Я сужу по своему опыту. Вы можете выбрать какой-нибудь период своего будущего или «вернуться» в настоящее, однако, оно может оказаться радикально, фактически неузнаваемым. Наши приборы воспринимают все виды разрывов флюктуаций, случайных всплесков в Мегапотоке, которые предполагают, что происходит более сильное, чем обычно искажение. Плоскости многообразия движутся в какую-то точку пересечения..

— Это Слияние Миллиона Сфер, — пояснила миссис Персон. — Вы слышали о нем? Джерек и миссис Ундервуд отрицательно покачали головами.

— Существует теория, полагающая, что пересечения случаются при активности многообразия. Она предполагает, что Многообразие является конечным — оно может содержать конечное число континуумов, и когда в перемещении во

Времени задействовано слишком много континуумов, происходит полная переорганизация. Многообразие приводит себя в порядок, если можно так выразиться.

Миссис Персон направилась к выходу из комнаты.

— Хотите посмотреть какую-нибудь из наших операций?

Инспектор Спрингер, все еще в плену угрюмого забытья, промолчал, а Латы были слишком смущены, чтобы двигаться, поэтому Амелия Ундервуд и Джерек Карнелиан последовали за хозяевами через короткий соединительный туннель в комнату, наполненную особенными экранами, на которых ярко раскрашенные демонстрационные модели двигались в трех измерениях. Самым замечательным было колесо с восемью стрелками, постоянно изменяющее свои размеры и форму. За консолью под этим экраном сидел низкий смуглый бородач, иногда он что-то регулировал.

— Добрый вечер, сержант Глогер,[49] — капитан

---

[49] notes: 49

«…добрый вечер, сержант Глогер…»

Карл Глогер — герой повестей Муркока «Се — человек» (1967) и «Завтрак в руинах» (1972). Повесть «Се — человек» была удостоена премии «Небьюла».

Бастейбл наклонился над плечом мужчины и всмотрелся в приборы. — Какие изменения?

— Хронопотоки три, четыре и пять показывают значительную аномальную активность, — сказал сержант. — Это соответствует информации Фаустафа, но противоречит его автовосстановительной теории. Посмотрите на зубец номер пять! — показал он на экран. — А ведь это всего лишь грубое измерение. Мы не можем рассчитать факторы парадокса на этой машине, хотя это и не имеет смысла из-за скорости, с которой они увеличиваются. Такого рода всплески происходят повсюду. Это чудо, что мы не затронуты. Активности больше, чем мне бы хотелось. Я предложил бы общее предупредительное сообщение — чтобы каждый член Гильдии вернулся в сферу, место и столетие своего происхождения. Это может помочь стабилизации. Если только все происходящее имеет к нам отношение вообще.

— Слишком поздно выяснять, — сказала миссис Персон. — Я все еще придерживаюсь теории пересечения. Но как это затронет нас, можно только гадать, — она пожала плечами. — Полагаю это может помочь поверить в перевоплощение.

— Мне очень не нравится ощущение неуверенности, — сказал Глогер.

Джерек внес в беседу свой вклад:

— Они очень красивые. Напоминают мне о некоторых вещах, которые все еще могут делать гниющие города.

Миссис Персон отвернулась от экрана.

— Ваши города, мистер Карнелиан, непостижимы, как и само Время.

Джерек согласился.

— Да, их возраст уходит в вечность.

Капитан Бастейбл оживился.

— Возможно, время само приближается к старости. Интересное сравнение.

— Лучше обойдемся без метафор, — строго сказал ему сержант Глогер.

— Это все, что нам остается, — капитан Бастейбл позволил себе небольшой зевок. — Есть какие-нибудь шансы переправить миссис Ундервуд и мистера Карнелиана в девятнадцатый век?

— Стандартная линия?

Капитан Бастейбл кивнул.

— Практически нет. Если они могут подождать…

— Нет, нам некогда, — перебила миссис Ундервуд за них обоих. — Мы не хотим оставаться здесь.

— Как насчет Конца Времени? — спросил Гло-

гера капитан Бастейбл.

— В точку отправления?

— Хотя бы приблизительно.

Сержант нахмурился, изучая окружающие экраны.

— Девяносто девять из ста.

— Ну что, поедете? — повернулся капитан Бастейбл к своим гостям.

— Конечно, какие могут быть разговоры, — сказал Джерек.

— Тогда попытаемся вас отправить.

— А как же инспектор Спрингер? — воспитание заставило спросить миссис Ундервуд о случайных попутчиках. — И Латы?

— С ними мы разберемся позже и по-отдельности. — Уна Персон потерла глаза. — Было бы неплохо связаться с Джеггедом, Освальд. Нам не помешал бы сейчас его совет.

— Я уверен, что он вернулся в Конец Времени, — сказал Джерек. — И охотно передам ему любое сообщение.

— Да, — согласилась она, — возможно, мы так и сделаем. Ладно, сейчас, когда вы уже перекусили, вы должны немного поспать. Мы пока займемся приготовлениями. Если ничего не случиться, вы отправитесь завтра утром. Это будет зависеть от

количества энергии. Мы, к сожалению, лимитированы. В сущности, это только наблюдательный пост и место встречи для членов Гильдии. У нас практически не бывает излишков оборудования или энергии. Но мы сделаем все, чтобы помочь вам.

Покидая контрольную комнату, капитан Бастейбл предложил миссис Ундервуд свою руку. Она приняла предложение.

— Конечно, после всех чудес Края Времени все, что вы видите здесь настолько прозаично, — начал он светский разговор.

— Прозаично? — пробормотала она. — Скорее обескураживающе. Еще недавно в Бромли моя жизнь казалась такой устроенной, стабильной. Напряжение…

— Вы выглядите усталой, дорогая Амелия, — сказал Джерек позади них. Его беспокоили знаки внимания, которые оказывал капитан.

Она не обратила на него никакого внимания.

— Все эти передвижения во времени приносят здоровью вред, — жеманно обратилась она к Бастейблу. — Я восхищаюсь вами, капитан. Вы так спокойны и уверенны.

— Знаете, человек привыкает к этому, — он погладил ее руку. — Я преклоняюсь перед вашим

мужеством, миссис Ундервуд, ведь это ваше первое путешествие в Палеозой.

Она была польщена.

— Я нахожу утешение, — сказала она, — в мои молитвах. И в поэмах Уэлдрейка. Вы читали Уэлдрейка, капитан?

— Когда был юношей, я очень увлекался ими. Это так уместно в вашей ситуации.

Она вскинула голову и, шагая по черному упругому коридору, начала читать медленно, плавным голосом:

Однажды я посмотрел на мира величие,

И узнал чистую красоту, свободную от Времени.

Узнал ничем не скованную Радость,

Ничем не сдержанную Надежду.

А затем, о, трус, я бежал!

Капитан Бастейбл про себя повторял эти слова за ней.

— Совершенно точно! — воскликнул он и добавил:

Различим за нотой органа,

Его стон, плач мехов.

То, что солнце делает великолепным,

Без Солнца просто красиво!

Слушая их, Джерек Карнелиан испытывал особенное и необычное чувство. У него возникло желание разделить их, прервать, схватить ее и унести прочь от этого красивого офицера, этого ее современника, который намного лучше Джерека понимал и мог доставить удовольствие, мог утешить ее. Джерек был в смятении.

Он услышал голос миссис Персон:

— Надеюсь, теперь, когда все встало на свои места, вам лучше?

Он ответил неуверенно:

— Нет, я думаю, что я «несчастен».

Глава седьмая
На пути к концу времени

— Капсула не имеет своего источника энергии, — объясняла Уна Персон.

Утренний свет проникал через отверстие в стене над ними, когда все четверо стояли перед прямоугольным предметом, достаточно большим для двух человек и напоминающим, как отметила перед этим миссис Ундервуд, паланкин.

— Мы будем управлять ею отсюда. Она в самом деле безопаснее, чем любой другой вид машины времени, мы можем наблюдать за Мегапотоком и избегать больших разрывов. Мы удержим вас на курсе, не бойтесь.

— И обязательно напомните Лорду Джеггеду, что мы ждем его совета, — добавил капитан Бастейбл. — Я счастлив, мадам, что встретил вас, — он отдал честь.

— Мне тоже было приятно познакомиться с настоящим джентльменом, — ответила она с теплотой. — Благодарю вас, сэр, за вашу доброту.

— Не пора ли отправляться? — оживленность Джерека была напускной.

Уна Персон, казалось, радовалась чему-то своему. Она взяла за руку Освальда Бастейбла и прошептала ему что-то на ухо. Он покраснел.

Джерек забрался в ящик со своей стороны.

— Если что-нибудь понадобиться, я могу послать вам с Конца Времени. Вы только дайте знать, — окликнул он. — Мы должны поддерживать контакт.

— Вы правы, Джерек, — подхватила Уна, — в конце концов, единственное, что мы, путешественники во времени, имеем, это друг друга и нет ничего дороже… Расспросите Джеггеда о

Гильдии.

— Мне кажется, с него довольно похождений во Времени, миссис Персон, — улыбнулась Амелия Ундервуд.

Ее собственническое отношение к Джереку еще больше сбивало его с толку.

— Мы не можем свернуть с этого пути, ступив на него однажды, — сказала Уна Персон. — Это всего лишь напоминание. Надеюсь, вам повезет устроиться на одном месте, если вы хотите этого.

Им пришлось повышать голос, так как громкий гул наполнил воздух.

— Нам лучше отойти, — предложил капитан Бастейбл. — Иногда бывает шоковая волна из-за вакуума, знаете ли, — он проводил миссис Персон к большой хижине. — Капсула сама найдет нужный уровень, вам нечего опасаться. Вы не утонете, не сгорите и не задохнетесь.

Джерек смотрел им вслед. Гул нарастал. В кабине было тесно, его спина прижималась к спине миссис Ундервуд. Ему захотелось спросить, удобно ли ей, но прежде чем он повернулся, наступила полная тишина. Голова вдруг стала легкой. Он поискал глазами миссис Персон и капитана Бастейбла, но они куда-то исчезли, и смутный мерцающий призрак черной стены

был еле заметен. Наконец, он тоже исчез, и его заменила листва. Что-то огромное, тяжелое и живое надвигалось на них, и проплыв сквозь них, исчезло. Жара и холод стали невыносимыми и слились в одно ощущение. В глазах рябило бледно-размытым многоцветьем. В воздухе, которым он дышал, чувствовалась сырость, легкие уколы боли пробежали по всему телу и прошли прежде, чем его мозг сигнализировал об их присутствии. В его ушах пульсировали глубокие и медленные звуки. Он ощущал себя частью маятника, раскачиваясь в разные стороны. Джерек чувствовал тепло, исходящее от тела Амелии, прижатой к нему, но не мог услышать ее голос и не мог повернуться, чтобы увидеть ее, потому что любое движение требовало вечности, чтобы обдумать и совершить его. Джереку казалось, будто он весит тонны, что масса его распростерта на мили пространства и годы времени. Капсула наклонилась вперед, но он не выпал, что-то вдавливало и держало его. Серые волны омывали его, красные лучи перекатывались от пальцев ног до головы, пока кресло вращалось. Высокий насмешливый голос произнес его имя, или что-то вроде этого. Потом его окутали слова, все слова его жизни. Вздох — словно Ниагара поглотила

его. Выдох — раздался гром Везувия. Чешуя скользила по его щеке, и мех щекотал его ноздри, и плоть трепетала близко от его губ, и трепетали нежные крылья, и дули великие ветры. Он был пропитан соленым дождем (он стал Историей Человека, он стал тысячью теплокровных зверей, он познал невыносимое спокойствие). Он стал чистой болью, большой вальсирующей звездой, он стал Вселенной. Его тело утопало в мелодии…

— Мой дорогой… мой дорогой… мой самый дорогой...

Джерек смог открыть глаза.

— Мой дорогой! Неужели это Амелия?

Но нет. Амелия была в забытьи — различил он сквозь бледную пелену в глазах. Постепенно все вокруг прояснялось, приобретало отчетливые очертания.

Вокруг сочно-зеленой поляны, куда приземлилась капсула, высились дубы, солнечный свет касался их листьев.

Раздался какой-то звук. Джерек с трудом выбрался из своего сидения и нетвердой походкой приблизился к Амелии, только что выброшенной из капсулы, которая тотчас же исчезла с пронзительным свистом. Амелия лежала без чувств.

— Амелия, — он ласково провел рукой по шел-

ку ее волос, коснулся бархата шеи и прильнул губами к батисту рубашки, видневшейся сквозь изорванный рукав. — О, Амелия!

Едва слышным голосом она прошептала:

— Что за вольности, мистер Карнелиан? Уж не думаете ли вы, что я в беспамятстве? — она повернула голову, чтобы лучше видеть его. — Обыкновенный обморок. Возможно, легкий шок. Где мы?

— На Краю Времени. Эти деревья знакомой работы, — он помог — ей подняться на ноги. — Это то самое место, где мы впервые встретились с Латами. Вполне логично, что нас вернули именно сюда, поближе к убежищу Няни, — он рассказывал ей о своих приключениях раньше. — Корабль Латов, кстати, в нескольких шагах от этой поляны.

Она заметно занервничала.

— Мы должны разыскать ваших друзей!

— Если они вернулись. В последний раз мы видели их в Лондоне в 1896 году? Они исчезли, но вернулись ли назад? Наши цели совпадали. Скорее всего, Эффект Морфейла отправил их домой — но мы знаем, что теория Браннарта неприменима ко всем феноменам, связанным со Временем.

— Ваши разглагольствования нам не помогут, — перебила она. — У нас еще остались Кольца Власти?

Он был потрясен ее находчивостью.

— Конечно! — он коснулся рубина, обратив три дуба в большую копию Палеозойского катера из прозрачного жадеита. — В моем ранчо нас ждет отдых или оргия — все, что мы пожелаем! — он застыл в низком поклоне, пока она с непроницаемым лицом оглядывала судно. — Как вы находите двигатель из жадеита?[50] В нем нет никакой вульгарности. Мне кажется, его можно назвать изысканным. — Джерек откровенно напрашивался на похвалу.

— Довольно мило, — ответила она сдержанно.

Амелия церемонно вошла в экипаж и села на скамейку, обитую золоченой тканью. Джерек устроился на корме. Взмах руки — и лодка воспарила в небеса. Он засмеялся, снова став самим собой, Джереком Карнелианом, сыном женщины, любимцем этого Мира, и с ним была его любовь.

— Конец всем невзгодам! — воскликнул он, — Путь был долгим и трудным, но все закончилось

---

[50] notes: 50

«...как вы находите двигатель из жадеита...»

Жадеит — минерал, моноклинный пироксен. Применяется как поделочный камень. Имеет ярко-зеленый цвет.

благополучно, и теперь нас ждет наш собственный коттедж, кошка и кашка, пудинг и пудель, кольраби и крабы, крем и джем, гляссе и безе, и плов к чаю. Милая, родная Амелия, ты будешь счастлива!

Чопорно восседая в драгоценном катере, миссис Ундервуд поймала себя на мысли, что болтовня Джерека больше не шокирует ее. Она с удовольствием разглядывала знакомые ландшафты и не упрекала Джерека за наивную фамильярность и невольную непристойность его предложений.

— Я чувствовал! — пропел он. — Я знал, что вы полюбите Край Времени.

— Да, в нем есть своя прелесть, — признала она, — после Позднего Девона.

Глава восьмая
Все путешественники вернулись
Праздник

Нефритовый аэрокар достиг ранчо и парил в воздухе.

— Здесь ничего не изменилось с тех самых пор, когда Время похитило вас у меня. Все в доме осталось как прежде и сохраняет все особенности и мельчайшие детали вашего времени — вашей

дорогой Эпохи Рассвета. Я сделаю вас счастливой, Амелия. Я исполню любой ваш каприз, любую прихоть. Теперь, когда я много глубже знаю ваши потребности и хорошо знаком с вашими обычаями, вы перестанете считать меня таким наивным, как прежде, когда я добивался вас. Кажется это было так давно!

— Все осталось как прежде, — повторила она задумчиво, — Но мы — нет.

— Я возмужал, — согласился он, — теперь я подходящая пара для вас.

— О! — улыбнулась она.

Легкий укол сомнения:

— Ведь вы не любите другого? Капитан Бастейбл…

Дьявольский огонек промелькнул в ее глазах.

— Он джентльмен с превосходными манерами. И его осанка — такая военная выправка, — лицо ее оставалось серьезным, но в глазах был озорной блеск. — Пара, которую одобрила бы любая мать. Не будь я уже замужем, мне позавидовали бы в Бромли, но я замужем, конечно, за мистером Ундервудом.

Катер приземлился по спирали среди благоухающих розовых клумб и декоративных горок, которые Джерек когда-то создал для нее. Он спро-

сил нервозно:

— Ваш муж сказал, что… «разделит» вас!

— Даст развод. Я должна появиться в суде — за миллион лет отсюда. Кажется (отвернувшись, чтобы он не мог увидеть ее лицо), я никогда не буду свободной.

— Свободной? Свободной? Ни одна женщина не была когда — либо более свободной. Вы попали в эпоху Триумфа Человечества — где исполняются все желания и нет врагов. Вы можете жить в свое удовольствие. Я — ваш покорный слуга. Ваши мечты станут моими, дражайшая Амелия!

— Но муки совести, — напомнила она. — Могу я быть свободной от этого?

Его лицо омрачилось.

— О, да, конечно, я совсем забыл про вашу совесть. Значит, вы не оставили ее там? В Эдеме? В Раю?

— Там? Где я нуждалась в ней больше всего?

— Разве? Мне казалось вы думаете иначе.

— Тогда прокляните меня как лицемерку. Все женщины таковы.

— Вы противоречите себе и явно без особого желания.

— Ха! — она первая покинула экипаж. — Вы отказываетесь обвинить меня, мистер Карнелиан?

Не хотите играть в эту старую игру?

— Я не знал, что это была игра, Амелия. Вы расстроены? Ваши плечи выдают это. Простите.

Она обернулась к нему, и ее лицо смягчилось. Недоверие в глазах быстро исчезало.

— Это что, проверка на женственность? Я обвиняюсь в…?

— Все это бессмысленно.

— Почему? Здесь на Краю Времени есть какая-то степень свободы, смешанной со всеми вашими жестокостями.

— Жестокостями?

— Вы держите рабов. Походя, уничтожаете все, что наскучило вам. Разве у вас нет сочувствия к этим путешественникам во времени, вашим пленникам. Я тоже была в плену — и сидела в ваших питомниках. Меня выменяли на Юшариспа. Даже в моем 19-ом веке подобное варварство изжило себя!

Он принимал ее упреки склонив голову.

— Значит вы должны научить меня, как будет лучше, — сказал он. — Это и есть «мораль»?

Она вдруг была ошеломлена степенью своей

ответственности. Что она несет Парадизу[51] — спасение или комплекс вины? Она колебалась.

— Мы обсудим это со временем, — она закрыла тему.

Парочка забавных попугаев приветственно высвистывала какую-то мелодию, пока наши путники спускались к ранчо по извилистой мощеной тропинке между заборчиками из кустарника. Готическая красно-кирпичная репродукция ее Бромлейской виллы возвышалась в ожидании хозяев.

— Дом такой, каким вы оставили его, — гордо сообщил Джерек. — Но в другом месте я построил для вас «Лондон», чтобы вы не тосковали по дому. Вам еще не разонравилось ранчо?

— Оно такое, каким я помню его.

По ее тону он понял, что она разочарованна.

— Вы, наверное, сравниваете его сейчас с оригиналом? Он вполне похож на оригинал.

— Но остается жалкой копией, да? Покажите мне…

Она подошла к крыльцу, скользнула рукой по крашенным доскам, чуть коснулась лепестков

---

[51] notes: 51

«…она несет Парадизу…»

Парадиз (от лат. paradisus) — рай. Обычно употребляется в ироническом контексте.

цветущей розы (из которых ни одна не завяла с тех пор, как она исчезла).

— Боже, как давно это было! — прошептала она. — Тогда у меня была потребность в чем-то знакомом. Я не могла без этого обойтись, как без воздуха.

— А сейчас можете?

— О, да. Я — человек. Я — женщина. Хотя, конечно, есть более важные вещи. В те дни я чувствовала, что я в аду — отверженная и презренная — в компании безумца. У меня не было выхода.

Джерек открыл дверь с мозаичными панелями. В сумерках холла темнели горшки с цветами, картины и персидские ковры.

— Если есть дополнения… — начал он.

— Дополнения! — она немного оживилась, осматривая холл недовольным взглядом. — Не нужно, я думаю.

— Слишком загромождено? Не хватает света? — закрыв дверь, Джерек занялся освещением.

— Дом мог бы быть больше. Больше окон, может быть, больше солнца, больше воздуха.

Он улыбнулся.

— Я могу убрать крышу…

— Вы в самом деле можете! — она вдохнула глубже. — Хотя здесь не так затхло, как я ожидала.

Сколько времени вас здесь не было?

— Трудно сказать. Это можно узнать только поговорив с нашими друзьями. Они знают. Мой диапазон запахов сильно расширился с тех пор, как я посетил 1896 год. Я согласен, что был слаб в этой области. Но тот мой соломенный тюфяк так обогатил…

— О, все в порядке, мистер Карнелиан. Пока, во всяком случае.

— Скажите, что вас так тревожит?

Она ласково посмотрела на него.

— Я никогда не подозревала в вас столько чуткости.

— Я люблю вас, — сказал Джерек просто, — И живу для вас.

Она покраснела.

— В моих комнатах все так же? Из гардероба ничего не пропало?

— Все на месте.

— Тогда мы увидимся за ленчем, — она начала подниматься по лестнице.

— Я приготовлю его для вас, — пообещал Джерек. Он вошел, пристально вглядываясь через окно в эту воображаемую Коллинз-Авеню, с ее плавными зелеными холмами, механическими коровами и овцами, ковбоями и пастухами

— все было воспроизведено тщательно, чтобы она чувствовала себя как дома. Он признавал в душе, что ее реакция обескуражила его. Будто она потеряла вкус к тому, что когда-то выбрала сама. Он вздохнул. Когда ее желания были ясными и определенными, Джереку было намного легче. Сейчас, когда Амелия сама не знала, чего хочет, он растерялся. Вся эта гармония разных салфеточек, конской обивки гарнитура, красных, черных и желтых ковриков и покрывал с геометрическими узорами, эти фотографии в рамках, растение с толстыми листьями — все, что раньше согревало ей душу и облегчало жизнь на чужбине — жгло ему глаза, потому что теперь она не одобряла этого. Джерек чувствовал себя грубым мужланом, который не мог доставить удовольствие женщине, не говоря уже о самой прекрасной из когда-либо живших. Все еще в запачканных лохмотьях своего костюма девятнадцатого века, он опустился в кресло, положил голову на руки и задумался над иронией ситуации. Не так давно он сидел в этом самом доме с миссис Ундервуд и предлагал различные улучшения. Она была против малейших перемен. Потом она исчезла, и все, что осталось от нее — был сам дом, который Джерек полюбил как память о ней. Он привязался к

дому. Теперь она сама захотела перемен, которые когда-то отвергала, и Джерек почувствовал глубокое нежелание переделывать что-либо, касалось это простого пальмового горшка или буфета. Ностальгия по тем временам, когда он ухаживал за ней, и она пыталась привить ему тонкости добродетели, когда они пели ее гимны по вечерам (ведь это она настояла на часовом распорядке дня и ночи, которые были приняты в Бромли), переполнила его — и вместе с ностальгией пришло ощущение, что его надежды обречены. Всякий раз, когда она готова была отдать ему свое сердце, открыть душу и даровать себя, все рушилось, как карточный домик. Джерека не покидало чувство, что это Джеггед подсматривал каждый их жест и движение и беспардонно вмешивался в их жизнь. И все же легче было думать так, чем поверить в то, что против них, против их любви — вся Вселенная.

Он поднялся с кресла и, пренебрегая условностями и обычаями, соблюдения которых она всегда требовала от него, создал отверстие в потолке, через которое смог попасть в свою собственную комнату, излучающую прохладную негу белого, золотого и серебряного. Джерек восстановил пол и с помощью рубинового Кольца

избавил свое тело от толстого слоя Палеозойской грязи. Облачившись в струящуюся мантию из белого паучьего меха, Джерек почувствовал необыкновенную легкость на душе — былое всемогущество (а значит и былая неискушенность) вернулись в нему.

Он расслабился и весело рассмеялся. Познав цену всем милостям первобытной стихий, побывав в плену беспомощности и окунувшись в пучину безысходности, Джерек тем более остро почувствовал радость возвращения в свой мир, всю прелесть подлинной непринужденности. Он был полон сил и энергии, чтобы подарить благодарной публике новые невиданные развлечения. Он истосковался по шумной компании своих старых друзей, которым мог поведать о своих приключениях. Интересно, вернулась ли на Край Времени его мать, величественная Железная Орхидея? Помог ли опыт избавиться от пошлости герцогу Квинскому? В Джереке вдруг проснулся живой интерес.

Его воздушная мантия покрылась белой зыбью волн, когда он, выйдя из комнаты, начал спускаться по извилистой лестнице, загроможденной маленькими китайскими статуэтками, китайскими вазами, китайскими цветами, ки-

тайскими безделушками. Его изумрудное Кольцо Власти воскресило изысканный букет ароматов Девонских папоротников, улиц девятнадцатого столетия, океанов и лугов. С каждым шагом, его походка становилась легче и невесомей.

— Все вещи яркие и красивые, — напевал он, — все создания, большие и малые…

Поворот янтарного Кольца — и заструилась мелодия невидимого оркестра; аметиста — и в пышном переливе царственного оперения свита чопорных павлинов несла в клювах шлейф его мантии… Он прошел мимо вышитого изречения, которое все еще не мог прочитать, но она объяснила ему смысл (если смысл вообще был!): «Что значат эти тра-ля-ля-камуш-ки?» — промурлыкал он.

Его мантия из меха паутинки касалась узорчатых выступов по обеим сторонам лестницы. Не чувствуя никакой вины, он чуть-чуть расширил ступеньки, чтобы проходить более спокойно.

Столовая, темная, с тяжелыми шторами и коричневой мрачной мебелью, омрачила его настроению лишь на миг. Он помнил, как она однажды заказала частично обожженную плоть животного и какие-то пресные овощи, но решил пренебречь этим. Раз она больше не диктовала

своих пожеланий, он предложит ей снова что-нибудь по своему собственному выбору.

От стола веяло экзотикой. Напоминание об их недавних приключениях — карамель — скорпион мерцал в центре стола. Рядом с ним разместилось сразу два двухфутовых инспектора Спрингера, воплощенных в прозрачных малиновых желе. У ног инспектора щипали травку два стада Марципановых овечек и коров. Повсюду стол украшали желтые, голубые, розовые, белые, лиловые и пурпурные веточки нежного хвороста. Сервировка стола была несвойственна для Джерека — обычно доминировали оттенки лишь одного цвета, его можно было обвинить даже в безвкусице — но Джерек тешил себя надеждой, что Амелию позабавит буйство красок. Зеленые прудки соуса, золотистые горы горчицы, ванильный крем и пирожки дюжины оттенков радовали глаз. В голубом хрустальном кубке — кокаин, в серебряном — героин, в черном — сахар. Здесь были блюда на любой вкус. Джерек отошел, довольный своим творением. Стол был переполнен, но была во всем этом своя пикантность, и Джерек чувствовал, что миссис Ундервуд оценит его старания.

Он ударил в висящий поблизости гонг. За дверью раздались шаги… Войдя в комнату она

воскликнула:

— О!

— Ленч, моя милая Амелия. Боюсь, все свалено в кучу, но вполне съедобно.

Она разглядывала маленьких марципановых животных. Джерек просиял.

— Я знал, что они понравятся вам. А инспектор Спрингер, не правда ли, забавный?

Она прижала пальцы к губам, подавляя восклицание. Грудь ее тяжело вздымалась, лицо покраснело почти так же, как желе.

— Амелия, я огорчил вас?

Она согнулась, задыхаясь. Он дико огляделся вокруг.

— Что нибудь ядовитое?

— О, ха, ха… — она выпрямилась, держа руки на бедрах. — О, ха, ха, ха!

Он облегченно вздохнул.

— Вы смеетесь, — Джерек отодвинул назад ее кресло, как она раньше учила его делать. Миссис Ундервуд опустилась в него, все еще трясясь от смеха, подняла ложку.

— О, ха, ха…

Он присоединился к ней.

— Ха, ха, ха, ха…

Именно в этот момент, прежде, чем они по-

ложили, хотя бы кусочек в рот, их застала Железная Орхидея. Они увидели ее в дверях спустя некоторое время. Она улыбалась. Она была блистательна.

— Дорогой Джерек, чудо моего чрева! Удивительная Амелия, несравненная предшественница! Вы прячетесь от нас? Или только что вернулись? Если так, вы последние. Все путешественники уже здесь, даже Монгров. Он возвратился из космоса мрачный, как никогда. Мы вспоминали о вас. Джеггед был здесь — он сказал, что отправил вас сюда, но машина прибыла без пассажиров. Некоторые подумали, как Браннарт Морфейл, что вы затерялись в каком-нибудь примитивном веке и погибли. Я знала, что этого не может быть. Хотели снарядить экспедицию, но из этого ничего не вышло. Сегодня Миледи Шарлотина сказала, что приборами Браннарта была зарегистрирована машина времени на секунду или две. Я знала, что это должны быть вы!

В качестве своего основного цвета она выбрала красный. Ее малиновые глаза сияли материнской радостью по поводу возвращения ее сына. Колечки красных волос обрамляли ее лицо, макового цвета; плоть, казалось, вибрировала от удовольствия. При каждом ее движении пластиковое

манто цвета пурпура немного потрескивало.

— Вы знаете, мы должны устроить праздник. Этакую вечеринку, чтобы услышать новости Монгрова. Он согласился прийти. И Герцог Квинский, Епископ Тауэр, Миледи Шарлотина — мы все будем там, чтобы поделиться впечатлениями о наших приключениях. А теперь ты и миссис Ундервуд. Где вы были, бродяги? Скрывались здесь или искали приключений в толще истории?

Миссис Ундервуд сказала:

— Мы утомились в дороге, миссис Карнелиан, и я думаю…

— Утомились? Миссис, что? Утомились? Я не вполне понимаю значения этого слова. Но миссис Карнелиан — это великолепно. Я никогда не думала… да, великолепно. Я должна рассказать об этом Герцогу Квинскому, — она направилась к двери. — Не буду вам мешать. Кстати, темой праздника будет, конечно, 1896 год. И я знаю, что вы оба превзойдете себя! Прощайте!

Миссис Ундервуд с мольбой обратилась к Джереку:

— Может, мы не пойдем?

— Мы должны!

— Разве нас кто-нибудь ждет?

Он познал тайную радость от собственного

хитроумия.

— О, действительно, ждут.

— Значит нужно идти.

Он оглядел ее накрахмаленное белое платье, заколотые каштановые волосы.

— Лучше всего, — посоветовал Джерек, — если вы пойдете как есть, чистота вашего облика затмит всех остальных.

Она отломила веточку от сахарного кустика.

Глава девятая
Прошлому отдано предпочтение, будущее подтверждено

Необъятная равнина, над которой они летели, была уст лана тусклым зеленым ковром. Затем показались аллейки, расположенные с небольшими промежутками по периметру окаймлявшего центр событий полукружья. Джерек выбрал одну из них. Кипарисы, пальмы, тисы, бузина, сосны, мамонтовые деревья по обеим сторонам аллеи промелькнули перед ним. Их разноликость возвещала о том, что Герцог Квинский верен своим былым манерам. (Джерек удивился бы, увидев что-либо иное). Прежде чем они успели рассмотреть остальное, послышалась музыка.

— Вальс! — воскликнула миссис Ундервуд (строгой простоте дневного платья она предпочла великолепие небесного шелка и роскошь белоснежных кружев, оборочек. На ней была шляпа с огромными полями, кружевной узор перчаток нежно облегал ее изящные ручки, в которых она держала бело-голубой зонтик). — Это Штраус, мистер Карнелиан?

Джерек вальяжно развалился в кресле, перебирая цепочку часов. Твидовый костюм, «сшитый» с ее помощью, тщательно подобранный жилет, башмаки и даже кепи, чуть затеняющее его лицо — все это безукоризненно сидело на нем. «Вашей фигуре позавидовали бы всюду» — сказала на примерке Амелия, немного смутившись после своих слов. Джерек покачал головой: «И в столице, и в провинции. Я плохо знаком с древней модой.» Лорд Джеггед оценил бы. Надеюсь, он там! — Джерек поигрывал вересковой трубкой, которая, как казалось миссис Ундервуд, придавала ему зрелый и мужественный вид.

— Он наговорил много лишнего на прощанье, — сказала она. — И вряд ли раскаивается в своих словах… Я помню, как однажды, браг девушки, которую *я* знала по школе, составил нам компанию во время каникул… Он относился

ко мне надменно, и я думала, что не нравлюсь ему. Под конец он отвез меня на станцию, по дороге не проронив ни слова. Мне было неловко, я чувствовала себя обузой. Я вошла в поезд, он остался на платформе. Когда поезд тронулся, он побежал рядом с ним, зная, что мы больше не увидим друг друга. Он покраснел, как малина, когда выкрикнул те слова — она стала изучать серебряный кончик своего зонтика.

Джерек увидел на ее губах мягкую улыбку — все, что он мог увидеть на ее лице, закрытом полями шляпы.

— Какие слова?

— О! — она взглянула на него лукаво. — Он сказал: «Я люблю вас, мисс Ормонт!» — вот и все. Он признавался в этом, потому что мы расставались навсегда.

Джерек засмеялся.

— И, конечно, шутка состояла в том, что вы не были этой мисс Ормонт. Он перепутал вас с кем-то другим?

Его удивило, почему и тон, и выражение ее лица вдруг изменились, хотя она, казалось, оставалась веселой. Она снова занялась зонтиком.

— Моя девичья фамилия была Ормонт, — сказала она. — Когда мы выходим замуж, мы берем

фамилию нашего избранника.

— Великолепно! Тогда я могу однажды стать Джереком Ундервуд?

— Вы дьявольски хитры в методах преследования своих целей, мистер Карнелиан. Но меня не поймать так легко. Нет, вы не станете Джереком Ундервуд.

— Ормонт?

— Мысль забавная, даже приятная, — она оборвала себя, — даже самый ярый радикал никогда не предлагал, к моему сожалению, такие изменения! — улыбаясь, она проговорила — О дорогой! Какие опасные мысли вы внушаете в своей невинности!

— Я не обидел вас?

— Когда-то вы могли сделать такое. Меня шокирует, что я не шокирована. Какой плохой женщиной я оказалась бы сейчас в Бромли!

Он с трудом понимал ее, но не беспокоился об этом. Откинувшись на спинку кресла, Джерек зажег вересковую трубку (познаний Амелии было недостаточно, чтобы раскурить ее по-настоящему). В позолоте солнечного сияния, в гармонии небес с воздушным нарядом его возлюбленной Джерек находил ни с чем несравнимое очарование. На других аллеях он заметил другие экипажи

— они спешили к эпицентру торжества. Причудливая репродукция Герцога Квинского — на красном плюше гигантской громады вычурные золотые вензельки — только продолжала его опыты в области 19-ого столетия.

Джерек коснулся ее руки.

— Вы узнаете это, Амелия?

— Оно невероятно огромное, — край ее шляпы поднимался все выше и выше, кружевная перчатка коснулась подбородка. — Смотрите, оно исчезает в облаках!

Она не узнавала. Джерек намекнул:

— Но если бы это было поменьше…

Она склонила голову к плечу, все еще всматриваясь ввысь.

— Какое-то американское здание?

— Вы были там.

— Я?

— Оригинал находится в Лондоне.

— Не кафе «Роял»?

— Разве вы не видите? Он взял декор от кафе «Роял» и добавил его к вашему Скотланд-Ярду.

— Штаб-квартира полиции с красными плюшевыми стенами!..

— Герцог почти приблизился к простоте. Не кажется ли вам оно невыразительным?

— Тысяча футов высотой! Это самый длинный отрез плюша, мистер Карнелиан, который я когда-либо могла видеть! А что там, на крыше, — облака сейчас разошлись, — более темная масса?

— Черная?

— Вроде, голубая.

— Купол. Да, шляпа, какую носят полицейские.

Она, казалось, задохнулась.

— Конечно…

Музыка становилась все громче. Миссис Ундервуд была озадачена.

— Мелодия слишком медленная и растянутая для вальса? Может, ее играют на индийских или арабских инструментах? Во всяком случае, очень похоже на восток. К тому же, слишком высокие звуки.

— Это записи из наших Городов, — предположил Джерек. — Они старые, вероятно, испорченные. Значит, они не подлинные?

— Нет, они не из моего времени.

— Вы лучше не говорите это Герцогу. Он будет разочарован.

Пожав плечами, она согласилась.

— Эта музыка начинает раздражать меня. Надеюсь эта пытка не будет продолжаться целый вечер? Что это за инструменты?

— Электроника, или что-нибудь подобное… Вам лучше знать…

— Откуда?

— А-а…

Возникла некоторая неловкость, и какое-то время, оба старались найти новый предмет для разговора, чтобы вернуть то настроение расслабленности, которым они наслаждались до сих пор. В широкой темной арке плюшевого Скотланд Ярда стремительно скрывались экипажи всевозможных конфигураций, позаимствованных из технологии или мифологии Эпохи Рассвета. Джерек увидел медленную лошадку, старательно галопирующую в воздухе; владелец экипажей в форме буквы «Т» сидел на месте пересечения длинного вертикального бруса с коротким горизонтальным. Затем Джерек услышал особые звуки, характерные для овечьих ножниц, но прежде, чем он успел что-либо рассмотреть, звуки исчезли. Некоторые экипажи развивали сногсшибательную скорость, другие, наоборот, ехали чинно и степенно, как большое серо-белое авто, очень похожее своими очертаниями на лондонского голубя.

— Съехался весь свет! — изрек Джерек.

Она поправила оборки. Музыка изменилась, их

окружили звуки медленных взрывов и чего-то, ползущего по песку, когда их аэрокар оказался в огромной холле, предназначенном для стоянки экипажей. Разодетые фигуры плыли от своих экипажей к дверям дворца. Их голоса вызывали громкое эхо.

— Королевский вокзал просто карлик перед этим залом! — воскликнула миссис Ундервуд. Она восхищалась разноцветной мозаикой на стенах и арках. — Трудно поверить, что этого не существовало столетия.

— В некотором смысле, да, — сказал Джерек, отдавая должное ее попытке возобновить беседу. — В памяти Городов.

— Оно было создано одним из ваших Городов?

— Нет, они слишком одряхлели для этого, но в их памяти осталось многое из истории нашей расы, они могут многое посоветовать. Вы узнаете интерьер?

— Он напоминает мне свод гигантского готического собора. Не думаю, чтобы я знала оригинал, если он существует. Вы не должны забывать, мистер Карнелиан, что я не знаток. Я не знаю очень многого из жизни моего мира, мой лондонский опыт довольно скуден. В Бромли я вела спокойную жизнь, а мир там очень мал, — она

вздохнула, когда они покидали аэрокар. — Очень мал, — повторила она почти неслышно.

Она поправила шляпу и вскинула голову, восхищая Джерека своей грациозностью. Несмотря на грусть, Амелия излучала тепло и полноту жизни. Джерек поколебался долю секунды, прежде чем предложил ей свою руку, но она взяла ее с готовностью, улыбаясь, ее печаль прошла, и вместе они поднялись к дверям наверху.

— Теперь вы рады, что пришли? — пробормотал он.

— Я решила веселиться, — сказала она ему.

Тут она судорожно вздохнула от изумления, не ожидая той сцены, которую увидела, когда они вошли. Все здание было заполнено плавающими платформами и галереями, поднимающимися все выше и выше, и на этих платформах и галереях беседовали, ужинали, танцевали и развлекались гости Герцога. Некоторые парили от одной галереи к другой. Высоко-высоко над ними самые далекие фигурки были настолько крошечными, что фактически их нельзя было увидеть. Неуловимо изменяясь, свет становился то ярче, то темней, насыщая цвета любого возможного оттенка и тона, дополняя костюмы гостей, диапазон которых простирался от самых простейших

до самого гротескного. Возможно, благодаря какой-то искусной манипуляции акустикой зала, звуки голосов понижались и повышались волнообразно, но не были настолько громкими, чтобы заглушить какую-либо отдельную беседу, и миссис Ундервуд восхищала гармония одного бесконечно разнообразного хора. Вдоль стен стояли люди, пожелавшие отрегулировать поле тяготения по своему вкусу. И поскольку высота зала стала для них длиной, тела их были расположены под прямым углом к остальным гостям.

— Все это напоминает мне средневековую живопись, — сказала она. — Итальянскую, наверное? О небеса! Дом моего отца… хотя перспектива лучше, — поняв, что лепечет что-то невразумительное, она умолкла со вздохом, глядя на Джерека с выражением удивления собственной растерянностью.

— Значит вам нравится? — предупредительно спросил он, хотя заметил, что ей не скучно.

— Это чудесно!

— Ваша мораль не оскорблена?

— Сегодня, мистер Карнелиан, я решила оставить всю свою мораль дома, — она снова засмеялась над собой.

— Вы прекрасны, как никогда, — восхитился

он. — Вы просто прелестны.

— Тише, мистер Карнелиан. Вы делаете меня самодовольной. Наконец-то я чувствую себя сама собой. Дайте порадоваться этому. Я разрешу, — улыбнулась она, — случайный комплимент, но буду благодарна, если вы прибережете страсть признаний для вечера.

Он поклонился, разделяя ее веселое настроение.

— Прекрасно.

Но она стала богиней, и он не мог не удивляться. В его глазах она всегда была прекрасной, достойной восхищения, женщина. Он боготворил ее за мужество, за противостояние его среде. Она покорила общество, которое всего несколько месяцев назад угрожало попрать и уничтожить ее личность. В ее позе была решимость, легкость, чувство уверенности, объявляющее любому то, что всегда чувствовал в ней он — и он гордился, что его мир увидит в ней женщину, способную одолеть любые невзгоды. И поскольку между ними уже существовало взаимное понимание, он знал чего ей это стоило, он знал источники, из которых она черпала силы. Джерек впервые осознал глубину своей любви к ней, и теперь, хотя он всегда чувствовал, что она любит его,

он был убежден, что ее эмоции не уступают его собственным. Подобно ей, ему не требовалось никаких объяснений в любви — ее поза сама по себе была признанием.

Они начали восхождение.

— Джерек!

В прозрачном откровении шелков перед ними предстала госпожа Кристия, Неистощимая Наложница, в облике пухленькой посетительницы кафе «Роял».

— Вы, наверное, Амелия? — спросила она миссис Ундервуд и посмотрела на них обоих.

Миссис Ундервуд улыбнулась в знак согласия.

— Я слышала обо всех ваших приключениях в девятнадцатом столетии. Я так завидую вам, вашей эпохе, кажется чудесной, как раз такой, какую я хотела бы посетить. Это не мой костюм. Его придумала Миледи Шарлотина, но ей не идет. Он подлинный, Амелия? — она крутанулась в воздухе как раз над их головами.

— Греческий?... — заколебалась Амелия Ундервуд, не желая возражать. — Он очень вам подходит. Вы великолепно выглядите.

— Я имела бы успех в вашем мире?

— О, определенно. Во многих слоях общества вы были бы центром внимания.

Госпожа Кристия просияла и наклонилась, чтобы мягкими губами поцеловать щечку миссис Ундервуд, бормоча негромко:

— Вы сами выглядите чудесно. Вы сделали это платье или перенесли с собой из Эпохи Рассвета? Оно, должно быть, настоящее.

— Оно сделано здесь.

— Все равно оно прекрасно. У вас есть преимущество перед нами всеми. Ты тоже, Джерек, выглядишь настоящим Джентльменом, героем Эпохи Рассвета. Такой мужественный! Такой желанный!

Рука миссис Ундервуд чуть сжала локоть Джерека, что привело его в экстаз. Но госпожа Кристия тоже была чувствительна.

— Не я одна завидую вам, Амелия, — она позволила себе подмигнуть, — или Джереку. Вот идет наш хозяин!

Герцог Квинский был солдатом. Но никогда еще не было туники настолько глубоко красной, чем та, которая была надета на нем, и таких золотых пуговиц, и столь ярких эполет, и зеркально-сверкающих начищенных ремня и сапог. Его рука в белой перчатке покоилась на эфесе шпаги, украшенной кисточкой. Он отдал салют и поклонился.

— Вы оказали мне честь своим присутствием, господа.

Джерек обнял его.

— Вы основательно подготовились, дорогой друг. Вы такой статный!

— Все натуральное, — объяснил Герцоге гордостью. — Мне помогли некоторые путешественники с военными познаниями. Да, кстати, вы слышали о моей дуэли с Лордом Кархародоном?[52]

— Лорд Кархародон? Это так же трудно представить, как если Монгров в один прекрасный день станет общительным, как Гаф… Лошадь. Что могло выманить этого мизантропа из его крепости?

— Дело чести.

— В самом деле? — сказала Амелия Ундервуд. — Оскорбление и пистолеты на рассвете?

— Я оскорбил его. Не помню, как. Но потом меня мучили угрызения совести. Мы поладим на шпагах. Я тренировался целую вечность. Вся ирония в том…

Его прервал Епископ Тауэр в вечерней одежде,

---

[52] notes: 52

«…вы слышали о моей дуэли с Лордом Кархародоном…»
Лорд Кархародон — герой повести Муркока «Белые звезды», вошедший в цикл повестей «Легенды Края Времени». Эпизод, о котором рассказывает Герцог Квинский подробно описан в этой повести. Данный цикл войдет в девятый том настоящего издания.

полностью скопированной с мистера Гарриса. Его красивое, немного аскетическое лицо, обрамлял воротник, возможно, более высокий, чем было принято в 1896 году. Ему не нравился черный цвет, поэтому пиджак и брюки были зеленого цвета, жилет - коричневого, рубашка — кремового. Галстук гармонировал с зеленью пиджака и высоченного цилиндра на голове.

— Веселый Джерек, вы скрывались слишком долго! — его голос был слегка приглушен воротником, почти закрывающим рот. — И ваша миссис Ундервуд! Мрак исчез. Мы снова вместе!

— Я не выйду за рамки приличия, похвалив ваш костюм, епископ, — последовало движение ее зонтика.

— Комплименты — это цвет нашей беседы, дорогая миссис Ундервуд. Мы получаем удовольствие от лести, мы питаемся похвалой, мы проводим наши дни в поисках комплимента, который заставит павлина в нас распустить перья и сказать: «Смотрите, я украшаю мир». Короче, роскошная бабочка в голубом, вы можете сказать мне комплимент, вы его уже сказали. Я хочу отплатить вам тем же. Вы прекрасны. Ваши черты лица, с которыми немногие из нас могут сравниться, не просто привлекают глаз — они

не отпускают его. Вы — самое красивое создание здесь. И вы должны посвятить нас всех в секреты Моды. Джерек свергнут со своего трона!

Она одобрительно приподняла бровь. Его поклон чуть не стоил ему шляпы. Он выпрямился, увидел знакомого, и снова, поклонившись, отплыл прочь.

— Позже, — сказал он им, — мы поговорим!

Амелия с изумлением в глазах наблюдала, как епископ Тауэр поднялся к ближайшей галерее.

— Какой разговорчивый священник, — сказала она. — У нас, в 1896 году, есть епископы, похожие на него.

— Почему вы умолчали об этом, Амелия? Это было бы лучшим комплиментом.

— Мне как-то не пришло в голову, — она поколебалась, ее самоуверенность исчезла на секунду. — Вы не находите меня развязной?

— Ха! Вы стали законодательницей мод. Вашего доброго мнения ждут все. Вы наделены властью и по рождению, и по воспитанию. Епископ Тауэр сказал истину. Ваша похвала согрела его.

Он собрался сопровождать ее выше, когда Герцог Квинский, беседовавший с госпожой Кристией, повернулся к ним.

— А вы давно вернулись в Конец Времени?

— Всего несколько часов назад, — ответила она.

— Значит вы оставались в 1896 году? Тогда расскажите, что произошло с Джеггедом?

— Разве он еще не вернулся? — она посмотрела на Джерека с некоторой тревогой. — Мы слышали…

— Вы не встретили его снова в 1896 году? Я считал, что он отправился именно туда, — нахмурился Герцог Квинский.

— Может, он и там, — сказал Джерек, — только мы были совсем в другом месте. В самом Начале Времени.

— Лорд Джеггед Канари исчезает все чаще и чаще, — пожаловался Герцог Квинский. — Никто не спорит, что он непревзойденный маэстро софистики, но он так запутывает загадки, что они перестают развлекать.

— Он мог затеряться во времени, — встала на защиту Джеггеда Амелия. Если бы нам не повезло, мы до сих пор были бы там.

Герцог Квинский сочувственно воскликнул:

— Конечно, о, дорогая. Эта болтовня о Времени начинает раздражать меня. Я вам не Лорд Джеггед с этими его пристрастиями к абстрактному. Вы знаете, каким скучным я могу быть.

— Что вы! — сказал дружелюбно Джерек. — Даже в вашей пошлости есть своя прелесть.

— Надеюсь, — ответил он со скромностью, — тебе понравилось здание, Джерек?

— Это шедевр.

— Более сдержанное, чем обычно.

— Намного.

Глаза Герцога засияли.

— Какого арбитра мы сделали из тебя, Джерек! Это за старые заслуги или за последние нововведения?

Джерек пожал плечами.

— Я не думал над этим. Но Епископ Тауэр заявляет, что искусство обрело нового лидера, — он поклонился миссис Ундервуд.

— Как вы находите мой Роял-Скотланд-Ярд, миссис Ундервуд? — серьезно спросил Герцог.

— Грандиозное зрелище, Герцог! — казалось, ей доставляет удовольствие ее новое положение в свете.

Герцог блаженствовал.

— А что интересного в Начале Времени? Вы принесли нам что-нибудь новенькое?

— Да, есть кое-что, — сказал Джерек. — Моллюски, знаете, папоротники, скалы, корзиночки, водяные скорпионы, центры Времени. Так, набе-

рется по мелочи на скромную вечеринку.

— Вам, наверное, есть что порассказать! — вернулась госпожа Кристия. — Приключения, да?

К ним стали приближаться остальные гости в ожидании интересной истории.

— И довольно занятные, — с вызовом сказала Амелия Ундервуд, хотя тон ее смягчился, когда она оказалась в кругу всей честной компании. — Нас подстерегала там масса неожиданностей.

— Но это же восхитительно! — закричала госпожа Кристия. Вы на редкость завидная пара!

— И храбрая к тому же, чтобы не испугаться западни и мести времени, — сказал Герцог Квинский.

Гэф Лошадь в Слезах наклонился вперед.

— Браннарт говорил нам, что вы обречены. Пропали навечно. Даже уничтожены.

Худощавый Доктор Волоспион в черном колышущемся плаще и черной широкополой шляпе с глазами, мерцающими в тени, сказал мягко:

— Конечно, мы не верили ему.

— Хотя путешественники во времени исчезали из нашего заповедника с поразительной быстротой. Совсем недавно я потерял четырех Адольфов Гитлеров, — Сладкое Мускатное Око был великолепен в рубашке, феске, панталонах и высоких

узорчатых сапогах. — Среди них, я уверен, был настоящий. Правда, довольно старый…

— Браннарт утверждает, что эти исчезновения лишний раз доказывают, что время разорвано. — Вертер де Гете, мрачноватый сицилийский разбойник, внешности которого слегка противоречили завивающиеся усы, поправил свой капюшон.

— Он предупреждает, что мы стоим на краю хронологической бездны, в которой скоро окажемся все, независимо от наших желаний.

Мрачное высказывание Вертера повергло собеседников в уныние, и неловкая пауза повисла в воздухе, пока Амелия не нарушила ее:

— У него есть некоторые основания так думать.

— Напротив! — добродушно рассмеялся Герцог Квинский. — Вы — живое отрицание эффекта Морфейла!

— Я думаю, нет, — она сначала скромно посмотрела на Джерека, чтобы он сказал что-то, потом подытожила — Как я понимаю, это утверждение Браннарта Морфейла имеет один недостаток — в нем нет целостности. Его теория — лишь капля в море, есть другие, тоже подкрепленные доказательствами.

— Превосходный вывод, — сказал Джерек. — Моя Амелия имеет в виду, дражайший Герцог, что мы узнали много интересного в Начале Времени. Оказывается, многие ученые, кроме Браннарта, занимаются Природой времени. Я думаю, он будет рад нашей информации. Он не одинок в своих поисках.

— Вы уверены в этом? — спросила Амелия, сверкнув глазами на его недавнее «моя» (хотя без явного неудовольствия).

— Почему бы и нет?

Она пожала плечами.

— Я встречалась с этим джентльменом только однажды, да и то при довольно драматических обстоятельствах. Конечно…

— Он будет сегодня здесь? — спросил Джерек у Герцога.

— Приглашен, как и весь свет. Но ты же знаешь его. Он явится поздно и будет ворчать, что мы вынудили его против воли.

— Может быть ему известно, где Лорд Джег-гед, — он осмотрел зал, будто упоминание имени могло заставить появиться одного из тех, кого он больше всего желал видеть. Многих он узнал, даже Лорд Кархародон был здесь (или один из его двойников, вместо него), демонстрируя

стиль а-ля-Незнакомец, даже Вертер де Гете, поклявшийся когда-то не посещать вечера. Хотя последний член Триумвирата Мизантропов, Лорд Монгров, мрачный гигант, в честь которого был устроен этот праздник, не показался до сих пор.

Рука Амелии все еще была в его руке. Она потянула ее, привлекая его внимание.

— Вы опасаетесь за Джеггеда? — спросила она.

— У меня нет никого ближе, хотя он и кажется дьявольски хитрым. Боюсь, что его постигла та же участь, что и нас? Или еще более трагическая?

— Нам не дано этого узнать, даже если это так.

Джерек выкинул эту мысль из головы, считая, что, как гость, не должен выглядеть мрачным.

— Смотрите! — показал он. — Там миледи Шарлотина.

Она заметила их сверху и теперь плыла вниз в своем золотом одеянии с этими трепещущими рюшечками и розочками, с этими бисериночками и бусинками.

Благополучное возвращение героя и героини состоялось. Это финальная сцена? Не пора ли звонить в колокола и петь песни о вновь обретенном спокойствии? Я не уловила всех перипетий вашей интриги. Расскажите же мне быстрее обо всем, мои милашки!

Миссис Ундервуд сухо заметила:

— История еще не закончена, Миледи Шарлотина. Многие загадки остаются еще не открытыми, многие нити не сплетены вместе, на ткани явно не виден узор… и, возможно, никогда не будет виден.

В недоверчивом смешке Шарлотины не было обиды.

— Чепуха! Это ваш долг — найти разгадку как можно скорее. Жестоко держать нас так долго в неведении. Если вы будете тянуть время, то потеряете аудиторию, мои дорогие. Сперва появится критика отдельных моментов, а затем — вы не можете так рисковать — пропадет интерес. Но вы должны рассказать все мне, чтобы я могла судить. Дайте только общие детали, если хотите, и пусть сплетни приукрасят историю за вас.

С теплой улыбкой Амелия Ундервуд начала рассказывать об их приключениях в Начале Времени.

Глава десятая,

в которой Железная Орхидея не совсем в себе

Джерек все еще надеялся найти Джеггеда. Оставив Амелию прясть пряжу («вешать шерсть на уши»), он проплыл большое расстояние к крыше, откуда его возлюбленная и окружающие ее казались просто точками внизу. Джеггед единственный, кто мог помочь ему сейчас, думал Джерек. Он вернулся с надеждой на разгадку тайны. Если Джеггед сыграл с ним шутку, то он должен объясниться; если он придумал эту историю для всеобщего развлечения, то, как сказала Миледи Шарлотина, мир имеет право ждать финала. Но, казалось, спектакль продолжался, хотя автор был не в состоянии написать финальные сцены. Джерек вспомнил с некоторым гневом, что именно Джеггед подбил его на эту мелодраму (или это был фарс, а он — печальный глупец в глазах всего света, или возможно, трагедия). Джерек нуждался в помощи Джеггеда, как никогда. Хотя, если Джеггед исчез навечно, что тогда?

— Что ж. Придется завершать пьесу самому, — размышлял Джерек. — Почему я должен слепо следовать чьим-то советам. Я сам стану драматургом своей истории.

Ли Пао из двадцать седьмого столетия проплывал над головой Джерека в своей бессменной голубой спецовке. Бывший член Комитета по Управлению людьми коснулся руки Джерека.

— Вы считаете себя актером в этой пьесе?

— Привет, Ли Пао. Я высказывал некоторые мысли вслух, вот и все.

Джерек попытался уйти от разговора.

Но Ли Пао, стосковавшийся по спорам и дебатам, смело ринулся в бой.

— Я думал, что вы сами распоряжаетесь своей судьбой. Вся эта любовная история, которая сейчас волнует женщин, началась с обыкновенного жеманства?

— Я не помню, — он говорил правду. Джерек был во власти эмоций, рвавшихся наружу, однако он смог взять себя в руки.

— Конечно, — съехидничал Ли Пао, — вы не поверили в свою роль, как это случалось с древними актерами, и не стали считать чувства персонажа своими собственными? — Ли Пао прислонился к перилам плывущей галереи. Она чуть наклонилась и начала отдаляться. Он вернул ее на прежнее место.

— Напротив! Именно это и случилось… — возразил Джерек.

— Будьте осторожны, Джерек Карнелиан. Жизнь становится серьезной для вас, а это не приведет ни к чему хорошему. Вы — член совершенно аморального общества, капризного, бездумного, но обладающего абсолютной властью. Ваши поступки могут погубить вас. Я вижу тучу, называемую самоуничтожение, поднимающуюся над горизонтом. Что это, Джерек? Неужели вы действительно полюбили?

— Да, Ли Пао. Вы можете сколько угодно смеяться надо мной, но мне нечем возразить вам. Вы считаете, я нарушаю спокойствие своей души?

— Души! Нет, голубчик, всего общества!. То, что ваши товарищи видят, как ваш пагубный интерес к морали фактически угрожает статус-кво, которое существовало, по крайней мере, миллион лет в этой единственной форме! — Ли Пао засмеялся, его милое желтое лицо стало подобно маленькому солнцу. — Вы знаете, что я всегда осуждал ваш образ жизни, эти бездумные развлечения…

— Вы мне порядком надоели… — Джерек был настроен дружелюбно.

— Хотя, признаюсь, я был бы огорчен, если ваш мир уничтожат. Помните тот детский приют, что вы обнаружили перед своим исчезновением? Я бы не хотел, чтобы эти дети столкнулись бы

лицом к лицу с реальностью.

— Все это, — взмах руки, — не «реальность»?

— Иллюзия, каждая мелочь. Что случится с вами всеми, если ваши города рухнут одновременно, если ваше тепло и ваш свет — простейшие из естественных потребностей — будут взяты от вас? — Что вы будете делать?

Джерек не видел смысла в этом вопросе.

— Дрожать и спотыкаться, — сказал он, — пока не придет смерть. Почему вы спрашиваете?

— Вы не боитесь такой перспективы?

— Она не более реальна, чем все, что я испытал или еще испытаю. Я не скажу, что это самая желанная судьба и попытаюсь избежать ее, но если она станет неизбежной, я постараюсь погибнуть с достоинством! Ли Пао потешно покачал головой. — Вы неисправимы.

Сейчас, когда вы, единственный из всех, вновь обрели человеческую сущность, я так надеялся убедить вас. Хотя, возможно, страх — не такая уж хорошая штука. Просто мы, пережившие трепет испуга, пытаемся внушить его людям, далеким от реальности, и обманываем их, заставляя поверить, что путь к истине пролегает через беды, несчастья и противоречия.

— Этот взгляд разделяют даже в Конце Време-

ни, — присоединилась к ним Железная Орхидея, озаряя их сиянием своего странного металлического одеяния, которое обрамляло ее тело, на сей раз прекрасных женских очертаний. — Вы слышали это и от Вертера де Гете, и от Лорда Кархародона, да и от самого Монгрова.

— Да они же извращенцы. Все их разговоры — поза, чтобы хоть чем-то отличаться от других.

— Но ведь вы проповедуете нам целую вечность то же, что и они. Это что тоже поза? — спросил Джерек.

— Во мне это заложено с детства. Условный рефлекс, если хотите.

— А инстинкты, интуиция? — спросила Железная Орхидея. Она положила руку на плечо сына и рассеянным движением погладила его щеку.

— И вы говорите об инстинктах? Да вы лишены этого. Вам незнакомо ничего, кроме жажды удовольствия, — пожал плечами китайский коротыш. — Можно сказать, они не нужны вам.

— Вы уклонились от ответа, Ли Пао, — Джереку стало немного неловко от нематеринской ласки Орхидеи. Он поискал глазами Амелию, но ее не было видно.

— Я не уклонился, просто в вопросе не было смысла.

— И все же?… пробормотала Железная Орхидея, пощекотав Джерека за ухо.

— Мои инстинкты и мой здравый смысл — одно и то же, — сказал Ли Пао. — И они подсказывают мне, что выживает только тот, кто борется.

— Мы упорно боремся против скуки, — сказала она. — Мы не достаточно изобретательны для вас, Ли Пао?

— Против скуки? Пленники в ваших питомниках — путешественники во времени и космические странники — они проклинают вас. Вы эксплуатируете их. Вы эксплуатируете вселенную. Ваша планета и, возможно, звезда, вокруг которой она вращается, вытягивают энергию из умирающей галактики. Это пиявка на теле собратьев. Где же справедливость?

Джерек внимательно слушал.

— Моя Амелия тоже говорила что-то в этом роде, но доступней, чем вы, Ли Пао. Ваши взгляды в чем-то совпадают, а из того, что мне известно о вашем мире, я запомнил питомники.

— Вы имеете в виду тюрьмы? Это просто совпадение, Джерек. Мы содержим тюрьмы для тех, кто совершает поступки против общества. Наши тюрьмы заполнены теми, кто поставил свою личную свободу выше общественных интересов.

— Путешественники во времени так же, как и в космосе, часто верят, что рискуют своей жизнью. Мы не наказываем их, мы только присматриваем за ними.

— Выказывая тем самым неуважение к ним, — возразил Ли Пао.

Железная Орхидея скептически улыбнулась.

— Некоторые бедняги только запутываются, пытаясь разобраться в своей судьбе, зато другие быстро успокаиваются. Разве вы не успокоились, Ли Пао? Редкая вечеринка обходится без вас. Мне известны и другие путешественники, которые живут среди нас, изредка забегая в питомник. Разве мы используем силу, чтобы содержать их там, мой дорогой? Или мы обманываем их?

— Иногда.

— Также, как друг друга, и только ради развлечения.

Загнанный в угол Ли Пао решил сменить тему. Он ткнул пухлым пальцем в Джерека.

— А как «ваша Амелия»? Ей нравится быть марионеткой в ваших играх, заложницей ваших замыслов, пешкой?

Джерек был удивлен.

— Что вы, Ли Пао. Она никогда не была изменена физически.

Ли Пао вздохнул, прикусив свой пальчик. Железная Орхидея потащила Джерека в сторону, все еще обнимая его за плечи.

— Идем, плод моего лона. Вы извините нас, Ли Пао?

Ли Пао нервно кивнул.

— Я видела миссис Ундервуд, — сказала Железная Орхидея Джереку, когда они поплыли выше, где было совсем мало людей. — Она прекрасна, как никогда. К тому же, она оценила мой костюм. Ты узнал его?

— Нет.

— А миссис Ундервуд узнала, когда я напомнила ей одну замечательную легенду, которую мне рассказал один из Городов. Правда, Город многое забыл, но этого было достаточно, чтобы сделать костюм. Эта история о старой Флоренции, ночной буре и Леди в Лампе, которая ублажала пятьсот солдат в день! Вообрази! Пятьсот! — она облизнула пурпурные губы и ухмыльнулась. — Эти древние! Я намерена воспроизвести всю легенду. Знаешь, здесь есть солдаты в питомнике у Герцога Квинского. Правда, мало, что-то около двадцати.

— Сделай остальных сама.

— Можно, плоть от моей плоти, но это будет не

то. В этом твоя вина.

— Почему, о первоцвет?

— В эти дни требуется подлинность. Репродукции без оригиналов не пользуются спросом. А их становится все меньше, они исчезают так быстро.

— Путешественники во времени?

— Естественно. Космические путешественники остаются. Но какая от них польза?

— Морфейл говорил с тобой, прекраснейший из цветущих?

— О, немного, мое семя, и все только предостережения, все пророчества. Мы не должны слушать его. Наверное, скоро исчезнет и миссис Ундервуд и тогда все вернется на круги своя.

— Амелия останется со мной, — сказал Джерек, заметив, как ему показалось, печальную нотку в голосе матери.

— Ты проводишь время только с ней, — упрекнула Железная Орхидея. — Ты одержим ею. Почему?

— Любовь, — ответ Джерека был лаконичен.

— Однако, она не отвечает тебе взаимностью. Вы едва прикасаетесь друг к другу!

— У них другие обычаи.

— Значит ее обычаи примитивны!

— Нет, просто они отличаются от наших.

— Вот как! — в ее голосе послышалось недовольство. — Она занимает все твои мысли, она влияет на твой вкус. Пускай она идет своим путем, а ты — своим. Может быть, когда-нибудь вы снова встретитесь. Я наслышана о ваших рисковых приключениях, после которых вы оба нуждаетесь в отдыхе, в веселой компании. Почему ты стараешься удержать ее возле себя, когда ей лучше быть свободной?

— Она свободна, она любит меня.

— Я не вижу никаких признаков любви.

— Зато я вижу.

— Например?

— Ее любовь во всем: в жестах, в голосе, в глазах…

— Хо, хо! Ах, какие тонкости! Любовь — это прикосновение плоти к плоти, произнесенные шепотом слова, кончик пальца, проведенный нежно вдоль позвоночника, сжатие бедра. В твоей любви, Джерек, нет страсти. Она слишком бледна и невыразительна.

— Нет, дарительница жизни. Я не знаю почему, но ты делаешь вид, что не понимаешь меня.

Ее взгляд был пристальным и загадочным.

— Мама? Сильнейшая из Орхидей?

Но она повернула Кольцо Власти и упала вниз, как камень, не сказав ни слова в ответ. Он видел как она исчезла в большой толпе, кишевшей внизу около середины здания. Ему показалось странным поведение матери. Она выказывала настроение, неведомое ему прежде. Она, казалось, потеряла часть своей мудрости и зачем-то заменила ее злостью (к которой она всегда имела склонность, но злость требовала ума, чтобы сделать ее занимательной), она выказывала непонятную неприязнь к Амелии Ундервуд. Джерек покачал головой. Как получилось, что она перестала радоваться его счастью, как всегда делала в прошлом? Пожав плечами, он направился к нижнему уровню.

Незнакомец в причудливых жилете, брюках и сомбреро приветствовал его.

— Джерек, моя кровь! Куда ты так торопишься? Только глаза выдавали личность владельца, и даже это сбивало его с толку почти секунду, прежде чем он осознал правду.

— Железная Орхидея! Как ты многолика!

— Ты уже встретил других?

— Пока одну. Которая из вас оригинал?

— Мы все можем заявлять право на это, но есть программа. В какой-то момент несколько исчез-

нут, останется одна. Не имеет значения, какая, не правда ли? Благодаря этому я всюду успеваю.

— Ты еще не встречала Амелию Ундервуд?

— Нет, с тех пор, как я посетила вас на ранчо, моя любовь. Она все еще с тобой?

Он решил избежать повторения.

— Твой маскарад очень впечатляет.

— Я представляю великого героя времен миссис Ундервуд. Король бандитов, любимый всеми бродягами, который стал править нацией и был убит в расцвете сил. Это цикл легенд, с которыми ты должен быть знаком.

— Имя?

— Руби Джек Кеннеди. Где-то… — она бросила взгляд вокруг. — Ты найдешь меня в костюме вероломной женщины, которая, в конце концов, предала его. Ее звали Роза Ли, — Железная Орхидея понизила голос. — Она вступила в связь с итальянцем по имени «крысолов», знаменитым своей хитростью и коварством в преследовании своих жертв.

Джерек предпочел эту беседу предыдущей и был доволен слушать ее в то время, как она продолжала свое восторженное повествование о кровавых убийствах, жестокой мести и проклятии, наложенном на клан из-за ложной гордости

его патриарха. Джерек не вникал в ее слова, пока не услышал знакомую фразу, раскрывающую ее пристрастие, так как она не могла знать, что одна из ее «Я» уже использовала эту фразу:

— В эти дни требуется подлинность. Ты не чувствуешь, Джерек, что опыт вредит изобретению? Вспомни, как мы обычно ограждали Ли Пао от сообщения нам подробностей и деталей тех веков, которые мы воссоздаем? По-моему, мы поступаем мудро!

Она овладела только половиной его внимания.

— Возможно, наши развлечения утратили былой размах с тех пор, как я стал путешествовать во времени. Может быть, я сам в какой-то степени положил начало моде, которую ты находишь такой неудобной. Она, в свою очередь, невнимательно выслушала его заявление, беспокойно осматривая зал.

— Я думаю, они называют это «социалистический реализм», — пробормотала она.

— Мой «Лондон» начал определенную тенденцию к восстановлению наблюдаемой реальности… — продолжал он, но Орхидея махнула ему рукой, не потому что не согласилась, а потому что он прервал ее монолог.

— Это дух, мой щенок, а не выражение изме-

нилось. Мы, кажется, потеряли легкость нашей жизни. Где наша любовь к контрасту? Или мы все стали антикварами и ничем больше? Что происходит с нами, Джерек?

Настроение этой Железной Орхидеи сильно отличалось от настроения другой матери, уже встреченной им. Если она просто хотела аудиторию, пока болтала, он с удовольствием справился бы с этой ролью, хотя не испытывал интереса к спору.

Возможно, эта тема являлась единственной, которую могло поддерживать факсимиле, подумал он. В конце концов, самым большим преимуществом саморепродукции была возможность в одно и тоже время отстаивать столько различных мнений, сколько хочешь.

Мальчиком, вспомнил Джерек, он был свидетелем жаркого спора полудюжины Железных Орхидей. Она находила, что ей гораздо легче разделиться и спорить лицом к лицу, чем пытаться привести в порядок свои мысли в общепринятых манерах. Это факсимиле, в отличие от прежних оказалось скучноватым, хотя обладало пафосом.

Пафос, думал Джерек, настолько чужд природе его матери. Заметил ли он его в копии, которую встретил первой? Возможно…

— Я, конечно, обожаю сюрпризы, — продолжала она. — Я приветствую разнообразие. Это соль существования, как говорили древние. Значит я должна бы радоваться всем этим новым событиям. Этим «изложениям Времени» Браннарта, этим исчезновениям, этим приходам и уходам. Я удивляюсь, почему я чувствую… как это… «Беспокойство»? Встревожена? Ты когда-нибудь видел меня «встревоженной», мое яйцо?

Он пробормотал.

— Никогда.

— Да, я встревожена. Но в чем причина? Я не могу понять. В этом есть моя вина, Джерек?

— Конечно нет.

— Почему? Почему? Веселье уходит. Спокойствие покидает меня… а на их месте встревоженность. Ха! Заболевание путешественников во времени и в космосе, к которому мы в Конце Времени всегда имели иммунитет. До сих пор, Джерек…

— Нежнейшая из матерей, я не совсем…

— Если становится модным вновь открывать и заражаться древними психозами, тогда я против моды. Безумие пройдет. Что может поддерживать его? Новости Монгрова? Какие-нибудь махинации Джеггеда? Эксперименты Браннарта?

— Последние два, — предположил он. — Если вселенная умирает…

Но она уже переключилась на новую тему и снова выказала одержимость оригинала. Ее тон стал легче, но не обманул его.

— Возможно, это исходит от твоей миссис Ундервуд.

Это было заявлено с подчеркнутой интонацией. Перед именем и позади него были очень короткие паузы. Она ждала от него или защиты, или отрицания миссис Ундервуд, но он избежал ловушки.

Джерек ответил так:

— Великолепнейший из бутонов, Ли Пао сказал бы, что источник нашего смятения лежит внутри нас самих. Он уверен, что мы держим правду взаперти, а обнимаем иллюзию. И иллюзия, намекает он, начинает раскрывать, как таковая, себя. Вот почему, говорит Ли Пао, мы обеспокоены. Однако копия была одержима!

— А ты, Джерек! Когда-то веселое дитя! Умнейший из мужчин! Самый изобретательный из художников! Блестящий мальчик, как мне кажется, ты стал тусклым. И почему? Потому что Джеггед подбил тебя сыграть любовника! Как это примитивно…

— Мама! Где твоя мудрость? Я уверен, что мы скоро поженимся. В ее отношении ко мне многое переменилось…

— Какой восторг! Отсутствие у нее доброго юмора удивило Джерека. — Твердейший из металлов, я умоляю, не делай из меня просителя! Разве я должен усмирять мегеру, когда я был уверен в добром расположении друга?

— Надеюсь, я больше, чем друг, частица моей крови! Ему пришла в голову мысль, что если он вновь открыл Любовь, она открыла Ревность. Неужели одно не может существовать без другого?

— Мама, я прошу тебя подумать…

Из-под сомбреро послышалось фырканье.

— Я вижу она поднимается. У нее есть собственные Кольца?

— Конечно.

— Ты думаешь, это умно, давать дикарю…

Амелия уже проплывала в пределах слышимости. На губах Орхидеи заиграла фальшивая улыбка.

— Ага! Миссис Ундервуд. Какая восхитительная простота вкуса — голубое с белым!

Амелия Ундервуд не сразу узнала Железную Орхидею. Вежливо кивнув, она отказалась игнорировать вызов.

— Ну что вы! Какая потрясающая экзотика таится в вашем малиновом, миссис Карнелиан.

Наклон сомбреро.

— И в какой же роли вы здесь сегодня?

— Сожалею, мы пришли сами по себе. Но разве я не видела вас прежде в том ящикообразном костюме, затем попозже в желтом плаще оригинального вида? Так много превосходных костюмов.

— Да, здесь есть одна в желтом, я забыла. Иногда меня одолевают столько интересных идей. Вы, должно быть, думаете, что я грубовата, дорогой предок?

— Что вы, пышнейшая из Орхидей.

Джерек удивился. Он в первый раз услышал, как миссис Ундервуд использует подобные выражения… Его начала веселить эта встреча, но Железная Орхидея отказалась продолжать разговор. Она наклонилась вперед и благословила сына показным поцелуем, чтобы уязвить Амелию Ундервуд.

— Браннарт прибыл. Я обещала ему рассказать о 1896 годе. Иногда, хотя не редко, он бывает скучным. Пока, дорогие детки.

Она сделала пару пируэтов вниз. Джерек не мог понять, где же она увидела Браннарта Морфейла,

потому что горбатый хромоногий мудрец нигде не был виден.

Амелия Ундервуд снова взяла его за руку.

— Ваша мать кажется расстроенной. Где ее обычное самодовольство?

— Наверное она перестаралась с копиями, их слишком много, поэтому каждая из них слабовата, — объяснил Джерек.

— Однако у нее хватает сил относиться ко мне, словно к врагу…

— Нет, Амелия. Просто она немного не в себе.

— Хотя, с другой стороны, это здорово, когда тебя принимают всерьез. Я польщена, мистер Карнелиан.

— А я очень беспокоюсь за нее. С ней такого никогда не бывало.

— Вы считаете, что это связано со мной?

— С ней творится что-то подобное тому, что мы с вами испытали в Девоне, потеряв возможность влиять на события. Это тревожное ощущение.

— Я еще не забыла его, мистер Карнелиан.

— Может, она как-то свыкнется со всем, не в ее характере — противостоять и сопротивляться.

— Я могла бы научить ее этому.

Джерек, наконец, уловил иронические нотки в голосе Амелии и внимательно посмотрел на нее.

Глаза ее смеялись. Он подавил желание обнять ее и только нежно прикоснулся к руке.

— Вам удалось их развлечь, — спросил он, — там внизу?

— Надеюсь, удалось. Ваши пилюли помогли мне избавиться от проблем, и я чувствую, будто говорю на своем собственном языке. Но с идеями намного сложней… Ваши представления очень отличаются.

— Но вы перестали их проклинать.

— Это не значит, что я стала одобрять их, просто я поняла, что злостью отрицания ничего нельзя добиться.

— Мне кажется, вы берете вверх. Именно это и не нравится Железной Орхидее.

— Меня приняли в вашем обществе, и я имею успех, но это чревато многими осложнениями.

— Какими? — Джерек поклонился Алому О'Кэле в образе Королевы Британии, который отсалютовал в ответ. — Все интересуются моим мнением, спрашивают о костюмах.

— Бедное воображение.

— Вовсе нет. Все эти костюмы превосходны, но среди них нет ни одного из моего столетия. Постепенно представления о моей эпохе исчезли, и теперь ваши знания очень поверхностны.

— Странно. Именно об этом веке мы знаем больше, чем о других. — Джерек был озадачен. — Я досконально изучил его и ввел на него моду. А чем вам не нравятся костюмы?

— Как костюмы они ничего. Но очень немногие отвечают теме 1896 года. Некоторые из них разделяет тысячелетие. Вот этот мужчина в лиловых парусиновых панталонах, что несет поджаристый (очень аппетитный с виду) пирог со свининой на голове — он во всеуслышание заявил, что он — Гарольд Хардред.

— Первый министр?

— Нет, мистер Карнелиан. Костюм невозможен в любом случае.

— А вдруг он и есть тот самый Гарольд Хардред? Как вы думаете? В наших питомниках столько переодетых путешественников во времени.

— Маловероятно. — В конце концов прошло несколько миллионов лет, и нам приходится во всем полагаться на слухи. Когда наши ныне гниющие города были моложе, их информация была лишена погрешностей. Всего лишь миллион лет назад эти анахронизмы были исключены в подобного рода вечеринке. Я слышал о маскарадах наших предков (ваших потомков, то есть), которые использовали все ресурсы городов, когда

те были в расцвете. Конечно, нынче мы бледны в сравнении с ними. Хотя в изобретении прошлого тоже есть своя прелесть.

— Я согласна с вами и меня одновременно одолевает подавленность и возбуждение. Вы, должно быть, сочтете меня ограниченной…

— Вы захватили нас, хотя я счастлив, что мой мир стал приемлемым для вас, потому что во мне теплится надежда, что вы скоро согласитесь быть моей…

— О! — воскликнула она неожиданно, показывая рукой. — Там Браннарт Морфейл. Мы должны сообщить ему наши новости.

Глава одиннадцатая
Несколько спокойных моментов в питомнике

— … вот так закончилось наше возвращение, о мудрейший из ученых, — заключил Джерек, срывая два плода с дрейфующего красного дерева. Один он оставил себе, а другой протянул миссис Ундервуд, стоявшей рядом. — Может эти сведения хоть как-то возместят утрату вашей машины?

— Вряд ли! — Браннарт добавил еще пару фу-

тов к своему горбу со времени их предыдущей встречи. Теперь горб возвышался над его телом, угрожая опрокинуть его. Возможно для компенсации Браннарт увеличил размер уродливой ступни. — Вздор! Вы лишний раз обнаружили свое невежество. Ваши измышления лишены здравого смысла. Вы неспособны понять Природу времени.

— Я думаю, вы на пороге нового открытия, профессор, — сказала Амелия, с интересом наблюдая, как двадцать мальчиков и девочек в одинаковых робах парочками проплывали мимо в сопровождении пиликающего на дудке Арлекина (то была еще одна Железная Орхидея). Следом за ними в высоком белоснежном поварском колпаке пошатывался подвыпивший Эдгаросердный По (он явился на праздник как Капитан Кук), попутно угощая гостей съедобными револьверами. — То, что случилось с нами наводит на мысль, что я могу беспрепятственно вернуться в свой 19 век.

— Вы все еще хотите вернуться, Амелия? — чуть потеряв равновесие, Джерек распылил остатки фрукта.

— Почему нет?

— Мне казалось, вас все устраивает..

— Напрасно. Просто я принимаю удары судьбы

со смирением, мистер Карнелиан. Не нужно думать, что это доставляет мне удовольствие.

Браннарт Морфейл фыркнул. Его горб накренился, но затем стал выправляться.

— Ну почему вы так хотите обратить в прах то, чему я посвятил столетия? Джеггед всегда завидовал мне. Он не может простить моих открытий и сговорился с тобой, Джерек Карнелиан, опорочить меня.

— Никто не отрицает ваших открытий, дорогой Браннарт. Мы просто узнали, что они частичны, что существует не один закон времени, а много!

— У вас нет доказательств.

— Они перед вами, Браннарт. Мы здесь, вопреки вашему непогрешимому Эффекту. Он приложим к миллионам случаев, но иногда…

Большая зеленая слеза скатилась по щеке ученого.

— Я посвятил святой науке тысячелетия — вы в это время предавались причудливым фантазиям и прихотям. Пока я пытался сберечь и преумножить завещанное предками, вы безумно растрачивали его. Всю жизнь я гнул спину в поисках разгадки величайшей из тайн…

— Никто не отрицает ваших заслуг, Браннарт, самый упорный из исследователей. Члены гиль-

дии, о которой я упоминал, чтят ваш…

— … и вот теперь вы строите мне козни с этими вашими выдумками, этими небылицами, с этими бреднями о зонах, неподвластных влиянию моего безукоризненного Эффекта, о группе безответственных индивидуалистов, разглагольствующих о Природе времени, о том, что она не единична… О, Джерек! Разве заслуживает подобной жестокости тот, кто стремился к знаниям, который никогда не вмешивался — критиковал немного, но никогда не вмешивался в действия других людей?

— Я лишь хотел пролить свет на некоторые…

Мимо проходила Миледи Шарлотина в огромной корзине лаванды, из которой виднелась только ее голова. Она окликнула на ходу:

— Джерек! Амелия! Удачи вам! Удачи! Не надоедайте им слишком много, Браннарт! Не то я лишу вас своего покровительства!

Браннарт злобно сверкнул глазами.

— Я больше не играю с вами в шарады. Смерть приближается, но вы все танцуете, пренебрегая теми немногими, кто может помочь вам.

Миссис Ундервуд поняла. Она пробормотала:

— Уэлдрейк знал об этом, профессор Морфейл, когда писал одну из своих последних поэм:

Одинокий, у моего гранитного постамента,

Я видел, как пирующие проезжают мимо

Их лица в масках,

Одежды в драгоценностях,

Плащи подобно крыльям ангела в полете, сверкая дьявольским огнем!

И красные губы пили из пурпурных чаш,

И блестящие глаза горели жестокостью

Неужели это старые друзья, которых я обнимал?

Неужели это мечтатели моей юности?

О, Время побеждает больше, чем плоть!

(Оно и его свита Смерть)

Время забирает душу тоже!

И Время побеждает Разум,

Время правит!

Озадаченный Браннарт не смог ответить на ее понимающую, полную сочувствия улыбку. Он

выглядел озадаченным.

— Сильные строки, — отпустил дежурный комплимент Джерек, вспомнив об успехе капитана Бастейбла. — О, да… Я кажется вспоминаю сейчас, — он поднял неискренние глаза к крыше, как делали когда-то они. — Вы как-нибудь должны мне почитать Уэлдрейка еще.

Взгляд, который она бросила на него искоса, не был безразличным.

— Ха! — сказал Браннарт Морфейл. Маленькая галерея, на которой он стоял, резко накренилась, когда он переступил ногами. Браннарт выправил ее. — Я больше не желаю слушать чепуху. Помни, Джерек Карнелиан, сообщи своему хозяину, Лорду Джеггеду, я не буду играть в его игры! С этого момента я буду проводить свои эксперименты в секрете! А почему бы и нет? Разве он посвящает меня в свои тайны?

— Я не уверен, что он сейчас с нами в Конце Времени. Я хотел спросить…

— Достаточно!

Браннарт Морфейл заковылял прочь от них, нетерпеливо топая о пол платформы своей чудовищной ступней. Тотчас к ним поспешил Герцог Квинский:

— Знакомьтесь! Самый почетный из моих го-

стей! Вакака Накоока явился, как птица эпохи Рассвета.

Крошечный черный человечек, сам путешественник во времени, обернулся к ним с улыбкой и поклоном. С каждым выходом из его ноздрей вылетали маленькие ястребки и, трепеща крылышками, опускались на пол, уже заполненный, по меньшей мере, двумя сотнями их братьев и сестер. Его плащ закружился в водовороте, и Вакака, превратившись в огромную сову, улетел.

— Всегда птицы, — сказал Герцог извиняющимся тоном. — И обычно совы. Некоторые люди всю жизнь придерживаются чего-то одного, не отказываясь от своих пристрастий. Ну как вам вечеринка?

— Вы — радушнейший из хозяев, ваше гостеприимство не знает равных, сиятельнейший из герцогов, — Джерек подплыл к своему другу и добавил тише. — Хотя Браннарт, кажется, чем-то недоволен.

— Еще бы. Его теории потерпели крах. У него больше ничего не осталось в этой жизни. Надеюсь, вы отнеслись с участием к его беде, Джерек?

— Он лишил нас этого удовольствия, — сухо заметила Амелия Ундервуд. — Даже цитата из Уэлдрейка не утешила его.

— Подумать только, мы все были уверены, что его воодушевят твои открытия — питомник, дети, техника управления временем. А он вместо этого жалуется на обман, игнорируя факты. Ему кажется, что это розыгрыш. Кстати, ты видел своих школьных приятелей?

— Только что, — сказал ему Джерек.

— Им нравится новая жизнь?

— Я думаю, да. Я наказываю их не так часто, как Няня. Они, наконец, стали расти, освободившись от пагубного влияния питомника.

— Вы взяли их на попечение?

Герцог, казалось, раздулся от важности.

— Да. Приятно ощущать себя отцом. Я — отец. У моих детей чудесные клетушки в питомнике.

— Вы держите их в своем зверинце, Герцог, — миссис Ундервуд была шокирована. — Человеческих детей?

— А что? У них там есть игрушки, площадка для игр и все, что им нужно. Чем вам не нравится это место, миссис Ундервуд?

— Мальчики должны жить отдельно от девочек. Ведь они взрослеют.

— Почему отдельно? — удивился герцог Квинский. — Вы боитесь, что они начнут размножаться, да?

— О! — миссис Ундервуд отвернулась.

— Джерек! — Герцог Квинский обнял друга за плечи своей громадной рукой. — Раз уж разговор зашел о питомниках, я могу показать тебе свой, пока нет Монгрова. Я хочу показать тебе свои новые сувенирчики. Уверен, ты будешь в восторге!

У Джерека с непривычки кружилась голова, он давно не был на подобных карнавалах и предложение Герцога подоспело как нельзя кстати.

— Пойдете с нами, миссис Ундервуд? — спросил Герцог, отдавая дань вежливости.

— Я должна это сделать, Герцог. Мне небезразлична судьба этих несчастных детей, я должна увидеть, в каких условиях они проживают у вас.

— О, я понимаю. Девятнадцатый век с его религиозным отношением к детям, — понимающе сказал Герцог, когда вел их через дверь в полу. — Разве их не обожали и не приносили в жертву в одно и то же время?

— Вы говорите о какой-то другой культуре, — ответила она все еще с долей враждебности.

Они вошли в длинную анфиладу из коридоров и залов, выполненную силовыми пузырями различных размеров и форм и содержащую образцы тысяч видов, от вируса и разумной микроскопической жизни до гигантского двухты-

сячефутового питона, чей космический корабль разбился на Земле около семисот лет назад. Клетки воспроизводили окружающую среду, родную для их обитателей. Миссис Ундервуд на себе испытала всю прелесть подобной камеры. И сейчас она смотрела на питомник со смесью отвращения и ностальгии.

— Боже, как все было просто, — пробормотала она. — Тогда я считала себя всего лишь Проклятой в Аду.

— Моя коллекция гомо сапиенс не отличается буйным разнообразием, миссис Ундервуд. Ну что? Дети, несколько путешественников во времени и какой-то космический чудик, который наскучил всем, маниакально утверждая, что он спустился с дерева (хотя вы не поверили бы этому). Можно будет взглянуть на него после просмотра новинок.

— Благодарю вас, Герцог, я не увлекаюсь зоопарками. Я просто хочу убедиться, что за детьми есть соответствующий уход. Хотя… я стала забывать о порядках, царящих в вашем обществе. Поэтому, я все-таки должна посмотреть…

— Вот мы и пришли, — Герцоге гордостью указал на свои новые сувениры.

Их было пять. С шаровидными телами и рядом круглых глаз, расположенных в виде короны в

верхней части тела, и маленьким треугольным отверстием, без сомнения, ртом. Это было пять вариантов светло-серой и темно-коричневой замши.

— Это Юшарисп и его друзья? — Джерек с восторгом узнал мрачного инопланетянина, который первым принес им вести о мировой катастрофе. — А почему Монгров…

— Они с планеты Юшариспа, — объяснил Герцог Квинский. — Но это не он. Это пять свеженьких инопланетян! Я думаю, они ищут Юшариспа. Между прочим, он побывал дома и вернулся сюда.

— Он еще не знает об участи своих друзей?

— Пока нет.

— Вы скажете ему?

— Наверное. В подходящий момент.

— Они могут говорить?

— Они отказываются от Переводильных Пилюль, у них есть свои допотопные механические трансляторы, довольно ненадежные.

Джерек прижался лицом к силовому пузырю и улыбнулся инопланетянам.

— Хэлло! Добро пожаловать в Конец Времени!

Фарфоро-голубые глаза безучастно смотрели на него.

— Я — Джерек Карнелиан, друг Юшариспа, — доброжелательно сказал он им.

— Вожак тот, что посередине, известный, как главный Комиссар Партии Спасателей Сашурик, — информировал его Герцог Квинский.

Джерек предпринял еще одну попытку. Он помахал пальцами.

— Добрый день, Комиссар Партии Спасателей Сашурик.

— Почему-у-у (скри-скри) вы продолжаете му-му-мучить нас? — спросил Комиссар Партии Слагателей. — Все что мы просим (скрежет), это передать н-на-наши тре-е-ебования вашим властям-тя-тям! — он говорил слабым голосом, явно не ожидая ответа.

— У нас нет «властей», кроме нас самих, — отзывчиво изрек Джерек. Что-нибудь неправильное с вашей окружающей средой? Я уверен, что Герцог Квинский с удовольствием исправит любое ваше неудобство.

— Ск-р-р-р, — скрипнул Комиссар Партии Спасателей с отчаянием, — нам не свойственно (скрежет) делать угро-зы-зы, но мы должны предупредить вас (скр-р-р), что если нас не освободят, наши лю-лю-ди будут вынуждены сделать шаги к вашей ба-зе-зе и освобо-бо-дить нас. Вы ведете се-

бя по-детски! Невоз-воз-воз-можно повери-рить, что такая старая раса все еще может(скр-р-р-р, скр-р-р)… шик яа-а-а-а-ас-а-р-р-рк!

Только миссис Ундервуд прониклась участием к жалкой попытке Комиссара Партии Спасателей поговорить с ними.

— Герцог, что вам стоит освободить этих несчастных? — спросила она мягко. — Вы же не станете содержать их против воли? Это неблагородно.

— О, — протянул Герцог, отряхивая пыль с мундира. — Возможно, вы правы. Но если я их отпущу, они попадут в руки к кому-нибудь другому. Сначала я должен их показать, а потом будет видно.

— И сколько они должны оставаться вашими пленниками?

— Пленниками? Я не понимаю вас, миссис Ундервуд. Но они останутся здесь, пока не закончится эта вечеринка в честь Монгрова. Чуть позже я придумаю такое развлечение, на котором представлю их в лучшем свете.

— Безответственно-но-но… оаф-ф-! — закричал Комиссар Партии Спасателей Сашурик, который слышал кое-что из их разговора. — Ваша нация уже высосала Вселенную досуха, и мы не жа-жа-

жалуемся. О, но мы все изменим (скр-р-р, скр-р-р), когда освободимся.

Герцог Квинский взглянул на ноготь своего указательного пальца, на котором проецировалось маленькое четкое изображение вечеринки над ними.

— О, Монгров, наконец, прибыл. Не пора ли нам вернуться?

Глава двенадцатая, в которой Лорд Монгров напоминает нам о неизбежной катастрофе

— Раньше, мои дорогие друзья, я тоже не верил, как и вы… — стонал Монгров в середине зала. — … но Юшарисп показал мне увядшие планеты, истощенные звезды — материя рушится, распадается, превращается в ничто… О, там пусто. Невообразимо пусто. Большая тяжелая голова упала на широкую массивную, безустанно стонущую грудь. Огромные руки сцепились вместе как раз над могучим желудком. — Все, что осталось — это призраки, и те исчезают. Цивилизации, что недавно простирались на тысячи звездных систем, стали просто шорохом помех на экране детектора. Исчезли без следа. И мы исчезнем,

друзья? — во взгляде Монгрова была смесь симпатии и обвинения. — Но пусть об этом расскажет мой поводырь, Юшарисп, который, рискуя своей жизнью, прилетел к нам со своим страшным пророчеством, и которого никто, кроме меня, не услышал.

— Последние капли жизни (хрум — хрям) покидают нашу вселенную, — известил шарообразный инопланетянин, — процесс разрушения продолжается быстрее, чем (хрям — хрум) я предсказывал. Города вашей планеты (хрусь — хрясь) вытягивают энергию из всех доступных источников. Вы существуете лишь потому (хрясь — хрусь), что у новой звезды и умирающих солнц не иссякли запасы энергии.

Епископ Тауэр, стоявший слева от Джерека, наклонился к нему, бормоча.

— По-правде, мне редко надоедает скука. Неужели Герцог не понимает бесплодности своих попыток. Он так настойчиво навязывает нам этого чужеземного маньяка, — но подняв голову, Епископ гаркнул: Ура! Ура! — и зааплодировал.

Монгров поднял руку.

— Юшарисп хотел сказать, что на нас лежит ответственность за скорость распада вселенной. Если мы не будем тратить энергию на бессмыс-

лицы, вроде этой вечеринки — мы продлим свое существование. Ничто не вечно, други мои!

Миледи Шарлотина сказала громким шепотом:

— Глазам своим не верю. Монгров — ярый противник материализма, сегодня сам стал материалистом. Хотя, возможно я ошибаюсь, — она улыбнулась себе.

Но Ли Пао сказал твердо:

— Он повторяет только то, что я говорил годами.

Железная Орхидея в красно-белом клетчатом одеянии взяла под руку Епископа Тауэра.

— Я согласна, мир становится скучным. Каждый, кажется, повторяет сам себя, — она хихикнула. — Особенно я!

— В нашей власти, благодаря городам, сохранить эту планету, — продолжал Монгров, повышая голос над общим шумом. — Раса Юшариспа послала нам свои лучшие умы на помощь. Они должны появиться с минуты на минуту. Мы не в праве упустить свой последний шанс на спасение.

— Он имеет в виду тех мучеников, которые томятся в застенках Герцога, — сжав руку Джерека, сказала миссис Ундервуд. — Мы должны

рассказать о них Лорду Монгрову.

Джерек похлопал ее по руке.

— Это невозможно. Мы окажем Герцогу медвежью услугу. Он так любит делать сюрпризы.

— Медвежью услугу?

— Конечно. Она умолкла, нахмурившись. Мимо прошла Мило де Маре, оставляя за собой след симметричных золотых шестиконечных звезд.

— Простите меня, Лорд Монгров, — пропела она, когда гигант с раздражением отпихнул в сторону металлические штучки.

— О, вы — самодовольные глупцы! — вскричал Монгров.

— Почему бы и нет? Чем это плохо, Монгров? — с удивлением спросила Госпожа Кристия. — Разве не за это, как нам говорили, человеческая раса боролась миллионы лет?

— Вам все это досталось даром, — сказал Ли Пао. — Поэтому вы и не стремитесь защитить себя и ваш мир.

Амелия одобрительно улыбнулась в то время, как Джерек пребывал в полном недоумении.

— Что он имеет в виду?

— Он говорит о принципах морали, которую вы так жаждете понять, мистер Карнелиан.

Джерек просветлел при упоминании предмета

его интересов.

— В самом деле? И что это за принципы?

— В сущности, грош цена тому, что досталось без труда.

Он сказал с некоторой робостью.

— Я тяжко трудился, чтобы получить вас, дорогая Амелия.

Снова на ее лице отразилась борьба чувств.

— Вы всегда стремитесь запутать разговор вопросами личных интересов, мистер Карнелиан?

— Разве эти вопросы менее важны?

— Речь шла о другом. Наша беседа, я думала, была несколько более абстрактной. Мы обсуждали мораль и ее полезность в жизни. Это был предмет, дорогой сердцу моего отца, и суть многих его проповедей.

— Хотя ваша цивилизация, простите мне мою откровенность, несмотря на проповеди, приказала долго жить уже через пару сотен лет. Она была полностью уничтожена.

Амелия растерялась лишь на мгновение.

— Мораль не имеет ничего общего с выживанием цивилизации. Она связана с личной потребностью человека. Если он ведет моральную жизнь, полезную жизнь, он счастлив.

Джерек почесал голову под твидовым кепи.

— Счастлив? Да я уверен, что любой в Конце Времени счастливее, чем те, кого я встречал в вашей Эпохе Рассвета. А мораль — тайна для нас, как вы знаете.

— Разве бездумное счастье способно выжить в такой катастрофе, о которой предупреждает Лорд Монгров?

— Катастрофой считается только то, во что человек верит. Как вы думаете, сколько людей здесь верит в катастрофу Монгрова?

— Но они поверят.

— Вы уверены?

Она посмотрела вокруг, усомнившись на какой-то момент.

— Вы что, совсем ничего не боитесь? — спросила она.

— Боюсь? Ну мне жалко, если все это великолепие исчезнет. Но оно существовало. Значит, что-нибудь вроде этого будет существовать снова.

Она засмеялась и взяла его под руку.

— Если бы я не знала вас так хорошо, мистер Карнелиан, я бы ошибочно приняла вас за мудрейшего из философов.

— Вы льстите мне, Амелия.

Раскаты голоса Монгрова громыхали в шуме

болтовни, но речи его были невнятны.

— Если вы не спасете себя, подумайте о знаниях, которые можете спасти — знаниях, унаследованных от миллионов поколений!

Железная Орхидея в платье из зеленого бархата и парчи скользила рядом с Браннартом Морфейлом, рассуждения которого были очень похожи на то, что говорил Монгров, хотя она явно не слушала мрачного гиганта. С некоторой тревогой Джерек услышал ее слова.

— Я полностью согласна с вами, Браннарт. Я собираюсь совершить вояж сквозь время. Знаю, что вы против этого, но я смогу быть полезной вам…

Джерек не расслышал дальнейших слов матери. Пожав плечами, он выбросил их из головы, как один из ее мимолетных капризов. Сладкое Мускатное Око предавался утехами любви с Госпожой Кристией, Неистощимой Наложницей, в довольно оригинальной манере. Их переплетенные тела дрейфовали среди других гостей. В другом месте Орландо Чомби, Кимик Рентбрейн и О'Кала Инкардинал сцепились за руки в дружном воздушном танце, в то время как Графиня Монте Карло растягивала свое тело, пока не оказалась тридцати футов высотой и почти невидимой. Этот фокус она проделала для развлечения детей

из Убежища, собравшихся вокруг нее и смеявшихся от восхищения.

— Помните о долге перед нашими предками! — стонал Монгров, на некоторое время загороженный от взглядов.

Джерек подумал, что тот погребен где-то под неожиданной лавиной голубых и зеленых роз, свалившихся с влекомой Пегасом галереи доктора Волоспиона.

— И перед потомками… — добавил пронзительный, но чем-то заглушенный голосок.

Джерек вздохнул.

— Хоть бы Джеггед вернулся! Тогда вся суматоха кончится, я уверен в этом.

— Скорее всего, его уже нет в живых, — сказала она. — Вы должны смотреть правде в глаза.

— Трудно было бы перенести эту потерю. Он был моим лучшим другом. Прежде я не знал никого, кого нельзя было бы воскресить!

— Смысл слов Монгрова в том, что никто не будет воскрешен после апокалипсиса.

— Тогда никто не будет чувствовать себя в проигрыше, — они плыли вниз, к полу, все еще полному слабыми трепыхающимися птенцами ястреба, но многие уже окочурились, поскольку Вакака Накоока запамятовал накормить их. Дже-

рек рассеянно распылил всех птиц, что помогло им опуститься и встать там, глядя вверх, на гостей, веселье которых приобретало нездоровый размах.

— Я думал, вы считаете, что мы будем жить вечно, Амелия? — сказал он, все еще глядя вверх.

— Это моя вера, а не мнение.

Джерек не уловил разницу.

— В посмертной жизни, — сказала она, пытаясь говорить с убеждением, но ее голос дрогнул, — Ладно, возможно, существует Посмертная Жизнь, хотя и трудно вообразимая. О, так нелегко сохранить обычную веру…

— Это конец Всего! — продолжал Монгров откуда-то из-под горы роз. — Вы проиграли! Вы не слушаете! Вы не понимаете! Остерегайтесь! О, остерегайтесь!

— Мистер Карнелиан, давайте попытаемся вразумить их. Они должны выслушать Лорда Монгрова!

Джерек покачал головой.

— Амелия, он повторяется. Все это слышали тысячу раз. Разница невелика. Разве информация Юшариспа не идентична той, которую он принес в первый раз во время вечеринки Герцога Африканского. Она мало значит…

— Для меня она значит много.

— Каким образом?

— Лорд Монгров подобен пророку, которого никто не слушает. Библия полна таких историй.

— Тогда нам не нужно новых.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Что вы, у меня и в мыслях не было…

— Тогда помогите Монгрову.

— У нас слишком разные темпераменты. Бранн-нарт утешил бы его вместе с Вертером де Гете и Ли Пао. У него много друзей, кто будет это слушать. Они соберутся вместе и договорятся, что все, кроме них, недоумки, что только они знают правду и знают выход из любой ситуации. Это подбодрит их и не испортит никому удовольствия. Насколько мы знаем, их выходки всегда забавны.

— «Забавны» — это ваш единственный критерий?

— Амелия, если это доставит вам удовольствие, я пойду сейчас к Монгрову и буду стонать вместе с ним, но мое сердце будет против этого, любовь моей жизни, радость моего существования.

Она вздохнула.

— *Я* не хочу, чтоб вы лгали, мистер Карнелиан, не хочу подталкивать вас к лицемерию. Это большой грех.

— В ваших словах появился здравый смысл, дорогая Амелия.

— Простите. Наверное наше вмешательство бесполезно. Неужели Монгров позирует?

— Не только он. Не то, чтобы он был неискренен, просто он выбрал эту роль, хотя знает, что есть много других интересных мнений, не менее ценных, как и его собственное.

— За несколько коротких лет, которые остались… — донесся голос Монгрова, сейчас более отдаленный.

— Он уверен в своих словах?

— И да, и нет. Но он склонен верить полностью. Это сознательное решение. Завтра он примет совершенно другое решение, если ему наскучит эта роль (а я подозреваю, что она ему наскучит, потому что он наскучил другим).

— Но Юшарисп так чистосердечен.

— Жалко беднягу.

— Значит, для мира нет надежды?

— Юшарисп верит этому.

— А вы нет?

— Я верю всему и ничему.

— Я никогда прежде не понимала этой философии Конца Времени.

— Полагаю да, — он огляделся вокруг себя. — Я

не думаю, что мы увидим здесь Лорда Джеггеда. Он мог бы объяснить вам эти вещи, так как любит обсуждать абстрактные вопросы. Я никогда не имел к этому склонностей, предпочитая делать вещи. Я — человек действия, как вы смогли заметить. Без сомнения, это связано как-то с тем, что я — продукт естественного деторождения.

Ее глаза, когда она посмотрела на него, были полны тепла.

Глава тринадцатая
Честь Ундервуда

— И все-таки что-то не то. Попробуем еще раз.

Джерек послушно уничтожил западное крыло. Они перестраивали ранчо. Красно-кирпичная готика Бромли уступила место настоящей готике средневековой Франции и Бельгии. Новое строение было больше, воздушней и легче прежнего, с узкими точеными башенками и причудливой формы окнами.

— Слишком помпезно, — сказала она, в задумчивости потирая подбородок. — Для Бромли это целый дворец, но здесь оно выглядит жалкой лачугой.

— Если вы воспользуетесь своим собственным

аметистовым Кольцом Власти… — пробормотал он.

— Я все еще не доверяю этим вещам, — но она повернула Кольцо, одновременно загадав желание.

Сказочная башня, мечта ее детства, возвысилась перед ними. У Амелии не поднялась рука уничтожить свое творение.

Джерек в восхищении замер перед изысканным стодвадцатифутовым гигантом, увенчанным двумя башенками с красными коническими крышами, под которыми в полупрозрачном переливе красовались крошечные окошечки.

— Прекрасный образец типичной архитектуры Эпохи Рассвета, — похвалил ее Джерек.

— Вы не находите ее чересчур вычурной? — спросила Амелия, оробевшая от своих достижений.

— Эталон полезности!

— Вряд ли, — она покраснела.

Ее собственное воображение, ставшее конкретным, удивило ее.

— Еще! Вы должны сделать еще!

Еще одно вращение Кольца, и еще одна башня поднялась вверх, связанная с прежним маленьким мраморным мостиком. С некоторым

колебанием она распылила первое здание, построенное Джереком по ее просьбе, и обратила внимание на окружающий ландшафт. Появился ров, наполненный водой из сверкающей речки; английский парк с геометрическими клумбами, полными ее любимых цветов, с волнистыми лужайками, с озером, кипарисами, тополями и ивами. По бледно-голубому небу плыли маленькие белоснежные облака. Затем она добавила нежные цвета — розовые и желтые, как в начале рассвета. Все было таким, как ей, тогда еще не респектабельной домохозяйке, а маленькой девочке, грезящей о сказке, приснилось однажды. Амелия с гордостью разглядывала творение своих рук, лицо ее сияло. Джерек упивался ее счастьем, наблюдая за своей любимой.

— О, я не должна была…

На лужайке пасся единорог. Он поднял голову, его глаза были мягкими и разумными. На золотом роге блестело солнце.

— Мне говорили, что все это не существует. Моя мать упрекала меня за глупые фантазии и уверяла, что из этого не выйдет ничего хорошего.

— И вы тоже так думаете? — она скользнула взглядом по его лицу. — Наверное я должна так думать.

Он промолчал.

— Моя мать внушала мне, что маленькие девочки, верящие в сказки, вырастают пустыми и разочарованными. Я постоянно слышала, что мир, в конце концов, суров и ужасен, и мы появляемся на свет для того, чтобы в жестоких испытаниях заслужить право стать обитателями Небес.

— Что ж, в этом есть разумное начало. Хотя это ужасно жить в постоянных лишениях, ожидая вознаграждения так долго…

— И все же здесь не меньше жестокости, чем в моем мире.

— Жестокости?

— Ваши питомники!

— Конечно.

— Правда, я лишь недавно поняла, что это не намеренная жестокость. Вам чуждо лицемерие.

Джерек был во власти эйфорической радости. Ему нравилось слушать этот нежный голосок, напоминающий мирное жужжание насекомого. Он готов был отдать многое, лишь бы она не умолкала.

— Если задуматься, в нашем обществе куда больше пленников, — сказала она. — Сколько жен томится в плену в своих домах, у своих му-

жей? — она помолчала. — Я не посмела бы думать о таких радикальных вещах дома, не говоря уже о том, чтобы высказать их.

— Почему?

— Потому что я обидела бы других. Оттолкнула бы своих друзей. Существуют нормы общественного поведения, куда более жесткие, чем моральные или правовые. Вы столкнулись с этим в моем мире, мистер Карнелиан?

— Я узнал кое-что, но не так много. Мы должны продолжить ваши уроки.

— Я видела тюрьму, где вы были в заключении. Сколько там невинных пленников! Жертвы бедности. И бедность порабощает столько миллионов людей, намного больше, чем вы могли когда-либо созерцать в своих питомниках. О, я знаю, знаю. Мне нечего вам возразить.

— Да?

— Вы добры ко мне, мистер Карнелиан, — ее голос затих, когда она снова посмотрела на свое детище. — О, оно так прекрасно!

Он шагнул к ней и обнял ее за плечи. Она не воспротивилась.

Прошло какое-то время. Она обставила их дворец простой комфортабельной мебелью, не желая загромождать комнаты. Она вновь установила

строгий порядок дня и ночи. В доме появилось два больших пушистых кота черный и белый, а по аллеям парка вокруг дворца бродили единороги и олени. Ей хотелось книг, но Джерек не смог найти ни одной, поэтому, в конце концов, она начала писать книгу сама и нашла это занятие столь же захватывающим, как и чтение. И все-таки он продолжал добиваться ее расположения. Амелия все еще отказывала ему в полном выражении своих привязанностей. Периодически он делал ей предложение и получал один и тот же ответ, что дала церемониальную клятву — быть верной мистеру Ундервуду, пока смерть не разлучит их.

Джерек возвращался время от времени к убедительной логике, что мистер Ундервуд мертв много тысячелетий, и что она свободна. Он начал подозревать, что ей важна не клятва мистера Ундервуда, а она затеяла игру с ним или ждет от него каких-то действий, хотя какими должны быть эти действия, она не давала ни малейшего намека.

Эта идиллия, хотя и приятная, омрачалась не только его разочарованием, но еще тревогой за своего друга, Лорда Джеггеда Канари. Джерек начал сознавать: до какой степени он полагался на мнение Джеггеда о своих поступках, на помощь

в беде, участие в своей судьбе. Юмора друга, его совета, самой его мудрости очень не хватало Джереку. Каждое утро, после пробуждения, он надеялся увидеть аэрокар Лорда Джеггеда на горизонте, и каждый раз его ожидало разочарование.

Тем не менее, однажды утром, когда он в одиночестве отдыхал на балконе, в то время как миссис Ундервуд работала над своей книгой, он заметил прибытие гостя в посудине, напоминающей египетское судно из эбонита и золота. Это был Епископ Тауэр в своей высокой короне на некрасивой голове, высоким жезлом в левой руке и тремя болтающимися на поясе золотыми державами. Епископ величественно прошествовал на балкон и легонько поцеловал Джерека в лоб, похвалив белый костюм, сотворенный ему миссис Ундервуд.

— Все успокоились после вечеринки Герцога, — информировал его Епископ. — Мы вернулись к нашим старым привычкам с некоторым облегчением. Монгров показался больным, разочарованным, не правда ли?

— Почему? Герцог Квинский пренебрег интересами гостей, что вряд ли является достоинством человека, желающего быть самым популярным

хозяином.

— К тому же, — добавил Джерек, — сам Герцог чихать хотел на все пророчества этого полоумного Юшариспа. Он, вероятно, надеялся, что Монгров попал в какие-нибудь жуткие приключения во время путешествия во вселенной — что-нибудь с разумной долей сенсации. Хотя всем давно известно, что Монгров способен испортить любое начинание.

— За это мы и любим его.

— Конечно.

Миссис Ундервуд в розово-желтом платье вошла в комнату позади балкона. Она протянула руку.

— Дорогой Епископ. Как приятно видеть вас. Вы останетесь на завтрак?

— Если не стесню вас, миссис Ундервуд.

Было ясно, что он много узнал об обычаях Эпохи Рассвета.

— Что вы, конечно нет.

— А как моя мать, Железная Орхидея? — спросил Джерек. — Вы видели ее?

Епископ Тауэр почесал нос.

— Значит, ты не слышал? Она стала твоим конкурентом, Джерек, уговорив Браннарта Морфейла позволить ей взять одну из его драгоценных ма-

шин времени. Она исчезла!

— Сквозь время?

— Да. Она говорила Браннарту, что вернется с доказательствами его теории, свидетельством… что ты сфабриковал вашу историю! Я удивлен, что никто до сих пор не рассказал тебе об этом, — Епископ рассмеялся. — Она так оригинальна, твоя очаровательная родительница!

— Но она может погибнуть, — сказала миссис Ундервуд. — Она осознает риск?

— Я думаю, полностью.

— О! — воскликнул Джерек. — Мама! — он прикусил нижнюю губу. — Она считает, что ты превзошла ее, Амелия, и хочет наверстать упущенное.

— Она говорила, когда вернется? — спросила миссис Ундервуд Епископа Тауэра.

— Нет, но Браннарт может знать. Он управляет экспериментом.

— Управляет! Ха! — Джерек сжал свою голову руками.

— Нам остаются лишь молитвы и надежды, что она вернется невредимой, — сказала миссис Ундервуд.

— Время не в силах справиться с Железной Орхидеей! — рассмеялся Епископ Тауэр. — Ты

слишком мрачен, Джерек. Она скоро вернется с новостями ничуть не хуже твоих. На это она и рассчитывает.

— Мы избежали гибели лишь по счастливой случайности, — возразила миссис Ундервуд.

— Эта самая случайность должна помочь и ей.

— Вы, вероятно, правы, — сказал Джерек.

Он был удручен. Сначала пропал его лучший друг, а теперь — его мать. Он посмотрел на миссис Ундервуд, как если бы она могла снова исчезнуть на его глазах, что уже было однажды, когда он попытался поцеловать ее.

Миссис Ундервуд заговорила довольно бодро, бодрее, чем требовала в данном случае ситуация.

— Ваша мать не из тех, кто погибает, мистер Карнелиан. Может быть, это ее факсимиле послано сквозь время. Оригинал может находиться среди нас.

— Я не уверен, что это возможно, — ответил он, — что-то связанное с сущностью жизни. Я никогда полностью не понимал теории, касающейся трансплантации. Но я не думаю, что можно послать двойника сквозь время, не сопровождая его.

— Она вернется, — сказал Епископ Тауэр с улыбкой.

Но Джерек, обеспокоенный судьбой Лорда Джеггеда и мучимый дурными предчувствиями, погрузился в молчание, оставив гостя без хозяйской предупредительности во время ленча.

Прошло еще несколько дней без всяких происшествий. Время от времени к ним захаживали то. Миледи Шарлотина, то Герцог Квинский, то Епископ Тауэр. Их разговор часто касался судьбы Железной Орхидеи. Браннарт Морфейл, несомненно располагавший сведениями о координатах Железной Орхидеи, держал их в строжайшем секрете даже от своей покровительницы, Миледи Шарлотины, предоставившей ему лаборатории в своих огромных владениях над озером.

Между тем Джерек продолжал ухаживать за Амелией Ундервуд. Он изучил поэму Уэлдрейка (по крайней мере то, что она смогла вспомнить) и нашел ее очень подходящей к их собственной ситуации: «Так близко любовники были, но их единению препятствует мир», «Жестокая судьба диктует им, чтобы одинокими шли они по этому пути» и тому подобное. Амелия же, в конце концов, потеряла интерес к своему любимому поэту. Но Джереку показалось, их отношения стали более теплыми, дружеские поцелуи — более частными, в ее улыбке и пожатии рук появи-

лась доверчивая нежность. Он смирился. Сама стабильность их домашнего уклада располагала Джерека к мысли, что они женаты. Джерек надеялся, что она подскользнется случайно к завершению их обмана, дай только время.

Жизнь текла гладко и, кроме колючего опасения в глубине его души за мать и Лорда Джеггеда, его ничто не беспокоило. Он наслаждался спокойствием, которое утратил с тех пор, как миссис Ундервуд поселилась в его доме. Он напрочь забыл о том, что всякий раз, когда он погружался в состояние счастливой безмятежности, его поджидала какая-нибудь новая драма. Но, в размеренном ритме этих дней без событий, в нем росло ощущение неизбежного ожидания, пока он не начал желать, чтобы то, что случится — случилось бы скорее. Джерек даже подумал, что удар будет нанесен либо Железной Орхидеей по ее возвращении, либо его другом Лордом Джеггедом, который прикажет им вернуться в Палеозой, чтобы завершить какую-нибудь пропущенную задачу.

И удар был нанесен.

Это произошло ранним утром через три недели после того, как она поселилась в новом доме. Их разбудил оглушительный стук в парадную

дверь. Джерек вскочил с постели и вышел на балкон, чтобы посмотреть, кто придумал такое оригинальное обращение с дверью (никто из его знакомых ни разу не проделывал такого трюка). На подъемном мосту через ров столпилась группа людей, хорошо знакомых ему. В дверь барабанил инспектор Спрингер, после Девонских приключений обновивший свой гардероб точно таким же костюмом и шляпой. Он прибыл в сопровождении десяти или двенадцати полицейских и одного джентльмена. Пристальный взор Джерека остановился на важном мистере с полубезумным взглядом. Это был мистер Гарольд Ундервуд со своим пенсне на носу, аккуратно зализанными на пробор соломенными волосами, в темном костюме, при своем неизменном жестком воротничке, манжетах, галстуке и черных блестящих ботинках. В руке у него была шляпа такая же, как у инспектора Спрингера. Позади этой компании, на небольшом расстоянии, жужжала огромная конструкция, состоящая из ряда взаимосвязанных колес и храповиков, стеклянных стержней и обитых скамеек — открытая ящикоподобная машина, очень похожая на ту, которую Джерек видел в Палеозое. За управлением сидел бородатый мужчина, который дал

им корзину с провизией. Он первым заметил Джерека и дружелюбно помахал ему рукой.

С ближайшего балкона послышался приглушенный крик:

— Гарольд!

Мистер Ундервуд поднял глаза и холодно уставился на свою жену, стоявшую в неглиже и тапочках, чего себе никогда не могла позволить добропорядочная домохозяйка из Бромли.

— Ха! — вырвалось у него, в подтверждение своих самых худших опасений. Затем он заметил Джерека, смотрящего сверху на него. — Ха!

— Что вам угодно? — прохрипел Джерек, прежде чем осознал, что они не понимают его слов.

Пока инспектор Спрингер прокашливался, Гарольд Ундервуд заговорил:

— Игри Гэйзе, — казалось, сказал он, но этого ему показалось недостаточно и он продолжил — Риджика баттероб онэ!

— Нам лучше впустить их, мистер Карнелиан, — сказала миссис Ундервуд слабым голосом.

Глава четырнадцатая

Различные страхи, много сутолоки, поспешная экскурсия

— Я, сэр, — сказал инспектор Спрингер с явным злорадством, — наделен специальными полномочиями. Сам Премьер приказал мне разобраться в этом деле.

— Моя новая машина… э… мой хронобус был реквизирован, — стал поспешно извиняться путешественник во времени. — Как патриот, хотя, строго говоря, я не из этой вселенной…

— В условиях крайней секретности, — продолжал инспектор, — мы отправились с нашей миссией…

Джерек и миссис Ундервуд стояли на пороге и рассматривали своих гостей.

— С какой миссией? — миссис Ундервуд недовольно нахмурилась, бросив взгляд на мужа.

— Задержать зачинщиков этого гнусного заговора, арестовать их, а затем доставить в наше столетие, чтобы они — между прочим, среди них и вы — мадам, были допрошены на предмет мотивов и намерений, — инспектор Спрингер явно цитировал выдержку из приказа.

— А мистер Ундервуд? — вежливо поинтересовался Джерек. — Почему он здесь?

— Он один из немногих, кто может опознать людей, которых мы разыскиваем, он добровольно оказывает содействие властям.

Она спросила с удивлением:

— Ты прилетел за мной, Гарольд?

— Ха! — ответил ее муж.

Покрытый потом, сержант Шервуд, теребивший тугой темно-голубой воротничок, который врезался в его монументальную шею, вышел из рядов констеблей (которые, подобно ему, казалось, страдали от шока) и, отдав салют, встал рядом со своим начальником.

— Будем брать этих двоих, сэр?

Инспектор Спрингер задумчиво облизнул губы.

— Подождите немного, сержант. Прежде чем засунуть их в фургон, мы должны соблюсти все формальности…

Он вынул из кармана пиджака документ и повернулся к Джереку.

— Вы хозяин этих владений?

— Не совсем, — ответил Джерек, подумав, Правильно ли делают свою работу Переводительные Пилюли, принятые им и Амелией. — То есть, если вы объясните значение этого термина, возможно, я смогу…

— Вы владелец или нет?

— Вы имеете в виду, не я ли создал этот дом?

— Если вы построили его, то вполне достаточно. Все, что я хотел узнать…

— Миссис Амелия Ундервуд создала его. Не так ли, Амелия?

— Ха! — сказал мистер Ундервуд, как если бы подтвердились его худшие опасения. Он холодно сверкнул глазами на сказочный дворец.

— Эта леди построила его? — инспектор Спрингер нахмурился. — Э, послушайте…

— Вы просто не знакомы с методами строительства домов в Конце Времени, инспектор, — сказала миссис Ундервуд, пытаясь спасти ситуацию. — У нас есть Кольца Власти, они дают возможность…

Инспектор Спрингер сурово поднял руку.

— Это не имеет значения. У меня есть ордер на обыск этого места или любого другого, которое я сочту нужным для следствия по этому делу и в котором скрываются подозреваемые в преступлении. Поэтому, если вы позволите мне и моим людям войти..

— Конечно, — Джерек и Амелия отошли в сторону, когда инспектор Спрингер провел своих людей в холл. Гарольд Ундервуд заколебался

лишь на миг, но, в конце концов, пересек порог, как если бы дорога вела в преисподнюю, а путешественник во времени топтался на месте и теребил кепку в руках, бормоча бессвязные фразы.

— Ужасно неловко… не имел представления… какая-то шутка в самом деле… извините за неудобства… Премьер уверял меня… не вижу причины для вторжения… никогда бы не согласился… — но при приглашающем жесте Джерека присоединился к ним. — Восхитительный дом… очень похож на сооружения из 58 столетия. Рад узнать, что вы благополучно вернулись назад… живые и невредимые…

— Я никогда не видел такой вместительной машины времени, — сказал Джерек, надеясь вернуть ему непринужденность.

— Разве? — просиял путешественник во времени. — Она необычна, да? Конечно, коммерческие возможности приходили мне на ум, хотя с тех пор, как правительство проявило интерес, все окутала секретность, как вы сами можете представить. Это была моя первая возможность проверить экипаж в подходящих условиях.

— Лучше, сэр, — предостерег инспектор Спрингер, — если вы прекратите свои изменения. Эти

люди, кроме всего прочего, подозреваются как иностранные агенты.

— Что вы, мы встречались прежде. Когда я согласился помочь им, у них не было никаких плохих намерений. Поверьте мне, инспектор, они невиновны и не замешаны ни в каком преступлении.

— Это решать мне, сэр, — гаркнул полицейский. — Улики, которые я предоставил Премьеру, оказались достаточными, чтобы убедить его в заговоре против Короны.

— Он казался несколько сбитым с толку всем этим делом. Я не понял ни одного его вопроса.

— Да, во всем этом много неясностей. Дела такого рода часто запутаны. Но я доберусь до сути, дайте время, — инспектор Спрингер покрутил цепочку от часов. — Вот для чего существует полиция: решать запутанные дела.

— Вы уверены, что находитесь в пределах своей юрисдикции, инспектор?… — начала миссис Ундервуд.

— Как меня уверил этот джентльмен, — инспектор Спрингер показал на путешественника во времени, — мы все еще на английской почве. Следовательно…

— В самом деле? — воскликнул Джерек. — Как

чудесно!

— Думал, что не попадешься, парень, да? — пробормотал сержант Шервуд, злобно глядя на него. — Ты просчитался!

— Сколько человек проживает в доме? — спросил инспектор Спрингер, когда он и его люди протопали в основной зал.

Он с отвращением смотрел на корзины с цветами, висящие всюду, картины, ковры и мебель, выдающие легкомыслие своих хозяев.

— Только мы, — миссис Ундервуд отвела глаза от мрачного взгляда своего мужа.

— Ха! — сказал мистер Ундервуд.

— У нас отдельные комнаты, — объяснила она инспектору, на чьих губах появилась плотоядная усмешка.

— Сэр, — сказал сержант Шервуд. — Не забрать ли нам сперва эту подозрительную парочку?

— В девятнадцатое столетие? — спросил Джерек.

— Скорее всего это он и имел в виду, — ответил за сержанта путешественник во времени.

— Вам представилась такая возможность, Амелия, — упавшим голосом сказал Джерек. — Вы же мечтали вернуться.

— Это правда… — начала она.

— Значит?…

— Обстоятельства…

— Вы двое останетесь здесь, — говорил инспектор Спрингер двум констеблям, — не спускайте с них глаз.

Он повел своих людей по лестнице. Джерек и Амелия сели на диванчик.

— Может выпьете чаю? — спросила Амелия своего мужа, путешественника во времени и двух констеблей.

— Ну… — сказал один из констеблей.

— Не отказался бы от чашечки, — сказал другой.

Джерек, как всегда, был рад услужить. Он повернул Кольцо Власти и на столике появился серебряный чайник, шесть фарфоровых чашек и блюдец, кувшины с молоком и горячей водой, серебряный чайник для заварки, шесть серебряных ложек и примус.

— Сахар будет более уместен, чем примус, — пробормотала она.

Он исправил ошибку. Оба полицейских от неожиданности сели, уставившись выпученными глазами на чай. Мистер Ундервуд остался стоять, но казался более неподвижным, чем раньше, что-то бормоча про себя. Только путе-

шественник во времени реагировал совершенно нормально. Миссис Ундервуд, казалось, подавила усмешку, наливая чай и подавая чашки. Констебли взяли чашки, но только один пригубил. Другой просто сказал: «Боже!» — и поставил чашку на стол, а его товарищ вымученно улыбаясь сказал:

— Очень хорошо, очень хорошо, — и снова, и снова повторял эти слова.

Сверху раздался неожиданно громкий треск и вопль. Озадаченный Джерек и Амелия посмотрели вверх.

— Надеюсь, они не ломают… — начал путешественник во времени.

Послышался топот сапог. Инспектор Спрингер, сержант Шервуд и их люди, спотыкаясь и тяжело дыша, ввалились назад в зал.

— Они атакуют! — закричал сержант Шервуд двум другим полицейским.

— Кто-о?

— Враги, конечно, — ответил инспектор Спрингер подбежав к нему. Они уже знают, что мы находимся в доме. Это хитрые бестии, будьте уверены!

— Что случилось, инспектор? — спросил Джерек, предлагая гостю чашку чая.

— Что-то снесло верхние башни, вот и все! —

инспектор автоматически взял чай. — Начисто. Какое-то мощное морское орудие, вероятно. Здесь рядом есть море?

— Нет. Интересно, кому это понадобилось? — Джерек вопросительно посмотрел на Амелию.

Она пожала плечами.

— Это кара Божья! — объявил с надеждой мистер Ундервуд, но никто не обратил внимания на его предложение.

— Я помню, как-то раз аэрокар Герцога Квинского врезался в мое ранчо, — сказал Джерек. — Вы не заметили летающей машины, инспектор?

Инспектор Спрингер продолжал всматриваться в окно.

— Это было, как молния с неба, — сказал он.

— Крыша исчезла в один момент, — добавил сержант Шервуд.

Раздался взрыв и на секунду стало очень жарко.

— Похоже на какой-то луч, — сказал путешественник во времени, наливая себе еще чашку чая.

Судя по мгновенной реакции инспектора Спрингера на это замечание, он был заядлым читателем популярных еженедельников.

— Вы имеете в виду луч смерти?

— Если хотите.

Инспектор потрогал свой ус.

— Мы сделали ошибку, не захватив оружия, — размышлял он.

— А! — Джерек вспомнил свою первую встречу с разбойниками-музыкантами в лесу. — Я понял. Скорей всего это вернулись Латы. У них есть мощное оружие, и они сейчас демонстрировали его.

— Это — Латовцы. Как я не догадался раньше! — инспектор Спрингер нагнулся ниже. — Вы можете как-то сообщить им, что вы наши пленники?

— Боюсь, что нет. Я мог бы найти их, но вполне возможно, что они на сотни миль отсюда.

— Сотни? О, Боже! — воскликнул сержант Шервуд. Он посмотрел на потолок, будто ожидая, что тот упадет на него. — Вы правы, инспектор. Мы должны были прихватить пистолеты.

— Судный день пришел! — пропел Гарольд Ундервуд, поднимая палец.

— Мы должны представить его Лорду Монгрову, — сказал Джерек, вдохновленный пришедшей мыслью. — Они хорошо поладят. Не правда ли, Амелия?

Но она не ответила, смотря со смесью жалости и покорности на своего бедного безумного мужа.

— Я виновата, — сказала она. — Это все моих рук дело. О, Гарольд, Гарольд!

Раздался еще один громкий треск. На стенах и потолке появились трещины. Джерек повернул Кольцо Власти и восстановил дворец.

— Крыша на месте, инспектор. Вы можете продолжить свое турне.

— Мой подвиг достоин награды, я получу медаль, если когда-нибудь вернусь назад — вздохнув, сказал себе инспектор Спрингер.

— Сэр, — сказал сержант, — достаточно этих двоих! Мы сделали все, что в наших силах. Пора на родину.

— Да, вы правы. Поспешим. Им лучше надеть браслеты, а?

Двое констеблей достали наручники и приблизились к Джереку и Амелии. В этот момент в окне появилось ужасное видение и проплыло внутрь зала. Это был Епископ Тауэр, задыхавшийся и выглядевший крайне возбужденным в съехавшей набок огромной митре.

— О, мои дорогие любители приключений! Латы вернулись и разрушают все! Убийства, грабежи, насилие! Это чудесно! А, у вас тут целая компания.

— Вы уже встречались с ними, Епископ, — ска-

зал Джерек. — Это инспектор Спрингер, сержант Шервуд…

Епископ Тауэр медленно опустился на пол, кивая и улыбаясь. Моргая глазами, констебли попятились назад.

— Они схватили пленников! Как вы в свое время взяли нас! О, наконец скука исчезла! И там была битва, величественный Герцог Квинский, командовавший нашим воздушным флотом (к несчастью, он не продержался и секунды, но выглядел превосходно), и Миледи Шарлотина в костюме амазонки в колеснице. Веселье вернулось в наш скучный мир! Там примерно дюжина убитых! — он вдруг очнулся от нездорового возбуждения. — Простите за вторжение в ваш дом! Я забыл о манерах…

— Мы с вами уже знакомы, — сказал со значением инспектор Спрингер. — Я имел честь арестовать вас в кафе «Роял»!

— Рад видеть вас снова, инспектор, — было ясно, что Епископ Тауэр не понял слов, которые сказал инспектор Спрингер. Он кинул Переводильную Пилюлю в рот. — Значит вы решили продолжить свою вечеринку в Конце Времени?

— Конец Времени? — спросил Гарольд Ундервуд, выказывая интерес. — Армагеддон?

Амелия Ундервуд подошла к мужу, попытаясь успокоить его, но он оттолкнул ее.

— Ха! — сказал он.

— Гарольд, ты ведешь себя, как ребенок!

— Ха!

Удрученная, она осталась стоять рядом с ним.

— Вы должны посмотреть на разрушения! — продолжал епископ Тауэр. Он засмеялся. — Ничего не осталось от замка над озером, если только лаборатория Браннарта еще там. Но питомник полностью разрушен и все апартаменты Миледи Шарлотины, и само озеро — все, и ей понадобятся часы, чтобы восстановить их, — он потянул Джерека за рукав. — Вы должны отправиться со мной, чтобы не пропустить самое интересное в этом спектакле.

— Ваши друзья никуда не пойдут, сэр. И, должен добавить, вы тоже, — инспектор Спрингер дал знак своим констеблям.

— Как чудесно! Вы берете нас в плен! У вас есть какое-нибудь оружие, как у Латов? Вы должны показать что-нибудь, инспектор, если не хотите, чтобы они превзошли вас!

— Я думал, эти Латовцы на вашей стороне, — сказал сержант Шервуд.

— Конечно нет! В этом не было бы никакого

удовольствия.

— Вы сказали, что они уничтожают все? Насилие, грабеж, убийства?

— Точно.

— Ну, я никогда… — инспектор Спрингер почесал затылок.

— Итак, мы просто жертвы этих людей, а не наоборот?

— Я думаю, что произошло недоразумение, инспектор, — сказала миссис Ундервуд. — Видите ли…

— Недоразумение! — неожиданно Гарольд Ундервуд наклонился к ней. — Распутная женщина!

— Гарольд!

— Ха!

Раздался грохот громче, чем предыдущие, и потолок исчез, открывая небо.

— Это Латы, — сказал Епископ Тауэр с видом эксперта. — Вы действительно должны пойти со мной, если не хотите быть уничтоженными прежде, чем насладиться всем этим, — он шагнул к своему аэрокару около окна. — От нашего мира ничего не останется, и это будет конец!

— Они на самом деле намерены уничтожить вас всех? — спросил путешественник во времени.

— Вряд ли. Они пришли за пленниками. Госпожа Кристия, — сказал он Джереку, — сейчас в плену. Я думаю, это их привычка рыскать по галактике, убивая мужчин и похищая женщин.

— Вы позволили им? — спросила миссис Ундервуд.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не защитили ее?

— О, в конце концов, мы должны будем сделать это. Госпоже Кристии не понравится в космосе, особенно, если он стал таким пустым, как говорил Монгров.

— Что вы скажите, Амелия? Может стоит взглянуть на это? — поинтересовался Джерек.

— Нет, нет и еще раз нет.

Он подавил свое разочарование.

— Может вы хотите, чтобы и меня похитили эти разбойники? — спросила она.

— Что вы, Амелия.

— Не лучше ли нам вернуться в мой хронобус, — предложил путешественник во времени. — По крайней мере, до тех пор…

— Амелия?

Она покачала головой.

— Обстоятельства слишком постыдны для меня. Теперь для меня закрыто респектабельное

общество.

— Тогда вы останетесь, дорогая Амелия?

— Мистер Карнелиан, ваша назойливость становится невыносимой. Конечно, я изгнана из своего общества, но это не дает вам права думать, что я забыла о нормах поведения. Состояние Гарольда вызывает у меня тревогу. Он не в себе. И в этом виноваты мы. Ну, возможно, не вы — но я должна принять на себя большую часть вины. Я не должна была признаваться в моей любви…

Она расплакалась.

— Значит вы признаетесь в ней, Амелия?

— Вы бессердечны, мистер Карнелиан, — всхлипнула она, — и нетактичны…

— Ха! — сказал Гарольд Ундервуд. — Хорошо, что я уже начал бракоразводный процесс…

— Превосходно! — воскликнул Джерек.

Снова послышался грохот.

— Моя машина! — вскричал путешественник во времени, выбегая наружу.

— В укрытие всем! — раздался голос инспектора Спрингера.

Все его люди легли на пол.

Епископ Тауэр уже сидел в своем аэробусе, окруженный облаком пыли.

— Ты идешь, Джерек?

— Нет. Желаю вам повеселиться, Епископ!

— Обязательно, обязательно.

Аэрокар стал подниматься в небо.

Среди руин дворца остались неподвижно стоять Джерек Карнелиан и чета Ундервудов.

— Пойдемте, — предложил, наконец, Джерек им обоим. — Кажется я придумал, где мы можем найти убежище, — он повернул Кольцо Власти. Материализовался его старый аэрокар, имеющий вид локомотива, пыхтящий с белым дымом из трубы. — Простите за скудость фантазии, но поскольку мы должны поторопиться…

— Вы спасете и Гарольда тоже? — спросила Амелия, когда Джерек подсаживал ее мужа на борт.

— А как же иначе. Вы ведь тревожитесь за него, — он весело улыбнулся, в то время как над головами проревел обжигающий малиновый сгусток чистой энергии. — Кроме того, я хочу поподробней узнать о разводе, который он планирует. Я понял, что это та самая церемония, которая должна произойти прежде, чем мы сможем пожениться?

Она не ответила на это, но встала рядом с ним на подножке.

— Куда мы летим, мистер Карнелиан?

Локомотив запыхтел, направляясь вверх.

— Я полон дыма, — запел он. — Я покрыт копотью и чихаю углем!

Мистер Ундервуд схватился за перила и уставился вниз, на руины, оставшиеся на месте дворца. Его колени затряслись.

— Это старая железнодорожная песня из вашего времени, — объяснил Джерек. — Вы не мечтали о профессии кочегара?

Он предложил мистеру Ундервуду платиновую лопату. Мистер Ундервуд без слов принял лопату и механически начал подкидывать уголь в топку.

— Мистер Карнелиан! Куда же мы все-таки летим?

— В безопасное место, дорогая Амелия, уверяю вас.

Глава пятнадцатая, в которой Джерек Карнелиан и миссис Ундервуд находят убежище, а мистер Ундервуд — нового друга

— Это и есть наш Город. Как вы его находите?

— Невероятно, но я и представить себе не могла, насколько они отличаются от наших городов.

Неужели это необъятное пространство — город?

Мистер Ундервуд стоял невдалеке, на другой стороне небольшой площади. Он с детским восхищением наблюдал, как зеленые световые шары размером примерно с теннисный мяч прыгали, словно солнечные зайчики, по его вытянутым рукам. Позади него энергетическая радуга пробегала от одной башни к другой в тяжелом дыхании черно-пурпурного и темно-зеленого воздуха с малиновыми прожилками. Ливень бронзовых искр осыпал наших путешественников, всюду слышалась песня металла. Город что-то сонно нашептывал. Даже узкие ручейки ртути, пересекающие землю у их ног, казались вялыми и безжизненными.

— Город защищает себя, — объяснил Джерек, — я не раз уже видел это. Никакое оружие не может действовать внутри Города, никакое оружие не может нанести ему вред извне, потому что в его распоряжении всегда больше энергии, чем может обрушиться на него. Это часть его первоначального назначения.

— Он больше похож на завод, чем на Город, — пробормотала Амелия.

— Скорей на музей. Это заложено в его природе. На планете осталось несколько таких городов,

они предназначены хранить в своей памяти все накопленные знания.

— Эти испарения — они не ядовиты?

— Для человека — нет.

Она кивнула для приличия, что поверила, но продолжала сохранять осторожность, когда он повел их с площадки через аркаду бледно-желтых и розовато-голубых папоротников, немного напоминающие те, что они видели в Палеозое. Странный сероватый свет падал через папоротники, искажая их тени. Мистер Ундервуд шел на некотором расстоянии сзади них, тихо напевая.

— Мы должны подумать, — прошептала она, — как спасти Гарольду.

— Спасти от чего?

— От его безумия.

— В Городе он производит впечатление счастливого человека.

— Конечно, он верит, что находится в аду, как когда-то думала я. Инспектор Спрингер не должен был трогать его.

— Я сомневаюсь, что инспектор сам в здравом рассудке.

— Вы правы, мистер Карнелиан. Все это смахивает на политическую панику. Стало известно, что некоторые влиятельные члены кабинета

проявляют нездоровый интерес к масонству и спиритизму. Ходят слухи, что даже сам принц Уэльский…

Она продолжала в том же духе, полностью озадачив его. Ее информация, как он понял, была извлечена из листа бумаги, который миссис Ундервуд как-то раз приобрела.

Аркада уступила место оврагу между двумя высокими одинаковыми зданиями, стены которых были покрыты химическими пятнами и пульсирующими полубиологическими наростами. Что-то шарообразное и сверкающее скрылось, лишь только они приблизились. В конце оврага открылась панорама, загроможденная полусгнившими металлическими реликвиями, в отдалении сердитые языки пламени лизали невидимую стену.

— Вот! — сказал он. — Вероятно, это следы нападения Латовских стрелков. Город защищает себя. Видите, я говорил, что мы будем в безопасности, дорогая Амелия?

Она оглянулась через плечо на какое-то сооружение из камня и отвердевшей резины, где примостился ее злополучный супруг.

— Попытайтесь проявить хоть чуточку такта, мистер Карнелиан! Мой муж может услышать

вас. Имейте жалость хотя бы к его чувствам, если не к своим и моим.

— Но он уступил вас мне. Он же заявил об этом во всеуслышание. По вашим обычаям этого достаточно, не так ли?

— Он разводится со мной, вот и все. У меня есть право выбрать или отвергнуть любого мужа, какого я захочу.

— Конечно, но вы выбрали меня. Я знаю.

— Я не говорила вам этого.

— Вы говорили, Амелия. Вы забыли. Вы упоминали не единожды, что любите меня.

— Это не должно означать, что я непременно выйду за вас замуж, мистер Карнелиан. Я до сих пор не теряю надежды на возвращение в Бромли или, по крайней мере, в мое собственное время.

— Где вы будете отверженной. Вы говорили так.

— В Бромли, но не всюду, — она нахмурилась. — Представляю, какую шумиху поднимет пресса вокруг меня. Эти газетенки обязательно опубликуют какую-нибудь гадость, будьте уверены.

— Я думал, вам понравилась жизнь в Конце Времени.

— Может я и осталась бы здесь, мистер Карнелиан, если бы меня настойчиво не преследовали

призраки прошлого, — еще один взгляд через плечо. — Как тут можно расслабиться?

— Это случайность. Я не припоминаю ничего подобного, это произошло впервые…

— И потом, вспомните, что говорил нам Епископ Тауэр. Ваш мир уничтожается прямо сейчас, у нас на глазах.

— О, всего лишь на миг, скоро все будет восстановлено.

— Однако, Лорд Монгров и Юшарисп уверяли нас в обратном.

— Не стоит относиться к ним всерьез.

— Вам, возможно. Но не мне, мистер Карнелиан. Для меня в их словах заключен немалый смысл.

— Да, при тех обстоятельствах, что вы только что описали, возможностей для спасения очень немного, — раздался чуть сонный голос, низкий и мелодичный.

— Их просто нет, — объявил мистер Ундервуд. — Насколько мне известно.

— Это интересно. Я, кажется, вспоминаю кое-что из теории, но большая часть информации, которая мне требуется, хранится где-то в другом месте, в другом городе, чьи координаты я не могу вспомнить. Тем не менее, я склоняюсь к мысли, что каждый из вас — галлюцинация этого Горо-

да (разрастающаяся с печально потрясающей скоростью), либо вы сами стали жертвами слишком сильного увлечения древней мифологией. Я могу ошибаться. Были времена, когда я был непогрешим. Я был уверен, что ваши описания этого города совпадают с фактами, которые находятся в моем распоряжении. Вт можете спорить, я знаю, что я сам заблуждаюсь, хотя мои ощущения совпадают с моими инстинктами, тогда как вы сами делаете скорее интеллектуальные, чем инстинктивные заключения; это, по крайней мере, я понял из нелогичности, которую вы допустили в своем анализе. Вы противоречили себе, по меньшей мере, три раза с тех пор, как сели на мою оболочку.

— Говорил сплав камня и резины — один из видов банков памяти, — пробормотал Джерек. — Существует столько видов, не всегда сразу узнаваемых.

— Я думаю, — продолжал банк, — если вы преодолеете замешательство и приведете свои мысли в порядок, я смогу лучше ответить на любое хорошо сформулированное замечание.

Мистер Ундервуд, казалось, не обиделся на критику.

— В ваших словах есть доля истины, — сказал

он. — Я действительно сбит с толку. А если быть откровенным, я — сумасшедший.

— Безумие может быть только отражением обычного эмоционального смятения. Страх сумасшествия может вызвать, я считаю, уход в то самое безумие, которого боятся. Это только поверхностный парадокс. Безумие — это стремление упростить природу мира, уход в доступные метафоры. В вашем случае вы явно окружены неожиданной сложностью, следовательно, вы склонны к упрощению — этот разговор о проклятье и Аде, например, — чтобы создать мир, ценности которого недвусмысленны, непротиворечивы. Мои предки, по природе своей более близкие вам, вашим взглядам, увы, не выжили. С другой стороны, может быть так, что вы недовольны своим безумием, что вы скорее бы встретились со сложностями, разобрались бы в них. Если так, уверен, что я мог бы помочь каким-нибудь способом.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил мистер Ундервуд.

— Ерунда. Рад услужить. Мне все-равно нечего было делать почти миллион лет. Я был под угрозой «заржаветь». Благодаря тому, что я лишен каких-либо механических частей, у меня есть

возможность долгой дремы без отрицательных эффектов. Хотя, с другой стороны, я накопил так много информации, что большей уже не могу располагать.

— Так вы считаете, это — не посмертная жизнь, и я здесь не в наказание за мои грехи, и не буду находиться здесь вечно. Значит, выходит, я не мертв?

— Вы определенно не мертвы, потому что все еще можете беседовать, чувствовать, думать и испытывать физические нужды и дискомфорт…

Банк имел склонность к абстрактным рассуждениям, которые, казалось, подходили мистеру Ундервуду, хотя Джереку и Амелии быстро наскучило слушать их.

— Он напоминает мне учителя, который был у меня когда-то, — прошептала она и ухмыльнулась. — Но это именно то, что Гарольду сейчас нужно.

Всплески света не озаряли больше горизонт, и сцена потемнела. На мрачном небе не было солнца, только пыль и облака, причудливо окрашенных газов. Позади них жалобно постанывал Город, содрогаясь от возраста и напряжения.

— Что будет с вами, если ваши Города рухнут? — спросила она Джерека.

— Это невозможно. Они самовосстанавливающиеся.

— Непохоже на это.

— Пока она говорила, две металлические конструкции упали в пыль и сами рассыпались.

— Но это правда, — сказал он ей. — Это их судьба. В подобном виде они находятся тысячелетия и все-равно выживают. Мы видим только поверхность. Сущность городов не столь очевидна и жива вечно.

Она пожала плечами.

— Мы надолго задержимся здесь?

— Пока Латы не покинут планету, ведь мы искали укрытия от них?

— И когда же это произойдет?

— Уверен, что очень скоро. Или им наскучит эта игра, или нам. Тогда игре придет конец.

— И сколько человек погибнет?

— Ни одного, надеюсь.

— Вы можете воскресить любого?

— Конечно.

— Даже обитателей ваших питомников?

— Не всех. Это зависит от того, какое впечатление они оставили в нашей памяти. При воссоздании Кольца работают на основе нашей памяти.

Она не стала углубляться в расспросы.

— Да, в Конце Времени нас постигла та же участь, что и в Начале, — мрачно сказала она, — у нас не было нормальной человеческой жизни…

— Все изменится. Браннарт объясняет эти беспокойные дни, как результат хронологических флюктуаций. Мы ненадолго должны прекратить свои путешествия во времени.

— Мне бы ваш оптимизм, мистер Карнелиан.

— Благодарю, Амелия, — он снова стал расхаживать взад-вперед. Железная Орхидея говорила мне, что я был зачат в этом Городе. Кажется, это произошло с некоторыми трудностями.

Она оглянулась назад. Мистер Ундервуд все еще сидел на банке памяти, погруженный в беседу.

— Мы оставим его?

— Мы можем вернуться за ним позже.

— Договорились.

Они ступили на серебряные поверхности, которые потрескивали при их шагах, но не ломались, поднялись по черным ступенькам к причудливому мосту.

— Думаю, это будет вполне уместно, — сказал Джерек, — если я сделаю вам предложение, Амелия, как мой отец сделал предложение моей матери.

— Ваш отец?

— Загадка, которую моя мать предпочитает не разглашать.

— И вы не знаете, кто…

— Не знаю.

— Она поджала губы.

В Бромли, этого было бы достаточно, чтобы полностью исключить женитьбу, знаете ли.

— В самом деле?

— О, да.

— Но мы не в Бромли, — добавила она.

Он улыбнулся.

— Конечно нет.

— Тем не менее…

— Я понимаю.

— Пожалуйста, продолжайте…

— Я говорил, что прошу здесь, в этом Городе, где я был зачат, вашей руки.

— Вы имеете в виду, если я когда-нибудь стану свободной… Что ж, мистер Карнелиан, не могу сказать, что это неожиданно, но…

— Мибикс даг фриши хрунг! — сказал знакомый голос, и через мост промаршировал капитан Мабберс со своими латышскими стрелками, вооруженными до зубов.

Глава шестнадцатая
Череп под краской

Когда капитан Мабберс увидел их, он резко остановился, направив свой инструмент — оружие на Джерека.

Джерек почти с удовольствием смотрел на него.

— Мой дорогой капитан Мабберс… — начал он.

— Берегитесь, мистер Карнелиан! Он вооружен!

Джерек не понял причин ее беспокойства.

— Да, музыка, которую они производят, самая прекрасная, которую я когда-либо слышал.

Капитан Мабберс тронул струну. Из колоколообразного дула его оружия раздался скрежещущий звук, вокруг ободка появилось несколько слабых голубых искр. Капитан Мабберс глубоко вздохнул и бросил инструмент на камни моста.

Похожие звуки и искры получились и у других инструментов, которые держали его люди.

Кинув Переводильную Пилюлю в рот (с недавних пор он постоянно носил их при себе), Джерек сказал:

— Что привело вас в Город, капитан Мабберс?

— Занимайся своим вонючим делом, сынок, — сказал вожак космических пришельцев. — Все что мы, бравые ребята, сейчас хотим — это найти поскорее путь наружу!

— Я не могу понять, зачем вы вошли в Город, хотя… — он извиняюще посмотрел на миссис Ундервуд, которая не понимала ничего из разговоров, и предложил ей пилюлю.

Она отказалась, сложив руки на груди.

— Не получилось, — сказал один из Латов.

— Заткнись, Рокфрут, — приказал капитан Мабберс.

Но Рокфрут продолжал:

— Проклятое место оказалось так хорошо защищено, что мы подумали, что тут должно быть что-то ценное. Не везет, так не везет.

— Я сказал, заткнись, тухлая башка!

Но стрелки капитана Мабберса, казалось, теряли веру в своего предводителя. Они скрещивали свои три глаза в самой обидной манере и делали грубые жесты локтями.

— Разве фортуна покинула вас в других местах? — спросил Джерек Рокфрута. — Вы так красиво разрушали, насиловали и так далее…

— Так и было, пока…

— Заткни свою дыру, тупица! — закричал вожак.

— Да отвяжись ты! — огрызнулся Рокфрут, но, казалось, понял, что зашел слишком далеко.

Его голос стал тише, когда капитан Мабберс неодобрительно уставился на него. Даже его товарищи не одобряли болтливости Рокфрута.

— Мы немного нервничаем, — сказал один из них извиняющимся тоном.

— Еще бы! — капитан Мабберс пнул ногой свое брошенное оружие. — Все проклятые мучения, которые мы прошли, чтобы добраться до нашего корабля сначала…

— …и все, что мы уничтожили, появлялось снова, — пожаловался Рокфрут, явно довольный, что нашел общую с капитаном тему.

— …и все наши вонючие пленники вдруг исчезали, — добавил другой.

— У нас ушла почва из-под ног, — добавил жалобно капитан Мабберс. — Когда мы сели на эту планету, мы думали, что грабить будет так же легко, как вытереть твою задницу…

— С тех пор, — сказал Рокфрут, — нас преследуют неприятности. Какой смысл терроризировать людей, которые смеются над вами? И потом, эти бесконечные перемены…

— Планета иллюзий, — сказал капитан Мабберс внушительно. Его зрачки разбежались в стороны. — Это вероятно, очередная ловушка, — он сфокусировал глаз на Джереке. — Слушай, педик, ты, кажется, приличный парень. Это ловушка?

— Да нет. Никому не придет в голову намеренно преследовать вас, — успокоил его Джерек. — Мы с удовольствием принимаем гостей. А что там случилось? Кто остановил вас?

— Ну, это была ничья. Мы спасались от проклятого пара. — сказал Рокфрут. — Затем появились эти маленькие круглые мудаки. Они…

Миссис Ундервуд потянула Джерека за рукав. Он повернулся к ней. Топая по ступенькам лестницы, вверх поднимались инспектор Спрингер, сержант Шервуд и команда полицейских.

— Джи плу фигтендей вага? — сказал инспектор Спрингер.

— Флу хард! — воскликнула миссис Ундервуд.

Джереку пришлось проглотить очередную пилюлю.

— Взять их, — инспектор Спрингер махнул своим людям. — Надеть наручники!

Констебли, двигаясь, как автоматы, шагнули вперед, чтобы арестовать сломленных Латов.

— Я знал, что вы соберетесь где-нибудь рано

или поздно, — с угрозой сказал инспектор Спрингер Джереку. — Поэтому я позволил вам уйти.

— Но как вы могли последовать за нами, инспектор? — спросила миссис Ундервуд.

— Реквизировали экипаж, — важно ответил ей сержант Шервуд.

— Чей?

— О… его, — сержант ткнул пальцем назад.

Джерек и Амелия обернулись и посмотрели вниз. Там стоял Герцог Квинский в ярко-голубой униформе, похожей на форму сержанта Шервуда. Когда они встретились с ним глазами, он приветливо помахал им желтой дубинкой и дунул в серебряный свисток.

— О, небеса! — воскликнула она.

— Мы сделали его почетным Констеблем, не правда ли, инспектор? — сказал сержант Шервуд.

— Так, смеха ради, это никому не причинит вреда, — улыбнулся сам себе инспектор Спрингер, — а нам от этого только польза.

— Круфруди, хрунг! — сказал капитан Мабберс, когда его повели прочь.

Город содрогнулся и застонал. Наступила и прошла неожиданная темнота. Джерек заметил, что кожа у всех приобрела призрачно-белый,

почти голубой цвет, и глаза их стали похожи на глаза статуй.

— Проклятье! — сказал сержант Шервуд. — Что это было?

— Город… — прошептала миссис Ундервуд. — Он такой спокойный, такой молчаливый, — она подвинулась к Джереку и сжала его руку. Он был рад подбодрить ее.

— Это часто случается?

— Насколько я знаю, нет…

Все замерли, даже Герцог Квинский. Латы нервно огрызались один на другого. У констеблей отвисли челюсти. Еще одна судорога. Где-то вдали задребезжал кусок металла, и затем этот кусок с грохотом упал, но это был естественный звук. Джерек подтолкнул ее к лестнице.

— Нам лучше спуститься на землю. Если это земля.

— Землетрясение?

— Мир слишком стар для землетрясений, Амелия. Они поспешили вниз по ступенькам, и их движение заставило других последовать за ними.

— Надо найти Гарольда, — сказала миссис Ундервуд. — Это опасно, мистер Карнелиан?

— Не знаю.

— Вы сказали, что Город безопасен.

— От Латов, — Джерек с болью смотрел на ее смертельно — бледную кожу. Он моргнул, чтобы наваждение прошло, но оно осталась.

Они приблизились к Герцогу Квинскому. Герцог поглаживал свою бороду.

— Я остановился около твоего дворца, Джерек, но тебя там не было. Инспектор Спрингер сказал, что он тоже ищет тебя, поэтому мы последовали за тобой. Пришлось тебя поискать. Ты знаешь на что похожи эти Города, — он покрутил в пальцах свисток.

— Этот Город ведет себя как-то странно.

— Умирает?

— Возможно, или подвергается какому-то радикальному изменению. Города, говорят, способны восстанавливать себя. Может быть, это?

— Не похоже…

Герцог кивнул…

— Хотя он не может сломаться. Города бессмертны.

— Сломаться внешне, возможно.

— Будем надеяться, что этим все ограничится. У тебя болезненный вид, Джерек, мой дорогой.

— Я думаю, мы все так выглядим. Свет.

— Действительно, — Герцог сунул свисток в

карман. — Ты знаешь мои инопланетяне исчезли, пока Латы буйствовали. Они добрались до своего корабля вместе с Юшариспом и Монгровом.

— Они улетели?

— О, нет. Они все испортили. Латы, должно быть, недовольны. Они сердятся, бедняжки? Юшарисп со своей компанией одолели их! — Герцог засмеялся, но звук показался таким неприятным, даже для его собственных ушей, что он замолчал.

— Ха, ха…

Город, казалось, накренился, как если бы все опоры скользнули вниз со склона. Они восстановили свое равновесие.

— Нам лучше пройти к ближайшему выходу, — сказал один из констеблей гулким голосом. — Идти, а не бежать. Если никто не будет паниковать, мы всех быстро эвакуируем.

— Мы получили то, за чем пришли, — согласился сержант Шервуд. Его униформа окрасилась в серый цвет. Он продолжал обмахивать ее, будто считал цвет пылью, приставшей к ткани.

— Где мы оставили штуку, на которой прибыли? — инспектор Спрингер снял шляпу и вытер ее изнутри платком. Он посмотрел вопросительно на Герцога Квинского. — Внимание, почетный

Констебль! — его усмешка была фальшивой и ужасной. — Где летающая машина?

Некоторое мгновение Герцог Квинский был настолько озадачен манерами инспектора, что просто смотрел на него.

— Воздушный корабль, хо-хо-хо, который принес нас сюда? — инспектор Спрингер вернул на место свою шляпу и быстро сглотнул два или три раза.

Герцог неопределенно ответил:

— Кажется, там, — он медленно развернулся, покачивая своей дубинкой (ставшей коричневой). — Или там.

— Проклятье! — сказал инспектор с отвращением.

— Мибикс? — произнес рассеянно капитан Мабберс, как будто думая о чем-то другом.

Земля издала стонущий звук и содрогнулась.

— Гарольд!

Миссис Ундервуд дернула Джерека за рукав. Он заметил, что белая ткань его костюма стала пятнисто-зеленой.

— Вы должны найти его, мистер Карнелиан.

Когда Джерек и Амелия побежали назад, туда, где они оставили ее мужа, инспектор Спрингер кинулся за ними рысцой, потом его люди, неся

между собой ворчащих, но не сопротивляющихся Латов, а за ними следовал Герцог Квинский, немного повеселев от перспективы действий. Без динамичных событий, насыщенных сенсациями, жизнь его теряла всякий смысл.

На бегу Джерек и Амелия услышали жуткие и пронзительные модуляции свистка Герцога, который вслед за этим зычно прокричал:

— Эй! Эге-гей.

Раскаленная органика пульсировала под их ногами, каждый шаг вызывал болезненный шепот земли. Наконец, они достигли прогнившей металлической площадки, где сквозь сумрак можно было различить Гарольда Ундервуда, погруженного в размеренную беседу со своим другом. Он поднял голову.

— Ха! — тон его смягчился. — Вот вы и здесь, суета сует привела вас сюда, притворство и ханжество бессмысленны.

Очевидно собеседник не произвел глубокого впечатления на его убеждения.

Равнина судорожно вздохнула, подалась и стала лощиной в милю шириной, похожей на преисподнюю.

— Я лучше сделаю новый аэрокар, — сказал Герцог Квинский, резко останавливаясь.

Гарольд Ундервуд подошел к краю обрыв и заглянул вниз. Он почесал соломенные волосы, нарушив пробор…

— Так, значит есть, по меньшей мере, еще один уровень, — задумчиво произнес он. — Это как-то успокаивает, — он продолжал дальнейшие исследования, пока отверженная им супруга не оттащила его назад.

Герцог Квинский без устали вращал все свои Кольца Власти.

— Наши Кольца не действуют в самом Городе? — спросил он у Джерека.

— Не могу припомнить.

За их спинами бесшумно взорвалось здание. Они смотрели как обломки пыли плыли над их головами. Джерек заметил, что кожа у них всех теперь имела пятнистый, мерцающий оттенок цвета жемчуга. Он придвинулся ближе к Амелии, все еще вцепившейся в своего благоверного (единственного безмятежного участника этой импровизированной вечеринки). Все отошли прочь от лощины, огибая Город.

— Редкий случай, когда энергии Города не хватает, — сказал неподвижный собеседник Гарольда Ундервуда. — Кому могла понадобиться такая мощность?

— Вам известно, что стала причиной такого беспорядка?

— Нет. Нет. Возможно, это проблемы превращения. Как сказать? Попытайтесь связаться с центральным философским отделом, хотя я думаю, что я — все что от него осталось. Если я только не составляю его целиком. Кто скажет, что является частью, а что — целым? И если целое содержится в одной части или часть в целом, или целое и часть различны не в терминах размера или емкости, а в существенных свойствах…

Стыдясь своей невежливости, Джерек продолжал путь мимо камня.

— Было бы чудесно обсудить эти вопросы — сказал он, — но мои друзья…

— Круг — это круг, — сказал Гарольд Ундервуд. — Мы без сомнения, вернемся назад. Прощайте, пока, — бормоча, под нос, он позволил Джереку и Амелии увести себя.

— Несомненно, несомненно. Природа реальности такова, что ничто не может, по определению, быть нереальным, если оно существует, а так как все может существовать, если его можно представить, тогда все, о чем мы говорим, как о нереальном, а действительности реально…

— Аргументы более, чем скромные, — сказал

негромко Гарольд Ундервуд, как бы извиняясь. — Я не верю, что оно имеет то значение, о котором заявляет. Ладно. Кто мог бы поверить, что Данте-Католик оказался таким точным, в конце концов! — Он улыбнулся. — Но теперь мы можем забыть эти сектантские развлечения. Проклятия положительно расширяют кругозор!

Миссис Ундервуд судорожно вздохнула.

— Что за шутки, Гарольд?

Он просиял.

— Что-то живое, возможно, животное перебежало им дорогу и скрылось в недрах города.

— Мы на краю, — сообщил Герцог Квинский. — Хотя ничего, кроме черноты, не различить. Неисправность силового экрана?

— Нет, — сказал Джерек, который находился впереди него. — Город все еще излучает немного света. Я вижу только пустыню.

— Там нет солнца, — всмотрелась вперед Амелия. — И звезд.

— Вы хотите сказать, что планета мертва? — присоединился к ним Герцог Квинский.

— Да, там пустыня. Что стало с нашими друзьями?

— Наверное, поздно говорить об этом, но лучше поздно, чем никогда! Я прощаю вас, Амелия, —

сказал вдруг Гарольд Ундервуд.

— Что, Гарольд?

— Теперь это не имеет значения. Вы, конечно, были любовницей этого человека. Вы прелюбодействовали, поэтому вы оба здесь.

С некоторой неохотой Амелия оторвала взгляд от безжизненного пейзажа. Она нахмурилась.

— Я все-таки не ошибся, — не мог остановиться ее спутник жизни.

Ошеломленная, она переводила взгляд с Джерека Карнелиана на Гарольда Ундервуда и обратно. На губах Джерека появилась удивленная полуулыбка. Амелия беспомощно махнула рукой.

— Гарольд, в такой момент?…

— Она любит меня, — сказал Джерек.

— Мистер Карнелиан!

— Вы его любовница? — Гарольд Ундервуд ласково протянул руку к ее лицу. — Я не виню вас, Амелия.

Она глубоко вздохнула и коснулась руки мужа.

— Вы почти правы, Гарольд. В душе, да. И я люблю его.

— Ура! — закричал Джерек. — Я знал, я знал! О, Амелия, это счастливейший день в моей жизни!

Остальные повернулись и уставились на них. Даже Герцог Квинский казался шокированным.

Вдруг, откуда-то с небес над их головами гулкий голос, полный мрачного удовлетворения, стал вещать:

— Я говорил вам это! Я говорил вам всем это! Смотрите — это Конец Света!

Глава семнадцатая
Некоторая путаница, касающаяся природы катастрофы

Лорд Монгров посадил на землю большой черный яйцеобразный воздушный корабль с вмятиной на самом верху. Печать глубокой меланхолии лежала на чертах гиганта, когда он вышел из судна, показывая правой рукой на опустевший Город, где даже ветерок не шевелил бесплодную пыль в подобие присутствия жизни.

— Все исчезло, — вещал Монгров. — Города не в силах пережить наши забавы. Они едва поддерживают себя. Мы — последние выжившие из человечества, и неизвестно, сколько нам времени отпущено? Почти все путешественники во времени вернулись в свои эпохи, космические путешественники в свои корабли, хотя от них нет проку. Юшарисп и его люди сделали все, что могли, но они могли бы сделать больше, Герцог,

если бы вы не были так глупы. Зачем вам понадобилось сажать их в свой питомник?

— Я хотел удивить вас, — неловко оправдывался Герцог, не в силах оторвать глаз от пустыни. — Вы считаете, что там совершенно нет жизни?

— Города — это оазисы в пустыне, которой является наша Земля, — подтвердил Монгров. — Планета неминуемо разрушится.

Джерек почувствовал руку миссис Ундервуд, ищущую его. Он крепко сжал ее. Она храбро улыбнулась в ответ.

Герцог продолжал вращать бесполезные теперь Кольца Власти.

— Я начинаю ощущать горечь утраты, — сказал он наполовину себе. — Что, и Миледи Шарлотина исчезла? И Епископ Тауэр? И Сладкое Мускатное Око? И Эдгаросердный По?

— Все кроме тех, кто здесь.

— А Вертер де Гете?

— Вертер тоже.

— Позор! Вот кто мог порадоваться этой сцене!

— Вертер больше не флиртует со смертью. Смерть потеряла терпение и забрала его, — Лорд Монгров вздохнул. — С минуты на минуту я встречусь с Юшариспом и остальными. Тогда мы узнаем, сколько времени у нас осталось.

— Значит, наше время ограничено? — спросила миссис Ундервуд.

— Вероятно.

— Черт, — брякнул инспектор Спрингер, до которого начало доходить значение слов Монгрова. — Просто невезение! — он снова снял шляпу. — Мы потеряли шанс на возвращение? Вы не видели здесь больших машин времени, а? Мы прибыли сюда по очень важному делу…

— Ничего не существует за пределами Городов, — повторил Монгров. — Я думаю, ваш коллега, путешественник во времени, помогал в общем бегстве отсюда. Мы считали вас мертвыми.

На мгновение за их спинами Город пронзительно вскрикнул, но быстро затих. Кровавые облака поднялись клубами в атмосферу. Город походил на тяжело раненного.

— Итак, он вернулся… — продолжал инспектор Спрингер. — Вы уверены, а?

— Сожалею, но факты говорят об этом. Если ему не повезло, он, возможно, оказался пойманным в общем хаосе уничтожения. Все произошло очень быстро. Атомы очень быстро распадаются. Как и наши атомы, без сомнения, распадутся в конце концов. И тогда все планеты присоединятся к

вселенной.

— О, господи! — сержант Шервуд скривился.

— Хм, — инспектор Спрингер пощипал усы. — Не знаю, что скажет Премьер, но там совершенно некому пролить света на это дело.

— И здесь тоже некому, — добавил сержант Шервуд. — Да, хорошенькое дельце, — он, казалось, обвинял инспектора. — Дорого же нам обошлось повышение!

— Настал час примирения с судьбой, — предложил Гарольд Ундервуд. — Здесь не место никчемным амбициям. Мы все оказались здесь, и перед нами разверзлась вечность. Так предадимся покаянию!

— Успокойтесь, мистер Ундервуд, это всего лишь обыкновенная хорошая трещина, — сказал инспектор, но плечи его поникли.

— Может еще есть шанс на спасение, инспектор?

— О каком спасении вы говорите, сэр, — спросил сержант Шервуд.

— Я имел в виду, что человеку может быть даровано Царствие Небесное даже после того, как он попал сюда, если тот поймет, почему он оказался здесь…

— Здесь?

— В Аду.

— Вы думаете это…

— Я знаю это, сержант, — просиял Гарольд Ундервуд, полностью расслабляясь, чего с ним не случалось никогда. Счастье его было безгранично и неподдельно. Это несколько утешило Амелию, которая все время находилась подле него.

— Все это напомнило мне одну историю о Джоне Баньяне, странствующем пилигриме, — начал мистер Ундервуд, дружески обняв за плечи сержанта Шервуда. — Если вы помните рассказ…

Они пошли вместе вдоль периметра Города.

— Вполне возможно, что мы все заблуждаемся сейчас, — сказала миссис Ундервуд. — В конце концов, мы можем как-то избежать печальной судьбы, Лорд Монгров?

— Юшарисп и его товарищи сейчас пытаются проникнуть в суть. При бережном использовании тех ресурсов, что мы еще не растратили, Можно поддерживать небольшой искусственный сосуд в исправности несколько сотен лет. Хотя не всем хватит места в нем, придется выбирать самых сильных и достойных…

— О, это что-то вроде Ноева Ковчега?[53] — предположила она.

Ссылка на Ковчег ничего не значила для Лорда Монгрова, но он был вежлив.

— Если хотите, это означает жизнь в самых суровых и неблагоприятных условиях. Там не будем места этим танцулькам и вечеринкам. Самодисциплина — вот залог нашего спасения. Мы воспользуемся всей информацией, накопленной городами, и будем терпеливо ждать.

— Чего? — ужаснулся Герцог Квинский.

— Ну, какой-нибудь счастливой случайности…

— Например?

— Никто не знает, что будет вслед за разрушением. Может, появятся новые солнца и планеты. О, я знаю, это маловероятно, Герцог, но жить надеждой лучше, чем обречь себя на покорное вымирание.

— Может, вы правы, — ответил с некоторым достоинством Герцог Квинский, — но я не стремлюсь попасть в ваш дрейфующий питомник.

— Отбор будет проводиться по справедливости.

---

[53] notes: 53

«о… о, о… о, *это что-то вроде Ноева Ковчега…*»

Ной — в Ветхом Завете — праведник, спасшийся вместе с семьей на построенном по велению Бога Ковчеге во время Всемирного потопа. Ной на Ковчег взял по паре каждого вида животных и птиц, потомство которых заселило землю после Всемирного потопа.

Я не буду судьей, все решит жеребьевка.

— Это ваш план, Лорд Монгров? — спросил Джерек.

— Ну, мой и Юшариспа.

— И он привлекает вас.

— Дело не в том, что привлекает или не привлекает, Джерек. Это вопрос о жизни и смерти. У нас нет выбора! Поймите вы! Больше нет выбора! — голос Монгрова стал почти дружелюбным. — Джерек, твое детство закончилось. Настало время повзрослеть, понять, что мир перестал быть твоим моллюском.

— Вы имеете в виду устриц? — уточнил инспектор Спрингер.

— Я думаю, да, — сдержанно согласилась миссис Ундервуд, в которой всякая мысль о морской Нище вызывала до сих пор приступ тошноты. Вы неправильно поняли, я говорил о куда более серьезных вещах. Неужели вы не сознаете, что мы в двух шагах от всеобщего забвения! — он посмотрел вверх, — Вот и наши спасители!

С пронзительным шумом знакомая асимметричная куча, которая была космическим кораблем Юшариспа, начала опускаться рядом с яйцом Монгрова. Почти сразу же послышалось негромкое потрескивание, открылась дверь. Из

нее показался Юшарисп (по крайней мере, что-то очень похожее на него), а за ним его коллеги.

— Так много (хрям-с-с) уцелевших! — воскликнул Юшарисп. Вы (грям-с-с) должны быть (дрям-с-с) благодарны! Наш пламенный привет с планеты Пупли… — Юшарисп поднял одну из своих ноги начал возиться с чем-то на своем округлом теле.

Другой пуплианец (вероятно, КПС Сашурик), сказал:

— Я надеюсь (хрум-сь), что Лорд Монгров оповестил вас о Конце Света (тпрру), и что вы должны теперь подчиниться (скр-р-р) нашей железной дисциплине, если хотите продлить свою жизнь (скр-р-р-р)…

— Препротивная идейка, — возмутился Герцог Квинский.

В голосе пуплианца заиграли злорадные нотки:

— Прошло то время (хрю-хрю), Герцог Квинский, когда мы были рабами (гав-гав) ваших прихотей. Нет вам прощения (бес-бес)!

— Нашли с чем сравнить, тогда все было иначе.

— Конечно (хрю хрю).

Герцог Квинский погрузился в мрачное мол-

чание.

— Мы установили (скр-р-р), что в ваших городах, — продолжал Юшарисп, — еще теплится жизнь (гр-р-р-р), и похоже, это будет (скр-р-р) продолжаться достаточно долго (гр-р-р-р), поэтому у нас есть время на эвакуацию (скрр-р). Если найти возможность использовать их энергию…

Джерек поднял руку, на которой сверкали Кольца Власти.

— В этих Кольцах есть сила, Юшарисп. Мы пользовались ими много миллионов лет.

— Мы не нуждаемся в ваших безделушках (хряп-сс), Джерек Кар (роор) нелиан.

— Эти препирательства нагнали скуку, — шепнул Джерек на ухо Амелии. — Давайте уйдем отсюда, мне хочется сказать вам многое.

— Мистер Карнелиан, пуплианцы горят желанием помочь нам!

— Их помощь несуразна, Амелия. Или вы соскучились по питомнику?

— Это не совсем то же самое. И потом они сказали, что у нас нет выбора.

— Выбору насесть. Если Города живы, мы сможем жить в них какое-то время, свободные и раскованные, совсем одни!

— Неужели вы не боитесь уничтожения? Не-

смотря на то, что вы видели пустыню — вон там?

— Я не очень понимаю смысл слова «страх». Давайте немного прогуляемся, и вы объясните мне это.

— Ну что ж. Давайте прогуляемся, — ее рука все еще лежала в его.

Они пошли прочь.

— Куда вы (скр-р-р) собрались? — завопил потрясенный Юшарисп.

— Мы вас догоним чуть позже, — успокоил его Джерек. — Нам нужно кое-что обсудить.

— На это нет времени! (грр-р-р). Не осталось времени (фрр-р)…

Но Джерек не обращал на него внимания, на скрипящего спасителя. Они направились к Городу, где уже исчезли незадолго до этого Гарольд Ундервуд и сержант Шервуд.

— Это (тяф-тяф) — безумие! — кричал Юшарисп. — Вы отвергаете (скр-р-р) нашу помощь после всех наших усилий? После того, как мы простили вас (ууу-ых)!

— До сих пор останется неясной, — ответил Джерек, вспомнив свои манеры, — природа катастрофы. Поэтому…

— Неясной? Разве она (скр-р-р) неочевидна?

— Вы, кажется, настаиваете, что здесь один

ответ?

— Я предупреждал тебя, Джерек, — сказал Монгров. — У нас нет выбора!

— Ага! — Джерек продолжал тянуть Амелию к Городу.

— Это и есть Конец Времени. Конец Материи! — Монгров окрасился в очень странный цвет. — Может, нам осталось только несколько мгновений!

— Значит, нужно их провести как можно спокойнее, — ответил ему Джерек.

Он обнял Амелию за плечи. Она прижалась к нему улыбаясь… Они завернули за угол разрушенного здания и губы их слились в долгом поцелуе.

— Наконец-то я нашел вас, — раздался дружелюбный голос. — Кажется, я успел вовремя.

На этот раз Джерек не обернулся, пока не поцеловал Амелию Ундервуд.

Глава восемнадцатая, в которой открывается правда и намечаются определенные отношения

Вспышка красного мерцающего света обратила фигуру путешественника во времени (так как это был он) в силуэт. Город забормотал что-то

на момент, будто бы, в своей дряхлости, только сейчас осознал опасность. Голоса доносились из банков памяти. Чуть ли не истеричная болтовня производила довольно тревожное впечатление, пока не затихла. Амелия, очнувшись от поцелуя, почувствовала, что за ними наблюдают. Их уста разомкнулись, она улыбнулась Джереку, а затем они оба повернули головы к путешественнику во времени, который ждал, рассеянно изучая какие-то детали покрытой мхом конструкции, пока они не закончили.

— Извините, — сказал Джерек, — но в связи с неопределенностью будущего…

— Конечно, конечно, — путешественник не слышал Джерека. Он махнул рукой. — Должен признаться я не знал, что это будет такой дьявольской работой — доставить пассажира назад прежде, чем вернуться сюда. Я отсутствовал пару часов, да? Поразительное равновесие. Кто-нибудь еще вернулся?

Джерек прочел по выражению лица Амелии, что она не одобряет легкомыслия путешественника.

— Вы знаете, сэр, что наступает Конец Света? Это должно произойти с минуты на минуту.

— Гм, — он кивнул в подтверждение, не прояв-

ляя к этим словам ни малейшего интереса.

— Здесь Герцог Квинский, — Джерек удивился неожиданному ветерку, несущему запах гиацинтов. Он поискал источник, но ветерок утих. — И Юшарисп из космоса, и инспектор Спрингер, и Лорд Монгров, и капитан Мабберс, и остальные.

Путешественник нахмурился.

— Нет, нет, я имею в виду людей из Общества!

— Общество? — переспросила миссис Ундервуд, на мгновение перенесшись в Бромли. Затем она поняла смысл вопроса. — Гильдия! Они должны быть здесь? Они надеются спасти кого-нибудь?

— Мы договорились о встрече. Это казалось самым удобным местом. В конце концов, дальше идти некуда! — путешественник во времени прошел несколько ярдов к месту, где стояла его немного потрепанная машина, латунь которой отражала красные блики Города. — Одни небеса знают, как повредила эта поездка моей машине. Она не была готова к подобным испытаниям. Я прибыл сюда, чтобы проконсультироваться у Членов Гильдии, где достать запасные части и как вернуться в свою собственную вселенную, — он похлопал по эбонитовой раме. — Тут в ней трещина, и ее хватит на пару приличных путешествий.

— Значит, вы прибыли не для того, чтобы увидеть Конец Света? — Джерек мечтал вернуть былую силу своим Кольцам Власти, чтобы заказать себе теплое пальто. Он продрог до костей.

— О, нет, мистер Карнелиан! Мне наскучило это зрелище! — путешественник мило улыбнулся. — Это просто удобное во времени место.

— Но вы могли бы спасти инспектора Спрингера и его людей и моего мужа — взять их обратно, — сказала миссис Ундервуд. — Вы, в конце концов, привезли их сюда.

— Вы хотите обвинить меня в их трудностях? Это не так. Премьер реквизировал мою машину, хотя я не хотел содействовать ему в этом деле. По сути меня жестоко шантажировали, миссис Ундервуд. Я не слышал таких изощренных угроз от Британских чиновников. Это Лорд Джеггед выдал меня. Я работал в глубочайшей тайне и по наивности доверил кое-какие открытия.

— Вы знакомы с Лордом Джеггедом?

— Как спутник по путешествиям во времени.

— Он все еще в девятнадцатом столетии!

— Он исчез вскоре после того, как со мной вступил в контакт Премьер. Я думаю, он вначале хотел реквизировать мою машину для своей собственной пользы и использовал свои знакомства

с различными членами правительства. Видите ли, его машина неисправна.

— Значит, его больше не было в 1896 году, когда вы отбыли оттуда? — Джерек хотел услышать новости о своем друге. — Вы знаете куда он отправился?

— У него была какая-то теория, которую он хотел проверить. Путешествие во времени без машины. Я считал это опасным и сказал ему об этом. Я не знал, что он задумал. Должен сказать, меня не заботит его судьба. Неприятный человек. Слишком сильно он подвел меня, втянув в свои грязные интриги.

Джерек не слушал критические рассуждения путешественника во времени.

— Вы плохо знаете его. Он столько раз выручал меня.

— У него есть свои достоинства, но он слишком эгоистичен. Он играет в Бога, а я не люблю этого. Встречаются подобные путешественники во времени, но все они плохо кончают.

— Вы думаете, Лорд Джеггед погиб? — спросила его миссис Ундервуд.

— Более, чем вероятно.

Джерек был благодарен за руку, которую она подала ему.

— Я считаю, что это ощущение очень близко к «страху», о котором ты говорила, Амелия. Или, может быть, к «горю»?

Она почувствовала угрызения совести:

— О, это — моя вина. Я не научила тебя ничему, кроме боли. Я лишила тебя твоей жизнерадостности!

Он был удивлен.

— Если радость исчезает, Амелия, то перед лицом опыта. Я люблю тебя, и, кажется, нужна плата за этот экстаз, который я чувствую.

— Плата! Ты никогда не упоминал о подобной вещи прежде! Ты принимал доброе и не понимал дурного, — она говорила тихо, чтобы не услышал путешественник во времени.

Джерек поднес ее руку к губам, целуя сжатые пальцы.

— Амелия, я сказал об этом потому, что оплакиваю потерю Джеггеда и моей матери.

— Я стала неуравновешенной, — сказала она. — Все эти происшествия разбередили мне душу… — и она засмеялась, хотя на ее глазах выступили слезы. — Да это просто истерика. Но я больше не могу ждать гибели или спасения.

Он притянул ее к себе и поцеловал в глаза. Она сразу же попыталась взять себя в руки и стала

вглядываться в мрак умирающего Города с печалью и скорбью.

Все говорило о полном упадке, и Джерек разуверился в своих словах, которыми он осыпал Амелию, убеждая, что все изменения незначительны. Там, где раньше почти на милю простиралась освещенная панорама конструкций и зданий, теперь была кромешная тьма. Джерек всерьез начал подумывать, не попросить ли космического кэбмена взять их с собой в 1896 год, несмотря на риск подвергнуться эффекту Морфейла (который действовал на них совершенно иначе, чем на всех остальных).

— Все это — солнечное сияние, — сказала она, — оно было фальшивым, как я и предполагала. Ты не знаешь тепла и света настоящего солнца, бедный Джерек! Весь твой мир, Джерек, был ложью!

— Ты несправедлива, Амелия. Все эти Города были созданы для того, чтобы люди в них чувствовали себя не ущемленными, а полноценными. Нет, Города служили нам хорошо.

Ее настроение изменилось. Она отодвинулась от него.

— Так жестоко, что они вышли из строя именно сейчас.

— Амелия… — он придвинулся к ней.

В этот момент рядом с хронобусом путешественника во времени без всякого предупреждения появилась черная сфера, с отраженными в мерцающем корпусе руинами Города.

Джерек и Амелия увидели, как повернулась крышка люка, и появились две одетые в черное фигуры, сдвигая назад дыхательные аппараты и очки. Это были миссис Уна Персон и капитан Освальд Бастейбл.

Капитан Бастейбл улыбнулся, увидев их.

— С благополучным прибытием. Рад видеть вас живыми и невредимыми.

Путешественник во времени подошел к молодому капитану и крепко пожал ему руку.

— Рад, что вы прибыли на рандеву, старина. Как поживаете, миссис Персон? Рад снова видеть вас.

Капитан Бастейбл был в хорошем настроении.

— Это стоит увидеть, да?

— Вы еще ни разу не видели Конец Света?

— Нет, откуда?

— Я так надеялся на ваш совет.

— Мы постараемся вам помочь. Но человек, который вам нужен, это Лорд Джеггед. Именно он…

— Его здесь нет, — путешественник сунул обе руки в карманы куртки. — И вообще, это вопрос, выжил он или нет.

Уна Персон тряхнула своими короткими волосами. Она рассеянно оглянулась вокруг, когда здание, казалось, протанцевало несколько футов по направлению к ней, сложившись как гармошка.

— Меня никогда не привлекали подобные места. Это Танелорн?

— Шаналорм, — поправил ее Джерек, который держался в стороне, хотя отчаянно хотел узнать новости о своем друге.

— Даже имена перепутались. И долго это будет продолжаться?

Считая, что он правильно понял ее вопрос, Джерек ответил.

— Монгров считает, что это минутное дело. Он говорит, что сама планета распадается.

Миссис Персон вздохнула и устало потерла глаза.

— Мы должны уточнить координаты, капитан Бастейбл. Условия благоприятные. Грех не воспользоваться такой возможностью…

Капитан Бастейбл извиняюще пожал плечами.

— Да, информация на редкость ценная. Не каждый день выпадает такой интересный случай.

— Я пытаюсь вернуться в свою вселенную, — начал путешественник во времени. — Я рассчи-

тывал на ваш опыт в решении подобных проблем. Мне необходима ваша помощь.

— Это вопрос пересечений, — ответила миссис Персон. — Вот почему я хочу сосредоточиться на координатах. Условия превосходные.

— Вы сможете помочь?

— Надеюсь, — она не горела желанием обсуждать этот вопрос. Вежливо, хотя и с неохотой, путешественник во времени замолчал.

— Вы все очень легкомысленно относитесь к этим событиям, — Амелия Ундервуд бросила осуждающий взгляд на маленькую группу, — Даже эгоистично. Есть возможность спасти хотя бы часть людей, переместить их сквозь время. У вас ни малейшего чувства сострадания. Вы не понимаете всей глубины трагедии. Неужели все благородные стремления нашей расы исчезли без следа?

— Миссис Ундервуд, вы увлеклись мелодраматическими интерпретациями, — устало заметила Уна Персон.

— Миссис Персон, это больше, чем просто мелодрама. Это — полное вымирание!

— Для некоторых, возможно.

— Но не для вас, путешественников во времени. Неужели вы не приложите усилий, чтобы

помочь другим?

Миссис Персон с трудом подавила зевок.

— Перед нами иные задачи, миссис Ундервуд. Не думайте, что я такой несознательный человек, но после долгих и тяжелых испытаний начинаешь смотреть на мир другими глазами. Кроме того, я не думаю… о, небеса! Что это?

Все проследили за ее взглядом, направленном к низкой линии руин. Там в полутьме скакала, очевидно по верхушкам обломков, процессия из дюжины объектов куполообразной формы. Джерек и Амелия сразу же узнали в объектах шлемы бравых констеблей и инспектора Спрингера. До них донесся слабый звук свистка.

Через несколько секунд, когда в руинах появился просвет, всем стало ясно, что это погоня. Латы пытались убежать от своих пленителен. Их маленькие грушевидные тела быстро двигались по упавшим стенам, но люди инспектора Спрингера настигали их.

Крики Латов и полицейских стали отчетливыми.

— Хрунт мибикс феркит!

— Стой! Стой! Именем закона! Хватай его, Уич!

Латы спотыкались и падали, но умудрялись ускользнуть от преследователей, несмотря на

то, что большинство из них, кроме капитана Мабберса и, возможно, Рокфрута, были все еще в наручниках.

Снова заверещали свистки. Латы скрылись из виду, но вскоре вновь появились недалеко от сферы времени миссис Персон, увидели группу людей и растерялись, не зная в какую сторону теперь бежать.

Полицейские, верные своему долгу до самого Трубного Гласа продолжали неутомимо преследовать свою добычу.

Вскоре и Латы, и полицейские скрылись из виду, и миссис Персон, потерявшая свое прежнее полуутомленное жеманство, продолжила беседу.

— Я понятия не имела, что здесь есть еще кто-нибудь! Постойте! Не те ли это инопланетяне, которых мы посылали сквозь время? Они должны были покинуть вашу планету.

— Они сперва захотели ограбить и уничтожить все, что можно, — объяснил Джерек. — Но пуплианцы остановили их. Я заметил, что пуплианцам доставляет огромное удовольствие останавливать всех и вся! Это час их триумфа. Они шли к нему так долго, поэтому не стоит осуждать их. Пусть себе ликуют.

— Вы хотите сказать, что в Городе есть еще одна

раса космических путешественников? — спросил капитан Бастейбл.

— Да, пуплианцы, как я сказал. У них разработан план выживания, но мне он не по душе, Герцог Квинский.

— Он здесь! — просветлела миссис Персон.

Капитан Бастейбл немного нахмурился. — Вы знакомы с Герцогом?

— О, мы старые друзья.

— И Лорда Монгрова?

— Я слышала о нем, — сказала миссис Персон, — но никогда не имела удовольствия встретиться с ним. Тем не менее, если есть такая возможность…

— Я буду рад представить вас. Если, конечно, наш маленький оазис не развалится прежде, чем у меня появится шанс.

— Мистер Карнелиан! — Амелия потянула его за руку. — Сейчас не время для светской беседы. Мы должны убедить этих людей спасти столько жизней, сколько возможно!

— Я забылся. Так приятно было узнать, что миссис Персон — друг Герцога Квинского. Мы должны разыскать его, дражайшая Амелия. Я уверен, он обрадуется встрече со старой знакомой!

Миссис Ундервуд пожала своими прекрасными

плечами и тяжело вздохнула. Она, казалось, начала терять интерес ко всему происходящему.

Глава девятнадцатая, в которой излагаются различные мнения, и отношения развиваются дальше

Уловив недовольство Амелии и стараясь угодить ей, Джерек припомнил кое-что из Уэлдрейка:

Так закрывается крышка над нами

(Труп окликает труп, и цепь звенит о цепь).

Падает дерзкая соринка на сцену,

(И наша боль еще сильнее).

Теперь никому среди нас

Не нужно искать чертоги смерти…

Капитан Бастейбл подхватил последнюю строчку, в надежде на одобрение не Джерека, но миссис Ундервуд.

— О, Уэлдрейк, — начал он, — всегда подходит…

— О, скучный Уэлдрейк! — сказала миссис Ундервуд и зашагала в направлении, откуда они

пришли с Джереком, но резко остановилась, когда послышался приветливый голос:

— Вот ты где, Амелия! Мы с сержантом Шервудом обсуждали вклад Женщины в Грех. Неплохо бы услышать твое мнение по этому поводу!

— Пошел ты к черту, Гарольд!

Она не могла поверить, как у нее повернулся язык сказать такое.

— О, дорогой…

Если Гарольд и услышал, он, без сомнения, воспринял ее проклятие, как еще одно доказательство ее падения. Неуловимая ухмылка коснулась его уст.

— Чуть позже… — его пенсне поблескивало, а глаза, казалось, метали пламя. Он вернулся к разговору с сержантом, медленно удаляясь от падшей супруги.

В это время к ней подбежал Джерек:

— Я обидел тебя, моя дорогая! Я думал…

— Наверное, я тоже спятила, — сообщила она, — никто, кроме меня не принимает Конец Света всерьез, — но она говорила без убеждения.

— Почему? Юшарисп и пуплианцы принимают это всерьез, дорогая Амелия. И Лорд Монгров. Но я не думаю, что у тебя есть желание стать их сподвижницей.

— Я всегда делаю то, что считаю правильным.

— Даже ссоришься?

— О, это несправедливо! — она зашагала дальше.

Они увидели перед собой космический корабль пуплианцев. Инспектор Спрингер и Герцог Квинский стояли с поднятыми вверх руками.

Стоя на трех конечностях, Юшарисп или один из его товарищей держал в четвертой ноге или руке предмет, которым угрожал инспектору Спрингеру и Герцогу Квинскому.

— О, небеса! — Амелия заколебалась. — Они применяют силу! Кто бы мог подумать?

Лорд Монгров был подавлен поворотом событий. Он стоял в стороне, бормоча себе под нос:

—Я не уверен! Я не уверен!

— Мы решили (хрям-хрум) действовать ради вашего собственного блага, — говорил Юшарисп двум задержанным. — Остальных мы уговорим со временем. Теперь, будьте любезны, войдите в корабль…

— Уберите оружие! — властная команда сорвалась с губ Амелии Ундервуд. Она сама казалась удивленной ею. — Разве Конец Мира означает Конец Закона. Кому нужна такая жизнь, где правят насилие и беззаконие. Чем мы лучше диких

животных после этого?

— Мадам (хрю-хря), вы что, не понимаете, что время не терпит? — Юшарисп был сбит с толку, оружие заколебалось.

Увидев это, Герцог Квинский опустил руки.

— Как только опасность (хряк-бряк) минует, мы перестанем применять оружие, — сказал другой пуплианец, вероятно, КПС Сашурик. — Не в нашей (скр-р-р) природе прибегать к насилию или угрозам.

— Нам уже надоели ваши нудные угрозы! — перебила его Амелия. — Ваши аргументы настолько жалки и беспомощны, они никогда не убедят обитателей этого мира — не моего мира, должна заметить, я не одобряю их поведения, как и вы. И то, что вы взялись за оружие, лишний раз говорит о вашем бессилии.

— Это не так (скр-р-р), просто, мадам, это — вопрос жизни и смерти…

— Да это не так просто, — сказала она спокойно, — но вы почему-то все упрощаете, мистер Юшарисп.

Джерек восхищенно посмотрел на нее. Как всегда, ее доводы были не совсем понятны ему, но само вмешательство Амелии выглядело внушительно.

— Эти люди, — продолжала она, — сами в состоянии решить свои проблемы. А вы делайте то, что считаете нужным для себя.

— Лорд Монгров (скр-р-р) просил нас о помощи, — сказал КПС Сашурик горестным тоном, — не слушайте ее, Юшарисп (скр-р-р). Наш долг — продолжать (хрям) нашу миссию!

Отросток с оружием стал устойчивее. Герцог Квинский медленно поднял руки вверх, но подмигнул Джереку Карнелиану.

Гулкий бас Лорда Монгрова прервал диспут:

— Должен сказать, Юшарисп, что у меня появились другие соображения…

— Другие соображения, — Юшарисп вышел из себя. — На этой (скр-р-р) стадии!

Маленький инопланетянин взмахнул оружием.

— Посмотрите в эту (хрюк) пустоту. Вы что, не видите, что Город на последнем издыхании? Лорд Монгров, я так в вас верил, а вы теперь подводите (хряк) нас. Почему (хрусь), почему?

Гигант почесал затылок, переступая с ноги на ногу в облаке пыли.

— Честно говоря, Юшарисп, мне до чертиков надоел этот — гм-спектакль.

— Спектакль! Скр-р-риии! Это не драма, Лорд

Монгров. Вы сами сказали (скр-р-р) это!

— Ну!..

— Теперь вы можете собственными глазами увидеть дьяволов в этом Аду, сержант. Посмотрите на этих ребят. Кто это, как не дьявольское отродье? — это был Гарольд Ундервуд, появившийся из-за корабля пуплианцев. — Вот вам и скептики! Вот вам и Дарвинизм, сержант Шервуд, и ваши хваленые науки! Ха! — он приблизился к Юшариспу, с некоторым удивлением рассматривая его через пенсне. — Какое искажение человеческого тела и духа, — он выпрямился, снова повернувшись лицом к сержанту. — Если повезет, сержант Шервуд, мы скоро увидим самого Врага Рода Человеческого! — кивнув тем из компании, кого он узнал, Гарольд Ундервуд продолжил свой путь.

Миссис Ундервуд смотрела вслед своему мужу.

— Должна сказать, я никогда не видела его таким спокойным. Жалко, что его не привезли сюда раньше.

— Я умываю свои (хрюк-е) ноги от вас всех! — сказал помрачневший Юшарисп, обиженно отошедший от всех и прислонившийся к своему кораблю. — Все равно большинство уже сбежало.

— Нам можно опустить руки! — спросил Герцог Квинский.

— Делайте, что (хряк-с) хотите…

— Интересно, мои люди поймали Латов? — сказал инспектор Спрингер. — Не то, чтобы это имеет смысл, просто я привык все доводить до конца. Вы меня понимаете, Герцог? — он взглянул на часы.

— О, конечно понимаю, инспектор Спрингер. У меня был план вечеринки, которая затмит все остальные, и я готов был приступить к выполнению этого проекта — репродукция в натуральную величину древней планеты Марс со всеми ее главными городами и различных культур из истории. Но при таком положении вещей…

Он посмотрел на черную бесконечность за чертой Города, перевел взгляд на руины внутри.

— Я полагаю, больше нет материалов.

— Или средств, — напомнил ему Монгров, — Вы уверены Герцог, что не хотите принять участие в этом плане спасения.

Герцог сел на полурасплавленный металлический куб.

— Он не совсем устраивает меня, дорогой Монгров. Вы сами почувствовали, что вмешательство чревато…

Куб, на котором он сидел, начал ворчать. Герцоге извинениями встал.

— Это Судьба вмешивается в вашу бесполезную идиллию! — сказал Юшарисп с некоторым раздражением. — А не люди с Пупли. Мы действовали (скр-р-р) из благородных побуждений.

Снова потеряв интерес к беседе, Джерек потянул Амелию прочь. Она на момент противилась ему, но затем подчинилась.

— Путешественники во времени и в космосе не знают еще друг о друге, — сказала она. — Не сказать ли им? Ведь только несколько ярдов разделяет их!

— Бог с ними, Амелия. Мы должны уединиться.

Выражение ее лица смягчилось. Она подвинулась к нему ближе.

— Конечно, дорогой.

Он расцвел от удовольствия.

— Будет жаль, — сказала она немного позже меланхолическим тоном, — умереть, когда мы только признались друг другу в чувстве.

— Умереть, Амелия?

Что-то вроде мертвого дерева, сделанного из мягкого камня, начало мерцать. На стволе появился экран. На нем изображение мужчины заговорило, но звука не было. Они понаблюдали

немного перед тем, как продолжить.

— Умереть? — переспросил он.

— Ну, мы должны смириться с неизбежным, Джерек.

— Как ты произносишь мое имя! Ты не знаешь, Амелия, каким счастливым делаешь меня!

— Нам осталось так мало времени, что отказ от любви к тебе кажется мне бессмысленным.

— У нас в запасе вечность!

— Да, в каком-то смысле. Но всем ясно, что Городу остались считанные минуты.

Будто опровергая ее слова, под ногами началось устойчивое пульсирование. Оно обладало силой и говорило о присутствии энергии, в то же время свечение от окружающих руин приобрело вокруг более здоровый оттенок — ярко-голубого цвета.

— Вот! Город восстанавливается! — воскликнул Джерек.

— Нет, видимость выздоровления всегда предшествует смерти.

— Что это за золотистый цвет там? — он показал на линию от все еще вращающихся цилиндров. — Это похоже на солнечный свет, Амелия!

Они побежали к источнику света. Скоро они могли ясно видеть, что лежит впереди.

— Последняя иллюзия Города, — сказал Дже-

рек.

Они оба с благоговением смотрели на простое, не слишком соответствующее окружению, зрелище. На лужайке, покрытой сочной зеленой травкой, росли прекрасные цветы, летали бабочки, жужжали пчелы и пели птички, сидевшие на невысоком вязе. Песни птиц и свежий запах травы одурманил влюбленных.

Держась за руки, они шагнули в иллюзию.

— Будто память Города воспроизвела последний образ земли в ее прелести, — сказала Амелия. — Что-то вроде памятника.

Они присели на холмик. Руины и призрачный свет были почти незаметны.

Миссис Ундервуд посмотрела вниз, где на траве под деревом была расстелена скатерть в красно-белую клетку, на которой стояли тарелки, кувшины, фрукты, пирог.

— Съедобен ли этот пикник?

— Сейчас, — он наклонился, вздыхая запах тацинтов.

— Не забывай, это скоро все кончится, — напомнила она. — Мы должны поторопиться..

Она положила голову на его колени. Он погладил ее волосы, щеку. Амелия дышала глубоко и ровно с закрытыми глазами, слушая насекомых,

наслаждаясь теплом невидимого несуществующего солнца на коже.

— О, Джерек…

— Амелия, — он наклонил голову и нежно поцеловал ее в губы во второй раз с тех пор, как они пришли в Город, it она без колебаний ответила. Его прикосновения к ее обнаженным плечам, бедрам, только заставляли ее прижиматься ближе к нему и целовать его крепче.

— Я словно девушка, — сказала она, спустя некоторое время. — Все так, как должно быть.

Он не понял ее слов, но не стал переспрашивать, а просто сказал:

— Теперь, когда ты зовешь меня по имени, Амелия, мы уже поженились, правда?

Она печально покачала головой.

— Мы никогда не сможем стать супругами.

— Нет?

— Нет, дорогой Джерек. Слишком поздно.

— Я вижу, — он печально потянул за травинку.

— Ты сам знаешь, я не успела развестись. И нас не связывает никакая церемония. На эту тему можно много говорить, но не будем терять драгоценные минуты.

— Эти… эти условности. Они имеют такое значение?

— О, пойми меня правильно, дорогой, я знаю теперь, что эти условности не универсальны, что они не существуют здесь — но не забывай, что я подчинялась им всю жизнь и не могу в душе восстать против них за такое короткое время. Меня и так переполняет чувство вины.

— Вина? Снова?

— Да, дорогой. Если я пойду против моего воспитания, я подозреваю, что сломаюсь полностью. Я не буду Амелией Ундервуд, которую ты знаешь.

— Хотя, если бы было больше времени…

— О, я знаю. В конце концов, я смогла бы преодолеть чувство вины… В этом ужасная ирония судьбы!

— Это ирония, — согласился он.

Джерек встал, помогая ей подняться на ноги.

— Давай посмотрим, что там в меню.

Песня птицы продолжала зазывать, когда они подошли к клетчатой скатерти, но вместе с песней послышался другой звук — пронзительные свистки, знакомые им обоим. Затем, вырвавшись из мрака Города на солнечный свет иллюзии, появились капитан Мабберс, Рокфрут и Латы. Пот градом катился по их телам, напоминавшим ярко-красные ожившие свеклы. Их зрачки бешено вращались в глазах, когда они увидели Джерека и

Амелию и сконфуженно остановились, переводя тяжелое дыхание.

— Мибикс? — сказал Рокфрут, узнавая Джерека. — Дрексим флуг руди?

— Вы еще не скрылись от погони? — Амелия не церемонилась с непрошеными гостями. — Здесь негде спрятаться.

— Хрунг круфруди, — капитан Мабберс оглянулся назад, откуда послышалось громыхание сапог, и дюжина одинаково одетых полицейских, уставших не меньше Латов, ворвалась в натуральную иллюзию. Они помедлили, тупо моргая глазами, и стали приближаться к добыче. Капитан Мабберс пискнул отважно: —Феркит! — и повернулся к ним лицом, готовый драться против превосходящих сил.

— О, в самом деле, — воскликнула Амелия Ундервуд. — Констебль, так не годится! — обратилась она к ближайшему полицейскому.

Полисмен ответил внушительно:

— Вы все находитесь под арестом и должны подчиниться.

— Вы собираетесь арестовать нас? — возмутилась миссис Ундервуд.

— Если быть точным, мадам, вы уже давно находитесь под арестом. Такие вот дела, ребята…

Но он заколебался, когда раздались два хлопающих звука, и на пригорке появились Лорд Джеггед Канари и Железная Орхидея.

Лорд Джеггед был великолепен в своей любимой светло-желтой накидке с высоким воротником, обрамляющим черты лица патриция. Он пребывал в радужном настроении. Железная Орхидея в пышном белом платье необычного покроя разделяла настроение своего спутника.

— Наконец-то! — сказал Лорд Джеггед с явным облегчением. — Мы попали сюда где-то с пятидесятой попытки.

— С сорок девятой, неутомимый Джеггед, — уточнила Орхидея. — Я хотела счастья на пятидесятой.

Джерек подбежал к своему другу и матери.

— О, Джеггед! Таинственный, величественный, дорогой Джеггед! Мы так беспокоились о вас! Мама, тебе нет равных, ты восхитительна. Где же вы были?

Джеггед и Железная Орхидея расцеловались с Джереком. Стоя в стороне от них, миссис Ундервуд позволила себе фыркнуть, но все же подошла с неохотой, когда сияющая Орхидея позвала ее.

— Мои дорогие, мы сейчас обрадуем вас! Но что за кислый вид? Что случилось?

— Ничего особенного, — злорадно доложила миссис Ундервуд, — в данный момент мы арестованы неизвестно за что.

— У вас обоих проблемы с Законом, — сказал Джеггед, спокойно оглядываясь спокойно на компанию. — Вы свободны, констебль. Вы узнаете меня?

Предводительствующий полицейский отдал салют, но не отступил.

— Да, сэр, — сказал он неопределенно. — Хотя у нас есть приказ самого Премьера…

— Премьер, констебль, прислушивается к моим советам, да будет вам известно.

— Да, я наслышан об этом, — полицейский потер подбородок. — Как насчет этих Латовцев?

Лорд Джеггед пожал плечами.

— Я думаю, они перестали угрожать Короне.

Джерек Карнелиан был в восторге от представления Джеггеда.

— Браво, дорогой Джеггед! Брависсимо!

— И еще, сэр, есть еще вопрос по поводу пребывания в Конце Света, — продолжал полицейский.

— Не тревожьтесь об этом, мой дорогой. Я займусь этим вопросом при первом удобном случае.

— Так точно, сэр, — двигаясь, как во сне, по-

лицейский сделал знак своим коллегам. — Разрешите вернуться назад. Мы должны доложить инспектору Спрингеру, что теперь здесь распоряжаетесь вы?

— Доложите, констебль.

Полицейские вышли из иллюзии и исчезли в темноте Города. Капитан Мабберс вопросительно посмотрел на Лорда Джеггеда, но не вызвал ни малейшего интереса.

Рокфрут набрел на скатерть и пихал себе в рот пирог.

— Груднике! — сказал он. — Импик дерпук ввили!

Оставшиеся Латы расселись вокруг скатерти и вскоре забылись в веселой пирушке.

— Итак, самая чудесная из матерей, ты знала все это время, где найти Лорда Джеггеда! — Джерек снова обнял мать. — Ты играла в ту же игру, да?

— Совсем нет! — обиделась она. — Мы встретились случайно. Мне так наскучил этот мир, что я стала искать более приемлемый, должна признаться, более интересный, но эффект Морфейла препятствовал мне. Меня бросало из одной эры в другую. Браннарт предупреждал меня, но твой опыт заставил не доверять ему. — Она осмотрела сына сверху вниз, и ее взгляд на Амелию

Ундервуд был намного теплее, чем раньше. — Вы оба бледны. Вам нужно восстановить свои силы.

— Теперь мы чувствуем себя прекрасно, сияющая Орхидея! Мы так боялись за тебя. О, с тех пор, как ты исчезла, мир стал темнее…

— Нам сказали, что Смерть шагает по вселенной… — вставила Амелия.

Лорд Джеггед Канари улыбнулся широкой мягкой улыбкой.

— Что ж, мы вернулись в самый подходящий момент.

— Это зависит от того, что вы имеете в виду, Лорд Джеггед, — Амелия Ундервуд показала на черноту. — Даже Город умирает теперь.

— Из всех наших друзей, — продолжал Джерек печально, — только Лорд Монгров и Герцог Квинский остались в живых. Остальные только в памяти!

— Я думаю этого достаточно, — сказал Джеггед.

— Вы бесчувственны, сэр! — миссис Ундервуд поправила кнопку на горле.

— Называйте меня, как хотите.

— Мы считали, что вы будете ждать нас, Лорд Джеггед, — сказал Джерек Карнелиан, — когда мы вернулись в Конец Времени. Ведь вы обещали нам все объяснить здесь.

— Я прибыл, но был вынужден почти сразу же отправиться снова. Машина подвела меня. Я должен был сделать некоторые опыты. Во время этих экспериментов я встретил твою мать, и она уговорила меня уступить ее капризу.

— Каприз? — миссис Ундервуд отвернулась с возмущением.

— Мы поженились, — сказала Железная Орхидея почти застенчиво.

— Поженились? Я завидую вам! Как это случилось?

— Это была простая церемония, Джерек, — она погладила белый материал своего платья. Казалось, что она покраснела.

Любопытство заставило Амелию Ундервуд повернуться обратно.

— Это произошло в пятьдесят восьмом столетии, я думаю, — сказала Железная Орхидея. — Их обычаи очень трогательные. Простые, но глубокие. К счастью, жертвоприношение рабов стало теперь необязательным, и после церемонии мы только и думали о том, чтобы вернуться к вам.

— Без машины, — добавил Джеггед с гордостью. — Мы научились путешествовать во времени без приспособлений. Это оказалось теоретически возможным.

— Совершенно случайно, — продолжала Железная Орхидея, — Лорд Джеггед спас меня из плена каких-то иноземцев, захвативших планету…

— Завоевание флергианцев в 4004–4006 годах, — пояснил Джеггед со стороны.

— … я чудом избежала интересный метод пыток, который они изобрели, где плечи подвергаются… — она замолчала, — но я отклоняюсь. Оттуда мы продолжили движение вперед, как полагалось, этапами. Я не смогла бы проделать этот путь сама. Нам всюду ставили препоны, но твой отец уладил все миром.

Джерек спросил тихо:

— Мой отец?

— Лорд Джеггед, конечно. Ты должен был догадаться! — она счастливо рассмеялась. — Ты должен был догадаться, мой плод!

— Я верил слухам о Сладком Мускатном Оке…

— Твой отец хотел сохранить это в секрете по личным причинам. Это было так давно. У него было какое-то научное обоснование, относящееся к его генам, и как лучше увековечить их. Он считал тот метод самым надежным.

— Что и было доказано, — Лорд Джеггед положил руку с изящными пальцами на голову сына и нежно потрепал его волосы. — Что и было

доказано.

Джерек снова обнял Лорда Джеггеда.

— О, я так рад, Джеггед, что это вы! Эта новость стоит ожидания, — он протянул руку Амелии. — Это в самом деле самый счастливый день!

Миссис Ундервуд ничего не сказала, но не отняла своей руки. Железная Орхидея обняла ее.

— Скажи, моя дорогая Амелия, что ты будешь нашей новой дочерью!

— Как я объяснила Джереку, это могло быть возможным.

— В Прошлом?

— Вы, кажется, забыли, Железная Орхидея, что здесь нет ничего, кроме прошлого. У нас нет Будущего.

— Нет будущего?

— Она знает, о чем говорит, — Лорд Джеггед убрал руку с плеч сына.

— О! — комок поднялся к горлу Амелии. — Я надеялась, что вы принесли отсрочку. Это было наивно и глупо.

Поправив свою желтую накидку, Лорд Джеггед уселся на холмик, приглашая их присоединились к нему.

— Информация, которая у меня есть, не очень приятная, — начал он, — но поскольку я обещал

объяснить, когда мы расставались в последний раз, я чувствую себя обязанным выполнить это обещание. Надеюсь, что не наскучу вам.

И он начал свой рассказ.

Глава двадцатая, в которой Лорд Джеггед Канари высказывает правдивость, которой избегал раньше

— Должен сразу же признаться вам, что Конец Времени — не моя эпоха. Я родился в двадцать первом столетии, если быть точным. Как видите, мое происхождение не так далеко от вашего, Амелия, если вы позволите вас так называть. Я появился здесь около тысячи лет назад после умопомрачительных приключений и старался провести остаток жизни в питомнике, представил себя как созданную мною личность. Таким образом, пусть даже подверженный эффекту Морфейла, я смог продолжать свои исследования и эксперименты по Природе времени, открыв, между прочим, что я могу, соблюдая определенные правила, оставаться долгие периоды в одной и той же эре. Потом я пришел к выводу, что могу

поселиться в одном из необитаемых периодов времени. Как раз во время этих опытов я познакомился с другими путешественниками во времени, включая миссис Персон, возможно, самого опытного хрононавта, который у нас есть, что было очень кстати. Мы обменивались информацией и пришли к интересному выводу, что я своего рода уникум, потому что практически не подвержен эффекту Морфейла, как все другие. Методом проб и ошибок я понял, что могу не страшиться эффекта, если приму определенные предосторожности, которые включали тщательное внедрение в один из периодов, и соответственно, избежание всяческих анахронизмов. Дальнейшие опыты показали, что моя способность зависит не столько от моей самодисциплины, сколько от генетических особенностей.

— Ага! — сказал Джерек. — Мы уже слышали о генах.

— Вполне вероятно. Я знал о близком Конце Времени задолго до того, как об этом сообщил полоумный инопланетянин Юшарисп. Я начал работу по спасению нашей расы, проводя опыт за опытом. Я придумал своего рода временную петлю. Суть заключалась в том, чтобы поместить в Начало Времени определенных людей из Конца

со всеми их знаниями, умениями и навыками, со всем их совершенством. Наука построила бы нам новые Города, думал я, У нас будут впереди миллиарды лет. Но в это время открылся факт, касающийся эффекта Морфейла. Согласно этому эффекту, мой план оказывался нежизнеспособен для большинства обитателей планеты. Только люди с генами, как у меня, могли бы колонизировать Прошлое. И я модифицировал схему. Я решил найти Адама и Еву, которые дадут потомство и произведут расу, неподвластную Времени, или по крайней мере, раздражающему эффекту Морфейла. Чтобы сделать это, я должен был найти мужчину и женщину, имеющих такие же характеристики, как и я сам. В конце концов, я махнул рукой на поиски, открыв через эксперимент, что твоя мать, Джерек — Железная Орхидея — была единственным существом, с подобными моим генами. Тогда я уговорил ее зачать ребенка, не посвящая в подробности задуманного.

— Мне это показалось такой забавной идеей, — вставила Железная Орхидея. — И никто не делал ничего подобного тысячелетиями!

— Таким образом, с некоторыми трудностями ты появился на свет, мой мальчик. Оставалось найти тебе супругу, чтобы ты мог остаться, ска-

жем, в Палеозое, где существует, как ты уже знаешь станция, не рискуя быть неожиданно выброшенным за борт Времени. Я искал с начала истории, испытывая субъекта за субъектом, пока наконец в Амелии Ундервуд не нашел твою Еву!

— Если бы вы спросили меня, сэр…

— Я ничего не мог рассказать. Я объяснил, что должен был работать в секрете, поскольку мой метод борьбы с эффектом Морфейла был настолько деликатным, что я не мог позволить себе ни малейшего анахронизма. Любое обсуждение с вами ставило под угрозу весь замысел. В то время мне это казалось невозможной, опасной мыслью! Я должен был похитить вас и привести сюда. Затем я представил вас Джереку, надеясь, что вы полюбите друг друга. Все шло по задуманному плану. Но вмешалась Миледи Шарлотина, обиженная тем, как мы ловко ее одурачили.

— И когда я пришел к вам за помощью, вас не было, Джеггед. Вы снова искали приключений во Времени.

— Да, Джерек. По несчастью, я не смог предвидеть, что ты пойдешь к Браннарту, займешь у него машину времени и вернешься в девятнадцатое столетие. Уверяю тебя, я был потрясен не меньше твоего, увидев тебя там. Нам повезло, что я был

Судьей Верховного Суда и представительствовал на твоем процессе…

— И вы не могли признать меня из-за эффекта Морфейла!

— Да, но я постарался, чтобы эффект сработал во время твоей казни. Это привело меня к еще одному открытию в Природе времени, но я все еще не мог открыться тебе. Миссис Ундервуд должна была оставаться там, в своей эпохе, что допускалось Браннартом, в то время, как я работал. Я поторопился вернуться назад, отчаянно пытаясь исправить дело и постепенно обрастая фактами, опровергающими теории Браннарта. Тогда я связался с миссис Персон, которая оказала мне неоценимую услугу. Кстати, мы договорились о встрече.

— Она здесь, — сказала ему Амелия Ундервуд.

— Что ж, очень рад. Но я отвлекся. Не успел я вернуться, как узнал об очередном исчезновении Джерека. Но ты сделал открытие, которое в корне изменило мои взгляды. Я краем уха слышал о методах рециклирования Времени, но отвергал их. Детский приют, который ты открыл, давал мне исчерпывающий ответ на все вопросы. Я понял, что от большинства из уже сделанного раньше придется отказаться за ненадобностью.

Но ты еще был в толще времени. Я пошел на риск и вернулся в 19 столетие, чтобы спасти тебя. Мне дорого обошлось твое спасение, поскольку если бы не встреча с путешественником во времени, я был бы обречен на прозябание в столь любимой тобой эпохе. Космический извозчик оказал мне неоценимую услугу. Он рассказал о временных циклах — он сам был из одного из них — и я сожалел, что для того, чтобы избавить себя от недоразумений (я подвергался опасности разоблачения, потому что вынужден был кое-что рассказать о себе) добился согласия Премьера на план экспроприации машины времени и твой поиск. Я представить себе не мог тех осложнений, свидетелем которых стал.

— Знаете, Лорд Джеггед, — пробормотала миссис Ундервуд, — что ваши проблемы не возникли бы совсем, предвидь вы обыкновенные человеческие факторы…

— Я заслужил этот упрек, Амелия, но в тот момент я был одержим и считал необходимым действовать срочно. Все разнообразные флюктуации возникшие в мегапотоке — в основном благодаря мне должен признаться, фактически увеличивали скорость разрушения вселенной, города истощились из-за огромной потери энергии,

затраченной на различные проекты. Но теперь все изменится к лучшему, если повезет.

— Изменится? Вы сказали, что слишком поздно.

— Вы неправильно меня поняли. Простите, Мне хотелось бы, чтобы вам не пришлось страдать так много, особенно, раз оказалось, что весь мой эксперимент в целом бессмысленен.

— Значит, мы не можем поселиться в Прошлом, как вы планировали? — спросил Джерек.

— Бессмысленно! — с негодованием воскликнула Амелия.

— Ну, и да, и нет.

— А наше пребывание в недрах с Палеозоя — это тоже ваших рук дело, Лорд Джеггед?

— Нет, Амелия. Я был уверен, что ваше возвращение в Конец Времени ничем не осложнится.

— Вместо этого мы попали в Начало Времени.

— Именно это я и хочу сказать, Вы не отправились, строго говоря, назад. Вы отправились вперед, и таким образом нейтрализовали эффект Морфейла.

— Каким образом?

— Вы завершили круг. Если время — это круг, а так единственно правильно рассматривать его, и мы путешествуем по кругу, то проходим, конеч-

но, от Конца к Началу очень быстро, не правда ли? Вы проскочили Конец и оказались в Начале.

— И обманули Эффект Морфейла! — сказал Джерек, хлопнув в восторге ладонями.

— В каком-то смысле, да. Это означает, что мы можем, если хотим, все избежать Конца Времени, просто прыгнув вперед в Начало. Недостатки этого метода, тем не менее, значительны. У нас не будет, например, мощи Городов…

Но восхищению Джерека не было предела.

— И таким образом, как Овидий, вы вернулись, чтобы отвести нас из плена Времени на обетованную землю — вперед, как можно выразиться, в Прошлое!

— Не так, — засмеялся его отец. — Нет необходимости покидать эту планету или этот период.

— Но нам грозит окончательное разрушение, если оно не происходит прямо сейчас.

— Чепуха! Почему ты так думаешь?

— Идемте, — сказал Джерек, начиная подниматься. — Я вам покажу.

— Я еще не все сказал тебе, сынок.

— Не сейчас, после того, как вы посмотрите.

— Ладно, — Лорд Джеггед помог подняться сперва Амелии, потом своей жене. — Возможно, это неплохая идея — найти миссис Персон и других.

Хотя не думаю, что твоя встревоженность, которой ты лишен был раньше, оправдана, Джерек.

Капитан Мабберс и Рокфрут подняли головы от еды.

— Орф? — сказал капитан Латов ртом полным кекса. Но лейтенант успокоил его:

— Груш фоллс, хрунгфреша, — они снова повернулись к еде и не обращали внимания, как четверо людей осторожно сошли с маленькой пасторальной полянки[54] в мертвенно-бледный мерцающий свет на обширном пространстве руин, где сама атмосфера, как теперь казалось Джереку, отдавала слабым леденящим запахом смерти.

Глава двадцать первая
Вопрос позиции

— Я должен сказать, — говорил Джеггед на ходу, — Город утомлен.

— О, Джеггед, ты недооцениваешь! — его сын шел рядом, а леди, переговариваясь друг с другом,

---

[54] notes: 54

«...они сошли с маленькой пасторальной полянки...»

Пастораль (франц. pastorale от лат. pastoralis — пастушеский) — музыкальное, живописное или литературное произведение, рисующее картины безмятежной сельской жизни.

чуть отстали от своих спутников.

Ручейки полуметаллической, полуорганической материи цвета пыльной травы извивались поперек их тропинки.

— Но он оживает, — возразил Джеггед. — Взгляни туда, разве это не признак возрождения?

Труба, на которую он показывал, тянулась слева направо от них и выглядела новой, хотя и очень обыкновенной.

— Это не признак, отец… Это скорее призрак, иллюзия.

Джеггед не стал продолжать спор.

— Тебя сложно переубедить, — глаза его блеснули. — Юность всегда была настырной и упрямой.

Джерек уловил иронию в голосе отца, его друга.

— О, насмешливый Джеггед, как я соскучился по твоей компании! Все тревоги улетучились прочь!

— Твое доверие согревает меня, — сказал Джеггед. — Вот для чего стоит дарить любовь своим детям.

— Детям? — небрежный взмах рукой. — Человеку присущи привязанности то здесь, то там во Времени. Но ты, Джерек, мой единственный наследник.

— Твой сын?

— Мой сын, — поправил его Джеггед.

Пока они шли сквозь мерцающий сумрак, Джерек, заразившись явным беззаботным оптимизмом Джеггеда, искал признаки возвращения Города к жизни. Эти признаки действительно были: свет приобрел жизнерадостные оттенки, ритм земли, пульсирующей под ногами, вызывал в сознании образ оживающего сердца. Но нет, это было невозможно!

Лорд Джеггед закатал рукава, чтобы не испачкать их ржавчиной, лежавшей всюду на земле.

— Мы можем положиться на Города, — сказал он, — даже если у нас нет надежды когда-либо понять их.

— Это софистика, Джеггед.[55] Очевидность противоречит вам. Источники мощи Городов исчезли.

— Инстинкты существуют. Источники тоже. Города нашли их.

— Даже вы, Джеггед, не можете быть так уверены, — но сейчас Джерек хотел, чтобы его опровергли.

---

[55] notes: 55

«...это софистика, Джеггед...»

Софистика (греч. sophistike) — рассуждение, основанное на умышленном нарушении законов логики.

Джеггед остановился перед занавесом мрачной темноты.

— Это окраина Города?

— Кажется, да.

Они подождали Железную Орхидею и Амелию Ундервуд, которые немного отстали от них. К удивлению Джерека, обе женщины кажется хорошо поладили друг с другом. Они больше не сверкали глазами и не язвили друг другу. Со стороны они смотрелись, как две старинные подруги, ведущие задушевный разговор. Джерек подумал, что никогда не по стигнет этих нюансов в отношениях между женщинами, но был доволен. Если гибель неизбежна, пусть это произойдет при хороших отношениях. Он подозвал их к себе.

Здесь Город отбрасывал более широкий отблеск света на нарушенный ландшафт. Бесплодная, покрытая трещинами пустыня, не заслуживающая более названия «земля», оболочка, которая может обратиться в пыль при одном прикосновении.

Железная Орхидея поправила складку на платье.

— Все мертво.

— И в последней стадии разложения, — сочувственно сказала Амелия Ундервуд.

— Я не могу поверить, — сказала ровным голосом Орхидея, — что это мои мир. Он был таким жизнерадостным.

— Но, словам Монгрова, его жизнерадостность была украдена, — Джерек рассматривал темноту за Городом.

— Ну, по крайней мере, сердцевина осталась, — успокоил Лорд Джеггед, коснувшись на секунду плеча жены.

— Разве она еще — не сгнила, Лорд Джеггед? — спросила Амелия и раскаялась в своей безжалостности, когда взглянула на лицо Орхидеи.

— Все можно оживить.

— Я замеряла, — пожаловалась Железная Орхидея, отодвинувшись дальше от границы Города.

— Мы плывем *в* вечной темноте, — сказал Джерек. — Где нет Солнца, нет звезд, ни одного метеорита. И эта темнота, дорогие родители, скоро поглотит нас тоже!

— Ты преувеличиваешь, мой мальчик.

Возможно и нет, в голосе Орхидеи потерялся свой прежний тембр.

Они пошли следом за ней и почти тут же наткнулись на машины и миссис Персон с капитаном Бастейблом, и космического извозчика.

— Но где наши друзья? — удивился Лорд Джег-

гед.

— Еще недавно они были здесь, — сказал ему Джерек. — Эффект Морфейла?

— Здесь? — взгляд Лорда Джеггеда был откровенно скептическим.

— Может, они с Юшариспом и остальными?

Джерек чуть улыбнулся при виде Амелии и своей матери, взявшихся за руки. Его все еще озадачивала перемена в них. Он чувствовал, что это как-то связано с женитьбой Лорда Джеггеда на Железной Орхидее.

— Не поискать ли нам их, отважный Джеггед?

— Ты знаешь, где искать?

— Вон там.

— Тогда веди нас! — он встал рядом с Джереком.

Свет от Города мигнул на мгновение резче, чем раньше, и здание, которое лежало в руинах, восстановилось на глазах у Джерека, но отовсюду слышались трески, стоны, бормотание, предполагающие сильнейшее ухудшение состояния Города. Они приблизились к другой окраине Города, где свет был очень тусклым. Джерек сомневался, куда идти дальше, пока не услышал знакомый голос:

— Если (хрум-хрям) вы возьмете назад в их

собственное (хрусь-хрясь) время ту группу, это, по крайней мере, облегчит (хрум-хрясь) проблему, миссис Персон.

Все собрались сейчас у космического корабля пуплианцев: инспектор Спрингер и его констебли, Герцог Квинский, огромный мрачный Монгров, путешественник во времени, миссис Персон и капитан Бастейбл в своей черной униформе, мерцающей, как тюленья шкура. Среди них не было только Гарольда Ундервуда, сержанта Шервуда и Латов.

Пуплианцы сливались с круглым бесцветным кораблем. Позади группы лежала уже знакомая чернота бесконечной бездны.

Они услышали голос миссис Персон:

— Мы не подготовлены для перевозки пассажиров. Кроме того, нас поднимает время. Мы должны вернуться на базу для проведения экспериментов, подтверждающих наши представления о пересечении вселенных…

Лорд Джеггед, бледно-желтые одежды которого контрастировали с общей темной расцветкой, подошел к группе, оставив позади Джерека и двух женщин.

— Вы как всегда о ком-то беспокоитесь, мой дорогой Юшарисп, — хотя прошло довольно много

времени с тех пор как он видел инопланетянина, Лорд Джеггед без труда узнал его. — И по-прежнему настаиваете на своей точке зрения.

Многочисленные глаза маленького существа яростно сверкнули на вновь пришедшего.

— Я считаю (хрю-хрю), Лорд Джеггед, что она самая правильная! — Он вдруг насторожился. — Вы были здесь все время?

— Нет, я только что вернулся. — Лорд Джеггед коротко поклонился. Пришлось преодолеть некоторые трудности. Потребовалась точная настройка, чтобы попасть так близко к концу всех вещей, иначе можно было оказаться в абсолютном вакууме!

— По крайней мере (хря-хри), вы признаете…

— О, к чему нам эти споры, мистер Юшарисп. Давайте смиримся с фактом, что мы всегда останемся противоположны по темпераменту. Сейчас настал момент посмотреть правде в глаза.

Юшарисп, оставаясь подозрительным, умолк. КПС Сашурик вмешался в разговор.

— Все решено (крям-хрям). Мы намерены реквизировать из Города все, что возможно спасти (крюм-хрюм), для того, чтобы подкрепить наши планы выживания. Если вы желаете (кррх-р) помочь и разделить дальнейшие выгоды (хрю-хря)

нашей работы…

— Реквизировать? — Лорд Джеггед поднял брови. Казалось его высокий воротник задрожал. — Не вижу в этом необходимости!

— У нас нет времени (хрясь-хрусь) объяснять все сначала!

Лорд Монгров поднял голову, посмотрев на Джеггеда угрюмым взглядом. Голос его был по-прежнему зловещим и мрачным, хотя он говорил, будто никогда себя не ассоциировал с инопланетянами.

— У них есть план, красноречивый Джеггед, построить закрытое помещение с замкнутым циклом окружающей среды, которое переживет окончательное разрушение Городов, — он, как колокол, вещал о тщетности борьбы. — В плане есть свои достоинства.

Лорд Джеггед восстал против вмешательства пуплианцев. Он говорил отрывисто и раздраженно:

— Приверженность пуплианцев к мелочности и упрощению может привести к полному краху. Они отказываются от множественности выбора, — черты лица Джеггеда выражали суровое неодобрение. — Но никто не дал им права вмешиваться в жизнь наших Городов с их при-

митивными понятиями и целями, Лорд Монгров.

— Разве кто-нибудь из нас… — но пыл Монгрова уже погас.

— Кроме того, — продолжал хрононавт, — я лишь недавно установил здесь собственное оборудование и был бы более, чем немного, расстроен, если они, даже невольно, испортят его.

— Что? — Герцог Квинский очнулся от апатии.

Он осмотрелся вокруг, как будто в поисках этого оборудования с ожиданием и полным надежд лицом.

— Ваше собственное оборудование, хитроумный Джеггед? Вот это да! — он погладил бороду на его лице появилась улыбка. — Ого-го!

Вокруг Лорда в желтом образовалась аудитория. Он помолчал немного насмешливо, достаточно, чтобы завоевать полное внимание даже недоверчивого путешественника во времени.

— Мне очень помог твой друг, Джерек, тот, который помог тебе достичь девятнадцатого столетия во время последнего визита.

— Няня? — теплое чувство наполнило его.

— Она самая. Ее помощь была неоценимой, в ее программе была заложена вся нужная информация. Пришлось немного освежить ее память. Она — самый сложный из древних автоматов, ко-

торые я когда-либо встречал, потому что от меня потребовалось лишь четкое изложение программы — всю остальную работу она сделала сама.

Железная Орхидея явно ничего не знала об этом.

— Работу — героический муж?

— Необходимую для установки оборудования, которое я упомянул. Вы заметили, что с недавнего времени Город запасал энергию вместе с другими городами.

— Запасал! Ба! (скр-р-р) — трансляционный ящик Юшариспа издал нечто, напоминающее горький смех. — Растрачивал (хрю-ке) последнюю, вы это имеете в виду?

Лорд Джеггед не замечал потуг пуплианца, повернувшись к Герцогу Квинскому.

— Мне повезло — когда я вернулся в Конец Времени в поисках Джерека и Амелии, я услышал об открытии приюта и успел пригласить Няню в свой замок.

— Вот куда она исчезла — в ваш заповедник! — сказал Герцог Квинский. — Хитрый Джеггед!

— Нет. Моему заповеднику, как и другим, угрожала опасность исчезновения, поэтому Няня сейчас не в этом Городе. Она должна уже завершать последние приготовления.

— Значит, вы задумали спасти целый Город! — Лорд Монгров бросил взгляд через плечо. — Конечно, не этот. Видите, он погибает у нас на глазах, пока мы разговариваем!

— Оставьте свой бесполезный пессимизм, Монгров. Город преобразует себя, вот и все.

— Но свет, — начал Герцог Квинский.

— Экономия энергии, как я сказал.

— А там?

Монгров жестом показал на бездну.

— Вы можете там поселиться, для солнца средних размеров всегда выкроим местечко.

— Видите ли, Джеггед, — объяснил Герцог Квинский, — наши Кольца Власти потеряли свою силу. Это говорит о бессилии Города, он не в состоянии дать нам нужную энергию.

— Вы пытались?

— Да.

— Но не последние пару часов, — вставила Амелия Ундервуд.

— Они не будут действовать, Лорд Джеггед, — Лорд Монгров погладил камни на своих пальцах, — мы прокутили свое наследство навеки.

— О, вы все слишком приуныли. Это просто вопрос позиции.

Лорд Джеггед вытянул перед собой левую руку и

правой начал вращать рубин, пристально глядя в небо, все еще не отвлекаясь от своей аудитории.

Над его головой появилось нечто, похожее на маленькую мерцающую звезду. Постепенно она превратилась в огненную комету, а затем в солнце, настолько ослепительное, что их глаза не сразу увидели панорамы безжизненного Города и бесконечных горизонтов.

— Пока достаточно, — со спокойным удовлетворением сказал Джеггед. — Обычная орбита.

Амелия пробормотала:

— Вы — маги волшебник, дорогой Джеггед. Настоящий Мефистофель.[56] Это солнце такого же размера, что и прежнее?

— Немного меньше, но нам достаточно.

— Скр-р-р, — сказал с тревогой Юшарисп, все его глаза сощурились от яркого света. — Скр-р-р, скр-р-р, скр-р-р!

Джеггед воспринял этот треск, как комплимент.

— Это лишь первый шаг, — скромно сказал он, одернув желтую накидку.

---

[56] notes: 56

«…настоящий Мефистофель…»

Мефистофель (нем. Mephistopheles) — в легендах Западной Европы — дьявол, принявший человеческий вид. Этот образ известен читателям по «Фаусту» И. В. Гете.

Он коснулся другого Кольца, и свет стал не таким ослепительным, рассеянный теперь мерцающей атмосферой, существующей за пределами Города. Под зелено-голубым небом лежал израненный кровавыми трещинами бледно-серый ландшафт.

— Какой неприглядной стала наша земля, — с отвращением сказала Железная Орхидея.

Будто извиняясь за это, Джеггед ответил:

— Она уже очень стара, наша планета. Но представьте себе, что перед вами новый холст, на котором можно воспроизвести, что пожелаешь. В том числе и новые события, новые происшествия. Будьте спокойны и уверены — Города не подведут нас.

— Итак, Судный день не состоится, — путешественник во времени, склонив голову, смотрел новыми глазами на Лорда Джеггеда Канари. — Примите мои поздравления, сэр. Вам удалось стать повелителем огромной энергии.

— Я заимствую энергию, — сказал ему Лорд Джеггед. — Она приходит из городов.

КПС Сашурик закричал:

— Он лжет. Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда. Этот проходимец (хрю-хряк) окружил нас иллюзией.

Джеггед уже забыл о присутствии этих космических карапузов с планеты Пупли и повернулся к миссис Персон, заинтригованной его объяснениями.

— Я нуждался в огромном количестве энергии для эксперимента и Города запасли ее. Я знаю, что мой план небезупречен, но это лишь начало. Я говорил вам об этом, миссис Персон.

— Поэтому мы здесь, — она с улыбкой посмотрела на капитана Бастейбла. — Судя потому, что вы уже продемонстрировали, ваш план сработает.

Огромное сияющее солнце заливало светом Город, отбрасывая большие мягкие тени. Город продолжал спокойно пульсировать, словно машина, перед новым запуском:

— Это крайне впечатляет, сэр, — сказал Бастейбл. — Когда приступите к подготовке петли?

— В течение месяца.

— Вам не удастся поддерживать это состояние бесконечно.

— Я знаю, что это неэкономно, хотя и желательно.

Они с удивлением смотрели на него, КПС Сашурик бойко подковылял и погрозил своей кривулькой:

— Будьте бдительны (хряп-с-с)! Не попадитесь

на эту приманку! Опомнитесь, это всего лишь иллюзия.!

Лорд Джеггед мягко улыбнулся.

— Это зависит от собственного понимания слова «иллюзия»? Теплое солнце, подходящая для дыхания атмосфера, планета, вращающаяся по орбите вокруг солнца.

Юшарисп присоединился к своему руководителю. Яркий солнечный свет подчеркивал бородавки и пятна на его маленьком круглом теле.

— Это иллюзия (хрю-хря) Лорд Джеггед, и она не сможет пережить распад вселенной!

— Я думаю, она переживет, мистер Юшарисп.

Джеггед хотел обратиться к сыну, но пуплианцев не убедил его ответ.

— Нужна (скр-р-р) энергия, чтобы произвести такое чудо. Хоть с этим вы согласны?

Лорд Джеггед покачал головой:

— Следовательно, должен быть (хрусь) источник. Допустим одна или две планеты пока избежали катастрофы, но это лишь на короткий срок. Скоро все будет кончено (хрясь).

Казалось, что Лорд Джеггед обращается к кому угодно, только не к пришельцу. Лицо его сохраняло снисходительное выражение, хотя интонация

стала жестче:

— Не думаю, что вас согреет эта мысль, мистер Юшарисп. Мораль может быть истощена, но не свободный разум!

— Мораль (ахрясь)! Да вы понятия не имеете о подобных вещах…

Но Лорд Джеггед окончательно переключил внимание на остальных:

— Перед вами типичный пример мрачного пессимиста, которому необходимо страдать и верить в худшее, чем надеяться на лучшее. Это пуританский склад ума, к которому я не испытываю ни малейшей симпатии. Подобным типам предпочтительнее накликать катастрофу, чем жить под страхом ее возможности. Самоубийство лучше, чем неопределенность.

— Вы приписываете (хрям) то, чего нет. Вы возводите (скр-р-р-р) напраслину, Лорд Джеггед? — последовал странный металлический смех КПС Сашурика.

— Разве не раса пупли взяла на себя задачу распространить во вселенной плохие новости? Разве не вы вопили о своем отчаянии везде, где только могли найти слушателей? Об этих фактах было известно многим, но никто не сеял панику, подобно вам. Вместо того, чтобы вдумчиво ис-

следовать все пути для спасения, вы мотались по всей вселенной со своими мрачными сплетнями и все потому, что вбили себе в голову мысль о конечности вселенной и ее ресурсов. У меня есть свидетели, что вселенная бесконечна — это могут подтвердить и миссис Персон, и капитан Бастейбл, и космический путешественник.

— Пустая болтовня (хрюм-хрям) и больше ничего.

Путешественник во времени заговорил серьезным тоном.

— Я могу не согласиться с Лордом Джеггедом в чем-то, но он говорит правду. Имеется множество измерений, которые вы, миссис Персон, предпочитаете называть многообразием. Это просто одно измерение, и хотя, фактически, всех их ожидает одна судьба, что и этот мир, но не одновременно…

Лорд Джеггед кивком поблагодарил путешественника во времени за поддержку.

— Следовательно, пользуясь ресурсами любой части многообразия в любой момент времени, эта планета может сохраняться вечно, если нужно.

— Ваши выводы (хрю-хри) голословны, — сказал уклончиво Юшарисп.

Лорд Джеггед поправил свой высокий воротник

и протянул элегантную руку к солнцу.

— Вот мои доказательства, джентльмены.

— Мираж, — сказал угрюмо Юшарисп.

— Псевдонаука (скр-р-р), — вынес приговор КПС Сашурик.

Лорд Джеггед безразлично махнул рукой, не находя ответа, но миссис Персон проявляла жалость и милосердие к проблемам заблудших инопланетян.

— Мы открыли, — сказала она мягким голосом, — что реальная «вселенная» бесконечна. Бесконечна, безвременна и спокойна. Это тихий пруд, который отражает любой образ, пришедший нам в голову.

— Мета (хрю-юк) физическая чепуха (хря-яя)!

Капитан Бастейбл пришел к ней на помощь.

— Это мы населяем вселенную тем, что называем Время и Материя. Мы — заложники нашей человеческой природы.

— Мы не можем (кря-кря) всерьез принимать ваш пустой лепет! — презрительно сверкнули многочисленные глаза Юшариспа. — Вы, люди, превратили вселенную в арену для своих глупых игр и сейчас пытаетесь оправдать свое безразличие к морали. Да, вам (хрр) не поверит ни одно разумное существо…

Лорд Джеггед впал в апатию и безразличие, голос его звучал сонно и невыразительно.

— Бесконечная вселенная, Юшарисп — и есть арена для игр, — он помолчал. — Чего вам, уважаемый, никогда не понять.

— Вы втаптываете (хрусь) в грязь саму сущность жизни!

— Не скажите. Другое дело, что вы ее понимаете иначе. И подчеркиваете эту разницу в наших взглядах, не желая вникнуть в суть, — улыбаясь сказал Лорд Джеггед.

— Гм (хр-хрр)! — злобно сверкнул глазами Юшарисп.

Будто извиняясь за своего товарища, Лорд Монгров прогудел:

— Я считаю, что он сбит с толку, потому что в гибели вселенной заключался весь смысл его жизни! Только ее крушение может оправдать его мораль и понимание вещей. Я уже прошел через это, утомившись от подобных идей.

— Отступник (скр-р-р)! — проскрипел КПС Сашурик. — Мы прибыли сюда по вашему приглашению, коварный Лорд Монгров!

— Вам больше некуда было идти, — немного удивился Монгров. — Это, в конце концов, единственный кусочек материи, оставшийся во

вселенной.

КПС Сашурик с достоинством сделал жест рукой (или ногой).

— Пойдем, Юшарисп — брат пуплианец. Нет смысла что-то делать для этих глупцов!

Вся делегация последних пуплианцев заковыляла друг за другом в свой неказистый космический экипаж.

Монгров, испытывая угрызения совести, последовал за ними.

— Дорогие друзья, братья по разуму, пожалуйста, не торопитесь с выводами…

Но люк захлопнулся перед его меланхолическим лицом, и он мрачно вздохнул, но корабль не поднялся, оставаясь в том же месте, где приземлился, молчаливым укором. Монгров угрюмо похлопал ладонью по его поверхности.

— О, это действительно ад для серьезных умов! Инспектор Спрингер снял свою шляпу и вытер лоб характерным жестом.

— Я, кажется, уже согрелся, сэр. Приятно снова видеть солнце, — он повернулся к своим людям. — Вы можете ослабить воротники, ребята, если хотите. Значит, он оказался прав. Здесь жарко, как в аду. Я начинаю верить!

Констебли потянулись к пуговицам на ките-

лях. Двое зашли лаже так далеко, что сняли свои шлемы и не были наказаны.

Спустя минуту, инспектор Спрингер снял свой пиджак.

— …и предварительная часть теперь завершена. Есть солнце, атмосфера, планета вращается, — слова Уны Персон звучали отрывисто, когда она говорила с Лордом Джеггедом.

Лорд Джеггед задумался. Наконец он поднял глаза и улыбнулся.

— О, да. Как я сказал. Остальное может подождать, когда я приведу в действие свое оборудование.

— Вы сказали, что уверены в успехе, — путешественник во времени все еще был скептически настроен. — Эксперимент грандиозен по размаху.

Лорд Джеггед согласно кивнул.

— Это не мои заслуги, сэр. Технология — не мое изобретение, как я уже говорил, но она сделает свое дело с помощью Няни.

— Вы рециклируете время! — воскликнул капитан Бастейбл. — Надеюсь, мы сможем вернуться, чтобы быть свидетелями этой стадии эксперимента.

— На первой недели это вполне безопасно, —

сказал Джеггед.

— Планета останется в целости и сохранности, Джеггед? — спросил возбужденно Джерек. — С помощью оборудования, которое я нашел в убежище?

— Мое оборудование несколько сложнее и в состоянии сохранить наш мир навечно. Я сделаю петлю из семидневного периода. Однажды сделанная, она будет неразрушимой. Города станут самовосстанавливаться, исчезнет угроза и Времени, и Пространства, мир будет замкнут в петле семи дней.

— Мы будем повторять один и тот же короткий период вечно?

Герцог Квинский покачал головой.

— Должен сказать, Джеггед, что ваша петля немногим привлекательней, чем план Юшариспа.

Лорд Джеггед помрачнел.

— Только от нас самих будет зависеть наша жизнь. Если мы сможем меняться сами в постоянстве времени — мы спасены.

— Мы можем оказаться в ловушке, обреченными на недельную активность, неподвластную переменам?

— Думаю, нет, — Лорд Джеггед посмотрел в бес-

конечность пустынь. — Обычная жизнь, которую мы ведем в Конце Времени, может продолжаться как всегда. Сам приют был намеренно изолирован — своего рода временной морозильник для сохранения детей.

— Как быстро все может наскучить, если человек будет иметь хотя бы малейший намек на то, что происходит. — Железная Орхидея с трудом скрывала свое раздражение.

— Опять, это — вопрос позиции, моя дорогая. Является ли пленник пленником, потому что он живет в клетке, или потому, что он знает что живет в клетке?

— О, я не буду пытаться обсуждать такие вещи!

Он сказал нежно:

— В этом, моя дорогая, мое спасение, — он обнял ее. — А сейчас есть еще одно дело, которое я должен сделать здесь. Оборудование должно быть снабжено энергией.

Он зашел в Город и остановился, оглядываясь. В его позе была определенная расслабленность и раскрепощенность. Наконец, он пришел к решению и положил ладонь правой руки на Кольца левой.

Город издал высокий, почти торжествующий

звук. Донесся грохот обвала, когда содрогнулось каждое здание. Голубой и малиновый свет слились в яркое свечение над головами, затмив солнце. Затем глубокий звук, мягкий и мощный, вышел из самых недр его. Из Города доносилось шуршание, знакомое бормотание, вскрики какого-то полуавтоматического существа.

Затем свечение начало тускнеть, и Джеггед стал напряженным, будто боялся, что Город не сможет после всего, обеспечить энергию для эксперимента.

Раздался воющий шум. Свечение снова стало сильнее и образовало куполообразную чашу на высоте ста или более футов над всем Городом. Тогда Лорд Джеггед Канарии, казалось, успокоился, а когда он повернулся назад к ним, в его чертах угадывалась уверенность в себе.

Амелия Ундервуд заговорила первой, когда он вернулся:

— О, Мефистофель! Вы способны теперь творить?

На этот раз сравнение польстило ему. Он посмотрел на нее:

— Что это, миссис Ундервуд. Манипуляции?

— Возможно.

Она прижала ладонь к губам, пародируя себя.

Он добавил:

— Я не могу создать мир, Амелия, но пытаюсь воскресить существующий, сделать мертвое живым. И меня еще не покинула мечта заселить другой мир. О, вы вправе считать меня гордецом. Это может быть мой недостаток.

Справа от Джеггеда, из-за мерцающих руин из золота и стали, вышли Гарольд Ундервуд и сержант Шервуд… Они оба вспотели, но, казалось, не замечали жары. Мистер Ундервуд показал на голубое небо.

— Видите, сержант Шервуд, как они соблазняют нас теперь.

Он надвинул пенсне на нос и приблизился к Лорду Джеггеду, который возвышался над ним и высота которого подчеркивалась обрамляющим лицо воротником.

— Я правильно понял, сэр? — сказал мистер Ундервуд. — Как моя жена, возможно, моя бывшая жена, я не уверен, называла вас определенным именем?

Лорд Джеггед, улыбаясь, кивнул.

— Ха! — сказал Гарольд Ундервуд с удовольствием. — Полагаю, я должен поздравить вас с новым качеством иллюзий, разнообразием соблазнов, изощренностью пыток. Эта последняя

иллюзия, например, может обмануть любого. То, что казалось Адом, теперь напоминает Рай. Вы так соблазняли в свое время Христоса.

Лорд Джеггед задохнулся от возмущения.

— Это была шутка, мистер Ундервуд…

— Шутки Сатаны всегда коварны, к счастью у меня есть пример моего Спасителя. Желаю вам приятного времяпровождения, Сын Утра. Вы можете забрать мою душу, но вы никогда не будете владеть ею. Думаю, вам часто не везет в ваших махинациях.

— Гм… — сказал Лорд Джеггед.

Гарольд Ундервуд и сержант Шервуд направились дальше, но перед этим Гарольд обратился к своей жене.

— Ты, без сомнения, уже слуга Сатаны, Амелия. Хотя я знаю, что еще можем быть спасены, если действительно раскаемся и поверим в спасение Христа. Всего здесь остерегайся, Амелия. Это просто подобие жизни.

— Очень убедительно, на первый взгляд, не правда ли, сэр? — сказал сержант Шервуд.

— Он — Мастер Обмана, сержант.

— Согласен с вами, сэр.

— Но… — Гарольд взял под руку своего ученика, — я был прав в одном. Я знал, что мы встретим

его.

Амелия прикусила нижнюю губу.

— Он совсем сошел с ума, Джерек. Что мы можем сделать для него? Его можно послать назад в Бромли?

— Ему, кажется, совсем неплохо здесь, Амелия. Возможно, пока он получает регулярное питание, которое может обеспечить Город, ему лучше оставаться здесь с сержантом Шервудом.

— Я бы не хотела бросать его.

— Мы сможем приходить и навещать его время от времени.

Она пребывала в сомнении.

— До меня не совсем еще дошло, — сказала она, — что это не Конец Света.

— Ты видела его более раскованным?

— Никогда. Очень хорошо, пусть он остается здесь, пока, во всяком случае, в своем Вечном проклятии, — она издала короткий смешок.

Инспектор Спрингер приблизился к Лорду Джеггету с должным почтением.

— Все возвращается на круги своя, сэр?

— Более или менее, инспектор.

— Полагаю, я должен вернуться к своим обязанностям, сэр. Вокруг нас много подозрительных субъектов и…

— Очень важно избавиться от них, инспектор.

— От Латышских стрелков, Лорд Джеггед?

— Вы должны арестовать их.

— Слушаюсь, сэр, — инспектор Спрингер отдал честь и повернулся к своим подчиненным. — Мы приступаем к выполнению своего долга. Куда запропастился Шервуд! Ну-ка, свистните его, Рейли! — он вытер свой лоб. — Очень своеобразное место. Такое может присниться в страшном сне.

Полицейские приготовились слушать его команду. Уна Персон бросила взгляд на несколько инструментов в своей руке.

— Мои поздравления, Джеггед. Это настоящий успех. Мы надеемся вернуться и стать свидетелями завершения вашего эксперимента.

— К вашим услугам, миссис Персон.

— Простите, но нам уже пора. Капитан…

Капитан Бастейбл задержался, с явной неохотой идти…

— Капитан, мы действительно должны…

Он ответил вежливо:

— Конечно, миссис Персон. Время не ждет.

Он помахал на прощание.

— Спасибо за удовольствие, Джеггед. Это было грандиозно…

— Не за что.

— Мы постараемся вернуться к финалу и встретиться…

— Нам пора, Освальд! — миссис Персон крикнула из сферы, освещенной воскресшим солнцем.

— О, я не знаю! — приветливо помахал рукой Лорд Джеггед — Счастливого пути!

— Спасибо, мы вернемся…

— Капитан Бастейбл!

— … потому что ваш эксперимент притягивает нас, — на одном дыхании выкрикнул капитан и побежал к своей сподвижнице — хрононавту.

Когда они покинули планету, Амелия Ундервуд с подозрением посмотрела на мужчину, который со временем собирался стать ее незаконным отцом.

— Это окончательно, что мир спасен, Лорд Джеггед?

— Конечно. Города имеют достаточно энергии. Все будет устроено по принципу Детского Приюта, о котором Джерек должен был рассказать тебе, Амелия.

— Достаточно, я надеюсь. Но капитан Бастейбл говорил о жребии…

— Я знаю.

Лорд Джеггед поежившись, закутался в свою мантию. Сейчас Монгров и Герцог Квинский, пу-

тешественник во времени и Железная Орхидея, Джерек и Амелия представляли жалкие остатки аудитории, и Джеггед говорил более проникновенно, обращаясь к благодарным слушателям.

— Не всем придется тянуть жребий, Амелия… Мы с Няней закончим подготовку оборудования через месяц, и, после небольшой проверки, мир замкнется в вечной беспрестанности круговорота одинокой планеты вокруг одинокого Солнца, лишенный Прошлого и Будущего — это все, что останется от Вселенной. Настанет время, когда самая мысль о путешествиях, неважно в космосе или во времени, покажется нелепой. Жребий хоть на какое-то время позволит поддерживать связь с другими цивилизациями.

— И все?

— Не каждому это окажется по силам.

— Только не мне, — простонал Герцог Квинский, с вожделением глядя на спутник пуплианских спасателей. — Нет смысла скрывать свое сокровенное желание от вас — я хочу пополнить свой заповедник.

Герцог повернул одно из своих Колец.

— До того, как темпоральная петля затянется, несколько космических энтузиастов могут попасть к вам, — обнадежил Джеггед. — Помимо

этого, мой скорбящий Герцог, вся мощь ваших созидательных позывов может быть направлена на воскрешение наших старинных приятелей, а их наберется с дюжину. Эдгаросердный По…

— …Епископ Тауэр, Миледи Шарлотина, Госпожа Кристия, Сладкое Мускатное Око, Алый О'Кэла, Доктор Волоспион, — приободрился Герцог.

— Вереница странников во времени, подобных Ли Пао, тоже может оказаться здесь — или будет снова появляться благодаря эффекту Морфейла.

— Разве вы не доказали несостоятельность его теории, Лорд Джеггед, — с интересом полюбопытствовал Монгров.

— Наоборот, я подтвердил его правильность.

— Браннарт обрадуется, когда узнает об этом. Осталось только воскресить его, — сказала Железная Орхидея.

Амелия нахмурилась.

— Значит, планета будет в полной изоляции в пространстве и времени? — испуганно уточнила она.

— Совершенно верно.

— Жизнь станет вечной, как это было всегда, — с чувством произнес Герцог Квинский, готовый к новым подвигам, — С кого начнем, Монгров?

— В данный момент это должен быть Вертер де

Гете, хотя я не разделяю его взглядов, — гигант мельком взглянул на приведенный в плавное движение корабль пуплианцев.

— Это будет жалкой пародией.

— Что вы хотите этим сказать, вечный меланхолик? — Герцог мимо летным вращением Кольца Власти избавился от униформы и облачился в прежнее сверкающее оперение с головы до пят, вернувшись к прежней развязности.

— Это будет лишь пародия на жизнь. На безжизненной планете под безжизненным солнцем будет прозябать безжизненное общество без прошлого и будущего. Как вы не можете понять, Герцог, что мы избежали смерти лишь для того, чтобы стать живыми трупами? Мы — танцоры на Краю Времени, что обречены исполнять одни и те же па, лишенные разнообразия и жизни!

Речь Монгрова окончательно вернула Герцогу веселое расположение духа.

— От всей души поздравляю вас, Лорд Монгров. Вы нашли верный тон, в нем столько искренней страсти страдания. Я — постоянный почитатель вашего таланта.

Лорд Монгров облизнул свои большие губы и сморщил огромный нос.

— Смейтесь надо мной, Герцог, как вы все все-

гда смеетесь надо мной! Почему бы и нет? О, я глупец! Зачем оставаться здесь после всего, что случится? Это блажь, сплошная блажь! Мое место в космосе, пока не померкнут последние солнца, пока последние планеты не превратятся в прах!

— О, Монгров, сколько силы в утонченности вашего уныния! — поздравил его Лорд Джеггед. — Вы все должны стать моими гостями в Замке Канари. Мы устроим вечеринку в память о былых днях, приблизившись к Краю Времени. Амелия, вы скоро убедитесь, что воспоминаний о прошлом будет вполне достаточно.

Амелия рассеянно улыбнулась, не вникая в смысл его слов, потому что стенания Монгрова находили живой отклик в ее измученной душе. Ей понадобилось некоторое время, чтобы отвлечься от мрачных мыслей и войти в колею веселой болтовни с остальными о том, как бы не забыть сказать последние «прощай» космическому кэбмену, который приступил к ремонту хронобуса перед возвращением в собственное время. Амелия подозревала, что миссис Персон сыграла в этом деле не последнюю роль.

Герцог Квинский стоял на потрескавшемся сером грунте, восхищенно любуясь искусной работой. Перед ним возвышалась квадратная

громадина летательного аппарата, плавно раскачиваясь от каждого дуновения ветерка, шевелившего пыль у их ног.

— Эта секция — кузов — газовый резервуар, — распинался автор проекта перед Джереком. — Передняя часть предназначена для перевозки пассажиров, как такси.

— А что он представляет из себя в целом?

— Это грузовик из 20-го столетия.

Подобрав юбку своего венчального платья, Железная Орхидея вздохнула, вспомнив о недавних путешествиях.

— Смотрится довольно нелепо.

— О нет, дорогая. Это изъяны первого взгляда. Внутри газового баллона есть дыхательное оснащение.

Глава двадцать вторая
Изобретения и воскрешения

Вскоре все стало таким, как прежде, когда ветры забвения не коснулись их мира. Плоть, кровь и кость, трава, деревья и камень наполнили этот мир под новорожденным солнцем, и красота, безыскусная или причудливая, расцвела на лице этой иссохшей древней планеты, будто Вселен-

ная никогда не умирала. И за это мир должен был благодарить свои полуодряхлевшие Города и дерзкую настойчивость этого одержимого исследователя времени из двадцать первого столетия, из Эпохи Рассвета, который назвал себя именем маленькой певчей птички, модной за двести лет до его рождения. Кто считал себя актером, что не помешало ему сохранить свои тайны со всем хитроумием придворного Медичи, этот эксцентрик в желтом, этот томный разрушитель судеб, Лорд Джеггед Канари.

Они стали свидетелями возведения старого замка Канари. Сперва, раскаленный ярко-красным солнцем, туман окутывал мрачным блеском плетеную клетку в 75 футов высотой. Сквозь полупрозрачную позолоту прутьев были видны плавучие комнаты, каждая из которых соответствовала различным настроениям Джеггеда. Они наблюдали, как Лорд Джеггед окрасил небо в васильковый цвет с розовыми бликами от солнца, проникающего сквозь прутья клетки. Лучи его высвечивали тусклые пылинки, которым вдруг на смену подоспели кустарники, деревья, пруд с прозрачной водой. Это был жестокий контраст с, окружающим их на тысячи миль, безрадостным пейзажем.

И тут все загорелись желанием творить, творить пока не поздно. Монгров кинулся возводить черные горы, свои холодные, наполненные клубящимся туманом, залы и мрачные холмы, Герцог Квинский преуспел в возведении мозаичных пирамид, лунных золотистых куполов, меркурианских замков и океана, размером со Средиземноморье, в котором обитали чудовища и рыбы в стиле барокко. У каждой рыбы была своя комната. Железная Орхидея, разделившая с супругом общий кров, сотворила клумбы стальных цветов на серебряном снегу, холодных птиц, блестящих, как сталь, которые стучали клювами, хлопали крыльями и пели человеческие песни механическими голосами; роботов-лисиц и автоматы в малиновых камзолах, на механических лошадях — так называемых охотников — акр за акром хитроумной оживленной механики.

Джерек Карнелиан и Амелия Ундервуд выделялись скромностью своего творчества. Сначала они выбрали место для этого и окружили его лесами из тополей, кипарисов и ив, чтобы не было видно пустыни вокруг. Ее фантастический дворец был забыт: вместо него Амелия возвела беленький домик с черепицей и стропилами. В некоторые окна она вставила цветные стекла,

но остальные были огромными, насколько это возможно, из цветного стекла без переплета. Дом окружали клумбы с цветами, огород, пруд с фонтаном в центре и высокие заборы из кустарника, отгораживающие их дом от остального мира.

Джерек восхищался домиком, но почти не принимал участия в его создании. Внутри были дубовые столы, кресла, книжные полки без книг (не в ее власти было воссоздать их; неудачу потерпела и попытка воссоздать картины — Джерек утешил ее: никто не мог в Конце Времени сделать такие вещи), ковры, полированные буфеты, вазы с цветами, шторы, статуэтки, подсвечники, лампы. Из огромной кухни с водой и всякой современной утварью, включая точилку для ножей и газовую плиту, хотя она знала, что редко будет пользоваться ими, выходила дверь в огород, где уже наливались соком овощи. На втором этаже дома было две отдельные комнаты для них со спальнями, гардеробами, кабинетом и гостиной в каждом помещении.

Закончив, она посмотрела на Джерека, ожидая его одобрения, которое он, всегда восторженный, не преминул выразить.

Всюду шло бурное созидание: сверхобилие изобретательности.

Благодаря пикантным способностям Железной Орхидеи, Епископ Тауэр был рожден вместе с митрой и посохом, затем на свет появилась Миледи Шарлотина, немного сбитая с толку той памятью, что была раньше, потом наступила очередь Госпожи Кристии, Неистощимой Наложницы, Доктора Волоспиона, О'Кэлы Инкардинала, Эдгаросердного По, Сладкого Мускатного Ока.

Все новорожденные горели желанием внести свой вклад в реконструкцию мира и друзей. И Монгров из слякоти своих дождливых скал снова позволил мрачному романтичному Вертеру де Гете смотреть на мир и скорбеть, в то время, как Лорд Кархародон, неверящий, презрительный, оставался во владениях Монгрова только несколько мгновений, прежде чем броситься вниз с утеса, чтобы быть вновь воссозданным сочувствующим Монгровом и признать, что он был не совсем в себе, вызвать свой простой серый аэрокар и улететь прочь, чтобы построить себе жилье с квадратными комнатами и населить их автоматами-двойниками (не из желания насытить свое «я», а по скудости фантазии).

Лишь только резиденция и слуги-близнецы были воскрешены; Лорд Кархародон оставил потуги на Творчество, и вокруг его убогого дворца

лежала серая безжизненная земля, покрытая трещинами. Во всех уголках планеты поднимались целые горные хребты, великие реки катились по плодородным равнинам, бушевали моря, шумели леса, возвышались холмы, дышали луга, насыщенные жизнью.

Эдгаросердный По сделал, возможно, свой самый величественный вклад в мир, скопировав до мельчайших подробностей древний город, каждую разрушенную башню, каждый шепчущий купол восхитительного вкуса и аромата, каждое химическое озеро — суп из неописуемых лакомств, каждый камешек, от которого текли слюнки — деликатес.

Герцог Квинский построил флот летающих грузовиков, заставив их проделывать сложную акробатику в небе над своим домом, где он готовил вечеринку на тему о Смерти и Разрушении, роясь в банках памяти Городов в поисках пятидесяти самых знаменитых руин в истории: Помпея снова существовала на склонах Кракатау; Александрия, построенная из книг, сгорела заново; каждые несколько минут новый гриб распускался над Хиросимой, проливая дождем грибы, почти сравнимые с кулинарными чудесами Эдгаросердного По. Могильные ямы Брайтона были

искусно уменьшены, потому что для них требовались огромные пространства, были завалены крошечными телами, которые все еще шевелились, стонами и взывали к жалости. Но самым эффектным его изобретением был расплавленный Миннеаполис, замороженный, жестокий, все еще узнаваемый, с его обитателями, запечатленными в полупрозрачном желе, в попытке спастись от Швейцарской резни.

Это был Ренессанс, как и предсказывал Епископ Тауэр.

Лорд Джеггед Канари стал героем, его подвиги чествовались. Только Браннарт Морфейл считал вмешательство Джеггеда нежелательным. Действительно Браннарт оставался скептиком по поводу всей теории, связанной с методом спасения. Он исподлобья разглядывал резвящиеся скульптуры вокруг зеленого дворца Миледи Шарлотины (она отказалась от своего подводного мира, памятуя о наводнении, которое застигло ее в доме), на розовые пагоды Госпожи Кристии и эбеновую крепость Вертера де Гете, предостерегая всех, что это маленькая отсрочка Концом Света, но никто из них не захотел выслушать его.

Доктор Волоспион, пугало в черных лохмотьях с черным телом и красными глазами, сделал

марсианский саркофаг в тысячу футов высотой с репродукцией на его крыше безумцев Чезара, где четыре тысячи юношей и девушек умирали от истощения, а семь тысяч мужчин и женщин засекли друг друга кнутами до смерти. Доктор Волоспион счел свой дом «тихим», и наполнил его лунатиками-манекенами, пытающимися укусить его или подстроить ему жестокую ловушку. Его забавляла подобная обстановка.

Собор Епископа Тауэра в виде луча лазера, двойной шпиль которого исчезал в небе, казался непритязательным и скромным, но музыка лучей трогала до глубины души, вызывая эйфорию. Даже Вертер де Гете, потрясенный репродукцией Волоспиона, но осудивший ее, поздравил Епископа Тауэра с его творением, а Сладкое Мускатное Око просто позаимствовала идею для голубого кварцевого Старого Нового Старого Старого Нового Нового Нового Старого Нового Старого Нового Нового Нового Нового Старого Нового Нового Версаля, который процветал в ее любимом периоде (седьмом Интегральном Поклонении) на Сорке, планете из Созвездия Кентавра или Беты, давно исчезнувшей, вся структура которой состояла из примитивных музыкальных форм пятнадцатого столетия.

О’Кэла Инкардинал стал обычным козлом и пасся там, где осталась пустыня, не переставая блеять, что он очень любит выразительное чтение. Однако его козлиные замашки не вошли в моду. Единственными поклонниками его козьего таланта были Ли Пао (который поспешил вернуться из родного 2648 года) и Гэф Лошадь в Слезах, забавлявшийся испуганным блеянием новоиспеченного козла, когда он летал над бедной скотиной в своем воздушном самбуке и кидался фруктами.

Путешественник во времени был расстроен затянувшимся ремонтом машины. Он зашел в тупик и очень нуждался в поддержке и помощи, прежде чем он сможет рискнуть временным прыжком через измерения.

Лорду Джеггеду было не до него из-за собственных экспериментов, а Браннарт Морфейл ушел в себя с тех пор, как выслушал массу упреков в первые дни возрождения. Он общался лишь с теми, кто был подвержен его одноименному эффекту.

Ли Пао, кстати, стал заядлым Морфейлистом. Появился какой-то Рат Осаприкс, но вскоре выяснилось, что он беглый каторжник из тридцать восьмого столетия. Миледи Шарлотина застала его в тот самый момент, когда он пытался

украсть машину времени. Не церемонясь, она с помощью Кольца отправила его побарахтаться в верхних слоях атмосферы. Миледи Шарлотина, лишившись Браннарта Морфейла, принялась уговаривать путешественника во времени стать ее персональным ученым. Но он, обдумав все хорошенько, отказался от услуг навязчивой покровительницы, находя ее условия слишком стеснительными. Однажды Миледи Шарлотина, вернувшись из старого города, принесла новость, что Гарольд Ундервуд, инспектор Спрингер, сержант Шервуд, двенадцать констеблей и все Латы живы и здоровы, а космический корабль спасителей с Пупли исчез. Это заставило герцога Квинского открыть карты несколько раньше, чем он планировал. Он вновь завел питомник, и пуплианцы теперь там, хотя и не догадываются об этом. Он позволил им построить собственное окружение — закрытый резервуар, в котором они планировали избежать Конца Света. Они пребывали в полной уверенности, что остались единственными уцелевшими существами во всей вселенной. Все посетители питомника Герцога наблюдали, как они суетятся в огромной сфере, совершенно не сознавая, что они видны как на ладони. Они были погружены в загадочную

деятельность. Даже Амелия Ундервуд захотела посмотреть на них и согласилась с Герцогом, что пуплианцы, наконец, нашли свое счастье.

Этот визит к Герцогу, был их первым появлением в свете с тех пор, как они уединились в своем уютном домике. Амелия была удивлена скорыми переменами, лишь небольшие участки остались неизменными и, на всем лежала печать особого очарования. В воздухе она уловила сладкую свежесть весеннего утра.

По пути домой они увидели Лорда Джеггеда Канари в его огромном летающем Лебеде. За его спиной виднелась чья-то фигура. Джерек приблизился на своем локомотиве и окликнул их, без труда узнав спутника Джеггеда.

— Моя дорогая Няня! Какое счастье встретить вас снова. Как дети?

Няня была в здравом уме и памяти. Она покачала старой стальной головой и тяжело вздохнула.

— Боюсь, они исчезли. Назад, к ранней точке во времени, где я все еще управляю петлей времени, где они все играют, как, без сомнения, будут играть всегда.

— Вы отправили их назад?

— Да. Я решила, что этот мир слишком опасен для моих маленьких подопечных, юный Дже-

рек. Что ж я должна сказать, что ты выглядишь хорошо. Вполне взрослый мужчина сейчас, а? А это должно быть, Амелия, на которой ты хочешь жениться. О, я горжусь тобой, ты очень хороший мальчик, Джерри, — казалось, что она все еще пребывает в смутной уверенности, что Джерек был одним из ее воспитанников. — Я думаю, что отец тоже гордится тобой! — она повернула голову на девяносто градусов, чтобы нежно поглядеть на Лорда Джеггеда, который скривил губы в смущенной улыбке.

— О! очень рад, — сказал он. — Доброе утро, Амелия. Джерек.

— Доброе утро, сэр Макиавелли, — Амелия порадовалась его смущению. — Как продвигается ваш план?

Лорд Джеггет расслабился, засмеявшись.

— Очень хорошо, я думаю. Няня и я сделали пару модификаций, чтобы получить петлю. А вы? Как вы живете?

— Все хорошо, — ответила она ему.

— Все еще… обручены?

— Не женаты, лорд Джеггед, если вы спрашиваете об этом.

— Мистер Ундервуд все еще в городе?

— Так говорит миледи Шарлотина.

— Ага.

Амелия с подозрением посмотрела на Лорда Джеггеда.

Но на его лице ничего нельзя было прочитать.

— Мы должны лететь дальше, — лебедь начал отплывать от локомотива. — Время не ждет людей, ты знаешь. Во всяком случае, пока. Прощайте!

Они помахали ему, а лебедь поплыл дальше.

— Он дьявольски хитер, — сказала Амелия, но без злости — Как могут быть отец и сын такими разными?

— Ты так думаешь? — локомотив запыхтел по направлению к дому. — Хотя я подражал ему так долго, насколько я помню. Он всегда был моим идеалом.

Она задумалась.

— Можно искать признаки упадка в сыне, если видишь их в отце, хотя не справедливее ли смотреть на сына, как на отца, не попранного миром?

Он моргнул, но не стал просить объяснений. Амелия с печальной задумчивостью созерцала разноцветье бескрайних пейзажей.

— И все же, я завидую ему, — сказала она.

— Завидуешь Джеггеду? Его разуму?

— Его работе. Он единственный, на ком лежит

задача спасения планеты, кто делает полезное дело.

— Мы снова сделали планету красивой. Разве это не «полезное» дело, Амелия?

— Может быть, но это не то.

— Ты только начала творить. Дождемся завтра. Быть может, мы изобретем что-нибудь вместе, чтобы восхитить наших друзей.

Она попыталась стать веселой.

— Полагаю, что ты прав. Это вопрос позиции, как говорил твой отец.

— Точно, — он обнял ее.

Они поцеловались, но ему показалось, что ее поцелуй не был таким сердечным, как раньше.

* * *

На следующее утро будто странная лихорадка поразила Амелию Ундервуд. Ее появление в столовой было впечатляющим. Она была одета в малиновый шелк, украшенный золотом и серебром — напоминающим восточные наряды. На ее ногах были загнутые вверх башмачки, украшенные страусиными и попугаичьими перьями. Она проделала колоссальную работу со своим лицом: под выщипанными бровями голубели веки с удлиненными ресницами, щеки

были охвачены пожаром румян, губы небывалой красоты и полноты растянулись в широкой и доброй улыбке; в поцелуе было столько тепла, в объятиях — чувственности. Когда она заняла свое место за столом, от нее разило духами.

— Доброе утро, мой дражайший Джерек!

Он проглотил маленький кусочек сэндвича, но тот, казалось, застрял у него в горле. Негромким голосом он сказал:

— Доброе утро, Амелия. Ты хорошо спала?

— О, да! Я проснулась новой женщиной. Совершенно новой. Ха! Ха!

Он постарался проглотить кусочек, застрявший в горле.

— Ты кажешься очень новой. И изменения во внешности слишком смелые.

— Я вряд ли назвала это так, дорогой Джерек. Просто самовыражение, которое я не демонстрировала прежде. Я решила быть не такой чопорной, посмотреть на мир другими глазами и занять свое место в нем. Сегодня, моя любовь, мы изобретаем, творим!

— Творим?

— Ты еще вчера собирался удивить друзей.

— О, да конечно. Что мы создадим, Амелия?

— Много всего.

— По правде говоря, я не намеревался…

— Джерек, ты славился своими изобретениями. Ты диктуешь моду за модой. Твоя репутация требует, чтобы ты снова выразил себя. Мы построим сцену, превосходящую все, что мы видели до сих пор. И устроим вечеринку. Мы слишком часто пользовались гостеприимством, ничего не предлагая сами!

— Это правда, но… Она засмеялась над ним, отодвинув в сторону тарелку. Она отхлебнула кофе, посмотрев через окно на свой сад.

— Ты можешь предложить что-нибудь, Джерек?

— Ну… маленький «Лондон», мы можем сделать его вместе… Подлинный, как он есть.

— Лондон? Ты определенно не повторишь прежний успех.

— Это было просто предложением, ничего более.

— Я вижу ты восхищен моим новым платьем?

— Шикарное и красивое, — он вспомнил гимн который они однажды пели вместе. Он набрал побольше воздуха и приготовился запеть, но она опередила его.

— Я воспроизвела это платье с картины, которую видела в иллюстрированном журнале.

Кажется, это опера, или концертный зал. Мне хотелось бы узнать некоторые оперные арии. Города могут помочь?

— Сомневаюсь, что они помнят их.

— Да, и потом они занимаются в эти дни нудной работой Джеггеда.

— Ну, не совсем.

Она встала из-за стола, напевая про себя:

— Торопитесь, Джерек. Утро кончится, прежде чем мы начнем.

Он с неохотой встал, смущенный своей ролью, почти с отчаянием пытаясь вернуть настроение, которое всегда было нормальным для него, кроме, как оказалось, сегодняшнего дня.

Она взяла его под руку, шаг ее был более упругий, чем обычно, возможно, из-за необычных туфель на ногах, и они вышли из дома в сад.

— Я жалею, что мы не сохранили мой дворец, — сказала она. — Тебе не скучно в этом коттедже?

— Скучно? О, нет.

Он было удивился, заметив, что она разочарована его ответом. Она задумчиво взглянула на небо, повернула кольцо власти и сделала яркий голубой оттенок там, где моментом раньше преобладали розовато-желтые тона.

— Вот так!

За ивами и кипарисами находились остатки пустыни.

— Это, — сказала она, — то, что, по выражению Джеггеда должно быть нашим холстом. Он может содержать что угодно — любую причуду, которую сможет изобрести человеческий ум. Сделаем великолепную причуду, Джерек. Громадную причуду.

— Что? — он повеселел, хотя дурные предчувствия остались. — Ты хочешь превзойти Герцога Квинского?

— Всеми средствами! Он был сегодня одет во фрак, брюки серого цвета, жилет и рубашку. Джерек сделал цилиндр и поместил его торжественно на голову. Рука его легла на кольца. Колонны воды, казалось, выпрыгнули из земли, толстые и высокие, как красное дерево, образовав арку, которая, в свою очередь, стала крышей, сверкающей на солнце.

— О, ты слишком осторожен, Джерек! — она прикоснулась к собственным кольцам. Их окружили огромные скалы, и из каждой извергались потоки крови, образуя море, по которому дрейфовали обсидиановые острова, наполненные пышной темной растительностью. Черное Солнце раскалилось, а из океана крови и с островов

доносились жуткие звуки.

— Это очень величественно, — сказал Джерек тихим голосом, — но я не поверил бы…

— Я воспроизвела кошмар, который однажды видела во сне.

Что-то темное поднималось из моря. Сверкнули зубы, напоминающие о тварях, которых они встречали в палеозое, змееподобное нежное тело снова погрузилось с неприятным шумом обвала. Джерек повернулся к ней за объяснением.

— Впечатление, — ответила она, — о картине, которую я видела девочкой. О, ты не поверишь, какие кошмары меня мучили тогда. До сегодняшнего дня я забыла их почти полностью. Тебе нравится, Джерек? Это должны оценить наши друзья.

— Думаю, да.

— Куда подевался твой энтузиазм?

— Он при мне, Амелия. Но я не могу поверить…

— Я рада, что удивляю тебя, дорогой Джерек. Значит, у нашей вечеринки есть все шансы на успех, правда?

— О, да.

— Чуть позже я добавлю несколько штрихов. А сейчас пора отправляться в свет.

— Куда?

— Приглашать друзей.

Он молча кивнул и вызвал свой локомотив. Они сели в него и направились в Замок Канари, где надеялись найти Железную Орхидею.

Глава двадцать третья
Амелия Ундервуд преображается

— Латы все еще с нами? — Госпожа Кристия, Неистощимая Наложница, облизнула полные губы и распахнула свои огромные голубые глаза, чтобы принять тот особенный вид зрелой невинности, очень привлекательный для тех, кто любил ее (а кто нет?).

— О, это превосходные новости, Железная Орхидея! Меня насиловали бесчисленное количество раз. Жаль, что не смогу показать вам из-за этого дурацкого воскрешения, мои локти. Они были ярко-красного цвета! — ее платье из жидкого кристалла переливалось огнями, когда она подняла руки.

Они вместе шли через стеклянный проход в одном из обсидиановых островов миссис Ундервуд. Туннель светился красноватым светом, отраженным морем крови вокруг.

— Такая располагающая атмосфера, правда?

— Что-то от Вертера…

— Но не хуже, дорогая Орхидея.

— Вы всегда находили его работу более приятной, чем я (когда-то они были соперницами за воздыхания де Гете).

Кто-то появился в туннеле, загородив свет. К ним спешила Миледи Шарлотина, облаченная в оранжевое с зеленым. Она отшатнулась на секунду, когда волны ударили в остров и накренили его, затем остров выправился.

— Вы видели зверей? Один из них съел бедного О'Кэлу, — она хихикнула. — Кажется, они любят козлятину.

— Я думаю, звери хороши, — согласилась ее подруга.

Орхидея оставалась белой, таков был ее постоянный наряд, но добавила кое-где немного светло-желтого (цвета Джеггеда). Желтый цвет выглядел приятно на ее губах на фоне бледной кожи.

— И такой тяжелый запах.

— Не слишком приторный? — спросила госпожа Кристия.

— Для меня нет.

— И ваше замужество, сиятельная Орхидея, —

вздохнула миледи Шарлотина, ущипнув себя за ухо. Чтобы увеличить размеры мочек, она добавила серьги. — Я только что услышала. Как прикажете вас величать. Все еще Орхидеей? Или вы стали Леди Джеггед.

Они направились назад к выходу из коридора.

— Я не думала об этом, — Железная Орхидея первая вышла наружу. Ее сын был там, прислонившись к темно-зеленой пальме, уставившись в глубину кровавого океана.

— Вместе с Джереком, — сказала завистливо миледи Шарлотина, — вы положили начало династии, представляете!

Все три женщины вышли из коридора и увидели его.

Он поднял голову.

— Мы помешали вашим раздумьями?... — мягко спросила госпожа Кристия.

— О, нет... — На нем все еще была одежда, которую Амелия сочла подходящей — белая рубашка, белые фланелевые брюки и соломенная шляпа.

— Ну, Джерек? — его мать подошла ближе. — Вы подарите нам сына? Ты и твоя Амелия?

— А?

— Мальчика, мой мальчик!

— О, я, пожалуй, сомневаюсь в этом. Видишь

ли, мы не можем пожениться.

— Твой отец и я, Джерек, не были женаты, когда…

— Но она отказывается, — сказал он угрюмо. — Ее проклятый супруг до сих пор находится в городе и чертовски мешает нам. Хотя, возможно, она меняется…

— Ее создания говорят об этом.

— Да, — вздохнул Джерек.

— Это озеро, звери, эти утесы — какая мастерская работа, правда?

— Конечно, — он поднял голову, глядя на кровь, струящуюся из каждой скалы. — Но меня гложет чувство тревоги, мама!

— Ты завидуешь ее таланту? — Железная Орхидея поддразнивала его.

— Где она? — Миледи Шарлотина огляделась вокруг. — Я должна поздравить ее. Ведь это все ее работа, Джерек? Ничего твоего?

— Ничего.

— Великолепно.

— Она была с Ли Пао, когда я в последний раз видела ее, — сказал Джерек. — На одном из дальних островов.

— Я рада, что Ли Пао вернулся вовремя, — сказала Железная Орхидея. — Мне не хватало бы его.

Но сколько других исчезло!

— Да, нашим Питомникам нанесен непоправимый ущерб, — пожаловалась миледи Шарлотина. Она сделала себе солнечный загар (мода, которую ввела Амелия). — В них осталось только то, что делаем мы сами. Какие тяжелые времена настали, Орхидея!

— Но интересные!

— О, да!

— У Герцога Квинского есть эти трудно понимаемые круглые инопланетяне, — сказала госпожа Кристия.

— По праву, — ответила ей с горечью миледи Шарлотина. — По крайней мере, один из них мой. Все-таки, они — ценное приобретение по любым стандартам.

— Он очень гордится ими, — госпожа Кристия подошла обнять Джерека. — Ты кажешься печальным, самый красивый из героев.

— Печальным? Это эмоции? Я не уверен, что радуюсь ей, госпожа Кристия.

— Почему ты грустишь?

— Я не знаю.

— Ты хочешь состязаться в грусти с Вертером, вот и все.

— Я не думал о Вертере.

— Он здесь! — Железная Орхидея и миледи Шарлотина показали одновременно. Вертер увидел ее сверху и спустился кругами вниз в своем громоподобном аэрокаре. Он снял вместе с шляпой всю плоть со своего лица, так что открылся череп, и в томных глазах во впадинах глазниц мерцала жизнь.

— Где миссис Ундервуд, Джерек? — спросил Вертер. — Я потрясен впервые за последние тысячелетия. Вот это работа!

Все молчали. Только Джерек показал на дальний остров.

— Ого! — сказала госпожа Кристия и подмигнула Железной Орхидее. — Амелия успела добиться многого.

Джерек лягнул ногой кусок скалы и снова вздохнул. Его шляпа упала с головы. Он наклонился и поднял ее.

Женщины сплели руки и вместе поднялись в воздух.

— Мы летим к Амелии, — крикнула через плечо Железная Орхидея. — Присоединяйся к нам, Джерек!

— Спасибо.

Он только недавно избежал натиска целого скопища гостей, которые толпились около его

невесты, выражая свои восторги ее творческим талантом, ее костюмом, ее красотой. К Джереку обращались лишь для того, чтобы похвалить Амелию. Сейчас она увлеченно болтала о чем-то на дальнем острове, занимал гостей своим вкусом и остроумием — но это была уже не его Амелия.

Джерек повернулся на звук шагов. К нему подошел путешественник во времени, засунув руки в карманы, в угрюмом расположении духа.

— Добрый день, Джерек Карнелиан. Миледи Шарлотина передала мне ваше приглашение, а Лорд Монгров подбросил сюда. Да, пейзаж довольно причудлив. Вы, должно быть, путешествовали дальше на материк во время вашего пребывания в Палеозое, чем я думал.

— К заливу?

— За заливом — его ландшафты, очень похожие на этот, дикие и прекрасные. Это извращенная версия. О, увидеть бы снова дождь, падающий сквозь солнечное сияние палеозойским утром, эту легкую зыбь озер, услышать бы шелест папоротника под дуновением ветерка!

— Я начинаю завидовать, — Джерек уставился на свое отражение, искаженное в крови. — Иногда я сожалею о нашем возвращении, хотя знаю, что мы умерли бы с голода.

— Чепуха. С приличным оборудованием и умом можно хорошо прожить и в палеозое, — путешественник во времени улыбнулся, — до тех пор, пока не захочешь поплавать в реке. Та рыба, между прочим, очень вкусная.

— Гм! — сказал Джерек, глядя на остров, где Амелия развлекалась с гостями.

— С тех пор, — пробормотал путешественник во времени, — когда я приступил к путешествиям, очень многое изменилось, вся романтика куда-то улетучилась. Я был одним из первых, знаете ли. Возможно, самым первым.

— Пионером, — подсказал Джерек.

— Да, можно сказать и так. Будет злой иронией, если я застряну здесь, когда ваш Лорд Джеггед пустит в ход свой план с петлей времени. Я пересек эпохи, пересек барьеры между мирами, и теперь мне угрожает заключение навечно в одной и той же неделе, повторяющейся снова и снова в бесконечности, — он издал звук, напоминающий стон. — Нет, я не позволю этого. Если я не получу помощь в ремонте моего экипажа, я рискну вернуться назад и попрошу поддержки Британского правительства. Так будет лучше, чем то положение, в котором я нахожусь.

— Браннарт отказывается помочь?

— Мне кажется, он строит собственную машину. Он отказывается принять теории Лорда Джеггеда и его решение проблемы.

Джерек чуть улыбнулся.

— Тысячи лет Браннарт был Лордом Времени. Его эффект был одним из немногих законов, извечной этой несовершенной науки. И вдруг он лишился трона. Неудивительно, что он стал таким возбужденным, и делает какие-то дурацкие предупреждения. Хотя, сколько еще он мог бы сделать. Гильдия приветствовала бы его знания, не так ли?

— Возможно. Хотя его трудно назвать настоящим ученым. Он пренебрегает анализом, навязывая свое воображение фактам. Я не виню его в этом, поскольку эта особенность присуща всему вашему обществу. Вы покушаетесь на те законы природы, которые в мое время считались незыблемыми.

— Пожалуй, вы правы, — Джерек увидел, как еще несколько вновь прибывших гостей направились к острову Амелии.

— Это заманчиво. Но решая проблемы с помощью изменения фактов, вы утратили почву под ногами.

— Очень приятно, — рассеяно сказал Джерек.

— Фундаментально различные позиции. Даже ваш Лорд Джеггед заражен до некоторой степени.

— Заражен? — Джерек заметил корабль Эдгаросердного По, спускавшийся по спирали над утесами. Его внимание было приковано к острову, и он направил свой корабль туда.

— Я употребил это слово без всякой критики. Но для любого, вроде меня, привыкшего бороться с проблемой аналитическим методом…

— Естественно…

— Естественно для меня. Я был научен отвергать любой другой метод.

— Понятно, — не в силах сдерживать себя, Джерек повернул Кольцо Власти и поднялся в воздух. — Примите мои извинения… общественные обязанности… возможно, нам удастся поговорить позже.

— Послушайте, — сказал поспешно путешественник во времени. — Вы не могли бы подбросить меня? У меня нет средств передвижения…

Но Джерек был уже за пределами слышимости, оставив путешественника во времени растерянно смотреть на розовую пену, смывающую скалистый обсидиановый берег, в ожидании, когда какой-нибудь другой гость поможет ему

попасть на материк.

Нечто черное и длинное появилось над поверхностью малинового моря, и, взглянув на него, почмокало губами, прежде чем потерять интерес и поплыть дальше в направлении, в котором улетел Джерек.

Путешественник во времени повернулся и пошел искать более высокую точку острова, где, если повезет, он будет в безопасности от зверей и сможет подать сигнал о помощи.

* * *

Амелия была в центре внимания. Через головы и плечи гостей Джерек увидел ее кокетливую борьбу с сигаретой. Подражая ей, Сладкое Мускатное Око пускала дым из ушей. Ближе всех к ней была Железная Орхидея, Госпожа Кристия, Миледи Шарлотина и Вертер де Гете. Сквозь общий шум Джерек с трудом улавливал их слова.

— После этого, Амелия, вы должны признать, что ваш девятнадцатый век вышел из моды.

— О, моя любовь, вы всем этим доказали противоположное. В этом есть изюминка…

— Просто, но со вкусом…

— Все гениальное, госпожа Кристия, просто…

— Вы правы, сладчайшая Орхидея. Из того что

хочешь придумать сам, но не можешь…

— Ну, а серьезно? Если человек все еще смертен, то что он теряет? Какие могут быть комментарии по этому поводу!

— Я считаю это просто красивым, Вертер, и ничего больше. В самом деле, Амелия, произведение не предназначено…

— Это импровизация на скорую руку…

— Признайтесь, Вы вынашивали этот замысел много дней?

— Да нет же, все вышло непроизвольно.

— Я знала это! Во всем столько жизни…

— А чудовища! Бедный О'Кэла…

— Как бы не забыть оживить его.

— Еще не время. Ближе к концу.

— Наше первое воскрешение после Возрождения. А вот и Герцог Квинский.

— Все комплименты вселенной бледны. Преклоняюсь перед маэстро! О, повелительница моего сердца!

— В самом деле, вы смущаете меня.

Последовал взрыв смеха, который они ни за что не позволила бы себе прежде.

Джерек протолкнулся вперед.

— О, Амелия, если вы не оттолкнете меня…

— Джерек, ты наконец здесь.

— Здесь, — сказал он.

Его выразительное молчание грозило распространиться на всех присутствующих, так как оно было именно такого рода, но Епископ Тауэр тряхнул своим жезлом.

— Ну, Вертер. Мы слышали твои признания. Ты напрашиваешься на дуэль, интересно знать?

— Дуэль! — Герцог Квинский обрадовался случаю порисоваться. — Я вам рекомендую, Вертер. Соглашайтесь, вы не пожалеете. Я хорошо владею шпагой, но с Лордом Кархародоном никто не сравнится. Я думаю, он согласится.

— Хвастунишка Герцог! — Железная Орхидея положила светло-желтую руку на обнаженное плечо Амелии, а белую руку на рубашку Джерека. — Лично я устала от дуэлей и прочих поветрий девятнадцатого века. (Амелия, должно быть, сыта по горло всеми этими дуэлями. У вас в Барнауле занимаются этим спортом?)

— Бромли, — поправил ее Джерек.

— О, Прошу прощения, Бромли.

— О, но идея хороша! — прокаркал доктор Волоспион, заостренный подбородок которого высовывался из-под полей его шляпы. Он покосился поочередно на Джерека, а затем на Вертера. — Один пышет свежестью и здоровьем

— другой истощен и уныл, почти мертвец. Вертер, с вашей склонностью к гиперболам грех не согласиться. Дуэль между жизнью и смертью. Победителю вверим судьбу планеты!

— Это слишком ответственная и почетная миссия, доктор Волоспион, — по тону Вертера и непроницаемому лицу невозможно было понять, шутит он или говорит всерьез.

Джерек, который никогда не питал большой симпатии к доктору Волоспиону (ревность доктора к Лорду Джеггеду была широко известна), сделал вид, что не расслышал его слов. Однако следующее его замечание подтвердило худшие подозрения Джерека:

— Значит, только Джеггеду позволено решать судьбу человечества?

— Мы сами выбрали ее! — Джерек защищал отсутствующего отца. — Лорд Джеггед просто обеспечил нас средствами выбора. Без него их у нас не было бы!

— Итак, за старого кобеля лает его щенок, — злобно сказал доктор Велоспион.

— Вы забыли, доктор Велоспион, — сказала Железная Орхидея сладким голосом. — Что сука тоже здесь!

Волоспион поклонился ей и отошел в сторону.

Громким голосом Амелия Ундервуд предложила:

— Не пора ли нам на самый большой остров, где приготовлено угощение?

— Я предвижу вдохновение, — сказал Эдгаро-сердный По с тяжеловесной галантностью.

Гости поднялись в воздух. На секунду Джерек и Амелия остались одни, стоя друг перед другом. На его лице был вопрос, которого она, казалось, не замечала. Он шагнул к ней в уверенности, что увидел боль и смятение в этих накрашенных, немигающих глазах.

— Амелия…

— Она уже поднималась.

— Ты наказываешь меня! — его рука потянулась вверх, в порыве удержать край ее одеяния.

— Не тебя, моя любовь.

Глава двадцать четвертая
Видения в городе

— Мы слышали о ваших многочисленных дарованиях, миссис Ундервуд. Говорят, вы умеете читать? — Гэф Лошадь в Слезах в попоне из листвы держал сладкую плюшку на конце своей левой ветки. — И писать тоже, это правда?

— Немного, — ответила Амелия с напуганным

весельем.

— И играете на инструменте?

Она поправила пару искусственных локонов.

— На фисгармонии.

Расфуфыренные гости, один экстравагантней другого, расположились по общим сторонам длинных плетеных столов, угощаясь чаем, сэндвичами с огурцами, поджаренной ветчиной, холодными сосисками, клубничным пирогом, имбирными кексами под тенью высокого шатра в красно-белую полоску. Джерек, всеми забытый, забился в угол и тихо грыз печенье, пока к нему не подошел Ли Пао, потрясенный приемом оказанным ему в родных пенатах.

— Вы представляете, они называли меня декадентом…

— И вы зашиваете? Или пришиваете, и вышиваете? — Епископ Тауэр отпил пару глотков и поставил чашку на стол.

— Да, я умею все это делать, но теперь в этом нет смысла…

— Почему? Вы должны нас просветить! — Железная Орхидея подала сигнал Джереку. — Джерек, ты говорил, что Амелия поет, не так ли?

— Разве говорил? Да, она поет.

— Попроси ее спеть нам.

— Сеть?

— Да нет же, спеть.

Он поглядел с несчастным видом туда, где Амелия веселилась с доктором Волоспионом.

— Ты не споешь нам гимн, Амелия?

Ее улыбка заморозила его.

— Не сейчас, — она расставила руки в малиновых рукавах. — Вам хватило чаю?

Гул одобрения. Вертер снова подошел к ней, держа в белой руке серебряное блюдце с печеньем и кидая время от времени по штучке в клацающие челюсти.

— Королева Меланхолии, пойдем со мной в мой Скорбный Склеп, моя любовь!

Она флиртовала. По крайней мере, пыталась флиртовать.

— О, мужественный Рыцарь Смерти, в чьих руках вечный покой! Если б я была свободна. — Ее веки затрепетали. От слез?

Джерек не мог больше вынести этого. Она бросила взгляд в его сторону, проверяя реакцию. Он поклонился и кинулся прочь.

Оказавшись снаружи, он заколебался. Красные каскады продолжали сыпаться со всех сторон в озеро. Обсидиановые острова медленно дрейфовали к центру, некоторые из них уже касались

друг друга. Джерек увидел путешественника во времени, осторожно прыгавшего с одного острова на другой.

Он захотел вдруг очутиться в старом городе, где еще ребенком находил поддержку и ответы на все вопросы. Может, он встретит отца.

— Джерек! Амелия догнала его. Ее малиновые щеки были в слезах. — Куда ты пропал? Ты плохой хозяин сегодня.

— На меня никто не обращает внимания. Я лишний на этом балу, — он сдерживался. — Никто, по-моему, не заметил моего отсутствия, все так увлеклись тобой.

— Ты обижаешься?

— Нет, я хотел наведаться в город.

— Это не очень хорошие манеры, Джерек.

— Я не понимаю тебя, Амелия.

— Ты уходишь сейчас?

— Да.

Она немного помолчала, затем сказала:

— Я пойду вместе с тобой.

— Кажется, тебя устраивает, — он оглянулся назад, на шатер, — все это.

— Я только хочу угодить тебе. Все так, как ты всегда хотел, — в ее голосе было обвинение. Слезы высохли и других не последовало.

— Я вижу.

— Чем тебе не нравится моя новая роль?

— Почему? Хорошая роль, впечатляющая. В какое-то мгновение ты стала признанным законодателем мод. Все общество празднует твои таланты, твою красоту. Вертер ухаживает за тобой, скоро у тебя отбоя не будет от поклонников.

— Разве не так проводят время на Конце Времени — в развлечениях и флиртах?

— Наверное, так.

— Значит, мне необходимо овладеть и этими искусствами, чтобы стать признанной твоим обществом. — Вновь последовала жуткая улыбка — Госпожа Кристия изнывает по тебе, ты не замечал?

— Я хочу только тебя. Ты уже принята в общество, ты видела это сегодня.

— Потому что я играю в ваши игры.

— Делай что хочешь. Ты останешься здесь?

— Позволь пойти с тобой. Мне действует на нервы всеобщее внимание, я не привыкла к нему. Мне будет спокойней от мысли, что с Гарольдом все в порядке.

— О, ты беспокоишься о нем?

— Конечно, — сказала она. — Я еще не привыкла к вашей черствости.

Лебедь Лорда Джеггеда опустился на землю. Они услышали его голос.

— Мои дорогие, как кстати. У меня нет времени посетить вашу вечеринку, но я хочу вас поздравить с ней. Красивый мир, Амелия. Конечно, он ваш.

Она кивнула, лебедь, начал подниматься, Лорд Джеггед глядел на них сверху.

— Ну, вы освоились, Амелия, в Конце Времени?

— Только начинаю, Мефистофель.

Упоминание, как всегда вызвало смех. — Вы все еще не сдались? Никакой женитьбы?

— С Джереком? — она не взглянула на Джерека, который оставался молчаливым. — Нет еще.

— Все по тем же причинам?

— Я делаю все возможное, чтобы забыть их.

— Вам нужно время, моя дорогая. Это вопрос времени, — взгляд Джеггеда стал пристальней, но ирония осталась.

— Его как раз не хватает.

— Все зависит от вашего отношения, как я сказал. Жизнь будет продолжаться, как всегда, без всяких изменений.

— Без всяких изменений, — упавшим голосом сказала она. — Именно так.

— Что ж, мне пора вернуться к работе. Желаю

вам всего хорошего, Амелия — и тебе, сын мой. Вы еще утомлены Девонскими приключениями. Я уверен, все будет хорошо.

— Будем надеяться, Лорд Джеггед?

— Эй, там! Эй! — путешественник во времени отчаянно пытался выбраться с острова. Он махал лебедю Джеггеда. — Это вы, Джеггед?

Лорд Джеггед Канари повернул красивую голову, чтобы посмотреть на источник беспокойства.

— О, мой приятель. Я искал вас. Кажется, вам нужна помощь?

— Да, помогите мне покинуть этот проклятый остров…

— И проклятую эру, не так ли?

— Если бы вы оказались в моем положении…

— Простите за невольную невежливость. Сложные проблемы, но теперь решенные.

Лебедь поплыл к путешественнику во времени и сел на каменистом берегу, чтобы тот мог забраться на борт. Они слышали, как путешественник во времени сказал:

— Ваша помощь неоценима, Лорд Джеггед. Один из кварцевых стержней требует замены, два или три прибора нужно отрегулировать…

— Хорошо, — донесся голос Джеггеда. — Мы обсудим это в замке Канари.

Лебедь поднялся высоко в небо и исчез над одним из утесов, оставив Джерека и Амелию позади.

— Это был Джеггед? — у входа в шатер стояла Железная Орхидея. — Он обещал заглянуть на минутку. Амелия, все заметили твое отсутствие.

Амелия подошла к ней.

— Дорогая Орхидея, побудь хозяйкой за меня. Я еще неопытна и устала. Мы с Джереком хотим отдохнуть от волнений.

— Хорошо. Джерек уже вызвал локомотив. Он ожидал, из трубы вился бело-голубой дымок, изумруды и сапфиры мерцали. Поднявшись в воздух, они поглядели вниз, на первое творение Амелии. На фоне окружающего пейзажа оно походило на обширную и ужасную рану, будто земля была живой плотью, и в боку у нее торчало огромное копье.

Вскоре на горизонте показался город со своими, странной формы, полуразрушенными башнями, в многоцветье торжественного ореола, клубами химических испарений, ворчанием и приглушенным бормотанием, особенными полуорганическими — полуметаллическими запахами. Обоих переполнило чувство ностальгии по тем счастливым дням, что они испытали прежде.

Во время полета они не проронили ни слова, не в состоянии начать разговор. Оба не могли совладать со своими чувствами. Джереку было вдвойне тяжело, он испытывал это чувство впервые. Он никогда не видел ее такой отчаявшейся. Она давала понять об этой тоске и безысходности, но из гордости не признавалась в этом открыто. Джерек, питавший симпатию к парадоксам, вдруг озлобился, считая этот — крайне нежелательным.

— Ты хочешь найти мистера Ундервуда? — спросил он, когда локомотив приблизился к городу.

— А ты?

Он узнал дурное предчувствие. Всеми фибрами души он стремился везде и всюду сопровождать ее, но его одолел какой-то необычный приступ тактичности.

— О, я ищу призраки моего детства.

— Это не Б ран нарт?

— Где? — всмотрелся он.

Она показала на месиво древней, уже сгнившей, техники. — Я думала, там. Но он исчез. Я даже мельком видела одного из этих Латов.

— Что у них может быть общего?

— Конечно, ничего.

Они пролетели мимо, и, хотя он оглянулся назад, он не увидел признаков ни Браннарта Морфейла, ни Латов.

— Теперь понятно, почему его не было на вечеринке.

— Я полагаю, только из чувства неприязни.

— Он никогда в прошлом не упускал возможности изложить свое патентованное мнение, — сказал Джерек. — Я считаю, что он все еще старается помешать Лорду Джеггеду, но ему не везет в этом. Путешественник во времени объяснял мне, почему методы Браннарта непригодны.

— Итак, Браннарт впал в немилости, — сказала Амелия. — Ты ему многим обязан, — упрекнула она Джерека.

— Разлукой с тобой? Он забывает, когда негодует на нас за наши путешествия во времени, что большая часть вины в том, что произошло, лежит на нем и на миледи Шарлотине. Побереги свои симпатии, Амелия.

— Симпатии? О, у меня теперь их мало, — она вернулась к своей холодной иронической манере.

Эта новая размолвка вызвала дальнейший уход в свои мысли. Джерек поражался своей пристрастности к Браннарту. Он не привык об-

винять и уступать, не мог справиться с душевной болью и всплеском эмоций; в то время, как она производила впечатление человека опытного. Он, познавший радость невинной любви, барахтался теперь в болоте ее двойственности. Лучше бы она никогда не признавалась в своей любви и оставалась суровой сторонницей Бромли, его морали, оставив ему роль галантного кавалера в его экстравагантном мире.

Кому она адресовала свои агрессивные обвинения? Пыталась она обвинить его или казнила себя, пытаясь побороть и пересилить привычную рутину?

Все это было слишком для Джерека, и он искал облегчения во внешнем мире. Они плыли над озером, поверхность которого представляла круговорот из цветов радуги, кипящий пузырями, затем над лазурным полем, усеянным резными каменными колоннами, сохранившимися с двухтысячного века. Он увидел впереди лощину в милю шириной, на краю которой они ждали конца света. Локомотив сделал круг и приземлился посреди руин. Джерек помог ей встать на подножку, и они секунду стояли застыв, после чего он пристально посмотрел в ее глаза, чтобы узнать, догадывается ли она о его мучениях,

которые он не мог выразить словами. Словарь Конца Времени пестрил одними гиперболами. Он подумал, что именно его первоначальный импульс расширит словарь, и, соответственно, опыт привел его к настоящему положению. Он улыбнулся.

— Что так забавляет тебя? — спросила она.

— О, нет, Амелия. Только то, что я не могу высказать все, что накипело на душе.

— Не стоит делать хорошую мину при плохой игре. Я знаю, что разочаровала тебя и потеряла твою любовь.

— Ты хочешь услышать эти слова?

— Это всего лишь правда. Теперь ты знаешь, что я такое.

— О, Амелия, я люблю тебя. Но я не в силах видеть тебя такой расстроенной. Это другая Амелия, не ты.

— Я учусь радоваться забавам Конца Времени. Ты должен понять это.

— Они не радуют тебя. Ты прибегаешь к ним, чтобы убить себя.

— Не себя, а свои старомодные принципы.

— Может, эти принципы жизненно необходимы. Может, именно они являются Амелией Ундервуд, которую я люблю, или, по крайней

мере, частью ее…

— Ты ошибаешься, — не намеренно ли она держалась на расстоянии от него? Возможно, она жалеет о своем признании в любви, чувствует себя связанной им.

— Ты еще любишь меня?

Она засмеялась.

— Все любят всех в Конце Времени.

Она решительно нарушила тишину, сказав:

— *Я* поищу Гарольда.

Он показал ей на дорожку из желто-коричневого металла.

— Она приведет тебя к месту, где мы оставили его.

На момент внимание Джерека было отвлечено тремя маленькими яйцеобразными роботами на гусеницах, пробирающимися через кучу обломков и увлеченными беседой на совершенно непонятном языке. Когда он снова посмотрел на дорогу, Амелия исчезла. Джерек был в городе, но одиночество больше его не привлекало. Он хотел догнать ее и выпытать все о ее настроении, но, возможно, она была так же неспособна высказать себя, как и он. Интересно, как в Бромли интерпретируют эмоции, на том же уровне стандартов социального поведения? Он начал подозревать,

что сутью этого вопроса не интересовались ни в Бромли, ни в Конце Времени. Теперь, когда он находился в городе, он мог найти какой-нибудь все еще функционирующий банк данных памяти, способный припомнить мудрость одной из тех эр, вроде Простой Конфуцианской и Дзэн-общества, которые придавали слишком преувеличенное значение самопознанию и его выражению. Даже странные нейротические изощренности того периода, с которым он был немного знаком, Диктатуры Святого Клавдия (при которой от каждого гражданина требовалось обеспечить три отчетливо различных объяснения их психических мотивов даже для самых мелких поступков) могли дать ему ключ для понимания поведения Амелии. Ему пришло в голову, что она могла действовать странно потому, что он не утешил ее. Джерек направился через руины в противоположную сторону, пытаясь вспомнить что-нибудь об Обществе Эпохи Рассвета. Может быть, от него требовалось убить мистера Ундервуда? Это было достаточно легко. Интересно, она даст согласие на воскрешение ее мужа? Не должен ли он, Джерек, изменить свою внешность, чтобы стать похожим на Гарольда Ундервуда? Не потому ли она не захотела, чтобы он изменил свое имя на

ее, что этого было недостаточно? Он прислонился к резному нефритовому столбу, чья верхушка терялась в химическом тумане высоко над его головой. Ему казалось, что он вспомнил какой-то ритуал, формализующий передачу себя другому человеку. Может быть, она сердится, что он не исполнил его? Или нужно было сделать наоборот? Имеет ли коленопреклонение какое-нибудь значение, и, если да, то кто перед кем становится на колени?

— Гм! — сказал нефритовый столб.

— А? — вздрогнул от неожиданности Джерек.

— Гм! — повторил столб.

— Ты засек мои мысли, столб?

— Я просто помогаю размышлениям, брат. Я не интерпретирую.

— Мне как раз нужна интерпретация. Если ты можешь направить меня…

— Все есть все, — сказал ему столб. — Все есть ничто, и ничто есть все. Разум человека — вселенная, и вселенная это разум человека. Мы все персонажи снов Бога. Мы все — Бог.

— Легко сказать, столб.

— То, что вещь легка, не означает, что она трудна.

— Разве это не тавтология?

— Вселенная — это одна большая тавтология, брат, хотя ни одна вещь в ней не похожа на другую.

— Ты не очень полезен. Я ищу информацию.

— Нет такой вещи как информация. Есть только знания.

— Несомненно, — сказал с сомнением Джерек.

Он попрощался со столбом и удалился. Столб, подобно многим субъектам города, не обладал чувством юмора, хотя, вероятно, если спросить его, как делали это другие — заявит о своем космическом чувстве юмора (которое включало обычные иронические суждения о вещах, доступных простейшему разуму.

В отношениях обычной легкой беседы машины, включая самые сложные, были никудышными компаньонами, подобными педантичному Ли Пао. Эта мысль привела его, пока он шел, к выводам о различии между человеком и машиной. Когда-то были и большие различия, но в эти дни их осталось немного, только в поверхностных терминах. Что отличало самостоятельную машину, способную почти к любому виду творчества, от человеческого существа равных способностей? Здесь были различия, возможно, эмоциональные. Может быть; тогда правда, что чем меньше

эмоций имеет личность, тем беднее ее чувство юмора? Или, чем больше она подавляет эмоции, тем слабее ее способность к оригинальной иронии?

Эти идеи вряд ли вели его в нужном направлении, но он уже отчаялся найти какое-либо решение своей дилеммы в городе, зато мысли столба сразу же нашли отклик в его душе.

Хромированное дерево хихикнуло, когда он вошел на мощеную площадку. Он был здесь несколько раз мальчиком и сильно привязался к хихикающему дереву.

— Добрый день, — сказал он.

Дерево хихикнуло, как оно исправно хихикало, по меньшей мере, миллион лет, кто бы не обращался или не приближался к нему. Его функцией, казалось, было просто развлекать. Джерек улыбнулся, несмотря на тяжесть своих мыслей.

— Приятный денек.

Дерево хихикнуло, его хромированные ветки звонко соприкасались друг другом.

— Слишком робкое, чтобы говорить, как обычно.

— Хи-хи-хи!

Очарование дерева было очень трудно объяснить, но оно было неоспоримо.

— Я думаю, что сам я, старый друг, «несчастен»… или хуже!

— Хи… хи… хи… — дерево, казалось, зашлось от смеха.

Джерек тоже стал смеяться.

Смеясь, он покинул площадь, чувствуя себя значительно более расслабленным. Он приблизился к груде металла, где Амелии сверху показалось, что она видела Браннарта Морфейла. Джерека привело сюда праздное любопытство, но в какой-то момент ему показалось, что он видит мелькание огоньков в сплетении труб, подпорок и огоньков. Он подошел поближе и, всмотревшись, узнал горбатого Морфейла. Вспыхнувший свет подтвердил его открытие. Затем раздался голос Браннарта, вдруг овладевшего языком маленьких Латов.

— Герфикс лортоода мибикс? — сказал Ученый.

Другой голос ответил ровно. Он принадлежал капитану Мабберсу.

— Хрунг! Врагак флузи, гродоник Морфейл.

Джерек пожалел, что не захватил с собой переводильные пилюли, потому что союз горбуна с ублюдками заинтриговал его. Джерек был уверен, что это заговор — от всего предприятия веяло

таинственностью. Он решил предупредить Лорда Джеггеда как можно скорее. Джереку хотелось увидеть и узнать побольше, но он не стал рисковать, чтобы не обнаружить свое присутствие, он повернулся и нашел укрытие в ближайшем куполе с треснувшей, как скорлупа яйца, крышей.

Внутри купола он с восторгом обнаружил яркие цветные картины, свежие, как в день, когда они были сделаны, и рассказывающие какую-то историю, хотя голоса аккомпанирующие им, были искажены. Он наблюдал древнюю программу, пока она не началась снова. В программе описывалась технология производства машин, подобной той, на которой Джерек просмотрел картины. Он нашел еще несколько программ, в которых были отражены разные события — в одной молодая женщина, одетая в какую-то светящуюся сетку, занималась любовью под водой с огромной рыбой странной формы; в другой двое мужчин подожгли себя, и, вбежав в шлюз космического корабля, вызвали его взрыв; а еще в одной большое количество людей, одетых в металл и пластик, боролись в невесомости за обладание маленькой трубкой, которую, когда один из них умудрился захватить ее, швыряли в один из нескольких круглых предметов на стене

здания, в котором они плавали. Если трубка ударялась об определенное место круглого объекта, половина людей приходила в восторг, а другая демонстрировала уныние; но Джерека больше заинтересовал фрагмент, в котором, казалось, показывалось, как мужчина и женщина могут совокупляться в невесомости. Его тронула изобретательность авторов, и он покинул купол в неплохом настроении.

Он решил найти Амелию и объясниться начистоту, почему все происходит именно так. Джерек заблудился в городе, но ему не стоило особого труда найти правильное направление. Он пересек хрустящую лужайку из сладко пахнущих кристаллов и приблизился к полурасплавленному ансамблю, заметив впереди ориентир, висящий без видимой поддержки над механической фигурой, протягивающей к нему сначала умаляющие руки, затем берущей с земли маленькие золотые диски и швыряющей их в воздух, повторяя эти движения снова и снова, с тех пор, как Джерек стал себя помнить. Он прошел мимо фигуры и углубился в плохо освещенную аллею, где из отверстий по обеим сторонам высовывались маленькие металлические морды, глазки машин всматривались пристально в него и шевелили

серебряными усиками. Джерек никогда не знал функции этих платиновых грызунов, хотя догадывался, что они были сборщиками информации какого-либо рода для машин, помещенных за высокими, обожженными радиацией стенами аллеи. Несколько миражей, почти неощутимых, появились и исчезли впереди него — тонкий мужчина восьми футов роста, слепой и агрессивный, собака в большой бутылке на колесах, желтоволосый, похожий на свинью инопланетянин в разноцветных одеждах.

Джерек вышел из аллеи и пошел дальше по колено в мягкой черной пыли, пока земля не стала подниматься, и он оказался на холмике над прудами из какой-то стеклянной субстанции, правильной круглой формы, подобно выброшенным линзам гигантского оптического инструмента.

Он обогнул их, так как знал из прошлого опыта, что они способны двигаться и проглотить его, а затем повергнуть галлюцинациям, которые, хотя и интересны, отнимали много времени. Вскоре он увидел впереди себя пасторальную иллюзию, где они встретили Джеггеда по его возвращении. Джерек пересек иллюзию, заметив что там был разложен свежий пикник и нет следов пребывания Латов (которые обычно оставляли кучу

мусора после себя), и продолжал бы свой путь дальше к яме в милю шириной, если бы не услышал слева от себя голоса, поющие песню:

Тот, кто рассказывает ему
Плохие истории,
Этим себе вред приносит.
Он становится только сильнее.

Джерек пересек исток из податливого вздыхающего вещества, почти теряя равновесие, так что несколько раз ему пришлось подняться в воздух (хотя, казалось, все еще оставались какие-то трудности в прямой передаче энергии от города к кольцу). В конце концов на другой стороне рухнувших арок, он нашел их, стоящих вокруг мистера Ундервуда, который энергично махал руками, дирижируя инспектору Спрингеру, сержанту Шервуду и двенадцати констеблям, поющим гимн с сияющими и полными радости лицами. Только спустя некоторое время Джерек заметил миссис Ундервуд, картину отчаянного смущения, в покрытом пылью восточном платье, со сбитыми набок перьями, сидящей обхватив голову руками, и наблюдающей происходящее из античного вращающегося кресла, что осталось от какой-то рубки управления.

Она подняла голову при его появлении.

— Они все теперь обращены в веру, — устало сказала она ему, — им, кажется, что было видение, незадолго до нашего прибытия.

Гимн кончился, но служба (это было ничем иным), продолжалась.

— И, таким образом, Бог явился к нам в золотом шаре, и Он говорил с нами, и Он сказал нам, что мы должны идти вперед и рассказать миру о нашем видении, так как все мы теперь Его пророки. Он дал нам величие и надежду! — кричал Гарольд Ундервуд в сверкающем пенсне.

— Аминь! — откликнулись инспектор Спрингер и его люди.

— Мы были испуганы и находились в самой глубине Ада, но Он услышал нас. И мы воззвали к Господу, который сделал небеса и землю. Благословенно будь имя Господа. Господи, услышь наши молитвы, допусти наш плач до себя.

— И он услышал нас! — закричал восторженно сержант Шервуд, — Он услышал нас, мистер Ундервуд.

— Голодные и жаждущие, душа их ослабела в них, — продолжал Гарольд Ундервуд монотонным голосом.

И они воззвали к Господу в своем горе,

И он облегчил им их участь.

Он повел их вперед правильным путем, чтобы

Они могли попасть в город, где жили.

О, эти люди будут теперь с тех пор хвалить Господа

За Его доброту и рассказывать о чудесах,

Которые он сделал для детей своих!

Ибо Он наполнил пустую душу, самую

Грязную из голодных душ, добротой,

Тот же, кто сидел в темноте и в тени

Смерти, тот быстро оказался в нищете и цепях,

Потому что они восстали против слов Господа

И пренебрегли советом самого Высшего.

— Аминь! — набожно пробормотали полицейские.

— Аминь, — сказал Джерек.

Но Гарольд Ундервуд провел возбужденно рукой по растрепанным волосам и начал петь снова:

— Да, хотя я иду по темной долине смерти. Я не убоюсь ничего злого…

— Должен сказать, — сказал с энтузиазмом Джерек миссис Ундервуд. — Во всем этом много смысла. Он привлекает меня, я чувствовал себя расстроенным последнее время и заметил, что вы…

— Джерек Карнелиан, вы что не понимаете, что происходит?

— Это религиозная служба, — он был доволен точностью своих позиций, — добровольное таинство.

— Вы не находите странным, что все полицейские офицеры вокруг стали набожными — фактически, фанатиками-христианами?

— Вы имеете в виду, что с ними что-то случилось, пока нас не было?

— У них было видение. Они верят, что Бог поможет им вернуться в 1896 год — (хотя, как они собираются попасть туда, знают лишь небеса) — и предостеречь каждого, кто пойдет за ними, не грешить. Они верят, что видели и слышали самого Бога. Они все посходили с ума.

— Но, возможно видение было, Амелия?

— Вы теперь верите в Бога?

— Я никогда не прекращал верить, хотя сам

лично не имел счастья видеться с ним. Конечно, вместе с уничтожением вселенной, он, возможно, так же будет уничтожен…

— Будь серьезным, Джерек, эти бедные люди, среди них мой муж (без сомнения, добровольная жертва, я не отрицаю), были одурачены.

— Одурачены?

— Почти наверняка твоим Лордом Джеггедом.

— Зачем Джеггеду… Ты имеешь в виду, что Джеггед — бог?

— Нет, я имею в виду, что он играет Бога. Я подозревала это. Гарольд описал видение. Они все его описали. Огненный шар, назвавший себя богом, а их — пророками, вещал, что он спасет их из этого места запустения, чтобы они могли вернуться туда, откуда пришли, предостерегая других рабов божих от дел неправедных и так далее и тому подобное.

— Но зачем Джеггеду их обманывать?

— Просто жестокая шутка.

— Жестокая? Они излучают спокойствие и счастье. Мне хочется влиться в их ряды. Давай объяснимся, Амелия! Вспомни, что когда-то ты пыталась убедить меня, как теперь убеждены они. И теперь, когда я созрел для этого, ты почему-то отговариваешь меня.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Вовсе нет, Амелия.

— Пойми, я должна помочь Гарольду. Ему нужно открыть глаза на обман.

Начался другой гимн, громче, чем первый:

Есть ужасный Ад

И вечная боль,

Там грешники обитают вместе с дьяволами

Во мраке, огне и цепях…

Джерек стал уговаривать ее вернуться, но она отказалась слушать его мольбы и закрыла уши.

— Мы должны обсудить, что происходит с нами… — это было бесполезно.

О, спаси нас, Господи, от того пагубного пути,

По которому идут грешники,

Обреченные на пламя, как соломенная мякина,

Нет более ужасной участи.

Джерек пожалел, что это не тот гимн, которому научила его Амелия, когда они жили вместе на его ранчо. Он был бы не прочь присоединиться к

ним, раз было невозможно разговаривать с ней. Джерек надеялся, что они споют его любимое «Все вещи яркие и прекрасные», но интуитивно почувствовал, что это невозможно. Новые гимны были ему не по вкусу, то ли из-за мелодии (слишком монотонной), то ли из-за слов, которые, как он считал, противоречили выражению лиц певцов. Как только гимн закончился, Джерек поднял голову и начал петь высоким голосом:

О, Парадиз! О, Парадиз!
Кто не жаждет покоя?
Кто не ищет счастливую землю,
Где они найдут все, что любят;
Где преданные сердца и истина всегда в почете!
Все ищут эту землю
Под святым взором Бога.
О, Парадиз! О, Парадиз!
Мир стареет.
Кто откажется от покоя и свободы,
Где любовь никогда не остывает…

— Превосходные излияния, мистер Карнелиан, — тон Гарольда Ундервуда противоречил

смыслу его слов. Он казался обескураженным. — Тем не менее, мы возносим хвалу за наше спасение…

— Плохие манеры? Я глубоко сожалею. Меня так тронули ваши…

— Ха! — сказал мистер Ундервуд. — Хотя мы и были сегодня свидетелями чуда, я не могу поверить, что возможно обратить в веру одного из слуг Сатаны. Вы не обманете нас теперь!

— Но ты уж обманут, Гарольд! — закричала его жена. — Я уверена в этом.

— Не слушайте соблазнов, братья, — сказал Гарольд Ундервуд полицейским. — Даже сейчас они пытаются сбить нас с пути истинного.

— Я думаю, вам лучше покинуть это место, — предупредил инспектор Спрингер Джерека. — Это частное собрание, и вы попираете закон о невмешательстве. И к тому же вызываете беспорядки в общественном месте.

— Вы действительно видели Бога, инспектор Спрингер?

— Да, сэр.

— Аминь, — сказали сержант Шервуд и двенадцать полицейских.

— Аминь, — сказал Гарольд Ундервуд. — Господь дал нам Слово и мы понесем это слово всем

людям мира.

— Уверен, вас всюду хорошо примут, — Джерек с охотой поощрил его. — Герцог Квинский жаловался недавно на скуку и отсутствие внешних стимулов, к которым мы привыкли. Может, вы займетесь нашим обращением в веру, мистер Ундервуд? Думаю, у вас хорошо это получится.

— Мы вернемся в наш собственный мир, сэр, — сказал ему мягко сержант Шервуд, — при первой же возможности.

— Мы побывали в самом пекле Ада и все же были спасены! — воскликнул один из констеблей.

— Аминь, — сказал рассеянно Гарольд Ундервуд. — Сейчас, если вы любезно позволите нам продолжить наш молебен…

— Как! Ты намерен вернуться в 1896 год, Гарольд? — взмолилась миссис Ундервуд. — Кому ты там нужен?

— Господу, — ответил ее муж, добавив своим старым язвительным тоном. — Я вижу ты, наконец-то, проявилась в своих истинных красках, Амелия.

Она покраснела, уставившись вниз, на свое платье.

— Вечеринка, — пробормотала она.

Он поджал губы и повернул голову, сверкнув

глазами на Джерека Карнелиана.

— Полагаю, ваш хозяин все еще имеет власть здесь, поэтому я не могу приказать вам…

— Если мы помешали, я снова прошу прощения, — Джерек поклонился. — Должен сказать, мистер Ундервуд, вы стали выглядеть намного счастливей, чем перед вашим видением.

— У меня появились новые обязательства, мистер Карнелиан.

— Высшего свойства, — согласился инспектор Спрингер.

— Аминь, — сказал сержант Шервуд и двенадцать констеблей. Их шлемы кивнули в унисон.

— Ты глупец, Гарольд! — сказала Амелия дрожащим голосом. — Ты не видел Бога! Тот, кто обманул тебя, ближе к Сатане!

Особенная самодовольная улыбка появилась на губах Гарольда Ундервуда.

— О, в самом деле? Ты говоришь это, хотя не испытала видения. Мы были избраны, Амелия, Богом, чтобы предостеречь мир от ужасов, если он продолжит свой теперешний курс. Что это? Ты раскаиваешься в грехе безверия и прелюбодейства, потому что не попала, как я, в круг избранных?

Она издала неожиданный вопль, будто раненая

птица. Джерек обнял ее за плечи, сверкая глазами на Ундервуда.

— Вы знаете, она права. Вы — жестокий человек, Гарольд Ундервуд. Сами мучаетесь, и вы будете мучить нас всех!

— Ха!

— Аминь, — сказал инспектор Спрингер автоматически. — Последний раз предупреждаю, что вы только повредите себе, если будете настаивать на попытках испортить наш молебен. Нам дана власть не только самим Премьером, но и Владыкой, иметь дело с такими смутьянами, как вы, — он специально подчеркнул голосом последние несколько слов и поместил свои кулаки на бедра. — Понятно?

— О, Джерек, уйдем отсюда! — в голосе Амелии слышались слезы. — Я хочу уйти.

— Ха! Как только Джерек отвел ее прочь, новые миссионеры мельком взглянули на них, прежде чем вернуться к религиозной службе. Идя по дорожке из желто-коричневого металла, Джерек и Амелия слышали их голоса, снова поющие песню:

Христианин, и не ищи отдыха.

Слышишь, что говорит ангел-храни-

тель,

Ты живешь среди врагов.

Остерегайся и молись.

Дьявол и его помощники

Со всей их невидимой армией

Идут, когда ты ослабишь бдительность,

Остерегайся и молись.

Надень на себя божественные доспехи,

Носи их ночью и днем.

Зло ждет в засаде.

Остерегайся и молись.

Они пришли к месту, где оставили локомотив и, взобравшись на подножку, в запачканном и разорванном платье, она сказала со слезами в голосе:

— О, Джерек, если есть Ад, я попаду в него.

— Ты обвиняешь себя за то, что случилось с твоим мужем, Амелия?

— А кого же еще?

— Ты обвиняла Джеггеда, — напомнил он ей.

— Махинации Джеггеда — одно дело, моя вина — совсем другое. Я никогда не должна была покидать его. Он сошел с ума от горя.

— Потому что он любит тебя?

— О, нет, потому, что была уязвлена его гордость. Сейчас он находит утешение в религиозной мании.

— Ты предлагала ему остаться с ним.

— Я знаю. Я полагаю, вред причинен. Хотя у меня остается долг по отношению к нему, возможно, сейчас особенно.

— Да.

Они начали подниматься над городом. Снова между ними возникло молчание. Он попытался нарушить его.

— Ты была права, Амелия. Я видел Браннарта. Он замышляет что-то вместе с Латами.

Но она не ответила. Вместо этого она заплакала. Когда он пододвинулся к ней, чтобы утешить, она высвободилась из его рук.

— Амелия?

Она продолжала всхлипывать, пока не показалось место их вечеринки, на которой еще оставалось несколько гостей. Железной Орхидеи было недостаточно, чтобы удержать их — они хотели Амелию.

— Мы присоединимся к нашим гостям?

Она покачала головой.

Джерек повернул локомотив к черепичной

крыше их дома, видимого за кипарисами и тополями. Он приземлился на лужайке, и она немедленно направилась к дому. Все еще всхлипывая, она взбежала по лестнице в свои апартаменты. Джерек слышал, как захлопнулась дверь. Он сел у подножия лестницы, размышляя над природой этого нового всепоглощающего чувства отчаяния, которое угрожало отнять у него способность двигаться, но никаких мыслей не приходило в голову. Джерек был подобен раненому зверю, познав жалость к себе и сопереживание к ней, и он, который всегда выражал себя в терминах действия (желание Амелии всегда было законом для него, даже когда он случайно неправильно истолковал его), не мог ничего придумать, ни малейшего жеста, который принес бы ей успокоение и облегчил бы их страдания.

Спустя некоторое время он медленно отправился в постель.

Снаружи за домом, огромные потоки крови все еще падали с необузданной силой с черных утесов, наполняя бурлящее озеро, где плавали, таинственные чудовища и обсидиановые острова с темной сочной листвой, шуршащей на горячем приятном ветру.

Глава двадцать пятая
Призыв долга

Впервые за всю свою долгую жизнь Джерек Карнелиан, чье тело всегда могло быть модифицировано, чтобы не нуждаться во сне, познал муки бессонницы. Он хотел одного лишь забвения, но оно не приходило. Мысль за мыслью проносились в его голове, и каждая ни к чему не приводила. Он подумал, не поискать ли Джеггеда, хотя что-то остановило его. Это была Амелия, только Амелия — единственная компания, которой он жаждал, хотя (должен был признаться себе здесь) в настоящий момент он боялся ее. Мысли его закружились в жутком вальсе нерешительности, в ритме вперед — назад, назад — вперед. Джерек впервые ощутил горечь самоотвращения. Всю свою жизнь он доверял своим импульсам, не ведая всей смуты вопроса, сомнения и стеснительности, как и остальные обитатели Конца Времени. Теперь импульс раздвоился и Джерек метался, словно беспомощный шарик, зажатый полюсами магнита. Он рос в гармонии восприятия и поступка

— тем сильнее была осада его личности. Если у него два импульса, значит, должно быть два Джерека. И если он был двумя людьми, какого лучше было сохранить, а от какого избавиться? Таким образом, Джерек открыл старую ночную игру, качели, в которой третий Джерек, тоже не слишком твердый в своей решимости, пытался судить двух других, в постоянных колебаниях и угрызениях. И другую — «Я должен потребовать от нее...» и «Она заслуживает лучшего, чем я...»— были двумя началами мыслей, новых для Джерека, хотя, несомненно, знакомых многим современникам миссис Ундервуд, особенно тем, кто пережил расставание с любимым существом, или они находились в положении выбора между старыми привязанностями и новыми, скажем, между занемогшим отцом и прекрасным кавалером, или, на самом деле, между любимым мужем и любовником, предлагающим женитьбу. Именно на полпути через эти мысленные упражнения Джерек открыл трюк с постановкой себя на место другого — что если она испытывает те же муки, какие испытывает он? И немедленно жалость к себе исчезла. Он должен пойти к ней и утешить ее. Но нет — он обманывает себя, просто желает повлиять на нее, сфокусировать ее внимание на

его дилемме. И качели начинали раскачиваться снова с выносящим решение Джереком, пытающимся сохранить равновесие на точке опоры. И так продолжалось до тех пор, пока она не открыла дверь с приглушенным вопросом, не спит ли он.

— О, Амелия! — он тотчас сел на кровати.

— Я причинила тебе боль, — прошептала она, хотя поблизости не было никого, кто мог бы подслушать. — Мое самообладание покинуло меня сегодня.

— Я не слишком хорошо тебя понимаю, — сказал он ей, поворачивая лампу около своей постели так, чтобы она давала чуть больше света, и он мог видеть ее изможденное лицо с красными от слез глазами, — ведь ты не причинила мне вреда. Это я потерпел крах. Я не нужен тебе.

— В тебе такое великолепие отваги и невинности. Я говорила тебе это прежде, Джерек. Я лишила тебя невинности.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Как жаль, что я не достоин тебя.

— Нет, нет, мой дорогой. Это я — раба воспитания, хотя я знаю, что это воспитание было ограниченным, лишенным воображения, даже жестоким, и оно в сущности цинично, хотя я никогда не могла признать этого. Но в тебе нет

ни капли цинизма, как я считала сначала, что ты и твой мир — сплошной цинизм. И теперь, когда я увидела твою готовность перенять привычки моего мира — цинизм, лицемерие, страх эмоционального участия, замаскированного под самоотрицание — им нет числа.

— Я просил тебя научить меня этим вещам.

— Ты не знал, о чем просишь.

Он протянул к ней руку, и она взяла ее своей холодной, чуть подрагивающей, оставаясь стоять рядом.

— Я не во всем еще разобрался, — нежно поделился он.

— Я молю бога, чтобы ты в этом никогда не разбирался.

— Доброе утро, мой мальчик.

Лорд Джеггед Канари вошел в гостиную и, казалось, заполнил ее всю. Он поклонился всем присутствующим, которые уставились на него.

— Я помешал? Я пришел сказать вам, сэр, — обратился он к путешественнику во времени, — что кристалл затвердел удовлетворительно. Вы можете отправиться утром, как хотели.

— С Гарольдом, инспектором Спрингером и всеми остальными! — почти выкрикнула Амелия.

— А, вы знаете.

— Мы знаем все… — она раскраснелась, глаза сверкнули, — кроме того, почему вы организовали это!

— Путешественник во времени любезно предложил транспортировать джентльменов назад в их собственное время. Это их последний шанс. Другого не появиться.

— Вы сделали наверняка, Лорд Джеггед, чтобы они захотели уехать. Это возмутительное видение!

— Боюсь, что я не понимаю вас, прекрасная Амелия, — Лорд Джеггед вопросительно посмотрел на Джерека.

Амелия села на диванчик, сжав зубы.

— Нам кажется, — лояльно ответил Джерек своему отцу, — что вы имеете отношение к недавнему видению Гарольда Ундервуда, в котором ему явился Бог в горящем шаре и приказал вернуться в 1896 год с миссией предостеречь мир от грядущего ужаса.

— Видение? — улыбнулся Джеггед. — Но его сочтут сумасшедшим, если он попытается сделать это. И они все так настроены?

— Все! — со злостью пробормотала Амелия.

— Ему никто не поверит, — Джеггед рассуждал, будто впервые узнал эту новость.

— Конечно, — подхватила Амелия. — Поэтому они не смогут повлиять на будущее. Или, если на них подействует эффект Морфейла, будет слишком поздно возвращаться сюда. Этот мир будет закрыт для них навсегда. Вы все рассчитали, предусмотрительный Лорд Джеггед.

— Зачем мне это нужно?

— Скорее всего, вы преследовали цель, чтобы я наверняка осталась с Джереком?

— Но вы уже с ним, моя дорогая, — невинности Джеггеда можно было позавидовать.

— Вы знаете, что я имею в виду, Лорд Джеггед.

— Вас тревожит судьба вашего мужа?

— Вряд ли жизнь его сильно изменится, когда он вернется, чего нельзя сказать о бедняге инспекторе Спрингере и его людях, хотя меня это не особенно волнует. Возможно, это лучший выход из подобной ситуации. Но я против вашего вмешательства в вопросы… столь деликатные.

— Вы слишком много мне приписываете, Амелия.

— Не думаю.

— Еще не поздно отговорить путешественника во времени отказаться от этого рейса, если вы не хотите, чтобы ваш Гарольд Ундервуд покинул город.

— Вы прекрасно знаете, что поздно. Гарольд и остальные жаждут возвращения.

— Тогда почему вы так расстроены?

— Двуличный родитель, если вы автор всего этого… если вы сыграли Бога, как предполагает Амелия… тогда вы обязаны объясниться… — вмешался в их разговор Джерек.

— Вы моя семья, мои наперсники. Согласен, я не всегда бываю откровенным. И сейчас я не собираюсь отрицать ваши обвинения или признаваться в них. Это не в моей натуре. К тому же, это вошло в привычку с тех пор, как я стал странствовать по океану времени. И если Гарольду Ундервуду что-то привиделось, и это действительно была не галлюцинация тогда кто станет оспаривать, что он видел Бога!

— Да это же богохульство!

— Ну, почему? — пробормотал путешественник во времени, — в словах Лорда Джеггеда есть смысл.

— Не забывайте, что вы первый обвинили его в игре в Бога, сэр!

— Я был не в себе. Позже Лорд Джеггед оказал мне неоценимую услугу, он так помог мне.

— Это мы уже слышали.

Железная Орхидея молча наблюдала их пере-

палку, сохраняя спокойный интерес.

— Джеггед, — сказал Джерек с отчаянием, — вы категорически отрицаете…

— Я сказал тебе, мой мальчик, что просто не способен на такое. Думаю, что это своего рода гордость, — Лорд в желтом пожал плечами. — Мы все люди.

— Вы кажетесь более, чем, — обвинила Амелия.

— Прекратите, милая леди. Не стоило затевать эту мышиную возню. Вы слишком перевозбудились, — путешественник во времени беспомощно развел руками.

— Мой приход, кажется, не всем по душе, — заметил Лорд Джеггед. — Но я зашел лишь на минутку, чтобы захватить с собой супругу и моего коллегу по путешествиям. Не скрою, я хотел посмотреть, как вы устроились, Амелия…

— Не стоит беспокоиться, сэр. Со мной будет все в порядке, если вы перестанете вмешиваться в мою судьбу!

— Амелия! — взмолился Джерек, — не нужно так!

— Хватит затыкать мне рот! — ее глаза сверкнули на всех них. Они отступили назад. — И вы еще успокаиваете меня!

Лорд Джеггед Канари заскользил к двери, в сопровождении законной жены и своего гостя.

— Макиавелли! — закричала она ему вслед.[57] — Прохиндей! Расфуфыренный Сатана!

Лорд Джеггед обернулся у выхода, и в глазах его промелькнуло сострадание.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, мадам. Я всего навсего стараюсь сохранить баланс.

— Так значит вы замешаны в этой истории?

Но он уже отвернулся, и воротник спрятал его лицо. Выйдя наружу, он поплыл к поджидавшему его огромному лебедю. Задыхаясь от гнева, Амелия наблюдала за ним из окна. Сжимая ее руку, которую она крайне неохотно подала ему, Джерек попытался оправдать своего отца.

— Таков путь Джеггеда. Он хочет только добра…

— Это не даст ему права вмешиваться в чужую жизнь!

— Я думаю, ты оскорбила его чувства, Амелия.

— Я? Он сам обидит, кого хочешь! — она сло-

---

[57] notes: 57

«…Макиавелли, — закричала она ему вслед…»

Никколо Макиавелли — итальянский политический деятель, историк и писатель. Призывал использовать любые средства ради упрочения власти монархии. В связи с чем, его имя стало синонимом коварства, непорядочности и лицемерия.

жила руки под вздымающейся грудью. — Всех одурачил!

— Зачем ему это нужно? Играть, как ты говоришь, Бога?

Она наблюдала за лебедем, пока тот не исчез в бледно-голубом небе.

— Возможно, он не знает сам, — сказала она мягко.

— Гарольда можно остановить, как сказал Джеггед.

Она покачала головой и повернулась к столу, автоматически переставляя чашки на поднос.

— Я не сомневаюсь, что он найдет свое счастье в 1896 году. Теперь, во всяком случае, когда все его беды позади. Он преисполнен чувствам долга и верит в свою миссию. Я завидую ему.

Джерек следовал ее рассуждениям.

— Мы тоже отправимся сегодня искать семена цветов, как и планировали. Это наша миссия?

Она пожала плечами.

— Гарольд верит, что спасает мир. Джеггед верит в то же самое. Боюсь, что выращивание цветов это нечто другое, нежели миссия. Я не в силах больше нести бремя бесцельности и бесполезности, Джерек.

— Я люблю тебя! — это было все, что он мог

ответить.

— Я не нужна тебе. Ты не нуждаешься во мне, мой дорогой, — она поставила поднос и подошла к нему. Он обнял ее.

— Нуждаюсь? — сказал он. — В каком смысле?

— Я женщина. Я попыталась измениться, но ты сразу разоблачил всю фальшь моей жалкой игры. Нет, я нужна там, Гарольду, своему миру. Ты знаешь, я ведь занималась благотворительностью. И миссионерством. Я не бездействовала в Бромли, Джерек!

— Я тебе верю, Амелия, дорогая.

— Мне трудно привыкнуть к мысли, что больше нет ничего важного для оправдания своего существования.

— Ничего нет более важного, чем ты сама, Амелия.

— О, я понимаю философию, которая утверждает это, Джерек…

— Дело не в философии, Амелия, я хочу сказать, что ты — самое дорогое, что есть в моей жизни.

— Ты так великодушен!

— Великодушен? Да, это правда.

— Я разделяю твои чувства, мой дорогой, ты и сам знаешь об этом. Я поняла, что не люблю Гарольда. Я уверена в этом. Мы всегда дополняли

друг друга. Его недостатки и слабости требовали от меня долготерпения и кротости. Но теперь меня не устраивает то, что устраивало раньше. Встреча с тобой перевернула мою жизнь. Твоя безграничная доверчивость, наивность и твоя сила…

— У тебя есть… как это… характер?… которого мне так не хватает.

— Ты свободен. Я лишь недавно начала ощущать, насколько ты раскрепощен и свободен в своем мире. Мы получили разное воспитание. В то время, как мне внушали, что в этой жизни почти все невозможно, ты наслаждался ею, ты дышал полной грудью. Ты был рожден для радости, я — для мучений!

— Да, я свободен, но ты, Амелия, наделена другим даром. У тебя есть совесть. Мы можем поделиться друг с другом, — он говорил серьезно. — Разве это не так?

Она посмотрела ему в лицо.

— Возможно, мой дорогой.

— Особенно это я искал в тебе с самого начала, ты помнишь?

Она улыбнулась:

— Правда.

— Значит, в сочетании мы что-то даем миру.

— Возможно, — она вернулась к своим чашкам, подняв поднос. Джерек вскочил, чтобы открыть дверь. — Но хочет ли этот мир того, что мы вместе сможем дать ему?

— Да, мы необходимы ему. Она взглянула на него, когда он проследовал за ней в кухню.

— Однако, Джерек Карнелиан, я подозреваю, что ты унаследовал хитроумие своего отца.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты не хуже его можешь убедить человека в чем угодно, в зависимости от ситуации. Ты пытаешься успокоить меня.

— Я высказал только то, что было у меня на уме.

Она задумчиво мыла чайные чашки и передавала ему чистые. Не зная, что делать с ними, он лишил их веса, и они поплыли к потолку и заколыхались под ним.

— Нет, — заключила она после раздумий, — этот мир не нуждается во мне. Зачем я ему?

— Давать ему содержание.

— Ты говоришь только об искусстве.

— Содержание очень важно для него, без этого внешняя сторона быстро теряет смысл.

— Ты видишь мораль только в искусстве? — она поискала чашки, заметила их у потолка и

вздохнула.

— Содержание картины заключается в ее значении.

— Разве не в предмете изображения?

— Нет. Мораль дает смысл жизни. Во всяком случае форму.

— Содержание это не форма?

— Без содержания форма пуста.

— Прости, но ты запутала меня, я никогда не обращался к таким понятиям.

Они вернулись в гостиную, затем Амелия отправилась в сад. Он последовал за ней. Воздух наполнял сладкий запах множества цветов. Недавно он населился насекомыми и птицами, поющими на деревьях.

Было тепло, их немного разморило. Они пошли, держась за руки, по тропинке между розовыми клумбами, как гуляли в их первые дни вместе. Он вспомнил, как она исчезла из его рук, когда он был готов поцеловать ее, и попытался выкинуть из головы дурные предчувствия.

— Что, если бы эти кусты были без листьев, — сказал он, — если у роз не было бы запаха, у насекомых цвета. Они были бы недостаточными, да?

— Они были бы незаконченными. Хотя есть со-

временная школа живописи… была такая школа, в мое время… которая делала из этого достоинство. Они, кажется, назывались флейтистами, я не уверена…

— Наверное, отсутствие чего-то, должно было тоже что-то говорить, Амелия. Это было важно, увидеть, чего нет…

— Не думаю, чтобы художники, стремились к этому. Они утверждали, что нужно рисовать только то, что видит глаз. И, я уверена, это невротическая теория в искусстве.

— Вот! Неужели ты лишишь этот мир своего здравого смысла? Позволишь ему стать невротическим?

— Я считала его таким, когда впервые пришла сюда. Теперь я поняла кое-что и знаю, что в примитивном обществе — здоровое отношение к многим вещам, которые остаются аморальными в более сложном. В Конце Времени так много общего с нравами тех туземцев, которых наши земные путешественники встретили, когда высадились на островах южного моря. Человек понятия не имеющий о грехе, не может быть грешником. Это моя ноша, Джерек, а не твоя, хотя ты по-рыцарски пытаешься возложить ее на себя. Видишь, я еще не стала злостной эгоисткой и

способна делать добро.

— Ты придаешь моей жизни смысл, которого она была лишена без тебя, — они стояли у фонтана, наблюдая за плавным движением золотых рыбок.

Он издал короткий смешок.

— Ты можешь великолепно спорить, когда хочешь, но ты не можешь изменить мои чувства так быстро. Я уже сама пыталась изменить их за тебя. Ничего не получилось. Я должна тщательно обдумать мои намерения.

— Ты считаешь мое отношение навязчивым и неуместным, пока твой муж все еще в нашем мире?

— Я не думала так, Джерек, — она, нахмурившись, отодвинулась от него и пошла вокруг пруда, по ее платью бегали солнечные зайчики, отраженные от воды. — Ты очень серьезный и основательный, насколько это возможно для тебя.

Они стояли на противоположных сторонах пруда, рассматривая друг друга. Черты ее лица, блеск ее шелковых волос, взгляд ее серых глаз — никогда это не было столь желанным, как сейчас.

— Я хочу лишь преклоняться перед тобой, — сказал он, опуская глаза.

— Разве ты не делаешь это сейчас, мой люби-

мый.

— Я люблю одну тебя, единственная. Если хочешь, попробуем вернуться в 1896 год.

— Ты будешь там несчастен.

— Нет, если ты будешь рядом, Амелия.

— Ты не знаешь мой мир, Джерек. Он способен исказить самое благородное намерение, растоптать самые прекрасные порывы. Ты будешь попран и я умру от горя, увидев тебя сломленным.

— Что же мы будем делать?

— Я должна подумать, — сказала она. — Дай мне время, мой дорогой.

Он согласился с ее желанием и пошел к домику, подавляя опасения, что никогда не увидит ее снова, отбрасывая страх, что ее отберут у него, как было однажды, говоря себе, что это просто мираж, и что обстоятельства изменились. Он подумал, не слишком ли радикально они изменились.

Джерек достиг дома, закрыл за собой дверь и стал слоняться из комнаты в комнату, избегая только ее покоев, в которых он никогда не бывал, хотя испытывал глубокое любопытство и часто подавлял чувство исследовать их.

Он прилег на кровать в своей опочивальне и подумал вдруг, что эти новые чувства новы

только для него одного. Джерек был уверен, что Джеггед испытал подобные чувства в прошлом, именно благодаря им он стал таким. Потом Джерек смутно припомнил слова Амелии, что сын — это отец, не раненый миром. Может, он стал хоть немного похож на своего отца. Он вспомнил мучения прошлой ночи, но прогнал их прочь. И вскоре уснул.

Джерек проснулся от звука ее шагов, когда она медленно поднималась вверх по лестнице. Ему показалось, что Амелия помедлила перед его дверью, прежде чем открыть свою и войти в комнату. Он полежал еще немного, возможно надеясь, что она позовет его, затем встал и сделал себе новую одежду: свободную блузу и длинную темно-зеленую куртку. Он вышел из комнаты и встал на площадке, прислушиваясь, как она движется по ту сторону стенки.

— Амелия?

Ответа не последовало.

— Я скоро вернусь, дорогая, — окликнул он.

Ее голос был приглушенным.

— Куда ты уходишь?

— Никуда.

Он спустился и прошел через кухню в сад, в дальнем конце которого обычно держал свой ло-

комотив. Тоскуя по тем простым и беззаботным дням, предшествующим его встрече с Амелией, он забрался в него.

Локомотив, пыхтя, поднялся в небо. Джерек заметил, как странно выглядят две соседствующие сцены — домик под черепичной крышей с садом и озером крови. Они скорее противостояли друг другу, чем контрастировали. Джерек подумал, не обидится ли Амелия, если он уничтожит озеро, но решил не вмешиваться.

Локомотив парил над прозрачным пурпурным Дворцом из башен, оставляя позади багрянец трепещущих холмов и прочие причуды изощренного воображения Амелии. Джерек в задумчивости смотрел на исполинские статуи, вероятно полностью сотворенные из мела, на пролесок, и не знал, куда направить локомотив. Он отказался от мысли посетить город, хотя много думал о нем в последние дни, то ли потому, что в этом городе он был зачат, то ли потому, что его отец и Няня были заняты (если Джеггед не обманул) великим делом, то ли потому, что там был мужчина, который оставался его соперником, по крайней мере, до завтрашнего утра. Джерека уже не влекла компания приятелей, с которыми еще недавно он так беззаботно развлекался. Но разве могли

они сейчас хоть как-то облегчить его страдания? Его не смог бы утешить даже Монгров — обитатель дождливых утесов. После долгих раздумий Джерек решил выбрать какое-нибудь место для упражнений в изобретательности. Он надеялся как-то отвлечься от неразрешимой душевной дилеммы. Едва приступив к воссозданию палеозойского побережья, Джерек услышал голос Епископа Тауэра, который парил в своей огнедышащей колеснице, сверкающей безвкусицей золота, бронзы и платины. Голова Епископа в каком-то доисторическом треухе выглянула из буйной роскоши колесницы за миг до того, как Джерек заметил своего друга.

— Рад встречи, Джерек. Не успел поздравить тебя — ну и Амелию, разумеется, — на вчерашней вечеринке.

— Я передал ей, неутолимый Епископ.

— Разве вы не вместе?

— Она осталась дома.

— Позор! Стыд! Но ты должен увидеть это, Джерек! Я не совсем понял, что там Браннарт затеял, но скажу тебе, как другу, что для него это может иметь самые плохие последствия. У тебя нет желания немного поразвлечься?

— Я не мог бы желать большего…

— Тогда следуй за мной!

В считанные секунды колесница взмыла и взяла курс на север, указывая путь локомотиву. Чуть погодя, Епископ, давясь от смеха, показывал на землю.

— Смотри! Смотри!

Но Джерек не увидел ничего, кроме клочка выжженной земли. Затем облако пыли рассеялось, и появился конический объект, который только что приземлился. Из него вышел мужчина в поношенном скафандре и с огромной котомкой в руке. По горбу и деревянной культе Джерек опознал Браннарта Морфейла, который резко повернулся к конусу, чтобы предотвратить появление остальных членов экипажа, но оттуда одна за другой уже вывалились крошечные фигурки, почему-то остолбеневшие при виде столь знакомого пейзажа. Положив руки на бедра, они свирепо таращились на выдающегося ученого. Это был капитан Мабберс со своими соратниками по разбою. Сжимая локоть Браннарта, предводитель Латов выразительно жестикулировал. Его смачная брань долетала до ушей любопытствующих наблюдателей.

В результате, после насыщенной плодотворной беседы все они скрылись в конусе, оболочка

которого закружилась в вихре вращения. Спустя мгновение, конус исчез. Епископ с хохотом повалился на сидение, но Джерек искренне не мог уразуметь, над чем же тот так потешается.

— Они занимаются этим в течение четырех последних часов, — грохотал служитель сана, — Машина появляется, останавливается, вся толпа высыпает наружу и ожесточенно спорит. Потом все загружаются обратно, и конус скрывается из виду. Потом все повторяется снова. Подожди…

Спустя мгновение пыль рассеялась, появился конус, Браннарт, капитан Мабберс и его вояки вышли, подебатировали и вернулись в корабль. Все до мельчайший подробности повторило прежнюю ситуацию.

— Что происходит, Епископ? — спросил недоумевающий Джерек сотрясающегося в смеховой истерике Тауэра.

— Вероятно, это разновидность временной петли. Удивляюсь, зачем это понадобилось Браннарту. Он пообещал космическим горемыкам вернуть их в родные просторы, если они помогут в эксперименте. Я держал все в тайне, но сейчас это уже не имеет значения.

— И что входило в его планы?

— Джерек досадовал на свою забывчивость,

ведь он еще вчера хотел предостеречь отца.

— Он преследовал лишь одну цель — досадить Джеггеду, доказать, что есть иные пути, иные возможности повлиять на события.

— Но что происходит сейчас?

— Неужели ты еще не понял, Джерек? Ха, ха, ха…

— Нет.

— Он попал в собственную ловушку, став жертвой эффекта Морфейла. Он достигает прошлого, которое тотчас же выплевывает его обратно. Как по мановению дирижерской палочки, он не в состоянии вырваться из этой орбиты.

— Мы должны помочь ему!

— Нет, это по силам одному Джеггеду. Наш альтруизм может привести к тому, что мы тоже окажемся в петле, Джерек.

На глазах у Джерека состоялось третье приземление конуса, и ритуал повторился. Он попытался засмеяться, но понял, что не может разделить задорного веселья своего приятеля.

— Не удивлюсь, если Джеггед разыграл Морфейла, — продолжал епископ, — Достойная месть!

Казалось, каждый подозревал его отца в чем-то недостойном, но измученный Джерек потерял всякую охоту защищать Лорда Джеггеда.

Епископ приблизился в своей колеснице к локомотиву Джерека.

— Кстати, ты уже видел последнее изобретение Доктора Волоспиона, под названием «Мировая история в миниатюре»? Полная история человечества от начала до конца проходит перед глазами с бешеной скоростью в маленьких цветных миниатюрах — если уменьшить их скорость, можно увидеть мельчайшие нюансы разных тысячелетий — это продолжается целую неделю.

— Я надеюсь, что это не имеет никакого отношения к Джеггеду?

— Напрасно, мой дорогой. Доктор Волоспион всегда считал Джеггеда своим соперником и, возможно, надеялся задеть его самолюбие таким образом. Да, чуть не забыл. Алого О'Кэлу благополучно воскресили, но он потерял всякий интерес к козлиной жизни и преобразился в Левиафана, правда, теперь он обитает в собственном озере, скопированном с творения Амелии. Ну что ж, мне пора в дорогу. Будет несправедливо, если другие не увидят это зрелище.

Епископ покинул Джерека незадолго до четвертого пришествия Латов на выжженный клочок земли.

— Хрунт! — матерился капитан Мабберс.

— Феркит! — с достоинством ответствовал деятель науки.

Обменявшись тумаками, испытатели вернулись в корабль.

Джерек подумал, что должен обо всем виденном рассказать Лорду Джеггеду, но зрелище произвело на него столь тягостное впечатление, что на встречу с родителями не осталось сил. Он решил поделиться новостями с Амелией и направился в своем локомотиве к дому.

В мраке безлунного неба он увидел одиноко светящееся окно их жилища. Джерека потрясало, что это было окно его собственной спальни, потому что он не оставлял света, он хорошо это помнил. Джерек стремительно взбежал по ступенькам наверх и постучал к ней в комнату.

— Амелия! Амелия! — никакого ответа.

Озадаченный, он вошел в свою спальню и замер. Свет лампы был приглушен, но его было вполне достаточно, чтобы увидеть на кровати укутанную в простыни Амелию. Она лежала спиной к двери.

— Амелия?

Она не шевельнулась, хотя Джерек видел, что его возлюбленная не спит. Ему ничего не оставалось, кроме терпеливого ожидания.

В конце концов, она нарушила молчание робким дрожащим голоском.

— Я всегда буду принадлежать только тебе.

— Мы…? Это свадьба?

Она подняла залитое слезами лицо и посмотрела на него долгим взглядом. Губы ее приоткрылись. Опустившись на колени подле ложа, он взял любимое лицо в ладони и нежно прикоснулся губами к заплаканным глазам. Судорога желания пронзила ее, и целомудренный Джерек неправильно истолковав эту дрожь, испугался, не обидел ли он свою любимую. Но Амелия, высвободив руки, раскрыла объятия, тесно прижавшись к нему, словно боялась лишиться чувств. Нагота ее плеч обжигала и манила, и Джерек дарил ей ласки, неистовые и трепетные, испытывая ощущения, доселе ему неведомые.

— Я люблю тебя, — горячо прошептал он.

— Я твоя навеки, единственный мой, — крепче прижалась она. — Верь мне.

— Я верю.

Едва различимые слова ее казались неуместными и недоброе предчувствие кольнуло его. Утопая в сладостном аромате ее кожи, губ, Джерек стал осыпать страстными поцелуями ее плечи, шею, зардевшееся лицо. Амелия задохнулась в порыве

страсти, рука ее скользнула под одеяние Джерека и нежные пальчики отправились в трепетное путешествие, пока, наконец, Джерек не почувствовал их на своей плоти.

— Это все, что я могу подарить тебе, мой милый…

— Разве можно желать большего!

Стон ее, призывный и долгий, привел в экстаз Джерека, который, быстро разоблачившись, откинул простыню и лег рядом с любимой.

— Лампа, — напомнила она.

Свет погас и они очутились в объятьях темноты.

— Всегда, Джерек.

— Моя любимая.

Поглаживая талию тесно прижавшейся Амелии, Джерек нежно спросил:

— Все в порядке?

Испытав нирвану слияния, они крепко уснули.

Рассвело. Джерек почувствовал шаловливую игру солнечных лучей на веках и блаженно улыбнулся. Все эти недоразумения и страхи за будущее рассеялись, словно дым, и ничто не предвещало их. Единственное желание заполонило его — вновь увидеть Амелию. Но когда он повернулся, то обнаружил, что любимой нет рядом с ним. Ее

не было в комнате, и Джерек наверняка знал, что она покинула дом.

— Амелия!

Вспомнив давнишний случаи с ее знакомым юности, который открыл сердце в преддверии расставания, Джерек все понял. Интуиция подсказывала, что Амелия платила тяжкую дань своей Викторианской совести, считая своим долгом возвращение в 1896 год вместе с обезумевшим супругом. Вот почему была эта ночь бурная, незабываемая и неповторимая. Она всегда будет его женщиной, навсегда оставаясь чужой женой, повинующейся мужу.

Джерек вскочил с постели и, не одеваясь, выпрыгнул из окна, устремившись к своему локомотиву. В город, немедленно в город. Он должен задержать ее. Ее имя сорвалось с его губ, словно крик раненой птицы:

— Амелия!

Джерек боялся не застать ее в городе и спешил, чтобы предотвратить ее возвращение в собственное время. Он с трудом представлял, как он может помешать этим безумным планам.

Город, казалось, дремал, когда Джерек, наконец, достиг его. Невдалеке от оврага он заметил огромный хронобус. На борту его ожидали ско-

рого отправления путешественник во времени, 12 апостолов-полицейских в белых робах и касках. Инспектор Спрингер и Гарольд Ундервуд, с его соломенными волосами и пенсне, зловеще поблескивающем на солнце. Перед глазами Джерека промелькнуло мышиное платье Амелии, храбро вступившей в рукопашное состязание с законным супругом.

Раздался резкий звук и машина стала полупрозрачной и, наконец, исчезла.

Рухнув на землю, Джерек в отчаянии заломил руки.

— Амелия, — слезы градом катились из его глаз, спазм сдавливал горло. Последняя надежда покинула его. Вдруг он услышал рыдания и поднял голову. Амелия распростерлась в пыли, горько плача.

Опасаясь, что это всего лишь коварная иллюзия, Джерек прикоснулся к девушке, опустившись на колени.

— О, Джерек! Он сказал мне, что я больше не жена ему…

— Но он давно говорил об этом.

— Он обозвал меня «порочной». Он сказал, что мое присутствие лишь повредит его высокой миссии, что даже сейчас я мешаю ему… Боже,

сколько всего он наговорил! Он вышвырнул меня из хронобуса с такой ненавистью.

— Он ненавидит все, что не лишено здравого смысла, Амелия. Это удел всех, подобных ему, мужчин. Он ненавидит правду. Поэтому он предпочитает удобства лжи. Тебе не в чем упрекнуть себя, дорогая.

— Я была полна решимостью. Мне было невыносимо больно отказаться от тебя, которого я так любила…

— И ты решила обречь себя на мучения, вернувшись в Бромли? Как это глупо и безрассудно, Амелия! — эти слова удивили не столько его самого, сколько Амелию.

— Этот мир принесет мне не меньше страданий, чем мой собственный. Нет, твой мир не для меня, Джерек.

— Значит, ты лгала мне?

— Нет, Джерек, я безумно люблю тебя, но мне чужд твой мир, твое общество… — она мрачно взмахнула на город. — Здесь невозможно чувствовать себя личностью, ты понимаешь?

Джерек не понимал, но скромно промолчал, помогая подняться Амелии с земли.

— У нас нет будущего, — в изнеможении заключила она, пока Джерек заводил локомотив.

— Будущего нет, — покладисто согласился он. — Зато есть настоящее. Разве возлюбленные могут желать иного?

— Если они только возлюбленные, пожалуй, нет, мой дорогой. Ну что же, мне некуда деваться, — она постаралась бодро улыбнуться. — Теперь это мой мир и я должна смириться с этим.

— Все будет замечательно, Амелия.

Локомотив парил, минуя башни, горы и скалы.

— Мое чувство долга… — начала она.

— Пусть оно останется при тебе. В моем мире другие ценности, это не Бромли. Вспомни, как тебя ценят и почитают.

— По-детски безрассудно. Я хочу, чтобы меня уважали за великодушные и благородные поступки.

— Твой поход к Гарольду — это было «великодушие»? — взгляд Джерека был чист и ясен.

— Думаю, да. Самопожертвование…

— «Самопожертвование» — это совсем другое. И это была «благодетель»?

— Совершенно верно.

— И «благопристойно»?

— Ну, это очень запутанное понятие.

— Нет, ответь мне, ты считаешь свои действия «благопристойными»?

— Надеюсь, что это так.

— А если ты не сможешь сохранить эти дары твоего Времени, ты предашься — как это… «лени» и «злу»?

— Нет, это недостойно…

Они стояли рядом с локомотивом.

— Насколько я помню, быть «бедными» недостойно в Бромли?

Амелия улыбнулась.

— Действительно, это так. Но я не разделяю подобный взгляд. В Бромли я занималась благотворительной работой, пытаясь помочь беднякам, насколько было в моих силах. Наше общество собирало средства для поддержания бедных…

— И эти «бедные» — это те, на ком ты могла упражняться в «достойности» и «самопожертвование». Я понял.

— Нет, Джерек. Наше общество пыталось облегчить их существование, найти места для безработных, лекарства для больных. Мы хотели, чтоб не было бедных…

— А чтобы ты делала, если бы они исчезли?

— В этом огромном мире столько проблем. Язычники должны быть обращены в веру, тираны должны устыдиться. Конечно, нищета — самая важная из них…

— Я сотворю для тебя несколько оборванцев, дорогая.

— Это будет жестоко с твоей стороны. Перед тем, как понять, что движет твоим миром, я очень осуждала его, но это в прошлом. Он иррационален и неподвластен переменам. Измениться придется мне. — Слезы появились у нее на глазах. — Я должна привыкнуть к власти вечности и вихрю танца, жестокого своим однообразием — танца на Краю Времени, где все движения одинаковы, и лишь партнеры могут…

— У нас есть наша любовь, Амелия!

Она была расстроена.

— Как ты не видишь, Джерек, что за нее я и боюсь больше всего. Что за любовь вне времени, вне смерти.

— Но это любовь без уныния и печали.

— И без цели?

— Любовь есть любовь.

— Ты должен научить меня поверить в это, дорогой!

Глава двадцать шестая

Свадебные колокола в конце времени

Они начали новую жизнь, как муж и жена. Она должна стать Амелией Карнелиан, она настаивала на этом. В своем саду они посадили новые семена и луковицы. Амелия вернулась к учительским обязанностям, обучая Джерека чтению и письму. Она открыла в себе много нового, ее взгляды на супружескую измену, несколько смягчились, Амелия нашла покой и счастье. И все-таки, хотя солнце светило, а дни и ночи сменяли друг друга с регулярностью, необычной в конце Времени, смены времен года не было. Амелия боялась за свой урожай. Она заботилась о рассаде, но ростки все не появлялись, и однажды она решила раскопать кусочек земли, чтобы посмотреть, как поживают ее картофелины. Джерек подошел к ней в момент лихорадочных раскопок. Потрясенная Амелия показала ему на испорченные клубни. Все семена, любовно посаженные ею, погибли.

— Они просто были старыми, — предположил он.

— Нет, мы пробовали их. Эти точно такие же. Дело в земле. Как и все в этом мире, почва оказалась бесплодной, Джерек. — Она бросила

лопату и пошла в дом. Джерек чувствовал ее боль, вновь оказавшись бессильным облегчить ее. Они подошли к окну и грустно смотрели на свой безжизненный сад.

— Мираж, — сказала она.

— Мы сделаем землю, Амелия, специально для урожая.

— Да, возможно… — она попыталась взять себя в руки, но попытка не увенчалась успехом. — Вот и твой отец, подобно Ангелу Смерти, пришедший на похороны моих надежд.

Действительно, по извилистой дорожке упругой походкой бодро шествовал Лорд Джеггед, махая ей рукой.

Джерек пригласил его. Он оказался в веселом настроении.

— Время пришло. Цепь закончена. Я дал миру прожить еще неделю, чтобы установить период петли, затем мы спасены навечно. Мои новости расстроили вас?

Джерек ответил за Амелию.

— Лучше не напоминай нам о способе, которым поддерживается мир, отец.

— Вы ничего не заметите.

— Достаточно того, что произошло, — пробормотала она. Иллюзии надоедают, Лорд Джеггед.

— Зовите меня отцом, — он уселся на краю, вытянув ноги. — Я думал, вы счастливы теперь. Жалко.

— Если человеку предлагают вечную иллюзию, после настоящей жизни, он может немного поворчать, — сказала она с показной иронией… — Мой урожай погиб.

— Я понимаю тебя, Амелия, — ответил он. — Что с тобой, Джерек?

— Я переживаю за Амелию. Ее счастье — мое счастье. — Он улыбнулся. — Я — бесхитростное создание, отец, как меня уверяли.

— Да, — потянул Лорд Джеггед. Он наклонился вперед и хотел сказать что-то еще, когда, в отдалении через раскрытое окно послышался звук.

Они прислушались.

— О, — сказала Амелия. — Это оркестр!

— Что? — спросил Джерек.

— Музыкальный оркестр, — уточнил его отец. Он выскочил из дома. — Давайте посмотрим.

Они все побежали по дорожке сада, пока не достигли белых ворот в заборе, который Амелия воздвигла вокруг деревьев. Кровавое озеро давно исчезло, и невысокие зеленые холмы заменили его. Вдали они увидели колонну людей, марширующих по направлению к ним. Отсюда музыка

была отчетливо слышна.

— Медные инструменты! — воскликнула Амелия. — Трубы, тромбоны!

— И серебряные инструменты! — объявил Лорд Джеггет с неподдельным энтузиазмом. — Кларнеты, флейты, саксофоны!

— Барабаны, слышите! — на мгновения ее несчастья были забыты.

— Явное обилие ударов! — прибавил Джерек, желая присоединиться к обсуждению событий, — тататата! Ура! — он сделал шапочку для себя, чтобы можно было бросать ее в воздух. — Ура!

— О, смотрите! — Амелия полностью забыла о своем горе, по крайней мере, на какое-то время. — Так много! А это не Герцог Квинский?

— Он самый. Оркестр, — или, скорее, сводный оркестр, — так как там, по крайней мере, тысячи механических музыкантов маршировали вверх по холмам.

Развевались флаги, кивали плюмажи, сияли сапоги. Отец, сын и его жена перевесились через забор, словно дети, махая Герцогу Квинскому, марширующему впереди с жезлом в руке и огромными усами на лице. На голове его была чудовищная медвежья шапка. Оркестр стал настолько громким, что было бесполезно раз-

говаривать с Герцогом или кем-нибудь другим. Наконец, после бравого марша, оркестр остановился у самых ворот.

— Гайдн, да? — спросил со значением Лорд Джеггет,[58] когда гордый Герцог приблизился.

— «Желтая собака Чарли» — соответственно наименованию записи, — лицо Герцога Квинского сияло, — но вы знаете, какая путаница в городах. Снова что-то из вашего периода, миссис Ундер…

— Карнелиан — поправила она.

— … вуд. Такие оркестры были тогда в моде.

— Ваш энтузиазм не превзойден никем, самый великолепный из весельчаков! — поздравил его Лорд Джеггед. — Вы идете издалека?

— Парад знаменует мою первую авантюру с брачной гармонией.

— Музыка? — переспросил Джерек.

— Женитьбы, — последовало подмигивание отцу Джерека. — Лорд Джеггед знает, что я имею в виду.

— Свадьба, — лаконично сообщил Джеггед.

— Да, свадьба! Невероятно, сегодня, — я думаю, сегодня — я соединился священными узами (от-

---

[58] notes: 58

«„…Гайдн, да…“, — спросил со значением Лорд Джерек…»
Франц Йозеф Гайдн (1732–1809) — австрийский композитор, основоположник венской классической школы.

метьте мой лексикон) с самой приятной из всех леди, прекрасной Сладкое Мускатное Око.

— И кто совершает обряды? — спросила Амелия.

— Епископ Тауэр! Кто же еще? Будьте моими гостями.

— Что ж…

— Конечно, мы придем, роскошный жених, — Лорд Джеггед вышел за ворота, чтобы обнять Герцога, прежде чем тот уйдет. — И принесем дары. Зеленые для жениха и голубые для невесты!

— Другой обычай!

— Да. Амелия поджала губы и сердито взглянула на Лорда.

Джеггеда Канари.

— Удивительно, сколько наших старых обычаев припомнили, сэр.

Их глаза встретились, он чуть улыбнулся.

— О, ты не знала? В общей путанице, с трансляционными пилюлями и тому подобным, мы все, кажется, начали говорить на английском девятнадцатого столетия. Это сказывается.

— Вы устроили это?

Он ласково ответил — Ты постоянно льстишь мне своими предположениями, Амелия. Избегая размолвки между ними, Джерек сказал — Итак,

мы опять будем гостями Герцога Квинского. Ты расстроена, Амелия?

— Нет, почему же? Раз нас пригласили, надо пойти. Даже если это шуточная свадьба — в этом столько экстравагантности.

Лорд Джеггед Канари посмотрел на нее непонимающими глазами, и на моменте его лица будто упала маска. Ее сбила с толку эта неожиданная искренность, она отвела глаза в сторону.

— Очень хорошо, — сказал ее свекор. — Мы, значит, снова скоро увидимся?

— Скоро, — повторила она.

— До встречи, — попрощался он. — Пока.

Он зашагал к своему лебедю, плавающему в крошечном пруду, сделанным Джеггедом для стоянки. Скоро он был в воздухе. Взмах руки и он исчез.

— Итак женитьбы сейчас в моде, — сказала Амелия, когда они возвращались обратно к дому.

Он взял ее за руку.

— Мы уже женаты, — сказал Джерек.

— Перед Богом, как принято выражаться. Но Бог больше не смотрит на этот мир. У нас есть только жалкая замена. Самозванец.

Они вошли в дом.

— Ты снова говоришь о Джеггеде, Амелия?

— Он продолжает сбивать меня с толку. Казалось бы он всем доволен. Все планы его выполнены. Хотя я все еще остерегаюсь его. Полагаю, я всегда буду остерегаться всю вечность. Я боюсь его скуки.

— А не своей ли собственной?

— У меня нет его власти.

Он решил оставить эту тему. В полдень Джерек и Амелия отправились на свадьбу Герцога Квинского. Епископ Тауэр специально построил собор для церемоний в классическом стиле, с большими окнами цветного стекла. Готические шпили и башенки, массивные, но создающие впечатление легкости кости, и декоративные снаружи, преимущественно в оранжевых, пурпурных и желтых тонах. Собор окружал оркестр Герцога. Механические музыканты отдыхали. На высоких флагштоках развивались все мыслимые штандарты, которые все еще существовали в архивах. Рядом с собором пестрели палатки с напитками и сладостями, ларьки, выставки забавных древностей, по которым прогуливались гости, полные веселья.

— Приятная картина, — сказал Джерек, когда они с Амелией вышли из локомотива, — отличный фон для венчания.

— Это всего лишь сцена, — сказала она. — Я никогда не смогу освободиться от мысли, что играю роль в драме.

— Значит церемонии отличались в твои дни?

Она помолчала мгновение.

— Ты, должно быть, считаешь меня безрадостным созданием.

— Ты была счастливее, Амелия.

— Меня никогда не учили этому трюку ума. В самом деле, я была приучена подозревать открытую улыбку, подавлять свою собственную. Я постараюсь быть беззаботной, Джерек.

— Это твой долг, — сказал он ей, когда они присоединились к толпе и встретились тут же со своими друзьями. — Госпожа Кристия! Последний раз, когда я видел ваших компаньонов, они находились в жутко неприятной ловушке вместе с Браннартом.

Госпожа Кристия, Неистощимая Наложница засмеялась заливистым смехом, всегда приносящим ей успех. Она стояла в окружении Капитана Мабберса и его стрелков, одетых в ее цвета. Локти и колени госпожи Кристии охватывали странные баллоны.

— Лорд Джеггед спас их, и я настояла, чтобы они были моими почетными гостями. Мы тоже

сегодня женимся!

— Вы выходите замуж за всех! — покраснев, спросила Амелия.

— Они знакомят меня со своими обычаями, — госпожа Кристия показала на охваченные баллонами локти. Это одежда замужней женщины Латовки. Причина их поведения в отношении женщин заключалась в том убеждении, что если мы не носим баллонов на коленях и мы… э? — она вопросительно посмотрела на ближайшего супруга, который скрестил три свои зрачка и погладил усы в смятении. Джереку показалось, что это был Рокфрут. — Дорогой?…

— Публичная девка, — сказал Рокфрут почти неслышно.

— Они так раскаиваются! — сказала госпожа Кристия. — Она подвинулась ближе к Амелии, бормоча — На публике, по крайней мере, дорогая.

— Поздравляю, капитан Мабберс. — сказал Джерек. — Надеюсь, вы и ваши люди будете счастливы с вашей женой.

— Поздравь свою задницу, — сказал капитан Мабберс мягким голосом, пожимая ему руку. — Всякая проклятая вонючка…

— Я не хотел обидеть…

— Тогда заткнись и отваливай, тупица…

— Вы навсегда оставили космос? — спросила Амелия.

Капитан Мабберс пожал скошенными плечами.

— Там нет ничего интересного, — он бросил на нее похотливый взгляд, который заставил ее отодвинуться назад.

— Ну… — она набрала в грудь воздуха. — … Я уверена, раз вы теперь женаты… — Она умолкла, потерпев поражение в своих усилиях.

Капитан Мабберс хмыкнул, пожирая глазами ее локти, просвечивающие сквозь тонкий шелк платья.

— Флимпоук! — заметила госпожа Кристия.

— Простите, моя косточка! — он уставился в пол.

— Флимпоук? — переспросил Джерек.

— Флимпоук Мабберс, — ответила ему госпожа Кристия с лживой гордостью. — Я буду миссис Мабберс, миссис Рокфрут, миссис Глопгну…

— А мы будем мистер и мистер Монгров де Гете!

Это был Вертер в голубом с ног до головы. Темно голубые глаза смотрели с голубого лица. Его трудно было узнать. Рядом с ним в позе мрачного

удовлетворения возвышался монарх плачущих гор.

— Что? Вы женитесь? О, это превосходно!

— Мы тоже так думаем, — сказал Вертер. — А что, есть еще кто-нибудь?

— Мы малое кем имеем что-либо общее, — прогудел Монгров. — Кроме того, кто еще согласится на меня? Кто проведет остаток жизни с таким бесформенным телом, с такой бесцветной личностью, с таким бесполезным умом…

— Вы — подходящая пара, — поспешно сказал Джерек, зная склонность Монгрова, раз начав, набирать инерционный ход и проводить час или более в перечислении собственных недостатков.

— Мы решили нашу судьбу во дворце чудес Доктора Волоспиона, когда упали с карусели, что может так же разделить все остальные наши несчастья…

— Превосходный план…

От одежды Монгрова при каждом движении доносился запах сырости. Джереку это не понравилось.

— Надеюсь вы найдете успокоение…

— Примирение, по крайней мере, — сказала Амелия.

Они пошли дальше. — Итак, — сказал Джерек,

предлагая ей руку. — Мы будем свидетелями трех свадеб.

— Они слишком нелепые, чтобы их принимать всерьез, — сказала она, будто давая благословение происходящему.

— Хотя они безусловно забавляют тех, кто принимает в них участие.

— Мне трудно поверить в это.

Наконец, они нашли Браннарта Морфейла в необычной одежде горчичного цвета плащ: спадающий складками с его горба, с кисточками, болтающимися в самых неожиданных местах, ортопедический ботинок блестел пряжками. Он пребывал в почти веселом настроении рядом с миледи Шарлотиной.

— Ага! — закричал Браннарт, увидев их. — Моя Немезида, юный Джерек Карнелиан! — шутка хотя и неуклюжа, была по крайней мере, беззлобной. — И причина всех наших проблем — прекрасная Амелия Ундервуд.

— Теперь Карнелиан, — сказала она.

— Поздравляю! Значит, вы предприняли такой же шаг?

— Как герцог Квинский, — согласился Джерек дружелюбно, — и госпожа Кристия, и Вертер с Монгровом.

— Нет, нет, нет! Как миледи Шарлотина и я!

— О!

Миледи Шарлотина похлопала двухдюймовыми ресницами и произвела обаятельную улыбку.

— Когда вы успели сделать предложение? — спросил Джерек ученого.

— Это предложила она, — ворчливо ответил Браннарт, возвращаясь к своему обычному настроению, — Я обязан своим спасением ей.

— Не Джеггеду?

— Это она позвала Джеггеда на помощь.

— Вы пытались сделать прыжок во времени? — с интересом спросил Джерек.

— Я сделал все, что мог, остальное зависело от случая. Я мог улучшить эту катастрофическую ситуацию. Но я пытался переместиться в слишком ограниченном периоде и оказался пойманным в петлю. Доказав, безусловно, неопровержимость моего эффекта.

— Конечно, — согласились оба его слушателя.

— Полагаю, что эффект все еще применим в настоящее время, — предложила Амелия.

— Сейчас и всегда.

— Всегда?

— Ну… — Браннарт потер свой бородавчатый нос, — в основном. Если Джеггед рециклирует

семидневный период, тогда эффект будет приложим ко времени, содержащемуся внутри этого промежутка.

— Ага, — Амелия была разочарована, хотя Джерек не знал, почему. — Нет никакого способа покинуть этот мир, когда будет замкнута цепь?

— Абсолютно. Хронологическая изоляция вместе с пространственной. По праву эта планета не должна существовать вообще.

— Мы знаем, — сказал Джерек.

— Это противоречит логике. Это будет означать смерть науки, — сказал Браннарт жизнерадостно. — О, да. Больше не будет исследований, не будет анализа, не будет истолкования явлений. Мне нечего будет делать.

— У городов есть функции, которые можно возобновить, — сказала сочувственно Амелия.

— Функции?

— Старые науки могут быть открыты вновь. Для этого есть масса возможностей.

— Гм! — задумался Браннарт, потерев своими скрюченными пальцами подбородок. — Стоит подумать.

— Банки памяти заржавели, им необходимо обновление, — убеждал его Джерек. — Для их восстановления потребуется гениальный ученый.

— Стоит подумать, — повторил Браннарт. — Ладно, я попытаюсь что-нибудь сделать в этом направлении.

Миледи Шарлотина похлопала его по горбу.

— Я буду так гордиться тобой, Браннарт. Ты можешь сделать общественный переворот, открыв некоторые секреты этих машин.

— Джеггед умрет от зависти! — добавила коварная Амелия.

— От зависти? — Браннарт просветлел еще больше. — Да, он будет мне завидовать.

— Еще как, — подначивал Джерек.

— Что ж, уж вы-то должны знать это, Джерек, — ученый, казалось, даже заплясал на своей изуродованной ноге. — Вы так думаете?

— Без сомнения!

— Гм…

— Ага! Вот ты где! Я искал тебя, — раздался раздраженный голос позади Джерека.

Это был Рокфрут. Он продолжил угрожающе:

— Если леди извинят нас, я хотел бы перекинуться словечком с тобой, осадок из ноздрей…

— Я уже извинился, лейтенант Рокфрут, — сказал ему Браннарт Морфейл. — Не вижу причины продолжать это…

— Ты предлагал мне насилие, грабеж, мошен-

ничество, поджог, а все, что я получил, — это стал членом вонючего мужского гарема…

— Я здесь ни при чем. Вы сами согласились на женитьбу! — Браннарт начал отступать назад.

— Если это был единственный способ получить кусочек женской задницы, что мне еще оставалось делать!? Иди сюда!

Браннарт побежал, еще сильнее припадая на ногу, преследуемый лейтенантом Рокфрутом, которого тут же поймал подходящий Лорд Джеггед, поднял в воздух, отряхнул пыль, направил в другую сторону и продолжил свой путь.

Браннарт в сопровождении будущей супруги исчез за каким-то ларьком. Рокфрут скрылся в палатке со сладостями. Лорд Джеггед был доволен.

— Итак, мир сохранен, — улыбнулся он Джереку и Амелии.

— Теперь вас нужно величать «Соломоном»,[59] — язвительно сказала Амелия.

— Ты должна звать меня «отец», моя дорогая, — кивок проходящему мимо О'Кэла Инкардиналу, на сей раз в образе жирафа.

---

[59] notes: 59

«…теперь вас нужно величать Соломоном…»

Соломон — Согласно Ветхому Завету — десятый сын Давида и Вирсавии. Славился необычайной мудростью. Автор нескольких книг Библии (в том числе «Песни песней»), В «Притчах» Соломон поучает юношество мудрости, на что и намекает Амелия.

По причине, известной только ему самому, Лорд Джеггед сменил свои обычные пышные одеяния и воротники на простой серый утренний костюм, как у Джерека, и серую шелковую шляпу. В петлице был небольшой букет первоцвета.

— А вот и моя собственная супруга, Железная Орхидея, восхитительная, какой может быть только она!

Железная Орхидея улыбнулась комплименту. Она носила сегодня свой именной цветок — орхидеи всевозможной формы и цвета облепили все ее тело, прижимаясь к ней, будто она осталась единственной материальной вещью во вселенной. Их аромат оказался столь сильным, что сбивал с ног любого в радиусе двадцати футов.

— Мой муж! И дорогие дети! Вы снова вместе и по такому прекрасному случаю! Сколько свадеб будет сегодня? — ее вопрос был обращен к Джереку.

— Свадеб, мама? Три… нет, четыре… насколько я знаю.

— Всего около двадцати, — сказал Джеггед. — Вы знаете, что такое мода.

— Кто еще? — спросил Джерек.

— Доктор Волоспион женится на Платиновом Маке.

— Такое приятное пустое создание, — фыркнула Железная Орхидея, — по крайней мере, до того, как она сменила имя.

— Капитан Мрамор уступает Суле Сен Сен, и леди Безголосая, я слышал, отдает себя Ли Пао.

Железной Орхидее, кажется, не понравились эти известия, но она промолчала.

— Интересно, на сколько их хватит? — поинтересовалась Амелия.

— О, думаю, как они сами захотят, — пробормотал Лорд Джеггед. — Мода может длиться у нас до тысячи, или, иногда, до двух тысяч лет. Трудно сказать. Все зависит от самих участников. Может, появиться что-нибудь еще, что воспламенит их воспаленное воображение.

— Конечно, — сказала она, помрачнев. Заметив это, Джерек, сжал ее руку, но она не повеселела.

— Мне казалось, Амелия, что вам это изменение придется по душе, как никому, — губы Лорда Джеггеда чуть-чуть скривились. — Тенденция к социальной стабильности, не так ли?

— Мне сегодня не до шуток, Лорд Джеггед.

— Вы носите траур по картошке?

— Картошка лишь начало.

— Что-нибудь придумаем, Амелия, не нужно огорчаться. Решим все проблемы…

— Сэр, неразрешимая проблема-человек, который не хочет быть трутнем в мире трутней.

— Вы слишком суровы к себе и к нам. Смотрите на это, как на награду человеческой расе за миллионы лет борьбы.

— Ну, в некотором смысле…

— Я не участвовала в этой борьбе.

— В некотором смысле, сэр, мы все принимали участие, в некотором — нет. Это, как вы обычно говорите, зависит от точки зрения.

— Вы изменились.

— Боюсь, что да.

— Вы боитесь цинизма в себе.

— Именно этого.

— Некоторые могут подумать, что вы испугались.

— Пусть думают. Причина не в этом, Лорд Джеггед, и, вообще, давайте прекратим этот разговор. Мои проблемы никого не касаются.

— Вы не правы, Амелия. Я виновник ваших проблем.

— Не могу возразить вам.

Его голос был спокойным, и только для ее ушей.

— У меня тоже есть совесть, Амелия. Я делал все это из чувства долга, слишком преувеличенного.

Ее губы приоткрылись, подбородок задрожал.

— Если бы я могла поверить в это, я примирилась бы с моей ситуацией.

— Тогда вы должны поверить в это.

— О, Джеггед! Амелия права. Нам наскучил весь этот неинтересный разговор. — Железная Орхидея подвинулась ближе к мужу. Лорд Джеггед приподнял шляпу.

— Возможно, мы сможем продолжить его позднее, Амелия. У меня есть предложение, которое, наверное, обрадует вас.

— Не принимайте к сердцу, — сказала она, — наши дела.

Джерек хотел заговорить, но вдруг со всех сторон раздались душераздирающие звуки фанфар, и неестественно громкий, искаженный голос Герцога Квинского взорвал воздух:

— Свадьбы начинаются!

Они присоединились к толпе, двинувшейся к собору.

Глава двадцать седьмая
Беседы и результаты

Лучи солнца, пыльным разноцветьем проникшие сквозь окна в сумрак собора, радужными

разводами покрывали мраморный пол и дубовые сиденья, своды галереи и золоченные кафедры. Костюмы женихов, невест и приглашенных были экстравагантны, как никогда. Вечные граждане вечной планеты заполнили Собор.

Едва не самое важное лицо — Епископ Тауэр — облаченный в одежды из красного и черного шелка, украшенные вплетениями белой тесьмы, с величественной митрой на величественной голове стоял на возвышении, приготовив руку для благословения вечных молодоженов. Трубный звук тысячи инструментов зазывал одной нотой в высокие двери. Затем внезапно наступила тишина, в которой отдавался эхом прежний звук. Епископ дал ему затихнуть и жестом пригласил Сладкое Мускатное Око пройти к алтарю, затем подошел Герцог Квинский, все еще в униформе, встал рядом со своей невестой, выбравшей все белое для этой церемонии — волосы, брови, ресницы, губы, платье и сапожки. Сам алтарь был уже завален разнообразными голубыми и зелеными дарами. Джерек, Амелия и Железная Орхидея наблюдали из галереи, как Епископ Тауэр придерживаясь церемонии протянул Герцогу Квинскому черный лук и одну стрелу, давая возможность жениху «показать себя достойным

этой женщины». Железная Орхидея прошептала, что Амелия, наверно, знакома с ритуалом и, без сомнения, ей не очень интересно, но она, Орхидея, очень возбуждена. Епископ Тауэр сделал движение, и на основном алтаре появилось двадцать пальм, стоящих одна за другой. Герцог Квинский положил стрелу на тетиву, натянул ее и выстрелил в первую пальму. Стрела проткнула дерево насквозь, вошла в следующее, проткнула его и так далее, пока не проткнула все двадцать деревьев. Раздался дикий вопль (за последним деревом за какой-то надобностью оказался Ли Пао, получивший смертельное ранение в глаз; его побыстрей оживили, стараясь обойтись без трагической шумихи в такой день). Герцог Квинский протянул лук Епископу Тауэру и затем, ссылаясь на Диснея Разрушителя и призывая в Свидетели Господа Будду, нараспев поклялся любить Сладкое Мускатное Око до конца своих дней. Ритуал приводил в экстаз виновников торжества (как, впрочем, и было задумано), но зрителям стала надоедать эта канитель, хотя все в один голос признавали, что давненько у них не было такого грандиозного зрелища. Наконец, Епископ подошел к заключительной части обряда:

— … пока вышеупомянутые партии не сочтут

этот Союз исчерпанным, и никакие разногласия не коснутся его! Именем Божьей Матери, Божьих Родственников, Боже Храни, Божьей Коровки, именем Счастливого случая вы приговорены друг к другу. Приговор может быть обжалован Верховным, Средним и Низшим судом Азарта и Произвола на Священных небесах Города.

После этих слов на шею Сладкого Мускатного Ока водрузили церемониальные кандалы, а к паху Герцога с трудом пристроили гроздь ювелирных изделий, молодожены обменялись нимбами, кровью из пальцев, забили на алтаре двух козлов и, наконец, звук фанфар возвестил о законности их брака. Следующей была чета Лорда Монгрова и Вертера де Гете, которые выбрали короткую и мрачную церемонию, затем Госпожа Кристия, Неистощимая Наложница и небольшой, но сплоченный взвод женихов. Во время бракосочетания Доктора Волоспиона с Платиновым Маком (полной копией Железной Орхидеи) Лорд Джеггед незаметно исчез. Джерек подумал, что отца утомила эта процедура и вспомнил о слухах, что Джеггед терпеть не может завистливого Волоспиона.

Оставшиеся брачующиеся выбрали групповую женитьбу, которая занимала намного меньше

времени. Амелия и Железная Орхидея перешептывались друг с другом, сдавленно хихикая. Правда, когда раздался залп Свадебной Пушки, когда Клара Цирато пронзительно кричала на процедуре протыкания нижней губы, когда раздался бычий рев Пэра Карболики из 900-го столетия, они залились откровенным звонким смехом. Джереку было приятно, что самые дорогие его сердцу женщины нашли общий язык и подружились. По лицу Амелии он понял, что она борется с собой, находя свое собственное поведение предосудительным. Несколько раз они присоединялись к аплодисментам, заполняющим собор, когда все больше и больше людей, под впечатлением, кидались к алтарю и безрассудно вступали в брак друг с другом. Процедура стала крайне хаотичной, и Епископ Тауэр, потеряв свой важный вид, раскачивал митрой и давал простор своей бурной фантазии в более экстравагантных ритуалах, так что смех теперь звучал из каждого угла огромного собора, взрыв аплодисментов приветствовал необычные упражнения нескольких леди, настоявших, чтобы их женили, пока они стояли на руках вниз головой. Железная Орхидея колко заметила:

— Самые умные из нас уже женились — эти же

только ломают для нас дешевую комедию.

Они собрались уходить.

— Епископ Тауэр разошелся не на шутку, — сказала Орхидея. — Кстати, многие из них, эмигранты, возвращенные недавно эффектом Морфейла, Разве это не грубый Перег Траво в пламенной короне — вон там рядом с девочками. А чуть левее другой путешественник во времени, над которым склонился Гэф Лошадь в Слезах? Что это он так усердствует?

Амелия отвернулась. Железная Орхидея похлопала ее по плечу.

— Ты права, моя дорогая, это отвратительно.

Гости уже танцевали, выстроившись в длинную линию, изгибающуюся через альковы, по лестницам вдоль высоких галерей сквозь глубокие тени и неожиданный солнечный свет, а Епископ Тауэр подгонял их, его митра раскачивалась в такт оркестру Герцога Квинского, который музицировал за дверью.

— Благословляю вас! — вопил он. — Благословляю!

По настоянию Трикситрокси Ро, низложенной Королевы, которую успешная революция изгнала в будущее, вспыхнул огонь; Королева уже сотни лет считала поджог залогом успеха любой ве-

черинки.

Железная Орхидея, Джерек и Амелия пробирались к двери, двигаясь навстречу толпе.

— Это худшее проявление мирового безумия, — протестовала Орхидея, которую толкнул Святой Электрик из какого-то доисторического периода, нацепивший кошачью маску.

— Давно вы стали снобом, Железная Орхидея? — с насмешливым добродушием спросила Амелия. — Действительно, мама, откуда такая взыскательность?

— О, возможно, я старею. Или жизнь в Конце Времени теряет какое-то качество. Мне трудно объяснить.

До дверей было еще достаточно далеко, когда танцующая толпа разделилась на несколько взаимопересекающихся потоков. Крики и смех смешивались с обрывками песен, со звуком топающих ног, блестела желтая, зеленая, черная, коричневая, голубая и оранжевая кожа, всюду горели глаза; тела, крашенные и нет, извивались на ступеньках, хорах, кафедрах и в исповедальнях, драгоценные одежды и туфли отражали свет факелов и, казалось, вспыхивали сами…

Из троих только Джерек смеялся.

— Они веселятся, мама. Это фестиваль!

— Пир во время чумы? Танцевальный кошмар! — бормотала Амелия, — проклятые, мертвые, обреченные — они танцуют, чтобы забыть о своей судьбе!

Все происходящее было слишком дико даже для Орхидеи.

— Как это пошло, — с отвращением сказала она. — Во всем виноват Герцог, с его манией прекрасное развлечение превратить в… а-а! — она упала на копошащуюся пару, о которую споткнулась.

Джерек помог ей встать, улыбаясь.

— А ты упрекала меня за критику вкуса Герцога. Я рад, что ты, наконец, поняла.

Она фыркнула, заметив лицо одного из людей на земле.

— Гэф, как вы могли докатиться до этого?

— Что? — вежливо спросил Гэф, выглядывая из-под своего партнера.

— А, это вы, Железная Орхидея! Позвольте раствориться в благоухании ваших изящных тычинок, лепестков и пестиков, о несравненная!

— Мы покидаем этот притон, — возмущенно добавила Железная Орхидея, смерив тяжелым взглядом черно-белую шерсть зазнобы Гэфа. — Эта процедура омерзительна!

— Омерзительна? О, дорогая Орхидея! Это всего лишь игра, забавная игра! — Гэфу показалось, что Орхидея шутит, он выпростал из-под партнера руку. — Идите к нам. Присоединяйтесь! Нам будет хорошо втроем!

— Как-нибудь в другой раз, Рыдающий Жеребец. — Орхидея расталкивая толпу, кинулась к выходу, где ее ждали обнявшиеся Джерек и Амелия.

Джерек о чем-то заговорил было снова, когда земля под его ногами начала неистово вибрировать. Они держались друг за друга, чтобы не упасть. В воздухе появился острый запах, и на секунду вспыхнул фиолетовый свет на горизонте.

— Это Города! — воскликнула Железная Орхидея, подвинувшись к Амелии. — Они уничтожены! Вы чувствуете, что сразу стало холоднее?

— Да, — в один голос ответили Амелия и Джерек.

— Интересно, как долго…

— Уже прошло больше времени, чем я ожидал, — сказал ей Джерек.

— Скорей бы все кончилось. Хоть это Джеггед мог бы сделать для нас…

— Возможно, он борется со своей техникой, все еще пытаясь что-нибудь сделать, — предположил

Джерек.

— Бедняга, — пробормотала Амелия. — Все его планы рухнули.

— Тебе его жаль? Откуда такая симпатия? — с удивлением спросил Джерек.

— Дело в том, что я всегда сочувствую неудачникам…

Джерек сжал ее локоть. Появилась еще одна вспышка на некотором расстоянии от первой и продолжилась чуть дольше.

— Да, — сказала Железная Орхидея. — Судя по местоположению, это действительно Города, и они взрываются.

— Странно, что воздух все еще с нами, — сказал Джерек. — Значит, хоть один Город должен оставаться нетронутым, чтобы создавать кислород.

— Если только мы не дышим тем, что от него осталось, — высказала свой мрачный прогноз Амелия.

— Я уверен, что это нечто иное, — заявил Джерек.

И как будто в ответ ему начало подниматься солнце, сначала тускло-красное, затем все ярче, пока не наполнило голубое небо лучами желтого, розового и малинового цветов. Ликование жизни возобновилось с прежней силой.

Лишь Амелия пребывала в растерянности от нежданной отсрочки.

— Это безумие, — сказала она, — я надеялась на скорую смерть, но теперь даже слабая надежда исчезла. Я схожу с ума.

Тень огромного лебедя упала на Амелию, тотчас же посмотревшую на него печальными покрасневшими глазами.

— О, Лорд Джеггед! Как вы, должно быть, радуетесь своим махинациям.

Лорд Джеггед все еще был в своем утреннем костюме и в высокой шляпе на голове!

— Приношу извинения за тусклое освещение, — сказал он, — Я не мог рисковать, начиная цикл первой недели. Сейчас пока все идет гладко и будет продолжаться вечно.

— Неужели исключена даже малейшая возможность, что все это рухнет? — Амелия в порыве отчаяния забыла о своей врожденной вежливости.

— Исключена, Амелия. Мир существует, потому что он совершенен.

— Я вижу… — она пошла прочь, охваченная безразличием и апатией.

— Есть другой путь, — лаконично сказал Лорд Джеггед. — Как я упоминал, — он элегантно

выскочил из лебедя и приземлился около нее, держа руки в карманах и ожидая, когда его слова дойдут до ее сознания, Она медленно обернулась, переводя взгляд с Джеггеда на Джерека, который приблизился к своему отцу.

— Какой?

— Да, Амелия. Он может не понравиться тебе, не говоря о Джереке.

— И все же вы не должны умалчивать об этом, — потребовала она.

— Я и не собираюсь, — он бросил взгляд вокруг себя, вытащил руку из кармана, чтобы дать сигнал лебедю. Аэрокар послушно приблизился к нему. — Но лучше если мы поговорим об этом у меня за обедом. Не откажите в любезности.

Она заколебалась.

— Я устала от ваших недомолвок, Лорд Джеггед.

— Лучше принять решение там, где никто не сможет помешать вам.

Из собора вышел Епископ Тауэр, покачиваясь под тяжестью митры и опираясь на жезл.

— Признайтесь Джеггед, это ваши проделки? — ошеломленно спросил он.

Лорд Джеггед Канари склонился в учтивом поклоне.

— Это было необходимо. Простите, если я причинил вам беспокойство.

— Беспокойство! Бросьте, Джеггед! Это было зрелище! Вы непревзойденный драматург!

— Несмотря на свои восторги.

Епископ Тауэр был бледен, и шутливый тон плохо давался ему. Знакомая полуулыбка мелькнула на красивых губах Джеггеда.

— Все бракосочетания состоялись с подобающей торжественностью?

— Я думаю, да. Был момент, когда я позабыл про все на свете — такая благодарная аудитория.

Из-за нагромождения киосков вышел Герцог Квинский. Он дал сигнал своему оркестру играть, но после нескольких секунд грохота передумал и оркестр умолк, захлебнувшись; супруга Герцога, Сладкое Мускатное Око, изящно цеплялась за его руку.

— Ну, по крайней мере, в церемонию никто не вмешался, призрачный Джеггед, Ускользающий Лорд Времени, хотя раньше без этого не было ни одной вечеринки, — он хихикнул. — Это ваш просчет, Джеггед.

— Я знала и верила, — сказала Сладкое Мускатное Око, смахивая назад черные кудряшки с маленького лица, — что вы не станете портить

самый чудесный день нашей жизни, дорогой Джеггед.

Родитель Джерека застыл в сдержанном поклоне.

— Нам пора, — энергично сказал Герцог, — мы отправляемся в медовый месяц на медовую луну — небольшой астероид. Разрешите откланяться.

Амелия обвила шею Герцога руками и прижалась губами к его бородатой щеке, что шокировало Джерека.

— Прощайте, дорогой Герцог. Будьте счастливы. — Потом она расцеловала Сладкое Мускатное Око со словами — Желаю вам долгих лет безоблачного супружеского счастья…

Герцог смутился, польщенный.

— Взаимно, миссис Ундер… Ундер… Карнелиан.

— Карнелиан.

— …вуд. Ага! Наши крылья, дорогая…

Два автомата поднесли им по паре белых, покрытых перьями, крыльев. Герцог помог суженой впрячься в летные доспехи, проделав затем то же самое. Крылья были прикреплены к рукам мертвой петлей.

— Успех нашего полета будет зависеть от хорошего разбега. Смотри, — заботливый ново-

брачный начал разбег в сопровождении жены. Спотыкаясь на ходу, Герцог выпрямился и, хлопая крыльями, взмыл в небо с неимоверным трудом. Сладкое Мускатное Око последовала его примеру. Вскоре молодожены, напоминающие двух гигантских пьяных голубей, скрылись из виду.

— Надеюсь, — сказала Амелия мрачно, — эти крылья не натрут им мозоли, — она подмигнула Джереку, улыбнувшись. Он был рад, что она восстановила душевное равновесие.

Вожделенная спутница жизни доблестного экипажа Латов с восторженным лепетом пробежала мимо, увлекая своими прелестями четырех законных супругов. В семейном забеге лидировал старший по званию капитан Мабберс, счастливо ворчавший в преддверии близкого экстаза!

— Сними свои баллоны, ты, сахарная косточка!

Она уже позволила коленным баллонам дразняще соскользнуть вниз до икр.

— Черт! — подхватил лейтенант Рокфрут. — Что за милая парочка!

— Оставьте нам хоть кусочек! — клянчил отставший член дружного семейства.

— Не бойся, там хватит на всех, — успокоил его замыкающий забег.

Они все исчезли в Соборе и больше не пока-

зывались.

Женихи, невесты и гости стали расходиться, прощаясь друг с другом. Миледи Шарлотина и Браннарт Морфейл проплыли над всеми в эмалированной блюдообразной лодке. Шарлотина пребывала в полузабытьи, а присутствие Браннарта выдавала его беспомощно торчащая над бортом аэрокара культя.

— Что ты скажешь, Амелия? — мягко спросил Джеггед. — Ты не откажешься от моего предложения?

Она пожала плечами.

— Поверим вам в последний раз, Лорд Джеггед.

— Да, другого раза не будет, моя дорогая.

Они поочередно забрались на лебедя и стали подниматься в небо. Несколько упрямых весельчаков продолжали танцевать среди будок, палаток и киосков, громко переговариваясь. Амелия Карнелиан начала цитировать Уэлдрейка, его самую длинную, но незаконченную предсмертную поэму «Флагелланты»:

> *Так будут они танцевать, пока не наступит конец времени,*
>
> *Каждое лицо — маска, каждая черта — знак*

Гордыни, замаскированной под страдание.

И хотя жалеют его те, кто остался жить

Его плоть чиста, его душа не оценена:

Его страдания замаскированы под гордыню…

На сей раз Джеггеду не удалось скрыть досаду под маской бесстрастности. Джерек никогда не видел отца в таком состоянии и не мог понять, что вызвало его раздражение. В надежде прояснить загадку он посмотрел на Амелию и подивился ее улыбке, в которой уживались симпатия, триумф и горечь. Однако, та не отводила пристального взгляда от Джеггеда. Лебедь плавно парил, пока Амелия продолжала читать Уэлдрэйка:

Я знала его, когда он предложил все

Богу и женщине тоже.

Его вера в жизнь была сильна,

Его доверие Христу было чистым…

Лорд Джеггед прервал ее выступление словами:

— Они могут быть на редкость сентиментальны, эти викторианские стихоплеты! Ты не читала

Суинберна, Амелия?[60]

— Кажется, нет.

— Жаль, я очень увлекался им в свое время. Если мне не изменяет память, он был Придворным поэтом.

— Постойте. Я припоминаю, ходили какие-то слухи, что мистер Киплинг отказался от этого Поста и его место занял Альфред Остин.[61] Кажется, я даже читала у него что-то о садах или огородах, точно не помню, — за ее непринужденной болтовней скрывалось колоссальное напряжение, — нет, я не знаю Суинберна.

— Тогда послушай:

Но мир чудесным образом изменился, бабушка,

С тех пор, когда ты была молодой,

Он думает совсем по-другому,

---

[60] notes: 60

«...ты не читала Суинберна, Амелия...»

Алджернон Чарльз Суинберн (1837–1909) — английский поэт, представитель гедонистического направления в поэзии Великобритании.

[61] notes: 61

«...и его место занял Альфред Остин...»

Остин (Аустин) Альфред (1835—?) — английский журналист и поэт. Широкую известность приобрел благодаря своей сатире в стихах «Времена года»(1861). Его сатирические произведения привлекали внимание современников, недаром на него постоянно обрушивался целый шквал критики. Поэтому Амелия вполне могла «что-то слышать о нем».

И говорит на другом языке.

Преграды сломаны и разорваны узы,

Что привязывали сердце человека к дому,

Он бродит свободный как ветер или волна,

И меняет свой берег как пена.

Он пашет плугом целинные моря

И собирает урожай, посеянный бурунами

Он набросил лассо на молнию и привел ее домой

Он запряг ее для своих нужд

Он оседлал потоки и сделал их ручными

Он надел узду на бушующий прибой.

Они делают за него тяжелую работу и вращают колеса

Для пользы человека и для его горести

Он дотянулся до планет и взвесил их богатства,

Он сел верхом на послушную комету,

И он поднял вуаль солнца и заглянул в

глаза самой звезде…

— Очень воодушевляет, — поделилась впечатлением Амелия.

Лебедь качнулся и полетел чуть быстрее ветра.

— Хотя, вряд ли, лучше Уэлдрейка. Совсем другой род поэзии. Уэлдрейк писал о душе, Остин, как видно, о мире. Когда прозябаешь в мирских заботах, несколько мгновений с поэтом, осмыслившим почему люди делают то, что делают, дорогого стоят.

— Ты не находишь Уэлдрейка нарочито унылым?

— Даже излишне. Хваленый вами Суинберн, однако…

— Ага! Заходит слишком далеко?..

— Я считаю, да. Вы знаете, этот натурализм…

Лорд Джеггед сделал вид (иначе это трудно назвать), что обеспокоен заскучавшими спутниками.

— Смотри, как мы утомили наших компаньонов, наших самых любимых, нудным разговором о забытых писателях.

— Простите. Это я затеяла его… Строки Уэлдрейка показались мне такими уместными, что я не удержалась…

— Тем, кто остался, не в чем каяться, Амелия.

— Возможно. Касающиеся грешники где-нибудь в другом месте.

— Я совершенно не понимаю тебя.

— Я говорю, не думая. Я немного устала.

— Смотрите, море.

— Какое милое море, Джеггед! — последовал комплимент Железной Орхидеи. — Ты сотворил его недавно?

— Да. Возвращаясь из города, — он повернулся к Джереку, — Няня передавала тебе привет и наилучшие пожелания, между прочим. Она рада, что не ошиблась в тебе и одобряет твою женитьбу. Кстати, Няня считает, что вот из таких сорванцов получаются лучшие граждане.

— Надеюсь, мы скоро встретимся. Благодаря ей мы с Амелией снова вместе.

— Да, это ее заслуга.

В тесном кольце скал желтела бухточка, куда плавно приземлился лебедь. Чайки парили в чистом небе, временами бросаясь в ослепительную лену лазурного моря, чтобы поймать серую или черную рыбу. На янтарном песке была расстелена скатерть с щедрым угощением. Булочки, бублики, бисквиты, бекон, балык, бобы, бананы — самая разнообразная закуска. Здесь же стояли напитки золотисто-коричневых тонов: пиво,

чай, кофе.

Когда они расселись вокруг скатерти, Амелия со вздохом облегчения расслабилась, как и Джерек.

— Итак, Лорд Джеггед, — начала Амелия, оставляя без внимания снедь, — вы сказали, что есть другой путь.

— Сначала мы пообедаем, — сказал он. — Вы еще не пришли в себя после сегодняшних событий. Этот разговор подождет.

— Ладно, — согласилась она, выбрав ближайшее блюдо.

Чувствуя напряжение между Джеггедом и Амелией, Джерек и Железная Орхидея помалкивали, сосредоточенно поглощая еду и наблюдая за чайками.

Из всего семейства только Железная Орхидея обеспечивала яркие цвета сцене. Джерек, Амелия, и Джеггед, столь разные по характеру, сливались в гармонии серого одеяния. Джерек подумал, что его отец выбрал идеальное место для пикника, и сонно улыбнулся, когда его мать заметила, что это напоминает старые добрые времена.

Джерек поймал себя на мысли, что испытывает те же эмоции, что и мать. И хотя он был семейным человеком, ему показалось на миг, что не было этих рискованных приключений, и его пла-

нете не угрожает гибель. Джерек вознамерился ввести подобные пикнички в обиход их супружеского бытия. Даже Амелию могла бы порадовать простая красота пейзажа, сияние солнца, безмятежное одиночество. Интересно, согласится ли она на скромный брачный обряд, совсем не такой, свидетелями которого они стали сегодня, полезный и многолюдный. Наверное, согласится.

Амелия подняла глаза и взгляды их встретились. Она улыбнулась и решительно потребовала:

— А теперь, Лорд Джеггед, ваше предложение.

— В моей власти, — лаконично ответил Джеггед, — отправить вас в Будущее.

Она мгновенно насторожилась.

— Будущее? Его нет.

— Только для этого мира. В нашем распоряжении осталась неделя, когда еще можно что-то изменить. Решайтесь, пока не поздно. Я имел в виду Палеозой, говоря о будущем. Вы будете неподвластны эффекту Морфейла, поскольку отправляетесь вперед, поэтому сразу хочу предупредить, что вы никогда не сможете вернуться из Палеозоя и, более того, вы станете смертными.

— Как олимпийцы, сосланные на Землю, — сказала она.

— И лишенные своего всемогущества, — добавил он. — Кольца Власти утратят свою волшебную силу и вам самим придется позаботиться о крове и о хлебе насущном. Вам не на что будет рассчитывать, кроме как на советы Центра Времени, если он останется (не забывайте об эффекте Морфейла). Если вы надумаете обзавестись потомством…

— Скорее всего так и случится, — сказала она твердо.

— … у вас не будет условий, которые вы знали в 1896 году. Не исключены различные заболевания.

— Мы сможем взять инструменты, лекарства и тому подобное?

— Конечно, но вы должны научиться пользоваться ими.

— Письменные принадлежности?

— Великолепная идея. Нет проблем, я думаю.

— Семена?

— Вы сможете выращивать многие виды и вообразите, как они будут процветать, почти не имея конкурентов. Через несколько сот лет, еще, определенно, до вашей смерти, на земле появится особенная экология. Миллионы лет эволюции заменят любое путешествие во времени.

— Мы сможем создать разумную расу, минуя этап примитивизма!

— Вполне возможно.

Она повернулась к Джереку, с трудом понимающему, о чем идет беседа.

— Помнишь, о чем ты говорил, Джерек, дорогой? Сочетание моего чувства долга и твоего свободолюбия.

— О, да! — проговорил он легко и небрежно, в то же время пытаясь переварить все это.

— Каких прекрасных детей мы сможем воспитать…

— О, действительно.

— Для тебя это будет трудным испытанием, — сказал Джеггед мягко.

— По сравнению с тем, что мы уже испытали, Лорд Джеггед, это сущие пустяки.

Знакомая улыбка тронула его губы.

— Да вы оптимистка, Амелия!

— У меня появилась надежда, — она задержала взгляд на Джеггеде. — Это всегда входило в ваши планы?

— Ну зачем же так? Называйте это маленьким упражнением в оптимизме.

— Все, что произошло недавно, могло быть задумано, чтобы подвести нас к этому решению.

— Не отрицаю. Я мог бы позавидовать тебе, мой мальчик.

— Мне? В чем, отец?

Джеггед тепло посмотрел на Амелию и печально протянул:

— О, многим вещам…

Железная Орхидея бросила недоеденное печенье и сказала резко:

— Им не обойтись без машины времени. Ты же знаешь, что ее негде взять.

— У меня есть машина, брошенная Браннартом, лучшая из всех, что он сделал. Так что вы можете отправляться хоть сейчас, тем более, что я уже позаботился о припасах.

— Сомневаюсь, что жизнь в Палеозое придется мне по душе, — засмеялся Джерек. — Мне придется оставить стольких друзей…

— И ты будешь стареть, дорогой, — добавила Орхидея. — Ты станешь слабее… Я не могу подумать о разлуке…

— Вы сказали, нам будет отпущено несколько сот лет жизни, Лорд Джеггед? — стала подниматься Амелия.

— Вы проживете почти столько же, сколько Мафусаил. Ваши гены позволяют это, и, кроме того, будут подходящие условия… Увядание ваше

будет благородным, и вы увидите несколько поколений, следующих за вами.

— Это тоже бессмертие, Джерек, — мягко сказала Амелия, — стать бессмертным через своих детей…

— Наверное, ты права.

— И ваши дети станут вашими друзьями, — добавил его отец.

— Похожими на нас, Джерек…

— Может, мы отправимся все вместе? — он слишком недавно приобрел отца, чтобы так скоро потерять его.

— Я уже сделал свой выбор, сынок.

— Разве обязательно расставаться?

— Да, мой мальчик, ото неизбежно. Я не могу отказаться от пути, выбранного тысячи лет назад. Мне нужно многое узнать.

— Боже мой, ты уже столько сделал, неужели этого недостаточно?

— Вы отправитесь за Край Времени, чтобы испытывать на себе начало нового цикла. Моя задача — выбраться за пределы настоящего цикла и вплотную приступить к изучению того, что миссис Персон называет многообразием. Бесконечность непознана и таит очень много загадок. Для начала я должен научиться путешествовать

без машины времени.

— Ты не говорил мне об этом, — начала Железная Орхидея.

— Мы не сможем отправиться вместе, — сказал он. — Это опасно.

— Ну и ладно. Честно говоря, мне уже надоела семейная жизнь. После сегодняшнего ее никак не назовешь новинкой.

Амелия подошла к скале, рассматривая пейзаж. Джерек сказал Джеггеду:

— Неужели мы расстанемся навсегда, отец?

— Мне сложно дать ответ. Многое зависит от моей судьбы йот того, что я узнаю во время путешествия. Наша встреча маловероятна, хотя и возможна, мой мальчик.

— Амелия будет счастлива, — сказал Джерек.

— И я буду счастлив, — сказал ему мягко Лорд Джеггед. — Знай, чтобы ни случилось со мной, мы будем идти все дальше и дальше.

Амелия повернулась, услышав эти слова.

— Наконец-то ваши мотивы стали ясными, Лорд Джеггед.

— Как сказать, Амелия, — он вынул из рукава желтую розу и предложил ей. — Вы предпочитаете видеть во мне человека, целиком движимого собственными интересами. Пусть будет так! — он

поклонился ей. — Вы пытаетесь оправдать свои решения.

— Я так думаю, — сказала она, принимая цветок.

— О, вы вероятно правы.

— Неужели вы не расскажете о вашем прошлом даже сейчас?

— У меня нет прошлого, — он усмехнулся над собой, — только Будущее, да и то неопределенное.

— Я так устал, — вмешался Джерек неожиданно, — от всех сложностей и недосказанности. В Начале Времени другие проблемы.

— Совсем другие, — подтвердила Амелия, подходя к нему, — наша любовь может расцвести там, дорогой Джерек.

— Мы будем истинным мужем и женой?

— Это будет наш моральный дом, — в ее улыбке появилось необычное веселье. — Увековечить наш род, мой дорогой.

— Мы могли бы устроить церемонию…

— Возможно, Лорд Джеггед…

— Я буду рад помочь. И, кажется, спросил однажды, что имея моральное право как Регистратор…

— Это должна быть гражданская церемония, — сказала Амелия. — Мы, в конце концов, будем

вашими Адамом и Евой, Джеггед!

Джерек обнял Амелию за талию.

— Если у нас будет машина, мы, возможно, сможем посетить Будущее, чтобы посмотреть как оно развивается, а?

Лорд Джеггед покачал головой.

— Если вы отправитесь дальше вперед, то как только остановитесь, немедленно станете подвластны эффекту Морфейла. Следовательно, путешествие во времени невозможно. Вы будете сами создавать свое будущее. Но, если когда-нибудь осмелитесь узнать, на что оно похоже, оно почти наверняка прекратит существование. Вы должны примириться с жизнью в одном месте. Амелия может научить тебя этому. Полагаю, у вас есть что-то в генах, и он уже много знает о Природе времени. В конце концов, может появиться новая раса путешественников во времени, неподверженная эффекту Морфейла. Это может означать упразднение времени, каким мы его знаем сейчас. И пространство тоже приобретет совершенно иной характер. Эксперимент может означать…

— Я считаю, что мы не должны рисковать, экспериментируя подобным образом, Лорд Джеггед, — твердо сказала она.

— Нет, нет, нет, — но он остался в задумчивости.

Железная Орхидея засмеялась. Она тоже встала, ее орхидеи шелестели, когда она двигалась.

— По крайней мере, в Начале Времени они будут свободны от твоего дальнейшего вмешательства, Джеггед.

— Вмешательства?

— И этот мир тоже сможет идти собственным путем внутри своих ограничений, — она поцеловала мужа. — Ты оставляешь много даров, хитроумный Джеггед!

— Каждый делает, что может, — он взял ее за руку. — Я взял бы тебя с собой, Орхидея, если бы мог.

— Я считаю, что по тем пера менту мне подходят вещи такие, какие они есть. Называйте меня консервативной, если хотите, но в жизни в Конце Времени имеется определенная предсказуемость, которая меня устраивает.

— Хорошо, значит я всем угодил. Джерек и Амелия отправляются работать как колонисты, основывая целиком новую культуру, новую историю, новый тип расы, которая во многом должна отличаться от старой.

— Возможно, — сказал романтический Дже-

рек, — мы сможем сделать что-нибудь похожее на это в Палеозое — не сразу, конечно, но когда мы будем большой семьей, чтобы построить это.

Она улыбнулась.

— По крайней мере, приятно об этом помечтать.

Железная Орхидея вздохнула.

— Твоего воображения будет сильно не хватать нам в Конце Времени. Но твое вдохновение останется с нами.

— Ты льстишь мне, мама.

— Нет, она права, — сказал Лорд Джеггед Канари, создавая желтую сигарету. — Ты не возражаешь, если я закурю, Амелия?

— Конечно нет.

Лорд Джеггед устремил взгляд в бесконечную черноту неба, его черты приняли привычную бесстрастность. Кончик его дымящейся сигареты был сродни крошечному мерцающему угольку в сгустившихся сумерках.

— Итак, завтра в путь, — сказал Джеггед.

— Да, если есть такая возможность.

— Определенно. Неужели вы не боитесь? Вы уверены, что сделали правильный выбор?

— Уверены, — ответил Джерек, за обоих, чтобы подбодрить Амелию.

— Я навсегда рассталась с Гарольдом, — сказала она, — когда он не позволил мне вернуться с ним. А после того, как вы признаете наш брак законным, Лорд Джеггед, я избавлюсь от чувства вины за любое свое решение.

— Хорошо. А теперь…

Лорд Джеггед предложил своей супруге руку и, сопровождая ее вдоль аллеи, оставил влюбленных одних.

— Становится прохладно, — заметила она.

Джерек сделал для нее плащ и накинул ей на плечи.

— Такой устроит?

— Слишком роскошный, — она погладила мех, — но я не могу себе отказать в этом, ведь это наша последняя ночь в Конце Времени.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Она нежно взяла его лицо в ладони.

— Нам еще столько предстоит узнать, Джерек. Я многому научу тебя. Впереди трудные испытания, но ты не должен терять свой веселый нрав. Пусть он станет примером для наших детей и их детей тоже.

— О, Амелия! Как я могу потерять его, если это ты делаешь меня жизнерадостным. И я буду превосходным учеником. Ты должна снова объ-

яснить мне одну вещь, и я уверен, что пойму, в конце концов.

Она была озадачена.

— Что я должна объяснить тебе, мой дорогой?

— Что такое «вина». — Сказал он.

Они поцеловались.

Комментарии

Край Времени, Конец Времени (The End of Time)

С английского это словосочетание переводится как «Конец Времени», но слово «танцоры» требует пространственного обрамления, так как они танцуют «где-то», а не «когда-то». Иногда в романах встречается и «Конец Времени», когда это необходимо в контексте.

Джерек Карнелиан (Jherek Cornelian)

У Муркока в сериале «Вечный Герой» одноименное действующее лицо в каждой эпохе имеет свое воплощение (инкарнацию). Имена большинства этих инкарнаций начинаются с латинских букв «J» и «C» (например: Jeremia Cornelius — Джеремия Корнелиус). Интересно, что герой повести «Се-человек» Карл Глогер, в результате мытарств по времени становится на место Иисуса Христа, который на английском языке пишется Jesus Christ, то есть имеет те же инициалы. Этим Муркок хочет подчеркнуть, что его сериал является как-бы продолжением всех существующих эпосов. Так, перечисляя инкарнации своего Вечного Героя, он, среди прочих, упоминает и Улисса, и Неистового Роланда. Поэтому

появление Христа как очередной инкарнации в чем-то закономерно. Образ Джерека Карнелиана задуман, с одной стороны, как легкая пародия на собственные творения. Он не истинный Герой, а как бы его изящная копия, такая же нелепая, но очаровательная, как кукольные Города и страны, возводимые Танцорами. С другой стороны, Джерек — новая ипостась Вечного Героя, которая будет существовать в Новой Вселенной. Это подтверждается тем, что в конце трилогии Джерек и Амелия отправляются в Начало Времени, дабы стать новыми Адамом и Евой. Недаром в прологе Муркок пишет: «... именно поэтому мы решили поведать ее (историю — Д.И.), вероятно последнюю в анналах рода человеческого, ненамного отличающуюся от той, которую принято считать первой...». В-третьих, Джерек — это воплощенная в человеческом облике та часть души Вечного Героя, которая может любить и жаждет познания. Корень имени «Карнелиан»— латинский. Carnellan означает «сердолик» (халцедон), то есть разновидность кварца, который после обработки (шлифовки) используется как полудрагоценный камень для изготовления украшений.

Амелия Ундервуд (Amelia Underwood)

По-видимому, Муркок избрал это имя для сво-

ей героини потому, что хотел подчеркнуть ее простоту, провинциальность и неразрывность с собственным временем. У большинства читателей слово «ундервуд» ассоциируется с чем-то старинным, что происходит наверное оттого, что многие слышали о пишущих машинках «ундервуд», названных так по имени их создателя (машинки эти были изобретены в конце XIX века). Для английского читателя фамилия «Ундервуд» столь же говорящая, сколь для русского, скажем, фамилия «Зингер», реально существующая и напоминающая о знаменитых швейных машинках.

Лорд Джеггед Канари (Lord Jagged Canaria)

У обитателей Края Времени нет представления о титулах, поэтому автором все титулы даются с большой буквы и являются частью имени. Лорд Джеггед (в отличии от Джерека Карнелиана) задуман как реальная инкарнация Вечного Героя. Отсюда и знакомые инициалы «J» и «C». Действительно, он, пожалуй, единственный из всей галереи персонажей является истинным Героем, опять спасая Вселенную от разрушения, действуя во благо Гармонии против сил Хаоса. И если образ Джерека задуман как воплощение Души Вечного Героя, то Лорд Джеггед — это воплощение

его Разума. Вообще Муркок любит «разделять» характер своих героев на составные части, по-видимому, опасаясь, что многогранность того или иного характера усложнит его и без того нелегкие произведения. Это объясняется еще и тем, что Маэстро вообще обожает чистые краски и крупные мазки в описании своих персонажей. Если уж Герой, так с большой буквы, если — Злодей, так такой, какого еще не рождала Земля. Но этого принципа ему удавалось придерживаться только в самых ранних своих произведениях. Так, например, в «Рунном посохе» Дориан Хокмун — еще одна инкарнация Вечного Героя — честен и бескомпромиссен, неустрашим и благороден. Его образ выписан с лубочной тщательностью куртуазной поэзии. Зато рядом с ним находится его соратник Хьюлам д'Аверк, нарисованный очень живо и с немалой толикой иронии. Там, где Хокмун идет напрямик, д'Аверк ищет обходные пути; там где Хокмун хранит рыцарскую верность своей возлюбленной, его спутник охотно утешает то и дело встречающихся на пути прекрасных дам. Более поздний Муркок, хочет он того или нет, усложняет характеры своих действующих лиц. Интересный генезис претерпевает герой одного из наиболее популярных

героев этого сериала — Элрик из Мелнибоне, который от романа к роману этой десятитомной эпопеи приобретает все больше и больше противоречивых черт характера. В «Танцорах на Краю Времени» Муркок опять поддается соблазну живописать достаточно контрастных персонажей, что уже обусловлено рамками жанра. Однако и здесь, застегнуться на все пуговицы ему удается далеко не всегда. Образ Амелии, например, никак не назовешь однозначным. Но вернемся к Лорду Джеггеду. Само слово Canaria имеет корень «канарейка», «канареечный». Канарейка — птица из семейства вьюрковых, свое название получила от Канарских островов, где впервые была обнаружена. Канарейка — одна из самых популярных певчих птиц. Сходство Лорда с канарейкой постоянно подчеркивается в романах. Это и дом — птичья клетка, и желтое одеяние Лорда, и «удивительной красоты трель», льющаяся из горла Лорда Джеггеда.

Железная Орхидеи (Iron Orchid)

Муркок очень любит использовать в своих произведениях различные стилистические фигуры. Игра с языком доставляет истинное наслаждение Маэстро. Одна из этих стилистических фигур называется «оксюморон» (от греч. oxymoron

— остроумно-глупое) и представляет собой соединение воедино различных по смыслу слов для того, чтобы получить новое экспрессивное значение. Примеры оксюморонов нередки в мировой литературе —«живой труп», «горячий снег» и пр. Такая же стилистическая фигура применялась и при конструировании имени «Железная Орхидея». Ведь орхидея — один из самых нежных оранжерейных цветков.

Герцог Квинский (Duke of Qweenz)

Как явствует из текста романа, титул «Квинский» взят по названию одного из районов Нью-Йорка. Нужно отметить, что «Qwinz» переводится с английского—«королевский». Поэтому в самиздатовских переводах его часто величали Герцог Королев.

Вертер де Гете (Werl her de Goethe)

Это имя составлено из двух частей. Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель. Его «Фауст» вошел в сокровищницу мировой литературы. Широко известен его роман «Страдание молодого Вертера» (1774), в котором описывается юный романтик, который сталкивается с реалиями жизни. Муркок использует имя писателя и героя, чтобы создать свое собственное. Мурко-

ковский Вертер де Гете, так же как и гетевский Вертер, — мечтатель и романтик. Он не может приспособиться к карнавальной жизни своих сограждан и поэтому пытается скрыть тонкости своей натуры за внешней суровостью и мизантропией. «Вертер де Гете, мучаясь пониманием абсурдности своего века, постоянно испытывал чувство отчужденности от своих собратьев» — это цитата из повести «Бледные розы»— четвертого произведения из цикла о Крае Времени. Свое отношение к Вертеру Муркок вкладывает в уста Герцога Квинского, который говорит «… Вертер в благоговении преклоняет колени перед своей душой — грустным паяцем, непрестанно алчущим новых даров». Вертер де Гете страдает не от несовершенства мира, он страдает от того, что в мире нет повода для страдания. «О, как я тоскую по горести прошлого, — восклицает он, — жизнь без страданий теряет смысл!»

Лорд Монгров (Lord Mongrov)

Точного перевода этого имени нет. Но, по всей видимости, корень его тот же, что и в слове «mongrel», то есть «дворняга», «нечистокровное существо», «помесь». Лорд Монгров, подобно Вертеру де Гете — мизантроп и человеконенавистник. Так кажется на первый взгляд. Это

усугубляется и описанием замка Монгрова — мрачного, темного, населенного крысами и привидениями. Даже погода во владениях Монгрова под стать ее хозяину — дожди, снег, слякоть. Лорд Монгров коллекционирует болезни, питается отравленными блюдами, намеренно разрушает стены замка, — которые он построил. Он умышленно придает себе облик монстра и любит, когда над ним подтрунивают. Но если Вертер де Гете во многом позер и является персонификация романтизма, то Монгров скорее близок к Захер-Мазоху и тому направлению, которое по имени его автора, стало называться мазохизмом. З.Фрейд писал, что наиболее интересной его разновидностью является моральный мазохизм. Лорд Монгров — воплощение фрейдисткой психологии, глубинного копания в собственной душе, истязания своего духа ради собственного удовлетворения.

Госпожа Кристия. Неистощимая Наложница (Mistress Cristia, Everlasting Concubine)

«Mistress»—«хозяйка, госпожа». «Everlasting Concubine» примерно можно перевести как Неистощимая Наложница, хотя в самиздатовском переводе она именовалась Вечной Содержанкой. Что же касается имени Cristia, то корень его, естественно, в имени Христа — Christ. Как это

имя связано с Госпожой Кристией, зная ее образ жизни, решать читателю.

Миледи Шарлотина (My Lady Charlotina)

Имени «Шарлотина» ни в одном современном языке нет. Есть Шарлотта (Charlotte) во французском и немецком; Карлота (Carlota) в испанском и итальянском; Шарлотт (Charlotte) в английском. Имя умышленно видоизменено автором, как, впрочем, имена других героев. Муркок часто использует те или иные звуки в написании имени персонажей для того, чтобы вызвать нужную ассоциацию у читателя. Увы, но в переводе многое из этого теряется. Хотя в данном случае, ассоциативный ряд у русского читателя такой же, как и у английского. «Шарлотина» ассоциируется с «шарлотой» (шарлоткой) — сладким яблочным пирогом и «шарлотом» — породой мелкого лука и «шарлатанством». Титул, к сожалению, на русский язык адекватно перевести нельзя. Дословно это читается как «моя леди», то есть каждый кто обращается к ней, уже в этом обращении подчеркивает свои права на нее. На русском языке приходится использовать безликий титул «миледи», который наши читатели мгновенно сопоставляют с героиней романа А. Дюма «Три мушкетера».

Епископ Тауэр (Hishop Castle)

Буквально это имя переводится как «Епископ Крепость» (Твердыня, Замок). Ясно, что на русском языке такое сочетание имен кажется мало благозвучным и логичным и звучит в духе нелепых юморесок из районной многотиражки. В тексте идут постоянные ссылки на «твердость, звучащую в его имени». Поэтому не хотелось терять семантику этого слова и оставлять в тексте написание имени в английской транслитерации — «Епископ Кастл». Поэтому, не желая обеднять читателя и лишать его интересного смыслового ряда, мы позволили себе некоторую адаптацию этого имени к русской фонетике и лексике и назвали Епископа «Тауэр». «Тауэр» — название знакомое читателям: всем известно, что это крепость и находится она в Англии.

Алый о'Кэла (o'Cala Incardinal)

Имя Incardinal отсылает нас к двум корням: анг. «Cardinal»—«алый, пунцовый» и «Incarnale»—«воплощенный». По смыслу лучше было бы его перевести как «Оборотистый», поскольку этот герой постоянно превращается в каких-то животных — гориллу, овцу, козла. Слово «оборотистый» в русском языке имеет специфическую коннотацию (то есть добавочное значение)—«уш-

лый», «пронырливый» и т. п. Поэтому пришлось остановиться на нейтральном «Алый». o'Cala — типичное для Шотландии имя, хотя не совсем понятно, почему Муркоку понадобилось подчеркивать «шотландское» происхождение своего героя.

Эдгаросердный По (.Argonoheart Poc)

Дословно на русский язык это имя переводится как Аргоносердный По. На английском явно прослеживается анаграмма (то есть составление нового слова из букв другого слова) имени известного американского писателя Эдгара Аллана По (1809–1949). Поэтому, желая напомнить об этом русскому читателю мы назвали этого героя «Эдгаросердный По».

Нюхальщик Ваин (Snoozcr Vine)

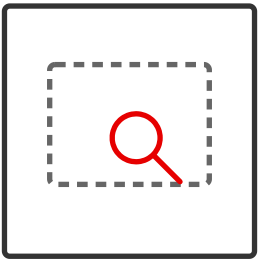
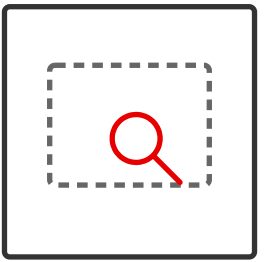
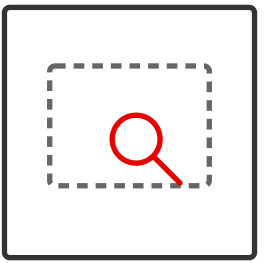
«Snooze» — по английски—«короткий сон», «дрема». «Noose»—«петля, ловушка». «Nose»—«нюхать», «совать нос в чужие дела», на сленге это означает «осведомитель». На русском языке передать такое богатство звукосмысловых ассоциаций практически невозможно. Поэтому нам пришлось ограничиться лишь одним значением — тем, на которое постоянно есть ссылки в тексте. Ведь Вайн постоянно потирает кончик своего носа. Назвать его «Висельник», отталкиваясь от

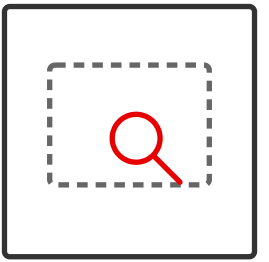
значения слова «noose», значит заставить читателя с самого первого появления этого персонажа ожидать от него каких-то криминогенных поступков. Тем более, он и не «Висельник», а скорее «Петельщик», так как «затягивает» на шее Джерека петлю и замыкает тем самым Петлю Времени, выбрасывая Джерека в его собственный век. Что же касается имени «Вайн», то здесь, напротив, все понятно. «Vine»— по английски означает «вино». По русски это тоже звучит похоже.

Комиссар Партии Спасателей Сашурик (Chief Public Servant Shashurup)

Во всех произведениях Муркока явственно прослеживается тенденция к тому, что раньше назвали бы «антисоветчиной». Так, в его сатирическом романе «Китайский агент» едко высмеиваются лазутчики Поднебесной в странах капитала, в его продолжении «Русская разведка» объектом сатиры выступают наши соотечественники. В повести «Белые звезды» один из тупых наемников носит фамилию Плеханов, а в эпопее «Рунный посох» повествуется о милитаристской державе будущего — Коммуназии. В романе «Повелитель воздушных пространств», из цикла об Освальде Бастейбле, один из героев — Ульянов-Ленин. В параллельном мире он не

вождь мирового пролетариата, а всего лишь безвредный и болтливый старик. Естественно, что в «Танцорах на Краю Времени» Муркок не мог пройти мимо своей любимой темы. Поэтому в романах появляется Ли Пао — бывший вождь китайской республики — диктатуры, который занимается тем, что обличает «растленных буржуазных декадентов» Конца Времени. Образ инопланетянина Юшариспа, который всю свою жизнь посвятил тому, чтобы «наставлять на путь истинный» все цивилизации Вселенной, пугая их скорым Концом Света, читается как пародия на пропаганду стран. «мировой системы социализма», которая с бычьим упрямством разглагольствовала о «загнивании Запада» и «упадке буржуазной культуры». Руководителя этих космических миссионеров зовут Chief Public Servant Shashurup. Если это имя сжать до аббревиатуры то получится CPSS. Справедливости ради надо отметить, что по английски сама КПСС звучит как CPSU (Communist Party of Soviet Union). Мы решили сохранить для нашего читателя эту аббревиатуру и назвали этого героя — Комиссар Партии Спасателей Сашурик. Пусть читатель сам рассудит — правомерно это или нет.



Сказания Края Времени

Бледные розы

Памяти Джорджа Мередита,
на произведениях которого
я учился писательскому искусству

Уходит лето, хлад и тьма близки -
Как это сердцу радостно и мило.
Уж розы бледные роняют лепестки
В косых лучах усталого светила
Эрнест Доусон

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Вертер пребывает в безутешной печали

— Ты еще не потерял способности развлекать, Вертер, а это — главное, — сказала Миссис Кристия, высоко подымая юбки, чтобы выразить свое удивление.

Вертер де Гете редко устраивал представления, хотя поставить, к примеру, вызвавший похвалу «Дождь» ему не составляло труда. Впрочем, и Неистощимая наложница не часто одаривала особыми знаками внимания своих избранников.

— Тебе нравится? — спросила она, заметив, что Вертер опустил глаза на ее бедра.

— Да, — еле слышно ответил Вертер. Его бледные пальцы заскользили по татуировке, представлявшей собой картину на сюжет «Смерти и девы». Два скелета сплелись в чувственном объятии. Лонные волосы Неистощимой наложницы приняли очертание не лишенного изящности черепа.

— Вы одна понимаете меня, Миссис Кристия.

Эту фразу Неистощимая Наложница слышала много раз от своих поклонников, однако, она всякий раз доставляла ей удовольствие.

— Мертвенный Вертер! — вздохнула Миссис Кристия. Он наклонился, чтобы поцеловать череп.

Дождь лил, пронизывая мглу зелеными, пурпурными и красными каплями. Как и подобает любому дождю, он нес влагу, что самым естественным образом сказалось на собравшейся публике, которую, помимо Миссис Кристии, составляли Герцог Квинский, Епископ Тауэр, Миледи Шарлотина и два путешественника во времени из далекого прошлого. Их одежда (у кого только она была) промокла, а сами они дрожали, стоя на выступе высокой скалы и всматриваясь в

Романтическую Пропасть Вертера (внизу, вырываясь из недр утеса, пенился водопад).

— Природа — вот истина! — воскликнул Вертер. Герцог Квинский чихнул, затем приветливо улыбнулся и огляделся по сторонам. Заметив, что не обратил на себя внимания, он кашлянул и постарался снова чихнуть. Не добившись желаемого, он задрал голову. По небу ходили мрачные тучи. Сверкнула молния, раздались раскаты грома, посыпался град. Миледи Шарлотина, одетая в шаровидное розовое платье, испещренное голубыми прожилками, радостно захихикала, когда градинки с едва различимым звоном коснулись ее позолоченного лица.

Епископ Тауэр, как всегда выглядевший величественно в своем огромном — в два человеческих роста — головном уборе в форме зубчатой башни, насупившись, отвернулся, показывая всем своим видом, что устроенное Вертером представление никак не сравнимо с тем, что годом раньше поставил он сам. То был тоже дождь, однако его капли не растекались, а, ударившись о землю, превращались в настоящих маленьких человечков. Епископ, прекрасно знавший о том, что планету может изменить любой ее обитатель по своей прихоти, не мог по достоинству оценить

устроенную Вертером метаморфозу Природы.

Миссис Кристия, от которой не ускользнула недоброжелательная реакция Епископа Тауэра, дабы поддержать своего возлюбленного, поспешила воскликнуть:

— Но ведь это еще не все, Вертер? А финал?

— Я хочу закончить представление чуть позднее.

— Нет, нет! Прошу тебя, дорогой, покажи нам финал сейчас.

— Не могу отказать вам, Миссис Кристия, — ответил Вертер и повернул на пальце одно из своих Колец Власти.

Тучи разошлись. На их месте появились перламутровые облака, изливавшиеся серебристым дождем.

— А теперь, — прошептал Вертер, — я продемонстрирую вам Спокойствие, в нем — Надежда.

Он еще раз повернул Кольцо Власти, и на небе вспыхнула радуга, соединив два перламутровых облака.

На этот раз Епископ Тауэр счел возможным прокомментировать зрелище, в то же время посчитав нужным вложить в свои слова долю сомнения:

— Черная радуга? Можно предположить, что

она выражает вашу Идею, Вертер, хотя, вероятно, не в полной мере.

— В мере, достаточной для меня, — сухо ответил Вертер.

— Тогда у меня нет замечаний, — сказал Епископ. Он сдвинул густые рыжие брови и поднял голову. — Эта радуга хорошо смотрится.

Миссис Кристия, заметив иронию в глазах Герцога Квинского, поспешила бурно зааплодировать.

— Великолепная радуга, Вертер! — выпалила она. — Разве где — нибудь такую увидишь?

— Чтобы создать подобную радугу, требуется особое воображение, — согласился Герцог, поддавшись настроению Миссис Кристии.

— Не оставляю надежды, что это не просто радуга, — уточнил Вертер. Хотя его творение и заставило говорить о себе, в ответе Вертера сквозило чувство обиды.

Последовал хор голосов, признающих его несомненную правоту. Миссис Кристия подошла к Вертеру и взяла его за тонкую бледную руку. Однако оказалось, что она проявила неосторожность, случайно задев за Кольцо Власти. Радуга стала переворачиваться, а затем и вовсе распавшись, осыпалась на скалу кусочками черного янтаря.

Миссис Кристия ахнула и в испуге поднесла руку ко рту, все еще сжимая другой рукой пальцы любовника. Ее круглые голубые глаза наполнились страхом, но уже через мгновение в них появились искорки смеха, которые тут же погасли, когда она взглянула на Вертера. Вертер медленно освободил руку, уныло пиная упавшие на скалу осколки. Небо — теперь совершенно безоблачное — приобрело невыразительный серый цвет, чуть скрашиваемый блекнувшими лучами заходящей звезды. Вертер, словно желая обрести силы, резким движением надвинул на лоб темно-зеленую фуражку, прикрывавшую его длинные каштановые волосы.

— Превосходное представление! — воскликнула Миледи Шарлотина, не обратившая внимания на промах Миссис Кристии.

— Вам удалось создать многозначительный символ, Вертер, — подхватил Герцог Квинский, обводя рукой небо. — Завидую вашему таланту, мой друг.

— Продукт похоти и оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом, — пояснил Епископ Тауэр, имея в виду процесс появления на свет Вертера (который и в самом деле был зачат в результате полового сношения, взращен в чреве матери и

познал детство — настоящая редкость для Края Времени). — Браво! — заключил Епископ.

Вертер вздохнул.

— Вы проявляете снисхождение к моей горькой судьбе. Другие являются в этот мир зрелыми и хорошо сложенными.

— Ты забываешь о Джереке Карнелиане, — бросила через плечо Миледи Шарлотина. Она уже собиралась в дорогу и, верно, потому ее шарообразное платье несколько раз подпрыгнуло.

— Но Джерек Карнелиан никогда не был уродцем, — возразил Вертер.

— Вы не долго пребывали в таком состоянии, Вертер, — рассудительно сказал Герцог Квинский. — Вашей матери не понадобилось много времени, чтобы заменить шесть ваших рук двумя. Она сделала все на славу, принимая во внимание, что это был ее первый опыт.

— И последний, — буркнула Миледи Шарлотина, стараясь оставить за собой последнее слово. Она щелкнула пальцами, и к скале, закрыв ее своей тенью, приблизилась огромная желтая лошадь.

Между тем Вертер не унимался.

— Все это стоило мне ужасного шрама, — в сердцах бросил он.

— Без шрама было не обойтись, — примирительно сказала Миссис Кристия. Она подошла к Вертеру и поцеловала его в плечо.

— Однако пора и мне, — заявил Герцог Квинский, — Вертер, благодарю вас, мы прекрасно провели время.

Герцог Квинский подал знак путешественникам во времени, выходцам из восемьдесят третьего тысячелетия прошлого. Кожа этих существ была покрыта густой сеткой тонких прожилок, напоминавших своим непрерывным движением ползущих червей. Герцог Квинский приберегал этих существ для своего зверинца. Не подозревавшие о трудностях возвращения в свой далекий мир, они, по существу, находились во власти Герцога, который мог поступить с ними по своему усмотрению. Существа робко заулыбались, подмигнули друг другу и последовали за Герцогом в появившийся экипаж, представлявший из себя куб со сверкающими золотом гранями, украшенными белыми и пурпурными цветами. Экипаж тронулся. Миссис Кристия подошла к краю скалы и замахала рукой вослед. Золоченый куб быстро набирал скорость и, наконец, растворился в небе.

Через некоторое время Вертер и Миссис Кри-

стия остались одни. Вертер сидел на покрывавшем выступ скалы мокром мху, склонив на грудь голову. Его плечи поникли, глаза потухли. Мягкие попытки Миссис Кристии вывести своего любовника из угнетенного состояния терпели неизменную неудачу.

— О, Вертер, что может сделать тебя счастливым? — на этот раз изменив себе, вскричала Миссис Кристия, всплеснув руками.

— Разве я могу быть счастливым? — де Гете обреченно махнул рукой. — Для таких, как я, счастья не существует.

— Тогда, вероятно, что-то может заменить тебе счастье.

— Я могу найти утешение только в смерти.

— Тогда умри, дорогой. Через день-другой я тебя воскрешу, и тогда…

— Хотя вы и любите меня, Миссис Кристия, и более других познали мои порывы, вы все же не понимаете меня до конца. Я ищу неизбежное, непримиримое, неизменное, неотвратимое — то, что было привычно для наших предков. Они знали Смерть без Воскресения, они знали, что значит быть рабами Стихии. Не в силах определить свой удел и справиться с неизбежным, они не отвечали за свои действия. Их жилища уходи-

ли под воду, а их корабли тонули в пучине моря. Они гибли в сражениях, умирали от различных болезней, терпели муки от радиации, наконец, они могли пострадать от простой молнии.

— Но тебе ведь удалось сегодня вызвать молнию, дорогой. Разве ты не мог испытать на себе ее действие?

— Молния появилась по моей воле. Мы забыли, что такое Случайность, не признаем Неопределенность, Миссис Кристия. С помощью Колец Власти и генобанков мы при желании можем изменить орбиты планет, населить их любыми существами по нашему усмотрению, нам ничего не стоит подзарядить солнце. Нам подвластно Все, а мы сами ничему не подвластны.

— Но ведь нам по силам удовлетворить наши прихоти, наше воображение.

— В том-то и несчастье.

— Кроме того, — продолжила Миссис Кристия, — природа все еще немного может меняться сама по себе. Измениться можешь и ты. Но если ты станешь похож, к примеру, на Герцога Квинского или Железную Орхидею, поверь мне, я стану искренне горевать.

— Тем не менее, я действительно могу изменить себя. Для этого мне нужно принять решение. Нет

ничего невозможного, Миссис Кристия. Теперь, верно, вы понимаете, отчего я столь безутешен.

— Не вполне, дорогой. Ты же не отрицаешь, что можешь изменить себя на свой вкус. — Миссис Кристия немного помедлила, а затем, заглянув в глаза Вертеру, мягко спросила: — Я не столь умна, как ты, но мне интересно знать, не является ли любовь к природе, о которой ты толковал, всепоглощающей любовью к себе самому.

Вертер удивленно поднял глаза на свою любовницу, затем снова опустил голову и задумался.

— Вполне вероятно, что так и есть, — ответил он после минутного размышления. — Однако мы отвлеклись от темы нашего разговора. Суть в том, что я на самом деле могу изменить себя, но потому я и ощущаю собственную неполноценность. Как бы я хотел окунуться в прошлое, где жизнь и страдание шли рука об руку. Жизнь без страдания бессмысленна.

— Что за тяготы жизни ты имеешь в виду, Вертер? Ты что, хотел бы оказаться в рабстве у эскимосов? — Миссис Кристия наморщила лоб, стараясь достойным образом продолжить перечень тягот жизни далекого прошлого: ее познания в этой области были весьма поверхностны. Наконец она облегченно вздохнула и

продолжила свою мысль: — Может, ты хочешь продраться через колючий кустарник? Носить штаны из колючей проволоки? Оказаться в кольце пожара?

— Все это крайне примитивно. Мне не хватает настоящих душевных переживаний.

— Это нечто вроде стенной живописи? По щеке Вертера скатилась слеза.

— Мир слишком снисходителен, слишком добр. Все окружающие одобряют меня. Что бы я ни сделал — даже если мое деяние противоречит чужому вкусу — приветствуется. В мире не осталось опасности. От меня никто не ждет неблаговидных поступков. О, если бы я только мог совершить грех.

Миссис Кристия снова наморщила лоб, на этот раз, чтобы понять слова Вертера. Затем она пожала плечами и обняла своего любовника.

— Объясни мне, что такое грех, — попросила она.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой автор пускается в пояснения

Путешественникам во времени, которым удалось оказаться в будущем, дано вернуться в свое

настоящее лишь весьма на короткий срок (вследствие свойств самого времени). Зато, очутившись в будущем, они могут в нем оставаться чуть ли не вечно, впрочем, предположительно, не имея возможности оказывать какое-либо влияние на события прошлого. Вернуться в прошлое можно на какие-то полчаса, чтобы потратить драгоценное время то ли для встречи с родственниками, то ли для визита к ученому, то ли для разговора с романистом, вроде меня. На большее путешественникам во времени, решившимся отправиться в далекое будущее, рассчитывать не приходится.

Как следствие, наши представления о будущем весьма схематичны. Мы не можем сказать, как развиваются и гибнут цивилизации. Столь же трудно найти ответ и на частности: к примеру, отчего число планет, вращающихся вокруг Солнца, колеблется, скажем, от шести и почти до ста. И все ж мы, как правило, не понимаем реалий будущего лишь потому, что они выходят за рамки наших знаний и представлений. Не оттого ли мы зачастую косны и в настоящем, не приемля нововведений?

Рассказы путешественников во времени о далеком будущем обычно кратки, сбивчивы и мало-

понятны. Вернувшихся из будущего как следует не расспросишь, ибо они, закончив повествование, почти сразу же исчезают, а возможность встретиться с ними вновь чрезвычайно мала (время имеет устойчивую природу, если она изменится, то изменятся и условия существования человечества). В результате дошедшие до нас рассказы о будущем похожи более на легенды, чем на исторический материал. Как реалии их воспринимают только люди с богатым воображением, которые склонны к созерцанию и не прочь дать волю фантазии. Серьезные ученые возможность побывать в будущем считают абсурдом, а путешественников во времени, с которыми им довелось повстречаться, расценивают как людей с больной психикой или почитают за отпетых авантюристов. Ученым подавай факты и доказательства!

Довести до широкой публики рассказы путешественников во времени — удел романистов. Делаю такую попытку и я. Мой рассказ — истина, почерпнутая, главным образом, из уст самой известной путешественницы во времени — доброжелательной и общительной Миссис Уны Персон. Естественно, мне пришлось кое-что домыслить, ввести в рассказ диалоги и слегка

расцветить его, сохранив главное: подлинность истории Вертера де Гете.

Не вызывает сомнений, что Вертер станет обитателем далекого будущего: с ним встречалась не одна Миссис Персон. Это будущее — которое интересует нас, в основном, потому, что является последним этапом в развитии человечества — мы назовем «Краем Времени».

Моралисты, рассуждая о Крае Времени, подводят итоги человеческого существования, в то же время подчеркивая его бессмысленность. Писатели не столь категоричны в суждениях и рассматривают Край Времени как одну из эпох в развитии человечества, находя ее колоритной, а ее обитателей — привлекательными. Обитатели Края Времени не чужды парадоксов (на взгляд наших ученых, противоречащих здравому смыслу), а свои неограниченные возможности используют для различных увеселений, сродни забавам богов. Те, о ком мы рассказываем, — не существа из легенд далекого прошлого, не мифические создания, наподобие Зигфрида, Зевса, Кришны, и даже не люди будущего, созданные нашим воображением. Обитатели Края Времени — особые индивиды, вот почему они так привлекательны. Романисты, изучившие эту эпоху (в

той степени, насколько это возможно), не только на дружеской ноге (естественно, мысленно) с Железной Орхидеей, Герцогом Квинским, Лордом Джеггедом Канари, Вертером, но и знакомы с их внутренним миром.

Вертер де Гете, страдавший от неординарности (по стандартам своего времени) появления на свет, не находил места среди окружающих, хотя для того не существовало объективных причин. В обществе, где не было ничего невозможного, он не мог найти себе ровню, ради которой можно было пойти на самопожертвование или которой можно было бы подчиниться. Перебраться в прошлое (где подчинение было нормой) он просто не мог, ибо остаться в прошлом не представлялось возможным (это положение было доказано и получило название «эффект Морфейла»). Вертер мог бы изменить окружающую среду, тогда хотя бы она и приблизила его к прошлому, но такая метаморфоза свершилась бы по его воле. Нам остается посочувствовать Вертеру, которому пришлось вести жизнь фаталиста, чья судьбы зависела только от него самого!

Те, кто общался с Вертером, любили его за непомерный, хотя зачастую наивный энтузиазм, приравнивая де Гете к Джереку Карнелиану, чьи

приключения мне уже довелось описать. Подобно Джереку, Вертер поклонялся как Природе, так и Идее, не забывая про любовь к женщине (равно как и к мужчине). По суждению Герцога Квинского (которое довела до нас Миссис Персон), те, кто способен на такую широту чувств, должны самозабвенно любить и самих себя, чему можно только завидовать. Вот как Герцог охарактеризовал Вертера, нисколько не осуждая его: «Какая яркая демонстрация своего „я“! Он в благоговении преклоняет колени перед своей душой, непрестанно алчущей новых даров».

Действительно, молодой Вертер (когда ему было не более пятисот лет) слишком любил себя, а его трагедия заключалась в неспособности отличить мимолетное переживание от длительного и глубокого чувства. Приведем отрывок из стихотворения Вертера, посвященного, мы уверены, Миссис Кристии:

Ты мне всего милее, когда спишь И отдаешься сокровенным грезам. Как счастлив буду я, коли ночная тишь Подарит мне твои святые слезы.

Вдохновенные стихи, не правда ли? Только едва ли они верно изображают внутренний мир Миссис Кристии, о которой мы, как и о Вертере, получили немало сведений. Вертеру не хватало

проницательности как в самооценке, так и в оценке других. Он был слишком наивен, за что, впрочем, его и любили.

А теперь уместно привести и выдержку из стихотворения, написанного Миссис Кристией.

Кому угодно я могу сказать: «Как хорошо и сладко нам вдвоем!» Условие одно: всяк должен понимать, Что истина в любви и более — нив чем.

Эти стихи тоже не лишены экспрессии, но они основаны на здравой самооценке. Вероятно, Миссис Кристия писала их для себя. Проводя время с Вертером, она старалась подстроиться к его настроению, проявляя при этом свойственную ей проницательность. Не так ли и в наше время люди часто скрывают свое собственное лицо, предпочитая в общении с окружающими казаться теми, кем хотят их видеть?

Я прервал свой рассказ небольшим пояснением, чтобы сделать ясным последующее повествование и намекнуть как на истинную причину дальнейших поступков Миссис Кристии, так и на подоплеку экстравагантной реакции несчастного Вертера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Вертер встречает родственную душу

Замок Вертера (истинная громада, возведенная им на свой вкус) стоял на вершине мрачной, высотой в милю скалы, вокруг которой в нескончаемых сумерках кружили черные грифы, оглашая воздух пронзительным карканьем. Редкого гостя Вертера неизменно встречали хриплые голоса птиц, исторгавших непонятные таинственные предостережения: «Никогда впредь!», «Берегись мартовских ид!»[62], «Не забудь прихватить цыпленка!»

Вертер сидел на любимом стуле из неотшлифованного кварца в верхней комнате самой высокой башни, печально размышляя о том, почему Миссис Кристия решила отправиться на озеро Билли Кид к Миледи Шарлотине.

«Что ей понадобилось там? — думал Вертер, устремляя страдальческий взгляд на бушующее внизу море. — Хотя она — дитя света, ей нужны

---

[62] notes: 62

Иды обозначали полнолуние в древнеримском календаре. Особенно известны мартовские иды 44 года до н. э., в которые был убит Гай Юлий Цезарь.

развлечения, чтобы, несомненно, заглушить какое-то тайное горе. Да, ей необходимо все то, чего я не в силах ей предложить. О, какой же я эгоист!» Из груди Вертера вырвался слабый стон. Однако ни излияние своих скорбных мыслей, ни горестное стенание не принесли Вертеру обычного успокоения. Он чувствовал себя одиноким и растерявшимся, как путник, оказавшийся в незнакомом месте без карты и компаса.

«Миссис Кристия! Миссис Кристия! Почему вы оставили меня? Без вас я так одинок. Я бы ожил от одного вашего прикосновения. Что за удел быть покинутым той, кому я так верен? О, как тяжко, как тяжко мне!»

Излив еще раз самому себе свои горести, Вертер немного воспрянул духом и чуть повернул Кольцо Власти, чтобы усилить ветер, дувший через незастекленные окна башни. Порыв ветра ударил ему в лицо, спутал волосы, взметнул полы плаща. Вертер поставил ногу на низенький подоконник и, поджав губы, оценивающим взглядом художника измерил представшую перед ним картину: иссиня-черное небо, низвергающее потоки дождя на бурное море. Покачав головой, он опять слегка повернул Кольцо Власти, чтобы на этот раз усилить рев моря. Удовлетворенный

произведенным эффектом, он уже собрался вновь предаться горестным размышлениям, когда вдруг увидел в порожденном им море посторонний предмет — мазок, нанесенный на картину чужой рукой. Что за предмет, было не разобрать. «Верно, нечто, посланное мне Герцогом Квинским для забавы», — подумал Вертер.

Чтобы проверить свою догадку, он снял со стены парашют, надел его на себя, взобрался на подоконник и, шагнув в пропасть, дернул за вытяжной механизм. Над головой Вертера раскрылся обширный купол, а в ногах оказалась вместительная гондола. Вертер напряг глаза. Кругом вздымались огромные волны, увенчанные грозными гребнями пены. Наконец среди бушующих волн он увидел похожую на раковину лодку, отливавшую перламутром, а в ней — к своему великому удивлению — облаченную в белое небольшую фигурку, дрожащую на ветру. «Вероятно, один из моих друзей, изменивший наружность и пустившийся в новое приключение», — решил было Вертер, как вдруг услышал собственные слова, сказанные без внешнего звука, но так отчетливо, что он вздрогнул:

— Ребенок? Неужели это ребенок? Да это девочка!

Вертер замер, посчитав, что он грезит, затем резко протер глаза, снова увидел девочку и вспыхнул от вдохновенного потрясения. Он видел, как она с ужасом смотрела на вздымавшиеся вокруг нее волны, которые вот-вот могли накрыть лодку и утащить вниз, к земле Дэви Джоунса. Девочка была совершенно беспомощна. Вертер позавидовал ее страхам. Однако откуда она взялась? Вот уже многие тысячи лет на планете, кроме самого Вертера и Джерека Карнелиана, не было никого, кому довелось познать детство.

Вертер не отрывал взгляда от девочки. Теперь она сидела, закрыв глаза, судорожно вцепившись тонкими пальцами в борт прыгавшей на волнах лодки. Ее одежда промокла, облепив небольшие груди, а длинные каштановые волосы были так мокры, что с них струилась вода.

— Это девочка! — воскликнул Вертер, как завороженный. — Очаровательное испуганное дитя.

Он завис в воздухе, выбрался из гондолы и прыгнул в лодку. Девочка вздрогнула, подняла голову, отшатнулась и беззвучно зашевелила губами. Было видно, она даже не подозревала, что за ней уже давно наблюдают. Наконец она испустила вопль.

— Моя дорогая, — как можно мягче произ-

нес Вертер, но его слова поглотил налетевший шквал. — Прошу прощения, что…

Девочка снова вскрикнула и отодвинулась как можно дальше от Вертера, не отрывая от лодки рук. Шторм не стихал. Огромные зеленые валы швыряли лодку вверх и вниз, трясли и раскачивали, словно это была игрушка, прочность которой они вознамерились испытать. Девочка всхлипнула.

— Я спасу тебя! — крикнул Вертер, стараясь перекрыть рев волн и вой ветра. — Я друг тебе, а не враг.

Девочка молчала, исподлобья глядя на Вертера. Он понял: она не слышит его. Вертер повернул Кольцо Власти. Ветер стих, волнение улеглось. Девочка удивленно взглянула на Вертера.

— Ты смог утихомирить стихию? — спросила она чуть слышно.

— Конечно. Видишь ли, я создал сам это море. Не пойму, как ты в нем оказалась.

— Ты волшебник.

— Вовсе нет, — ответил Вертер и вспомнил о парашюте. Он хлопнул в ладоши. Медленно, словно нехотя расставаясь с дарованной ему на время свободой, появившийся парашют потянулся к лодке. Вертер снова повернул Кольцо Власти.

Показалось солнце.

— Буря стихла, — тихо произнес Вертер, вопросительно посмотрев на девочку. — Тебе понравилось твое приключение?

— Что ты, лучше не вспоминать. Я ужасно боялась. Думала, утону.

— А твои впечатления тебе не понравились?

Девочка озадаченно подняла брови. Она не нашлась, что ответить, и заговорила только после того, как Вертер помог ей перебраться в гондолу и дал знак парашюту возвращаться назад.

— Ты настоящий волшебник, — сказала девочка, на этот раз без тени испуга. Заметив, как она примиренно кивнула, Вертер счел за лучшее оставить ее суждение без ответа. К тому же он чувствовал с нараставшей уверенностью, что готов не только сейчас, но и в будущем считаться в ее глазах кем угодно.

— Ты и в самом деле человеческое дитя? — спросил он стесненно. — Не думай, я не хочу обидеть тебя сомнением. Ты путешественница во времени или прилетела с другой планеты?

— Путешественниками во времени были мои родители, они умерли. Я родилась здесь, в этом времени, четырнадцать лет назад. Мы жили в зверинце, куда бросил моих родителей какой-

то волшебник. Я его никогда не видела. К тому времени, когда я появилась на свет, зверинец волшебнику надоел. Однако мои родители опасались, что их снова лишат свободы и даже не попытались найти себе другое жилище. В зверинце произрастали растения, которые давали нам пищу, а время мы коротали за книгами. Я получила неплохое образование. Меня научили остерегаться волшебников. Я знаю мир.

— Мир! — тоскливо воскликнул Вертер. — Да разве ты являешься частицей этого мира? Ты такая же, как и я, а я в этом мире не нахожу себе места.

Тем временем парашют подлетел к окну башни.

— Ну вот, твое путешествие благополучно закончилось, — сказал Вертер, ступая на подоконник и подавая девочке руку.

За ними в башню покорно последовал парашют. Он сложился в ранец сам по себе и, подскочив, повис на стене.

— Ты, наверное, голодна? — спросил Вертер у девочки. — Сейчас я что-нибудь сотворю. Что ты хочешь?

— Волшебная пища не утоляет голод.

— Ты просто очаровательна! — восторженно

произнес Вертер. — Я стану твоим наставником, заменю отца. А сейчас тебе надо поесть.

— Хорошо, — согласилась девочка, озираясь по сторонам. — Ты ведешь спартанскую жизнь. — Она заметила кабинет. — Там книги? Ты много читаешь?

— Я знакомлюсь с книгами в звуковой записи. Мой любимый писатель — Иван Тургидити. Он не только написал повесть о дискомфорте, но и, насколько я понял, поступал сам согласно положениям своей книги.

— А я читала книгу этого писателя в подлиннике! — выпалила девочка и смутилась. Затем она подняла голову и храбро продолжила, словно отвечая хорошо выученный урок: — «Мокрые носки». Толстенная книга, с тысячу страниц. В ней посекундно описываются четыре часа дискомфорта, выпавшего на долю героя повести.

Вертер с восхищением посмотрел на свою собеседницу.

— Трудно поверить, что в этом мире нашлась такая, как ты, — чистая и невинная.

— Я получила должное воспитание, сэр! — вспыхнула девочка. — Мои родители…

— Твои родители умерли… — перебил Вертер и замолчал в замешательстве. Поборов смущение,

он продолжил: — Извини меня, я успел зачерстветь душой. Кстати, ты собиралась поесть.

— Я вовсе не голодна.

— Тогда расскажи мне подробнее о себе, о своих родителях.

— Моя мать жила на Земле в Октябрьском веке, в то время, когда после продолжительных войн на планете установились мир и согласие, что дало людям возможность воссоздать высокие технологии прошлого. Снова стало реальностью послать человека в будущее. Моя мать первой отправилась в неизвестное. Однако, оказавшись в далеком будущем, она попала в руки волшебника, который поместил ее в свой зверинец.

— «Волшебник» — не точное определение того владельца зверинца, — мягко заметил Вертер.

— Моя мать тоже так полагала. Просто другим, одним-единственным словом ей было того тюремщика не назвать.

— А твоему отцу?

— И отцу тоже. Он попал сюда из эпохи, называвшейся «Предварительная структура». В то время на Земле людей уже было мало, все больше машины, которые плодили одна другую. Отец совершил какой-то проступок, и его отправили в этот мир. Здесь он разделил судьбу моей буду-

щей матери, попав в тот же зверинец. Правда, он оказался в другом вольере, где ему создали привычную среду обитания. Через какое-то время зверинец наскучил его владельцу, и тот его бросил.

— Ему не стоило и заводить этот зверинец, — рассудительно вставил Вертер. — Однако, пожалуйста, продолжай. — Он поощрительно похлопал девочку по руке.

— Обитатели зверинца, которым требовался специальный уход, стали гибнуть.

— И никто не пришел воскресить их?

— Никто. В конце концов, мои будущие родители остались одни. А потом появилась я. Надо сказать — к их великому удивлению. Они считали, что люди из разных эпох не могут иметь потомства.

— Я тоже так полагал.

— Значит, мне помог появиться на свет еще и счастливый случай, — девочка улыбнулась и продолжила свой рассказ: — Мои родители дали мне хорошее воспитание и постарались наставить, как избежать опасностей в этом мире.

— Как они были правы! — воскликнул Вертер. — Для столь невинного и бесхитростного дитя в мире полно опасностей. Не бойся! Теперь

я стану твоим защитником.

— Ты так добр. О таких, как ты, мне не рассказывали.

— Я только один такой.

— Тогда мне удивительно повезло, ведь я теперь осталась одна. В этом году мои родители умерли, сначала — отец, потом — мать. Оставшись одна, я продолжала жить по заведенному распорядку, но быстро поняла, что одиночество — не лучший удел. К тому же я надумала ознакомиться с миром, пока не успела состариться, умереть.

— Состариться! Умереть! — воскликнул Вертер.

— Я ушла из зверинца с месяц назад, — продолжила девочка. — Поначалу меня удивляло, что нигде не видно ни людоедов, ни других злобных существ, а те чудеса, с которыми я порой сталкивалась, были не так уж и сверхъестественны. Только немногие задали мне загадку. Я боялась лишь одного: снова попасть в зверинец. Но те, кому я попадалась иногда на глаза, не обращали на меня никакого внимания.

— Сейчас редко кто содержит зверинец, а тем, кто видел тебя, просто не по силам оценить тебя по достоинству. Я один могу воздать тебе должное. Тебе посчастливилось, что мы с тобой

встретились. Я такой же, как ты. Я тоже явился в этот увядающий мир из утробы матери. Я — единственный, кто может понять тебя, разделить твои взгляды, оценить твои знания. Мы — родственные души, дитя мое.

Вертер поднялся на ноги и обнял девочку за плечи.

— Я стану тебе и отцом и матерью. Меня зовут Вертер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Вертер познает грех

Девочку звали Кэтрин-Лили-Маргарита-Наташа-Долорес-Беатриса-Механическая мастерская-семь-Фламбо-Признательность (два предпоследних имени достались ей от отца и матери).

Вот уже несколько часов Вертер разговаривал с девочкой. Впрочем, говорил больше он, вдохновенно живописуя своей собеседнице картины их совместного будущего. Неторопливо повествуя о своих планах, Вертер с удовольствием замечал, что его слушают не только с большим вниманием, но и с нараставшей доверчивостью. Наконец, рассказав о том, как они побывают в тихих, уединенных местах, где ничто не помешает им

заняться чистой поэзией и раскрыть глубину своих внутренних побуждений, Вертер воскликнул:

— Я посвящу тебе свою жизнь! Ты познаешь настоящее счастье!

К его удивлению, девочка не ответила: опустившись на пол, она спала.

— Бедное дитя, — вздохнул Вертер, — а я так бесчувствен, что забыл о перенесенных ею страданиях.

Он подошел к девочке и осторожно взял ее на руки. Она слегка встрепенулась, заморгала глазами, издала легкий стон и, уронив голову на грудь Вертеру, погрузилась в глубокий сон. Вертер в растерянности огляделся по сторонам: он не приготовил девочке спальню. Слегка вздохнув, он опустил Кэтрин на лежавший на полу коврик. Потирая пальцами подбородок, Вертер вновь оглядел помещение. Влажные стены из вулканического стекла, неизменно находившиеся в гармонии с его расположением духа, теперь показались ему неуместно безрадостными.

— Ей нужна утонченная красота, — прошептал Вертер, взглянув на спящую девочку.

Он задумался, затем, улыбнувшись, повернул Кольцо Власти. Стены вмиг покрылись толстыми гобеленами с вытканными на них картинками

из книги волшебных сказок, служивших Вертеру единственным утешением в ранней юности.

Вертер заскользил взглядом по знакомым картинкам. Вот Шелли, ревнитель гармонии, пробравшийся в Одеон (ад) к своему любимцу, трехголовому псу Омнибусу, играет на арфе «Блюз для соловья». А вот с единственным глазом во лбу Касабланка Богард держит в руках верного Сэма, магический заступ, чтобы сразиться с Неистовым Соколом и освободить свою возлюбленную Акрилановую Королеву, попавшую в руки Сонного Великана (карлика, превратившего себя в исполина) и Мятежного Каина, изгнанного из Голливуда (рая) за убийство своей сестры Голубого Ангела.

Когда-то эти картинки будоражили его пылкое воображение. Без сомнения, они придутся по вкусу и девочке, наивной и романтичной. Вероятно, она испытывает те же страдания, что довелось претерпеть в ранней юности и ему. Воистину, они родственные души.

Вертер с досадой вспомнил, как искал расположения Джерека Карнелиана, отдавая должное его силе духа и искренне полагая, что терзания Джерека созвучны с его собственными страданиями. Как он был слеп! Хотя с Джереком и было прият-

но проводить время, разве тот хоть раз вызвал у него воспоминания юности? А разве Джерек отвечал ему теплым чувством? Нет! Да и мог ли? Его произвела на свет Железная Орхидея, самое характерное искусственное создание. Вероятно, Джерек никогда и не был ребенком.

Раздражение Вертера сменилось довольством, когда он перевел взгляд на девочку. Однако он отвлекся и забыл про кровать! Вертер повернул Кольцо Власти, и в помещении появилась кровать под балдахином на четырех столбах из слоновой кости и ниспадавшим пологом из золотистого шелка. Рядом с кроватью устроился пушистый ковер.

Вскоре невдалеке от кровати выстроились цветочницы самых разнообразных форм и размеров, а на них — узорчатые керамические горшки. В горшках стали появляться цветы: золотистые лютики, львиный зев, льнянка, златоцвет, лилии, чайные розы, маки, дикие маргаритки… Посчитав, что он преуспел в составлении композиции, Вертер занялся дальнейшим убранством комнаты. Рядом с кроватью появились сундук с одеждой и набор детских кубиков, а у окна — аквариум с золотыми рыбками. Под потолком в углах комнаты заколыхались связки воздушных шариков.

Посадив над дверью двух сов, Вертер посчитал, что пока на этом можно остановиться. Девочка сама решит, как украсить комнату дальше.

Вертер представил себе, какой восторг засветится в глазах девочки, когда она проснется ранним солнечным утром. Конечно, утром! Ребенку требуется определенный режим, а значит, и постоянное чередование дня и ночи с ежедневным восходом солнца. Сейчас самое время для ночи. Вертер повернул Кольцо Власти на левой руке. За окном потемнело, на небе появились яркие звезды, взошла луна. Вертер осторожно взял девочку на руки, откинул полог и уложил ребенка в постель. Поправив одеяло, он нежно поцеловал ее в лоб и потихоньку отошел от кровати, стараясь оценить нахлынувшие на него чувства. Наконец его лицо осветилось слабой улыбкой.

— Я верю в Умиротворение! — прошептал Вертер.

* * *

Прошел месяц. Все это время Вертер проводил с девочкой. Заботиться о ней стало его главным занятием. Мрачные скалы и дикие пустыри вокруг его замка сменились зеленеющими холмами, светлыми рощами, серебристыми речками.

Вертер и Кэтрин, ставшая ему неизменной спутницей, часто проводили время где-нибудь на лужайке или в тени дубравы, ведя неторопливые беседы о возвышенных чувствах, идеализме, любви к природе. Порою девочке случалось кормить с ладони шаловливых горилл и задумчивых большеглазых коров. Все дни были солнечными. На небе, если и появлялись иногда облака, то лишь для того, чтобы придать ему новые, веселые краски.

Вертер отыскал книги, оставленные Кэтрин в зверинце, и девочка много читала, черпая знания из произведений Тургидити, Уто, Петта Риджа, Закки и Пьята Синка. Конечно, не обходилось без пояснений. Вертер с удовольствием отвечал девочке на вопросы (порой наивные), а иногда просил Кэтрин почитать ему вслух. В одной из книг девочка натолкнулась на непонятный рисунок. Пишущая машинка, определил Вертер. Последовал взрыв восторга и удивления. Чтобы порадовать девочку, Вертер на следующий день преподнес ей сюрприз, придав форму машинки своему воздушному экипажу.

— Ты так добр ко мне, Вертер! — воскликнула девочка. — Моя жизнь сказочно изменилась. С каждым днем я все больше люблю тебя!

— И я с каждым днем все больше люблю тебя! — пылко ответил Вертер, чувствуя, что у него кружится голова. Придя в себя, он внезапно вспомнил о Миссис Кристии. Он виноват перед ней, не уделял ей внимания целый месяц. Хорошо, если Миссис Кристия не сердится на него.

Чтобы разнообразить развлечения девочки, Вертер возил ее к своим соперникам по постановке феерий. К его некоторой досаде, их творения неизменно приводили Кэтрин в восторг. У Джерека Карнелиана она долго рассматривала величественные строения, возведенные из кварца, золота и белого мрамора и составлявшие «Лондон-1896», архитектурный ансамбль, ставший вершиной творчества Джерека. У Герцога Квинского Кэтрин посмотрела представление «Леди и лебеди». Лорд Джеггед показал Кэтрин «Войну и мир в двух измерениях», скучноватую абстракцию, на взгляд Вертера, но и та доставила девочке удовольствие. Кэтрин вовсю смеялась, трогая «живые фигуры», находя их всамделишными. Лорд Джеггед придал фигурам всего два измерения (длину и ширину), и когда те поворачивались, то сразу же и исчезали.

* * *

Однажды, когда Вертер и Кэтрин летели к Епископу Тауэру посмотреть «Миллион разъяренных крапивников»[63] (представление, претендовавшее на образец возрождавшегося искусства эстетического шума), они встретил Лорда Монгрова, с которым Вертер был в приятельских отношениях, пока не рассорился, не поладив в продолжительном споре о способе самоубийств аборигенов Урана во времена Великого Натриевого Засилья.

Лорда Монгрова, мрачного великана с огромной головой, посаженной на могучие плечи, первой заметила Кэтрин. Тот, видимо, никуда не спешил: он сидел верхом на чудовищных размеров улитке, неторопливо и важно двигавшейся среди нагромождения скал.

— Посмотри вниз, Вертер! — воскликнула девочка. — Какой гигант! Футов десяти ростом! Такого сроду не видела.

Определив, кто вызвал удивление Кэтрин, Вертер почувствовал угрызения совести. Пожалуй, он слишком погорячился в споре с Монгровом.

---

[63] notes: 63
Крапивник — птица отряда воробьиных.

Так или иначе, стоит наладить с ним отношения. Вертер снизился почти к самой земле и крикнул:

— Монгров! Друг мой!

Ответ оказался неутешительным.

— Это ты, Вертер? — прогремел снизу гигант. — Никак снова собрался позубоскалить? Забыл, что я заботился о тебе, когда ты был еще недорослтком? Тебе мало тех оскорблений, которые ты выплеснул на меня? Или ты считаешь, что ничего предосудительного не выкинул? Я не терплю вероломства. Скорей, улитка! Избавь меня от общения с этим спорщиком!

Закончив свою тираду, Монгров стегнул улитку длинным кнутом с рукояткой из драгоценных камней. Улитка недовольно пошевелила рогами и укоризненно взглянула на седока, давая понять, что тот явно переусердствовал, решив, что она может передвигаться быстрее.

Бурное возмущение Лорда Монгрова не поколебало миролюбие Вертера.

— Извини меня, друг мой. Беру обратно все, что наговорил тебе, — сказал Вертер, хотя, по правде, не мог припомнить ни одного сказанного им слова, которое оскорбило бы Монгрова во время их спора. — Ты куда собрался? Я знаю, ты редко покидаешь свое жилище.

— На бал, — буркнул Монгров. — К Миледи Шарлотине. Нисколько не сомневаюсь, меня пригласили, чтобы сделать посмешищем.

— Я ничего не слышал о бале, — удивленно заметил Вертер.

Лицо Монгрова просветлело.

— Как, тебя не пригласили на бал?

— Видишь ли… — Вертер замялся. — Миледи Шарлотина вошла в мое положение. Ей известно, что у меня появилось много забот. Я опекаю ребенка.

— Ребенка? — изумился Монгров.

— Да, девочку. Судьба распорядилась, чтобы я стал ей новым отцом. Посмотри, вот она. Не правда ли, очаровательное дитя?

Монгров отыскал взглядом девочку и сочувственно покачал головой.

— Будь осторожна, милая. Водить дружбу с де Гете так же опасно, как и с ядовитой змеей.

Кэтрин вопросительно посмотрела на Вертера.

— Что он имеет в виду?

Вертер поспешно прикрыл ей уши руками и перевел взгляд на Монгрова.

— Хватит! — воскликнул Вертер. — Разговор окончен! Я никогда не опускался до оскорбительных измышлений. Не думай, что еще раз

пойду навстречу тебе. Не дождешься! Прощай, бесчувственный циник, осквернитель возвышенных побуждений, хулитель любви. Знать тебя не хочу!

— Ты еще не познал самого себя, Вертер! Не знаешь, на что способен! — язвительно огрызнулся Монгров, но его слова не долетели до ушей Вертера, поспешившего набрать высоту.

Восстановить душевное равновесие Вертеру помогла новая встреча. Через некоторое время путь его воздушному экипажу преградил чудовищный желтый конь, неожиданно выплывший из набежавшего облака. На коне восседала Миледи Шарлотина.

— Кукареку! — игриво протянула она, устремив взгляд на Вертера.

— Безмерно счастлив видеть вас, дорогая Миледи Шарлотина! — пылко воскликнул Вертер. — Ваша красота, как всегда, соперничает с самыми удивительными чудесами Природы.

К Миледи Шарлотине Вертер не испытывал восторженных чувств, но после перепалки с Лордом Монгровом более приятная встреча послужила ему отдушиной. Миледи Шарлотина восприняла комплимент как должное.

— Я вижу, ты не один, Вертер, — мило улыб-

нувшись, сказала она. — Никак с тобой та самая девочка, о которой мне прожужжали все уши? Я не могла поверить. В наше время — и на тебе, настоящий ребенок! Впрочем, девочке повезло: она обрела отца, лучше которого не сыскать.

Несомненно, Миледи Шарлотина не обошлась без иронии, но Вертер, возбужденный ссорой с Лордом Монгровом, колкости не заметил.

— Эту девочку мне вверила в руки судьба, — простодушно ответил он. — Мой долг огородить ее от опасностей, от иллюзий. Нелегкая, ответственная обязанность, но я с радостью взвалил ее на себя. Я посвящу свою жизнь воспитанию Кэтрин.

— А ты, моя дорогая, — Миледи Шарлотина перевела взгляд на девочку, — уверена в своем будущем? Тебя ничто не тревожит?

— Я тревожилась только первое время, — ответила Кэтрин. — Постепенно я стала доверять Вертеру, а теперь верю ему безгранично.

— Безграничная вера! — задумчиво произнесла Шарлотина.

— Вот именно! — отозвался Вертер. — Эта вера растет и во мне. Своей похвалой вы воодушевили меня. Еще сосем недавно меня одолевали сомнения.

— Разве это возможно? Какие сомнения, если счастлив?

— Я тоже счастлива! — подхватила Кэтрин.

— Тогда, не сомневаюсь, вы оба будете у меня на балу, — сказала Миледи Шарлотина.

— Право, не знаю… — нерешительно протянул Вертер. — Кэтрин еще так молода.

Миледи Шарлотина протестующе замахала рукой.

— Вы не можете не приехать, Вертер. Твой долг убедить всех, что простые сердца — самые счастливые в этом мире.

— Вы думаете… — Вертер все еще колебался.

— Убеждена в этом. Чтобы встать на твой путь, обществу нужен добрый пример.

Вертер потупил глаза.

— Я польщен. Хорошо, мы приедем.

— Вот и прекрасно. Тогда не задерживайтесь. Если хочешь, поезжайте вместе со мной — бал скоро начнется.

— Нам с Кэтрин лучше ненадолго вернуться в мой замок, — ответил Вертер, поглаживая девочку по голове. — Она впервые поедет на бал, ей нужно подготовиться, выбрать платье.

Девочка просияла и захлопала в ладоши.

* * *

Бал, устроенный Миледи Шарлотиной, проходил на огромной — окружностью с милю — залитой золотистым светом площадке, окруженной прозрачной стеной с несколькими отверстиями для входа, разбросанными в произвольном порядке. Над серединой площадки парила платформа с рассевшимися на ней музыкантами, выходцами с разных планет и из различных времен, привезенными хозяйкой бала из своего небольшого зверинца, который она набирала только из артистичных натур.

Когда Вертер и Кэтрин, одетая в зеленое платье, вошли на площадку, оркестр играл простенькую мелодию, сочиненную самой Шарлотиной.

— Играют «Детство», — пояснила хозяйка бала, подойдя к появившейся паре и поведя рукой в сторону музыкантов. Несомненно, Шарлотина хотела угодить Вертеру: он уже как-то слышал эту мелодию, тогда она имела другое название.

Оглядевшись и заметив толпу знакомых, которые, разбившись на группы, оживленно беседовали, Вертер, держа Кэтрин за руку, направился к своему давнему другу Ли Пао, выходцу из двадцать седьмого века. Тот слыл брюзгой

и, возможно, его ворчливость и мрачный вид в свое время уберегли его от зверинца. Хотя Ли Пао вечно порицал окружающих, он не пропускал ни одной вечеринки. Рядом с ним стояла Железная Орхидея, мать Джерека Карнелиана. В отличие от Ли Пао, одетого в свой неизменный сатиновый голубой комбинезон, она была укутана в красные, желтые и розово-лиловые лоскуты, на ее шее, руках и ногах красовалось великое множество браслетов и ожерелий, головным убором ей служили павлиньи крылья, а туфлями — два черных крота с устремленными кверху глазами-пуговками.

— Отчего пустыня? — говорила Железная Орхидея Ли Пао. — Если наше солнце израсходует запасы энергии, мы создадим новое. Неужто и это консерватизм? Простая предосторожность.

— Добрый вечер, Вертер, — сказал Ли Пао, облегченно вздохнув. — Добрый вечер, мисс, — добавил он, вежливо поклонившись.

— Мисс? — Железная Орхидея вопросительно подняла брови.

— Это Кэтрин, моя воспитанница, — пояснил Вертер. Железная Орхидея хихикнула.

— Может, невеста, а?

— Вовсе нет, — сказал Вертер. — А где Джерек?

Что-то его не видно.

— Боюсь, он затерялся во времени. О нем давно ни слуху, ни духу. Знаю только, он все еще домогается любви своей пассии. Говорят, и вы берете с него пример.

Вертер знал, что Железная Орхидея любит подтрунивать, и отнесся к ее словам без обиды.

— Его любовь — чувственная, моя — настоящая.

— Не вижу разницы, — пожав плечами, сказала Железная Орхидея.

— Думаю, ты хочешь дать мисс Кэтрин блестящее образование, — елейным голосом поддержал разговор Ли Пао. — Рассчитывай на мою помощь. Никто лучше меня не знаком с политическими течениями двадцатых веков, особенно, если речь идет о двадцать шестом и двадцать седьмом столетиях.

— Ты так добр, — ответил Вертер, не зная, как отнестись к предложению, прозвучавшему не совсем искренне.

Размышления Вертера прервал Гэф Лошадь-в-Слезах. Его одежда исторгала настоящее пламя, а свет, льющийся с его колыхавшегося лица, нестерпимо слепил глаза. Первый делом Гэф потянулся к девочке. Кэтрин отпрянула, но тут же

почувствовала, что от странного существа веет не жаром, а холодом. По ее плечу пробежал озноб, когда Гэф все-таки дотронулся до нее.

— Добрый вечер, Гэф, — сказал Вертер, постаравшись улыбнуться как можно шире.

— Она — мечта, — с чувством произнес Гэф. — Это говорю тебе я, наделенный самым пылким воображением. Верно, я сотворил ее, Вертер?

— Ты шутишь.

— Ха-ха! А ты, как всегда, серьезен, старина Вертер. — Гэф поцеловал своего приятеля, поклонился учтиво Кэтрин и удалился, извиваясь всем телом и оглашая воздух заливистым смехом. — Черствый Вертер! — донеслось издали.

— Он невоспитан, — сказал Вертер своей питомице. — Не обращай на него внимания.

— А мне он показался забавным.

— Тебе еще много надо познать, дорогая.

Тем временем с парившей над площадкой платформы лилась веселая музыка, а гости, поднявшись в воздух, кружились в танце, испуская вихри цветной энергии, из которых компоновались причудливые узоры.

— Как красиво! — воскликнула Кэтрин. — Может быть, и мы потанцуем, Вертер?

— Если хочешь. Я не расположен к таким раз-

влечениям.

— Пожалуйста.

Лицо Вертера озарила улыбка.

— Ни в чем не могу отказать тебе, дорогая.

Кэтрин сжала Вертеру руку и рассмеялась по-детски, наполнив его сердце теплом.

Однако Вертер не успел исполнить просьбу воспитанницы. Он заметил, что к ним приближается Герцог Квинский, оставляя за собой зеленоватое пламя, исходившее из его металлического костюма.

— Сдается мне, Вертер, вам следовало давно самому завести ребенка, — сказал Герцог Квинский. — Вы идеальный отец. Отцовство может стать вашей профессией.

— Отцовство и профессия — вещи разные, — возразил Вертер.

— Вам виднее. — Герцог коротко хохотнул. Его красивое бородатое лицо, как всегда, выражало самодовольство. Он повернулся к девочке и, поклонившись, представился: — Герцог Квинский. — Его костюм зазвенел.

— Твои друзья очень милые, — сказала девочка Вертеру, когда они остались одни. — Прямо не ожидала.

— С ними следует соблюдать осторожность, —

шепнул Вертер. — У них нет совести.

— Совести? А что это?

Вертер дотронулся до Кольца Власти и увлек девочку ввысь.

— Сейчас я твоя совесть, Кэтрин. Со временем тебе многое прояснится.

Едва Вертер и Кэтрин поднялись в воздух, как к ним подплыл Лорд Джеггед Канари. Его голова была чуть видна в пышном воротнике.

— Вертер, мой мальчик! — воскликнул Джеггед. — Я вижу, ты с дочерью. О, она слаще меда, нежнее лепестка розы. — Он окинул девочку долгим взглядом и с пылом продолжил: — Я много слышал о вас, но действительность превзошла все мои ожидания. Не сомневаюсь, вам посвятят стихи, музыку. Вы достойны стать героиней высокой прозы! — Джеггед отвесил изысканный глубокий поклон, взмахнув рукавами своего одеяния у ног Кэтрин. Затем обратился к Вертеру: — Ты не знаешь, где Миссис Кристия? Все собрались, а ее не видно.

— По всей вероятности, она не приехала.

— Появится непременно. Скоро маскарад. Миссис Кристия ни за что его не пропустит.

— Мне кажется, Миссис Кристия тоскует, — предположил Вертер.

— Тоскует? С чего?

— Она любит меня, вы знаете.

— Вероятно, ты прав, наверное, пребывает в тоске. Однако я помешал вам. Прошу прощения. — Лорд Джеггед Канари величественно поплыл к полу.

— Кто это Миссис Кристия? — спросила Кэтрин. — Твоя прежняя любовь?

— Она прекрасная женщина, — помедлив, отвечал Вертер. — Однако сейчас я не могу уделять ей внимание. Моя обязанность быть с тобой.

— Выходит, я разделила вас?

— То было слепое чувственное влечение, а теперь я исполняю свой долг.

Вертер снял с руки самое маленькое Кольцо Власти, передал его Кэтрин и объяснил, как им пользоваться, чтобы создавать телом в воздухе цветные узоры по своему вкусу. Девочка покраснела от удовольствия, а затем, сделав несколько плавных движений, открыла от удивления рот, когда за ней потянулся цветной шлейф. Вертер, поначалу встревоженный тем, что подарок может повредить целомудрию девочки, успокоился. Неожиданно он почувствовал, как страстно любит ее.

Пережив столь приятное потрясение, он от-

пустил девочку танцевать сначала со Сладким Мускатным Оком, представшим на этот раз в облике женщины, а затем с Алым О'Кэлой, обернувшимся косматым медведем. Вскоре Вертер пожалел о своем великодушном поступке: он увидел, как Кэтрин погладила О'Кэлу по красновато-коричневой шкуре. Первым побуждением Вертера было покинуть бал, но он быстро сообразил, как будет трудно ответить на недоуменные вопросы своей воспитанницы. Он опустился на пол и, скрестив на груди руки, погрузился в горестное раздумье, в котором нашел утешение.

Тем временем Миледи Шарлотина остановила игру оркестра и с платформы обратилась к гостям:

— Пришло время для маскарада. Вы все знаете тему нашего вечера. — Она немного помедлила и с улыбкой добавила: — Все, кроме Вертера и его очаровательной спутницы. Когда вновь заиграет музыка, предстаньте в карнавальном обличье.

Вертер нахмурился, удивляясь, почему тему вечера не довели до него.

— Ты чем-то расстроен? — раздался рядом с ним голос хозяйки бала. — Не печалься. Я подготовила тебе настоящий сюрприз. Уверена, будешь доволен.

Вскоре музыка заиграла вновь, и помещение наполнилось гомерическим хохотом. Вертер вскрикнул от нестерпимой душевной боли и вихрем поднялся в воздух.

— Кэтрин! — Кэтрин! — восклицал он, прокладывая к ней путь через скопище безобразных фигур, которые, кривляясь, казалось, издевались над ним. Девочка была в замешательстве, еще не осознав отвратительной правды.

— Фарисеи! Хулители чистоты! — вскричал Вертер, взяв ее за руку.

Он огляделся. Так и есть: тема вечера — «Детство». Сладкое Мускатное Око превратился в гигантский сперматозоид, Железная Орхидея приняла вид огромного заплаканного младенца, Герцог Квинский обернулся трехгодовалыми сиамскими близнецами, наделив обоих своим собственным, правда, помолодевшим лицом. Даже Лорд Монгров снизошел до того, чтобы изменить свою внешность: он стал громадным яйцом.

— Что с тобой, Вертер? — спросила подошедшая к нему Шарлотина. — Разве ты не в восторге? — Она обвела участников маскарада оказавшимся в ее руке леденцом.

— Это гротеск! Пародия на святое!

— Что тебе не нравится, дорогой Вертер? — подала голос Кэтрин. — Это всего-навсего маскарад.

— Разве ты не видишь? Над нами смеются! Этот маскарад не для детских глаз. Пойдем, Кэтрин. Эти безумцы оскорбили мои лучшие чувства. — Вертер потянул девочку за руку и бросился вместе с ней к ближайшему выходу.

* * *

Вертер так торопился убраться прочь, что даже не воспользовался своим экипажем. Он взмыл вместе с Кэтрин в воздух и, держа ее за руку, полетел к себе в замок сквозь черную, как смола, ночь. У замка светило солнце, зеленели лужайки, пели жаворонки, но ничто не вернуло Вертеру душевного равновесия. Он влетел в окно башни. Богатое убранство комнаты только усилило его раздражение. Движением руки Вертер почти опустошил комнату. На солнце блеснули какие-то черепки. Вертер повернулся к окну. Солнце! Теперь и оно чуждо и ненавистно. Светило погасло. Комната погрузилась во тьму. Удивленно взглянув на Вертера, Кэтрин тихонько тронула его за плечо.

Из груди Вертера вырвался глухой стон.

— Вертер! — шепнула Кэтрин.

— Они растоптали святое! Покусились на мои идеалы! — По щекам Вертера потекли слезы, он повернулся к девочке и зарылся лицом в ее волосы.

— Вертер! — Кэтрин поцеловала его в холодную щеку, разжала объятия и, взяв Вертера за руку, повела к себе в комнату.

— Ах, зачем я борюсь за нравственность, если все вокруг меня аморальны? Неужели лучше быть негодяем? — вопрошал Вертер, покорно идя за девочкой.

Он позволил усадить себя на кровать. Тяжело вздохнул.

— Им ненавистна духовность! Они смеются над добродетелью!

Кэтрин погладила его по руке.

— Ты ошибаешься, Вертер. Никто не хотел обидеть тебя.

— Что меня! Они развратят тебя! Мой долг не допустить этого!

Кэтрин нежно поцеловала Вертера в губы, сжав ему руку. Вертер задохнулся от мучительного смятения.

— Мой долг — уберечь тебя от невзгод, — чуть слышно произнес он сдавленным голосом. Сознание его помутилось, все вокруг перестало

существовать. Он стиснул ее в объятиях, их щеки соприкоснулись, языки встретились. Вертер впервые ощутил упоение от физической близости. Внезапно безумная мысль пришла ему в голову: отчего не воспользоваться благоприятным моментом? Разве кто упустил бы такую возможность?

— Кэтрин! — прошептал Вертер, дотрагиваясь до Кольца Власти. Полог кровати откинулся, одежды пали.

Оставим Вертера наедине с Кэтрин. Не станем уподобляться тем литераторам, которые скрупулезно описывают плотские наслаждения — и так хорошо известные, скажут многие.

Вертера разбудили утренние солнечные лучи. Он открыл глаза и увидел рядом с собой обнаженную Кэтрин. Ее волосы сдвинулись в беспорядке, маленькие груди ритмично вздымались и опускались. Вертер пришел в ужас. Он был испуган, поражен, подавлен, глубоко потрясен — он понял, что, поддавшись мимолетному раздражению, лишил Кэтрин невинности, осквернил чистоту, свою веру. Его вожделение погубило все его помыслы.

Из глаз Вертера хлынули холодные слезы.

— Монгров был прав, — шептал Вертер, — об-

щаться со мной — то же, что и с ядовитой змеей. Кэтрин больше мне не доверится. Украв у нее детство, я потерял право быть ее воспитателем, ее покровителем.

Не в силах оставаться на месте совершенного преступления, Вертер резко вскочил, выбежал из комнаты Кэтрин, бросился на свой излюбленный стул и опустошенно взглянул в окно. Представшая перед его измученными глазами идиллическая картина принесла ему новое потрясение. Вертер повернул Кольцо Власти. За окном поднялись нагроможденные одна на другую скалы, покосившиеся набок вершины, мрачные купола. Из груди Вертера вырвалось глухое рыданье.

— Столь тяжкая расплата за грех! — прошептал он, не без удовольствия погружаясь в печальные размышления.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Вертер искупает свой грех

Весь день Вертер избегал Кэтрин. Он не мог представить себе, как сможет посмотреть ей в глаза, если даже вид местности, свидетельницы их невинных прогулок, привел его в замеша-

тельство. Кэтрин звала его, Вертер не отзывался, отгородившись тяжелой дверью. Все же он увидел ее, когда она прогуливалась внизу, под окном, по небольшому зеленому холмику, затерявшемуся среди скал. Вертеру показалось, что Кэтрин не изменилась. Но он знал: она в смятении, оттого что потеряла невинность. И это он, Вертер, всему виной. Это он затянул непорочную девочку в сети плотской любви с ее извращенными радостями.

— Кэтрин! Кэтрин! — вырвалось у него. — Воистину, я преступник, растлитель душ. Имя мое — Вероломство.

* * *

Только на следующее утро Вертер решился поговорить с Кэтрин, посчитав, что тягостный разговор все же лучше томительного молчания. Когда девочка вошла в комнату, Вертер, стараясь не глядеть на нее, произнес глухим голосом:

— Я виноват перед тобой, Кэтрин.

— Оттого, что мы рано уехали с бала, дорогой Вертер? Оттого, что ты не дал мне досмотреть маскарад?

— Нет! — Вертер зажал себе уши. — Я не в силах поправить причиненное тебе зло, но я попытаюсь скрасить твою дальнейшую жизнь. Ты оставишь

меня, чтобы забыть о своих страданиях. Тебя не откажется приютить Монгров. Думаю, он будет добр к тебе. А мой удел — горькое одиночество.

Вертер окинул девочку взглядом. Ему показалось, что она повзрослела, а ее красота поблекла. Он застонал. Да-да, под холодными пальцами самого льстивого, самого изощренного сластолюбца, имя которому Смерть!

— Я был слишком высокомерен, пестовал свою гордость! — воскликнул Вертер. — Кичился собственным благородством. А теперь я — последний из негодяев!

— Ты сегодня говоришь странные вещи, дорогой Вертер, — ответила Кэтрин. — Я совсем не понимаю тебя.

— Это неудивительно. Ты не знаешь жизни, неопытна. — Вертер разрыдался и прикрыл руками лицо.

— Вертер, прошу тебя, успокойся. Разве можно так долго мучиться? Ты удивляешь меня.

— Я не в силах спокойно говорить о своем чудовищном преступлении, — сдавленно произнес Вертер, не отнимая рук от лица. — Я лишил тебя детства, осквернил твою душу. Мне ли было не знать, что настанет время, когда и ты захочешь вкусить радость настоящей любви. Мне следова-

ло подготовить тебя, объяснить, что такое чистая пламенная любовь, чтобы ты не ошиблась и получила от любви настоящее наслаждение.

— Но я и так осталась довольна. Вертер поник головой.

— Это было не то наслаждение, — опустошенно пояснил он.

— Ты считаешь, что мы нарушили некие правила поведения?

— В этом мире не существует никаких правил, не существует морали. Но ты ребенок, в тебе заложены правила нравственности. Я тешил себя надеждой, что с моей помощью ты станешь им следовать. Когда-нибудь ты поймешь, что я имею в виду. — Помолчав, Вертер продолжил дрожащим голосом: — Если ты еще не питаешь ненависти ко мне, то возненавидишь меня потом. Да, ты возненавидишь меня.

Кэтрин тихонько рассмеялась.

— Это глупо, Вертер, — сказала она воркующим голосом. — Я действительно получила настоящее удовольствие.

Вертер отшатнулся, выставив вперед руки, словно защищаясь от внезапного нападения.

— Твои слова ввергают меня в отчаяние, — чуть слышно произнес он.

Девочка подошла к Вертеру и погладила его по бескровной руке. Он выдернул руку.

— А! — радостно воскликнула Кэтрин. — Все ясно: я пробудила в тебе желание.

— В некотором роде, — машинально ответил Вертер, пребывая в задумчивости. Однако игривый тон девочки заставил его очнуться, он поднял голову, стараясь осмыслить ее слова.

Лицо Кэтрин озарила торжествующая улыбка. Она снова подошла к Вертеру и медленно провела языком по его щеке. Он вздрогнул, нахмурился, попытался что-то сказать и не смог, задохнувшись в смятении.

— Я не прочь повторить наш опыт, по-моему, самый приятный анахронизм, — сказала Кэтрин, погружая пальцы в волосы Вертеру. — Он, вроде, из тех времен, когда поэты странствовали по свету, не упуская случая уничтожить книги своих соперников, напав на зазевавшегося читателя, стащить то, что плохо лежит, и овладеть красавицей по своему вкусу. Мне кажется, что наш опыт понравился и тебе. Скажи, Вертер!

— Я не в силах больше выносить столь тягостные мучения. Оставь меня.

— Если ты того хочешь.

— Да, — выдавил из себя Вертер.

Кэтрин взмахнула рукой и выпорхнула из комнаты.

Вертер снова погрузился в мучительное раздумье. Вероятно, он неправильно понял Кэтрин. Откуда невинной девочке знать о плотской любви? Упоминая о ней, она наверняка исходила из романтических представлений. Еще вчера она была девственницей. Это он развратил ее!

— Зачем я только родился! — воскликнул Вертер. — Таким, как я, незачем дарить жизнь. Как посмел я обвинить Миледи Шарлотину, Лорда Джеггеда, Герцога Квинского в низменных чувствах, цинизме, если мои собственные воззрения куда циничнее. Я чуть было не обвинил в своих несчастьях ребенка, жертву моего преступного вожделения. Я поистине негодяй! — Вертер затих, затем решительно прошептал: — Искупление — вот что умиротворит меня.

Поразмышляв, Вертер первым делом решил отправиться к Монгрову, чтобы смиренно сообщить старому другу, что тот прав, презирая его, и тем самым испытать справедливое унижение. Однако вскоре он отказался от, казалось, заманчивого порыва. Его сковала усталость. В то же время Вертер ясно почувствовал, что не в силах вынести презрения окружающих, хотя он

и заслужил его в полной мере.

Вертер снова задумался. Как бы на его месте поступили романтические герои? Как бы искупили свой грех Касабланка Богард, Элрик из Мэрилебоне? Ответ очевиден — зловещий и беспощадный. Вертер содрогнулся от ужаса. Может быть, есть другой выход? Самые разнообразные мысли промелькнули в его воспаленном мозгу, но под конец прочно и безраздельно утвердилось первоначальное помышление, теперь показавшееся ему единственно верным.

Вертер поднялся на ноги с твердой и холодной решимостью, сознание его прояснилось. Медленным размеренным шагом Вертер пошел к окну, снимая с рук кольца и бросая их на пол. Он поднялся на подоконник. Его обдал порыв ветра.

— Ветер возмездия! — радостно прошептал Вертер. Внизу громоздились остроконечные скалы.

«Они примут меня, разорвут в клочья, воскрешение не удастся», — пронеслось в голове у Вертера, и с криком «Кэтрин, прости меня!» он шагнул в бездну, умиротворенный последней мыслью: «Никто не скажет, что Вертер не искупил сполна грех!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Вертер находит утешение

— Вот это приключение, Вертер! — воскликнула Кэтрин, заметив, что Вертер открыл глаза. Она захлопала в ладоши и весело рассмеялась.

— Очнись, Вертер, вставай! — добавил с тонкой улыбкой Лорд Джеггед. — Тебя ждут новые, еще неизведанные страдания.

Вертер лежал на мраморной скамье в своем замке. Вокруг скамьи, помимо Кэтрин и Лорда Джеггеда, стояли, не спуская глаз с Вертера, Миледи Шарлотина, Герцог Квинский, Епископ Тауэр, Гэф Лошадь-в-Слезах, Железная Орхидея, Ли Пао, Алый О'Кэла. Все аплодировали.

— Великолепная драма, — глубокомысленно сказал Герцог Квинский.

— Одна из лучших на моей памяти, — подхватила Железная Орхидея, обычно скупая на комплименты.

Как ни приятны были раздававшиеся со всех сторон похвалы, Вертер вспоминал о своем преступлении и, хотя в нем вспыхнуло воспоминание и о том, что он искупил свою чудовищную

вину, он протянул руки навстречу девочке и произнес трепещущим голосом:

— Прости меня, Кэтрин.

— Ты просишь прощения, дорогой Вертер? За что? За то, что великолепно сыграл свою нелегкую роль? Из нас двоих о снисхождении могу просить только я. — Кэтрин дотронулась до одного из многочисленных Колец Власти, нанизанных на ее пальцы.

— Как? — изумленно воскликнул Вертер, не веря своим глазам. — Это вы? Миссис Кристия? А я так страдал…

— О, как ты страдал! Восхитительно! Бесподобно! Неподражаемо! Особенно тебе удались переживания после грехопадения.

— Так это вы все подстроили? — спросил Вертер ошеломленно. — Чтобы исполнить мои желания, о которых я вам рассказывал?

— Он все еще не в себе, — пояснила Миссис Кристия, обводя взглядом собравшихся. — Должно быть, после воскрешения такое случается.

— И часто, — авторитетно сказал Лорд Джеггед, сочувственно посмотрев на Вертера. — Но это скоро пройдет.

— Финальная сцена была необычайно эффектна, хотя ее и можно было предвидеть, — сказала

Железная Орхидея.

Миссис Кристия взяла Вертера за руку и поцеловала его.

— Все говорят, твое представление не уступает постановкам Джерека Карнелиана, — любовно прошептала она. Вертер ответил ей благодарным взглядом. Воодушевленный очередной похвалой, он приподнялся на локтях, сел и застенчиво улыбнулся. Все снова зааплодировали.

— Несомненно, ваше новое представление, Вертер, — концовка «Дождя», — вступил в разговор Епископ. — Думаю, вы удачно завершили свой замысел.

— Великолепная развязка! Достаточно экспрессивная и, главное, незатянутая! — добавил О'Кэла, тряхнув жидкой бородкой (на этот раз он был в обличье козла).

— Я не собирался…

— Тебе еще нужно время, чтобы свыкнуться с возвращением к жизни, — перебила Миссис Кристия Вертера, приложив палец к его губам.

Через некоторое время Вертер и Неистощимая Наложница остались одни.

— Надеюсь, ты не сердишься на меня, дорогой? — спросила Миссис Кристия. — Разрушив твою великолепную радугу, я только и думала,

как загладить свою вину. Мне немного помогли Миледи Шарлотина и Лорд Джеггед, но даже они не догадывались обо всем до конца.

— В действительности, представление поставили вы, Миссис Кристия, а я был простым исполнителем…

— Чепуха! То, что мне пришло в голову, — всего-навсего сырой материал. Работал с ним ты. И как работал! Талантливо! Вдохновенно! Ты показал себя непревзойденным художником.

Вертер нежно взял Миссис Кристию за руку.

— Все было действительно превосходно. Я окунулся в переживания, о которых раньше только мечтал. Я всегда говорил, вы одна понимаете меня, Миссис Кристия.

— Ты так добр. А теперь мне пора.

Вертер кивнул и взглянул в окно. Его глазам предстала утешительная картина: черное грозовое небо, по которому катились, перегоняя друг друга, мрачные облака. Вот приветливо сверкнула яркая молния, по-дружески загрохотал гром. Внизу, разбиваясь о прибрежные скалы, благозвучно ревело море. Вертер умиротворенно вздохнул. Он знал, что его встречам с Миссис Кристией пришел конец. Никто из двоих не станет более искать близости, чувствуя, что взаимное

увлечение притупилось. И все же Вертер почувствовал сожаление.

— Как жаль, что смерть не обрывает жизнь невозвратно, — задумчиво сказал он.

— Если бы смерть насовсем обрывала жизнь, как бы мы судили о своих успехах и неудачах? Мне иногда кажется, Вертер, что ты слишком многого хочешь. — Миссис Кристия подкупающе улыбнулась. — Но, по крайней мере, ты доволен, любовь моя?

Конечно, — ответил Вертер. Другой ответ был бы попросту неприличен.

Белые звезды

Анжеле Картер

Ты Роза Битвы, Роза всех миров!
К причалу скорби в рокоте ветров
Приходишь ты, и колокольный звон
Нас манит вдаль, звучит со всех сторон.
Из мутной серости морской, из нашей
Печали вечной ты взросла и стала краше.
И мыслей корабли расправят паруса,
Но всем судьбу одну Бог уготовил сам.
В войне они все терпят пораженъе,
Под светом белых звезд ложатся тенью,
Не слышен больше тихий плач сердец,
И ты не знаешь, жив ты иль мертвец.

У. Б. Йейтс, «Роза Битвы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Пояснения автора

Не станем отрицать, рассказы о Крае Времени имеют общую тематическую направленность,

почерпнутую автором из сообщений путешественников во времени и взятую им за основу повествования. Автор посчитал интересным рассмотреть философские и социологические взгляды обитателей Края Времени, которым не откажешь в своеобразном мышлении. В то же время нельзя не учитывать, что легенды (как прошлого, так и будущего) доводят до нас рассказчики, не лишенные субъективных оценок.

Нижеизложенная история дана в интерпретации автора, который, впрочем, не изменил сути рассказа, услышанного им из уст путешественницы во времени Миссис Уны Персон.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Прогулка по черному континенту

— Он действительно удивляет всех, — согласно кивнув головой, сказал Герцог Квинский, переступая через слона. — В то же время мы оправдываем его поступки свойственным ему идиосинкразическим чувством юмора. — Герцог снял украшенную перьями шляпу и вытер платком пот со лба.

— И все же некоторые его выходки трудно понять, — заметила Железная Орхидея, с нескры-

ваемым отвращением взглянув на вцепившегося в ее левую ногу зеленого крокодила. — Хотя он вроде бы доволен собой. Вы не считаете? — Она стряхнула с ноги надоедливую рептилию.

— Видимо, так. Я тоже не понимаю его до конца.

Герцог Квинский и Железная Орхидея, оставив за спиной Южную Африку, вошли в конголезский лес с деревьями по колено. Железная Орхидея мило заулыбалась, приметив крохотных, ярко раскрашенных птиц, беззаботно порхавших у ее ног и даже доверчиво залетевших в складки ее пергаментной юбки. Этот уголок «Африки» Герцога, питавшего особую склонность к воспроизведению природы далекого прошлого, ей особенно нравился.

Разговор шел о Лорде Джеггеде Канари, который сначала тайно отправился в Лондон девятнадцатого столетия вслед за сыном Железной Орхидеи Джереком Карнелианом, космическими пришельцами и выходцами из Лондона, а затем, вернувшись, снова исчез, не предупредив, как и в первый раз, никого из друзей.

— Впрочем, хватит о Лорде Джеггеде, — сказал Герцог Квинский. — Вас не заботит, что время становится нестабильным? Так утверждает

Браннарт Морфейл. Тому причиной, вроде, те разрушения во Вселенной, о которых все понаслышаны.

— Все это довольно прискорбно, — заметила Железная Орхидея. — Остается питать надежду, что Конец Света будет обставлен достаточно занимательно. — Она обернулась. — Герцог! — Того нигде не было. Наконец он появился, весь мокрый.

— Озеро Танганьика, — виновато пояснил Герцог. — Забыл, что оно где-то здесь. — Он дотронулся до одного из многочисленных Колец Власти, нанизанных на его пальцы, чтобы удалить воду с одежды.

— Пошли высокие деревья, — недовольно сказала Железная Орхидея, ступая меж пальмами, доходящими до пояса. — Боюсь, я раздавила одну из ваших деревень, Герцог.

— Не беспокойтесь об этом, прошу вас. Здесь таких деревень без счета. Я, верно, переусердствовал. — Герцог огляделся по сторонам, стараясь отыскать удобный проход. — Становится жарко.

— Это не потому, что ваше солнце расположено слишком близко? — предположила Железная Орхидея.

— Пожалуй, так. — Герцог повернул рубиновое

Кольцо Власти.

Карликовое солнце чуть поднялось, пошло влево и закатилось за небольшой холм, который Герцог выдавал за Килиманджаро. Наступили приятные сумерки. Герцог удовлетворенно кивнул, подал руку своей очаровательной спутнице и повел ее в Кению. Здесь Железную Орхидею окружила стая миниатюрных фламинго, похожая на рой мошек. Вскоре стаю отнесло поднявшимся ветерком.

— Эти сумерки восхитительны, — заметил Герцог. — Я бы их так и оставил, но, боюсь, они наскучат со временем.

— Им можно придавать разный оттенок, — рассудительно сказала Железная Орхидея, весьма довольная тем, что вкус Герцога наконец-то претерпел изменение в лучшую сторону.

— Ив самом деле, — согласно ответил Герцог, помогая даме ступить на мост, перекинутый через воды Индийского океана. Он обернулся. Его глаза наполнились меланхолией. — До свидания, Африка! До встречи Кейптаун, пески Египта, долины Чада.

Вскоре Герцог и Железная Орхидея взобрались в оказавшийся поблизости моноплан. Высоко над их головами в желтом небе, подернутом лег-

кой дымкой, теперь сияло отливавшее бронзой солнце. На горизонте виднелись горы с мягкими контурами холмов и пологими склонами — судя по виду, естественные, что было и объяснимо: в этой местности обитатели Края Времени бывали нечасто.

— Что-то лязгает, — озабоченно заметила Железная Орхидея.

— Я еще не запустил двигатель. — Герцог Квинский развел руками.

— Да не здесь. Справа от нас, вдалеке. Там, кажется, кто-то есть. Вы не видите?

Герцог проследил взглядом за движением руки своей спутницы.

— Какая-то пыль… — он поморщился. — Впрочем, вы правы — там двое.

— Полюбопытствуем?

— Раз вы хотите… — конец фразы Герцога потонул в шуме двигателя. Пропеллер вздрогнул, нехотя завертелся, набрал обороты, а затем внезапно соскочил с носа машины, ударился о землю, подпрыгнул и упал в воду.

— Нам лучше пройтись, — невозмутимо предложил Герцог, заглушив двигатель.

Идти пришлось по пересохшей, иссеченной трещинами земле.

— Местность требует преобразования, — деловито сказала Железная Орхидея. — Кто присматривает за ней?

— Сейчас мы его увидим, — ответил Герцог, успевший признать в одной из фигур своего знакомого.

Знакомый Герцога держал в руках металлический прут, которым, похоже, пытался проткнуть своего противника, вооруженного таким же прутом. Когда прутья скрещивались, раздавался тот самый лязг, который услышала Железная Орхидея, сидя с Герцогом в моноплане. Однако зрелище ее не смутило: нечто подобное она видела два-три века назад.

— Лорд Кархародон! — позвал Герцог.

Один из двух сражавшихся обернулся, и зря! Прут противника вонзился ему в плечо. Лорд Кархародон вскрикнул и упал на колено. Его красные глаза гневно сверкнули в прорезях маски акулы, с которой, как поговаривали, он сроду не расставался.

Не подымаясь с колена, Лорд Кархародон вытянул перед собой руку, орошая землю темно-красными каплями.

— Что это? — спросила Железная Орхидея.

— Это кровь, мадам! — Лорд Кархародон со

стоном поднялся на ноги. — Моя кровь!

— Вам следует немедленно заняться собой.

— Это не в моих правилах, — ответил раненый, бросив свирепый взгляд на противника, неторопливо вытиравшего кровь с оружия.

— Надо полагать, вы сражались на шпагах, — проявила осведомленность Железная Орхидея, — правда, мне казалось, они длиннее и не лишены украшений на рукоятке.

— Вы говорите о старинных шпагах, мадам. — Лорд Кархародон размотал обмотанный вокруг шеи шарф и приложил его к ране. — А эти, — он поднял шпагу, — я сделал сам. Главное, они прекрасно закалены. — Лорд Кархародон повертел шпагу в руке и добавил: — Мы дрались на дуэли. Я и мой автомат.

Автомат Лорда Кархародона был его точной копией.

— Он мог убить вас, — предположила Железная Орхидея. — Вы позаботились о том, чтобы автомат сумел воскресить вас?

Лорд Кархародон отрицательно повел головой.

— Странно, вы могли быть убиты самим собой.

— А разве, когда мы сражаемся, мы не боремся сами с собой, мадам?

— Я не знаю, сэр. Я никогда не брала в руки

оружие, да и спросить не у кого.

— Поэтому я соорудил себе автомат. Кстати, мадам, вы зовете меня по имени, а я лишен такой же возможности, хотя, мне сдается, что мы с вами встречались.

— Давным-давно. На Черном балу у Монгрова. Но тогда я выглядела иначе. Меня зовут Железная Орхидея.

— Ах, да. — Лорд Кархародон поклонился.

— А я — Герцог Квинский, — представился создатель Черного континента.

— Вас я не забыл, Герцог, хотя, когда мы встречались, вас, кажется, называли более длинным именем.

— Лиам Тай Пам $12.51 Цезарь Ллойд-Джордж Затопек Финсбери Ронни Микеланджело Юрио Иопа 4578 Соединенных. Вы знали меня под этим именем?

— Насколько я помню, да. Но мы с вами тоже давно не виделись. За это время в обществе, да и во внешнем мире кое-что изменилось. Однако я полагаю, вы все еще предаетесь своим излюбленным увлечениям.

— О, да! — ответила за Герцога Железная Орхидея. — Этот год был особенно плодотворным. Вы видели «Африку» Герцога? Восхитительная

миниатюра. Недалеко отсюда. Вон там.

— Так это «Африка»? А я все гадал, что за диковина появилась на месте моих лишайников.

— Выходит, я загубил плод вашего творчества, — сконфуженно сказал Герцог.

Лорд Кархародон небрежно пожал плечами.

— Мне следует исправить свою ошибку, — продолжил Герцог.

В глазах Лорда Кархародона появилось выражение интереса.

— Дуэль? Вы хотите драться со мной? Герцог Квинский потер подбородок.

— Если это удовлетворит вас, пожалуй. Но я никогда не дрался на шпагах.

Глаза Лорда Кархародона потухли.

— Тогда, что за дуэль?

— Вы можете одолжить мне один из своих автоматов. Машина обучит меня.

— Нет, нет, сэр. Да я и не в обиде на вас. А теперь мне пора. Я быстро устаю в обществе. — Лорд Кархародон вложил шпагу в ножны, и, бросив взгляд на своего двойника, щелкнул пальцами. Автомат спрятал шпагу. — Всего доброго, Железная Орхидея. Всего доброго, Герцог Квинский. — Лорд Кархародон отвесил поклон.

— Подождите, сэр, — торопливо сказал Герцог

Квинский, освобождаясь от руки своей спутницы, которая придерживала его за рукав. — Я настаиваю на своем предложении.

— Взыграли амбиции? Хорошо, я согласен. Но прежде вам нужно научиться владеть оружием.

— Как скажете. — Герцог изысканно поклонился. — Надеюсь, вы поможете мне.

— Договорились. Я пришлю вам инструктора.

— Буду вам признателен, сэр.

Лорд Кархародон подал знак автомату и вместе с ним направился к видневшимся на горизонте горам.

— Эти дуэли, вроде, неплохая забава, — сказал Герцог Квинский, провожая взглядом удалявшихся двойников. — Нечто новое. После Лорда Кархародона я стану первым, кто возьмет в руки оружие. Не удивлюсь, если мой пример окажется заразительным. Я могу стать законодателем моды.

— Значит, скоро польется кровь? Море крови? — восхитилась Железная Орхидея.

— Почему бы и нет? Я пресытился возведением городов, да и «Африка» мне приелась. Мы забыли о подвижных забавах.

— Вы правы, герцог, мы не занимались ими со времени увлечения танцевальными вечерами.

— Я сначала научусь драться на шпагах сам, а затем обучу этому искусству других, — воодушевленно продолжил Герцог. — Когда Джерек вернется, мы предложим ему новое развлечение.

— Созвучное с его теперешним настроением.

Хотя Железная Орхидея и старалась поддержать Герцога, в душе она сильно сомневалась в его способностях снискать лавры на новом поприще. Из затеи Герцога может ничего и не получиться, решила Железная Орхидея.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Несколько слов о Лорде Кархародоне

В отличие от Лорда Монгрова, предпочитавшего вести замкнутый образ жизни, но который все же отважился на путешествие по останкам Галактики вместе с инопланетянином Юшариспом, Лорд Кархародон возвел одиночество в почти непреложный принцип. Не будь он увлечен поединком со своим автоматом, он бы без колебаний уклонился от встречи с Железной Орхидеей и Лордом Квинским. Лишь однажды, много веков назад, Лорд Кархародон изменил себе, сойдясь с одним из путешественников во времени, но тот прожил недолго, а от воскрешения заранее

отказался.

Презрение всех и вся — вот что служило причиной затворничества Лорда Кархародона. Он презирал окружающих, планету, вселенную, само бытие. По сравнению с ним Вертер де Гете был оптимистом. Однажды Вертер попытался сблизиться с Лордом Кархародоном, но тот пресек его дружеские намерения, рассудив, что Вертер не лучше других — такой же жеманный и недалекий.

На Краю Времени Лорд Кархародон был последним истинным циником, а его единственным вожделением была смерть. Но вот найти ее он не мог. Раны, которые он время от времени получал в поединке со своим автоматом, быстро затягивались, а попытки самоубийства всякий раз заканчивались конфузом.

Возвращаясь домой с очередной дуэли со своим двойником, Лорд Кархародон чувствовал лишь слабую боль в плече, проклиная за неловкий удар противника, не сумевшего воспользоваться благоприятным моментом, чтобы поразить его насмерть. Возможность поединка с новым противником лорда Кархародона не вдохновляла. Он был уверен, что Герцог Квинский не в состоянии научиться фехтовать в такой степени,

чтобы одержать верх и убить его, и потому считал дуэль с ним пустой тратой времени. В то же время, после недолгого размышления, он счел невозможным отказаться от договоренности с Герцогом. По его разумению, такой шаг сравнял бы его с презренными окружающими, лишив чувства превосходства над ними, что было его единственным утешением. Нельзя не сказать, что амбиции Лорда Кархародона ни на чем не основывались, ибо сам по себе он не только не обладал ровно никакими созидательными талантами, но и ни малейшим воображением, уступая всякому на Краю Времени, где каждый в той или иной степени был артистом. Даже свою маску акулы Лорд Кархародон изготовил не сам. Ее придумал и смастерил его друг, странник во времени. Вероятно, непригоже предполагать, что тот специально подшутил над Лордом Кархародоном (который воспринял маску всерьез и носил с присущей ему кичливостью), но, вместе с тем, хорошо известно, что лица, лишенные чувства юмора, зачастую становятся объектом насмешек со стороны тех, кто наделен этим чувством хотя бы в самой незначительной степени.

Родители Лорда Кархародона (о которых он ничего не знал), должно быть, поставили себе

целью явить на свет настоящего мизантропа, чтобы противопоставить его всем другим обитателям Края Времени. Если это действительно так, они полностью преуспели в своем намерении. За свою почти тысячелетнюю жизнь Лорд Кархародон появлялся в обществе лишь два раза, во втором случае (три века назад) почтив своим присутствием Черный бал, который давал Монгров. Однако у Монгрова он пробыл не более получаса, категорически заключив, что бал столь же пуст и никчемен, как и все другие начинания на планете. Одно время Кархародон подумывал о переселении в другую эпоху, но, покопавшись в истории, он пришел к сладостной мысли, что любая из них столь же суетна и безнравственна. Отказавшись от своего замысла, Лорд Кархародон решил довольствоваться неприятием окружающих, в то же время продолжая искать путь к смерти. Результатом этих изнурительных поисков и стали изготовленные им автоматы (чего не сделаешь при крайней нужде). Ради объективности скажем: Лорд Кархародон сделал автоматы своими копиями не из эгоцентризма, а просто из-за отсутствия у него элементарной фантазии.

Потерпев неудачу в поединке со своим автоматом, Лорд Кархародон медленно брел домой,

подымая ногами, обутыми в серые башмаки, коричневатую пыль, хоть как-то оживлявшую пересохшую землю. Через некоторое время он подошел к унылой прямоугольной постройке, притиснутой к подножию осевшей горы. У единственной небольшой двери в дом Лорда Кархародона встретили два неподвижных странника, оба копии своего хозяина. Миновав стражников и поднявшись по узкой, чуть освещенной лестнице, он очутился в квадратной комнате, ничем по виду не отличавшейся от других комнат дома. Горестно усмехнувшись, Лорд Кархародон уселся на серый металлический стул и погрузился в раздумье. Ничего нового в голову ему не пришло: отказаться от поединка с герцогом Квинским было немыслимо. Разве что, решил он, торопиться не следует — чем позже состоится дуэль, тем лучше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой на краю времени появляются нежелательные пришельцы

Расхаживая по потолку в своем новом дворце, Герцог Квинский заметил в окне Епископа Тауэра, который с любопытством заглядывал в

комнату, задрав голову.

— Спустимся на пол? — спросил Герцог Железную Орхидею и, истолковав ее кивок за согласие, повернул драгоценный камень в одном из своих Колец Власти.

— Немудреный замысел, но зато сколько вкуса! — со знанием дела сказал Епископ, успевший войти и теперь выглядывавший в окно.

А посмотреть было на что: земля и небо поменялись местами — внизу голубело схожее с морем небо, а вверху, устремив кроны вниз, шелестели деревья.

— Это освежает, создает настроение, — ответил польщенный Герцог. — Впрочем, моей заслуги здесь нет. Идею предложила Железная Орхидея.

— Вовсе нет, — запротестовала она. — Я ее позаимствовала у Сладкого Мускатного Ока. Кстати, как она себя чувствует?

— Оправилась полностью, хотя, как вы знаете, ее воскрешение не прошло гладко, — ответил Епископ. — Мы чуть было не опоздали.

— А мы только что видели Лорда Кархародона, — сообщила Железная Орхидея. — Представьте, он вызвал Герцога Квинского на дуэль.

— Не совсем так, душистый цветок, — тактично поправил Герцог. — Как такового вызова не

было. Мы просто договорились с Кархародоном о поединке.

— О поединке? — удивленно воскликнул Епископ Тауэр, чуть не зацепив густыми бровями надвинутую на лоб высокую зубчатую корону. — И что, этот поединок связан с насилием?

— В какой-то степени, — степенно ответил герцог. — Думаю, без крови не обойдется. Эти прутья… — он вопросительно посмотрел на Железную Орхидею.

— Шпаги, — подсказала она.

— Ах, да! Так вот эти шпаги — с острием на конце. Похоже, могут продырявить кого угодно. Мы их и раньше видели — на картинах. Помнится, одни принимали их за предметы древнего культа, другие — за символ власти. Оказывается, все ошибались: они предназначены для убийства.

— Все это трудно осмыслить, впрочем, как и другие развлечения прошлого, — заметил Епископ. — А скажите, милейший Герцог, чтобы взять в руки шпагу, надо прежде разгневаться?

— Насколько я понял, совершенно необязательно.

Постепенно разговор перешел на другую тему. Вспомнили о бесследно пропавших Лорде Джеггеде Канари, Джереке Карнелиане и его

возлюбленной Амелии Андервуд, а заодно об исчезнувших Латах, пришельцах с другой планеты.

— Все-таки удивительно, куда все подевались, — сказала Железная Орхидея. — Кстати, те Латы на самом деле были воинственны?

— Еще как! — ответил Епископ. — Потому мы и не сумели наладить с ними контакт. Однако лучше продолжить беседу позже. Не забывайте, нас ждет Шарлотина.

Разговор закончился тонким комплиментом Епископа, похвалившего новый наряд Железной Орхидеи — пробковый шлем и короткое темно-синее платье с глубоким вырезом (веселенький фасон платья она переняла у одной из дам в кафе «Роял» девятнадцатого столетия). Правда, деликатный Епископ не обмолвился об ее усах, которые, на его взгляд, нарушали гармонию.

Через некоторое время Герцог Квинский, Епископ Тауэр и Железная Орхидея уселись в воздушный экипаж Герцога и отправились в Миледи Шарлотине на озеро Билли Кид, где она устраивала прием по случаю благополучного возвращения на Край Времени.

Преодолев несколько сотен миль, Герцог и его спутники увидели в воздухе еще один экипаж

— большую надгробную плиту из пурпурного мрамора. На плите восседал Вертер де Гете. Его мертвенно-бледное лицо, исполненное выражения меланхолии, резко контрастировало с надетой блузой из черного материала. И все же потому, что Вертер наконец выбрался из своего мрачного замка, можно было понять, что он, вероятно, пришел в себя после ошеломляющего сюрприза, преподнесенного ему Миссис Кристией, Неистощимой Наложницей. Как бы там ни было, Вертер не оставил без внимания дружеский оклик Герцога и поравнялся с его экипажем.

— Вы не к Миледи Шарлотине, унылый Вертер? — спросила Железная Орхидея.

— К ней, хотя, не сомневаюсь, получу у нее новое потрясение. Кстати, вы уже видели пришельцев?

— Пришельцев? — удивленно вскликнул Герцог. — Из космоса?

— Не знаю. По виду они гуманоиды. Миледи Шарлотина поместила их под силовой купол. Вы тоже к ней? Мы еще увидимся?

— Увидимся, печальный отпрыск Природы, — пообещала Железная Орхидея.

Восприняв обращение за изысканный комплимент, Вертер улыбнулся обескровленными

губами и устремился вперед. Экипаж Герцога последовал за надгробной плитой.

Вскоре Герцог и его спутники увидели внизу озеро, окаймленное небольшими горами. От середины озера расходилась мелкая рябь, в которой угадывалась энергетическая труба подводного дворца Шарлотины. Герцог набрал высоту и направил машину к куполообразной мерцающей массе зеленоватого воздуха. Опустившись у подножия почти неразличимого купола, он припарковал экипаж. Кругом стояли машины, толпились гости.

— Железная Орхидея! Герцог! Епископ! Идите сюда, мне удалось добыть для зверинца прекрасное пополнение, — раздался голосок Шарлотины, которая пробиралась через толпу, опираясь на руку Вертера. Ее обнаженное тело украшали черные и белые полосы. Подойдя ближе, она хихикнула и с удовольствием пояснила: — Обзавелась новыми путешественниками во времени. Увидите, сколько их. Такого улова у меня еще не было. — Она снова хихикнула и шутливо продолжила: — Браннарт корчит кислую мину, а я довольна: теперь моя коллекция лучше всех.

Услышав свое имя, стоявший неподалеку Браннарт Морфейл отделился от своих собеседников

и, приблизившись к обступившим Шарлотину гостям, пробурчал хриплым голосом, вперив взгляд в Железную Орхидею:

— Всему виной ваш сын! Да и Лорд Джеггед хорош! Где он? — Глаза Браннарта горели. Было видно, он поглощен какой-то идеей.

— Я не знаю, — растерянно ответила Железная Орхидея. — После нашего возвращения мы его ни разу не видели. Я горюю. Без него порой скучно.

— Вам не долго скучать, хрупкий цветок, — проворчал Браннарт и, сделав таинственное лицо, торжественно удалился, неторопливо передвигая кривые ноги с изуродованными ступнями и волоча горб, придававший ему вид истинного ученого.

Миледи Шарлотина подвела окружавших ее гостей к почти невидимой стене силового купола. Железная Орхидея от удивления поднесла руку ко рту.

— Они наделены разумом? — спросила она.

— Примитивным, — ответила Шарлотина. — Но они буйствуют. Нам еще не удалось с ними толком поговорить.

Изнутри купола, пробив стену, с грохотом вырвались огромные языки пламени.

— Вот так все время, — пожаловалась Шар-

лотина гостям. — Того и гляди, всех сожгут. Я включила автоматический переводчик, но уговоры на них не действуют. Молчат, словно воды в рот набрали.

Железная Орхидея с нескрываемым интересом обвела взглядом пришельцев. Их было около тридцати. На каждом был костюм в зеленоватых и коричневых пятнах и металлический шлем, а за плечами виднелся какой-то предмет, который она приняла за отключенный дыхательный аппарат. В руках каждый держал металлическую трубу с рукояткой, похоже, из пластика (не иначе как источник языков пламени). Лица пришельцев были в кровоподтеках, ссадинах и масляных пятнах.

— Они выглядят утомленными, — сочувственно заключила Железная Орхидея. — Вероятно, путешествие им далось нелегко. Откуда они?

— Не знаю, — ответила Шарлотина. — На открытом воздухе им, вроде, не по себе, вот я и поместила их под силовой купол. А здесь, вы видели, они буйствуют. Четверых гостей уже пришлось воскрешать. Впрочем, я думаю, эти пришельцы когда-нибудь успокоятся. Как, по-вашему, Герцог Квинский?

— Несомненно. Они скоро устанут.

— Их так много! — вступил в разговор Епископ, теребя мочку уха.

— Удивительный случай, — задумчиво подтвердил Герцог. — Вертер, это по вашей части. Как, вы считаете, из какого они столетия?

— По-моему, из двадцатого.

— А не из более позднего? — усомнился Епископ Тауэр.

— Может, из двадцать пятого.

— Пожалуй, так. — Епископ кивнул. — А среди ваших гостей, Миледи Шарлотина, есть кто-нибудь из двадцать пятого века?

— Никого. Вы же знаете, из Эпохи Рассвета к нам нечасто заглядывают. Кажется, в зверинце Доктора Волоспиона…

Закончить пояснение Миледи Шарлотине не удалось. Ее перебила появившаяся Миссис Кристия.

— Какие очаровательные животные! — восхитилась она, облизнув сочные губы. — Завидую тебе, Шарлотина. Когда ты ими обзавелась?

— Недавно. Только не имею понятия, когда они объявились.

Изнутри силового купола снова вырвались языки пламени, на этот раз менее интенсивные. Один из путешественников во времени бросил

свою трубу, скривил рот и сердито сверкнул глазами. Кое-кто из гостей захлопал в ладоши.

— Был бы с нами Джерек… — протянула Железная Орхидея. — Он умеет обращаться с подобными существами. А где их машина?

— Загадка! — ответила Шарлотина. — Даже Браннарт не обнаружил ее. Он считает, что машина, должно быть, вернулась в свое столетие — такое случается. Но его удручает, что приборы, с которыми он так носится, не засекли ее появления. Недаром он ходит мрачнее тучи. — Шарлотина замолчала, заметив Гэфа Лошадь-в-Слезах. Она оставила Вертера и подошла к Гэфу.

— Вы уже видели моих путешественников во времени? — спросила она.

— А вы уже видели мои новенькие копыта? — Гэф приподнял штанины, рассмеялся и, подхватив Шарлотину под руку, увлек ее в сторону.

Проводив Шарлотину взглядом, Епископ Тауэр приблизился к стене купола и громко сказал, устремив взор на одного из пришельцев:

— Мы рады видеть вас на Краю Времени. Из-за стены донеслись нечленораздельные звуки.

— Откуда вы? — поддержала Епископа Железная Орхидея.

Внезапно из-за стены послышался внятный

голос:

— Помните, рядовой: только имя, звание, личный номер — ничего больше.

— Сержант, они хотят знать, откуда мы прибыли.

— Хорошо, сообщите.

— Я — Кевин О'Двайер, — сказал пришелец, переводя взгляд с Епископа на Железную Орхидею. — Рядовой первого класса, личный номер — 0008859376. Мы все с планеты Земля.

— Из какого столетия? — спросил Герцог Квинский. О'Двайер вопросительно посмотрел на сержанта. — Вы — командир. Может быть, ответите сами?

— Хватит болтать! — гаркнул сержант. — Наше дело сражаться.

— Так вы солдаты? — воскликнул Герцог. Его лицо расплылось в улыбку.

Сержант вздохнул. — А кто же мы, по-твоему, парень?

— Но это же замечательно! Вы-то мне и нужны.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой герцог Квинский ищет инструктора

Через некоторое время, убедившись, что солдаты утихомирились, Шарлотина освободила их командира, назвавшегося сержантом Генри Мартинецем (личный номер — 0008832942). Невозмутимо выдержав град вопросов, он, наконец, ответил:

— Признаться, не знаю, на какую планету нас занесло, но предупреждаю: вам не одурачить нас маскарадом, мы проинформированы обо всех уловках альфацентавриан.

— Кто такие альфацентавриане? — спросила Шарлотина у Вертера.

— Они существовали еще до Эпохи Рассвета, — пояснил он. — Разумные лошади.

— Ага, вы признались, кто вы на самом деле! — воскликнул сержант. — Будь я проклят, если не так.

— Он принимает нас за лошадей? — удивился Епископ Тауэр, высоко подняв брови. — Вероятно, оптический обман, связанный с…

— К чему лишние разговоры? — прервал его

Мартинец. — Мы — военнопленные. Насколько я понял, Женевскую конвенцию в системе Альфы Центавра не признают, но в любом случае…

— Это — звездная система, — снова пояснил Вертер, не дослушав сержанта. — Сейчас ее уже нет, но, помнится, в двадцать четвертом столетии земляне воевали с альфацентаврианами, а эти солдаты по виду из того века. Кстати, я вспомнил, альфацентавриане умели летать, как птицы.

— Мы называем вас грифами, — буркнул Мартинец.

— Вы ошибаетесь, сержант, — авторитетным голосом произнесла Шарлотина. — Мы не лошади и не грифы. Мы — ваши потомки, правда, очень далекие. Вы не узнаете свою планету? Среди нас есть китаец из двадцать седьмого века, почти ваш современник. Он подтвердит мои слова. — Шарлотина обвела глазами гостей. — Где Ли Пао? — Оказалось, тот еще не приехал.

— Кажется, вы пытаетесь меня убедить, якобы вихрь, подхвативший нас за Меркурием, занес нас в далекое будущее, — с ухмылкой сказал сержант. — Зря стараетесь, вы меня не собьете. Мы проинструктированы, как вести себя на допросе. Не тратьте попусту время, я вам ничего не скажу. Поместите нас в лагерь, убейте или поступите

с нами, как знаете, согласно своим обычаям. Солдатам дано победить или пасть в бою. Бывает и плен, но мы и к этому подготовлены. Вы меня поняли?

— Не совсем, — ответил Епископ Тауэр, — но то, что вы рассказываете, весьма интересно.

Недовольно буркнув что-то себе под нос, сержант Мартинец опустился на землю.

— Разве вы больше нам ничего не скажете? — разочарованно произнесла Миссис Кристия. — А вы не хотите заняться со мной любовью, сержант?

Марганец посмотрел на нее с презрительным интересом.

— Солдаты не промахи и в любви.

— Какая прелесть! — воскликнула Миссис Кристия и обернулась. — Ты не станешь возражать, Шарлотина, если мы с Мартинецем позабавимся?

— Конечно, нет.

Миссис Кристия села рядом с сержантом и погладила его по стриженой голове. Мартинец надел шлем, который он снял, как только выбрался из-под купола, затем скрестил руки и уставился вдаль отрешенным взглядом. Миссис Кристия погладила его по руке. Он отстранился.

— Я не понимаю вас, — сказала она.

— Если вы хотите таким путем выудить у меня информацию, знайте: у вас ничего не выйдет. Кроме того, любовь должна быть взаимной.

— Может, вы хотите уединиться со мной?

На израненном лице Мартинеца появилась ироническая улыбка.

— Неужто вы решили, что я готов… — он на секунду задумался и продолжил: — Проявить свою расторопность на виду у толпы?

— Ах, конечно, — Миссис Кристия сконфузилась. — Простите меня за бестактность, ноя давно не общалась с путешественниками во времени. Не беспокойтесь, я все устрою.

Между тем Железная Орхидея заметила, что кое-кто из солдат заснул.

— Они устали и, наверное, голодны, — сочувственно сказала она. — Миледи Шарлотина, может, их накормить?

— Я отправлю солдат в зверинец, — ответила Шарлотина. — О них там позаботятся.

* * *

Прошло около месяца. За это время мало что изменилось, однако кое-что, несомненно, заслуживает внимания. Почти все солдаты из двадцать

четвертого века, хотя и не примирились со своим положением, но все-таки сумели уразуметь, что очутились в далеком будущем, лишь некоторые все еще полагали, что оказались в руках коварных альфацентавриан. Сержант Генри Мартинец, не забывая поддерживать боевой дух подчиненных, все же не устоял перед неотразимыми чарами Неистощимой Наложницы. Миссис Кристия нашла себе и новое занятие по душе, взявшись за изучение языка цветов. Она часами прислушивалась к их шепоту, иногда подавая уместные реплики. Зато Браннарт Морфейл все эти дни пребывал в прескверном расположении духа, непрестанно ворча и жалуясь на появившиеся сбои в природе времени. Алый О'Кэла превратился в морского льва и на время исчез. Герцог Квинский дважды писал Лорду Кархародону, напоминая о достигнутом соглашении, но ответа не получил.

А теперь продолжим повествование, заглянув к Герцогу Квинскому, который принимал у себя Железную Орхидею.

— Лорд Кархародон разочаровывает меня, — пожаловался Герцог своей обворожительной гостье, едва увидев ее. — Сейчас, когда мы отказались от возведения континентов и городов, самое время найти увлекательное занятие, но Кархара-

родон так и не прислал мне инструктора. Мне пришлось воспользоваться любезностью Шарлотины и приютить у себя О'Двайера, но оказалось, что тот сроду не держал в руке шпагу. Говорит, что хорошо владеет ножом, но, насколько я понимаю, шпага и нож — вещи разные. Впрочем, кое-что я у него перенял. Оказывается, прежде чем выйти на поединок, следует увериться в том, что превосходишь соперника некими примитивными чувствами и чертами характера. О'Двайер упомянул любовь, ненависть, благородство, коварство…

— А вам не кажется, Герцог, что некоторые из этих понятий противоположны?

— В том-то и дело.

— И вы считаете, что всем этим наделены?

— Большей частью, — самодовольно ответил Герцог. — Хуже с патриотизмом. О'Двайер толкует, что без него не ступить и шагу. Похоже, надо отождествлять себя со своей территорией, воспринимая нападение на нее как собственную беду. Этим я несколько озадачен, хотя, послушать О'Двайера, трудность невелика. Он легко воспринимает патриотизм как любовь к целой планете.

— Для этого нужна ловкость?

— Да, он не промах, как и сержант. Так вот,

вооружившись теми чувствами, о которых я говорил, и закалив свой характер, можно приступить к организации поединка. Вся хитрость в том, что ты оскорблен соперником или лишен неких благ, которыми тот несправедливо располагает. Можно поступить и наоборот: внушить своему сопернику, что ему нанесли обиду или ущемили в правах. Все это довольно заумно, но, по словам О'Двайера, весьма эффективно. Методика хороша не только для организации поединка, но, говоря словами О'Двайера, и для самой настоящей войны, как между отдельными государствами, так и между планетами, причем чем масштабнее столкновение, тем больше убитых. Солдаты воевали с альфацен-таврианами, они знают, что говорят.

— По словам Вертера, земляне победили альфацентавриан, — заметила Железная Орхидея. — Вероятно, в той войне было много убитых. Их воскрешали?

— Нет, наипрелестнейший из цветков. В те времена искусством воскрешения не владели.

— Выходит, смерть навсегда обрывала жизнь?

— Да! — твердым голосом сказал Герцог.

— Как необычно.

— В то время на Земле было слишком много

людей.

— Разумное объяснение, — протянула Железная Орхидея.

— К тому же, — продолжил Герцог, — обитатели тех времен и не помышляли о воскрешении. Наоборот, они умножали число убитых. Если кого-то из них убивали, оставшиеся в живых предавались скорби, а чтобы избавиться от этого неприятного чувства, они убивали как можно больше своих противников, понуждая других вкусить те же чувства, и, как следствие, ответить адекватными действиями. И так — без конца.

— Но это неэстетично.

— Согласен. Тем не менее, нам не стоит отказываться от уже сложившегося искусства.

— Убийство — это тоже искусство?

— Так говорит О'Двайер.

— И все-таки странно… — начала Железная Орхидея, но объяснить причину недоумения не успела: в комнату, хрустя яблоком и обнимая за талию раскрашенную девицу, вошел О'Двайер. Едва взглянув на девицу (плод творчества Герцога, как тот успел шепнуть своей гостье), Железная Орхидея скосила глаза на живот О'Двайера, успевший удивительно вырасти (заметим, результат не только чревоугодия, но и праздности).

— Герцог! Леди! — голос солдата заставил Железную Орхидею оторваться от любопытного зрелища.

— Нам, вроде, пора, О'Двайер… — Герцог задумался, поджав губы, затем продолжил: — В гимнастический зал? — В его голосе, как к своему удивлению, подметила Железная Орхидея, не обошлось без просительной нотки.

— Можно и в зал, — согласился О'Двайер.

— Пойдемте с нами, Железная Орхидея, — галантно предложил Герцог. — Вы получите удовольствие.

Гимнастический зал оказался большой и почти пустой комнатой, все убранство которой, за исключением нескольких расставленных вдоль стен кресел, составляли свисавшие с потолка канаты и мешки грушевидной формы, по виду туго набитые.

Железная Орхидея озадаченно опустилась в одно из кресел и с не меньшим недоумением перевела взгляд на Герцога, который, едва войдя в зал, принялся остервенело подпрыгивать. Оставив это занятие, он вскарабкался по одному из канатов до потолка, опустился и полез по другому. Снова опустившись, Герцог взял в руки шпагу и с пронзительным криком ткнул ею в ближай-

ший мешок. Затем, не выпуская из рук: оружия и немного согнув колени, он начал передвигаться быстрыми пружинистыми движениями, время от времени подаваясь вперед, чтобы вонзить шпагу в один из мешков.

Все это время О'Двайер сидел, развалившись в кресле, то бросая взгляд на устроившуюся рядом девицу, то подавая команды Герцогу, ни одной из которых Железная Орхидея не поняла. Посчитав неприличным безмолвно наблюдать за усердием Герцога, она принялась подбадривать его криками, но вскоре нашла это занятие утомительным. Видимо, потому Железная Орхидея стремительно поднялась, когда заметила появившуюся в дверях фигуру. Подойдя ближе, она увидела, что на вошедшем маска акулы.

— Лорд Кархародон! — воскликнула Железная Орхидея. — Герцог Квинский ждет — не дождется вас.

— Я — не Лорд Кархародон, — последовал бесстрастный ответ. — Я — его автомат, инструктор по фехтованию. Прислан Лордом Кархародоном подготовить Герцога Квинского к поединку.

— Я весьма рада, что вы пришли, — сказала Железная Орхидея, облегченно вздохнув.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Развлечения на старинный манер

— А мне кажется, дело в том, — рассудительно сказал сержант Мартинец, вынимая изо рта сигару и окутываясь голубым дымком, — что мы раскисли, размякли, забыли о своем долге, о дисциплине. — Он испытующе посмотрел на солдат, рассевшихся перед ним в казарме, сооруженной Шарлотиной по его просьбе. Здесь было гораздо удобнее, чем в зверинце.

— Война окончилась, сержант, — возразил рядовой Ган Хок. Он ухмыльнулся. — Говорят, около двух миллионов лет назад. Альфацентавриане побеждены.

— Те, кто так говорит, может, и правы, — мрачно процедил Мартинец. — А что, если нас обманывают? С грифов станется. Уверяют нас, что война окончена, чтобы мы не думали о побеге.

— Грифы не стали бы так долго церемониться с нами, — предположил рядовой Плеханов.

— Возможно, возможно, — задумчиво сказал Мартинец. — Но как бы то ни было, нам пора сматываться отсюда.

— Никак вас отшила девчонка, сержант? — подал голос рядовой Денериз.

Солдаты дружно загоготали, но тут же прикусили язык, заметив, как лицо командира покрывается багровыми пятнами.

— Вы, наверное, разработали план, сержант? — стараясь разрядить обстановку, дипломатично спросил рядовой Джордж. — А как с машиной времени?

— Такие машины здесь есть. Мы же вместе говорили с этим парнем Морфейлом.

— А он даст нам одну?

— Отказывается, — поморщившись, ответил сержант. — Что вы на это скажете, рядовой Денериз?

— Нас не хотят выпускать отсюда! — выпучив глаза, выпалил рядовой.

— Верно, — похвалил Мартинец.

— Что же нам делать, сержант? — спросил рядовой Ган Хок.

— У нас есть мозги. Надо ими только пошевелить, — ответил Мартинец, уставившись на тлеющий кончик своей сигары. — Нам необходимы заложники, — степенно добавил он и пустился в пояснения своего плана. Солдаты придвинулись к командиру, одни охотно, другие

— чтобы не выделяться: перспектива вернуться к исполнению своих служебных обязанностей привлекала не всех.

* * *

В тот день ознакомиться с планом сержанта не довелось одному О'Двайеру. Он по-прежнему квартировал у Герцога Квинского, ведя еще более праздную жизнь, чем до появления автомата, который освободил его от обязанностей инструктора. Тем не менее, О'Двайер продолжал следить за успехами Герцога и время от времени заходил в гимнастический зал Автомат не только фехтовал с Герцогом, но и не скупился на пояснения, главным образом, подавая команды, смысл которых дошел до О'Двайера только со временем: автомат был запрограммирован говорить по-французски. Зато Герцог оказался на высоте. Уже после первых занятий, перед тем как скрестить шпаги с противником, он неизменно выкрикивал: «Защищайтесь, мосье!», а, получив укол в грудь (естественно, не причинявший ему вреда), галантно произносил «Удачный выпад, мосье!».

Вскоре Герцог решил, что фехтование — лучшее времяпрепровождение. Все прежние развлечения теперь казались ему безжизненными и

пресными. Он перестал приглашать гостей, не выезжал сам. Из гимнастического зала каждый день, чуть ли не постоянно, доносились топот, звон клинков и перемежающиеся голоса: один размеренный и спокойный, другой — громкий и возбужденный. Старательность и прилежание Герцога дали о себе знать. Он все реже прибегал к огорчительному признанию «Удачный выпад, мосье!» и все чаще с удовольствием восклицал: «Защищайтесь!».

Однажды утром, когда О'Двайер в очередной раз зашел в зал, Герцог не без довольства признался, что готов к поединку с Лордом Кархародоном.

— Решили, что теперь фехтуете не хуже этого парня? — спросил солдат.

— Автомат передал мне все свои знания, — ответил Герцог, снимая фехтовальную маску с золотой проволочной сеткой для защиты лица. — Полагаю, пора отправиться к Лорду Кархародону и договориться о месте и времени поединка.

— Не возьмете меня с собой?

— О чем речь! Если это доставит вам удовольствие…

— Договорились! — сказал О'Двайер и двинул Герцогу кулаком в живот. — Признаться, изнываю от скуки. Не грех встряхнуться.

Герцог заморгал, чуть отпрянул и недоуменно посмотрел на О'Двайера. Затем, придя к мысли, что экстравагантный поступок солдата — дополнительный пример странности обитателей далекого прошлого, он решил воспользоваться моментом, чтобы в свою очередь поразить собеседника.

— Посмотрите, О'Двайер, какие у меня мускулы, — хвастливо проговорил Герцог. — Появились сами собой. Как необычно!

О'Двайер благожелательно кивнул и достал из кармана яблоко.

* * *

Миледи Шарлотта и Железная Орхидея, утомленные любовной утехой, возлежали на атласных подушках в лениво парившем аэрокаре, имевшем вид фантастического грифона. Неожиданно Шарлотина, подняв золотистую голову, заметила впереди дворец Герцога Квинского. Предложение навестить Герцога было встречено одобрительно. Оставив аэрокар, Шарлотина и Железная Орхидея заскользили по воздуху, направляясь к ближайшей двери дворца.

— Ты, кажется, дорогая, относишься настороженно к новому увлечению Герцога, — спросила

воркующим голосом Шарлотина.

— Я буду жалеть, если его затея закончится неудачей. Герцог спит и видит, что станет зачинателем новой моды.

— А я считаю, Герцог своего не упустит. Это сражение…

— Дуэль, — поправила Железная Орхидея.

— Вот я и говорю, эту дуэль все только и ждут. Надеюсь, Герцог не подведет.

Шарлотина и Железная Орхидея влетели в дверь и заскользили по длинному дугообразному коридору. Из ниш, равномерно утопленных в его стенах, лилось мелодичное пение забавных маленьких человечков.

— А когда состоится дуэль? — поинтересовалась Шарлотина.

— Узнаем у Герцога. Он сейчас берет уроки у автомата, присланного ему Лордом Кархародоном.

— Лорд Кархародон необычайно таинственен. Говорят, дуэль его единственная забава.

— Я сама с ним едва знакома. Знаю только, что он избегает общества, ведет жизнь затворника. А вот и гимнастический зал. Вероятно, мы найдем Герцога здесь.

Железная Орхидея как в воду глядела. Герцог был в зале. Закончив урок, он снимал стеганый

нагрудник из кожи.

— Как вы красивы и мускулисты, — сказала с упоением Шарлотина. — Вы умело воспользовались Кольцом.

— Кольца Власти здесь ни при чем. Своей фигуре я обязан физическим упражнениям. — Герцог поиграл мускулами. — Поступаю на старинный манер.

— А когда состоится ваша дуэль с Лордом Кархародоном? Мы все в нетерпении.

Герцог зарделся от удовольствия.

— Я как раз сегодня собираюсь навестить Лорда Кархародона. Место и время дуэли должен определить он. Со мной вызвался поехать О'Двайер. — Герцог жестом указал на солдата, развалившегося в одном из кресел. — Может быть, и вы составите мне компанию?

— Мне кажется, Лорд Кархародон не жалует посетителей, — ответила Железная Орхидея.

— Вы думаете, он не проявит гостеприимства?

— Не хочу попасть в неудобное положение.

— Вы, как всегда, тактичны и дальновидны, — сказал Герцог с поклоном.

Тем временем Шарлотина завела разговор с О'Двайером.

— Вы видели в последнее время кого-нибудь из

своих приятелей? — спросила она.

— Никого. — О'Двайер зевнул.

— Представьте, они пропали. Я их одарила аэрокаром и Кольцами Власти. Решила, пусть развлекутся. И что же? Они исчезли.

— Никуда не денутся, возвратятся.

— Надеюсь. Если они в чем-то нуждаются, им стоит только сказать. — Миледи Шарлотина улыбнулась и, оставив О'Двайера, подошла к Герцогу. — Не станем вас больше задерживать. Полагают, ваша встреча с Лордом Кархародоном пройдет успешно. Если вы договоритесь о времени и месте дуэли, сообщите об этом нам, а мы с Железной Орхидеей оповестим остальных.

Герцог изысканно поклонился.

— Вы узнаете первыми о договоренности с Лордом Кархародоном.

— Это и есть ваша шпага? — спросила Шарлотина, взяв в руки оружие и поглаживая клинок. — Будет и у меня. А вы научите меня фехтовать.

* * *

— Дорогая, ты проявила себя во всем блеске, — заметила Железная Орхидея, вернувшись вместе с Шарлотиной в аэрокар. — Лучше того, что ты сказала Герцогу Квинскому, не придумаешь.

— Целеустремленность следует поощрять.

— Мне кажется, и ты заговорила на старинный манер.

— Я тоже учусь, — скромно ответила Шарлотина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Условия дуэли

Привлеченный сигналом тревоги, Лорд Кархародон поднялся со стула и подошел к монитору. Взглянув на экран, он увидел аэрокар в форме коршуна, а в гондоле аэрокара — две фигуры, пока еще едва различимые. Аэрокар приблизился, и в одной из фигур Лорд Кархародон узнал Герцога Квинского. Рядом с ним стоял какой-то толстяк в пятнистом темно-зеленом костюме. Отдав распоряжение автоматам впустить визитеров, Лорд Кархародон снова опустился на стул, придя к мысли, что Герцог Квинский, отчаявшись постигнуть искусство боя на шпагах, намеревается отказаться от поединка. На лице Лорда Кархародона появилась сардоническая улыбка — поединок не состоится, и больше никто не вторгнется в его жизнь, а с жизнью он сумеет покончить и сам.

Заметим, Лорд Кархародон был единственным

обитателем Края Времени, кто не слышал о надвигавшемся Конце Света, а узнай он об этом, он стал бы единственным, расценившим эту перспективу как благодатную (остальные обитатели Края Времени, за исключением, пожалуй, Лорда Джеггеда Канари, просто не утруждали себя раздумьями о Конце Света). Добавив небольшой штрих к характеристике Лорда Кархародона, продолжим наше повествование.

Заслышав в коридоре шаги, Лорд Кархародон нажал кнопку. Дверь отворилась, и в комнату в сопровождении своего спутника вошел Герцог Квинский. На нем был костюм из перьев с кружевными манжетами.

— Лорд Кархародон, я пришел за дальнейшими инструкциями, — сказал Герцог с поклоном, после чего погладил себя по черной окладистой бороде и с любопытством огляделся по сторонам.

— Кто с вами? Ваш секундант?

— Рядовой О'Двайер.

— Из 46-ой звездной эскадры, — добавил солдат. Лорд Кархародон украдкой вздохнул.

— Поговорим в оружейной, — предложил он. Оружейная оказалась квадратной комнатой, сплошь уставленной рядами стоек и стеллажей с самым разным оружием, собранным в свое время

приятелем Лорда Кархародона, путешественником во времени.

— Вот это да! — воскликнул О'Двайер. — Целый арсенал! — Он подошел к одной из стоек и взял в руки энергетическое ружье. — Оно заряжено?

— Здесь все заряжено и готово к бою, — сухо ответил Кархародон и, предоставив солдату глазеть на свою коллекцию, отвел Герцога в сторону.

— Если вы, милорд Герцог, хотите расторгнуть нашу договоренность, то, знайте, я нисколько не возражаю и буду только доволен…

— Нет, нет! Как можно! — перебил Герцог, поглаживая клинок приглянувшейся ему сабли. — Великолепное оружие! Вы видите, я стал знатоком. Ваш автомат оказался прекрасным инструктором. Я готов к поединку. Да и дуэль теперь не отменишь: мои друзья только ее и ждут. Если поединок не состоится, все будут крайне разочарованы.

— Ваши друзья придут посмотреть на наш поединок? — воскликнул Кархародон, вытаращив глаза. Он всегда считал Герцога сумасбродом, но не мог даже представить, что тот захочет превратить дуэль в зрелище.

Оставив без внимания восклицание Лорда Кархародона и поставив на место саблю, Герцог

Квинский размеренно произнес:

— Вам осталось назначить место и время встречи.

— Если вы настаиваете… — Лорд Кархародон немного подумал. — Встретимся там, где я дрался на дуэли со своим автоматом.

— А когда?

— Скажем, через неделю. Вас устроит?

— Через неделю? — Герцог задумался. — Вроде, это понятие мне известно. Дайте сообразить.

— Через семь дней — после того, как планета обернется семь раз вокруг Солнца, — заметив, что пояснение не принесло результата, Лорд Кархародон мрачно добавил: — Я одолжу вам один из своих хронометров. Он подаст сигнал, когда придет время отправиться на дуэль.

— Вы очень великодушны, — ответил Герцог.

Лорд Кархародон отвернулся, чтобы скрыть раздражение, и тут же недовольно поморщился: на глаза ему попался О'Двайер — солдат расхаживал между стойками, беззаботно посвистывая. Лорд Кархародон повернулся к Герцогу.

— Мы станем драться, пока один из нас не будет убит. Вы не против?

— Нисколько. Я так и предполагал.

— Вы не боитесь смерти?

— Я уже умирал несколько раз. Конечно, воскрешение немного выбивает из колеи, но это быстро проходит.

— Я против воскрешения, Герцог. Это мое условие.

— Вы шутите?

— Я никогда не шучу, Герцог Квинский.

Герцог удивленно посмотрел на своего собеседника.

— И вы будете недовольны, если вас воскресят?

— Я сочту это за плохую услугу, сэр.

— Что же, мне остается только принять ваше условие.

— Вы еще можете отказаться.

— Да нет, я согласен.

— Вы согласны с этим условием и в отношении самого себя?

Герцог опешил.

— Вы согласны, сэр? — Лорд Кархародон пронзил Герцога взглядом.

— Остаться мертвым? Лорд Кархародон не ответил.

Герцог Квинский неожиданно рассмеялся.

— А почему бы не принять ваше условие? Ведь мы стараемся для наших друзей.

— Для ваших друзей, — поправил Кархародон.

Не обратив внимания на замечание Лорда Кархародона, Герцог Квинский продолжил:

— Кроме того, ваше условие придает поединку подлинность. Никому и в голову не придет упрекнуть меня в фатовстве. Жаль одного: велика вероятность, что я не смогу насладиться произведенным эффектом.

— Вы готовы умереть, чтобы позабавить своих друзей? Мне кажется, вы проявляете легкомыслие.

— «Легкомыслие» — не то слово. Я хочу поставить настоящее представление, проявить подлинный артистизм. Это мое давнишнее желание.

— Тогда больше говорить не о чем. Вы выберете себе шпагу?

— Полагаюсь на вас. В оружии вы разбираетесь лучше меня. Мне бы только хотелось до дня нашего поединка оставить у себя автомат. Вы не возражаете?

— Нисколько, — ответил Кархародон.

— До встречи, — Герцог Квинский отвесил поклон. — О'Двайер!

Солдат поднял голову, оторвавшись от увлекательного занятия: он разбирал на части энерге-

тическое ружье.

— Герцог?

— Мы уезжаем.

Не спеша, но явно со знанием дела, О'Двайер собрал ружье и поставил его на место. Затем нашел глазами Лорда Кархародона.

— У вас есть на что посмотреть. Как-нибудь загляну к вам.

Лорд Кархародон не удостоил его ответом. О'Двайер пожал плечами и пошел следом за Герцогом.

* * *

Сидя перед дисплеем и посматривая, как удаляется аэрокар Герцога Квинского, Лорд Кархародон попытался уразуметь, чем объясняется неожиданное согласие Герцога драться насмерть. Не найдя тому толкового объяснения, он, в конце концов, заключил, что все дело в скудоумии и бездарности всего космоса. Придя к этой утешительной мысли, Лорд Кархародон посчитал, что не совершит злодеяния, если убьет на дуэли одного из носителей этой глупости. Еще более утешительной показалась Лорду Кархародону мысль о собственной смерти, но такую возможность он расценил как чрезвычайно сомнительную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Вопрос чести

Вскоре после визита к Лорду Кархародону Кевин О'Двайер, досадуя на обидную округлость своей фигуры, отправился прогуляться в лес, примыкавший к дворцу Герцога Квинского. Однако мысли солдата были заняты не только своим раздавшимся животом. Его тревожил еще и Герцог, над которым нависла нешуточная опасность. За время, проведенное под одной крышей с Герцогом, О'Двайер проникся к нему симпатией, почитая его в душе за большого ребенка или даже за сколь добродушного, столь же и неразумного Лабрадора, нуждающегося в постоянном присмотре.

Размышляя, как уберечь Герцога от беды, О'Двайер забрел в заросли исполинских бледно-желтых нарциссов. В тени гигантских цветов царила приятная прохлада. Так и не определив, чем помочь Герцогу, О'Двайер прикинул, что сидя думать намного легче. Он опустился на землю и, прислонившись к могучему стеблю приглянувшегося нарцисса, с наслаждением вытянул ноги. Но и в такой, несомненно, удобной для плодотворного размышления позе, в голову, как

назло, ничего не шло. Несомненно, бравый солдат все-таки нашел бы выход из положения, если бы не нарциссы. Их дурманный аромат погрузил О'Двайера в состояние сладостного покоя. Его глаза стали слипаться, голова поникла, плечи обвисли. Но только поспать не дали: О'Двайера шлепнули плечу. Он вздрогнул, открыл глаза и среди высокой травы увидел голову Гана Хока. Поднеся палец к губам, Ган Хок заговорщицки прошептал:

— Ты здесь один?

— Нет, вместе с тобой, — О'Двайер гулко зевнул.

— Нашел, когда зубоскалить. Дело серьезное. Меня послал за тобой сержант. Ты разве не слышал, что нам удалось вырваться на свободу?

— Слышать-то слышал, да что толку в этой свободе?

— Как что? Мы решили вернуться обратно, к своим. Сержант говорит, иначе нас сочтут за дезертиров.

— Мы не дезертиры, — ответил О'Двайер. — Мы военнопленные. Да и как вернуться назад? Даже опытным путешественникам во времени такая попытка может оказаться не по зубам. Нам же говорили об этом.

— Сержант Мартинец считает, что нас обманывают.

— Я так не считаю. А ты?

— Неважно, — уклончиво ответил Ган Хок. — Как бы там ни было, тебе пора вернуться в отряд. Сержант разработал преинтересный план, но у нас почти не осталось боеприпасов, да и продовольствие на исходе, а с этими кольцами, которыми нас снабдили, никто не знает, как обращаться. Надо покумекать всем вместе, как пополнить наши запасы.

О'Двайер просунул руку в прорезь рубашки и задумчиво почесал живот.

— А как, по-твоему, Мартинец в здравом уме?

— Он командир. Его приказы не обсуждают. Бесспорное положение, которому он ранее неукоснительно следовал, показалось О'Двайеру неуместным.

— Скажи сержанту, что я остаюсь у Герцога. Хорошо?

— Это дезертирство! — возмутился Ган Хок. — Тебя подкупили враги. По тебе видно.

— Вокруг нас не враги, а наши потомки.

— Может быть, и потомки. Только их бы тут не было и в помине, если бы земляне не одержали победу над грифами. А мы еще ничего не

сделали для этой победы. Если ты не пойдешь со мной, значит ты дезертир, а с дезертирами не церемонятся. — Ган Хок многозначительно ткнул пальцем в висевший у него на поясе нож.

Оценив обстановку, О'Двайер капитулировал.

— Хорошо, я отправлюсь с тобой. Все равно из плана сержанта ничего не получится.

— Мартинец все рассчитал. У нас неплохие шансы вернуться назад.

Тяжело вздохнув, О'Двайер поднялся на ноги и, петляя между нарциссами, поплелся за Ганом Хоком.

* * *

— Драться на таких условиях с Лордом Кархародоном просто немыслимо, дорогой Герцог, — сказала Железная Орхидея, придавая весомость своим словам переливами кожи.

— Я уже принял эти условия, — возразил Герцог Квинский, пропуская Железную Орхидею в гимнастический зал. — Кстати, соглашаясь на них, я хотел угодить друзьям и особенно вам, наипрекраснейший из цветков.

— Вы добились обратного: я опечалена.

— Расскажите об этом Вертеру. Ему будет любопытно: печаль — его извечное состояние.

— Я еще более опечалюсь, когда Кархародон убьет вас. А победит он, я уверена.

— Чепуха! Я теперь фехтую наравне с автоматом.

— Кто знает, может, Кархародон запрограммировал его так, чтобы научить вас только основам боя.

— Не думаю. Он, как и вы, пытался отговорить меня от дуэли.

— А если это уловка, хитрость соперника?

— Лорд Кархародон не способен на хитрость.

— Да разве вы его толком знаете? Разве кто из нас хорошо знает Кархародона?

— А интуиция? Не сомневаюсь, Лорд Кархародон меня не обманывает.

Железная Орхидея одарила Герцога скептическим взглядом.

— Если вы не торопитесь, — спокойно продолжил Герцог, не заметив реакции своей собеседницы, — то сможете оценить мое мастерство. Автомат повинуется словесным командам. Сейчас я ему прикажу, чтобы он попытался нанести мне укол. — Герцог взял в руки шпагу, повернулся в сторону автомата и подал команду: — Сражаемся до укола!

Автомат, дотоле стоявший, как изваяние, мол-

ниеносно пришел в движение, обнажил шпагу и встал в позицию.

— Прошу прощения, — холодно отреагировала Железная Орхидея, — не стану мешать вам. Всего доброго, Герцог Квинский.

На этот раз неудовольствие гостьи незамеченным не осталось. Герцог растерянно посмотрел на Железную Орхидею, затем перевел взгляд на инструктора, снова взглянул на гостью, виновато пробормотал «До свидания» и решительно скрестил шпагу со шпагой противника. Железная Орхидея поспешно вышла.

* * *

Оставив Герцога, Железная Орхидея уселась в аэрокар, имевший вид райской птицы, и приказала лететь к Лорду Кархародону. Пролетев над полувозведенными и полуразобранными строениями, над Руинными Городами, равнинами, реками и лесами, райская птица опустилась около невзрачной прямоугольной постройки, притиснутой к подножию осыпавшейся горы. Оставив райскую птицу чистить перья и прихорашиваться, Железная Орхидея подошла к неказистой двери и постучала. На пороге появилась фигура в маске акулы.

— Лорд Кархародон, я пришла просить вас…

— Я не Лорд Кархародон, — прервал Железную Орхидею металлический голос. — Я его слуга. Мой господин в фехтовальном зале. Вы по важному делу?

— Да, — растерянно произнесла Железная Орхидея.

— Я доложу о вас господину, — сказал автомат и захлопнул дверь, проявив немыслимую неделикатность.

Наконец дверь снова открылась, и на пороге появился тот же слуга.

— Лорд Кархародон примет вас, — произнес он бесстрастно. — Следуйте за мной.

Автомат привел Железную Орхидею в квадратную, почти пустую комнату. Убогая скамья, неприглядный стул, какие-то уродливые устройства — вот и все, что составляло ее убранство. У дальней стены комнаты со шпагой в руке стоял Лорд Кархародон.

— Вы Железная Орхидея? — спросил он, приближаясь к гостье.

— Да, сэр. Мы с вами недавно виделись. В тот день вы вызвали на дуэль моего друга Герцога Квинского.

— Я не вызывал его на дуэль. Герцог Квинский

спросил меня, как ему исправить свою ошибку. Вы помните, он возвел континент на месте моих лишайников.

— Африку.

— Мне нет дела, как называется творение Герцога. Повторяю, я не вызывал его на дуэль, а спросил, не хочет ли он драться со мной, а когда узнал, что герцог никогда не держал в руках шпагу, то предложил ему разойтись с миром.

— Значит, вы не будете драться с ним?

— Я не желаю, мадам, играть роль шута для увеселения безрассудных и легкомысленных личностей, которых вы называете своими друзьями.

— Я не понимаю вас.

— Ничего удивительного.

— И все же я сожалею, что вы не в духе.

— С какой стати? — Лорд Кархародон искренне удивился. — Это я сожалею, что меня не оставляют в покое. Вы уже третья, кто нарушает мое одиночество.

— Ваше уединение более не нарушат, если вы откажетесь от дуэли.

— Я должен убить Герцога Квинского и тем самым преподать урок его и вашим друзьям, чье существование бессмысленно и порочно. Меня устроит и противоположный исход — если побе-

дит Герцог. Но отменить дуэль невозможно. Это вопрос чести.

— А что такое честь?

— Ваше неведение лишь укрепляет меня в моем намерении.

— Значит, вы хотите довести дуэль до убийства?

— Убить соперника на дуэли не значит совершить убийство. Впрочем, считайте, как хотите. Мне все равно.

— Но Герцог Квинский, согласившись на поединок, исходил совсем из других побуждений.

— Его побуждения меня не интересуют.

— Герцог любит жизнь, а вы ее ненавидите.

— Тогда он может отказаться от поединка.

— А почему бы вам не сделать такого шага?

— Вы не привели ни одного довода в пользу этого.

— Герцог Квинский согласился на поединок только ради того, чтобы доставить удовольствие вам и своим друзьям.

— Вот поэтому он и заслуживает смерти.

— Вы жестоки, Лорд Кархародон! — в сердцах воскликнула Железная Орхидея.

— Я руководствуюсь здравым смыслом, а не эмоциями, мадам. А рассудок мне говорит о

никчемности, безнравственности и суетности всей Вселенной. Жаль, что вы не понимаете этой истины.

— Может быть, есть и другая истина?

— Другой истины просто не существует, — Лорд Кархародон устало пожал плечами. — Кроме того, мадам, мне кажется, ваш визит ко мне совершенно бессмыслен. Нам лучше расстаться.

Не удостоив Лор да Кархародона ответом, Железная Орхидея направилась к выходу. Однако едва она приблизилась к двери, в комнате раздался звонок. Недовольно буркнув что-то себе под нос, Лорд Кархародон подошел к монитору и взглянул на экран.

— Только этого не хватало! — воскликнул он с раздражением. — Сюда направляется целая группа каких-то типов.

— Это путешественники во времени из питомника Миледи Шарлотины, — пояснила Железная Орхидея, взглянув на экрана через плечо Лорда Кархародона. — Интересно, что им здесь надо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Переговоры

— С какой стати я должен отдать им машину времени, у меня и так их немного! — раздражен-

но воскликнул Браннарт Морфейл, драматично взмахнув руками.

Его слова были адресованы Шарлотине, которая по-соседски зашла к ученому, чья лаборатория находилась рядом с ее апартаментами в Подозерье.

— У вас наверняка найдется такая, что вам не особенно дорога, — мягко ответила Шарлотина.

— Да речь идет о самой большой машине — на двадцать пять мест. Отдать такую машину — да ни за что!

— А что делать? Эти путешественники во времени оказались необычайно недружелюбными. Они опять буйствуют. Мне кажется, лучше пойти им навстречу.

— А что случится, если мы отвергнем их требование?

— Как что? Вам разве мало того, что они захватили в плен Железную Орхидею и Лорда Кархародона? Кроме того, теперь у них есть оружие. Жизни наших друзей угрожает опасность.

— Если наши друзья погибнут, мы воскресим их.

— Эти путешественники во времени угрожают, говоря их словами, применить к пленным физическое воздействие. Это связано с болью, а боль, как мне кажется, хороша только до определен-

ных пределов. Как вы считаете?

— Я считаю, что во всем виноваты вы, сначала выпустив солдат из зверинца, а затем предоставив в их распоряжение аэрокар. Воспользовавшись вашей любезностью, они ворвались к Лорду Кархародону, опустошили его оружейную, а самого Лорда Кархародона и непонятно зачем оказавшуюся у него Железную Орхидею пленили. Теперь солдаты требуют машину времени, чтобы возвратиться в свое столетие. Я как-то встречался с ними и рассказал им об эффекте Морфейла, но, выходит, они мне не поверили. Никакой машины времени они не получат.

— Но, дорогой Браннарт, — проворковала Шарлотина с нежностью в голосе, — Лорд Кархародон вскоре должен драться на дуэли с герцогом Квинским. Все наши друзья ждут этого поединка с большим нетерпением. Разве можно лишать их такого необычного удовольствия? Я знаю, и вы не прочь посмотреть на дуэль.

— Это меняет дело, — после некоторого размышления ответил Морфейл. — Пожалуй, найдется выход из положения.

— Расскажите, что вы придумали, о, самый проницательный из ученых, — попросила Шарлотина, озарив Браннарта Морфейла умильным

взглядом.

Лорд Кархародон и Железная Орхидея, связанные по рукам и ногам, сидели на полу в одной из квадратных комнат в доме Кархародона.

— Право, мы поступили вынужденно, — сказал сержант Мартинец, устремив взгляд на Железную Орхидею. — Мы слишком надолго застряли здесь. Если в самое ближайшее время нам не предоставят машину времени, нам придется действовать еще жестче. Мы пошлем ваше ухо Миледи Шарлотине.

Железная Орхидея ничего не ответила, хотя ее и подмывало спросить, зачем Шарлотине чужое ухо. Она была весьма довольна случившимся: Лорд Кархародон сидел связанный рядом с ней, и ему было не до дуэли.

— Мы голодны, пошлите робота за едой, — приказал Мартинец Лорду Кархародону, ткнув ему ногой под ребро.

Лорд Кархародон нехотя выполнил приказание, проклиная в душе сержанта, помешавшего ему наслаждаться мыслью о никчемности и безнравственности Вселенной, чему он получил новое неопровержимое подтверждение.

Тем временем на экране дисплея появилась картинка.

— Сержант, — подал голос О'Двайер, — на экране горбатый старец.

— Я сам поговорю с ним, — поспешно ответил Мартинец и подошел к монитору.

— Морфейл, что вы решили? — спросил сержант.

— Машина времени уже направлена к вам. Мартинец просиял.

— Хорошо. Как только мы получим ее, немедленно отпустим заложников.

— Верните машину обратно, Браннарт! — внезапно прокричала Железная Орхидея. — Не уступайте солдатам. Пусть делают, что хотят.

— Машина времени им не поможет, — снова раздался голос ученого. — Навсегда вернуться в прошлое невозможно. Сержант, вам лучше бросить свою затею, все равно у вас…

Мартинец убрал звук.

— Что я говорил? — сказал он, повернувшись к О'Двайеру. — План сработал.

— Мне кажется, все не так просто, — ответил солдат. — В этих краях жизнь воспринимают как развлечение. Возможно, с нами просто играют. Кроме того, с нами могут расправиться с помощью Колец Власти.

Сержант Мартинец скосил глаза на мизинец,

весь унизанный кольцами.

— У меня они не работают, — буркнул он.

— Кольца Власти рассчитаны на одного-единственного владельца, — снова подала голос Железная Орхидея. — Связаны с его биологической сущностью.

— А эти роботы подчиняются только Лорду Кархародону? — спросил сержант, заметив вошедший в комнату автомат, принесший поднос с едой.

— Они могут повиноваться кому угодно, если им приказать, — ответил Кархародон.

— Тогда прикажите этому роботу, чтобы он подчинялся мне.

— Ты станешь выполнять приказы солдат, — распорядился Кархародон, измерив автомат взглядом.

— Сержант, на экране какой-то корабль, — неожиданно оповестил Мартинеца О'Двайер. — По форме старой модели, будто из музея.

— Этот корабль построил мой приятель, странник во времени, — пояснил Лорд Кархародон.

— Забавная штука, — заметил рядовой Денериз, подойдя к монитору и взглянув на длинный веретенообразный предмет, который рос на глазах, сближаясь с землей. — Я представлял себе

машину времени по-другому.

— Неважно, как она выглядит, — ответил сержант и сентиментально продолжил: — Скоро мы окажемся в космосе среди холодных и все еще загадочных звезд. Впереди опасное путешествие, в котором предстоит полагаться лишь на самих себя, но мы не дрогнем, ибо нами руководит высокая благородная цель. Может, вам мои слова непонятны, может, вам и не надо забивать лишним голову, но стоит сказать, что лишь благодаря таким храбрым парням, как мы, Земля все еще крутится вокруг Солнца, а люди могут спокойно спать, не тревожась о будущем…

— Не пора ли нам на корабль? — прервал Мартинеца О'Двайер.

— На корабль отправимся группами по пять человек, — распорядился сержант. — Надо проверить, нет ли на корабле засады. Если там все спокойно, первая группа подает сигнал следующей пятерке. Если и дальше ничего не случится, за второй группой отправится третья, и так далее. О'Двайер, вы пойдете последним. Сядьте у монитора и не спускайте глаз с экрана. Отправитесь на корабль, если увидите, что на нас не напали. Да, и прихватите с собой этого робота: он может нам пригодиться.

— Слушаюсь, сэр, — повиновался О'Двайер.

— Если увидите, что на корабле завязался бой, убейте заложников.

— Слушаюсь, сэр, — повторил О'Двайер, на этот раз без должного рвения.

Неожиданно раздался звонок.

— Что это? — удивился сержант.

— Сигнал моего хронометра, — пояснил Лорд Кархародон. — Мне пора на дуэль с Герцогом Квинским.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Дуэль

Герцог Квинский со шпагой в руке ждал Лорда Кархародона в условленном месте. Вокруг него собралась целая толпа зрителей, но все они, вместо того, чтобы томиться в ожидании поединка, обещавшего обернуться кровавой драмой, с любопытством смотрели вверх на зависший в небе корабль с солдатами на борту. В другое время Герцог и сам бы не упустил случая отдать дань необычному происшествию, но сейчас, в преддверии несравнимо более значимого события, он испытывал лишь чувство крайнего недовольства как бесцеремонными действиями солдат, так и нетактичностью зрителей.

Внезапно из толпы вырвался чей-то голос:

— Железная Орхидея! Лорд Кархародон! Они идут сюда. Они спасены!

Толпа одобрительно зашумела, затем расступилась, пропуская в круг Лорда Кархародона, и замолчала. Все взоры обратились на дуэлянтов. Герцог сдержанно поклонился, его противник ответил тем же. Мертвую тишину нарушила Железная Орхидея, казавшаяся спокойной и даже чем-то довольной.

— Пусть победит достойнейший! — торжественно провозгласила она.

— Деремся насмерть, — сухо сказал Герцог Квинский. Лорд Кархародон встал в позицию.

— Защищайтесь, мосье! — воскликнул Герцог и со звоном скрестил свой клинок со шпагой противника.

Однако, несмотря на столь воинственный клич и несомненное желание одержать верх над соперником, Герцог Квинский первоначально ограничивался осторожными парированиями, отступая, когда Лорд Кархародон приближался, и в то же время пытаясь угрожать его лицу концом своей шпаги. Постепенно Герцог перешел к более решительным действиям: он сделал несколько выпадов, но все они были парированы против-

ником. Темп боя нарастал с каждым мгновением, и зрители, поначалу отпускавшие хвалебные реплики, один за другим смолкали и с напряженным вниманием следили за дуэлянтами: одним, скрытым за маской, и потому казавшимся совершенно невозмутимым, и другим, возбужденным и раскрасневшимся.

Действительно, развлечение на старинный манер оказалось нелегким. К своему удивлению, Герцог Квинский почувствовал, что поединок с Лордом Кархародоном отнимает у него значительно больше сил, чем бой с автоматом, но в то же время он с удовлетворением уяснил: его соперник фехтует в той же манере, что и инструктор. Железная Орхидея была не права, подозревая Лорда Кархародона в коварстве. Внезапно Герцог вспомнил об условиях поединка, о которых в пылу боя забыл. Умереть, чтобы более не воскреснуть, лишиться радостей жизни — такая перспектива теперь показалась ему малоприятной. По спине Герцога пробежал холодок. Минутная слабость безнаказанной не осталась. Герцог Квинский замешкался, и шпага Лорда Кархародона вонзилась ему в плечо. Герцог пошатнулся, но устоял на ногах. Он почувствовал боль и решил, что сейчас умрет, но, вспомнив об

этикете, нашел силы произнести:

— Удачный выпад, мосье!

Послышался одобрительный возглас Железной Орхидеи. Обоснованно отнеся похвалу на свой счет и придя к мысли, что он не умер, Герцог Квинский приободрился, встал в позицию и с прежней уверенностью воскликнул:

— Защищайтесь, мосье!

На этот раз Герцог сразу же пошел в наступление. Но все его выпады Лорд Кархародон хладнокровно парировал. Вскоре Герцогу опять пришлось защищаться. Неожиданно он почувствовал, что его одолевает озноб, и, хотя боль в плече притупилась, каждое движение теперь давалось с натугой. Скованность дала себя знать. Шпага Лорда Кархародона пронзила ему левую руку.

— Удачный выпад, мосье! — машинально воскликнул Герцог.

Лорд Кархародон ничего не ответил. Он застыл со шпагой в руке, ожидая, что предпримет его соперник.

Оказалось, что Герцог Квинский и не думает прекращать поединок. Он встал в позицию и с криком «Защищайтесь, мосье!» ринулся в наступление. Тревожное ожидание зрителей достигло

предела. Сам Герцог объяснил себе неожиданный прилив сил охватившим его незнакомым чувством, которое он определил как архаический страх. Воодушевленный прикосновением к прошлому, Герцог продолжал наступать. Один выпад следовал за другим. Лорд Кархародон едва сдерживал этот натиск. Но устоять перед внезапным напором противника ему было не суждено. При одном из выпадов Герцог Квинский очень ловко отбил шпагу Лорда Кархародона кверху и, сделав стремительный выпад, пронзил грудь сопернику. Лорд Кархародон разжал руку с оружием, чуть постоял, а затем упал навзничь, орошая пересохшую землю алым потоком крови.

Герцог Квинский выронил из рук шпагу и уставился на поверженного соперника остекленевшим помутившимся взглядом. Когда к нему подошли, его тело сотрясала крупная дрожь. Теперь уже не страх, а другие, столь же незнакомые чувства переполняли Герцога, и он не мог понять, почему Железная Орхидея обнимает и целует его, Епископ Тауэр дружески хлопает его по спине, а Шарлотина захлебывается от восторга.

Похвалы и поздравления не утихали.

— Вы настоящий герой, дорогой Герцог, — воскликнула Миссис Кристия. — Доверьтесь мне, я

залечу ваши раны.

— Прекрасное представление, — отметил Капитан Олифаунт, давнишний друг Герцога. — После «Каннибалов» ничего лучше не видел.

— Теперь, благодаря вам, дуэль войдет в моду, — добавил Епископ Тауэр, демонстрируя шпагу с клинком из драгоценных камней.

Но даже перспектива стать зачинателем новой моды не вывела Герцога из угнетенного состояния. Он помнил о жестоких условиях поединка. Герцог Квинский застонал и упал на колени.

— Я убил Лорда Кархародона, — в отчаянии прошептал он. По его щекам, капля за каплей, потекли крупные слезы.

* * *

— Нас, как младенцев, обвели вокруг пальца, — угрюмо сказал сержант Мартинец. — Это не машина времени, а обыкновенный корабль.

Раздражение сержанта можно было понять. Корабль, доставшийся солдатам в результате, казалось бы, верной, хорошо рассчитанной операции, годился лишь для того, чтобы парить над землей, или передвигаться по воле ветра. Все его системы, первое время работавшие исправно, как по команде, вышли из строя. Впрочем, это

печальное обстоятельство волновало не всех. Корабль был набит едой и напитками, и кое-кого это примирило с действительностью.

— Похоже, что так, — отозвался на реплику Мартинеца Ган Хок, рассматривая тюбик с пастообразным съестным.

— Может, нам еще удастся вернуться к своим, — заметил рядовой Смит, — ведь корабль в поле притяжения Земли.

Мартинец не удостоил его ответом. Внимание сержанта привлек рядовой О'Двайер, который возлежал на кушетке, обитой плюшем, и благосклонно взирал на робота, расставлявшего на столике у изголовья кушетки принесенные с камбуза аппетитные яства.

— О'Двайер, почему этот чертов робот подчиняется только вам? — раздраженно спросил сержант.

— Может, я ему больше нравлюсь.

— Не забывайте, О'Двайер, о дисциплине и чувстве долга. Мне кажется, и вам нравится создавшееся положение.

— Из этого положения не мешало бы извлечь пользу. Надо пораскинуть мозгами, как приземлиться. Думаю, нам не откажут в девчонках.

— Думайте, что говорите, О'Двайер, — строго

сказал сержант и, затянувшись сигарой, пустил клуб дыма. — Ваша задача считать, что мы во вражеском стане.

— Извините, сержант. — лениво ответил О'Двайер, и перевел взгляд на робота. — Принеси еще выпить.

Автомат остался недвижим.

— Исполняй! — приказал О'Двайер.

Вернувшись из камбуза и поставив на стол напиток, робот склонился над О'Двайером и тихо спросил:

— Какой смысл скрывать обман?

О'Двайер резко поднялся на ноги, взял робота за руку и повел в пост управления. Там не было ни души.

— Все очень просто, — размеренно ответил О'Двайер. — Если обман раскроется, вы снова окажетесь в роли заложника.

— Мне следует опасаться?

— Решайте сами.

— Я никак не могу понять, почему вы отправили драться с Герцогом Квинским мой автомат.

— Это и того проще. Герцог Квинский привык фехтовать с автоматом. Я хотел, чтобы у соперников были равные шансы. Кроме того, когда обнаружится, что вместо вас фехтовал автомат,

его воскресят. Все будут довольны.

— Все же я не пойму, зачем вы вмешались.

— Этот Герцог неплохой парень. Мне он нравится. Я не хотел, чтоб его убили. Да и как было не помочь Железной Орхидее, уж больно она переживала за Герцога. Потом, Железная Орхидея — настоящая леди, при случае она ответит мне не меньшей любезностью.

— Но вы не подумали обо мне. Я сам хотел драться с Герцогом, а вместо этого оказался на корабле. Впрочем, говорить о дуэли теперь уже поздно. Мне остается раскрыть ваш обман.

— Валяйте. Только я умываю руки.

Лорд Кархародон подошел к иллюминатору, за которым проплывали пурпурные облака, и погрузился в раздумье. Как текли мысли в его голове, какими путями — сказать трудно, но вот в соответствии с их течением он повернулся к О'Двайеру и смущенно сказал:

— Я всегда презирал окружающих, планету, саму вселенную за безнравственность, скудоумие и никчемность. Любое проявление жизни только убеждало меня в моей, казалось, незыблемой правоте. Теперь я вынужден допустить, что мои убеждения поколеблены, и я снова оказался в таком же неведении о смысле и значении жиз-

ни, как и в то время, когда только явился в этот увядающий мир. Но вы здесь чужой. Зачем вы помогли Герцогу Квинскому?

— Я же вам объяснил: этот парень мне нравится. Но он немного зарвался, и я счел нужным помочь ему. Разве кто от этого пострадал?

— Помогая этому фату, вы рисковали своей репутацией.

— Считайте мой поступок проявлением эгоизма. Не думаю, что мы выберемся отсюда. Да мне и здесь нравится. А что касается моей репутации, то она ничем не запятнана. Сержант Мартинец приказал мне присоединиться к отряду, и я подчинился ему. Не моя вина, что вместо машины времени нам подсунули черт знает что. Да о чем говорить, рано или поздно мы приземлимся. — О'Двайер по-дружески похлопал своего собеседника по спине. — А вопрос чести, я полагаю, несомненно, улажен, а?

Лорд Кархародон рассмеялся.

Древние тени

Под сенью теней стародавних,
Где детство блуждало в мороз,
Там скорбь родилась мировая
И дух героический рос.
В отрочестве позднем Иуды
Был предан Господь наш Христос.

Дж. У. Расселл, «Жерминаль»

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА КРАЮ ВРЕМЕНИ

На берегу химического озера, растерянно оглядываясь вокруг и взирая сквозь очки гермошлема на мрачную безрадостную картину, стояла путешественница во времени. Над ее головой в желтоватом небе светило тусклое невзрачное миниатюрное солнце, а позади, чуть вдали, корчась в конвульсиях и мерцая призрачным светом, хрипел и стонал полуразрушенный город.

— Это конец, — прошептала женщина. — Конец жизни.

Словно желая восстановить утраченное спокойствие, она коснулась рукой стоявшей рядом машины времени, гладкого, без декора коробкообразного аппарата. Из люка машины высунулся ребенок, тоже в шлеме. Женщина протестующе замахала рукой, но тотчас же передумав, помогла ребенку спуститься вниз.

— Посмотри, что за ужасный конец ожидает Землю, — сказала она.

— А мне нравится, мама, — простодушно ответил ребенок, озираясь вокруг. — Что здесь ужасного?

Женщина пожала плечами.

— Я не удивлена, но, сказать по правде, надеялась увидеть в будущем более радостную картину.

Излив свои чувства, она перешла на деловой тон:

— Твой отец, наверное, уже беспокоится. Нам пора возвращаться. Задание выполнено, нам есть, о чем доложить Комитету.

Женщина обняла сына за плечи.

— Мы полностью использовали возможности корабля. Не станем задерживаться. Приборы показывают, что здесь отсутствует время.

Женщина содрогнулась, заметив, как одно из

ближайших зданий поглотило другое и приняло новые очертания. Город издал душераздирающий звук, похожий на кашель.

Ребенок попытался снять шлем.

— Снафлз, оставь шлем в покое, — строго сказала женщина. — Воздух наверняка отравлен.

Снафлз вздохнул и раздраженно ударил ногой по корпусу корабля. Город отозвался злорадным смехом. Мальчик поежился и взял женщину за руку.

— Ты права, мама, — сказал он тоскливо. — Теперь и я вижу, здесь мало приятного.

Женщина помогла мальчику вскарабкаться на корабль, обвела тягостным взглядом город и озеро, а затем, последовав за ребенком, нырнула в люк. Оказавшись внутри машины, залитой тусклым зеленоватым светом, она подошла к пульту управления и привычным движением сняла шлем, обнажив голову с коротко подстриженными вьющимися каштановыми волосами. Из-под прямых черных бровей смотрели спокойные миндалевидной формы глаза, говорившие о выдержке и уме. И этот взгляд и правильной формы нос гармонировали с твердой решительной складкой ее губ.

Пальцы женщины уверенно заскользили по

пульту. Снафлз, устроившись в кресле, погрузился в работу на персональном компьютере, занявшись посильными ему вычислениями для программы возвращения корабля в далекое прошлое. Вскоре женщина отошла от пульта и удовлетворенно сказала:

— Снафлз, корабль готов к возвращению. Пожалуйста, пристегнись.

Убедившись, что ее слова не пропали даром, женщина села напротив сына, пристегнулась сама и нажала четыре из семи клавиш, вмонтированных в один из подлокотников ее кресла. Снафлз закусил губу, ухватился за ремень безопасности и тревожно заскользил взглядом по приборам на пульте.

Тем временем машина вздрогнула и издала странный свистящий звук. Зеленоватый свет внутри корабля изменился на бледно-розовый. Мальчик нахмурил брови: машина сигнализировала о том, что она не готова к старту. Не проявив заметных признаков беспокойства, женщина вернула клавиши в первоначальное положение. Освещение снова стало зеленоватым. Женщина опять нажала на клавиши. На этот раз свет внутри корабля сделался ярко-розовым, а на пульте замигали две синие лампочки. Женщина вновь

вернула клавиши в первоначальное положение, отстегнула ремни безопасности и подошла к пульту. Вскоре она вернулась на место, опять пристегнулась и в третий раз привела клавиши в действие. Корабль не двигался.

— Сломалась машина, мама? — спросил Снафлз.

— Непохоже. Все приборы в рабочем режиме.

— Может, нам кто-то препятствует?

— Вполне вероятно. Мы допустили ошибку, не послав сюда сперва бабуинов.

— Но бабуины плохо переносят перемещение во времени и пространстве.

— Это верно, — нехотя согласилась женщина. — Да и потом, все считали, что на Краю Времени не сохранилось разумных существ. Ладно, скоро все прояснится. Будем пытаться давать старт машине каждый час в течение двадцати часов. Если у нас ничего не выйдет, станем думать, что делать дальше.

— Мама, ты боишься?

— Я озадачена.

Пошел первый час ожидания.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВЫЛАЗКА

Держась за руки и тоскливо оглядываясь по сторонам, женщина и ребенок, обходя искореженные обломки зданий, медленно брели по дороге, окутанной плотным пурпурным газом.

— Мама, здесь могут быть монстры? — встревожено спросил мальчик.

— Думаю, здесь вовсе нет жизни в том виде, как мы ее представляем, — ответила женщина.

— А это что? — снова подал голос ребенок, показывая на башни, обернутые бледно-розовой тканью. Те что-то шептали, словно переговариваясь.

— Ты слишком чувствителен, Снафлз, — сказала женщина. — Надеюсь, это пройдет со временем.

Подул ветер. Стоявшие у дороги здания изогнулись и тоже стали что-то нашептывать. В синих потоках воздуха, словно рой чудовищных насекомых, закружились куски гранита, мрамора, сланца, известняка. Вокруг, у земли, заплясали языки пламени.

Вскоре дорога раздвоилась. Женщина и ребе-

нок остановились. Неожиданно, чуть вдали, у обочины одной из дорог, они увидели выстроившиеся в ряд человеческие фигуры. По виду это были мужчины: все в шляпах с перьями и плащах. Столь же внезапно путники увидели невесть откуда взявшуюся карету, в окне которой мелькнуло миловидное лицо дамы. Когда карета поравнялась с людьми в плащах, те, как один, сняли шляпы и отвесили глубокий поклон, коснувшись плюмажами земли и выставив кончики упрятанных под плащами ножен с оружием.

Женщина окликнула незнакомцев и потянула к ним мальчика, но те пропали, словно растаяв в воздухе, а на их месте поднялись пальмы, которые, склонив друг к другу вершины и переплетясь меж собою листьями, казалось, собрались закружиться в любовном танце. Женщине вдруг почудилось, что за пальмами она видит площадь, а на ней — своего отца, но, когда вместе с сыном подошла ближе, то увидала только статую. Невдалеке от статуи бил фонтан, а за его многоцветными струями женщина разглядела лица своих друзей, с которыми коротала время в далеком детстве. Внезапно женщина услышала чей-то голос, раздавшийся у самого ее уха: «Ты прославишь Арматьюс, Дафниш». Она вздрог-

нула, обошла фонтан, но вместо своих друзей увидела четырех птиц, важно вышагивавших на перепончатых лапах в полосе света. Неожиданно раздалось пение. Пели хором на незнакомом женщине языке, но она почувствовала, что песня о печали и радости, о любви и смерти. Когда песня кончилась, раздался жалобный стон, а за ним звон колокольчиков, который сменили нежные звуки арфы. Затем послышался хохот.

— Как во сне, — сказал мальчик. — Мне нравится, мама.

— Наваждение, — прошептала женщина. — Мы в ловушке.

Внезапно стоявшие у дорогие строения изменили свои очертания и на какой-то миг превратились в сооружения, в которых женщина признала постройки из своего времени.

— Если здесь отсутствует время, то не должно существовать и пространства, — вновь прошептала она. — Все, что мы видим, иллюзия.

Взглянув на сына, женщина предложила:

— Нам лучше вернуться в машину, Снафлз.

Снова раздалось пение, но на этот раз на понятном путникам языке. Пел молодой мужчина.

Десятъ раз появлялись в небе армады машин,

Раскрашивая высь искристыми струями.

Но только твой чистый голос,

Исполненный сладостного смятения,

Перекрывал рев моторов.

Вспомни, Налорна, вспомни ту ночь.

Мужской голос сменился голосом пожилой женщины:

Как бы я хотела снова испытать тот восторг,

Когда доблестные герои преклоняли предо мною колени

И называли меня красавицей.

Обернитесь, грезы, явью, и я назову себя трижды благословенной.

О, Бессмертные Владыки, подарите и мне бессмертие.

Я – Налорна, которую любили отпрыски небесных богов.

Песню продолжил старческий мужской голос:

О, Налорна, как много тех, кто любил тебя,

Уже нашли свою смерть,

Уподобившись птицам, падающим от выстрела.

Сначала они поднимались в небо,

А потом падали вниз, распластав руки,

Сквозь небесный огонь, омывавший их бездыханные тела.

Вспомни, Налорна, вспомни ту ночь.

Затем снова раздался молодой мужской голос:

Десятъ раз, о, Налорна, пролетал в небесах тот флот,

Десятъ рук салютовали тебе,

Десятъ губ целовали десять гирлянд,

Десятъ трепетных вздохов опускались к тебе.

Ты же, преисполненная гордыни,

Вскинула руки и указала на юг.

Вспомни, Налорна, вспомни ту ночь.

Слушая песню, женщина старалась осмыслить ее слова, чтобы получить хоть какую-то информацию, но невидимые певцы снова перешли на незнакомый язык.

— Мама, — подал голос ребенок, озираясь по сторонам, — в песне говорится о большом воз-

душном сражении. Может, в этой битве погибли люди этого города?

— …без которого третий уровень бесполезен, — безапелляционно присовокупил чей-то голос.

Энергично встряхнув головой, словно желая отрешиться от наваждения и обрести ясность мысли, женщина, немного помедлив, ответила:

— Скорее, обитатели этого города сами себя обрекли на гибель, потакая своим порокам и непомерным желаниям. Все говорит об этом. В их гибели еще виновна сентиментальность. Песня — ее наследие, сродни звукозаписям, книгам, картинам — тому, что прежде называли «искусством».

— Но и у нас дома существует искусство.

— Очищенное, в прикладном виде. В Арматьюсе превосходные конструктора, строители, планировщики, а здесь мы видим только разгул фантазии, да еще нелепой и бесполезной.

— Ты не находишь в этом ничего привлекательного?

— Конечно, нет! Я уже давно избавилась от чувствительности. Да и потом, что здесь может привлечь? Не вызывает сомнений: жители этого города постепенно теряли разум, и теперь город напоминает об их судьбе. В каждом окружающем

нас видении ощущается смерть. Этот город светится, как гнойник, а разве гниль привлекательна? Существование этого места перечеркивает весь наш труд, наши лишения, всю тысячелетнюю историю благородного Арматьюса.

— Выходит, я зря любовался этими чудесами?

— Тебе это простительно. Детей привлекает все необычное. Кто, кроме них, станет слушать часами скучные россказни выживших из ума стариков? Но если ты собираешься получить статус взрослого, то должен научиться смотреть на мир здраво. То, что ты сейчас видишь вокруг, — следы извращений и патологии, не раз ставивших человечество на грань вымирания.

— Эти люди были малоприятными?

— Несомненно. Потакание собственным слабостям несовместимо с прогрессом. Ты не забыл, чему тебя наставляли в школе?

— Чувствительность — угроза выживанию, — выпалил Снафлз, назубок знавший всю тысячу Полезных Максим [64] и шестьсот Непреложных Девизов (без чего в Арматьюсе ребенок не мог получить статус взрослого).

— Верно, — женщина с гордостью посмотрела

---

[64] notes: 64

Максима (*лат.* maxima) — правило индивидуального нравственного поведения, выраженное в краткой форме.

на сына, почти не удостоив вниманием шагавших рядом чудовищных каменных рептилий и еле прислушиваясь к бормотанию города, пытавшегося в стихах напеть какую-то наукообразную формулу.

Относительное спокойствие длилось недолго. Женщина вздрогнула, когда город громко заговорил:

— В распутстве осквернение всего сущего. В солнечном свете прорастает очищающее семя самоотречения… Я все припомню, припомню, дайте мне только срок… Кто входит в тисках времени в чудовищную волну, тот никогда не преодолеет ее. Волны вышвырнут на берег останки, а отлив обнажит их в ясном свете холодных звезд. Трава на могиле, увядшие цветы, изломанные рифмы… Переохлаждение вызывает самый разнообразный эффект, а это убеждает нас, что, что… Ах, да. Одни умирают умиротворенными, другие находят умиротворение в вечной жизни… У меня кое-что для вас есть. Затребуйте диск AAA4. Для работы с программой используйте перевод, который можно получить в любом центре по разумной фло-оо чардра верти…

— Это наставление, мама! — воскликнул Снафлз. — Город передает нам какую-то информацию.

— Он просто смеется над нами, — ответила женщина. — Пойдем, нам лучше вернуться.

— Город сошел с ума, мама?

Женщина ничего не ответила. Справившись с внезапным сердцебиением, она потянула за собой сына.

— Может, когда в городе жили люди, он не был таким? — не унимался ребенок.

— Надеюсь.

— Может, теперь ему просто скучно?

— Такое суждение смехотворно, — резко ответила женщина. — Поторопимся, — она начала опасаться, что разлагавшийся город окажет пагубное воздействие на ребенка.

А вот и новая неожиданность! Перед путниками возникли три огромных космических корабля: один из серебряной филиграни, другой из молочного гагата, третий — эбеновый. Корабли слегка покачались, а затем растворились в воздухе.

Внезапно женщине пришла мысль, что никакого путешествия во времени они с сыном не совершили, а та обстановка, в которой они неожиданно оказались, всего-навсего атрибут замысловатого теста, придуманного старейшинами Арматьюса. Она уже четырежды проходила различные испытания, правда, не такие тяжелые.

Женщина вдруг заметила, что сбилась с дороги. Окутанная пурпурным газом тропа исчезла. Не было и другого ориентира: очертания города непрерывно менялись, а тусклое невзрачное солнце перемещалось по небу совершенно необъяснимо. Несокрушимая броня самообладания женщины дала трещину, в нее проник ужас, коснувшись ледяным пальцем сердца.

Женщина обмерла. Теперь перед путниками бурлила река кипящего светло-коричневого газа, стремительно мчавшегося к видневшемуся провалу, который всасывал его, громко урча и причмокивая. Через реку нашелся мостик. Женщина осторожно ступила на, казалось, шаткий настил. Мостик прогнулся и кокетливо захихикал. Потянув за собой ребенка, женщина пошла дальше. Мостик отозвался похотливым урчанием. Женщина покраснела и ускорила шаг, краем глаза заметив улыбку на лице сына. Не успев перейти поток, она вздрогнула. На другом берегу реки здания извивались и корчились, словно в предсмертной муке. Женщина наморщила лоб. Может быть, эти здания действительно живые существа? Если так, неужто им нравится издеваться над незнакомцами? А может, она с ребенком попала в руки новоиспеченных жрецов, а те

решили использовать их как жертвы в каком-то дьявольском постчеловеческом ритуале? А куда подевались жители города? Неужели они и в самом деле сошли с ума? Не исключено, что и ее саму может постичь та же участь. Такой ужас ей и во сне не снился.

Когда путники перешли через газообразную реку, кривлявшиеся здания внезапно исчезли, а на их месте оказалась лужайка, покрытая высокой золотистой травой. Стало тихо, как после ушедшего урагана. Женщина перевела дух и постаралась взять себя в руки. Внезапно она заметила, что машинально похлопывает Снафлза по плечу. Смутившись, она отдернула руку, подыскивая для сына слова утешения.

Снафлз опередил ее:

— И все-таки, это здорово, мама.

— Здо… — Женщина запнулась, удивленно взглянув на сына.

— Мы сможем дома такое порассказать! Только, боюсь, нам никто не поверит.

— Мы сообщим об увиденном одному Комитету, — строго сказала женщина. — Для остальных все это секрет. Тебе придется хранить его до конца дней, если только не постараешься избавиться от этого…

Женщина не успела закончить нравоучение. Ее прервал чей-то голос:

— Тла-ля-ля. Путешественники во влемени. Навелное, те, котолых лазыскивает Бланналт. Пливет! Пливет! Добло пожаловать в будущее!

Женщина оглянулась на голос и задохнулась от неожиданности, нерасчетливо сделав глубокий вдох из укрепленного на груди дыхательного прибора. По лужайке, приближаясь, двигалось похожее на человека странное существо. На его шее, поясе и ногах висели связки небольших колокольчиков, беспрестанно издававших легкое треньканье. Существо прокладывало дорогу в траве разукрашенной тросточкой, а свободной рукой то откидывало назад норовившие закрыть лицо волосы, то поправляло свисавшие на глаза брови, то похлопывало себя по пухленьким щечкам.

Поравнявшись с женщиной и ребенком, существо осмотрело путников и, удовлетворив свое любопытство, внезапно затараторило:

— Вы понимаете меня? Надеюсь, автоматический пелеводчик действует безотказно. Бывает, я ключу не то Кольцо Власти, а если нахожу нужное, не могу толком опледелить, куда его повелнуть. Вот и сейчас исплобовал несколько положений,

и все впустую. Вам не попадались на глаза две желтые бабочки? Вот такие, — странное существо развело руки. — Они здесь охотились. Не видели? Выходит, я снова их упустил, — существо сокрушенно вздохнуло и потерянно огляделось по сторонам.

— Вы настоящий? — осмелился спросить Снафлз.

— А как же! — ответило существо, оставив поиски бабочек.

— Вы из этого города?

— В голодах живут одни пливидения. — Я — Сладкое Мускатное Око. В данный момент мужчина на загляденье. — Рукава одежды самохвала надулись, имитируя мускулатуру.

— А я — Дафниш Арматьюс из Арматьюса, — вступила в разговор женщина. — А это мой сын, Снафлз.

— Лебенок! — удивленно воскликнул Сладкое Мускатное Око, устремив взгляд на мальчика. — Вот это да! Поистине, у нас сколо появится детский сад. Велно, с легкой луки Миссис Клистии. Хотя она сама пледставилась девочкой, а здесь — настоящий лебенок. Вот это сюлплиз!

— Я не понимаю вас, сэр, — ответила Дафниш.

— Это все автоматический пелеводчик, —

досадливо пояснил Сладкое Мускатное Око и повернул одно из многочисленных Колец Власти, нанизанных на его пальцы. — Шололи инафни?

— Я понимаю ваши слова, но не могу уловить их смысл, — устало сказала Дафниш.

Сладкое Мускатное Око снова дотронулся до одного из Колец:

— Так лучше?

Дафниш ненадолго задумалась. Это странное существо назвало ее с сыном «путешественниками во времени» и, значит, ему в разуме не откажешь. Но он мог быть и очередным фантомом, еще одним видением этого проклятого города.

— Мы заблудились, — осторожно сказала она.

— В Дьеле?

— Так называется этот город?

— Или Шанелолн, как вам больше понлавится. Вы хотите выблаться из него?

— Если это возможно.

— С удовольствием помогу вам. — Сладкое Мускатное Око всплеснул руками, выражая восторг, после чего покрутил одно из своих Колец. В воздухе что-то сверкнуло, ослепив на мгновение путешественников.

— Наш корабль! — воскликнул Снафлз, придя в себя и удивленно взирая на невесть откуда

появившуюся машину.

— Этот колабль похож на ваш только внешне, — поправил Сладкое Мускатное Око, широко улыбнувшись. — Создать олигинал мне не по силам: не хватает вооблажения. Но за воздушный экипаж сойдет и эта машина.

И в самом деле, как убедились путешественники во времени, интерьер корабля ничем не походил на знакомую обстановку. Вместо строгой отделки — всюду золото и латунь, на полу пушистый ярко-лиловый ковер, на стенах там и сям диковинные часы, мерно качавшие золочеными маятниками, а внизу, вдоль стен, — клетки с птицами самой невообразимой окраски, щебетавшими каждая на свой лад.

Заметив разочарование на лице Дафниш, Сладкое Мускатное Око робко проговорил:

— Я видел ваш колабль только сналужи и полагал, что для колоткого пелелета обстановка внутли машины не имеет значения.

Дафниш простонала в ответ и опустилась на пушистый ковер, уронив голову на руки. Снафлз не разделил волнения матери. Он остановился у клетки с макао и стал допытываться у птицы, как ее имя.

— Пелелет не займет много влемени, — про-

должил Сладкое Мускатное Око, не отрывая взгляда от Дафниш. Не дождавшись ее ответа, он дотронулся до ближайших к нему часов. В то же мгновение корабль поднялся в небо.

— Не составьте, глядя на меня, невелного пледставления о жителях Клая Влемени, — снова заговорил Сладкое Мускатное Око, не оставляя попытки утешить Дафниш. — Я слыву наискучнейшим созданием на планете. Сколо вы встлетитесь с людьми, более интелесными и смышлеными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЛАНЧ НА КРАЮ ВРЕМЕНИ

— Еда, мама! — возбужденно воскликнул Снафлз. — Посмотри, сколько еды. Да взгляни же!

Приземлившись и выбравшись из воздушного экипажа, Дафниш и Снафлз очутились на широкой лужайке, поросшей где белой, а где синей травой. Город еле виднелся на горизонте.

— Это всего лишь иллюзия, дорогой, — ответила мягко Дафниш. — Ты принимаешь желаемое за действительное.

Пояснение Дафниш осталось втуне. Мальчик взял ее за руку и что было силы потянул к длин-

ному столу, уставленному блюдами с мясом, паштетами, фруктами, пирогами.

— Мама, это еда. Я чувствую ее запах, — Снафлз на секунду остановился и заглянул в глаза матери. — Неужели ненастоящая?

— Настоящая или нет, мы до нее не дотронемся, — отрезала Дафниш, хотя, несмотря на самоконтроль, ничего не могла поделать с обильной слюной. Видеть сразу столько еды ей еще не случалось. — Нам нельзя снимать шлемы, Снафлз, — пояснила она.

Кривлявшийся вдали город отозвался фанфарами, словно почувствовав замешательство незваных пришельцев.

— Если хотите, можно плиступить к ланчу, — сказал Сладкое Мускатное Око, указывая тросточкой на стол с яствами.

— Искушение, — простонала Дафниш в ответ, хотя не могла отделаться от соблазна: поесть и впервые выйти сытой из-за стола, оставив на нем больше еды, чем могли бы собрать в Арматьюсе за целый месяц, даже если на это время совсем бы от нее отказались. Чтобы обрести уверенность в своих силах, Дафниш добавила: — Перепроизводство губительно.

— Мама, что это? — спросил Снафлз, показывая

на центр стола.

— Пироги, — ответила Дафниш, после чего, последовав примеру ребенка, вожделенно уставилась на аппетитные яства. Стоявшие на столе пироги манили и притягивали к себе, как в античные времена волшебное пение коварных сирен затягивало в ловушку оказавшихся поблизости мореходов.

— Скромный завтлак, — робко сказал Сладкое Мускатное Око. — Лазве на столе много еды?

— Чересчур! — ответила Дафниш. — Даже если бы в Арматьюсе был избыток продуктов, съесть столько за раз мы сочли бы безнравственным, — хотя ей вполне удалось вложить жесткость в свои слова, она ясно почувствовала, что ее колени дрожат, а силы противиться искушению исчезают. Готовя себя к опасностям, таящимся в будущем, Дафниш не представляла, что может столкнуться с той, о которой не было даже мысли. А тут такой ужас! Она попыталась отвести от стола глаза. Куда там! Она была всего-навсего обыкновенным человеческим существом, да еще оторванным от своего мира. Арматьюс находился в далеком прошлом, в миллионе или более лет от ужасного настоящего. Дафниш вздрогнула, на ее глазах показались слезы.

— У вас плоблемы с питанием? — спросил Сладкое Мускатное Око.

— Никаких, ровным счетом, — ответила Дафниш, собравшись с силами. — Мы производим необходимые нам продукты, но только в ограниченной мере. Излишество несет разложение.

Вскоре, как и обещал Сладкое Мускатное Око, Дафниш и Снафлз увидели и других обитателей Края Времени, один за другим появившихся на лужайке. И без того подавленные случившимся путешественники совсем замкнулись в себе, когда теперь оказались в центре внимания.

— Судя по внешнему виду, путешественники во времени.

— Они могут быть и с другой планеты.

— Выглядят, будто проголодались. Накормите их. Железная Орхидея, вы рассказывали о сыне. Он все еще со своей возлюбленной?

— Представьте, Джеггед, он говорит, что не может жить без нее. Разве такое возможно?

— Вы не одобряете его поведение?

— Мне кажется, Джерек перешел границы разумного.

— Зато вам не откажешь в разуме. Никак не рассчитывал услышать здесь такие суждения.

— В Дьере?

— В этом мире. Моя теория подтверждается: любое, даже самое малое отклонение от общепринятых норм влечет за собой кардинальные перемены.

— Вас трудно понять. Не стану даже пытаться… А эти путешественники во времени даже не уселись за стол. Только глядят!

— Включен автоматический пелеводчик, — предупредил Сладкое Мускатное Око. — Путешественники во влемени отлично нас понимают.

— Мы можем показаться им неучтивыми. Почувствовав, что ее тронули за плечо, Дафниш почти с облегчением отвела взгляд от стола. Перед ней стоял высокий мужчина в камзоле с пышным воротником из лимонных кружев, подпиравшим волевой подбородок. Серые глаза незнакомца смотрели на нее с несомненным участием. Тем не менее, Дафниш отпрянула и только затем спросила:

— Вы реальность? Не фантом из этого города?

— Я так же реален, как и Сладкое Мускатное Око. Надеюсь, он не показался вам призраком?

Дафниш не проронила ни слова.

— Город постарел, одряхлел, стал сумасбродным, — продолжил незнакомец спокойным голосом, показывая всем своим видом, что не

заметил замешательства собеседницы. — А было время, когда город поражал своим интеллектом. В те далекие времена, когда люди еще только изучали Вселенную, все пытливые умы старались перенять у города знания. Если кто и достоин уважения на планете, то это город, который вы видите вдалеке, моя милая путешественница во времени. Да, сейчас он уже не так рассудителен, но он по-прежнему служит людям. Без него нас бы просто не было.

— Вы знаете, о чем говорите, — сказала Дафниш. Незнакомец пожал плечами и улыбнулся.

— Мои пояснения, вероятно, показались вам скучными. Вам лучше познакомиться еще с кем-нибудь, тем более, что тому есть возможность.

Дафниш проследила взглядом за отвернувшимся незнакомцем и увидела подходившую женщину.

— Это Железная Орхидея, моя приятельница. Она приехала разделить ланч с друзьями. Кстати, вы собираетесь завтракать?

— Выходит, это еда настоящая?

— Я заметил, что вас тревожит этот вопрос.

— Еды так много, что я усомнилась.

— Для нас это обычный ланч.

— Мама, — вмешался в разговор Снафлз, потя-

нув Дафниш за руку. Он наклонился к матери и шепнул: — Посмотри, какая рука у леди.

Дафниш уже успела разглядеть Железную Орхидею — экстравагантного вида женщину с овальным лицом, большими выразительными глазами и волосами из серебряной филиграни. Почти все ее тело покрывали павлиньи перья: одни обрамляли талию, а другие росли из лопаток и походили на крылья. Одна ее рука была самой обыкновенной, а вот на другой, вместо пальцев, пристроился венчик диковинного белого мака, внутри которого шевелились алые губы, похожие на два кровоточащих рубца.

Пока Дафниш размышляла, что ответить ребенку, незнакомец успел представиться:

— Меня зовут Лорд Джеггед Канари.

— Мама! — напомнил о себе мальчик.

— Следи за своими манерами, — строго сказала Дафниш, почувствовав, что может попасть в неудобное положение. — Это мой сын, Снафлз, — пояснила она.

— Мальчик! — восхитилась Железная Орхидея. — Как жаль, что вас тут не было раньше. Он мог бы стать другом моему сыну, Джереку.

— А где он?

— Отравился в далекое прошлое. Что делать, в

наши дни дети не слушаются матерей.

— Сколько лет вашему сыну?

— Двести, а то и триста. Может, чуть больше. А вашему мальчику?

— Шестьдесят. А я — Дафниш Арматьюс из Арматьюса. Мы…

— Сочтем, что вы совершили свое нелегкое путешествие, чтобы позавтракать с нами, — перебила с улыбкой Железная Орхидея, после чего, склонившись к ребенку, стала гладить его по шлему экстравагантной рукой, не встретив неудовольствия.

— Мы не можем разделить с вами ланч, — сказала Дафниш, похоже, лишь для того, чтобы отсрочить капитуляцию.

— Вы не голодны?

— Мы остерегаемся дышать вашим воздухом, да и нам не до завтрака. Мы хотим одного: вернуться в нашу машину и отправиться домой, в Арматьюс.

— Если вам не подходит наш воздух, — подал голос Лорд Джеггед, — мы изменим его состав. Не беспокойтесь, вы не отравитесь.

— Нам ничего не стоит поменять и еду, — добавила Железная Орхидея. — Только скажите. Вам не нравится выбор блюд?

— Не в этом дело, — ответила Дафниш и, решив удовлетворить свое любопытство, спросила: — Как вам удалось собрать столько пищи? Вероятно, на это ушло много времени?

— Много времени? — озадаченно повторила Железная Орхидея. — Да нет, все приготовили перед самым ланчем.

— Скромный завтлак на лоне плилоды для пастухов и пастушек, — пропел Сладкое Мускатное Око и захихикал.

— К нам вот-вот присоединятся еще двое-трое путешественников во времени, — сказал Лорд Джеггед. — Выбор блюд рассчитан, главным образом, на их вкусы.

— Вы говорите о других путешественниках во времени? — воскликнула Дафниш.

— Ну, да. Не одни вы совершили путешествие на Край Времени. Вы из какого столетия?

— Из 1922 года.

— Удивительно! Вы найдете здесь свою современницу — Мисс Минг. Я познакомлю вас с ней, — Лорд Джеггед на мгновение замолчал, а затем, внимательно посмотрев на Дафниш, спросил: — Вы не считаете нас больше фантомами?

— Я просто не рассчитывала найти здесь людей, — ответила Дафниш. Ее смущала обходи-

тельность Лорда Джеггеда. Она опасалась, что, поддавшись его обаянию, потеряет способность действовать по своему разумению.

Заметив скованность Дафниш, Лорд Джеггед коснулся ее руки. В ее груди потеплело, но она тут же привела себя в чувство, сжав руку сына, словно ища у него поддержки. С чего ей поддаваться влиянию человека из одряхлевшего будущего?

— А вот и первый участник воздушного представления, — воскликнула Железная Орхидея, подняв глаза к небу.

— Пелвым был я, — обиженно сказал сладкое Мускатное Око. — Плосто мои бабочки улетели.

Дафниш подняла голову. В воздухе парила вместительная палатка, раскрашенная яркими полосами: красными, белыми и пурпурными. На ее углах развевались флаги.

— Начинается представление, — пояснил Лорд Джеггед Канари и жестом пригласил Дафниш к столу. — Вам нечего опасаться, поверьте. На Краю Времени смерти не существует. Вернее, случается, что кто-то и умирает, но его без промедления воскрешают. Попробуйте подышать нашим воздухом. Если станете задыхаться, то успеете надеть шлем.

Хорошее воспитание обязывало Дафниш при-

нять предложение, но она все еще боялась подвоха. Она увидела, что Снафлз уже взялся за шлем, и быстро остановила его, решив, что рискнет одна. Дафниш медленно подняла руки к шлему. Вдали корчился город. Ей показалось, что он смеется над ней. Она приняла вызов и сняла шлем.

Дафниш показалось, что она задыхается, но нет — после первых лихорадочных вдохов дыхание стало ровным. Не успев успокоиться, Дафниш почувствовала другую опасность — запахи! Они шли от стола — от абрикосов, авокадо, паштетов… Дафниш не удержалась и застонала. Щемящая тоска пронзила все ее существо — от кончиков ногтей до корней волос. Такое глубокое потрясение она испытала лишь раз — при появлении на свет сына. Дафниш поискала его глазами. Оказалось, что он уже устремился к столу, сняв шлем.

— Подожди! — воскликнула Дафниш, но Снафлз, пропустив окрик мимо ушей, схватил кусок мяса и вонзил в него зубы. Дафниш вздохнула. Разве откажешь ребенку? Возможно, сытно поесть ему больше не приведется. А вот ей самой надо быть тверже и не распускать слюни.

Между тем Снафлз быстро расправлялся с мясом. Казалось, он даже не разжевывает его, а просто заглатывает куски. Глаза ребенка сверка-

ли от непомерного возбуждения.

— Ах, дети! — проворковала Железная Орхидея. — Что за аппетит, залюбуешься!

— Сейчас в Арматьюсе трудности с продуктами, — поспешила пояснить Дафниш, посчитав, что в реплике собеседницы просквозила обидная снисходительность.

— И давно? — спросила Железная Орхидея, проявив вежливый интерес.

— Пожалуй, уже лет сто.

— У вас не хватает средств производства?

— Теперь хватает, но остается вопрос морали: хорошо ли положить конец дефициту?

Железная Орхидея удивленно подняла брови и вопросительно посмотрела на Лорда Джеггеда, словно пытаясь разделить с ним недоумение.

— Сытость порождает безделье, — изрекла Дафниш. — Тот, кто не доедает, в науках преуспевает. — Дафниш понимала что процитированные максимы вряд ли встретили благосклонный прием, но, тем не менее, с терпением, присущим Миссионерам, продолжила: — В Арматьюсе считают, что скудость полезнее изобилия, ибо имеющий достаток стремится его умножить. Жадность порождает убийство, а потакание своим слабостям приводит к самоубийству. Чтобы

не подвергать планету новым опасностям, мы довольствуемся только необходимым. Устойчивость — в аскетизме.

— Можно понять, что ваш мир возрождается после бедствия, — с сочувствием поинтересовался Лорд Джеггед.

— Он уже возродился, сэр, благодаря нашим предкам, основателям Арматьюса, — твердо ответила Дафниш. — Теперь Арматьюс набирает силу, следуя их заветам. Но будущее только за стоиками.

— И вы полагаете, что, следуя своим моральным устоям, сумеете избежать нового бедствия?

— Мы уверены в этом.

— Но, — Лорд Джеггед с улыбкой развел руками, — вы сами видите, жизнь на планете не умерла, хотя, уверяю вас, в нашем мире никто не разделяет ваших воззрений.

Уловив, как ей показалось, иронию, Дафниш расправила плечи и требовательно сказала:

— Если не возражаете, мы с сыном пойдем к машине. Мальчик наелся.

— А вы не станете завтракать?

— Проводите нас к кораблю!

— Ваша машина вам не поможет.

— Как? Вы хотите воспрепятствовать нам?

Лорд Джеггед вкратце рассказал Дафниш об эффекте Морфейла.

— Из него следует, — добавил он в заключение, — что у вас нет реальной возможности вернуться домой. Если вы отправитесь в путешествие, то, скорее всего, погибнете, или, в лучшем случае, окажетесь в неведомом мире. Как знать, с чем вы там встретитесь.

— Вы думаете, я испугалась? Побоюсь рискнуть?

Лорд Джеггед задумчиво поджал губы, мельком взглянул на мальчика, не переставшего двигать челюстями, и мягко сказал:

— Поешьте и вы.

Дафниш машинально взяла кусочек баранины, откусила и еле не поперхнулась. Перед ней на сине-белой траве закувыркалась тень свиноподобного существа, а воздух огласился смехом и гомоном. Дафниш подняла голову. Небо заполнилось странными существами. Пожалуй, то — гигантский комар, чуть выше бледно-зеленый электрический скат, а рядом с ним крылатая черно-белая кошка… Все существа то делали пируэты, то пикировали или уходили вниз по спирали, а потом снова вздымались в небо. Дафниш огляделась вокруг. На лужайке, по ее сто-

ронам, появились ряды разноцветных флагов на высоких флагштоках, а на углах расположились шатры из полотняной материи. Сами лужайки заполнила толпа зрителей в самых разнообразных, по виду карнавальных одеждах.

Справившись с мясом, Дафниш потянулась было к салату, но ограничилась сливой. Завершив завтрак несколькими глотками воды из золоченого кубка, она взглянула на сына. Снафлз исправно работал челюстями.

Внезапно в воздухе раздалось шипение. Дафниш взглянула вверх. В нескольких футах над головой проплывали огненные колеса. Зрители бурно аплодировали.

— Шикалное злелище, чтоб мне пловалиться! — воскликнул Сладкое Мускатное Око и подмигнул Дафниш.

Она пожала плечами и отвернулась.

— Это моя колесница, — громко пояснил чей-то бас.

— Да знаем, знаем, дорогой Герцог Квинский! — прощебетала какая-то дама, во внешности которой Дафниш нашла вопиющую дисгармонию: изумрудные глаза и зеленые губы казались несовместимыми с золотой кожей.

— Это Миледи Шарлотина из Подозерья, —

шепнул Лорд Джеггед. — Хотите с ней познакомиться?

— Она может помочь мне? Даст толковый совет?

— Миледи Шарлотина — покровительница Браннарта Морфейла, нашего величайшего ученого-безумца. По его словам, он лучший знаток Природы Времени за всю историю человечества. Возможно, он захочет поговорить с вами.

— А зачем ему покровительница?

— Все дело в традициях. Мы считаем, что нельзя пренебрегать полезным опытом прошлого. Традиции упорядочивают жизнь. Браннарт узнал о покровительстве из какой-то древней звуковой записи и решил, что оно поможет ему. А вот сейчас, благодаря сыну Железной Орхидеи Джереку, мы все увлеклись моралью.

— Что-то не очень заметно.

— К сожалению, мы столкнулись с трудностями. Никто толком не знает, что такое мораль.

Заметив подошедшую Шарлотину, Лорд Джеггед прервал пояснение и представил путешественников во времени.

— Какая прелесть! — промурлыкала Шарлотина. — Путешественники во времени! Скажите, милая Дафниш, на вас уже заявила права?

— Заявили права? — Дафниш вопросительно посмотрела на Лорда Джеггеда.

— Мы соперничаем друг с другом, — пояснил он, разводя руками. — Каждый старается опередить остальных и получить единоличное право принять гостей у себя. На вас с сыном заявил права я. Вы мои гости. Скоро увидимся.

Лорд Джеггед поклонился и отошел.

— Скопидом Джеггед! Решил пополнить зверинец, — Шарлотина оценивающим взглядом посмотрела на Дафниш. — Дорогая, у вас собственная фигура?

— Что вы имеете в виду?

— Значит, я угадала, — Шарлотина кокетливо сделала реверанс. — Я подыщу вам друзей. Говорят, у меня талант точно определять, кто с кем может сойтись.

— Не скромничайте, ангелоподобная Шарлотина. У вас масса талантов, — комплимент прозвучал из уст экстравагантного франта. Костюм его состоял из непомерных, казалось, надутых воздухом камзола и панталон, расшитых галунной тесьмой и украшенных сверкающими цепочками. Пуговицы камзола имели размер доброго капустного кочана, а пояс, терявшийся между камзолом и панталонами, выдавал себя

большой пряжкой. Ноги франта были обуты в длиннющие башмаки с высоко загнутыми носками, а на голове его красовалась фуражка с далеко выступающим козырьком.

Щеголь упал на колени, простер напудренные руки к Миледи Шарлотине и с жаром продолжил:

— О, владычица мой души, хотя мне и не отказывают в уме, рядом с вами я всего лишь несчастный неуч. Как я хочу перенять у вас хотя бы крупицу вашей исключительной мудрости!

— Добрый день, Доктор Волоспион, — ответила Шарлотина, после чего отошла, бросив через плечо: — Вы сегодня подобрали неплохие духи.

Эти слова стали единственной наградой велеречивому франту, хотя, казалось, он мог рассчитывать и на большее: его слушали с нескрываемой благосклонностью.

Доктор Волоспион поднялся, звякнув цепочками, и, нимало не смущенный равнодушием Шарлотины, взглянул на Дафниш, растянув рот в улыбке.

— Я ищу женщину, которой смог бы отдаться весь без остатка, — сказал он, отряхивая со штанин голубые травинки. — Правда, я немного замешкался: сезон в самом разгаре. Многие уже

вовсю предаются любовным утехам, а кое-кто даже успел ими пресытиться, — Доктор Волоспион внимательно оглядел Дафниш и вкрадчиво произнес. — Могу я узнать, какого вы сейчас пола?

— Я женщина, сэр. Замужняя женщина из благородного Арматьюса. Я поклялась терпеть лишения и трудиться не покладая рук вместе со всеми, пока меня не сменит мой сын.

— Но сейчас вы не в Арматьюсе, а на Краю Времени. Почему бы вам не соединиться со мной, пока не наступил Конец Света?

— Оставьте меня!

— Я понимаю вас: любовь выходит из моды, но только, по мне, она дарит усладу в любое время. Разве не упоительно отдаться другому, сделать его своим всевластным хозяином? — Доктор Волоспион приблизился к Дафниш. — Ах, я вижу, что произвел на вас впечатление.

— Да оставьте меня!

— У вас дрогнул голос. Вы заколебались.

— Ошибаетесь, Доктор Волоспион.

— Подумайте, мы реконструируем наши тела, и у нас будет ребенок.

— Однажды меня уже оперировали. У меня есть ребенок. Другого не будет.

Дафниш поискала глазами сына, неожидан-

но испугавшись, что на него окажут пагубное влияние: еще бы, его окружали люди, не только не знакомые с истинной нравственностью, но и глумящиеся над самым чистым и сокровенным.

— Снафлз!

— Я здесь, мама, — откликнулся мальчик, прервав разговор с высоким сухопарым субъектом, на голове у которого возвышалась зубчатая корона высотой в его рост.

— Подойди ко мне!

Снафлз нехотя вылез из-за стола, не забыв прихватить пирожное, и, отдуваясь, вразвалку направился к матери. Его лицо было все перемазано, волосы слиплись, а на комбинезоне пестрели пятна от соуса и варенья.

Между тем на небе стали составляться из облаков причудливые фигуры. Они меняли краски и очертания и выглядели очень эффектно.

Сжав липкую руку сына, Дафниш собралась отчитать его за чрезмерность в еде, но, взглянув на счастливое лицо мальчика, передумала, посчитав, что с ребенка не следует спрашивать, как со взрослого. В Арматьюсе детям часто не давали наесться лишь потому, что сами родители не могли позволить себе поесть досыта. На Краю Времени следовать их примеру бессмысленно, благора-

зумно решила Дафниш. Когда она окажется с сыном дома, ему не составит труда вернуться к умеренности в еде, недаром он прилежно учился. А вот если им суждено здесь остаться, то ребенку лучше не выделяться и принять существующий уклад жизни. Когда он достаточно возмужает, она передаст ему статус взрослого и тем самым покончит с собственными страданиями.

Дафниш обвела глазами толпу. Ей показалось, что она попала на карнавал, а вокруг нее одни маски, и каждая из них — издевка над человеком. Правда, Дафниш, все еще питала некоторую надежду, что ей поможет Лорд Джеггед, явно выделявшийся из толпы, но тот куда-то запропастился.

Зато Шарлотина быстро напомнила о себе. Она подошла к Дафниш с какой-то женщиной и торжествующе улыбнулась, выйдя из образа Печального Арлекина.

— Я вмиг выполняю свои обещания, милая Дафниш. Это Мисс Минг, ваша современница. Надеюсь, вы подружитесь.

— Я сейчас хочу одного: вернуться в свою машину. Мальчик устал. Ему надо выспаться.

— Нет-нет! И не думайте уходить. Праздник в самом разгаре. Да и поговорите с Мисс Минг. У

вас, должно быть, немало общего.

Перед Дафниш стояла полная, еще молодая женщина с болезненно бледной кожей, с вялыми, хотя и тщательно причесанными длинными белокурыми волосами. Непривычно простым казался ее костюм: оранжевые штаны из грубой бумажной ткани, бледно-голубая рубашка и того же цвета неказистый жакет. Женщина оценивающе посмотрела на Дафниш, сочетая во взгляде теплоту и расчет. Затем натянуто улыбнулась.

— Вы из какого столетия? — спросила Шарлотина, наморщив позолоченный лобик. — Вы говорили, да я забыла.

— Мы с сыном из 1922 года.

— А Мисс Минг из 2067-го. Еще недавно она жила в зверинце Волоспиона. Одна из немногих, кто пережил эпидемию.

Мисс Минг, не церемонясь, обняла Дафниш за плечи и, вложив доверительную нотку в свой голос, монотонно заговорила:

— Представляете, у Монгрова, коллекционирующего болезни, сбежала часть болезнетворных микробов. Они проникли в зверинец Волоспиона и скосили половину его обитателей. Их даже не воскресили. Когда спохватились, уже было поздно. А с Монгрова, как с гуся вода. Доктор с

ним больше не разговаривает. Никак не могла подумать, что путешествие во времени было осуществлено еще в 1922 году, — Мисс Минг на мгновение замолчала, а затем, надув, как ребенок, губы, сердито добавила: — К тому же, мне всегда говорили, что я первая путешественница во времени.

Дафнис почувствовала, что Мисс Минг может показать зубы.

— К преодолению временного пространства у нас готовились только женщины, — присовокупила Мисс Минг. — Я стала первой из них.

Прижав к себе сына, Дафниш решительно возразила:

— Первые машины времени созданы в Арматьюсе. В 1920 году мы построили машину для путешествия в прошлое, а в 1922 году — для путешествия в будущее. На этой машине я и прилетела сюда.

Уголки губ Мисс Минг поползли вниз, она стала похожа на растревоженную тигрицу.

— Кто-то из нас не прав, но я историк и не могу ошибиться. А от какой даты у вас ведут летосчисление?

— От первого рождения…

— Христа?

— Первого ребенка после всеобщего бесплодия, вызванного катастрофой. В Арматьюсе изобрели способ…

— Все ясно! — с удовлетворением в голосе снова перебила Мисс Минг. — Мы с вами из разных тысячелетий. — Она взяла Дафниш под руку и бойко продолжила: — Но это не должно помешать нашей дружбе. Вы такая утонченная и застенчивая, совсем как ребенок.

Дафниш поспешила освободиться. Она смочила перчатку в воде и вытерла лицо сыну. Помотав головой, мальчик облегченно вздохнул и уставился в небо.

— Вы замужем? — спросила Мисс Минг.

— За своим кузеном из Арматьюса, — холодно ответила Дафниш и попыталась отойти в сторону, но Мисс Минг вцепилась ей в руку, крепко сжав локоть. Дафнис поморщилась.

Над головами зрителей промчались три белые летучие мыши, несколько раз синхронно перевернувшись и огласили воздух свистом своих двадцатифутовых крыльев. Заиграла труба. Толпа снова зааплодировала.

— Я развелась перед тем, как отправиться в путешествие, — сообщила Мисс Минг и заглянула Дафниш в глаза, словно собираясь услышать не

менее интимное откровение. Не дождавшись, она фамильярно продолжила, будто говорила со своей близкой подругой. — Мой муж был известным ученым родом из респектабельной семьи старожилов Айовы. Но он был таким же, как все мужчины. Ты понимаешь. Они считают, что дарят тебе блаженство, появляясь у тебя в спальне раз в месяц, а если спят с тобой раз в неделю, то мнят себя Казановами. К тому же все мужчины глупы, только, как подметила Бетти Стерн, свою тупость они прикрывают грубостью, которую многие женщины принимают за мужественный характер. На этой наивности и держатся все счастливые браки. Только я-то свою ошибку в конце концов осознала. Иначе меня бы здесь не было. А у себя мы подобрали команду из одних женщин — поняла, почему? — и совершили настоящий прорыв в науке, показав зазнавшимся кобелям, как могут работать суки. А здесь мне нравится. Понимаешь, что я имею в виду? Тебе какие подружки нравятся?

Дафниш пропустила вопрос мимо ушей, разыскивая глазами в толпе Лор да Джеггеда Канари. Наконец, ее старания увенчались успехом. Лорд Джеггед разговаривал с невысоким желтолицым мужчиной, одетым в голубой сатиновый ком-

бинезон. Лавируя между зрителями, Дафниш направилась к Лорду Джеггеду, таща за руку сына, засыпавшего на ходу. Мисс Минг последовала за ней. Заметив Дафниш, Лорд Джеггед наклонился к своему собеседнику и что-то шепнул ему на ухо. Затем познакомил с ним Дафниш.

— Ли Пао, это Дафниш Арматьюс из Арматьюса. Позвольте представить вам, Дафниш, Ли Пао. Он из двадцать седьмого века.

— Она не понимает, о каком веке вы говорите, — вмешалась Мисс Минг. — У них в Арматьюсе свое летосчисление. Они ведут счет годам от какого-то первого рождения.

Лорд Джеггед закатил глаза и развел руками. Ли Пао слегка поклонился.

— Товарищ Арматьюс, вы, конечно, поражены здешними нравами? — спросил китаец.

Истолковав молчание за согласие, он сардонически улыбнулся.

— Оказавшись на Краю Времени, я был поражен не менее вас, но затем понял: беспокоиться не о чем. Богатые прибегают к насилию лишь тогда, когда возникает угроза их благоденствию, а здесь такой угрозы просто не может быть. Если вам показалось, что обитатели Края Времени падки на развлечения, не судите их слишком строго,

им больше нечем заняться. Здесь нет нужды, любая потребность доступна. Природа покорена Искусством. Ресурсы Края Времени безграничны, ибо их черпают из вселенной. Сначала города аккумулируют галактическую энергию, а затем ею пользуется всякий, кому не лень. Звезды гаснут по пустякам. Кто-то принарядился — глядишь, одной звездой меньше, — в тоне Ли Пао сквозила ирония, но не было осуждения.

Неожиданно раздался громкий крик Снафлза. На толпу медленно опускался какой-то огромный металлический аппарат, покрывая лужайку зловещей тенью. Казалось, еще мгновение, и от зрителей останется мокрое место. Но нет: остановившись в нескольких футах над головами, аппарат покачался и поплыл в сторону. Притихшая было публика зашумела.

— Период Первого Рождения? — задумчиво произнес Лорд Джеггед. — По моим подсчетам, ваш 1922 год соответствует 9478 году от Рождества Христова. Летоисчисление, принятое в Эпоху Рассвета, наиболее удобная система определения времени по годам. Вам не позавидуешь: в десятом тысячелетии люди столкнулись с большими трудностями. Насколько я знаю, вам пришлось восстанавливать всю планету, начиная с ядра и

кончая атмосферой.

Эрудиция лорда Джеггеда успокоила Дафниш. Образованный человек не откажет в помощи. Да и Ли Пао может помочь. Дафниш обрела хладнокровие.

— Это была трудная, изнурительная работа, Лорд Джеггед, — пояснила она, — все трудились, не щадя сил. Самопожертвование было нормой.

— Самопожертвование! — ностальгически воскликнул Ли Пао. — К сожалению, о таком понятии здесь даже не слышали. Если вы пожертвуете собой ради блага других, этого попросту не заметят.

— Тогда все они глубоко несчастны. Вот и плата за праздность.

— Вы считаете нашу жизнь никчемной? — спросил Лорд Джеггед.

— К сожалению. Судите сами, вокруг упадок и разложение, последняя стадия романтического недуга, чьи симптомы — вакханалия чувств и погоня за пустыми эффектами. Впереди — гибель духа и гниение плоти. Лекарство одно — смерть. Ваши фантазии могут показаться безобидными детскими играми, однако на самом деле они являют собой полную деградацию. Вы — живые трупы, хотя и мните себя творцами. Меня не

обманешь.

— Каждый рассуждает по-своему, — невозмутимо ответил Лорд Джеггед. — Далеко не все способны понять других, разделить чужие вкусы и склонности. Большинство предпочитает любоваться собой и порицать окружающих.

Дафниш смутилась и отвела глаза в сторону. Она почувствовала, что была слишком резкой.

— Вам не по душе наши нравы, — продолжил Лорд Джеггед, — а люди нашего мира вряд ли одобрят ваш образ жизни, прямолинейный и бездуховный. Каждому свое. К примеру, Ли Пао — приверженец строгой логики. Его приводит в восторг изящная формула. Мудреные теоремы доставляют ему такое же удовольствие, как мне — изысканный афоризм. Я сочиню занимательный парадокс и тем счастлив, а Ли Пао для полного счастья необходимо упорядочить мир, ввести в нем собственную систему жизненных ценностей, утвердить ее на века и тем самым не допустить хаоса, который он воспринимает лишь умозрительно. Для нас хаос — это не хаос, а жизнь, переменчивая, бодрящая, сопряженная с опасностями, но и приносящая радости. Наш мир поет и сверкает тысячами самых разнообразных оттенков. Мы живем на одной планете, но каж-

дый из нас — индивидуальность. Разве нас можно судить за то, что мы не приемлем однообразия?

— Вы рассуждаете, Джеггед, как выходец из Эпохи Рассвета, — заметил Ли Пао.

— Вы же знаете. Путешествовать во времени доводилось и мне.

— А среди вас найдутся такие, кто готов трудиться на благо других? — спросила Дафниш.

Лорд Джеггед рассмеялся.

— Мы служим своим друзьям, придумывая для них развлечения. Хотя, пожалуй, и среди нас есть такие, кто мог бы принести пользу, о которой вы говорите, — Лорд Джеггед ненадолго задумался, затем вздохнул и продолжил. — К примеру, Вертер де Гете, если бы жил в другую эпоху. Или Ли Пао. Он способен усмотреть непорядок там, где другим видится красота. Будь у него возможность, он бы снес наши руинные города и возвел бы другие с типовыми постройками, населив их честными гуманными тружениками, чье спокойствие духа опирается на надежду сделать карьеру и уверенность в обеспеченной старости. Для таких людей поездка к морю или неожиданная гроза — настоящее приключение, а комфортные условия жизни — предел мечтаний. Но можно ли считать такую жизнь тоскливой? Нет! Ли

Пао и его единомышленникам лучшей не надо. Подойдет она и для Арматьюса, — Лорд Джеггед потер нос и добавил: — Каждый из нас — продукт своего общества.

— Когда в Риме… — подала голос Мисс Минг, оторвав взгляд от чудовища, представшего над толпой под одобрительный гул.

— Разумеется, — недовольно оборвал Джеггед. Он посмотрел на Дафниш и по-отечески улыбнулся.

— Не пренебрегайте чужими взглядами, дорогая. Уважайте их, но оставайтесь верны себе. Если вы кому-то слепо поверите, то закабалите себя. Кому-то холстина милее шелка, кому-то молоко слаще вина, но тот, кто познал жизнь во всех ее проявлениях, не станет отдавать предпочтение чьим-то вкусам или ставить одних людей выше других.

— Нисколько не сомневаюсь, Лорд Джеггед, в ваших добрых намерениях, — ответила Дафниш. — Я, возможно, воспользовалась бы вашими наставлениями, если бы осталась на Краю Времени. Но я собираюсь вернуться домой, в Арматьюс.

— У вас ничего не выйдет! — с очевидным удовольствием заявила Мисс Минг.

Лорд Джеггед пожал плечами.

— Я же говорил вам об эффекте Морфейла.

— Я найду выход из положения, — упрямо сказала Дафниш.

— А как же рак? — самодовольно спросила Мисс Минг, посчитав, что отыскала изъян в аргументации Лорда Джеггеда. — Неужто нам прыгать от радости, заметив его симптомы?

— Вы стараетесь запутать вопрос, — ответил Лорд Джеггед, снисходительно улыбнувшись, — хотя и знаете, что на Краю Времени не существует болезней. Впрочем, в ваших словах что-то есть. Может, кто и в самом деле прыгал бы от радости, узнав, что заболел раком. Среди нас найдутся такие, кто готов испытать физические страдания, чтобы усладить душу.

— У вас мудреная аргументация, Лорд Джеггед, — в сердцах сказала Мисс Минг, — а логика, на мой взгляд, хромает.

— Я польщен, что в моих рассуждениях вы нашли хоть какую-то логику, — ответил Лорд Джеггед. Он осторожно коснулся спины Дафниш, а другой рукой обнял за плечи Ли Пао, словно беря обоих под свое покровительство. Мисс Минг потопталась на месте и нехотя удалилась.

В небе появились восемь драконов. Они валь-

сировали под музыку невидимых оркестрантов, и даже Дафниш оценила изящный номер, досмотрев его до конца. Когда драконы, раскланявшись, удалились, она спросила:

— И вы всем довольны?

— Чего же еще желать? Говорят, Вселенная доживает последние дни. И что же? Разве кто-то из нас растерян, подавлен?

— Вы пытаетесь забыться, устраивая подобные праздники.

Лорд Джеггед покачал головой.

— Наш образ жизни был таким же и раньше.

— И вас не волнует приближение Конца Света? Вы не боитесь? Относитесь к будущему бездумно?

— Боюсь, у вас превратное представление о жизни на Краю Времени. А разве вы у себя не пытаетесь выстроить мир, свободный от страха?

— Конечно, это одна из наших первостепенных задач.

— А на Краю Времени страха как не было, так и нет, даже перед лицом тотального уничтожения.

— Значит, ваша жизнь тускла и неинтересна: вы лишены природных инстинктов.

— Вы почти правы. На Краю Времени люди сохранили немногие из инстинктов. Скажите,

а среди ваших философов не попадались обличители природных инстинктов, считавшие их причиной былой катастрофы?

— Инстинкты инстинктам рознь. Мы не приемлем пагубные инстинкты и действуем так, чтобы катастрофа больше не повторилась. Мы развиваем в людях самопожертвование, поощряем труд на благо общества, бичуем пороки.

— Которые продолжают существовать. А у нас их нет и в помине. На Краю Времени не существует ни пороков, ни добродетели.

— А любовь?

— Недавно, кажется, ее возродили.

— Трудно поверить. За мной пытался ухаживать Доктор Волоспион. Одни ужимки и краснобайство, — Дафниш зажмурилась: в небе — одно рядом с другим — загорелись два солнца. Они слегка покачались, озаряя лужайку слепящим светом, потом устремились ввысь, быстро уменьшаясь в размерах, а затем и вовсе исчезли. Придя в себя, Дафниш продолжила:

— Как я сумела заметить, то, что вы зовете «любовью», всего лишь похоть, которая, в случае неудачи, выливается в ревность и озлобление, а от озлобления рукой подать до цинизма.

— По-вашему, мы циники?

Дафниш ответила не сразу, привлеченная громом аплодисментов. Оказалось, что поздравляли какого-то старца с окладистой бородой, вероятно, постановщика последнего номера.

— Я так думала, — сказала она.

— А сейчас?

— У меня складывается впечатление, Лорд Джеггед, что вы стараетесь примирить меня с Краем Времени. Я, пожалуй, не против унять свой пыл и отчасти согласиться с вашим образом жизни, если мы вернемся к проблеме, которая не дает мне покоя. Мой муж уже, наверное, тревожится за нас с сыном и с нетерпением ждет нашего возвращения. В Комитете, где я служу, тоже волнуются. Я хочу вернуться в свою эпоху, пусть непривлекательную, на ваш взгляд, но привычную и для меня, и для сына. Вы говорили, что возвращение в прошлое невозможно. Я с этим не смирилась и не смирюсь. Но нельзя ли сейчас передать в Арматьюс послание или появиться там хоть на секунду, чтобы дать знать, что я жива и здорова?

— Вы говорили, что стремитесь принести пользу обществу, — вмешался Ли Пао. — Если вы действительно заботитесь о других, вы не должны пускаться в новое путешествие, ибо такая

попытка сопряжена со смертельным риском. Морфейл предупреждает: со временем шутки плохи. В лучшем случае вы вернетесь в прошлое, но лишь на какой-то миг. Вас даже не успеют заметить. Поток Времени понесет вашу машину обратно в будущее, и если только вы не погибнете, выбросит вас в любом из миллионов грядущих лет. Кто знает, в какой эпохе вы можете оказаться. Законы времени чрезвычайно суровы.

— Я не боюсь опасностей, — твердо сказала Дафниш. — Я готова рискнуть, но только…

— Одна, без сына, — мягко добавил Лорд Джеггед.

— В Арматьюсе учат самопожертвованию, но не рискуют детьми. Мы живем ради них.

На лужайку снова упала густая тень. Над головами зрителей в мерцающих облаках, лязгая, дребезжа и скрипя, казалось, наспех собранными частями и беспорядочно размахивая разновеликими крыльями, проплывал огромный корабль, построенный из слоновой кости.

— Впечатляющее завершение праздника, — невозмутимо сказал Лорд Джеггед.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПОЯСНЕНИЯ АВТОРА

До сих пор ваш рассказчик выступал добросовестным хроникером того, что ему довелось услышать из уст путешественников во времени, с которыми ему посчастливилось побеседовать. Однако теперь, чтобы придать динамизм повествованию, автор считает полезным лишь вкратце остановиться на эпизодах, которые предшествовали куда более интересным и драматичным событиям.

Скажем также, что нет нужды подробно описывать чувства Дафниш, ибо переживания путешественников во времени хорошо известны читателю по другим сказаниям и легендам. Отметим только одно: она примирилась с эффектом Морфейла. Время выбросило Дафниш в самодовольную цивилизацию на милость людей, воспринявших ее всего лишь как экзотическое забавное существо. Она пыталась постоять за себя, но ее внутренний мир не находил понимания у купавшихся в роскоши наследников безмерных богатств, накопленных человечеством. Для

обитателей Края Времени горе являлось простым жеманством, а смятение — стародавним понятием, смысл которого был безвозвратно утерян. Они уделяли Дафниш внимание, пока находили ее забавной, а привыкнув, почти не замечали ее, находя новые развлечения. Обитатели Края Времени даже не подозревали о том, что поступают жестоко. Они беспечно забавлялись несчастными существами, заброшенными в их мир, уподобляясь наевшемуся коту, играющему с пойманной мышью. Страдание им было неведомо, а те, кто выдавал себя за страдальцев, на самом деле лишь рисовались.

Дафниш было не до притворства. Она страдала по-настоящему, хотя не смела признаться в этом даже себе. Более всего ее беспокоила судьба сына. В Арматьюсе регулировали рождаемость, и Дафниш полжизни зарабатывала на право иметь ребенка. Шестьдесят лет она мечтала о том, чтобы скорее наступило время, когда сына возведут в статус взрослого, и он займет ее место. Забирая его в опасное путешествие, она искренне полагала, что поможет Снафлзу отличиться и тем самым приблизит это событие. Однако все пошло прахом. Ее планы оказались разрушенными, а служить чуждому ей мирку она не хотела, да

и хорошо понимала, что в ее услугах попросту не нуждаются. Поселившись во дворце Лорда Джеггеда Канари, она то впадала в отчаяние, то строила планы бегства, оставаясь неизменной в одном: отвергала любые соблазны, следуя своим моральным устоям. Поблажки делала только сыну, допуская приемлемую вольность в одежде и разборчивость за столом.

Временами Дафниш забирала с собой ребенка и отправлялась с ним на прогулку. Они знакомились с миром, напоминавшим пустынные ландшафты Земли из их далекого прошлого. Кое-где они натыкались на полувозведенные заброшенные постройки, следы незавершенных проектов обитателей Края Времени. И хотя кругом царили хаос и запустение, Дафниш с удовольствием созерцала окрестности, теперь находя их достаточно привлекательными.

Во время таких прогулок Дафниш отдыхала душой. Снафлз лазал по осыпавшимся горам, оглашая воздух восхищенными криками при каждом новом открытии, а она сидела на камне и смотрела на блеклые облака, прислушиваясь к жалобным стонам ветра. В такие минуты ей представлялось, что жизнь на планете только что зародилась, а она самая первая, может даже

единственная ее обитательница. В Арматьюсе Дафниш и часа не оставалась одна, наедине со своими мыслями, а здесь неожиданно поняла, что одиночество — то самое состояние, к которому она потаенно стремилась. Ей даже казалось, что она отправилась в путешествие лишь для того, чтобы очутиться среди холодного спокойствия безжизненной планеты. Затем она вспоминала о сыне. Снафлз то карабкался в гору, то забирался на невысокий утес, то скатывался по склону, чтобы тут же полезть обратно. Дафниш ловила себя на мысли, что рискнула жизнью ребенка в поисках одиночества, винилась и давала в душе зарок, что не станет впредь подвергать сына опасности ради собственных интересов.

В угасавшем Эдеме был и свой дьявол в образе вездесущей Мисс Минг, не дававшей Дафниш покоя. Лорд Джеггед исчез — то ли отправился в путешествие, то ли уединился в подземной лаборатории. Пользуясь беззащитностью Дафниш, Мисс Минг донимала ее визитами, а если Дафниш не было в замке, то под благовидным предлогом находила ее даже в самых уединенных местах. Всякий раз на Дафниш обрушивался целый ворох сплетен и новостей. Мисс Минг знала обо всем, начиная с причуды Волоспиона, населившего

свой дом душевнобольными («скоро сам станет психом») и кончая цветом облаков под Оттавой («не ахти какой удачный миниатюрой, возведенной Герцогом Квинским»). Выложив новости, Мисс Минг принималась за Дафниш. Советы сыпались один за другим: как ухаживать за кожей лица, что носить, чем питаться, как лучше обставить комнаты и на что обратить внимание, воспитывая ребенка (своих детей у Мисс Минг не было).

— Ах, дорогая, я только стараюсь тебе помочь, — говорила Мисс Минг. — Тебе трудно освоиться с новым миром. Мы, оторванные от дома, должны держаться друг друга. Иначе пропадем ни за грош. Да не горюй, я с тобой.

Дафниш сопротивлялась, в свою очередь отыскивая предлог, чтобы избавиться от назойливой гостьи. Не тут-то было. Если, к примеру, она ссылалась на необходимость уложить Снафлза спать, ее тут же ожидали новые поучения:

— Ты портишь ребенка. Ему пора становиться на ноги. Занимаясь сыном, ты просто прячешься от действительности. Кудахчешь над ним, чтобы не думать о личной жизни. Кому это надо?

В конце концов Дафниш не выдержала и однажды указала Мисс Минг на дверь. Та отреа-

гировала по-своему:

— Раздражительность перед менструацией. Обычное явление. Скоро пройдет.

Пропустив мимо ушей пояснение Дафниш, проронившей, что у нее никогда не было менструального цикла, Мисс Минг посоветовала получше выспаться и пообещала зайти на следующий день.

Застав Дафниш снова не в духе, Мисс Минг заявила:

— Ты нервничаешь из-за ребенка. Предоставь его самому себе, а сама развлекись.

Затем она устроилась рядом с Дафниш и, вцепившись в ее колено по-паучьи липкой рукой, веско добавила:

— Тебе нужен друг, способный понять тебя, вроде меня. Только женщина знает, чего хочет другая женщина.

Откровение не застало Дафниш врасплох. Она давно поняла: Мисс Минг спит и видит ее в своих цепких объятиях. Зря старается: в Арматьюсе не поощряли любовь даже между мужчиной и женщиной, а половые связи с людьми, в которых не текла кровь Арматьюса, были и вовсе запрещены. Широко бытовало мнение, что секс стал одной из главных причин, поставивших человечество на

грань вымирания. Выход из положения нашли в регулировании рождаемости с помощью нового способа воспроизводства детей.

Но, хотя Дафниш и ощущала себя одинокой, она неизменно уклонялась от поползновений Мисс Минг навязать ей интимные отношения. Объясняя свои неудачи кокетством Дафниш, Мисс Минг не сдавалась и продолжала осаду, призвав на помощь хитрости гардероба, но ни строгий костюм, ни смелое платье, ни наряд точь-в-точь как у Дафниш, не приводили к успеху. Однажды она явилась во дворец нагишом — впустую! Отчаявшись, Мисс Минг придала себе внешность Дафниш, но это преображение и вовсе обернулось конфузом. Увидев пародию на себя, Дафниш так ужаснулась, что бедной Мисс Минг пришлось пойти на попятную.

Доведенная до отчаяния преследованиями Мисс Минг, Дафниш стала появляться на приемах и вечерниках, хотя шум, витиеватые разговоры и никчемные представления наводили на нее скуку, заставляя вспоминать о чудесных прогулках, от которых ей пришлось отказаться. Иногда она брала с собой Снафлза, а когда тот оставался в замке, за ним присматривали роботы Лорда Джеггеда.

Мисс Минг не оставляла своих попыток и на людях, но Дафниш удавалось отделаться от нее, найдя себе собеседника — то Ли Пао, общение с которым казалось почти приятным, то Железную Орхидею, а то и Сладкое Мускатное Око. Однако увеселения не приносили ей удовольствия, она не принимала обитателей Края Времени, оставаясь верной идеалам благородного Арматьюса, куда, вопреки всему, надеялась возвратиться.

Отметив антипатию Дафниш к увеселениям, скажем также, что она и сама не блистала в обществе. Ее рассказы об Арматьюсе обитателям Края Времени казались неинтересными, ее реплики — пресными, а ее сухость и рассудительность не давали обильной пищи для шуток. Снафлз пользовался несравнимо большим успехом: ребенок на Краю Времени был поистине редкостью. С ним разговаривали гораздо охотнее, баловали, а кто-то даже предложил «усовершенствовать» мальчика. Услышав об этом ужасе, Дафниш велела сыну держаться рядом, что привело к печальному результату: теперь на них обоих почти не обращали внимания, расчистив место для вездесущей Мисс Минг.

Хотя Дафниш и порицала обитателей Края Времени, их пренебрежение задевало ее, но она

хорошо понимала, что причина этого невнимания кроется в ней самой, в ее взглядах на жизнь, которыми она не могла пожертвовать ради удовольствия быть на виду. Снафлз не проявлял подобной твердости духа, но Дафниш была уверена, что, воспитанный в Арматьюсе, ребенок сам поймет, что к чему, и потому не одергивала его, ни когда он, раскрыв рот, восхищался нелепыми парадоксами, ни когда повторял услышанные от кого-то двусмысленные стишки, ни даже в тех случаях, когда упрекал ее в нелюдимости.

Откуда ей было знать, что балансирование между потворством и твердостью приведет их обоих к трагическому концу, а ее гордость и благородство станут подоплекой их гибели? Разумеется, совокупность всех этих качеств не предвещала трагедии, без движущей силы было не обойтись. К сожалению, эта сила нашлась в лице жалкой и ничтожной Мисс Минг, существа, лишенного идеалов и здравомыслия, выдававшего похоть за истинную любовь и скрывавшего алчность под маской участия.

На этом автор, проговорившийся о печальном конце истории Дафниш из Арматьюса, возвращается к Миссии хроникера и вновь ступает на прямую дорогу повествования.

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ СНАФЛЗ ОБРЕТАЕТ ПОДРУГУ

Герцог Квинский, сверкая жемчугами в окладистой бороде и освещая путь факелом, вел своих гостей по пещерам, отдавая дань новому увлечению обитателей Края Времени, получившему название «Андеграунд» и возникшему после того, как было найдено подземелье времен Производителей Деспотов, в котором с младенчества воспитывались будущие тираны. Он показывал зрителям гроты со сталагмитами, убегающих троглодитов, иссиня-черные реки с белыми рептилиями и бесцветными рыбами и самодовольно давал пояснения раскатистым сочным голосом, которому вторило многоголосое эхо.

— Этим пещерам не видно конца! — с притворным ужасом в голосе проверещала Мисс Минг, разрывавшаяся между Дафниш и Герцогом, перед которым благоговела. — Они мрачнее подвалов Епископа Тауэра, таинственнее подземных чертогов Гуру-Гуру.

— Не вижу в них ничего особенного, — холодно

возразила Дафниш, озираясь по сторонам в поисках бокового тоннеля, где можно было бы на время уединиться.

— Ты просто не хочешь видеть. Как всегда, закрываешь глаза на очевидные вещи.

Отделаться от неотвязной пиявки можно было только одним путем: найти другого провожатого, но Дафниш не могла поступиться чувством собственного достоинства, чтобы заплатить за услугу.

— А тебе, Снафлз, пещеры нравятся? — спросила Мисс Минг.

Мальчик кивнул.

— Таких ты в жизни не видел, ведь правда?

— Не видел, — монотонно ответил Снафлз.

— Устами младенца глаголет истина! — с мистицизмом в голосе провозгласила Мисс Минг. — Дети легко замечают то, до чего нам, взрослым, надо доискиваться. О, как я хотела бы стать снова маленькой девочкой!

Дафниш выручил Сладкое Мускатное Око. Заметив ее и Снафлза, он протиснулся сквозь толпу и возбужденно затараторил:

— Приветствую путешественников во времени! По этим пещерам чрезвычайно трудно передвигаться. Гроты, провалы, коварные повороты.

Дафниш зажала уши: Сладкое Мускатное Око утратил картавый выговор и теперь, наоборот, громыхал во всю мочь. Тем не менее, она оперлась на его руку, оставив сына с Мисс Минг.

— Как вы находите эти гроты? — спросил Сладкое Мускатное Око.

— Гротескны.

— Ага! — Сладкое Мускатное Око расцвел в улыбке. — Вот видите! Вы совершенствуетесь! Может быть, мы осмотрим один из гротов вдвоем? — Он выразительно посмотрел на Дафниш и, не дождавшись ответа, смиренно вздохнул.

Тем временем тоннель стал шире и выше. Раздались восхищенные голоса. Герцог Квинский поднял руку, чтобы восстановить тишину.

— Не думайте, что эти пещеры мое творение. Они настоящие. Я наткнулся на них во время работы. Обратите внимание на стены. Известняк! До сих пор бытовало мнение, что этого минерала на планете больше не существует.

Руки зрителей благоговейно потянулись к мокрым гладким стенам тоннеля, остаткам горных образований, возникших еще задолго до Эпохи Рассвета. Дафниш не разделила общего восхищения. Мертвенно-бледные заплесневелые стены производили на нее гнетущее впечатление. Ей

казалось, что гниет плоть Земли.

Подземелью не видно было конца. Теперь Дафниш стало казаться, что мрачные стены тоннеля вот-вот сомкнутся и раздавят ее. Она вспомнила, как однажды испытала такое же ощущение, оказавшись в тисках запаниковавшей толпы. Дафниш сжала руку Сладкому Мускатному Оку, словно ища у него защиты, хотя видела: ему скучно с ней.

Лабиринт не кончался. Отчаявшись, Дафниш решила пойти обратно, уже повернулась, но, заметив плотоядную улыбку Мисс Минг, пошла дальше. Сладкое Мускатное Око некоторое время рассеянно взиравший по сторонам, заговорил снова:

— Вы не поверите, как рассердился Браннарт Морфейл. Насел на меня. А с какой стати мне уступать? Я первый нашел ее. Пусть сделает себе дубликат, я не против, но оригинал принадлежит мне по праву.

— Вы о чем говорите?

— О вашей машине времени.

— Она у вас?

— Я украсил ею свою коллекцию.

— Как? — Дафниш на мгновение растерялась. — Не обнаружив ее на месте и впустую потратив

время на расспросы о ней, я решила, что машина сама себя уничтожила.

— Признаюсь, пришлось пуститься на хитрость. Я спрятал машину, иначе она могла попасть в руки Браннарта. Теперь, когда прошло время, я выставил ее на всеобщее обозрение.

— Машина принадлежит Арматьюсу. Раз она цела, присматривать за ней должна я.

— Но она вам больше не понадобится, — возразил Сладкое Мускатное Око.

У Дафниш не было сил возражать, и она промолчала. Неожиданно у нее за спиной раздался смех. Смеялся Снафлз, пяля глаза на какой-то камень, который показывала ему Мисс Минг.

— Посмотри, мама! — радостно завопил он. — Доктор Волоспион как живой!

Дафниш не нашла никакого сходства, хотя в куске известняка действительно угадывались черты человеческого лица.

— Только что-то он больно скуксился, — протянула Мисс Минг.

Снафлз снова залился смехом.

— Мама, да посмотри же! Как ты не видишь!

Дафниш умиленно улыбнулась: Снафлз сиял, а Мисс Минг что-то нашептывала ему. Оказывается, эта несносная женщина знает, как поладить с

ребенком. Выходит, не очерствела душой. Снафлз еще ни разу так заразительно не смеялся.

Подземелье подхватило смех мальчика и, казалось, вместе с ребенком смеются все пещеры и коридоры.

Бросив камень, Мисс Минг схватила Снафлза за руки и пустилась с ним в пляс, на ходу сочиняя песенку про невезучего Доктора. Снафлз хохотал до упаду, что-то шептал партнерше, и тогда та тоже смеялась.

— А, скверный мальчишка! — наконец, задыхаясь, выпалила Мисс Минг, грозя ему пальчиком. Обернувшись к Дафниш, она продолжила: — Твой сын сообразительнее, чем ты думаешь. Все схватывает на лету.

Лицо Дафниш просияло в улыбке. Внезапно она поймала себя на мысли, что радуется не только за сына, но и за себя тоже. Мисс Минг занялась ребенком, и теперь, хотя бы на время, можно вздохнуть спокойно. Дафниш повеселела и даже одарила Мисс Минг доброжелательным взглядом, решив, что та из тех простоватых женщин, которые находят себя, общаясь с детьми. Рассудив таким образом, Дафниш ограничилась этой мыслью.

Тем временем тоннель привел в большую пе-

щеру. Дафниш огляделась. Пещера оказалась целым подземным залом с высоким куполообразным потолком из желтовато-зеленого нефрита, пропускавшего, слегка окрашивая, солнечные лучи. Стены зала были в плюще, а пол устлан мхом, среди которого там и сям виднелись небольшие колонии желтых и бледно-голубых примул. Посреди расположился огромный стол из обсидиана, а вокруг него — мраморные скамьи и кресла.

— Что за дивное место для волшебного бала! — восхитилась Мисс Минг, держа мальчика за руку. — О, блистательный принц, мы здесь прекрасно проведем время! — Мисс Минг закружилась в танце, показывая бриллиантовые чулки. Ее полное тело теперь казалось легким и гибким, а движения грациозными. — Я добрая фея. Проси, и я исполню любое твое желание.

Снафлз был на верху блаженства — глаза горели, щеки стали пунцовыми. Дафниш стояла в сторонке, с умилением наблюдая за сыном. Раньше ее беспокоило, что у Снафлза нет друзей, и она даже не надеялась, что они найдутся: на Краю Времени сверстников сыну не было. И вот надо же, нашлась родственная душа! Как жаль, что Мисс Минг не занялась сыном раньше.

Размышления Дафниш прервал Доктор Волоспион. В необычно простом для себя костюме (серебристый верх, черный низ) он взобрался на стол, подал руку Миссис Кристии и пустился с ней отплясывать джигу, успевая аккомпанировать танцу на архаичном струнном инструменте, прижимая его к груди подбородком с козлиной бородкой. Вторыми на столе оказались Мисс Минг и Снафлз. Дафниш чуть было не последовала за ними, но вовремя вспомнила о духовных ценностях Арматьюса. Вскоре танцевали все, кроме Дафниш.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ ДАФНИШ АРМАТЬЮС НАСЛАЖДАЕТСЯ НЕДОЛГОЙ СВОБОДОЙ

— О какой признательности ты говоришь! — воскликнула Мисс Минг, не без удовольствия выслушав Дафниш, которая, не скупясь на слова, поблагодарила ее за щедрое внимание к сыну. — Это я признательна Снафлзу. Благодаря ему я вновь почувствовала себя молодой, — она притянула к себе ребенка. — Спасибо тебе за вос-

хитительный вечер, мой принц.

— Мы увидимся завтра, Мисс Минг?

— Спроси у мамы.

— Я собиралась посмотреть Урановые останки…

— Эти скучные руины ты можешь посмотреть и одна, а мы тем временем поиграем, — перебила Мисс Минг.

Присев в реверансе и напустив на себя вид маленькой девочки, она смиренно добавила: — С вашего позволения, Миссис Арматьюс.

— Снафлз замучает вас.

— Наоборот. Рядом с ним я прямо-таки оживаю.

На этот раз в голосе Мисс Минг не было и тени притворства, и Дафниш сдалась.

— Будь по-вашему. Повеселитесь часик-другой.

— Чудесно! Ты рад, Снафлз?

— О, да! Спасибо, Мисс Минг.

— Мне кажется, с вами мальчику хорошо, — мягко сказала Дафниш.

— Мне с ним тоже. Мы проведем время на славу. А ты отдохнешь, расслабишься.

Дафниш кивнула, хотя усомнилась, что заодно заботятся и о ней.

— Договорились, — удовлетворенно сказала

Мисс Минг. — Завтра утром буду у вас. Придумаю что-нибудь интересное. Ты будешь ждать меня, Снафлз?

— О, да!

Все трое пошли по тропинке к стоянке аэрокаров. Большинство гостей уже разъехались по домам. Дафниш помогла сыну сесть в экипаж в виде половинки полосатого красно-зеленого яблока (подарок Лорда Джеггеда) и приветливо попрощалась с Мисс Минг, которая, на удивление, изменив себе, даже не предложила проводить их до замка. Снафлз продлил прощание. Высунувшись из аэрокара, взлетевшего в розовато-желтое небо, он махал рукой, пока Мисс Минг не скрылась из вида.

— Тебе понравился праздник? — спросила Дафниш, когда мальчик уселся в кресло.

— Мне никогда не было так весело, мама. Ты знаешь — Мисс Минг мне раньше совсем не нравилась. Думал, навязывается тебе в подруги, а оказалось, она хочет дружить со мной.

— Вероятно, ты прав. Теперь ты будешь часто играть с Мисс Минг, но только не забывай: ты из Арматьюса.

Готовься к тому, чтобы получить статус взрослого, занять мое место и трудиться на благо

общества. Снафлз прыснул со смеху.

— Ты вправду думаешь о возвращении в Арматьюс? Но это же невозможно, мама! К тому же, здесь лучше. Есть чем заняться. Весело. А сколько еды!

— Соблазны этого мира могут покорить лишь ребенка. Повзрослев, ты узнаешь им цену, но и сейчас ты должен помнить о том, чему тебя наставляли дома. Если ты забудешь об этом…

— Да не забуду, мама!

Дафниш успокоилась. Аэрокар летел над темно-синими облаками в серых прожилках. Мальчик долго смотрел вниз.

— Мисс Минг — удивительная женщина, — наконец сказал он, оторвавшись от иллюминатора. — Ни на кого не похожа.

— Она во многом ребенок. Я поняла ее только сейчас. У Дафниш снова заныло сердце. Не слишком ли она потакает Снафлзу? Не попадет ли он под дурное влияние? Однако, взглянув на счастливое лицо сына, она решила оставить его в покое. Время покажет, на благо или во вред дружба с Мисс Минг.

Впереди показалась высокая гора красного песчаника, на которой возвышался дворец Лорда Джеггеда. Аэрокар пошел на снижение, пронесся

над маисовым полем и устремился ко входу в замок.

— Тебе следует помнить, Снафлз, что Мисс Минг ближе детские помыслы, а тебе пора становиться взрослым, и я постоянно готовлю тебя во вступление в этот статус, — сказала Дафниш, решив дать сыну последние наставления, пока аэрокар маневрирует, чтобы занять свое место среди множества других экипажей хозяина замка (который, похоже, ими не пользовался). — С Мисс Минг ты можешь стать слишком ребячлив. Ты слышишь меня?

Ответа не последовало: Снафлз спал. Дафниш взяла его на руки и направилась по длинному пандусу к входу во дворец, затем прошла анфиладу комнат, задрапированных спокойными темными тканями, миновала огромный Зал Древностей и, наконец, оказалась в своих покоях, где передала сына роботу. Тот переодел ребенка в пижаму и уложил спать. Дафниш присела в изголовье кровати и принялась гладить сына по голове, любуясь его вьющимися волосами, такими же, как и у нее, разве что чуть светлее. Блаженное ощущение покоя дало другое направление ее мыслям, и тревога сменилась надеждой, что она с сыном скоро возвратится домой.

Когда Дафниш направилась к себе в спальню, то внезапно увидела, что в дверях холла кто-то стоит. Дафниш вздохнула, но тут же просияла от радости, узнав Лорда Джеггеда.

— Лорд Джеггед! Рада видеть вас, — она подошла ближе. — У вас утомленный вид. Вы где были?

— Путешествовал.

— Путешествие было трудным?

— И интересным. Законы времени, считавшиеся незыблемыми… — Лорд Джеггед осекся, словно сказал лишнее.

На Лорде Джеггеде был строгий серебристо-серый костюм. Он шел ему и более соответствовал его богатому духовному миру, который виделся Дафниш за напускной беззаботностью. Лорд Джеггед чуть пошатнулся. Она протянула руку, но он не заметил.

— Вы путешествовали во времени? — удивленно спросила Дафниш. — Как вам это удалось?

— У тех, кто родился на Краю Времени, большие возможности. Бог Хронос, возможно, милостив к нам за то, что мы не пытаемся изменить ход истории, и потому нам удается совершать путешествия в прошлое. А будущее неподвластно и нам. Из будущего обратно насовсем не вернуться.

Хотя я, кажется, разболтался. Не слушайте меня, а то еще соблазнитесь.

— Соблазнюсь? Чем?

— Попыткой вернуться в прошлое хотя бы на время. Трудности остались, но, кто знает, может, преодолимые. Впрочем, довольно об этом. Прощайте.

Дафниш потянулась за ним, робко надеясь узнать о возможности возвращения в Арматьюс хотя бы на короткое время. Тщетно! У двери в свою комнату Лорд Джеггед остановился, оперся о косяк и, склонив голову, тихо проговорил:

— Простите. Спокойной ночи.

Было бы просто бесчеловечно настаивать на своем, и Дафниш решила отложить разговор до утра (здесь, в Канари, по желанию Лорда Джеггеда, утро наступало, как в стародавние времена, после ночи, подчиняясь вращению планеты вокруг оси).

Дафниш плохо спала, ворочалась с боку на бок и поднялась, едва забрезжил рассвет. Взглянув на спящего Снафлза, она направилась к апартаментам Лорда Джеггеда и встала под дверью, хотя понимала:, что ожидание, скорее всего, напрасно: навряд ли Лорд Джеггед после тяжелого путешествия поднимется ни свет ни заря. Вокруг, не

замечая ее, сновали роботы, занимаясь уборкой. Отчаявшись дождаться Лорда Джеггеда, Дафниш пошла в столовую, надеясь, что туда придет и хозяин замка: во время пребывания в Канари он неизменно завтракал по утрам.

За широкими окнами столовой виднелись зеленеющие поля, цепочки веселых холмов, тенистые рощи — любимый ландшафт Лорда Джеггеда. Дафниш вздрогнула: Арматьюсу эти красоты были неведомы, их унес катаклизм.

В столовую пришел Снафлз. Он по-хозяйски уселся за стол и принялся за еду, приготовленную роботами по его вкусу — все блюда были из Эпохи Рассвета. Расправившись с сыром и колбасой и умяв весь салат, Снафлз потянулся к селедке, деловито поглядывая на все еще заставленный стол. Дафниш так и подмывало одернуть сына, напомнить о пагубности вредных привычек, с которыми в Арматьюсе будет трудно бороться, но она удержалась.

Время шло, и Дафниш все чаще поглядывала на дверь, но Лорд Джеггед не появлялся. Она снова пошла к нему. Увидев приоткрытую дверь, заглянула — в комнате ни души. Подошел робот.

— Где господин? — спросила она.

— В подземной лаборатории.

— Как пройти туда?

— Я не знаю.

Неуловимый Джеггед снова исчез, унеся с собой информацию, возможно, достаточную для возвращения в Арматьюс. Дафниш неожиданно ощутила, что руки, засунутые в карманы халата, стиснулись в кулаки. Она разжала пальцы, овладела собой. Ладно, с возвращением в Арматьюс придется повременить, зато она может насладиться свободой, побыть в одиночестве.

Дафниш вернулась в столовую и увидела там Мисс Минг. Та, хихикая и орудуя капустой брокколи и кусочками колбасы, выкладывала на блюде какой-то замысловатый рисунок. Снафлз смеялся с набитым ртом.

— Доброе утро! Доброе утро! — прощебетала Мисс Минг. Заметив, что Дафниш едва одета, она окинула ее сладострастным взглядом, затем отвела глаза и непринужденно сказала:

— Мы едем купаться.

— Только будьте осторожны, — ответила Дафниш, погладив сына по голове.

— Не беспокойся, мы поглядим друг за другом. Не так ли, мой верный рыцарь?

Снафлз хрюкнул от удовольствия.

— Не тревожься. Я постою за тебя, принцесса.

— О, благородный сэр, ты меня успокоил, — пропищала Мисс Минг.

Лексика стародавних романов не покоробила Дафниш, а даже умилила ее. Посчитав, что имеет дело с большим ребенком, она больше не осуждала Мисс Минг.

Вскоре Мисс Минг и Снафлз, усевшись в воздушный экипаж Дафниш, полетели на юг, к морю. Проводив взглядом аэрокар, Дафниш вернулась к себе. Переодеваясь, она прислушивалась, не раздадутся ли шаги Лорда Джеггеда. Он единственный человек, кто может помочь ей возвратиться домой хотя бы на короткое время, чтобы дать знать близким и Комитету, что она жива и здорова, и предостеречь от опасности нового путешествия. Дафниш едва не осталась в замке, но потом рассудила, что глупо не воспользоваться свободой и лишиться, может, последней возможности побыть в одиночестве. Она села в аэрокар в виде сфинкса и подала команду: — На север!

Внизу замелькали руинные города, пыльные равнины, дряхлые горы, чахнущие леса… Аэрокар приземлился посреди зеленой долины, окаймленной боярышником и рябиной, на берегу извилистой речки, с веселым журчанием

низвергавшейся небольшими уступами к миниатюрному озерцу. Там и сям мирно паслись коровы, козы и овцы. Сквозь рваные серые облака пробивались тусклые солнечные лучи.

Дафниш легла на траву, подняла глаза к небу и запела один из незатейливых гимнов Арматьюса, который выучила еще ребенком и, казалось, давно забыла. Потом дала волю слезам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ СНАФЛЗ СТАНОВИТСЯ МАРКГРАФОМ ВУЛВЕРГЕМПТОНОМ

Время шло, дни тянулись за днями, а Лорд Джеггед не появлялся. Дафниш терпеливо его ждала, не теряя надежды на возвращение в Арматьюс. Зато Мисс Минг не заставляла ждать себя ни минуты. Каждое утро она заезжала за Снафлзом, забирала его с собой на увеселительную прогулку и пунктуально возвращалась в назначенный час с видом человека, сделавшего доброе дело. Она почти сразу же уезжала, и остаток дня мальчик проводил в замке.

Снафлз был счастлив, а Дафниш довольна, хотя замечала: ребенок забывает о духовных ценностях Арматьюса. Она верила в сына и не хотела

терзать его наставлениями, считая, что не стоит мешать его естественному развитию.

Рассказы сына о прогулках с Мисс Минг она пропускала мимо ушей, довольствуясь приподнятостью этих повествований. Он сам разберется в жизни, думала Дафниш.

Время от времени она бывала в своей долине, по счастью то ли заброшенной своим созидателем, то ли не уничтоженной им по какой-то причине. Только там, вдали от цепких взглядов и пересудов, Дафниш чувствовала себя всецело раскрепощенной, вольной говорить или петь, плакать или смеяться. В долине она декламировала максимы, найдя внимательных слушателей в деревьях, делилась страхами с овцами, отвечавшими ей сочувственным блеяньем, поверяла надежды молчаливым камням. Тоска по Арматьюсу больше не приводила ее в отчаяние.

Обретя душевное равновесие, Дафниш стала наведываться к знакомым, предпочитая другим визитам поездки к Сладкому Мускатному Оку, предоставляя тому возможность делиться с друзьями своим открытием: пришелица из далекого Арматьюса освоилась с жизнью на Краю Времени и стала более интересной. С ним соглашались, приписывая произошедшие перемены появле-

нию у Дафниш любовника, в которые чаще других зачисляли неприступного Лорда Джеггеда. У Дафниш часто спрашивали о хозяине Канари, но она объясняла эти вопросы естественным интересом к жизни самого загадочного из обитателей Края Времени. Ее ответы разочаровывали.

Кое-кто считал любовником Дафниш Сладкое Мускатное Око, однако ее визиты к нему объяснялись предельно просто: она приезжала взглянуть на машину времени. Радушный хозяин не отказывал гостье и даже не возражал, когда она забиралась в кабину. Дафниш сумела убедить Сладкое Мускатное Око, что, заботясь о благополучии сына, больше не помышляет о возвращении в Арматьюс. Сделать это было несложно: Сладкое Мускатное Око, как и другие обитатели Края Времени, считал возвращение в прошлое невозможным, а желание предпринять такую попытку — великой глупостью.

Вскоре разнеслась весть о появлении еще двух путешественников во времени. Им повезло куда меньше, чем Дафниш. Один достался Доктору Волоспиону, который надумал восстановить свой зверинец, а другой — Миледи Шарлотине. Дафниш удалось с ними встретиться, но, к ее разочарованию, оба заявили одно и то же: оказаться

в будущем не представляет большого труда, а вернуться в прошлое невозможно. Тем не менее, она не отчаялась, рассчитывая на помощь Лорда Джеггеда.

Размеренная жизнь Дафниш длилась недолго. Однажды, возвращаясь в Канари от Браннарта Морфейла (старый мизантроп чуть не вытолкал ее в дверь), она пролетала над небольшими готическими дворцами, построенными Герцогом Квинским во время повального увлечения миниатюрной архитектурой. Внезапно около одной из построек она увидела две фигурки. Спустилась пониже — Мисс Минг и Снафлз! Время близилось к вечеру, и Дафниш решила забрать ребенка, чтобы избавить Мисс Минг от лишних хлопот. Аэрокар спугнул парочку. Дафниш поспешила за беглецами в миниатюрный дворец. В постройке было полутемно и, не желая захватить их врасплох, она окликнула сына, но тут же увидела его рядом с Мисс Минг, старательно вытиравшей ему лицо. Смутное освещение не позволяло определить причину такой поспешности, и Дафниш бесхитростно рассудила, что мальчик перепачкан сладостями, злоупотреблять которыми ему возбранялось.

— Так вот чем ты занимаешься за спиной ма-

тери! — шутливо воскликнула Дафниш и, взяв сына за руку, повела к выходу.

Снафлз слегка упирался, оглядываясь на Мисс Минг, словно искал у нее защиты. Дафниш вздрогнула, когда сумела разглядеть сына получше. На нем было длинное бархатное платье с кружевными оборками.

— Ты забыл о наставлениях Арматьюса! — возмегодовала она.

Снафлз молчал, отвернувшись от матери. Дафниш перевела взгляд на Мисс Минг, одетую в трикотажный костюм.

— Я его забираю… — Дафниш осеклась, увидев лицо ребенка: губы в помаде, щеки со следами румян, накладные веки. Она чуть не задохнулась от омерзения.

— Мы играем в принцессу и принца, — подала голос Мисс Минг, натянуто улыбаясь. — Невинная забава, ничего более.

— Это только игра, мама! — поддержал ее Снафлз. Дафниш потащила сына к аэрокару. Она втолкнула ребенка в салон, забралась в кабину и, уняв сотрясавшую ее дрожь, отчеканила:

— Мисс Минг, надеюсь, вы избавите нас от ваших визитов.

— Отчего же? Ты понапрасну дуешься, Дафниш.

Что плохого в маленьком проявлении фантазии?

— Хороша фантазия! Вы портите мальчика. С детьми так не играют.

— Ты ошибаешься. Дети обожают переодеваться и подражать взрослым.

— Я поняла вас, Мисс Минг. Вы только прикрывались любовью к детям. В действительности вы эгоистичная женщина с дурными наклонностями. Мне остается пресечь ваше влияние на ребенка. Согласна, я и сама виновата: легкомысленно посчитала, что ваша взбалмошность не нанесет сыну вреда.

— Вреда? Ты преувеличиваешь.

— Нисколько. Я уже не раз замечала, что Снафлза тяготят духовные ценности Арматьюса, но не придавала этому большого значения. Оказалось, напрасно. Ваше влияние пагубно.

— Мне нечего стыдиться! — в сердцах выкрикнула Мисс Минг вслед взлетавшему экипажу. — Я не ханжа, а ты ведешь себя, как старая дева. Верно, Лорд Джеггед не удостоил тебя… — Колкость не долетела до ушей Дафниш, поспешившей прибавить скорость.

В замке ребенком занялся робот. Он помыл мальчика в ванне, причесал и одел в пижаму. Увидев сына, Дафниш остолбенела. Перед ней

стоял самодовольный упитанный человечек с бледным рыхлым лицом и бегающими жадными глазками. Мисс Минг! До чего она довела ребенка! Нет, не стоит винить только эту глупую женщину. Сама виновата не меньше, если не больше. Потакала сыну во всем, пока у него не разрослись аппетиты. Даже радовалась в душе, что он не скучает. Во имя Любви и Терпимости она, а не Мисс Минг, предала Доверие.

— Я забыла о своем долге, Снафлз, — твердо сказала Дафниш.

— Мама, ты позволишь мне поиграть завтра с Мисс Минг?

Дафниш испытующе посмотрела на сына, но, как ни пыталась, не отыскала в его лице и следа целомудрия. Может, и она растеряла свои лучшие душевные качества?

— Нет!

— Мама! Ты должна! — зло сказал Снафлз. — Мисс Минг — мой единственный друг.

— Она вовсе не друг тебе.

— Мисс Минг меня любит, а ты — нет!

— Ты часть моего естества, а, значит, и моя единственная любовь, так велит Арматьюс. Но, может, ты и прав, и я не знаю, что такое любовь. — На глаза Дафниш навернулись слезы, но

она удержала себя: плакать при ребенке она не имела права.

— Значит, ты разрешишь мне и дальше играть с Мисс Минг? — вкрадчиво спросил мальчик.

— Я сама займусь твоим воспитанием. Постараюсь вновь приобщить тебя к духовным ценностям Арматьюса. Считай, что Мисс Минг больше не существует.

— Нет!

— Мой долг…

— Оставь свой долг при себе, а мне предоставь свободу.

— Ты зависишь целиком от меня, а я могу предоставить тебе свободу только после того, как тебя возведут в статус взрослого, а это — привилегия Арматьюса. Мы должны вернуться домой, хотя бы попробовать.

— Возвращайся одна. Мне и здесь хорошо.

— Если я погибну в пути, ты потеряешь источник существования и умрешь тоже. Пойми, мы должны вернуться или умереть вместе.

— Ты только о себе думаешь, мама! Забываешь о том, что мне гораздо больше нравится здесь. Почему ты не разрешаешь мне проводить время с Мисс Минг?

— Она может превратить тебя в свою копию, в

глупого никчемного человека.

— А ты хочешь сделать из меня святошу, во всем похожего на тебя. Мисс Минг права: тебе надо найти приятеля и оставить меня в покое. Я разберусь сам, с кем проводить время.

— Тебе пора спать, Снафлз. Если захочешь, продолжим разговор утром.

Мальчик насупился, немного потоптался на месте, а затем, тяжко вздохнув, пошел в спальню: препирательства утомили его.

Дафниш предалась размышлениям. Содрогнулась, вспомнив перепалку с Мисс Минг. Та за словом в карман не лезет. Разве чем проймешь такую особу? Да, понапрасну погорячилась. Во многом виновата сама. Тот, кто сердится, сам не прав. Нельзя забывать максимы. А что было делать? В Арматьюсе намного легче, подала бы прошение о присвоении сыну статуса взрослого. При положительном решении вопрос был бы исчерпан.

А, может, Мисс Минг не вредит ребенку, а помогает ему освоиться в этом мире? Нет! Дафниш решительно отбросила это предположение. Даже обитатели Края Времени недолюбливают Мисс Минг, считают ее глупой и вздорной. От таких знакомств следует держаться подальше. Вот Лорд

Джеггед смог бы стать наставником сыну. Даже Сладкое Мускатное Око гораздо больше Мисс Минг подходит для этой роли.

Дафниш ощутила смятение, подобное той растерянности, которую испытала, оказавшись на Краю Времени. Она укоряла себя в терпимости к эгоистичной порочной женщине, в то же время отчетливо понимая, что и сама исходила из собственных интересов, стремясь к одиночеству.

Дафниш томило предчувствие близкой беды. Ночью ее преследовали кошмары. Она просыпалась, облегченно вздыхала, осознавая, что приснившиеся ужасы всего лишь жуткое сновидение, и тут же холодела от страха, вспомнив о зловещей действительности. Под утро ей приснились муж, сослуживцы. Вроде бы они осуждали ее.

Дафниш проснулась, когда почувствовала тяжесть в ногах. Попыталась освободиться и не смогла. Она открыла глаза — на одеяле сидела Мисс Минг. Потупив глаза, она теребила обшлаг скромного темно-синего одеяния.

— Я пришла объясниться, — сказала Мисс Минг.

— Напрасно, — устало ответила Дафниш. Голова у нее раскалывалась, мышцы спины напружи-

лись. Она потерла лицо. — Я виню лишь себя.

— Я немного переусердствовала. Но, знаете, это было так трогательно. В детстве у меня не было близких подруг.

— Понимаю, и все же вам придется оставить нас.

— И я понимаю вас. Вы одиноки, и потому держитесь за сына. Только вряд ли ему это поможет. Не хочу быть грубой, но не могу не сказать: вы не хотите добра ребенку.

— Вы не правы. Я распустила его, это да. Теперь я стану уделять ему больше внимания.

Мисс Минг нахмурилась.

— Я хотела помочь вам, переложить на себя часть ваших забот. Думала, это поможет вам устроить личную жизнь.

— Я не нуждаюсь в чьей-либо помощи. Сама знаю, что делать.

— Надеюсь, вы не станете наказывать Снафлза.

— В Арматьюсе наказаний не существует, но мне надо помочь ребенку выработать стойкий характер.

По щеке Мисс Минг скатилась слеза.

— Я одна во всем виновата, но, поверьте, я была мальчику настоящим другом. — Она на мгновение замолчала и сладострастно продолжила: — А

почему бы нам не подружиться с тобой? Одно твое слово, и…

— Мне не нужна подруга. У меня есть Арматьюс.

— Тебе нужна я! — Мисс Минг подалась вперед, раскрывая объятия. — Тебе нужна я!

Дафниш оттолкнула ее.

— Я вполне обойдусь без вас. Можете не сомневаться, Мисс Минг.

— Я понимаю тебя: между нами стоит ребенок. Но почему ты держишься за него? Ему пора взрослеть, становиться на ноги.

— Так вот чего вы добиваетесь?

— Нет! Я с самого начала хотела, как лучше. Пыталась доставить тебе удовольствие, но ты отвергла меня. Вот и вышло… Ах, какая я дура!

— Ничем не могу помочь. А что касается Снафлза, то ему еще надо совершенствовать свой характер. В Арматьюсе получить статус взрослого нелегко.

— Но здесь не Арматьюс, — Мисс Минг зарыдала. — Ты можешь обрести счастье со мной. Позволь мне только любить тебя. Я не прошу многого, не требую взаимной любви. Может, со временем…

— Меня тошнит от одной этой мысли.

— Ты подавляешь свои естественные желания. Только и всего!

— Мои желания подчинены интересам Арматьюса. Другого мне не дано. Вы очень обяжете меня, если…

— Я уже ухожу, — Мисс Минг поднялась, утирая глаза. — Хотела помочь, да и Доктор Волоспион согласился помочь нам обоим. Я попросила его…

— Оставьте меня, Мисс Минг.

— Могу я повидать Снафлза? В последний раз! Заметив умоляющий взгляд Мисс Минг, Дафниш смягчилась.

— Чтобы попрощаться с ребенком? Ладно. Может быть, вы исполните мою просьбу?

— Любую.

— Тогда напомните Снафлзу о его высоком предназначении, о чести служить Арматьюсу.

— Он поймет?

— Надеюсь.

— Я помогу. Я хочу помочь вам.

— Благодарю вас.

Мисс Минг, слегка пошатываясь, вышла из комнаты. Послышались шаги в коридоре, стук в дверь и наконец раздался ликующий возглас Снафлза. Дафниш набрала в легкие воздух, задержала дыхание и неспешно сделала вы-

дох. Преодолев желание еще немного поспать, она поднялась с постели, умылась, оделась и, рассудив, что не стоит мешать Мисс Минг, направилась в холл к апартаментам хозяина Канари. Заметив открытую дверь, Дафниш остановилась, не решаясь войти. Внезапно на пороге появился Лорд Джеггед.

— А, восхитительная Дафниш! — протянул он с мягкой улыбкой. — Как поживаете?

— Превосходно. Мне нравится в Канари, но все же я хочу вернуться домой.

— Это невозможно. Разве вы забыли об эффекте Морфейла?

— Когда мы виделись в последний раз, вы упомянули об изменениях в структуре времени. Я поняла, что законы, считавшиеся незыблемыми, на самом деле не являются таковыми.

— Я очень устал тогда, сказал лишнее.

— Вы вселили в меня надежду, и я хочу получить более подробную информацию.

— Надежда может быть и напрасной.

— Я надеюсь на лучшее.

Лорд Джеггед пожал плечами, на мгновение спрятав нижнюю часть лица в пышном воротнике.

— Хорошо, но попрошу сохранить в тайне то,

что я сообщу.

— Я из Арматьюса, значит, и, значит, не из болтливых.

— Впрочем, я могу сообщить немногое. В последние годы структура времени, как нам казалось, абсолютно устойчивая, проявляет признаки нестабильности. Известны случаи, когда путешественникам во времени удавалось вернуться в прошлое и задержаться там значительно дольше, чем это считалось возможным. Однако каждое возвращение в прошлое возмущает структуру времени, в ней появляются трещины, искривления, аномалии. Пока не случилось значительных катастроф, и естественный ход истории сохраняется, но если этот порядок нарушится, крах неизбежен, а тогда мы исчезнем, словно нас и не было никогда.

— Неужели это возможно? Мне приходилось слышать такие предположения, но они казались безосновательными.

— Трудно судить о вероятности катастрофы. Но зачем рисковать? Допустим, вам удастся вернуться в прошлое и рассказать о том, что ожидает планету. Что изменится? Историю не повернуть вспять.

— Но я расскажу в Арматьюсе о вашем мире.

Предостерегу от нового путешествия.

— А ваш мальчик? Он не расскажет лишнего? У детей что на уме, то и на языке.

— Он тоже из Арматьюса, и будет молчать.

— И все же не могу согласиться с вами. Пуститься против течения времени значит рисковать жизнью.

— Наши жизни принадлежат Арматьюсу. Краю Времени мы не принесем пользы.

— У вас слишком замысловатая философия для человека вроде меня.

— Позвольте нам попытаться.

— Мальчик отправится с вами?

— Конечно.

— И вы не боитесь подвергнуть его опасности?

— Здесь его тоже подстерегает опасность: вероятность полного морального разложения. Еще немного, и он не сможет приносить пользу обществу. Его жизнь станет бессмысленной.

— Вроде бы, материалистическое понимание смысла жизни?

— Другого в Арматьюсе не признают.

— Для возвращения в прошлое вам необходима машина времени.

— Моя собственная машина в исправности, я проверяла.

— Вы сможете отправиться в путешествие лишь в благоприятный момент.

— Я подожду, но только в машине.

— Почему бы вам не оставить ребенка? Риск велик.

— Без меня он погибнет. Снафлз — часть моего естества.

— Материнские инстинкты?

— Более чем инстинкты.

— Вы меня убедили, — Лорд Джеггед кивнул. — Да и не в моих правилах влиять на чужие решения. Кроме того, вряд ли найдутся два человека, мыслящих одинаково, особенно если их разделяет миллионолетие. Что ж, могу добавить: как раз сейчас структура времени нестабильна.

— Тогда мы немедленно отправляемся.

— Вы так торопитесь, что поневоле приходит в голову, что вас страшит не только отчужденность этого мира. — Лорд Джеггед окинул Дафниш проницательным взглядом. — Вас что-то еще мучает?

— Не знаю. Может, недовольна собой? Опасаюсь Мисс Минг? Да нет же! Я, право, не знаю, Лорд Джеггед.

— Вы упомянули Мисс Минг. Как такая слабая женщина могла лишить вас душевного равно-

весия?

— Она… Она меня домогалась, а затем приняла за сына. По мне, Мисс Минг — исчадие ада. Чудовищно давать такую оценку, но я не могу сдержаться. Она заставила меня ненавидеть, пробудила во мне эту низменную эмоцию, и за это я еще больше ненавижу ее. Но если меня снедает эта эмоция, выходит, я чем-то похожа на эту женщину, а раз так, разве мне ее осуждать? Не лучше ли посмотреть на себя?

— Да, мудреное объяснение, — задумчиво протянул Лорд Джеггед. — Слишком замысловатое, чтобы быть здравым.

— О, да, Лорд Джеггед, допускаю, меня можно посчитать сумасшедшей. Но, может быть, только здесь, на Краю Времени? Я полагаюсь на суждение Арматьюса.

— Можно было бы развить эту тему, но мне кажется, вы слишком возбуждены.

— Да, нервы на пределе.

Лорд Джеггед выпятил губу, размышляя.

— Такие переживания нам незнакомы. Продолжим разговор позже.

— Если вы только опять не исчезнете.

— Бывают неотложные дела, Дафниш. Вы не поверите, но и среди нас, праздных обитателей

Края Времени, есть немало людей, которые тоже служат, правда, на свой манер и в меру своих скромных возможностей. Среди них и ваш покорный слуга, поэтому я и отлучаюсь временами из Канари. — Лорд Джеггед поклонился и продолжил: — Будем завтракать вместе?

— Со Снафлзом?

— Если он хочет, пусть присоединяется к нам.

— У него Мисс Минг. Они прощаются.

— Не стоит торопить их.

Дафниш поежилась, но затем, рассудив, что отделалась от Мисс Минг, великодушно решила не мешать ей прощаться.

— Мисс Минг сеет зло, разве не так? — спросила Дафниш, расположившись за столом напротив хозяина Канари. Лорд Джеггед все еще завтракал, и потому Дафниш не торопилась съесть свой единственный бутерброд, — она, как и прежде, ограничивала себя.

— Зло — это понятие, но мало кто из нас его правильно истолкует, — ответил Лорд Джеггед. — Для большинства оно малопонятно, как и понятие «преступление».

— Но сами преступления существуют.

— Только в вашем понимании, Дафниш.

За окном что-то мелькнуло, но Дафниш не

стала всматриваться: Лорд Джеггед поднялся из-за стола.

— Преступления там, где есть жертвы, — заключил он. Его взгляд стал отрешенным. Казалось, он погрузился в раздумье, забыв о Дафниш.

— Я все-таки схожу за мальчиком, — сказала она. Лорд Джеггед встрепенулся и пронзил ее взглядом.

— Вы оказали мне честь, погостив у меня. Дафниш покраснела впервые в жизни.

Лорд Джеггед не стал ее провожать и, извинившись, исчез в недрах дворца. Дафниш поспешила к ребенку. В комнате никого. Вышла в холл, позвала:

— Снафлз! Мисс Минг!

Тишина. Бросилась к себе в спальню. Пусто. Вернулась в столовую. Ни единой души. Дафниш побежала к стоянке аэрокара. Не обнаружив экипажа Мисс Минг, лихорадочно обшарила взглядом небо. Впустую. Догадка, мелькнувшая у нее минутой назад, превратилась в уверенность: в столовой, за завтраком, она видела взлет аэрокара Мисс Минг.

Дафниш постаралась взять себя в руки. Скорее всего, ничего страшного не случилось — Мисс Минг и Снафлз на прощальной прогулке. Перед

глазами возникло размалеванное лицо ребенка. Дафниш содрогнулась от ужаса. Мисс Минг! Эта вероломная женщина может выкинуть что угодно. По спине пробежал холодок, ноги дрогнули, защемило на сердце. Отвратительное видение все еще стояло перед глазами. Дафниш бросилась в замок.

— Снафлз!

Раздались чьи-то шаги. Робот!

— Лорд Джеггед!

Хозяин замка не откликался.

Впустую потратив время на новые поиски, Дафниш села в аэрокар. Куда лететь? Поразмыслив, направилась к миниатюрным дворцам Герцога Квинского. Кричала до хрипоты, обегала все постройки, заглянула в каждую башенку — опять никого! Вернувшись в аэрокар, Дафниш неожиданно вспомнила, что Мисс Минг, хотя и пользуется свободой, квартирует в зверинце Волоспиона. Последовала команда:

— К доктору Волоспиону!

Жилище Доктора располагалось на скалах, соединенных стеклянными галереями. Повсюду высились островерхие крыши, шпили, купола, минареты, придававшие хаотическому строению видимость древности. Дафниш никогда не была у

Доктора и теперь, как ни всматривалась, не могла найти площадку для приземления. Ее смятение прервал оклик:

— Дафниш Арматьюс!

Оглянувшись на голос, она увидела Доктора. Он стоял на покатой крыше одного из строений.

— Наконец я дождался вас! — пылко продолжил Волоспион. — О, верх очарования, мое сердце у ваших ног. — Он повернул Кольцо Власти, и рядом с Дафниш шлепнулся кровавый комок. Она брезгливо пнула его.

— Я ищу Снафлза и Мисс Минг. Они у вас?

— Были, готовили вам сюрприз. Будете довольны, поражены, а пока потерпите. Соединитесь со мной, о, прелестница.

— Сюрприз? Какой сюрприз?

— Не могу сказать раньше времени, все испорчу. Отмечу только, что не обошлось без меня. В некотором роде я модельер. Сладкое Мускатное Око мне многим обязано.

— Говорите толком, Доктор Волоспион, вас не понять.

— Вы мне развяжете язык в спальне…

— Куда они улетели?

— Назад, в Канари. Мисс Минг восхитилась моим искусством. Небольшая работа, но легкость

достигается мастерством. — Доктор взмахнул рукой и окутался пламенем. Послышался издевательский смех.

Дафниш повернула назад. Внизу показался Дьер. Город по-прежнему корчился, мерцал призрачным светом, менял очертания, рядился в маски. Он то напевал, то выкрикивал формулы. Город все еще продолжал служить людям, хотя и был жалок. Дафниш посочувствовала ему, ей казалось, у них схожие судьбы.

— Было бы лучше остаться здесь! — громко сказала она.

Город отозвался печально и монотонно. Мир — это люди, в объятьях Природы Изжившие напрочь любовь ко Вселенной, Паяцы желаний, рабы наслаждений. Их черствые души — пустая порода.

Не вполне поняв содержание, Дафниш ответила:

— Ты смог бы помочь мне, но я тебя испугалась. Ты слишком многолик, слишком вычурен.

Аэрокар полетел дальше, и вскоре показалась золотая клетка замка Канари, освещенная тусклыми лучами блеклого солнца. Приземлившись, Дафниш выпрыгнула из экипажа, стремглав пронеслась по пандусу и побежала чередой комнат,

отзывавшихся эхом на ее возглас:

— Снафлз!

В Зале Древностей у дальней стены она увидела три фигуры — по виду люди, но могли оказаться и механизмами. Ошибиться было нетрудно — чего только в зале не было: оружие, мебель, средства передвижения, ткани, одежда, бытовые приборы, аппараты самого разного назначения — все предметы из Эпохи Рассвета. Дафниш подошла ближе и облегченно вздохнула: она узнала Лорда Джеггеда и Мисс Минг. Рядом с ними стоял молодой щеголь, вероятно, один из друзей хозяина замка. На нем был расшитый серебром плащ из кротового меха.

— Мисс Минг!

Все трое не спеша повернулись.

— Где Снафлз?

— Мы были у Доктора Волоспиона. Не предполагали, что ты нас хватишься. Ты подала мне мысль, когда пришла напомнить Снафлзу о его высоком предназначении. Я приготовила тебе настоящий подарок. Кому, как не мне, позаботиться о тебе. Видела, как ты бьешься с ребенком. Теперь ты сможешь вздохнуть спокойно, заняться собой. Тебе больше не придется приносить себя в жертву.

Дафниш почти не слушала: речи Мисс Минг ей давно опротивели.

— Где Снафлз? — повторила она.

Молодой щеголь раскатисто рассмеялся. Лорд Джеггед нахмурился. Лицо Мисс Минг расплылось в слащавой улыбке.

— Я сделала доброе дело, — убежденно сказала она и после пустой попытки завладеть рукой Дафниш, изловчилась и ухватила ее за плечи. — Будешь довольна. Ты жила, чтобы приблизить этот момент. Теперь ты свободна. Дафниш вырвалась.

— Свободна? О какой свободе вы говорите? Где Снафлз?

Щеголь снова захохотал. Уняв смех, он раскинул руки и кичливо воскликнул:

— Я здесь, мама!

Франт застыл в горделивой позе. Под плащом оказались бархатная рубашка с пышными буфами и кружевными манжетами, голубовато-синие панталоны и мягкие сапоги, на носках которых вертелись, свирепо шипя, драконовы головы. Щеголь опустил руки и завальсировал, распространяя мускусный запах.

— Я твой сын. Теперь я достиг совершенства. Мисс Минг сделала из меня человека.

Мисс Минг потупилась и с притворной скромностью пояснила:

— С помощью Доктора Волоспиона. Идея моя, его исполнение.

У Дафниш подкашивались ноги, губы дрожали. Неужели этот франт с женоподобным лицом, со щипаными, подрисованными бровями и серьгами в ушах ее сын, ее Снафлз? Видимо так… Каждым словом и жестом он походил на ее ребенка. Она застонала и закрыла лицо руками. Кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась:. Лорд Джеггед. Заметив муку в ее глазах, он извинился и отошел в сторону.

— Я понимаю, облик сына тебе непривычен, — продолжила Мисс Минг с самодовольной улыбкой, — но подумай о главном: Снафлз стал взрослым, и теперь тебе не нужно приносить себя в жертву, нет нужды умирать. Мальчик мне кое-что рассказал о ваших обычаях.

— Это не обычаи, а единственно верный способ продолжения рода. Снафлз не получил права на жизнь. У него нет души.

— Душа — пережиток прошлого, — безапелляционно заявила Мисс Минг.

— Я не передала ему права на жизнь, а без него он нежизнеспособен. Впрочем, сейчас важнее

другое. Посмотрите, Мисс Минг, что вы сделали с моим сыном. Взгляните на него!

— Мама, да ты действительно глуповата, — вмешался Снафлз со снисхождением в голосе. — Здесь у каждого неограниченные возможности: кто захочет, превратится в ребенка, а то — в животное или даже в растение. Да ты не бойся: я остался таким же, только повзрослел одним махом. Хватит, я был ребенком шестьдесят лет. Теперь я взрослый, и очень этому рад.

— По разумению ты малое дитя, — возразила Дафниш. — Да и твоя подруга недалеко от тебя ушла. Мисс Минг, верните моему сыну его истинное обличье! Мы возвращаемся в Арматьюс!

Мисс Минг пренебрежительно ухмыльнулась.

— Возвращаетесь? Чтобы умереть?

— Как возвращаемся! — высокомерно подхватил Снафлз. — Мама, это же невозможно, да я и не хочу вовсе. — Он заговорщицки подмигнул Лорду Джеггеду и Мисс Минг. — Я остаюсь.

— Но твое право на жизнь…

— Оставь его себе, мама. Здесь я обойдусь без него. Не хочу наследовать ни твои достоинства, ни твои заблуждения. Разберусь во всем сам. На Краю Времени я — свободная личность, а не частица Арматьюса.

Дафниш круто повернулась к Мисс Минг и гневно воскликнула:

— И вы посчитали, что в этом предназначение моего сына?

— О, вы… вы… — Мисс Минг всхлипнула, ее глаза выражали тупое недоумение.

— Я мог бы вернуть вашему сыну его прежний облик, — подал голос Лорд Джеггед.

Дафниш тоскливо покачала головой.

— Слишком поздно. Что осталось от моего сына?

— Но я вижу, вы очень переживаете, — заметил Лорд Джеггед. В его голосе послышалось несвойственное ему волнение. — Эта женщина не из наших. В ее творениях ни вдохновения, ни ума.

— Вы больше не станете говорить, что на Краю Времени не существует зла?

— Если низкопробная имитация искусства суть зло, я, пожалуй, соглашусь с вами.

Дафниш слегка пожала плечами — на большее у нее не было сил.

— Я потеряла цель в жизни, а без нее жизнь бессмысленна и жалка, — Дафниш вздохнула и обратилась к сыну:

— Раз уж ты повзрослел, стал мужчиной, тебе впору принимать мужские решения. Не отре-

кайся от Арматьюса, вспомни наши максимы, повинуйся своему долгу. — Она воздела руки в мольбе, ее голос дрогнул. — Возвращайся со мной в Арматьюс Там ты сможешь приносить пользу…

— Всяким дуракам? Нет уж, уволь. Не принимай меня за болвана. Да ты посмотри вокруг. Вот к чему надо стремиться, — Снафлз развел руки в стороны, словно хотел объять мир. — Мое предназначение — упиваться жизнью, а не гнуть спину в угоду другим.

— О, Снафлз!.. — голова Дафниш упала на грудь, ее тело тряслось от рыданий.

— Мама, это имя мне ненавистно. Снафлза больше не существует. Теперь я — Маркграф Вулвергемптон, который намерен поразить мир своим величием и умом. Имя я выбрал сам, Мисс Минг мне лишь чуть-чуть подсказала. Блистательное имя! Отныне у меня один долг: вкушать радости жизни и развлекать окружающих — высокие цели. Я уже выбрал себе девиз: «Экстравагантность во всем». Мои творения потрясут мир. Ты еще будешь гордиться мной, мама.

Дафниш покачала головой.

— У меня больше нет гордости.

Внезапно все часы в зале громко забили. Лорд

Джеггед подошел к Дафниш и тихо сказал:

— В структуре времени появился разрыв. Если вы не изменили решения, вам следует отправляться: разрыв скоро затянет.

Услышав долгожданную весть, Дафниш только вздохнула:

— Я отправлюсь одна. Что толку брать с собой сына? Я посвятила ему всю жизнь, старалась достойным образом подготовить его ко вступлению в статус взрослого, надеялась, что он переймет мои знания, мой жизненный опыт, станет моим преемником. Увы, мои надежды не оправдались.

Снафлз равнодушно пожал плечами, зато Мисс Минг снова затараторила:

— Ты не уедешь! Я сделала все, чтобы сделать тебя счастливой. Ты обретешь блаженство в дружбе со мной. Меж нами больше не существует препятствия.

Дафниш истерически рассмеялась. Мисс Минг отпрянула, закусила палец и застыла в оцепенении.

— Вы убили моего сына, Мисс Минг, — глухо сказала Дафниш, — безжалостно обломали веточку дерева по имени Арматьюс, корни которого раскинулись по всему миру. Мой долг уберечь эти корни, они дадут жизнь новым ветвям. Я

возвращаюсь домой, чтобы предостеречь мой народ от новых путешествий на Край Времени. Проникновение в будущее опасно, оно таит угрозу существованию Арматьюса. Вы говорите, что… что мой мальчик обойдется без моей помощи. Я оставляю вам Снафлза, а сама возвращаюсь.

Снафлз не слушал. Он нашел себе увлекательное занятие: удерживал на кончике пальца вертикально поставленный карандаш. Дафниш шагнула к нему.

— Снафлз…

— Я больше не Снафлз.

— Ну, что ж, тогда я говорю тебе: прощай, незнакомец, — Дафниш гордо подняла голову, она снова была дочерью Арматьюса.

— Ты погибнешь! — заголосила Мисс Минг. — В лучшем случае вернешься сюда. Зачем рисковать?

— Я предупрежу Арматьюс о смертельной опасности, — Дафниш повернулась к Лорду Джеггеду, — У меня есть шансы на возвращение?

— Весьма незначительные, да и то они появились благодаря некоторому ослаблению законов времени. Мне стало известно о пересечении нашего временного пласта с другими пластами. Используя это редкостное явление, вы, возможно,

сможете возвратиться в свою эпоху, но лишь ненадолго.

— Тогда я отправляюсь немедля.

— Как я уже говорил, я не вмешиваюсь в чужие решения, но считаю долгом предупредить: Мисс Минг права, вполне вероятно, что вы погибнете.

— Я должна попытаться. Надеюсь, Сладкому Мускатному Оку неизвестно об аномалии, и он не помешает мне воспользоваться машиной времени.

— Можете не беспокоиться.

— Тогда, Лорд Джеггед, мне остается поблагодарить вас за гостеприимство. Вы хороший человек и смогли бы жить в Арматьюсе.

— Вы льстите мне.

— В Арматьюсе лести не существует. Прощайте. Дафниш повернулась и направилась к выходу. Она шла мимо многочисленных экспонатов, разнообразных творений из канувших в Лету тысячелетий, словно продиралась сквозь толщу времени. Лорд Джеггед собрался было ее окликнуть, но промолчал. Его рука потянулась к лицу, намереваясь что-то смахнуть под глазом, но оказалось, что движение было лишним. Мисс Минг шмыгнула носом и загнусавила:

— Я все испортила, но она же сама хотела, что-

бы ты, Снафлз, поскорее стал взрослым. Разве не так?

— Маркграф Вулвергемптон, — самодовольно поправил Снафлз. Он вытащил оправленное серебром зеркало, полюбовался собой и равнодушно продолжил: — Она еще возвратится.

— Поймет свою ошибку? — Мисс Минг вопросительно посмотрела на Снафлза в надежде на благоприятный ответ.

— Возможно, но в Арматьюсе ей было бы лучше. Радости жизни не для нее. Ей подавай высокие идеалы и самопожертвование. Я первым понял, что это чушь.

Лорд Джеггед сумрачно посмотрел на Снафлза и размеренно произнес:

— Ваша мать унесла с собой многие бесценные качества. Теперь они вам недоступны.

— Те качества, которые я должен был унаследовать? — насмешливо спросил Снафлз. — А зачем они мне? Спасибо, старина, покорно благодарю, — употребив фразу из лексикона Мисс Минг, он взглянул на свою наставницу, ища одобрения.

Мисс Минг улыбнулась сквозь слезы, но тут же заголосила:

— Дафниш может погибнуть.

— Она бы все равно умерла, умерла ради меня, — сказал Снафлз. — Ей нечего терять.

— Передала бы вам свою жизнь? — спросил Лорд Джеггед.

— Вот именно. Только в Арматьюсе, не здесь. На Краю Времени я не нуждаюсь в жизненных силах матери. А там она бы передала мне свой дух. Я стал бы человеком, наделенным ее сознанием. Пошла бы в дело и полезная часть ее плоти: в Арматьюсе ничем не бросаются. Однако получилось как нельзя лучше. Я стал самостоятельной личностью, хотя во мне лишь малая толика материнского естества, дарованная мне при рождении. Теперь мы не зависим друг от друга.

— Так вы симбионты[65]?

— В какой-то мере.

— Но если вы обретаете самостоятельность только со смертью матери, значит, до той поры зависите от ее жизненных сил.

— В Арматьюсе — да, а здесь я самостоятельный человек.

— Вам следовало удержать Дафниш, Лорд Джеггед, — снова подала голос Мисс Минг.

— Но вы сами говорили, что она обрела сво-

---

[65] notes: 65

Симбионт — один из участников симбиоза, сожительства двух организмов.

боду.

— Но не для самоубийства.

— А для жизни у вас под пятой.

— Что за чепуха! — Мисс Минг снова захлюпала носом. — Вы черствый человек. Вам не понять возвышенных чувств.

Лорд Джеггед криво улыбнулся.

— Я ее любила, — с вызовом заключила Мисс Минг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМАТЬЮС

Оказавшись в машине времени, Дафниш старалась не смотреть на пустующее рядом с ней кресло. Превозмогая щемящую боль в груди, она сосредоточилась и заскользила взглядом по приборам на пульте. Убедившись, что все в рабочем режиме, она пристегнулась и, тяжко вздохнув, нажала на четыре из семи клавиш в подлокотнике кресла. Заливавший машину зеленый свет изменился на синий и стал чернеть. Приборы ожили, машина взревела и, преодолевая течение времени, понеслась в прошлое.

Дафниш удовлетворенно кивнула: приборы и механизмы исправны, ничто не предвещает

появления розового свечения, сигнализирующего о неполадках в машине. Однако Дафниш не могла успокоиться. Мысль о сыне не оставляла ее. Чтобы отвлечься, она включила дисплей. На экране замелькали клубы тумана, перемежающиеся с яркими вспышками. Ничего интересного. Дафниш перевела взгляд на измерительные приборы. Корабль двигался со скоростью тысяча лет в минуту. Дафниш знала, что приборы не без погрешности, но все-таки сумела определить: позади осталось семь тысяч лет. До Арматьюса еще далеко. Согласно программе, машина должна приземлиться на месте вылета спустя какой-то миг после старта в будущее.

Дафниш старалась не думать о возвращении, но так и не смогла отделаться от тяжелых мыслей. Она не углядела за сыном, бросила его. Ее ждет наказание, отстранение от работы, а возможно, и изоляция: она развратилась, и ей не место среди своих соплеменников. Утешало только одно: она сделала, что могла, возвращается, чтобы предостеречь Арматьюс от других путешествий в будущее. Как ее встретят? Самые разнообразные картины одна за другой проносились в ее мозгу и исчезали, как только ее внимание отвлекалось изображением на экране. Вот экран закрыла чер-

ная полоса. Откуда она взялась? Неисправность? Нет! Снова клубы тумана. Все в порядке. В порядке ли? Она отстранилась от сына ради собственных удовольствий.

— Он не предатель! — вырвалось у нее. — Его самого предали. Во всем виновата я!

Машину тряхнуло. Дафниш закусила губу от боли. Понемногу пришла в себя, утешившись тем, что не появилось розового свечения. Успокоение пришло лишь на время. Вскоре Дафниш почувствовала, что ей нечем дышать. Проверила дыхательный аппарат. Исправен. Ценой немалых усилий она восстановила дыхание, но не сумела побороть страх, подобный тому смятению, которое испытала, оказавшись на Краю Времени. Страх не мог быть следствием клаустрофобии: боязнь закрытых помещений была побеждена в Арматьюсе много веков назад.

Дафниш могла бы увеличить скорость полета, но рисковать не имела права: Арматьюс ждал ее донесения, и она должна исполнить свой долг. Дафниш с горечью вспомнила, как сын презрительно отозвался о самопожертвовании. Несчастный ребенок, он так и не понял главного. Самопожертвование спасло мир, помогло возродить высокие технологии, получить новые

знания. Люди, не жалея себя, трудились на благо общества, трудились, как муравьи. Те тоже выжили после катаклизма. Самонадеянно считать, что люди совершеннее муравьев.

Дафниш непроизвольно издала стон: боль в теле усилилась, в глазах потемнело. Собралась с силами, взглянула на пульт — машина двигалась согласно программе. Дафниш прикрыла глаза. Ее терзали противоречивые чувства. Гнев сменялся угрызением совести, отчаяние уступало место надежде. Дафниш провела рукой по лицу, встрепенулась. Надо же, расчувствовалась! Эмоции не для Арматьюса. От них один вред, растление! Она попыталась найти поддержку в подходящей максиме, но ничего уместного не приходило на ум.

Машину опять тряхнуло, она на мгновение замерла и двинулась снова. Приборы отсчитывали тысячелетия. Дафниш снова издала стон. Внезапно боль сделалась нестерпимой, и путешественница потеряла сознание.

* * *

Дафниш пришла в себя от воя машины. Открыла глаза: розовый свет, стрелки приборов на нуле. На экране — лаборатория, люди в черном с бледными лицами, все неподвижны. Арма-

тьюс! Машина достигла цели! Дафниш поспешно отстегнула ремни, откинула крышку люка и, высунувшись, закричала:

— Арматьюс, берегись будущего!

Дафниш осознавала, что время в любое мгновение может отправить машину обратно в будущее и торопилась выполнить свой последний долг.

— Арматьюс, будущее губительно! Больше никого не посылайте туда!

Дафниш наполовину высунулась из люка и, чтобы привлечь внимание, исступленно замахала руками. Люди в лаборатории, среди которых Дафниш узнала мужа, не шелохнулись. Казалось, они застыли, как изваяния.

— Арматьюс, берегись будущего!

Машина времени затряслась, изображение на экране стало медленно расплываться. Дафниш почудилось, что муж заметил ее: он шевельнул губами, чуть поднял голову.

— Мы оба живы! — крикнула путешественница. Последовал сильный толчок, и Дафниш свалилась на пол. Крышка люка захлопнулась. Розовый свет стал густеть.

— Не посылайте никого в будущее! — крикнула Дафниш в переговорное устройство.

Розовый свет превратился в красный. Машина

начала нагреваться.

— Арматьюс, берегись будущего, — шепнула Дафниш, едва шевеля высохшими губами.

Красный свет начал блекнуть, изменился на розовый, а розовый превратился в зеленый. Машина зашумела и тронулась в будущее. Дафниш вскрикнула. Ее не услышали. Она добралась до своего кресла, упала в него и, не пристегиваясь, нажала на клавиши, чтобы вернуть машину назад. Дафниш знала, что спасет себе жизнь, подчинившись законам времени, но главным для нее была преданность Арматьюсу. Она снова нажала на клавиши, и, хотя в машине появилось розовое свечение, индикаторы показали, что машина пошла обратно. Дафниш с трудом поднялась и, еле передвигая ноги, добралась до вспомогательных двигателей. Машина взревела от дополнительной тяги, словно умоляя о милосердии, но не вышла из подчинения. На экране снова появилась лаборатория, и Дафниш успела заметить мужа. Затем ее скрючило, из глаз полились едкие слезы, волосы вспыхнули.

— Снафлз, Арматьюс. Будущее, — прошептала она, уставившись помутившимися глазами на заливавшийся кроваво-красным экран. Потом ее кости стали рвать ткань, и Дафниш Арматьюс

превратилась в боль, обретая вечный покой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ МИСС МИНГ ПОЖИНАЕТ ПЛОДЫ

— В способности к адаптации, несомненно, заключен секрет выживания, — напыщенно сказал Маркграф Вулвергемптон, стараясь произвести впечатление на хозяина Канари, который после ухода Дафниш не проронил ни одного слова. — Люди, вроде моей матери, обречены. Они не способны воспринимать перемены. Консерватизм до добра не доводит. Не правда ли?

Лорд Джеггед, развалившийся в старинном стальном кресле, не удостоил его ответом. Он даже не шелохнулся. Мисс Минг, успевшая успокоиться, стояла у гобелена сорокового столетия, с интересом щупая декоративную ткань. В молчании хозяина Канари Маркграф Вулвергемптон усмотрел доказательства верности своих рассуждений и с воодушевлением продолжил:

— По моему разумению, регулирование рождаемости, воспринимаемое в Арматьюсе за панацею, по меньшей мере, бессмысленно. Там уже сотни лет всего вдоволь. Так нет же, урезают

себя во всем. Живут впроголодь, — Маркграф жалобно взвизгнул, заставив хозяина Канари поднять голову. Встретив, как ему показалось, сочувственный взгляд, Вулвергемптон еще более распалился: — Придумали симбиоз, ритуал передачи жизненных сил от одного к другому. Представьте себе, я был рожден в металлической бочке. Моя мать отдала при этом кусочек себя. Что это было — душа, часть ее естества? Решайте сами. С меня довольно того, что я был ребенком шестьдесят лет. По глупости радовался жизни, когда на самом деле настоящая жизнь только здесь. Если бы не Мисс Минг…

Лорд Джеггед вздохнул и закрыл глаза.

— Думайте, что хотите! — Маркграф вызывающе подбоченился, откинув полу плаща. — Мисс Минг лезла из кожи вон, чтобы сделать из меня человека. В Арматьюсе меня ожидала другая участь. Я был бы на поводу у собственной матери и ждал бы, когда самоуправные старейшины Арматьюса возведут меня в статус взрослого. Но и тогда я стал бы только копией матери, продолжением ее эго, а сам бы не раскрылся как личность.

Лорд Джеггед поднялся на ноги и устало ответил:

— Вы говорите устами Мисс Минг, сменили

максимы на высокопарные фразы, которыми прикрываете эгоизм и своекорыстие. На Краю Времени в чести чувство собственного достоинства, в гордости не откажешь и вашей матери, вы же пестуете чванливость. Вы вульгарны, маленький Снафлз. Не ощущаете этого? Как вы не видели, что представительница третьесортной коллекции Доктора Волоспиона использует вас в своих целях, стараясь осуществить недальновидные и глупые замыслы. Мисс Минг домогалась Дафниш и считала вас досадной помехой. Вот она и превратила ребенка в карикатуру на взрослого человека.

— Да вы просто ревнуете, — подала голос Мисс Минг. Она насмешливо улыбнулась и подхватила Маркграфа под руку. — Сами хотели добиться благосклонности Дафниш. Специально поселили ее у себя. Никто из вашей коллекции такой чести не удостаивался. Только у вас ничего не вышло, вот вы и объясняете свою неудачу происками соперника.

Хозяин Канари направился к выходу.

— Ага, правда глаза колет? — торжествующе крикнула вслед Мисс Минг.

Лорд Джеггед остановился и ответил, не оборачиваясь.

— Любые ваши слова неудобоваримы.

— Ишь, какой умник! — прошипела Мисс Минг и обратилась к Маркграфу: — Пойдем, нам здесь нечего делать.

Ответом послужил стон. Юноша пошатнулся и схватился за голову. Его рубиновые губы побелели, как мел, глаза помутились.

— Что с тобой, Снафлз?

— Кружится голова, знобит.

— Неужели доктор Волоспион допустил ошибку? Потерпи, сейчас поедем к нему.

— Я весь горю. Мое тело… — Лицо Маркграфа искривилось от боли. Он захрипел, подался вперед и упал на колени. Его кожа начала трескаться.

— Лорд Джеггед! — завопила Мисс Минг, пытаясь приподнять Снафлза. — Помогите! Мальчику плохо. Да не стойте же. На Краю Времени не болеют. Воспользуйтесь кольцами, подключите энергию города.

Лорд Джеггед обернулся, но не сделал ни шагу.

— Мама, — прошептал Снафлз. — Мое право на жизнь…

— Он умирает! Лорд Джеггед, спасите его!

Хозяин Канари неторопливо подошел к опавшему телом Снафлзу, едва шевелившемуся в складках плаща, и, взглянув на него без тени

участия, задумчиво произнес:

— Выходит, они были полными симбионтами. Можно не сомневаться, Мисс Минг, Дафниш Арматьюс умерла, а теперь, лишившись ее жизненных сил, умирает ее ребенок. Снафлз никогда не был самостоятельным существом.

— Не может быть. Он все, что у меня осталось! — Лицо Мисс Минг помертвело, казалось, она вот-вот лишится сознания, ее остекленелые глаза тупо смотрели, как тело Снафлза рассыпается прахом. Раздалось шипение: из-под кучи образовавшейся на полу одежды высунулись драконовы головы. Мисс Минг отпрянула и издала душераздирающий крик. Немного придя в себя, она, запинаясь, спросила:

— Вы его воскресите?

— Не уверен, что у меня получится. Да и к чему? Если бы речь шла о Дафниш, я бы сделал все от меня зависящее. Но она погибла, сгорела меж двумя мгновениями, одно из которых истекло, а другое еще не настало. Жизнь сына принадлежала лишь ей, и она по праву унесла ее вместе с собой.

Глаза Мисс Минг налились бешеной злобой. Казалось, еще немного, и она бросится с кулаками на хозяина Канари. Но этого не случилось: у нее не хватило духу. Лорд Джеггед пожал плечами и

вышел из зала.

Чуть позже Мисс Минг поднялась с пола и разжала кулак. На ее ладони лежала горстка бурого праха. Мисс Минг вздохнула и ссыпала прах в карман — на память.

Вечный огонь

Посвящается Альфи Бестеру

Разожги великий пламень,
Закали меня, как сталь,
Крылья вечных дай желаний,
Чтобы втуне не пропал.
...Пламень алый, белый жар,
Ты яви нам Божий дар,
Жги и жарь нас, белый жар,
Пламень алый, жги и жарь.

Джордж Мередит, «Песня Теодолинды»

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой автор выражает признательность своим информаторам

Читатели, живо следящие за жизнью на Краю Времени, конечно, знакомы с историей Джерека Карнелиана и миссис Амелии Ундервуд, изложенной автором в книге «Танцоры на Краю Времени». Не сомневаюсь, что они вместе с рас-

сказчиком с большим интересом следили за приключениями влюбленных и должным образом оценили причастность к этой истории Лорда Джеггеда Канари. Вероятно, читатели приуныли, узнав, что грандиозный план Лорда Джеггеда исключил даже теоретическую возможность узнать о дальнейшей жизни обитателей Края Времени. Разделяя эти горькие чувства, автор с радостью сообщает раздосадованным читателям, что они при желании могут ознакомиться с другими событиями из далекого прошлого — с теми, что предшествовали инициативе хозяина Канари, ибо путешественники до сих пор посещают Край Времени, хотя и не могут преодолеть ту временную преграду, которую установил вездесущий Лорд Джеггед.

Допускаю, что истории, рассказанные путешественниками во времени, не полностью достоверны, ибо, повествуя о своих приключениях, они приводят не только факты, но и высказывают догадки, часто основанные на слухах. Тем не менее, романисты вроде меня считают эти истории увлекательными и с удовольствием переносят их на бумагу, хотя и предполагают, что их смелые сочинения могли бы позабавить тех, о ком повествуют. К счастью, нет никаких

подтверждений, что эта книга пережила хотя бы нынешнее столетие. Что тогда говорить о миллионах ближайших лет!

Если нижеизложенная история покажется читателям менее правдоподобной, чем другие рассказы о Крае Времени, то виной тому доверчивость и легкомыслие автора, который поверил на слово путешественнику во времени, впервые побывавшему в будущем. Этот искатель приключений, член Гильдии Путешественников во Времени и собрат миссис Уны Перссон по увлечению, не позволил открыть читателям свое имя, тем самым предоставив свободу перу рассказчика, что оказалось мне на руку.

И все же, прежде чем окунуться в повествование, скажу несколько слов о своем приятеле. По его словам, он был свидетелем многих значительных событий в истории человечества. К примеру (если только ему поверить), он присутствовал при распятии Иисуса Христа, наблюдал бойню в Милэе, ужасался злодейскому убийству Наоми Якобсен. Со своей базы в Западном Лондоне (XX век, секторы 3 и 4) мой непоседливый друг крейсирует в потоке, который он называет «хронотечением», проникая в прошлое и будущее Земли и сопряженных с ней планет-невидимок.

Из всех известных мне путешественников во времени лишь этот искатель приключений всегда готов рассказать о своих похождениях всякому, кто готов слушать. Видимо, он совершенно не подвержен действию эффекта Морфейла, понуждающего путешественников во времени действовать и говорить с большой осторожностью. По крайней мере, он сам считает, что этот эффект придумали люди с неуравновешенной психикой, расстроенной воздействием алкоголя или наркотиков. Сам себя он величает «хроностранником вне закона» (по этой самооценке читатель может составить себе представление о его характере).

Возможно, вы считаете, что я поверил в историю мисс Мэвис Минг и Иммануила Блюма, поддавшись обаянию своего друга, но на деле в самой сути повествования кое-что показалось мне убедительным, и я принял за правду едва ли не самый невероятный рассказ из тех, что мне довелось услышать. Проверить подлинность истории невозможно (особенно ее заключительной части), но, чтобы не заронить у недоверчивого читателя сомнения в ее очевидной правдивости, сошлюсь на то, что имею немало косвенных доказательств истинности произошедших событий.

Кроме того, по рассказам другого путешественника во времени я хорошо знаком с мистером Блюмом и даже описал его похождения в книгах «Огненный Шут» и «Ветры Лимба».

Нижеизложенная история описывает события в жизни мисс Минг, произошедшие после того, как эта жалкая женщина вмешалась роковым образом во взаимоотношения между Дафниш Арматьюс и ее сыном Сопуном, о чем я рассказал в повести «Древние тени». По обыкновению, основные события описаны автором в точном соответствии с рассказом путешественника во времени. Однако, чтобы сделать повествование более интересным и динамичным, мне пришлось слегка раскрасить его, дополнить подробностями из другого источника и ввести диалоги.

В повести «Древние тени» я мельком рассказывал о взаимоотношениях между мисс Минг, несносной и жалкой личностью, и Доктором Волоспионом, самоуверенным мизантропом. Трудно судить, что за извращенное удовольствие находил Доктор Волоспион в общении с этой женщиной, равно как и понять, к чему было мисс Минг, старавшейся огородить себя от любых неприятностей, терпеть несуразные выходки и оскорбления Доктора. Возможно, Док-

тор Волоспион видел в ней оправдание своему человеконенавистничеству, а мисс Минг, по-видимому, предпочитала унизительное внимание прискорбному одиночеству. Впрочем, зачем гадать? И в наши дни случается, что взаимоотношения между людьми не поддаются разумному объяснению.

Сделав необходимые пояснения, автор, наконец, ступает на прямую дорогу повествования и предлагает на суд читателя историю о преображении мисс Минг и о том участии, которое приняли в этой метаморфозе Доктор Волоспион и Иммануил Блюм.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой мисс Минг, как обычно, чувствует себя не в своей тарелке

Одно солнце всходило над горизонтом, а другое закатывалось, создавая фантастическую игру света и тени, остававшуюся, тем не менее, незамеченной большинством участников вечеринки, собравшихся у подножия горной гряды, возведенной Вертером де Гете по картине художника древности Холмана Ханта, полотна которого Вертеру удалось откопать в одном из разлагавшихся

городов.

Создавать ландшафты по произведениям живописи пытались и до него, но, в отличие от других обитателей Края Времени, отдавших дань новой моде, Вертер с настойчивостью пуриста воспроизводил в создаваемой им натуре все детали изображения, невзирая на замечания критиков, обвинявших его в отсутствии творческого начала. Вертеровской концепции «искусство ради искусства» какое-то время следовал Герцог Квинский, но чистота жанра вскоре утомила его, и Вертер остался в оскорбительном одиночестве, что, впрочем, его только обрадовало, ибо появился новый повод предаваться сладостному страданию.

Пока участники вечеринки оценивали произведение Вертера, одно из солнц закатилось, а другое застыло, оказавшись в зените. Перемену заметили только трое: мисс Минг, чьи округлые формы едва прикрывало платье с глубоким вырезом, Ли Пао в неизменном голубом сатиновом комбинезоне и устроитель увеселения величественный и стройный Абу Талеб в роскошных одеждах.

— Интересно, чьи эти солнца, — сказал Абу Талеб, посмотрев на небо. — Хороши оба. Вероятно,

соперничают…

— С вашими творениями? — спросил Ли Пао.

— Нет, друг с другом.

— Скорее всего, оба созданы Вертером, недаром мы толчемся у этой горной гряды, — нетерпеливо предположила мисс Минг, явно недовольная тем, что ее собеседники отклонились от темы разговора. — Впрочем, он еще не приехал, так что, Ли Пао, продолжайте, пожалуйста. Вы говорили о Докторе Волоспионе.

— Я, собственно, не говорил ни о ком конкретно, — ответил китаец, смущенно потеребив мочку уха.

— Но и у меня возникла такая ассоциация, — заметил Абу Талеб, сладостно улыбнувшись в остроконечную бороду.

— Не делайте из меня сплетника. Трезвый ум не приемлет слухи. Я лишь мельком упомянул, что только слабые ненавидят слабость и только ущербные осуждают изъяны других, — Ли Пар отер платком пятно сока с комбинезона и повернулся спиной к миниатюрному солнцу.

— Нет-нет, — лукаво запротестовала мисс Минг. — Я знаю, вы говорили о Докторе, предполагали, что он…

Конец фразы мисс Минг потонул в дружном

смехе проходившей мимо компании. Когда шум утих, Ли Пао (возможно, признавая в словах мисс Минг долю правды), поспешил опередить свою собеседницу:

— В отличие от вас мне нет дела до вашего покровителя. Я просто-напросто рассуждал. Мое суждение вряд ли было оригинальным и не относилось ни к кому в частности. Вы смутили меня, и я готов взять обратно свои слова.

— Да я и не в обиде на вас, Ли Пао. Я больше думала о себе. Доктор так добр ко мне, и я не хочу, чтобы создалось впечатление, что я вовсе не замечаю, как много им сделано для меня. Я ведь могла все еще томиться в его зверинце, а он приютил меня в своем доме.

— Доктор Волоспион — образец куртуазности, — подал голос Абу Талеб. — Думаю, вы согласитесь со мной, а меня извините. Пойду проведать своих монстров. — Устроитель увеселения удалился, не обратив внимания на умоляющий взгляд Ли Пао, оставшегося во власти мисс Минг, которая тут же воспользовалась благоприятным моментом.

— Не думайте, что я собираю сплетни, — проворковала она, заглядывая в глаза китайцу и поглаживая его по груди. — Просто я дорожу

вашим мнением. А как же иначе: мы оба узники Края Времени. Нам бы лучше вернуться в прошлое, вам — в двадцать седьмое столетие, где вы занимали важный государственный пост, а мне — в двадцать первый век, где я тоже кое-что значила, — мисс Минг застенчиво опустила глаза. — Впрочем, нескромно говорить о себе, хотя я могла бы удивить многих.

— Да, да, — простонал Ли Пао, тяжело вздохнув и закрыв глаза.

Мисс Минг, не оставляя в покое комбинезон китайца, принялась выводить ногтем на линялой материи воображаемые узоры. Внезапно раздался звериный рык. Ли Пао закрутил головой, сумев отстраниться от назойливой собеседницы.

— Вероятно, один из монстров Абу Талеба. Пойду, посмотрю.

Мисс Минг остановила его, ухватив за лямку, но тут же отвела руку, заметив, к своей немалой досаде, приближавшегося Рон Рон Рона (который происходил из сто сорокового столетия и был еще одним путешественником во времени).

— Ой, Ли Пао, смотрите, — кисло прощебетала мисс Минг, — сюда идет этот зануда Рон.

К ее великому изумлению, китаец, который явно недолюбливал Рон Рон Рона, распростер

руки и с непомерным пылом воскликнул:

— Мой старый друг!

Растерявшаяся мисс Минг выдавила улыбку и слащаво промямлила:

— Рады видеть вас.

В глазах неизменно высокомерного Рон Рон Рона промелькнула искорка удивления.

— Да? — задумчиво произнес он, заложив руки за спину.

Повисла гнетущая тишина: мужчины разглядывали друг друга. Посчитав, что молчание затянулось, мисс Минг робко произнесла:

— Ли Пао только что высказал глубокую мысль. По его словам, только слабые ненавидят слабого и только… Как там дальше, Ли Пао?

— Вряд ли мое суждение интересно, — ответил китаец. — Извините, но… — он жалобно улыбнулся.

— Да нет уж, прошу вас, я весь внимание, — категорично произнес Рон Рон Рон, одернув прямоугольный сюртук и пробежав равновеликими пальцами по квадратным пуговицам одежды.

— Это была чрезвычайно мудрая мысль, — подхватила мисс Минг. — Только слабые ненавидят слабого, и…

— Только ущербные осуждают изъяны других, — кисло изрек Ли Пао. — Но я ни в коей мере не собираюсь…

— Весьма интересное наблюдение, — перебил Рон Рон Рон, задумчиво потирая квадратный подбородок. — Да, да. Весьма интересное.

— Как вам будет угодно, — обескуражено ответил китаец и шагнул в сторону. Второй шаг ему не удался. Его пригвоздил к месту бас собеседника.

— Но из вашей мысли вытекает другое суждение: сильная личность, демонстрируя свою силу, афиширует собственную слабость. Не так ли?

— Ничего подобного я…

— О, нет, мы это должны основательно рассмотреть, — Рон Рон Рон оживился. — Получается, что вы косвенно осудили мою попытку захватить власть в период правления пчеловодов-анархистов. Надеюсь, вы помните, что я был лидером оппозиции, возглавляя движение симметричных фундаменталистов.

— Конечно, помню, но уверяю вас, что я…

— У нас было достаточно сил, чтобы прийти к власти, — продолжил с воодушевлением Рон Рон Рон, — но нам просто не повезло: на Землю вторглась инопланетная армия (кто были эти пришельцы, до сих пор неизвестно). Захватчики

перебили всех, кто носил оружие, а оставшихся — примерно треть человечества — превратили в рабов. Оккупация длилась недолго, не более двадцати лет. То ли пришельцы испугались другого агрессора, то ли потеряли стратегический интерес к нашей части галактики, однако даже столь недолгая оккупация нарушила наши планы, а не случись нашествия, кто знает, чего бы мы достигли.

— Не сомневаюсь, вы бы преобразили планету, — промямлил китаец.

— Вы очень добры. Наши планы были действительно грандиозны, но они рухнули. Оккупанты оставили Землю в таком удручающем состоянии, что человечеству стали более не нужны ни анархисты, ни фундаменталисты. Будь у меня хотя бы малейший шанс…

— Вы бы добились многого, — буркнул Ли Пао, тяжко вздохнув.

— Однако он не представился. Мои попытки переговоров с инопланетянами были неправильно истолкованы.

— Такое случается, — китаец снова вздохнул.

— Мне пришлось бежать. Я воспользовался экспериментальной машиной времени и теперь делю вашу участь. Но и здесь я не растерял своих

убеждений.

— О, мужчины, у вас одна политика на уме, — робко подала голос мисс Минг.

Ее реплики не заметили. Рон Рон Рон перешел к детальному изложению своих убеждений, а китаец продолжал вздыхать, изредка вставляя словцо. Мисс Минг тупо смотрела на собеседников. Она никак не могла понять, зачем Ли Пао по своей воле угодил в сети законченного зануды. Было видно, китайцу Рон Рон Рон до смерти надоел, хотя разговор и шел о политике, единственном предмете, которым интересовался Ли Пао. Время шло, а прялка все жужжала и жужжала. Мисс Минг вздохнула вместе с китайцем. Она знала, что существует немало людей, которые, начав говорить, сами не могут остановиться. Исходя из этого наблюдения, мисс Минг решила прервать затянувшийся монолог, как только дождется хотя бы маленькой паузы, и дождалась, когда Рон Рон Рон заключил очередное суждение глубокомысленными словами:

— …но они так и не смогли разделиться.

— Не смогли разделиться? — моментально встряла мисс Минг и перешла в наступление: — Представьте, у меня была похожая ситуация с топинамбуром. Я разводила его в своем офи-

се. Уродился что надо, огромный, но зато, хоть тресни, не размножался. Ну, никак не делился. Вы об этом?

Рон Рон Рон на секунду опешил, а затем значительно произнес:

— Мы обсуждаем расстановку политических сил.

— Ах, вы о силе. Как кстати. Вы бы видели моего бывшего мужа. Я не рассказывала? Донни Стивенс, паршивец. Испортил мне жизнь. Но, надо отдать ему должное, был истинным силачом. Бетти, вы знаете, моя подружка. Я и про нее не рассказывала? Ну, на самом деле она была не просто подружкой. Вы понимаете? — мисс Минг подмигнула. — Так вот, Бетти как-то сказала, что Донни Стивенс гордится своими мышцами больше, чем пенисом. Умора! — мисс Минг затряслась от смеха.

Рон Рон Рон промычал в ответ что-то невразумительное. Ли Пао молчал, закатив глаза. Успокоившись, мисс Минг затараторила снова:

— Не должна бы вам этого говорить, но раз начала, скажу, не стесняясь: я быстро нашла замену мерзавцу. Вы понимаете? И все же временами этого жеребца мне явно недостает.

— Для женщины из двадцать первого века это

естественно, — сказал Рон Рон Рон.

Мисс Минг ухватила его за рукав и с жаром продолжила:

— Вот-вот. Вы меня понимаете. Миру нужны настоящие мужики, семяпроизводители. Попадись мне такой, я бы… я б… — мисс Минг щелкнула пальцами.

Рон Рон Рон вырвался, Ли Пао отпрянул.

— Вот и с топинамбуром то же самое. Он неприхотливый и крепкий, зато и забивает все другие растения, стоит им только проклюнуться. С помощью топинамбуров даже валили деревья, кажется, в Парагвае. Но когда приходит время делиться, они ни в какую. Точь-в-точь, как самодовольные мужики.

Мисс Минг снова заливисто рассмеялась, приглашая слушателей присоединиться к веселью. Заметив постные лица, она не смутилась.

— Так вот, своего лентяя я выгнала. И что вы думаете? Он внезапно преобразился. По словам Бетти, чтобы пересчитать всех кобыл, покрытых этим разошедшимся жеребцом, требовался компьютер.

Заметив, что слушатели нисколько не оживились, мисс Минг с горячностью уточнила:

— Нет, два компьютера.

Но даже этот, казалось бы, верный прием — расцветить рассказ тонким юмором — не принес ожидаемого эффекта. Ли Пао сосредоточенно разглядывал носок своего ботинка, а Рон Рон Рон, вытаращив глаза, водил по сторонам бессмысленным, мутным, словно бы дымным взглядом. Мисс Минг не сдалась.

— А я вам не рассказывала о том, что однажды случилось в «фордике»? Мы поехали на денек за город, еще до развода. Дело было весной, кажется, в мае…

— Посмотрите! — внезапно гаркнул Ли Пао.

Мисс Минг присела и чуть не проглотила язык.

— Куда? — пролепетала она.

— Там Доктор Волоспион! — китаец указал на толпу. — Он только что махал вам рукой.

Мисс Минг воспрянула духом. Теперь можно и удалиться, но только деликатно и не в ту же минуту, чтобы не обидеть Ли Пао.

— Ничего страшного, Доктор может и подождать, — игриво сказала она. — Разве можно, пользуясь правом хозяина, держать гостью на привязи?

— Но и мы не смеем пользоваться вашей свободой, — размеренно сказал Рон Рон Рон, успевший не только прийти в себя, но и одернуть свой пря-

моугольный сюртук.

— Это очень мило, — прощебетала мисс Минг. — Может, попозже увидимся. До свидания, — она подмигнула и кокетливо пошевелила пальчиками, после чего поискала глазами Доктора, но, не приметив его, повернулась к Ли Пао. Оказалось, напрасно. Китаец стремительно удалялся, видно, заметив возле ног одного из чудовищ Абу Талеба более приятного собеседника. Мисс Минг пожала плечами и медленно пошла за китайцем, разглядывая гостей и многочисленные живые творения хозяина вечеринки, среди которых преобладали слоны.

— Я сделала все возможное, — вздохнула она. — Как трудно иметь дело с политиками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой мисс Минг так и не обретает желанного утешения

И все-таки не слоны, переминавшиеся там и сям с ноги на ногу и временами издававшие трубные звуки, а несравнимо более крупные существа, пригнанные радушным хозяином для увеселения публики, стали украшением вечеринки. Эти семь исполинов сидели в ряд на зеленовато-коричневых задних лапах, задрав к

небу массивные морды, и выводили тонкими голосами жалостную мелодию.

Исполины — гордость коллекции Абу Талеба — были копиями певчих гигантов с Жюстины-4, планеты, давно исчезнувшей в распадавшемся космосе (читатель, должно быть, помнит, что Земля постоянно пользовалась энергией не только Солнца, но и множества других звезд).

Увлечение Абу Талеба слонами и всем слоноподобным было столь велико, что он нарек себя Комиссаром Бенгалии, позаимствовав столь экстравагантное звание у легендарного сановника древности, величавшего себя «Повелителем Всех Слонов». Правда, исполины Абу Талеба больше походили на огромных бабуинов с мордами обыкновенных эрдельтерьеров, но такие мелочи не смущали Комиссара Бенгалии, для которого важнее всего были их чудовищные размеры. Целиком увидеть гигантов можно было лишь издали, а чтобы услышать их заунывное пение, следовало хорошенько прислушаться — уж очень высоко были головы исполинов.

На вечеринке было и угощение, которое разносили мохнатые мамонтята с подносами на спине. Выбрав еду по вкусу, можно было устроиться на траве, прислонившись к спине одного

из коленопреклоненных гиппопотамов, а удобно устроившись, — полюбоваться дворцом Комиссара Бенгалии, величественной постройкой в виде двух огромных слонов с переплетенными хоботами.

Поморщившись при виде толстокожих гиппопотамов, мисс Минг решила перекусить в обществе антилопы. Она сняла с ее рога пышку и быстро расправилась с ней — надо же, без всякого аппетита — под грустным взглядом больших антилопьих глаз.

— Ты одна понимаешь меня, — вздохнула мисс Минг.

Ей было отчего горевать: всякий, к кому она только приближалась, норовил улизнуть от нее, а Доктора Волоспиона так и не удалось отыскать.

— Ты права, антилопа, нет ничего скучнее этого сборища.

Состояние меланхолии было прервано велеречивыми возгласами:

— Что за платье, мисс Минг! Сама пышность! Сама желтизна!

Мисс Минг подняла глаза: перед ней стоял Сладкое Мускатное Око. На нем был мягкий серый костюм, весь в кружевных воланах и рюшах. Брови франта были изогнуты, волосы ниспадали

кольцами, на щеках — румяна.

Окинув взглядом Сладкое Мускатное Око, мисс Минг опустила глаза на платье, вызвавшее похвалу кавалера. Конечно, там было на что посмотреть! Под коротеньким желтым платьицем виднелись нижние юбки с голубыми оборками, которые не только придавали наряду пикантный вид, но и позволяли подметить пытливому взгляду, что оборки того же цвета, что и глаза владелицы одеяния — лучшего в ее внешности.

Приняв комплимент как должное, мисс Минг залилась колокольчиком и с грацией юной девушки закружилась перед поклонником.

— Я опять чувствую себя женщиной! — с восторгом прощебетала она. — А мой бант вы уже оценили?

Огромный голубой бант с желтой каймой, украшавший белокурые волосы, не заметить было нельзя.

— Он плекласен! — воскликнул Сладкое Мускатное Око, считавший картавость проявлением особого шика. — Ах, ах, ах! Такие же банты и на туфлях. Как галмонично!

Мисс Минг просияла. Этот Сладкое Мускатное Око весьма обходителен и наверняка способен на большее, решила она, хотя и знала о его стран-

ной манере появляться на людях то мужчиной, то женщиной. Она взяла кавалера под руку и с упоением зашептала:

— Вы знаете, как порадовать девочку. Открою вам небольшой секрет: все дело в широкой юбке, в ней талия кажется тоньше. Я немного полна и стараюсь скрыть этот маленький недостаток. По-моему, удалось, а?

— Более тонкой талии мне видеть не приходилось.

Воодушевленная похвалой, мисс Минг тут же поделилась со Сладким Мускатным Оком и другими секретами и даже рассказала о жестокой обиде, нанесенной ей мужем, когда тот во время очередной ссоры выбросил в окно игрушечного слона в синий горошек, подаренного ей в семилетнем возрасте, что повлекло за собой трагическое последствие: любимую игрушку раздавил грузовик.

Сладкое Мускатное Око согласно кивал, ахал и блеял на все лады, хотя вряд ли что понимал, ибо надолго сосредоточиться он был просто не в состоянии. Мисс Минг истолковала его восклицания в свою пользу — как проявление искреннего сочувствия. Придя к этой утешительной мысли, она еще более распалилась:

— Представьте, после своего изуверства этот изверг посмел сказать, что я впала в детство. Это он-то, с умом двенадцатилетнего! Как был недоношенным, так недоношенным и остался! От моего слона я видела больше любви, чем от Донни Стивенса.

— Восхитительно!

— Он меня все время ругал. То не так, это не так. Во всех бедах была виновата малютка Мэвис. Да и в детстве я за всех отдувалась. Чуть кто набьет шишку или захнычет, виновата я. Мой отец…

— Очаловательно!

Мисс Минг тупо посмотрела на обожателя и продолжила, так и не закончив рассказа о своем трудном детстве.

— Всю жизнь стараюсь делать людям добро. И знаете, чем это чаще всего кончается?

Сообразив, что его о чем-то спросили, Сладкое Мускатное Око принял глубокомысленный вид и важно ответил:

— Конечно.

— Тебе отвечают гадостью, упрекают за то, в чем, прежде всего, виноваты сами. Вот эта женщина, Дафниш Арматьюс…

Услышав знакомое имя, Сладкое Мускатное Око всплеснул руками и с сочувствием произнес:

— Тлагедия.

— Доктор Волоспион говорит, что я слишком нянчилась с этой дамочкой. За ее мальчишкой следила, как за собственным сыном. Такая уж я уродилась! Тяну лямку всю жизнь. Правда, иногда подмывает все взять и бросить. Но если не я, то кто? Как вы считаете?

— Тлогательная мелодия.

— Вы о чем? — растерянно спросила мисс Минг.

Сладкое Мускатное Око указал рукой на ближайшего исполина. Певчий гигант отбивал такт здоровенной ногой. От колыхавшейся массы исходил смрад.

— Не нахожу в этой мелодии ничего привлекательного, — сморщившись, сказала мисс Минг. — Какая-то погребальная песнь. Я люблю что-нибудь поживее, — она вздохнула и печально добавила: — Какая грустная вечеринка!

— Вам не нлавится скопление толстокожих? — удивился Сладкое Мускатное Око. — Но это гландиозно, масштабно, выпукло! — посмотрев на поникшую собеседницу, он смутился и перешел на извинительный тон: — Вплочем, это лишь на мой вкус. Знаете ли, у меня подкачало с вооблажением.

— Я ожидала большего, — вздохнула мисс Минг.

— От певчих гигантов? Не оголчайтесь. Впеледи пил. Эдгалоселдный По обещал угостить на славу.

Мисс Минг снова вздохнула.

— Меня больше интересует духовная пища. Я надеялась повстречать здесь приятных людей, найти человека, который поймет меня. Такого я бы по достоинству оценила, — она выжидательно взглянула на своего элегантного провожатого.

— Толстокожие, а как жалостно поют, — сказал Сладкое Мускатное Око, стараясь разглядеть голову ближайшего исполина.

— Я вижу, вы и сами не в настроении. Думаю, интереснее здесь не будет. Поеду домой. Хотите присоединиться ко мне? Или заглянете в другой раз? Я живу у Доктора Волоспиона.

— Плавда?

— Мне надо высказаться определеннее? — обескураженно спросила мисс Минг. — Конечно, кто же примет робкое предложение. Вы навестите меня? — Не дождавшись ответа, она тронула щеголя за рукав.

— Ах, извините меня, мисс Минг, я засмотлелся на голову исполина. Вы о чем?

— Я приглашала…

— Ах, чуть не забыл: пообещал О'Кэле встлетиться с ним… А вот и он. Еще лаз плошу извинить меня, — кавалер изысканно поклонился и помахал рукой, радостно улыбнувшись.

— Разумеется, — процедила мисс Минг.

Сладкое Мускатное Око взмыл на несколько футов в воздух и поплыл навстречу О'Кэле, который явился на вечеринку в обличье носорога.

— Еще немного, и я начну предлагать себя толстокожему, вроде этого носорога, — пробормотала мисс Минг. — Прощай, Сладкое Мускатное Око. Никакой ты не сладкий. Боже, какая скука!

Едва мисс Минг успела пожаловаться на свою горькую участь, как она оживилась, увидев Доктора Волоспиона, своего хозяина, покровителя и наставника.

Доктор первым обнаружил ее в корабле, когда она, до смерти испуганная, оказалась на Краю Времени. Сначала он поместил ее в свой зверинец, приняв путешественницу по туманным речам за члена религиозного ордена, однако, узнав позднее, что она обыкновенный историк, возомнившая, что очутилась в средневековье, решил, что ей не место в коллекции, состоявшей из ученых монахов, пророков, демонов и богов, и,

поразмыслив, предоставил изгнаннице комнаты в своем доме.

Доктор Волоспион приветливо махал рукой Комиссару Бенгалии, спускавшемуся на землю в золоченом аэрокаре в виде седла с балдахином (вероятно, Абу Талеб подымался ввысь, чтобы накормить певчих гигантов).

— Ку-ку, — позвала мисс Минг, подойдя поближе.

Доктор не шелохнулся.

— Ку-ку!

Никакого ответа.

— Ку-ку, Доктор!

Доктор Волоспион, успевший поприветствовать Комиссара Бенгалии, нехотя повернулся и еле кивнул, растянув в кислой улыбке тонкие губы.

— Малютка Мэвис к вашим услугам, — прощебетала мисс Минг.

Ей ответил Абу Талеб.

— Вот мы и снова встретились, дорогая, — проговорил он тоном доброго дядюшки. — К нам явилась Шехерезада, — Абу Талеб был одним из немногочисленных приятелей Доктора и, пожалуй, единственным доброжелателем крошки Мэвис. — Надеюсь, вы довольны увеселением?

— Настоящий праздник для любителей толстокожих, — пропела мисс Минг, но, заметив недоуменный взгляд Комиссара Бенгалии и почувствовав, что шутка не удалась, поспешила исправиться: — Лично я без ума от слонов.

— Вот не думал, что у нас одинаковое пристрастие.

— О, я полюбила этих толсто… этих умных животных еще в детстве. Маленькой девочкой я все время каталась. Во всяком случае, раз в год — в день рождения. Я ходила в зоопарк с папой. Нам не могли помешать никакие случайности.

— И я должен сделать вам комплимент, — вмешался в разговор Доктор Волоспион, пробежав взглядом от туфелек своей подопечной до банта на ее голове. — Вы затмеваете всех, мисс Минг. Сколько вкуса! Какая безупречная элегантность! Мы в своих убогих одеждах точно тусклые свечи в сиянии сверхновой звезды.

Мисс Минг настороженно взглянула на Доктора, усомнившись в искренности своего покровителя, но затем не удержалась и расплылась в улыбке.

— Вечно вы ставите меня в неловкое положение, — кокетливо сказала она. — Я стараюсь быть остроумной, холодной и неприступной, а с

вами начинаю, как школьница, краснеть и глупо хихикать.

— Прошу извинить меня.

Мисс Минг наморщила лоб и на секунду задумалась.

— Вот теперь изволь, чтобы доставить вам удовольствие, придумать остроту.

— Одно ваше присутствие — величайшее удовольствие, — Доктор развел руками, до того тонкими, что, казалось, рукава его блузы из золотисто-черной парчи для него неумеренно тяжелы.

— Но… — начала мисс Минг, однако так и не успела то ли ответить на новый изысканный комплимент своего покровителя, то ли блеснуть вымученной остротой.

Доктор Волоспион обратился к Абу Талебу:

— Вы открыли нам новый мир, изобретательный Комиссар. Ваши питомцы парадоксальны: огромны телом, кротки духом и прекрасно воспитаны.

— Они необыкновенно полезные животные, Доктор Волоспион, — осторожно ответил Абу Талеб и испытующе посмотрел на своего собеседника, ибо разделял общую точку зрения, что замечания Доктора насмешливы, хотя и звучат

неизменно приветливо и невинно.

— Вне всякого сомнения, — ответил Доктор Волоспион, посматривая на остановившегося слоненка, который доверчиво потянулся за лакомством к ладони Абу Талеба. — Помощники человека с самых древних времен.

— Зачастую обожествляемые, — добавил Абу Талеб.

— Да они просто были богами!

— Я воссоздал особи всех известных мне видов: английского, болгарского, китайского и, конечно, индийского, — доверительно сообщил Комиссар Бенгалии, расставшись со своей подозрительностью.

— Среди них есть любимый? — Доктор преодолел тяжесть парчового рукава и почесал бровь.

— Мои любимцы — слоны Швейцарских Альп. Кстати, этот — один из них. Обратите внимание, у него особенные конечности. Похожие ноги были у знаменитых белых слонов Черного Погонщика, освобождавшего Чикаго в пятидесятом столетии.

— Вы уверены, Комиссар? — подала голос мисс Минг. — По-моему, это событие происходило в другое время и в другом месте. Я как-никак историк, хотя и не больно знающий. Вы не Карфаген имели в виду? — она тут же смутилась,

испугавшись, что задела самолюбие Комиссара Бенгалии. — Прошу меня извинить, вмешалась по недомыслию. Вы же знаете, я бесхитростная маленькая глупышка.

— Ничего страшного, только я подтверждаю свои слова, — добродушно ответил Абу Талеб. — Я почерпнул эти сведения, прослушав запись с магнитной ленты, найденной Джереком Карнелианом в одном из наших гибнущих городов.

— Но эта лента, может, отделена от первоисточника множеством других записей. Переписывали, переписывали, вот и стал Карфаген Чикаго. Потом я сильно подозреваю, что Черным Погонщиком называли…

— Да, прежним временам в романтике не откажешь, — прервал Доктор Волоспион. — Ваши рассказы, мисс Минг, неизменно полны ароматом прошлого.

Абу Талеб съежился, зато мисс Минг расцвела.

— Могу вас уверить, что прошлое было далеко не безоблачным, — проворковала она и обратилась к Абу Талебу: — Знаете, за что я люблю Доктора Волоспиона? Он не зажимает мне рот и обладает редкостным качеством: умеет слушать.

Абу Талеб отвел глаза в сторону.

— А что касается прошлого, то в моей жизни

было немало черных полос, — продолжила с энтузиазмом мисс Минг, — но, признаться, были и наслаждения, о которых сейчас я могу, увы, только мечтать. Секс, к примеру.

— Вы имеете в виду удовлетворение от полового сношения? — Комиссар Бенгалии вытащил из кармана банан и стал его чистить.

При виде банана мисс Минг пришла в замешательство.

— Вот именно, — глухо проговорила она.

— О, догадываюсь, — протянул Доктор Волоспион.

— К сожалению, здесь не интересуются сексом, — безапелляционно сказала мисс Минг. — Я говорю о подлинном интересе. Если это занятие — пережиток, я готова вернуться в прошлое, когда угодно, в любой день недели. Ах, да вы не знаете ни дней, ни недель, но, думаю, понимаете, что я имею в виду.

Почувствовав, что была неумеренно откровенной, мисс Минг деланно рассмеялась. Когда смех утих, Доктор Волоспион задумчиво потер лоб.

— Вы говорите серьезно, мисс Минг?

— Ах, Доктор, вы иногда заставляете робкую девочку чувствовать себя глупой. Понимаю, что не со зла. В душе вы так же застенчивы, как и я.

Вот вы и прикрываете смиренность нападками. Не возражайте, я успела вас изучить.

— Весьма польщен, что вы уделяете мне такое внимание, однако вы меня несколько удивили. Среди нас немало таких, кто только и думает о сексуальных утехах: Миледи Шарлотина, Оборотень О'Кэла, Гэф Лошадь-в-Слезах, не говоря о Госпоже Кристии, Неистощимой Наложнице. А возьмите Джерека Карнелиана. Он пропал в толще времени с дамой своего сердца. Вот уж истинный воитель на бранном поле любви.

— Все эти люди только играют в любовь, — с жаром возразила мисс Минг. — Разве их обуревают настоящие чувства? — она смутилась и поспешно добавила: — Во всяком случае, все они не в моем вкусе.

— А Шарлотина? — спросил Комиссар Бенгалии, только что закончивший важную процедуру: он накормил с ладони очередного слоненка. — Вы, кажется, ухаживали за ней.

— О, это было в прошлом.

— А следом появилась другая леди, путешественница во времени, — заметил Доктор Волоспион. — Впрочем, она и меня не оставила равнодушным. Мы даже соперничали с вами, мисс Минг. Вы говорили, что влюбились в нее.

— О, не будьте таким жестоким. Что может быть хуже горьких воспоминаний?

— Понимаю, трагедия, — бесстрастно сказал Доктор Волоспион.

— Не люблю думать об этом. Все мои усилия пошли прахом. Сначала меня оставила Дафниш, а потом погиб Сопун. Откуда мне было знать… Если бы вы не поддержали меня, не знаю, что бы я натворила. Прошу вас, не станем ворошить прошлое, хотя бы сейчас. Ах, люди… они сами создают себе трудности. Мне далеко до совершенства, но я стараюсь быть деликатной, видеть только хорошее. Помогаю другим. Бетти мне не раз говорила: — «Ты лезешь из кожи вон, опекая других, а о себе забываешь». О, Бетти, обо мне люди думают, что я круглая дура, да и то если соизволят меня заметить, — мисс Минг шмыгнула носом. — Прошу извинить меня.

Тем временем Доктор Волоспион (скажем в скобках, чтобы не обидеть мисс Минг, — пропускавший мимо ушей стенания альтруистки) заметил вблизи Ли Пао и жестом пригласил его подойти. Китаец, в свою очередь заметивший Доктора, а рядом с ним Абу Талеба и крошку Мэвис, попытался скрыться в толпе, но приглашение подойти сначала остановило его, а затем

потянуло, будто арканом, в нежелательном направлении.

— Мы обсуждаем коллекцию Комиссара Бенгалии, — сказал Доктор Волоспион, обращаясь к Ли Пао. — Она просто великолепна.

Абу Талеб скромно потупился.

— Любуетесь, как эксплуатируют несчастных животных?

— Ах, Ли Пао, вечно вы ругаете нас, но тем не менее всякий раз посещаете наши скромные праздники. Значит, и вы находите в них что-то приятное.

— Я посещаю эти собрания, руководствуясь чувством долга, проявляю сознательность, — ответил китаец. — Мое место в народе. Я прививаю людям истинные моральные ценности.

Ухо защитника угнетенных по-приятельски тронул слоновый хобот. Китаец отпрянул.

— Не могу с вами полностью согласиться, — миролюбиво произнес Доктор. — Моральные ценности хороши для двадцать седьмого века, а на Краю Времени другие заботы. Наше будущее неопределенно. Космос сжимается, угасает. Кто знает, сколько ему осталось существовать. А вместе с ним исчезнем и мы. Вы носитесь с мыслью, что всеобщий организованный труд может поме-

шать распаду Вселенной. Я так не думаю.

Сочтя разговоры о мироздании утомительно скучными, мисс Минг занялась прической.

— Выходит, вы боитесь Конца Света? — спросил Ли Пао, пронзая Доктора взглядом.

Доктор Волоспион гулко зевнул.

— Боимся? Что это значит?

— Я говорю о страхе. Это чувство здесь не проявляется в полной мере, но его ростки существуют. Зачатки этого страха коренятся и в вас, Доктор Волоспион.

— Вы считаете, что я чего-то боюсь? — Доктор Волоспион презрительно фыркнул. — Это голословное утверждение. Скорее, даже обвинение.

— Я не обвиняю вас и не собираюсь унизить. Страх перед лицом реальной опасности закономерен, естественен. Неразумно игнорировать нож, занесенный для удара в самое сердце.

— Нож? Сердце? — беззаботно протянул Комиссар Бенгалии, пытаясь подманить виноградной гроздью одного из своих любимцев.

— Думаю, вы, Ли Пао, можете считать меня неразумным, — сказал Доктор Волоспион.

— Нет, вы не лишены страха, — не унимался китаец. — Ваше отпирательство тому подтверждение, а ваш гордый вид и язвительность

— обычная маскировка.

Доктор пожал плечами.

— Инстинкты на Краю Времени давно атрофировались. Вы валите с больной головы на здоровую, приписываете мне собственные эмоции.

Китаец не успокоился.

— Вам не провести меня! Кто вы, Доктор? Странник во времени или пришелец с другой планеты? Я вас раскусил. Вы не здешний.

— Что? — Доктор насторожился.

— По сравнению с вами обитатели Края Времени безобидны, а вы ненавистник. Общеизвестно ваше отношение к Джереку Карнелиану. Вы преисполнены зависти и тщеславия — чувствами, которые незнакомы, к примеру, Герцогу Квинскому. Вас одолевают нездоровые страсти. Их надо искоренять, поэтому я и уделяю вам столько внимания.

— Мне оно ни к чему, — ответил Доктор, гневно сверкнув глазами. — Вы далеко заходите, Ли Пао. Обычаи вашего времени не допускали столь оскорбительной манеры вести беседу.

— Мне кажется, вы и вправду зашли далеко, Ли Пао, — вмешалась мисс Минг. — Зачем вы задираете Доктора? Он вас не трогал.

Пропустив мимо ушей аполитичное замечание, китаец снова насел на Доктора:

— Вы отказываетесь признаться в собственных недостатках? Не верите в пользу общественного труда?

— Общественный труд не спасет от гибели. Не хочу терять чувство собственного достоинства даже в преддверии Конца Света. Зачем порождать пустые надежды, скулить о спасении, когда гибель неотвратима?

— Смотрите! Смотрите! — заверещала мисс Минг, стараясь разрядить накаленную обстановку. — Появился Эдгаросердный По. Скоро начнется пир!

— Что-то запоздал, — буркнул Абу Талеб, оторвав взгляд от слона.

Обстановка не разрядилась.

— Надежду дает работа, к тому же трудовое воспитание преображает людей! — воскликнул китаец.

— Кто в это поверит? — Доктор Волоспион огляделся по сторонам, словно пытаясь найти союзника, но, натолкнувшись на плотоядный взгляд своей подопечной, оставил попытку и продолжил сражение в одиночку: — Конец близок, неотвратим. Смерть восходит над горизонтом.

После многих тысячелетий покоя Земля на пороге нового катаклизма, но только теперь ей будет не возродиться. А вы говорите: работа! — Доктор разразился демоническим смехом. — Что она дает? Наша эпоха не зря называется Краем Времени. Мы свое пожили. Скоро от нас останется один пепел в безжизненном космосе.

— Но если мы объединим наши усилия…

— Простите, Ли Пао, мне становится скучно. К тому же я уже натерпелся от пустословия.

— В самом деле, мальчики, хватит спорить, — сказала мисс Минг, избрав менторский тон классной дамы. — Глупая болтовня не приведет ни к чему хорошему. Ну-ка, глядите повеселей. Я вам не рассказывала о том, как однажды, когда мне было четырнадцать, я со своим дружком прямо в церкви… Вы понимаете? Так вот, в самый неподходящий момент нас застукал преподобный… — она осеклась, заметив хмурый взгляд Доктора.

— Вам совсем не подходит роль дипломата, мисс Минг! — безжалостно изрек Доктор Волоспион.

— О! — по лицу мисс Минг пошли красные пятна.

— Будьте добры не вмешиваться и не прерывать

разговор глупыми и неуместными шутками.

— Доктор Волоспион! — мисс Минг в ужасе отшатнулась.

— Да она хотела, как лучше, — подал голос Ли Пао.

— Как лучше? — Доктор Волоспион смерил мисс Минг уничижительным взглядом. — Тогда, может, вы нам подскажете, как разрешить конфликтную ситуацию. Со шпагами в руках, подобно Герцогу Квинскому и Лорду Акуле? На пистолетах? Скажите только, мы достанем и огнеметы.

— Я не имела в виду ничего… — пропищала мисс Минг, содрогаясь от страха.

— Гм… — Доктор выпятил подбородок. — Говорите же, великодушный арбитр. Мы слушаем вас.

— Я только пыталась помочь, — прошептала мисс Минг, не смея поднять глаза. — Вы были оба раздражены, и мне показалось…

— Раздражены? Вы тупица, мадам. Мы просто шутили.

Не зная, как возразить, мисс Минг окончательно растерялась. Ее щеки пылали. Ли Пао поджал губы и качал головой. Абу Талеб кормил с ладони слоненка.

Мисс Минг застыла на месте. Живыми оставались только глаза, смотревшие со страхом и укоризной на своего благодетеля. Она собралась бежать, но, пересилив себя, решила испить чашу до дна.

— Назвать другого тупицей — не очень удачная шутка. Вспомните, Доктор Волоспион, всего минуту назад вы расточали мне комплименты. Если вам недостает доводов в споре, зачем вымещать досаду на крошке Мэвис? — мисс Минг, как совсем недавно Доктор Волоспион, огляделась в поисках дружеского участия, но также не преуспела: Абу Талеб и Ли Пао отвели глаза в сторону.

— Буду более чем признателен, если вы замолчите, — гневно ответил Доктор. — Ваша убогая речь до смерти надоела. Неужели вам не понять, что мы рассуждаем о высоких материях? Профану не место в бурном потоке философского диспута.

Мисс Минг застонала. Вряд ли она расслышала что-нибудь, скорее только почувствовала очередную гневную вспышку своего покровителя.

— Вы сегодня не в настроении, — прошептала мисс Минг. По ее щекам покатились крупные слезы.

— Волоспион, вы ополчились на эту несчастную, убедившись в безосновательности своих

рассуждений, — снова подал голос Ли Пао.

— Ха! — выдохнул Доктор и медленно повернулся, преодолевая тяжесть парчи.

Зарыдав, мисс Минг привлекла внимание Комиссара Бенгалии. Он внимательно посмотрел на нее, затем подошел, склонился и с интересом спросил:

— Это что, слезы?

Мисс Минг всхлипнула.

— Я слышал о таких выделениях у слонов, — Абу Талеб на секунду задумался. — Хотя, может, мне говорили о крокодилах. Но сами слезы мне видеть не приходилось.

Мисс Минг подняла заплаканные глаза.

— Вы все такие же толстокожие, как и ваши дурацкие слоны.

— Видно, у всех путешественников во времени особые представления об учтивости, — холодно сказал Доктор. — Полагаю, мадам, мы все еще не постигли премудрости вашей этики.

— Да она просто обиделась, как ребенок, — сказал китаец.

— Оставьте меня в покое, Ли Пао, — простонала мисс Минг. — Вы сами все начали.

— Ну, возможно… — китаец попятился.

— Бывает, обижаются и слоны, — заметил Абу

Талеб.

— Я погорячилась, — согласилась мисс Минг. — Простите, Комиссар. Я виновата, Доктор Волоспион. Я совсем не хотела…

— Это мы виноваты, — добродушно сказал китаец. — В душе вы малый ребенок, и нам надлежало…

Слова сочувствия утонули в громком рыдании.

Доктор Волоспион, Абу Талеб и Ли Пао затоптались на месте, не зная, что предпринять. Ли Пао многозначительно посмотрел на Комиссара Бенгалии. Абу Талеб принял вызов и участливо произнес:

— Ну, ну, успокойтесь.

Расхрабрившись, он неловко погладил Мэвис по голове.

— Простите. Я просто хотела помочь… Ну почему у меня всегда… — мисс Минг снова пустилась в слезы.

Доктор Волоспион взял ее за руку.

— Мне вас проводить? — спросил он, проявляя великодушие. — Вам следует отдохнуть.

Мисс Минг потянулась к своему покровителю, но тут же, отдернув руку, заголосила:

— Вы правы, Доктор Волоспион. Я круглая дура, уродина!

— Нет-нет, — запротестовал Комиссар Бенгалии. — Мне вы кажетесь исключительно привлекательной.

Мисс Минг подняла трясущийся подбородок.

— Не беспокойтесь, — сказала она, сглотнув слезы. — Я уже успокоилась. Просто не могла видеть, как люди обижают друг друга. Вы правы, Доктор Волоспион, мне лучше поехать домой.

— Вот и хорошо, — отозвался Доктор. — Я отвезу вас в своем экипаже.

— Не лишайте себя удовольствия — праздник в самом разгаре. Я сама виновата, и поеду одна.

— Вы слишком расстроены. Вас нельзя отпускать одну.

— Я могу проводить мисс Минг, — предложил Ли Пао. — Я первым начал дискуссию.

— Каждый из нас разгоняет тоску по-своему, — философски заметил Доктор Волоспион. — Впрочем, я напрасно вспылил.

— Вы были правы! — мисс Минг вновь разрыдалась.

— Хотите, я подарю вам летающего слоненка? — примирительно сказал Комиссар Бенгалии. — Можете забрать его прямо сейчас.

Мисс Минг издала душераздирающий стон.

— Бедняга, — посочувствовал Комиссар. — Мо-

жет, в зверинце ей было бы лучше, Доктор? В вольерах путешественники во времени чувствуют себя гораздо вольготнее. Наш мир слишком сложен для их восприятия. Будь я на вашем месте…

Мисс Минг истошно заголосила.

— Вы слишком чувствительны, — заметил Ли Пао. — Вы не должны принимать нас всерьез.

— Вот как? — Доктор Волоспион рассмеялся.

— Я имел в виду — не принимать всерьез наши слова.

— А вот и ваш приятель, мисс Минг! — неожиданно воскликнул Доктор Волоспион.

— Что еще за приятель?

— Эдгаросердный По, кулинар.

Мисс Минг утерла слезы, и вовремя. Не прошло и минуты, как к шагнувшему навстречу Комиссару Бенгалии подошел, растолкав слонят, внушительного вида толстяк в высоком темно-коричневом колпаке и такого же цвета просторной блузе.

— Прошу прощения, Комиссар, мое приношение несколько запоздало, — сказал толстяк, отвесив церемониальный поклон.

— Какие могут быть извинения, По, — ответил Абу Талеб. — Я чрезвычайно доволен, что вы

почтили мой скромный праздник своим присутствием.

— Подождите хвалить меня. Я в отчаянии: в рецептуре отдельных блюд оказались непозволительные погрешности. Кулинарные хитрости для сокрытия недостатков я счел недостойными.

— Вы слишком строги к себе, непревзойденный шеф-повар. Слишком взыскательны в творчестве. Уверяю, никто из нас не заметит тех маленьких недостатков, о которых вы говорите. Ваши блюда в любом виде достойны самого изысканного стола.

Шеф-повар зарделся от удовольствия.

— И все же я недоволен. Настоящие артисты во все времена необычайно требовательны к себе. Надеюсь, мне удастся исправить ошибку. Если нет, предложу вашим гостям только удавшиеся блюда.

— Я вас понимаю. Муки творчества неотделимы от подлинного искусства. Может, вам нужна наша помощь?

— Я и пришел за помощью. Хочу получить оценку со стороны. Требуется оценить не столько вкус, сколько консистенцию. Это недолго. Если бы кто согласился…

— Мисс Минг! — безапелляционно назвал дегу-

статора Доктор Волоспион.

— Я?

— Вы всегда всем помогаете.

— Я не гурман, но, если подойду Эдгаросердному По, то, конечно, не возражаю.

— Суждение знатока не требуется, — заверил шеф-повар. — Вы отлично справитесь, мисс Минг.

— И вам, должно быть, будет приятно, — добродушно добавил Абу Талеб.

— Конечно, — согласилась мисс Минг и вопросительно посмотрела на Доктора. — Вы не против?

— Я сам предложил вашу кандидатуру.

— И сделали совершенно правильный выбор, — твердо сказал Ли Пао.

— Раз так, я к вашим услугам, кудесник кухни, — проговорила мисс Минг. — Еще раз прошу прощения за сумятицу.

Доктор Волоспион, Абу Талеб и Ли Пао протестующе замахали руками. Мисс Минг улыбнулась.

— Как приятно уладить недоразумение. Ведь мы снова друзья?

— О чем речь! — воскликнул Доктор Волоспион.

— Несомненно, — отозвался Ли Пао.

— Так не возьмете летающего слоненка? — спросил Комиссар Бенгалии. — Я себе сотворю другого.

— Взяла бы с радостью, но у меня нет зверинца. Может быть, обстоятельства переменятся, и тогда…

— Ну, что же, — Абу Талеб облегченно вздохнул.

— Если вы готовы, мисс Минг, поспешим, — подал голос шеф-повар. — Гости ждут угощения.

— Я в вашем распоряжении, только объясните мне поподробнее, в чем будет состоять моя помощь.

— Выскажете свое мнение, вот и все.

— Вы очень вовремя к нам подошли, милый По, — сказала мисс Минг, отойдя от своих друзей на безопасное расстояние. — Вы такой серьезный, уравновешенный. Без вас мне пришлось бы худо. Нежданно-негаданно оказалась в центре скандала. Я, конечно, чуть не разбилась в лепешку, чтобы утихомирить буянов. А заварил кашу Ли Пао. Доктор Волоспион так доходчиво все растолковывал, а Ли Пао его не слушал, бубнил свое. Видно, этот китаец, кроме себя, вообще никого не слышит. А в результате виновной во всем оказалась я, крошка Мэвис. Представляете, какая

несправедливость?

Шеф-повар чмокнул губами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мисс Минг испытывает новое разочарование

Эдгаросердный По запустил руку в чан и извлек оттуда небольшого плезиозавра. Длинная радужная шея потревоженного животного начала поворачиваться, и шеф-повар осторожно опустил его на траву. Облизнув пальцы, он скорбно вздохнул.

— К сожалению, жидковат, а вкус превосходный. Плезиозавр, переваливаясь с боку на бок и едва передвигая студенистые лапы, медленно побрел в сторону своих столь же несовершенных собратьев, которые паслись меж деревьями, приготовленными из дудника, начиненного сладостями. По разумению кулинара, перед тем как попасть на стол, плезиозаврам следовало размяться.

— Согласитесь, мисс Минг, лапы у них жидковаты, — повторил свое суждение кулинар, облизнув губы.

— Не надо расстраиваться. Строго говоря,

ошибка вовсе не ваша. Плезиозавры — морские животные. Их ласты хороши для воды. По суше на таких конечностях не расходишься. Нельзя их усилить?

— Да проще простого. Одним поворотом Кольца можно заменить лапы на подходящие, но это не выход из положения: загадка останется и будет мучить меня. Результаты моих исследований показывают, что эти рептилии способны без труда передвигаться по суше. Может, температура оказалась выше, чем нужно? Хотя, вряд ли. Скорее, избыточный вес животных оказывает негативное влияние на структуру атомов желатина. Это обстоятельство следовало учесть при составлении рецептуры, а начинать все заново слишком поздно.

— Может, все-таки воспользоваться Кольцом?

— Нет, тут дело принципа. В следующий раз уделю больше внимания рецептуре. Эти плезиозавры — брак. На стол не пойдут, зря разминаются. Предложу гостям Комиссара другие, более совершенные деликатесы из мезозоя.

— Думаю, никому и в голову не придет попросить кусочек плезиозавра. И так все будут довольны.

— Надеюсь, — тяжело вздохнув, ответил шеф-

повар.

— Как приятно хотя бы немного побыть в тишине, наедине с рассудительным человеком, — сказала мисс Минг, одарив собеседника приветливым взглядом.

— Вы уже хотите вернуться?

— Нет, напротив, хочу остаться здесь, с вами, если вы только позволите крошке Мэвис посмотреть, как работает настоящий артист.

— Конечно.

Мисс Минг улыбнулась.

— Приятно провести время с полноценным мужчиной, с таким, который способен на энергичный поступок, — крошка Мэвис хихикнула. — Я про то, о чем постоянно думаю…

Эдгаросердный По внезапно подпрыгнул, пытаясь поймать пролетавшего птеродактиля. Попытка не удалась, и шеф-повар упал на одно колено.

— Увертливы бестии, — сказал он, отряхивая штанину. — Сам виноват: переусердствовал с хересом, а бланманже пожалел.

— У моего мужа тоже случались промахи, но, если, сказать по правде, Донни Стивенс был полноценным мужчиной.

Эдгаросердный По ахнул и упал на оба колена.

Вскоре он поднялся, держа в ладонях, сложенных ковшиком, желто-зеленую желеобразную массу овальной формы.

— Эта находка компенсирует все мои неудачи, — дрогнувшим голосом вымолвил кулинар. — Мисс Минг, вы знаете, что это?

— Кусочек желе.

— Кусочек желе? — Эдгаросердный По благоговейно подышал на свою находку. — Это яйцо, мисс Минг. Хвала небу! Моя рецептура позволила ящерам размножаться. Великий день! Блестящее достижение!

— Такой человек, как вы, добьется всего. У Донни тоже были неплохие способности. Вот не думала, что стану скучать по ублюдку.

Шеф-повар не слушал. Будто забыв про свою помощницу, он шарил вокруг глазами в поисках другого яйца. Мисс Минг подошла поближе. Едва сдерживая прерывистое дыхание, она тронула шеф-повара за рукав и с чувством произнесла:

— Вы похожи на Донни. Такой же настоящий мужчина.

На этот раз По, при случае склонный пофилософствовать, сначала вытаращил глаза, а затем, придя к мысли о спорности неожиданного суждения, степенно ответил:

— Вы думаете, все остальные — воображаемые? Почему, в отличие от других, я реален? Почему реальны вы? Действительность похожа на взбитые сливки — те тают, едва оказавшись на языке.

Шеф-повар причмокнул.

— Потом не вспомнишь и вкуса.

Обескураженная мисс Минг отвела глаза в сторону и тут же поморщилась: неподалеку, как те сливки, о которых говорил По, таяла жертва несостоятельной рецептуры, по виду напоминавшая стегозавра. Мисс Минг перевела взгляд на шеф-повара.

— Я имела в виду, что у Донни были мужские достоинства. Конечно, он был глуп и тщеславен, волочился за каждой юбкой. А вы разборчивы. Мужчина что надо. Мне нравитесь.

Шеф-повар издал радостный возглас: он увидел в траве крохотного игуанодона. Бережно уложив яйцо в ямку, кулинар поднял рептилию и передал на пробу своей помощнице. Со вздохом разочарования она лизнула скользкую шею.

— На мой вкус, многовато лимона, — состроив кислую мину, определила мисс Минг. — И горчит, пожалуй.

— А консистенция?

Игуанодон неожиданно вырвался и, запищав,

как цыпленок, помчался к озерку кока-колы.

— Консистенция в самый раз. Этот игуанодон не растает.

Шеф-повар кивнул.

— Мне лучше удаются малые формы, а Абу Талеб — сторонник гигантомании. Пришлось изощряться. Ему я понаделал гигантов, а для души — малышей. Контрастность в искусстве…

— По, мы говорили не о контрастности.

— Ах да, о действительности.

— Да нет же, о настоящих мужчинах.

— О, Боже! — воскликнул По. — Забыл снять пробу с напитка, — шеф-повар вытащил из-за пояса огромный черпак и быстрым шагом направился к озерку.

Мисс Минг поплелась за ним.

— А зачем вам мужчины? — поинтересовался шеф-повар, склоняясь над озерком и наполняя черпак.

— Как зачем? — мисс Минг растерялась.

— Если вам нужен особенный индивидуум, обратитесь к Волоспиону. Помнится, он однажды помог вам.

Мисс Минг побледнела.

— Жестоко напоминать исстрадавшейся женщине о невольной промашке.

Шеф-повар сделал добрый глоток и неодобрительно покачал головой.

— Да, действительно случилась промашка. Замысел был грандиозным, но, видно, я не разобрался в рецепте. Еще бы денек…

— Ах, оставьте эту противную кока-колу, — мисс Минг приблизилась к кулинару и провела ему рукой по бедру. — Займемся лучше любовью, я так несчастна.

— То-то я смотрю… — шеф-повар задумчиво почесал все свои подбородки.

— Вы такой сильный, такой мускулистый. Да и полнота вам к лицу. Некоторые девочки не любят полных мужчин, а я обожаю, — мисс Минг захихикала. — Это как про меня говорили: есть за что подержаться. Ну же, По, зачем терять время?

— Мои сладости…

— Сладости подождут, — мисс Минг впилась ногтями в пышную грудь избранника.

— Они могут…

— Уверяю, с ними ничего не случится, а вам надо расслабиться, вы сильно перетрудились. Секс подарит вам новое вдохновение.

— Вы говорите о творческом подъеме, мадам? Считаете, что после этого… гм… общения я добьюсь новых успехов?

— Наверняка!

— Тогда, пожалуй…

Мисс Минг уже присмотрела ложе — на вид большую кучу соломы. Подтолкнув кулинара к ложу, крошка Мэвис упала на спину.

— Как, в вермишели? — шеф-повар застыл на месте. Мисс Минг почувствовала, как солома липнет к рукам. Но не сдавать же завоеванные позиции!

— Ну и что! — воскликнула крошка Мэвис. — Зато как романтично!

Она приподнялась и, ухватив кулинара за руку, изо всех сил дернула на себя. Шеф-повар шлепнулся рядом.

Не давая ему опомниться, мисс Минг стащила с него блузу и панталоны, а затем быстро освободилась от собственных трусиков. Большего ей сделать не удалось: ее вдавил в вермишель раздавшийся сверху оглушительный свист. Мисс Минг подняла глаза к небу. Космический корабль! Извергая языки пламени, он шел на посадку.

— О, черт! — воскликнула крошка Мэвис и посмотрела на кавалера.

Шеф-повар лежал, закатив глаза, его живот мелко подрагивал. Корабль продолжал снижаться с оглушительным шумом. Мисс Минг толкнула

кулинара локтем.

— Еще есть время, По. Это недолго!

Шеф-повар пришел в себя, промычал что-то невразумительное и стал натягивать панталоны. Мисс Минг испустила вопль и забила кулаками по вермишели. Утихомирившись, она печально произнесла:

— Как не вовремя! Вечно тебе не везет, крошка Мэвис.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой разворачивается настоящая драма

Космический корабль продолжал идти на снижение. Казалось, он неисправен: его швыряло из стороны в сторону, а дюзы лихорадочно плевались огнем. Перед самой землей машина взревела, неожиданно подскочила, словно шарик, подброшенный мощной струей фонтана, затем чуть покачалась и, наконец, с грохотом опустилась на землю в клубах черного дыма.

Когда дым немного рассеялся, Эдгаросердный По, успевший подняться и навести порядок в своей одежде, и мисс Минг, все еще пребывавшая на ложе из вермишели, увидели перед собой добела раскаленный конусообразный корабль с

рифленой поверхностью.

— Необычная машина, — глубокомысленно вымолвил кулинар. — Видно, из далекого прошлого.

— Лучше бы она там и осталась, — в сердцах сказала мисс Минг. — Лишила девочку удовольствия. Чуточку любовных утех, и я бы забыла о выходке Доктора. Не занималась любовью целую вечность. В кои-то веки представился шанс. Так нет же! — Мэвис надула губы и принялась очищать нижние юбки от прилипшей к ним вермишели. — Словами не выразить, насколько я взбешена.

Эдгаросердный По, вероятно, решив в душе, что легко отделался, галантно предложил даме руку и помог встать. Затем подумал и чмокнул в щеку. В воздухе запахло горелым.

— Фу, теперь еще и вонища! — вознегодовала мисс Минг.

— Неприятнейший запах, — согласился шеф-повар. — Неужели это зловоние от машины?

Кулинар, обладавший сверхчувствительным носом, принюхался.

— Вроде бы что-то знакомое. Нет, не очень похоже на запах раскаленной кастрюли, — шеф-повар покрутил головой, затем неожиданно замер,

вытаращил глаза и испустил неистовый крик. — Боже! Этот корабль! Что он наделал! Смотрите! Какое несчастье!

— Что за несчастье? — растерянно спросила мисс Минг, не обнаружив никаких признаков новой напасти.

— Половина моих динозавров растоплена! — пояснил кулинар, набухая кровью. — Вот откуда и дым, и смрад, — сверкнув глазами, он вразвалку побежал к кораблю.

— Эй! — крикнула вдогонку мисс Минг. — Там может быть опасно.

Кулинар не откликнулся. Тяжело вздохнув, крошка Мэвис пошла за ним следом.

— Убийца! — громыхал впереди голос шеф-повара. — Филистимлянин! — кулинар грозил кулаком кораблю и подпрыгивал у границы, за которую его не пускал нестерпимый жар.

— Варвар! Дикарь! Бесчувственный троглодит!

Истощив все силы, шеф-повар упал на колени в липкую смердящую массу и жалобно застонал:

— О, мои монстры! Мое желе!

— По! — позвала мисс Минг.

— Сгорели! Сгорели заживо!

— Послушайте, здесь оставаться небезопасно. Неясно, что за существа в корабле. Вдруг они

замышляют недоброе.

— Пропали! Вымерли в одночасье!

— По, надо бы предупредить остальных, — сказала мисс Минг и тут же почувствовала, что вляпалась в какую-то дрянь. Опустив глаза, она пришла в ужас, сравнимый только со смятением кулинара: к ее любимым туфлям прилипли какие-то нити, похожие на сливочную тянучку.

Выбравшись на чистое место, мисс Минг с омерзением на лице привела туфли в порядок и, только покончив с делом, не терпящим отлагательства, снова взглянула на таинственную машину. На этот раз любопытство пересилило опасение.

— Мне уже приходилось видеть инопланетные корабли, — сказала она. — Этот на них ни капельки не похож. Скорее всего, его построили люди.

Кулинар, поднявшийся на ноги, не ответил. Сокрушенно опустив плечи, со слезинками в уголках глаз, он тяжко вздыхал.

— У корабля прямо-таки романтический вид, — снова подала голос мисс Минг.

Шеф-повар повернулся спиной к источнику непоправимой беды, скрестил на груди руки и застыл в скорбном величии.

— Помнится, в детстве я читала о подобных

машинах, — продолжила с подъемом мисс Минг. — На них летали герои космоса, — она мечтательно улыбнулась. — Может, на борту этого корабля один из таких героев, таинственный рыцарь, прилетевший сюда за прекрасной дамой, чтобы увезти ее на планету Парадиз-5, — мисс Минг разгладила юбку и поправила волосы, — может, он прилетел за мной?

Кулинар издал возглас, похожий на грохот взорвавшегося вулкана:

— Негодяй! Негодяй!

Мисс Минг согласно кивнула.

— Может, и так. В этом чертовом корабле найдется место для целой шайки головорезов во главе с капитаном. Когда я была маленькой девочкой, я зачитывалась книгами про пиратов. Они такие жестокие, кровожадные. А может, на корабле засели работорговцы? — мисс Минг неожиданно расцвела. — А вдруг насильники?

Шеф-повар молчал. Видно, встреча с пиратами, работорговцами и насильниками его не прельщала.

— Нет, я вовсе не желаю встречи с разбойниками, — пояснила мисс Минг. — Нет, правда, не хочу, но так приятно немного пофантазировать.

Она постаралась представить себе, как выгля-

дит командир корабля, и дала волю воображению. Самые различные образы проносились перед ее глазами: от носителя зла коварного Саурона до веселого и доброго Винни-Пуха.

Увлекательное занятие прервал горестный вздох шеф-повара. Мисс Минг раздраженно посмотрела на кулинара, не оправдавшего ее романтических ожиданий, тут же вспомнила о незаслуженной обиде, нанесенной ей Доктором, и, снедаемая горькими чувствами, решила оставить сентиментальность, непонятную черствым обитателям Края Времени. (Снова скажем в скобках, чтобы не обидеть мисс Минг: для нее альтернативой сентиментальности был грубый цинизм).

За горестным вздохом шеф-повара последовал гневный выкрик:

— Садисты!

Кулинар снова погрозил кулаком.

— Они нарочно погубили мои творения.

— Да будет вам, — спокойно проговорила мисс Минг. — Может, в корабле отыщется существо, способное развеять скуку на этой разлагающейся планете.

Шеф-повар не слушал. Он смотрел вдаль, тоскливо наблюдая, как разбегаются в разные стороны

тиранозавры и стегозавры, уцелевшие после приземления корабля. Наконец он повернулся к мисс Минг и, едва заметно пожав плечами, смиренно проговорил:

— Это рок!

Сделав это мрачное заявление, он стал выбираться из вязкой массы, осторожно переставляя ноги и балансируя руками, чтобы не потерять равновесие.

— Может, все-таки собрать монстров, — предложила мисс Минг. — Тех, что остались.

— И подать к столу столь жалкое угощение? Ни за что. Я отправляюсь к Абу Талебу, пусть сам что-нибудь сотворит. Для него это сущие пустяки. Покрутит Кольцо, и стол полон яств, только не таких изысканных, не таких аппетитных, — в голосе кулинара чувствовалась язвительность, словно он хотел выместить раздражение на Комиссаре Бенгалии.

Успешно преодолев полосу препятствий, шеф-повар подошел к ожидавшей его мисс Минг.

— Вы пойдете со мной? — спросил он.

— А как же корабль?

— Он уже сделал свое черное дело.

— Там могут быть люди.

— Я прощаю им, — шеф-повар великодушно

махнул рукой.

— И вы не хотите взглянуть на них?

— Я не желаю им зла. Они совершили мерзкий поступок, не подозревая об этом. Обычная вещь.

— А вдруг они окажутся интересными?

— Интересными? — кулинар удивился и перевел взгляд на корабль. — Там не может быть никого, кроме безмозглых кретинов, не умеющих пользоваться приборами. Только полные идиоты могли не заметить мои стада.

— Корабль мог пойти на вынужденную посадку.

— Возможно, — произнес кулинар.

— Но если так, его экипаж нуждается в помощи.

— Помощники найдутся, не сомневайтесь.

— А разве мы…

— Я возвращаюсь к Абу Талебу.

— Хорошо, тогда и я пойду с вами. Но, честно говоря, По, вы смотрите на происшедшее субъективно, вами движет досада. Появление корабля может оказаться важным событием. Вспомните о тех, которые недавно побывали у нас. Они хотели помочь нам, верно? Потом, почему бы не узнать что-нибудь новенькое?

Мисс Минг оперлась на руку шеф-повара, чтобы

перебраться через язык разлившейся клейкой массы. Их остановил раздавшийся позади скрип. Оба обернулись.

— Они открывают люк! — обрадовалась мисс Минг. Радость сменилась недоумением: из люка полыхнуло огнем.

— Кого ж это черт принес? — мисс Минг озадаченно посмотрела на кулинара. — Люди в огне не живут.

Внезапно пламя погасло, сменившись прерывистыми миниатюрными огоньками, беспрестанно менявшими положение в непроглядной черноте растворенного люка.

— Похоже на светлячков, — прошептала мисс Минг.

— Скорее, это глаза, — мрачно предположил кулинар.

— Дикие глаза кровожадных пиратов, — выпалила мисс Минг, видимо, вспомнив яркую строчку из прочитанной в детстве книги.

В корабле, чихая, затарахтел двигатель. Корабль заходил ходуном, и из люка медленно, словно нехотя, выполз трап. Опустившись на землю после нескольких конвульсивных движений, он замер вместе с машиной.

— Они собираются выйти, — снова прошептала

мисс Минг.

Никто не показывался.

Не вытерпев, мисс Минг сложила рупором руки и громко произнесла:

— Приветствуем вас! Миролюбивые люди Земли говорят вам: «Добро пожаловать!»

Ответом на приветствие послужила мертвая тишина.

— Может, они боятся нас, — предположила мисс Минг.

Шеф-повар оценил ситуацию по-другому:

— Им просто, должно быть, стыдно. Напакостили, вот и стесняются показаться.

— Уверяю вас, они даже не видели ваших монстров.

— Это не оправдание.

— Да, но…

Мисс Минг осеклась: из машины раздался голос, крикливый и раздраженный.

— Непонятный язык, — озадаченно сказала мисс Минг.

— Ничем не могу помочь. Как и у вас, у меня нет Кольца-Переводчика. Такое кольцо носит Доктор Волоспион, Герцог Квинский, Лорд Джеггед… да, пожалуй, любой, у кого есть зверинец. Пусть кто-нибудь из них займется этими негодяями.

Пойдемте.

Из машины снова послышался чей-то голос, на этот раз высокий и переливчатый, как у птицы, и все же, без сомнения, человеческий.

— Звучит неплохо, но как-то не по-мужски, — определила мисс Минг. — Может, сказывается непривычная атмосфера?

— Возможно, — ответил шеф-повар, вглядываясь в черноту люка. — Кажется, кто-то собирается выйти.

Кулинар не ошибся: в овале люка показался таинственный путешественник. Бесспорно, это был гуманоид, однако язвительный наблюдатель сказал бы, что он похож на птицу. Незнакомец тут же пришел в движение, подергиваясь всем телом, нелепо, будто курица, клюя длинным носом и беспорядочно размахивая руками. Его лицо обрамляли густые рыжие волосы, походившие у шеи на пышные брыжи, а темя было увенчано хохолком. Подергиваясь, он жмурился на свету и издавал гортанные звуки, похожие на тоскливые крики чайки.

Внезапно незнакомец заметил, что за ним наблюдают. Ответив пронзительным взглядом, он выкрикнул несколько слов, казалось, повелительным тоном и на мгновение замер. Рассудив,

что молчать невежливо, шеф-повар взялся ответить:

— Сэр, вы испортили обед Комиссара Бенгалии.

Незнакомец вытянул шею, как бы прислушиваясь.

— Погубили произведение искусства, — добавил шеф-повар.

Путешественник исчез в люке и вновь появился, на этот раз в наглухо застегнутом сюртуке.

— Старомодная, да и довольно поношенная одежда, — неодобрительно сказала мисс Минг.

Шеф-повар озабоченно промычал. Он пришел к неприятной мысли, что нетактично ответил на вероятное приветствие чужестранца.

— Рады видеть вас на Краю Времени, — учтиво проговорил он, стараясь исправить непозволительный промах.

Незнакомец раскрыл ладонь и посмотрел на какой-то прибор. Постучал по нему, потряс и поднес к уху.

— Ну и ну, — мисс Минг фыркнула. — Этот неказист. Что, если и остальные не лучше?

— Может, он прилетел один, — предположил кулинар.

— Надеюсь, что нет!

Незнакомец отчаянно замахал руками, будто собираясь взлететь. Но нет. Дергаясь, как марионетка, он отступил в темноту.

— Может, мы его напугали? — озабоченно спросил кулинар.

— Вполне вероятно, уж больно жалко он выглядит. Как-то не вяжется, что на таком корабле прилетел какой-то заморыш. Я ожидала увидеть красивого, загорелого, мускулистого парня…

— Вы уже видели подобные корабли? Встречались с теми, кто летает на них?

— В мечтах, только в мечтах, — вздохнула мисс Минг.

Не обратив внимания на горький вздох дамы, шеф-повар глубокомысленно произнес:

— Во всяком случае, в отличие от многих других путешественников, он гуманоид, похож на разумного человека, хотя и учинил невероятный погром.

— Не очень-то похож, — возразила мисс Минг. — А, ладно, вы собирались вернуться к Абу Талебу?

— Может, останемся?

— Не вижу смысла. Пусть этим хлюпиком займется кто-нибудь из желающих пополнить свою коллекцию. Для зверинца он подойдет.

Шеф-повар кивнул и предложил даме руку, однако воспользоваться любезностью кавалера мисс Минг не успела: в небе появился аэрокар Комиссара Бенгалии.

— Ага! — воскликнул Абу Талеб, выставив из-под балдахина тщательно завитую и расчесанную на две стороны бороду, украшенную жемчугом и рубинами. Скрывшись с глаз, он продолжил довольным голосом: — Я оказался прав, Доктор Волоспион.

— Какой ужас! — засуетилась мисс Минг, пытаясь привести в порядок помятое платье. — Там Доктор Волоспион.

Доктор оповестил о себе и сам.

— Вы действительно оказались правы, Абу Талеб, — послышался его голос. — Без сомнения, это космический корабль. Стоит посмотреть на него поближе.

Аэрокар приземлился рядом с По и мисс Минг. Доктор Волоспион, облаченный в черный тонкосуконный плащ, возлежал на мягких подушках, спрятав голову в капюшон, оттенявший бледность его лица. Скользнув взглядом по своей подопечной, Доктор обратился к шеф-повару:

— Простите за вторжение, любезнейший По, но Абу Талебу не терпится удовлетворить свое

любопытство.

Шеф-повар открыл было рот, чтобы ответить любезностью на любезность, но его опередил Комиссар Бенгалии.

— Пахнет чем-то горелым, — заметил он, сморщив нос.

— Мои творения… — жалобно простонал кулинар.

— Да, просто смердящий дух, — перебил его Доктор Волоспион.

— Запах — это все, что от них осталось, — произнес шеф-повар, после чего вкратце, но не скупясь на сильные выражения, рассказал о безвременной гибели динозавров.

Абу Талеб вышел из экипажа и похлопал шеф-повара по спине.

— Не огорчайтесь, дорогой По. Насладимся вашими динозаврами как-нибудь в другой раз.

— Должен признать, рецептура оказалась небезупречной, — покаялся кулинар. — Вероятно, я переложил бланманже, но, думаю, прежде чем начать новое производство, следует провести тщательные исследования.

— Надеюсь, вы с ними быстро управитесь, — ответил Абу Талеб и перевел взгляд на корабль. — Редкая вещь. Я бы украсил этой машиной свою

коллекцию, да боюсь, она маловата.

— Вы еще больше разочаруетесь, — подала голос мисс Минг, — когда взглянете на заморыша, прилетевшего на этой машине. Лично я страшно разочарована. Никак не думала…

— Ваша коллекция и так настоящее чудо, дорогой Комиссар, — вмешался в разговор Доктор Волоспион, который все еще возлежал на подушках и, вероятно, не ведал, что обрывает даму на полуслове. — Лучшая в мире. Составлена с большим вкусом и прекрасно систематизирована. По сравнению с вами все остальные собиратели редкостей — сущие дилетанты.

В словах Доктора мисс Минг улавливала насмешку, но ей казалось, что он целит в нее, и не осмеливалась понимающе улыбнуться. Внезапно Доктор Волоспион по-дружески подмигнул ей. Мисс Минг просияла. Она прощена! Выходит, его скрытые колкости на самом деле адресованы Комиссару Бенгалии. Она кокетливо улыбнулась.

— Почему вы умолкли, Доктор? Продолжайте. Не сомневаюсь, ваша беспристрастная оценка приятна Абу Талебу.

Доктор Волоспион ждать себя не заставил:

— Ваш непревзойденный вкус, Комиссар, — мерило художественности, и, полагаю, он будет

властвовать безраздельно до конца наших дней.

Мисс Минг прыснула.

— Чему вы смеетесь? — удивился Абу Талеб.

— Я вспомнила физиономию явившегося к нам молодца.

— Выходит, он не слонообразен?

Мисс Минг едва снова не рассмеялась, но, сдержавшись, посмотрела на Доктора, словно ища у него поддержки.

— К сожалению, нет, — весело сказала она, снова стараясь поймать одобрительный взгляд своего покровителя. — У него ни бивней, ни хобота. Зато нос прямо загляденье — длиннющий, как у птичек, что выклевывают остатки пищи из слоновых зубов.

— Превосходно! — Доктор Волоспион захлопал в ладоши.

— Из зубов? — недоуменно спросил Комиссар Бенгалии.

— А что, у них нет зубов? Атрофировались? — мисс Минг снова хихикнула.

Тем временем кулинар топтался на месте, время от времени бросая неодобрительные взгляды на Доктора. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Воспользовавшись паузой в разговоре, он мрачно проговорил:

— Я должен удалиться для размышлений. Мои творения уже не спасти. Позвольте пожелать вам всего наилучшего.

— Как, нам не придется даже попробовать ваших яств, сравнимых только с пищей богов? — воскликнул Доктор Волоспион тем же сладостным тоном, каким он разговаривал с Комиссаром Бенгалии.

Шеф-повар кашлянул, прочищая горло, покачал головой и ответил, разглядывая носок своего ботинка:

— Выходит, что так.

— Но, По, — подала голос мисс Минг, — погибли не все динозавры. Вон один из них разгуливает вдали. Посмотрите, — она схватила шеф-повара за руку.

— Оставьте меня, — сказал в сердцах кулинар, вырывая руку. Он повернулся, чтобы уйти.

— О, великий кудесник кухни, не замыкайтесь в своей гордыне, — остановил его Доктор. — Снизойдите до нас. Дайте нам хотя бы по ломтику мастодонта.

— Я не производил мастодонтов, — громыхнул шеф-повар через плечо. — Прощайте.

— М-да, — протянул Доктор Волоспион, когда Эдгаросердный По скрылся из вида, — фанатики

одного-единственного пристрастия зачастую взбалмошны и грубы.

— Вот-вот! — подхватила мисс Минг. — Этот По, увидев, как пострадали его стада, не скупился на грубые выражения. А мне казалось, что главное — установить контакт с пришельцем из космоса.

— Он старался для нас, — заступился за По Комиссар Бенгалии. — А вышло так, что вы одна вкусили с его стола.

— И как эти динозавры на вкус? — лениво поинтересовался Доктор Волоспион.

Мисс Минг чуточку растерялась. Суждения Доктора и Комиссара Бенгалии о достоинствах кулинара оказались различными. Однако колебалась она недолго, приняв сторону своего покровителя.

— Сказать по правде, чрезмерно пряно, — жеманно проговорила мисс Минг.

Доктор облизал губы.

— Резковат вкус?

— Вот именно. По-моему, этот По совсем не такой искусник, как о нем говорят. Замыслы грандиозные, а на поверку…

— Эдгаросердный По — величайший кулинарный гений в истории человечества! — перебил Комиссар Бенгалии.

— Может, миру вообще не повезло с поварами, — заметил Доктор Волоспион.

— Думаю, по крайней мере, нам повезло, — возразил Комиссар. — Не скрою, я восхищаюсь искусством По. Ему не откажешь и в доброте. Сколько он возился с приготовлением яств! Потратил драгоценное время.

— Что для нас время? — беззаботно протянул Доктор.

— Его доброта не знает границ. Недавно он приготовил мне мамонта. В жизни не ел ничего вкуснее.

— Это ваше субъективное ощущение.

— Кому и хрен слаще меда, — подхватила мисс Минг.

Атакованный с двух сторон, Абу Талеб пришел в замешательство и стал медленно отступать, смущенно проговорив:

— В общем-то, я только хотел сказать, что Эдгаросердный По неистощим на кулинарные выдумки.

Доктор Волоспион сладко зевнул. Его лицо выражало довольство кота, только что отведавшего жирных сливок. Однако, видимо, не насытившись, он задумчиво произнес:

— Пожалуй, По и впрямь кулинарный гений.

Мисс Минг, как по-вашему?

Мисс Минг растерялась еще больше Комиссара Бенгалии. По ее лицу пошли багровые пятна.

— Я, наверное, путано говорила, — пролепетала она. — Извините, Эдгаросердный По в самом деле замечательный кулинар. Потом, он такой обходительный. Рядом с ним чувствуешь себя раскрепощенно, легко.

Доктор Волоспион только того и ждал.

— Вы верны себе: опять заступаетесь за других, — насмешливо сказал он. — Пошли на компромисс с Комиссаром. Не могу похвалить вас, мисс Минг. Отстаивайте свое мнение. Если вам не понравилась кухня нашего кулинара, так и скажите.

— Не потешайтесь над своей подопечной, — буркнул Абу Талеб, успевший прийти в себя и более трезво оценить ситуацию.

— Разве Доктор насмехается надо мной? — прошептала мисс Минг.

— Да неужто я над кем-нибудь потешаюсь? — воскликнул Доктор, стараясь изобразить крайнее удивление.

— А разве нет? — ответил Абу Талеб.

— Вы слишком высокого мнения обо мне, мой друг.

Комиссар Бенгалии промычал нечто невразумительное. Мисс Минг попыталась разрядить обстановку:

— Доктора никогда не поймешь: то ли он шутит, то ли совершенно серьезен. Верно, Абу Талеб?

Она захихикала.

Замявшегося Комиссара Бенгалии выручил Доктор Волоспион, правда, непроизвольно. Устремив взгляд на корабль, он спокойно сказал:

— А вот и наш гость.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Иммануил Блюм объявляет себя мессией

Последовав примеру наставника, мисс Минг перевела взгляд на корабль. На верхней ступеньке трапа стоял все тот же таинственный путешественник. Он успел снова переодеться. Теперь его костюм состоял из черных бархатных панталон и такой же куртки, из-под которой виднелся твердый высокий воротник белой рубашки и длинные кружевные манжеты, скрывающие крепко сжатые кулачки, а на ногах появились крохотные блестящие туфли.

На этот раз незнакомец не выказывал признаков беспокойства. Прижав руки к бокам, он стоял

почти неподвижно и смотрел, казалось, чуть удивленно по сторонам широко распахнутыми, навыкате, голубыми глазами. Заметив людей, он наклонился вперед, вытянув тощую шею, и чуть не свалился с трапа.

— Что за чучело! — шепнула мисс Минг. Она хотела и дальше излить свое удивление, но чуть не прикусила язык, наткнувшись на пронзительный цепкий взгляд незнакомца.

— Он не из космоса, — недовольно заметил Абу Талеб. — Судя по одежде, странник во времени.

— Вы ошибаетесь, — возразила мисс Минг. — Корабль опускался из космоса. Мы с Эдгаросердным По сами видели.

— Корабль опускался с неба, а небо это не космос, — ответил Абу Талеб и отплюнул жемчужинку, чуть не попавшую ему в рот с распушившейся бороды. — К тому же…

Закончить пояснение Комиссару не удалось. Его прервал голос пришельца, гордо приподнявшего голову и воздевшего руки в высокопарном приветствии.

— О, люди Земли, возрадуйтесь: я вернулся. Нельзя передать словами, насколько я окрылен и как высоко ценю чувства, переполняющие всех вас в этот великий день. К вам вернулся герой

легенд, сказаний и мифов, передающихся из поколения в поколение. О, как, должно быть, вы тосковали, как взывали ко мне, умоляя о новом пришествии, дабы я, всемогущий и милосердный, вдохнул в вас новую жизнь, укрепил сердца ваши и даровал безмятежность, которая обретается через боль и страдание. Итак, я вернулся к вам. Лицезрейте меня!

— Вернулся? — Абу Талеб удивленно пожал плечами.

— Помешался в дороге, — предположила мисс Минг.

— Разве вы не узнаете меня? — на алых губах незнакомца появилась самодовольная сладостная улыбка.

— Не припоминаю, — Доктор развел руками.

— Вроде, кого-то, на вас похожего, я видел на фреске в одном из наших увядающих городов, — промолвил Абу Талеб. — Хотя нет…

— А вы не писатель? — спросила мисс Минг. — Я, правда, историк, литературой не занимаюсь.

Незнакомец нахмурился и опустил голову, будто рассматривая себя, затем пожал плечами и прощебетал, сбавив тон:

— Возможно, вы не узнали меня в моем теперешнем облике.

— Так помогите нам хоть намеком, — Доктор Волоспион приподнялся и сел на подушках.

Не ответив на пожелание Доктора, незнакомец расправил плечи и, стукнув себя кулаком в грудь, продолжил странную речь, постепенно приходя в возбуждение:

— Я столько раз менял свою внешность, что позабыл, как выглядел изначально. Помню только, что был крупнее, а одно время излишне толст, пожалуй, как ваш приятель, который ушел. Он что-то говорил мне, да я не понял. Наверное, выражал мне свою признательность, умилялся, что лицезреет меня. А сейчас автоматический переводчик исправен? Вижу, вы меня понимаете. Замечательно. Так вот, я был похож на этого толстяка. Только дороднее. Был высоким, выше любого из вас. Но я сторонник умеренности. Имея возможность приспособить свою фигуру к тесному помещению корабля, я ею воспользовался и навсегда принял свой теперешний облик, переняв наружность героя, имя которого и чем он прославился, я уже позабыл. Впрочем, дело не в облике. Я здесь, чтобы, как уже говорил, даровать нам спасение.

— Не сомневайтесь, мы вам за это признательны не меньше, чем наш приятель, имевший

счастье вас лицезреть, — ответил Доктор Волоспион.

— Вы не сказали, как вас зовут, — напомнил Абу Талеб.

— Вы хотите знать мое имя? У меня много имен, — незнакомец захохотал, задрав голову.

— Назовите хотя бы одно из них.

— Что имя? Выбирайте любое. Я — Феникс! Я — Солнечный Орел! Я — Солнечный Мститель! Вы, должно быть, слышали обо мне, ибо я — когти, которые вырвут сердце, похищенное вами из огнедышащего горнила. Я — его Раб, и я — его Господин. Узнали меня, услышав о своем преступлении?

— Чокнутый, как пить дать, — тихонько сказала мисс Минг взволнованным голосом. — Мне кажется…

Ее не слушали. Доктор Волоспион и Абу Талеб смотрели, как завороженные, на вошедшего в раж оратора. Перечисление имен нашло продолжение:

— Я — Маг, Шут и Пророк. Я — Властелин Мира! Смотрите!

Из ноздрей и пальцев пришельца брызнули языки пламени. Он исступленно захохотал и, взмахнув рукой, окружил себя огненными шара-

ми. Из круговерти огня неслось:

— Я — Мужчина и Женщина, Божество и Плебей, Младенец и Старец. Я — Средоточие Всех Начал!

Корабль скрылся в огненном облаке. Вскоре пламя померкло, но пыл оратора не иссяк. Казалось, он еще более распалился.

— Я — Человечество, Жизнь и Смерть! Я — Примирение и Раздор! Я — Проклятие и Спасение! Я — Все Сущее! И вы — это тоже Я!

Пришелец снова захохотал, а успокоившись, глядя под ноги, осторожно спустился на две ступеньки и внезапно запел, гордо откинув голову:

Я – Сатана, я – Шут, я – Бог!

Я – Феникс, Фауст и Пророк!

Я – Провозвестник Избавленья!

Я – ваш Спаситель, Провиденье!

— Вы, право, смутили нас, — проговорил Доктор Волоспион.

Пришелец пропустил реплику мимо ушей. Он неожиданно замер, вытаращил глаза и уставился на мисс Минг. Она попятилась.

— Ты что, парень, женщин не видел? Пришелец не сводил с нее глаз.

— Ах, какая прелестная женщина! — восклик-

нул он и осторожно преодолел еще две ступеньки. Остановившись, он прижал руку к сердцу и возбужденно продолжил: — О, Мадонна Вожделения! Моя Тигрица, мое Искушение. Впервые вижу столь дивную красоту. Сама женственность! Само обаяние!

— С меня хватит! — мисс Минг снова попятилась, но тут же остановилась: пронзительный взгляд голубых глаз воздыхателя пригвоздил ее к месту.

— Что за прелесть! — пришелец не унимался. — Мои могучие крылья ударят в вашу высокую грудь. Мои клыки вонзятся в манящую плоть. Мои когти переберут серебряные струны вашей души. Вы будете моей, несравненная! Я заставлю вашу кровь орошать нашу кожу. Великая страсть! Великое грехопадение!

— Я пошла, — сказала мисс Минг, но даже не шелохнулась.

Доктор Волоспион и Абу Талеб обменялись взглядами и иронически улыбнулись. Оба с нескрываемым любопытством наблюдали за увлекательной сценой неприкрытого обольщения полоумным плюгавым маленьким человечком перезрелой красавицы, пышнотелой мисс Минг, неизменно готовой предложить себя

всякому, а теперь оказавшейся в состоянии тупого недоумения.

— Вы будете моей, мадам! — продолжал обольститель. — Да, моей! Это вознаградит меня за тысячелетия тоскливого одиночества, за бесконечное скитание по Вселенной в поисках утешения. Теперь мой дух просветлен: я спасу мир и завоюю вас, неприступную!

— Чего захотел! — мисс Минг фыркнула.

Пришелец перевел взгляд на Доктора.

— Вы спрашивали мое имя. Сейчас-то вы узнали меня?

— Боюсь ошибиться, — ответил Волоспион. — Может, вы еще как-нибудь намекнете?

Из руки пришельца вылетела огненная струя. Раздался грохот, и горная гряда Вертера наполовину разрушилась. На небе появились мрачные тучи, сверкнула молния, послышался гром.

— Достаточно? Поняли, наконец? — прокричал человечек.

— Вы повредили горный пейзаж, созданный одним из наших друзей, — холодно ответил Абу Талеб.

— Вы сами создали такое убожество? По своей воле?

— Мы способны на многое.

— Ничтожные замыслы! Скудость воображения! Искусственный материал! Я использую только подлинный: огонь, землю, воду и воздух… и человеческие души.

— Мы иногда добиваемся любопытных эффектов, — возразил Комиссар Бенгалии.

— Не сомневаюсь, жалких по существу. Впрочем, не надо отчаиваться. Знайте: я — Властелин ваших судеб. Возрожденный, я явился сюда, чтобы дать вам Новую Жизнь. Со мной вы обретете Вселенную!

— Вселенная и так в нашем распоряжении, — уверил Доктор Волоспион. — Только мы истощили ее ресурсы и попали в трудное положение.

— Я спасу вас и, можете быть уверены, не предам, как вы предали меня в прошлом. Вам выпал счастливый жребий. Придите в лоно мое!

— Аллах свидетель, вы говорите загадками, — сказал Комиссар Бенгалии, потрогав серьгу с алмазом, который он выдавал за Звезду Индии.

— Возможно, наш гость проповедник, — предположил Доктор Волоспион, — и хочет обратить нас в поклонников своего бога.

— Бога? — возмутился пришелец. — Я не слуга Высших Сил! По совести говоря, я служу лишь себе… гм… и, разумеется, человечеству… Вы что,

подражаете моему шутовству?

Последняя фраза была адресована только Доктору, который, слушая странного человечка, менял цвета своего одеяния, сначала ставшего темно-зеленым, потом темно-красным и, наконец, просто черным.

— Прошу извинить, что отвлек вас, — ответил Доктор Волоспион. — Я хотел, чтобы цвет костюма гармонировал с моим настроением.

— Сэр, все-таки соизвольте назвать себя, — снова подал голос Абу Талеб.

Пришелец уставился на Комиссара Бенгалии и торжественно произнес:

— Я — Мессия.

— Как? — Доктор придал лицу нарочито удивленное выражение.

Мессия воздел руки к небу.

— Я — Пророк Солнца! Называйте меня Пламеносцем.

— Откуда вы взялись? — спросил Доктор Волоспион.

— С Земли! Вы были обязаны сразу узнать меня.

— Когда вы покинули Землю? — спросил Комиссар Бенгалии, желая помочь Пророку. — Возможно, мы пребываем в более отдаленном

будущем, чем вам кажется. Эта планета существует уже миллиарды лет. Она бы давно погибла, если бы не великие города, поддерживающие ее существование. Может, вы родом из столь далекого прошлого, что память о вас до Края Времени не дошла. Правда, великие города — средоточие колоссальных знаний, они хранят огромную информацию. Возможно, хотя бы один из них вас признает. Может, о вас слыхали и здешние путешественники во времени. Я пытаюсь пояснить, сэр, что пока мы действительно не можем уразуметь, кто вы на самом деле. Мы были бы только рады оказать вам внимание, если бы знали, как. Помогите нам.

— Имя, звание, личный номер, — подхватила мисс Минг, несомненно, вспомнив о бравых солдатах, волею судеб оказавшихся на Краю Времени. (Сожалея, заметим: ни один из них не обратил на нее никакого внимания).

Мессия закрутил головой, напоминая любопытного какаду, но ничего не ответил.

— Обитатели Края Времени — древний и невежественный народ, — продолжил Абу Талеб извиняющимся тоном. — По крайней мере, могу так сказать о себе. Я и стар, и невежествен. Хорошо разбираюсь только в слонах. Знаете ли, своего

рода эксперт.

— В слонах? — человечек сверкнул глазами. — Так вот кем вы стали! Превратились в дилетантов, фатов, циников, денди, квазиреалистов! Вы — живые трупы! Но не отчаивайтесь. Я вдохну в вас новую жизнь. Я — это Мощь! Я — забытый Дух человечества! Я — Возможность.

— Допускаю, — миролюбиво ответил Доктор Волоспион. — И все же, полагаю, вы недооцениваете степень нашей извращенности.

— Мы обсуждали эту проблему, — деловито добавил Абу Талеб, — и пришли к малоприятному заключению: извращенность погубит нас.

— Теперь нет! Теперь нет!

Мессия взмахнул рукой, и над озерком кока-колы заплясали языки пламени. Потянуло жаром.

— Восхитительно! — заметил Доктор Волоспион. — Позвольте и мне проявить себя, — он повернул Кольцо Власти, и над озерком появились легкие облака. Они пролились дождем, и пламя погасло. — Видите, мы тоже управляем стихией. — Доктор тронул другое Кольцо, и над озерком опять заплясали языки пламени.

— Я преодолел пространство и время не для пустых состязаний, мой шакалоглазый приятель, — сердито возгласил человечек. Он поднял

руку, и над его головой запылал огненный нимб. По небу снова заходили мрачные тучи, сверкнула молния, загрохотал гром. — Мое искусство служит другой, высшей цели. Оно — проводник моих моральных устоев.

Доктор Волоспион зевнул и прикрыл рот рукой.

— Я что-то не разобрал.

— Вы еще оцените меня. Я разбужу память, дремлющую в потаенных уголках вашего разума. О, как восторженно вы станете меня приветствовать, ибо я ваш Спаситель, — человечек принял величественную позу и продолжил, возвысив голос: — О, зовите меня Сатаной, ибо я низвергнут с Небес. Я долго скитался по необъятным глубинам космоса, но теперь я вернулся. Пусть вы не узнали меня, озарение впереди, ибо я тот, чье пришествие вы томительно ожидали. Я — Солнечный Орел. Мир расцветет под моим очистительным огнем. Я стану Властелином Земли.

Он замолчал, склонил голову набок, словно стараясь оценить произведенное впечатление, а затем, глубоко вздохнув, заговорил снова:

— Эта планета принадлежит мне по праву в силу рождения. Отныне все ее обитатели — мои подданные. Со мной вы обретете величие Духа,

расстанетесь с аморальной апатией. Вы разучились летать на крыльях диких ветров, веющих с Небес и из Преисподней. Сейчас вы съеживаетесь от легкого прикосновения холодного ветерка, дующего из Преддверия Ада. Его дыхание омертвляет вас, вы клонитесь под ним, не зная других ветров.

Путешественник подбоченился.

— Я тоже ветер, только иной, очищающий, дарующий воскресение Духа. Вы двое, вы, неотесанные мужи, станете моими первыми последователями. А ты, женщина, станешь моей супругой.

Мисс Минг вздрогнула и шепнула Абу Талебу:

— Худшего и вообразить нельзя. Что за напыщенный идиотик! Почему вы не поставите его на место?

— Он весьма занимателен.

— Восхитителен, — поддакнул Доктор Волоспион. — Кроме того, он от вас без ума.

— Как же! Да он просто тысячи лет женщин не видел.

Ничуть не смущенный отсутствием восхищения и покорности со стороны верноподданных, пришелец властно уставился на мисс Минг и с жаром проговорил:

— О, женщина, ты прекрасна и неприступна, но придет час, и ты преклонишь колена передо мной.

Мисс Минг снова фыркнула.

— У тебя, приятель, старомодные представления о женщинах.

— О каких представлениях ты толкуешь, коли не познала даже себя? Я помогу тебе раскрыть душу, проявить свои истинные стремления.

В небе показались птеродактили, спасавшиеся от проглянувшего солнца. Мисс Минг с деланным интересом проследила за их полетом, как бы давая понять, что ее не волнует внимание сомнительной личности.

— Я — это Жизнь, а ты — Смерть, — эти слова пришельца опустили ее на землю и заставили содрогнуться.

— В данный момент Смерть — это все, что вне меня, — пояснил он.

Мисс Минг решила проявить твердость:

— Мне жаль вас. Ясно, что от долгого пребывания в космосе вы, как вас там, повредились в уме и сейчас то ли насмехаетесь надо мной, то ли пытаетесь напугать. Напрасно. Я повидала многое, бывала и не в таких переделках и, смею уверить, никому не давала спуску. Понятно?

— Итак, твой разум не принимает меня. Я кажусь тебе необычным. Возможно, и твое тело отвергает меня. Но твоя душа — нет. Она вслушивается. Она тоскует обо мне. Многие годы ты отказывалась внимать ее смиренному зову. Многие годы ты отдавалась пороку, испытывая страдания. Долгие годы ты подавляла возвышенные мечты и чистые устремления. Теперь твои мечты станут явью, а устремления сбудутся. Преклонив передо мною колена, ты обретешь силу и станешь хозяйкой своей души.

— Я и так хозяйка своей души. Там, откуда я родом, женщины свободны, равноправны с мужчинами, трудятся на государственных должностях, участвуют в политической жизни.

— И закрепощают свой Дух. Со мной ты получишь подлинную свободу. Ты обретешь Достоинство.

— Вы, я вижу, романтик, сэр, — заметил Доктор Волоспион.

Пришелец не удостоил его ответом.

— Может, нам пора? — шепнула мисс Минг. — А то еще выкинет новый номер.

— Может и выкинуть, — спокойно ответил Доктор. — Я его раскусил: он относится к индивидам, склонным к фразерству, аффектации и непред-

сказуемым действиям. Весьма яркий типаж. Вы же знаете, я интересуюсь…

Знаток индивидов поморщился: его пояснения прервал пронзительный голос непредсказуемой личности.

— Не отвергай моих даров, женщина. Тебе навязали утомительную свободу, а я дарую тебе себя, всего без остатка.

Мисс Минг подняла глаза на своего покровителя.

— Нет, правда, Доктор Волоспион, с меня довольно.

— Сэр, — вмешался Абу Талеб, — в наших обычаях, когда мы принимаем гостей…

— Гостей? — гневно возмутился пришелец. — Я не гость, сэр. Я — ваш Спаситель.

— Я только хотел сказать…

— Не тратьте слов. Мое предназначение несомненно.

— Возможно, и так. Я только хочу заметить, что эта дама из Эпохи Рассвета и потому необычайно чувствительна. Мне кажется, она сейчас находится в состоянии стресса, хотя, признаться, толком не знаю всех его проявлений. Вы не поясните, мисс Минг?

— Это когда — как обухом по голове.

Абу Талеб поджал губы, но, видимо, не осилив ассоциацию, снова перевел взгляд на пришельца.

— Сэр, вы как джентльмен…

— Джентльмен? Разве я называл себя джентльменом? Впрочем, не возражаю, если имя это соотносится со страстной любовью к женщине, к единственной женщине, к этой женщине! — пришелец трясущейся рукой указал на мисс Минг.

Признание и трагический жест джентльмену не помогли. Мисс Минг повернулась и шагнула к экипажу Абу Талеба. И, только удобно устроившись на подушках, она ответила соблазнителю взглядом — взглядом, исполненным гордости и презрения.

— Как прекрасна, как женственна! — восторженно простонал кавалер.

— Доктор Волоспион, — холодно сказала мисс Минг, — мне хотелось бы немедленно возвратиться домой.

— Дорогая, еще не время, — ответил Доктор и, как бы извиняясь за даму, отвесил путешественнику поклон. — Интересный гость — редкость. Я сгораю от желания побольше узнать о нем. Вы знаете о моем интересе к древним религиям. А тут — настоящий пророк! — Доктор снова изо-

гнулся в поклоне. — Трибун, который заткнет за пояс Ли Пао, сказать по чести, успевшего мне надоесть своими нравоучениями. Если уж нам суждено отвечать за свои грехи, то пусть будет и подобающий антураж — с кровью, огнем, серой.

— Я про серу не говорил, — буркнул пришелец.

— Прошу прощения.

Мисс Минг поманила Доктора и потихоньку спросила:

— Никак не пойму, стоит ли его принимать всерьез. Ведь он дал понять, что изнасилует меня при первой возможности.

— Чепуха, — ответил Доктор Волоспион. — Простая галантность по отношению к даме.

— Не хватает быть изнасилованной каким-то орлом, — прошептала мисс Минг и погрузилась в раздумье.

Доктор Волоспион посмотрел на нее, что-то прикидывая в уме, а затем перевел взгляд на пришельца и широко улыбнулся.

— Сэр, вы отрекомендовались до некоторой степени неопределенно. Буду более конкретен и лаконичен. Позвольте представить своих друзей и представиться самому. Прекрасная дама, очарование которой не оставило вас равнодушным, — мисс Мэвис Минг. Этот джентльмен — Абу

Талеб, Комиссар Бенгалии…

— …и эксперт по слонам, — добавил Комиссар, поклонившись.

— А я — ваш покорный слуга Доктор Волоспион. Думаю, у нас схожие интересы, ведь я долго изучал религиозные культы. Полагаю, вам будет любопытно ознакомиться с моей коллекцией. Буду признателен, если вы почтите меня своим посещением — в этом увядающем мире редко встретишь собрата по увлечению.

— Я не теолог, доктор Волоспион. Интересуюсь религией лишь потому, что я Вездесущ. Замечу также, что, отрекомендовавшись, вы не добавили, что вы ловкач и позер.

— Уверяю вас…

— Вы — жалкое создание, изощряющееся в казуистике, чтобы вдохнуть в свой угасающий разум некое подобие жизни. Вы холодны, сэр, и пытаетесь подогреть свою кровь жестокостью, продуктом бедного воображения и болезненного ума. По-настоящему жестоки, и по-настоящему милосердны лишь благородные, возвышенные натуры.

— Вы осуждаете казуистику, а сами, позволю себе заметить, только что изрекли настоящий парадокс, — ответил Доктор Волоспион. Он все

еще улыбался и не терял присутствия духа. — Бросив мне обвинение, вы, быть может, исходили из опасения, что я стану вашим соперником. Уверяю вас…

— Из опасения? Я стану опасаться? Ха! Если столь наивное представление обо мне может вас успокоить, оставьте его при себе, я дозволяю. Но только, пользуясь этой милостью, вы обречете себя на гибель, хотя вполне могли бы, наравне с прочими, рассчитывать на Спасение.

— Вы внушаете мне…

— Хватит! Я ваш господин, признаете вы это или нет, хочется мне этого или нет, все предопределено. Я не стану более тратить силы на пустые разговоры с тобой, карлик по духу.

— Карлик по духу! — мисс Минг прыснула и боязливо посмотрела на Доктора.

— Прошу вас, мисс Минг, — Доктор приложил палец к губам. — Мне бы хотелось продолжить нашу беседу.

— После его оскорбления?

— Он высказал свою точку зрения, только и всего. Путешественнику незнакома наша приверженность к эвфемизмам и витиеватости речи. Вероятно, со временем…

— Да он быстро освоится! — подал голос Абу

Талеб.

— Я не приспособленец, — надменно возразил путешественник. — Я не признаю преходящих обычаев и привычек, ибо я Вечный Блюм. Я — Блюм, испытавший все. Я — Иммануил Блюм, неподвластный Времени и одолевший Пространство.

— Наконец-то назвался, — сказал Доктор Волоспион. — Мы рады приветствовать вас, мистер Блюм.

— Вот умора! — протянула мисс Минг. — А на еврея совсем не похож.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой доктор Волоспион предлагает мистеру Блюму гостеприимство

Иммануил Блюм отвернулся и обратил взор на озерко кока-колы, над которым, медленно угасая, танцевали язычки пламени.

— Моя бедная, истерзанная планета. Что стало с тобой в мое отсутствие… — он сокрушенно покачал головой.

— Может быть, вернемся к гостям, — капризно предложила мисс Минг Абу Талебу и Доктору. — Если вы не наговорились с этим орлом, объясните

ему, где найти вас. Или пригласите его на прием.

— Можно и пригласить, — неуверенно проговорил Комиссар.

— Свежий человек вечеринке не повредит, — согласился Доктор Волоспион. — Среди гостей найдутся восприимчивые умы, которым рассуждения мистера Блюма покажутся интересными. К примеру, Вертер де Гете с его жаждой греха или Лорд Монгров со своей верой в золотой век. Он, кажется, вернулся из космоса?

— Вместе со своими инопланетянами, — подтвердил Комиссар Бенгалии.

— Ну что же, у мистера Блюма найдутся слушатели. Вы можете пригласить его, Комиссар.

— Скажем ему, что прием в его честь. Возможно, это ему польстит.

— Тише, он может услышать, — шепнула мисс Минг.

— Похоже, он слушает только то, что желает услышать, — заметил Доктор Волоспион. — Сейчас ему, видимо, не до нас.

— Может, оно и к лучшему, — сказала мисс Минг. — Этот залетный орел возмутил мои чувства. Впрочем, я жалуюсь понапрасну: никто и никогда не интересовался переживаниями крошки Мэвис. Но попомните мои слова: с этим

самозваным спасителем мы не оберемся хлопот, и я — в первую очередь. Я поторопилась, предложила пригласить его на прием, не подумав.

— Мы рады каждому путешественнику во времени, даже самому заурядному, — возразил Комиссар Бенгалии. — А мистеру Блюму в самобытности не откажешь. Конечно, он излишне превозносит себя, все больше толкует о свой загадочной миссии, но думаю, он и кладезь интересных историй. Он многое повидал, путешествуя во времени и пространстве. У нас найдется немало желающих послушать его. Скажем, Лорд Джеггед…

— Лорд Джеггед снова пропал, — язвительно проговорил Доктор Волоспион. — Говорят, сбежал в прошлое, напуганный Концом Света.

— Мистером Блюмом могут заинтересоваться и дамы: Миледи Шарлотина, Госпожа Кристия, Железная Орхидея…

— Да разве они обратят внимание на этого хлюпика? — удивилась мисс Минг.

— У женщин часто бывают весьма странные и даже порочные склонности, — заметил Доктор Волоспион.

— Да и мистера Блюма могут заинтересовать наши дамы, — продолжил Абу Талеб. — Если

кто ему приглянется, вы, мисс Минг, вздохнете спокойно.

Крошка Мэвис понурилась.

Раздался взрыв. Горная гряда Вертера перестала существовать. Окинув взглядом произведенное разрушение, мистер Блюм опять подбоченился и уставился вдаль.

— Мисс Минг, когда вы изучали историю, вам не встречалось такое имя, как Блюм? — спросил Доктор Волоспион, забравшись в аэрокар.

— Нет, даже в мифах. Может, он из более позднего времени?

— Не думаю. Судя по одежде, наш гость из девятнадцатого столетия.

— Он же сказал, что принял чужую внешность.

— Ах да, вероятно, тоже пророка.

— Вы говорите, из девятнадцатого столетия? Кого же он может напоминать? Карла Маркса? Ницше? Вагнера? На Вагнера, вроде, похож. Хотя нет. Не знаю. Меня не интересовал девятнадцатый век. Еще с детства увлекалась средневековьем. Обожала читать про благородных рыцарей и прекрасных дам. А еще интересовалась политикой. Конечно, мне было не угнаться за Бетти. Вот она была докой. Имела твердые взгляды. Честила всех на чем свет стоит…

— Выходит, вы не узнаете мистера Блюма?

— Как можно узнать того, кого видишь впервые? Доктор Волоспион, отпустите меня домой, я сама доберусь. Будь у меня Кольцо Власти, даже самое маленькое, я бы…

Мисс Минг не впервой намекала Доктору о желании получить Кольцо Власти, иногда даже поясняла ему, что будь у нее такое Кольцо, она бы доставляла гораздо меньше хлопот своему вечно занятому наставнику. Кольца Власти, использующие энергию Городов, имели далеко не все путешественники во времени, а новичкам, вроде мисс Минг, их просто не доверяли. Доктор Волоспион неизменно отказывал, ссылаясь на то, что пользование Кольцом предполагает наличие специфических навыков и особой дисциплины ума. Эти доводы не убеждали мисс Минг, но что оставалось делать бесправному существу? Только ждать, когда благодетель уступит и подарит хотя бы самое маленькое Колечко.

— Еще не время, — отрезал Доктор Волоспион, не давая понять мисс Минг, к которой из просьб относится столь категоричный ответ. Придя к мысли, что, скорее всего, к обеим, она надула губы и отвернулась.

Тем временем о себе напомнил Спаситель:

— Не подлежит никакому сомнению: чтобы превратить планету в ухоженный сад, сначала все нужно сжечь.

— Мистер Блюм! — воскликнул Абу Талеб. — Позвольте заметить, что, исполнив свой замысел, вы нанесете огромный ущерб обитателям Края Времени.

— Вы о людях? Не беспокойтесь, я всех воскрешу.

— Искусством воскрешения мы владеем и сами. Я о другом. Многие из нас собирают коллекции, держат зверинцы. Их потеря невосполнима. Мне кажется, что благовоспитанный человек не посягнет на святое.

— Нормы поведения обывателей не для Спасителя Человечества, а мой грандиозный план всем на благо.

— Вот голос истинного пророка! — вскричал Доктор Волоспион. — Сэр, вы просто обязаны стать моим гостем.

— Ты начинаешь меня раздражать, высокомерный и дерзкий муж! Я уже говорил: я не гость, а Властелин этой планеты и Господин ваших судеб.

— Разумеется, — примирительно сказал Доктор. — И ваш корабль, бесспорно, великолепен.

Не сомневаюсь, в нем масса удобств, но, полагаю, за время скитаний в космосе он успел вам наскучить. Почему бы вам не поселиться в моем скромном жилище, пока не будет возведен достойный вас дворец или храм. Вы бы доставили мне огромное удовольствие.

— Ваше коварство только усиливает мое раздражение, Доктор Волоспион. Я — Иммануил Блюм.

— Вы нам уже говорили.

— Я — Иммануил Блюм, читающий в каждой душе.

— Не сомневаюсь.

— Ваша приторная любезность низводит ваши шансы на обновление духа к роковому пределу. Если вы решили противиться своему господину, противьтесь с достоинством.

— Мистер Блюм, я просто пытаюсь помочь вам. Ваши идеи, речи и представления нынче не в моде. Я предлагаю вам удобный приют, где вы смогли бы спокойно, не торопясь, изучить наше время и составить детальный план спасения этой несчастной планеты.

— Мне нечего изучать. Мой план годится для всякого времени. Он хоть и грандиозен, но прост: все уничтожить до основания и выстроить за-

ново. Ваши индивидуальности сохранятся, но я вдохну в них новую жизнь. Вы почувствуете себя счастливыми впервые со дня рождения.

— В известном смысле почти все мы вообще не рождались, — заметил Абу Талеб.

— Это неважно. Сейчас-то вы существуете. С моей помощью вы найдете самих себя.

— Мы довольны и так.

— Вам только кажется. Неужели вы не испытываете тревоги? Неужели вы ни разу не просыпались с мыслью о том, что в чем-то не преуспели, не сумели раскрыть себя?

— Сказать по правде, я не сплю уже много лет. Мода на сон прошла еще до того, как я увлекся слонами.

— Не сбивайте меня с толку, Абу Талеб.

— Я сам сбит с толку. Мне вовсе не хочется, чтобы погибли мои любимые толстокожие. Да и другие дорожат своими коллекциями.

— Я не стану потакать вашим слабостям, — ответил Спаситель, сунув руки в карманы. — Вы еще поблагодарите меня.

— Думаю, до этого не дойдет, — вмешался Доктор Волоспион. — Если вы станете не в меру нас беспокоить, то мы немедля пресечем ваши действия. У нас есть для этого средства.

— Ты мне надоел, жалкий муж! — воскликнул пришелец. Чуть поднявшись по трапу, он обернулся и, сверкнув глазами, спросил: — Ты идешь ко мне, женщина?

Мисс Минг промолчала.

— Пожалуйста, обдумайте мое предложение, мистер Блюм, — продолжил Доктор Волоспион. — У меня в гостях вы разделите кров с величайшими философами и пророками, мессиями и реформаторами.

— Я не собираюсь очутиться в аду.

— К вашим услугам моя коллекция культовых и религиозных святынь: фетиши, чуринги, чудотворные иконы, святые мощи…

Иммануил Блюм небрежно махнул рукой и стал дальше подниматься по трапу.

— Вы станете вращаться в избранном обществе, — не унимался Доктор Волоспион. Увидев, что пришелец вот-вот скроется в корабле, он поспешно добавил: — В моем дворце живет и мисс Минг.

— Мисс Минг поселится у меня. Я жду тебя, женщина.

— Ну и напрасно! — ответила крошка Мэвис, небрежно откинув голову.

— Как? — мистер Блюм застыл на ступеньке

трапа.

— Если захотите с ней повидаться, милости прошу, заходите.

— О, не надо, не приглашайте его, — жеманно простонала мисс Минг.

— Наступит час, и ты сама придешь ко мне, Мэвис Минг, — уверенно сказал Иммануил Блюм.

— Ничего смешнее в жизни не слышала, — гордо проговорила мисс Минг, надеясь на одобрение покровителя, но Доктор, не обратив внимания на героиню драматического момента, снова обратился к мистеру Блюму:

— В моем доме роскошная обстановка, прекрасные вина, изысканная еда. Найдутся и женщины, вам останется только выбрать.

— Я равнодушен к роскоши, а из всех женщин меня интересует только мисс Минг. Скоро она станет моей.

— Мисс Минг будет счастлива, если вы поселитесь у меня.

— Вы так и не поняли назначение моей миссии. Моя цель — встряхнуть эту увядающую планету, возродить Любовь, Безумство, Идеализм во всем их величии, заставить вашу кровь быстрее струиться, сердца сильнее стучать, а головы — кружиться! Погляди вокруг, самонадеянный муж,

и скажи, видишь ли ты героев? Их нет, остались одни ничтожества.

— Судить обо всех, познакомившись только с троими, не очень-то дальновидно, — заметил Абу Талеб.

— Троих достаточно. Ваши жесты, манера речи, пристрастия характерны для всего общества в целом. О, как вы несовершенны, убоги. О, как вы сами, того не ведая, мечтали о моем скором пришествии. Даже сейчас, лицезрея меня, вы не осознаете, какое счастье вам выпало.

Благожелательно улыбнувшись, пришелец продолжил:

— Ваше сознание, несомненно, пробудится. Вы приглашаете меня в один из своих домов. Для меня такой дом, что могила. Разве я могу оставить корабль? Как и у меня, у него много имен: «Золотая лань», «Огненная галера», «Девственное пламя», «Пи-мезон», «Магдалена»... И отовсюду — из Карфагена, Тира, Бомбея, Бристоля и многих других прославленных городов — этот корабль отправлялся в далекое путешествие под командованием капитана Иммануила Блюма, основателя цивилизации майя и строителя египетских пирамид, известного под священными именами Кубла Хан, Ра, Иоанн, Балдур, Митра, Заратустра

и еще неизменно зовущегося Огненным Шутом, приносящим очищение посредством огня. Я — Огненный Шут! Ага! Вы узнаете меня!

Слушатели недоуменно переглянулись. Наступившую тишину нарушил Доктор Волоспион.

— Вероятно, вы голодны, — вкрадчиво сказал он, сохраняя показное миролюбие на лице. — У меня прекрасная кухня, отвечающая самому тонкому вкусу. Просветительную беседу можно продолжить и за столом. Пожалуйста, мистер Блюм, обдумайте еще раз мое предложение.

— Мне не о чем думать.

— Жаль. Я надеялся на обстоятельный разговор. Цель вашей миссии мне до сих пор не ясна. Ваша склонность к метафорам…

— Одна метафора стоит тысячи эвфемизмов, — прервал Огненный Шут, хмуро взглянув на Доктора. — Мы еще встретимся, а сейчас я вынужден удалиться: пришло время для размышлений и медитации. Ладно, я наведаюсь к вам, ибо наставничество — мой долг, но с этим можно повременить, — пришелец перевел взгляд на мисс Минг. — Ты идешь, Мэвис?

Взгляд Огненного Шута наполнился притягательной силой. Мисс Минг вздрогнула.

— Что? — пролепетала она.

Огненный Шут призывно протянул руку.

— Пойдем со мной. Ты обретешь страдание и веру в себя, утолишь плотские вожделения и получишь свободу. Чего ты ждешь?

Мисс Минг приподнялась, будто загипнотизированная, подалась вперед, а затем со стоном рухнула на подушки.

— Нет, — исторгла она.

Иммануил Блюм рассмеялся.

— Непременно придешь, — убежденно проговорил он и обратил пылающий взор на Доктора. — Сэр, вы успели, вольно или невольно, возненавидеть меня. Ненависть — опасное чувство. Не просчитайтесь. Не становитесь у меня на пути.

— Боже правый! Вы не верите моим добрым намерениям. Воля ваша, — Доктор изысканно поклонился.

Трап пополз вверх и исчез. Дверца люка с шумом захлопнулась. Корабль содрогнулся и замер.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой мисс Минг проявляет прежнюю неприступность

Если кто из обитателей Края Времени и считал, что загадочный путешественник, объявивший

себя Спасителем, без промедления приступит к осуществлению своего грандиозного плана, то он обманулся, ибо, захлопнув за собой люк, мистер Блюм больше не выходил из своей машины, убогой и неказистой, по мнению знатоков.

Обитатели Края Времени постоянно наведывались к необычному кораблю, но все их усилия привлечь внимание таинственного пришельца не приносили успеха. Не помогали ни дружеские приветствия, ни стук по корпусу корабля, ни оглушительный фейерверк, ни даже самое сильное средство: променад очаровательных дам в смелых одеждах перед иллюминаторами машины.

Мистер Блюм, Пророк, Спаситель, Огненный Шут, как нарочно, не появлялся. Любители ярких зрелищ недоуменно разводили руками: ни обещанного пожара, ни взрывов, ни даже грохочущего неба над головой. Дошло до того, что стали раздаваться недовольные голоса, одни — обвинявшие пришельца в недопустимой пассивности, другие — подозревавшие, что Доктор Волоспион излишне приукрасил возможности незнакомца.

— Все это выдумки Доктора! — так прямо и заявила Миледи Шарлотина Оборотню О'Кэле, с которым завтракала на склоне небольшого

холма, возведенного Герцогом Квинским рядом с загадочным кораблем. Отведав листик салата, она продолжила: — Вы же знаете, дорогой, о пристрастии Доктора к монахам, ламам, гуру.

Оборотень О'Кэла, пребывавший на этот раз в обличье гигантской полевой мыши, перестал грызть лимон и недоуменно ответил:

— Не припоминаю таких животных.

— Это не животные, это люди, только особые. Мне о них рассказывал Лорд Джеггед, да только я почти все забыла. Скажу одно: Доктору уж очень хотелось, чтобы этот пришелец оказался гуру, вот он и выдал его за таинственную персону, а мы и уши развесили.

— Но мисс Минг подтвердила его слова.

— Мисс Минг! — Шарлотина фыркнула. Заметив, что О'Кэла пожал плечами, она пояснила: — Мисс Минг горазда на выдумку. А кто, кроме нее, склонен к аффектам?

— Джерек. Он весьма бурно проявлял свои чувства, добиваясь благосклонности Амелии Ундервуд.

— Амелия — его идеал. Прекрасна, женственна, недоступна. Нет ничего недостойного в страсти Джерека к такой безупречной женщине, — побывав в Эпохе Рассвета, Шарлотина узнала о

существовании романтических отношений и до сих пор при удобном случае старалась поразить собеседника своим соприкосновением с прошлым.

Не оценив вдохновенности Шарлотины, О'Кэла вернулся к разговору о незнакомце:

— Но и Абу Талеб подтвердил слова Доктора.

— Абу Талеб впечатлителен. Кроме того, он разбирается лишь в слонах.

— Кому же тогда по силам раскусить таинственного пришельца? — О'Кэла щелкнул зубами.

— Лорду Джеггеду. Он действительно знающий человек. Доктор Волоспион старается ему подражать, даже пытается соперничать с ним, да только впустую — до Джеггеда ему далеко. А ведь раньше ходили слухи, что между ними любовные отношения, которые Джеггеду вроде быстро наскучили. Впрочем, то только слухи, а сейчас не вызывает сомнения, что после очередного исчезновения Джеггеда Доктор не прочь занять его место в обществе, стать предметом всеобщего любопытства. Вот он и носится со своим мистером Блюмом, используя его как приманку.

— Мне кажется, он сумел преуспеть, — сказал О'Кэла, вытирая запачканные усы.

— Думаю, ненадолго, — Шарлотина вздохнула

и пососала стебелек сельдерея. — Место Лорда Джеггеда ему не занять даже с помощью загадочного пришельца.

— Все же было бы интересно глянуть, как этот Спаситель начнет все разрушать.

— Пустые хлопоты. Планета скоро погибнет и без мистера Блюма. Как известно, Вселенная на грани исчезновения. Мистер Блюм опоздал со своим спасением. Оно нынче не в моде. Говорить о спасении — дурной тон.

— Тому есть причины, — философски заметил О'Кэла. — Зачем тратить время на никчемные разговоры, коли известно доподлинно…

— Совершенно верно, — бросила Шарлотина и замахала рукой.

В небе появился аэрокар, по виду крылатая человеческая фигура фантастического размера. Бронзовая голова, сверкающая на солнце, слепые глазницы и рот, искривленный, будто в предсмертной агонии, придавали фигуре зловещий, устрашающий вид. Воздушный экипаж принадлежал Герцогу Квинскому, который придал ему форму древнегреческой статуи, найденной им в одном из гибнущих городов.

Аэрокар совершил посадку, и Герцог, сидящий в седле на шее крылатого исполина, поднял руку

в приветствии. Он был в старинном одеянии авиатора — черной меховой куртке, отливавшей белыми кончиками волос, полосатых лилово-кремовых панталонах, высоких кожаных сапогах и шапке из меха панды.

— Миледи Шарлотина! — воскликнул Герцог, спрыгнув на землю. — Увидев вас, я и наши друзья не могли не опуститься, чтобы вас поприветствовать. Летели к очаровательной Флоренс Фокс. Она приготовила какой-то сюрприз. Поедете с нами?

— Сюрпризы Флоренс не для меня, — ответила Шарлотина, приподнимаясь.

Она сухо кивнула Доктору, чмокнула Сладкое Мускатное Око, ласково тронула руку Епископа Тауэра, подмигнула Госпоже Кристии и мило улыбнулась мисс Минг.

— Ага! Вот и красотка, ради которой таинственный мистер Блюм избороздил всю Вселенную. Мисс Минг, вы стали средоточием нашей зависти.

— А вы видели мистера Блюма? — спросила Мэвис.

— Пока нет.

— Тогда не спешите завидовать.

— Ничто более не привлекает леди к джентль-

мену, чем внимание этого джентльмена, обращенное на другую, — подал голос Доктор Волоспион, лукаво блеснув глазами.

— Вы знаток женщин, — ответила Шарлотина и добавила, на этот раз не кривя душой: — Вы сегодня удивительно элегантны.

Доктор Волоспион был облачен в длинную зеленоватую мантию, обшитую золотистой тесьмой, с широкими рукавами и высоким воротником и в тонкую шапочку, застегнутую под подбородком на пуговку.

— Вы очень добры, Миледи.

— Приятно говорить от чистого сердца, — ответила Шарлотина и перевела взгляд на мисс Минг, одетую в платье с кружевными оборками. — В этом платье вы, должно быть, чувствуете себя гораздо моложе?

— Несомненно, — согласилась мисс Минг. — Вы верно подметили, хотя и старше меня на много столетий.

По лицу Шарлотины пробежало облачко раздражения, не помешавшее ей ответить с милой улыбкой:

— Тысячелетий, дорогая, тысячелетий. Странно, что ваш поклонник не спешит вас увидеть.

— А хоть бы он и вовсе пропал.

— Я пытался его выкурить, — сказал Доктор Волоспион. — Пробовал сдвинуть с места его машину, но, признаться, не преуспел. Корабль под защитой неподатливого силового поля.

— Выходит, этот пришелец действительно наделен большой силой, — Епископ Тауэр, как всегда выглядевший величественно в своем огромном, в два человеческих роста головном уборе в форме зубчатой башни, смотрел на корабль без особого интереса.

— Видимо, так, — согласился Доктор Волоспион.

— А почему он не применяет ее? — спросил Герцог Квинский. — Может, его уже нет в живых? Сгорел в собственном пламени?

— Мы бы учуяли трупный запах, — сказал О'Кэла.

— Уж вы-то с вашим носом навелняка, — подтвердил Сладкое Мускатное Око.

— Этот Пророк играет со мной, как кошка с мышкой, вот что я думаю, — заявила мисс Минг, с опаской посмотрев на корабль. — Ой, простите, О'Кэла, я не хотела обидеть вас.

О'Кэла оскалил зубы.

— Несладко придется кошке, повстречавшей мышку вроде меня.

— Он думает, что я сдамся и приползу к нему на коленях. Обычная мужская самоуверенность. Чего захотел! Я уже натерпелась от Донни Стивенса. Сыта джентльменами по горло. «Все, — сказала я как-то Бетти, — с меня хватит! Довольно!» — мисс Минг перевела дыхание и продолжила: — Уж лучше бы предпринял что-нибудь поскорее или убирался домой. А то недели идут за неделями, а он прохлаждается. Просто на нервы действует.

— Конечно, моя дологая, это облеменительно, — посочувствовал Сладкое Мускатное Око.

— Нас ожидает Флоренс, — напомнил Герцог, обводя взглядом присутствующих. — Миледи, О'Кэла, вы с нами?

— Я сейчас занята! Занимаюсь новым проектом, — ответила Шарлотина. — Собираюсь построить невидимый город с невидимыми андроидами. Как только закончу работу, всех приглашу.

— Андроиды — это двуполые существа? — спросил Епископ.

— Вот именно.

— Как интересно! Какой свежий проект! А с этими существами можно… э… поразвлечься?

— Для того и предназначаются.

— Тогда с нетерпением буду ждать вашего

приглашения, — Епископ поклонился, а затем с трудом поднял голову, обремененную непомерной тяжестью головного убора.

Убедившись, что Епископ благополучно выпрямился, Герцог Квинский подал команду:

— Все на борт!

Пассажиров остановил скрип. Все обернулись. В овале отворившегося люка стоял пришелец.

— Наконец ты у ног моих! — возгласил он.

— Я? — удивился Герцог.

— Молчи, бестолковый муж. Я обращаюсь к мисс Минг. О, Мэвис, я заждался тебя.

— Я здесь совершенно случайно, — проговорила мисс Минг и спряталась за спину своего покровителя.

— Приди! — Иммануил Блюм призывно протянул руки. — Приди!

— Ни за что! — отрезала крошка Мэвис, выглянув из-за спины Доктора.

— А, этот шакалоглазый удерживает тебя. И, несомненно, против воли твоей.

— Вовсе нет! — мисс Минг расхрабрилась и вышла из-за укрытия. — Доктор Волоспион оказал мне любезность, поселив у себя.

— Ты запугана и не говоришь правды.

— Эта дама говорит чистую правду, — пояснил

Доктор Волоспион. — Она действительно живет в моем доме и вольна покинуть его по своему усмотрению.

— Ее удерживает адова сила, не сомневаюсь. Не бойся, женщина! Стоит мне узнать, что ты нуждаешься в помощи, и я приду на выручку, куда бы тебя ни спрятали.

— Мне не нужна ваша помощь.

— Ты так жаждешь ее, что боишься в этом признаться даже себе.

— Простите, что отвлекаю вас, сэр, — вмешалась в разговор Шарлотина, — но мы хотели бы знать, готов ли ваш грандиозный план уничтожения мира. Мне кажется, нам совсем нелишне узнать об этом чуть загодя.

— Я еще не завершил медитацию, — ответил Иммануил Блюм, не отводя глаз от мисс Минг. — Приди ко мне, женщина!

— Никогда!

— Хочу напомнить вам, сэр, что эта леди находится под моим покровительством, — сказал Доктор Волоспион, выступив чуть вперед. — Предупреждаю: если вы не угомонитесь, я встану на ее защиту, не щадя жизни.

Мисс Минг чуть не онемела от счастья и удивления, но сумела пролепетать:

— О, Доктор Волоспион! Как вы благородны!

— Что такое? — Иммануил Блюм заморгал. — Снова позерство?

Доктор Волоспион скрестил на груди руки и, пронзив соперника взглядом, ответил с холодным достоинством:

— Честно предупреждаю вас, только и всего.

— Теперь я окончательно понял: мисс Минг — ваша пленница, — ответил пришелец. — Женщина, ты думаешь, что свободна, хотя в действительности пребываешь в тюрьме, ключи от которой у этого коварного господина.

— Я больше не намерен сносить оскорбления, — Доктор Волоспион вызывающе задрал подбородок.

— Это даже не позерство, а холодный расчет. Что вы задумали?

— Ни слова более, сэр, иначе я потребую сатисфакции.

Огненный Шут рассмеялся.

— Скоро я освобожу эту женщину. Иммануил Блюм повернулся и исчез в темноте, захлопнув за собой люк.

— Как необыкновенно! — воскликнула Шарлотина. — Какой вы храбрый, Доктор Волоспион. Счастливая мисс Минг, имеющая такого заступ-

ника!

Крошка Мэвис сияла.

— Доктор, я даже не смела мечтать…

— Оставим это злосчастное место, — сказал Доктор Волоспион и направился к аэрокару.

Мисс Минг последовала за ним. Казалось, она нашла, наконец, своего верного рыцаря.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Огненный Шут приступает к спасению человечества

Миледи Шарлотина почти не отклонилась от истины, когда, отказываясь отправиться к Флоренс Фокс, сослалась на занятость. Она и в самом деле строила новый замок, но не в Подозерье, которое ей наскучило, а, наоборот, над водами озера, что, несомненно, выдавало в ней творческую натуру. Работа шла медленно. Шарлотина не принадлежала к числу виртуозов, способных одним движением Кольца Власти превратить задуманное в реальность. Быстрому воплощению замысла мешал и творческий поиск, понуждавший ее уничтожать возведенное и строить все сызнова. Однако всякий труд неизменно приносит свои плоды, и вскоре после того, как

Шарлотина невзначай объявила друзьям о своем начинании, воздушный дворец был почти что сооружен и уже величаво парил над озером. Оставались сущие пустяки: возвести купола, надстроить незавершенные башни и заполнить пустоты внутренних помещений.

Занимаясь строительством, Шарлотина даже не вспоминала об угрозе Огненного Шута приступить к тотальному разрушению, однако скоро ей пришлось убедиться, что мистер Блюм преисполнен решимости осуществить свой кошмарный замысел.

В этот день, отдохнув от тяжких трудов в озерных глубинах, она стояла на берегу под раскидистыми дубами и занималась приятной работой: составляла композицию из тумана, чтобы украсить своеобразным орнаментом подножие воздушного замка. Она бы, несомненно, завершила свою работу, ибо ощущала необыкновенное вдохновение, но ей помешали, и самым неприличным, неподобающим образом. Когда Шарлотина трудилась над последними завитками, над ее головой прогремел страшный взрыв. Подняв глаза к небу, она чуть не задохнулась от возмущения: воздушный дворец был в огне. Вначале она решила, что взрыв произошел по

неосторожности одного из ее друзей, тоже занятого каким-то строительством, но постепенно до нее дошла страшная правда.

— Псих! Поджигатель! — вскричала Шарлотина и поднялась в небо, чтобы отыскать Огненного Шута.

Поджигатель нашелся невдалеке, на площадке высоченного пьедестала, возведенного Герцогом Квинским, который собирался установить на этом скромном подножии мраморную статую, изображающую его собственную персону. Огненный Шут топтался на месте, размахивая руками, как курица крыльями в пустой попытке взлететь, и всматривался в пожарище, выкатив белки глаз. Не замечая разъяренной хозяйки замка, зависшей над его головой, он хмыкнул и довольно пробормотал:

— Совсем неплохо. Деяние, которое станет легендой, масштабно и колоритно, хотя не исключает черновую работу: воскресить пострадавших.

К его удивлению, он услышал неуместную реплику:

— Только я, сэр, могла находиться в этом воздушном замке, но, к счастью, отсутствовала, когда вы взорвали его.

Мистер Блюм недоуменно огляделся по сторонам и, только потерпев неудачу, сообразил посмотреть наверх.

— А, это вы?

— Дворец был моим новым домом. Вы поступили невежливо, уничтожив его, мистер Блюм.

— Вы говорите, что внутри не было никого?

— Ни единой души.

— Тогда я приступаю к другим делам.

— Не извинившись передо мной?

— За то, что я сделал совершенно сознательно? В данном случае извиниться значит солгать. Я — Огненный Шут. Я не лгу.

Оставив ошеломленную Шарлотину размышлять над загадочным откровением, мистер Блюм стал спускаться по лестнице, приставленной к пьедесталу.

— Желаю доброго утра, мадам.

— Утра?

— Тогда приятного дня. Впрочем, время суток для вас ничто. Ничего, я справлюсь и с этим.

— Мистер Блюм, ваши действия совершенно бессмысленны. Кого вы пытаетесь поразить столь нелепыми выходками? — Шарлотина махнула рукой на догорающую постройку. — Теперь не те времена. Это вам не Эпоха Рассвета, когда

поджоги и взрывы будоражили всю планету. Смотрите! — она повернула одно из своих Колец, и пламя погасло. Еще мгновение — и над озером снова вырос дворец, хотя и не такой величавый, каким он только что был.

Усмехнувшись, Огненный Шут полез вверх по ступеням и вернулся на пьедестал.

— Как видно, Доктор Волоспион не единственный здешний фокусник.

— Мы все могущественны, почти все. Мы обрели эту мощь по праву в силу рождения.

— Вы хотите оспорить мои права? Я же уведомил вас и о своем исключительном праве распоряжаться на этой планете, и о своей благородной миссии.

— Вы говорили, но…

— А, вы, видимо, еще духовно не подготовились, хотя я и предоставил вам достаточно времени для размышлений о будущем и подготовки к Спасению.

— Мы не нуждаемся в спасении, мистер Блюм. Мы бессмертны, нам подвластна Вселенная, и хотя она разлагается, мы не ведаем страха, если я верно понимаю проявления этого чувства.

Вопреки обыкновению не слишком церемониться с собеседником и оставлять в разговоре

за собой последнее слово, Шарлотина разговаривала с Огненным Шутом ровно и рассудительно, даже пыталась войти в его положение, что, возможно, объяснялось и тривиальной причиной: ей хотелось получше познакомиться с человеком, так настойчиво домогавшимся невзрачной мисс Минг, а для того с ним лучше было не ссориться.

— Вы слишком поздно появились у нас, — продолжила Шарлотина. — Возможно, несколько столетий назад, когда мы еще не знали о распаде Вселенной, вас бы встретили с радостью. А сейчас, увы, мистер Блюм…

Огненный Шут нахмурился.

— И что же мне прикажете делать? Я — Спаситель. Других занятий не знаю.

— Вам непременно нужно спасать весь мир? Упростите себе задачу: найдите несколько ворчунов и займитесь их духовным преображением.

— Это неразумная трата времени. Строго говоря, я — Спаситель Мира, вернее, Спаситель Миров. Уберегаю от физической гибели и морального разложения. Спасенных мною не счесть. Наведите справки и убедитесь.

— Я же сказала вам, мистер Блюм, мы бессмертны, а мораль нынче не в моде. Найдите себе другой мир.

— Покидая эту планету, я дал слово вернуться и принести возрождение.

— К сожалению, вы опоздали.

— Вы ошибаетесь, мадам. Когда Порядок вступает в борьбу с Хаосом, взывают ко мне. Когда цивилизации грозит гибель, ждут моего пришествия. И я прихожу.

— Но мы вас не звали и не жаждем спасения.

— Мисс Минг мечтает о нем.

— Она жаждет совсем другого.

— Это по-вашему. Мне лучше знать.

— Тогда и займитесь мисс Минг. Боюсь, других желающих не найдется.

— Вы упорствуете в отрицании, но я знаю, вы все тоскуете по возвышенным идеалам.

— Интерес к идеалам давно прошел. Мы без горечи оставляем прежнее увлечение, когда меняется мода.

— Вы все легкомысленны. Все, кроме Мэвис Минг.

— Ее считают самой пустой и вздорной, — ответила Шарлотина и тут же раскаялась, что брякнула, не подумав. Прослыть злоязычной в ее намерения не входило.

— Уверен, лишь те, кто не видит за плотью душу.

— Мне кажется, у нас души вовсе отсутствуют, а если их нет, то ни к чему и духовное возрождение, — увидев, что Огненный Шут полез вниз, Шарлотина добавила: — Надеюсь, вы не отчаялись. Могу представить, каково сейчас вам, живущему одним-единственным интересом, — она, как бабочка, опустилась на освободившийся пьедестал.

Спустившись вниз, Огненный Шут поднял голову, прижал руки к бокам. Его рыжие волосы светились, как факел.

— Мадам, уверяю, ваши суждения ничуть не поколебали меня.

— Но я говорила правду.

— Вы говорили искренне, признаю. Но у меня есть глаза. Я вижу кругом упадок, который несет несчастье. Вам просто не обойтись без меня. Я изгоню печаль из ваших утомленных сердец, подарю радость, веселье, смех.

— На Краю Времени не существует печали, если забыть о Вертере, а радость излишня. Мы сторонники душевного равновесия. Не это ли умиротворение духа на протяжении всей истории человечества искали записные философы и завзятые моралисты? А вы хотите вернуть нас в хаос душевных переживаний. К чему возносить-

ся ввысь и падать с опаленными крыльями?

— И вы не знали ни взлетов, ни падений?

— Как-то Вертер шагнул по глупости в пропасть, но мы его воскресили, — ответила Шарлотина, сидя на краю пьедестала и перебирая складки полупрозрачного одеяния.

— И вы никогда не испытывали ни смятения, ни экстаза?

— Может, самую малость.

— Как же вы живете без душевных переживаний?

— Достижение нашей эпохи — душевное равновесие. Мы радуемся ему.

— Неужели вы все одинаковые?

Шарлотина задумалась.

— Похоже, вы правы. Найдутся и исключения: Джерек Карнелиан, Лорд Джеггед. Только их сейчас нет. Джерек вроде бы перенесся в другое время вместе с Амелией Ундервуд, а Лорд Джеггед и вовсе куда-то запропастился. Пожалуй, еще и Доктор Волоспион, правда, толкуют, что он из другой эпохи. Потом Ли Пао, да и другие путешественники во времени. У них все еще архаические характеры. Вот в их среде вам легче освоиться. У этих людей могут найтись причины побеседовать с вами и даже обратиться к вам с

просьбой.

— Причины всегда находятся, и самые разные. Каждый видит меня по-своему, ибо я многолик.

— И, несомненно, каждое лицо привлекательно.

— Я должен выполнить свое предназначение. Это все, что я знаю. Я — Блюм-Разрушитель, Блюм-Строитель, Блюм-Факелоносец, Я — Вечный Блюм. Моя миссия — всеобщее спасение.

— Судя по всему, непростое дело.

— Вы ошибаетесь. Все проблемы просты. Все до единой.

Высказав столь решительное суждение, мистер Блюм повернулся и скрылся между деревьями, окружавшими постамент. Он забыл попрощаться, но, скорее, то была просто рассеянность человека, обремененного великими мыслями, недаром до Шарлотины еще долгое время доносилось его невнятное бормотание, сопроводившееся слабым раскатом грома и непрезентабельной молнией, что, вероятно, говорило о досаде мыслителя. Но и когда все замолкло, Шарлотина не оставила пьедестал и еще долго сидела, подперев рукой подбородок, переживая странное чувство, расцененное ею как архаическая печаль.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Огненный Шут продолжает бесчинствовать

Разговор с Шарлотиной не повлиял на воззрения Огненного Шута. Его бесчинства нашли новое продолжение. Сначала он безжалостно разрушил «Город Тюльпанов» Герцога Квинского, в котором каждое здание имело форму цветка, а затем сжег «Содом», творение Флоренс Фокс, что обернулось настоящей трагедией: в огне погибла хозяйка города и все его обитатели. Хуже того, эта выходка Огненного Шута вызвала невероятную суматоху, для Края Времени поистине неприличную, и в этой невообразимой сумятице забыли воскресить несчастную Флоренс.

Новым бесчинством разбушевавшегося Спасителя стал огненный дождь, низвергнутый на гостей Епископа Тауэра, собравшихся на прием в честь печального Вертера, который и пострадал больше всех, что было встречено едва ли не с одобрением, ибо он принадлежал к заблудшему меньшинству, находившему деятельность Мессии полезной и благотворной. Вертер умирал, кляня свое заблуждение, а когда его воскресили,

стал жаловаться на то, что в струях огненного дождя неуместно оказались раскаленные камни. Впрочем, обретя спокойствие духа, он вернулся к первоначальному неподобающему суждению и даже нанес визит Огненному Шуту, которому выразил свой восторг, восхитившись его освежающим воздействием на планету, и предложил посильную помощь, на что получил обескураживающий ответ: его известят, если помощь понадобится.

Побывал у Огненного Шута и Лорд Монгров, пытавшийся выяснить, как вяжутся разрушения с золотым будущим человечества, но, видимо, ничего не понял из объяснений, ибо, вернувшись, на вопросы не отвечал, а только шумно вздыхал и сильно сопел.

Отмолчалась и Шарлотина, побывавшая у Огненного Шута на правах старой знакомой. Зато Госпожа Кристия после встречи с пришельцем не стала держать язык за зубами и поведала всем и каждому, что неотесанный мистер Блюм, которого она пыталась отвратить от непристойных привычек и наставить на путь истинной добродетели, отказался от общения с ней, заявив, что интересуется одной-единственной женщиной — несравненной мисс Минг. Потрясенная столь

бесцеремонной навязчивостью, мисс Минг предложила разделаться с хулиганом, не дожидаясь новых бесчинств.

Ее поддержали, но нежелательным визитерам попасть в корабль пришельца не удалось: интенсивное силовое поле машины явилось непреодолимой преградой. Обратились за помощью к Городам. Впустую! Города, хотя и взялись за исследование природы необыкновенного поля, забыли о цели анализа, едва добравшись до середины.

Но конечной цели не достиг и Огненный Шут: все, что он разрушал, как правило, восстанавливалось. Тем не менее, мистер Блюм стал досадной, докучной помехой. Он уничтожал произведения подлинного искусства, мешал проведению приемов и пикников и даже посягнул на святое — на душевное равновесие обитателей Края Времени. Им пришлось не только собираться на празднества с оглядкой на Огненного Шута, но и заняться защитой собственности, делом давно забытым. Необходимость возиться с силовыми полями отравили существование даже Епископу Тауэру, наиболее невозмутимому из обитателей Края Времени, который, не опасаясь показаться смешным, признавался открыто, что выходки

Огненного Шута мешают ему наслаждаться привычными удовольствиями.

Голоса, обвинявшие раньше пришельца в недопустимой пассивности, переросли в голоса протеста против варварства и насилия. Завязались дискуссии, как обуздать вандала. Перебрав множество предложений, остановились на наиболее действенном: решить проблему на старинный манер — за столом переговоров — но ни одну депутацию Огненный Шут не принял, а послания, оставляемые у люка, или тут же сгорали, или их уносило ветром.

— Невероятно, но этот жалкий пророк превратился в значительную персону, — язвительно произнесла Шарлотина, посчитав, что оказавшийся поблизости Доктор Волоспион непременно ее услышит. — Жаль, что нет Лорда Джеггеда, он бы поставил его на место.

Шарлотина не просчиталась. Ее слова долетели до Доктора, несмотря на душераздирающий плач и жуткие вопли, доносившиеся из подвальных помещений дворца, воздвигнутого Сладким Мускатным Оком, и на восхищенные возгласы многочисленных зрителей, расположившихся на лужайке перед фасадом великолепной постройки. Представление, дававшееся гостеприимным

хозяином, называлось «Избиение младенцев» и было поставлено в модном жанре художественного шума. Никто не мог и предположить такого взлета фантазии от Сладкого Мускатного Ока, занимавшегося разведением бабочек.

— Лорд Джеггед, верно, предусмотрительно посчитал, что наше время ему не совсем подходит для плодотворных исследований, — сказал Доктор Волоспион, привлеченный голосом Шарлотины.

— Ах, Доктор, как поживаете? — притворно удивилась она, рассматривая его одеяние — коричневатую мантию с белой отделкой.

— Как всегда, превосходно.

— Не удивляюсь, ведь этот сумасшедший пророк вас не трогает, хотя это странно: говорят, он вас невзлюбил.

— Он не желает причинить вред моей гостье, мисс Минг. Этому Огненному Шуту не откажешь в оригинальности, он бы украсил мою коллекцию.

— Может, он поэтому и остерегается вас.

— Полагаю, причина в другом. Его пугает мой здравый ум. Он понял, что меня ему не осилить.

— Вот как? Тогда наверняка вам по плечу положить конец его сумасбродным выходкам.

— Я уже знаю, как, мадам.

— Но, несомненно, это секрет.

Доктор кивнул.

— У Огненного Шута обостренные чувства. Может, он и сейчас слышит наш разговор.

— Не очень похоже, что он склонен подслушивать.

— Предпочитаю проявить осторожность.

— Так вы не откроетесь мне?

— Глубоко сожалею.

— В таком случае мне остается пожелать вам успеха, — Шарлотина огляделась по сторонам. — А где же дама сердца Огненного Шута? Где мисс Минг?

Доктор снисходительно улыбнулся.

— Не здесь.

— Не здесь? Отправилась на свидание с кавалером?

— Совсем наоборот.

— Как это?

— Мисс Минг под моим покровительством. Она зовет меня Верным Рыцарем. Вот я и исполняю свой долг, — Доктор Волоспион выпростал пальцы из рукавов, сцепил руки на животе и самодовольно продолжил: — Мисс Минг в моем замке под надежной защитой. Силовое поле, окружающее его, ничуть не слабее поля, исполь-

зуемого пришельцем.

— И вы не разрешаете ей выезжать?

— Для ее же блага. Мисс Минг окружили вниманием и заботой. Она на верху блаженства.

— Вы действительно Верный Рыцарь, — сказала Шарлотина с хриплым смешком.

Доктор Волоспион сверкнул глазами из-под черных бровей.

— Хочу доказать, что я не бледная тень Лорда Джеггеда.

— Я такого не утверждала.

— Кто бы ни утверждал, поймет, что недооценил меня.

Шарлотина поджала губы и наморщила лоб.

— Если замысел удастся осуществить…

— Он будет осуществлен. Я намерен обратить силу Огненного Шута в его слабость.

— Гениально! Вы впишете славную страницу в историю человечества.

Доктор Волоспион небрежно махнул рукой.

Земля содрогнулась. На лужайку ступил огромный индийский слон. На его спине под шелковым балдахином восседали Комиссар Бенгалии и Эдгаросердный По.

— Миледи Шарлотина — сама музыка! — воскликнул Абу Талеб, высунув из-под укрытия

голову, облаченную в цветистый тюрбан с плюмажем из павлиньих перьев. — Мой старый друг Доктор Волоспион! Как давно мы не виделись.

— Не стану мешать встрече закадычных друзей, — Шарлотина сделала реверанс и смешалась с толпой.

— Вы, видно, заточили себя в собственном замке, — продолжил Абу Талеб. — Мы не виделись с того самого дня, когда мистер Блюм нанес непоправимый урон динозаврам Эдгаросердного По.

— Я размышлял, как покончить с бесчинствами Огненного Шута. Кое-что предпринял.

— Ах, если бы отыскалось решение! — воскликнул шеф-повар. — Нам следовало сразу принять жесткие меры, увидев, как пострадали мои стада.

— Это был действительно подходящий момент, — согласился Доктор Волоспион.

— Тогда с нами была мисс Минг, — сказал Комиссар Бенгалии, поставив ногу на ступеньку веревочной лестницы. — Она здесь?

— К сожалению, нам придется обойтись без нее. Мисс Минг в замке. Там она в безопасности.

— Разумно, — Абу Талеб спустился на землю и поманил По.

Пыхтя и с трудом находя ногами ступеньки,

кулинар полез вниз, заслужив внимание Доктора, который продолжил разговор с Комиссаром лишь после того, как По, весь мокрый от пота и пожелтевший, благополучно ступил на незыблемую опору.

— Уберечь леди от опасности — мой долг.

— Она, должно быть, очень вам благодарна. Мисс Минг недостает уверенности в себе. Рядом с вами ей гораздо спокойнее.

— Видимо, так.

— А что, если этот Блюм заподозрит, что вы его счастливый соперник?

— Мне нет дела до его подозрений. Я исполняю свой долг. Не моя вина, если этот провидец истолковывает мои поступки неверно.

— А если он решится на похищение?

— Я и это предусмотрел.

— Вы сегодня необычайно бледны, Доктор Волоспион, — подал голос шеф-повар, успевший прийти в себя. — Старайтесь побольше есть.

— Побольше? Да я вовсе не ем.

— Пища гораздо большее, чем средство подкрепления организма, — назидательно проговорил кулинар. — В еде большинство из нас вообще не нуждается, но в стародавнем способе поддержания физических сил заключено инстинктивное

удовольствие. Зачем от него отказываться?

Абу Талеб, вспомнив о последней размолвке между кулинаром и Доктором, посчитал нужным вмешаться, чтобы не допустить повторения неприятной коллизии.

— У всякого свои пристрастия, милый По. Не в пример нам, Доктор предпочитает духовную пищу. Давайте уважать его склонности.

Шеф-повар пошел на попятный.

— Я не собирался навязывать свои вкусы.

Доктор Волоспион слабо махнул рукой, давая понять, что он выше суетности.

— Мои интересы весьма специфичны, — неспешно пояснил он. — Я изучаю верования древних, а равно с этим — эзотерические науки, пытаюсь проникнуть в суть сверхъестественного, на все остальное времени не хватает.

Эдгаросердный По улыбнулся.

— С вашего позволения, я как-нибудь приготовлю кулинарное чудо, чтобы доставить вам удовольствие определить его суть.

Абу Талеб поспешно потянул шеф-повара за рукав, и оба, раскланявшись, присоединились к восторженным зрителям, все еще наслаждавшимся феерическим представлением.

Доктор Волоспион огляделся по сторонам. Заме-

тив Госпожу Кристию, он изменил свое одеяние на элегантный костюм из темно-красной тафты, отделанный серебряными позументами. Подойдя к даме, он изогнулся в поклоне.

— Восхитительная Кристия, королева моего сердца, как я исстрадался без вашей божественной красоты.

— Вы меня не обманете, Доктор Волоспион, — ответила Госпожа Кристия, тряхнув золотистыми локонами. На ней было шелковое полупрозрачное платье, а на руках красовались браслеты из живых ящериц, удерживающих лапками собственные хвосты. — У вас есть своя божественная красавица, которую вы запрятали в башне неприступного замка.

— Вам уже рассказали? — Доктор притворно смутился. — Я не мог поступить иначе. Выполняю свой долг.

— В таком случае удобно ли вам находиться рядом со мной? С моей репутацией…

— Достойной всеобщей зависти, — подхватил Доктор Волоспион и, постаравшись вложить в свой голос неимоверную страсть, пылко добавил: — Вам одной дано всколыхнуть мое сердце.

— Которое вы тут же преподнесете другой.

Изящная реплика потонула в оглушительном

грохоте: дворец Сладкого Мускатного Ока взлетел на воздух в клубах дыма и пламени. Доктор Волоспион просиял.

— Чему вы радуетесь? — удивилась Госпожа Кристия. — Разве вам не жалко погубленного шедевра?

— О, нет-нет. Дело совсем не в этом, — Доктор устремился к пожарищу, оставив королеву своего сердца в досадном недоумении, чтобы тут же и самому прийти в замешательство, сначала ощутив непонятное жжение, а затем, обнаружив, что его роскошный костюм сгорел, а он сам продолжает путь в срамном, непристойном виде, и только хор смятенных, взволнованных голосов его несколько успокоил, когда он с облегчением углядел, что та же незавидная участь постигла и всех собравшихся на лужайке.

Шуму, гулу и крикам положил конец размеренный звонкий голос. Этот голос принадлежал Огненному Шуту. Он стоял посередине лужайки, гордо откинув голову.

— Я пришел, чтобы принять поклонение, — громко возвестил он. — Я обнажил вашу плоть. Придет час, и я обнажу ваши души, — Огненный Шут оглядел толпу и внезапно сконфузился.

Когда вокруг снова запестрели одежды, он бла-

годушно продолжил:

— Теперь-то вы поняли мое предназначение?

— Вам еще не наскучили ваши выходки? — подал голос Доктор Волоспион, успевший облачиться в элегантный пурпур.

— С какой стати? Я использую опробованную методу. Она еще не подводила меня.

— Теперь подведет, — поддержала Доктора Шарлотина. Она облачилась в негорючее платье-колокол из фарфора, не забыв украсить его затейливыми цветочками. — Вам еще не удалось никого обратить в свою веру.

— Значит, потребуется больше времени, чем я полагал. Ничего страшного. Я терпелив, мадам.

— Это прекрасно, сэр, но наше терпение истощается, — вступил в разговор Комиссар Бенгалии. — Не хотелось бы говорить об этом, но такова истина, — он огляделся по сторонам. Толпа закивала. — Видите, все согласны со мной.

— В согласии истина? Вы говорите о привычном стадном согласии, в котором достаточно закоснели. Со мной вы обретете свободу духа, — Огненный Шут обвел глазами толпу. — А где моя супруга? Почему я не вижу ее? — остановив взгляд на Докторе, он гневно продолжил: — Где она? Говори!

— Мисс Минг остерегается вас, и я укрыл ее в безопасном месте.

— Ты лжешь! Мисс Минг жаждет соединиться со мной, а ты упрятал ее.

— Для ее собственной безопасности, — вставила Шарлотина. — Мисс Минг сама захотела.

— Она обманута иезуитством этого фокусника. Отдай ее мне. Я требую!

— Никогда! Я не могу пойти против совести.

— Которой у тебя нет и в помине, шакалоглазый. Знай, я освобожу Мэвис Минг из самой неприступной тюрьмы. Пусть мне не удастся спасти человечество, но ее я спасу. Чего ты хочешь? Намерен торговаться со мной?

— Торговаться? — удивленно переспросил Доктор. — Вы хотите предложить мне что-то взамен?

— Что бы ты хотел получить? Говори!

— Ничего! Я джентльмен, и не могу отдать женщину человеку, который ей угрожает.

— Разве я угрожаю мисс Минг?

— Вы перепугали бедную женщину. Она не очень умна. Чувствует себя неуверенно.

— Я придам ей уверенность, — Огненный Шут выбросил вперед руку, и на лужайке заплясали языки пламени. Гости Сладкого Мускатного Ока

сообща с удрученным хозяином сначала стали топтать траву, а затем все вместе, оставив на лужайке одного Огненного Шута, поднялись на несколько футов в воздух. — Я могу дать ей все. Вы лишили ее последних остатков гордости. Я подарю ей любовь, красоту, вечную жизнь.

— Секрет вечной жизни известен и нам, мистер Блюм, — молвила Шарлотина, едва различая Огненного Шута в густых клубах дыма.

— Это? Вот это вечная жизнь? Вы пребываете в вечной смерти. Секрет вечной жизни в подъеме духа, во вдохновении. Таких бессмертных, как вы, я уже навидался. Их жизнь иллюзорна, поскольку они бездушны.

— Так вы о душе? — пренебрежительно сказал Доктор Волоспион. — Тогда вы говорите о вовсе несуществующем.

Ответа не последовало. Огненный Шут исчез.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион и Огненный Шут вступают в переговоры

Мисс Минг не была закована в кандалы и даже не томилась в темнице, но, следуя настоятельной просьбе Доктора, не выходила из отведенных ей

комнат, обставленных по ее вкусу, чтобы скрасить невольное заточение. Поначалу она даже радовалась тому, что находится в безопасности, но скоро затосковала, почти неизменно общаясь с одними роботами, ибо Доктор Волоспион нечасто удостаивал ее своим посещением. Когда он все-таки приходил, мисс Минг спешила узнать новости о пришельце, надеясь, что бессовестный хулиган оставил грязные замыслы и покинул планету.

В очередной раз Доктор Волоспион зашел к неповинной узнице после бесстыдной выходки Огненного Шута, испепелившего архитектурный шедевр Сладкого Мускатного Ока.

— Увы, он по-прежнему здесь, — со вздохом сообщил Доктор, усаживаясь на розовый стеганый пуфик. — Правда, решимости спасти человечество у него поубавилось.

— Так он скоро уберется?

— Не думаю. Мистер Блюм не мыслит жизни без вас.

— Он остается… — мисс Минг со стоном опустилась на атласную подушку.

— Все сочувствуют вам. Поручили мне спасти мир от безумца. Я пытаюсь найти решение, но ничего дельного в голову не приходит. Может, вы

что-нибудь посоветуете?

— Я? Крошка Мэвис? Это большая честь, Доктор Волоспион, но... — мисс Минг затеребила кружева на глубоком вырезе пеньюара. — Если бессильны вы, то куда уж мне?

— А женская интуиция? Женщины обычно видят насквозь своего обожателя. А он влюблен в вас без памяти. Опять говорил о вас. Обвинил меня, что я держу вас взаперти против воли.

Мисс Минг рассмеялась.

— Надо же, против воли! Может, он собирается похитить меня? — она вздрогнула.

— Вы угадали.

— Как, всерьез?

— Он более чем серьезен. У него большие возможности.

— Что же мне делать?

Доктор Волоспион поднялся.

— Будем искать выход из положения. Постойте-ка, что это? Вон, за окном.

Доктор припал к окну. Казалось, над окружавшими замок скалами зажглась новая ослепительная звезда. Она росла на глазах, приближалась, исторгая сноп света, будто мощный прожектор. Доктор зажмурился. Рядом раздался вопль. Доктор вздрогнул и осторожно открыл глаза.

Утратившая яркость звезда обрела ясные очертания. Это был корабль пришельца!

— Он приземляется! — снова завопила мисс Минг.

Доктор принял степенный вид.

— Не отчаивайтесь. Вокруг замка мощное силовое поле. Его не преодолеть даже Огненному Шуту.

Тем временем машина совершила посадку перед преградой, испепелив стоявшие на утесах деревья и превратив ближайшие скалы в черную стекловидную массу.

— Он за мной? — мисс Минг разрыдалась. — Доктор, прогоните его.

— Сделаю все возможное, но переубедить его нелегко. Он настойчив.

— Вы хотите встретиться с ним? Может, вы убьете его?

— Убью? А как же моя коллекция? Я не хочу лишиться мессии.

— Вы опять о своем. А мне-то что делать?

— Понимаю ваше смятение. Потерпите. Думаю, все уладится.

— Уладится? — мисс Минг утерла заплаканные глаза рукавом пеньюара.

— С вашей помощью. Соберите все свое муже-

ство. Оно вам будет необходимо.

— Чем я смогу помочь?

— Скажу позднее, в подходящий момент.

— Я подожду. Лишь бы избавиться от изверга.

— Вот и прекрасно, — сказал Доктор Волоспион и оставил мисс Минг одну.

Пройдя длинными коридорами, освещавшимися чадными факелами, и поднявшись по винтовой каменной лестнице, утопавшей в таком же тусклом и мрачном свете, Доктор ступил на площадку самой высокой башни и не спеша подошел к зубчатому ограждению. Внизу высились мраморные колонны, подпиравшие пустоту, висели мосты, опиравшиеся на воздух, плавали купола, покрывавшие пустое пространство. В самом низу, на земле, стоял корабль пришельца.

— Итак, вы осадили мой замок, — крикнул Доктор Волоспион.

Ему ответило только эхо, отразившееся от скал, уцелевших после приземления корабля, да неожиданный порыв ветра, разметавший полы его плаща.

— Предупреждаю вас, сэр, мисс Минг под моей защитой, — снова крикнул Доктор Волоспион.

Внезапно раздался скрип, и люк корабля открылся. Из машины полыхнуло огнем. Когда

пламя погасло, из люка медленно выполз трап. Как только он коснулся остекленевших камней, на его верхней ступеньке появился Огненный Шут.

На нем был ярко-красный колпак, полосатый пурпурно-желтый жилет, панталоны — одна штанина зеленая, другая оранжевая — и мягкие туфли с бубенчиками: оранжевая на зеленой ноге и зеленая — на оранжевой. Лицо Огненного Шута было раскрашено и походило на маску архаичного клоуна.

— Освободи женщину! — крикнул он.

— Она вас боится и даже просила убить, — невозмутимо ответил Доктор Волоспион.

— Не удивляюсь. Как всякого смертного, ее ужасает возможность получить истинную свободу. Но сейчас речь не об этом. Повелеваю тебе оставить мисс Минг в покое и более не стоять между нами.

Дергаясь и размахивая руками, Огненный Шут сошел вниз.

— Отключи силовое поле! — гаркнул он во все горло.

— Не могу.

— Я приказываю!

— Мои обязательства перед мисс Минг…

— Ничего не стоят. Ты это отлично знаешь. Тебя занимают только собственные дела. Ты живешь для себя и потому настоящей жизни никогда не познаешь.

— Мистер Блюм, вы наделили каждого ролью, прежде всего, себя, а затем мисс Минг и меня. Но у вас больное воображение. Позволю себе совет: найдите себе другую обитаемую планету или умерьте свои амбиции. Ваши карнавальные представления надоели.

— Я более не намерен терпеть твое лицемерие. Отключи силовое поле и отведи меня к Мэвис Минг.

— Она ненавидит вас.

— Твои представления о ее чувствах меня не интересуют. Я сам поговорю с ней.

— Она скажет вам то же самое.

— Ее голос, но не душа.

— Нам больше не о чем разговаривать, — Доктор Волоспион отвернулся, но, услышав оглушительный грохот, снова посмотрел вниз.

Силовое поле было в огне. Доктор повернул Кольцо Власти. Пламя погасло, а вдоль силового поля выросла ледяная, пропускавшая свет стена. За ней маячил силуэт Огненного Шута.

— Если мы и дальше станем играть в бирюльки,

то только истощим запасы энергии, — холодно сказал Доктор. — Я, пожалуй, пущу вас в замок, если вы дадите слово не применять силу.

— Я действую убеждением, а не силой.

— Так вы даете слово?

— Даю, — Огненный Шут ударил кулаком в стену. Посыпались осколки, и он шагнул в образовавшееся отверстие. — Видите, для меня не существует преград.

— Ах, в самом деле… — Доктор казался сконфуженным, но в его глазах можно было заметить опасный блеск.

— Я увижу мисс Минг? — спросил Огненный Шут.

— Немного терпения, я предупрежу леди. Вы отобедаете со мной?

— Готов на все, лишь бы уйти отсюда с мисс Минг.

— Помните, вы дали мне слово.

— Я всегда верен данному слову, — ответил Огненный Шут, выпятив грудь.

Доктор Волоспион повернулся и направился к лестнице.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион знакомит Огненного Шута со своими коллекциями

Мисс Минг сидела на атласной подушке, бледная, с трясущимися губами.

— О, вы предали меня, Доктор, — простонала она.

— Предал? — Доктор Волоспион вскинул брови. — Ничего подобного. Я выполняю свой план, но мне нужна ваша помощь. Прошу вас, проявите артистические способности. Дайте понять Огненному Шуту, что вы не прочь уступить ему. Это обернется в вашу же пользу.

— Вы готовите ему ловушку?

— Скажу только, что скоро вы вздохнете спокойно.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— А я боюсь, что не справлюсь с ролью.

— Я буду рядом и поддержу вас. А сейчас одевайтесь, мы будем вместе обедать.

— Обедать? Вы же никогда не едите.

— Обед — составная часть плана, — пояснил

Доктор и направился к двери.

Мисс Минг остановила его.

— Мне кажется, мистер Блюм не очень умен.

— Думаю, так и есть.

— Не чета вам.

— Вы очень любезны.

— Уверена, вы обведете его вокруг пальца.

— Меня вдохновляет ваша уверенность, — ответил Доктор и вышел.

Мисс Минг тяжко вздохнула и понуро поплелась к гардеробу. Надев вечернее платье из зеленого и пурпурного шелка, она подошла к настенному зеркалу. Растрепанные волосы и заплаканные глаза привели к новому вздоху. Однако, вспомнив о твердом обещании Доктора урезонить Огненного Шута, она немного приободрилась.

— Выше нос, Мэвис, — прошептала мисс Минг. — Скоро всему конец. Ты снова сможешь повсюду бывать. Если ты справишься с ролью, все будут благодарны тебе не меньше, чем Доктору. Ты сделаешься уважаемой особой.

Придя к этой утешительной мысли, мисс Минг занялась собой, и в скором времени (не станем уточнять этот срок) на ее плечах заиграли золотистые локоны (немного завивки), на щеках

вспыхнул румянец (в меру румян), глаза распахнулись (тушь для ресниц, без излишка), а синева ее взгляда стала неотразимой. Приколов к платью нежную орхидею, надев серьги, браслеты, бриллиантовое колье и покрутившись (чуточку) перед зеркалом, мисс Минг заключила:

— Теперь ты можешь сидеть за одним столом с императором Африки.

Довольная собой, мисс Минг вышла из комнаты. Перед ней лежали длинные коридоры. Во всех коридорах горели редкие факелы, создававшие таинственную игру мрака и света, неизменно леденившую душу, хотя Доктор и толковал, что этот призрачный тусклый свет создает настроение.

Преодолев безотчетный страх, мисс Минг вошла в зал, огромный и сумрачный, отведенный радушным хозяином для приема гостей. За длинным столом друг против друга сидели Доктор Волоспион и Огненный Шут, которым прислуживали бесшумные роботы. В зале голубовато-мертвенным светом горели архаичные люминесцентные лампы. Они гудели и беспорядочно вспыхивали. В помещении был и камин, в котором не менее архаичные лампочки имитировали горящие угли, но он лишь выхватывал из темноты мрачную фигуру сидевшего к нему

спиной хозяина замка. Над камином на каменной шероховатой стене висел портрет Доктора, изображенного во весь рост.

При виде вошедшей дамы мужчины поднялись из-за стола.

— Мадонна! — выдохнул Иммануил Блюм.

— Добрый вечер, мисс Минг, — Доктор Волоспион поклонился.

— Добрый вечер, джентльмены, — ответила Мэвис Минг, едва справляясь с волнением. — Рада видеть вас, мистер Блюм.

Огненный Шут смутился и уткнулся в тарелку.

Мисс Минг не лез кусок в горло. Сев за стол, она только делала вид, что ест, как, впрочем, и Доктор. Несмотря на его пояснения, она не могла понять, зачем такой интеллигентный, здравомыслящий человек снисходит до приватного общения с психопатом, который того и гляди разразится идиотическим монологом. Однако ее опасения оказались напрасными: Огненный Шут, похоже, даже не помышлял о зажигательной речи, а разговор за столом, хотя и не носил идиллического характера, но и не обещал вылиться в бурное столкновение.

— Вы все об идеалах, — услышала Мэвис снисходительный голос Доктора, — а я смотрю на

вещи реально, хотя порой и восторгаюсь уловками, придающими значимость стремлениям человека.

— Уловки — это по вашей части, ибо вы черствы и безнравственны, — ответил Огненный Шут. — Вы не способны верить в прекрасное, да и вообще не верите ни во что.

— А зачем? Миллионы людей отдали жизнь за веру, по существу отличную от других только частностями. Не глупо ли?

— Клоуны, да и только. Вроде меня.

Доктор опешил.

— Вы согласны?

— Клоун плачет и смеется, знает радость и горе, а иные в этом проявлении чувств видят лишь шутовство.

— Зеленого горошка? — прощебетала мисс Минг.

Огненный Шут кивнул.

Подождав, пока гость насытится, Доктор благожелательно улыбнулся и предложил:

— Пожалуй, вам пора взглянуть на мою коллекцию, собрание культовых и религиозных святынь.

Он ткнул пальцем в сторону пола.

— Там, под нами.

— Не сомневаюсь, все они мне знакомы, — ответил Огненный Шут. — Что вы собираетесь доказать?

— Что вы отнюдь не оригинальны.

— И на этом сомнительном основании вы предложите мне покинуть планету?

Доктор всплеснул руками.

— Вы читаете в моей душе, как по писаному.

— Хорошо, я ознакомлюсь с вашей коллекцией, я любопытен. Но что касается моей оригинальности…

— Вы сами ее оцените, ознакомившись с экспонатами.

— Мисс Минг пойдет с нами?

— О, с большим удовольствием, — ответила Мэвис Минг, содрогнувшись. Она однажды видела коллекцию Доктора и иначе, как с омерзением, не вспоминала о ней.

— Моя коллекция лучшая во Вселенной, предмет зависти на Земле, — продолжил Доктор Волоспион. — Она наглядно показывает, что вашим путем прошло немало миссионеров. Среди них были и спасители человечества. Повторяю: вы не оригинальны, — Доктор изловчился и наколол на вилку горошину. По его довольному виду мисс Минг неожиданно поняла, что осмотр

коллекции — главная часть хитроумного плана Доктора. — Скажу больше: все спасители прошлого неизменно находили удобный, а зачастую и весьма изящный предлог для осуществления замысла. Вы же действуете прямолинейно, без гибкости.

Огненный Шут не выдержал, поднялся со стула, птичьей походкой прошествовал вдоль стола и возвратился на место.

— Уловки не для меня! Вонзай когти и клюв в хребет! Требуху — на свалку истории! Пусть ею питается воронье. Орел берет то, что хочет, и сколько хочет, — Огненный Шут остановил взгляд на мисс Минг. — Мадонна, отрешись от условностей. Покинем вместе эту планету. Ей не нужны высокие идеалы. Тебе одной преподнесу все дары.

— Вы очень добры, мистер Блюм, — ответила Мэвис Минг сдавленным голосом.

— Мы еще вернемся к разговору о ваших дарах, — сказал Доктор Волоспион, — а сейчас, сэр, нам, пожалуй, пора.

Все трое поднялись из-за стола.

Мисс Минг уныло поплелась сзади, все же рассчитывая на то, что ее роль и дальше не будет слишком обременительной. Доктор Волоспион

— великодушный, сострадательный человек, а последнее время — сама обходительность. Хотя это и настораживало. Печальный опыт подсказывал: если кто-то с тобой чрезмерно любезен, держись от него подальше.

Эти невеселые размышления сменились более прозаической мыслью: как бы не сломать шею. Свою коллекцию Доктор держал в подземелье, куда вели тускло освещенные лестницы и не менее темные коридоры. На лестнице больше двух-трех ближайших ступенек было не разглядеть.

— У вас небогатое воображение, Доктор Волоспион, — заметил Огненный Шут. — Всюду мрак.

— Я не ищу разнообразия, в отличие от большинства обитателей Края Времени. Чту простоту. В этом мы с вами схожи.

Мистер Блюм открыл было рот, чтобы несомненно опровергнуть мерзостное сравнение, но его остановили тихие слова Доктора, вставшего у обитой железом двери:

— Мы пришли.

Доктор Волоспион распахнул дверь, и перед взором Огненного Шута предстал огромный, хорошо освещенный зал с высоким сводчатым потолком. По всему помещению тянулись длинные, терявшиеся у дальней стены ряды шкафов,

стеллажей, витрин.

— И что же представляет из себя ваша коллекция? — спросил, моргая на свету, Огненный Шут.

— Собрание культовых и религиозных святынь, — напомнил Доктор Волоспион и с довольством добавил: — Претендует на полноту: экспонаты со всей Вселенной, — он взглянул на Огненного Шута, но по его раскрашенному лицу, увы, невозможно было определить, насколько он потрясен яркой характеристикой собранных раритетов.

— В коллекции только подлинники, — добавил Доктор Волоспион и подошел к маленькому столу, на котором пылился кусочек кожи с остатками перьев.

Благоговейно взяв лоскут в руки, Доктор спросил:

— Можете ли вы, мистер Блюм, умудренный опытом путешествий во времени и пространстве, сказать, что это?

Огненный Шут вытянул шею.

— Останки птицы? Возможно, курицы?

Доктор снисходительно улыбнулся.

— Это все, что осталось от Йока, Спасителя Шаки, основателя религии четырнадцати звездных систем и восьмидесяти планет, существовавшей

семь тысячелетий и побежденной другой религией. Эту реликвию мне передал последний живой последователь Спасителя. Он считал себя хранителем святыни и распространял учение своего духовного наставника в иных мирах, на других планетах, пока не достиг Земли. Теперь он мой гость. Скоро вы его увидите.

Мисс Минг тайком улыбнулась. Ее осенило: она поняла замысел Доктора.

— Ага, — буркнул Огненный Шут. — А что здесь? — он подошел к одной из витрин.

— Оружие, — пояснил Доктор Волоспион. — То самое энергетическое ружье, из которого был убит Марчбенкс, Марсианский Мученик, основатель Культа Кенгуру, которому начали поклоняться в двадцать пятом столетии. Позже на смену этому культу пришел атеизм. Такие перемены довольно часты, а, в сущности, между религиозными и атеистическими догмами невелика разница. Вам это в диковинку, мистер Блюм?

Огненный Шут фыркнул.

— В диковинку? Да я кладезь знаний. Не путайте меня с невеждами, Доктор Волоспион. Не раздражайте меня. Мне ничего не стоит уничтожить вашу коллекцию.

— Вы угрожаете?

— Угрожаю? — Огненный Шут снял колпак и запустил пальцы в рыжие космы. — Я держу слово. Но не забывайтесь и вы.

Пропустив мимо ушей неуместное пожелание, Доктор Волоспион вкрадчиво произнес:

— По моему разумению, уничтожить мою коллекцию вам сейчас не под силу, если только это вообще возможно. Между замком и вашим космическим кораблем пролегает ряд силовых полей, а, насколько я понимаю, источник вашей силы — корабль, что бы вы ни говорили о силе духа.

— Все верно, — беззаботно ответил Огненный Шут. — Чем еще можете удивить?

— Что желаете посмотреть? Колесо от колесницы Кришны? Зуб Будды? Саблю Магомета? Бутылку Бантера? Священную корону Кеннеди? Ноготь Гитлера? — Доктор постучал по ящику с перламутровой инкрустацией. — Все это здесь. А там, — он махнул рукой в сторону, — Грааль, палец Карла Маркса, коленная чашечка Мао Цзе Дуна, мумифицированное яичко Хеффнера, скелет Малук Хана, язык Сухулу. Дальше — набедренная повязка Фил-па, салфетка Ксиомбарг, лоскут от одеяния Теглардина. В моей коллекции монеты Бибб-Нардропа, серебряные жезлы

Ир-Ира, полотенца Ича, да и чего только нет. Впрочем, за небольшим исключением, одни тряпки и кости. Это все, что осталось от прежних цивилизаций.

Огненный Шут двинулся по проходу, рассматривая коллекцию.

— Доктор, может, пора заканчивать, — шепнула мисс Минг, воспользовавшись благоприятным моментом, — а то у меня прямо мороз по коже. Такое ощущение, будто в морге находишься. Не хочу вас критиковать, Доктор Волоспион, но зачем такому интеллигентному человеку такое странное хобби? Наверное, для исследований? Конечно, без них нельзя. Вот и Донни Стивенс тоже исследовал: препарировал обезьян. Начнет рассказывать, прямо затыкай уши… Доктор, когда мы уйдем отсюда?

Доктор Волоспион не успел ответить, его опередил Огненный Шут.

— Вы говорите, тряпки и кости? Не сказал бы. Если эти святыни подлинные, они могли служить для возжигания духа.

— Вы сомневаетесь в подлинности реликвий?

— Это не имеет значения.

Доктор Волоспион пришел в заметное возбуждение.

— Зато имеет значение для меня. В моей коллекции нет подделок.

— Оказывается, и вы не лишены веры, — Огненный Шут растянул рот в улыбке.

— Не лишен веры? Если вы говорите о моей вере в коллекцию, в ее несомненную подлинность, то вы правы. Отличить оригинал от фальшивки для меня не составляет труда. Я верю в свое чутье. Впрочем, пойдемте дальше. Я покажу вам зверинец.

— Вы говорили, что среди ваших реликвий — Грааль. Можно взглянуть на чашу?

— Если вы хотите, пожалуйста. Она у дальней стены на стеллаже красного дерева, между гермошлемом Жиссарда и поясом Панжита.

Огненный Шут прошествовал к стеллажу. На одной из полок, под силовым куполом, поблескивала золотая чаша, в которой бурлила красноватая жидкость. Он мельком взглянул на чашу и отошел.

— Хороша? — спросил Доктор с самодовольной улыбкой.

Иммануил Блюм усмехнулся.

— Чутье подвело вас, Доктор Волоспион. Это фальшивый Грааль.

— Фальшивый? — владелец коллекции чуть не

подпрыгнул от удивления.

— Вот именно, — ответил Огненный Шут и направился к выходу.

Доктор остановил его, ухватив за рукав.

— Вы, наверное, полагаете, что Грааль — плод фантазии рыцарей из Эпохи Рассвета. Такая точка зрения существует, но она неверна. Грааль реален, и сейчас украшает мою коллекцию.

— Я не сомневаюсь в существовании Грааля. Но скажите, если чаша у вас, почему именно вы обладаете этим чудом?

— Вас зачастую трудно понять, мистер Блюм. Грааль у меня, и этим все сказано. Впрочем, могу дать пояснение. Эту чашу мне передал один из путешественников во времени, который посвятил всю жизнь поискам раритета и случайно обнаружил его в одном из наших увядающих городов. К несчастью, став моим гостем, он наложил на себя руки. Люди, одержимые одной-единственной страстью, часто безумны. Так вот, этот странник во времени перевидал немало подделок, а за подлинность этой чаши ручался. Как не верить свидетельству человека, потратившему всю жизнь на поиски чаши и принявшему смерть, когда поиски завершились?

— Он, может, думал, что Грааль вернет его к

жизни. У этой чаши много чудодейственных свойств. Но только у подлинной.

— Мой Грааль подлинный. Тот человек не мог ошибиться.

— Выходит, к лучшему, что он умер, — Огненный Шут молитвенно сложил руки. — Жаль было бы его разочаровывать. Чаша даже не является хорошей копией.

— Вы *лжете*! Мой Грааль не подделка! — гаркнул Доктор Волоспион. Выпалив эти слова, он овладел собой. На его бледном лице не осталось никаких признаков возбуждения. Помолчав, он заговорил ровным голосом: — Вам ли судить о Граале? Вы рядитесь в тогу великого просветителя, а на поверку ваши речи смешны, а поступки бессмысленны, несуразны. Вам больше к лицу сегодняшняя одежда. Вы — шут, мистер Блюм.

— Я — Огненный Шут, а ваша чаша — подделка.

— Откуда вы знаете? — голос Доктора дрогнул.

— Все очень просто: я — Хранитель Грааля. А если сказать точнее, Грааль удостаивает меня своим появлением.

Доктор слегка опешил и, откинув голову, долго смотрел на Огненного Шута с изумлением во взгляде.

— Как это? — наконец выдавил он.

— Вы, должно быть, не знаете, что лишь люди с просветленным духом, не ведающие грехов, могут видеть Грааль и только такие, как я, способны постичь веру Иосифа Аримафейского, доставившего Грааль в Гластонбери. Несколько веков я впитывал эту веру, и только после того, как тьма для меня стала светом, Грааль явился моему взору.

Лицо Доктора перекосилось от непомерного удивления, щеки дрогнули, ноздри раздулись. Заметив необычное выражение на лице покровителя, мисс Минг поспешила вмешаться, хотя для этого ей пришлось выйти из образа:

— Не слушайте его, Доктор. Он просто-напросто шарлатан.

Доктор молчал, затем неожиданно встрепенулся и, подняв глаза на Огненного Шута, глухо спросил:

— Чем вы можете доказать, что ваш Грааль подлинный?

— Тем, что он живет своей жизнью, а не пылится на полке, как ваша чаша. Грааль сам выбирает себе Хранителя, является лишь тому, чья вера воистину абсолютна.

Доктор Волоспион погрузился в раздумье. Его

лоб покрылся блестящими капельками испарины.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Огненный Шут подошел к мисс Минг.

— Не трогайте меня, мистер Блюм, — заголосила она, отпрянув.

— Я и не собираюсь. Вы сами ко мне придете.

— Вы думаете, я сама… — мисс Минг растерянно посмотрела на Доктора. Тот сохранял неподвижность.

— Вижу, вы еще непокорны, — продолжил Огненный Шут. — Вот она, гордость женщины. Я намеревался покорить мир, а сейчас готов отступиться от притязаний и овладеть лишь тобой, Мэвис! Мэвис! Твое имя, что музыка! Королева Мэвис, Колдунья Мэвис, Светозарная Мэвис! Я с нетерпением жду тебя. Ты отыщешь меня в Огне, и в Огне мы соединимся на веки вечные.

Мисс Минг смутилась, ее глаза неожиданно затуманились, губы дрогнули. Не вызывало сомнения, что этот раскрашенный человечек с насмешливо-печальным лицом совершенно искренен, а его слова идут из глубины души, в отличие от пустых комплиментов, которыми ее порой награждали мнимые воздыхатели. Из постыдного замешательства ее вывел Доктор

Волоспион, обратившийся к Огненному Шуту:

— Вы, полагаю, не держите Грааль при себе.

— Конечно, нет. Он является, когда я взываю к нему.

— И вы можете его призвать?

— Во время медитации.

— Может, займетесь ею сейчас? Вы бы доказали свою правоту.

— На медитацию надо настроиться. Сейчас я не ощущаю подъема духа.

— А сейчас чаша на корабле?

— Грааль бывает там. Так будет вернее.

— Бывает?

— Я же вам объяснял, Доктор Волоспион, и, по-моему, вразумительно. Грааль появляется и исчезает по своему усмотрению, но человек, познавший абсолютную веру, может вызвать его силой духа.

— Вы намеренно мутите воду.

— Вы попросту непонятливы, Доктор.

— Так просветите меня.

— Я и пытаюсь, но без толку. Вы бездуховны. Что проку вразумлять труп?

— Вы наносите тяжкие оскорбления, мистер Блюм, и без всякого повода, — Доктор гневно сверкнул глазами и в упор посмотрел на Огнен-

ного Шута.

Заметив непозволительное обострение обстановки и нимало не сомневаясь, что если начинание Доктора закончится неудачей, она одна окажется виноватой, мисс Минг поспешила напомнить:

— Доктор Волоспион, вы обещали мистеру Блюму показать зверинец.

— И в самом деле, — Доктор сардонически улыбнулся. — Мистер Блюм, вы получите удовольствие.

Огненный Шут благосклонно махнул рукой.

Зверинец представлял из себя огромный подземный зал, утопавший в мутно-красноватом свете череды факелов, укрепленных в железных скобах по его стенам. От двери через все помещение шла дорожка, а по обеим ее сторонам тянулись вместительные вольеры, огороженные решеткой. В вольерах, как рассказал воодушевившийся Доктор, содержались приверженцы самых разных культов и верований.

— Здесь христиане и кришнаиты, — самодовольно пояснил он. — Дальше: мусульмане, марксисты, иудеи, буддисты, конфуцианцы, суфии, синтоисты, неосинтоисты, синтоисты-реформаторы, научные синтоисты. Еще дальше:

антропософисты, спермопоклонники, последователи Пяти Лунных Дьяволов, приверженцы Меча и Коня, поклонники Небесного Камня. По другую сторону — шкурочники Ду-Эн, каллиграфисты-пророки, нюхальщики Травы Бетельгейзе, нюхальщики Травы Альдебарана, нюхальщики Земных Трав, фрексианцы — антинюхальщики Трав, — Доктор хвастливо взглянул на Огненного Шута. — И, конечно, все живут в привычной среде обитания. Им созданы все условия для поддержания физических и творческих сил. Иногда им предоставляется возможность проповедовать свои взгляды.

Доктор Волоспион повернул Кольцо Власти и подал команду:

— Звук!

Помещение наполнилось шумной разноголосицей. Пророки пророчествовали, проповедники проповедовали, мессии возвещали о скором пришествии, спасители наставляли на путь истинный, архиепископы стращали Армагеддоном, священники, имамы и раввины молились, друиды призывали приносить жертвы.

— Достаточно? — спросил Доктор.

Огненный Шут кивнул. Доктор дотронулся до Кольца, и шум стих.

— Ну, как, мистер Блюм, велико ли различие между их поучениями и вашими?

Огненный Шут не ответил. Он пожирал глазами мисс Минг, снова приводя ее в замешательство. Ее щеки залила краска смущения, поглотившая наложенные румяна. Сконфузившись, мисс Минг повернулась к решетке и с деланным интересом стала разглядывать улиткоподобное существо, выходца из далекого мира в центре галактики.

Оставив попытку добиться взаимности, Огненный Шут вспомнил о Докторе.

— Так вы о различии? Не сомневаюсь, различие существует, но я уважаю чужие взгляды. Только этим жалким созданиям не хватает полета мысли. Они лишены присущей мне дерзости и, полагаю, чистоты помыслов.

— Думаю, они с вами не согласятся.

— А почему вы их держите взаперти?

— Они и так счастливы.

— Счастливы за решеткой? Нам больше не о чем разговаривать, Доктор Волоспион. Я забираю мисс Минг и возвращаюсь вместе с ней на корабль. Мэвис, пойдем.

Мисс Минг обернулась и растерянно посмотрела на Доктора.

— Этот труп тебе не указ! — воскликнул Ог-

ненный Шут. — Я сам стану твоим наставником. Мой долг — вырвать тебя отсюда. Со мной ты обретешь чувство собственного достоинства.

Мисс Минг совсем растерялась. Прижав руки к груди и не зная, что делать и говорить, она то бросала смятенный взгляд на Огненного Шута, то потерянно смотрела на Доктора.

— Пойдем, Мэвис! — повторил Огненный Шут.

— Мне не выйти из замка, да и вам тоже, — пролепетала она.

— Любовь моя! Для нас не существует преград! — Огненный Шут схватил мисс Минг за руку.

— Доктор Волоспион! — вскрикнула она, отшатнувшись.

— Навязываться даме не к лицу джентльмену, — холодно бросил Доктор. — Не забывайте о своем обещании.

— Я же не применяю насилия.

— Да он держит, не отпускает меня! — заголосила мисс Минг. — Мне не вырваться, Доктор Волоспион!

И тут она задрожала, внезапно почувствовав эротическое влечение. Дыхание сбилось, во рту пересохло, ноги подкашивались. И все же она простонала:

— Нет!

— Вы у меня в гостях, мистер Блюм, — напомнил Доктор Волоспион. — Не забывайте об этом.

— В гостях? Более нет. Мы уходим, Мэвис?

— Я… я… — мисс Минг продолжала сопротивляться, борясь с постыдным желанием уступить.

— Мистер Блюм, вы имели возможность покинуть эту планету, но не пожелали ею воспользоваться, — сказал Доктор Волоспион. — Теперь вы останетесь здесь навсегда.

— С какой стати?

— Вы уверяли нас в своей уникальности. Не скажу за других, но я согласен с такой оценкой.

— Вы это к чему?

— Чтобы обрадовать вас. Я оставляю вас у себя. Вы станете украшением моего зверинца, — Доктор победоносно взглянул на Огненного Шута.

— Что? Мое могущество! Где ты? — Огненный Шут картинно взмахнул руками, но был ли этот мелодраматический жест проявлением внезапного потрясения или просто рисовкой, мисс Минг так и не поняла, а Доктору, упивавшемуся победой, было не до эмоций поверженного соперника.

— Вам должно у меня понравиться, — добавил Волоспион со смешком. — Сможете проповедо-

вать, сколько душе угодно. К тому же, вы найдете здесь оппонентов, а в споре рождается истина.

— Мое могущество превосходит ваше, — спокойно ответил Огненный Шут.

— Вас сейчас отделяет от корабля дюжина мощных силовых полей. Без источника энергии вы беспомощны. Вам отсюда не выбраться.

— Выберусь. Вы, верно, так и не поняли природу моей силы. Ее питают не аппараты, а дух, вдохновение. А источник вдохновения в корабле, соглашаюсь.

— Это Грааль?

Огненный Шут кивнул.

— Так призовите его на помощь.

— Зачем? Вам не по силам упрятать меня в темницу.

— О какой темнице вы говорите? — Доктор всплеснул руками. — Вы получите все, что только ни пожелаете. Вам будет создана благоприятная среда обитания. Вы даже сможете перемещаться в пространстве, иллюзорно, конечно. Считайте, что вы уходите на заслуженный отдых.

— Ваши насмешки вульгарны, а сами вы обманщик и интриган, типичный представитель жуликоватых попов пятого тысячелетия, вместе с которыми предавались пороку.

— Откуда вы узнали о моем происхождении? — вскричал Доктор Волоспион. — Это тайна.

— От Солнца нет тайн, — ответил Огненный Шут. — Солнцу известно все. Оно, быть может, старо, но память его ясна. Не то что у ваших увядающих городов.

— Не путайте меня своими иносказаниями. Откуда вы знаете?

— Вас выдают жесты, манера вести беседу.

— Это Грааль? Он помогает вам?

— Орел парит высоко над миром. Его омывают потоки света, а свет — это кладезь истории. Я вас знаю, Доктор Волоспион. Знаю как негодяя. Это известно мне так же хорошо, как и то, что мисс Минг — богиня. Опутанная цепями условностей, безнравственная, и все же богиня.

Доктор язвительно рассмеялся.

— Вы действительно шут, мистер Блюм. Никакая, даже абсолютная вера не позволит превознести мисс Минг до небес. Она далеко не ангел.

Мисс Минг не обиделась.

— У меня свои достоинства, — сказала она. — Стараюсь делать людям добро, а им это не нравится. Лезла из кожи вон, чтобы помочь Дафниш Арматьюс, а что из этого вышло? Не спорю, я могла быть эгоистичной. Но все это давно бы-

льем поросло. Что было, то было. Других легко осуждать.

— Не бойся, Мэвис, — отозвался Огненный Шут. — Во мне Пламя Жизни. Я несу факел одухотворения и плеть, изгоняющую дьяволов. Моя броня — вера, знание, милосердие. Я — Солнечный Солдат, Хранитель таинств Светила. Доверься мне, и ты наполнишься жизнью.

Мисс Минг разрыдалась.

— Пойдем, Мэвис, — мягко сказал Огненный Шут.

Она подняла глаза. Ей улыбалась маска, сочувственно и печально.

— Вам не выйти отсюда, — напомнил Доктор Волоспион.

Огненный Шут повернулся к Доктору. Его маленькое тело подергивалось, пальцы судорожно сжимались и разжимались, и даже огненный хохолок, казалось, пришел в движение. Изогнувшись, он нацелился в Доктора.

— Ах, Волоспион, мне следовало предать тебя смерти. Но как можно умертвить мертвеца?

— Может, и так, мистер Блюм. Но этому мертвецу по силам пленить живого, — губы Доктора сложились в насмешливую улыбку.

Огненный Шут протянул мисс Минг руку. Она

отшатнулась и вскрикнула:

— Доктор, остановите его! Ради Христа!

Доктор Волоспион повернул Кольцо, и Огненный Шут оказался в клетке. Он метнулся туда-сюда, а затем, как бы обреченно махнув рукой, уселся на пол и скрестил ноги. Потом поднял широко распахнутые голубые глаза. Казалось, он был смущен. Доктор Волоспион ухмыльнулся.

— И это орел? Феникс? Нет, самый обыкновенный воробей.

Огненный Шут не удостоил его ответом. Он обратился к мисс Минг:

— Освободи меня, и ты сама обретешь свободу.

Мисс Минг пожала плечами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион просит мисс Минг о помощи

Мисс Минг вскрикнула и проснулась в холодном поту. Опять тот же кошмарный сон! Ей снилось, как рука Огненного Шута, сделавшаяся непомерно огромной, медленно, угрожающе тянется к ней, стараясь подавить само желание выскользнуть из ее растопыренных пальцев с выпущенными когтями.

— О, господи, — простонала страдалица и вздрогнула, на этот раз вспомнив о посещении подземелья. — Маленькое злобное существо! — прошептала она. — Такого страху натерпелась, как никогда. Донни, и тот был помягче. Можно было отделаться синяком. А этому клетка самое подходящее место. Сам виноват. Если бы не Доктор, так он бы меня изнасиловал. С него сталось бы. А что он наговорил? Как вспомнишь, мурашки по телу бегают.

Мисс Минг спрятала голову под подушку.

— Надо быть посмелее. Все не верится, что я в безопасности. Вот наберусь храбрости, взгляну на этого молодца. Может, и полегчает. Из клетки ему не вырваться. Поначалу сама сидела… А Доктор тоже хорош. Все толкует, что у этого проходимца настоящая пламенная любовь. А вчера что он мне предложил? Утешить этого мозгляка прямо в клетке, на глазах у пророков. Это мне-то, приличной женщине. Пусть сам его утешает, недаром не вылезает из подземелья. Может, он влюбился в этого Блюма?

Мисс Минг вынула голову из-под подушки, откинула простыню, опустила ноги с кровати и включила настольную лампу в виде обнаженной нимфы, утопающей в лепестках бледно-голубой

розы. Потом поднялась и подошла к зеркалу.

— О, выгляжу отвратительно. Все из-за этого чудовища. О, Мэвис, вечно тебе достается!

Чтобы поднять настроение, она загадочно улыбнулась, сумев повторить, казалось, неподражаемую улыбку Барбары Стенвик, которую та дарила восторженным зрителям, валом валившим на фильмы с ее участием в далеком двадцать первом столетии. (Эту улыбку мисс Минг долго тренировала, но тяжкий труд не оправдал ожиданий).

Настроение не улучшалось.

— О, если бы возвратиться в прошлое, к примеру, в двадцатый век, — вздохнула она. — Тогда жилось проще и веселее. Какой была дурой, когда обрадовалась, узнав, что первой отправлюсь в будущее. Конечно, то была большая честь: моя кандидатура оказалась вне конкуренции. Все сотрудники департамента были «за». Видно, очень меня любили.

Но и воспоминания о прошлом не принесли душевного равновесия. Мисс Минг провела рукой по затылку.

— Кажется, опять мигрень. И все из-за этого психопата. И зачем только Доктор оставил его у себя! Теперь никаких нервов не хватит. Боже,

какая пытка! Мне не лучше, чем этому заморышу в подземелье.

Горестное размышление прервал стук в дверь.

Мисс Минг оживилась, накинула пеньюар и, дав разрешение нарушить ее скорбное одиночество, улыбнулась улыбкой Барбары Стенвик.

В дверях появился Доктор Волоспион. В черно-белом камзоле и с мрачным выражением на лице, он походил на сатанинского Гамлета.

— Вы не спите, мисс Минг? Я проходил, слышу голос… — на загадочную улыбку он не обратил никакого внимания.

— Болтала сама с собой. Голова разболелась, вот и захотелось отвлечься. — Доктор обычно легко снимал головную боль, и настроение мисс Минг поднялось. — Глупую крошку Мэвис опять мучили кошмары.

— Горюете?

— Как можно? В моей веселенькой комнате? В вашем бесподобном дворце? Крошке Мэвис и не снились такие удобства. Здесь прямо рай. Правда, этот ужасный мистер Блюм…

— Вижу, вы до сих пор боитесь его. Напрасно. Из клетки ему не вырваться. Мое могущество превосходит его возможности. Мистер Блюм утомителен, но не опасен.

— Вы его выпустите?

— Так бы и поступил, если бы был уверен, что он покинет планету. Он не так занимателен, как я считал поначалу. А если бы он отдал мне Грааль, из которого черпает силы, то отпустил бы немедленно. Но он ни в какую.

— Так заберите сами эту посудину.

— Не могу. Вокруг его корабля мощное силовое поле. Вся надежда на вас.

— На меня? — мисс Минг растерялась.

— Вы мне уже помогли. Без вас он бы не попался в ловушку, — Доктор тяжко вздохнул. — Только что был у него. Предлагал свободу в обмен на Грааль, а он разразился пламенной речью о своем великом предназначении.

— Вы очень расстроены, Доктор Волоспион, — сочувственно сказала мисс Минг. — Никогда вас таким не видела. Бывают же люди, из-за которых все идет кувырком. Уж лучше пусть сидит за решеткой. Ему же спокойнее. Он ведь ущербный, а, значит, с повышенными запросами. Сексуальный маньяк, как пить дать.

— Думаю, вы ошибаетесь. Я предлагал ему женщин, настоящих красавиц, а он твердит, что ценит только вашу бесподобную красоту, озаряемую светом вашей утонченной души.

— Вот как? — недоверчиво сказала мисс Минг. — Он ненормальный. С мужчинами такое случается. Донни тоже был с придурью, но зато мог доставить женщине удовольствие. А этот — настоящий заморыш. Все его мужское достоинство наверняка с гулькин нос. А?

— Как ваша голова, мисс Минг?

— Ах, да, — она опять коснулась затылка. — Почти прошла.

— Вот и прекрасно. Вам предстоит новое испытание. Мистер Блюм жаждет видеть вас. Не говорит ни о чем другом.

— О, Боже! — мисс Минг покачала головой. — Нет, и не просите. С тех пор, как он здесь, я потеряла покой. Даже выспаться как следует не могу.

— Как я вас понимаю.

Мисс Минг растаяла. Нашлась-таки отзывчивая душа. Да и в словах Доктора сквозила печаль. Он казался несчастным.

— Не надо огорчаться, Доктор Волоспион. Перемелется — мука будет.

— Мне нужен Грааль. Меня обуревает желание иметь эту чашу в своей коллекции. И не могу отделаться от мысли, что меня водят за нос.

— Вы такой умный. Разве вас проведешь? А

зачем вам Грааль?

Доктор нахмурился. Мисс Минг смешалась.

— Простите. Вам, конечно, виднее.

— На вас вся надежда.

Мисс Минг покраснела от удовольствия.

— Вы добьетесь того, что мне не под силу, — произнес Доктор вкрадчивым голосом.

Мисс Минг расцвела.

— Я могла бы встретиться с ним ненадолго. Пожалуй, это даже полезно. Может, преодолею страх перед ним. Буду спокойно спать.

— Я вам чрезвычайно признателен, — взволнованно сказал Доктор. — Мы можем отправиться прямо сейчас?

Немного поколебавшись, мисс Минг хлопнула его по руке.

— Ладно. Дайте мне пять минут. Я оденусь.

Доктор сложился в поклоне и вышел из комнаты.

Оставшись одна, мисс Минг погрузилась в приятное размышление. Что надеть? Задача оказалась нелегкой. Сначала (с горькими вздохами) были отвергнуты веселенькие наряды. («Опасно возбуждать сексуального маньяка»). Потом та же участь постигла и простенькие одежды. («Невзрачный, а все-таки кавалер»). Выбор пал на

цветистое кимоно, скрывающее излишнюю полноту. («Пикантно и достаточно целомудренно»).

Надев кимоно, мисс Минг обрела душевное равновесие и без опаски отправилась с Доктором в подземелье. Спускаясь по лестнице, она даже призналась:

— Почему-то стало легко на сердце. Почти радостно.

Однако, оказавшись в зверинце, мисс Минг быстро утратила самообладание. Она задрожала, как в лихорадке, и, чтобы справиться с охватившим ее волнением, стала расспрашивать Доктора о коллекции, не менее странной, чем первая, содержавшая тряпки и кости.

— Какой огромный у вас зверинец, — сказала мисс Минг. — Увидеть его целиком мне так и не довелось.

— Пополняется понемногу, — ответил Доктор Волоспион. — Провидцам не терпится побывать в будущем. Всякий желает узнать, что на Земле наступил Золотой Век согласно его рецепту мироустройства. Попав сюда, они разочаровываются и находят успокоение, лишь оказавшись в кругу таких же несостоявшихся мессий и пророков. Я делаю доброе дело.

— А это кто? — спросила мисс Минг, указав

рукой на вольер, за решеткой которого голосили, горестно причитали и рвали на себе и без того потрепанные одежды.

— Мученики. Обретают веру через страдание.

Вольер Огненного Шута — ярко освещенная клетка с песчаным полом — оказался в дальнем конце зверинца.

— Он отказался назвать удобную среду обитания, — шепнул Доктор Волоспион. — Я выбрал пустыню. Пророки любят уединяться.

Огненный Шут сидел на камне и увлеченно читал стихи собственного сочинения:

Под солнцем утренним опять взошли посевы.

Часы, что девы.

Здесь руки сильные и ловкие нужны.

Дни, что мужи.

А женщин ослепительные очи

Темнее ночи.

И потому единственный совет:

Да будет свет!

Но только жен капризных притязанья,

Что истязанье.

Но знаю, что терпение и труд

Все перетрут.

Упорство, чистота и вдохновенье…

Не успев срифмовать последнюю строчку, стихотворец заметил Доктора и мисс Минг. Огненный Шут подошел к решетке.

— Что это? Гвиневера явилась к своему Ланселоту, или Кундра пришла околдовать Парсифаля? Колдунья, ты заточила меня в темницу. Вели своему слуге выпустить меня на свободу, дабы я смог избавить тебя от ярма, парализующего твои духовные устремления.

— Вечно вы все извращаете, мистер Блюм, — ответила Мэвис Минг с вымученной улыбкой. — Вы же знаете: Доктор мне не слуга.

— Но этот оборотень и не хозяин тебе.

— Я не понимаю вас, мистер Блюм, — мисс Минг растерялась.

Огненный Шут прижался к решетке.

— Я немедля должен быть освобожден. Впереди много дел. Надо найти планету, где еще жива вера в великие идеалы, где еще сохранились…

— Простите, что прерываю вас, мистер Блюм, — вмешался Доктор Волоспион. — Я только хочу заметить, что выполнил вашу просьбу: вы хотели видеть мисс Минг, и она перед вами. Если вы

отдадите мне чашу…

Огненный Шут пришел в возбуждение.

— Я же объяснял, недоумок: тебе не удержать Грааль у себя. Рабом и Господином Грааля может быть лишь познавший абсолютную веру.

— Ваши возражения неубедительны, — спокойно ответил Доктор. — Вы можете ошибаться. Любая вера недолговечна. Она умирает, оставляя на память предметы культа.

— Эти предметы ничего не значат без веры.

— Для меня значат: я коллекционер. Хочу сравнить чаши.

— Ваша — подделка.

— Когда обе чаши окажутся у меня, я решу сам, которая из них настоящая. Не отрицайте, ваш Грааль в корабле.

— Иногда появляется, — беззаботно ответил Огненный Шут.

Доктор Волоспион побледнел, но надежды не потерял.

— Мисс Минг…

— Пожалуйста, мистер Блюм, отдайте Доктору Волоспиону Грааль, — сказала она, заглядывая в глаза Огненному Шуту и вкладывая в свой голос самую жалостную мольбу. — Он вас отпустит, вы только отдайте.

Огненный Шут усмехнулся.

— Я и сам могу открыть двери темницы, но я пообещал уйти только вместе с тобой.

— Пустое бахвальство, — Доктор Волоспион провел рукой по решетке. — Вам отсюда не выбраться.

Огненный Шут оставил реплику без внимания.

— О, Мэвис, — продолжил он, — ты роняешь свое достоинство, помогая этому негодяю, да и выбранный тобою тон поистине унизителен.

Мисс Минг отпрянула от решетки.

— Выходит, я унижаюсь? Ах, так! — ее голос дрожал от возмущения и обиды. — Все, с меня хватит! Я больше здесь не останусь. Даже ради вас, Доктор.

— Помолчи! — властно произнес Огненный Шут. — Вслушайся в свою душу. Она говорит моими словами.

— Мисс Минг! — Доктор ухватил ее за руку, воспрепятствовав бегству. — Дело следует довести до конца. Если я получу Грааль…

— Ты увидишь Грааль, прекрасная Мэвис, когда я спасу тебя! — воскликнул Огненный Шут. — Пойдем со мной, и тебе откроется Таинство.

— О, Боже! — простонала мисс Минг. Она едва стояла на подгибающихся ногах, стараясь не

смотреть ни на Доктора, ни на Огненного Шута. Оба внушали ей страх, да нет — настоящий ужас. — Я больше не могу! Я не вынесу!

— Мисс Минг! — Доктор впился в нее мрачным угрожающим взглядом. — Вы обещали помочь, — он сдавил ей руку.

— Приди ко мне! — не унимался Огненный Шут.

Мисс Минг попыталась освободиться — не удалось! Доктор держал ее мертвой хваткой. Отчаявшись, она пустила в ход ногти. Доктор вскрикнул и разжал руку. На его запястье проступила кровавая борозда. Мисс Минг на секунду остолбенела, а затем бросилась по проходу мимо клеток с провидцами и пророками. У двери она обернулась и сквозь слезы произнесла:

— Простите! Простите меня!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Мэвис Минг предоставляется возможность загладить свою вину

Когда мисс Минг пришла в чувство, она поняла, что лежит на кровати в своей веселенькой спальне. К своему немалому удивлению, она ощутила неожиданный прилив сил и ту удо-

влетворенность, что вселяется в человека после решения тяжкой, многотрудной задачи. Ни гнев Доктора, ни любовь Огненного Шута, казалось, не пугали ее, и она твердо решила, что более не позволит себе терзаться смутной тревогой и темными предчувствиями. Все! Доктор больше ей не указ.

— А что он может сделать со мной? — беззаботно сказала Мэвис, закатывая рукав кимоно.

Синяк заставил ее содрогнуться. Она сочла, что пострадала не меньше Доктора, но быстро утешилась, ибо была уверена, что мужчины любую царапину воспринимают как чуть ли не смертельную рану. Мисс Минг улыбнулась и предалась размышлениям.

— С чего бы это спокойствие? — прошептала она. — Может быть, потому, что с Доктором порвано? Я старалась помочь ему. На самом деле старалась. Да разве с двумя психами справишься? Пора менять место жительства. Мир не без добрых людей. Приютят.

Мисс Минг сбросила кимоно и пошла принять душ. Душ подействовал освежающе.

— Начну новую жизнь. Надо только подумать, к кому податься, — однако, по мере того как список кандидатов на роль возможного попечителя

сокращался, мисс Минг все чаще вздыхала, пока, наконец, не пришла в смятение: круг замкнулся, приведя снова к Доктору. Она накинула пеньюар и понуро побрела в спальню.

В дверь постучали.

— Мисс Минг? — послышался голос Доктора.

Мэвис вздрогнула.

— Вот и расплата, — прошептала она. — Ладно. Скажу, что переезжаю, а там видно будет, — мисс Минг поправила волосы. — Войдите.

На лице Доктора играла приветливая улыбка. Мэвис похолодела.

— Как себя чувствуете, мисс Минг? — участливо спросил Доктор.

— Совсем неплохо, прямо не ожидала.

— Примите мои извинения.

Мисс Минг смутилась. Она ожидала чего угодно, только не извинений. Выходит, Доктор тоже переживает. Она напрасно осудила его.

— Если бы знал, какой ужас внушает вам мистер Блюм, — продолжил Доктор Волоспион, — то ни за что бы не подверг вас такому тяжкому испытанию. Во всем случившемся виноват только я.

Мисс Минг окончательно успокоилась.

— Я прямо обезумела. Себя не помнила. Простите, я причинила вам боль.

— Ах, это… — Доктор небрежно махнул рукой. — Пустая царапина. Да и поделом.

Мисс Минг готова была замурлыкать, как кошка, трущаяся о ноги хозяина.

— Этот мистер Блюм действует мне на нервы. Ничего поделать с собой не могу. Я вам все дело испортила?

— Нет, нет. Успокойтесь.

— Вы с ним еще говорили?

— Недолго, да и впустую.

— Не отдает Грааль?

— К сожалению.

— Это я виновата. Мне бы немного терпения. А что теперь? Что теперь делать?

— Ума не приложу. Никак не могу найти способ добыть чашу без вашей помощи.

— Вы знаете, я старалась. Может, найдется выход из положения?

— Не стоит подвергать вас новому испытанию, — Доктор повернулся и направился к двери.

— Подождите! Может, я смогу вам помочь, не встречаясь с мистером Блюмом?

— Ничего толкового в голову не приходит. До свидания, мисс Минг.

— А как же Грааль?

Доктор остановился. Он немного подумал, наморщив лоб, а затем неуверенно произнес:

— Надежда только на вас. Вы могли бы сходить на корабль, забрать Грааль и принести его мне.

— Разве это возможно?

— Помните, мистер Блюм обещал показать вам чашу?

— Что-то вроде. Точно не помню. Я была так напугана.

— Так вот, он может, не покидая зверинца, управлять силовым полем машины. Если ему сказать, что вы хотите ознакомиться с кораблем, посмотреть на Грааль, то он не станет препятствовать.

— Вы думаете, я справлюсь?

— Не сомневаюсь. Вы окажете мне услугу, а сами обретете покой, ибо, получив чашу, я выпушу узника на свободу. Бесспорно, он покинет планету.

— Но он может вас заподозрить.

— Мистер Блюм ослеплен любовью.

— Значит, воровство?

— Ну, к чему такое неприятное слово? — запротестовал Доктор. — Лучше скажем: компенсация за причиненный ущерб. Вспомните о его бесчинствах.

— Лучше не вспоминать. Донни Стивенс, и тот вел себя гораздо приличнее.

— И все же, — мягко сказал Доктор Волоспион, — моя просьба довольно обременительна.

— Что вы! — ответила воодушевленно мисс Минг. — Разрешите, я попытаюсь. Сделаю, что смогу.

— Раз вы настаиваете… не возражаю. Когда вы принесете мне чашу, я воздам вам сторицею.

— С меня довольно сознания, что я помогла вам, — ответила Мэвис Минг, тайно подумав о Кольцах Власти. — А это не опасно?

— Нисколько. Мистер Блюм безумно влюблен. Он будет только рад, что вы отправитесь на корабль. Наверняка посчитает, что пробудил вашу душу. Конечно, если вас смущает необходимость его обманывать…

— Меня с ним ничто не связывает.

— Мне остается пожелать вам успеха. Сомнения в подлинности моей собственной чаши не дают мне покоя.

— Положитесь на Мэвис.

— Вы необычайно великодушны.

Мисс Минг зарделась от удовольствия.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой мисс Минг отправляется на поиски чудодейственной чаши

С трудом отыскав проход в ледяной стене (вокруг замка по странной прихоти Доктора неизменно стояли сумерки), мисс Минг осторожно, чтобы не порвать кимоно, пролезла в отверстие (пробитое мистером Блюмом после приглашения на обед) и, осторожно ступая по каменистой дороге, направилась к кораблю Огненного Шута, мерцающему призрачным светом, дрожа от страха и холода (под кимоно был один купальник-бикини: она оделась легко по совету предусмотрительного наставника, предупредившего, что в корабле наверняка будет жарко). Под ногами шуршали мелкие камни, и в мертвой сумеречной тиши этот шум был так громок, что у Мэвис от ужаса тряслись поджилки, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Раза два она останавливалась, убежденная, что ее сейчас поймают на месте преступления, но вокруг все было тихо. Мисс Минг просила Доктора пойти вместе с ней, но дальновидный наставник сослался на

сверхчувствительность Огненного Шута, который, заподозрив неладное, мог окружить корабль силовым полем.

Но вот и машина! Люк открыт, трап спущен. Мисс Минг в нерешительности остановилась. В овале люка стояла непроглядная темнота. Изнутри тянуло теплом. И не только. Мисс Минг показалось, что она чувствует запах — запах, исходящий от Огненного Шута. Если бы не уверенность, что он сидит в подземелье, она могла бы поклясться, что этот отвратительный психопат притаился в недрах машины и ждет, ждет…

Поднявшись по трапу, мисс Минг замерла от ужаса. Боже праведный! В черноте растворенного люка мелькали прерывистые миниатюрные огоньки. Бежать! Она обернулась. Перед ней предстал мрачный замок, в котором зловещим светом горело одно-единственное окно. Встреча с Доктором ничего хорошего не сулила. Будь что будет, посчитала она и шагнула к чернеющему отверстию. Шагнула и снова остановилась, решив почерпнуть уверенности из прочитанных в детстве книжек.

— Кто хозяин этого прелестного замка? — пролепетала мисс Минг дрожащим жалобным голосом. — Прекрасный принц или безжалост-

ный людоед?

Ответом послужила мертвая тишина.

Мисс Минг вздохнула и, содрогаясь всем телом, ступила внутрь. Впотьмах наткнулась на дверь. Та отворилась. Мисс Минг очутилась в небольшом помещении, залитом мягким спокойным светом, который, казалось, лился из скрытых от глаз проемов. Пол был устлан ковром, а на ковре как попало валялись коробки, свитки, книги, статуэтки, картины, которые, вероятно, упали при приземлении корабля, да так и остались неприбранными. Обнаружив царивший в помещении беспорядок (знакомое обыденное явление), мисс Минг чуть успокоилась. Она огляделась. Грааля не было видно, да и вряд ли эта святыня могла находиться чуть ли не у самого входа. Скорее всего, чаша в каюте, как и предполагал Доктор Волоспион.

А вот и внутренний трап. Лестница вела вверх. Преодолев крутые ступеньки, мисс Минг протиснулась в люк и попала в круглое помещение, залитое тем же мягким спокойным светом. Каюта! Здесь стояла кровать, рядом с ней — ночной столик, у стен шкафы, перед ними письменный стол, два стула, у стола маленький пульт с несколькими экранами, в углу сундук красного дерева с

серебряной и перламутровой инкрустацией. На стенах полки, а на свободных местах картины и фотографии, с которых глядели степенные задумчивые мужчины в костюмах разных эпох.

На полках Грааля не было. На глаза попался ночной столик, а на нем — поднос, который мог сойти за подставку для чаши. Но только поднос был пуст. Где же искать? Может быть, под кроватью? Впустую! Только книги и рукописи, покрытые пылью.

Мисс Минг занялась шкафами. В них оказалась одна одежда. Мэвис стала машинально перебирать костюмы Огненного Шута — одни строгие, другие просто смешные — и внезапно ощутила симпатию к странному человеку, который самым неожиданным образом вторгся в ее тихую монотонную жизнь, вызвав целую бурю давно забытых эмоций. И тут же стало не по себе: перебирает чужие вещи, роется, как воровка. Скорее найти Грааль и убраться. Что осталось? Сундук! С трудом откинула крышку. Напрасно: папирусные свитки, более ничего.

Осталось поискать в рубке. Надо только найти проход. Неожиданно послышался легкий шум. Кажется, снизу. Мисс Минг содрогнулась. Прислушалась. Тишина. И все же стоит проверить,

иначе страху не оберешься. Сердце так и колотится. И, словно отзываясь на это волнение, корабль слегка затрясся.

Мисс Минг протиснулась в люк, ступила на трап и стала осторожно спускаться. Внезапно корабль вздрогнул. Мисс Минг пошатнулась, но сумела поймать рукой поручень. И тут же едва не задохнулась от неимоверного ужаса, ибо корабль взревел, подскочил, снова затрясся и стал быстро набирать скорость. Водя перед собой бессмысленным мутным взором и едва переставляя дрожащие ноги, она повернула обратно — наверх, в каюту. Преодолевая растущие перегрузки, добралась до кровати. Легла. Постепенно перегрузки стали снижаться, исчезли вовсе, и мисс Минг поняла, что корабль в открытом космосе.

Немного придя в себя, Мэвис предалась размышлениям. Если не сообразить, как управлять системами корабля, то ей придется скитаться в космосе до конца дней. А если она и осилит эту премудрость, то попробуй найди обитаемую планету. Пожалуй, во всей Вселенной их осталось немного. Возможно даже, Земля вообще единственно уцелевшая.

— Ну, Мэвис, и влипла ты в историю, — прошептала мисс Минг и снова задумалась. Неужели это

дело рук Доктора? Решил отомстить за размолвку в зверинце? Взбесился из-за пустячной царапины? На него похоже. А она по глупости поверила его елейным речам. Сама сунула голову в петлю!

— Вот ублюдок. Все они негодяи. А сама круглая дура. Разве можно сочувствовать мужикам? Они только того и ждут, чтобы вить из тебя веревки.

Это меткое глубокомысленное суждение слегка успокоило. Мисс Минг огляделась по сторонам.

— А здесь ничего, — она улыбнулась. — Уютный уголок. Вроде детской, где играла ребенком. Даже дышится легче, чем в замке, — мисс Минг вспомнила подземелье, мрачные коридоры, хаос придворцовых построек и снова вздрогнула. — А возвратиться на Землю, вероятно, не так и сложно. Если мне захочется возвращаться. Что там есть, на Земле, кроме обмана, лицемерия и предательства?

Мисс Минг спустила ноги с кровати и снова огляделась по сторонам.

— Если подумать, это именно то, чего мне хотелось всю жизнь.

— Теперь ты поняла, что я путеводил тебя к истине? — раздался сверху голос Огненного Шута.

— Боже мой! — воскликнула Мэвис Минг, постигнув всю меру предательства коварного

Доктора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой доктор Волоспион принимает поздравления по случаю приобретения чудодейственной чаши

Миледи Шарлотина томно поднялась с ложа и накинула пеньюар, расцвеченный светло-вишневыми маками. Доктор Волоспион остался в постели. Он взял с ночного столика чашу и в который раз стал рассматривать загадочную непонятную надпись на внешней стенке серебряного сосуда, сделанную на древнем английском языке.

— Вы более не сомневаетесь в моих способностях, Шарлотина? — спросил Доктор с самодовольной улыбкой.

— Рада, что вы преуспели, — уклончиво ответила она, отведя глаза в сторону. Шарлотина прекрасно знала: Доктор хочет услышать, что затмил самого Лорда Джеггеда Канари, но она не стала кривить душой, решив отделаться обыденной похвалой. — Ваш план оказался хорош: сначала вы сажаете под замок свою подопечную,

а потом, используя ее как приманку, завлекаете в замок Огненного Шута, чтобы украсить им свой зверинец, но, узнав о Граале…

— Предлагаю мистеру Блюму уступить чашу мне, пообещав отпустить мисс Минг, которая якобы желает преклонить перед ним колена.

— Настоящий поединок величайшего циника с величайшим идеалистом.

— В котором циник взял верх.

— Иначе циник судить не может, — заметила Шарлотина. — А мне мистер Блюм нравился, хотя он и зануда.

— На пару с мисс Минг, — подхватил Доктор Волоспион. — Теперь мы избавились от обоих. Я решил эту задачу одним ударом.

Шарлотина зевнула и посмотрела в окно. Полнеба было затянуто исполинской тучей. Там и сям на черном фоне выделялись беловато-желтые завитки, придававшие туче особенно жуткий вид.

— Вам досталась чаша, Огненному Шуту — дама сердца, — рассеянно ответила Шарлотина, глядя в окно. Сплошной мрак. На небе ни звездочки. Может, уже все угасли. Она вздохнула.

— Жаль одно: я не догадался спросить у Огненного Шута о содержании надписи, — сказал Доктор Волоспион, крутя в руках чашу.

— Скорее всего, предостережение тем, кто захочет использовать чудотворные свойства чаши во зло. А, может, просто религиозное наставление. Вы коллекционер, Доктор. Вам лучше знать.

— Надписи такого рода похожи друг на друга, — ответил Доктор Волоспион, успевший облачиться в пурпурную мантию. — И, как правило, тривиальны.

— Да и сама чаша довольно непрезентабельна.

— Для верующих убогость — непременный атрибут святости.

Внезапно снаружи донесся шум. Шарлотина припала к окну.

— Кажется, экипаж Комиссара Бенгалии, он приземляется, — оповестила она. — Все верно: Абу Талеб. С ним По, Ли Пао и Сладкое Мускатное Око.

— Приехали полюбоваться Граалем, — лицо Доктора выразило довольство. — Пойдемте встречать гостей.

— Уникальная вещь! — воскликнул Абу Талеб, глядя на чашу из-под наехавшего на лоб тюрбана с павлиньими перьями. К своему огорчению, проницательный Доктор не услышал в голосе Комиссара ни благоговения, ни восторга. — Достойная награда тому, кто избавил всех нас от

смутьяна и варвара.

Шеф-повар поставил на стол принесенный с собой поднос.

— Результат многотрудных исследований, — кулинар вздохнул и снял с подноса салфетку. — Смею надеяться, угощение к месту. Оленина и морской язык в винном соусе. Как видите, кусочки образуют крест и копье, а соус символизирует кровь.

— Глубокий и тонкий замысел, основанный на исторических фактах, — похвалил Доктор Волоспион и обратился к китайцу, склонившемуся над чашей: — Ли Пао, на чаше какая-то надпись. Вы ее не осилите?

Китаец взял чашу в руки, глубокомысленно поджал губы, а затем, покачав головой, сокрушенно ответил:

— Ничем не могу помочь.

— Какая жалость, — из груди Доктора вырвался тяжкий вздох.

— А эта чаша как-нибудь плоявила себя? — поинтересовался Сладкое Мускатное Око. — Ведь она чудодейственная.

— Пока нет, — ответила Шарлотина.

— Может статься, она мне скоро наскучит, — с грустью в голосе сказал Доктор.

— А мне кажется, чаша еще проявит себя, — сказала с убежденностью Шарлотина. — Думаю, Доктор, вас ждет настоящее потрясение.

— Будем надеяться, — отозвался Доктор Волоспион.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой мисс Минг обретает второе рождение

Иммануил Блюм спустился в каюту прямо по воздуху. Оказалось, что в потолке находился люк, а за ним — корабельная рубка.

— Моя богиня! — воскликнул Огненный Шут, прижав руку к сердцу. Он успел смыть краску с лица и переодеться в костюм из черного бархата.

— Получили меня за чашу, — бесстрастно сказала мисс Минг. — Сговорились с Доктором. Какая я дура!

— В дураках остался Доктор Волоспион.

Огненный Шут улыбнулся, подошел к пульту и нажал на одну из клавиш. Каюта наполнилась красновато-золотым светом, который, казалось, лился из стен, с потолка и даже с пола, устланного ковром.

Мисс Минг поднялась с кровати и, запахнув кимоно, с раздражением ощутила, что бедра ее

широки, живот до неприличия толст, а груди обвисли.

— Послушайте, мистер Блюм, — сказала она, тяжело дыша. — Не выдумывайте, что хотите меня. Я — толстая, старая Мэвис. Некрасива, глупа, эгоистична. Зачем вам такая?

Огненный Шут нетерпеливо махнул рукой.

— Я смотрю на тебя глазами сердца и вижу, что ты прекрасна. Это тупоголовый Доктор Волоспион не видит дальше своего носа. Вообразил, что одним ударом убил двух зайцев, а на деле выпустил на волю орла и орлицу.

— Да взгляните же на меня!

— Я — Огненный Шут! Я — Блюм! Я живу столько, сколько существует человечество. Я играю с Пространством, жонглирую Временем, развлекаю Вселенную. Я высмеял Действительность, и она съежилась от стыда, чтобы возродиться очищенной от грязи и скверны. Я, не отводя глаз, смотрел в сердца звезд, стоял в недрах Солнца и видел, как рождаются фотоны. Я — Блюм, Светозарный Блюм, Блюм — Феникс, Блюм — Победитель Мрака. Я — Вечный Блюм. Неужели ты думаешь, что эти большие выпуклые глаза, бесстрашно смотревшие на светила, не могут с той же легкостью и прозорливостью познать

истинные стремления человеческой души? Ты ошибаешься, если так полагаешь. Я познал твою душу, а скоро и ты познаешь себя.

— Это похищение, — с трудом выговорила мисс Минг, — а похищение, что бы вы ни говорили, не что иное, как преступление.

Неуместное заключение не тронуло Огненного Шута.

— Среди всех обитателей этой опустошенной планеты ты одна из немногих, в ком сохранилась жизнь, — воодушевленно продолжил он. — Да, эта жизнь отягощена порабощением духа и угнетением разума. Да, ты боишься правды и бежишь от нее, как от потревоженного зверя. Но я пробужу твой дух, всколыхну разум и научу смотреть правде в глаза.

— Послушайте, вы не имеете права…

— Не имею права? Да я обладаю всеми правами, какие только существуют на свете. Я — Блюм, а ты — моя Невеста, Супруга, Королева, Богиня.

— О, Боже! Пожалуйста, отпустите меня. Прошу вас. Я ничего не способна вам дать. Я не могу вас понять и не смогу полюбить, — мисс Минг заплакала. — Я никогда никого не любила. Никого, кроме себя.

Огненный Шут подошел к ней прыгающей

походкой.

— Ты ошибаешься, Мэвис, — сказал он сочувственно. — Ты совсем не любишь себя. Иначе полюбила бы и меня.

— Ничего себе… — начала мисс Минг и запнулась. Все ее обычные словесные ухищрения, являвшиеся, казалось, проверенным средством привлечь внимание окружающих, равно как и надежным крепким щитом от невнимания, унижения и обид, неожиданно показались вульгарными, никчемными, неуместными.

Так и не подобрав нужных слов, она начала пятиться, отступать, пока спиной не уперлась в шкаф. Огненный Шут погладил ее по щеке, нежно и властно. Кровь отхлынула от лица Мэвис. Она зашаталась и ухватилась за стенку шкафа.

— Земля далеко позади, — сказал Огненный Шут. — На эту планету мы уже не вернемся. Она недостойна нас, — он немного помедлил и указал на кровать. — Раздевайся.

Мисс Минг стояла в полном изнеможении. О том, что ее ожидает, она больше не думала. Сопротивляться не было сил. Она взглянула на кровать, машинально кивнула, словно собираясь повиноваться, но ноги не слушались.

— Я обессилела, — призналась она, еле ворочая

языком.

Огненный Шут покачал головой.

— Без этого не обойтись, Мэвис. Иди.

И так непреклонно прозвучал его голос, что она шагнула вперед, собрав последние силы. У кровати остановилась. По одежде заскользили руки Огненного Шута. С плеч сползло кимоно. Хрупнула застежка на лифчике. Скользнув по бедрам, к ногам упали трусы. Мисс Минг сконфузилась, ощутив давно забытые чувства.

— Толстуха, — пробормотала она.

Словно издалека, донесся голос Огненного Шута:

— Тело ничего не значит. К тому же, ему совсем недолго оставаться таким.

Мисс Минг представила, как ее будут насиловать, и безучастно решила, что ничего не почувствует. Послушно, как ей сказали, легла на живот. Огненный Шут отошел, наверное, чтобы раздеться. Чуть подождав, она оглянулась через плечо. Нет, он по-прежнему был в одежде, но теперь держал в руках плеть. Мисс Минг до того обессилела, что даже не испугалась и, приняв плеть за атрибут сексуальной фантазии Огненного Шута, продолжала неподвижно лежать, исполнившись равнодушия и смирения.

— Сейчас я извергну из тебя кровь, а вместе с ней вселившихся в нее дьяволов, — сказал Огненный Шут, подымая плеть. — Как только это свершится, ты обретешь Второе Рождение, Свободу и Власть над Космосом.

Мисс Минг даже не шелохнулась. Возможно, она потеряла всякую способность соображать, но только слова Огненного Шута не показались ей сумасбродными.

Первый удар пришелся по ягодицам. У Мэвис перехватило дыхание. Она даже не вскрикнула. От следующего удара она содрогнулась, попыталась привстать, но Огненный Шут рукой, свободной от плети, вдавил ее обратно в постель. Удары посыпались один за другим. Мисс Минг уже не пыталась сопротивляться, она только стонала и дергалась от ударов, смутно надеясь, что невыносимому истязанию когда-нибудь наступит конец. Но нет, плеть с методичностью опускалась, терзая тело и превращая кожу в лохмотья. Не выдержав, Мэвис издала вопль, безудержно зарыдала и, захлебываясь слезами, стала умолять о пощаде. Удары не прекращались. Мисс Минг еле дышала, и лишь неимоверное жжение поддерживало в ней искры сознания.

Но вот пожиравший ее огонь стал медленно

униматься, уступая место умиротворяющему теплу. И когда тепло это разлилось по всем телу, Мэвис Минг вспыхнула слезами вдохновенного потрясения. Ей показалось, что она обрела новую душу. Об этом говорил голос сердца.

Мэвис села. Перед ней стоял Иммануил Блюм, прижимая руки к бокам и по-петушиному склонив голову. В его глазах светилась улыбка, которая грела и торопила, но потрясение Мэвис было столь велико, что она лишь вздохнула, не в силах шевельнуть языком. Тогда Иммануил Блюм робко коснулся ее лица и тихо сказал:

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — ответила Мэвис и снова заплакала.

Он помог ей подняться и поднес овальное зеркало. Мэвис ахнула: ее спина превратилась в кровавое месиво.

— Ты еще будешь так делать?

Иммануил Блюм покачал головой.

— Зачем ты так сделал? — спросила Мэвис, снова сев на кровать.

— Потому что люблю тебя. Потому что хотел, чтобы ты скорее познала себя. А для того требовалось одно: отделить зерна от плевел.

— Мне кажется, я заново родилась. На душе

радостно и светло. Это чувство не пропадет?

— Исчезнут следы побоев. Красоту души ты сохранишь на всю жизнь. Ты станешь моей женой?

— Да, — прошептала Мэвис.

— Ты сделала правильный выбор. Нет для женщины лучшей доли, чем быть супругой Иммануила Блюма, Благородного Воина, Владыки Вселенной. А ты, Мэвис, отныне моя Владычица, — он неловко упал на колени. — Ты не колеблешься? Подумай. Еще не поздно вернуться.

— Я остаюсь с тобой. Из-за меня тебе пришлось настрадаться, пойти на жертву: расстаться с Граалем.

Иммануил Блюм смутился.

— Отдать Грааль Доктору не в моей власти. Чтобы решить дело миром, мне пришлось расстаться с семейной реликвией, тоже чашей. Если когда-нибудь Доктор расшифрует надпись на ней, то узнает, что эту чашу вручили в 1980 году Леонарду Блюму на ежегодном конкурсе пекарей Уайтчепела, Лондон, за самую лучшую выпечку. Мой отец был превосходным хлебопеком. Я любил его и хранил эту чашу на протяжении многих лет. Она побывала со мной во всех моих странствиях.

— Выходит, ты одурачил Доктора, — Мэвис Минг улыбнулась.

— А он обманул меня, хитростью заманив в замок. Следовательно, мы квиты, а, главное, оба довольны. Не думаю, что ему удастся прочесть надпись. Пусть упивается собственной изобретательностью.

— А что теперь?

— Я ненадолго покину тебя. Пройду в рубку, сверю курс корабля. Перед твоими глазами предстанут останки Вселенной, а затем сквозь ядро ярчайшей звезды мы вырвемся на просторы иного Мира. Там мы найдем, кого вдохновлять, а если не встретим жизни, то создадим ее сами, ибо это тоже во власти Огненного Шута. Ага! Ты спрашивала про Грааль. Смотри! Он является и тебе!

Мэвис замерла: совершенно неожиданно каюта наполнилась мягким янтарным светом, который испускал луч, ворвавшийся в корабль, как казалось, извне, пробив корпус машины. Луч уперся в поднос на столике у кровати, а на подносе, словно по волшебству, выросла хрустальная чаша, полная алой влаги. Из чаши брызнули собственные лучи, и из этого радужного сияния полилась нежная музыка ритмических переливов, раздававшаяся без внешнего звука, но легко

и ясно воспринимаемая, ибо передавалась на струны сердца.

Мэвис Минг встала с кровати и опустилась на колени, с благоговением устремив взгляд на чашу. Рядом с Мэвис на колени опустился Иммануил Блюм.

— Теперь мы муж и жена перед Святым Граалем, — сказал он, взяв ее за руку. — В нем наше Будущее, в нем Надежда. Но если мы утратим Веру в Высокие Идеалы, в наше Предназначение, если опустимся до праздности и апатии, то Грааль нас покинет и больше никогда не явится Человечеству, ибо я — Последний Непорочный Рыцарь, а ты — Девственная Леди, расставшаяся с пороком и познавшая целомудрие. Только, думаю, этого не случится, и мы осуществим нашу Цель, познав Великие Таинства.

— Я не смогу… — начала Мэвис Минг, но, подняв голову и заглянув вглубь сосуда, тихо произнесла: — Хорошо.

— Посмотри, — сказал Иммануил Блюм, когда видение стало таять, — твои раны зажили.

Элрик на Краю Времени
Глава первая, в которой миссис Уна Персон отправляется на Край Времени

Вернувшись весной 1936 года из Китая в Лондон, миссис Уна Персон с сожалением обнаружила перемены в настроении своих друзей и знакомых. Когда она встречалась с ними в последний раз после короткого пребывания в Лондоне 1970 года, все они производили приятное впечатление преуспевающих, благополучных людей, а сейчас казались растерянными и неуверенными в себе, что лишний раз подтверждало иллюзию благополучия. Впрочем, как она со стыдом призналась себе, эти невеселые настроения даже устраивали ее, ибо укрепляли в ней чувство духовного превосходства над окружающими — превосходства уверенного в себе человека, родившегося в шестидесятые годы, в более поздние и прагматичные времена.

И все же, чувствуя озабоченность, Уна Персон сочла разумным отправиться в местную Службу Времени, где и была встречена сержантом

Альваресом, угрюмым человеком с окладистой бородой. Сержант выглядел утомленным. Оказалось, он только что вернулся из путешествия в прошлое, побывав в позднем девоне.

— В структуре пространства наблюдаются изменения, — хмуро сказал Альварес. Его пальцы заскользили по клавиатуре компьютера. — Мы потеряли над ней контроль.

— Мы никогда и не имели его, — Уна Персон села на стул, перекинув через его высокую спинку волосы, достала из сумочки сигарету и закурила. — Положение хуже обычного?

— Намного. — Альварес отхлебнул холодного кофе из помятой серебряной кружки. — В структуре пространства серьезные и непонятные искривления.

— А где Джерри?

— Он в подавленном состоянии. На него иногда находит. Не станем трогать его.

Уна Персон пожала плечами.

— Вот посмотрите, — Альварес нажал на клавишу, и на экране появилась картинка (для Уны Персон — китайская грамота). — Наибольшие искривления в зените и надире. Мне кажется, это по вашей части, миссис Персон.

Она встала со стула.

— Где зенит?

— На Краю Времени.

— Уже кое-что.

Миссис Персон открыла сумку и проверила, на месте ли банка с кофе, единственным, чего не было на Краю Времени.

— Прошу извинить меня, — сказал Альварес, облегченно вздохнув. Он был рад, что, не прилагая усилий, отыскал эксперта по времени и пространству, согласившегося отправиться в опасное путешествие.

— Все в порядке, — бодро ответила Уна Персон. — Нынешняя эпоха мне успела наскучить, да и на Краю Времени я давно не была.

— Кто-то должен туда отправиться, — философски сказал сержант.

— Там Хаос.

— Мне ли не знать об этом, — Альварес снова вздохнул.

Немного погодя миссис Уна Персон отправилась на Край Времени.

Глава вторая,

в которой Элрик Мелнибонэйский оказывается на Краю Времени

Элрик Мелнибонэйский сердито погрозил кулаком мерцавшим повсюду звездам, ибо все эти звезды — глаза тех, чьи души он дерзновенно похитил, дабы обрести новые силы, — похоже, смеялись над ним, злорадно перемигиваясь друг с другом. Элрик стоял над бездной, опираясь ногами на пустоту, стоял, казалось, в центре Вселенной.

Его черный меч Бурезов, вложенный в ножны, висевшие на перевязи, дергался и скулил, как нервная собака на поводке.

Элрик возвращался в Имррир, чтобы вернуть себе трон Светлой Империи Мелнибонэ, предательски захваченный кузеном Ииркуном. Он отправился в опасное путешествие на торговом судне филкхарианцев с острова Пурпурных городов, где гостил у графа Смиоргана Лысого. Плавание поначалу проходило благополучно, но в безымянных водах между полуостровом Вилмир и островом Мелнибонэ корабль подхватили волшебные ветры, которые сперва занесли его в Драконье море, а затем к Острову чародеев, называвшемуся так потому, что в недоброй памяти

времена на нем находилось обиталище Крана Лирета, коварного Похитителя Заклинаний, в конце концов поверженного своими противниками. Однако случилось так, что похищенные им заклинания достались Грродду Айбину Ину, шаману креттин, племени дикарей, мигрировавших на остров из Тихих земель. Заметив у острова торговый корабль, шаман решил захватить его, посчитав, по своему недомыслию, что у него хватит на это сил. Но его планам не суждено было сбыться. В завязавшемся кровопролитном сражении (в котором погибло немало филкхарианцев) дикари были наголову разбиты, а сам шаман отправился в преисподнюю. Элрик же и после сражения продолжал преследовать дикарей, пока они не рассеялись.

И вот теперь, оставшись один, он стоял, окруженный бездной, и кричал из последних сил, исторгая крики мысленными сигналами:

— Ариох! Ариох! Помоги мне!

Ни видения, ни слова в ответ. Князь Преисподней не слышал его.

— Ариох! Воздай должное моей преданности! Я утолил твою жажду кровью, честолюбие — душами.

Элрик не дышал. Его сердце остановилось. Он

еле шевелил членами.

— Ариох!

Снова никакого ответа. Вокруг одни звезды, мрачные и безжалостные.

Элрик готов был заплакать, но от леденящего холода слезы не скатывались, успевая превращаться в льдинки. Элрика охватил страх, какого он никогда не испытывал. Собрав последние силы, он дотянулся до рукояти меча и почувствовал встречное движение Бурезова. Рука наполнилась и отошла в сторону, держа меч, источавший черный огонь. Раздался воинственный клич Бурезова.

— У нас одна судьба, одни устремления, — прошептал Элрик обескровленными губами. — Отыщи для нас твердь, или мы найдем свой конец, не осуществив предначертанное.

Бурезов завертелся, как стрелка компаса, увлекая за собой руку Элрика. Он крутился, как собака в поисках следа, на мгновение замирал и снова приходил в возбуждение. Наконец послышался крик, исполненный радости. Бурезов отыскал нужное направление, а к какой тверди, к какой земле — большого значения не имело. Элрик воспрянул духом, как мореход с потерпевшего крушение корабля, заметивший среди, казалось,

безбрежных вод спасительный клочок суши.

— Бурезов, в путь! — снова прошептал Элрик.

Меч дернулся вперед, назад, вверх, вниз, словно сражаясь с невидимыми врагами. Казалось, отыскав направление, Бурезов устрашился лежащей впереди тверди, но только придя в движение, он уже не мог успокоиться и повлек Элрика за собой, прокладывая путь в темноте среди угрюмых холодных звезд.

Но вот звезды стали бледнеть, а темнота расступаться, и в разрывах появившихся облаков замелькала морская гладь, а за ней — когда облака рассеялись — внизу показались горы с заснеженными ущельями. Бурезов опустился, отыскав ровный участок. Элрик огляделся по сторонам. Кругом одни горы, над головой — огромное солнце. Но что это? Выше солнца, словно отражаясь в огромном зеркале, виднелась другая местность — пустыня с барханами там и сям и жалкой растительностью. Не поверив глазам, Элрик снова огляделся. Так и есть: вокруг горы, да впереди какой-то провал, а над головой — безжизненная пустыня. Он нагнулся и набрал в ладонь снега. На вид тот оказался самым обычным, но только не таял в руке.

— Это мир Хаоса, — прошептал Элрик. — Он

не подчиняется законам природы. — Его шепот подхватили и усилили скалы, отозвавшись зловещим эхом.

Бурезов молчал, словно выбившись из последних сил. Держа в руке меч и утопая по колено в снегу, Элрик направился к замеченному провалу. Время от времени он подымал глаза к небу: над головой была все та же пустыня. Внезапно Элрику показалось, что он передвигается по круглой поверхности миниатюрного мира и, если не остановится, то рано или поздно дойдет до пустыни, а оказавшись среди барханов, увидит горы над головой. Что же, если догадка верна, то предоставляется выбор: замерзнуть в снегу или умереть от жары в пустыне. Погрузившись в эти мрачные мысли, Элрик и не заметил, как дошел до провала.

Провал оказался неглубоким и узким. Его стены уходили вниз на пять футов, а расстояние между ними едва ли было намного больше. На грунте, между стенами, лежали золотые и серебряные панели, чередовавшиеся в шахматном порядке. На их блестящей поверхности отражались одновременно и заснеженные стены провала, и барханы пустыни. За провалом снова тянулись горы.

— Несомненно, здесь правит Хаос, — сквозь

зубы процедил Элрик и, немного поразмыслив, спрыгнул вниз, заметив на противоположной стене удобные выемки для подъема.

— Владыки Хаоса играют со мной, но я не сдамся и буду сопротивляться, пока рука держит меч, — продолжил Элрик Мелнибонэйский и направился к выемкам на стене, внезапно обретя силу духа.

Элрика остановило раскатистое рычание. Он обернулся. В проходе показался диковинный зверь с львиной гривой и семью глазами во лбу. Его лапы слегка разъезжались на скользких панелях, а каждый глаз смотрел в свою сторону, отыскивая пришельца, посмевшего вторгнуться в чужие владения. Но вот он припал к панелям, и все семь глаз вперились в Элрика, источая угрозу.

— Назад, выродок Хаоса! Перед тобой Элрик Мелнибонэйский. Назад!

Зверь щелкнул зубами, ударил по панели хвостом, покрытым, как у льва, клочковатой шерстью, затем приподнялся, ощерившись, но лапы его снова разъехались, и Элрик первым нанес удар, угодив мечом в морду страшилищу. Зверь отпрянул. Но оказалось, страшный удар не причинил ему никакого вреда, а лишь привел

в замешательство. Однако замешательство длилось недолго. Зверь упер задние лапы в стенку провала и, оттолкнувшись, прыгнул на Элрика. Не удержавшись на скользкой поверхности, Элрик грохнулся оземь.

Глава третья, в которой Уна Персон спасает от гибели незнакомца

Гигантский жук, чей панцирь переливался всеми цветами радуги, развернулся по ветру и полетел к видневшимся вдали скалистым горам, повинуясь команде своего пассажира. Восседавшая на насекомом Уна Персон довольно кивнула и снова перевела взгляд на прибор, укрепленный на запястье левой руки. С тех пор как вслед за возможностью путешествовать в прошлое путешествия в будущее стали столь же реальными, необходимость следить за возмущениями в структурах времени и пространства значительно возросла.

Уна Персон поймала непонятный сигнал. Размышляя, поджала губы. Еще раз сверившись с показаниями прибора, повернула жука на два градуса к юго-юго-востоку, прямо к горам. Она

уже давно поняла, что очутилась хотя и в обширном, но замкнутом изолированном пространстве, на территории Вертера, искателя Истины, романтика и поэта. Она вспомнила о пережитой им драме, когда он стал невольным участником представления, поставленного Миссис Кристией, Неистощимой Наложницей. С тех пор Уна Персон его не видела, и вряд ли Вертер помнил ее.

Но вот и горы. Теперь можно и рассмотреть творение Вертера. Так и есть, сфера — сфера, в центре которой ярко пылает солнце, освещая одной стороной безжизненную пустыню, а другой — мрачные горы с заснеженными ущельями. Картина вполне в духе Вертера, разочарованного в жизни страдальца. Миссис Персон вспомнила его упаднические стихи:

Мир пуст, безнравственен и хладен.
В нем путь поэта безотраден.
И лучшей участью поэта
Была и остается Лета.

Стихи ей не нравились, и она втайне считала Вертера наихудшим из всех бездарных поэтов, хотя и допускала, что его декадентские настроения в сочетании с интересной бледностью стихотворца могли найти себе почитателей в стародавние

времена. Но на Краю Времени, среди беспечных благодушных людей Вертер не находил понимания и потому писал стихи для себя, с мрачным довольством отдавая предпочтение эпитафиям для многочисленных усыпальниц, построенных на случай своей кончины, хотя и знал, что смерть ему не грозит.

Воспоминания о поэте прервал звук, похожий на рычание дикого зверя. Уна Персон взглянула вниз и увидела, как какое-то диковинное страшилище вот-вот вонзит зубы в горло лежащему на спине человеку, одетому в экзотические одежды.

— Кш-ш! Кш-ш! — что есть мочи закричала она и пошла на снижение.

Зверь оторвался от жертвы и поднял голову в легком недоумении. Однако, посчитав, что ему ничто не грозит, облизнулся и раскрыл пасть, обнажив чудовищные клыки. Но он просчитался. Прямо на него всем телом грохнулся жук, огласив воздух зычным трубным жужжанием. Зверь жалобно завизжал, кое-как выбрался из-под невесть откуда взявшегося чудовища, ошалело огляделся по сторонам и, поджав, как собака, хвост, бросился наутек, нелепо переваливаясь на скользкой поверхности и безумно вращая всеми семью глазами.

Тем временем незнакомец, сначала вставший на четвереньки, сумел подняться и, опершись о меч, застыл в гордом величии. Только теперь Уна Персон разглядела его как следует. Перед нею был альбинос. Об этом говорили белые волосы и красноватые глаза. Своеобразие незнакомцу придавали те же глаза, огромные и немного раскосые, и остроконечные уши. На нем были высокие сапоги, кожаная, по виду шотландская, юбка и голубоватая куртка, поверх которой был надет короткий зеленый плащ с серебряным нагрудником и разнообразными металлическими застежками.

— Пожалуйте в мой экипаж, — миссис Персон приветливо улыбнулась. — Я приземлилась, чтобы спасти вас.

Действительно, увидев попавшего в беду человека, добрейшая Уна Персон не могла не прийти на помощь, но теперь, рассмотрев спасенного и подивившись его наружности, она сочла, что ему, несомненно, найдется место в одном из зверинцев обитателей Края Времени.

— Шаармрааам торжиету квеллахм вьиарр, — ответил незнакомец на языке, на взгляд Уны Персон, имевшем отдаленное сходство с шотландским.

Она пожалела, что рядом нет Лорда Джеггеда или Вертера, у которых с собой были всегда переводческие пилюли, позволявшие понимать любой, даже самый архаичный язык. Впрочем, услышать странную речь больше не довелось. Выставив перед собой меч, незнакомец попятился, затем повернулся, ловко вскарабкался по стене и вскоре исчез за ближайшей скалой.

Уна Персон вздохнула и подала команду на взлет.

Глава четвертая, в которой Элрик Мелнибонэйский попадает в таинственную пещеру

— Сама Ксиомбарг, Королева Хаоса, прилетела ко мне, — шептал Элрик Мелнибонэйский, поспешно удаляясь от таинственного провала. — Пока она не угрожала мне смертью, с ней лучше не связываться, а на время стоит укрыться.

Он огляделся по сторонам. А вот и убежище. У подножия одной из ближайших скал зияло отверстие. Пещера! В пещере царил мягкий сумрак. Воздух и свет проникали не только через входное отверстие, но и в незаметные извне расщелины в потолке, сквозь них виднелись лоскуты синего

неба, и все-таки Элрику стало не по себе. Бурезов растратил энергию, приходится рассчитывать только на свои силы. Разве кого призовешь на помощь? Элрик помнил несколько заклинаний, с помощью одних можно было вызвать элементалей, с помощью других — Владык Хаоса, но элементалей в этом сумрачном мире не было и в помине, а Владыки Хаоса не станут помогать непрошеному пришельцу.

Элрик задумался: остаться на время в укрытии или углубиться в пещеру и попытаться найти другой выход? Поразмыслив, он двинулся в глубь пещеры. Дорога шла под уклон, сужалась. Перед узким аркообразным отверстием Элрик остановился. Тоннель! Стоит ли идти дальше? Он чувствовал: силы покидают его. Хотелось есть. Да разве кто накормит его? В этом странном загадочном мире ему довелось увидеть всего два живых существа — невесть откуда взявшееся страшилище и Владычицу Хаоса в таинственном экипаже.

Поколебавшись, Элрик углубился в тоннель. Казалось, его стены фосфоресцируют, освещая дорогу неясным холодным светом. Он поднял голову. Наверху стены смыкались. Элрик снова перевел взгляд на стены. Надо же! Выложенные из чистого кварца, они оказались прозрачны-

ми. Внезапно по другую сторону стен, словно по волшебству, стали возникать таинственные картины. Вот показалась корона, усыпанная алмазами, рядом с ней — скипетр. Стоило им исчезнуть, появилась шкатулка, полная драгоценностей, а как только крышка ее захлопнулась, взору Элрика предстало оружие вместе с боевыми доспехами.

Элрик ускорил шаг, стараясь не смотреть на причудливые видения. Не выдержал, взглянул на одну из стен. За ней стоял стол, уставленный яствами. Владыки Хаоса! Только их изощренные умы могли придумать столь тяжкое испытание. Элрик топнул ногой. Нет, он не сдастся, Владыкам Хаоса не осилить его! Он поднял меч и нанес удар по стене. Меч отскочил, не оставив даже малейшей выбоины, а вот стол исчез, словно его и не было. Элрик удовлетворенно кивнул, приосанился.

Неожиданно впереди послышались тихие мелодичные голоса.

— Би-ми, би-ми, — доносилось до Элрика. — Баа-ген, бааген…

Голоса завораживали, манили, притягивали, обещая, казалось, даровать покой и усладу.

— О боги! — воскликнул Элрик. — Новое иску-

шение! — он на секунду остановился, а затем, выставив вперед меч, ринулся по проходу с твердой решимостью разделаться с коварными искусителями.

Но впереди не было ни души, а голоса все манили, притягивали, стараясь заворожить. Элрик снова остановился, сверкнул глазами.

— Порождения Хаоса, вам не удастся лишить меня разума! Элрик Мелнибонэйский бывал и не в таких переделках!

Возвысив дух, Элрик двинулся дальше. В тоннеле стало светлеть, а значит, впереди другой выход. Элрик приободрился. И вот в глаза ему брызнул солнечный свет. Элрик остановился, и вовремя! Тоннель обрывался перед мрачной, казалось, бездонной пропастью. И только в нескольких футах от губительного обрыва, чуть выше него, высился одинокий утес, словно подъятый из бездны палец самого дьявола.

Элрик посмотрел вверх. В небе по-прежнему виднелась другая твердь, но только не безжизненная пустыня, а живописная благодатная местность. Он увидел зеленеющие холмы, светлые рощи, серебристую речку, на берегах которой мирно паслись коровы. Но эта земля была недоступной, недосягаемой.

Что делать? Элрик обернулся.

— Би-ми, би-ми, бааген, бааген, — снова послышались голоса, зазывая обратно в тоннель, в жуткий таинственный полумрак с призрачными видениями.

Элрик вздрогнул. Нет, он не вернется в тоннель. Он вложил меч в ножны, подошел к краю обрыва и, оттолкнувшись, взмыл в воздух, стараясь достичь вершины утеса.

Глава пятая, в которой Вертер де Гете знакомится с собратом по духу

Вертер де Гете с гордостью посмотрел на парящий рядом с аэрокаром огромный череп, стоивший ему немалых трудов, сопряженных с муками творчества и глубоким изучением наследия символизма.

— Поистине он огромен, дорогой Вертер, — сказала Миссис Кристия, Неистощимая Наложница, поворачивая кольцо власти, чтобы придать теням под глазами большую выразительность и непременную гармонию с красками дня.

— Этот череп символизирует неизбежную, неминуемую, неотвратимую ночь, — мрачно

пояснил Вертер.

— Не такой ли череп был у сэра Лью Грейди? — с глубокомысленным видом спросил Гэф Лошадь-в-Слезах, старавшийся напомнить при каждом удобном случае, что и он не чужд интеллектуальных занятий и даже соприкасается с прошлым, изучая легенды и мифы глубокой древности.

Пропустив мимо ушей нелепый вопрос, Вертер сдержанно заключил:

— А ночь — это смерть.

— Нам она не грозит, — вступил в разговор Герцог Квинский. — Вы же знаете, мы бессмертны.

Вертер уныло взглянул на Герцога и тяжко вздохнул.

— Что же, оставайтесь при своем заблуждении.

— Успокойся, Вертер! — мягко сказала Миссис Кристия, погладив его по длинным каштановым волосам. — У нас есть и другие удовольствия, кроме смерти.

— Жизнь без смерти бессмысленна.

Вряд ли кто из собеседников Вертера сумел оценить глубину этой мысли, но тем не менее, следуя неизменной привычке не отягощать себя излишними спорами, все слаженно закивали, а кое-кто и поддакнул.

Восприняв похвалу как должное, Вертер нажал рукой на борт воздушного экипажа, выполненного в виде гигантской рептилии, и чудовище изогнулось, уставившись своими глазами в пустые глазницы черепа. Удовлетворившись произведенным эффектом, он тихо продолжил:

— Череп символизирует не только смерть, но и несбывшиеся надежды, бесплодные вожделения.

— Вот-вот, — отозвался Епископ Тауэр. — То-то я смотрю, мои яблони перестали плодоносить.

Посчитав, что реплика неуместна, Миссис Кристия, претендующая на то, что лучше других понимает искания Вертера, ибо успела соприкоснуться с его высокими идеалами, поспешила вмешаться:

— Мне нравится этот череп. Такой миленький. Стоит взглянуть на него, и сразу же…

— Вы видите лишь внешнюю оболочку, — с довольством перебил Вертер. — Гораздо важнее его внутренний мир. Загляните в глазницы черепа, и вы ясно увидите, как в нем бурлят страсти, рождаются несбыточные мечты, произрастают пороки. Вглядитесь, и вы увидите, как все это средоточие человеческих слабостей застилается мраком, несущим смерть. Вглядитесь… — Вертер осекся, чуть не подпрыгнув от удивления: в

левой глазнице черепа появилась человеческая фигура.

— Что это? — спросил Герцог Квинский, как можно шире раскрыв глаза, чтобы лучше вглядеться. — Олицетворение пагубной страсти или несбывшихся ожиданий?

— Какое-то инородное тело, — промямлил Вертер.

И впрямь. Невесть как оказавшийся в черепе человек оттолкнулся от края глазницы и взмыл в воздух, широко расставив руки и ноги.

— Откуда он взялся в черепе? — растерянно произнес Вертер.

— Вероятно, решил получше ознакомиться с человеческими страстями, — предположила Миссис Кристия. — Слышите, он смеется. Наверное, получил удовольствие. — Она прислушалась: смех стал стихать, а затем постепенно усиливаться. — Он возвращается.

Вертер кивнул и повернул кольцо власти. Незнакомец грохнулся в экипаж, сверкая глазами и сменив смех на проклятия.

— Какой великолепный типаж! — воскликнул оживившийся Вертер. — Несомненно, выходец из романтической эпохи далекого прошлого. Посмотрите, у него меч.

Незнакомец поднялся на ноги, вытащил меч из ножен и, ошалело озираясь по сторонам, прорычал:

— Хишгигродиназ.

— Добрый день, — миролюбиво сказала Миссис Кристия. Она порылась в сумочке и достала переводческую пилюлю. — Проглотите, это совершенно безвредно.

— Якум, ум глаллио, — последовал высокомерный ответ.

— Ну, как хотите, — Миссис Кристия приветливо улыбнулась и тут же удивленно подняла брови, привлеченная громким жужжанием.

На этот раз уже из правой глазницы черепа вылетел исполинский жук, едва не врезавшись в Герцога, который теперь вглядывался в нее, надеясь отыскать в таинственных недрах хоть какое-то проявление неизведанной страсти, чтобы стать зачинателем новой моды, ибо дуэли со смертельным исходом, к его великому сожалению, так и не прижились, несмотря на великолепный бой, продемонстрированный им в поединке с Лордом Кархародоном.

— Миссис Персон! — удивленно воскликнул Герцог, сумевший уклониться от неприятного столкновения.

Уна Персон поравнялась с аэрокаром.

— Он при вас? — разочарованно спросил Вертер, кивнув в сторону незнакомца.

— Я с ним незнакома, хотя и оказала ему услугу.

— Похоже, он опасается нас, — сказала Миссис Кристия. Она все еще держала в ладони переводческую пилюлю.

— Мне довелось это заметить, — ответила Уна Персон. — Пусть проглотит пилюлю, а если откажется, то придется кому-то из нас…

— Можете рассчитывать на меня, — галантно произнес Герцог Квинский, поглаживая бородку, в которой золотистые волосы переплетались с зелеными.

— Может быть, лучше мне? — миссис Персон вопросительно посмотрела на Вертера. (Переводческие пилюли сочетали достоинство с недостатком, позволяя общаться на любом языке, но лишь на одном.)

— Полагаю, лучше каждому принять по пилюле, — предложил Вертер.

С ним согласились. Пилюли оказались у всех, кроме Уны Персон, которая воспользовалась любезностью Миссис Кристии. Оказалось, пилюли были приняты своевременно, ибо незнакомец

снова заговорил, на этот раз с холодным достоинством:

— Владыки Хаоса, я требую, чтобы вы освободили меня. Вы не можете удерживать смертного, не вступившего с вами в сделку, а я не пойду на нее ни на каких условиях, так и знайте.

— У вас разыгралась фантазия, — спокойно ответил Вертер. — На самом деле все несравненно проще. Вы ненароком попали в возведенный мной череп.

Незнакомец вытаращил глаза и замер в великом недоумении. Герцог Квинский счел нужным разрядить обстановку, блеснув тактом и куртуазностью.

— Позвольте, сэр, — сказал он дружеским голосом, — представить вам Миссис Кристию и миссис Персон. А это — Епископ Тауэр, Гэф Лошадь-в-Слезах и Вертер де Гете, владелец уникального черепа. А я — Герцог Квинский, ваш покорный слуга. Позвольте и нам узнать ваше имя, сэр.

— Вы должны знать меня, милорд Герцог, ибо я Элрик Мелнибонэйский, император по праву рождения, наследник Рубинового трона, повелитель Черного Меча.

— Как же, как же! — воскликнул Вертер, выру-

чив Герцога, после чего шепнул миссис Персон:
— Сколько величия! Какая благородная поза!

— Выходит, вы значительная персона, — вкрадчиво сказала Миссис Кристия, скромно взмахнув ресницами, которые она только что удлинила на добрых полдюйма. — Может, вы доставите мне удовольствие…

— Мне кажется, он хочет поскорее вернуться домой, — поспешно произнесла миссис Персон.

— Вернуться домой? — удивленно повторил Вертер. — Но это же невозможно. Не забывайте об эффекте Морфейла.

— Здесь другой случай. Если он не вернется в свою эпоху, искажения в структурах времени и пространства примут необратимый характер.

Мудреное пояснение без внимания не осталось. Все почтительно закивали.

— Отпустите меня в мое королевство, — подал голос Элрик Мелнибонэйский. — Мне надо выполнить свое высокое предназначение.

Вертер де Гете одарил его приветливым взглядом.

— Мы с вами собратья по духу, Элрик. Мною тоже движет высокое предназначение.

— Вряд ли ваше предназначение сравнимо с моим, — ответил Элрик Мелнибонэйский, хмуро

глядя на оставшийся позади экипажей череп.

— Может, и так, — воодушевленно продолжил Вертер, — но уверяю вас…

— Не пытайтесь втереться ко мне в доверие. Ни обольстить, ни напугать меня не удастся. Даже Владыки Тьмы не устрашили меня. Я, не дрогнув, взирал на ужасы, от которых у обычного человека стынет кровь в жилах и разжижается мозг.

— Вы многое повидали, — восхищенно заметил Вертер. — Но только жить без страха неинтересно.

— Я не понимаю вас, — сердито ответил Элрик. — Лучше скажите, зачем вы заманили меня сюда. Я из Молодых Королевств. Мое место там. Меня ждут великие свершения, славные подвиги.

— Он такой же зануда, как и большинство путешественников во времени, — шепнул Епископ Герцогу Квинскому. — Все они считают себя незаурядными личностями.

Миссис Персон думала по-другому. Она полагала, что высокомерная речь экзотического пришельца исходит из обыкновенного страха.

— На Краю Времени вам не причинят никакого вреда, — сказала она, участливо посмотрев на Элрика.

— Оставьте, мадам, при себе ваши сладкие речи, — гордо ответил Элрик. — Я узнал вас. Вы — Ксиомбарг, Королева Мечей, коварная искусительница.

— Уверяю вас, я такой же человек, как и вы.

— Как и я? Я вовсе не человек, хотя смертен, не отрицаю. Во мне древняя благородная кровь возжигателя жизни из Светлой Империи Мелнибонэ. Мне, правда, приходилось просить заступничества Владыки Вышнего Ада, но я не вступал с ним в сделку, и вы не смеете удерживать меня против воли.

— Уверяю вас… гм… Ваше величество, мы не желаем вам зла, и ваше присутствие здесь дело не наших рук. Кстати, я тоже не здешняя и перенеслась на Край Времени исключительно для того, чтобы помочь вам вернуться в свой мир.

— Так я вам и поверил! — воскликнул Элрик. — Не сомневаюсь, вы готовите мне страшную участь. Но я не сдамся. Где князь Ариох? Я хочу говорить с ним.

— Человека с таким именем на Краю Времени, по-моему, нет, — извиняющимся тоном сказала Миссис Кристия. — Может, среди путешественников во времени? — Она вопросительно посмотрела на Гэфа Лошадь-в-Слезах, который

знал всех.

— Среди них тоже нет, — безапелляционно ответил Гэф, всматриваясь в пришельца и придавая своим глазам с помощью кольца власти экзотическую раскосость.

Элрик вздрогнул и отвернулся.

— Мы все очень рады вам, — сказал Вертер, трогая Элрика за рукав. — А меня вы привели в настоящий восторг. Вы, как и я, меланхоличны и впечатлительны.

Элрик отпрянул, насупился.

— Что мы можем сделать для вас, чтобы вы чувствовали себя как дома? — спросила Миссис Кристия, придав своим волосам небесно-голубой цвет и не оставляя надежды пленить неприступного гордеца. — Может, вам что-нибудь нужно?

— Правда о том, что меня ожидает. Спокойствие духа. Тихое место, где я смог бы встретиться со своей возлюбленной, Киморил.

— А как выглядит Киморил? — поинтересовалась Миссис Кристия.

— Она самое прекрасное существо во Вселенной, — ответил Элрик.

— Такая характеристика слишком расплывчата. Вы можете представить себе Киморил? В наших увядающих городах сохранились устрой-

ства, способные воспроизвести любой образ, приняв и обработав сигналы мозга. В такой город мы можем отправиться хоть сейчас, и я буду счастлива принять облик вашей возлюбленной.

— Что? — вознегодовал Элрик Мелнибонэйский. — Вы хотите соблазнить меня двойником? Это отвратительно, низко! Лучше убейте меня, — он отвернулся. — Нам больше не о чем разговаривать.

— Вы обидели его, Миссис Кристия, — огорченно заметил Вертер. — Он очень чувствителен.

— Я хотела обласкать его, успокоить.

— Я не нуждаюсь в участии чародейки! — воскликнул Элрик.

— Право, вы как малый ребенок, — сказала Миссис Кристия.

— Поистине, я ребенок по сравнению с вами, — согласился Элрик Мелнибонэйский. Он тяжко вздохнул и уронил голову на грудь. — Но что за удовольствие походить на Владык Хаоса, чародеев?

— Мы как раз и хотели доставить вам удовольствие, — проникновенно сказал Вертер де Гете. — Скажите, чем вы занимались у себя дома?

— Чем занимался? Я сражался с колдунами

и демонами, монстрами и вампирами. Совсем недавно вместе со своими друзьями я одержал победу над дикарями, упивался звуками яростного сражения, стонами умирающих, победными кличами. Всю свою жизнь я борюсь с силами зла.

— Прекрасно! — воскликнул Вертер. — Вы внесли необходимую ясность. Уверен, мы сможем..

— Лорда Элрика необходимо как можно скорее вернуть в свой мир, — прервала Уна Персон. — Искажения в структурах времени и пространства чрезвычайно опасны. Если промедлить, он может навсегда остаться здесь, не выполнив своего высокого предназначения.

— Ерунда! — Вертер обнял Элрика за острые плечи. — Совершенно ясно, что у нас общие устремления. Им движут тот же мятежный дух, та же скорбь.

— Разве могут Владыки Хаоса знать об истинной скорби? — пробормотал Элрик. Его голова почти утонула в широком рукаве Вертера.

Миссис Персон пожала плечами.

— Я на время оставлю вас. Увидимся позднее.

Попрощавшись, она повернула на запад и полетела к замку Лорда Джеггеда Канари. Миссис Персон нуждалась в помощи и совете.

Глава шестая, в которой Элрик Мелнибонэйский рассуждает о происках владык хаоса

Оставленный на время в покое Элрик Мелнибонэйский погрузился в раздумье. Без сомнения, он в руках хитрых, вероломных и беспощадных врагов, которые, насмехаясь над ним в душе, пытаются уверить его в своих добрых намерениях, в то же время давая понять, что они сильны и могущественны, недаром они меняют свою наружность. Да, он попал в Царство Хаоса, в котором не действуют Законы Природы, а правит прихоть его обитателей. Они выдали себя с головой, став легко изъясняться на Высоком Наречии Мелнибонэ, разновидности языка, на котором говорят в Царстве Хаоса. Полагаться на их милосердие не приходится. Им по силам уничтожить его одним движением пальца. Что же делать? Обратиться за помощью к Владыкам Порядка? Но он не присягал им на верность, и они, несомненно, считают его врагом. Остается рассчитывать на себя да на Бурезова. Элрик взялся за рукоять меча, словно желая увериться, что меч, восстановив силы, уне-

сет его домой, в Светлую Империю Мелнибонэ, к прекрасной Киморил. Воспоминание о возлюбленной дало новое направление его мыслям, и тревога сменилась надеждой. Он представил себе Киморил…

Состояние сладостного покоя длилось недолго. Элрика окликнул Вертер де Гете, предложивший посмотреть вниз. Элрик машинально подошел к борту аэрокара.

Внизу, куда ни глянь, в клубах дыма и пламени шло беспощадное, жестокое, неистовое побоище. Одноглазые великаны, почти полностью обнаженные (латы на ногах, шлемы на голове — вот и все, что прикрывало их уродливые тела), вооруженные палашами, дубинами и секирами, сражались с неведомыми страшилищами, которые, хотя и орудовали только когтистыми лапами и зубами, теснили противника, оглашая воздух плотоядным урчанием. Повсюду лились потоки крови.

К Элрику подошла Миссис Кристия.

— Чего вы более всего жаждете? — спросила она.

— Войны и мира, ибо только в сражении я обретаю умиротворение и покой.

Епископ зааплодировал.

— Браво, Элрик! Вы стали говорить парадоксами, в нашей манере. Вы скоро сможете украсить любое общество.

Элрик снова взялся за рукоять меча, надеясь, что тот обрел силу и отзовется встречным движением, но нет — Бурезов даже не шелохнулся. Элрик тяжко вздохнул: в Царстве Хаоса бессилен и Бурезов.

— Вы, как видно, завзятый искатель приключений, — вступил в разговор Герцог Квинский, успевший сменить цвет бороды на черный и облачиться в новое одеяние. Теперь на голове у него красовалась шляпа с павлиньим пером, а костюм состоял из стеганого камзола алого цвета (как у записных дуэлянтов, чтобы при ранении не была видна кровь) и элегантных рейтуз с голубыми и белыми рюшами. — Я, знаете ли, тоже не чужд авантюр. Совсем недавно даже дрался на шпагах. Говорят, продемонстрировал подлинное искусство, — Герцог пристально взглянул на пришельца, чтобы насладиться произведенным эффектом, но, не обнаружив на его угрюмом лице даже слабого следа восхищения, смешался и сбивчиво произнес: — На вас прекрасный костюм.

— Ваш не хуже, — машинально ответил Элрик.

Герцог зарделся от удовольствия, но насладить-

ся похвалой искателя приключений ему не дал голос Вертера:

— Смотрите! Нас атакуют!

Элрик посмотрел вниз. Новые тревоги, новые недоумения! Страшилища и великаны делись невесть куда, зато прямо по воздуху плыли, стремительно приближаясь, странные корабли с огромными колесами по бортам и длинными трубами, из которых валил густой черный дым. На палубах кораблей толпились исполинские птицы с хищными крючковатыми клювами и сверкающими глазами. Каждая — в черной шляпе с изображением черепа и скрещенных под ним костей и с обнаженной саблей в длинной когтистой лапе. Когда первый корабль с птицами подошел совсем близко, одна из них важно выступила вперед и гаркнула во все горло:

— Приказываю лечь в дрейф, или мы выпустим вам кишки!

— Кто это? — удивился Епископ.

— Морские ястребы, — спокойно пояснил Вертер. — Весьма кровожадные существа.

— Неужели пираты? — ужаснулась Миссис Кристия.

Элрик пришел в смятение. Он не знал, что подумать: то ли эти морские ястребы и впрямь враги

Владык Хаоса, то ли их приспешники, прикинувшиеся врагами, чтобы схватить его, Элрика, и выпустить ему кишки. Однако его растерянность длилась недолго. Впереди бой, сражение, а значит, и родная стихия!

Глава седьмая, в которой Уна Персон разыскивает лорда Джеггеда Канари

Внизу, на высокой горе, показалась золоченая клетка замка Лорда Джеггеда Канари, освещенная тусклыми лучами блеклого солнца. Жук пошел на снижение, пронесся над маисовым полем и устремился к стоянке аэрокаров. Приземлившись, Уна Персон направилась по длинному пандусу ко входу во дворец. У дверей ее встретил робот.

— Лорд Джеггед у себя? — спросила миссис Персон с затаенным волнением.

— Господина нет в замке, — последовал бесстрастный ответ.

— А где он?

— Не знаю.

Уна Персон с сожалением поняла, что большего ей не добиться. Среди слуг Лорда Джеггеда не

было ни одного человека, а из роботов выжать лишнее слово было немыслимо.

Миссис Персон задумалась: если не вернуть Элрика в свой мир, изменения в структурах времени и пространства могут принять необратимый характер. Надо торопиться, а помочь может один Лорд Джеггед, как и она сама, член гильдии Путешественников во Времени. Но как разыскать его? Оставалось одно: вернуться в двадцатый век и в Лондоне с помощью Службы Времени попробовать найти неуловимого Лорда Джеггеда.

— Положение ухудшается, — угрюмо сказал Альварес, оторвавшись от экрана компьютера и озабоченно посмотрев на утомленную Уну Персон. — Возникла угроза пересечения различных пластов пространства и времени. Вы нашли место разрыва?

Миссис Персон кивнула.

— Нам может помочь только Джеггед.

Пальцы сержанта заскользили по клавиатуре компьютера. Потянулись минуты тревожного ожидания. Наконец Уна Персон услышала:

— Лорд Джеггед на Среднем Востоке, в тринадцатом веке.

Глава восьмая, в которой Элрик Мелнибонэйский обретает товарищей по оружию

Аэрокар Вертера облепили морские ястребы. Епископ Тауэр и Гэф Лошадь-в-Слезах исчезли невесть куда, и только Элрик Мелнибонэйский, Вертер и Герцог Квинский бились с исполинскими птицами, поражая их одну за другой, отчего вскоре аэрокар окутался целым облаком перьев, которые щекотали нос, лезли в уши и застилали глаза, но, несмотря на каверзные помехи, все трое теснили птиц, умножая с каждым ударом число летающих перьев.

Сражаясь плечом к плечу с Владыками Хаоса, Элрик, к своему немалому удивлению, ощутил, что более не страшится их, а, скорее, воспринимает как товарищей по оружию, хотя и дивился, что в руках у них оказались мечи, как братья-близнецы схожие с Бурезовом, а неизвестно откуда доносятся звуки величавой торжественной музыки, поистине колдовской.

Но вот неожиданно эту музыку заглушил пронзительный вопль. Кричала Миссис Кристия. Две

исполинские птицы несли ее к своему кораблю. И тут же все ястребы покинули поле боя.

— Мы должны спасти ее! — вскричал Вертер. — Корабли уходят. В погоню!

— Может, стоить вызвать подкрепление? — спросил Элрик, восхищаясь храбростью Вертера.

— У нас нет времени, — возразил Герцог Квинский.

Вертер подал команду аэрокару:

— За этими кораблями!

Аэрокар не сдвинулся с места.

— Эти птицы околдовали его, — растерянно сказал Вертер. — О, моя любовь, что станет с тобой?

Элрик снова встревожился. Может, над ним все-таки насмехаются? Возлюбленной оказывают особые знаки внимания, ухаживают за ней, а ничего похожего Элрик не наблюдал.

— Вы любите эту леди? — настороженно спросил он.

— Платонически, — со вздохом пояснил Вертер и обратился к Герцогу Квинскому: — Что делать? Эти ястребы растерзают ее.

— Жалкие негодяи! — прорычал в ответ Герцог.

И, словно отозвавшись на этот голос, не переставшая литься музыка сделалась тревожной

и устрашающей, словно предрекая несчастье.

— Да, это мир Хаоса, коварный и беспощадный, — прошептал Элрик.

Тем временем аэрокар неожиданно вздрогнул и пошел на посадку, приземлившись у небольшого помоста, полного музыкантов. У помоста паслись оседланные животные, схожие с лошадьми, но только горбатые и с рогами.

— Мы можем отправиться в погоню верхом, — предложил Герцог Квинский.

— Эти животные наверняка принадлежат музыкантам, — сказал Элрик Мелнибонэйский. — Надо им заплатить.

Вертер кивнул, достал из прилаженного к поясу кошеля горсть драгоценных камней и небрежно бросил их на помост, после чего подошел к одному из животных и ловко вскочил в седло. Увидев, что Элрик и Герцог тоже вскочили в седла, он выбросил руку в направлении исчезнувших кораблей и громко крикнул:

— В погоню!

Всадники поскакали, оставляя за спиной зеленеющие поля, дремучие леса, светлые перелески, порожистые реки, заснеженные долины. Они мокли под проливными дождями, дрожали от холода в снегопад, изнывали от нестерпимой жары

под палящими солнечными лучами, но остановились только тогда, когда дорогу им преградили горы, обрывавшиеся отвесными склонами, которые были такими гладкими, что походили на огромные зеркала.

Всадники посмотрели вверх: только через несколько сотен футов отвесные стены гор расщеплялись, образуя островерхие пики, покосившиеся вершины, покатые купола.

— Логово морских ястребов там! — мрачно вскликнул Вертер, указывая мечом на вершины гор. — Но как мы заберемся туда?

На гладкой поверхности отвесной стены отразились три растерянных оторопелых лица.

Первым пришел в себя Элрик Мелнибонэйский. Он поскакал вдоль горы и вскоре огласил воздух криком:

— Расщелина!

Вертер и Герцог Квинский подскакали к нему. Все спешились, осторожно вошли в расщелину. Слева в почти отвесной стене оказались выбоины, похожие на ступеньки.

— Мы можем подняться наверх по этим ступеням, — предложил Элрик.

— Может, это ловушка? — допустил Герцог Квинский.

— Что нам ловушка, если с нами мечи, — гордо возразил Элрик.

Вертер кивнул и первым начал подъем. За ним в гору полезли Элрик и Герцог Квинский. Каждый шаг давался с неимоверным трудом, ноги скользили, а поднявшийся ветер, проникая глубоко в легкие, холодил внутренности. Когда за спиной осталась половина пути, Элрик почувствовал, что силы покидают его. Мышцы ног дрожали, тело казалось неподъемным грузом. Он разозлился. Тело всего лишь придаток мозга. Оно должно делать то, что велит разум. Элрик полез дальше…

Но вот все трое добрались до вершины горы. Перед ними лежала усыпанная камнями площадка, а чуть вдали высился мрачный замок, уходя башнями в облака.

— Это цитадель морских ястребов, — угрюмо сообщил Вертер.

— Почему они напали на нас? — спросил Элрик. — Зачем похитили Миссис Кристию?

— Морские ястребы давно ненавидят нас, — пояснил Герцог Квинский и выжидательно посмотрел на Вертера, который добавил:

— Раньше этот мир принадлежал им.

— А до того здесь обитали яргтруны, — подхватил Герцог.

— Яргтруны? — Элрик нахмурился.

— А яргтруны овладели этой землей, победив бестелесных вампиров киа, — продолжил Вертер, — которые сами пришли сюда, вытеснив граштуксемов, что жили здесь в стародавние времена, когда царил Хаос.

— Вы насмехаетесь надо мной! — воскликнул Элрик Мелнибонэйский. — Разве сейчас мы не в Царстве Хаоса?

— Вы наш гость, и мы хотели доставить вам удовольствие… — начал Герцог, но Вертер прервал его:

— В этом мрачном замке томится Миссис Кристия, моя любовь. Ей угрожают смертью дьяволы и вампиры.

— Но нас атаковали морские ястребы, — недоуменно заметил Элрик.

— Вампиры и дьяволы многолики. Они могут принять любое обличье.

Элрик кивнул. Похоже, он был удовлетворен ответом.

— Но как нам проникнуть в замок? — задумчиво сказал Вертер.

— Дождемся ночи, — предложил Элрик. — Ночью нас не заметят.

— Великолепное предложение, — восхитился

Вертер.

Внезапно наступила кромешная темнота.

Глава девятая, в которой Уна Персон наконец встречается с лордом Джеггедом Канари

Разделенные поляной два рыцаря застыли друг перед другом, словно железные изваяния, возвышавшиеся на боевых седлах. Но вот раздался сигнал трубы, призывающий начать поединок, и оба рыцаря с быстротой молнии ринулись навстречу друг другу к середине арены. Зрители на трибуне затаили дыхание.

Чуть в стороне, под полосатым навесом, еще два человека наблюдали за поединком: Уна Персон в монашеском одеянии и Лорд Джеггед Канари в длинном камзоле, поверх которого была надета кольчуга.

— Я не могу сейчас покинуть тринадцатый век, — тихо сказал Лорд Джеггед. — Я начал исследование, весьма интересное для меня.

— Все ваши труды пойдут прахом, если не вернуть Элрика в свою эпоху, — возразила миссис Персон.

В это время рыцари сшиблись посередине аре-

ны, с силой громового удара попав копьями в центр щита соперника, и один из них вылетел из седла. Другой поворотил коня и направился к исходной позиции, к своему шатру.

— Это сэр Холгер, — объявил Лорд Джеггед. — Знаете ли, мой предок.

К истокам родословной Лорда Джеггеда, к его немалому огорчению, Уна Персон отнеслась равнодушно.

— Если оставить Элрика на Краю Времени, вы не узнаете свою эпоху, когда вернемся туда, — в сердцах сказала она.

— Вы серьезно?

— В структурах времени и пространства появились трещины, искажения, аномалии. Они скажутся повсеместно, и общество начнет деградировать. Люди потеряют свободу.

Лорд Джеггед протянул ей гранат.

— Попробуйте. Этих фруктов в Англии не найти. По крайней мере, в тринадцатом веке. А что касается свободы, то во все времена, когда люди разглагольствовали о ней, они прежде всего хотели, чтобы их уважали. Но разве власть предержащие уважают тех, кто безвластен? Поэтому те, кто говорят о свободе, еще и стремятся к власти.

— Лорд Джеггед, сейчас не время рассуждать о человеческих слабостях.

— А что еще делать на Среднем Востоке в тринадцатом веке? Только есть гранаты и философствовать.

— Вы должны вернуться на Край Времени.

Лорд Джеггед потер рукой подбородок.

— Вы слишком торопитесь, Уна. Обстоятельства появления Элрика на Краю Времени необычны. Надо во всем как следует разобраться.

— Если промедлим, разрушения в структурах времени и пространства примут необратимый характер.

Лорд Джеггед задумался.

Глава десятая, в которой Элрик Мелнибонэйский сражается с демонами и вампирами

Взошла луна, и Элрик Мелнибонэйский увидел, к своему великому удивлению, что мрачный замок — цитадель демонов и вампиров — изменил свои очертания. Теперь не башни, а островерхие шпили вздымались в небо, мерная таинственным серебристым светом. Окна замка тускло светились, изнутри доносились смех и нечлено-

раздельные голоса.

Вертер, Элрик и Герцог Квинский подкрались к замку и заглянули в одно из окон. Их глазам предстал большой зал, утопавший в мутно-красноватом свете нескольких факелов, укрепленных в железных скобах по стенам. В середине зала высился стол, уставленный яствами, а за столом восседали люди, все в одинаковом одеянии: черной шляпе с изображением черепа и скрещенных под ним костей, белой блузе, фисташковых панталонах и черных кожаных сапогах. Все сидевшие за столом, неразличимо похожие друг на друга, были бледны, как смерть, а их иссиня-черные брови и неестественно красные губы, вместо того чтобы придать лицу живость и выразительность, лишь подчеркивали его мертвенную, вселяющую страх бледность.

— Они празднуют победу, — тихо произнес Вертер. — Скоро опьянеют. Это нам на руку.

— Вы говорили, что Миссис Кристию похитили демоны вместе с вампирами, а в доме, похоже, люди, — недоуменно заметил Элрик.

— Демоны и вампиры могут принять любое обличье, — напомнил Вертер. — Пока они в зале, попробуем незаметно проникнуть в замок. Только тихо. Если нас схватят, мы все умрем страшной

смертью.

Он крадучись пошел вдоль стены. За ним — Элрик и Герцог Квинский. Внезапно Вертер остановился, приложил палец к губам. В пятне света, пробивавшегося из очередного окна, все увидели огромного великана. Он стоял неподвижно, как статуя, и чуть посвистывал носом, будто спал стоя. Великан был безоружен, но руки его были такими громадными, что, казалось, он раздавит любого одними пальцами и сотрет в порошок, как кусок песчаника.

Вертер, Элрик и Герцог Квинский двинулись дальше. Оказалось, все окна нижнего этажа, кроме самого первого, за которым шел пир, охраняются великанами.

— Стражи демонов, — пояснил Вертер.

— Мне кажется, они дремлют, — прошептал Элрик, — а этот, — он показал на ближайшего великана, — вроде и вовсе спит. Если вы не против, я попробую пролезть у него между ног и забраться в окно.

Вертер похлопал Элрика по спине.

— Смелый замысел!

Элрик пополз по каменной земле, не замеченный великаном, выбрался на подоконник, спрыгнул в какую-то комнату, обернулся и при-

зывно махнул рукой.

Незамеченным, между ног великана, удалось проползти и Герцогу Квинскому.

— Какое великолепное приключение, — прошептал он, очутившись в комнате рядом с Элриком.

Через минуту к ним присоединился Вертер де Гете. Комната была совершенно пуста.

— Пойдемте дальше, вон дверь! — предложил Элрик Мелнибонэйский.

За дверью оказался просторный зал с высоким куполообразным потолком. Вдоль левой стены тянулся помост, облицованный искусно пригнанными друг к другу каменными плитами, а на помосте располагалась галерея, огороженная стеной из обработанного камня с множеством изогнутых самым причудливым образом прорезей. С галереи вниз вела винтовая лестница.

Все остальное пространство зала было занято озерком, на поверхности которого качался миниатюрный кораблик, похожий на раковину, но только с мачтами черного дерева и золотистыми парусами из тончайшего шелка. В кораблике на дубовой скамье сидела Миссис Кристия. К ней чередой подплывали тритоны и нереиды с подносами, полными экзотических яств, но

она смотрела куда-то вдаль, словно пребывая в глубоком раздумье, и лишь изредка ленивым движением тянулась к одному из подносов, чтобы отправить в рот какую-то кроху.

— Ее околдовали, — тихо проговорил Элрик. — Не удивлюсь, если леди нам воспротивится, — он повернулся к Вертеру. — Вы знаете какое-нибудь заклинание против колдовских чар?

Вертер покачал головой.

Миссис Кристия неожиданно встрепенулась и притянула к себе оказавшуюся у кораблика нереиду.

— Приди ко мне, рыбка, — сказала она воркующим голосом.

— Миссис Кристия! — позвал Вертер де Гете.

— О! — пленница подняла голову и широко раскрыла глаза. — Наконец-то!

— Мы пришли спасти вас! — воскликнул Элрик.

— О, как я ждала тебя, самый восхитительный альбинос!

Элрик нахмурился.

— Мадам, в вас влюблен вовсе не я.

— Как? В меня кто-то влюблен? Кто же? Герцог Квинский?

— Тс-с! — предостерег Элрик. — Нас могут услы-

шать демоны.

— О, конечно, — простонала Миссис Кристия и повернула одно из Колец Власти, нанизанных на ее пальцы.

Озерко, кораблик, тритоны и нереиды тотчас исчезли, а на поднявшемся полу, выложенном из плит, появились шелковые подушки. Пленница опустилась на них и вопросительно посмотрела на Вертера.

— Эта леди настоящая чародейка! — воскликнул Элрик Мелнибонэйский. — Она могла спастись и сама.

— У нее ограниченные возможности, — пояснил Вертер, сердито взглянув на пленницу. — Демонов и вампиров ей не осилить.

Миссис Кристия кивнула и страдальчески застонала.

— Вы мистифицируете меня! — гневно продолжил Элрик. — Убедили, что нуждаетесь в моей помощи, а на самом деле…

— Нет-нет! — прервал Вертер. — Уверяю вас, Элрик, вы заблуждаетесь. Ваша помощь неоценима. Вы доставляете нам…

Голос Вертера потонул в страшном шуме. На галерею ворвались демоны и вампиры.

— Быстрей! — вскричал Герцог Квинский. Он

нагнулся, поднял Миссис Кристию и, взвалив ее на плечо, торопливо продолжил: — Их слишком много. Нам с ними не справиться.

— Бегите, Герцог! — воскликнул Элрик. — Спасайте Миссис Кристию. Мы их задержим.

Герцог Квинский с обнаженным мечом в руке и с пленницей на плече бросился вон из зала.

Вертер и Элрик вступили в неравный бой с неприятелем. Демоны и вампиры, вооруженные саблями, алебардами и ножами, бросились в наступление, яростно сверкая глазами, оглашая воздух криками и рычанием и распространяя зловоние — запах разлагавшейся плоти, который мог свалить с ног не хуже оружия. Вертер и Элрик медленно отступали, пока не уперлись спинами в стену, но когда гибель показалась неотвратимой, за спиной Вертера внезапно открылась дверь.

— Сюда! — позвал Вертер, и Элрик вместе с ним юркнул в проход.

За дверью нашелся засов, а на косяках оказались скобы. Заперев дверь под рев и вой обезумевших демонов и вампиров, Вертер и Элрик огляделись по сторонам. Они стояли на небольшой площадке, с которой вверх шли ступеньки узенькой крутой лестницы, терявшейся в тусклом свете свечей.

— Скорей наверх! — поспешно проговорил Вертер. — Дверь долго не выстоит. Демоны выломают ее.

Лестница привела в небольшую круглую комнату, залитую солнечным светом.

— Как, уже день? — удивился Элрик, вылезая из люка.

Вертер кивнул. Оба подбежали к окну.

— Здесь высоко, — сказал Элрик и вытаращил глаза: внизу, невдалеке от окна, стояла запряженная четверкой быков золоченая колесница, в которой сидели Миссис Кристия и Герцог Квинский.

— Откуда у них колесница? — удивленно спросил Элрик.

— Украли у демонов, — бесстрастно ответил Вертер.

Из люка донеслись глухие удары.

— Демоны пытаются взломать дверь, — сказал Вертер и огляделся по сторонам. — Крылья! — внезапно воскликнул он.

В углу комнаты высилась гора птичьих крыльев.

— Зачем нам крылья? — Элрик еще более удивился. — Люди не могут летать.

— Могут, с помощью заклинания, — важно от-

ветил Вертер и, выбрав из кучи крыльев подходящую пару, приставил ее к спине Элрика. Крылья приросли, как будто того и ждали. Оставалось прочесть заклинание. В голову, как назло, ничего не лезло. На лбу Вертера выступила испарина. Он уже начал изнемогать от непомерных усилий, когда заклинание сложилось само собой:

О крылья быстрые, скорей
Несите нас к любви моей!

— Вперед, в колесницу! — добавил Вертер, весьма довольный импровизацией. — Я следом.

Элрик в нерешительности затоптался на месте, но, заметив в люке голову демона, взобрался на подоконник и прыгнул вниз, распластав крылья. Он невредимым приземлился у колесницы, и Герцог Квинский помог ему залезть внутрь, усадив рядом с Миссис Кристией.

Через мгновение к беглецам присоединился и Вертер. Он снял с Элрика крылья, и тут же Герцог стегнул быков, и колесница понеслась прочь от замка, сопровождаемая дикими воплями демонов и вампиров, сгрудившихся в оконных проемах.

Миссис Кристия прижалась к Элрику.

— Вы такой смелый, мужественный. Без вас я

была бы уже мертва.

— Мадам, мы все трое спасали вас, — угрюмо ответил Элрик. Он отстранился, забился в угол, насупился.

— Быстрей! Быстрей! — вскричал Герцог Квинский, настегивая быков. — Нас преследуют.

Элрик обернулся. Коварные демоны! Теперь они превратились в облезлых крылатых котов с чудовищными клыками и огромными когтистыми лапами. Коты летели, задрав хвосты, омерзительно мяукая и грозно шипя. Но вот один из них настиг колесницу и, выпустив когти, пошел в атаку. Не тут-то было! Элрик обнажил меч и саданул по кошачьим лапам. Кот взвыл от боли, исчез, а колесница помчалась дальше по гладкой серебристой дороге, проложенной меж деревьями.

Стало смеркаться, но коты не прекращали погони, свирепо сверкая выпученными глазами в надвигавшейся темноте. Колесница помчалась еще быстрее. Теперь дорога шла через поле, освещенное бледными лучами луны, выплывавшей из-за горизонта на противоположном краю неба.

Но вот серебристый диск стал увеличиваться в размерах, а дорога пошла круто в гору, устремившись прямо к луне. Элрик снова обернулся. Коты

начали отставать. Их сверкающие глаза все более и более уменьшались в размерах, вот уже превратились в едва заметные огоньки и наконец вовсе исчезли. Зато луна становилась все больше и больше. Росла на глазах. Загораживала небо.

— На луну! — скомандовал Вертер. — Там мы окажемся в безопасности.

Герцог Квинский снова стегнул быков, и вскоре колесница покатилась по лунной поверхности. Преодолев несколько миль, быки подъехали к роскошному величественному дворцу из слоновой кости.

— Куда мы попали? — удивился Элрик. — Это все еще Царство Хаоса?

— Это часть нашего мира, — пояснил Герцог Квинский.

— Вам нравится этот дворец? — спросил Вертер.

— Он прекрасен, — ответил Элрик.

— Творчество Миссис Кристии.

— Как, этот дворец построили вы? — спросил Элрик, повернувшись к соседке. — Когда?

— Да только что.

Элрик нахмурился. Не вызывало сомнения, он все еще в Царстве Хаоса.

Между тем колесница пересекла мост, пере-

кинутый через ров, и въехала во внутренний дворик дворца, покрытый ковром полевых цветов. Элрика ввели в большой белый зал, залитый розовым светом.

— Вы голодны? — спросила у него Миссис Кристия.

Элрик кивнул, и тотчас посреди зала появился длинный стол, сервированный на четыре персоны и уставленный блюдами с мясом, рыбой, паштетами, овощами…

Наполнив свою тарелку, Элрик сначала с опаской попробовал кушанье, а затем принялся уплетать за обе щеки. Остальные к пище едва притронулись, да и то, пожалуй, из деликатности.

— Этот дворец легко превратить в замечательную гробницу, — задумчиво сказал Вертер, подняв глаза к высокому потолку. — Вы развиваете воображение, Миссис Кристия.

— Вы живете здесь, на луне? — спросил Элрик, разделавшись с куском мяса.

— Ах, нет, — ответила Миссис Кристия. — Эту луну, как и дворец, я сотворила по случаю.

— По случаю?

— Чтобы доставить вам удовольствие.

Элрик нахмурился.

— А что же демоны? Они только прикидывались демонами? Они на службе у вас?

— На службе? — повторила Миссис Кристия. — Вовсе нет, уверяю вас.

Элрик резким движением отодвинул тарелку.

— Все ясно. На самом деле в плену оказался я, — он поднялся из-за стола и стал нервно прохаживаться по залу. — Вы возвратите меня в мой мир?

— Мы бы рады помочь вам, — ответил Вертер, — но вернуться в прошлое невозможно.

— Ерунда. Я не раз покидал свое королевство и всякий раз возвращался обратно.

— Ни один человек не может вернуться в прошлое, — вступил в разговор Герцог Квинский. — Спросите об этом у Браннарта Морфейла.

— Он, как и вы, Повелитель Хаоса?

— Он один из наших друзей, ученый.

— Может, ему по силам вернуть меня в Мелнибонэ?

— Он не захочет, да и не сможет, — пояснила Миссис Кристия. — А разве здесь, у нас, вам не нравится?

— Разве может простому смертному нравиться то, что сегодня произошло? — возразил Элрик.

— Но вы выглядели довольным, — с некоторым

разочарованием в голосе сказал Герцог Квинский. — Не правда ли, Вертер?

— В самом деле, Элрик, на вас было приятно смотреть, особенно когда вы сражались с демонами.

— В отличие от других путешественников во времени, — подхватила Миссис Кристия, — вы находите удовольствие в авантюрах. Вы, как и Вертер, романтическая натура.

— Если я сумел помочь вам, — начал Элрик Мелнибонэйский, — то, конечно…

— Он не очень-то благодарен, — Миссис Кристия надула губы.

— Благодарю вас за ужин, — поспешил сказать Элрик, не поняв и половины того, о чем говорили Повелители Хаоса. — А сейчас мне хочется спать.

— Спать? — Миссис Кристия пришла в замешательство. — Ах, конечно. Вам нужна спальня?

— Если у вас найдется.

— Да сколько хотите, — Миссис Кристия дотронулась до одного из колец, и тут же одна из стен зала исчезла, открыв анфиладу комнат, в каждой из которых стояла кровать, не похожая ни на одну из других.

Получив еще одно подтверждение безграничности могущества Владык Хаоса, Элрик внут-

ренне содрогнулся, но, посчитав, что прежде чем вести разговор о своей дальнейшей судьбе, следует восстановить силы, он вежливо поклонился и, пожелав всем спокойной ночи, отправился в ближайшую спальную. Когда он покидал зал, ему показалось, что Вертер тихо сказал:

— Нам надо придумать для него что-нибудь более интересное.

Глава одиннадцатая, в которой Уна Персон наблюдает за возмущениями в структурах времени и пространства

Лорд Джеггед развернул ветхий рулон и углубился в изучение астрологических карт и таблиц, составленных в 1950 году известным и не менее гонимым при своей жизни астрологом.

Уна Персон замерла в ожидании. Она была довольна: ей все-таки удалось разыскать Лорда Джеггеда и вернуть его в Канари, на Край Времени, где разворачивались события, способные разрушить структуры времени и пространства.

Лорд Джеггед перевел взгляд на наручный компьютер.

— Вынужден признать, что недопонимал истинное положение дел, — мрачно проговорил он. — Прошу извинить меня. Пребывание в идиллическом прошлом привело к благодушию, — он снова посмотрел на компьютер. — В нашем распоряжении, в лучшем случае, несколько часов.

И словно в подтверждение этих слов, за окном замка раздался протяжный гул. Окружавший замок ландшафт стал распадаться, таять, рассеиваться, и всю округу залил золотистый свет, изливавшийся из, казалось, огромной, поперечником в несколько миль, трубы.

— Это разрыв, — угрюмо сказал Лорд Джеггед. — Редчайшая аномалия в структурах времени и пространства.

В снопе света стали вырисовываться очертания города: постройки с минаретами, шпилями, высокими башнями. Вскоре свет немного померк, но город остался виден. Он чуть покачивался вдали, над землей, подсвечиваемый снизу луной.

— К нам вклинился посторонний пласт времени и пространства, — со страхом в голосе произнесла Уна Персон.

Лорд Джеггед припал к телескопу. Оторвав глаза от прибора, он тяжко вздохнул.

— Этот город из состава Второй Империи Свето-

носцев, существовавшей на планетах Арктура в те великие времена, когда жизнь на Земле была в самом зародыше.

— Со стороны луны к городу движется какой-то летательный аппарат, — заметила миссис Персон. — Неужто нашлись безумны, замыслившие атаковать город из прошлого? Кто это может быть? — она вопросительно подняла брови.

— Взгляните сами, — Лорд Джеггед уступил ей место у телескопа.

Летательным аппаратом оказалась золоченая колесница, запряженная четверкой быков, а безумцами, замыслившими ужасную авантюру, — Герцог Квинский, Вертер и Элрик Мелнибонэйский, все в старинных доспехах и вооруженные до зубов.

— Что случится, если они нападут на город? — спросила Уна Персон, едва скрывая смятение.

— Мы не должны этого допустить. Если нарушится временная последовательность, катастрофы не избежать.

— Мы сумеем что-нибудь сделать?

— Должны.

Глава двенадцатая, в которой появляется Ариох

— Сдавайтесь! — крикнул Элрик Мелнибонэйский, угрожая мечом там и сям видневшимся горожанам, провожавшим кружившую над городом колесницу недоуменными взглядами.

— Вряд ли вас понимают, Элрик, — сказал Герцог Квинский и добавил, взглянув на Вертера: — Какое необыкновенное приключение! Надо же, целый город из прошлого!

Вертер вздохнул. Невесть откуда взявшийся город не только не был его творением, но и перечеркнул тяжкий труд, сопряженный с муками творчества, затраченный на разработку сюжета нового приключения Элрика. Когда город заметили, Вертер не проявил к нему интереса, но ему пришлось уступить, ибо Элрик воспарил духом, проявив воинственный пыл (возможно, посчитав, что подворачивается шанс спастись бегством), а Герцог его с воодушевлением поддержал, незамедлительно облачив всех в доспехи и набив колесницу всем знакомым ему оружием: мечами, шпагами, копьями, пиками, алебар-

дами.

Тем временем Элрик не унимался, не переставая кричать: «Сдавайтесь!» Ответом на этот клич послужил поднявшийся из города луч, выхвативший колесницу из сумерек и тут же померкший.

— Противник пустил в ход колдовское оружие! — тревожно воскликнул Элрик. — Друзья, пора и нам продемонстрировать силу.

Вертер послушно вытянул руку и испустил из пальцев голубой луч, срезавший на постройках несколько башен. Герцог еще более преуспел, пробив пучком разноцветных лучей в основании города небольшую дыру.

— Не сопротивляйтесь могуществу Владык Хаоса, — вскричал Элрик, почувствовав, как в нем взыграла кровь Мелнибонэ. — Сдавайтесь!

— Зачем вы призываете их сдаваться? — удивленно спросил Герцог.

— Этот город способен перемещаться в пространстве. Когда я стану его правителем, незамедлительно направлю его в Мелнибонэ.

Из города снова поднялся луч, но на этот раз он не дотянулся до колесницы и быстро померк.

— Сопротивление неприятеля сломлено! — радостно вскричал Элрик. — Ваши чары оказались сильнее. Давайте приземлимся и объявим себя

новыми правителями этого города.

Вертер снова вздохнул, но не стал перечить. Колесница приземлилась на самой большой площади города, заставив оказавшихся на ней горожан застыть в величайшем недоумении. Окинув взглядом толпу, Элрик торжественно возгласил:

— Нам пришлось захватить ваш город, ибо я должен вернуться домой, чтобы выполнить свое высокое предназначение. Если вы доставите меня в Мелнибонэ, я отпущу вас с миром, не причинив никому вреда.

Толпа безмолвствовала. Элрик нахмурился.

— Они не понимают Вышнего Наречия Мелнибонэ, — заключил он. — Попробую обратиться к ним на языке простого народа, — на этот раз его не понял никто, даже Вертер и Герцог.

Элрик взъярился и обнажил меч.

— Я — Элрик Мелнибонэйский, — грозно произнес он. — Вы должны подчиниться мне. Кто из вас говорит на Вышнем Наречии Мелнибонэ?

Из толпы отделился некто, облаченный в пурпурную мантию. Его энергичное лицо и пронзительный взгляд черных глаз свидетельствовали о властном характере.

— Я говорю на Вышнем Наречии Мелнибонэ.

— Вы правитель этого города?

— Если хотите, считайте меня правителем.

— Как вас зовут?

— У меня много имен, Элрик Мелнибонэйский. Ты должен знать меня, ибо я твой друг и твой господин.

— Выходит, меня все-таки обманули, — растерянно произнес Элрик, вкладывая меч в ножны. — Какой я глупец!

— Скажи, смертный, — продолжил незнакомец высокомерно, указывая пальцем на Вертера с Герцогом, — это те самые ренегаты, что помогали тебе?

— Ренегаты? — изумился Вертер.

— Вы помогали смертному, тем самым бросив вызов своим собратьям по Царству Хаоса.

— О каких братьях вы говорите? — удивленно спросил Герцог. — У меня вообще нет ни одного родственника.

— Молчи, несчастный! Помогая простому смертному, вы покусились на могущество Высших Владык.

Элрик расцвел в улыбке.

— Друзья! Выходит, вы мне действительно помогали.

— За это они будут наказаны, — сурово ответ-

ствовал незнакомец.

— Мы не причинили городу никакого вреда, — сказал Вертер.

— Какое вы имеете право нас осуждать? — поддержал его Герцог. — Кто вы такой?

Глаза незнакомца наполнились мириадами огоньков.

— Я — Ариох, князь Преисподней, ваш господин.

— Ариох! — Элрик обрадовался. — Я призывал тебя, но ты не ответил мне.

— Я был в другом Царстве. Но, вижу, пока отсутствовал, нашлись глупцы, которым взбрело в голову занять мое место.

— Не понимаю ровным счетом ничего, — обескураженно сказал Герцог Квинский. — Простите, но мне становится скучно.

— Замолчи, дерзкий раб! — Ариох вытянул руку, и Герцог застыл на месте, как изваяние. Живыми у него остались только глаза.

— Вы забываетесь, сэр… — с возмущением начал Вертер, но тут же умолк, превратившись, подобно Герцогу, в изваяние.

Расправа с друзьями Элрика не смутила.

— Лорд Ариох, — решительно сказал он. — Я утолил твою жажду кровью, а честолюбие — ду-

шами. Ты должен…

— Я ничего не должен тебе, Элрик Мелнибонэйский. Ты мой раб.

— Я вовсе не раб тебе. На службе у тебя, признаю. Но ты не можешь диктовать мне условия, ибо я обладаю силой, которой ты опасаешься. Это сила простого смертного.

Ариох усмехнулся, пожал плечами.

— Ты останешься в Царстве Хаоса навсегда. Твоя сила здесь тебе не поможет.

— Я нужен тебе не здесь, а в своем королевстве. Ты прекрасно знаешь об этом, лорд Ариох.

Князь Преисподней едва заметно кивнул.

— Ты прав, Элрик. Ты нужен мне в своем королевстве, ибо Повелители Хаоса не могут сами вмешиваться в дела смертных. Еще не пришло время, когда Порядок и Хаос могут договориться.

— Я буду верно служить тебе, Ариох.

— Так ли, Элрик?

Недоверчивость Ариоха привела Элрика в замешательство. Он, как и все его предки, всегда служили князю ада верой и правдой.

— Если ты вернешь меня в мое королевство, я буду и дальше служить тебе, будь уверен, — твердо проговорил он. — Порядок таких, как я, не прельщает.

Князь Преисподней молчал.

— Возврати меня в мое королевство, — повторил Элрик Мелнибонэйский. — Ты не пожалеешь об этом.

Ариох вздохнул.

— Большого желания не имею.

— Я требую, — храбро возгласил альбинос.

— Ого! — Ариох пришел в изумление. — Хорошо, смертный. Я вознагражу твое мужество и накажу за недопустимую дерзость. В награду ты окажешься на Острове чародеев, у берегов которого дрейфует корабль с твоими друзьями-филкхарианцами, а в наказание ты до конца своих дней будешь мучиться неразрешимой загадкой: были ли явью твои похождения в этом мире, ибо ясные картины случившегося с тобой станут являться тебе лишь во сне.

— Мне и так все случившееся со мной кажется наваждением. Я принимаю твои условия.

— Тогда отправляйся со мной, — сказал Ариох и, взяв Элрика за руку, поднялся с ним ввысь.

А поднявшись ввысь, полетели они сквозь призрачные миры и континуум хаоса. И летели, пока не опустились у огромной скалы в виде черепа с пустыми глазницами. А оказавшись у той скалы, ступили в одну из ее глазниц и очутились

в тоннеле с прозрачными стенами, за которыми возникали причудливые видения, а из жуткого полумрака неслись странные мелодичные голоса, которые манили, притягивали, стараясь заворожить. А когда вышли они из тоннеля, то попали в пустыню с диковинными растениями, увидев вместо неба над головой островерхие горы с заснеженными ущельями. И достал тогда Ариох из складок одежды жезл, излучавший жар, и протянул один его конец Элрику, а за другой взялся сам, прошептав несколько слов. И после слов этих ландшафт, окружавший Ариоха и Элрика, стал распадаться, рассеиваться, и оба они оказались на острове посреди бурного моря, а на острове том там и сям лежали трупы дикарей — креттин и филкхарианцев. Усмехнулся Ариох и исчез, оставив Элрика одного под разразившимся ливнем. И почувствовал тогда Элрик, как черный меч Бурезов всколыхнулся, зашевелился и что-то забормотал, снова наполнившись жизнью.

Глава тринадцатая,

в которой Уна Персон обретает спокойствие

Когда Вертер и Герцог Квинский пришли в себя, то увидели, что находятся в большой светлой комнате, уставленной архаическими приборами. У окна, разговаривая друг с другом, сидели Миссис Кристия и миссис Персон.

Уна Персон пребывала в отличном расположении духа. Город из прошлого, неожиданно появившийся на Краю Времени, благополучно вернулся в свою эпоху, а его жители так и не поняли, что с ними произошло. Без особых хлопот удалось вызволить из беды и двух незадачливых искателей приключений — Вертера и Герцога Квинского.

— Что за странная личность оказалась в том городе? — спросил Герцог Квинский. — Этот человек поступил с нами неделикатно.

— Глубоко сочувствую вам, хотя и не разделяю вашего недовольства, — ответила Уна Персон. — Та странная личность, о которой вы говорите, помогла вам выпутаться из нелегкого положения.

— Может, тем человеком был Джеггед, — предположила Миссис Кристия. — Ведь мы сейчас в

его замке. Кстати, где он сам?

— Кто знает? — ответила Уна Персон. — Лорд Джеггед таинствен. А в его замке мы не случайно. Город из прошлого появился вблизи и, оказав помощь Вертеру с Герцогом, я привезла их сюда.

— Не берусь оценить угрожавшую нам опасность, — беззаботно проговорил Герцог Квинский, — но, по мне, наше последнее приключение было на удивление увлекательным.

— Не столько увлекательным, сколько необычным, — поправил Вертер.

Неожиданно в комнату вошел Лорд Джеггед.

— Прошу извинить меня, — сказал он, изысканно поклонившись. — Не знал, что у меня гости.

— Нас привезла сюда миссис Персон, — ответил за всех Герцог Квинский. — Мы с Вертером ей весьма благодарны: она помогла нам выпутаться из небольшой переделки. Прошу прощения, что мы явились без приглашения.

— Я всегда рад гостям, — сказал Лорд Джеггед, постаравшись придать лицу приветливое выражение. — Может быть, вы осмотрите мою новую коллекцию?

— С вашего позволения, как-нибудь в другой раз, — ответил Герцог. — Сейчас мне пора домой.

— Мне тоже, — поддержал его Вертер.

— И мне, — сказала Миссис Кристия, подымаясь со стула.

— Раз так, не смею задерживать вас, — Лорд Джеггед развел руками. — До встречи.

Развезти друзей по домам взялся Вертер, быстро соорудивший с помощью Кольца Власти аэрокар в виде костлявой женской фигуры с косой в руке.

— Эта фигура символизирует смерть, — мрачно пояснил он.

Остается добавить, что, когда спустя несколько дней Вертер навестил своего друга Монгрова, он с удивлением обнаружил, что все еще разговаривает на Высоком Наречии Мелнибонэ, а подивившись этому обстоятельству, не мог уяснить себе, каким образом Лорду Джеггеду удалось понимать его и Герцога Квинского. Однако Вертер не стал долго мучиться этой мыслью и вскоре забыл о ней.

Глава четырнадцатая, в которой Элрик отправляется в Мелнибонэ

Элрика привели в чувство холодные струи дождя. Он огляделся. Весь морской берег был усеян расчлененными трупами. Недалеко от берега

стоял на якоре корабль филкхарианцев.

Элрик возликовал. Теперь он вернется в Светлую Империю Мелнибонэ, возвратит себе Рубиновый трон, предательски захваченный кузеном Ииркуном, увидится со своей возлюбленной Киморил.

Выходит, Ариох и на этот раз не оставил его в беде. Креттины во главе с коварным шаманом повержены, а он, Элрик, остался жив. Но как помог ему Ариох, при каких обстоятельствах, Элрик так и не вспомнил, как ни напрягал память. Однако он не расстроился. Впереди новые битвы, новые приключения, и, значит, он еще не раз увидится с Ариохом. Придя к этой мысли, Элрик вздохнул полной грудью и пошел по мелководью вброд к кораблю.

Глава пятнадцатая, в которой сержант Альварес подводит итоги

Вернувшись в Лондон, миссис Персон незамедлительно отправилась в Службу Времени. Ее встретил сержант Альварес. Он был не один. Рядом с ним, раскуривая трубку, сидел Лорд Джеггед.

— Структуры времени и пространства стабильны как никогда, — довольно сказал Альварес. — Разрыв полностью затянулся. Весьма благодарен вам, миссис Персон.

Уна Персон протестующе замахала рукой.

— Моей заслуги здесь нет. Мы всем обязаны Лорду Джеггеду, — она перевела взгляд на курильщика, успевшего окутаться голубоватым дымком. — Ваш маскарад на удивление удался. Но как вам удалось войти в образ? Элрик ни на секунду не усомнился, что говорит с князем Ада.

Лорд Джеггед придал лицу удивленное выражение.

— Я полагала, что вы сыграли роль Ариоха, — немного растерявшись, добавила миссис Персон.

Лорд Джеггед загадочно улыбнулся и запыхтел трубкой.